

А. В. ГУДЗЬ-МАРКОВ

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

Москва
1997

СГ-121-126.

УДК 94
ББК 07.02

А.В. Гудзь-Марков

История славян

СБОРНИК ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРИЯ

631360

Москва
1997

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРИЯ

ББК 63.3(0)
Г 93
УДК 93/99

Гудзь-Марков А.В.

История славян. М. 1997 — 488 с.

В трех книгах рассматривается история славянских народов континента с древнейших времен до эпохи раннего средневековья. В книгах представлены уникальные карты славянских земель V — XIII веков нашей эры.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей славян и всей индоевропейской общности континента.

ББК 63.3(0)

Научное издание

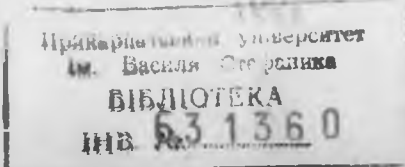
Гудзь-Марков Алексей Викторович

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

ЛР № 064685 от 01.08.96 Подписано в печать 28.05.97
Формат 60x84 1/8 Печать офсетная Бумага офсетная № 1
Гарнитура "Таймс" Печ. л. 61,0 Заказ 1799 Тираж 3000

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

ISBN 5-256-01254-1

© Гудзь-Марков А. В., 1997

Предисловие

Мир славян — это океан познания, включающий языки, культуры, антропологию, географию и, конечно, историю. В настоящее время многое от нас заслонено различиями государственными, конфессиональными, военно-политическими, разделяющими отдельные группы славян. В результате за частным мы не видим целого и не воспринимаем славянство как единый мощный и высоко культурный народ. Однако может случиться так, что славянам в целях защиты собственных интересов в III тысячелетии придется вспомнить о былой общности и, сплотившись, сообща противостоять весьма энергичным соседям. К сожалению, с каждым днем подобная перспектива обретает материальные черты.

Общеславянское единство прошлого от широкого круга читателей скрыто малодоступностью и раздробленностью материалов. А данный вопрос требует специального и весьма серьезного рассмотрения. Во многом решению этой задачи и посвящены настоящие книги.

Однако следует иметь в виду и то, что изучение древнейшей славянской истории немисливо без рассмотрения всей индоевропейской предыстории континента Евразия, ибо славянство являет собой лишь ствол в громадной кроне единого древа индоевропейцев. И тут я позволю себе обратить внимание читателей на свою первую книгу, вышедшую в 1995 г., "Индоевропейская история Евразии. Происхождение славянского мира".

Мир славян в II — I тыс. до н. э. являл собой целостный организм, прошедший богатый событиями путь самобытного развития. В I тыс. н.э. мир славян резко расширил собственные границы и начался процесс культурного, языкового и политического обособления отдельных групп славянских народов. Мы же достаточно предметно знакомы с историей славянских народов начиная со второй половины I тыс. н. э.

В настоящее время мы имеем огромное количество данных о славянах, собранных археологами. Кроме того, изданы труды множества латинских, греческих и арабо-персидских авторов, повествующих о славянах I тыс. н. э. К указанным материалам следует присовокупить информацию, содержащуюся в топонимике, в народных преданиях, обычаях, песнях, в языческих верованиях, в графическом материале, сохраненном камнями, керамикой, металлом. Немало о древнейшей истории славян можно

почерпнуть из "Повести временных лет", из чешской хроники Козьмы Пражского, из польской хроники Галла Анонима. Совокупность указанных данных позволит увидеть историю славян издревле достаточно целостно и глубоко.

Особо упомяну о картах славянских земель V — XIII вв., приведенных в первой и третьей книгах. Данные, на основе которых автор составлял карты, имеют несколько источников. О многих городах, селах, погостах, урочищах, волоках, камнях, о линиях обороны и речных и сухопутных дорогах раннего средневековья Центральной и Восточной Европы повествуют летописи, хроники, уставные грамоты, договора, надписи на камнях и на иных предметах. О многих горах, курганах, рощах, островах хранят память народные предания.

Вторым и едва ли не основным источником, помогшим в составлении карт, стала археология. Следует объяснить, что наличие на карте того или иного села или деревни не всегда означает то, что данное поселение славян существовало в V — XIII вв. Но почти обязательно около данного поселения находится курганный некрополь, содержащий от одной до нескольких десятков, сотен или тысяч насыпей, скрывающих славянские погребения V — XIII вв. Вблизи курганного некрополя славян почти всегда располагалось славянское городище или селище или целый куст селищ. Таким образом, указанные на карте топонимы ориентируют читателя на местоположение славянского курганного некрополя и окружающих его поселений, не обязательно находившихся на месте современного села, но располагавшихся неподалеку от него. Как правило, курганный некрополь, отмеченный указанным на карте топонимом, ориентирует нас на центр славянской общины, населявшей данный район.

Третий источник информации, послуживший основой для составления карт, — это современные географические карты. Как пример можно привести следующее откровение географии. На карте мы видим, как сходятся верховья двух рек. Одна из рек называется Волошня. На нешироком, полном болот, озер и речных проток водоразделе стоят одна, две или более деревень с названиями Волоч или Волочек. Тут же расположены селения с названиями Городище и Торжок. Перед нами древний славянский волоч, местоположение которого отмечено географической картой. По сути карта — это зашифрованная в топонимах и гидронимах лето-

пись не только земли, но и истории народа, эту землю населяющего. Чтение карты сродни чтению древнего текста. Это серьезный труд, но он почти всегда вознаграждается открытием, пусть и небольшим.

Люди, трудившиеся на ниве древней индоевропейской и славянской истории, составляют плеяду блестящих и самоотверженных исследователей. Перечисление их имен, хотя далеко не в полной мере, а это едва ли возможно, отражено в приведенной библиографии. Упомяну современников, возглавлявших направления в развитии истории и археологии. Генеральным источником в исследовании индоевропейской истории Евразии и истории славян являются 20 томов "Археологии", вышедшей под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Следует упомянуть три тома "Археологии Украины", вышедшей под редакцией И. И. Артеменко. "Археология Западной Европы" освещена А. Л. Монгайтом. Об археологии Средней и Передней Азии мы узнаем из трудов В. И. Сариниди и В. М. Массона.

Завершая предисловие, замечу, что историю славян необходимо рассматривать, во-первых, в совокупности различных научных дисциплин — от археологии и лингвистики до исследования текстов и топонимики, а во-вторых, следует рассматривать историю всех отдельных славянских союзов и славянских государств от юга Балкан до Балтики и Белого моря.

В первой книге настоящего собрания повествуется об истории западных и южных славян. Кроме того, невозможно уяснить многие события славянской истории, не зная истории окружавших славян народов и государств. Этому вопросу уделено немало глав. Вторая книга посвящена истории восточных славян и истории, объединившей их под единой государственной десницей домонгольской Руси. В третьей книге описываются одиннадцать древнерусских провинций — от Галича и Белгорода-Днестровского на юго-западе до новгородского Заволочья на северо-востоке.

Введение

Перед тем как мы перейдем к изучению мира славян, необходимо коснуться, пусть очень кратко, истории индоевропейских народов Евразии последних десяти тысячелетий.

Ряд закономерностей и процесс ветвления множества этнических и культурных стволов и отдельных веточек есть цель и средство раскрытия индоевропейской истории Евразии, целостная картина которой рисует путь развития не только славянской общности, но и всего западного крыла индоевропейского мира (германцы, кельты, латины, этруски, иллирийцы, эллины, фракийцы, балты) и восточного арийского крыла индоевропейцев (хетты, индоарии, иранцы, тохары).

Начальной точкой отсчета в решении поставленной задачи следует считать эпоху завершения четвертого великого оледенения планеты. Длится четвертое оледенение северной части Евразии около ста тысяч лет. Каждое из трех предшествующих оледенений планеты также длилось около ста тысяч лет, а промежутки между четырьмя оледенениями заняли в среднем по сто тысяч лет. Окончание четвертого оледенения относят на XI — IX тыс. до н. э., когда на континенте Евразия сложились уникальные природно-климатические условия, позволившие развиваться цивилизации, участниками жизнедеятельности которой мы являемся.

Путь развития индоевропейского мира континента Евразия складывался непросто. Множество китаклизмов природного характера, столкновения с иными, не индоевропейскими, народами, взаимные конфликты на протяжении последних десяти тысячелетий кроили ту карту расселения индоевропейских народов Евразии, которую мы можем созерцать ныне.

Для понимания реальной картины индоевропейской истории мы должны располагать знаниями об истории не только народов, но и земель (геология, палеоклиматология), этими народами населяемых. Кроме того, необходимы знания об истории развития этнических общностей Евразии, окружавших мир индоевропейцев и бывших им чуждыми антропологически и культурно.

Однако приступим к краткому повествованию. В VIII — V тыс. до н. э. в наиболее благодатных климатически для данной эпохи районах континента (юг Средней Азии, Иран, Месопотамия, Малая Азия) возникли и развились зачатки медеплавиль-

ной, керамической, текстильной и скотоводческо-земледельческой индустрий.

На рубеже VII — VI тыс. до н. э. из Малой Азии на Балканы проникли технологии выращивания злаковых и бобовых культурных растений и разведения домашних животных. И тут следует иметь в виду одно весьма важное обстоятельство. В VII — IV тыс. до н. э. и вплоть до первой четверти II тыс. до н. э. на Балканах, на части земель в бассейне Дуная и в правобережье нижнего Днепра была расселена так называемая средиземноморская раса. Данная раса определена антропологами как отличная от индоевропейской.

Заимствование технологий производящей экономики позволило представителям средиземноморской расы юга и центра Европы начиная с рубежа VII — VI тыс. до н. э. приступить к развитию производящих форм хозяйства, отойдя от прежних потребляющих. Наряду со средиземноморцами в VII — VI тыс. до н. э. Европу населяли и индоевропейские народы, главным образом занимавшие север и восток континента.

Около середины V тыс. до н. э. в центрах производящей экономики Ирана, Месопотамии и юга Средней Азии произошел технологический взрыв, приведший к рождению городской цивилизации, основой развития которой стали едва ли не все стороны хозяйствования, присущие экономике Древнего мира и средних веков. В дальнейшем менялось лишь качество цивилизации, но не ее природа. Оговоримся, что протогорода в Азии стали зарождаться уже в VI тыс. до н. э. (Читал-Гуюк в Малой Азии).

В середине V тыс. до н. э. началась эпоха бурного роста крупных городов. Ремесленные центры городов обеспечивали окрестное сельское население собственной продукцией. Одновременно города год от года все более востребовали продукцию сельскохозяйственных районов.

В IV тыс. до н. э. городская цивилизация расширила границы и новые города появились на землях Афганистана и Пакистана. В III тыс. до н. э. городская цивилизация Азии еще более расширила границы. На крайних западных рубежах появилась Троя I (около 2750 г. до н. э.). Крайние восточные рубежи украсила цивилизация городов Мохенджо-Даро и Харappa, занявшая долину реки Инд.

Обратим внимание читателей на то, что значительная, а подчас подавляющая часть керамики городской цивилизации Передней Азии V — III тыс.

до н. э. украшена класическими крестами. Кроме того, упомянутая керамика украшена геометрически четким орнаментом (кресты, меандры, треугольники и пр.). А геометрически линейный орнамент и, конечно же, крест есть яркая особенность археологически засвидетельствованных индоевропейских культур.

Помимо керамики, ее форм и орнаментов на индоевропейский характер цивилизации Передней Азии V — III тыс. до н. э. указывают регулярная планировка городов, характер их застройки, в том числе культовыми зданиями, фортификация, продукция металлургов, гончаров и многое иное.

В III тыс. до н. э., но главным образом во II — I тыс. до н. э., Передняя и Средняя Азия вошла в период затяжной и во многом губительной для человека засухи. Площади городов с нескольких сотен гектаров сократились до одного-двух гектаров. Многие города и селения из-за недостатка воды и упадка хозяйства вообще были заброшены людьми. Обезлюдели целые провинции. Наиболее ярко последствия чудовищной засухи отразились на судьбе городов и селений северных склонов хребта Копетдаг, на юге современной Туркмении. Именно здесь, согласно северогерманской "Саге об Инглингах" (в XIII в. сага записана Снорри Стурлусоном в Исландии), следует искать легендарный город Асгард, прародину индоевропейцев, приведенных Одним в Скандинавию и заложивших один из основных пластов в формирование протогерманского народа.

И тут мы обратимся к бескрайним степям Евразии, раскинувшимся от склонов Карпат на западе до отрогов Алтая на востоке. Начало осмысленной жизнедеятельности на их просторах следует отнести к V тыс. до н. э. Именно в V тыс. до н. э. на водоразделе между Доном и нижним Днепром началось развитие днепро-донецкой археологической культуры. Ее создатели изготавливали керамику, выпасали домашний скот и возделывали культурные растения. Антропология и археология свидетельствуют о том, что создатели днепро-донецкой культуры были индоевропейцами и отличались большими размерами тела.

Около середины IV тыс. до н. э. крупные, хорошо организованные общности индоевропейских кочевников начали широкое проникновение в Центральную и Западную Европу. Одновременно начиная с середины IV тыс. до н. э. археология зафиксировала в Европе древнейшие курганные некрополи.

Таким образом, мир индоевропейских народов с середины IV тыс. до н. э. начал делиться, как минимум, на две большие группы — западную и восточную. В Европе начало становления западного крыла индоевропейцев ознаменовалось появлением большого числа курганных некрополей. После середины IV тыс. до н. э. в Евразии стали возвращаться две большие воронки — западная индоевропейская в Европе и восточная в степях Евразии и Передней Азии.

Главными противниками индоевропейских кочевников, шедших из степей Евразии в Европу в IV — II тыс. до н. э., в долине Дуная, на Балканах и в Правобережной Украине были представители упо-

мянутой выше средиземноморской расы. В XVIII — XVII вв. до н. э., с падением трипольской археологической культуры Правобережной Украины, спор между двумя расами и культурами разрешился в пользу более подвижных, а следовательно, и более сильных индоевропейцев.

Индоевропейцы заселяли Европу многократно в IV — I тыс. до н. э. Каждое новое заселение было следствием одного из множества грандиозных нашествий из степей Евразии в Европу, шедших подобно океанской волне, от горизонта до горизонта. Каждое новое нашествие сметало успевшие устояться в Европе археологические культуры. И всякий раз пришельцы на фундаменте разрушенной строили собственную культуру.

Переживала в IV — I тыс. до н. э. вторжения индоевропейских кочевников, шедших из степей Евразии, и Азия, вернее, городская цивилизация Малой Азии, Месопотамии, Ирана, юга Средней Азии, Афганистана, Пакистана и долины реки Инд. И тут нас ожидают удивительные открытия, многое объясняющие в сходстве индоевропейских языков, религий, культур, экономик западной и восточной групп. Близость, а подчас и полное сходство, с одной стороны, хеттского, древнеиндийского, авестийского, тохарского языков, с другой — латинского, греческого, славянского, кельтского, германского, балтского языков едва ли можно объяснить позднейшими заимствованиями. Это тем более сложно объяснить, обратившись к карте Евразии и увидев, что западных индоевропейцев от индоевропейцев восточных отделяют тысячи километров пустынь, гор, морей.

Сопоставляя по времени вторжения индоевропейцев из степей Евразии в Европу и Азию, можно заметить, что они, эти вторжения, происходили одновременно, хотя и проистекали из весьма обширного района. С запада данный исходный район ограничен Карпатами, с востока — Алтаем, с севера — южным Уралом, с юга — побережьем Черного моря, Кавказом, Каспием и горной цепью, охватывающей Среднюю Азию. При этом каждому вторжению индоевропейцев в Европу и Азию в степях Евразии предшествовала смена археологических культур, то есть внутренний взрыв, приводивший к колоссальному исходу населения в двух генеральных направлениях — западном и южном.

Обратимся к данным археологии. В XXV в. до н. э. просторы юга России оказались заняты создателями ямной археологической культуры. Одновременно северная часть Центральной Европы была занята индоевропейскими создателями культуры шаровидных амфор. В Европе эта культура потеснила культуру воронковидных кубков.

В XXIII — XIX вв. до н. э. с востока, с берегов Каспия на нижний Дон продвинулись индоевропейские кочевники, создавшие катакомбную археологическую культуру. Ямная культура была рассеяна либо поглощена катакомбной. И вот в XXI — XX вв. до н. э. лесная полоса севера Европы, от устья Камы на востоке до юга Скандинавии на западе, оказалась во власти индоевропейских создателей археологической культуры шнуговой керамики и боевых топоров. Одновременно через Месопотамию,

Малую Азию, Палестину и дельту Нила в XX в. до н. э. на боевых колесницах прокатилась волна индоевропейцев, в истории известных как хетты. Язык хеттов, к счастью, расшифрован и доступен для сопоставления с западными и восточными индоевропейскими языками. Близость данных языков не просто велика. Она свидетельствует о существовании единого праязыка и единой культурной прародины индоевропейцев.

В XVIII — XV вв. до н. э. на юге Урала и в прилегающих к нему обширных районах юга Сибири, Средней Азии и нижней Волги развился первый (Петровский) этап андроновской археологической культуры. На юге Урала под курганами в погребальных камерах в XVIII — XV вв. до н. э. рядом с покойным ставили его боевую колесницу. Блестящим развитием металлургии андроновцы во многом были обязаны доступности сырья на юге Урала и заимствованию технологий из гибнущих городов юга Средней Азии.

В XVI — XV вв. до н. э. катакомбная культура юга России была вытеснена срубной археологической культурой. На юге Урала в XV в. до н. э. Петровский этап андроновской культуры сменился Алакульским. С юга Урала исчезли колесницы, и под курганами начали погребать по обряду трупосожжения.

Одновременно в XV — XIV вв. до н. э. значительные по площади районы центра Европы (бассейн Дуная) оказались во власти примчавшихся на боевых колесницах (зафиксированы археологами) индоевропейцев, создавших археологическую культуру курганных погребений. Около XV в. до н. э. в долине Инда погибла городская цивилизация Мохенджо-Даро и Харалпы. Весьма вероятно, что одной из причин ее гибели стало продвижение с севера, из степей Евразии через Афганистан и Пакистан, ехавших на боевых колесницах, певших ведические гимны индоевропейцев, называвших себя, дабы отличить от темнокожего населения юга, арии, что означает благородные.

В XIII — VIII вв. до н. э. юг Средней Азии, Афганистан и Иран были наводнены новым потоком индоевропейских кочевников. основоположником духовной реформации в их среде был Зороастр. Одновременно в XIII — VIII вв. до н. э. значительные по площади территории Европы оказались охвачены археологической культурой полей

погребений или погребальных урн. Это означает, что восточная и западная группы индоевропейцев одновременно стали поклоняться огню как одухотворенной сущности, возносящей жертвы богам.

Вывод из сказанного следует такой, что именно степи Евразии в IV — I тыс. до н. э. стали районом исхода индоевропейского населения одновременно в Европу и в Азию в среднем с частотой в 500 лет. Повторим, что практически у каждого крупного вторжения индоевропейцев в Азию есть близнец — одновременное вторжение индоевропейского народа в Европу.

Следует заметить, что проникали индоевропейцы в Европу и через малоазиатский мост. В частности, возможно, именно этот путь таит разгадку появления на севере Италии этрусков. В настоящее время исследователи угадывают весьма близкую культурную общность между этрусками и хеттами. Едва ли данное направление исследований идет по ошибочному следу. Засуха душила города Малой Азии, Ирана и юга Средней Азии в III — I тыс. до н. э. В то же время удивительно быстро росли города в Европе и главным образом на ее средиземноморских берегах. Между этими двумя противоположными явлениями существует прямая и весьма тесная связь.

После потрясений XV — XIII вв. до н. э. в Евразии произошло окончательное (наметившееся еще в середине IV тыс. до н. э.) размежевание между западной и восточной группами индоевропейских народов. В Европе после XV в. до н. э. началась эпоха активной кристаллизации протогерманцев в Скандинавии, кельтов к западу от Альп и Рейна, латинов на Апеннингах, протогреков на юге Балкан и на Пелопоннесе, илирийцев на северо-западе Балкан, фракийцев на северо-востоке Балкан, балтов на восточном побережье Балтийского моря и славян, севших от Эльбы и Заалы на западе до среднего Днепра и Дона на востоке, под прикрытием Карпат и болот Припяти. Таким образом, обособлению отдельных групп индоевропейцев в Европе в известной степени способствовала природа, а вернее, ландшафт континента.

Заметим, что общность индоевропейских языков позволяет восстановить путем сравнения слов, взятых из отдельных языков, тот ряд явлений, который имел место в среде индоевропейцев V — II тыс. до н. э.

Книга первая

Славянский мир Европы

Мир славян во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. занял западную часть территории континента (лесостепи среднего Днепра и Дона) в V — II тыс. до н. э. послужившей исходной землей для хеттов, ведических арийцев и авестийских иранцев, называвших свою древнейшую страну Айриано Ваеджо. Эта страна лесостепей, с юга окруженная горами и морями, в глубокой древности оказалась местом формирования древнейших из известных ныне человечеству мировых религий, языков и культур. Таким образом, славяне непосредственно наследуют древнейшей цивилизации индоевропейцев Евразии.

С другой стороны, протославяне начиная с V — IV тыс. до н. э. принялись осваивать значительные площади центра Европы. Карпаты тысячелетиями служили естественным оборонительным рубежом, на юге охранявшем индоевропейцев, которых мы можем считать протославянами, от разрушительных бурь, то и дело накатывавшихся из степей Евразии. На востоке славян издревле ограждали болота припятского Полесья. С севера славян защищала Балтика. Череда археологических культур IV — I тыс. до н. э. пласт за пластом легла в фундамент формирования протославянской общности континента. С началом I тыс. н. э. славяне двинулись на юг, на рубеж Дуная, а позже на Балканы, и одновременно принялись за широкое освоение равнины Восточной Европы.

История западных и южных славян более чем интересна, и без ее знания мы едва ли можем считать себя знатоками истории Древней Руси. Судьбе было угодно распорядиться так, что наиболее архаичные формы славянской культуры и языка сокрыты не только на равнинах востока Европы, но и в Карпатах и в прилегающих к ним обширных районах центра Европы.

Глава 1. Славяне I тыс. до н.э. — пер. пол. I тыс. н.э.

1.1. Древнейшая история славян

Прежде чем мы станем исследовать историю славян, внимательно осмотрим земли, где эта история разворачивалась, и попытаемся понять, как соотносились славянское население и речные долины центра и востока Европы. Во многом именно речные долины служили славянам не только путями передвижений, но и основными местами расселения.

И тут мы предварим наше исследование нехитрым приемом, результаты применения которого многое прояснят в решении проблемы славянской прародины именно в Европе (но не в Евразии) и именно в IV — I тыс. до н.э., то есть в эпоху расселения индоевропейских кочевников к западу от Днепра. Я специально подчеркнул, что о сложении славянской общности в Центральной Европе можно говорить не ранее середины IV тыс. до н.э., ибо в VIII — V тыс. до н.э. прародина славян в значительной степени располагалась на юге Восточной Европы и далее к востоку от нижней Волги в степях Евразии.

Итак, мы возьмем карты размещения индоевропейских археологических культур, предположительно легших в основу этнической славянской общности центра Европы IV — I тыс. до н.э., наложим их друг на друга. Практически все ведущие археологические культуры центра Европы: воронковидных кубков (сер. IV — III тыс. до н.э.), шаровидных амфор (втор. пол. III тыс. до н.э.), шнуровой керамики (рубеж III — II тыс. до н.э.), колоколовидных кубков (пер. четв. II тыс. до н.э.), унетичская (XVIII — XVI вв. до н.э.), курганных погребений (XV — XIV вв. до н.э.), полей погребений [лужицкая кл.] (XIII — VIII вв. до н.э.) — территориально перекрывают друг друга на строго определенном районе центра Европы. Данный район вбирает верховья Дуная (район р. Моравы) и верховья рек Вислы, Одера и Лабы (Эльбы).

Подобная закономерность в расположении археологических культур объясняется тем, что все крупнейшие общности индоевропейских кочевников, проникавших на протяжении IV — I тыс. до н.э. в центр Европы, остро нуждались не только в пастбищах (что в достатке предоставляла долина Дуная), но и в путях передвижений, ведших в глубь континента. Подобными путями и являлись долины

Вислы, Одера, Лабы. На Апеннины индоевропейские кочевники из долины Дуная продвигались долинами рек Сава и Драва. Маховик индоевропейской истории, бешено крутясь в IV — I тыс. до н.э. именно на землях водораздела между Дунаем, Лабой, Одером и Вислой, обеспечивал поступление все новых групп недавних кочевников на окраины Европы, на ее полуострова — Балканы, Апеннины, Пиренеи, в Британию и Скандинавию.

Топонимы и гидронимы Центральной Европы, и в первую очередь названия рек (римские названия рек Данувий — Дунай, Мур — Моравы, Вистула — Висла, Альбис — Лаба, озеро Балатон по-славянски — заболоченная местность), указывают на их индоевропейскую и в значительной степени славянскую природу, зафиксированную античными авторами I тыс. до н.э. Нашествия кельтов и германцев VI — I вв. до н.э. на земли Центральной Европы не стерли славянских топонимов и гидронимов, а лишь подтвердили их древность собственными свидетельствами.

Схожий узел речных систем, образующих крест, существует и на Русской равнине (истоки Днепра, Волги, Западной Двины, Ловати). Речной крест является естественным сердцем восточнославянской общности, жестко стягивающим в единый этнический и культурный организм самые отдаленные провинции обширной равнины. Но описание данного района впереди. Скажем лишь, что любая крупная этническая индоевропейская общность формируется вокруг единого природного центра, из которого в кратчайший срок легко достичь самого отдаленного уголка области. В древности путями достижения отдаленных районов служили реки, летом несшие на своих водах лабды, а зимой превращавшиеся в наезженные санные дороги.

Горная система Карпат подобно громадному серпу с севера охватывает долину среднего Дуная. Река Моравы, образуя коридор, ведущий из Центральной Европы на янтарную Балтику, отсекает изогнутое лезвие карпатского серпа от его рукоятки, представленной горами Чехии.

К северу от Карпат простираются необозримые леса, издревле населенные славянами-венетами. Зеленую толщу лесов прорезают многочисленные реки, по берегам которых начиная с середины IV тыс. до н.э. стали возникать поначалу редкие и малочисленные, а с ходом столетий и тысячелетий все более укрупнявшиеся и упрямо отвоевывавшие у леса

новые площади поселки. Западной границей складывавшейся несколько тысяч лет праславянской общности служил бассейн Лабы (Эльбы) и ее притока реки Заалы. Восточная граница в разные времена находилась то на среднем Днестре, то на среднем Дону, а на рубеже III — II тыс. до н.э. и на Волге (вплоть до юга Урала). И если земли водораздела рек Моравы, Лабы, Одера, Вислы в IV — I тыс. до н.э. нанизывали на себя все новые покровы индоевропейских археологических культур, при этом накапливая бесценный опыт тысячелетий поступательного развития, леса, защищенные с юга Карпатами, служили той тихой потаенной колыбелью, где этот опыт преломлялся на местные условия и усваивался индоевропейским населением во всей полноте своего многообразия и емкости языка, экономики, культурных традиций.

Начиная с середины IV тыс. до н.э., времени создания первых крупных курганных групп индоевропейцев в Европе, верховья рек Моравы, Лабы, Одера, Вислы оказывались тем местом, где никогда не прекращалось взаимное обогащение культур и экономик континента. В XVIII — XVI вв. до н.э. на этих землях расцвела унетичская археологическая культура, индоевропейские носители которой блестяще освоили бронзолитейную металлургию. Кроме того, в данном районе постоянно скрещивались трансевропейские торговые пути III — I тыс. до н.э. Водами рек Центральной Европы плавало множество ладей, наполненных янтарем Балтики, металлом Ирландии, изысканными изделиями из Эллады и с Апеннин и шедшей из Азии, через Трою, продукцией древних городов Месопотамии, Ирана, юга Туркмении. В XV — XIV вв. до н.э. унетичская кл. центра Европы оказалась растоптанной боевыми колесницами индоевропейских носителей кл. курганных погребений, прибывших на освоение запада Евразии из сохнувших недр Великой степи. Но уже в XIII — VIII вв. до н.э. укрывшееся от степной бури за отрогами Карпат протославянское население создало лужицкую археологическую культуру, ставшую во главе новой континентальной духовно-культурной традиции индоевропейцев, именуемой культурой полей погребений или погребальных урн. И вновь верховья Моравы, Лабы, Одера и Вислы уподобились сердцу Европы, беспрепятственно гнавшему по сосудам-рекам дунайские мечи с восьмигранной рукояткой и иные многочисленные изделия бронзолитейного, керамического, текстильного и прочих производств.

Перемещения конных масс иранских кочевников, произошедшие в степях юга Восточной Европы в VIII — VII вв. до н.э. (скифы вытеснили с юга России киммерийцев), вновь сломали хрупкое экономическое равновесие в верховьях рек Моравы, Лабы, Одера и Вислы, и центр развития нарождающегося в Европе века железа переместился к западу, под спасительную сень Альп. В VIII — V вв. до н.э. центр Европы охватила новая культурная традиция, получившая название эпохи Гальштата. В V — I вв. до н.э. эпоха Гальштата сменилась общеевропейской культурной традицией — Латеном. Ведущую роль в ней играло защищенное от этнических

бурь Евразийской степи кельтское население, жившее в бассейнах рек Роны, Лауры, Сены и Рейна. Частые, губительные для посевов, наводнения вынудили кельтов продвигаться в верховья Дуная (в Норик) и далее на водораздел Моравы, Лабы, Одера и Вислы. Тут кельты столкнулись с местным славянским населением, о чем и говорит начальная русская летопись, поминающая кельтов как волков, теснивших славян на Дунае. Обратимся и мы к ее свидетельству и посмотрим, что помнили иноки Киево-Печерского монастыря об истории славян.

“... Афетовы же сынове запад приаща и полуночные страны... от племени же Афетова нарицаемом Норцы иже суть словене. По мнозе же времени селесеуть словене по Дунаеву, где есть ныне Угорская земля и Болгарская, от тех словен разидошася по земле и прозвашася именем своим где седоша на котором месте. Яко пришел седоша на реке именем Мораве и прозвашася Моравы а друзии Чесь нарекошася а се ти же словяне хорвати Белые, Сербы и Хорутане.

Волохомъ бо нашедшим на словен на дунайских и севшим в них и насилующим их. Словене же пришедше и седоша на Висле и прозвашася ляхове а от тех ляхов прозвашася поляне ляхов. Другие лютичи иные мазовшане а иные поморяне. Тако же и те словяне пришлие и севшие на Днестре и нарекишиесе поляне а другие деревляне за ними седшие в лесах и другие седоша между Припятью и Двиною и нарекишиесе дреговичи и иные седшие на Двине и нарекишиесе полочане речки ради яко втекает в Двину именем Полота. От сего прозвашисе полочане. Словяне же седоша около озера Ильмень и прозвашася своим именем и сделавшие город и нарекишиесе его Новгород. А другие седоша на Десне и Семи и по Суле и нарекишиесе северяне и тако разделисе словянский язык те же и прозвашася словянская грамота”. [ПСРЛ. — М., 1992. — Т. 2.]

Данная концепция расселения славян в центре и на востоке Европы охватывает временной отрезок с VI в. до н.э. до VIII в. н.э. Однако начальная летопись не описывает процесса заселения славянами Балканского полуострова, шедшего в VI — VIII вв. н.э. Мы же ниже попытаемся восполнить этот пробел, хотя бы кратко описав грандиозную завоевательную кампанию славян на Балканах и в Элладе. Однако прежде рассмотрим некоторые общеславянские вопросы.

Предыстория расселения оседлого земледельческого протославянского населения (мы имеем основания рассматривать его как протославянское) в бассейне среднего и нижнего Днестра во II тыс. до н.э. опирается на носителей археологических культур тшинецкой — комаровской — соницкой XV — XIV вв. до н.э. В XII — IX вв. до н.э. упомянутые культуры трансформировались в белогрудовскую культуру, в X — VII вв. смененную чернолесской. И тут в степях юга Восточной Европы наступила эпоха безраздельного господства скифских (иранских) всадников. Прямым следствием разгрома, учиненного скифами селениям и городищам оседлых земледельцев-протославян в полосе лесостепи Сред-

него Поднепровья, оказалось возникновение целой череды индоевропейских (балто-славянских) археологических культур в лесной полосе Центральной России железного века VIII—I вв. до н.э. (милоградская кл. VII — III вв. до н.э., юхновская, днепро-двинская, городецкая, дьяковская — две последние культуры имеют значительный угро-финский элемент).

Часть земледельческого протославянского населения Среднего Поднепровья сумела ужиться со скифами, как ранее уживалась с киммерийцами, предшественниками скифов на юге Восточной Европы. С течением времени скифы ощутили материальные выгоды не только от создания собственного централизованного государства, но и от участия в торговых операциях, активно ведшихся между земледельцами лесостепей Восточной Европы и греками Северного Причерноморья. В VII — V вв. до н.э. греки замкнули многочисленными крепостями, портами и рынками устья Дуная, Днестра, Южного Буга, Днепра, Дона, Кубани и тем положили начало эпохе бурной торговли и экономического процветания в Северном Причерноморье. Конец той славной эпохе был положен гуннским вторжением в IV в. н.э.

В VII — I вв. до н.э. руслами рек юга Восточной Европы к пристаням греческих городов каждое лето устремлялись тысячи ладей и челнов, полных зерна, скоры (пушнины), меда, пеньки и множества иной продукции мирившегося со скифским владычеством сколотского (славянского) населения.

Отец истории Геродот в V в. до н.э. так писал о населении юга Восточной Европы: “По рассказам скифов, народ их — моложе всех [скифы действительно появились в Северном Причерноморье не ранее VIII — VII вв. до н.э.]. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитая.

Родители этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена... Такого рода был Таргитая, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший Колаксаис. В их царствование на скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. Так вот, от Липоксаиса [старший брат], как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их земли Дария [512 г. до н.э.] прошло как раз только 1000 лет [тут содержится прямое указание на индоевропейских носителей тшинецкой — комаровской — со-

сницкой кл. XV — XIV вв. до н.э., не являвшихся предками скифов, находившихся в ту пору к востоку от Волги, но имевших прямое отношение к оседлым сколотам (славянам) центра и востока Европы II тыс. до н.э.]. Упомянутые священные предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы... Так как земли у них было много, то Колаксаис [младший из трех братьев, сыновей Таргитая] разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев [снега]. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению.

И вместе с тем Геродот описывает появление самих скифов-кочевников, представителей восточного крыла индоевропейцев Евразии, в VIII — VII вв. до н.э. завоевавших часть земель сколотов — славян на юге Восточной Европы: “Кочевые племена скифов обитали в Азии [то есть в степях, лежащих к востоку от низовий Дона и Волги, вплоть до юга Урала, Сибири и юга Средней Азии]. Когда массагеты [группа восточного крыла индоевропейцев евразийской степи] вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс [Волгу — Ра] и прибыли в Киммерийскую землю... киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор [Азовское море]”.

Тут можно сделать вывод о том, что приведенное историком повествование о сыне Зевса и дочери реки Борисфена [Днепра], первом царе сколотов Таргитае, и о его сыновьях, около 1512 г. до н.э. начавших активно использовать плуг, ярмо, секиру и чашу, — это не что иное, как пересказанное скифами Геродоту весьма древнее предание о сколотах-славянах лесостепей Восточной Европы середины II тыс. до н.э.

Далее Геродот описывает юг Восточной Европы таким, каков он был в VII — V вв. до н.э.: “Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) [вероятнее всего, это громадный лиман, одновременно служащий устьем Днепра — Борисфену и Южному Бугу, на берегу лимана во времена Геродота стоял греческий город — порт Ольвия] обитают каллипиды — эллинские скифы, за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюд-

ная пустыня. Это — племена по реке Гипанис [Южный Буг] к западу от Борисфена [Днепр].

За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа, а к северу — на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги — особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня, и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет”.

Упоминает Геродот и о финском населении лесной полосы Восточной Европы: “... а потом далее на восток живут фиссагеты — многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой”.

Обратимся к данным археологии. Они во многом помогут осветить повествование Геродота. Прежде всего опишем степные просторы Северного Причерноморья в VII — III вв. до н.э., занятые скифами, и те видимые свидетельства их присутствия на данных землях, которые сохранились до наших дней.

Начиная со второй половины VII в. до н.э. в степях Северного Причерноморья начали появляться скифские памятники. Количество их было невелико, и наиболее значительные следы скифского присутствия в данную эпоху представлены на Северном Кавказе.

На протяжении второй половины VII в. до н.э. скифы переправились через нижний Днепр и принялись за освоение земель на водоразделе между нижним Днепром и Южным Бугом. Одновременно скифские кочевья продвигались к северу на левом берегу Днепра. И во второй половине VII в. до н.э. скифские кочевья достигли бассейнов рек Сулы, Ворсклы и верховьев рек Сейма, Северского Донца и Среднего Дона.

В VI в. до н.э. скифское население в Северном Причерноморье количественно увеличилось, а вместе с ним возросло число памятников. И тут мы коснемся славной истории скифских походов в Переднюю Азию, происходивших во второй половине VII — в начале VI вв. до н.э. Геродот свидетельствует: “Скифы владычествовали над Азией в течение 28 лет и все опустошали своим буйством и излишествами. Они взымали с каждого дань, но кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа”.

Пути в страны Передней Азии скифам указали уходившие от них киммерийцы, впоследствии уже в Азии ставшие союзниками скифов. Во второй половине VII в. до н.э. на северном побережье Черного моря еще не было греческих городов. Выходцы из греческого города Милета, расположенного на западе Малой Азии, в середине VII в. до н.э. основали город Истрию, замкнувший устье Дуная. В конце VII в. до н.э. греческие суда достигли устья Днепра и Южного Буга и греки начали строить город Ольвию. А Крым греки принялись застраивать в VI в.

до н.э. На берегах Керченского пролива выросли города Пантикапей и Фанагория. В V в. до н.э. поднялся Херсонес. Тогда же отстроились греческие города Тира в устье Днестра и Танаис в устье Дона.

Пока же во второй половине VII в. до н.э. многочисленные скифские кочевья степей Северного Причерноморья наполнялись изделиями, производимыми городами Месопотамии, Урарту, Малой Азии и в том числе греческими центрами западного побережья Малой Азии (Ионии) и острова Родоса.

Скифские отряды проникали в Азию через Кавказ. Предводительствовал скифской армией Ишпаккай. Сразу после появления скифских всадников в Передней Азии их захватил бешеный водоворот войн, интриг, вероломств, роскоши и страстей, извечно бушевавший в тех землях. Конец господству скифов в Передней Азии был положен мидийским царем Киаксаром, убившим предводителя скифов на пиру. После 585 г. до н.э. остатки скифских отрядов были вынуждены вернуться в степи Северного Причерноморья, и более в VI в. до н.э. скифы столь дальних походов на юг не предпринимали.

Тем временем Ольвия, не имевшая в ту пору внешних укреплений, становилась год от года все более многолюдной и богатой. Ощутившие в Передней Азии вкус к роскоши скифские воины принялись за обустройство собственных обширнейших земель, умелое управление которыми сулило немалые материальные выгоды. И на рубеже VI — V вв. до н.э. кочевья скифов наполнились античной чернолаковой и расписной посудой, созданной в греческих городах Малой Азии (Ионии). Заметим, что именно малоазиатские греки были основателями большинства северочерноморских городов и ведущая роль в этом начинании принадлежала выходцам из города Милета.

В конце V в. до н.э. скифы основали собственный центр, служивший одновременно городом и крепостью, контролировавшей грузопотоки, шедшие руслом нижнего Днепра — Борисфена. Скифское городище сохранилось на левом берегу Днепра в районе города Каменки (Запорожье). Размеры городища немалые — около 12 кв.км. Городище искусно вписано в окружающий ландшафт. Практически отовсюду оно защищено обрывистыми берегами Днепра, реки Конки и Белозерского лимана. С напольной восточной и юго-западной сторон городище защищено земляным валом и рвом. В юго-западной части городища находилась цитадель, площадь которой около 30 га защищалась валом и высящейся на нем крепостной стеной, сложенной из камня и кирпича-сырца. Поверхность городища была застроена многочисленными зданиями, стены которых возводились из вертикально врытых в землю бревен. Двухскатные крыши зданий поддерживались столбами. Представлены на городище и полуземлянки.

Каменское городище было крупным металлургическим центром Северного Причерноморья. Практически возле каждого дома на городище находят свидетельства активных занятий бронзолитейной и железной металлургией. Металлурги,

жившие и работавшие на нескольких десятках гектаров, защищенных внешними укреплениями и самой природой, удовлетворяли потребностям населения в металлических изделиях на значительной территории степи, поставляя кочевникам-скотоводам оружие, орудия труда, утварь, украшения и пр.

Каменское городище расположено в нескольких десятках километров ниже днепровских порогов, и подобное местоположение скифского центра едва ли случайно.

В IV в. до н.э. на нижнем Днепре вырос еще один скифский центр. Его городище, именуемое Белозерское, замыкает выход из Днепра в громадный лиман, вбирающий воды Днепра и Южного Буга. Тут же, на правом берегу лимана, шумело торжище Ольвии.

В IV в. до н.э. некогда беспрестанно странствовавшие в степях скифы начали оседать в поселках. В среде скифов с ходом десятилетий стало все больше появляться ремесленников и торговцев. Лишенные внешних укреплений скифские поселения возникали на берегах нижнего Днепра, в низовьях Южного Буга, Днестра и в Крыму. А IV в. до н.э. оказался для скифов временем наивысшего расцвета всех сторон материальной культуры и экономики. Оживленная торговля, ведшаяся в VI — IV вв. до н.э. греческими городами Черного моря и земледельцами лесостепей Восточной Европы, не могла не вовлечь скифов в новые для недавних кочевников отношения. Контроль над торговыми путями, шедшими по Днестру, Южному Бугу, Днепру и Дону, достаточно быстро обогатил скифов больше, чем все экспедиции в Переднюю Азию и Центральную Европу. Крепости скифов предвещали греческие города, стоявшие в устьях крупнейших рек Восточной Европы. Без сомнения, скифы были не только посредниками в торговле, но они также взымали плату за прохождение торговых транспортов водами Днестра, Южного Буга, Днепра и Дона.

В IV в. до н.э. скифы возвели укрепления городища у современного села Надлиманское, контролировавшие днестровский лиман и как бы дублирующие греческий город Тиру. Торг и порт Тиры шумели разноязычием на правом берегу днестровского лимана. Размеры Надлиманского городища невелики: 110 x 60 м. С напольной стороны городище защищено рвом и валом. Возможно, некогда на валу стояла каменная стена. Здания на городище строили из необработанного известняка, и они походили на здания Каменского городища. Примечательно, что пространство Надлиманского городища буквально изобилует ямами, служившими для хранения зерна. Ямы имеют грушевидную форму. Горловина их часто обложена камнем и узка. Основание ям обмазывали глиной, оно было широко и вместительно. В ближайших к городищу открытых скифских поселениях левобережья днестровского лимана подобные ямы-зернохранилища отсутствуют. Это может указывать на то, что обитатели городища вели оптовую торговлю зерном, сбывая его грекам из города Тиры. Обломки греческих амфор преобладают над

любой иной керамикой в культурном слое Надлиманского городища.

Устье Дона контролировала скифская крепость, остатки которой ныне именуются Елизаветинским городищем. Эта крепость скифов предвещала греческий город Танаис, запиравший устье Дона с севера. Елизаветинское городище находится на острове в дельте Дона, в 3 км от станицы Елизаветинской. Площадь городища — около 55 га. Валы и рвы городища были сооружены в середине IV в. до н.э. Оборонительный рубеж обвел строения поселения, возникшего на городище еще в VI — V вв. до н.э.

В быту обитателей Елизаветинской цитадели преобладала античная керамика. Процент местной лепной керамики среди амфор был ничтожен. Не далее чем в 15 км к северу от скифского городища, под каменными стенами греческого города-порта Танаиса, ни на день не замирала бурная жизнь античного рынка. К пристани Танаиса из таинственных глубин севера ежегодно руслом Дона и Северского Донца подвозили тысячи тонн отливающего золотом зерна. В порту Танаиса зерно перегружали с речных челнов и ладей на морские торговые суда греков, уходившие, поднимая парус и дружно ударяя веслами, в сторону Византии и далее в Афины. На рынке Танаиса земледельцам лесостепей Восточной Европы сбывали множество товаров из Эллады и со всего средиземноморья и из Передней Азии.

Современные географические источники утверждают, что дельта Дона, начало формирования которой относят к III тыс. до н.э., в V в. до н.э. имела границу с морем, шедшую как раз по меридиану Елизаветинского городища. Город-порт Танаис в V в. до н.э. не был скрыт плавнями и островами донской дельты, а стоял прямо на морском побережье. К I в. н.э. дельта Дона скрыла Танаис, затянув песком и илом фарватер торговой гавани.

Помимо торговли население Елизаветинского городища никогда не бросало извечных занятий скотоводством, охотой и рыбной ловлей. Жили на городище и металлурги, из мастерских которых в V — III вв. до н.э. выходило множество оружия, удил, орудий труда, украшений и пр.

Как и на берегах днестровского лимана, скифское городище в дельте Дона окружали открытые поселения, стоявшие на островах дельты либо на берегу ее восточной кромки. Население Елизаветинского городища, вероятно, занималось оптовой торговлей зерном, служа посредником между хлеборобами лесостепи и греческими купцами.

В IV в. до н.э. общий расцвет скифского мира не мог не затронуть и его Крымской области. В Крыму в IV в. до н.э., и главным образом на Керченском полуострове, значительно возросло число богатых погребений. Заметим, что наиболее богатые скифские погребения расположены по берегам нижнего Днепра, что прямо указывает на преобладающий удельный вес хлебного грузопотока, шедшего именно по Днепру.

Катакомбы, сооружавшиеся скифами под громадными курганами, потрясают сознание не только

богатством погребального инвентаря, но и грандиозным строительным и инженерным размахом своих создателей. Одна или несколько погребальных камер соединялись коридором с входной ямой. Часто коридор загораживался колесами погребальной повозки.

В VII — VI вв. до н.э., в эпоху скифских походов в Азию, погребения, как правило, совершались скифами в курганах эпохи бронзы (III тыс. до н.э.), то есть были впускные. В VI в. до н.э., и особенно с начала V в. до н.э., в степях Северного Причерноморья появились скифские курганные некрополи. В VI — IV вв. до н.э. на землях скифов выросли царские курганы, высота которых нередко достигает двадцати и более метров, а диаметр колеблется от тридцати до трехсот пятидесяти метров.

Главным образом царские курганы скифов расположены по берегам нижнего Днепра. Нередко по периметру насыпи выкладывалась каменная обкладка (кромлех), и почти всегда и царские, и рядовые курганы скифов обрамлял ров. Вершины курганов часто венчали каменными изваяниями. Погребения у скифов сопровождалась тризной, заканчивавшейся боем амфор и грандиозным пиром, участие в котором принимали сотни людей.

В 514 (или 512 г.) г. до н.э. царь персов Дарий Гистасп с войском, насчитывавшим от семисот до восьмисот тысяч человек, переправился через Дунай по мосту, выстроенному ионийскими греками из кораблей, и вторгся в земли скифов. Персы напрасно бродили в степях Северного Причерноморья, пытаясь добиться покорности от скифов. Те даже не показывались воинам Дария. Истерзанная жаждой и переходами в бескрайних степях армия персов, бросив обоз и потерявших силу людей, едва добралась до берегов Дуная. Это было первое документально засвидетельствованное историками правозвестие бессмысленности военных кампаний на просторах Русской равнины.

Сам Геродот около середины V в. до н.э. посетил город Ольвию — центр всей нижнеднепровской торговли древности — и застал скифское государство в самом расцвете сил. Подлинной зрелости Скифия достигла в IV в. до н.э. Греческий историк Страбон сообщает, что в IV в. до н.э. царь Атей объединил под единым управлением все скифское население Северного Причерноморья.

В V — IV вв. до н.э. скифы предприняли попытку потеснить фракийское население на нижнем Дунае и имели успех. Достаточно сказать, что Атей вел переговоры с самим Филиппом II Македонским. Однако фортуна изменчива, и в битве, произошедшей на Дунае между армиями Филиппа II и царя скифов в 339 г. до н.э., Атей погиб. Было тогда Атею девяносто лет. Филипп II сумел сполна воспользоваться плодами победы, которую напрасно искал Дарий. В Македонию победителями из степей Северного Причерноморья было угнано двадцать тысяч женщин и детей и столько же скифских лошадей.

Как всегда и бывает в судьбах народов и государств, вслед за эпохой возвышения наступает пери-

од упадка, утраты сил, распада духовных идеалов, а вслед за этим и потеря территорий и, наконец, гибель. Во второй половине IV в. до н.э. скифы начали уступать сарматам свои земли на востоке, в бассейне нижнего Дона. Одновременно год от года все более возрастающая тревога, царившая в скифской степи, заставила греческие города Северного Причерноморья усилить фортификацию крепостей. История сохранила известие о войне скифов с царем Боспорского царства Перисадом (347 — 309 гг. до н.э.). В то же время поспешила одеться каменными стенами Ольвия, со степным ветром тревожно вдыхавшая дух содрогания грозной евразийской стихии.

В III в. до н.э. крупные группы сарматских кочевников пересекли Дон и начали занимать земли на водоразделе между Днепром и Доном. Одновременно на западе усиливался напор кельтов и отчасти фракийцев на земли скифов в бассейнах Прута и Днестра. Постепенно территория скифского царства сократилась до земель в нижнем течении Днепра и в Крыму.

На рубеже III — II вв. до н.э. население покинуло Каменское городище, ключевую крепость скифов в степях Северного Причерноморья. До III в. н.э. тут продолжал функционировать только акрополь. А ранее, в первой трети III в. до н.э., пресеклась жизнь на Елизаветинском городище в дельте Дона. Так из рук скифских царей ускользала власть, а вместе с ней и земли, занимавшие менее оседлыми и весьма неприхотливыми в быту степняками-сарматами. Сознание сарматов не было развращено ни блеском золота, ни сладостью вин, ни томной расслабленностью пресыщенной удовольствиями жизни. В III в. до н.э. по степям Северного Причерноморья катилась очередная гроза, пахнувшая конским потом и сладким вкусом пролитой крови.

И тут мы обратим взоры к северу от городищ и некрополей скифов, в полосу лесостепей Восточной Европы, на те земли, которые в VIII — XIII вв. летописцы назовут Русью. Мы попытаемся восстановить картину жизни оседлых хлебопашцев, наследников потомков геродотовского Таргитая — царя скототов (носителей тшинецкой — комаровской — сосницкой кл. XV — XIV вв. до н.э. и сменившей их белогородовской кл. XII — IX вв. до н.э. и чернолесской кл. X — VII вв. до н.э.).

Районы, занятые городищами, селищами и некрополями оседлого индоевропейского населения VI — III вв. до н.э. в лесостепях Восточной Европы, словно срисованы с карт Галицкого, Киевского, Переяславского и южной части Северного княжеств Древней Руси. На западе данные районы расположены в верховьях Днестра (район Галича). Заняты ими верховья Южного Буга (Болоховская земля). Наиболее многочисленные памятники рассматриваемой эпохи на правобережье среднего Днепра, от верховья реки Ингулец на юге до устья реки Тетерев на севере. Особенно часто встречаются те памятники по берегам рек Тясмин и Рось. На левобережье среднего Днепра оседлое земледельческое население в VII — III вв. до н.э. концентрировалось по

берегам рек Сулы, Псла, Ворсклы, на водоразделе между Ворсклой и верховьями Северского Донца. Много городищ VII — III вв. до н.э. расположено в верховьях Сейма (район г. Курска) и на среднем Дону, от устья реки Тихой Сосны на юге до низовья реки Воронеж на севере.

Выше говорилось, что в начале VI в. до н.э. Мидия покончила со скифскими походами в Азию. Уцелевшие после нескольких десятилетий беспрестанных битв, пиров, изнуряющих переходов, не сраженные ни копьем, ни мечом, ни ядом скифские всадники повернули коней на север и, перейдя Кавказ, вернулись в степи Северного Причерноморья. Ответом земледельцев на появление в начале VI в. до н.э. цвета скифского воинства на юге Восточной Европы стало строительство множества городищ, расположенных в гуще оседлого населения лесостепи. Рождались городища сообразно необходимости и даже имели определенную иерархию. Если на верхнем Днестре городища в данную эпоху, несмотря на высокую плотность населения, практически отсутствовали по причине известной отдаленности от скифских кочевий в низовьях Днепра и Дона, то в верховьях Южного Буга городища были широко представлены.

Крупнейшим и наиболее значимым среди рядовых городищ данного региона является Немировское, расположенное на реке Мирке. Это левый приток Южного Буга. Городище заселили в VII в. до н.э. Площадь городища впечатляет — 110 га. Высота защищающего городище вала достигает 8 м. Площадь внутренней цитадели 12,5 га. Цитадель была застроена жилищами, подле которых находились ямы — зернохранилища.

Немировское городище в VII — VI вв. до н.э. было не только мощным оборонительным центром местного земледельческого населения, но и выступало ведущим торговым партнером Ольвии во всем бассейне Южного Буга. Под защитой высоких валов Немировского городища в VII — VI вв. до н.э. шел интенсивный обмен зерна и иной продукции, свезенной с окрестных лесостепных селений, на изделия, доставленные судами греков из городов Ионии (с запада Малой Азии) и с островов Эгейского моря. В VI в. до н.э. на Немировское городище проникли изделия, произведенные в центрах Аттики. Это прямо указывает на то, что хлеб, выращенный скототами или скифами-пахарями в верховьях Южного Буга, в трюмах шедших из Ольвии галер доставлялся в Пирей — пригородный порт Афин.

Начиная со второй половины VI в. до н.э. и в V в. до н.э. в верховьях Южного Буга видную роль стало играть Севериновское городище. Оно высится над рекой Ров. Это правый приток Южного Буга. С напольной стороны городище защищено рвом и валом пятиметровой высоты.

В VII — VI вв. до н.э. большое число городищ было возведено оседлым населением Среднего Поднепровья. Местные земледельцы оказались на линии едва ли не главного удара скифской конницы. Скифские кочевья находились по обе стороны от днепровских порогов — естественного рубежа между

оседлым севером и подвижным югом. Рядовые городища, площадь которых колебалась от 10 до 20 га, защищали скопления открытых всем степным ветрам селений, разбросанных подобно гроздьям рябины на плодородных черноземах лесостепей. Почти всегда в долине реки оказывалось одно городище, размеры и значение которого возвышали его над округой.

Если бы мы описывали городища раннего железного века, используя понятия, принятые в Киевской Руси, мы бы сказали, что городища-исполины, возникшие в VII — III вв. до н.э. в лесостепях Восточной Европы, были центрами тысяч. Прочие городища, разбросанные по долинам рек, среди кустов поселений, мы бы назвали центрами сотен. При этом сравнении мы бы не очень грешили против истины, ибо принятое у индоевропейских народов деление на сотни и тысячи уходит в глубь тысячелетий, в эпоху существования праязыка. Деление на сотни и тысячи у индоевропейцев едино от фьордов Норвегии до лазурных берегов Апеннин и Пелопоннеса и до берегов Инда. При этом принимается как данность то, что древнерусские летописи оперируют понятиями “сотня” и “тысяча”, как извечной традицией и древнейшим принципом организации славянского общества.

Крупнейшим городищем, центром речной долины Роси, в раннем железном веке было Трахтемировское городище. Его площадь 500 га. В бассейне реки Тясмин в то же время господствовало Матронинское городище площадью 200 га.

В V в. до н.э. после одного из наиболее жестоких натисков скифских всадников на оседлое население лесостепей жизнь на многих городищах Среднего Поднепровья замерла. Среди прочих было покинуто Трахтемировское городище. Это указывает на то, что скифы разгромили централизованную систему обороны, существовавшую в бассейне реки Роси. Но жизнь всегда берет свое, и в IV в. до н.э. в бассейне реки Тясмин возвысилась новая твердыня хлебопашцев — Плискачевское городище.

Городища лесостепей Восточной Европы VIII — III вв. до н.э. представляли собой либо впоследствии традиционные для Руси мысовые останцы коренного берега, с напольной стороны защищавшиеся линией рвов и валов, либо обведенные по внешнему периметру валом и рвом, выгодно расположенные возвышения. Валы укреплений чаще всего увенчивали деревянные частоколы. Нередко городища включали внутреннее укрепление, имевшее собственную линию из рва и вала. Позднее на Руси внутренние цитадели стали называть детинцами или кромами — кремлями. В античную эпоху укрепленные центры городов называли акрополями.

На виду у охраняемых воинами валов и частоколов городищ, на расстоянии полукилометра одно от другого, по речной долине были разбросаны небольшие селища. Их плетни и соломенные кровли отовсюду были обведены полосами вспаханной земли. Над жилищами струились столбы дыма и летали птицы, без устали высматривавшие червей в жирных комьях вывороченного ралом чернозема.

Кусты селений земледельцев редко насчитывали более десятка отдельно стоящих дворов или групп дворов, состоявших из двух или пяти самостоятельных хозяйств. Расстояние между отдельными кустами селений, располагавшихся в одном речном бассейне, обычно не превышало пяти или десяти километров.

Нередко к городищам вплотную примыкали селища. В эпоху Древней Руси такие селища называли предградиями или посадами. Кроме того, на крупных городищах раннего железного века почти обязательно располагались алтари или целые религиозные комплексы, традиции строительства которых восходят ко II тыс. до н.э. и к более глубоким эпохам. Святилища на городищах служили местом, где окрестное земледельческое население возносило молитвы богам. При этом в пламя жертвенного костра земледельцы бросали приношения и просили небеса даровать людям хороший урожай и мирные благоденственные времена.

Погребения жители лесостепей Восточной Европы в VII — III вв. до н.э. совершали под курганами и в грунтовых могилах. Нередко действовавшие в ту пору некрополи вели отсчет времени с эпохи бронзы, со II тыс. до н.э.

Погребальные обряды уходили корнями в традиции чернолесской археологической культуры лесостепей Восточной Европы. Вообще следует сказать, что культурные традиции оседлого населения лесостепи скифской эпохи произрастали из традиций населения чернолесской культуры правобережья среднего Днепра X — VII вв. до н.э.

Начиная с конца VII в. до н.э. на городищах и селищах в бассейнах рек Тясмин и Рось стали появляться греческие амфоры, содержавшие вина и оливковое масло. Это означает, что в конце VII в. до н.э. челны, полные зерна и скоры, стали преодолевать днепровские пороги и на берегах Северного Причерноморья их кормчие начали вступать в торговые отношения с приплывавшими из Эгейского моря купцами Эллады.

Во второй половине VI в. до н.э. потоки восточноевропейского зерна, лившегося золотыми струями руслами рек к морю, и идущие им навстречу караваны греческих судов, трюмы которых были густо заставлены амфорами, слились в единый могучий механизм громадного обмена продукцией скототского севера и греческого юга.

Не случайно и то, что на рубеже VI — V вв. до н.э. античная чернолаковая и расписная посуда, произведенная в греческих городах, была широко распространена среди скифов, несмотря на суровость нехитрого скотоводческого быта. Более того, в конце V в. до н.э. интересы скифов в восточноевропейской торговле были подкреплены созданием описанных выше городищ — Каменского на Днепре ниже порогов, Белозерского у Ольвии, Елизаветинского в устье Дона у Танаиса (середина IV в. до н.э.), Надлиманского на Днестре против Тиры (IV в. до н.э.).

Выше говорилось о том, что в V в. до н.э. население покинуло центр поросья — Трахтемировское

городище. Впоследствии земледельцам лесостепей пришлось считаться с интересами скифов. Ведь скифы зорко следили из седел своих лошадей за движением на реках. Во избежание пресечения скототско-греческой торговли земледельцам пришлось мириться с условиями, предложенными степняками.

Постепенно интересы сторон были согласованы. И начался процесс быстрого обогащения всех сторон и слоев обществ, которые имели отношение к воспроизводству и сбыту продукции и к последующему распределению вырученных доходов. Именно в VI в. до н.э. в лесостепях Восточной Европы стали появляться курганные некрополи, служившие местом погребения военно-купеческого сословия, стремительно выделявшегося из земледельческой среды. Время создания наиболее монументальных погребальных склепов лесостепи данной эпохи пришлось на VI — V вв. до н.э. Площадь отдельных склепов достигала нескольких десятков квадратных метров. И именно в VI — V вв. до н.э. стремительно росли и богатели торговые города греков в Северном Причерноморье.

В IV в. до н.э. разрыв между богатой верхушкой оседлого лесостепного населения и рядовыми земледельцами еще более увеличился. На это указывают погребения данной эпохи. Скрытые курганами склепы знати наполнились изделиями из золота, серебра и бронзы. Им соответствовала роскошь царских курганов скифов, созданных в то же время.

Все это указывает на то, что в IV — III вв. до н.э. скототско-греческая торговля, находившаяся под патронажем скифских царей, продолжала процветать и еще не ощутила новой степной сарматской грозы, шедшей с востока. Впрочем, греческие города предусмотрительно оделись каменными стенами.

На левобережье Среднего Поднепровья в VII — III вв. до н.э. также развивался ряд оседлых земледельческих общностей, входивших в круг так называемых скифообразных культур лесостепи железного века.

В бассейне реки Ворсклы главенствующую роль играло население Бельского городища, находящегося между руслами рек Ворсклы и Сухой Груни. Бельское городище — это крупнейшее сооружение подобного рода во всей Восточной Европе в эпоху железа. Полная площадь городища громадна — 4020,6 га. Высота опоясывающих городище валов достигает 9 м, глубина рвов 5,5 м. Общая протяженность внешних укреплений составляет 25,200 м. При этом гребень вала был увенчан деревянной оборонительной стеной.

Бельское городище состояло из трех городищ — его основы: Западного (72 га), Восточного (65,2 га) и Куземинского (15,4 га). Весьма вероятно, что население Западного городища, согласно данным археологии, этнически и культурно тяготело к общности земледельцев лесостепи Правобережного Поднепровья (бассейны рек Рось и Тясмин). Население Восточного городища представляло общность местного земледельческого населения верховой рек Ворсклы и Северского Донца.

Считается, что на Бельском городище могло проживать до пятидесяти тысяч жителей. Население городища вело оптовую торговлю с Ольвией. За валами Бельского городища работали сотни ремесленных мастерских. Тут же находилось большое святилище.

Неподалеку от внешнего вала Бельского городища, по сути являвшегося столицей оседлого населения Левобережного Поднепровья железного века, в урочищах Скоробор и Осняги находится курганный некрополь, где и поныне насчитывают не менее тысячи насыпей.

В VI в. до н.э. земледельческое население Среднего Поднепровья заселило верховья Сейма. Земледельцы выстроили на Сейме сравнительно небольшие городища, защищенные рвами и валами, содержащими деревянные конструкции. Земли в верховьях Сейма не располагали население к благодущию и безмятежности, и городища имели плотную застройку, являя собой единственно надежные убежища.

В V в. до н.э. создатели юхновской археологической культуры, занимавшие верховья рек Оки и Десны, принялись теснить земледельцев в верховьях Сейма. В IV в. до н.э. практически весь бассейн Сейма оказался во власти создателей юхновской культуры. При этом многие городища на Сейме были сожжены.

На реке Сула в раннем железном веке господствовало городище, расположенное у села Басовка. Его площадь 87 га. Басовское городище составлено из трех мысовых городищ и предградья, защищенного рвом и валом, высотой в 3 м. Жизнь на Басовском городище началась в VI в. до н.э., а расцвета достигла в V — III вв. до н.э.

Одновременно с Басовским городищем на Суле развивалось Кнышевское городище на реке Псел.

На берегах Сулы в эпоху раннего железного века возникло множество курганных некрополей. Сотни курганов той эпохи сосредоточены у современных городов Лубны и Ромны.

Особенно плотно оседлые земледельцы жили в верховьях Северского Донца. Среди городищ данного региона доминировало существовавшее с начала VI в. до н.э. по III в. до н.э. городище у хутора Городище. Его площадь 26 га. Система обороны опиралась на три линии рвов и валов. Городища верховой Северского Донца были центрами металлургического производства края. Каждое из городищ окружало несколько селищ, население которых занималось скотоводством и земледелием. При этом обязательно невдалеке от оборонительного вала городища расположен курганный некрополь — вечное прибежище смертных обитателей брэнной и одновременно прекрасной земли.

В первой половине VI в. до н.э. оседлое население верховой Северского Донца включилось в торговлю с греческими городами Северного Причерноморья. Вниз по Донцу и Дону, к пристани Танаис, поплыло множество судов с зерном. На север суда возвращались с грузом амфор, содержащих душистые вина и масла.

С рубежа VI — V вв. до н.э. по III в. до н.э. крайней на востоке группой лесостепного оседлого земледельческого населения была среднедонская общность. Она занимала берега Дона к северу от устья реки Тихой Сосны и не выше устья реки Воронеж. На правобережье среднего Дона было укреплено значительное число городищ. Это объясняется доступностью данного региона со стороны степи. А между более защищенным левым берегом Дона и руслом нижнего Воронежа преобладали открытые селения и городища было немного. Возводились городища на среднем Дону на мысах, и площадь их была сравнительно невелика.

На городищах активно развивалась металлургия. В нескольких километрах от городищ и селищ в VI — III вв. до н.э. вырастали курганные некрополи.

Одной из особенностей среднедонской группы земледельцев VI — III вв. до н.э. было то, что они первыми в лесостепях Восточной Европы вошли в соприкосновение с сарматскими кочевниками, занимавшими земли на водоразделе между Доном и Волгой, в нижнем течении рек. Кроме того, среднедонское население соприкасалось с носителями городищ и дяковской археологических культур, жившими на средней Оке и Волге. И тут мы сделаем одно весьма важное замечание. Прогресс века железа серьезно затронул население лесной полосы Восточной Европы.

Одним из следствий оказалось появление множества хорошо укрепленных городищ раннего железного века на землях не только позднейшей Южной Руси, но и будущих Черниговского, Рязанского, Владимиро-Суздальского княжеств. Многие из городищ железного века Восточной Европы в дальнейшем составили основу древнерусских городов эпохи раннего средневековья. А многие из тех городищ, брошенные людьми, остались стоять в безмолвии и забыты на берегах больших и малых рек, скрытые сенью могучих сосен, дубов и лип Средней России. Городища железного века подготовили ту материальную основу классической Руси, которая в дальнейшем, несмотря на страшные степные этнические бури, всякий раз позволяла восточным славянам восстанавливать собственные жизненные силы, а в конечном итоге и добиваться гегемонии во всей Восточной Европе.

В конце III в. до н.э. территория скифского государства сильно сократилась. Центр царской власти скифов расположился в Крыму, в городах-крепостях Неаполь (окраина Феодосии), Палакий, Хаб. Площадь скифского Неаполя составляла 20 га. Столица была окружена каменной стеной высотой в 9 м.

Скифские городища и селища Крыма застраивались каменными зданиями, сопровождавшимися хозяйственными постройками. Скифские города окружались каменными стенами и имели регулярную застройку с распланированными жилыми кварталами.

Во II в. до н.э. в Ольвии, подпавшей в зависимость от скифов, чеканили монету царя Скилура. Во второй половине I в. н.э. Ольвия вновь оказалась во

власти скифов и в городе стали чеканить монеты скифских царей Фарзоя и Иненсимея.

Оседлые скифы Крыма III в. до н.э. — III в. н.э. занимались земледелием и засеивали пшеницу, ячмень, просо, выращивали виноград. И конечно же, скифы не оставляли занятий скотоводством и придавали огромное значение разведению лошадей.

О стране сарматов Геродот, посещавший Ольвию в V в. до н.э., говорит: “За рекой Танаисом (Доном) — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадения Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажених деревьев” (IV, 21).

В IV в. до н.э. отдельные сарматские кочевья стали переходить Дон и осваивать земли днепровско-донского водораздела. В третьей четверти IV в. до н.э. сарматские кочевья обособились между руслами Дона и Северского Донца.

И тут мы обратимся к свидетельству Диодора Сицилийского (80 — 29 гг. до н.э.) “... много лет спустя, сделавшись сильнее [сарматы] опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню”. События эти следует отнести ко времени, прошедшему с последней четверти IV в. до н.э. до рубежа III — II вв. до н.э.

Первый могучий вал сарматского вторжения установился на левом берегу Днепра, но лишь для того, чтобы, переведя дыхание, в дальнейшем совершить новый грандиозный поход на запад, вплоть до среднего Дуная.

Уместно напомнить, что в первой трети III в. до н.э. пала скифская цитадель в устье Дона — Елизаветинское городище. На рубеже III — II вв. до н.э. жизнь пресекалась на громадном Каменском городище, бывшем скифской твердыней на Днепре ниже порогов. Но скифы сумели удержать земли в низовьях Днепра ниже Каменского городища. А главное за скифами остался Крым. Этот полуостров можно сравнить со своеобразным городищем, отовсюду окруженным морем и имеющим единственный въезд с севера.

Для удержания стратегически важного, в буквальном смысле золотоносного, нижнего Днепра скифы на рубеже III — II вв. до н.э. возвели на его берегах ряд новых городищ, доживших до нашествия готов (III в. н.э.).

Скифы в VIII — V вв. до н.э. были мужественными воинами, неукротимость духа которых склоняла перед ними любую силу. Достаточно вспомнить о походах скифов в Азию, о войне с Дарием, о сражениях с Македонией. К IV — III вв. до н.э. скифы в значительной степени осели на землю, знать погрязла в роскоши и участь народа была предрешена. В степи может господствовать, и при этом выживать, лишь степняк — суровый воин, пьющий росу и питающийся свежим душистым ветром. Представители восточного крыла индоевропейцев — сарматы — были теми же кочевниками евразийских степей, что

и скифы. Сарматы и скифы вели происхождение от одной срубной археологической культуры XV — X вв. до н.э. И вот к III в. до н.э. сарматы оказались сильнее ушедших пятью столетиями ранее на запад соотечественников — скифов. Сарматы не селились в поселках и городищах, не вели счет греческим амфорам и монетам. Зато сарматы не расставались с древком копья, не снимали из-за плеч колчана со стрелами и редко спускались со спины лошади или из повозки на землю.

В то же время громадную, подвижную подобно ртути, общность сарматов, области которых простирались к востоку от Дона и Волги вплоть до юга Урала, не мог не манить блеск европейской цивилизации античной эпохи, глубина и сила культуры которой и спустя тысячелетия приводят в трепет всякого обратившего взор в ее сторону.

Справедливости ради заметим, что восточные группы сарматов юга Урала, нижней Волги и Северного Кавказа еще в IV — III вв. до н.э. вели торговлю с городами Средней Азии. А около середины II в. до н.э. тохары, бывшие индоевропейскими кочевниками евразийских степей, весьма близкие сарматам, вторглись в пределы греко-бактрийского государства (верхнее и среднее течения Аму-Дарьи и реки Теджен) и завоевали его.

Конец господству иранских кочевников — скифов и сарматов — в степях Евразии положили два удара чудовищной силы. Первый был нанесен с северо-запада, с Балтики, в середине III в. н.э. германским народом, именуемым готами. Окончательная катастрофа наступила после 375 г. н.э., когда гуны переправились на правый берег Волги и начали победоносный поход в Европу. Гунов остановили в 451 г. н.э. на северо-востоке Франции силами слабевшего Западного Рима и союзных ему германцев. Но мы несколько забегаем вперед.

Вторжение сарматов в степи Северного Причерноморья не могло не отразиться на жизни земледельческого (сколотского) населения лесостепей Восточной Европы. Мало того, что речные пути, ведущие к греческим рынкам и ранее охранявшиеся скифами, стали не безопасны, многие городища и селения земледельцев лесостепей были разорены сарматами. В итоге старые скифообразные культуры оседлых земледельцев лесостепи пресекались. Но то было прологом к рождению новой праславянской археологической культуры II в. до н.э. — I в. н.э. в правобережье среднего Днепра — зарубинецкой.

1.2. Европейская археология

Прежде чем описывать дальнейшее развитие праславянской — сколотской — общности Восточной Европы, обратимся к Европе Центральной и к тем внешним и внутренним обстоятельствам, которые сопутствовали развитию праславянской общности центра континента. И тут мы вновь обратимся к данным археологии за неимением письменных источников, освещающих вопрос.

Если начало тотальной индоевропеизации Европы следует отнести к середине IV тыс. до н.э., ко времени появления древнейших курганных некрополей на континенте, то начало эпохи сравнительной стабилизации и достаточно устойчивого оседания бывших индоевропейских кочевников на землях Европы следует отнести к XIII — VIII вв. до н.э., ко времени эпохи полей погребений или погребальных урн.

Последнее грандиозное вторжение индоевропейских всадников и колесниц, шедшее из глубин евразийских степей в центр Европы, в долину среднего Дуная, произошло в XV — XIV вв. до н.э. (кл. курганных погребений). После XV в. до н.э. произошел окончательный разлом, наметившийся еще в IV тыс. до н.э., между западной и восточной группами индоевропейцев Евразии. Носители срубной археологической культуры XV — X вв. до н.э., развивавшейся на Нижнем Дону и Волге, обозначили рубеж протоиранской общности. Представители культур полей погребений центра Европы XIII — VIII вв. до н.э. обозначили границы западной общности индоевропейцев.

На востоке Европы разлом между западной и восточной группировками индоевропейцев прошел южной границей лесостепи, к северу от днепровских порогов и устья реки Тихой Сосны на среднем Дону. В центре Европы естественными рубежами, ограждавшими оседлый быт индоевропейцев от беспокойной степи и обитавших в ней кимерийцев, скифов и сарматов, служили склоны Альп, Карпат и Балкан. Горные системы Центральной Европы отовсюду стягивали скалистыми, покрытыми лесом, отрогами бурлящий мешок дунайской долины.

Ведущей культурой эпохи полей погребений в Европе оказалась лужицкая. Ее территория в XIII — VIII вв. до н.э. охватила бассейны Вислы, Одера, верхнее и среднее течения Лабы и верховья Моравы и Вага (левые притоки среднего Дуная). Эпоха полей погребений в Европе отмечена широчайшей экспансией народов — носителей данной традиции. Вторжения представителей культур полей погребений центра Европы в XIII — VIII вв. до н.э. пережили Апеннины, Пиренеи, Британия. Франция, Скандинавия. Территория лужицкой культуры, и особенно ее карпатские районы, в XIII — VIII вв. до н.э. оказалась наиболее экономически развитой провинцией центра и севера Европы. Тут динамично развивалась металлургия.

События, приведшие к смене хозяев в степях Северного Причерноморья, докатились гулким эхом до центра Европы. В результате в VIII — VII вв. до н.э. экономическое лидерство в Европе переместилось под сень Альп, служивших действенной защитой от степняков.

В Европе началась эпоха Гальштата. А протославянский мир центра Европы вступил в длительный период противостояния двигавшимся с запада кельтам и шедшим с севера (из Скандинавии) германцам.

Если скифы сумели накинуть полог скифообразной культуры на оседлых жителей лесостепи Восточной Европы, то кельты с меньшим успехом распространяли в центре и отчасти на востоке Европы собственное культурное влияние. Это время V — I вв. до н.э. получило название эпохи Латена.

Северные рубежи протославянского мира центра Европы начиная с VIII — VI вв. до н.э. подвергались постоянным вторжениям германских народов. Лады, полные германских выходцев из Скандинавии, постоянно причаливали в устьях Вислы, Одера и Лабы. Таким образом земли протославян в VIII — I вв. до н.э. оказались под тройным ударом. С запада на славян надвигались кельты, гонимые из Галлии (Франции) частыми дождями и наводнениями. Кельты с четкостью заведенного часового механизма возводили на землях центра Европы опидиумы — крепости — и подтягивали к ним дороги. Германцы и иранские всадники (скифы, сарматы) с двух сторон стремились навстречу друг другу, рассекая славянский массив населения Европы. Так исподволь, с ходом столетий, вырабатывалось генеральное направление в расселении славян — северо-восточное.

Земли лесной полосы Восточной Европы не были для индоевропейцев, и в частности славян, неведомой страной. Создатели культур боевых топоров и шнуровой керамики на рубеже III — II тыс. до н.э. исходили, гоня впереди себя стада, долины Волги, Дона, Оки, Западной Двины, Днепра едва ли не всюду. Эти индоевропейские пастухи создали основу сложения балтской общности континента и заложили определенный этнический пласт в сложение славянской и германской общностей Европы.

В VIII — III вв. до н.э. новое индоевропейское вторжение, порожденное немирным в среднеднепровской лесостепи, всколыхнуло дремучие леса Восточной Европы. Не случайно именно в раннем железном веке на Русской равнине, в полосе лесов, возникли многие городища, впоследствии ставшие основой древнерусских городов.

После ряда внешних ударов и внутренних трансформаций во II в. до н.э. славянская общность центра и востока Европы вновь обрела устойчивость. Это выразилось в рождении пшеворской археологической культуры II в. до н.э. — V в. н.э. на территории Польши и зарубинецкой культуры II в. до н.э. — пер. пол. I в. н.э. на правобережье среднего Днепра.

Рождению пшеворской культуры предшествовал длительный период развития протославянских наследников создателей лужицкой культуры, которым пришлось поглощать или отражать германцев в VI — I вв. до н.э., беспрестанно высаживавшихся на южном побережье Балтики. В результате длительной борьбы двух индоевропейских общностей протославяне, сидевшие по берегам Одера и Вислы, пережили ряд культурных эволюций, вылившихся в рождение поморской археологической культуры VI — II вв. до н.э. и подклошевой культуры V — II вв. до н.э. Создателям этих культур и наследовали носители пшеворской культуры II в. до н.э. — V в. н.э.

Создатели пшеворской культуры располагали рядом мощных высокопроизводительных металлургических центров. Крупнейшим, по-видимому, был Свентокжицкий. На территории комплекса открыто несколько тысяч остатков сыродутных металлургических горнов. Источником сырья пшеворской металлургии служили многочисленные рудники Карпат, снабженные совершенными для своего времени системами креплений и подъемных механизмов. Потребляли продукцию металлургов земледельцы, сидевшие по берегам Одера, Вислы и Западного Буга, но не только они. К III—IV вв. н.э. металлургический комплекс пшеворской культуры перерос рамки собственной территории и его продукция достигла пределов Римской империи.

Могущество славянской металлургии не могло не способствовать прогрессу земледельческой отрасли. Сельскохозяйственные орудия, служившие для возделывания земли под посевы ржи, пшеницы, ячменя, овса, льна, бывшие долгое время деревянными, медными, бронзовыми, повсеместно стали меняться на металлические. Объемы сельскохозяйственного производства начали возрастать, и это вело к росту численности населения и к расширению возделываемых площадей.

Жили земледельцы, скотоводы и ремесленники пшеворской культуры в наземных домах столбовой конструкции. Стены домов складывали из бревен и укрепляли шипами, входившими в пазы стоявших по углам столбов. Топили дома очагами или печами, находившимися в центре или в углу помещения.

Кроме наземных жилищ у пшеворцев были широко представлены полуземлянки. Они уступали по площади наземным зданиям и отапливались очагами. Длинной стеной строения обращались к солнцу. Крышей жилищам служил двухскатный деревянный каркас, укрывавшийся соломой, а возможно, и дерном.

Селения у создателей пшеворской культуры располагались традиционными для славян, разнесенными друг от друга кустами. Кусты составляли разбросанные по речной долине селения. В селениях вокруг жилищ теснились хозяйственные постройки, каменные очаги и ямы-зернохранилища. Помимо бревен при строительстве использовали плетни и глиняную обмазку.

Вблизи селений располагались кладбища. На них отсутствовали курганы. Хоронили в грунтовых могилах прах, сокрытый в сосудах, подобно тому как это делали в эпоху полей погребений или погребальных урн. Умерших сжигали на стороне. Нередко прах помещали на дно грунтовой ямы без сосуда.

Давление кельтов и германцев смещало площадь, занятую создателями пшеворской культуры, к востоку. Во второй половине II в. до н.э. часть населения пшеворской культуры, ранее жившего между Одером и Вислой, перешло на земли Галиции и Волыни, в верховья Днестра и Припяти. Но в I в. до н.э. и до середины I в. н.э. их поселения в Волыни и в Галиции были немногочисленны.

В конце II в. н.э. новый поток представителей пшеворской культуры с берегов Одера и Вислы устремился на земли Галиции, Волыни и Подолии. На этот раз причиной переселения могло оказаться движение германского народа — готов, продвигавшихся из низовья Вислы на Волынь и далее в степи северного приазовья и в долину среднего и нижнего Дуная.

Историк готов Иордан в книге «О происхождении и деяниях гетов» (551 г. н.э.) так рассказывает об эпическом походе, совершенном его предками: «... готы помнят, что они некогда вышли вместе со своим королем по имени Бериг с этого острова Скандзы [из Скандинавии]». Далее Иордан повествует: «... войско готов вместе с семьями двинулось оттуда [с нижней Вислы, где высадился Бериг]. В поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения они пришли в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум [весьма вероятно, что готы помнили предания древних германцев, изложенные Снорри Стурлусоном в XIII в. в книге «Круг земной», о том, что страна где жили их предки располагалась к востоку от Дона]. Иордан написал Oium. В латыни есть слово agea — открытая возвышенность. В санскрите есть слова agia и okue.

Далее Иордан свидетельствует: «Первое расселение готов было в Скифской земле, около Меотийского болота [у Азовского моря], второе — в Мизии, Фракии и Дакии [на среднем и нижнем Дунае], третье — на Понтийском море, снова в Скифии».

Так в III—IV вв. н.э. на востоке и в центре Европы сложились два германских союза — везиготов на Дунае и остготов в Северном Причерноморье.

Кстати будет привести данные Иордана о славянах: «... от истока реки Вистулы [Вислы] на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами.

Славяне живут от города Новиетуна [город Новиодун, совр. город Исакача на правом берегу Дуная] и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра и на севере до Висклы [реки Днестр и Висла]; болота и леса заменяют им города. Анты же самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу [черноморская лука моря или лукоморье], простираются от Данастра вплоть до Данапра».

Тут же приведем данные о славянах римского автора Тацита (98—117 гг. н.э.) из его работы «О происхождении германцев»: «Отнести ли певкинов [Певка — остров на нижнем Дунае], венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды переняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по

лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

Но вернемся к пшеворской культуре. В I—III вв. н.э. не только росло число поселков данной культуры, но и увеличивались площади селений. А это значит, что шел быстрый прирост численности населения.

Кельтское влияние на славян центра Европы отразилось не только в металлургии и в иных отраслях хозяйства, но и в погребальных обрядах. Создатели пшеворской культуры подобно кельтам помещали в могилу приведенное в негодность оружие. На дно ямы клали сломанные мечи, переломленные копья, кинжалы, щиты. Иногда оружие вонзали в землю рядом с прахом погребенного. Объясняют подобный обычай либо страхом живых перед мертвым, либо стремлением «умертвить» оружие, дабы оно послужило хозяину в ином мире.

1.3. Славяне II в. до н.э. — V в. н.э.

И тут мы перейдем к повествованию о зарубинецкой археологической культуре во II в. до н.э. — I в. н.э., развивавшейся в бассейне среднего Днестра, к северу от устья Роси и к югу от устья Березины. Война, разразившаяся между скифами и сарматами в IV—II вв. до н.э., привела к очередной смене эпох в среде оседлых земледельцев лесостепей Восточной Европы. Потрясение, пережитое скотским миром, перечеркнуло весь прежний строй устойчивых торговых, культурных и иных связей и взаимоотношений прошлого и открыло новую страницу в истории праславян Восточной Европы, нашедшую материальное отражение в зарубинецкой культуре.

Значительный элемент западнославянского населения Среднего Поднепровья II—I вв. до н.э. составили выходцы из бассейна Одера и Вислы, представители поморской и подклошевой культур предыдущей эпохи. Без сомнения, в сложении зарубинецкой культуры приняли участие и выходцы из мира фракийцев и иллиро-венедов, теснимых кельтами на Балканах и в центре Европы. Кроме того, фракийцам во II—I вв. до н.э. пришлось столкнуться с германцами, шедшими с севера Европы на плодородные земли в долине Дуная. А движение кельтов в центре Европы было столь широким и успешным, что в III в. до н.э. кельтские селения стали появляться на землях Галиции, в бассейне верхнего Днестра.

Уже на раннем этапе развития зарубинецкой культуры ее создатели озаботились обороной и принялись за строительство новых и укрепление старых городищ, расположенных на высоком правом берегу Днестра к северу от устья Роси, вплоть до Киевских холмов.

Выше по Днепру, в районе, на юге ограниченном устьем реки Сож, а на севере устьем Березины, в то же время возникла цепь городищ, призванных стеречь покой местных земледельцев.

Селения представителей зарубинецкой культуры во II в. до н.э., возникшие в центре припятского Полесья, на правобережье нижнего течения реки Горыни, не нуждались в защите укреплений ввиду непроходимости окрестных лесов и болот и городищ там строить не стали.

Не забыли во II в. до н.э. земледельцы и скотоводы зарубинецкой культуры и давно обжитые скотами VII—III вв. до н.э. богатые разнотравьем и плодородными почвами долины верхнего Южного Буга, Сейма, Сулы, Тясмина. На раннем этапе развития культуры земледельческое население в бассейнах указанных рек было немногочисленно.

В I в. до н.э. плотность земледельческого населения зарубинецкой культуры возросла, и прежде всего это коснулось правобережья Днестра от устья Роси до устья Ирпени. Число городищ на данной территории увеличилось вдвое. Росла плотность оседлого населения и в бассейне реки Тясмин, в низовье Горыни и на Южном Буге, в долине левого притока речки Соб.

Без сомнения, определенную роль в сложении и быстром развитии зарубинецкой культуры играли потомки скотов Среднего Поднепровья VII—III вв. до н.э. Именно скоты в значительной степени подготовили материальную основу славянских культур Восточной Европы I тыс. н.э. Потери, понесенные скотами в III в. до н.э. от немирья в степях Северного Причерноморья и передела власти между сарматами и скифами, были восполнены славянами, шедшими из центра Европы. Это вполне согласуется с повествованием начальной летописи Руси.

На раннем этапе развития зарубинецкой культуры городища, как правило, занимали мысы коренного берега, выдававшиеся в поймы рек. Мысы от равнины ополья отсекали линиями рвов и валов.

В первой половине I в. до н.э. наступила пора кратковременного затишья в лесостепях Среднего Поднепровья, и земледельцы, прежде скрывавшиеся за валами городищ, принялись строить небольшие открытые селения, разбросанные в долинах рек, поближе к черноземам и тучным пастбищам. Но еще ранее, всю вторую половину I в. до н.э., земледельцы Среднего Поднепровья, чувствуя угрозу степи, неустанно укрепляли городища. Подсыпались валы, углублялись и расширялись рвы, а по гребню вала вкапывали бревна частоколов, дополнительно укреплявшихся плетнями и глиняной обмазкой.

Жилища создателей зарубинецкой культуры были невелики. Стены возводили из столбов, крепивших плетни, обмазанные глиной. В центре жилища находился очаг. Вокруг жилища находились многочисленные ямы, служившие для хранения продуктов.

В среде создателей зарубинецкой культуры господствовало трупосожжение, что является продолжением традиции эпохи полей погребений VIII — VII вв. до н.э. центра Европы.

Как отмечалось выше, ведущей отраслью хозяйства зарубинецкой культуры было пашенное земледелие. Систему земледелия можно определить как перелог. То была эксплуатация пашни столько сезонов, сколько она давала достаточные урожаи. После истощения пашни вспахивали иные земли, благо в ту пору в Восточной Европе их было вдосталь.

Урожаи пшеницы, проса, ячменя и иных культур жали серпами и косили косами. Зерно, хранившееся в узкогорлых ямах, перетирали зернотерками. Из муки на очагах пекли хлеб и лепешки. Огороды засевали репой. Практически на всех индоевропейских языках репа имеет одинаковое название. Это указывает на глубину истории данной огородной культуры.

Одежда населения, видимо, изготавливалась не только из шерсти, но из льна, ибо лен широко выращивался на среднем Днепре. Кроме того, в ход шли шкуры крупного и мелкого рогатого скота, во множестве пасшегося на тучных лугах лесостепи. В одежде использовали также мех многочисленных, еще в эпоху Киевской Руси на среднем Днепре, куниц, бобров, лисиц и огромного количества иных диких животных от медведя до рыси. Овцы поставляли шерсть для валяния войлока.

Создатели зарубинецкой культуры продолжали вести торговлю с Ольвией и иными городами греков в Северном Причерноморье. И хотя объемы торговли уменьшились, ежегодно со скифских городищ наблюдали сотни ладей и челнов, везших к устью Днепра зерно, пушнину, мед, воск.

Недаром в жилищах скифов II — I вв. до н.э., раскиданных по берегу Днепра ниже порогов, находят зарубинецкую керамику.

Челны носителей зарубинецкой культуры выдалбливали из ствола ивы или дуба. Однодревки достигали восьми и более метров в длину и были весьма вместительны.

Во второй половине I в. до н.э. земледельцам Среднего Поднепровья пришлось пережить очередной натиск степи. Сарматские погребения во второй половине I в. до н.э. и в первой половине II в. н.э. распространились в долинах рек Рось, Россава, Тясмин. Земледельцы не сумели отстоять земли, лежащие между реками Рось и Стугна. Городища и селения в данной местности были оставлены, и место пахаря, возделывающего ралом чернозем, занял сарматский кочевник.

Население, создавшее позднезарубинецкую археологическую культуру, устремилось прочь из бассейна Роси. С этим можно связать то, что в I в. до н.э. многочисленные городища и селения земледельцев возникли в верховьях рек Северский Донец, Ворскла, Псел, Сейм. Часть земледельческого населения укрылась на лесистых берегах средней Припяти. Не забыли земледельцы и давно обжитых

верховьев Южного Буга. Жили представители позднезарубинецкой культуры и на берегах среднего Днепра, но уже севернее устья Десны и Киевских гор. Южным рубежом земледельцев служил левый берег реки Стугны. В эпоху Киевской Руси по Стугне шел второй рубеж обороны столицы.

В I в. н.э. земледельцы, сидевшие в низовьях реки Горыни, среди полесских лесов, покинули обжитые места, и причина этого не ясна.

Одновременно в I в. н.э. продолжалось движение славянского населения из центра Европы, с земель, занятых пшеворской культурой, в лесостепи Русской равнины, на левобережье среднего Днепра.

Позднезарубинецкое земледельческое население бассейна реки Десны в I в. н.э. вобрало в свою среду часть балто-славянского населения юхновской археологической культуры. В результате на берегах Десны в I в. н.э. произошло очередное смешение славян и восточных ославяненных балтов. Это процесс, издревле повторяющийся на границе лесов и лесостепей Восточной Европы.

В конце I в. до н.э. во главе союза дако-фракийских народов центра Европы встал царь Бурбиста. На рубеже эр часть дакийского населения, уступая натиску римских легионов, покинула земли в современной Румынии. И в то же время земли в бассейнах рек Днестр и Прут и на юго-востоке Словакии оказались занятыми дако-фракийским населением. При этом фракийцы теснили кельтов, а сарматы набегами беспокоили фракийцев. Так на землях Галиции среди славянских земель в I в. н.э. — до сер. III в. н.э. родилась и развивалась липицкая археологическая культура. Создателями культуры было дако-фракийское население Центральной Европы.

Автор “Естественной истории в 37 книгах” Гай Плиний Секунд, живший в 23 — 79 гг. н.э. в Римской империи, был осведомлен о славянах, именуемых иначе венедами: “... Энингия. Некоторые передают, что она населена вплоть до реки Висулы сарматами, венедами...” У Снори Стурлусона в книге “Круг земной” есть фраза: “... что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые Энеей”. Энингия Плиния походит на Энею Стурлусона.

Но тут мы вновь возвратимся к истории готов и к повествованию Иордана: “Когда там выросло великое множество люда [на Висле], а правил всего только пятый после Берига король Фелимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда”.

Поначалу готы жили на нижней Висле. По мере роста населения готы стали двигаться на Волынь. Первый этап развития вельбарской археологической культуры, создателями которой, как полагают, были готы, приходится на середину I в. н.э. — конец II в. н.э. Территория культуры занимала земли в среднем и восточном Поморье и на севере Великой Польши.

Начиная с конца II в. и вплоть до IV в. н.э. памятники второго этапа вельбарской культуры последовательно проникают в бассейн Западного Буга и далее в верховья рек Волыни — Стыри, Го-

рыни и, наконец, появляются в верхнем течении Южного Буга.

Археология отслеживает два потока переселенных носителей вельбарской культуры на юго-восток. Время первого перемещения относят на вторую половину II в. — начало III в. н.э. При этом крайний на востоке памятник вельбарской культуры расположен в низовьях реки Сейм. Время второго потока относят на вторую четверть III в. н.э.

Помимо носителей вельбарской культуры переселенческим потоком на юго-восток было увлечено и пшеворское (западнославянское) население. Памятники двух культур расположены на Волыни вблизи друг от друга. В V в. памятники вельбарской культуры на Волыни прекратили функционировать.

К яркой особенности вельбарской культуры следует отнести традицию создания погребальных курганов, сложенных из камня и каменных кругов, окружающих погребение. Схожие погребальные памятники в ту же эпоху создавались в Скандинавии.

Пока готы обосновывались в стране Ойум, где их король “восхитился великим изобилием тех краев”, в Среднем Поднепровье произошла очередная смена эпох. На место зарубинецкой и позднезарубинецкой культур II в. до н.э. — II в. н.э. пришла новая археологическая культура (киевская) III — начала V вв. При этом юго-западная граница оседлых земледельцев лесостепей прошла по берегу реки Стугны. Северный рубеж киевской культуры прошел через устье реки Друть (правый приток Днепра). Восточная граница культуры пролегла по верхнему Сейму (район г. Курска). Особенно густо поселки земледельцев расположились в районе Киева, в треугольнике, ограниченном руслами рек Днепр, Ирпень и Стугна, и на берегах Десны, в районах городов Чернигов и Новгород-Северский.

Заметим, что древнерусские восточнославянские корни в лесостепях Восточной Европы настолько глубоки, что ставить начальную точку временного отсчета весьма непросто. Решение данного вопроса требует глубоких знаний и внимательного отношения.

Киевская археологическая культура Среднего Поднепровья развивалась одновременно с грандиозной во всех отношениях, богатой импортом и монетами, черняховской археологической культурой юга Восточной Европы.

Экономические связи двух культур были весьма тесны. Главным образом они характеризовались поступлением черняховского импорта провинциально римского типа на средний Днепр. Как и в I тыс. до н.э., руслом Днепра в селения земледельцев лесостепи в обмен на зерно, пушнину, мед поступали поздне-римские амфоры, столовая керамика, вина, монеты.

В IV — начале V вв. связи создателей киевской и черняховской культур упрочились и возросли в объемах. Кроме того, часть представителей киевской культуры была вытеснена из правобережья среднего Днепра создателями черняховской культуры.

Этнически создатели киевской археологической культуры принадлежали большой праславянской общности Восточной Европы первой половины I тыс. н.э. При этом следует учитывать, что помимо представителей разгромленной сарматами зарубинецкой культуры на среднем Днепре было немало наследников создателей пшеворской культуры, теснимых в центре Европы. Кроме того, в составе населения киевской культуры был представлен балто-славянский этнический пласт, некогда создавший милоградскую археологическую культуру лесной полосы Среднего Поднепровья. Во многом именно балто-славянский этнический субстрат придал киевской культуре восточноевропейское своеобразие, в дальнейшем заложившее основу колочинской и пражско-пеньковской археологических культур Русской равнины.

Население киевской культуры занималось пашенным земледелием и скотоводством.

Как и в I тыс. до н.э., в III — IV вв. н.э. на землях лесостепей Восточной Европы жители поселков вспахивали земли деревянными ралами, снабженными железными наральниками, и засевали пашню семенами проса, пшеницы, ржи, ячменя, овса, льна. В конце лета урожай жали серпами, мололи цепями и ссыпали выращенное в ямы-хранилища и в многочисленные керамические сосуды. Перетирали зерно в муку на ручных мельницах.

Селения земледельцев располагались кустами, цепью растянутыми по долинам рек. Жилища представляли собой дома, углубленные в землю. Конструкция стен была либо столбовой, либо представляла собой обычный бревенчатый сруб. Вокруг жилищ были разбросаны ямы-зернохранилища и очаги.

Ремесленники производили всю необходимую земледельцам продукцию. Об уровне развития ремесел говорят многочисленные на территории киевской культуры украшения с выемчатыми эмальями. Впрочем, подобные украшения в данную эпоху были распространены едва ли не всюду в Восточной Европе. Подобная широта распространения украшений в III — IV вв. н.э. на Русской равнине указывает на освоение торговых путей, в том числе и речных волоков.

И, наконец, мы подошли к рассмотрению черняховской культуры II — V вв. н.э. Этнический состав создателей культуры вобрал в себя все многообразие народов, явившихся на юг Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. В нижнем течении Днепра в III — IV вв. продолжали существовать позднескифские поселения и небольшие по площади городища. В степях, раскинувшихся от дельты Дуная до устья Днепра, кочевали сарматы.

На верхнем Днепре в I — II вв. н.э. проживало фракийское население (липицкая кл.). В III — IV вв. фракийцев оттуда вытеснило в бассейны рек Прут и Тиса славянское население пшеворской культуры.

С северо-запада, из бассейна Вислы, на земли Волыни и Подолии во II — III вв. продвигались готы (вельбарская кл.) и западные славяне (пшеворская кл.).

В северных землях распространения черняховской культуры, полосе лесостепей Среднего Поднепровья, проживали наследники земледельцев-сколотов эпохи Геродота и создателей зарубинецкой культуры рубежа эр. Это было праславянское население Восточной Европы.

Каждая из вышеперечисленных этнических общностей внесла определенный вклад в сложение грандиозной черняховской культуры. Но вклады были не равнозначны. Преобладание славянского элемента, имевшего наиболее прочные корни в лесостепях Восточной Европы, обеспечили черняховской культуре определенное единство и устойчивость, распространившиеся на громадной территории в правобережье нижнего Днепра.

Скифы и сарматы на юге распространения черняховской культуры привнесли в круг ее памятников присущие иранским кочевникам погребальные комплексы-катакомбы и могилы с подбоями. Кроме того, скифы и сарматы в III — IV вв. на северном побережье Черного моря строили каменные усадьбы. Они включали многокомнатные дома с внутренним двором и каменной оградой. О присутствии скифов и сарматов в среде черняховской культуры говорит и лепная керамика, присущая иранским кочевникам предшествовавших эпох.

Германский этнический элемент в составе населения черняховской культуры представлен создателями сравнительно крупных домов, площадь которых порой превышала сто квадратных метров и включала две секции — жилую отапливаемую и хозяйственную. Число подобных домов, характерных для германского населения северо-запада Европы, на юге Русской равнины во II — V вв. было невелико.

Славянское население, вошедшее в состав создателей черняховской культуры, было расселено по берегам рек Прут, Днестр, Южный Буг, средний Днестр с притоками: Тетерев, Рось, Тясмин, Сейм, Сула, Псел, Ворскла и верховья Северского Донца. Восточные славяне II — V вв., именуемые источниками антами, не просто удержали за собой земли по берегам Днестра, Южного Буга и среднего Днепра, но и расширили свои владения к югу, вплоть до северного побережья Черного моря.

Среди внешних причин расцвета развитой экономически, богатой импортом культуры юга Русской равнины была и та, что дала повод автору “Слова о полку Игореве” назвать II — IV вв. веками трояновыми. Русский поэт XII в. восклицал, “Были вечи Трояни”. Ниже в поэме читаем: “На седьмомъ вѣце Трояни врьже Всеславъ жребий о девицу себе любу”. “Слово” писалось около 1185 г. Если вичеть семь веков, получим дату 485 г.

Ко времени начала сложения черняховской культуры рубежи Римской империи подошли к гирлу Дуная и фактически сомкнулись с землями славян, населявших долины Днестра и Прута.

Соседи быстро ощутили выгоды взаимной торговли и, служа ее потребностям, вдоль русел рек Прута и Днестра, от Дуная на север, пролегла тропа Трояна.

Троян (53 — 117 г.) — это римский император. К 106 г. империя завоевала Дакию и тропа Трояна начала свою многотрудную жизнь. Торговые пути, объединившие Апеннины и Элладу с Русской равниной и всей Восточной Европой, очень быстро наполнились потоками зерна, пушнины, воска, меда. Навстречу им с юга шли монетное серебро, амфоры и иная продукция центров империи. Во II — IV вв. в степях юга Восточной Европы кочевники не препятствовали торговле славянского севера и греческого и римского юга. О мирном характере “веков Трояновых” говорит то, что поселения черняховской культуры были лишены укреплений. Лишь три городища черняховской культуры известны археологам — городище Башмачок на Днестре, Городок на Южном Буге и Александровка на реке Ингулец. Городища были невелики по площади, занимали мысы коренного берега и с напольной стороны отсекались рвом и валом. На валу стояли каменные стены. Время жизни на городищах относятся к IV в.

Селения черняховской культуры представляли собой вытянутые вдоль рек ряды домов, окруженных хозяйственными постройками, очагами и ямами-зернохранилищами, защищавшимися деревянными навесами. Среди жилых домов преобладали полуземлянки со стенами столбовой конструкции, державшими плетень, обмазанный глиной. Здания укрывались двухскатной соломенной крышей. Отапливали жилища печами или очагами.

Погребальный обряд сочетал в себе трупосожжение с трупоположением, то есть был биритуален. Черняховские захоронения лишены курганных насыпей. Это указывает на центральноевропейскую природу культуры, вобравшей традиции эпохи полей погребений XIII — VIII вв. до н. э. и наследовавших ей пшеворской и зарубинецкой культур.

Потрясает обилие монет Римской империи на землях распространения черняховской культуры. Более всего римских монет находят в полосе лесостепей, на землях Галиции, Волыни, Подолии, в верховьях Южного Буга и на среднем Днестре, от порогов на юге до верховья реки Сейм на северо-востоке. Громадное количество римских монет в III — IV вв. сконцентрировалось на территории, ограниченной с юга рекой Рось, с востока Днестром, а с севера рекой Тетерев. Это земли будущего киевского княжества.

Большое количество римских монет указывает на высокий потенциал черняховской культуры и на ее практически неограниченные экспортные возможности. Это обеспечило населению, создавшему черняховскую культуру, небывалое благоденствие.

В широкой исторической перспективе создатели черняховской и киевской археологических культур оказались тем последним праславянским этническим пологом Восточной Европы, который предшествовал рождению Руси раннего средневековья. Классическое славянство Европы вышло на евразийскую сцену в V — VII вв. в лице создателей археологической культуры Прага — Корчак.

Однако громадность земель континента, в V — VII вв. населенных славянами, указывает на то, что без предварительного освоения и создания значительного материального задела на просторах Центральной и Восточной Европы подобная расселенность одного народа едва ли была возможна. Но рождению культуры Прага — Корчак и гегемонии славян на значительной территории Европы предшествовали бурные события мировой истории. И тут мы вновь обратимся к Иордану.

“Готы не пожелали мирно жить со славянами и король Херманарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за их вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться”. Далее Иордан вновь поясняет: “Они же, как мы сказали в начале изложения или в каталоге народов, произойдя из одного корня, породили три народа, то есть венетов, антов и славян, которые, хотя теперь свирепствуют всюду, по грехам нашим, тогда, однако, все подчинились власти Херманарика”.

Спор германцев со славянами на юге Восточной Европы разрешился неожиданным образом. В 375 г. через Волгу переправились кочевья гуннов. Их стремительное вторжение в Европу стало последним аккордом античной истории Древнего Рима и одновременно прологом истории средних веков. Вторжение гуннов, народа неиндоевропейского, вышедшего из глубин Восточной Азии, обернулось для Европы чудовищным бедствием. Первой жертвой гуннов оказались аланы — иранские (восточноиндоевропейские) кочевники, обитавшие на нижнем Дону. Аммиан Марцелин свидетельствует: “Гунны вторглись в земли тех алан, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танамтами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они [гунны] с большей уверенностью внезапно натиском ворвались в обширные и плодородные владения Херманарика [король остготов]... Пораженный силою внезапно надвинувшейся бури, он долго пытался удержаться твердо и прочно, но потом, когда молва преувеличила свирепость нападавших, он добровольною смертью подавил страх больших бедствий”.

Интересные подробности приведены у Иордана: “... пока он [Херманарик] думал о нашествии хуннов... неверный род Росомонов [Rosomogum gens], который тогда наряду с другими выказывал покорность ему, воспользовался следующим удобным случаем обмануть его. Ведь после того как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив [лошадей] бежать в разные стороны, ее братья Сар и Амий, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманарика. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь вследствие немощи тела.

Узнав об этом его нездоровье, Баламбер, король хуннов, двинул войско в край остготов, от союза

с которыми везеготы уже отказались вследствие некоего междоусобного раздора. Между тем Херманарик, столь же не вынеся страданий от ран, сколь и нападения хуннов, в преклонных годах и насытившись жизнью, умер на сто десятом году своей жизни”.

Так остготы попали под власть гуннов и обратили взор к северу, на земли славян-антов. Впрочем, вновь обратимся к Иордану: “О них известно, что после смерти их короля Херманарика они, отделенные от везеготов вследствие ухода [последних], подчиненные власти хуннов, остаются в той же самой стране, однако Амал Винитарий удержал знаки отличия своей верховной власти.

Он, подражая власти деда Вултулфа, хотя и уступал Херманарику в счастье, однако тяжело снося подчинение власти хуннов, понемногу вызволяя себя от них, между тем стремился проявить собственную доблесть [и] двинул войско в пределы антов. И когда подошел к ним, был побежден в первой стычке, затем повел [себя] более храбро и короля их по имени Боз [Boz] с сыновьями его и 70 знатными людьми распял, чтобы трупы повешенных удваивали страх покоренных.

Но после того, как он с такой свободой повелевал едва ли в течение года, [этого] не потерпел Баламбер, король хуннов.

... В третьем же сражении, при помощи обмана, у реки по имени Эрак [Egac], когда оба подошли друг к другу, Баламбер, ранив пушенной стрелой в голову Винитария, убил [его], а с племянницей его Вадамеркой, соединившись в браке, овладел всем народом готов”.

И тут мы обратимся к “Слову о полку Игореве”: “... уже врьжеса Дивъ на землю. Се бо готския красныя девы въсепеша на брезе синему морю: звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово”. Получается, что в 1185 г. на Руси прекрасно помнили времена антского “короля” Боза или Божа и готов, звонивших русским золотом на берегах синего [Черного] моря.

Дикая, неудержимая подобно порыву ветра, степная лава гуннов обросила остготов из степей Северного Причерноморья на берега Днестра. Но и тут гунны вскоре настигли и вновь разбили остготов. Те взмолились к императору Валентину пустить их к югу от пограничного Дуная. Аммиан Марцелин сообщает: “[остготы] униженно просили принять их, обещая жить спокойно и подавать помощь по требованию обстоятельств”.

В завершение укажем на то, что в начале V в. прекратили развитие все археологические культуры центра и востока Европы, имеющие отношения к славянам: пшеворская, черняховская, киевская. Но это не было гибелью славян. То была грандиозная встряска, приведшая в результате к рождению единой славянской археологической культуры Прага — Корчак V — VII вв., ознаменовавшей начало раннесредневековой истории славян.

Глава 2. Славяне V — VII вв. н.э.

2.1. Эпоха славянского единства

В начале настоящей главы приводится схема создававшихся индоевропейцами археологических культур, закладывавших фундамент славянской общности евразийского континента.

Вторжения гуннов потрясли основы индоевропейской цивилизации Европы. Остановить шествие кочевников удалось в 451 г. на северо-востоке Франции. При городе Труа, в местности, называемой Каталаунские поля, войска доживавшего последние годы Западного Рима и союзные ему германцы дали сражение Аттиле, вождю гуннов, имя которого повергало европейцев в трепет.

Вскоре после того обветшавшее здание Западно-римской империи с грохотом пало, не выдержав внутреннего разложения и череды ударов пришедших в движение германских народов Европы. В Европе началась эпоха великих переселений народов.

Суть сводилась к следующему. Германцы занимали земли на Апеннинах, во Франции, на Пиренеях и даже на севере Африки, некогда принадлежавшие Западному Риму. Под властью германских королей оказались сотни благоустроенных городов, крепос-

V — IV тыс. до н.э.

IV — III тыс. до н.э.

втор. пол. III тыс. до н.э.

рубеж III — II тыс. до н.э.

XVIII — XVI вв. до н.э.

XV — XIV вв. до н.э.

кл. лужицкая XIII — VIII вв. до н.э.
германцы

кл. подклошевая V — II вв. до н.э.
кельты VI — I вв. до н.э.

кл. пшеворская II в. до н.э. — V в. н.э.
готы (I — IV вв. н.э.)

кл. Прага — Корчак VI — VII вв.

тей, портов, вилл, соединенных мощными дорогами и, конечно же, полных всеми богатствами мира. Германские воины облачались в медные шлемы и доспехи римских легионеров. Женам и дочерям завоеватели дарили шелковые одежды и драгоценности римских патрицианок. Едва ли не три столетия на западе Европы шла пьянящая вакханалия, но... мы обратим взоры на Центральную и Восточную Европу, на мир славян раннего средневековья.

Как ни странно, но одним из важнейших результатов нашествия гуннов оказалась едва ли не безраздельная гегемония славян на землях значительной части Центральной и Восточной Европы.

Ни иранцы, ни фракийцы, ни германцы, не говоря о некогда могучих кельтах, не только не сумели противостоят гуннам в Восточной и Центральной Европе, но попросту исчезли с этнической карты данных земель, оставив отдельные реликтовые островки населения в глухих уголках континента. Примерами могут служить готы в Крыму и иранцы-аланы на нижнем Дону. Славяне, напротив, после того как прокатилась волна гуннов и погибли праславянские археологические культуры, будто удесятирили силы и оказались обладателями необозримых просторов в Европе.

кл. днепро-донецкая + индоевропейские кочевники степей Евразии + цивилизация юга Средней Азии, Ирана, Месопотамии

кл. воронковидных кубков

кл. шаровидных амфор

кл. шнуровой керамики

кл. унетичская

кл. курганных погребений;
тшинская — комаровская — сосницкая

кл. белогрудовская XII — IX вв. до н.э.
киммерийцы

кл. чернолесская X — VII вв. до н.э.
скифы

сколоты VII — III вв. до н.э.
сарматы

кл. зарубинецкая II в. до н.э. — I в. н.э.
кл. позднезарубинецкая I в. н.э.
кл. черняховская; кл. киевская II — V вв. н.э.
кл. колочинская IV — V вв. н.э.
гунны (375 — 454 гг.)

кл. Прага — Пеньковка

Секрет подобного славянского своеобразия скрыт в глубочайших этнических, культурных и материальных корнях славян на Дунае, в Карпатах и в лесостепях Восточной Европы. Городища раннего железного века Восточной Европы VIII — III вв. до н. э., лесистые склоны Карпат да непроходимые зеленые дебри в бассейнах Лабы, Одера и Вислы всякий раз надежно укрывали оседлых славянских земледельцев от чудовищных степных смерчей, будь то скифы, сарматы, гунны или позднейшие авары и монголы.

Видимым следствием общеславянского торжества в Центральной и Восточной Европе V — VII вв. стала археологическая культура Прага — Корчак. Громадная по территории культура являет картину общеславянского единства от бассейна Лабы на западе до среднего Днепра на востоке и до Дуная на юге. Вторжение гуннов в Европу сжало славянскую этническую пружину, которая после 454 г. распрямилась, и произошел колоссальный взрыв славянского этноса, последствия которого сформировали славянский мир средних веков.

Основное движение славян центра Европы в V — VII вв. было направлено на восток, на лесостепные земли сколотов I тыс. до н. э., давно освоенные славянами, и на юг бассейнами Днестра и Прута, на берега Дуная и далее на Балканы. Карта археологической культуры Прага — Корчак отражает описанные выше направления славянских перемещений.

Сразу скажем и о восточноевропейском аналоге пражско-корчакской культуры — об археологической культуре Прага — Пеньковка V — VII вв., вобравшей в круг своих памятников своеобразия праславянских культур — киевской, черняховской, зарубинецкой, колочинской. Создатели культуры Прага — Пеньковка наследовали славянам-антам I — V вв. и сколотам Геродота VI — III вв. до н. э. По-видимому, культура Прага — Пеньковка вобрала и определенный субстрат балтского населения лесной полосы Русской равнины и некоторый элемент скифо-сарматского этноса, долго господствовавшего в степях Евразии.

В V — VII вв. славянские объединения (в дальнейшем мы будем их именовать союзы) принялись за широкое строительство земледельческих поселений, составлявших кусты селений. Число селений в отдельных кустах обычно не превышало четырех, раскиданных на небольшом расстоянии одно от другого. Кусты или гнезда поселений не отдалялись друг от друга далее чем на пять километров. Места для поселений чаще всего выбирали в долинах рек, богатых плодородными почвами и тучными лугами-пастбищами. Территория, занятая славянскими селениями в V — VII вв., раскинулась от бассейна Лабы на западе до верховий Северского Донца на востоке.

Естественно то, что безопасность столь широко расселенного земледельческого населения в беспоконной Европе эпохи великих переселений народов нуждалась в единой целостной системе хорошо укрепленных городищ. И славяне не преминули использовать старинные навыки своих предков,

искусно оборудуя для обороны защищенные природой с трех сторон мысы коренных берегов многочисленных рек Центральной и Восточной Европы. Нередко для создания укреплений использовались скалистые отроги Карпат.

К северу от Карпат доминировало городище Шелиги. Восточнее наиболее ранним и значимым для славян V — VII вв. было городище Зимновское. Его устроили на высоком обрывистом мысу коренного берега реки Луги (правый приток Западного Буга). Славянские городища V — VII вв. служили не только для обороны окрестного населения, но были центрами ремесел и прежде всего металлургии.

Заметим, что в V — VII вв. восточные славяне создали ряд укреплений, впоследствии ставших основой древнерусских городов. Примерами могут служить Киев, Псков, Ладыжин, ряд городов Галиции и многие иные. В VIII в. кривичи псковские выстроили укрепления Изборска, а славяне новгородские принялись отстраивать Старую Ладугу, охранявшую устье Волхова.

В V — VII вв. славяне строили сравнительно небольшие жилища, срубленные из бревен и отапливавшиеся печами-каменками либо печами, сделанными из глины. Площадь жилищ обычно не превышала 20 кв. м. В Восточной Европе наряду с наземными жилищами в V — VII вв. были широко распространены углубленные в землю срубы-полужемлянки, отапливавшиеся печами-каменками.

Селения часто имели двухрядную планировку, расположенную параллельно руслу реки. Но нередко были селения с беспорядочным расположением жилищ и окружавших их хозяйственных построек.

Господствующим погребальным обрядом в среде славян V — VII вв. были кремация и захоронение праха в грунтовой могиле в керамическом сосуде. Эта традиция восходит к эпохе лужицкой культуры XIII — VIII вв. до н. э., иначе именуемой эпохой полей погребений или погребальных урн.

Кратко скажем о путях передвижений и расселения славян в Восточной Европе в V — VII вв. Складывается впечатление, что западные славяне, прежде жившие на берегах Лабы, Одера и Вислы и строившие главным образом наземные жилища, в Восточной Европе в V — VII вв. селились на правобережье среднего Днепра, на землях исторических полей, древлян, воляньях. Далее к северу славяне продвигались долиной Днепра, стремясь на берега Западной Двины и далее на север, вплоть до Чудского и Ладожского озер. Кстати, именно так о расселении славян в Восточной Европе говорит "Повесть временных лет". Интересно то, что в полосе лесов Восточной Европы, от среднего Днепра на юге до устья Волхова на севере, преобладают именно наземные славянские срубы с печью-каменкой в углу, характерные для славян V — VII вв. Полужемлянки, столь обычные для лесостепей Восточной Европы и в прежние эпохи, в V — VII вв. были особо характерны для славянских поселений юга Восточной Европы, для бассейнов Днестра, Южного Буга и Днепра, южнее устья реки Тетерев и севернее поро-

гов. Многочисленны были славянские полуземлянки в V — VII вв. на левобережье среднего Днепра, в бассейнах рек Десна, Сейм, Сула, Псел.

А на берегах Днепра ниже порогов в V — VII вв. обитали целевшие после нашествия готов и гуннов остатки скифо-сарматского населения и продвинувшиеся из глубин евразийских степей тюрко-болгарские кочевники. Но первой могучей волной тюрков, накатившейся на Европу, были гунны.

В VI — VII вв. на правых берегах рек Ворскла, Псел, Сула, Удай, Сейм, Десна, средний Дон (у устья реки Воронеж) славяне возвели десятки обведенных рвами и валами городищ. В то же время в VI — IX вв. налаживалась разрушенная нашествием гуннов система-восточноевропейских торговых путей. Оправившиеся, хотя и не без труда, от кошмара гуннского нашествия греческие города-порты Северного Причерноморья в VI — IX вв. вновь оказались готовы к приему славянских челнов-однодревков, полных зерна, скоры (пушнины, шкуры), меда, пеньки и иного товара, традиционного для Восточной Европы.

Однако в V — IX вв. торговые пути Восточной Европы оказались шире тех, которые существовали в эпохи Геродота, Трояна и Божа (V в. до н. э. — IV в. н. э.). Волоки объединили верховья Днепра, Западной Двины, Волги и Ловати. Тем самым оказались объединенными рынки Каспия, Балтики, Средиземного и Черного морей.

Постепенно в Восточной Европе V — VII вв. установился тот порядок вещей и явлений, который в IX — XIII вв. будет назван Древней Русью со всей мощью и многообразием ее глубокой и ослепительной прекрасной культуры.

Однако тут мы отвлечемся от Восточной Европы V — VII вв. и обратим взоры на центр Европы, ибо в данную эпоху именно он являлся тем клокоющим вулканом славянского этноса, раскаты взрывов которого достигали едва ли не самых отдаленных уголков континента.

2.2. Расселение славян в Европе

Далее мы рассмотрим некоторые общеславянские вопросы, касающиеся западных, восточных и южных славян V — VIII вв. Сделаем мы ряд общеславянских обобщений, и потому заранее прошу прощения у читателей за возможные повторы фактов и идей, неизбежные при столь многофакторной композиции славянской истории.

В 454 — 560 гг. в истории славян возникло своеобразное временное окно, разделившее нашествие гуннов и пришедших столетие спустя по их стопам из глубин Евразии тюрко-аваров. Именно этой столетней передышкой в нескончаемом противостоянии со степью славяне и воспользовались для широкого расселения в Восточной Европе и на Балканах. Тут-то и расцвели подобно морю весенних цветов археологические культуры Прага — Корчак и Прага — Пеньковка V — VII вв. Бесконечная

череда ударов, в течение более тысячелетия наносимых славянами с востока, севера, запада и юга (скифы, кельты, германцы, сарматы, гунны), в V — VII вв. вывела мир славян из равновесного самостоятельного состояния и последовал чудовищной силы этнический взрыв, вылившийся в распространение культуры Прага — Корчак.

Кроме того, в 454 — 560 гг. германцы, давние соперники славян, в споре за земли в Европе устремились в пределы рухнувшей Западноримской империи. Это означает, что в V — VII вв. славяне оказались избавлены и от давления с запада и севера, возобновившегося в VIII в. с возвышением империи Карла Великого.

В VI — VII вв. западные и отчасти восточные славяне устремились на земли Балкан. Ход их расселения на Балканах будет описан ниже. Одновременно славяне, а значительная их часть также могла представлять собой западных славян, устремились к берегам Чудского и Ладожского озер. Европа V — VI вв. продолжала пребывать в смятении, и славяне пока еще не сталкивались с серьезными препятствиями в своих передвижениях.

Но уже в 560 г. в степи Северного Причерноморья и далее на запад, в долины Дуная, вторглись орды тюркских кочевников — аваров (обров), в дальнейшем принеших славянам множество страданий. Кроме того, около середины VII в. славянам на Дону и на нижнем Днепре пришлось столкнуться с тюрко-иудейским государством — хазарским каганатом. В результате нового степного напора славян (антами в VII в. из-за притока новой волны славян из центра Европы источники их уже не называли) пришлось двинуться не на восток или юг, а преимущественно на север, в густые леса Восточной Европы. А на юго-востоке восточнославянских земель в VI — IX вв. окреп оборонительный рубеж. Он пролегал от устья рек Самары, впадающей в Днепр при его излучине выше порогов, до устья реки Воронеж на среднем Дону.

В VII в. на верхнем Днепре мы находим славян-кривичей, незадолго до того разгромивших городища балто-славянской археологической культуры Банцерович — Тушемля.

Около 789 г. Карл Великий, стоявший во главе армии франков, переправился через Лабу (Эльбу) и таким образом положил начало германским завоеваниям в землях западных полабских славян.

И в том же VIII в. новый поток славян заселяет бассейн верхней и средней Оки и реки Сож. Древнерусские летописцы об этом говорят так: “Радимичи же и Вятичи от Ляхов. Бяста бо два брата в Лясах-Радим, а другой Вятко; и перешедша, седоста: Радим на Сою и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родомь своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи”.

Археологически расселение вятичей на Оке отражено рождением и развитием роменско-боршевской археологической культуры VIII — X вв.

В том же VIII в. кривичи и славяне новгородские укрепляли упоминавшиеся выше Изборск, Старую

Ладогу и Гнездово — центр, охранявший волок из Днепра в Западную Двину. Летописец о временах, последовавших за расселением славян на равнине Восточной Европы, говорит: “И живяху в мире поляне и древляне, и север, и радимичи, и вятичи... хорвати... дулеби же живяху по Бугу, кде ныне Вельняне, а Уличи и Тиверци сядяху до Днестру, и присядяху к Дунаеви. И бе множество их; сядяху бо преже по Бугу и по Днепру оли до моря и суть гради их и до сего дне, да то ся зваху от Грък” “Великая Скуфь”.

Окинем внимательным взором мир славян Европы I тыс. н. э. В V — VI вв. славяне занимали главным образом центр Европы и лесостепи Восточной Европы.

Можно предположить, что выглядело расположение славянских союзов следующим образом:

Западные славяне	Восточные славяне
БОДРИЧИ	БУЖАНЕ
БОЖАНЕ	ВОЛЫНЯНЕ
ВОЛЫНЯНЕ	ДРЕГОВИЧИ
ДУДЛЕБЫ	ДУЛЕБЫ
ЛЮТИЧИ	ПОЛЯНЕ
ЛЯХИ	СЕВЕРЯНЕ
МИЛЬЧАНЕ	ТИВЕРЦЫ
МОРАВА	УЛИЧИ
ПОЛЯНЕ	ХОРВАТЫ
СЕРБЫ	
ХОРВАТЫ	
ЧЕХИ	

Славяне разных союзов
(первые вторжения славян к югу от Дуная, 450 — 550 гг.)

Данная схема распределения союзов славян в Европе соответствует археологическим культурам Прага — Корчак и Прага — Пеньковка V — VI вв. Именно в это время славяне продвинулись с Карпат и с юга Восточной Европы к Дунаю и принялись таранить рубежи обороны Восточной Римской империи.

Проследим по соответствиям в названиях союзов то, как перемещались славяне в V — VII вв. к востоку и югу от своих древнейших земель.

Первые серьезные успехи славян в прорыве дунайского рубежа обороны империи приписались началу правления императора Юстиниана (527 — 565 гг.). И тут мы обратимся к греческим источникам.

2.3. Движения славян на Балканы и в Элладу

В 536 г. Юстиниан начал войну против королевства остготов в Италии. Армию империи возглавил Велисарий. Прокопий Кесарийский был советником Велисария и автором “Истории войн”. В 540 г. столица остготов город Равенна пала, и король Витигис был пленен. Велисария отозвали в Константинополь.

Прокопий свидетельствует: “... подошли Мартин и Велисарий, ведя 1600 конных воинов. И среди них больше всего было гуннов, и склавинов, и антов, которые обретаются за рекой Истром [Дунаем], недалеко от тамошнего берега. Велисарий же обрадовался их появлению и подумал, что им наконец следует сразиться с врагом”. Оборонял же Велисарий от готов Рим. Отряд гуннов и славян пришел на помощь Велисария около середины апреля 537 г.

Далее Прокопий сообщает о том, что германский народ герулов, потерпев поражение в войне с германцами-лангобардами, покинул земли в Паннонии, занятые в начале VI в., и двинулся на север. “Они [герулы] прошли поочередно все племена склавинов, миновав затем обширную пустынную землю, пришли к так называемым варнам [вагры], а после них быстро прошли и через племена данов”. Войну герулов с лангобардами относят на 495 — 512 гг. В 568 г. лангобарды ушли со среднего Дуная на Апеннины.

Прокопий Кесарийский приводит драгоценные данные о современных ему славянах: “Ведь племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща... Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не

знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что обещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимфы, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют ни хитона, ни плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые.

Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью, — впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но и в простоте они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали “спорами”, как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неизмеримо обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра [Дунай].

От Прокопия узнаем то, что анты “искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях”. Именно поэтому 300 антов охраняли ущелье, ведущее в итальянскую провинцию Лукания. Это происходило в 542 — 547 гг.

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что в VI в. между Византией и антами существовал военный союз. Но едва ли он распространялся на “склавинов”, ибо в 548 г., согласно Прокопию, “войско склавинов, перейдя реку Истр, сотворило ужасное зло по всему Иллирику вплоть до Эпидамна [совр. г. Дуррес в Албании], убивая и поработав всех взрослых людей, которые им попадались, и грабя имущество. Также удалось им овладеть там и многими крепостями, считавшимися раньше надежными, причем ни одна не оказала сопротивления; они рыскали в поисках [добычи] везде, где хотели. А архонты Иллирика следовали [за ними], имея пятнадцатитысячное войско, и тем не менее не осмеливались приблизиться к противнику”.

Весной 550 г. три тысячи славян перешли Дунай [Истр] и реку Марицу [Гебр] и разделились на два отряда. Архонты Иллирика и Фракии, имея численное превосходство, вступили в сражение со славянами и потерпели поражение. Вскоре со славянами вступил в сражение телохранитель императора Юстиниана Асвад, командовавший отборной конни-

цей. “И их склавины опрокинули безо всякого труда”. Асвад пленили, “а потом сожгли его, бросив в пламя костра, предварительно из спины этого человека нарезав ремней”.

Отряд славян, одолевший Асвада, дошел до моря и штурмом взял город Топир [совр. г. Ксанти]. Прокопий рассказывает о том, как славяне расправлялись с горожанами: “Очень крепко вбив в землю колья и сделав их весьма острыми, с большой силой насаживали на них несчастных, направляя острие кола между ягодицами и вгоняя вплоть до внутренностей человека... Кроме того, вкопав в землю на значительную глубину четыре толстых столба, привязывая к ним руки ноги пленных, а потом непрерывно колотя их дубинами по голове, варвары эти убивали [людей] наподобие собак, змей или другого какого животного. А иных они, запирая в сараях вместе с быками и овцами, которых не могли угнать в родные места, безо всякой жалости сжигали”. Однако в этот раз славяне убили не всех попавшихся им на пути. Возвращаясь к Дунаю, славяне гнали с собой “бесчисленные тысячи пленных”.

В середине лета 550 г., согласно Прокопию, “полчище склавинов, какого еще не бывало, вступило в ромейскую землю”. И перейдя реку Истр, они появились в окрестностях Наисса [совр. г. Ниш].

В это время в городе Сардике [совр. г. София] вновь назначенный командующий войсками империи Герман собирал силы для похода в Италию. Прокопий повествует, что “имя Германа снискало великую славу как раз среди этих варваров, и вот почему: когда царствовал Юстин, дядя Германа, анты, живущие поблизости от склавинов, перейдя реку Истр, огромным войском вторглись в землю ромеев”. Герман антов разбил. Славяне, узнав, что перед ними Герман, отказались от первоначального плана похода на Фессалонику и, пройдя горами Иллирии, оказались в Далмации.

Зиму 550 — 551 гг. славяне впервые провели в пределах империи, не отступив за Дунай. Но тут следует заметить, что селиться отдельные группы славян к югу от Дуная начали с начала VI в. О зимовке 550 — 551 гг. Прокопий сообщает, что славяне, “разделившись на три части, сотворили ужасное зло по всей Европе, не в набегах грабя тамошние области, но зимую, будто в собственной стране, и не боясь никакой опасности”.

Император Юстиниан послал на славян армию. “Склавины стояли лагерем на горе, которая возвышается там, а ромеи — на равнине, неподалеку”. В произошедшем сражении ромеи потерпели сокрушительное поражение.

Прокопий свидетельствует: “Там гибнут многие лучшие воины, а полководцы, едва не попав в руки неприятеля, насилу спаслись с остатками [войска], бежав куда кто мог”.

Опустошив лежащую между городами Андриополем и Филиппополем область Астику славяне подступили к Длинным стенам. То был внешний рубеж обороны столицы, отстоящий от Византии в 50 км. Длинные стены брали начало на берегу Чер-

ного моря у Деркоса и тянулись до побережья Мраморного моря к Силимврии. Выстроили стены в 512 г.

Осенью 551 г. или весной 552 г. славяне продолжали разорять Иллирию. Император Юстиниан послал войско, но оно не решалось вступить в сражение со славянами. Переправлялись на левый берег Дуная славяне при помощи германского народа гепидов. Гепиды “приняли их и переправили за огромные деньги: за каждую голову плата была — по золотому статире”.

Прокопий пишет: “Думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200 000 погубленных и поработанных там ромеев, скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле...”.

Иоанн Малала, византийский автор всемирной хроники, сообщает о событиях 559 г.: “В марте месяце седьмого индикта поднялись гунны и склавы на Фракию и, придя войною, многих убили, а некоторых взяли как добычу... Обнаружив к тому же обрушившиеся места в стене Константинополя [Длинные стены] и войдя здесь внутрь, они совершили набег вплоть до [церкви] Святого Стратоника”.

Тут мы отвлечемся от греческих источников и сделаем ряд выводов.

Во время, прошедшее с 454 г. по 527 г., славяне руслами рек Сирет и Прут вышли к нижнему Дунаю и продвинулись вдоль его русла к западу, вплоть до устья реки Олт. Таким образом, к началу правления Юстиниана I Великого русло нижнего Дуная на протяжении пятисот километров оказалось естественным рубежом, разделявшим славян и земли империи на Балканах.

К западу от устья реки Олт до 567 г. существовало королевство германского народа гепидов. К северо-востоку от гирла Дуная, на юге Восточной Европы, в I — VI вв. жили славяне анты.

При описании народов, живших к северу от Черного моря, Прокопий замечает: “... еще выше к северу сидят бесчисленные племена антов”.

В описываемую эпоху силы Восточной Римской империи были обращены на два фронта. На западе и севере армии Юстиниана I противостояли германцам. На Апеннингах шла война с готами. На востоке империя боролась с Персией. Можно сказать, что в 454 — 567 гг. обстоятельства благоприятствовали славянам в их завоеваниях. И славяне не преминули этим воспользоваться.

Греческий автор рубежа V — VI вв., скрывавший под псевдонимом Псевдокесарий, говорит о суровости и неприхотливости славян: “Живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника, питаясь лисами и лесными кошками, и кабанам, перекликаясь же волчьим воем”.

Еще один автор VI в. Иоанн Эфесский сообщает, что славяне в походах в пределы империи “обогатились и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи, люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов...”.

Славяне V — VI вв. представляли собой силу, подобную силе природной стихии, сладе с которой быть просто не может. Империя в той борьбе оказалась бессильной.

На правом берегу нижнего Дуная, против Славинии, как называли те земли греки, располагались города империи: Никополь (ниже устья р. Олт), Силистрия-Доростол, Тульча. Кроме того, над правым берегом Дуная стояли десятки крепостей империи, призванные оградить Балканы от набегов с левобережья. Ведущей силой во взламывании дунайской линии обороны империи были славяне, шедшие из центра Европы. Анты, представлявшие восточное крыло славянства, также участвовали в походах на Балканы, но в меньшей степени. Это отражено в соответствиях названий славянских союзов, более богатых между западными и южными славянами, нежели между восточными и южными.

Из центра Европы к рубежу V — VI вв. на нижний Дунай вышли представители союзов: хорватов, словен, сербов, моравов, волынян, мильчан, бодричей. Из лесостепей Восточной Европы к нижнему Дунаю подтянулись волыняне, дреговичи, северяне. Также сила немалая. Но на Востоке Европы земель было вдосталь, и крепостей империи для овладения теми землями брать было не нужно.

Походы 548 — 559 гг. принесли славянам не только золото империи и боевую закалку. Благодаря мужеству и военным победам славяне принялись за освоение земель на Балканах.

Но наступил 560 г. Из глубин Евразии на Европу накатилась новая волна тюркских кочевников. То были печально известные по древней русской летописи обры-авары. К 560 — 568 гг. относится сообщение летописца о славянах-дулебах, живших “по Бугу где ныне Вельняне”.

“Сиже Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулебы, суцая Словены и насиле творяху женам Дулебским: аще, поехати будяше Обрину не дадяше впречи ни коня, ни волу, но веляше впречи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести Обрина; и тако мучаху Дулебы”. Дулебы, до середины VI в. жившие, видимо, в верховьях Западного Буга (возможно, отчасти и в верховьях Южного Буга), в VII в. были расплынены. Часть дулебов оказалась в Южной Чехии, а часть была рассеяна на необозримых просторах Русской равнины. О том говорят многочисленные села с названием Дулебово. Но об этом речь впереди.

Иоанн Эфесский говорит об аварах: “Восстал на народ ромеев дикий народ варваров, мерзких, с заплетенными волосами. Они — те, которых зовут авары, — выплеснулись и вышли с востока”.

Обратимся к характеристике, данной аварам древнерусским летописцем: “Быша бо Обри теломъ велици, а умом горди, и бог потреби я, и помьроша вси, и не остана ни един Обрин; и есть притяча в Руси и до сего дьне: погыбоша акы Обри, их же несть ни племени, ни наследька”. Но до того как обры-авары окончательно потеряли силу, прошло

несколько столетий, и мы несколько забежали вперед.

Одной из жертв аваров на Дунае оказались германцы-гениды, не ладившие со своими западными соседями германцами-лангобардами. Авары кочевали на левобережье среднего Дуная. На западе авары соприкасались с германцами, баварами. Лангобарды, прожив на среднем Дунае некоторое время под властью аваров, в 568 г. ушли на Апеннины. О королевстве лангобардов на полуострове напоминает провинция Ламбардия.

Руки Византии, между тем, по-прежнему были связаны войной с Персией. Борьба носила долговременный и ожесточенный характер. Утрата контроля над центрами в Азии сулила Византии крупные материальные потери, способные подорвать могущество империи. Наконец, в 591 г. мир с Персией был заключен. Но до того времени Балканы сотрясали вторжения уже не только германцев и славян, но и аваров.

Чтобы яснее представить последовательность стремительно развивающихся событий, приведем краткие данные по годам. Ниже об этом будет сказано подробнее.

555 — 556 гг. — анты сражаются с персами в Закавказье на стороне Византии.

558 г. — авары из степей, расположенных к северу от Кавказа, шлют послов в Византию и становятся союзниками империи.

560 г. — авары нападают на антов — восточных славян — и убивают посла антов Мезамера.

565 г. — 21 ноября в Византию приезжают послы аваров с сообщением об успехах в войне с антами.

568 г. — авары продвинулись в Паннонию на средний Дунай.

575 — 576 гг. — тюрки Северного Причерноморья начинают вести враждебные действия против Византии.

572 г. — Иоанн переправляет главу аваров Баяна через Дунай в земли империи, в пределы славян.

580 (579) г. — Баян подошел к реке Сава против Сирмия.

580 г. — 5 октября славяне вторглись в пределы империи.

585 г. — авары и славяне совместно рвутся к столице империи. Греки подкупают антов, и они нападают на славян (западных). Видимо, союз империи с антами был крепок и выдерживал испытание временем. Подтверждением служит сообщение греческого автора Агафона Миринейского о кампании 555 — 556 гг. Речь идет о борьбе войск империи с персами в Закавказье за Лазику. Агафий сообщает, что против персов, шедших от города Мухириса, расположенного в долине реки Риони, был послан отряд числом не более шестисот всадников. “Командовали же ими Дабрагез и Усигард”. Ниже Агафий сообщает: “Дабрагез ант”. Агафий называет имя еще одного славянина, сражавшегося в Закавказье в войсках империи: “И прежде чем они стали приближаться и прятаться [под “черепашу”], некто

именем Сваруна славянин, бросает копье в более уязвимого и поражает его насмерть”.

Но не всегда отношения греков с антами складывались дружелюбно. И подтверждение тому историей скоро представила.

Известно, что, когда авары были вытеснены с востока братьями-тюрками в северокавказские степи, в 558 г. от аваров в Византию было отправлено посольство. Авары просили императора предоставить земли для расселения, ибо в Восточном Приазовье аваров теснили западные тюрки. Тогда же формально авары стали союзниками империи. Невольно приходит в голову догадка: а быть может, появление аваров в Европе в 560 — 568 гг. было оговорено с империей ранее, как средство борьбы со славянами. Во всяком случае вскоре после 558 г. разразилась война авар с антами, то есть со славянами лесостепей и степей юга Восточной Европы. Об обстоятельствах войны нам известно из сочинения Менандра Протектора, греческого автора VI века, в правление Маврикия писавшего историческое сочинение.

Около 560 года произошли события, о которых Менандр сообщает: “Когда правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать [их] землю и грабить [их] страну.

И вот теснимые набегами врагов анты направили к ним посольство, избрав для посольства Мезамера, сына Идаризия, брата Келагаста, и просили выкупить некоторую часть пленных из их племени. Но посол Мезамер, пустослов и хвастун, прибыв к аварам, изрек слова высокомерные и в чем-то даже наглые. Поэтому-то кутригур (тюрки, ранее подчиненные аварам), который был предан аварам, замыслил против антов весьма враждебное, после того как Мезамер говорил надменнее, нежели подобает послу, сказав Хагану следующее: “Этот человек приобрел величайшую силу у антов и может противостоять любым своим врагам. Следует поэтому убить его и потом безбоязненно напасть на враждебную [землю]”. Послушавшись его, авары, презрев почтение к послам и ни во что не поставив справедливость, убивают Мезамера. С того времени более, чем раньше, стали они разорять земли антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая”.

21 ноября 565 г. в столицу империи прибыли послы аваров. Юстин II принял послов и среди прочего услышал от аваров следующее: “Ведь из ваших соседей мы разом истребили варваров, постоянно грабивших Фракию, и никого из них не осталось для набегов на Фракийские пределы. Ибо боятся они силы авров, дружелюбно относящихся к державе ромеев” (Менандр Протектор).

Империя одаривала за то аваров, но по большому счету просчиталась. Авары воевали с восточными славянами-антами для того, чтобы прорваться в центр Европы и приняться за грабеж самой империи.

А на Балканах события развивались следующим образом. В декабре 558 г. или в январе 559 г. славяне перешли на правый берег Дуная по льду и вторглись в Фракию. Славяне подошли к Длинной стене столицы империи. Славяне обнаружили проломы в стене Анастасия (50 км западнее города), образовавшиеся после землетрясения, и вошли в них. В столице мобилизовали всю гвардию и знать. Во главе отборной конницы выступил знаменитый полководец Велисарий.

До августа 559 г. славяне бродили вдоль Длинных стен, а ромеи спешили заделать проломы в стенах.

На Дунай был отправлен флот, и это побудило славян к отступлению.

Авары воевали с антами в 560 — 567 гг. А уже в 567 г. авары прорвались на берег Дуная, и анты оказались в тылу у тюрков. Зато впереди, за лентой Дуная, стелились сказочно богатые пределы империи. Они не могли не манить аваров. Однако первые годы после 567 г. авары еще сохраняли союзнические отношения с империей, получая за то дары.

Менандр сообщает: “На четвертый год царствования Тиверия Константина кесаря [578 — 582], случилось, что во Фракии народ славян, примерно до ста тысяч, разграбил Фракию и многие другие [области]”. Император Тиверий отправил посольство к вождю аваров Баяну, выражавшему дружеские отношения к Византии. Менандр свидетельствует: “В такой обстановке [Тиверий] и побуждает его начать войну против славян”.

Баян дает на то согласие. Тиверий послал в Паннонию Иоанна, и он переправил на землю империи, видимо, через реку Саву, в районе Сингидуна, “около шестидесяти тысяч всадников, облаченных в панцири”. Иоанн провел аваров по землям Иллирии до низовьев Дуная и там вновь устроил переправу аваров через Дунай на левый берег, в пределы славян. Аваров вели в низовья Дуная через земли империи, так как в 578 г. авары обладали Паннонией, и не только анты, но и славяне центра Европы оказались у них в тылу.

Менандр повествует: “Когда же [Баян] переправился на противоположенную сторону потока, то немедленно принялся жечь деревни славян, разорять поля, все грабить и опустошать; и никто из тамошних варваров не дерзнул вступить с ним в борьбу — они убежали в чащи и укромные уголки леса”. Ниже Менандр пишет о давней вражде аваров и славян и сообщает, что ранее “предводитель аваров послал к Даврентию и к тем, кто возглавлял народ, требуя, чтобы они подчинились аварам и обязались выплачивать дань. Даврит же и [бывшие] с ним вожди сказали: “Родился ли среди людей и согревается ли лучами солнца тот, кто подчинит нашу силу? Ибо мы привыкли властвовать чужой [землей], а не другие нашей. И это для нас незбылемо, пока существуют войны и мечи”. ... И славяне, не способные обуздать свою досаду, прибывших к ним послов убивают, как это — разумеется, со стороны — стало известно Баяну”.

Под 579 г. или в 580 г. Менандр рассказывает о том, что Баян послал к императору Таргитию, “чтобы тот привез установленные деньги — а на каждый год полагалось восемьдесят тысяч номисм [вес монеты около 4,5 г золота]”. Когда посол вернулся с золотом, Баян “варварским образом нарушив мирный договор... двинувшись всем войском, прибывает к реке Саве между городом Сирмием и Сингидуном. Он намеревался наводить мост через поток, злоумышляя против города Сирмия”. На вопрос ромеев о цели переправы Баян утверждал, что намерен пройти через земли империи с тем, чтобы напасть на славян. В Византию был отправлен посол аваров.

Тиверий разгадал замысел аваров и сказал, что теперь не время для похода на славян, так как тюрки Северного Причерноморья стали лагерем у Херсона в Крыму и быстро узнают о переправе аваров через Дунай.

Посол аваров получил дары и покинул столицу, но в Иллирии был убит вторгнувшимися в пределы империи славянами.

Вскоре в Византию приехал посол аваров, откровенно заявивший императору о намерении захватить Сирмий. Так был положен конец союзу ромеев с аварам.

Иоанн Эфесский сообщает о том, что 5 октября 580 г. славяне крупными силами вторглись в пределы империи. Иоанн Эфесский свидетельствует: “Восстал еще народ западный — славяне и еще иные народы, называемые Лангобарды: ведь они также были в подчинении у Хагана, царя аваров”.

В 582 — 602 гг. во главе империи стоял Маврикий. В четвертый год его правления (585 г.) на Балканы вторглись авары и славяне. Евагрий сообщает: “Авары дважды продвигались до Великой Стены. Они взяли Сингидун, Анхиал, всю Элладу и другие города...”

И тут империя пустилась на интригу. Иоанн Эфесский сообщает: “Ромеи подкупили народ антов, и те напали на славян [на Склавинию, то есть страну славян]. А это ведь область их на запад от реки, именуемой Данубис [Дунай]. Конечно же, славяне услышали, что захвачена область их, и зарычали, как лев на добычу”. В отместку славяне пошли к городу Анхиал, проломили стену и овладели городом. Иоанн Эфесский сообщает, что славяне подошли к Византии трижды, но, в конце концов, были отбиты.

О событиях 585 — 586 г.г. рассказывается в сочинении Феофилакта Симокатта рубежа VI — VII вв.

Против славян во Фракии действовал полководец Коментиола. На берегу реки Эргене, левого притока реки Марицы, силы империи нанесли славянам поражение.

У города Адрианополя Коментиола натолкнулся на славян. Феофилакт Симокатта повествует: “Он [Коментиола], собрав ромейские силы, отправился к Адрианополю и натолнулся на Ардагаста, который вел огромные полчища славян с добычей — многочисленными пленными и великолепными

трофеями". На утро Каментиола вступил в бой со славянами и обратил их в бегство.

Михаил Сириец сообщает о том, что ромеи вырыли длинный ров около Адрианополя. Возможно, поэтому в 586 г. славяне пошли не на столицу империи, а на полуостров Пелопоннес.

В 586 г. авары и славяне предприняли безуспешную попытку по овладению богатейшим городом Пелопоннеса — Фессалониками.

В 587 — 588 гг. земли империи ромеев на Балканах и на Пелопоннесе были подвергнуты разорению славянами и аварами.

Весной 592 г. ромеи организовали военный поход на аваров. В хронике Феофана Исповедника приведен интересный эпизод похода: "А на другой день были схвачены ромеями три мужа, славяне родом, совершенно ничем железным не пользующиеся и несущие только кифары.

Василевс [Маврикий] спросил, откуда они происходят и где избрали место жительства. Они же сказали, что произошли из рода славян, а расселились на краю Западного Океана, что хаган [аваров] отправил к ним послов и дары их этнархам, чтобы привлечь себе в союзники против ромеев. А таксидархи их послали этих [трех мужей] ответить хагану, что они не могут из-за дальности пути отправить ему помощь, ибо, сказали они в течение восемнадцати месяцев они находились в пути и [только] тогда попали к ромеям. А кифары они несут, поскольку не умеют пользоваться каким-либо оружием, так как страна их не знает железа. Автократор же, подивившись их здоровью и величине их тела, отослал их в Ираклию [совр. г. Эрегли]."

Этот эпизод изложен у Феофилакты Симокатты: "Автократор, [услышав] все сказанное, восхитился их племенем и, удостоив самих попавших к нему варваров гостеприимства и подивившись размерам их тел и огромности членов, переправил в Ираклию".

Видимо, три славянина с кифарами пришли на Балканы с берегов Балтийского моря, где, конечно же, были прекрасно знакомы с железоплавильной металлургией.

В последнем десятилетии VI в. империя ромеев сняла силы с персидского фронта и повела широкую военную кампанию против аваров и славян. Практически ежегодно ромеи выступали в походы к Дунаю и севернее Дуная, в пределы славян и кочевий аваров.

Авары осадили город Сингидон (совр. г. Белград). При этом каган аваров обязал славян обеспечивать переправу через Дунай. Ранее, в 583 г., авары захватывали Сингидон, но в 584 г. вернули город ромеям. В 592 — 593 гг. Сингидон устоял.

В 593 г. к Дунаю был послан Приск охранять переправы, препятствуя вторжениям славян во Фракию. К Приску приехали послы аваров с упреком в нарушении мирного договора. Приск ответил аварам, что война идет со славянами. И тут мы вновь слышим о князе Ардагасте. Феофилакты Симокатты пишет: "Стратиг, связав корабли, переправился

через реку [Дунай]. Услышал, что Ардагаст отправил полчища славян для похода за добычей, [Приск] начал наступление в полночь. Ардагаст же, распрощавшись со сновидениями и воспрянув ото сна из-за нараставшего шума, вскочил на неоседланного коня и обратился в бегство. Варвар наткнулся на ромеев и, сойдя с коня, предпочел битву лицом к лицу. Но когда он не смог выдержать натиск противника, то устремился в бегство через какие-то непроходимые места. Благодаря этим передвижениям Ардагаст, поскольку его природа была привычна к подобному, оторвался от погони. Но ему выпала плохая участь — варвар налетел на ствол какого-то дерева. Тут он и сделался бы весьма желанной добычей для преследователей, если бы река не стала для него спасением: переплыв [через нее], он избежал опасности. А ромеи, сделав добычей меча полчища славян, разграбили страну, подвластную Ардагасту, а пленных, забив в колотки, отослали в Византию."

Приск вел переговоры с послами авар у города Доростол. Это означает, что страна Ардагаста располагалась на левом берегу нижнего Дуная, против Доростола.

Пленные и трофеи в Византию были отправлены с неким Татимером. На третий день пути отряд славян напал на ромеев и едва не отбил трофеи.

Тем временем ромеи во главе с Приском углубились в славянские земли на левом берегу Дуная. Один гепид, ранее принявший христианство, перебежал от славян к ромеям и показал последним пути через топи и леса. Ромеи благодаря той информации схватили некоторых славян.

Феофилакты Симокатты повествует: "Все рассказал и с легкостью объяснил тот гепид, заявив, что пленные — это подданные Мусокия, называемого на языке варваров риксом, что Мусокий этот стоит лагерем в тридцати парасангах [30 парасангов — это около 140 км.], что захваченных он выслал для разведки ромейских сил и что он уже слышал о неудаче, постигшей недавно Ардагаста". Перебежчика гепида одарили подарками и отправили в лагерь Мусокия. "И вот гепид, прибыв к Мусокию, просит у него множество однодревков, чтобы переправить попавших в беду людей Ардагаста. А Мусокий, сочтя неожиданной удачей ту ложь, которую ему наплели, дал однодревки, чтоб гепид выручил людей Ардагаста. Взяв 150 лодок и 30 гребцов, [гепид] переправился на противоположный берег реки, которую местные называют Паспирий [Быть может, это река Сирет. Ее устье отстоит от Доростола на расстоянии в 155 км]".

Во время сна славянские гребцы были перебиты. Три тысячи ромеев перебрались на однодревках через Паспирий и в полночь напали на славян. Феофилакты Симокатты сообщает: "Варвар [видимо, Мусокий] был пьян, и от хмеля его разум помрачилось: дело в том, что в этот день он устраивал поминки по умершему брату, как им [велит] обычай. Началось великое смятение, и варвар был захвачен в плен".

Ромеи возгордились успехом, начали пить, впали в роскошь и стали перенебрегать дозором. Славяне "собравшись вместе, отплатили ромеям за набег. И это возмездие было бы еще страшнее нападения [ромеев], если бы Генуон, собрав пехоту, не одержал верх в этой битве".

В зиму 593 — 594 гг. император Маврикий отправил на левый, славянский, берег Дуная Татимера с грамотой, где было сказано о том, чтобы ромеи зимовали в славянских землях. В войсках ромеев поднялся ропот, но командующий Приск успокоил волнения и армия осталась зимовать на левом берегу Дуная.

В 594 г. Маврикий отстранил Приска от командования и во главе сил ромеев на Дунае поставил своего брата Петра. Когда ромеи переправились на правый берег Дуная, авары потребовали часть добычи и Приск отдал аварам пленных.

Петр выступил в поход из города Одиса [совр. г. Варна]. От города Маркиануполь [совр. г. Девня] Петр выслал вперед тысячу воинов.

Ромеи натолкнулись на шестьсот славян, везших большую добычу из земель империи. Феофилакты Симокатты повествует: "Все трофеи были у них собраны на огромном множестве повозок... Поскольку варвары не могли избежать столкновения, они устроили крепость из составленных повозок, в середине обвода поместив детей и женьщин". Результаты того столкновения были печальны для пленников и славян.

Тем временем Маврикий, испугавшись угрозы славян Византии, приказал Петру остаться во Фракии. Петр с армией стал у Нова, некогда располагавшегося в районе современного Свиштова. Было 23 августа, и жители Нова отмечали праздник св. Луппа.

Скоро Петр разбил лагерь у города Асима [быть может, совр. Муселиево]. Будучи сильной крепостью, Асим в 441 г. оказал сопротивление гуннам.

У Асима ромеи напали на отряд тюрок-булгар и потерпели поражение. Позже пришлось отправить хагану дары. Петр заверил тюрок, что не знал о нападении на булгар. Тем самым мир между аварами и ромеями в 594 г. формально сохранялся.

Петр переправил через реку двадцать воинов в разведку. Какая это была река, из источников не ясно, но, видимо, то был Дунай в окрестностях устья его левого притока — Яломицы. Ромеи были схвачены славянскими всадниками в то время, когда спали среди зарослей, не выставив караула.

Таким образом славяне узнали о намерениях ромеев. Феофилакты Симокатты свидетельствует: "Пирагаст, филарх той варварской орды, с воинскими силами разбил лагерь у переправ через реку и замаскировался в лесах, словно какая-то забытая в листве виноградина".

По приказу Петра тысяча ромеев переправилась через реку и была полностью уничтожена славянами. Тогда ромеи стали переправляться через реку крупными силами. У Феофилакты читаем: "Когда ромейское войско было таким образом приведено в

порядок, варвары выстроились на берегу реки. Ромеи же стали засыпать варваров копьями с лодок. Те не смогли устоять под тучей выпускаемых стрел и оставили берег осиротевшим. Тогда же погиб и их таксидарх, о котором выше было сказано, что его звали Пирагаст: пораженный стрелой в бок, он умер, ибо рана оказалась смертельной. Как только пал Пирагаст, враги обратились в бегство".

На четвертый день ромеи достигли реки Иливакия. Полагают, что то была река Яломица. Когда ромеи стали пить из реки и наполнять сосуды, с противоположного берега их стали разить славяне. Ромеи на плотках переправились через реку, но были разбиты славянами.

Далее Феофилакты пишет: "Итак, поскольку Петр проиграл варварам войну, стратигом был назначен Приск, а Петр, отрешенный от командования, отправился в Византию..." Так окончилась кампания 594 г.

Весной 595 г. Приск выступил из Византии к Дунаю. Силы ромеев были собраны в Астике, и там же Приск оценил потери империи.

На пятнадцатый день похода Приск переправился на левый берег Дуная и через четыре дня подошел к Новым Новам [к устью р. Чезаве]. Хаган аваров отправил к Приску послов, желая узнать причину появления ромеев. Приск отвечал, что те места хороши для охоты, верховой езды и обильны водой. Тогда хаган заявил, что ромеи нарушают договор, вступая на чужую землю. Приск возразил, что та земля остается ромейской. Начался спор, и, как говорят, Приск назвал хагана авар беглецом с востока.

С осени 595 г. до лета 597 г. между аварами и ромеями длилось восемнадцатимесячное перемирие.

За эти месяцы авары успели нанести поражение баварам и напасть на франков и тюрингов.

Весной 598 г. хаган подошел к городу Томы. Там было заключено перемирие с Приском. Далее хаган выступил навстречу Коментиоле, шедшему с армией империи. В апреле 598 г. на р. Янтра Коментиола был разбит аварами и бежал. При этом пал город Дризиперы.

В столице империи началась паника. Город готовили к обороне. Но тут у хагана умерли семь сыновей. Быть может, это спасло столицу. Был заключен мир и решено, что Дунай разделит земли ромеев и аваров. Против славян ромеи переходить Дунай имели право.

Одним из несчастных последствий весенней кампании 598 г. было то, что Коментиолу обвинили в измене. Говорили, что он по заданию императора Маврикия должен был отдать на погибель аварам войско ромеев из-за его непокорности Маврикию. Говорили и то, что Коментиола нарочно привел строй ромеев в беспорядок. В том несчастном сражении авары пленили немало ромеев. Позже Маврикий отказался от предложения хагана выкупить пленных, и авары всех пленных убили.

Среди воинов, пришедших к Маврикию сообщить о действиях Коментиолы, был Фока, служивший сотником на дунайской границе. Фока был особенно груб при разговоре с Маврикием. Один из придворных, член сената, именованный патрикием, ударил Фоку и дернул сотника за бороду. Маврикий не принял мер против Коментиолы и тем впоследствии обрек себя на гибель.

В 599 г. война ромеев с аварами вспыхнула с новой силой. Ромеи перешли Дунай и в трех сражениях нанесли аварам поражения. Хаган отступил к реке Тисе. Спустя месяц на Тисе ромеи в четвертый раз разгромили аваров. Приск велел 4000 ромеев перейти Тису. На противоположном берегу ромеи пленили 30 000 гепидов-германцев.

Спустя двадцать дней на Тисе произошло четвертое генеральное сражение. Ромеи одержали полную победу. В город Томы, на берегу Черного моря, было отправлено 800 пленных славян. Часть пленных, по-видимому авар, была возвращена Маврикием хагану.

Феофан Исповедник, повествуя о событиях войны на Балканах, бушевавшей в 590 — 600 гг., приводит рассказ о несчастном походе ромеев: "А Каментиол, едва оправившись от болезни, выступает в Новы, подыскивая проводников, чтобы они провели его по пути Василевса Трояна". Речь идет о тропе Трояна, пролегшей к северу от Нова и от Дуная, среди гор современной Румынии. "Но некий старец, знавший дорогу, сказал, что она трудна, что по ней не ходили много лет, что стоит зима, горы высоки и покрыты снегом. Но Коментиол, не убежденный словами старца, отправляется по этому пути. Поскольку же наступили необычные холода и великая стужа, погибают многие из ромеев и множество вьючных животных. С трудом он прибыл в Филиппополь, и после того, как ромеи там перезимовали, Коментиол приходит в Византий".

Считают, что путь Трояна от Дуная до Византии шел не от Нова, а от Паластола, через Мелту и Диоклетианополь к Филиппополю. Однако можно предположить, что Коментиолу интересовала легендарная тропа Трояна, пролегшая к северу от Дуная, через горы Дакии в страну славян. В Филиппополь же ромен могли вернуться после неудачи, постигшей их на тропе Трояна к северу от Дуная.

В 601 г. война ромеев с аварами продолжала полыхать. Маврикий назначил брата Петра стратигом Фракии. Хаган аваров угрожал Византии, и Маврикий отдал приказ Петру перейти Дунай и тем отвлечь аваров от столицы.

Флот ромеев переправил войска империи на левый берег Дуная. Феофан Исповедник сообщает о походе: "Петр, послав иностратига Гудуина за Нетр, захватил множество пленных. Узнав об этом, хаган отправил Ансиха с полчищами, чтобы он погубил племя антов как союзное ромеям". Но погубить антов хагану не удалось, так как часть аваров восстала и перешла на сторону ромеев.

Осенью 602 г. Маврикий стал настаивать на том, чтобы Петр с силами ромеев зимовал на земле славян, на левом берегу Дуная.

Феофилакт Симокатта сообщает: "Среди ромеев этот приказ императора вызвал уныние: во-первых, из-за добычи, во-вторых, из-за плохого состояния лошадей, наконец, из-за того, что полчища варваров, словно волны покрывали всю землю по ту сторону Истра; поскольку стратиг настаивал на исполнении императорского приказа, в войсках вспыхнул большой мятеж". Ромеи переправились на правый берег Дуная и, пройдя города Паластол и Асим, подошли к Куриску. Тут ромеи вновь решили перейти на левую сторону Дуная, видимо, поддавшись каким-то обещаниям Маврикия. Когда стали готовить к переправе понтоны, прошли проливные осенние дожди, а позже ударил мороз.

Феофилакт Симокатта пишет: "Из-за этого войско снова взбунтовалось, не желая переправляться через реку... А автократор в письме настаивал, чтобы Петр, переправив войска через реку, вступил на варварскую землю и чтобы ромеи там добывали пропитание для войска и тем самым дали казне передышку в снабжении их..."

23 ноября 602 г. император Маврикий был свергнут. 27 ноября знакомый нам сотник Фока казнил Маврикия.

Полагают, что Маврикий написал "Стратегикон" — сочинение, содержащее много интересных данных о славянах. Император Маврикий был прекрасно осведомлен о славянах, и мимо его свидетельств мы пройти не можем.

"Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они не каким образом не склонны быть рабами, ни повиняться, особенно в собственной земле. Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по безопасности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него своим долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве.

Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно наступающих их опасностей; все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лиш-

него. Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки. Они опытнее всех [других] людей и в переправе через реки и мужественно выдерживают [пребывание] в воде, так что часто некоторые из них, оставшиеся дома и внезапно застигнутые опасностью, погружаются глубоко в воду, держа во рту изготовленные для этого длинные тростинки...

Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями, а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом... Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крики, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах.

Ведь нередко, неся добычу, они, при малейшей тревоге пренебрегая ею, убегают в леса, а когда нападающие сгрудятся вокруг добычи, они, набрасываясь, без труда нанося им вред. Они стремятся всеми способами и преднамеренно проделывать это с целью заманивания своих врагов.

Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если они и соглашаются, то решение тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому...

... Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других напасть, дабы враждебность к всем не привела бы к [их] объединению или монархии.

... Поскольку хории склавов и антов расположены поочередно вдоль рек и соприкасаются друг с другом, так что между ними нет достойных упоминания промежутков, а лес или болота, или заросли тростника примыкают к ним, то при предпринимаемых против них нападениях, обычно случается так, что со вступлением в их первую хорию там задерживается в бездействии все войско; остальные [хории], поскольку они расположены по соседству и имеют близко леса, заметив это движение [войск], легко, из-за близости расстояния, избегают им предназначенного".

Славянские хории, сосредоточенные вдоль рек — это прослеживаемые археологами кусты поселений. Не правда ли в описаниях славян, приведенных в "Стратегиконе", много такого, что присуще славянам и в наше время?

Мы немного отвлечемся от истории взаимоотношений славян с Византией и сделаем некоторые общеславянские обобщения.

Глава 3. Рождение южного славянства

3.1. Союзы славян

В главе приведена генеральная схема расселения славянских союзов Европы, присходившего в V—IX вв. Привести такие данные необходимо в начале книги, так как они облегчают дальнейшее понимание славянской истории континента. При составлении схемы было использовано все многообразие достоверных источников. Следует заметить, что после гибели Маврикия, а с ним погибла не только его семья, но и его правительство, дунайская линия обороны империи рухнула. На Балканы после 602 г. хлынули не просто отряды славян, но целые славянские союзы. За полстолетия Балканы и Пелопоннес были густо заселены славянами.

В Мизии в VII—X вв. проживало семь славянских народов — *επτα γυνεαι Σκλαβινων*.

О сербах на Балканах известно, что во главе их союза стоял Великий Жупан. Ему подчинялись правители отдельных жуп (областей), называвшиеся жупанами. Между Великим Жупаном сербов и рядом жуп мог стоять бон, руководивший несколькими жупанами. Отдельные славянские союзы Балкан делились на братства, а те, в свою очередь, на задруги.

Из обилия славянских союзов можно выделить наиболее крупные, устойчивые, а возможно, и древнейшие или основополагающие союзы славян. Это те объединения славян, которые не только выдержали удары кельтов, германцев, скифов, сарматов,

тюрков (авар, болгар и пр.) но и, переселяясь на тысячу километров к югу или востоку, сумевшие сохранить свое древнейшее незамутненное естество и название.

Словяне, Хорваты, Воляняне — данные союзы представлены во всех трех группах славян центра, востока и юга Европы. Возможно, именно эти три союза следует рассматривать как наиболее древние и устойчивые объединения славян. Источник расселения трех союзов расположен в верховьях рек Тисы, Вислы, Одера, Лабы и Моравы. Выше говорилось о том, что на водоразделе названных рек с середины IV тыс. до н. э. началось развитие ряда археологических культур, индоевропейских создателей которых можно рассматривать как протославян центра Европы.

↓ **Поляне, Дулебы, Бужане** — данные союзы представлены в западной и восточной группах славян. Это указывает на перемещение из центра Европы в лесостепи Восточной Европы. Впрочем, это ясно и из общности названия славян, хорватов и волянян. Радимичи и вятичи также пришли в Восточную Европу из центра Европы, “из лях”, но имени своего древнейшего союза на Оке и на Соже те славяне уже не называли, заменив его именами предводителей — Радима и Вятко.

Общность, и весьма тесная, между западными и южными славянами иллюстрируется названиями союзов, одинаковыми у тех и других.

Словены, Хорваты, Воляняне, Сербы, Бодричи, Мильчане, Морава — представители данных союзов центра Европы в VI—VII вв. взломали дунайский рубеж обороны империи и, заперев ромеев в городах, наводнили земли Балкан вплоть до Малой Азии и Фессалии.

Есть удивительные соответствия в названиях славянских союзов востока и юга Европы: **Словяне, Хорваты, Воляняне, Северяне, Дреговичи**.

Множество названий славянских союзов перекликается с названиями рек или иных географических признаков. При этом возможно и обратное, то есть реки называли по названию славянского объединения, севшего по их берегам.

С названиями рек перекликаются названия союзов — полабцы (р. Лаба), черезпиняне (р. Пена), доленчане (р. Доленица), говоляне (р. Говола) [междуречье Одера и Лабы]. Славяне-лужичи занимают бассейн реки Лужицы. Кроме того, существуют Лужицкие горы.

По географическому признаку поименованы славяне-поморяне, сидевшие на южном берегу Балтийского моря. Ляхи и поляне именами союзов обязаны лядинам [росчь в лесах] и полям. Это вполне соответствует расселению полян и ляхов на равнине к северу от Карпат.

Название союза уличей говорит об излучине нижнего Днепра, у порогов. Уличи — это славяне, севшие у луки. Союзы моравы и полочан сидели по рекам Морава и Полота. Союз дреговичей назван из-за болота — дрегвы, занимавшей территорию на землях славян.

Славянами называли тех индоевропейцев центра и востока Европы, кто не позже середины II тыс. до н. э. понимал слова своего народа.

Союз хорватов по месту расселения и по названию следует увязывать с горной системой Карпат, служившей прибежищем протославянам едва ли не с середины IV тыс. до н. э. Древние источники упоминают карпов.

Волянянами назывались объединения славян, живших к северу и востоку от Карпат, на равнине. Невольно приходит в голову вол — древнейшее тягловое животное, одинаково называемое на всех индоевропейских языках Евразии. Возможно, воляняне — это те, чей образ увязывался с волем, вспахивающим пахонный ралом с медным наральником IV—II тыс. до н. э.

Русь — это знаменитейшее из имен славян, широко распространенное на востоке Европы не позже IV в. н. э. (вспомним россомонов Иордана). Весьма вероятно, что русью в лесостепях Восточной Европы славян называли задолго до IV в. н. э. Славяне были русоволосым, голубоглазым, статным народом, издревле сталкивавшимся в степях Северного Причерноморья со скифами и сарматами. Эти кочевники, так же как и славяне, были индоевропейцами, но более черноволосыми и темноглазыми. Начиная с IV в. н. э. славяне постоянно соседствовали с гуннами, аварами, булгарами и иными тюркскими народами.

Славяне, шедшие в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. в Восточную Европу с берегов Балтики и с отрогов Карпат, имели видимый за версту внешний признак — русые волосы.

Летописцы X—XII вв. упорно именовали Русью или Русской землей земли лесостепей среднего Днепра, вокруг Киева, Чернигова и Переяслава (Южная Русь). Более северные земли Восточной Европы, в VII—X вв. занятые кривичами, вятичами, словенцами, полочанами, радимичами, подобной чести нашими летописцами не удостоивались, хотя также были заняты славянами. Подобный консерватизм летописцев объясняется тем, что русоволосые славяне до V в. н. э. к северу от лесостепей Восточной Европы шли крайне неохотно и лишь под давлением кочевников.

По-настоящему славяне пошли к северу от лесостепей среднего Днепра в V—VIII вв. н. э. По пути были сметены огненным смерчем городища и селища балто-славян и угро-финнов на верхнем Днестре и Волге.

Летописцы X—XIII вв. сохраняли историческую память о Руси, как о земле славян I тыс. н. э., занимавшей лесостепи Восточной Европы. Это была страна русоволосых славян, противопоставлявшаяся северным землям, занятым балто-славянами и угро-финнами.

Именно поэтому общеславянские названия союзов: хорватов, бужан, дулебов, волянян, полян, северян, дреговичей, — представлены среди западных и южных славян, далее лесостепей Восточной Европы (то есть Южной Руси, классической Руси древнерусского летописания) не распространя-

Западные славяне				Восточные славяне	
Междуречье Лабы и Одера		Польша		Русь	
Вагры	Воляняне	Венеды	Требоване	Словены (новгородские)	Поляне
Ободриты (пароги)	Лютичи (Вильцы)	Поморяне	Воляняне	Кривичи	Дреговичи
Полабцы	Доленчане	Ленчицане	Поляне	Полочане	Воляняне
Глиняне	Украи	Бо(у)жане	Куявяне	Радимичи	Хорваты
Хижане	Стороряне	Любушане	Мазовшане	Вятичи	Дулебы (VI в.)
Бодричи	Дошане	Бобране	Серадзане	Древляне	Бужане
Ране	Любушане	Слензяне	Тшебовляне	Северяне	Тиверцы
Черезпиняне	Гаволяне (Стороряне)	Ополяне	Висляне	Анты	Уличи
Ратаре	Сербы				
Гломачи	Лужичане				
Венеды	Мильчане				
	Чехия	Моравия, Словения			
Лутомирцы	Дечане	Хорваты	Тимочане		
Лемузы	Пшоване	Морава	Словенцы		
Лучане	Зличане	Штирия, Каринтия, Крайна			
Седличане	Чехи	Венеды			
Шумава	Дудлебы				
Южные славяне					
Словения		Хорватия		Сербия	
Словены		Хорваты		Сербы	
Македония		Греция: Фессалия, Эпир		Болгария, Мизия	
Дру(а)гвичи	Струменцы	Вайуниты	Милинцы	Северяне	Бодричи
Сагудаты	Смоляне	[Воляняне]	[Мильчане]	Мораване	Браничевцы
Ринхины	Брсяки	Велегезиты	Езерцы	Тимочане	

лись. К востоку и северу от Южной Руси продвинулись объединения славян, называвшиеся полочане, кривичи, древляне, радимичи, вятичи. Названия этих славянских союзов не имеют соответствий ни в центре Европы, ни на Балканах.

Лишь на севере занятых славянами земель востока Европы славяне назвались своим древнейшим именем, дабы отметить дальний северо-восточный рубеж расселенности всего народа. То были словене новгородские. К северу, востоку и западу от словен жили балты и угро-финны.

Символично, что именем словен названы три славянских союза в центре, на юге и на севере всей славянской ойкумены Европы — Словения, Словакия, словене новгородские.

3.2. Завоевания славян на Балканах и в Элладе

После гибели императора Маврикия (27 ноября 602 г.) дунайский рубеж обороны империи ромеев рухнул. Это было эпохальное событие, ибо рубеж по Дунаю более шести столетий задерживал полчища скифов, сарматов, германцев, гуннов, славян, авар и болгар. Империя ромеев начала погружаться в смуту. То была извечная болезнь всех великих государств, подчас оказывавшаяся смертельной. Сотник Фока стал императором, и при нем вновь началась война с Персией.

Балканы, как минимум на полстолетия, оказались едва ли не в безраздельной власти славян и авар. Переправы на Дунае были полны телег, лошадей, челнов и человеческого нетерпения. Балканы были буквально наводнены славянскими переселенцами и ордами тюркских всадников. Первая половина VII в. на Балканах походила на весенний паводок. Только вместо воды шла бесконечная череда людей. Славяне переходили Дунай не просто родами, но целыми союзами. Ромейское население придунайских городов в панике бежало на юг, под защиту стен Фессалоник и Византии. Сил у ромеев хватало на оборону этих городов, но не более.

В 582 — 610 гг. славяне несколько раз предпринимали штурм и устраивали долговременные осады города Фессалоники (Солунь). После 602 г. нападения на город участились и приняли угрожающий характер. О событиях рассказано в “Чудесах св. Дмитрия Солунского”:

“И вот... случилось, что поднялся народ славян, бузчисленное множество, состоявшее из дрогувигов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов. Прежде всего они решили изготовить суда, выдолбленные из одного дерева, и, вооружившись на море, опустошить всю Фессалию и острова вокруг нее и Эллады, еще и Кикладские острова, и всю Ахайю, Эпир и большую [часть] Иллирика и часть Азии... имея с собой на суше свои роды вместе с их имуществом; они намеревались поселить их в городе после захвата [Солуни]”.

“... одни бросали камни из приготовленных камней, другие тащили лестницы к стене, пытались

ее захватить, третьи подносили огонь к воротам, четвертые посылали на стены стрелы, подобно снежным облакам”.

Из греческих источников следует, что у славян в VI — VII вв., двигавшихся на Балканы, были прекрасно организованные вооруженные силы. Отряды славян делились по родам войск и имели иерархическую систему управления. Среди славян были тяжеловооруженные воины, закаленные во многих сражениях. На морях действовали славянские флотилии, угрожавшие не только Фессалоникам, но и Византии. Кроме того, славяне имели навыки в строительстве осадных орудий и во взятии мощных крепостей.

Славяне шли по земле Балкан старыми дорогами империи либо долинами рек. Крупные города-порты, раскиданные по побережью Адриатического, Средиземного, Эгейского, Черного морей, оставались в руках ромеев. Занятые славянами в VII в. земли на Балканах именовались авторами средних веков Sclavenia, а их население — Sclaveni. Славянские земли на Балканах делились на жупы. Это были территориальные округа, занимавшие долины рек и управлявшиеся жупанами.

В VI — VII вв. на землях империи, на Балканах, царило запустение. Развалины брошенных жителями городов покрывал мох. Поля затягивали сорные травы и леса. Некогда кипевшие человеческой энергией пространства наполнялись множеством дичи.

Славянские жупы были составлены из отдельных селений, составлявших кусты, и отдельных дворов. Селения были разбросаны на значительном расстоянии. Они находились под защитой укрепленных городов, нередко устроенных на камнях имперских городов и крепостей. В центрах жуп ни на день не умолкала жизнь, полная народных собраний, празднеств, триз и военных приготовлений.

С приходом славян на Балканах исчезло римское право частной собственности на землю. Его заменило общинное землевладение, свойственное древним славянами-германцам.

Уже в годы правления императора Ираклия I (610 — 641 гг.), и тем более при его преемниках, Византия принялась за медленное, словно исподволь, подчинение славян государству. Прежде всего ромеи взяли за раздачу подарков славянской знати. Кроме того, славянам даровали титулы империи. Платой за честь была необременительная военная служба. Вслед за тем империя потребовала от славян и легкой дани.

Одновременно на смену волхвам славян стали приходиться христианские священники. И скоро среди епископий солунской метрополии появилось епископство другуйское. А в митрополии филиппинской возникли епископии велицкая и смоленская. Впрочем, мы несколько забегаем вперед в нашем повествовании.

Феодор Синкел в “Слове на перенесение честной ризы Богородицы во влахернах” описал события 617 г.

К хагану аваров ромеи отправили послов, среди которых был и Феодор Синкел. Хаган поведал ро-

меям о том, что ожидает помощи от персов. Вскоре ромеи сами увидели персов, принесших хагану дары. Ромеи также прослышали, что авары условились с персами об отправке славянских монокилов на восточный, азиатский, берег пролива Босфор с тем, чтобы от города Халкидона перевести войско персов к Византии. Хаган нарочно продемонстрировал ромеям союз с персами.

Феодор Синкел повествует: “И вот этой ночью посланы были монокилы к персам, и на них множество славян отплыло, чтобы привезти персидское союзное войско. Ведь славяне приобрели большой навык в отважном плавании по морю с тех пор, как они начали принимать участие в нападениях на ромейскую державу”.

7 августа 617 г. начался штурм столицы империи. Феодор Синкел пишет: “На море были снаряжены славянские монокилы, чтобы в бою в одно время и в один час против города началась одновременно и сухопутная и морская война. [Хагану] удалось превратить в сушу весь залив [Золотой] Рог, [заполнив] его монокилами, везущими разноплеменные народы. Он считал, что именно это место подходит для нападения на город...”

И по всей стене и по всему морю раздавался неистовый вопль и боевые кличи”.

Ромеи отбили штурм на море и на суше.

Феодор Синкел повествует: “Такое множество убитых врагов [пало] на каждом участке стены и столько повсюду погибло неприятелей, что варвары даже не смогли собрать и предать огню павших.”

А в состоявшемся на море сражении Богородица потопила их монокилы вместе с командами перед соборным ее божьим храмом во Влахернах...”

Летом 623 г. Византия выдержала новый приступ. При этом авары едва не пленили императора Ираклия I. 25 марта 624 г. Ираклий I уехал на восток.

Новый приступ неприятелей столица выдержала в 626 г. Эти события описаны в “Пасхальной хронике”. Ее автором было лицо из окружения патриарха Сергия (610 — 638 гг.).

29 июня 626 г. аварские всадники появились под стенами Византии. 31 июня произошли первые столкновения неприятелей. 8 июля к стенам Византии подошли основные силы аваров. Все это время авары с помощью костров-сигналов сносились с персами, стоявшими на азиатском берегу Боспора.

29 июля хаган аваров, подступив к стенам, показал себя горожанам. 31 июля 626 г. начался полномасштабный штурм столицы империи.

В “Пасхальной хронике” читаем: “В первой линии пешие, легковооруженные славяне, а во второй, тяжеловооруженная пехота”. Под Феодосиевыми стенами Византии были установлены осадные машины. Осаждавшие подступали к стенам под прикрытием “черепах”.

Попытка спустить на воды Боспора привезенные монокилы не удалась. Тому помешал флот ромеев. На третий день приступа монокилы приготовили к спуску на воду у моста св. Калинника, перекинутого

через устье реки Варбис, в северной части залива Золотой Рог. Тут было мелко, и флот ромеев не смог помешать спуску на воду монокилов. Однако суда ромеев перегородили весь залив.

Переговоры ромеев с хаганом результата не дали. Хаган отказался от золота, требуя весь город. Флот ромеев потопил монокилы славян, пытавшихся перевести персов на европейский берег залива.

“Пасхальная хроника” рассказывает: “А армяне вышли за Влахернскую стену и разожгли огонь на близлежащем портике [храма] св. Николая. Те славяне, которые вплавь спаслись с монокил, из-за [этого сигнала] огнем решили, что стоящие у моря [люди] — это авары. Они выбрались [на берег] в этом месте и были перебиты армянами. А те немногие славяне, кто спаслись вплавь, вышел [на берег] в том месте, где стоял безбожный хаган, были убиты по его приказу”.

От стен Византии были отведены осадные машины, лагерь хагана был сожжен, и волна наступавших отхлынула от стен столицы империи.

Из “Пасхальной хронике” узнаем: “Некоторые же говорили, что увидев происшедшее, снялись и ушли славяне — потому-то и проклятый хаган был вынужден уйти и последовать за ними”. 8 августа авары сожгли предместья и покинули окрестности Византии.

В 628 г. Византия выдержала еще один натиск.

И тут на три десятилетия столица была избавлена от полномасштабных осад и приступов.

В 658 г., согласно Феофану Исповеднику, император Константин II (641 — 668 гг.) “выступил против славинии и многих поработил и подчинил”. Полагают, что Константин II переселил группу славян на северо-запад Малой Азии, в район Вифинии. С земледельческих хозяйств славян империя взимала налог. Но главной обязанностью славян была военная служба.

В 669 г. в поход на Византию выступил арабский полководец Абд ар-Рахман, сын Халида, прозванный “Меч божий”. То был один из четырех арабских полководцев, получивших назначение от пророка Мухаммеда перед его смертью (632 г.). В 669 г. под стены Византии с востока подкатил новая волна завоевателей, пришедшая на смену персам.

Феофан Исповедник о событиях 669 г. рассказывает: “Абдерахман сын Халеда, выступил в поход на Романию и в ней перезимовал и много областей разорил. А славяне, перебежавшие к нему, [числом] пять тысяч, пришли с ним в Сирию и поселились в стране анамеев в селении Селевковале”. В Сирии славян (а они были выведены из Вифинии) поселили у города Апамея, на реке Оронте. Апамея некогда была столицей римской провинции — Второй Сирии.

Константин IV остановил арабских завоевателей и в 673 г. заключил с арабами мир на 30 лет с условием выплаты в пользу империи ежегодной дани.

“И великая тишина утвердилась и на Востоке и на Западе”.

Но это было не совсем так. Обратимся к славянам, к 673 г. густо заселившим земли на Балканах и в Элладе.

После похода 658 г., предпринятого Константином II против славян, живших в Македонии, из города Фессалоник императору донесли на “князя ринхинов по имени Первуд”, что вынашивает злые помыслы против города. Первуда схватили и отправили к императору. В защиту Первуда выступили славяне, сидевшие в нижнем и среднем течении реки Стримон, в Восточной Македонии. К славянам с реки Стримон примыкал славянский союз смолян, занимавших земли между реками Струмой и Местой. По-видимому, Ринхина — это река, но какая не ясно.

Войска империи выступали против данной группы славян в 656, 678, 688 гг.

По окончании войны с арабами, шедшей в 674 — 678 гг., Константин IV приказал освободить Первуда. Однако незадолго до освобождения Первуд скрылся. Первуда вновь схватили и посадили под стражу. В конце концов, Первуд погиб в темнице. И вот славяне “со Стримона и с Ринхина вместе с сагудатами, вооружились с яростью против нашего города Фессалоники”. Славяне два года осаждали город. Вероятно, эти события произошли после 678 г.

О князе Первуде и об осаде Фессалоник нам известно из греческого источника “Чудеса св. Димитрия Солунского”, отдельные части которого были написаны разными авторами. Одним из авторов называют архиепископа Фессалоник Иоанна.

Благодеяние империи, весьма относительное, длилось недолго. В 680 г., по свидетельству Феофана Исповедника, “племя болгар напало на Фракию”.

Согласно Феофану в первой половине VI в. старая Великая Булгария находилась между берегом Азовского моря и руслом реки Кубань. Там же жил тюркский народ котрагов или кутригуров, единоплеменников болгар.

Во времена императора ромеев Константина II (641 — 668 гг.), переведшего двор на Сицилию и намеревавшегося перенести столицу империи в Сиракузы, в старой Великой Булгарии умер хан Куврат. Кстати, императора Константина II, “пребывавшего на западе” на Сицилии, убили заговорщики.

Куврат оставил пять сыновей и заповедал им жить вместе, дабы не служить другим народам. Сыновья же рассорились и отделились друг от друга каждый с частью войска болгар.

Феофан Исповедник повествует: “Тогда как первый сын по имени Батбаян, храня завет отца своего, остался в дедовской земле его вплоть доныне, второй его брат по имени Отраг, перейдя реку Танаис [Дон], поселился против первого брата. Что же до четвертого и пятого, то, переправившись через реку Истр, называемую Данувием, один [поселясь] в Паннонии Аварской в подчинении у хагана авар, остался там со своим войском, другой же, достигнув

Пентополя у Ровенны, оказался в царстве христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправился через Днепр и Днестр и достигнув Огла, более северных по отношению к Данувию рек, поселился между ними и, рассудив, что место безопасно и трудно для овладения с любой стороны: впереди болотистое, с других концов окружено венцом рек, оно представляло большую безопасность от врагов ослабленному разделением народу”. Огл — это либо острова в дельте Дуная, с юга и севера, словно крепостными рвами, окруженные Георгиевским и Килийскими гирлами, либо междуречье Прута и Днестра в южной его части.

И тут у Феофана Исповедника весьма важное для древнерусской истории сообщение: “После того как они были разделены подобным образом на пять частей и стали малочисленными, выступил великий народ хазар из внутренних глубин Верзилии Первой Сарматии [видимо, из-за Волги] и овладел всей противлежащей землей вплоть до Понтийского [Черного] моря и, сделав первого брата — Батбаяна, архонта Первой Булгарии, своим данником доныне получает с него дань”.

Итак, прокатившаяся в IV — V вв. волна гунов в VI в. сменилась волной авар, а в VII в. на Европу нахлынула новая орда тюрков-булгар и хазар. Тюркские кочевники шли степями Евразии с востока на Запад подобно морскому прибою. И всякий раз этот прибой разбивался о склоны Карпат и Восточных Альп, населенных славянами, и, шипя, откатывался, ожидая подхода новой волны.

Император Константин IV (668 — 685 гг.) попытался бороться с булгарами на нижнем Дунае, но... армия ромеев бежала и булгары, перейдя Дунай, вступили на земли Фракии.

Феофан Исповедник свидетельствует: “Переправившись через него [Дунай] и прибыв к так называемой Варне близ Одисса и тамошнего внутреннего района, они [булгары] расположились весьма безопасно: сзади — благодаря Дунаю, а впереди и с боков — благодаря ущелью и Понтийскому морю. Когда же они овладели также из находящихся поблизости славянских племен так называемыми “Семью родами”, они переселили северов от передней теснины Верегава к районам на восток, а в район к югу и западу, вплоть до Аварии, — остальные “Семь родов”, находящихся под пактом”.

Как можно понять Феофана, Аспарух переселил союз славян северов (северян) с северных склонов Стара-Планины восточнее, туда где можно было пройти между берегом Черного моря и Балканским горным хребтом. А “семь родов” славян, обитавших на землях между Дунаем и Стара-Планиной, Аспарух разместил на западе и юге, дабы славяне прикрывали болгар от аваров и ромеев.

Империя купила у болгар мир ежегодной данью. В августе 681 г. Константин IV заключил мирный договор с Аспарухом.

В 688 — 689 г. император Юстиниан II Безносый (685 — 695 гг.; 705 — 711 гг.) нарушил мир с булгарами, Феофан Исповедник сообщает: “... а что до

великих полчищ славян, то одних он подчинил войной, других же как перебежчиков выдворил в края Опсикия, переправив у Авидоса”.

Авидос — это город-порт на малоазиатском берегу пролива Дарданелл. Славян селили на северо-западе Малой Азии, в области Вифинии, после 658 г.

В походе 688 — 689 г. Юстиниан II доходил до Фессалоник. Феофан рассказывает: “Юстиниан II сделал набор из переселенных им славян и зачислил в войско 30 тысяч. Вооружив их он нарек их “отборным войском”, а [некоего человека] по имени Небул — их архонтом. Полагаясь на них, он написал арабам, что не придерживается письменно согласованного мира. Взяв “отборное войско” и все кавалерийские фемы, он двинулся в Севастополь, что у моря [на востоке Малой Азии]... и первые арабы были побеждены. Найдя, однако, подход к союзному ромеям стратигу славян, Мухаммед посылает ему калчан, полный номисм, и, обманув всяческими обещаниями, убеждает перейти к ним с 20-ю тысячами славян, и так он уготовил ромеям [их] бегство. Тогда Юстиниан перебил их [славян] остатки вместе с женами и детьми у так называемой Левкаты, в месте обрывистом, прибрежном, расположенном на Никомидийском заливе”.

В 695 г. арабы вторглись в пределы империи в Малой Азии. При этом арабов в качестве проводников сопровождали славяне - перебежчики.

В конце 695 г. Юстиниан II был низвергнут с престола, лишен носа и сослан в Херсонес, в Крым. В 705 г. Юстиниан II бежал из Крыма в Болгарию, где встретился с ханом Тервелем (702 — 718 гг.). Юстиниан II пообещал отдать хану область Загору, расположенную к югу от гор Стара-Планины. В 705 г. Юстиниан I при поддержке хана Тервеля вернул себе трон императора. В 755 г. при расположенном в междуречье Тигра и Евфрата городе Нисибис персидский военачальник (подчиненный Аббасидам) Абу Муслим нанес поражения аббасидскому халифу Абдаллах ал-Мансуру.

Феофан Исповедник сообщает: “Абумуслим убил многих, ибо в большинстве это были славяне и антиохийцы”.

В 759 г. император ромеев Константин V (741 — 775 гг.) совершил поход в Македонию и подчинил власти империи живших в стране славян.

В 760 г. Константин V совершил новый поход в Булгарию. Окончился поход бесславно для ромеев.

В 761 г. к власти в Булгарии пришел хан Телец. Феофан Исповедник повествует: “... много славян бежало [из Булгарии], они стекались к Василевсу, который остановился на Артане [реке].

30 июня 763 г. у Анхиала хан Телец потерпел сокрушительное поражение от ромеев.

В 764 г. хан Булгарии Паган (767 — 768 гг.) отправил послов к Константину V. Говоря о посольстве к ромеям, Феофан пишет: “Он [посол] прибыл к нему с его боиладами”. Вероятно, речь идет о боярах, то есть о славянской знати.

Между Булгарией и империей был заключен мир. Несмотря на это, согласно Феофану: “Василевс же тайно отправив посланцев в Булгарию, схватил архонта северов Славуну, сотворившего во Фракии много зла. Был схвачен и Христиан, отступник от [веры] христиан и первый из скамаров...”

16 ноября 766 г. согласно Феофану: “... решением Василевса незаконно рукополагается евнух Никита I из славян патриархом Константинополя”.

Никита I скончался 6 февраля 780 г. В 797 г. к власти в империи пришла Ирина (797 — 802 гг.). При этом был ослеплен сын Константина VI (780 — 797 гг.)

В том же 797 г. Ирина, заключив мир с арабами, согласно Феофану: “... отправляет патрикия и логофета быстрого дрома Ставрикия с большим войском против племен славян. Пройдя к Фессалонике и Элладе, он подчинил всех и сделал данниками царства. Вступил он и на Пелопоннес и доставил царству ромеев множество пленных и добычу”.

В марте 799 г. произошли события, о которых Феофан Исповедник пишет: “... затеял заговор Акамир, архонт славян Велзитии [р-н г. Фессалоник], подстрекаемый элладаками [партия в столице] вывести сыновей Константина и выбрать из них Василевса”.

Ирина расстроила заговор, а его участников ослепила. Ирину сверг с престола Никифор I Геник (802 — 811 гг.). Скоро Ирина умерла в ссылке.

26 июля 811 г. булгары разгромили армию ромеев. Хан Крум отрубил голову Никифору I и вывесил ее на шесте. Феофан Исповедник сообщает: “После же этого, взяв ее, обнажив кость и оковав снаружи серебром, заставлял [Крум], превозносясь, пить из нее архонтов славян”.

Во время правления Никифора I, с ноября 805 г. по ноябрь 806 г., на полуострове Пелопоннес произошло знаменательное событие.

Из автографа, именуемого схолия Арефы, составленного Арефой на полях сочинения патриарха Никифора “Летописец вскоре”, мы узнаем об окончании безраздельного господства славян на Пелопоннесе.

Схолия Арефы: “В четвертый год его [Никифора I] царствования совершилось обратное переселение [жителей] Патр Пелопоннесских, отечества нашего, от города калавров Реггио в прежний город Патры. Ведь [жители] Патр были изгнаны, точнее, выселены народом славян, когда они с боями вторглись в первую и вторую Фессалию, а так же в Аинию [город на берегу Саллоникского залива], обе Локриды, в Эпикнимидии и Озолы, как и в Старый Эпир, в Аттку, на Евбею и на Пелопоннес, изгнали и унизили природные эллинские племена — а сами поселились начиная с 6-го года царствования Маврикия [582 — 602 гг.] вплоть до четвертого года Никифора”. На этом мы оставим славян южных, к 805 г. прочно обосновавшихся не только на Балканах, но и в ряде провинций Пелопоннеса и Малой Азии, и обратимся к славянам западным.

3.3. Славяне центра Европы VII в.

Данубий долго течет среди великих народов. Огромная река, она дает пастбища славянам, Протекает среди гуннов и соединяет винидов.

"Франкская космография" VII в.

Во второй четверти VII в. у западных славян центра Европы сложился мощный военно-политический союз, призванный организовать отпор на западе германцам, а на юге и востоке аварам. Мы обратимся к латинскому источнику, именуемому "Хроника Фредегара". Это одно из немногих исторических произведений, созданных в VII в. в государстве франков. "В год 40-й царствования Хлотаря [623 — 624 гг.] человек по имени Само, по рождению франк, из округа Санского, увлек с собой многих купцов [и] отправился торговать к славянам, прозываемым винидами. Славяне уже начали восставать против аваров, прозываемых гуннами, и царя их хагана. Виниды уже издавна были "бефульками" [волопасами] гуннов, ибо, когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то подержанные гуннами они вновь обретали силы. "Бефульками" потому называли их гунны, что они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию. Гунны каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе в ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, рожденные [ими] от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злобы и притеснения и отвергнув господство гуннов, как я упомянул выше, начали восставать. Когда виниды пошли походом против гуннов, купец Само, о котором я уже рассказывал, отправился с ними в поход; и там столь большая доблесть проявилась в нем против гуннов, что было удивительно, и огромное множество их было уничтожено мечом винидов. Узнав доблесть Само, виниды избрали его над собой королем; и там он и царствовал благополучно 30 и 5 лет. Во многие битвы вступали против гуннов виниды в его царствование; благодаря его совету и доблести виниды всегда одерживали над гуннами верх. Было у Само 12 жен из рода славян; от них он имел 22 сына и 15 дочерей".

Едва ли Само был франком, однако дискуссий о том уже велось немало, и мы не станем рассматривать доводы спорящих. Во второй четверти VII в. в Аварском каганате, на среднем Дунае, начались распри и власть тюркских кочевников в центре Европы стала слабеть год от года все больше. И тут объединившиеся вокруг Само славяне организовали активное противостояние западному соседу. "Хроника Фредегара": "В тот год [631 — 632 гг.] славяне, именуемые винидами, в королевстве Само

в большом множестве убили франкских купцов и разграбили [их] добро; это было началом распри между Догобертом и Само, королем славян". Отправленный Догобертом к Само посол Сихарий дела миром не решил. Началась война: "Когда тремя отрядами войско напало на винидов, также и лангобарды, за плату от Дагоберта, выступили в то же время как неприятели против славян. Славяне, со своей стороны, в этом и других местах приготовились: войско алеманнов с герцогом Хродобертом в [той] стороне, где оно вторглось, одержало победу и большое количество пленных из страны славян увели с собой алеманны и лангобарды. Когда же австразийцы окружили крепость Вогастисбург, где заперся внутри стен многочисленный отряд стойких винидов, и три дня сражались, то многие из войска Дагоберта были там же уничтожены мечом и оттуда бегом, оставив все палатки и вещи, какие имели, возвратились в свои жилища. Много раз после этого виниды вторглись в Тюрингию и другие области ради разорения Франкского королевства.

Также и Дерван, князь народа сербов, которые были из рода славян и уже издавна относились к Франкскому королевству, предался со своими людьми королевству Само".

В 631 — 632 гг. в Аварском каганате, в Паннонии, разгорелась распря. В результате девять тысяч болгар обратились к Дагоберту с просьбой об убежище. Бавары, приняв болгар на зимовку, в одну ночь истребили едва ли не всех гостей. В "Хронике Фредегара" сообщается: "Никого из тех болгар не осталось, кроме лишь Алциока с семьюстами мужчинами с женами и детьми; он спасся в марке винидов. После этого он со своими людьми прожил много лет с Валлуком, князем винидов.

В год 10-й царствования Дагоберта [632 — 633], когда ему было сообщено, что войско винидов вторглось в Тюрингию, он с войском из королевства австразийцев двинулся из города Мец и, перебравшись через Арденны, подошел с войском к Майнцу, предполагая перейти Рейн".

В 633 — 634 гг. немирье между Дагобертом и державой Само продолжилось. В то время Дагоберт в Меце короновал своего сына Сигиберта, возведя на престол Австрии. Сигиберт был молод и в 641 г. не сумел совладать с герцогом Тюрингии Радульфом. О борьбе с державой Само, и тем более о победе над ней, Сигиберт едва ли помышлял.

Держава Само объединила славян Богемии, Чехии, Моравии, Лузании. То была предтеча Великой Моравии — мощного столпа славянской государственности центра Европы IX в. Победы, одержанные в 627 — 662 гг. славянами центра Европы над аварами и франками, были весьма убедительными, и новый натиск на земли славян был предпринят уже Карлом Великим в конце VIII в.

Структура державы Само представляла собой объединение ряда союзов славян. Это значит, что в VII в. в центре Европы знать нескольких союзов слилась воедино, при этом найдя взаимные компромиссы.

Глава 4. История Востока I тыс. н. э.

4.1. Иран

Трудно нарисовать сколько-нибудь полную картину исторического развития славян и Древней Руси без описания, пусть самого общего, истории востока I тыс. н.э. Оно позволит полнее осмыслить множество, событий происходивших в мире славян.

Цивилизация, обладавшая рядом крупных городов, металлургией, торговлей и развитым сельским хозяйством, расцвела в Иране еще в V тыс. до н.э. В эпоху возвышения Рима территория Ирана входила в состав Парфянской державы. В ту пору в Иране господствовал зороастризм. Создатель учения Зороастра вошел на земли Ирана вместе с потоком индоевропейских кочевников, хлынувшим в XIII — VIII вв. до н. э. в Афганистан и Иран с севера, из степей Евразии.

Этнически иранцы принадлежат восточной группе индоевропейских народов Евразии наряду с хеттами, индоариями II — I тыс. до н. э. и кочевниками — киммерийцами, скифами, сарматами, аланами, населявшими низовья Волги, Дона и Днестра.

Корни языкового и этнического единства протославян и протоиранцев уходят в глубину V — III тыс. до н. э.

В III в. Парфянская держава, в состав которой были включены провинции Ирана, Месопотамии, северо-западной Индии, Афганистана и юга Средней Азии, втянулись в период необратимого разрушения и распада. Население Ирана, как и в глубокой древности, на равнинах возделывало культурные растения, а в горах выпасало скот. Землей владели общины, что не мешало земледельцам сохранять свободу.

В 226 г. главой Ирана, иначе именуемого Персией, был провозглашен Ардашир (226 — 241 гг.), положивший начало правлению династии Сасанидов. Тогда же были заложены основы административного деления государства, противоречившие прежним патриархальным рубежам родовых объединений.

Практически одновременно с воцарением сасанидов в Иране родилось новое духовное учение, оставшееся, впрочем, в русле основополагающих традиций зороастризма. Около 215 г. в Вавилоне родился Мани. В 242 г. в городе Ктесифоне Мани вступил на путь проповедования учения, призывавшего к избавлению человеческого духа от земного

материализма как единственного пути к спасению. Манихейцы проповедовали аскетизм.

В 276 г. Мани, оказавшись в тюрьме, был казнен. Заметим, что манихейство стоит в одном ряду с учениями тондакитов (Армения), альбигойцев (Западная Европа), богомилов (Болгария), хотя и развивавшимися в среде христианской, но также отрицавшими материальные оковы человечества.

На западе Ирану (Персии), а ранее Парфии несколько веков противостоял Рим. В 260 г. Иран одержал победу. Ее ознаменовал разгром римлян близ Эдессы. При этом римские воины вместе с императором Валерианом были пленены и обращены в рабство. Правил в то время Ираном Шапур I (242 — 272 гг.)

К концу IV в. после ряда войн Армения была поделена между Ираном (4/5 территории) и Византией (1/5 территории).

Тем временем внутри державы сасанидов развивались сложные социальные и экономические процессы, причины и следствия которых в дальнейшем оказались важными и для Руси. Как всякое крупное государство, Иран нередко сотрясали не только экономические кризисы (семилетний неурожай при Перозе (459 — 484 гг.)), но и внутренние противоречия, решить которые мирными средствами не всегда удавалось. Знать в Иране стремилась к увеличению податей и налогов. Для земледельцев это оборачивалось такой уздой, что, образно говоря, у всего Ирана буквально синели конечности, кровеносные сосуды которых пережимали налоговые подпруги. Монархи не могли не осознавать того, что алчность части населения угрожает существованию и целостности государства, и как могли бороться с этим злом.

Ардашир II (379 — 383 гг.), видя, что население буквально вдавлено поборами в землю, издал указ об освобождении иранских крестьян от податей на 10 лет. Вскоре Ардашир II был свергнут.

Ездигерд I (399 — 420 гг.) репрессировал знать и подавил ее мятеж в Парсе. Но и он заплатил престолом и жизнью.

В 483 — 484 гг. на северо-западе Ирана вспыхнуло восстание. Правители подавили его ценой огромных усилий. Но это было лишь начало.

488 г. в истории Ирана ознаменован рождением движения маздакитов. Их учение утверждало, что в мире борются светлые и темные начала, при этом

светлое действует осознанно, а темное — бессознательно.

К сожалению, на практике торжество маздакизма обернулось перераспределением власти и собственности.

Шахиншах Кавад I не преминул использовать движение маздакитов для борьбы со знатью. Задачу Кавада облегчало то, что основу его войска составляли разоренные поборами земледельцы. В 496 г. Кавад I был свергнут и оказался в темнице. Но уже в 499 г. Кавад I сумел вернуть престол, и тут Маздак, глава движения маздакитов, оказался среди влиятельнейших лиц в государстве.

И вот в Иране отменили привилегии знати. Тем была подорвана основа ее экономического могущества. Более того, значительная часть знати была физически истреблена.

Когда Кавад I почувствовал, что знать и духовенство более не угрожают его власти, он пошел на примирение с ними. Вслед за этим началось истребление маздакитов. Окончательно движение потерпело крах в 529 г.

Бурные события, происходившие в Иране в 488 — 529 гг., и их последствия исторгли из Передней Азии значительное число иудейского населения, принявшего активное участие в движении Маздака и в процессе перераспределения власти и собственности в Иране. Часть иудеев поселилась в греческих городах Малой Азии, а часть перебралась к северу от Кавказского хребта, где в VII в. возник Хазарский каганат.

Хосров I Ануширван (531 — 579 гг.) принял безземельную знать на государственную службу и, отменив множество прежних налогов, ввел поземельную и подушную подать. Постепенно Иран начал втягиваться в эпоху экономического подъема.

В VI в. продолжилась давняя борьба Ирана с Византией. В 540 г. Иран овладел Антиохией, стратегически важным городом на реке Оронт в Сирии, и обеспечил себе выход в Средиземное море. А к Черному морю иранцев Византия не пустила.

На севере, у Дербента, Хосров I возвел мощную оборонительную стену, где сдерживал кочевников. На востоке, по течению реки Аму-Дарья, была установлена граница с Тюркским каганатом Центральной Азии (552 — 745 гг.).

Около 570 г. Иран овладел Йеменом, вытеснив оттуда союзников Вавилона — эфиопов.

В 605 г. иранцы, словно предчувствуя скорое падение государства, вторглись в Армению, овладели Месопотамией и пошли к Византии. Иранцы заняли Халкидон, но столицы империи римлян не завоевали.

В Палестине и Сирии Ирану сопутствовал большой успех. В 614 г. был занят Иерусалим. Войска иранцев овладели нижним Египтом.

То были последние успехи державы сасанидов, поверженной Александром Македонским в IV в. до н. э.

В 622 г. Византия пошла в наступление на Иран, в Малой Азии и на Кавказе. В 627 г. греки заняли столицу Азербайджана — город Ганзак.

В Иране началась смута. Она сопровождалась частой сменой правителей и упадком хозяйства. В 636 — 651 гг. Иран был завоеван арабами.

4.2. Арабы

Аравийский полуостров около середины II тыс. до н. э. стал источником вторжения в пределы Египта предков современного еврейского народа, принадлежавшего к большой группе семитских народов Аравии.

В I — II вв. н. э. арабы, вышедшие из Йемена, основали на реке Евфрат город Хиру (195 г.). Царство, возникшее вокруг города, просуществовало около четырех столетий. Цари Хиры сумели распространить власть на всех арабов Месопотамии. В 602 г. Хира была завоевана Ираном.

Тем временем на юге Сирии развивалось государство гассанидов, также бывших выходцами из южной Аравии. Столицей был город Басра. Помимо Басры развивались десятки городов и процветало орошаемое земледелие.

Заметим, что это были далеко не все государства, основанные семитами в Евразии и Африке в древности. Аравия никогда не переставала служить источником постоянных исходов семитов во внешний мир.

В первой половине I тыс. до н. э. ведущей отраслью хозяйства арабов юга Аравии было орошаемое земледелие. Кочевники среди песков полуострова разводили лошадей, верблюдов, крупный рогатый скот, овец.

Города Аравии вели широкую торговлю. Отовсюду в порты Аравии приплывали и из них же уплывали суда с грузами пряностей, вин, шелка, драгоценных камней, металлов, ювелирных изделий, алмазов, слоновой кости и прочего. По суше, покрывая тысячи километров далеко не безопасных путей, пролегших равнинами и горными ущельями Евразии и Африки, от Китая до Гибралтара, шли вереницы составленных из верблюдов караванов. Горбатые силуэты верблюдов были едва различимы под громадными тюками, висевшими по бокам.

Помимо торговли население городов Аравии активно занималось ростовщичеством, приносящим до 200 процентов годового дохода.

В городах Аравии процветали ремесла. Особо ценилось оружие йеменских мастеров.

В IV — VI вв. Византия боролась с Ираном за контроль над Южной Аравией. Византия стремилась распространить в Аравии христианство. Это ей удалось в царстве химьяритов (115 г. до н. э. — 525 г. н. э.). Иранская партия Йемена боролась с христианством. С 570 г. Йемен стал персидской сатрапией. В результате некогда едва ли не монополия торговля аравийских купцов в значительной мере перешла в руки купцов персидских. Караваны пошли с востока на запад через земли Ирана и Средней Азии. Это привело к скорому упадку арабских государств Аравии.

4.2. Арабы

Любому взрыву активности народа предшествует духовная предыстория. Чаще всего это выражается в рождении новой религии. Именно она становится не просто кодексом жизни народа, но и знаменем его побед и завоеваний.

Создателем и первым проповедником новой религии арабов был Мухаммед (570 — 632 гг.) из города Мекки. Параллельно с развитием ислама начался бурный процесс сложения единого государственного организма арабов Аравии. Для его укрепления был введен единый поземельный налог. Столица государства расположилась в городе Медине.

Уже при жизни Мухаммеда начались завоевания арабов. Но вся грандиозность происходящего стала очевидна после смерти пророка. Арабские халифы словно ощутили крылья за спиной.

В 634 г. арабы переправились через Евфрат и выиграли сражение у персов при Кадисии (637 г.). Вскоре пала столица Ирана. В ее дворцах арабы обрели несметные сокровища — 900 млн. дирхем. Последнее крупное сражение персы (иранцы) дали арабам под Нехавендом в 642 г. К 651 г. арабы овладели Ираном и вступили в Афганистан.

Одновременно арабы овладели Сирией. В 636 г. арабы взяли Дамаск. А в 636 г. армия императора ромеев Ираклия I (610 — 641 гг.) была разгромлена арабами на реке Ярмук. К концу 637 г. арабы овладели средиземноморскими городами Сирии. В 638 г. арабы заняли Иерусалим.

В 642 г. арабы вступили в долину реки Аракс в Армении и взяли столицу страны — город Двин.

В 658 г. арабы оказались хозяевами на части территории Армении и Грузии и, перейдя перевалы Кавказа, спустились на земли хазар.

В 658 г. арабские халифы попытались овладеть Византией, но успеха не имели.

Двигались арабы и на земли Северной Африки. В 640 г. арабы вторглись в Египет, в страну, где население давно устало от налоговой и религиозной политики Византии.

В 641 г. арабы овладели Вавилоном. В 642 г. арабы заняли Александрию Египетскую. В 643 г. арабы заложили старый Каир (город Фустат), будущую столицу Египта. Арабы восстановили существовавший при фараонах канал, соединяющий Нил с Красным морем.

Бурные волны арабских завоеваний перекрестили укрепленные рубежи Византии и Ирана и кочующей, бурлящей лавой залили необозримые просторы Передней и Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа и северо-восточной Африки. И тут наступил неизбежный этап всех завоеваний — халифы столкнулись с трудно умирязуемым желанием знати получить не просто часть на завоеванных землях, но и разделить власть, вольно или невольно расколов тем государство.

И к рубежу VII — VIII вв. Византия сумела отнять у арабов Армению и Азербайджан. В Средней Азии, за Аму-Дарьей, арабы потерпели поражение, и власть их на тех землях была низвергнута.

В 661 — 750 гг. в мире арабов правила династия Омейядов. Столица располагалась в Дамаске. Был момент, как казалось, единство арабского мира дрогнуло, но Омейяды сумели отстоять за своим родом халифство и завоевания арабов продолжились.

Войска дамаских халифов вторглись в Малую Азию и в 688 г. переправились в Европу, но крепко стать на западном берегу не сумели и были опрокинуты. Несмотря на то, что в Византии при Юстиниане II (685 — 711 гг.) шла усобица и императору приходилось бороться с Леонтием (695 — 698 гг.) и Тиверием III (698 — 705 гг.), ромеи сумели отстоять державу от арабских завоевателей.

Арабская лава хлынула в вожденную Европу иным путем. В 703 г. арабы сломили сопротивление берберов на севере Африки. А в 710 г. арабские всадники созерцали воды пролива Гибралтар, разделяющего Африку и Испанию.

В те времена хозяевами Испании были вестготы, но их королевство было бессильно из-за усобиц. Первое сражение, произошедшее в 711 г. у города Кадикса, арабы выиграли. Местный архиепископ бежал в Рим. Уже к 714 г. весь Перинейский полуостров, исключая область басков, оказался во власти арабов.

В 718 г. армия арабов из Испании вторглась на юг Франии, в Аквитанию. Арабы овладели Нарбонной, Каркасоном и Нимом.

В 732 г. арабские всадники подошли к городу Труа. Символично то, что в 451 г. к Труа подходили гунны во главе с Атиллой.

Под Пуатье навстречу арабам вышло войско франков. Во главе стоял майордом Карл Мартелл. В битве арабы были наголову разгромлены. Поражение было столь велико, что послужило поворотным пунктом во всех арабских завоеваниях. Силы арабов были истощены и ... надломились. Далее завоеванных рубежей они уже не пошли. В 759 г. арабы потеряли Нарбонну.

Еще ранее, в 670 — 676 гг., армии арабов брали богатые города Средней Азии — Мерв, Герат, Балх, Бухару, Самарканд.

В 692 — 693 гг. арабы вторглись в Малую Азию и в Армению. В 717 — 718 гг. арабы организовали осаду Византии, но были принуждены отступить от ее стен с потерями. Это было последнее вооруженное покушение арабов на столицу империи ромеев.

В 711 г. арабы овладели городом Мультан, на северо-западе Индии, и выстроили в бассейне реки Инд ряд крепостей. Крупнейшей из них стал город Мансур.

В 751 г. арабы столкнулись с армией Китая при Таласе. Упомянем о том, что в 700 — 750 гг. арабы совершали походы на земли юга Восточной Европы. Весьма вероятно, что в VIII в. на среднем Дону арабы столкнулись со славянским союзом вятичей.

В 750 г. была свергнута династия дамаских халифов Омейядов. Последний из Омейядов халиф Мерван II потерпел военное поражение, бежал в Сирию и вскоре был убит в Египте. Власть перешла

Правители и государства Востока IV — XIII вв.

Век	Государства и народы Востока					Примечания
	Византия	Иран	Арабы	Хазария	Моголы	
IV	Аркадий, сын Феодосия I (395 — 408 гг.)					
V	Феодосий II (408 — 450 гг.); Пульхерия (450 — 453 гг.); Маркиан Фракиец (453 — 457 гг.); Лев I Великий (457 — 474 гг.); Зенон (474 — 491 гг.); Анастасий (491 — 518 гг.)	Маздакизм (488 — 529 гг.)	Союз арабских племен во главе с Киндом			[Славяне вышли на рубеж Дуная]
VI	Юстин I (518 — 527 гг.); Юстиниан I (527 — 565 гг.); Юстин II (565 — 578 гг.); Тиверий I (578 — 582 гг.); Маврикий (582 — 602 гг.)	Государство Сасанидов (224 — 651 гг.)	Мухамед (570 — 632 гг.)		Государство Тюрков в Азии (552 — 745 гг.)	[568 г. — посол от хана тюрков Дизавула в Византии]
VII	Фока (602 — 610 гг.); Гераклий I (610 — 641 гг.); Гераклий II (641 гг.); Гераклий III (641 — 642 гг.); Константин II (642 — 668 гг.); Константин IV (668 — 685 гг.); Юстиниан II (685 — 711 гг.)	Манихейство Арабы в Иране (636 — 651 гг.)	622 г. — переселение в Медину, 638 г. — взят Иерусалим Завоевания в Азии	Хазарский каганат г. Семендер		[602 г. — начало массового заселения Балкан и Эллады славянами] [681 — 1018 гг., I Болгарское царство]
VIII	Филиппик-Вардан (711 — 713 гг.); Анастасий II (713 — 716 гг.); Феодосий III (716 — 717 гг.); Лев III (717 — 741 гг.); Константин V Копроним (741 — 775 гг.); Лев IV (775 — 780 гг.); Константин VI (780 — 797 гг.); Ирина (797 — 802 гг.)		Испания (633 — 750 гг.) Омейяды (633 — 750 гг.) г. Багдад основан (762 — 766 гг.)	г. Итиль 740 г. — Була ввел иудаизм в Хазарии		[20 лет империя охвачена смутой] [717 — 718 гг. арабы осаждают Византию] [746 г. — славяне овладевают Пелопонесом] [717 — 867 гг., эпоха иконоборчества]
IX	Никифор I (802 — 811 гг.); Ставратий (811 — 812 гг.); Михаил I (812 — 813 гг.); Лев V (813 — 820 гг.); Михаил II (820 — 829 гг.); Феофил (829 — 842 гг.); Феодора (842 — 867 гг.); Василий I Македонянин (867 — 868 гг.); Константин VII (868 — 878 гг.); Лев VI Философ (886 — 912 гг.)		Аббасиды (750 — 1258 гг.)	834 г. — Саркел [Белая Вежа]		[Империей правят две восточные династии — Исавров и Армян]

Век	Государства и народы Востока					Примечания
	Византия	Иран	Арабы	Хазария	Моголы	
X	Константин VIII Багрянородный (912 — 959 гг.); Роман II (959 — 963 гг.); Никифор II Фока (963 — 969 гг.); Иван I Цимисхий (969 — 976 гг.); Василий II (976 — 1025 гг.);			Святослав уничтожает Хазарский каганат (964 — 965 гг.)		
XI	Константин IX (1025 — 1028 гг.); Роман III (1028 — 1034 гг.); Михаил IV (1034 — 1041 гг.); Михаил V (1041 — 1042 гг.); Константин XI Мономах (1042 — 1054 гг.); Феодора II (1054 — 1056 гг.); Михаил VI (1056 — 1057 гг.); Исаак I Комнен (1057 — 1059 гг.); Константин X (1059 — 1067 гг.); Михаил VII (1067 — 1078 гг.); Никифор III (1078 — 1081 гг.)	Завоевание Ирана сельджуками (1040 — 1050 гг.)	Взятие Багдада сельджуками (1055 г.)			
XII	Алексей I (1081 — 1118 гг.); Иоанн II (1118 — 1143 гг.); Эммануил I (1143 — 1180 гг.); Алексей II (1180 — 1183 гг.); Андроник II (1180 — 1183 гг.); Исаак II Ангел (1185 г. + 1204 г.)		Крестовые походы к гробу господню (1096 — 1270 гг.)		Объединение Монголии	[1187 — 1396 гг. — II Болгарское царство]
XIII	Алексей VI Дука и Николай Канаб (1204 г.); Феодор I Ласкарис Никейский (1204 — 1222 гг.); Иоанн III Дука Никейский (1222 — 1255 гг.); Феодор II (1255 — 1259 гг.); Иоанн IV (1259 + 1284 г.); Михаил VIII Палеолог (1261 — 1282 гг.); Андроник II (1282 — 1328 гг.)	1220 г. — Монголы в Иране	1258 — Монголы взяли Багдад		1206 г. — Тимучин провозглашен Чингизханом, 1218 г. — монголы решили идти на Запад, 1237 г. — монголы на Руси	[1204 — 1261 гг. — Латинская империя крестоносцев в Византии]

в руки династии Аббасидов. Столицей стал Багдад, основанный в 762 — 766 гг.

4.3. Хазарский каганат VII — X вв.

В Византии начали часто говорить о тюркских кочевниках-хазарах при императоре Ираклии I в 626 г. Император привлек хазар к войне с Ираном.

Согласно Массуди (X в.) иудаизм в Хазарии был принят в 730 — 740 гг. правителем Булой. Известно, что каган Хазарии должен быть иудейской веры. Евреи проникали к северу от Кавказского хребта, минуя Дербент, из Ирана после краха маздакидского движения (529 г.). Спасаясь от реакции в Иране, евреи поселились на нижнем Тереке и на окрестных землях к северу от Кавказа.

К иудеям Хазарии присоединилась часть изгнанных из Византии евреев. В их лояльности по отношению к христианам в эпоху греко-арабских войн императоры ромеев усомнились.

В первой четверти IX в. иудеи Хазарии ведали вопросами торговли, финансов, образования, внешней политики.

Большинство населения Хазарского каганата составляли тюрки-хазары. Государственно-племенной союз тюрков Центральной Азии, Северного Китая и Средней Азии (552 — 745 гг.) в начале VII в. распался на западный (в Средней Азии), разгромленный арабами в 740 г., и восточный (Центральной Азии), уничтоженный уйгурами в 745 г. Аварский каганат, являвшийся западным продолжением тюркского союза Евразии, был окончательно разгромлен в центре Европы в конце VIII в. Карлом Великим. Но еще в 635 г. могущество авар на юге Восточной Европы было низвергнуто вождем болгарских (также тюрков) кочевников Кувратом. На смену ушедшим на запад болгарам в VII в. пришли продвинувшиеся с востока на юг Восточной Европы тюрки-хазары.

Следует сказать о торговле, ведшейся Хазарией. Масштабы ее впечатляют. В середине VII в. на Тереке между современными станицами Червленая и Гребенская вырос город Семендер. В начале VIII в. в дельте Волги возвысился город Итиль, ставший столицей государства.

В VIII — IX вв. купцы каганата активно включились в торговлю с Китаем. Путь караванов пролегал из Китая по степям уйгур, через семиречье, минуя озера Балхаш и Арал, пустынями Средней Азии. Завершался он в дельте Волги, в городе Итиль. С востока к Итилю рекой тек шелк. Купцы Итиля намывали на этой реке огромные состояния.

В 874 — 901 гг. в Китае запыхало пламя восстания. Его острие было направлено против иностранных купцов и их факторий. В результате Китай вышел из широкой трансевразийской торговли.

Купцы Хазарского каганата скоро нашли практический неисчерпаемый источник извлечения прибыли. Леса севера Восточной Европы изобиловали

пушным зверем. И вверх по Волге, от пристани Итиля, пошли суда, полные товаров, произведенных в городах Средней и Передней Азии. А вниз по Волге без числа шли суда, полные шкур черных лисиц, соболей, куниц. Часть пушнины посуху отправляли в порты на Черном море и увозили в города Западной Европы.

Отношения Хазарского каганата со славянами всегда были не простыми. Твердью каганата в споре со славянами была крепость Саркел (Белая Вежа). Ее выстроили греки на нижнем Дону в 834 г.

Отношения Византии с Хазарией на отдельных этапах истории были весьма тесными и подчас обретали родственные узы. Император Юстиниан II (685 — 711 гг.) был женат на дочери хазарского кагана. Юстиниан II венчал ее царским венцом в Византии. Император Филлип-Вардан (711 — 713 гг.) искал у Хазарии защиты. А император Лев III (717 — 741 гг.) женил сына Константина V Копроба (741 — 745 гг.) на дочери кагана. От этого брака родился Лев IV (775 — 780 гг.)

Новые трудности международная торговля Хазарского каганата испытала с развалом Багдадского халифата, до того являвшегося твердым гарантом и агентом хазар на рынке Передней Азии. В 945 г. произошла катастрофа. Багдад был взят восставшими, и путь караванов, шедший из Итиля в Багдад, оказался перекрыт.

Для защиты торговых путей на юге использовали славянских воинов. Но их походы на юг Каспия проблемы не решили.

В 939 г. русский князь Игорь овладел городом Самкеру, располагавшимся на Таманском полуострове. Тут же купцы Хазарии организовали поход мусульманской армии, во главе которой стоял иудейский военачальник, на Самкеру. Город вернули в 940 г., и вслед за этим армия каганата вторглась на юг Крыма и дошла до земель полян в районе Киева.

В 964 — 965 гг. русский князь Святослав Игоревич совершил поход на Хазарский каганат. Город Итиль был взят и разрушен. Из дельты Волги русская армия подошла на берега Терека, и там был разрушен Семендер. На Дону Святослав овладел крепостью Саркел, ставшей впоследствии русской твердью, названной Белой Вежей.

4.4. Византия

Греческий город Византия возник в VII — VI в. до н. э.

На европейском берегу Боспорского пролива он стал преемником Трои 2750 — 1250 гг. до н. э., ранее связывавшей мир Азии и Европы. Выгоды положения Византии столь очевидны, что император Константин Великий в 330 г. перенес в нее столицу Римской империи. Город был переименован из Византии в Константинополь, но прежнего имени не забыл. Мы же будем называть город его древнейшим именем — Византия.

В VII — VIII вв. в Византии перешли от римской латыни к греческому языку.

В VI — VII вв. Восточно-Римскую империю сотрясала бесконечная череда вторжений славян и авар на Балканах и персов на востоке. Благодаря сильным периодам правлений Юстиниана I (527 — 565 гг.) и Ираклия I (610 — 611 гг.) империя выстояла. При этом Балканы и значительная часть Греции оказались населенными оседлым земледельческим славянством.

В 717 — 718 гг. Византия выдержала осаду арабов. Столица Выстояла. И началась новая, не менее опасная и гораздо более длительная осада устоев империи, продлившаяся с эпохи правления Льва III Исавра до правления Василия Македонянина (717 — 867 гг.). Это время названо эпохой иконоборчества. Ее наступлению предшествовали двадцать лет смут в империи.

В эпоху иконоборчества в империи главенствовали две династии восточного происхождения — исавров и армян.

Иудеи и магометане поставили под сомнение устои христианских постулатов. Гонениям подверглись иконы. Утверждалось, что икон не должно

быть в церкви. Борьба перемежалась частыми бунтами и появлением самозванцев. Империя вечно делилась на сторонников и противников тех или иных воззрений и идей. Устои империи отстояли греки и славяне. Их решающим аргументом стало следование традициям глубочайшей и божественно прекрасной культуры Эллады. В 842 г. над иконоборцами была одержана полная победа. Это обеспечило духовное преобладание греков и славян над выходцами из Азии.

С восшествием на престол Василия I Македонянина (867 — 868 гг.) начался новый этап в истории империи. Началось широкое распространение культурного и религиозного влияния Византии в Европе и Азии.

В завершение приведены перечень императоров Восточно-Римской империи и время их правления. Тут же отмечены наиболее яркие вехи в истории Ирана мира арабов, Хазарского каганата. В дальнейшем эти данные помогут сопоставить и понять множество событий и явлений, имевших место в мире славян I тыс. — II тыс. н. э.

Глава 5. Западная Европа раннего средневековья

5.1. Мир северных германцев

Повествование о мире северных германцев раннего средневековья во многом облегчат чудные поэмы в прозе, именуемые Исландские саги. В начале XIII в. их собрал исландец Снорри Стурлусон в книге “Круг земной”. Кроме того, сохранилось немало иных северогерманских саг, к данным которых мы прибегнем.

Саги выводят северных германцев от пришедшего из страны Асов Одина. В саге об Инглингах описывается местоположение страны Асов и ее столицы города Асгарда. Страна эта располагалась к востоку от нижнего Дона и к югу от Урала на землях, позже занятых тюрками, то есть в современной Туркмении. На северных отрогах Копетдага действительно развивалась цивилизация с индоевропейским населением, уже в V — III тыс. до н. э. обладавшая рядом крупных городов площадью в несколько десятков и даже сотен гектар.

С середины III тыс. до н. э., а быть может и ранее, население юга Туркмении, Туранской долины Средней Азии и степей юга Сибири и Урала начало с каждым десятилетием все острее ощущать неуклонное опустынивание земель. Во II тыс. до н. э. ранее обозначившийся природный кризис в центре Евразии принял настолько угрожающие масштабы, что исход больших групп населения из некогда цветущих районов древней цивилизации стал важнейшим событием эпохи.

Сполохи индоевропейского этнического вулкана, вспыхнувшего в центре Евразии впервые еще около середины V тыс. до н. э., в IV тыс. до н. э. расширившего площадь с территорий Средней Азии, Ирана и Месопотамии на земли Афганистана и Пакистана, в III тыс. до н. э. достигли запада Малой Азии, где была основана Троя I, а на востоке бассейна реки Инд, где в III тыс. до н. э. внезапно выросли громадные города, крепости, порты цивилизации городов Мохенджо-Даро и Хараппа.

Массовый характер вторжения индоевропейских кочевников евразийских степей в Европу приняли около середины IV тыс. до н. э. Именно в то время были заложены первые камни в основание протогерманской общности северо-запада континента. Однако это было лишь началом целой череды вторжений индоевропейцев на благодатные, обласканные теплой Атлантикой, земли Европы.

Природно-климатический кризис первой четверти II тыс. до н. э. оказался настолько жестоким для городской цивилизации севера Копетдага, что площади заложенных в V — IV тыс. до н. э. городов сократились в десятки раз, а многие и вовсе были оставлены населением. Постепенно некогда цветущие города превратились в безмолвные громадные холмы (теппе или телли) из оплывающих от осадков и солнца бесформенных груд сырцового кирпича.

Одним из следствий кризиса, поразившего юг Средней Азии во II тыс. до н. э., оказалось рождение на богатом металлургическом сырьем юге Урала могучей индоевропейской цивилизации, именуемой археологами андроновской культурой XVIII — IX вв. до н. э.

Обитатели юга Урала XVIII — XVI вв. до н. э. жили в больших, сложенных из бревен домах, составляющих плотную застройку поселков, обязательно защищенных валами и рвами по всему внешнему периметру. В то же время на юге Урала расцвела мощная металлургия. Население совершало погребения под курганами, скрывавшими склеп с боевой колесницей, принадлежавшей умершему.

В XV в. до н. э. боевые колесницы индоевропейцев подобно выюге ворвались на равнины среднего Дуная и, оставив множество курганных некрополей в Европе (кл. курганных погребений XV — XIV вв. до н. э.), как и их предшественники, постепенно осели в различных уголках континента от Эллады до Скандинавии.

Обратимся к первоисточнику — “Саге об Инглингах”: “Страна в Азии к востоку от Танахсвисля [Дона] называется Страной Асов или жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одином. Там было большое капище... в нем было двенадцать верховных жрецов... Они назывались диями.

... Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад [Урал]. Он отделяет Великую Скифию от других стран. Недалеко к югу от него расположена Страна Турок [Туркмения]. Там были у Одина большие владения... Так как Один был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет населять северную окраину мира. Он посадил своих братьев Ве и Вили правителями в Асгарде, а сам отправился в путь и с ним все дии и много другого народа.

Он отправился сначала на запад в Гардарики, а затем на юг в Страну Саксов... Затем он отправился

на Север, к морю и поселился на одном острове. Это там, где теперь называется остров Одина на Фьоне [г. Оденсе на острове Фюн в Дании]. Затем он послал Гевьон на север через пролив на поиски земель... Один поселился у озера Лег, там где теперь называется Старые Сигтуны [40 км к северу от Стокгольма], построил там большое капище и совершил в нем жертвоприношение по обычаю Асов.

... Один ввел в стране те законы, которые были раньше у Асов. Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом... А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курганы, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень”.

В XIII в. до н. э. в Европе наступила эпоха археологической культуры полей погребений, отразившейся в “Саге об Инглингах” как “век сожжения”.

Вероятнее всего саги связывают поход Одина из Асгарда в Старые Сигтуны с вторжением боевых колесниц XV в. до н. э. в Европу, шедшим из-за Дона, с Юга Урала, а еще ранее с юга Средней Азии.

Из еще одного произведения Снорри Стурлусона — “Младшей Эдды” — мы узнаем, что: “Скьельдом звали сына Одина, и отсюда пошли все скьельдунги. Он жил и правил в стране, что теперь называется Данией, а тогда называлась страной готов. У Скьельда был сын по имени Фридлейв, правивший после него. Сына Фредлейва звали Фроди.

Он наследовал своему отцу в те времена, когда Август кесарь водворил на всей земле мир. Тогда родился Христос...”. Тут сага отмечает временной ориентир в истории германцев, устанавливая его на рубеже эр.

Далее сага повествует об иных инглингах, и среди них Ohther, Eadgils, Onela (XXVII — XXIX). В древнегерманской поэме “Беовульф” рассказывается об Ottar, Adils, Ali. Историк франков Григорий Турский свидетельствует, что описанный в “Беовульфе” поход происходил в 516 г.

Сага говорит, что трое из инглингов: Аун, Эгиль, Адильс — были погребены под курганом в Уппсале, древней столице Швеции. В Уппсале действительно есть три княжеских кургана — конца V в., начала VI в. и конца VI в.

Про Оттара в “Перечне Инглингов” сказано, что он сын Эгиля и отец Адильса, и о том, что он погиб в битве с датчанами в Вендиле. На полуострове Юстландия (Дания) есть область Вендюзсель, но в Упланде (Швеция) есть область Вендель, расположенная вблизи от Уппсалы, и там находится “курган Оттара” V — VI вв.

Полагают, что в кургане в Гокстаде, скрывавшем викингский корабль, мог быть погребен конунг Олав Альва из Гейрстадира. Погребенный мужчина был высок ростом, и суставы его ног были изуродованы болезнью. Сага свидетельствует, что Олав Альв был высок и у него заболела нога и это привело к смерти.

Правда, существует разночтение — сага повествует, что Олав Альв погребен в Гейрстадире, но не в Гокстаде.

Под курганом в Усеберге также открыли великолепный корабль и погребения двух женщин. Считают, что одной из них могла быть Аса, жена Гудреда. При этом полагаются и на название места — Asu-berg. Впрочем, сага о месте погребения Асы умалчивает.

Обратимся к исследованиям шведского археолога Биргера Нермана. Им предложена датировка жизни инглингов Скандинавии [+ означает кончину]: + Агни — начало V в.; + Альрека и Эйрека, а также Ингви и Альва — первая половина V в.; + Ерунда — после середины V в.; + Ауна — конец V в., или не позже 500 г.; + Эгиля — незадолго до 516 г.; + Оттара — около 525 г.; + Адильса — около 575 г.; + Эйстейна — конец VI в. или не позже 600 в.; + Ингвара — около 600 г. или в начале VII в.; + Энунда — около 640 г.; + Ингьяльда — вскоре после 650 г.; + Олава Дровосека — конец VII в.; + Хальвдана Белая Кость — до 750 г.; + Эйстрейна — конец VIII в.; + Хольвдана Щедрого — начало IX в.; + Гудреда — 821 г.; рождение Олава Альва из Гейрстадира — 801 г.; + Регнвальда Достославного — 855 — 865 гг.

Тут будет кстати привести генеалогическую таблицу конунгов Норвегии из рода инглинга Харальда Прекрасноволосого, объединившего государство под единым управлением.

Из данных археологии можно понять, что к началу VI в. до н. э. мир северных германцев выработал собственный культурный стиль. И около VI в. до н. э. германцы Скандинавии и Ютландии начали фронтальную атаку на земли Европы — от устья Вислы на востоке до устья Рейна на западе. На Лабе, Одере и Висле древним германцам приходилось сталкиваться с густым славянским (венедским) населением. Археологические культуры, создававшиеся северными германцами к востоку от Лабы, после нескольких столетий развития размывались славянскими потоками носителей культур полей погребений (лужицкая кл.) центра Европы. К западу от устья Лабы дела у германцев шли успешнее. Тут им противостояли кельты, населявшие бассейн Рейна и часть земель на водоразделе между Рейном и Лабой.

Видимым свидетельством присутствия германцев в континентальной Европе I тыс. до н. э. стала ясторфская археологическая культура VI в. до н. э. — III в. н. э. Ее создатели от столетия к столетию отвоевывали все новые земли в центре и на юге Германии, стремясь вытеснить на востоке славянское, а на западе кельтское население.

На рубеже эр в устье Вислы высидился очередной десант северных германцев — готов. Еще раньше, в III в. до н. э., о германцах узнали в Элладе и на Апеннингах. Во II в. до н. э. Рим был вынужден силой оружия умиротворять рвавшихся в богатые провинции средиземноморья германцев. Но до Рима германцы добрались лишь в V в. н. э. А до того германцы активно боролись с кельтами и славянами.

Евразия подчас преподносит самые неожиданные сюрпризы. Нечто подобное произошло и с германцами, находившимися в центре и на востоке

Европы после 375 г. В тот год Волгу перешли орды гуннов. Вольно или невольно дикий, подвижный, ошестиненный сотнями тысяч клинков, таран гуннов поверг влияние германцев на юге Восточной Европы и в бассейне Дуная в прах. В результате в V в. на линию Дуная вышли славяне, и в VI — VII вв. ими были заняты земли на Балканах и в Элладе.

В результате падения Западного Рима на Апеннинских, во Франции, на Пиринеях, на севере Африки в V — VII вв. возникло множество германских королевств.

Но обратимся к истории северных германцев раннего средневековья. Северные германцы были лишены участия в дележе богатств и земель Западно-Римской империи, но они не вкусили латинской учености, рано взятой на вооружение ушедшими на юг собратьями. Христианизация и латинизация северных германцев в XI в. лишь началась и окончательно восторжествовала только в XIII в., сделав неукротимых германцев людьми, нравы которых хотя бы отдаленно отвечали канонам христианства. Века IV — XII были временем беспрестанных опустошительных набегов норманнов на земли Европы.

Начиная с 300 г. германские народы, населявшие полуостров Ютландию и междуречье нижней Лабы и Рейна (Саксония), именуемые саксами, англами и ютами, начали совершать регулярные морские походы на острова Британского архипелага.

В 407 г. Рим, содрогавшийся от ударов, отозвал легионы из Британии. А уже под 449 г. сага саксов повествует о том, что три судна с экипажами по пятьсот человек пристали к утесам Британии и Хенгист и Хорс основали в Кенте небольшое саксонское королевство. А в 494 г., согласно преданию саксов и англов, король Кердике, предводитель команд пяти судов, стал править всем Уэссексом.

В VI в. дружины англов и саксов едва ли не всюду в Англии основали королевства. Теснимые германцами, кельты либо скрывались в горах Уэльса, либо плыли на полуостров Британь (запад Франции).

До VI в. германцы ходили водами Северного моря на весельных судах, не снабженных парусом. Византиец Прокопий около 560 г. так говорил о том: “Эти варвары никогда не знали паруса и в морских походах использовали только весла”.

У судна, обнаруженного на юге Дании в Нидаме, возраст которого оценивают в 1600 лет, дубовый корпус имеет слабо выраженный киль и отсутствует мачта. У ладьи из Квальзунда (Норвегия), возраст которой также около 1600 лет, уже присутствует настоящий киль. Это стало решительным шагом к увеличению устойчивости судна и установлению на нем паруса и руля.

В VI — VII вв. парусные суда появились всюду в Скандинавии. Киль и шпангоуты изготовляли из дуба, а на доскиобшивки пускали сосну.

Конструкция крепилась металлическими скобами и заклепками. В глубокой древности для крепежа досокшивки судов использовали сплетенные из кожи веревочки.

Хорошо известен корабль норманнов из Гокстада, с юга Норвегии, построенный в IX в. Судно

располагает легким, словно гладышим волны, дубовым корпусом, изяществом напоминающим женскую фигуру. Форштевень, словно гордо поднятая голова, грациозно взмыл ввысь. По бортам судна находились 16 пар весел. Мачту венчал прямой парус. Длина судна 23,33 м, ширина 5,25 м, высота от нижней грани киля до борта 1,95 м, посадка 85 см.

Суда норманнов VII — XIII вв. делились на два типа: военные “длинные корабли” драккары, узкий корпус которых развивал высокую скорость и издали безошибочно узнавался прибрежными жителями по повергавшей в трепет драконьей голове и красным или полосатым парусам; торговые кнарры, уступавшие в скорости военным судам, но располагавшие более вместительным, крепким и округлым корпусом, снабженные веслами и большим, сшитым из грубой шерстяной ткани, квадратным парусом.

Единицей измерения у норманнов служил дегра, соответствующий расстоянию, проплываемому судном за полные сутки. Путь из Норвегии в Исландию соответствовал семи деграм. От западной Исландии до юга Гренландии насчитывалось четыре дегра плавания. В океане ориентировались по широтам, опираясь на инфоразию, подсказанную звездами, солнцем и нехитрыми деревянными приборами.

Но вернемся к завоеваниям норманнов. Их динамика походит на каскад водопадов бегущего по тесному ущелью потока.

В VI в. земли саксов, англов и ютов, ранее уплывших в Британию, заняли продвинувшиеся в Ютландию (отныне ставшую Данией), из провинций юга Скандинавии Сконе и Холланд даны. То была очередная волна северных германцев, излившаяся из Скандинавии на Европу.

В 620 г. норвежцы приплыли на Гебридские острова. В VIII в. даны создали королевство, включавшее земли полуострова Ютландия, близлежащие острова и часть Норвегии. В 800 — 810 гг. при датском короле Готтрике был возведен оборонительный вал — *Danevirke*. Он перекрыл вход на полуостров с незащищенного морем юга и был призван сдерживать завоевания франков. Восточным краем *Danevirke* уперся в залив Эккернфердер, западным — в речку Трене. Столица датских конунгов Хлейдр располагалась на острове Зеландия. Это современный Лайре, вблизи Роскиле.

Со смертью Готтрика королевство данов распалось. Так было положено начало “эпохе викингов” — времени наибольшей интенсивности вторжений северогерманских дружин едва ли не всюду в Европе.

Около 800 г. норвежцы поселились на Фарерских — овечьих — островах. В 802 г. норвежцы принялись за освоение Оркнейских и Шетландских островов.

А “Восточный путь” — *Austrvegr* — главным образом бороздился судами выходцев из Швеции и Готланда. На запад же плавали преимущественно норвежцы и датчане. Более всего от их вторжений страдала Британия.

В 793 г. норвежские викинги, подплыв к Британскому архипелагу, разграбили монастырь на острове Линдисфарн. В 794 г. подвергся нападению монастырь Веармус. Напомним, что христианизация Норвегии была начата лишь в XI в.

В 795 г. викинги высаживались на острова Мен и Айона. В 802 — 806 гг. викинги нападали на монастырь на острове Айона.

В 810 г. произошло первое морское нападение данов (датчан) на побережье Фрисландии, на северо-западе Германии. Карл Великий велел строить флот и запер его судами устья рек, дабы викинги, не любившие разлучаться со своими судами, годами служившими им домом, не проникали в глубь империи.

В 820 г. прибрежная оборона франков отразила нападение норманнов во Фландрии. Не прорвались суда скандинавов и в устье Сены. Несмотря на то, что город Руан все же оказался в руках викингов и был ограблен и опустошен, именно береговая оборона франков вынудила северян обратиться к утесам Британии.

В 825 г. алые и полосатые паруса викингов появились у берегов Англии. Прибрежное население, гоня впереди себя скот, в панике кинулось под сень лесов, прекрасно зная, что следует за высадкой непрошенных гостей.

В 833 г., после свержения Людвига Благочестивого, в державе франков началась смута. И уже в 834 — 838 гг. викинги опустошили Фрисландию. Этим было положено начало без малого столетию вторжений викингов в охваченную усобицами Францию.

В 836 г. викинги впервые разграбили Лондон. 14 мая 841 г. викинги вновь овладели Руаном и сожгли его до тла. В том же году в их руках оказалось устье Рейна. В 842 г. была разорена гавань Квентовик (Кале).

Во время вторжений норманны едва не до основания разрушали богатые торговые города морского побережья и города, стоящие на судоходных реках, подобные Кельну и Парижу.

В 843 г. жертвой норманнов оказался Нант. В 845 г. более чем 600 ладей данов подплыли под высокий левый берег нижней Эльбы (Лабы). Даны овладели Гамбургом и разорили город до такой степени, что епископию перенесли в Бремен.

В пасхальное воскресенье 845 г. викинги захватили и разрушили Париж. В 848 г. пал город Бордо.

В 851 — 852 гг. флот норманнов из 350 судов подошел к берегам Англии и были ограблены Лондон и Кентерберги.

А в 852 г. уже на “восточном пути” норманнов ожидала неудача: “... половина датского войска была перебита, равно как половина их кораблей уничтожена куршами”.

Тут мы отвлечемся от общего хода повествования и рассмотрим, что понимали северогерманские саги под *Austrvegr* — “восточным путем” (*Austr* — восток, *vegr* — путь).

Под *Austrvegr* понимался не просто один путь на восток Европы (их было несколько), но и земли,

лежавшие на этом пути. В их число входила Русь — *austr i Gardariki* или *austr i Garda* (страна городов на востоке). Центрами притяжения варяжских (норманнских) дружин на Руси были *Holmgard* — Новгород — и *Aldeigjuborgar* — Старая Ладога.

Помимо *Gardariki* на землях “восточного пути” располагалась страна западных славян (вендов), куршей, эстонцев, карелов.

Своеобразие обозначения “восточного пути” сагами состоит в том, что пути на запад, север и юг описываются словами *vestr*, *nordr*, *sudr*. Объяснить подобное выделение именно *Austrvegr* можно повествованием “Саги об Инглингах”. Прародитель инглингов Один пришел (во II тыс. до н.э.) по восточному пути из страны, лежавшей к востоку от Дона, минуя *Gardariki* и страну саксов.

Но вернемся к рассказу о викингах.

В 860 г. флотилия норманнов, обогнув Пиренейский полуостров, прошла Гибралтарский пролив и вторглась в воды западного средиземноморья. Возглавил поход, целью которого был Рим, Хастингс. Однако овладели норманны другим городом Италии — Луной. При этом северяне разыграли целый спектакль с мнимой смертью Хастингса и его погребением, закончившимся едва не поголовным истреблением жителей Луны.

Жители “восточного пути”, один из маршрутов которого пролегал по южному побережью Балтики, состоявшие главным образом из славяно-венедского населения, не имели иного выбора, чем строительство прибрежных крепостей, как правило запиравших устья рек. Так окрепли, а некоторые и появились заново, города венедов Старгород (Ольденбург), Аркона на острове Рюген, Волынь в устье Одера, Колобжег. В VIII-IX вв. особую заботу об обороне проявили жители восточнославянских городов — Старой Ладоги, Новгорода, Пскова, Полоцка.

А в самой Скандинавии, также подчас страдавшей от набегов викингов, существовала система берегового оповещения с помощью сигнального огня при ряде городищ-крепостей, крупнейшие из которых в Швеции — Граборг на Эланде и Экеторп на Эланде.

Обратимся к отрывку из “Жития св. Ансгария”, описывающему нападение датских викингов на славян, произошедшее в 40-е годы IX в.: “Выпал им жребий отправиться в отдаленную крепость земли славян...”

... Совершенно неожиданными обрушились они там на мирных беззаботных туземцев, одержали верх силой оружия и вернулись обогатившие награбленной добычей и многими сокровищами на родину”.

В 863 г. суда викингов поднялись руслом Рейна до Ксантена, а в 866 г. жестокий шторм отнес флот викингов численностью двадцать тысяч человек к берегам Шотландии. Там викинги провели зиму.

В тот же год вожди викингов Ивар и Уби захватили город Йорк в Англии, а весной 867 г. перезимовавшие на островах архипелага викинги создали в Британии государство Денло (Датское право),

расположившееся в Нортумбрии и на части Мерсии и Эссекса.

В 872 г. в Норвегии произошло событие, резко подхлестнувшее отток населения из Скандинавии: одержав победу в морском сражении при Ставангере, конунг Норвегии Харальд Прекрасноволосый объединил страну под единой властью, чем обрек на изгнание значительное число непокорных конунгов, ярлов, бондов и викингов. И в самом деле, основные завоевания северными германцами на западе были совершены после 872 г.

Уже в 875—876 гг. викинги, предводительствуемые Хальвданом (братом Ивара и Уби), начали селиться повсюду в Нортумбрии.

В 878 г. британские англосаксы истребили значительное число живших в Англии викингов. Но желанного избавления это не принесло. Вскоре к берегам архипелага подошла новая большая флотилия викингов, вновь ограбивших Лондон и при этом не забывших побережья Франции.

В 878 г. король англосаксов Альфред I Великий (871—901 гг.) разгромил в битве при Эсцедуне викингов.

В 880 г. норманны ограбили провинцию германской империи Аахен, а в 885 г. армия викингов численностью до сорока тысяч человек, приплывшая на семистах дракарах, захватила Руан и осадила Париж, уже разграблявшийся в 845, 857, 861 гг. Однако на этот раз Париж откупился, и норманны, сняв осаду, уплыли на северо-запад Франции, где большинство из них и поселилось, положив начало истории Нормандии.

В 891 г. армии франков, предводительствуемой королем Арнульфом (887—899 гг.), в Брабанте удалось разбить викингов, а в 892 г. боевые суда викингов пробились к Кельну и Бонну.

В 911 г. произошло событие, положившее начало официальной истории Нормандии — северо-западной провинции Франции. В 911 г. король Франции признал очевидное, пожаловав Нормандию викингу Роллону (Hrolf). В “Саге о Харальде Прекрасноволосом” о викинге говорится: “Он (Хрольв Пешеход) много воевал на Восточном пути. Однажды летом, когда он пришел из морского похода с востока в Вик (на юг Норвегии), он убил много скота на морском побережье”. Дальнейшее пребывание на родине сулило Хрольву неприятности, и Нормандия стала новой страной, легкой по курсу его боевого корабля.

Кстати, около того же 911 г. норвежские викинги совершили поход в страну бьярмов и, видимо, достигнув устья Северной Двины, поднялись руслом реки вверх.

В 900—935 гг. Дания объединилась в единое государство под руку короля Горма Старого.

Тем временем из Норвегии ежегодно отплывали десятки судов на запад в Исландию. На далеком острове в океане с 861 г. по 930 г. поселилось от двадцати до тридцати тысяч скандинавов, прекративших ужиться с конунгом Харальдом Прекрасноволосым. А многие подчинялись воле жребия, решавшего, кому покинуть родину, а кому остаться.

В 940 г. конунг Харальд Прекрасноволосый умер. Тем временем близилась новая глава в освоении скандинавами северных стран и морей.

В 983 г. из Исландии за убийство на три года был изгнан Эйрик Рауде (Рыжий). Викинг снарядил корабль и отправился на запад на поиски таинственной страны, виденной ранее в “Западном море” Гунбьерном. Так в 985 г. Эйрик Рыжий подплыл к берегам Гренландии, к крупнейшему на планете острову. На его покрытых тундровой растительностью берегах водятся белые медведи и песцы, а в прибрежных водах плавают моржи и тюлени.

В бухте Эйрик-Фьорд изгнанник выстроил усадьбу Братталанд, положив начало освоению Гренландии норвежцами и датчанами. Вскоре из Исландии к Братталанду подошли полтора десятка судов. На юге Гренландии выросли как минимум два поселка норвежцев — Аустербюгден (восточное поселение, совр. Годтхааб) и Вестербюгден (близ совр. Юлианехаба). До американского побережья норвежцам оставалось проплыть не более двухсот миль.

Первым трижды приблизился к незнакомому, поросшему лесом, берегу на западе Бьярни, сын Херьюльфа в 985 г. Однако до этого судно Бьярни, плывшее из Исландии в Гренландию, долго носилось по водам океана, и на исследование новой земли у Бьярни ни сил, ни решимости не хватило.

Сын Эйрика Рыжего Лейф расспросил Бьярни о виденной им земле, купил у него корабль и в 1000 г. отплыл на запад. Лейфа недаром называли Счастливым, ибо именно он первым из известных нам европейцев ступил на землю Америки.

В 1001—1003 гг. в Америке побывал брат Лейфа Торвальд. Он плывал на корабле Лейфа. Зимовал Торвальд в доме, построенном Лейфом. Торвальд совершил ряд походов в глубь страны. В сражении с индейцами Торвальд был сражен стрелой индейца и, умирая, сказал своим спутникам пророческие слова: “Мы открыли плодородную страну, но она не принесет нам счастья”.

Вслед за Торвальдом в Америку плывал другой брат Лейфа Торстейн. Но крупнейшей была экспедиция Торфинна Карлсевни, бывшего знатным и богатым викингом. Она была предпринята в 1005—1007 гг.

В путешествии Торфинна сопровождали шестьдесят мужчин и пять женщин. Не забыли взять с собой и домашний скот. Зимовали все в том же доме, выстроенном Лейфом Счастливым. Летом норвежцы начали торговлю с индейцами-скрелингами. В обмен на шкуры индейцы получили не оружие, как они того хотели, а коровье молоко, но и ему обрадовались.

Позже отношения у норвежцев с местным населением ухудшились, и дело дошло до столкновений. Норвежцы хоть и вышли из них победителями, но Америку оставили.

Шестое и последнее путешествие норвежцев в Америку оказалось самым несчастливым. Его организовала женщина — сестра Лейфа Фрейдис. Она

же и разыграла кровавую драму, зарубив топором пять женщин из числа своих соперниц и спутниц.

История Норвегии XI—XII вв. требует специального рассмотрения, ибо она на удивление тесно переплетена с историей Руси.

5.2. Норвегия

Население Норвегии издревле делилось на несколько десятков *fulke* — народных общин. Во главе фюлька стоял ярл. Несколько фюльков выдвигали представителей на *thing* — народное собрание, проводившееся в определенном месте. Высшим арбитром выступал не зависимый от ярлов суд, составленный из представителей населения.

В Норвегии сложились четыре округа, каждый со своим тингом: Вик, Упланд (на юге и востоке), *Gulathing* (на юго-западе), *Frostathing* (на севере).

Фюльк делился на *herad* — сотни, что присуще практически всем индоевропейским народам Евразии, включая и славян. Сотню возглавлял *hersir* — сотник. Короли именовались *ungling*. В их обязанности входило руководство войском и защита интересов фюлька.

Повседневная власть находилась в руках *bonde* — мелких и средних землевладельцев, решавших дела на тинге.

В случае, если ярл “водворял насилие вместо права”, населению фюлька рассылались вырезанная из дерева ратная стрела, означавшая, что ярла следует поймать и убить. Впрочем, ярла могли и изгнать из страны.

На своих усадьбах ярлы содержали дружины.

Северные германцы, жители Скандинавии и Ютландии, столетиями жили в условиях стесненности земельными угодиями. Владения переходили по наследству от отца к сыну. При этом младшие сыновья долю получали деньгами, снаряжали корабли и уходили искать счастья за кромкой горизонта, от восхода до заката перекрытого необъятным океаном. Таков был внутренний источник ежегодных опустошительных вторжений викингов в I тыс. н.э., происходивших едва ли не всюду в Европе и на севере Атлантики.

Отцом конунга Харальда Прекрасноволосого был правитель области Вестефиольд (запад Вика) Гафдан Черный. Считают, что он происходит из рода конунгов Упсалы (древней столицы Швеции), ведущих родословную от богов. Харальд родился в 863 г.

Харальд сумел подчинить своей власти не только Норвегию, но и острова, лежащие на севере Британского архипелага и долго служившие прибежищем врагам властолюбивого конунга.

В конце жизни Харальд сделал то же, что и Ярослав Мудрый: поделил страну между сыновьями. Так в Норвегии возникло полтора десятка королевств.

Во главе Норвегии встал конунг Эйрик Кровавая Секира, истреблявший братьев. Ему наследовал рожденный от наложницы сын Харальда Хакон,

воспитанный при дворе английского короля Этельштейна (925—939 гг.).

Хакон пришел к власти в Норвегии, обещая населению восстановление его древних прав и возвращение родовых земель. Хакон принял крещение при дворе в Англии. Его попытки привить христианство в Норвегии успеха не имели.

В “Саге о Хаконе Добром” говорится: “Хакон рассчитывал ввести христианство... он послал в Англию за епископом... он сделал законом, что йоль должен был начинаться в то же время, что и христианское рождество [йоль — время пиров и празднеств, соответствующее январю]... А раньше йоль начинался в ночь на середину зимы и продолжался три дня”.

Норвежцы так ответили конунгу Хакону: “Мы не знаем, что и думать: ... оставить веру, которой придерживались до нас наши предки еще в век сожжения и потом в век курганов”.

“Люди из Внешнего Грандхейма отправились на четырех кораблях на юг в Мер. Они убили там трех священников, сожгли три церкви и вернулись назад”.

Около 960 г. конунг Норвегии Хакон Добрый умер.

“... Хакон конунг умер на той самой скале, на которой он родился... насыпали там большой курган и положили в него конунга в полном вооружении и в лучшей одежде, но без другого добра”.

В 960—970 гг. Норвегией правил Харальд Серая Шкура, сын Эйрика, внук Харальда Прекрасноволосого.

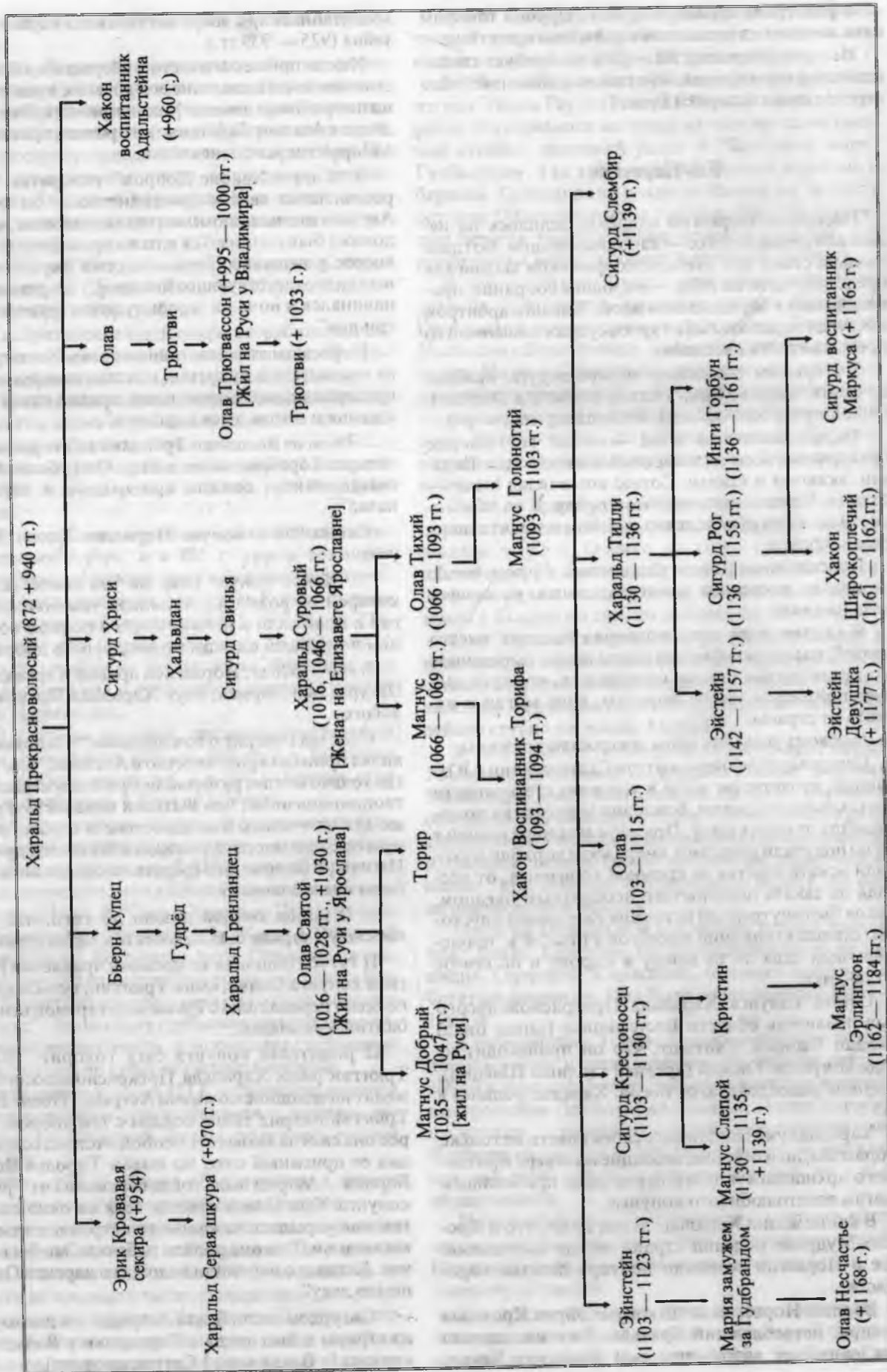
Сага так говорит о том времени: “Сыновья Гуннхильд приняли христианство в Англии... они всюду, где только могли, разрушали капища и мешали жертвоприношениям, чем вызвали ненависть к себе. В их дни кончилось благоденствие в стране, ибо конунгов было много, и у каждого была своя дружина. Им нужно было много средств на содержание, и они были очень алчными...”

... В конце концов дошло до того, что почти повсюду в стране был недостаток зерна и рыбы”.

И тут мы подошли ко времени правления Норвегией конунга Олава, сына Трюггви, судьба которого тесно переплетена с Русью и со страной вендов — балтийских славян.

О родителях конунга сага говорит: “Конунг Трюггви [внук Харальда Прекрасноволосого] был женат на женщине по имени Астрид... После смерти Трюггви Астрид тайно бежала с тем добром, которое она смогла захватить с собой. Астрид сопровождал ее приемный отец по имени Торольв Вшивая Борода... Астрид была тогда беременна от Трюггви конунга. Она велела отвезти себя на одно озеро, и там она укрылась на каком-то островке с немногими людьми. Там она родила ребенка. Это был мальчик. Когда его окропили водой, его нарекли Олавом по его деду”.

“Сигурдом звали брата Астрид... он давно уехал из страны и был тогда в Гардарике у Вальдамара конунга [у Владимира I Святославовича].

Сигурд пользовался там большим почетом. Астрид захотела поехать туда к Сигурду, своему брату... Когда они выехали на восток в море, на них напали викинги. Это были эсты. Они захватили людей и добро... Так Олав прожил шесть лет в Стране Эстов в изгнании".

И тут произошел чудесный случай, который возможен, разве что в жизни принцев: "Сигурд... приехал из Хольмгарда (Новгорода) в Страну Эстов как посланец Вальдмара конунга... Он увидел на рынке мальчика... Тут Сигурд понял, что мальчик его племянник". Так Астрид с сыном оказались в Новгороде.

Далее сага повествует о жизни Олава, сына Трюггви, на Руси, при дворе князя Владимира I.

VIII

"Однажды Олав сын Трюггви был на рынке... Тут он узнал Клеркона, который убил его воспитателя Торольва Вишвая Борода. У Олава был в руке топорик, и он ударил им Клеркона по голове так, что топорик врезался в мозг, и сразу же побежал домой и сказал Сигурду, своему дяде, а Сигурд сразу же отвел Олава в дом жены конунга... Ее звали Аллогия. Сигурд попросил ее заступиться за мальчика. Она отвечала, посмотрев на мальчика, что нельзя убивать такого красивого мальчика, и велела позвать к себе людей во всеоружии.

В Хольмгарде господствовал такой нерушимый мир, что, согласно закону, всякий, кто убил человека, не объявленного вне закона, должен быть убит. ... Сообщили конунгу. ... Конунг назначил виру, и Аллогия выплатила ее.

С этих пор Олав жил у жены конунга, и она очень любила его. В Гардарики было законом, что люди, которые были конунгами по рождению, не могли оставаться в стране без разрешения конунга.

... Олаву было девять лет, когда он попал в Гардарики, и он провел у Вальдмара конунга еще девять лет. Олав был самым красивым, статным и могучим, а также самым искусным из всех норвежцев, о которых рассказывается".

XXI

"Олав сын Трюггви был все это время в Гардарики и был в большой чести у Вальдмара конунга и пользовался расположением его жены. Вальдмар конунг сделал его начальником войска, которое он посылал на защиту своей страны. Олав дал там несколько битв и был хорошим военачальником.

... Случилось так, что конунг поверил наговорам и стал сдержанным и недружелюбным в обращении с Олавом. Олав заметил это и сказал жене конунга, добавив, что хочет уехать в Северные Страны. ... И вот Олав снарядился в поход, сел на корабль и направился в Восточное море".

[И снова судьба Олава сплетается со славянами, но на этот раз западными.]

"Олав стоял у Боргундархольма [остров Борнхольм], когда поднялся сильный ветер и разыгралась буря. Они не могли дольше там оставаться и поплыли оттуда на юг к берегам Страны Вендов [Южное побережье Балтики от устья р.Травны до устья Вислы], и там нашли хорошее укрытие от бури. Они не нарушали там мира и оставались там некоторое время. Конунга в Стране Вендов звали Бурицлав. Его дочерьми были Гейра, Гуннхильд и Астрид. Гейре конунговой дочери принадлежала там вся власть, когда Олав приехал в страну со своими людьми. Диксином звали человека, который имел там наибольшую власть после Гейры конунговой дочери. Когда Гейра и Диксин узнали, что в страну приехали чужеземцы, которые ведут себя как знатные люди и не нарушают мира, Диксин поехал к ним с поручением конунговой дочери Гейры пригласить пришельцев к ним на зиму, ибо лето уже кончилось, и погода стояла суровая, и свирепствовали бури".

... "Олав принял это приглашение и поехал на зиму к Гейре конунговой дочери, и они очень понравились друг другу, так что Олав посватался к Гейре конунговой дочери, и был заключен брак между ними, и Гейра конунгова дочь стала женой Олава в ту зиму. Он стал тогда правителем той державы вместе с ней".

XXIV

"В Стране Саксов правил тогда Отта кейсар [Оттон III (983-1002 гг.)]. Он потребовал от Харальда конунга датчан, чтобы тот, а с ним и весь народ... приняли крещение и правую веру. ... Тогда конунг датчан велел привести в порядок свою оборону, укрепить Датский Вал и снарядить боевые корабли".

XXV

"Олав сын Трюггви пробыл зиму в Стране Вендов. ... Он ездил зимой в те края Страны Вендов, которые были подчинены Гейре конунговой дочери, но в то же время совсем вышли из повиновения и не платили податей. Он ходил в эти края войной..."

Ранней весной Олав снарядил свои корабли и вышел в море".

XXVI

"Отто кейсар собрал большую рать. У него были люди из Страны Саксов, Страны Франков и Страны Фризов, а из Страны Вендов к нему присоединился Бурицлав конунг с большим войском. С ним был и Олав сын Трюггви, его зять.

... У кейсара погибло много людей, но его войску не удалось прорваться сквозь вал. Тогда кейсар отступил и больше не пытался прорваться... "Однако: "Тут Харальд [конунг Дании] конунг крестился со всем датским войском".

XXVIII

“Отто кейсар вернулся в Страну Саксов, в свою державу. Они расстались с конунгом датчан дружелюбно... Бурицлав конунг вернулся тогда в Страну Вендов, и с ним Олав, его зять”.

XXIX

“Олав сын Трюггви уже был три года в Стране Вендов, когда Гейра, его жена, заболела и от этой болезни умерла. Олав принял это так близко к сердцу, что после этого не находил радости в Стране Вендов. Он снарядил боевые корабли и отправился снова в поход...”

XXX

“Олав сын Трюггви был четыре года в походах с того времени, как он уехал из Страны Вендов...”

XXXI

“И с тех пор, как он уехал из Гардарики, он изменил свое имя и называл себя Оли и говорит, что он из Гардарики”.

XXXII

“Осенью Олав отплыл с Сюллингов в Англию... И вот Олав женился на Гюде [дочь конунга в Дюплинне в Ирландии] и жил в Англии, а иногда в Ирландии”.

XXXIV

“Свейн, сын Харальда конунга [Дании], тот, что потом был прозван Вилобородым, потребовал от Харальда конунга, своего отца, чтобы тот поделил с ним власть”. [Произошла битва, и Харальд конунг умер от ран.] “И вот Свейн был провозглашен конунгом Дании. Тогда ярлом Йомсборга [г.Вольнь] в Стране Вендов был Сигвальди. Он был сыном Струтхаральда конунга, который правил в Скание... Сигвальди ярл — а он был женат на Астрид, дочери Бурицлава конунга, — захватил Свейна конунга и отвез его в Йомсборг в Стране Вендов. Он заставил его помириться с Бурицлавом конунгом вендов и принять его, ярла, решение об условиях примирения. В противном случае — грозил ярл — он выдаст Свейна конунга в руки вендов. Так как конунг знал, что они замучают его до смерти, он согласился на решение ярла: Свейн конунг [Дании] должен был жениться на Гуннхильд, дочери Бурицлава конунга, а Бурицлав конунг должен был жениться на Тюри, дочери Харальда и сестре Свейна конунга, и оба сохраняют власть в своих державах и между ними будет мир. И вот Свейн конунг вернулся в Данию с Гуннхильд, своей женой. Их сыновьями были Харальд и Кнут Могучий”.

Так мы узнаем, что конунгом Дании, позже завоевавшим Англию и подчинившим своей власти

Норвегии, был человек, рожденный славянской женщиной, дочерью Бурицлава конунга из Страны Вендов.

XXXV

“Свейн конунг дал большой пир и пригласил на него всех вождей своей державы”. ... Йомевикинги поехали на пир со всеми своими самыми доблестными людьми. У них было сорок кораблей из Страны Вендов и двадцать — из Скание. На пир собралось очень много народу”.

XLIII

“Харальд [конунг Норвегии]... летом отправился в Восточные страны со своим войском, а потом приплыл в Швецию и послал сказать Сигрид, что хочет встретиться с ней. Она приехала к нему... он завел речь о том, что пойдет ли она за него замуж. Она отвечает, что это он говорит пустое...”

“Харальд конунг был сильно расстроен. Он снарядил в поездку внутрь страны и хотел еще раз встретиться с Сигрид. Многие из его людей отговаривали его, но он все-таки поехал с большой дружиной и приехал в усадьбу, где Сигрид проживала. В тот же вечер туда приехал другой конунг. Его звали Виссавальд, и он был из Гардарики. Он тоже приехал свататься к ней. Конунгов поместили вместе с их дружинами в доме, хотя и большом, но старом... И вот Сигрид велела расправиться со всеми ними огнем и мечом. Дом и все, кто в нем был, сгорели, а те, кому удалось из него выбраться, были убиты. Сигрид сказала, что так она хочет отучить мелких конунгов от того, чтобы приезжать из других стран свататься к ней. С тех пор ее стали звать Сигрид Гордая”.

XLIV

“Аста дочь Гудбранда [жена погибшего Харальда] родила мальчика в то лето. Мальчика окропили водой и назвали Олавом. Это сделал Эрани. Мальчик рос сперва у Гудбранда и своей матери Асты” [Родился Олав Святой].

XLVI

“До Хакона [ярл, правивший Норвегией], что на западе за морем есть человек, который называет себя Али, и его считают там конунгом. ... Ярлу сказали, что Али, по его словам, родом из Гардарики, вырос там у Вальдмара конунга и звался Олавом. Ярл очень расспрашивал об этом человеке и подозревал, что это именно он появился теперь в Западных странах”.

XLVII

“И вот Олав отправился на восток с пятью кораблями”.

LX

“Сигрид, вдова шведского конунга, которую называли Гордой, жила в своих владениях. В ту зиму между Олавом конунгом и Сигрид ходили послы, и Олав конунг посватался к Сигрид. Она приняла его сватовство благосклонно, и был заключен договор”.

“Аста дочь Гудбранда вскоре после гибели Харальда Гренландца вышла замуж за человека, которого звали Сигурд Свиный [правнук Харальда Прекрасноволосого]. При Асте жил Олав, ее сын от Харальда Гренландца. Он вырос у Сигурда Свиного, своего отчима.

LXXXVI

“Лейв, сын Эйрика Рыжего, который первым поселился в Гренландии, приплыл в то лето из Гренландии в Норвегию. Он предстал перед конунгом и крестился, и пробыл зиму у Олава конунга”.

LXXXIX

“Ярл Эйрик сын Хакона [убит Олавом конунгом, сыном Трюггви] ... отправился на восток в Швецию к Олаву конунгу шведов. ... Много людей, бежавших из Норвегии, когда к власти пришел конунг Олав сын Трюггви, стеклось к Эйрику ярлу. Эйрик ярл решил тогда снарядить корабли и отправиться в викингский поход за добычей себе и своим людям. Он направился сначала к Готланду... Затем Эйрик ярл поплыл на юг в Страну Вендов”.

XC

“Осенью Эйрик ярл вернулся в Швецию и оставался там следующую зиму. А весной ярл снарядил свое войско и затем поплыл в Восточные Страны. Когда он приплыл во владение Вальдмара конунга, он стал воевать и убивать людей и жечь жилища всюду, где он проходил, и опустошал страну. Он приплыл к Альдейгьюборгу и осаждал его, пока не взял город. Там он перебил много народа и разрушил и сжег весь город. После этого он прошел по Гардарики, разоряя страну.

... Всего Эйрик ярл провел в этом походе пять лет. Возвращаясь из Гардарики, он разорял Адальсюслу и Эйсюслу [остров Сааремаа]. Он захватил там четыре датских викингских корабля и убил всех, кто на них был...”

“Эйрик ярл поехал в Данию после того, как он провел одну зиму в Швеции. Он приехал к Свейну Вилобородому, конунгу датчан, и посватался к Гюде, его дочери. Сватовство было принято, и Эйрик ярл женился на Гюде, его дочери”. [Гюда — дочь Гуннхильд, дочери Бурицлава, конунга вендов.]

XCI

“Свейн, конунг датчан, был женат на Гуннхильд, дочери Бурицлава, конунга вендов. Но в то время, о котором только что рассказывалось, случилось, что Гуннхильд заболела и умерла. Вскоре после этого Свейн

конунг женился на Сигрид Гордой, дочери Скеглар-Тости, матери Олава Шведского, конунга шведов” [Она все-таки не пошла за Олава, сына Трюггви.]

XCII

Бурицлав, конунг вендов, пожаловался Сигвальди ярлу [его зять, правивший в г.Вольнь], своему зятю, что нарушено соглашение, которое, благодаря Сигвальди ярлу, было заключено между Свейном конунгом и Бурицлавом конунгом. Бурицлав конунг должен был жениться на Тюри, дочери Харальда, сестре Свейна конунга, но этот брак не состоялся, потому что Тюри наотрез отказалась идти замуж за конунга язычников и старика. И вот Бурицлав конунг говорит ярлу, что он требует выполнения соглашения и просит ярла поехать в Данию и привезти ему Тюри.

... Конунг [Дании] договорился с ярлом, что имущество в Стране Вендов, которое принадлежало Гуннхильд, должно перейти во владения Тюри, и она должна, кроме того, получить там большие владения.

Тюри горько плакала и поехала очень неохотно. Когда она с ярлом приехала в Страну Вендов, Бурицлав конунг справил с ней свадьбу и Тюри стала его женой...

Однажды ночью Тюри и Эцур [ее приемный отец] убежали оттуда, пользуясь темнотой ночи, в лес. Коротко говоря, они вернулись в Данию. Но Тюри никак не смела там оставаться, так как знала, что, если Свейну конунгу, ее брату, станет о ней известно, он сразу же отошлет ее обратно в Страну Вендов”.

“Так они странствовали, скрываясь, и добрались до Норвегии. Тюри не успокоилась, пока они не предстали перед Олавом конунгом... Олав конунг женился на Тюри. Свадьбу сыграли осенью...”

“Следующей весной Тюри, горько плача, стала жаловаться Олаву на то, что в Стране Вендов у нее были большие владения, тогда как здесь в стране у нее нет никаких владений, подобающих жене конунга... Она говорила, что если бы он встретился в Бурицлавом, то Бурицлав, будучи большим другом Олава конунга, сразу бы уступил Олаву конунгу все, что тот бы потребовал. Но когда друзья Олава конунга узнали об этих ее речах, они все старались удержать конунга от поездки”. [И все же Тюри добилась своего.]

XCV

“Олав... послал тогда в Исландию Гицура Белого и Хьяльти сына Скегги, чтобы возвестить христианство в Исландии, и дал им с собой священника по имени Тормод. ... В Исландии было введено христианство, и в то лето весь народ был крещен”.

XCVI

“В ту самую весну Олав конунг послал Лейва сына Эйрика в Гренландию, чтобы возвестить там христианство, и тот поехал летом в Гренландию. Он

подобрал в море людей, потерпевших кораблекрушение, с обломков их корабля, а потом открыл прекрасную Виноградную Страну [Америку]. Летом он приплыл в Гренландию и привез с собой священника и христианских учителей, и поехал к Эйрику, своему отцу, в Браттахлид. Его прозвали потом Лейвом Счастливым. Но Эйрик, его отец, сказал, что одно уравновешивает другое: то, что он спас людей, потерпевших кораблекрушение, и то, что он привез в Гренландию фицляра. Он имел в виду священника”.

XCVII

“Олав конунг поплыл со своим войском на юг”...

“У него было шестьдесят боевых кораблей, когда он отплыл из страны и направился на юг мимо Дании через Эйрарсунд. Во время этого похода Олав конунг приплыл в Страну Вендов. Он пригласил Бурицлава конунга на встречу, и конунги встретились. Они говорили о владениях, на которые Олав конунг притязал, и все переговоры между конунгами протекали мирно. Все притязания, которые Олав конунг предъявил, были полностью удовлетворены. Олав конунг долго оставался там летом и встретил там много своих друзей”.

XCVIII

“Конунг Свейн Вилобородый [Датский] женился на Сигрид Гордой [Шведской], как уже было написано. Сигрид была злейшим врагом конунга Олава сына Трюггви, и причиной было то, что Олав конунг нарушил договор с ней и ударил ее по лицу... Она всячески подстрекала Свейна конунга вступить в бой с Олавом конунгом и говорила, что достаточный повод для этого уже то, что Олав конунг лег в постель с Тюри, его сестрой”.

“Сигрид... добилась... что Свейн конунг решил последовать ее совету...”

Конунг шведов [Олав] и Эйрик ярл были вполне готовы к такому походу. Они сразу же собрали множество кораблей в Шведской державе и отправились с этим войском на юг в Данию, и прибыли туда, когда конунг Олав сын Трюггви уже проплыл на восток”.

XCIX

“... Свейн конунг послал в то же время Сигвальди ярла [зять Бурицлава] в Страну Вендов, чтобы разведать о походе конунга Олава сына Трюггви и подстроить так, чтобы Свейн конунг и его союзники могли встретиться с Олавом конунгом. Сигвальди ярл поехал своим путем и приехал в Страну Вендов. Он отправился сначала в Йомсборг [Волынь], а потом встретился с конунгом Олавом сыном Трюггви. Они очень дружественно беседовали друг с другом, и ярл добился полного доверия и расположения конунга. Астрид, жена ярла, была в большой дружбе с Олавом конунгом, по причине их прежнего свойства, когда Олав конунг был женат на Гейре, ее сестре” [Астрид и Гейра — дочери Бурицлава].

C

“И вот в Страну Вендов дошел слух, что Свейн конунг датчан собрался в поход... Но Сигвальди ярл говорит конунгу: Свейн конунг не решится вступить с собой в битву... Но если ты все же опасешься нападения, то я буду сопровождать тебя с моим войском... я дам тебе одиннадцать кораблей с людьми.”

И конунг согласился на это предложение. Ветер был слабый, но попутный. Конунг велел сниматься с якоря и трубить поход... Так ярл плыл впереди со своими кораблями. У него было одиннадцать кораблей, а конунг плыл вслед за ним со своими большими кораблями. Их было тоже одиннадцать, а все остальные суда тоже выплывали в море”.

CI

“Свейн конунг датчин и Олав конунг шведов и Эйрик ярл были там теперь со всей их ратью. Погода была хорошая, и светило солнце”.

CIII

“Олав конунг велел трубить сбор всем своим кораблям. Корабль конунга стоял в середине”.

CIV

“Олав конунг стоял высоко на корме Змея. Он возвышался над всеми. У него был позолоченный щит и обитый золотом шлем. Его было легко отличить от других людей. Поверх кольчуги у него был короткий красный плащ”.

CV

“И вот конунги велют начинать бой”... “Разгорелась ожесточенная битва”.

CVII

“Эйрик ярл стоял на корме своего корабля, и вокруг него стояли его люди, сомкнув щиты”.

CXII

“Как было написано раньше, Сигвальди ярл присоединился в Стране Вендов к Олаву конунгу. У самого ярла было десять кораблей, а на одиннадцатом были люди Астрид, конунговой дочери, жены Сигвальди ярла. Когда Олав конунг прыгнул за борт, то раздались победный клич войска, и только тогда ярл и его люди опустили весла в воду и начали грести, направляясь туда, где шел бой. Но тот вендский корабль, на котором были люди Астрид, поплыл прочь и вернулся в Страну Вендов. И вот сразу же многие стали рассказывать, что Олав конунг якобы сбросил с себя под водой кольчугу, вынырнул вдали от боевых кораблей и поплыл к вендскому кораблю, а люди Астрид доста-

вили его на берег. Есть много рассказов разных людей о дальнейшей судьбе Олава конунга...”

... Как бы там ни было, конунг Олав сын Трюггви так и не вернулся к власти в Норвегии”.

Тут мы прервем обращение к сагам северных германцев и подведем некоторый итог взаимоотношений конунгов северо-запада Европы и славянской знати, выразив его таблицей:

Бурицлав, конунг вендов (995 — 1000 гг.), его дочери		
Гейра — жена Олава, сына Трюггви, конунга Норвегии (+1000 г.)	Гуннихильд — жена Свейна, конунга Дании, мать Кнута Могучего (1018—1035 гг.)	Астрид — жена Сигвальда, ярла Дании

Продолжая обращение к истории Скандинавии, нам придется обратиться к “Саге об Олаве Святом”, правившем Норвегией в 1016—1028 гг. и погибшем в 1030 г. Судьба Олава Святого так тесно переплетена с Русью и жизнью Ярослава Мудрого, что любой пересказ жизни Олава, помимо свидетельств саги, был бы ненужным искажением. Кроме того, сага приоткрывает завесу над взаимоотношениями Руси и Швеции, побережье которой обращено к Венедскому морю (к Балтике).

Сага об Олаве Святом

I

“Олав сын Харальда из Гренланда рос у своей матери Асты в доме своего отчима Сигурда Свиньи. У Асты служил тогда Храни Путешественник. Он воспитывал Олава сына Харальда. Олав рано возмужал. Он был хорош собой, среднего роста. С детства он был умен и красноречив”.

IV

“Олаву было двенадцать лет, когда он впервые отправился в поход”.

LIII

“Олав... был провозглашен конунгом на тингах...”

LIV

“Свейн ярл отправился сначала в Швецию к своему родичу Олаву конунгу Шведов” [он был изгнан Олавом из Норвегии].

LV

“Свейн ярл отправился со своим войском на восток в Гардарики и разорял там селения. Он пробыл

там все лето, а когда наступила зима, двинул свое войско назад в Швецию. Но тут он заболел и умер”.

LVI

“Конунг шведов был очень недоволен тем, что Олав Толстый прогнал Свейна ярла и захватил земли, с которых он, конунг шведов, получал подати”.

LXVI

“Одного человека звали Гудлейк Гардарикский. Он был родом из Агдира... Он ездил по торговым делам в разные страны и часто бывал на востоке в Гардарики, поэтому его прозвали Гудлейк Гардарикский. Той весной Гудлейк снарядил свой корабль и собрался летом плыть на восток в Гардарики. Олав конунг послал к нему сказать, что хочет встретиться с ним. Когда Гудлейк приехал к конунгу, тот сказал ему, что хочет заключить с ним соглашение. Он просил Гудлейка купить дорогие вещи, которые трудно достать здесь в Норвегии. Гудлейк говорит, что делает то, о чем его просит конунг. Конунг велит дать Гудлейку столько денег, сколько тому понадобится, и Гудлейк летом отправляется в Восточные Страны. Они остановились надолго у Готланда, и случилось так, что случается часто, — не все смогли удержать язык за зубами, и Готландцы узнали, что корабельщик едет с деньгами Олава конунга. Летом Гудлейк отправился в Восточные страны, побывал в Хольмгарде и купил там драгоценных тканей для праздничных нарядов, дорогие меха и роскошную столовую утварь... Торгаут Заячья Губа узнал, что везет Гудлейк. Он подплыл к нему на боевом корабле и сразился с ним... Гудлейк и многие его люди погибли... Торгаут захватил все их добро и драгоценные вещи, купленные для Олава конунга.

... Об этих событиях скоро стало известно. Немного позже к Эйланду подплыл Эйвинд... завязался бой. Тут погиб Торгаут и большинство его людей... Эйвинд взял все то добро, которое Торгаут захватил у Гудлейка, а также драгоценности Олава конунга и в ту же ночь вернулся в Норвегию и поднес Олаву конунгу его драгоценности... К тому времени Олав конунг уже три зимы был конунгом Норвегии”.

LXXX

[Шведы вспоминали в то время]: “Теперь конунги шведов ведут себя не так, как бывало прежде. Торгнюр, мой дед, помнил уписальского конунга Эйрика сына Эмунда. Он рассказывал, что когда тот был в расцвете сил, он каждое лето набирал войско и отправлялся походом в разные страны. Он подчинил себе Финнланд, Кирьяланд, Эйстланд, Курланд и многие земли на востоке. Еще и сейчас можно видеть построенные им земляные укрепления и другие сооружения”...

... “Если ты захочешь вернуть те земли в Восточных Странах, которыми раньше владели твои предки и родичи, мы все пойдем за тобой”.

LXXXVIII

“У конунга шведов Олава сына Эйрика была раньше наложница по имени Эдла, дочь ярла из Страны Вендов. Она была взята в плен на войне, и поэтому ее называли рабыней конунга. Их детьми были Эмунд, Астрид, Хольмфрид. У них был только сын, который родился в канун дня святого Якоба, и, когда мальчика крестили, епископ дал ему имя Якоб. Шведам это имя не нравилось, и они говорили, что никогда еще у шведов не было конунга по имени Якоб. Все дети Олава конунга были хороши собой и умны. Жена конунга была высокомерна и не любила пасынков и падчерицу. Конунг отослал своего сына Эмунда в Страну Вендов, и тот воспитывался там у родичей матери, и долгое время был незнаком с христианством. Астрид конунгова дочь воспитывалась в Западном Гаутланде у одного достойного мужа по имени Эгиль. Она была очень хороша собой, красноречива, весела, приветлива и щедра, и, когда выросла, повсюду ездила с отцом, и все ее очень любили”.

XCI

“Когда Сигват скальд приехал к Регнвальду ярлу, его хорошо приняли, и он там долго гостил. Из писем Ингигерд конунговой дочери [дочь конунга шведов Олава, отказавшего ей в разрешении выйти замуж за Олава Толстого] он узнал, что к конунгу шведов Олаву прибыли с востока из Хольмгарда послы Ярицлейва конунга, чтобы сватать дочь конунга шведов Олава за Ярицлейва, и что Олав конунг хорошо принял их сватовство. Тогда же к ярлу приехала Астрид [вендка по матери], дочь Олава конунга, и был устроен мир на славу. ... Регнвальд ярл спросил, не захочет ли Олав конунг Норвегии взять в жены Астрид:

— А если захочет, то, я думаю, на этот раз мы обойдемся без согласия конунга шведов.

Астрид конунгова дочь подтвердила слова ярла. Потом Сигват и его люди отправились обратно и приехали к Олаву в Борг незадолго до июля. Сигват тут же рассказывает Олаву обо всем, что он узнал. Сначала конунг был очень разгневан, когда Сигват рассказал ему о сватовстве Ярицлейва конунга. ... Потом конунг спросил Сигвата, что нового в Гаутланде. Сигват рассказывает ему о том, как красива и любезна Астрид конунгова дочь и что, как многие считают, она нисколько не хуже своей сестры Ингигерд. Конунг охотно слушал”.

XCII

“... и было решено, что Регнвальд ярл обручит Астрид, дочь конунга шведов с Олавом конунгом Норвегии и приданное за ней будет такое же, какое должной бы быть у Ингигерд, ее сестры, и конунг подарил Астрид такие же подарки, какие он собирался подарить Ингигерд, ее сестре. Тут пошел пир горой, и с большой пышностью сыграли свадьбу Олава конунга и Астрид конунговой жены”.

XCIII

“Следующей весной в Швецию прибыли послы Ярицлейва конунга из Хольмгарда узнать, собирается ли Олав конунг сдержать обещание, данное предыдущим летом, и выдать свою дочь Ингигерд за Ярицлейва конунга. Олав конунг сказал об этом Ингигерд и заявил, что он хочет, чтобы она вышла замуж за Ярицлейва конунга. Она отвечает:

— Если я выйду замуж за Ярицлейва конунга, то я хочу получить от него как вено все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг.

Послы из Гардарики согласились от имени своего конунга. Тогда Ингигерд сказала:

— Если я поеду на восток в Гардарики, я возьму с соой из Швеции человека, который мне покажется наиболее подходящим для того, чтобы поехать со мной. Я ставлю условием, чтобы на востоке у него было не ниже звание и не меньше прав, чем здесь, и чтобы ему оказывали почести не меньше чем здесь.

Послы и конунг с этим согласились и скрепили договор клятвами. Тогда конунг спросил Ингигерд, кто же тот человек, которого она хочет взять с собой. Она отвечала:

— Этот человек Регнвальд ярл сын Ульва, мой родич.

... Тем же летом они вместе отправились на восток в Гардарики. Ингигерд вышла замуж за Ярицлейва конунга. Сыновьями их были Вальдмар, Вассильвальд и Хольти Смелый. Ингигерд конунгова жена пожаловала Регнвальду ярлу Альдейгьюборг, и он стал ярлом всей той области. Регнвальд ярл правил там долго, и о нем ходила добрая слава. Сыновьями Регнвальда ярла и Ингигерд были Ульв ярл и Эйлив ярл”.

XCIV

[Шведы возмутились своим конунгом Олавом — он не поддержал мир с Норвегией. Стали решать, кто из его сыновей займет его место.]

“... Один рожден женой конунга, и отец и мать у него шведы, а другой — сын рабыни, и его мать вендка.

Тут все одобрительно зашумели, и все захотели Якоба в конунги.

... велели привести на тинг Якоба конунгова сына [сын Олава конунга шведов и его жены Эдлы, дочери ярла из Страны Вендов], и он был провозглашен конунгом. Шведы дали ему имя Эмунд, и потом так его и звали до самой смерти.

Тогда ему было лет десять или двенадцать...

Олав должен был оставаться конунгом всей страны до смерти, но он должен был соблюдать мир с конунгом Норвегии... Эмунд тоже должен был быть конунгом и владеть теми землями, которые он получил по договору со своим отцом”.

XCV

“Кнут конунг датчан правил в то время Англией и Данией [Кнут Великий — сын Свейна конунга Дании и Гуннхильд — дочери Бурицлава конунга Страны

Вендов]. Он подолгу бывал в Англии, а в Дании он оставлял править наместников, и в то время не притязал на Норвегию”.

CXI

“К тому времени Олав конунг был уже семь лет конунгом Норвегии... У тех, кто принимал христианство, конунг брал для верности в заложники их сыновей”.

CXIV

“В ту зиму умер Олав конунг шведов, и конунгом Швеции стал Энунд сын Олава”.

CXIII

“Кнут Могучий, некоторые называют Кнотом Старым, был в то время конунгом Англии и Дании. Кнут Могучий был сыном Свейна Вилбородого сына Харальда. Их предки издавна правили Данией.

Кнут Могучий завоевал Англию в битвах, но ему пришлось еще долго сражаться и затратить много усилий, прежде чем народ там покорился ему. Когда он посчитал, что его власть в Англии достаточно укреплена, он вспомнил о том, что имеет права на державу, которой он сам не правит, а именно — на Норвегию”.

“... Люди, приезжавшие из Норвегии, жаловались на притеснения, и заверяли... , что норвежцы готовы снова подчиниться Кнуту конунгу и ярлу, чтобы вернуть себе свободу”.

CXIII

“Осенью Олав конунг послал людей на восток в Швецию к своему шурину Энунду конунгу и велел рассказать ему о посланцах Кнута конунга и о притязании на Норвегию, которое тот заявил Олаву конунгу. Еще он просил передать, что если Кнут покорит Норвегию, то и Энунду недолго мирно править Швецией, и поэтому Олав конунг предлагает заключить союз и подняться против Кнута, и тогда у них двоих хватит сил, чтобы потягаться с Кнотом конунгом.

Энунд конунг [брат Астрид, жены Олава конунга Норвегии] просил в ответ передать, что он готов заключить союз с Олавом конунгом...”

“Зимой Кнут конунг послал людей в Швецию к Энунду конунгу... с предложениями дружбы и заверениями, что того не затронет их распря с Олавом конунгом.

Я обещаю, — сказал он, — мир Энунду конунгу и его владениям. ... Энунд конунг не спешил с ответом, и посланцы решили, что он больше склонен к дружбе с Олавом конунгом”...

CXIII

“... когда Кнут Могучий был в Дании... Энунд конунг... с Олавом конунгом снеслись через гонцов и

договорились встретиться весной в Конунгахелле. Они отложили встречу до весны, потому что хотели выяснить сначала, что собирается предпринять Кнут конунг. Но когда весна подошла к концу, Кнут конунг собрался со своим войском назад в Англию. В Дании он оставил править своего сына Хердакнута [внук Гуннхильд, дочери Бурицлава конунга Страны Вендов]...

Кнут Могучий отправился на запад в Англию... Олав и Энунд... встретились на Эльве у Конунгахеллы. Они были очень рады встрече и повели беседы как истинные друзья, и весь народ был тому свидетель. Но многое они обсуждали наедине, и то, о чем они договорились, стало ясно потом, когда некоторые из их замыслов были осуществлены”.

CXIII

“... в Норвегии началось немирье”...

CXIII

“... Олав конунг двинулся в Данию... Тогда-то все и узнали о договоре, заключенном на Эльве между Олавом конунгом и Энундом конунгом, и о том, что они заручились дружбой друг друга и договорились дать отпор Кноту Могучему. Энунд продвигался дальше, пока не встретился со своим зятем Олавом конунгом. Когда они встретились, они объявили своему войску и местным жителям, что хотят захватить Данию и потребовать, чтобы датчане признали их конунгами”.

CXIII

“Тогда Кнут начал собирать войско”.

CXIII

“Кнут Могучий снарядился в поход. У него было очень большое войско и огромные корабли. ... На... кораблях были паруса в красную, синюю и зеленую полосу”.

“... Кнут конунг со своим огромным войском отправился из Англии на восток. Они благополучно доплыли до Дании и стали в Лимафьорде. Там уже собралось большое войско датчан”.

CXIII

“Когда Олав конунг и Энунд конунг узнали, что Кнут конунг приплыл с запада с несметной ратью, они повернули на восток в Сканией и прошли там с огнем и мечом, а потом двинулись на восток вдоль берега в сторону владений конунга шведов”.

CXIII

“Становилось ясно, что народ в стране больше не был верен своему конунгу”.

CLXVIII

“В Норвегии стало известно, что Кнут Могучий собрал в Дании несметную рать и всю эту рать он собирается двинуть в Норвегию и покорить эту страну. Когда об этом стало известно, народ в Норвегии с еще меньшей охотой стал подчиняться Олаву конунгу, и конунг мало что получал от бондов”.

CLXX

“Кнут Могучий... снарядился и двинул свое войско в Норвегию. ... К нему съезжались люди... и соглашались признать его власть”.

CLXXI

“Кнут конунг подчинил себе всю Норвегию. Он созвал многолюдный тинг... Кнут конунг объявил, что хочет поручить своему родичу Хакону ярлу править всей той страной, которую он завоевал в этом походе. А потом он посадил рядом с собой на престол своего сына Хердакнута и провозгласил его конунгом Дании”.

CLXXIX

“К тому времени Олав пробыл конунгом Норвегии пятнадцать лет... Об этих годах его правления первым написал священник Ари Мудрый сын Торгильса. Он был правдив, памятлив и настолько стар, что слышал рассказы людей, которые, в свою очередь, были настолько стары, что могли хорошо помнить все эти события”.

CLXXX

“Конунг объявил своим друзьям, что он собирается покинуть Норвегию и поехать сначала на восток в Швецию, а потом решать, что делать дальше и куда отправиться оттуда”. ... “Он сказал, что, как он предчувствует, все люди в Норвегии еще будут служить ему”.

“С ним были Астрид, его жена [дочь Эдлы, из Страны Вендов и Олава конунга шведов], Ульвхильд, их дочь, Магнус сын Олава конунга. ... Конунг [распустив по усадьбам своих сторонников] просил известить его, если в стране случится что-нибудь такое, о чем ему необходимо будет знать. После этого конунг отправился в путь”.

CLXXXI

“Весну Олав конунг провел у Сигтрюгга [в Швеции]. Когда наступило лето, конунг стал собираться в дорогу. Он раздобыл корабль и двинулся в путь. Он нигде не останавливался, пока не приплыл на восток в Гардарики к Ярицлейву конунгу и его жене Ингигерд [дочь Олава конунга шведов]. Астрид, жена конунга, и Ульвхильд, дочь конунга, остались в Швеции, а Магнуса, своего сына, конунг взял с собой на восток”.

Ярицлейв конунг хорошо принял Олава конунга и предложил ему остаться у него и взять столько земли, сколько Олаву конунгу было надо для содержания его людей. Олав конунг принял приглашение и остался там”.

CLXXXIV

[Тем временем Норвегия практически] “... осталась без правителя”. [Кнут Могучий правил Англией, а Хакон ярл утонул вместе со своим кораблем и невестой на обратном пути из Англии в Норвегию.]

CLXXXVI

“Узнав, что Хакон ярл утонул... Бьерн [окольный] быстро собрался в дорогу. Он взял с собой несколько человек и отправился в путь. Он ехал днем и ночью, то на лошадях, если это было возможно, то на корабле, если иначе нельзя было. Он не останавливался, пока зимой на самый йоль не приехал в Гардарики к Олаву конунгу. Когда Бьерн встретился с конунгом, тот был ему очень рад. Тут конунг узнал обо всем, что произошло в Норвегии. Бьерн сказал ему, что ярл утонул и страна осталась без правителя. Эта новость обрадовала всех, кто приехал в Гардарики с Олавом конунгом из Норвегии. У них оставались там владения, родичи и друзья, поэтому все они очень хотели вернуться домой”.

CLXXXVII

“Приехав в Гардарики, Олав конунг предавался глубоким раздумьям и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв конунг и его жена Ингигерд предлагали Олаву конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая называется Вульгария. Она составляет часть Гардарики, и народ в ней некрещеный. Олав конунг стал обдумывать это предложение. Но когда он рассказал о нем своим людям, те стали его отговаривать от того, чтобы он остался в Гардарики, и убеждали его вернуться в Норвегию в свои владения. У конунга была также мысль сложить с себя звание конунга и поехать в Йорсалир или другие святые места и принять обет послушания. ... Он сомневался, стоит ли испытывать судьбу и отправляться с таким небольшим войском навстречу своим врагам, когда весь народ примкнул к ним и выступает против него ... и он не знал, что ему делать, ибо видел, что ему не миновать беды, как бы он ни поступил”.

CLXXXVIII

[И все же]... “он твердо решил ехать обратно в Норвегию”.

CLXXXIX

“Говорят, что, когда Олав конунг был в Гардарики, случилось, что у сына одной знатной вдовы в горле

CXCVI

“Когда в Норвегии стало известно, что Олав конунг приехал с востока в Швецию, те его друзья, которые хотели ему помочь, собрались вместе. Самым знатным среди них был Харальд сын Сигурда, брат Олава конунга. Ему было тогда пятнадцать лет.

... они направились на восток через леса в Швецию”.

CXCVII

“Олав конунг... стал собираться в путь. Его жена Астрид осталась в Швеции вместе с дочерью конунга Ульвхильд”.

CCII

“Олав конунг перебрался через Кьель [горный хребет, разделяющий Норвегию и Швецию] с востока и стал спускаться с гор. К западу от него лежала вся страна, и он увидел ее с гор. Много народу шло впереди конунга, и много шло сзади. Конунг ехал, выбирая место посвободнее. Он был молчалив и не разговаривал с людьми”.

CCV

“... у него было более тринадцати сотен человек. Это тогда считалось большим войском”.

CCXIII

“Олав конунг был вооружен так: на голове у него был позолоченный шлем, в одной руке — белый щит со святым крестом из золота, в другой — копье, которое стоит теперь в алтаре в Церкви Христа, у пояса — меч Хнейтир, очень острый меч с рукоятью, обвитой золотом. На конунге была кольчуга”.

CCXXXV

“Олав конунг погиб [в битве при Стикластодире] в среду в четвертые календы августа месяца”.

И снова мы подведем некоторые итоги взаимоотношений северогерманского и славянского миров XI в., выразив их в нехитрой таблице:

Олав [конунг Швеции] женат на Эдле [славянка из “Страны Вендов”], их дети:		
Эмунд-Яков [конунг Швеции]	Астрид [жена Олава Святого]	Хольмфрид
	Ульвхильд	

Отвлечемся от истории Норвегии и обратимся к иным странам, вовлеченным в водоворот северогерманской истории раннего средневековья.

вскочил такой большой нарыв, что мальчик не мог ничего есть, и считали, что дни его сочтены. Его мать пошла к Ингигерд, жене конунга Ярицлейва, так как была с ней знакома, и показала ей сына. Ингигерд сказала, что она не может его вылечить.

— Пойди к Олаву конунгу, — говорит она. — Он здесь лучший лекарь — и попроси его коснуться рукой того, что болит у твоего сына, а если он откажется, то скажи, что я его об этом прошу.

Вдова сделала так, как ей сказала жена конунга.

... Конунг подошел к мальчику, провел руками по его шее и долго ее ощупывал, пока мальчик не открыл рот. Тогда конунг взял кусочек хлеба, размочил его и положил крестом себе на ладонь. Потом он положил этот кусочек хлеба мальчику в рот, и тот его проглотил. У мальчика сразу прошла боль, и через несколько дней он был совсем здоров”.

CXCII

“Когда Олав конунг решил вернуться домой, он сообщил об этом Ярицлейву конунгу и его жене Ингигерд. Они стали его отговаривать и говорили, что у них в стране он может получить владения, подобающие ему. Они просили его не ехать навстречу врагам с таким небольшим войском... Увидев, что конунг твердо решил ехать, они предложили ему воспользоваться их помощью и взять в дорогу все, что ему нужно”.

CXCIII

“Сразу после йоля конунг стал собираться в путь. У него было тогда около двух сотен людей. Ярицлейв конунг снабдил их всех лошадьми и всем необходимым снаряжением. Когда конунг собрался, он отправился в путь. Ярицлейв конунг и его жена Ингигерд проводили его с большими почестями. Своего сына Магнуса он оставил у Ярицлейва конунга.

Олав конунг добрался зимой до самого моря, а когда наступила весна и сошел лед, его люди стали снаряжать корабли к плаванию. Когда все было готово и подул попутный ветер, корабли вышли в море. Плавание прошло удачно. Олав конунг со своими кораблями пристал к Готланду. Там он узнал, что происходит в Швеции, Дании и Норвегии. ... Конунг привел свои корабли в Лег и пристал к берегу в устье реки... Энунд конунг... отправился к Олаву конунгу... Навстречу Олаву конунгу приехала и его жена Астрид со своими людьми. Для всех эта встреча была радостной. Конунг шведов хорошо принял своего зятя Олава конунга”.

CXCIV

“Заправили в Норвегии послали своих разведчиков на восток в Швецию и на юг в Данию, чтобы вовремя знать, не возвращается ли с востока из Гардарики Олав конунг”.

5.3. Дания

Дания, занимающая полуостров Ютландия, издревле служила естественным мостом между континентальной Европой и ее заповедным северо-западным уголком — Скандинавией, страной скалистых гор, круто обрывающихся в воды глубоких фьордов, бесчисленных озер, хвойных лесов и небольших полей, края которых обведены рукотворной каменной кладкой, словно искусно созданной огранкой, очерчивающей драгоценный овал.

Датское общество подобно иным индоевропейским делилось на сотни — *herged*, составлявшие более крупные объединения. Общинники, как и в Норвегии, назывались *bonder*. Они решали дела на *thing*. Там же избирали королей. Власть королей опиралась на ярлов (*jarl*) — правителей областей, и на гирдов (*hirder*) — дружинников, соответствовавших русским гридням.

Власть правителей Дании не была абсолютной. Конунги получали пени с нарушителей законов, некоторые доходы с жизнедеятельности государства и церкви и имели собственные земельные владения — домены, бывшие на попечении управляющих.

Выше писалось, что в 800 — 810 гг. во главе Датско-Норвежского королевства стоял Готрик, строитель Датского вала. С кончиной Готрика Дания всушила в эпоху викингов.

В X в. в Дании вновь сложилось централизованное государство под управлением конунга Горма Старого (900 — 935 гг.). Власть конунга Дании, как и Норвегии, утверждалась не только на центральном тинге — *Dannehof*, но и на местных тингах — *Land thing*.

В Дании проповедовал “апостол Скандинавии” Ансгарий, однако в VIII-IX вв. христианство тут успеха не имело. После того как датские конунги Свенд, а позже Кнут Могучий завоевали Англию, христианство в Дании начало быстро распространяться. Из Англии в Данию привезли первого епископа.

Поначалу датская церковь находилась в ведении архиепископа Бремена и Гамбурга. В 1104 г. папский легат провозгласил самостоятельность датской церкви. Но уже в XI в. датская церковь была владелицей едва ли не трети всех земель в королевстве. При конунге Нильсе Свейнсоне (1104 — 1134 гг.) датская церковь была освобождена от суда *thing*а.

Однако завоевание христианской церковью Дании не было легким и быстрым. Так конунг Кнут Святой (XI в.), пытавшийся установить десятину в пользу церкви, был убит возмущившимся населением.

И тем не менее к 1162 г. епископам удалось добиться от народного собрания признания особых прав церкви (*Kirkeret*), согласно которым епископам позволялось держать войско, строить замки и чеканить монету (прерогатива государства).

Кнут Великий, завоеватель Англии, не только привнес в Данию христианство, но и положил основание феодализации королевства, раздавая в награду за службу в регулярной (созданной им) армии и на иных постах земельные владения. При его преем-

никах раздача ленов стала нормой, и в XII-XIII вв. сложился слой землевладельцев, передававших детям не только титулы, но и владения. Кроме того, знать освобождалась от повинностей по возведению дорог, крепостей и налогов. При этом простой народ более половины урожая должен был отдавать на содержание армии и государственного аппарата.

Юг Швеции, отделенной от Дании нешироким проливом Зунд, традиционно принадлежал Датскому королевству — это юг Скони и Голланд. Необычного в этом ничего нет, ибо с юга Скандинавии на полуостров Ютландия и далее в Европу извечно перемещались крупные группы северогерманского населения (готы, даны и пр.), создававшие общность по обе стороны пролива не только этническую, но и государственную.

5.4. Швеция

Центральную Швецию объединил конунг Упсала из поколения инглингов Ингьяльд, и произошло это около 700 г.

Апостол севера Святой Анегарий в 830 г. проповедовал в Швеции христианское учение, но привить его не сумел. Перелом в смене религий наступил в 1060 — 1250 гг., когда древняя столица Упсала была сожжена, а в стране царил раздор.

Хотя ранее конунг Швеции Олаф (1008 г.) крестился, страна еще долго продолжала придерживаться старых традиций, утверждая на тингах конунгов из трех родов: Стенкиля (1060 — 1125), Сверкера и Эрика (1130 — 1250 гг.).

Но и в ортодоксальной северогерманской Швеции, своеобразии которой только усиливал причудливый лапландский колорит приполярных областей, время брало свое, и постепенно к XIII в. старинная индоевропейская демократия (опиравшаяся на власть народных собраний еще во II — I тыс. до н.э. всюду от Индии до Ирландии) сменилась властью земельной аристократии и церкви. Прежняя, безраздельная даже над конунгами, власть тингов растаяла, как снежный покров под мартовским солнцем.

Мы замечали выше, что интересы Швеции традиционно простирались к востоку (а Норвегии и Дании к западу) от Скандинавии, и первой страной на востоке, испытавшей силу шведской стали, была Финляндия.

Традиционным и достойным противником Швеции на севере Восточной Европы был Новгород, крестивший в XI — XII вв. карелу и состоявший с ней в тесном союзе. Шведский источник XIII в. так сообщает о гибели столицы шведского государства Сигтуны, наследовавшей Упсале, и о строительстве новой столицы — Стокгольма (перевод Е.А.Рыдзевской).

Нападение на Сигтуну, 1187 г., и основание Стокгольма (строки 474 — 521, с. 17, 18)

“Швеции грозила большая опасность и тревога от карелов. Они смело и уверенно шли с моря в Мелары и в тихую погоду, и в бурю, по шведским ихерам; чаще

*всею их рать пробиралась тайком. Однажды вздумалось им сжечь Сигтуну, и сожгли они ее до основания, так что город тот больше уже не поднимался. Там был убит архиепископ Ион; этому были рады многие язычники; радовалась карельская и русская земля тому, что христианам пришлось так худо. Все они приободрились после того и принялись воевать. Как я здесь читаю, так и было. Ион ярл был убит в Асканесе; он провел девять лет в походах и ни разу не был дома за это время, и воевал с русскими и изжорой ради господина и святой веры. Вернувшись домой, он в первую же ночь был убит ими [теми, кто напал на Сигтуну]. Его жена бежала в Хундохамар; ее сердце и мысли были полны великого горя и отчаяния. Эта превосходная благородная женщина собрала людей и большую силу и, как мне говорили, всех их перебила на утесе, называемом *Eestas'kar*: все они там расстались с жизнью. И велела вытащить их ладьи на берег и сжечь, потому что ее постигло такое горе. Этой беде помог Биргер ярл, мудрый муж; он велел построить с великим искусством и большим разумением город Стокгольм — прекрасную крепость и хороший город. Все было сделано, как он велел. Это — замок на озере, так что карелы не могли их беспокоить. Я говорю, что это озеро прекрасно, потому что там 19 церковных приходов и семь торговых городов вокруг озера. Там теперь процветание и великая радость, а прежде были горе и глубокая печаль, причиненная им язычниками”.*

В XIII в. власть в Швеции принадлежала роду Фолькунгов. Из этого рода происходил ярл Биргер (+1208 г.), вероятный строитель цитадели Стокгольма. Ярл Биргер, сражавшийся с Александром Ярославичем в 1240 г. на Неве при устье Ижоры, также происходил из рода Фолькунгов. Он был женат на сестре конунга Швеции Эрика (1222 — 1250 гг.) и именно он как следует укрепил и благоустроил Стокгольм. Шведские источники начинают регулярно говорить о Стокгольме с 1252 г.

Первый крупный поход шведов в Финляндию был совершен в 1157 г. (или 1160 г.). Но серьезного успеха шведы в Финляндии добились в 1249 г., основав крепость в *Naakoisten* (видимо, южнее Тавастхуста, у совр. Хаменлинна). Шведский источник так оценивает результаты похода: “Ту страну, которая была вся крещена [Финляндия], русский князь, как я думаю, потерял”.

В 1250 — 1275 гг. Швецией правил Вальдемар, но фактическим главой государства был его отец и опекун ярл Биргер (+1266 г.).

Сын Биргера Магнус Ладулос (1275 — 1290 гг.) дал волю служивой, несшей конную службу, знати, раздав ей земельные надель в лен. Землевладельцы в дальнейшем не стали наследственными, и, возможно, это избавило Швецию от многих зол.

Завершая рассказ о Швеции, приведем отрывок из Шведской хроники, дающей представление о накале борьбы между Новгородом и Швецией в XIII в.

Поход на Финляндию и основание Выборга в 1293 г.

“Пошли они [шведы] в языческую землю и положили конец злу и великой беде: язычники слишком близко

подходили к ним. Это было там главным их делом; и построили они крепость в том краю, где кончается христианская земля и начинается земля языческая. Теперь там добрый мир, больше тишины и покоя и больше людей, верующих в бога. Эта крепость называется Выборг и находится на востоке... У русских стало таким образом меньше подвластной им земли, и беда оказалась у них у самых дверей... и посадили там Фогта... Он наконец покорил карелов и всю их землю с 14-ю погостами большими и малыми. Кексгольм [Орешек] был тогда взят христианами и уцелел от огня; много язычников было там побито и застрелено в тот самый день, а тех, что были взяты в плен, они увели к себе в Выборг... а русские тем временем готовились, желая отомстить за неудачу. Пока им доставляли снабжение, русские слишком быстро подошли и стали нападать днем и ночью... Христиане были там все перебиты... После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту”.

5.5. Англия. Нормандия

Оставим на время историю трех североевропейских стран и обратимся к Англии и Нормандии, исторические судьбы которых тесно переплелись с северогерманским миром IV — XI вв.

Христианство на островах Британского архипелага по-настоящему стало утверждаться после крещения короля Англии Этельберта (женатого на Берте, дочери короля франков Хариберта), принявшего его из рук святого Августина в 597 г. Позже св. Августин стал первым архиепископом Кентерберийским. Так в VI в. в Англии утверждались институты власти и морали новой англосаксонской христианской Британии, теснившей древний кельтский мир архипелага на его окраины (в Шотландию, Уэльс, Ирландию, Бретань).

В 800 — 839 гг. король Вессекса (страна западных саксов с центром с г. Винчестер) Эгберт сумел объединить Англию. Это положило начало наследственной монархии. Однако в IX в. Англию продолжали нещадно терзать вторжения норманнов, нередко заканчивавшиеся захватом целых областей государства.

Внук короля Эгберта Альфред Великий сумел организовать отпор викингам. Однако при короле Этельреде II (979 — 1016 гг.) датские викинги усилили напор на Англию, а само государство переживало процесс феодализации — время, когда управляющие областями графы сделали подведомственными им территории наследственными уделами, узурпировав в них едва ли не всю власть. Королям; за неимением иных средств, приходилось откупаться от суровых северных мореплавателей золотом.

13 ноября 1002 г. король Этельред пошел на крайний и отчаянный шаг. Стремясь сохранить независимость англосаксонского государства, он приказал вырезать всех живших на острове данов. Несколько тысяч датчан простились в тот несчаст-

Правители Западной Европы V — XIII вв.

Век	Страна							
	Англия	Нормандия	Франция	Германия	Дания	Норвегия	Швеция	Венгрия
V			Меровинг [Крещение], Хлодвиг I (466 — 511 г.)					
VI	[Крещение] Этельберт св. Августин 597 г.		[Меровинги (кон. V — 751 г.)] Хариберт					
VII			Святой Арнульф (+631 г.) Анзегиз Пепин Геристальский (+714 г.)					
VIII			Карл Мартелл (+741 г.), Карломан, Пипин Короткий, Карл Великий (род. 742 или 747 г.), Карломан (+771 г.)				Ингьяльд (ок. 700 г.), Объединение Швеции, Конунги Уппсалы до 1060 г.	
IX	Эгберт (800 — 839 гг.) Альфред Великий (871 — 901 гг.)		Карл Великий (+814 г.) Карл II Лысый (843 — 877 гг.) Людовик II (879 г.) Людовик III (882 г.) Карломан (884 г.) Карл Толстый (887 г.) гр. Эзер (898 г.)	Карл Великий (+814 г.) Людвиг Благочестивый (814 — 840 гг.) [Верденский договор 843 г.] Лотарь (+870 г.) Людвиг (840 — 876 гг.) Карл Толстый (880 г.) Арнульф (887 — 899 гг.)	Готрик (800 — 810 гг.) [Эпоха викингов]	[Эпоха викингов (800 — 1060 гг.)]	св. Ансгарий (830 г.) [Эпоха викингов (800 — 1060 гг.)] Эрик Эмундарсон (+882 г.)	[Угры перешли Волгу] Альм Арпад [Угры на Тиссе]
X	Этельстан (925 — 939 гг.) Эдмунд (939 — 946 гг.)	Роллон (912 — 931 гг.) Вильгельм (+942 г.) Ричард I (+996 г.)	Карл II Простоватый (898 — 923 гг.) Людвиг IV (936 — 954 гг.) Лотарь (954 — 986 гг.) Людовик IV (987 г.) Гугон Капет (987 — 996 гг.)	Лудвиг Дитя (899 — 911 гг.) Конрад I (918 г.) Генрих I (936 г.) Оттон I (973 г.) Оттон II (983 г.) Оттон III (983 — 1002 гг.)	Горм Старый (900 — 935 гг.) Харальд Синезубый (940 — 985 гг.) [Крещение в 960 или 974 г.]	Харальд Прекрасноволосый (+940 г.) Олав сын Трюгви (995 — 1000 гг.)	Эйрик	[50 лет набегов в Европе] Золтан Таксоний, Гейза Стефан (997 — 1038 гг.)

Век	Страна							
	Англия	Нормандия	Франция	Германия	Дания	Норвегия	Швеция	Венгрия
XI	Этелред (979 — 1016 гг.) Геральд Заячья Лапа (1035 — 1039 гг.) Гартакнут (1039 — 1042 гг.) Эдуард Вильгельм Завоеватель (1066 — 1087 гг.) Вильгельм Рыжий II (1087 — 1100 гг.)	Ричард II (1002 — 1026 гг.) Ричард III (+1027 г.) Роберт Дьявол (+1035 г.) Вильгельм (1066 — 1087 гг.)	Роберт (996 — 1031 гг.) Генрих I (1031 — 1060 гг.) Филипп I (1060 — 1108 гг.)	Генрих II (1002 — 1024 гг.) Конрад II (1024 — 1039 гг.) Генрих III (1039 — 1056 гг.) Генрих IV (1056 — 1106 гг.)	Свен Кнут Великий (1018 — 1035 гг.) Хёрдакнут (+1042 г.) Кнут Святой Свейн сын Ульва (+1074 г.)	Олав Святой (1016 — 1030 гг.) Магнус Добрый (1035 — 1047 гг.) Харальд Суровый (1046 — 1066 гг.) Олав Спокойный (+1095 г.)	Олоф (1008 г.) [Крещение] Эмунд Стенкиль (1060 — 1125 гг.)	[Крещение] Самуил Аба Петр (до 1046 г.) Андрей I (+1061 г.) Бела I (1063 г.) Соломон Гейза I (1074 — 1077 гг.) Ладислав (1077 — 1095 гг.)
XII	Генрих I Ученый (1101 — 1135 гг.) Стефан Блуас (1135 — 1154 гг.) Генрих II (1154 — 1189 гг.) Ричард I Львиное сердце (1189 — 1199 гг.)	Роберт (+1135 г.)	Людовик VI (1108 — 1137 гг.) Людовик VII (1137 — 1180 гг.) Филипп II Август (1180 — 1223 гг.)	Генрих V (1106 — 1125 гг.) Лотарь II (1137 г.) Конрад III (1152 г.) Фридрих I (1190 г.) Генрих VI (1190 — 1197 гг.)	Нильс Свейсон (1104 — 1134 гг.) Эрик II Незабвенный (1134 — 1137 гг.) Кнут IV король с 1170 г.		Эрик (1130 — 1150 гг.) Эрик Святой (1160 г.)	Коломан (до 1114 г.) Стефан II (+1131 г.) Бела II (1141 г.) Гейза II (+1161 г.) Стефан III (1173 г.) Бела III (1196 г.) Эмерих (1204 г.)
XIII	Иоанн Безземельный (1199 — 1216 гг.) Генрих III (1216 — 1272 гг.) Эдуард I (1272 — 1307 гг.)		Людовик VIII (1223 — 1226 гг.)	Оттон IV Фридрих II (1220 — 1250 гг.) [Смута]			Ярл Биргер Вальдмар (1250 — 1275 гг.) Магнус (1275 — 1290 гг.)	Андрей II (1205 — 1235 гг.) Бела IV (1235 — 1270 гг.)

ный для них день с жизнью. Но облегчение это англичанам принесло лишь временное.

Конунг Дании Свейн [Вилобородый], и ранее в 1003 — 1006 гг. не проплывавший мимо английских берегов, стал мстить за соотечественников и подчинил этому едва ли не все свои помыслы и действия. В 1008 г. датчане опустошили Англию. А в 1013 г. Свейн Датский и вовсе подчинил себе весь остров. Король Этельред, спасаясь, бежал через воды пролива в Нормандию к шурина, тамошнему герцогу.

И хотя в 1014 г. Свейн Датский умер и король Этельред возвратился в Англию, пережил он соперника ненадолго и умер в 1016 г. И тут Англия была захвачена конунгом Дании Кнудом Могучим (сыном Свейна и Гуннхильд, дочери Бурицлава, конунга “Страны Вендов”). Овладев страной, Кнуд Могучий закрепил свою власть женитьбой на вдове злосчастного короля Этельреда Эмме. От этого брака родились Гаральд Заячья Лапа (1035 — 1039 гг.) и Хердакнут (1039 — 1042 гг.), умершие бездетными. На престол был возведен сын Этельреда и Эммы Эдуард Исповедник (1045 — 1066 гг.). Новый король подолгу, и иногда не по своей воле, бывал в Нормандии и питал к ней искреннее расположение, что отнюдь не радовало английских вельмож. И опасения их оказались не напрасными.

Эдуард завещал наследство герцогу Нормандии Вильгельму. Несмотря на то, что преемником Эдуарда стал граф Гаральд, Вильгельм на более чем 3000 судах пересек пролив и в ночь с 27 на 28 августа высадил на берега Англии около 30 000 пехоты и 2600 всадников.

14 октября 1066 г. Вильгельм одержал победу в битве под Гастингсом, разбив графа Гаральда. Тут же на залитом кровью поле Вильгельм провозгласил себя королем Англии. В историю герцог Нормандии Вильгельм вошел как завоеватель Англии (1066 — 1087 гг.).

Тут мы коснемся истории Нормандии. При этом мы вновь обратимся к книге Снорри Стурлусона “Круг земной” и к приведенной в ней “Саге о Харальде Прекрасноволосом”.

Сага о Харальде Прекрасноволосом [+ок. 940 г.]

XXIV

“Регнвальд ярл Мера был самым любимым другом Харальда конунга, и конунг высоко ценил его. Регнвальд был женат на Хильд, дочери Хрольва Носатого. Их сыновей звали Хрольв и Торир. ... Хрольв был могучим викингом... Он много раз ходил походом в Восточные Страны. Одним летом, вернувшись в Вик из викингского похода, он забивал на берегу скот, захваченный им у местных жителей. А Харальд конунг был в Вике. ... Конунг объявил ... на тинге, что он изгоняет Хрольва из Норвегии.

... Из рода Хрольва происходят ярлы в Нормандии. Сыном Хрольва Пешехода был Вильям, отец Ричарда. Его сыном был другой Ричард, отец Родберта Длинный Меч. А его сыном был Вильям Незаконнорожден-

ный, конунг Англии. От него потом произошли все конунги Англии”.

Устье Сены являлось давним прибежищем ладей викингов, позднее ставшим и их оплотом. Бежавший из Норвегии Хрольв (Hrolf) в Нормандии назывался Рольфом (на германский лад) или Роллоном (на романский лад).

В 912 г. в Сен-Клере состоялось упоминавшееся выше свидание французского короля Карла Простоватого и Роллона (Хрольва Пешехода), окончившееся женитьбой викинга на дочери короля Гизеле и признанием Роллона вассалом короля. Кроме того, Роллон крестился, без чего вряд ли был возможен брачный союз. Так была основана династия герцогов Нормандии, и в Европе утвердилось новое государство, просуществовавшее, впрочем, независимо не далее начала XIII в.

Роллон (Хрольв) умер в 931 г., и герцогом Нормандии стал его сын Вильгельм Длинная шпага, убитый в 942 г. графом Фландрии. Остался малолетний сын Вильгельма Ричард, и французский король Людовик IV (936 — 954 гг.) не заставил себя долго ждать. Малыш Ричард оказался у него при дворе, а в оставшейся без главы Нормандии началась борьба ряда партий.

Независимость обезглавленной Нормандии от французской короны спас конунг Дании Харальд Синезубый (940 — 985 гг.). Король Франции и Гуго Парижский вступили в Нормандию, но дело кончилось тем, что Людовик IV угодил в руки к норманнам и был вынужден дать гарантии независимости Нормандии.

Следующий король Франции Лотарь (954 — 986 гг.) также воевал с Ричардом, и снова Нормандии помог Харальд Синезубый. В 969 г. был заключен мир.

Король Франции Гуго Капет (987 — 996 гг.) оставил Нормандию в покое. Ричард умер в 996 г. Его сын Ричард II (1002 — 1026 гг.) начал тесные сношения с Англией. Мы помним, что в 1013 г. Свейн Вилобородый, конунг союзной Нормандии Дании, завоевал Англию и выгнал из нее короля Этельреда. Сестра Ричарда II была замужем за Этельредом, и изгнанник скрывался в Нормандии.

Ричарду II наследовал старший сын Ричард III, умерший в 1027 г. Нормандию возглавил его брат Роберт Дьявол, воевавший с Бретанью и бывший, не без выгод для Нормандии, союзником короля Генриха I (1031 — 1060 гг.). Роберт умер в 1035 г. во время паломничества в святую землю. Его наследником был сын от наложницы Вильгельм, в спорах о праве престолонаследия опиравшийся на помощь короля Генриха I.

События 1066 г. описаны выше. Заметим лишь, что отныне дом герцогов Нормандии получил английскую корону.

Независимости Нормандии был положен конец в 1203 — 1204 гг. Государство было завоевано французским королем Филиппом II Августом (1180 — 1223 гг.) и превращено в королевский домен.

После завоевания Англии (1066 г.) норманны стали вводить на острове французский язык и

нравы, что далеко не всем нравилось в консервативной Британии.

Однако мы пока оставим Британский архипелаг и обратим свое внимание на историю германской империи, влияние которой постоянно испытывали не только западные, но и южные и восточные славяне средних веков.

5.6. Держава франков

Вихрь эпохи великих переселений народов Европы V — VII вв. выдвинул из долины Рейна на земли Галлии (Франции) германский народ франков. С конца V до середины VIII вв. франками правили короли из династии Меровингов, и первым из известных королей был Хлодион. Его власть утвердилась в первой половине V в. в бассейне реки Соммы. Преемник Хлодиона Меровинг (448 — 457 гг.) дал имя всей династии. Время его правления было наполнено бурными событиями, сопровождавшимися беспрепятственными войнами со сенами, вандалами, гуннами и прочими народами. Сыну Меровинга королю Хильдериху I (457 — 481 гг.) и внуку Хлодвигу (481 — 511 гг.) также выпали в жизни войны, столь же частые в ту эпоху, как смена дня и ночи.

Хлодвиг сумел одолеть алеманов и вестготов и объединить под своей властью три четверти земель Галлии. Хлодвиг принял от Рима христианство и ввел франков в круг христианских народов Европы.

Хлодвиг поделил между сыновьями страну на четыре удела, чем и обрек ее на бесконечные усобицы, в итоге приведшие к ослаблению династии.

В 558 г. младший из сыновей Хлодвиг Хлотар I собрал под свою руку земли всей Галлии. Но после кончины Хлотара I (+561 г.) начались новые усобицы, сотрясавшие страну подобно вулкану.

Особенно страшным было время правления двух королей — Брунгильды и Фредегонды (567 — 597 гг.), закончившееся тем, что внук Хлотара I, сын Фредегонды Хлотар II казнил Брунгильду и стал единовластным королем франков.

Тем временем во фракийском обществе шел процесс становления и утверждения светской и церковной аристократии. Ее власть росла за счет ослабления королевской власти, сотрясаемой династическими распрями. Более того, отдельные области государства: Бургундия, Австрия — никогда не оставляли стремления выделиться в самостоятельные королевства.

Последним по-настоящему сильным Меровингом был сын Хлотара II Дагоберт I (629 — 639 гг.), сумевший расширить границы государства. Ему наследовали так называемые “ленивые короли”, находившиеся во власти деятельных майордомов и фактически являвшиеся дворцовыми узниками, не доживавшими до зрелого возраста.

Майордомами Австрии были честолюбивые представители фамилии Каролингов, сумевшие сосредоточить в своих руках не только громадную власть и средства, но и сместить абсолютно потерявших значение Меровингов с королевского престола.

В 751 г. Каролинг Пипин Короткий, поддержанный церковью, заточил последнего меровингского короля Хильдериха III в монастырь и занял его место. В 754 г. папа римский Стефан II помазал на царствование Пипина Короткого, чем и благословил новую королевскую династию.

Родоначальником Каролингов был епископ Меца святой Арнульф (+631 г.), являвшийся представителем знатной франкской фамилии. Его внук майордом Пипин Геристальский (+714 г.) объединил под своей властью Австрию и Нейстрию. Его сын Карл Мартелл упрочил завоевания отца. Он умер в 741 г. Его сыновья Карломан и Пипин Короткий возвели на престол последнего меровингского короля Хильдериха III. Карломан умер, Хильдерих III оказался в монастыре, и королем франков стал первый представитель новой династии Пипин Короткий (752 — 768 гг.). После его смерти королями франков провозгласили двух его сыновей: Карла Великого (766 — 814 гг.) и Карломана (+771 г.).

Карлу Великому наследовал император Людовик Благочестивый (814 — 840 гг.), вслед за смертью которого в династии Каролингов начались раздоры, приведшие к распаду Франкского государства.

Споры, шедшие между сыновьями Людовика Благочестивого Лотарем, Пипином (+838 г.), Людовиком Немецким и Карлом II Лысым, разрешились “Верденским договором” 843 г.

Согласно ему династия, а вместе с ней и империя были поделены следующим образом:

1. Старший сын Людовика Благочестивого Лотарь получил титул императора, вместе с ним и Италию, часть Бургундии, Прованс, Эльзас и современную Лотарингию. Лотарь умер в 855 г., и его владения оказались поделены между его сыновьями.

Людовик II, умерший в 875 г., владел Италией, но не оставил наследников. Однако сын его дочери Эрменгарды Людовик III Слепой был королем Италии (+905 г.).

Лотарь II правил Лотарингией (+869 г.). После его смерти Лотарингия оказалась во власти Людовика Немецкого и Карла Лысого.

Карл правил Провансом.

2. О ветви Людовика Немецкого напишем ниже.

3. О ветви Карла II Лысого речь пойдет в рассказе об истории Франции.

Сейчас мы кратко поведаем об эпохе правления величайшего франкского короля Карла Великого, в 800 г. ставшего императором. Это тем более важно для повествования, что значительная часть его энергии была обращена в центр Европы на завоевание земель западных славян.

5.7. Карл Великий

Карл родился 2 апреля 742 г. в семье Пипина Короткого. В 754 г. 24 июля Карл с братом Карломаном и отцом приняли помазание от папы Стефана III.

В 771 г. после смерти брата Карломана Карл лишил его потомков престола и стал единовластным правителем державы франков. Объединив государство, Карл получил возможность расширять его рубежи.

Земли славян от державы франков отделяли владения германского народа — саксов, живших между нижней Эльбой и нижним Рейном.

В июле 772 г. на генеральном сейме в Вормсе было решено выступить в поход против саксов. В Саксонии Карл велел срыть крепость Эресбург, уничтожить идол бога Ирмансула и взять заложников. Война с саксами затянулась на несколько десятилетий и, перемежаясь затишьями, часто оборачивалась бурей.

Из лесов Саксонии Карла призвал папа Адриан I, не способный защититься от короля лангобардов Дезидерия. Карл был женат на дочери Дезидерия. Отношения с лангобардами складывались хорошо, пока в 771 г. Карл не отослал супругу к отцу и не женился на Гильделарде, происходившей из знатного рода Швабии.

Разгневанный Дезидерий потребовал от папы заступничества за мораль и коронации изгнанных сыновей Карломана. Папа из двух зол предпочел меньшее и отказал Дезидерию, а тот опустошил Папскую область. Карл появился в Италии в 773 г. А в 774 г. с взятием Павии было уничтожено королевство лангобардов (длиннобородых германцев).

Вскоре пришла весть о том, что восставшие саксы напали на Гессен. Карл поспешил на север и в 775 г. разбил мятежных саксонцев.

В 775 г. архиепископ Майнцский Лулл передал Карлу расположенный в Херсфельде, в Тюрингии, монастырь. В составе книги копий Херсфельдского монастыря середины XII в. сохранился “Бревиарий св. Лулла”, составленный в 775—814 гг. В документе описываются владения монастыря в Тюрингии и Гессене, переданные обители архиепископом Луллом до 775 г.

Обратимся к памятнику. “Бревиарий св. Лулла”: [Карл передал монастырь] в Тюрингии: “... деревню, называемую Бискофесхузун [это низовья р. Верры, правый приток р. Везер], и там 30 хуб, и славяне проживают...”

В Мульнхузене, и Реммиди, и Рудольфестате 7 хуб, и славяне проживают на них... [верховья бассейна р. Заале].

В Бутесстате, и Дунгеде, и Суабехузуне 12 хуб, и славяне обитают там... [между реками Ильм и Заале]. [Архиепископ Лулл передал монастырю]: в Родестейне 14 хуб, и славяне проживают там... [на Заале, выше г. Иены].

Вывод можно сделать тот, что в 775 г. славяне жили не только в бассейне Заале, но и на реке Верра, в бассейне верхнего Везера.

В 776 г. Карл в Италии умиротворил герцога Фриульского Ротгаута. В 776 г. у истоков реки Липпе Карл принял присягу многих саксов. Там же саксов крестили.

В 778 г. Карл предпринял поход в Испанию. К державе франков была присоединена часть полу-

острова, лежащая между Пиренейским горным массивом и рекой Эбро.

Во время возвращения армии франков на север в Ронсевальском ущелье в сражении с басками погибший в арьергарде, прикрывая обоз, граф Роланд. Это герой множества баллад раннего средневековья. Граф Роланд был префектом Бретонской марки.

Тем временем саксы разрушили крепости, построенные Карлом. Карл отправил в Саксонию отряд, но большой войны в 778 г. не произошло.

В 779 г. Карл перешел Рейн и углубился в земли Саксонии, принимая от саксов заложников и клятвы верности.

В 780 г. Карл, пройдя земли саксов, подошел к левый берег Эльбы (Лабы). За руслом реки простирались обширные земли славян-венедов, конца которых не ведали ни германцы, ни греки, ни арабы.

Памятник, именуемый “Анналы Петау”, под 780 г. сообщает: “В том же году саксы, оставив идолов, поклонились истинному Богу, и уверовали в его деяния, и в ту же пору построили церкви: и прибыли к государю королю многие тысячи язычников-винетов; он же с Божией помощью принял”.

В 780 г. Карл разделил земли саксов между епископами, аббатами и священниками, дабы активнее шло крещение страны. В 780 г. Карл подошел к Эльбе в месте, где в нее впадает река Оре.

В 780 г. к власти в Константинополе пришла императрица Ирина.

В 781 г. Карл Великий при дворе папы короновал своего второго сына Пипина королем итальянским и третьего трехлетнего Людовика королем аквитанским. В Рим к Карлу приехали послы от императрицы Ирины просить дочь короля франков Ротруду за сына Ирины Константина VI. Карл дал согласие, но обещал прислать Ротруду не ранее, чем она изучит греческий язык.

В 782 г. Карл перешел Рейн у Кельна. В Липширинге в июле был созван генеральный сейм. На него кроме многих саксов прибыли послы датского короля Зингфрида и аварского кагана. В Саксонии графами поставили представителей местной саксонской знати.

Когда Карл вернулся во Францию, стало известно о том, что лужицкие сорбы вторглись в Тюрингию.

При дворе Каролингов вели летопись, именуемую “Анналы королевства франков”. Источник повествует о событиях 741—829 гг. Во второй редакции Анналов под 782 г. сообщается: “Между тем королю сообщили, что славяне-сорбы, населяющие земли между Эльбой и Заале, вторглись ради грабежа в пределы тюрингов и саксов, которые были им соседями, и разграблениями и пожарами опустошили некоторые местности. Тотчас призвав к себе трех своих служителей: камерария Адальгиза, конюшего графа Гейло и ведающего дворцом графа Ворада, он [Карл] повелел, чтобы взяв с собой восточных франков и саксов, те как можно скорее смирили дерзость строптивых славян”.

Тем временем Саксония заволновалась. На реке Заале у горы Зюнтель посланное Карлом на сорбов войско попало в засаду и было уничтожено саксами. В сражении с саксами погибли Адальгиз и Гайло.

Карл в 782 г. подступил к Вердену, стоящему на реке Аллер, и потребовал выдачи саксонской знати. У Вердена франки казнили 4500 заложников, и Карл издал жестокий Саксонский капитулярий.

В 783 г. поднялась вся Саксония. Во главе ее встал Видукинд, бежавший в Данию в 777 г. и впоследствии ставший злейшим врагом державы франков.

30 апреля 783 г. скончалась королева Гильдегарда. Схоронив супругу, Карл выступил в Саксонию и одержал победы при Детмольде и Гаазе. Были взяты заложники, и Карл снова подошел к берегу Эльбы.

12 июля 783 г. скончалась королева-мать Бертрада. В октябре 783 г. в Вормсе Карл женился на дочери франкского графа Фастраде.

Весной 784 г. Карл выступил в Саксонию, воевал на реке Везер, дошел до Эльбы. Зимой Карл провел в Саксонии.

В 785 г. война в Саксонии продолжилась. Но уже осенью Карл в Аттиньи принял мятежного Видукинда, крестил его и одарил. Казалось, Саксония вновь смирилась.

Одновременно франки ломали сопротивление фризов и баваров. Герцог баваров Тассилон был пострижен.

В 789 г. Карл Великий вторгся в земли славян к востоку от Эльбы, и это было своего рода эпохальным событием. В “Анналах королевства франков” под 789 г. читаем: “Потом, с помощью Господа, был совершен поход в Склаванию, название которых — Вильце; и в согласии с франками и саксами [Карл] дошел, перейдя Рейн у Кельна, через Саксонию до реки Эльба и построил там два моста, с обоих концов одного из которых возвел укрепления из дерева и земли. Затем двинувшись вперед, милостью Господа, подчинил вышеупомянутых славян своей власти. И были с ним в том же войске франки, саксы; фризы же, приплыв с некоторыми из франков по реке Хафель, к нему присоединились. Были с ним также славяне, чье название — сорбы, а кроме того, ободриты, правителем которых был Витцан. И когда там были взяты заложники, дано много клятв, то ведомый Господом, [Карл] прибыл во Франкию...”

Источник, именуемый “Лоршские и Мозельские анналы”, о событиях 789 г. сообщает: “Тогда король Карл вновь через Саксонию дошел до славян, которые называются вильцами, и явились королю той страны с их королем Трагвитом ему навстречу, и, прося мира, передали все те земли под власть Карла...”

Источник, именуемый Фрагмент Дюшена, часть не дошедших до нас анналов о походе 789 г. сообщает: “В 789 году был король Карл в Склавании, и пришли к нему короли славян Драгит и сын его, и другие короли Витсан и Драго с остальными королями винидов; и он дошел до реки Пене...”

В “Анналах Петау” о походе 789 г. читаем: “В этом году государь Карл был у винетов, и прибыл в Вильцию, и принял там короля Драоско и многих других...”

Из данных четырех источников следует, что в 789 г. к Карлу Великому в качестве союзников примкнули сорбы (лужицкие) и князь ободритов Витцан (Витсан). В стране вильцев, в бассейне реки Пене, навстречу Карлу вышел князь вильцев Трагвит (Драгит или Драоско) с сыном и иные князья, представлявшие полабских славян междуречья Лабы (Эльбы) и Одера.

Ободриты и сорбы выступали союзниками франков в 789 г. из-за неприязни к своим ближайшим соседям — саксам. Однако едва ли такая политика была дальновидной.

Формальным поводом для похода Карла на берега реки Пене послужила защита утесненных вильцами ободритов, центр которых располагался в городе Микулин, впоследствии давшем имя бухте Мекленбург на Балтике.

В 791 г. все лето, находясь в Регенсбурге, Карл готовил армию для похода на аваров. Осенью силы франков тремя различными путями вторглись в страну аваров. Армия Карла подошла к Венскому лесу. В той местности находились главные укрепления аваров. Авары отступили, и франки их преследовали до впадения реки Раб в Дунай. Тут начался массовый падеж лошадей, и преследование было прекращено. В Регенсбург франки вернулись отягощенными немалой добычей.

Весь 792 г. Карл провел в Регенсбурге, решая на сеймах внутренние дела державы. 6 июля 792 г. восстали саксы. Ими был уничтожен сторожевой отряд франков. Вскоре заволновались фризы и полабские славяне. Восставшие уничтожали христианство и отправили послов к аварам, ища союзников.

В сентябре 794 г. Карл выступил из Франкфурта и вступил в Саксонию. Саксы капитулировали без сражения.

В “Вольфенбюттельских анналах” о событиях 794 г. сказано: “И умерла королева Фастрада 10 августа, и много воинов убито у славян...”

В сентябре 795 г. Карл вторгся в Саксонию и, опустошая страну, дошел до нижней Эльбы. К Карлу стали приходить саксы и давать заложников, кроме саксов, живших у эльбских болот и в округе Вихмуоди в районе Бремена.

“Лоршские и Мозельские анналы” сообщают: “Но и тогда к нему пришли все, за исключением тех, кого мы уже упомянули выше, и тех, что жили за Эльбой; они к нему до того времени полностью не приходили, так как убили вассала государства короля, Вицуина, короля ободритов. Поэтому они не думали, что могут получить у него прощения”. Анналы Петау под 795 г. сообщают: “... убит саксами Витсид, князь у венедов”.

Об обстоятельствах гибели князя ободритов узнаем из “Лоршских и Мозельских анналов” (под 794 г.): “Дела шли благополучно, за исключением того, что король славян, который пришел к нему [Карлу] на помощь, был убит саксами из засады”.

О месте гибели князя ободритов сообщают “Анналы королевства франков”: “[Карл] вступил с войском в Саксонию и дошел до реки Эльба, до места, называемого Хлиуни, где тогда был убит саксами Витуин, король ободритов...” Хлиуни — это современный Люне близ Люнебурга на р. Ильменау (левый приток Эльбы).

По-видимому, саксы напали на князя ободритов в момент, когда тот совершал переправу через реку.

Князь ободритов Вицуин (Витуан, Витсид) мог носить имя Вышана.

Узнав о гибели союзника, Карл вновь опустошил Саксонию в том же 795 г. Во Францию было уведено 7000 заложников. Но стоило Карлу покинуть Саксонию, как возмутились саксы, жившие к северу от Эльбы, в провинции Нордальбингии.

Под 796 г. “Анналы королевства франков” сообщают: “Эйрик, герцог Фриульский, послав своих людей со славянским Вономиром в Паннонию, хринг народа Аваров, прежде долгое время мирный, разграбил, [так как] правители были изнурены гражданской войной между ними — хаган и югур были разбиты в междоусобной распре и убиты своими, — сокровище прежних царей, собранное на протяжении многих веков, послал государю королю Карлу в Ахенский дворец”.

Хринг аваров — это круговое укрепление тюркских кочевников, хранившее где-то на среднем Дунае богатства аваров, добытые ими в VI — VIII вв. Часть сокровищ, взятых Вономиром, была отправлена в Рим, часть роздана Карлом знати.

В 796 г. сын Карла Пипин Итальянский выступил против авар и, подойдя к Дунаю, стал на берегу лагерем. Авары, видя мощь армии противника, убили своего кагана и с новыми вождями явились к Пипину, предлагая землю и власть.

Пипин преследовал иные цели. Его армия двинулась на восток и, разрушив ринг аваров, овладела теми сокровищами, которые еще оставались у авар. Добычу на 15 подводах отправили в Ахен.

В 797 г. Карл вновь уделил основное внимание Саксонии. Анналы св. Назария и Алеманские под 797 г. сообщают: “Пипин с баварами и некоторыми из лангобардов [отправился] на славян, землю разорил и с миром вернулся к своему отцу государю королю Карлу”.

В конце лета Карл вступил в Саксонию. 28 октября 797 г. уже в Ахене Карл огласил новый Саксонский капитулярий, смягчавший положения капитулярия 782 г.

В середине ноября Карл выступил в Саксонию, взяв с собой на всю зиму весь королевский двор. Король зимовал на реке Везер, в месте, называемом Герштель.

В 798 г. саксы, жившие к северу от Эльбы, в Нордальбингии, схватили представителей Карла Великого и часть перебили, часть оставили для выкупа. Перебили саксы и послов франков, возвращавшихся из Дании.

Карл Великий принялся опустошать земли саксов между Везером и Эльбой.

“Анналы королевства франков” под 798 г. сообщают: “Нордлиуды [саксы], вступив в битву против Дражко, князя ободритов, и нашего легата Эбуриза, были в бою побеждены. Из них пали на поле битвы четыре тысячи, прочие же, которые бежали и спаслись, хотя и из них многие погибли, повели переговоры об условиях мира”.

О событиях 798 г. сообщается и в “Лоршских и Мозельских анналах”: “Между тем наши славяне, которые называются ободритами, объединились с посланцами государя короля против тех саксов, что живут к северу от Эльбы, и разорили и выжгли эту землю; и те саксы собрались воедино, и завязалась великая битва между ними. И хотя те ободриты были язычниками, однако вера христиан и государя помогла им, и они одержали победу над саксами. И пало тех саксов пред ними в этом сражении две тысячи 901. И прибыли эти славяне в Нордтюринггау к государю королю, и вознаградил их государь король чрезвычайно, как они были того достойны”.

Нордтюринггау — область на севере Тюрингии, расположенная между реками Оре, Ильменау и Эльба.

“Вольфенбюттельские анналы” о событиях 798 г. сообщают: “Затем он [Карл] в Саксонии прошел раньше до Бардовика, затем в пределы винидов и там устроил собрание, как сам пожелал, и увел много заложников от саксов, и прибыл в Ахен”.

Если верно то, что “пределы винидов” следует искать в Нордтюринггау, то это означает, что в VIII в. на севере Тюрингии жило немало славян и население это преобладало над саксами.

Смирение саксов, живших к северу от Эльбы, было завершено в 799 г. Под этим годом “Анналы королевства франков” рассказывают: “Государь король [Карл], выступив в Саксонию, перешел Рейн у Липпехама и остановился, разбив лагерь, в месте называемом Падеборы и оттуда он, разделив войско, направил своего сына Карла с половиной в Барденгау для переговоров со славянами и для принятия [под власть франков] саксов, которые пришли от нордлиудов”.

Область Барденгау расположена на нижней Эльбе, восточнее Гамбурга. Из переработанной редакции “Королевских анналов” узнаем: “Тем временем он послал своего сына Карла с частью войска к Эльбе, чтобы устроить какие-то дела с вильцами и ободритами...”

В 800 г. Карл Великий оказался в Риме. Папа Лев III заверил короля, что нуждается в защите от беспокоившихся римлян. В первый день наступившего рождества король смиренно молился под сводом собора св. Петра. Папа, как передают, неожиданно для короля возложил на его голову императорскую корону.

Произошло то, что было неминуемо. Папский Рим стремился выйти из-под духовного главенства восточной столицы некогда великой империи Константинополя. Римское папство возникло из римской епископии. В V в. римские епископы стали именоваться папами и закрепили это эдиктом, согласно которому иные епископы запада империи

подчинялись римскому папе. В VIII в. вокруг Рима была создана Папская область.

В 797 — 802 гг. в Константинополе правила Ирина. Восточная империя к 800 г. еще не вполне оправилась от смут иконоборчества и нашествия арабов, тюрков и славян. И в 800 г. в Константинополе продолжались внутренние разлады. Все это не внушало Риму благоговейного почтения недавних времен разрушенной варварами столицы перед ослепительной, сверкающей золотыми крестами, звездой в земле эллинов.

Карл Великий подумывал об объединении империи и об объединении с Ириной. Но в 802 г. к власти в Константинополе пришел Никифор I (802 — 811 гг.), бывший заклятым врагом Карла. Планы латинского запада в отношении греческого востока были отложены. Впрочем, германцы добились от Константинополя того, что император Михаил I (812 — 813 гг.) признал законность императорского титула Каролингов.

Зиму и начало весны 801 г. Карл провел в Риме. После пасхи Карл покинул Рим. В Павии Карлу сообщили, что в Пизе находятся арабские послы от Харуна ар-Рашида. Послы догнали Карла у Ивреи и сообщили, что отправленный четырьмя годами ранее в Багдад еврей Исаак возвращается с дарами и со слонем, но не может попасть в Италию из-за отсутствия судна. Карл велел Исаака привезти и после 24 июня уехал во Францию. Рождество Карл Великий встречал в Ахене. А Исаак, попав в Италию, не решился зимой со слонем переходить Альпы и зимовал в Верчелли.

20 июля 802 г. Исаак со слонем и дарами от халифа Харуна ар-Рашида появился в Ахене. Карл отправил ответное посольство в Багдад.

Летом 802 г. франки перешли Эльбу и опустошили последнюю мятежную провинцию саксов Нордальбингию. В 804 г. Карл приехал в Голленштедт, на границу Вихмодии и Нордальбингии, и распорядился 10 000 саксонских семей отправить во внутренние области державы. В Нордальбингию переселили союзных франкам славян-ободритов.

Тогда же саксонцы начали креститься и признали власть Карла. При этом саксы сохранили собственное право и были уравнены в правах с франками. Церковь утвердила в городах Саксонии епископии, подчинявшиеся Кельнской и Майцкой епархиям. Так была поставлена точка в долгой войне с саксами.

Покорив Саксонию, Карл принял за Чехию. В 805 г. в Чехию выступил Карл Юный с союзными саксами и полабскими славянами. Чехия в 805 г. подверглась опустошению.

В 808 г. датский король Готфрид напал на ободритов и обложил их данью. При этом союзниками датчан выступили соседи ободритов — полабские славяне вильцы, глиняне и смольняне.

Карл Великий вступился за ободритов и отправил на север армию во главе с сыном Карлом Юным. Франки опустошили земли глинян и смольнян. На рубеже со славянами франки выстроили две крепости.

Готфрид, отступая в Данию, разрушил торговый город славян Рерик.

В 809 г. Карл Великий вступил в мирные переговоры с Готфридом Датским. В Нордальбингии было построено несколько крепостей. При этом ободритов в той области уже не было.

В 810 г. датский король Готфрид пал от руки своего телохранителя. В тот же год славяне-вильцы овладели крепостью в Саксонии. Карл выступил в поход, перешел Рейн у Липпегама, но тут сдох слон, присланный из Багдада. Карл вернулся в Ахен.

В 811 г. Карл в Ахене принял послов от авар, славян и от преемника датского короля. В Саксонии восстановили крепость, разрушенную вильцами.

В 812 г. поход на вильцев увенчался успехом.

Во многом успехи Карла Великого опирались на хорошо организованную систему сбора военного ополчения. Стремительно расширявшиеся границы империи цементировались созданием маркграфств с особым режимом управления.

Внутренняя мощь империи зиждилась на том, что могучий монарх сумел сломать остов прежней системы княжений. Было введено назначение на должности управляющих землями графов. Изначально графы мыслились как административные заместители, то есть государственные чиновники. За графами надзирал специальный чиновник — *missi dominici*.

Ежегодно весной и осенью Карл собирал сеймы, имевшие полномочия на выбор государственных чиновников. Карл установил церковную десятину. При этом Карл оставил за собой власть при назначении епископов, аббатов и сохранил за собой право созыва духовного собора.

Карл Великий заботился о строительстве дорог, городов, крепостей, монастырей и соборов. Но построить канал, соединяющий верховья Рейна и Дуная, Карл не сумел.

При монастырях монарх устраивал школы. Более того, Карл распорядился собирать народные предания и песни. Это указывает на исключительно высокий интеллект императора.

В 806 г. Карл поделил между сыновьями империю. Но судьба распорядилась по-своему. В 810 г. умер Пипин. В 811 г. умер старший сын императора Карл. Оставшегося наследника Карл Великий короновал на сейме в Ахене в 813 г. То был Людовик Благодетельный (Аквитанский).

28 января 814 г. Карл Великий умер и был погребен в выстроенном им соборе в Ахене.

Германцы назвали созданную Карлом Великим империю *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicae* (Священная Римская империя германской нации). Внешние атрибуты заимствовались из традиций Римской империи. Германцы намеревались выступить преемниками римлян, и это очень рано почувствовали славяне центра Европы.

В 797 г. в Константинополе был низложен император Константин VI (780 — 797 гг.). Карл Великий в Риме в 800 г. был провозглашен 68-м императором, как бы переняв преемственность у восточной византийской линии. Германцы новой столицей империи провозгласили папский Рим.

5.8. Германия IX — XIII вв.

После кончины Людовика I Благочестивого (814 — 840 гг.) империя согласно Верденскому договору 843 г. была поделена между тремя сыновьями монарха. Карлу II Лысому (843 — 877 гг.) досталась Франция или пределы империи, простиравшиеся к западу от Рейна. Лотарь получил земли, лежащие между реками Рейн и Маас и к ним Италию с Бургундией. Людовик Немецкий (843 — 876 гг.) получил земли к востоку от Рейна, к западу от Эльбы и Заале и к северу от Богемского леса.

После кончины Лотаря его восточные земли согласно Мерзенскому договору 870 г. отошли Людовику Немеckому.

В 876 — 887 гг. короной империи владел сын Людовика Карл Толстый. Его власть простиралась и на Францию, и на Италию.

В 887 г. Франция избрала собственного короля. Бургундия добилась самостоятельности и распалась на два государства. Италия оказалась во власти многочисленных местных династий.

Германский император Арнульф (887 — 899 гг.) предпринял попытку восстановить империю и имел в том начинании успех. Но при его несовершеннолетнем сыне Лудвиге Дитяти (900 — 911 гг.) начались упадок централизованной государственной власти и утрата его значения и силы.

Как раз в эти годы долина среднего Дуная наполнилась шатрами пришедших на смену аварам угров. После набега на Болгарию и разгрома Великой Моравии угры открыли счет пятидесяти годам опустошительных походов в Европе.

В Германской империи, тем временем, с каждым годом все активнее шел процесс обособления стремившихся к независимости герцогств. Одновременно графства и герцогства из имперских земель превращались в наследственные.

В 911 — 918 гг. империей правил представитель франконского рода Конрад I, состоявший в родстве с Каролингами. Этот монарх пользовался поддержкой французов и боролся, в меру сил, со знатью.

В 919 — 936 гг. во главе империи стал саксонский герцог Генрих I, выдвинутый франками и саксами.

Баварский герцог Арнульф отсутствовал на выборах в короли Генриха I. Баварцы с частью восточных франков провозгласили королем Арнульфа.

Помимо Арнульфа Генрих I имел еще одного могучего соперника — швабского герцога Бурхарда. Самостоятельность Швабии была уничтожена Генрихом I после смерти Бурхарда +927 г.

В 920 г. Генрих I предпринял поход в Баварию, но он не дал результата. Тем не менее Генрих I сумел убедить Арнульфа отказаться от титула короля. При этом Арнульф сохранил право назначать епископов.

В 925 г. Генрих I вернул государству Лотарингию. Успех закрепили браком дочери Генриха I Гербург с герцогом Лотарингии Гизельбертом.

Генриху I удавалось умиротворять датчан и славян, а в 933 г. был дан первый серьезный отпор уграм.

Сын Генриха I и королевы Матильды Оттон I Великий (936 — 973 гг.) во многом превзошел отца. Оттон I был коронован в Ахене в 936 г. Новому монарху удалось сломить могущество власти герцогов и раздать отнятые у старой знати лены собственной родне и приближенным.

В 938 г. Оттон I лишил Баварию самостоятельности. Оттон I присоединил к государству Ломбардию и восстановил внешние атрибуты императорской власти. 2 февраля 962 г. Оттон I короновался в сан "императора Августа". Тогда же произошло объединение титулов короля Германии и императора Рима.

Византия отказалась признать правомерность императорской власти германца. Интересно, что подобным образом реагировала и Франция, некогда бывшая ядром империи Карла Великого.

Передача государственной власти от франков к саксам связывается автором "Хроники саксов" Видукиндом (X в.) с перенесением останков св. Вита [христианин, в 306 г. замученный в Риме] из монастыря Сен-Дени во Франции в монастырь Новая Корвея в Германии. Эта церемония состоялась в 836 г. В том же году послы Карла Простоватого передали в Германию "руку" Дионисия. Тем, как полагает Видукинд, был предопределен переход власти и блага от франков и Каролингов к саксонскому дому.

В IX в. мощи святых активно переносились королями франков в Саксонию. Подобным образом в Саксонии утверждали христианство. Однако последствия, спустя столетие, оказались отличными от воли Каролингов.

Но как бы там ни было, в X — XI вв. пространства Германской империи были колоссальны. Они включали земли Германии, Бургундии, часть Дании, Польши, Чехии, Моравии, современной Австрии и Италии.

Первой женой Оттона I была славянка Тегомира. Она могла быть дочерью плененного князя гаволян. Брак был заключен в 928 г. А в 929 г. брак с Тегомирой был расторгнут, и Оттон I женился на англосаксонской королеве Эдит.

В 951 г. Оттон I заключил третий брак с вдовой ломбардского короля Лотаря.

От брака с Тегомирой Оттон I имел сына Вильгельма, позднее ставшего архиепископом майнцским.

Оттон I сумел сильно продвинуть дело с крещением полабских славян. На практике это означало начало серьезного утверждения германского господства на землях между Лабой и Одером.

В 955 г. Оттон I нанес сокрушительное поражение уграм (мадьярам).

Корона, некогда принадлежавшая Карлу Великому, помогла Оттону I подчинить своей императорской власти саму римскую церковь. 7 мая 973 г. Оттон I скончался.

Его преемник Оттон II (973 — 983 гг.) женился на византийской принцессе, и это укрепило позиции германского императорского дома. Но судьба сыграла с Оттоном II злую шутку — он потерпел жестокое поражение от сарацин на юге Италии.

Оттон II (983 — 1002 гг.) полностью отдался идее восстановления могущества Римской империи и даже перенес акценты всей своей политики на Апеннины.

Последним императором саксонского дома, столь много сделавшего для возвышения Германской империи, был Генрих II Святой (1002 — 1024 гг.), бывший внуком брата Оттона I Генриха.

Генрих II не уронил достоинства имперской короны, восстановил власть над Италией и успешно боролся со славянами.

Конрад II (1024 — 1039 гг.) происходил из графской фамилии Рейнской Франконии и состоял в родстве с Каролингами и с саксонским домом. Конрад II продолжил борьбу со знатью и сумел присоединить к государству Бургундию.

Его сын Генрих III (1039 — 1056 гг.) вынудил Польшу, Богемию и Венгрию признать вассальную зависимость от германской короны. Это было верхом могущества германских императоров и их сохранявшей единство державы. Императоры смиряли не только папу римского, но и многочисленных герцогов и графов. А те походили на затаившихся волков, терпеливо ждавших своего часа. Их время пришло в годы правления Генриха IV (1056 — 1106 гг.).

Духовная и светская аристократия, почувствовав ослабление хватки еще недавно железной длани императоров, перешла в атаку и сумела нанести первое весомое поражение правящему дому. Борьбу с Генрихом IV возглавил папа Григорий VII.

Сын Генриха IV Генрих V (1106 — 1125 гг.), поддавшись уговорам церкви, восстал на отца. Императоры лишились права назначать епископов. Но, хотя Вормский конкордат 1122 г. вроде бы и принес победу папской власти, плоды ее были далеки от того, о чем мечтал Григорий VII.

Со смертью Генриха V угас род франконских императоров, но не изменилась политика, продолженная домом Гогенштауфенов, происходивших по матери от Генриха IV.

Императоры в борьбе с герцогами и епископами обрели сильных союзников: переживавшие бурный рост, ведущие континентальную торговлю и изобиловавшие различными и многочисленными ремесленными цехами города.

Однако процессы развивались помимо воли монархов. После кончины Генриха V была признана самостоятельность герцогов, графов и баронов, на практике давно существовавшая.

Избранный в короли саксонский герцог Лотарь II (1125 — 1137 гг.) уже не оказывал ожесточенного сопротивления усилению графской и папской власти.

После смерти Лотаря II герцоги выбрали в короли Конрада III Гогенштауфена (1138 — 1152 гг.). Его правление сопровождалось смутами, весьма

усилившимися после участия Конрада III в неудачном крестовом походе 1147 г.

А вот племянник Конрада III Фридрих I Барбаросса (1152 — 1190 гг.) проявил блестящие способности в борьбе за утверждение государственной власти и открыто выступил против папы.

Византия никогда не испытывала симпатий к честолюбивым королям Германии, упрямо именовавшим себя римскими императорами.

Фридрих I погиб в крестовом походе в 1190 г. Во главе государства стал его сын Генрих VI (1190 — 1197 гг.).

Несмотря на то, что после ряда выборов, переворотов, убийств и сражений Фридрих II (1212 — 1250 гг.) сумел упрочить королевскую власть в Германии, папы Григорий IX и Иннокентий IV ни на час не оставляли интриг против короля. Дело кончилось тем, что последнего Гогенштауфена обезглавили в Неаполе.

И вот тут в Германии по-настоящему восторжествовали герцоги и графы, отпор которым давали лишь союзы одевшихся крепостными стенами городов. С падением Гогенштауфенов была погребена сама идея империи. Погрузившись во тьму междоусобицы, Германия подобно разбитой вазе разлеталась на десятки независимых государств.

5.9. Франция IX — XIII вв.

Завершая обзор важнейших событий, происходивших в Западной Европе в раннем средневековье, окинем беглым взглядом историю Франции. В ее землях чудесным образом сочетаются три начала — кельтское, романское (римское или латинское) и германское, и оттого земли эти стали едва ли не наиболее очаровательной областью континента.

В 842 г. в Страсбурге сыновья Людовика Благочестивого (сына Карла Великого) Людовик Немецкий и Карл II Лысый (843 — 877 гг.) заключили союз и скрепили его клятвой, произнесенной на романском и германском языках. В 843 г. Франция выделилась из империи в самостоятельное королевство.

Выше упоминалось о том, как Франции доставалось от викингов. Не следует забывать и об арабах, овладевших Испанией и никогда не прекращавших вторжения на юг королевства.

Во второй половине IX в. королевская власть во Франции начала сдаваться на милость графам. Те стремились превратить подчиненные им области в наследственные. Более того, землевладельцы присваивали себе права государственной власти, в том числе и право суда.

Однако внешние угрозы сдерживали раздробление Франции. Мелкие землевладельцы объединялись вокруг более крупных и могущественных соседей.

Вторжения норманнов носили настолько угрожающий характер, что Карлу Толстому (884 — 887 гг.) удалось объединить Германию и Францию. Но то был краткий миг их последнего единства.

Как часто бывает, за кратким мигмом величия и могущества, как за скупым лучом солнца в пасмурный день, наступает мрак и сотрясаются самые крепкие основы государства и морали.

После смерти Карла Толстого при графе парижском Эвде (от него произошла королевская династия Капетингов, наследовавшая Каролингам) единство французского королевства покрывлось множеством трещин.

Уже Карлу III Простоватому (898 — 923 гг.) пришлось опереться на норманнов и на союз с Роллоном, уступив последнему в 912 г. Нормандию.

У короля Франции Лотаря (954 — 986 гг.) во власти оставался один город Леон с округом. Лотарингия и Бургундия обособились от Франции. Причина слабости королевской власти Каролингов конца X в. заключалась помимо прочего в том, что вольно или невольно они ослабили себя раздачей бенефиций и довели дело до полной утраты управления государством.

В 987 г. знать провозгласила королем Гугона Капета, давшего имя новой династии Капетингов, сумевших начать объединение государства путем создания крепкого владения — Франции на севере страны.

Поначалу короли из династии Капетингов были не более чем первыми среди равных. Приобретая новые коронные земли, Капетинги старались удерживать их за своим домом, раздавая надель ближайшей родне. При этом Франция жила как бы независимо от королей.

В 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм завоевал Англию. Многие французские феодалы уходили в крестовые походы. Тем временем короли терпеливо ждали часа, когда взойдет звезда Капетингов и Франция станет единой.

Людовик VI (1108 — 1137 гг.) и Людовик VII (1137 — 1180 гг.) сочли, что этот час близок, и начали борьбу со знатью. Интересно, что в той борьбе

французское духовенство выступило союзником королей. Духовенство Германии, напротив, боролось с централизованной властью. При этом следует иметь в виду, что германское духовенство имело больше земель, нежели духовенство французское.

Французские аббаты и епископы жаждали тишины в государстве и выступали ревнителями государственной власти.

Французские города также приняли сторону королей, и те даровали городам хартии, подтверждавшие их права и ограждавшие их от власти феодалов. Впрочем, когда власть королей Франции усилилась, они стали отбирать права у городов.

Филипп II Август (1180 — 1223 гг.) отнял у короля Англии Иоанна Безземельного Нормандию и завоевал юг Франции. Филипп II стал первым организатором королевской администрации, взявшей в свои руки управление областями, с подчинением королевскому совету и счетной палате в Париже.

А при Людовике IX (1226 — 1270 гг.) авторитет королевской власти, овеянный идеалом рыцарского благородства и силы, вознесся в самые небеса. При Людовике IX в государстве появился слой законников, служивших короне и проводивших в жизнь римские юридические каноны. Отныне приговоры сеншоров стали оспариваться путем апелляций к королевским судьям. А суды подчинялись парижскому парламенту.

В деле объединения государства в ход пускались деньги, оружие, брачные союзы. По мере объединения государства росли доходы казны, а вместе с тем и могущество Франции.

Франция возглавляла крестовые походы XI — XIII вв., окончившиеся в 1204 г. завоеванием гордой наследницы Рима Византии и создания вокруг нее Латинской империи (1204 — 1261 гг.).

Глава 6. Венгрия

6.1. Венгрия раннего средневековья

В первой половине IX в. венгры (мы их также будем называть уграми или мадьярами) кочевали в степях и лесостепях, раскинувшихся к востоку от нижней Волги и к юго-западу от южного Урала. Уже в первой половине IX в. угры повернули коней и громадные стада на запад, перешли Волгу, вступив тем самым на арену европейской истории.

Раскинув шатры едва не под самыми стенами Киева, угры попали в поле зрения византийских стратегов. Ромеи с интересом и с затаенным страхом созерцали с палуб судов живое, колышущееся подобно траве на ветру степное воинство, исторгавшее ржанье тысяч лошадей и рев множества волов, облежавшее берега нижнего Днепра IX в.

Жизнь угров в степях юга России не была безмятежной. Угров теснили давние соседи по степям — волжские тюрки-печенеги, также перешедшие Волгу и подвигавшие к западу. Уграм пришлось уступить юг Восточной Европы печенегам и откочевать к нижнему Дунаю. В IV в. этим путем прошли гунны, в VI в. за ними последовали авары, позже болгары.

Позади скрипучих повозок угров, в лазурном мареве южнорусского неба растворялись островерхие терема Киева. Из-за валов, рвов и стен-городен многочисленных городов поросья и Волыни за клубами пыли, обволакивавшими стада угров, внимательно следили тысячи напряженно настроенных глаз. Южнорусские города походили на птичьи гнезда, предусмотрительно упрятанные повыше от равнины, на обрывистые останцы коренных берегов рек и на вершины каменистых холмов и скал, раскиданных к востоку от Карпат.

Когда копыта кочевников подобно зарослям камыша отразились в голубых водах нижнего Дуная, угров на борьбу с булгарами призвал византийский император Лев Мудрый (886 — 912 гг.). Ранее Византия на борьбу с аварами призвала болгар.

Казалось, угорские всадники только и ждали подобного приглашения. В 889 г. Болгария была опустошена уграми, промчавшимися по ее землям подобно степному пожару. Но в 892 г. царь болгар Симеон, собравшись с силами, разгромил угров.

Пока отряды угров подобно смерчу среди пушечных стрел, дыма и криков скакали по долинам Балкан, угорские кочевья, походя на оползень, перевалили

через Восточные Карпаты и к 895 г. вышли на равнину среднего Дуная. В бассейне реки Сирет отстающие угорские кочевья беспокоили набегам печенеги.

Первые угорские разведчики устремились к западу, на сулившие безмятежный покой земли между реками Тиса и Дунай еще в 892 г. Проводниками уграм служили булгары, давние обитатели долины Дуная. Интерес угров к землям на западе был велик и оттого, что приглашал их в центр Европы сам германский король Арнульф, стремившийся с помощью степного воинства одолеть Великую Моравию — столп западных славян.

В горах Трансильвании и на равнине Карпатской котловины в IX в. обитали уцелевшие германцы-гепиды, остатки аварского населения. Однако преобладало в центре Европы славянское население, особенно многочисленное на периферии Карпатской котловины, в бассейне реки Заалы, на берегах озера Балатон и на правом берегу среднего Дуная.

История Венгрии раннего средневековья подобна истории гонимого по воле волн и ветров корабля, хотя и счастливо прибитого на благодатные земли в центре Европы, но в дальнейшем множество раз разворачиваемого то в сторону латинского Рима и Германии, то в направлении славяно-византийского православия. Находящаяся на стыке двух подчас враждебных друг другу европейских миров этнически обособленная угро-финская Венгрия не просто выстояла, но стала весомой силой.

В X в. угры пасли стада на среднем Дунае и лишь начали приобщаться к приемам плужного земледелия. Угорские шатры, как большие степные птицы, севшие в высокую траву подле загонов для скота, были удалены друг от друга не более чем на пять километров. Это видно из расположения кладбищ.

По прошествии нескольких десятилетий в среде угров стали распространяться деревянные, крытые соломой, полуземлянки, составлявшие селения. В X в. вокруг станов угорской знати начался рост ремесленных посадок, населенных металлургами, оружейниками, ювелирами.

Древнейшим из известных вождем угров IX в. еще во времена кочевий в степях Евразии был Альмош. Ему наследовал Арпад, приведший восемь колен угров на Дунай в 895 г.

В 899 г. угорские всадники начали совершать набеги на славянские поселения в Паннонии, Моравии и на германский народ баваров на юге Германии.

В 904—907 гг. орды угров обескровили Великую Моравию, дотоле бывшую ведущей силой, противостоящей латинству. Вскоре поражение от угров потерпели германцы. В результате угры заняли Паннонию до реки Энжи.

В хронике Видукинда Корвейского рассказывается о вторжении венгров в Саксонию. Впервые венгры вторглись на север Германии в 906 г. Видукинд сообщает, что в Саксонию венгров призвали полабские славяне. При этом сидевшие по берегам реки Доленицы славяне-доленчане сами страдали от венгерских отрядов.

В начале X в. Арпад умер. Это не помешало венграм пятьдесят лет опустошать Европу набегами. Впервые серьезный отпор венграм в 934 г. дал Генрих I, упоминавшийся выше. К услугам Генриха I было войско, походившее на земское ополчение. Лиутпранд Кремонский, рассказывая о событиях 933—934 гг., свидетельствует: «Генрих I в 4 дня собрал очень сильное войско ибо у саксов есть похвальный и достойный подражания обычай, что ни один способный носить оружие мужчина не может уклониться от военной повинности».

Положил конец венгерским набегам Оттон I, в 955 г. наголову разгромивший дотоле страшных всадников в сражении у Аугсбурга.

Из преемников Арпада в X в. известны Золтан, Таксоний (установивший мир с Болгарией и Русью) и Гейза (973—997 гг.). О Гейзе известно, что он устроил столицу Венгрии в городе Эстергом на Дунае, отчеканил монету и открыл страну для христианских миссионеров.

О наследнике Гейзы от Сарольты Стефана Вайке (997—1038 гг.) сообщается, что первоначально его крестили по восточному обряду. С начала X в. византийская церковь преобладала в Венгрии. Однако в 995 г. Венгрию посетил епископ пражский Войтех (Адальберт). Он-то и повернул Стефана лицом к Риму. Широкая христианизация Венгрии уже шла с 970 г.

6.2. Становление Венгерского государства

В XI в. в канцелярии венгерского короля использовали латынь, но не забывали и греческого письма. Причиной обращения Венгрии к Риму послужили раздоры с Византией из-за земель на севере Балкан.

Стефан Святой был верным сторонником римской церкви. Стефан стал основателем устоев венгерского государства. Он объединял земли и расширял их рубежи.

Еще в 998 г., спустя год после восшествия на престол Стефана, воевода южной Паннонии, приверженец греческой церкви, поднял восстание. Стефан подавил возмущение.

А в 1000 г. Стефан получил из рук папы вожделенную корону.

При организации жизнедеятельности государства Стефан оперся на существовавшую до прихода угров в центр Европы систему славянских жуп. Во главе славянской жупы стоял избранный народом жупан. Всего в Венгрии оказались 72 жупы и такое же количество жупанов. Таким образом, власть в Венгрии в значительной степени держалась на воле народных собраний. Во всяком случае поначалу государственным языком в Венгрии стала латынь.

После кончины польского короля Болеслава Храброго (+1025 г.) Стефан вступил в войну с германским императором Конрадом II и с Чехией за обладание землями Моравии. В результате передела Венгрия овладела Словакией, а Чехия — Моравией. Чехия и ранее владела Моравией, пока в конце X в. ее не захватила Польша.

Германия играла серьезную роль в становлении Венгерского королевства. Дружины венгерских феодалов, гнездившихся в высившихся над окрестными землями замках, в значительной степени формировались из алеманов-германцев. Были в тех дружинах и норманны и, видимо, русские, оставившие в Венгрии боевые топоры. У венгерской знати была насущная необходимость в европейском воинстве. Поражения 933 и 955 гг. от германцев и 970 г. от греков и славян заставили Венгрию сменить сабли и пики евразийских степей на тяжелое рыцарское вооружение закованной в сталь Европы. К исходу XII в. сабли и копья оставались на вооружении главным образом у охранявшей границы легкой кавалерии и у подчиненных венграм печенегов, размещавшихся вокруг озера Ферте.

Столица королевства расположилась в Эстергоме не случайно. Еще в IX в. данное место было транспортным и торговым узлом центра Европы. В эпоху владычества Рима на том месте находилась переправа через Дунай.

Гейза воздвиг в Эстергоме замок, охранявший город до 1256 г. Официально Эстергом стал столицей с 971 г. А в 1001 г. в Эстергоме поместилась резиденция архиепископа. В город отовсюду потекли светские и церковные налоги. Одновременно с деньгами, властью, церковью и ремесленниками в Эстергоме появились купцы, наводнившие городской рынок товаром.

В X в. центр Эстергома окружили каменной стеной. Внешний посад защищался деревянным частоколом. В X в. королевский замок столицы украсил трехнефный собор, возведенный в 1001—1012 гг. и названный именем пражского епископа Войтеха (Адальберта).

Вблизи от столицы, в селе Ковачи (название близко славянскому слову коваль — кузнец), размещался металлургический центр королевства. Тут же, неподалеку, вырос монастырь ордена иоанитов.

Венгрия в IX—XI вв. была застроена многочисленными христианскими базиликами, церквями и монастырями, многие из которых ориентировались на византийскую духовную и архитектурную тради-

цию. В городе Веспрем в IX в. была выстроена круглая капелла св. Георгия. В XI в. там же был возведен трехнефный собор.

Многие города Венгрии росли на развалинах римских городов. Таков город Печ — римский Сомбатхей. В Пече в одной из уцелевших капелл христиане устроили церковь. Древнейшая крепость Пешта была выстроена римлянами. В IX в. ее перестроили болгары. При застройке Буды, ведшейся в X—XII вв., строители щадили римские развалины, присутствовавшие там в изобилии.

После кончины Стефана Венгрия на 40 лет погрузилась в мрак смут и династических раздоров. Выиграла от этого Германия. Королем Венгрии стал Самуил Аба, а его противником был Петр, во внутренней борьбе опиравшийся на помощь Генриха III. В результате Венгрия уступила Германии западные области до Литавы. После очередного поражения и смерти Абы и восстановления на престоле Петра в 1045 г. новый король Венгрии признал власть Генриха III.

В 1046 г. Петра свергли, и на престол взошел сторонник восточной церкви Андрей I (+1061 г.). Женат Андрей I был на русской княжне Анастасии Ярославне. Андрей I отстоял Венгрию от власти Генриха III и присоединил к королевству область Срем на Дунае.

Поставив во главе восточных областей королевства брата Белу, Андрей I совершил ошибку и погиб в борьбе с братом за обладание короной.

Бела I (до 1063 г.) ориентировался также на греческий обряд христианства. Эта позиция получила поддержку созданного королем народного собрания. Сыновья Белы I Гейза, Ладислав и Ламберт уступили Соломону (сыну Андрея I) корону, намереваясь сохранить власть над отдельными областями. Однако отстаивать уделы пришлось силой оружия. Соломон был зависим от Генриха IV и, в конце концов, бежал на запад. На престол вступил Гейза I (1074—1077 гг.), сумевший воспрепятствовать Генриху IV вернуть королевство Соломону.

Вслед за Гейзой I на престол вступил его брат Ладислав Святой (1077—1095 гг.), также оказавшийся сторонником восточной церкви. Ладислав выступил за независимость венгерских епископов и национальную самобытность государства. В бассейне реки Тисы Ладислав поселил восточных кочевников — куманов и печенегов. При Ладиславе утвердилась власть Венгрии в Трансильвании.

В 1091 г. под свою власть Ладислав принял Хорватию. Смута, царившая в Хорватии с конца XI в., окончилась в 1102 г. полной утратой самостоятельности.

Ладиславу наследовал старший сын Гейзы I Коломан (до 1114 г.). Коломан выдерживал направление политики Ладислава, овладел богатой Далмацией и в 1104 г. короновался королем Хорватии и Далмации. При этом торговым городам и общинам северо-запада Балкан были дарованы широкие привилегии и права.

В Далмации и Хорватии традиционно было сильно влияние Рима, прежде имперского, а позже папского. Коломан почувствовал необходимость уступок латинянам. Так в очередной раз разворачивало корабль венгерской истории, на этот раз с востока на запад.

XII в. в истории Венгрии прошел под знаком неуклонного усиления влияния латинства, которому еще противостояла Византия.

Коломан был женат на двух русских княжках. Прежде на дочери Святополка II Передславе и на дочери Владимира II Мономаха Евфимии. Судьба второго брака была печальна. Евфимия, будучи беременной Борисом, по навету была изгнана Коломаном на Русь.

При сыне Коломана Стефане II (+1131 г.) Венгрия воевала на Балканах с Византией и Венецией, но успеха не имела. Кроме того, Венгрия вмешивалась в дела Чехии и Руси. Еще при Коломане в 1099 г. одна из военных экспедиций венгров на Русь окончилась трагедией. Венгров почти поголовно избили половцы.

Стефану II наследовал Бела II Слепой (до 1141 г.). Ему пришлось защищаться от дяди Бориса и его польских союзников. Жена Белы Елена сблизила Венгрию с Сербией. Результатом оказалось присоединение Боснии к Венгрии.

Королю Гейзе II (+1161 г.) пришлось оборонять сильно увеличившееся территориально Венгерское королевство от двух империй — Германской и Греческой. Гейза II оперся на союз с Францией и норманнами. Женой Гейзы II была русская княжна Евфросиния, дочь Мстислава I Владимировича. Кроме того, союзниками Венгрии в разное время оказывались Сербия и Чехия и даже австрийские герцоги и император Фридрих I Барбароса.

Гейзе II пришлось защищать королевство от новых попыток Бориса, шедшего в союзе с Конрадом III добиваться власти. Не сбылись надежды Бориса и на второй крестовый поход, путь которого пролегал через Венгрию в 1147 г. Еще при Коломане население Венгрии на своих землях избил множество крестоносцев первого похода 1096—1099 гг. Но это не помешало крестоносцам отнять у турок-сельджуков Иерусалим и создать в Палестине Иерусалимское королевство.

Гейза поселил на севере Венгрии и в горах Трансильвании саксов.

Стефан III (1161—1173 гг.) защищал Срем и Далмацию от Византии, при этом союзницей Венгрии оказалась Чехия. Византия отобрала у венгров Срем и Далмацию.

Короля Венгрии Белу III (1173—1196 гг.) воспитывали в Византии, и он хранил верность императору Эммануилу I (1143—1180 гг.) вплоть до кончины последнего. Однако вслед за тем Бела III вновь присоединил к Венгрии Срем и Далмацию. При этом острова Адриатики отошли к Венеции. При Беле III под власть Венгрии подпадал русский Галич.

Несмотря на то, что Бела III ни в чем не перечил папе и латинство при нем торжествовало, восточ-

ный обряд в Венгрии ее держался. Бела III укрепил государство, потеснив во власти феодалов. Но Бела III не смог помешать феодалам отбирать земли у жуп. При земельном разделе своего не упустили города и духовенство.

Сын Бела Эмерих (1196 — 1204 гг.) верно служил папе Иннокентию III, а папа неустанно подстрекал короля к походам на сербов и болгар.

Андрей II (1205 — 1235 гг.) совершенно отдал земли во власть магнатам и тем не мог сыскать любви простого народа. В Галиции, где малолетний русский князь Даниил скрывался от хищных бояр, Андрей II посадил править сына Коломана, с 1206 г. именовавшегося REX Galiciae et Ladomeriae.

Влияние Византии, захваченной крестоносцами во время четвертого похода 1202 — 1204 гг., организованного все тем же папой Иннокентием III, в первой половине XIII в. в Европе практически отсутствовало.

Андрей II принял участие в пятом крестовом походе 1217 — 1221 гг., не имевшем успеха, и это также не увеличило любви народа к королю. В 1222 г. Андрей II дал королевству Золотую буллу, ограничивавшую власть короля и магнатов и закрепившую права иных сословий и в первую очередь мелких землевладельцев. Приглашенным ранее в Венгрию саксам Андрей II подтвердил привилегии и дал независимое от жуп правление.

При Беле IV (1235 — 1270 гг.) монголы в 1241 г. нанесли сокрушительное поражение венграм при Сайо. Король укрывался в Хорватии и Далмации, пока в 1243 г. монголы не покинули Венгрию.

Так начиная с 895 г. в сердце Европы развивалось государство угров, сумевших опереться на два мира континента и, взяв от них все необходимое, создать собственный венгерский мир, корни которого следует искать в лесах и лесостепях Мордовии, Мари и Чувашии.

Глава 7. Моравия и Чехия

7.1. Великая Моравия

Славяне центра и востока Европы, как мы помним, в 454 — 560 гг. переживали эпоху относительного благоденствия из-за отсутствия посягательств на их земли со стороны кочевников востока и стремления германцев овладеть территориями павшей Западно-Римской империи. Район, занятый памятниками археологической культуры Прага — Корчак V — VII вв., указывает на то, что славяне в V — VI вв. спустились долинами рек Прут и Днестр к низовьям Дуная.

Одновременно славяне-анты, создавшие археологическую культуру Прага — Пеньковка V — VII вв., продвинулись с территории правобережного поднепровья на земли современной Румынии и также вышли на дунайский рубеж Восточно-Римской империи ромеев.

Во второй половине VI в. в долину Дуная ворвались орды авар. С приходом новой волны воинственных тюркских кочевников эпоха благоденствия для славян центра и востока Европы завершилась и началась долгая борьба за выживание с жестокими и многочисленными противниками.

В 627 — 662 гг. сложился военно-государственный союз славян центра Европы во главе с Само. В VII в. могущество авар в центре Европы было поколеблено не только военными действиями государства Само, но и неудачами в борьбе с Византией и немирьем, царившим в степях Северного Причерноморья. Византия искусно сталкивала тюрк-авар с гюрками-булгарами и хазарами, нейтрализуя и тех, и других.

Западные славяне в 630 г. нанесли военное поражение армии франков, ведомой королем Дагобертом.

После кончины Само союз западных славян распался. Он в значительной степени выполнил свою задачу по сдерживанию авар и франков. И постепенно на передовые позиции в мире славян центра Европы стала выходить Моравия, отбитая и очищенная от авар. Так обратимся к истории Моравии, ибо ее роль в мире славян Европы в IX в. была едва ли не определяющей.

В эпоху возвышения империи франков Моравия была принуждена к выплате дани германцам. Кроме того, в IX в. земли Моравии были густо заселены германскими колонистами. В IX в. в Моравию стало проникать христианство.

В первой половине IX в. князь Моймир начал объединять славян, населявших Моравию. Так Моймир оказался основоположником государственного устройства Великой Моравии IX в.

Известно о борьбе Моймира с правителем Нитранской области князем Прибиной. Местный князь был изгнан, а его область Моймир включил в состав Великой Моравии. Ниже, рассматривая историю Древней Руси IX — XI вв., мы увидим, как много общего в путях сложения различных славянских государств. Впрочем, заметим мы и разницу в их судьбах. Если в центре Европы славяне боролись с латинизированным германством, то на востоке Европы редкий год обходился без набега тюркских кочевников.

Германский император Людовик в 840 г. отнял власть у несговорчивого Моймира и отдал престол Великой Моравии князю Ростиславу, на которого возлагал определенные надежды. Но сколько раз рационализм германцев спотыкался о загадки славянской души!

Ростислав не просто подобно Моймиру проявлял недовольство засилием германцев в Моравии. Он пошел дальше. Ростислав принялся строить города и крепости Девин, Велеград и пр. Великая Моравия вступила в тесный союз со страдавшими от германского засилия Чехией и Болгарией. Вся эта центрально-европейская сила была повернута Ростиславом против Германии, и началась война.

Лудвиг Немецкий в 855 г. организовал военный поход в пределы Моравии. Ростислав отразил вторжение и сам вторгся на земли восточных марок империи. О выплате Моравией дани Латинской империи не шло и речи.

Отнюдь не случайно князь Великой Моравии Ростислав в 862 г. отправил послов в Византию, прося прислать христианского проповедника! Обратимся к свидетельству “Ипатьевской летописи”. Под 898 г. в ней помещен рассказ о событиях, ранее произошедших в Великой Моравии: “Князь Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу [Михаил III (842 — 867 гг.)] говоря — земля наша крещена, но нет в ней учителя. Кто бы нас научил и растолковал святые книги, ибо не разумеем ни греческому языку ни латинскому. На совете Михаилу сказали, что есть в Солуни муж именем Лев, а его сыновья разумеют язык словенский. Михаил послал в Солунь — прислать Мефодия и Константина. Они

пришли к князьям Ростиславу и Святополку и Коцелу. И начали составлять письма азбукой славянской. Немцы [нѣчии] начали хулить славянские книги, говоря, что недостойно ни одному из языков иметь букв своих кроме еврейского, греческого и латинского" [перевод со старославянского сделал автор настоящей книги]. И тут составитель Ипатьевской летописи дал отповедь латинянам: "... да аще кто хулит словенскую грамоту да быть отлучен от церкви... ти бо суть волци, а не овци..."

Константин вернулся учить болгар, а Мефодий остался в Моравии. Князь Коцел поставил Мефодия во главе кафедры епископа в Паннонии. Мефодий посадил за работу попа-скорписца, и в шесть месяцев, с марта по октябрь, были переложены христианские книги с греческого на славянский язык. Так мир славян центра Европы в 862 г. принял христианство из рук Византии.

Реакция германского духовенства не заставила себя долго ждать. Латиняне повели беспощадную борьбу с Ростиславом, политика которого напугала их больше, чем все славянское воинство. В Германии вспомнили о правившем в Нитре племяннике Ростислава Святополке. Последний схватил дядю и выдал германцам. Ростислава ослепили и заключили в темницу.

В то же время в плен к германцам попал Мефодий.

Князь Святополк в 870 г. утвердился на столе Великой Моравии, признав верховную власть Германской империи. И вновь надежды Германии были обмануты. Вызвавший подозрения в неверности Святополк был схвачен и отправлен в Регенсбург на суд Лудвига Немецкого. А покинутая князьями Моравия попала в руки маркграфов.

Нет ничего удивительного в том, что очень скоро над Моравией занялось пламя восстания, во главе которого стал человек с удивительно красивым именем — Славомир. Лудвиг Немецкий решил погасить пламя встречным огнем. В Германии Святополка признали невиновным и отправили на умиротворение Моравии. И снова надежды Германии не сбылись. Святополк объединился с восставшими, изгнал из Моравии маркграфов и истребил едва не все германское войско. Произошли те события в 871 г.

И тут судьба, хотя и не надолго, смилостивилась над Великой Моравией. В 874 г. в Форхгейме Лудвиг Немецкий, стесненный немирьем в Германии, заключил со Святополком мир, выгодный скорее Моравии. Одновременно распахнулись окованные железом ворота перед Мефодием, возвратившимся в Моравию. Но конца разгоревшейся в IX в. в Моравии борьбе латинского запада с восточным (православным) христианством видно не было.

Германская партия принудила Святополка поставить в помощники к Мефодию епископа Викинга. Мефодий умер в 884 г., и Викинг, став во главе архиепископской кафедры Моравии и Паннонии, принялся за изгнание учеников Мефодия и передачу церковной власти в руки выходцев из Германии.

В 887 — 899 гг. Германией правил Арнульф. Князь Святополк умел уберечь пределы Великой Моравии от маркграфов. Более того, могущество Святополка охраняло безопасность входивших в состав державы Чехии, Паннонии, Лузании, Словакии.

После кончины Святополка (+ 894 г.), как часто случается в истории, его сыновья принялись за дележ отцовского наследства, не держа при этом в голове и мысли о целостности и силе государства. Этим не преминула воспользоваться Чехия. Тем временем и Арнульф все более вникал в дела Моравии. И тут в центр Европы ворвались угры. Выше писалось, что пригласил их на средний Дунай Арнульф.

Ослабленная смутой Моравия не выстояла. Ее земли заволокло пылью, поднявшейся от копыт угорских лошадей. И мы вновь сталкиваемся с особенностью славянской истории. Угры разрушили государственность Великой Моравии. Но угры же отбросили германцев к западу от славянских земель Карпатской котловины.

В XI в. Моравия была отнята у угров Чехией и с тех пор выступала как самобытная провинция Чешского государства.

Лежащая к северо-востоку от земель Моравии Словакия при сыне Святополка князе Моймире II также подпала под власть угров. Часть Словакии, тяготевавшая к Чехии, со своими князьями Спитигневом и Вратиславом угорскому вторжению предпала власть Германии. В 900 г. Словакия выступила как союзница Германии во время похода германцев в Моравию. Особенность Словакии в том, что она долее Чехии и Моравии хранила верность греческому обряду, кириллице и всему строю архитектуры, языка и культуры, присущему славянам центра Европы эпохи великоморавских князей Ростислава и Святополка.

7.2. Чехия

Рассказывая об истории Чехии раннего средневековья, мы не раз прибежем к "Чешской хронике", составленной в 1113 г. Козьмой, деканом пражской церкви. Пражская церковь, или пражский капитул, была основана одновременно с пражской епископией в 973 г. Хроника Козьмы Пражского является древнейшим из сохранившихся сводом древнечешской истории, и ее свидетельства трудно переоценить.

Козьма так пишет о прошлом чешских земель: "В те времена поверхность этой страны покрывали большие леса, не населенные людьми; их наполнял шум роившихся там пчел, пение различных птиц. Лесов было бесконечное множество, подобно песку у моря или звездам на небе; леса беспрепятственно простирались, и стадам животных едва хватало земли. Табуны лошадей можно было бы сравнить только разве с саранчой, скачущей летом по полям. Там было много прозрачной воды, пригодной для

употребления человеком, а также рыбы, вкусной и полезной для еды. Удивительно, насколько высоко расположена эта область. В этом легко можно убедиться, ибо ни одна чужая река не втекает сюда, но все потоки, малые и большие, беря начало в различных горах, поглощаются одной большой рекой, под названием Лабы, и текут отсюда в Северное море".

Девственность чешских лесов, свежесть речных долин и чистота вод и во времена Козьмы не были легендой, хотя топор и плуг уже вовсю преобразовывали ландшафт, а молотки каменщиков без устали украшали его рукотворными памятниками.

О первом поселении чехов в бассейне реки Влтава (левый приток Лабы) Козьма пишет: "Люди расположили свои первые поселения возле горы Ржип, между двумя реками, а именно, между Огржей и Влтавой; здесь они основали свои первые жилища..."

Гора Ржип имеет высоту 456 м. Она высится над левым берегом Лабы, между устьями рек Влтава и Огрже, в 30 км севернее Праги.

К востоку от русла Лабы в долинах северо-востока Чехии в раннем средневековье жили представители славянского союза хорватов. В V — VI вв. чисть славян, населявших долины Карпат, выдвинулись к западу и югу от верхней Лабы. То была эпоха расцвета археологической культуры Прага — Корчик. В ту пору славяне шли на берега голубого Дуная.

Долина Лабы в районе горы Ржип приглянулась славянам неспроста. Славян привлекли плодородие почв, обилие воды и богатство лесных промысловых угодий. Козьма вложил такие слова в уста славянского старейшины: "Это та, именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам: никому не подвластная, полная зверя и птиц, меда и молока; воздух, как вы сами убедитесь, приятный для жительства. Со всех сторон много воды, изобилующей рыбой".

Согласно преданию, приведенному Козьмой, славяне назвали страну именем своего предводителя: "... и если твое имя Чех, то пусть и страна будет названа Чехией". Таким образом был назван чешским и союз славян осевших вокруг горы Ржип в V — VII вв. Древнейшего названия союза славян, из недр которого вышли чехи, мы не знаем. Вероятнее всего то были хорваты, ибо именно хорваты в эпоху летописания занимали северо-восток Чехии. Хотя чехи могли идти и от сербов, сидевших к северу от Чехии, на берегах средней Лабы.

Любопытно свидетельство Козьмы о выделении родовой знати, позже переродившейся в феодалов: "... если только ... в составе рода оказывался кто-либо, обладающий лучшими нравами и более уважаемый за свое богатство, люди добровольно обращались к тому человеку без его вызова, без свидетельства с печатью и с полной свободой толковали о своих спорных делах и о тех обидях, которые им нанесены. Среди таких людей выделялся некий человек, по имени Крок, его именем назван град, заросший теперь уже деревьями и расположенный в лесу, что близ деревни Збечно".

В VIII — IX вв. лидеры славянских родов, подобные рассудительному, добронравному и состоятельному Кроку, стали обзаводиться собственными дружинами, собиравшими дань с окрестных селений. И не так важно, реальна ли фигура Крока или выдумана Козьмой, важна характеристика зачатков расслоения в некогда достаточно однородном, имевшем избравшихся лидеров, обществе славян древнейших эпох. Хотя едва ли и в древнейшие эпохи славяне не делились как минимум на три слоя — аристократию, духовных апологетов и простых общинников. Но все же славяне из числа наиболее достойных именно выбирали лидера и всегда могли его заменить.

Согласно хронике у Крока были три дочери. Старшую звали Кази. Она искусно врачевала людей, знала свойства трав и была прорицательницей. Кази была погребена под курганом. Курган насыпали "... на берегу реки Мжи [совр. р. Бороунка] у дороги, которая ведет в область Бехин и проходит по горе Осек".

Область Бехин расположена на юге Чехии. Ее отождествляют с краем, занятым союзом дудлебов (дулебов). То были ближайшие сородичи дулебов в VI в., живших на Волыни. Возможно, часть дулебов в VI — VII вв. бежала от притеснений авар с Волыни в Чехию под защиту государства Само. Местоположение горы Осек не понятно.

Вторую дочь Крока звали Тэтка. Это была "женщина тонкого вкуса, свободно, без мужа жила". Тэтка выстроила город на берегу реки Мжи [р. Бороунка] и назвала его своим именем Тэтин. Он расположен вблизи современного города Бороун. Тэтин был поставлен на вершине крутой горы и надежно защищен природой. Козьма пишет, что Тэтка научила народ поклоняться лесным и водяным нимфам.

Тут Козьма, бывший христианином, досадует: "До сих пор многие крестьяне поклоняются язычникам: один почитает огонь и воду, другой поклоняется рошам, деревьям и камням, а третий приносит жертвы горам и холмам и просит глухих и безмолвных идолов, которых он сам же создал, защитить его и его дом".

Третью дочь Крока звали Либуша. Она превосходила сестер мудростью. Либуша обладала даром прорицания и после кончины отца была избрана в судьи. Либуша основала город Либушин [около Смечны на Сланску]. "Очень мощный град возле леса, который тянется до деревни Збечно".

Однажды Либуша была оскорблена земледельцем, заявившим, что "у всех женщин волос долог, а ум короток. Лучше мужчинам умереть, чем терпеть подобное". Чехи потребовали князя-мужчину. Либуша посоветовалась с сестрами и, созвав собрание, с высокого престола возвестила народу:

"Вон за теми горами... находится небольшая река Билина, на берегу которой расположена деревня, известная под названием Стадице. А в ней имеется пашня в 12 шагов длиной и во столько же шагов шириной [древнечешская мера земли]. Как ни уди-

Славянские правители I — XIII вв.

Век	Страны и народы									
	Полабские славяне	Польша	Чехия	Моравия	Словакия	Штирия, Каринтия, Крайна, Словения	Хорватия	Сербия	Болгария	Русь
I, II			"Века траяновы"							"Века траяновы"
III										[Остготы (200 — 375 гг.)]
IV										Бож (+ 375 г.) [Гунны — 375 г.]
V			Культура Прага — Корчак V — VII вв.							Кий — князь полян [Император Анастасий (491 — 518 гг.)]
VI						Венеды	[при Юстиниане (527 — 565 гг.) славяне начинают продвигаться на Балканы] Даврентий (578 г.) Ардагаст (585 — 586 гг.); Мусокий (около 594 г.); Пирогаст (594 г.)			Мезамир — посол антов (+560 г.) [сын Идаризия брат Келагаста]
VII	Дерван (632 г.) [князь сорбов]		Держава Само (623 — 659 г.)				Валлук (632 г.) [князь винидов]	[602 г. — начало массового заселения Балкан и Эллады славянами] 11-Жуп хорватов; 1- Бановина хорватов; Жупы сербов [крещение]; Первое Болгарское царство. Первуд (658 г.)		Анты
VIII	Драгит (789 г.); Драговит (789 — 798 гг.) Вышан (+795 г.) [князь ободритов]		Крок; Премысл				Жупан Фиссо (750 — 791 гг.); Людевит — жупан долины реки Сава; Славун (765 г.) [князь северов]; Христиан (765 г.) [князь скамаров]; Вономир (795 г.) Акамир (799 г.) [р-н Солуни]			Вятко [Вятичи]; Радим [Радимичи]
IX	Гостомысл (844 г.) [князь ободритов]	Попел; Попел II; Попел III; Пяст; Земовит (870 — 890 гг.)	Незамысл; Мнат; Воен; Внислав; Кржесомысл; Неклан; Гостивит; Борживой и Людмила [Крещение Чехии]	Моймир; Прибина; Ростислав [Крещение 862 г.]; Кирилл и Мефодий; Святополк (+894 г.);		Прибина; Коцел [Паннония]	Борна; Владислав (821 — 835 гг.); Моислав (850 г.); Ратмир; Мутимир (872 — 882 гг.); Браслав; Терпимир (850 — 862 гг.); Домагой; Седеслав	Борис (852 — 889 гг.) [Крещение 864 г.]; Владимир; Симеон (893 — 927 гг.)		[860 г. — первый морской поход на Византию] Рюрик (862 + 879 гг.); Аскольд; Дир; Князь Черный [г. Чернигов]; Олег (879 — 912 гг.)

Век	Страны и народы									
	Полабские славяне	Польша	Чехия	Моравия	Словакия	Штирия, Каринтия, Крайна, Словения	Хорватия	Сербия	Болгария	Русь
X	Тугимир (936 г.) [князь гаволян]; Нако, Стоигнев (955 г.) [князь ободритов]; Стоиннеф (955 г.) [князь хижан]; Селибур (960 г.) [князь вагров]; Мистов (960 г.) [князь ободритов]; Мстислав (983 г.) [князь ободритов]	Лешек; Земомысл; Мешко I и Домбравка; [Крещение в 966 г.]	Спитигнев; Вратислав (905 — 921 гг.); Вацлав (921 — 935 гг.); Болеслав I (935 — 967 гг.); Болеслав II (967 — 999 гг.)	Спитигнев; Вратислав; Моймир II			Томислав (903 — 928 гг.); Крешемир I (около 945 г.); Мирослав; Держислав; Святослав; Крешемир II; Гойлав	Великий жупан Чеслав		Князь Мал [Древляне]; Игорь (912 — 945 гг.); Ольга (945 — 957 гг.); Святослав (957 — 972 гг.); Ярополк (972 — 980 гг.); Владимир [Крещение 988 г.]
XI	Мстислав (1018 г.)	Болеслав I (962 — 1025 гг.); Мешко II (1025 — 1034 гг.); Казимир I (1040 — 1057 гг.); Болеслав II (1057 — 1080 гг.); Владислав I (1080 — 1102 гг.)	Болеслав III; Ольдрих (1012 — 1034 гг.); Брячислав (1035 — 1055 гг.); Спитигнев II (1055 — 1061 гг.); Вратислав II (1061 — 1092 гг.)			Стефан I; Петр Крешимир (1058 — 1073 гг.); Славин бан; Дмитрий (+1088 г.); Петр Крешимир; [Смута]	Стефан Боислав; Михаил (1050 — 1080 гг.)	[1018 — 1187 гг. под Византией]		Святополк (1015 — 1019 гг.); Ярослав (1019 — 1054 гг.); Изяслав I (1057 — 1078 гг.); Святослав (+1076 гг.); Всеволод (1078 — 1093 гг.)
XII		Болеслав III (1102 — 1139 гг.); [Удельный период]	Брячислав II; Боривой II; Владислав I (1109 — 1125 гг.); Собеслав I (1125 — 1140 гг.); Владислав II (1140 — 1173 гг.); [Смута] Премысл I (1197 — 1230 гг.)					Стефан Немани (1059 — 1195 гг.) Стефан Перво-венчальный (1195 — 1224 гг.)	[1187 — 1396 гг. Второе Болгарское царство]	Святополк II (1093 — 1113 гг.); Владимир II (1113 + 1125 гг.); Мстислав I (1125 — 1132 гг.); [Удельный период]
XIII			Вацлав I (1230 — 1253 гг.)					Стефан Урош I (1224 — 1275 гг.)		

вительно, но пашня эта хотя расположена среди стольких полей, тем не менее она не относится ни к какому полю. На этой пашне на двух пестрых волах пашет ваш князь... приведите его себе в князя, а мне в супруги. Имя же этому человеку Пржемысл, он выдумает много законов, которые обрушатся на ваши головы и шеи, ибо по латыни это имя означает "наперед обдумывающий" или "сверх обдумывающий". Потомки же его будут вечно править в этой стране".

Деревня Стадице расположена на севере Чехии, в долине реки Билины (левый приток Лабы), вблизи города Усти над Лабой. В раннем средневековье данная местность населялась славянским союзом лемузов. Чешские короли подчеркивали свое уважение к преданию о Стадицах и выделяли в долине Билины надель, считавшиеся фамильной собственностью Пржемысловичей. На берегу Билины селили "дедичей". Это были земледельцы, обладавшие особыми привилегиями, гарантированными королями.

Но вернемся к хронике Козьмы. Либуша дала послам, не ведавшим дороги, коня и сказала: "Что же вы медлите? Идите спокойно, следуя за моим конем: он поведет вас по правильной дороге и приведет обратно, ибо уже не раз доводилось ему ступать по ней".

Пржемысл пас волов, когда посольство приблизилось к Стадице. Выслушав от пришедших призывание в князя, Пржемысл отобедал с послами и сделал такое заявление: "... Знайте, из нашего рода многие родятся господами, но властвовать будет всегда один. И если бы госпожа ваша не спешила столь с этим делом, выждала бы некоторое время веление рока и не прислала бы столь быстро за мной, то земля ваша имела бы столько господ, сколько природа может создавать благороднорожденных".

Затем Пржемысл облачился в княжеские одежды, сел на коня и взял с собой в поход навстречу короне лапти, сплетенные из лыка. Поздний чешский хронист Пулькава сообщает о том, что лапти и сума Пржемысла сохранялись церковью при короле Карле, и всякий раз при коронации выносились духовенством для показа народу. Недаром Козьма пишет, что лапти и сума "хранятся в Вышеграде в королевских палатах до ныне и во веки".

Сам Пржемысл так объяснил свой приказ сохранять лапти и суму: "Я приказал и приказываю их сохранить вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы людей, посланных им богом, они не угнетали, не обращались с ними несправедливо по причине надменности, ибо все мы созданы равными по природе".

Кроме того, Пржемысл сказал и такие мудрые слова: "... бывает так, что земное достоинство, которое некогда вело к славе, будучи утеряно, ведет к бесчестию, а бедность, побежденная добродетелью, не прячется под волчьей шкурой, а возвышает побе-

дителя до звезд, в то время как раньше увлекало его в преисподнюю".

Время жизни Пржемысла, Крока и его дочерей относят ко второй половине VIII в. Во второй половине VIII в. на войну с франками поднялся князь Людевид, сидевший в долине реки Савы (приток среднего Дуная). Не могли не ощутить опасности, шедшей с берегов Рейна, и славянские союзы, в VIII в. сидевшие на землях исторической Чехии. На этих землях не могли не помнить о государстве Само VII в. Во второй половине VIII в. чехам действительно требовался мужественный князь, способный оборонять страну.

Козьма сообщает о пророчестве Либуши о великом граде на реке Влтава. Сказала мудрая Либуша и название будущего града — Прага. На чешском языке праг означает порог. От этого же слова произошло название пригорода Варшавы — Праги, стоящего над порогами на Висле. В X в. тем же словом именовали и днепровские пороги.

Княжеской власти союза чехов требовался собственный центр, и таковым оказалась Прага — владычица и краса Чехии. Старые центры славянских союзов и родов не отвечали новым требованиям. Новая власть облекалась в новые формы.

Кроме Праги Козьма указывает на строительство города Девин. По преданию этот город выстроили воинственные девы, стремившиеся ни в чем не уступать мужчинам. Юноши же на скале в лесной чаще построили свой город Вышеград, называвшийся сначала Храстен от слова чаща. Он отстоял от Девина не далее расстояния, позволяющего слышать звук рога.

Пржемыслу наследовал Незамысл. Незамыслу наследовал Мнат. Ему же наследовал Воен. После его кончины Чехией правил Внислав. Вслед за ним вокняжился Кржесомысл. Ему наследовал Неклан. Вслед за ним на высокий престол сел Гостивит.

Все эти князья правили Чехией в IX в. Козьма о той эпохе говорит: "Не было в то время человека, который [смог бы] с помощью письма сохранить в памяти людей их деяния".

Сыном князя Гостивита был Борживой, супруг Людмилы, в X в. жившей в том самом граде Тэтин, который в VIII в. основала дочь Крока Тэтка. Город расположен в 30 км к юго-западу от Праги.

Тут мы вынуждены погрузиться в пучину европейской политики, в IX в. захватившей Чехию в свой водоворот.

В начале IX в. Карл Великий возложил ежегодную дань на Чехию, в то время уже в достаточной степени объединенную. Размер дани определялся 500 гривнами серебра и 120 быками. С самого начала германцы ощутили известную несговорчивость славян Чехии. И в 805 — 806 гг. Карл Великий послал в Чехию войска. Славяне встретили войска в высшей степени негостеприимно.

В 846 г. Лудвиг Немецкий, возвращавшийся из похода в Моравию, где им на место Моймира был посажен Ростислав, в Чехии потерпел сокрушительное военное поражение. И тут Германия вместо

меча в ход пустила латинский крест. Годом ранее, в 845 г., в городе Регенсбурге вблизи рубежей Чехии были крещены четырнадцать князей чешского, лучанского и иных западнославянских союзов. Но этого было недостаточно для христианизации и олатынивания Чехии.

После 846 г. Чехия вступила в тесный союз с Великой Моравией, и в 890 г. Арнульф отказался от притязаний на Чехию в пользу Святополка Великоморавского.

Союз с Моравией имел для Чехии еще одно важное следствие. Мы помним о том, что в 862 г. князь Ростислав пригласил в Моравию Кирилла [Константина] и Мефодия. И именно под эгидой первоучителей из Солуни в Чехии было принято христианство.

Очевидно, к 863 г. славяне центра Европы ощутили острую необходимость в духовном объединении под эгидой сложившейся в VII — IX вв. на Балканах греко-славянской церкви. Византия служила духовным и культурным противовесом Риму, и следовательно, и латинской Германии.

Козьма Пражский поместил в хронике бесценное свидетельство об организации одного из западнославянских союзов IX в., именуемого лучанским.

Князь Неклан, сын Кржесомысла и отец Гостивита, а следовательно, и дед крестившегося Борживоя, вел объединительную политику. Центром выступал союз чехов, земли которых подобно землям полян Польши и полян Руси имели определенные выгоды местоположения в экономическом, торговом, а следовательно, и политическом смысле. Образно говоря, союз чехов, оказавшись в географическом центре страны, расположенной в верховьях Лабы и на берегах Влтавы, вольно или невольно в IX в. стал перерастать в центр складывавшейся чешской государственности. Совершенно естественно, что союзы иных славянских объединений стремились сохранить самостоятельность. Обратимся к хронике: "Страна эта [страна лучан] делится на пять областей, охватывающих много местностей. Первая область расположена у потока по названию Гунтна [видимо, ручей Свине в районе г. Жатец], вторая — по обеим сторонам реки Узка [р. Хомутовка]; третья — простирается в окрестностях потока Брокница; четвертая, которая называется Сильваной [si-lva (лат.) — лес, vana (санскр.) — лес], расположена ниже пределов реки Мжи; пятая, находящаяся посредине, называется Лука; она внешне прекрасна, пригодна для обитания, достаточно плодородна и весьма обильна лугами. Эта область и носит такое название, потому что "lusa" по-латыни означает луг. А так как область эта издревле, задолго до основания города Жатец, была населена людьми, то жители ее справедливо по своей области называются лучане".

Земли пяти областей лучан практически полностью совпадают с пятью позднейшими деканатами чешской епископии — Тржебнице, Жатец, Кадань, Жлушице и древняя часть Гендецкого деканата.

Козьма объясняет название союза славян лучане — тем, что их земли богаты лугами. Название

союза чехов объяснено Козьмой именем мужа, приведшего славян к устью Влтавы, под гору Ржип. Возможно, лучане и чехи вышли из недр одного и того же союза хорватов. Однако, заняв новые земли, славяне обособились от старых объединений, и символом самостоятельности стало новое имя союза, взятое либо по имени предводителя (Чех, Радим, Вятко), либо по природному или географическому признаку вновь занятой области (лучане, черезпняне, доленчане). Часто славяне на новых для них землях сохраняли древнейшее имя объединения (хорваты, сербы, словены), но это происходило при условии достаточной отдаленности от земель древнейших метрополий. Причиной тому могла служить географическая разнесенность земель западных и южных хорватов, сербов и словен. Власть древнейших славянских союзов не распространялась так далеко, и историческая память народа без риска утраты самостоятельности охотно сохраняла древнейшее самоназвание.

Во главе лучан стоял князь Властислав. Он был хитер, храбр и воинствен и не желал склоняться перед властью такого же, как и он сам, князя соседнего союза чехов.

Невольно приходит в голову параллель: а не создали ли киевские летописцы XI в., весьма зависевшие от великокняжеского двора, легенду о призвании варягов (родилась та легенда на севере Руси, а в Киеве была подхвачена), дабы выделить киевских князей из круга князей славянских союзов древлян, северян, вятичей (Мал, Черный, Ходота) и пр.? Ведь центр должен был уже в X в. доказать обоснованность притязаний именно киевских князей на общерусское господство.

Властислав совершал частые вторжения в земли чехов. На границе Билинской и Литомержицкой областей князь основал город Властислав. Невольно приходят на память города Малин и Чернигов.

Интересно свидетельство Козьмы об организации военного выступления у лучан: "Властислав послал во все концы страны меч с таким княжеским повелением, чтобы каждый, кто ростом превзошел высоту меча, шел немедленно на войну".

Вспомним о ратной стреле, рассылавшейся северными германцами раннего средневековья. Видимо, подобный обычай имеет весьма древние индоевропейские корни и истоки его следует искать в весьма отдаленных эпохах единства индоевропейских народов, обычаев и языков V — III тыс. до н.э.

Армии лучан и чехов встретились на поле Турзко. Оно раскинулось к югу от городка Кралуп на реке Влтава, по-видимому, на рубеже земель лучан и чехов.

Чешский князь Неклан боялся сражения и вместо себя выслал Тыра — знатного воина, облаченного в княжеские доспехи. Чехи одержали победу в сражении и вступили в пределы лучан. Города и села лучан подверглись чехами опустошению, а вблизи современного города Жатец был возведен чешский град Драгуш. Его развалины сохранились до наших дней. Город был выстроен вблизи упоминаемой

Козьмой, а следовательно, существовавшей не позже IX в. деревни Постопопты. В 1113 г. в тех местах вознеслись стены монастыря св.девы Марии.

Прежде чем Козьма описал крещение князя Борживоя, принято им в 894 г. в Моравии, он начертал такие слова: "А теперь я очиню перо для повествования о том, что сохранилось в праведных рассказах верных людей". Если верно предположение, что первым автором древнерусского летописного свода был человек, трудившийся на рубеже X — XI вв., то есть столетие спустя после 894 г., то слова Козьмы вполне могли быть написаны и им.

Итак, согласно Козьме Борживой крестился в 894 г. и стал "первый князь святой христианской веры". Дата, указанная Козьмой, может быть и не верна, ибо Мефодий, который, как полагают, присутствовал при крещении Борживоя, скончался в 885 г.

Чешский князь Борживой вместе с супругой Людмилой был крещен епископом Мефодием при дворе князя Святополка Моравского в городе Велеграде. Отцом Людмилы был правитель града Пшов Славибор. Град Пшов упоминается в "Житии св. Вацлава".

По возвращении в Чехию Борживой возвел первый христианский храм в своей державе в Левом Градце. Этот древний град ныне заброшен, а некогда он располагался у Ростока на Влтаве.

Таким образом, военный союз Чехии и Моравии, существовавший в IX в., пророс духовными плодами. Великой Моравии после кончины Святополка (+894 г.) было отмерено немного времени. А принявшая крещение Чехия в наступившем X в. стала выходить на передовые позиции в мире западных славян центра Европы.

После кончины Святополка союз Чехии и Моравии был разорван сыновьями Борживоя Спитигневом и Вратиславом. Вслед за тем чешские князья явились в Регенсбург, признали власть Арнульфа, обязались платить дань Германии и подчинить чешскую церковь епископу Регенсбурга. Но несмотря на это, греческий, или православный, обряд просуществовал в Чехии еще два столетия. Духовной крепостью православия в Чехии был монастырь, стоящий на реке Сазаве, основанный св. Прокопием. В 1097 г. православные монахи были изгнаны из обители, и монастырь на Сазаве заняли монахи ордена бенедиктинцев, пришедшие из Бревновского монастыря.

О печальной судьбе Великой Моравии Козьма написал: "Часть королевства была захвачена венграми, часть восточными тевтонцами, часть совершенно опустошили поляки".

О смерти князя Святополка Козьма рассказывает, что он "исчез среди своего войска и больше нигде не показывался". Объявился же князь на склоне горы Забер (к северу от Нитры), в обители монахов-отшельников. Некоторое время Святополк скрывал свое имя и лишь перед смертью открылся окружающим.

Старая княжна Людмила, мать Спитигнева (+ ок. 916 г.) и Вратислава (916 — 921 гг.), до конца сохраняла верность греческому христианству. По настоянию Людмилы ее старший внук Вацлав был выучен славянскому письму.

Чешскому князю Вратиславу пришлось бороться с уграми. Вместе с тем политические ветры в Европе меняли направление, и Вратислав, воспользовавшись разыгравшейся в Германии смутой, прекратил выплату дани империи, на которую сам недавно чуть не с готовностью согласился.

Супруга Вратислава Драгомира была привезена в Чехию с берегов реки Гаволы, из страны славянолютичей, из области стодорян. От этого брака родились два сына — Вацлав и Болеслав.

В 921 — 935 гг. Чехией правил Вацлав. Начало его княжения было омрачено трагедией. Мать князя Драгомира велела умертвить старую княжну Людмилу, впоследствии провозглашенную святой. Драгомира боялась старозаветного влияния Людмилы на Вацлава.

Вацлав вел войну со свободолюбивым князем зличан Радиславом, центром которому служил город Любича.

В 929 г. Генрих I Птицелов стал военным лагерем под стенами своенравной Праги. Вацлаву напомнили о силе Германии и принудили Чехию к выплате дани. Этому событию предшествовали походы Генриха I в земли полабских славян и сражение с чехами, которое последние проиграла.

Вацлаву наследовал брат Болеслав I (935 — 967 гг.), ранее княживший в земле пшован. Те земли достались династии Пржемысловичей по праву наследства как вотчина отца св. Людмилы.

Новое княжение окрасилось кровью. Болеслав I пригласил брата в город Старый Болеславль на праздник. Ночью, во время пира, Вацлава убили. Козьма пишет, что это произошло 28 сентября 929 г.

Хроника сообщает, что в страшную ночь убийства у Болеслава I и его прекрасной супруги родился сын. Его назвали странным именем Страхквас, что значит страшный пир. Болеслав I так терзался содеянным, что дал обет отдать сына на служение богу. Когда мальчик подрос, его отправили на обучение в Регенсбург под опеку аббата Тутто (+942 г.), настоятеля церкви св. Эммерама (+ ок. 549 г.).

Еще при жизни Вацлав выстроил в Праге церковь, посвященную св. Витту. Освящал церковь, уже по просьбе Болеслава I, епископ Регенсбурга Михаил (942 — 972 гг.). А 4 марта 932 г. тело Вацлава было перенесено из Болеславля в Прагу.

В главе 20 хроники Козьма описывает события, происходившие в Европе в 933 — 966 гг. В данную эпоху продолжались набеги венгров, несшие государству Европы чудовищные разрушения и сеявшие смерть. В 933 г. венгры вторглись на земли восточных франков, в Галлию, в Италию, а затем вернулись на средний Дунай.

В 934 г. Генрих I нанес венграм поражение и многих пленил. Но в 934 г. Генриха I разбил паралич, и в 935 г. он умер. Ему наследовал сын Оттон I.

В 994 г. славяне Каринтии [провинция в восточных Альпах] в большой битве сокрушили венгров.

Болеслав I Чешский почти полтора десятка лет вел жестокую борьбу с Германией Оттона I. В 936 г. Болеслав I разгромил отряд мерзебургцев, которым руководил Азик Мерзебург — пограничный с полабскими славянами город. Еще Генрих I селил в Мерзебурге разбойников, призванных всячески угнетать славян.

В 950 г. Болеслав I выступил против Германии. Чехия потерпела поражение и была вынуждена принять определенную зависимость от Германии. И в 955 г. тысяча чешских воинов сражалась с венграми на реке Лех в составе сил Германии. То было генеральное и победоносное сражение, данное Германией венграм.

Политика Болеслава I и его военные победы над венграми позволили Чехии присоединить к своим землям истерзанную набегами Моравию и славянские земли в верховьях Одера и Лабы, ранее принадлежавшие Польше.

Дочь Болеслава I Дубравка (+965 г.) была выдана замуж за польского князя Мешко I. Дубравка сыграла заметную роль в христианизации Польши.

15 июля 967 г. Болеслав I Чешский, прозванный Жестоким, скончался. Сын его Болеслав II (967 — 999 гг.) не без помощи Оттона I добился основания пражской епископии, подчинявшейся архиепископу Майнца.

Козьма пишет, что у Болеслава II была сестра Млада. Она отправилась в Рим и была принята папой Иоанном XIII (965 — 972 гг.). Папа был благосклонен к чешской княжне и по совету кардиналов посвятил ее в аббатисы. В крещении Младу нарекли Марией. Кроме того, чешке пожаловали устав св. Бенедикта и жезл игуменьи. Получила Млада-Мария и высокое благословение на введение в Чехии монашеского католического ордена.

В Прагу, ко двору Болеслава II, Мария привезла лавскую грамоту, содержание которой Козьма приводит: "Иоанн, слуга слуг божьих, посылает Болеславу, поборнику христианской веры, свое апостольское благословение. Справедливо будет обратиться благосклонное наше внимание на справедливую просьбу... Разрешаем основать при церкви мучеников св. Вита и св. Вацлава епископскую кафедру, а при церкви святого мученика Юрия, в подчинении ордена св. Бенедикта и в послушании нашей дочери аббатисы Марии, — конгрегацию святых дев."

Однако ты выбери для этого дела не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка, но, следуя апостольским установлениям и решениям [выбери] лучше наиболее удобного всей церкви священника, особенно сведущего в латинском языке, который смог бы плугом слова вспахать нивы сердец язычников, посеять в них пшеницу добрых дел, а

плоды урожая вашей веры отдать Христу. Будь здоров".

Так восточный, греческий, христианский обряд, принятый Чехией около 894 г. из Великой Моравии, к 973 г. изменился на латинский. Слова папы о том, что пастырь должен быть сведущ в латыни, не случайны. Греческий обряд за столетие укоренился в Чехии. При этом христианское богослужение велось на славянском языке. Князь Вратислав в 921 — 935 гг. лично покровительствовал православному монастырю на Сазаве. Борьба латыни с греко-славянским письмом продлилась в Чехии и после 973 г. еще более столетия. В X в. венгры рассекли мир славян и западные славяне практически не имели связи со славянами южными и с Византией. Зато Германия и Рим были близко, и латынь стала одолевать кириллицу и глаголицу.

Первым епископом Праги стал саксонец Дитмар (973 — 982 гг.), прекрасно владевший славянской речью. В епископы Дитмара посвящали епископы Виллигам Майнцский (975 — 1011 гг.) и Эрненбалдом Страсбургский (965 — 991 гг.).

Полагают, что в 974 г. епископия в Праге была основана, а в 975 г. произошло посвящение Дитмара. Сам Болеслав II, согласно Козьме, основал двадцать церквей и был ревностным христианином.

В 974 г. Болеслав II поссорился с Оттоном II вскоре после утверждения епископской кафедры в Праге. В июне 974 г. польские и чешские князья поддержали выступление Генриха Баварского против Оттона II. Поход Оттона II против Болеслава II, состоявшийся осенью 975 г., результатов Германии не дал. И в тот же год чехи в отместку опустошили владения Альтайхской церкви.

В 976 г. Генрих Баварский бежал из заключения в Ингельхайме, куда попал еще в 974 г. Генрих вернулся в Баварию. Столицу Баварии Регенсбург осадили войска Оттона II в июне 976 г. 21 июля Оттон II вступил в Регенсбург, Генрих же бежал в Чехию.

На место Генриха в Регенсбурге был посажен герцог Швабии Оттон, племянник Оттона II. В конце лета 976 г. в Чехию было отправлено баварское войско. Оно было полностью уничтожено чехами под Пльзенем.

В то же время союзник Генриха Баварского саксонский граф Деди, стоявший во главе чешского отряда, ограбил город Цайц (Житице).

К августу Оттон II отступил в город Иену, на рубеж Магдебург — Мерзебург, шедший по реке Заале. К востоку от Заале на зиму Оттон II остаться не решился.

В августе 977 г. на Болеслава II двинулись две армии. Из Саксонии шел Оттон II. Из Баварии подходил его племянник Оттон.

"Альтайхские анналы" о походе 977 г. в Чехии сообщают: "Император Оттон-младший, отправившись с войском в Чехию, сжег и опустошил большую часть той страны. Но и сам император потерял немалую часть войска в результате коварных засад, устроенных тамошним народом. Сильно пострадало войско и от эпидемии дезинтерии."

Но замыслы Оттона II спутали внутренние смуты. В Баварии выступили три Генриха: Генрих Баварский, Генрих, герцог Каринтии и Генрих — епископ Аугсбурга. То были южнонемецкие Вихманы. Вихман был саксонским герцогом, борющимся с империей, опираясь на помощь полабских славян.

Два Генриха овладели нижнедунайским городом Пассау, а епископ Генрих попытался отрезать Оттона II от Швабии.

Болеслав II в начале осени встретился с Оттоном II и, обязавшись возобновить с империей прежние отношения, водворил мир между Германией и Чехией.

А 8 сентября Оттон II и его племянник Оттон вместе осадили Пассау, 1 октября город сдался.

Официально мир Болеслав II и Оттон II заключили 31 марта 978 г., на Пасху, в Кведлинбурге или в апреле в Магдебурге.

Положение Оттона II было осложнено тем, что помимо чехов, баваров и карангийцев против империи выступали датчане и полабские славяне. А с польским князем Мешко I Оттону II пришлось воевать до 978 г.

После кончины Дитмара вторым епископом Праги стал Войтех (Адальберт), бывший сыном Славника (+981 г.), князя свободолюбивого союза славян-зличан.

Род Славников в X в. выступал соперником Праги и Пржемыслов. Князь Славник сидел в городе Либица, при впадении Цедлины в Лабу. Козьма приводит описание земель Славника: "Княжество Славника своими границами имело: на западе, по направлению к Чехии, ручей Сурина и град, расположенный на горе Осек у реки Мжи, на юге, в направлении к Австрии грады: Хынов, Дудлебы, Нетолице, вплоть до середины леса, на востоке, в направлении к Моравскому королевству, град, расположенный под лесом и носящий название Литомысль; и дальше [вплоть до ручья] Свитава, который находится в середине леса, на севере, по направлению к Польше, град Кладско, расположенный у реки Нисы".

Хынов — град стоящий к юго-востоку от г. Табор. Дудлебы — град дудлебов, располагавшийся в бассейне реки Мальши [приток верхней Влтавы].

Нетолице — пограничный град дудлебов. По-видимому, в X в. дудлебов в южной Чехии подчинили себе князья зличан.

А о князе зличан Козьма пишет: "Этот князь Славник в течение всей своей жизни был счастлив".

Оттон II не возражал против кандидатуры Войтеха, ибо тот был иного, нежели Пржемысловичи, рода и мог иметь личные счеты с правящим домом Чехии. Войтех воспитывался германцами. Недаром архиепископ Магдебурга Адальберт (968 — 981 гг.) пожаловал Войтеху собственное имя.

Провозглашение нового епископа было оглашено сразу после смерти Дитмара в Левом Градце в 982 г. В 983 г. новое назначение утвердил Оттон II на сейме в Вероне. Рукопологал Войтеха-Адельберта епископ Майнца Виллиг.

В том же 983 г. Оттон II скончался. Во главе империи стал Оттон III (983 — 1002 гг.). Новый император был весьма дружен с Войтехом-Адальбертом и оказал ему честь, поручив возложить на свою голову корону. Оттон III подарил Войтеху облачение, впоследствии хранившееся в Праге и именуемое облачением св. Адальберта.

Войтех заслужил особое расположение императора. Обратимся к свидетельству паннонского Жития св. Кирилла: "Потом же много летом миновшем, пришед Войтехъ в Мораву и въ Чехы, и в Лахы, разрушил веру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую веру и грамоту постави".

Козьма пишет о Войтехе: "... залучил в сети веры Венгрию и Польшу ... посеял слово божье в Пруссии".

В 993 г. под Прагой был основан Бржевновский монастырь. В предисловии к второй книге своей хроники Козьма Пражский обратился к аббату этой обители Клименту (+1127 г.).

Козьма сообщает, что перед отъездом Войтеха в Рим, а то была его вторая поездка к святому престолу и состоялась она на рубеже 994 — 995 гг., из Регенсбурга в Чехию приехал Страхквас. Это был сын Болеслава I и брат Болеслава II. У Войтеха со Страхквасом произошла встреча, и епископ с горечью поведал монаху о беспутстве, непослушании и нерадении, царивших в Чехии. Войтех сказал, что Страхквас принадлежит к правящему роду и лишь ему по силам обуздать страсти паствы. Войтех вручил епископский посох Страхквасу, последний же отказался от подобной чести.

Козьма поведал о страшной участи, постигшей родной город Войтеха — Либице. Гибель постигла город тот же час, как Войтех-Адальберт уехал в Рим.

Болеслав II давно не ладил с князьями зличан, братьями Войтеха. А зличанские князья искали поддержки то в Польше у Болеслава I Храброго, то в Германии.

Законы истории подчас очень жестоки. Чехи взяли Либицу и разрушили. В городе погибли братья Войтеха Собебор, Спитимир, Доброслав, Поржей, Часлав. Земли зличан, располагавшиеся к востоку и югу от Праги, были присоединены к Чешскому государству. Так была поставлена точка в объединении славянских земель в верховьях Лабы под эгидой чехов.

Козьма годом падения Либицы называет 995 г.

После отъезда Войтеха-Адальберта в Италию он не был вновь принят на епископскую кафедру Праги. На первый план выдвинулся Страхквас. Кандидат в епископы отправился в Майну, и тут во время посвящения в сан его постигла странная смерть: стоя среди двух епископов, под пень хора, Страхквас пал ниц и скончался. Вспомним, что Страхквас был Пржемыслом, родным братом правившего Болеслава II. Едва ли подобный епископ мог удовлетворить императорский дом Германии. Описанное событие произошло в 996 г.

Что же касается Войтеха-Адальберта, то он так и не ужился со светской властью Чехии. Войтех принял мученическую смерть в земле противившихся крещению пруссов в 997 г.

Пражская епископская кафедра вновь была занята в том же 997 г. Болеслав II отправил послов к Оттону III с просьбой прислать пастыря. Новым епископом стал сакс, владевший славянским языком, капеллан Тегдаг.

Скоро майнцикий епископ посвятил Тегдага в сан, и на этот раз все обошлось благополучно. Болеславу II оставалось лишь благосклонно встретить вновь прибывшего епископа Тегдага (998 — 1017 гг.).

Супругой Болеслава II Козьма называет Гемму. Она родила князю сыновей Вацлава и Болеслава III. Вацлав в детстве скончался, и наследовал князю второй сын.

Интересны приводимые Козьмой предсмертные напутственные слова, сказанные Болеславом II сыну. Среди прочего князь сказал: "Карл [Великий], самый мудрый и могущественный король... решив познать после себя на престол своего сына... взял с него страшную присягу: не портить вес и достоинство монеты, не допускать обмана в ней. И действительно, никакое бедствие, ни чума, ни повальная смертность, ни опустошение страны, вследствие грибежей и пожаров, совершенных неприятелем, не наносит божьему люду больше вреда, чем частая измена и коварная порча монеты. Какое бедствие, никакие дьявольские козни столь беспощадно могут помергнуть в нищету и истощить и погубить христианский люд, что еще может нанести такой вред, как порча князем монеты. Вслед за ослаблением правоты и усилением несправедливости силу берут не князья, а преступники, не правители божьего люда, а вымогатели лихие, люди самые алчные и злые, не боящиеся всемогущего бога: трижды и четырежды в год меняя монету, они сами, на погибель божьего люда, оказываются в сетях дьявола."

Такими недостаточными ухищрениями, таким пренебрежением законов эти люди сужают границы княжества, которое я, по милости бога и благодаря могуществу народа, расширил..."

Поистине Болеслав II был мудрым правителем и слова его едва ли с ходом столетий утрачивают актуальность.

Тем временем христианство от Чехии было воспринято Польшей. Первым архиепископом Гнезно стал брат Войтеха-Адальберта, а следовательно, и сын князя зличан Славника Радим-Гауденций (999 — 1006 гг.).

Болеслав II отодвинул рубежи Чешского государства в верховья Вислы, в район Кракова. Его сына и наследника Болеслава III (999 — 1003 г., +1037 г.) удача покинула. В Чехии начались смуты и раздоры. Этим не преминули воспользоваться соседи Чехии и в первую очередь окрепшая, стремительно объединявшаяся Польша.

У Болеслава III было два сына — Ольдржих (1012 — 1033 г., 1034 гг.) и Яромир (1003 г., 1004 — 1012 гг., 1033-1034 гг., +1035 г.). Яромир воспитывался в Чехии. Ольдржих был отправлен в Германию, ко двору Генриха, герцога Баварии. В 1002 г. Генрих стал королем, а в 1014 г. — императором. Как пишет Козьма, отправили Ольдржиха в Германию, "чтобы познать нрав, коварство и язык немцев".

А с Болеславом III произошло вот что. Он приехал на встречу с Болеславом I Храбрым, князем Польши, в Краков. Поляки Болеслава III схватили и ослепили.

Когда весть о случившемся достигла Чехии, знать едва не расправилась с наследником пражского правящего дома Ольдржихом. Лишь заступничество одного из слуг, имя которого Говора, вовремя приведшего на место охоты стражу, спасло Ольдржиха от смерти. Говоре было пожаловано княжеское поместье Збечно, расположенное вблизи деревни Крживоклад.

В связи с историей с Ольдржихом Козьма упоминает род Вршовцев, ранее добившийся пожалования себе разгромленного града Либице. Видимо, чешская знать, к началу XI в. получившая от пражских князей земельные пожалования, почувствовала вкус власти и во многом заняла место в значительной степени уничтоженных князей отдельных славянских союзов.

В начале XI в. в судьбу Чехии активно вмешалась северная соседка — Польша. Мы этим воспользуемся и обратимся к древней истории Польши.

8.1. Древнейшая Польша

К северу от Карпат раскинулась обширная равнина, прорезанная текущими к Балтийскому морю руслами рек Вислы и Одера. Иордан так написал об этом крае: “От места рождения реки Вистулы на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов”. Эти славянские земли названы Польшей по имени союза полян, в I тыс. н.э. живших по берегам правых притоков Одера Варты и Нотеца.

На берегах Вислы и Одера в IV — II тыс. до н.э. последовательно сменяли друг друга поселения народов, создавших археологические культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор, шнуровой керамики. Во второй половине II тыс. до н.э. в Европе полным ходом шел процесс активной кристаллизации ярко индивидуальных индоевропейских общностей, ранее выделившихся из громадного подвижного массива индоевропейских кочевников Евразии. В XIII — VIII вв. до н.э. на землях Польши, Восточной Германии и отчасти Чехии, Моравии, Словакии расцвела лужицкая археологическая культура, во многом обозначившая в материальных памятниках своеобразие славянской общности центра Европы.

Бурные события I тыс. до н.э., связанные с экономическим и культурным взрывом в Элладе, на Апеннингах и с континентальной экспансией кельтов и германцев, внесли в мир славян центра Европы ряд существенных изменений. Лужицкая культура последовательно трансформировалась в поморскую и подкешовую VI — II вв. до н.э. и, наконец, в пшеворскую II в. до н.э. — V в. н.э.

Наконец, общеславянская археологическая культура Прага — Корчак V — VII вв. охватила значительные по площади территории Польши в верхнем и среднем течении Вислы и Одера.

Своеобразие славянских земель, лежащих к северу от Карпат, помимо прочего в I — VII вв. заключалось в том, что их население не имело непосредственных контактов с античным миром Средиземного и Черного морей. Антское, или восточноевропейское, славянское население I — V вв., напротив, активно взаимодействовало с греческими городами черноморского побережья и буквально усеяло лесостепи Восточной Европы монетным серебром Римской империи, хотя опосредованно и вены Вистулы (Вислы) в эпоху возвышения Рима взаимодейство-

вали с его торговыми и экономическими центрами через поставку балтийского янтаря. Окаменевшая смола, вымытая морем, золотым потоком устремлялась через Моравские ворота на юг Европы.

И все же равнины Польши, поросшие густыми лесами, в I тыс. н.э. являлись глухой северной и весьма миролюбивой славянской окраиной Европы, практически не потревоженной шумом и суетой античной цивилизации.

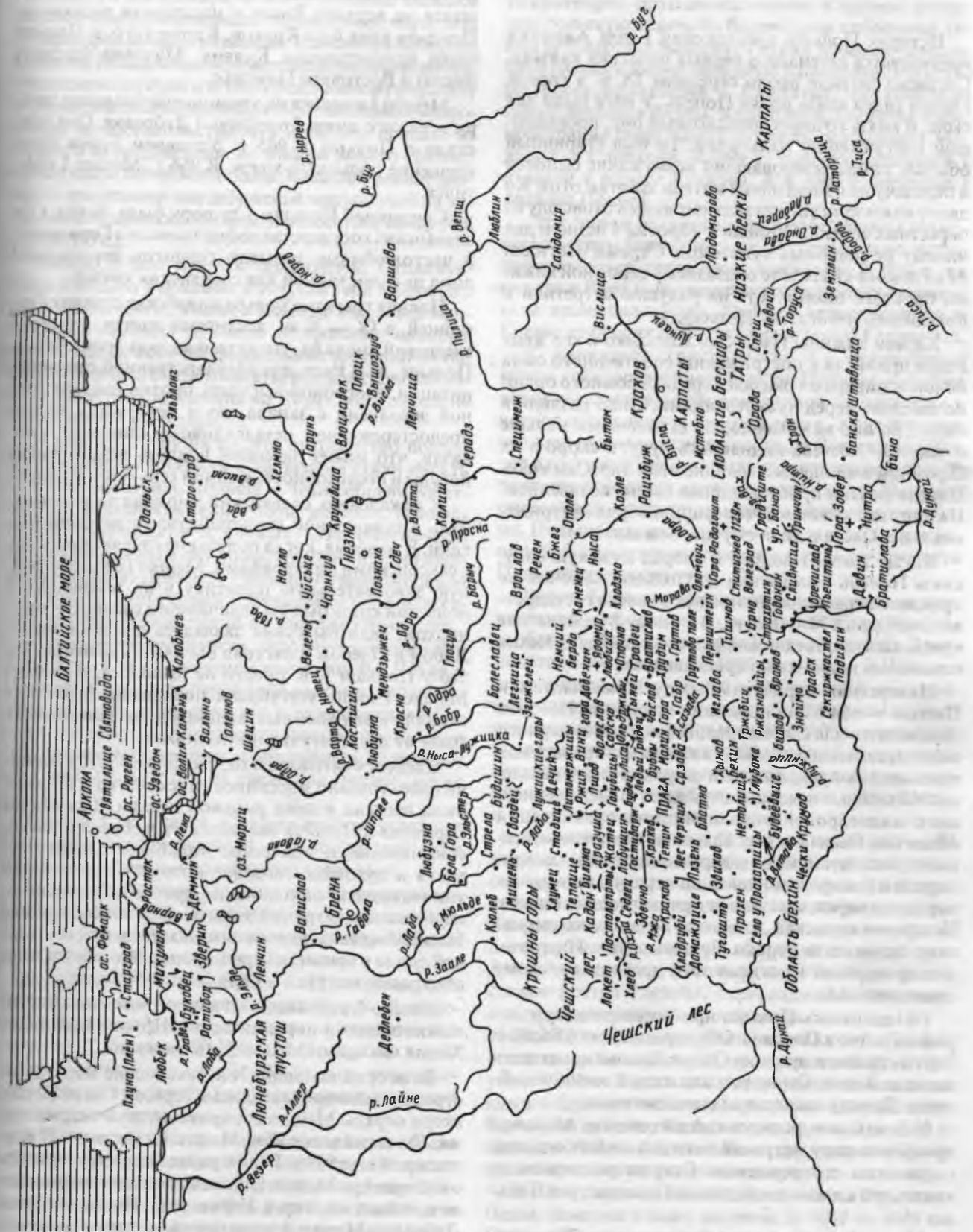
В VII — IX вв. земли Польши представляли собой сельскохозяйственную страну с развитым пашенным земледелием. Покой населения охраняли многочисленные городища — центры отдельных районов в речных долинах, населенных одним родом или общиной, составлявшими более крупные объединения — союзы полян, вольнян, поморян, мазовшан, вислян и иных.

Германский источник IX в. — “Баварский географ” — говорит о лендзянах, слензянах и вислянах. А составленное после 885 г. “Житие Мефодия” упоминает о “сильном языческом князе, сидящем на Висле”. Его владения, расположенные на верхней и средней Висле, в семидесятых годах IX в. подпали под власть князей Великой Моравии подобно соседним славянским странам Лузании, Чехии, Словакии.

В X в. после заката звезды, сиявшей над Моравией, сидевшие на верхней Висле висляне с центром в Кракове и славяне, жившие в Силезии, подпали под власть князей стремительно объединявшейся Чехии.

Следует отметить ряд общеславянских закономерностей. Процесс объединения славянских общностей центра, юга и востока Европы в единые государства шел одновременно в Моравии в IX в., на Руси в IX — X вв., в Чехии в X в. и на Балканах. В Польше в качестве центра, сплотившего славянские союзы бассейнов Вислы и Одера, выступили поляне.

Обратим внимание на еще одну общеславянскую параллель. Древнерусский летописный свод, имевший ряд ранних редакций X — XI вв., датируется 1113 г. Около 1113 г. создают свои хроники Козьма Пращский и Галл Аноним, автор польской хроники. Рассказывая об истории Польши, мы не раз прибегаем к свидетельству Галла Анонима. Личность его до сих пор остается загадочной.

8.2. Польша раннего средневековья

История Польши в изложении Галла Анонима предваряется легендой о первых польских князьях. Согласно легенде около середины IX в. в городе Гнезно сидел князь полян Попель. У него были два сына, и князь готовил грандиозный пир, посвященный пострижению мальчиков. То был старинный обычай, символизировавший возмужание сыновей и передачу их из-под опеки матери заботам отца. Ко двору князя пригласили знатных людей отовсюду из окрестных земель. Пришли к воротам Гнезно и два никому не знакомых чужеземца. Стражи отогнали их от покоев князя, и те оказались у скромной хижины простого пахаря. Тут их радушно встретили и поделились небогатым угощением.

Хозяин хижины Пяст, сын Котышко и его жена Репка припасли к пострижению собственного сына бочонок пива, и он оказался среди скромного брашно на столе перед чужестранцами. Пиво разлили в кубки, но оно не убывало. Не становилось меньше и закуски. Хозяева подивились чуду, и скоро в их скромном жилище шел грандиозный пир. Сам князь Попель почтил простолудинов своим появлением. На пиру два чужеземца совершили обряд пострижения сына Пяста и дали ему имя Земовит.

Когда Земовит подрос и набрал мужскую силу, князь Попель был изгнан из Польши. Земовит же принял за расширение пределов своего государства. Это были 870 — 890 гг. В ту пору Моравия уже крестилась, а объединявшаяся вокруг Праги Чехия готовилась к принятию христианства.

Интересная параллель между Пржемыслом и Пястом — оба были простыми пахарями. Нет ли в этом общего для славян древнего полупоэтического сюжета, согласно которому в князья избирались или призывались представители широких слоев населения? Подобные предания отражают смысл древнейшего индоевропейского принципа организации общества. Согласно ему власть не была пожизненной и наследуемой, она даровалась лишь по воле народа и распространялась на страну лишь до тех пор, пока народ чувствовал причастность к власти. Недаром и польская, и чешская хроники подчеркивают скромность первых Пржемыслов и Пястов — они произросли из ствола того древа, к которому принадлежали.

Объединялась Польша при Земовите вокруг городов Гнезно и Познань. Оба города стоят в бассейне Варты, правого притока Одера. Земовиту наследовал сын Лешек. Он не уступал отцу в военной доблести. Лешек наследовал сын Земомысл.

У Земомысла родился слепой ребенок. Мальчик прозрел на пиру, устроенном отцом в честь седьмой годовщины его рождения. Старцы растолковали князю, что с юным наследником прозреет вся Польша.

Мешко I, так звали прозревшего сына Земовита, правил Польшей в 960 — 992 гг. Это был могучий языческий князь, имевший семь жен и ведший непрестанные войны, целью которых было присоединение земель.

К Великой Польше, центром которой был Гнезно, была присоединена Малая Польша, располагавшаяся на верхней Висле и населенная вислянами. Центром края был Краков. Кроме того, к Польше были присоединены Куявия, Мазовия (средняя Висла) и Восточное Поморье.

Мешко I женился на упоминавшейся выше дочери чешского князя Болеслава I Дубравке. Она приехала в Польшу в 965 г. Условием брака было крещение польского князя. В 966 г. Мешко I крестился.

Союзницей Польши в ту пору была Чехия. Оба славянских государства соседствовали с Германией, и честолюбивые замыслы герцогов саксонского дома не были тайной для славянских князей.

Полная трагизма борьба полабских славян с Германией, в IX — X вв. достигшая апогея, одним из следствий имела то, что не только дала время Чехии, Польше, да и Руси, для государственной самоорганизации, способной выстоять против поступательной экспансии с запада, но и послужила живым предостережением незадачливому славянству, показав, что может за собой повлечь вера в чужие посулы и неспособность к самой серьезной обороне.

К сожалению, славянский мир едва ли когда-нибудь в освященных свидетельствах истории был един. В то время, когда полабские славяне боролись с саксонскими маркграфами, Мешко I вел собственную завоевательную политику в их землях. Хотя польский князь был бы величайшим славянским монархом, если бы сумел завладеть землями между Лабой и Одером и отстоял бы их от Германии. На это у Польши X в. просто не было сил, и походы Мешко I лишь усугубляли положение полабских славян, вынужденных защищать независимость сразу от двух могучих противников.

Следует учитывать и то, что после 966 г. в Познани было создано миссийное епископство и Польша была введена в лоно римской церкви. Тем самым Германия и Польша оказались в известной степени, союзниками, и языческое полабское славянство, знать и духовное сословие которого планомерно уничтожались, оказалось не просто обезглавлено, но и лишено духовной защиты. Полабские славяне были объявлены вне закона, находясь на собственной земле в самом центре Европы. Это обстоятельство развязало руки и Германии, и Польше.

Мешко I стремился завладеть богатыми торговыми городами-портами Волин, Щецин, Колобжег. Ходил походами Мешко I и в Силезию.

Во второй половине X в. саксонские маркграфы стремительно продвигались к берегам Одера. Очень скоро отряды Мешко I соприкоснулись с германцами. Завязавшаяся война Мешко I с Оттоном II продолжалась до 979 г. Годом ранее Чехия помирилась с империей, и Мешко I, сознавая опасность положения, пошел на мир с Германией. После кончины Дубравки Мешко I женился на дочери маркграфа саксонской северной марки Дитриха Оде.

Мир с Германией был тем более важен для Польши, что в 981 г. русский князь Владимир I Святославович отнял у Мешко I червенские города.

Несмотря на то, что Мешко I признал себя ленником германского императора, к 979 г. Польша являлась сильным централизованным государством, поглотить которое вряд ли было возможно. И несмотря на то, что крещение Польши ознаменовало ее формальное духовное подчинение Риму и ее непосредственному форпосту в славянских землях магдебургской миссийной митрополии, то обстоятельство, что было оно принято из Праги, а не из Саксонии, во многом вывело Польшу из-под удара латинской стихии. Наиболее ранние данные о притязаниях магдебургской митрополии на управление познаньской епархией относятся к концу X в. (около 995 г.).

Мешко I был мудрым правителем. Столкнувшись с мощью Германии и ощутив себя в борьбе с ней в одиночестве, князь, а вместе с ним и вся официальная Польша приняли те правила, которые обеспечивали хотя бы формальное заступничество римского папы. Сопротивляться стремительной латинизации центра Европы ни Чехия, ни Польша не могли, хотя и пытались.

И вот, несмотря на то, что духовенство повело богослужение на латыни и на латыни стали писать документы и книги, Польша и Чехия обрели собственных, славянских, епископов, аббатов, священников, законников и ученых. Это обеспечило западным славянам не только приобщение к богатейшему наследию Древнего Рима, но и гарантировало сохранение культурной независимости, в известной степени огражденной от засилия германцев.

С созданием государств, управляемых князьями и рыцарями, и с принятием христианства Чехия и Польша склонились перед германскими императорами, но знать и духовенство западных славян быстро заполнили соответствующие позиции и германским маркграфам и миссийным епископам едва ли было место в их среде или, вернее, на их землях.

Мешко I скончался в разгар войны, ведшейся Польшей с союзом лютичей — наиболее стойкими и свободолюбивыми полабскими славянами.

Мешко I поделил Польшу между сыновьями. Старший Болеслав сосредоточил в своих руках власть и изгнал братьев и мачеху. Матерью Болеслава I была чешская княжка Дубравка.

Болеслав I Храбрый (992 — 1025 гг.) оказался честолюбивым и деятельным правителем. Он стремился объединить западных славян и немало в том преуспел. С Оттоном III Болеслав I сохранял внешне признанные отношения. Во многом тому способствовало стремительное утверждение польской католической церкви.

В 1000 г. в древней столице Польши Гнезно было создано учрежденное папой Сильвестром II архиепископство, возглавившее епископии городов Краков, Вроцлав, Колобжег. Это был серьезный шаг к утверждению духовной независимости Польши.

В 1000 г. приехавший в Гнезно для поклонения мощам св. Войтеха-Адальберта император Оттон III короновал Болеслава I своей короной и даровал ему титул патриция Римской империи.

А ранее, в 995 г., Болеслав I овладел Поморией, умиротворил пруссов-язычников и прочно утвердил польскую власть на балтийском побережье. На юге государства Болеслав I также добился успехов. Он отобрал у Чехии Западную Хорватию. Это историческая провинция в Карпатах, занимающая самые верховья Вислы. Кроме того, Болеслав I распространил свою власть на земли ослабевших Моравии и Словакии. В 999 г. рыцари Болеслава I въехали в ворота Кракова. А в 1003 г. Болеслав I овладел Прагой.

Эти успехи во многом были обеспечены невмешательством Германии в дела стремительно окатоличивавшихся славянских княжеств. В 999 г. на синоде в Риме было решено организовать гнезненское архиепископство. Первым архиепископом в Гнезно стал брат Войтеха (Адальберта) Гаудентий.

С принятием христианства и с укреплением мощи государственной власти Польша подобно иным государствам Европы данной эпохи вошла в период внутреннего перерождения. Христианская церковь руками архиепископов, епископов и аббатов и государственная власть с каштелянами-комендантами крепостей кроили новую карту Польши, стирая прежние границы между славянскими союзами. Польша стягивалась невидимыми, но крепкими, подобно сыромятным ремням в единый организм Польского королевства.

Власть Болеслава I во многом зиждилась на силе численно возросшего рыцарства. Галл Аноним сообщает, что в столичном Гнезно Болеслав I располагал 1500 рыцарей и 5000 щитников. В Познани король имел 1300 рыцарей и 4000 щитников. В городе Влоцлавке, на реке Висле, в Быдгошском воеводстве, размещалось 800 рыцарей и 2000 щитников. В городе Гдече находилось 300 рыцарей и несколько сотен профессиональных воинов. Эта весомая, законная в железо сила была подчинена единой воле, и это удесятряло ее мощь.

Древнейшая столица Польши Гнезно в X — XI вв. была защищена стеной, сложенной из бревен, образующих перекладную конструкцию. В ней продольные бревна укладывались на поперечные лаги. Кверху такая стена сужалась. По вершине стены шли срубы, позволявшие оборонять стену, обстреливать осаждавших. В Польше, как и вообще в землях славян центра Европы, перекладная конструкция стен была широко распространена.

В 1002 г. Болеслав I восстановил на чешском столе князя Болеслава III, прозванного Рыжим. Но уже в 1003 г. Болеслав I велел ослепить чешского князя в Кракове и сам водворился на чешский стол. Кроме того, Болеслав I сумел овладеть Лужицей и городом Мейсен (Мисня). И вот тут интересы Польши и Германии схлестнулись всерьез.

В 1004 г. против Польши объединились Германия, Чехия, Венгрия и союз лютичей. В 1002 — 1018 гг. Генрих II, заключивший союз с лютичами, повел войну с Польшей. Спор с Германией закончился миром, заключенным в Будишине (Бауцен). Болеслав I сохранил за Польшей Лужицу и Моравию, но остальных завоеваний лишился.

Потерпев неудачу на западе, Болеслав I вмешался в дела Руси, приняв участие в споре Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого за Киев. В 1018 г. Польша отобрала у Руси червенские города. Но очень скоро полякам с Руси пришлось уйти.

В 1025 г. Болеслав I Храбрый без оглядки на Германию был коронован польскими епископами в Гнезно и обрел титул короля. Но блестящий акт во многом походил на последний всполох яркого пламени свечи, освещавшей путь Польше.

Галл Аноним приводит пророческие слова Болеслава I, сказанные им на смертном одре: "... Я, как бы в зеркале или в тумане, уже вижу королевское потомство, обратившееся в бегство, блуждающее, умоляющее о сострадании врагов своих, которых я некогда попираю ногами. Вижу издали, как от чресел моих исходит сверкающий огонек, который, соединившись с рукояткой моего меча, свой блеск распространит на всю Польшу".

С уходом Болеслава I Польша погрузилась в туман и хмарь смут и стала утрачивать былые позиции. Сын Болеслава I Мешко II (1025 — 1034 гг.) боролся с братьями Безпримом и Оттоном. Ранее в 1013 г. Мешко II женился на сестре Оттона III Рихезе. От этого брака родился Казимир Восстановитель.

Пока Польша содрагалась от внутренних раздоров, ее соседи постарались своего не упустить. Венгрия отобрала Словакию, а Чехия вернула себе Моравию. Дания попыталась утвердиться в Поморье. А Ярослав Мудрый отнял у Польши червенские города. Конрад II отобрал у Польши Лужицу. Но по-настоящему трагические события произошли в Польше после смерти Мешко II.

Галл Аноним повествует, что Казимир был еще ребенком, когда умер его отец Мешко II. Знать изгнала из Польши мать Казимира, и она уехала на родину в Германию. Казимира оставили расти в Польше. Когда юноша возмужал, его окружение, боясь мести за изгнание матери, вынудило Казимира бежать в Венгрию. Во многом за изгнанием Казимира стоял его старший брат Болеслав.

А правивший в ту пору Стефан — креститель Венгрии был союзником Чехии, давней противницы Польши. Стефан не спешил отпускать от себя Казимира. В 1038 г. Стефан умер, и на венгерском престоле до 1046 г. воцарился Петр Венецианский. Новый король не внял увещаниям чехов и, дав Казимиру сто всадников, отпустил его на все четыре стороны.

Казимир по матери доводился племянником Оттону III. И Казимир отправился в Германию, в край, где его давно ожидала мать. Между тем Польша все более погружалась в пламя смут и усобиц. Польша подобно кораблю, лишенному кормчего и захваченному бурей, металась в волнах судьбы, ежеминутно рискуя погибнуть.

На Польшу разом обрушились явления, в русской истории известные, как восстания волхвов, борьба центра с местными князьями отдельных славянских союзов и феодальная раздробленность, порожденная раздорами отдельных представителей

правлящей династии и окружающей ее знати. Однако главным в происходящем было наступление эпохи неизбежной реакции населения на стремительную феодализацию и христианизацию страны, происходившие в X — XI вв.

В 1034 — 1040 гг. Польшу опустошал Вретислав Чешский. В 1038 г. чехи разорили Познань и Гнезно и овладели мощами св. Войтеха (Адальберта). А в 1037 — 1038 гг. в Великой Польше и Силезии и на остальных землях государства вспыхнуло восстание. Поговаривали, что архиепископ Гаудентый подверг страну отлучению.

Эхо польских событий докатилось до Киева. Русский летописец свидетельствует: "И бысть мятежь в земле Ладьске, вставше люде избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть в них мятежь". Население городов бежало в Мазовию. Однако восторжествовать древним законам в Польше не было суждено. В дело вмешались обеспокоенные масштабами волнений Конрад II и Ярослав Мудрый. Так духовная и светская власти Польши не были окончательно истреблены восставшим народом.

Казимир недолго пробыл в Германии и, несмотря на увещания матери и родственников, в окружении пятисот рыцарей вскоре пересек границу Польши. Во многом утверждению власти Казимира в Польше способствовал Генрих III. Именно он в 1040 г. заставил Вретислава Чешского проститься с мечтой об обладании Польшей.

Казимир женился на русской княжне Марии-Доброгнеге, сестре Ярослава Мудрого. От этого союза родились четверо сыновей: Болеслав Щедрый (1039 — 1081 гг.), Владислав Герман (1040 — 1102 гг.), Мешко (1045 — 1048 гг.), Оттон (1046 — 1048 гг.). И еще родилась дочь Свентослава (1041 — 1121 гг.), в 1062 г. вышедшая замуж за чешского короля Вратислава.

Казимиру I пришлось отстаивать права династии в схватке с князьями отдельных земель. В Мазовии в ту пору утвердился князь Маслав, именуемый русским летописцем Моислав. О том князе Галл Аноним пишет, что был он некогда виночерпием у Мешко II. Но был ли Маслав представителем местной династии Мазовии, происходил ли из рода пясцов или являлся самозванцем, что кажется маловероятным, мы не знаем.

За помощью в борьбе с Моиславом Казимир I обратился к родственнику Ярославу Мудрому. Русь помогла Казимиру I. Ярослав трижды выступал на Моислава, но лишь в 1047 г. сломил сопротивление мазовецкого князя. Маслав погиб, а Мазовию присоединили к Польше.

Пришлось Казимиру I сразиться и с поморянами. В 1054 г. Казимир I приобрел для Польши город Вроцлав, некоторое время принадлежавший Чехии. Под покровительством Казимира I в Польше шло быстрое восстановление пошатнувшихся было позиций католической церкви.

Преемником Казимира I Восстановителя был его старший сын Болеслав II Смелый (1058 — 1079 гг.). При нем Польша вновь повела самостоятельную

внешнюю политику, но успехов, которые сопутствовали стране при Болеславе I, не добилась.

В 1060 г. Болеслав II предпринял неудачную осаду чешского города Градек (Градец). В результате неопытности Болеслав II едва не угодил в засаду, устроенную чехами. Следствием было то, что Польша утратила власть над поморьянами, войско которых было приведено под стены Градека.

Болеслав II дважды, в 1069 г. и в 1076 г., вмешивался в дела Руси, восстанавливая на киевском столе Изяслава Ярославича.

С чешским королем Вратиславом II (1061 — 1092 гг.) у Болеслава II было столкновение. Вратислав II стремился помешать Польше вмешиваться в дела Венгрии. Чехия поддерживала Соломона. Болеслав II поддерживал его противника Владислава. В 1077 г. Болеслав II изгнал Соломона, и в Венгрии воцарился Владислав. А еще ранее, в 1051 г., Болеслав II поддерживал венгерского короля Белу в его борьбе с Андреем.

В 1069 г. у Болеслава II родился сын Мешко III. В 1075 г. в Польшу вторглись поморяне. Встреча Болеслава II с армией поморян произошла на берегу реки Сар (Бранденбург). Галл Аноним сообщает, что, переправляясь вплавь через реку, многие из польских латников утонули. Тем не менее победа в сражении досталась полякам. Но панцыри польские воины впоследствии старались не носить.

В 1077 г. Болеслав II был коронован польскими епископами. А в 1079 г. произошла трагедия, приведшая к падению короля. Болеслав II казнил главу аристократической оппозиции епископа краковского Станислава, обличавшего короля в преступлениях перед христианской моралью. В XIII в. Станислав был объявлен святым. А в памяти народа епископ сохранился как герой многочисленных легенд.

Расправа с епископом породила мятеж, и Болеслав II был вынужден искать спасения в Венгрии. Там он вскоре и умер. Полагают, что это произошло между 1079 — 1081 гг. К власти в Польше пришел брат покойного Владислав I Герман (1081 — 1102 гг.).

Сын Болеслава II Мешко воспитывался венгерским королем Владиславом. Юноша был красив и давал большие надежды. Возможно, впоследствии это его и сгубило. Дядя по отцу Владислав I Герман пригласил Мешко в Польшу. Так родне было спокойнее. Мешко III женился на дочери русского князя Изяслава Ярославича Евдокии.

Вскоре юноша скончался. Не исключено, что его убили, ибо ни дяде, ни двоюродным братьям присутствию Мешко III на этом свете не было нужно. Имелось, что оба брата Владислава I Германа Мешко и Оттон скончались еще в 1048 г.

Владислав I Герман оказался слабым правителем и дабы не раздражать Германию, не решался короноваться, ограничиваясь титулом князя. В течение двух десятилетий Владислав мирился с практически неограниченной властью командующего войском малопольского аристократа Сецеха, чеканившего собственную монету. Не удивительно, что Польша в годы правления Владислава вновь уступила Руси

червенские города и терпела военные неудачи в Помории.

Согласно Галлу Анониму в 1073 г. у Владислава от наложницы родился сын Збигнев. Впоследствии Збигнева возненавидела его чешская мачеха. Ее стараниями юношу, обучавшегося в Кракове, отправили в Саксонию, в женский монастырь.

В 1080 г. Владислав I женился на дочери чешского короля Вратислава Юдифи. В 1086 г. Юдифь родила наследника Болеслава III. Вскоре после родов Юдифь скончалась.

В 1088 г. Владислав I женился на Юдифи-Марии, сестре Генриха III. До этого Юдифь-Мария побывала замужем за Соломоном Венгерским. Она родила Соломону трех дочерей. Одна из них была выдана замуж на Русь за князя Ярослава, сына Святополка II. Другая дочь отдала себя служению Богу. Третья дева была отдана князю Помории Святополку.

15 августа 1090 г. Владислав I, ставший в результате нового брака родственником Генриха III, одержал победу над поморянами. В городах и крепостях Помории были посажены польские чиновники. Многие укрепления поморян, бывшие по преимуществу деревянными, были сожжены.

Однако вскоре поморяне, возмущенные произволом чиновников, перебили пришлую администрацию, и лишь немногие добрались до Польши.

Весной 1091 г. Владислав I вторгся в Поморию, занял главный город края (какой не ясно — Щецин, Волин или какой-либо еще) и, "ополонившись" и взяв громадную добычу, стал возвращаться в Польшу. Накануне вербного воскресения на берегу реки Унда (местоположение не ясно) поморяне дали полякам сражение. Победителей в той битве не оказалось, и обе стороны понесли большие потери.

Осенью 1091 г., незадолго перед 28 сентября, Владислав I вновь выступил в Поморию. На помощь полякам из Чехии прибыли три отряда. Крепость Некло (Быдгошское воеводство), стоявшая на рубеже Поморья и Польши, была взята в осаду. Но осада была безуспешной и скоро из-за отсутствия продовольствия была снята.

В 1093 г. отряд, ведомый Сецехом и восьмилетним наследником Болеславом III, подверг опустошению значительную часть Моравии. Позже юный Болеслав III вместе со своим воспитателем Воиславом принудили к сдаче поморский город Междуречье (Мендзыжец в Зеленогурском воеводстве).

Правление Владислава I окончилось трагично. Соперники Сецеха вынудили князя изгнать воеводу. А против самого Владислава выступили сыновья — побочный Збигнев и законнорожденный Болеслав, прозванный Кривоустым.

Из Германии Збигнева привезли во Вроцлав поляки, изгнанные Сецехом из страны и скрывавшиеся в Чехии. Из Вроцлава Збигнев переехал в город Крушвицы (Куявия). В 1096 г. под Крушвицами произошло сражение. В результате Збигнев оказался в темнице у Сецеха, в его граде в Мазовии, где и пробыл до 1097 г.

В 1097 г. братья одолели отца. Владиславу выделили в удел Мазовию. В 1099 — 1100 гг. Владислав I в

Плоцке опоясал мечом Болеслава III, приехавшего на посвящение в рыцари с битвы с поморянами из-под города Санток, стоящего на реке Варта.

4 июня 1102 г. Владислав I Герман скончался. И началась распря между братьями. Однако события разворачивались постепенно.

Болеслав III занял город Белый (Белград) в Поморье. Укрепления города уничтожили, а в Польшу Болеслав III вернулся с огромной добычей.

16 ноября 1102 г. (по иным данным в 1103 г.) Болеслав III женился на русской княжке Збыславе, дочери Святополка II Киевского (это сын сестры Казимира I). Галл Аноним, объясняя возможность заключения брака между родственниками, сообщает, что епископ краковский Балдвин (1103 — 1109 гг.), хлопотавший о разрешении на брак перед папой Пасхалием II (1099 — 1118 гг.), «поведал [последнему] о некоторых пережитках в обычаях христианской веры и о необходимости этого брака для родины».

В 1103 г. (или в 1104 г.) Болеслав III решил отомстить чехам за поддержку Збигнева и вторжение во Вроцлавскую область. Он отправил в Моравию три отряда рыцарей. Поляки опустошили часть страны, но им пришлось спасаться бегством от моравского князя Святополка (князь Моравии с мая 1107 г. по сентябрь 1109 г.). Сражение разгорелось в долине Карпат. Галл Аноним описывает это: «Там, по ущельям, и по щам лесов, раздается звон от рассеченных мечей, сверкают в воздухе искры огня, высеченные из железа, трещат копыя, разбитые о щиты, пронзаются сердца, лежат на поле брани руки, головы и обезображенные тела».

В Польшу из Моравии комит Желислав вернулся без руки, отсеченной моравянами вместе со щитом. Болеслав III восполнил потерю воину золотой рукой.

В 1104 г. в Польшу приехал посол римской курии епископ бельваценский Валон (1100 — 1104 гг.). Болеслав III посла принял, и вместе они сняли двух польских епископов, бывших сторонниками так называемого антипапы. На созванном синоде Валон передал полякам благословение папы и удалился в Рим.

А война с Поморией не утихла. Болеслав III созвал войска в Глогова и, не взяв пехоты, выступил в пятидневный переход с одними рыцарями. Идти пришлось по пескам, лесам и болотам, отделяющим Великую Польшу от Помории.

На шестой день похода, в пятницу, двигаясь по указанию звезд, польские всадники подошли к укреплениям богатого портового города Помории Колобжега. Городом овладеть рыцари не сумели, и поход превратился в грабительский набег. Колобжег остался за Поморией.

Вскоре Болеслав III вновь призвал воинов в поход на Поморье. Повод к тому дал родственник Пястов Святобор [быть может, его предок был женат на дочери Болеслава I]. Святобора поморяне отстранили от власти. Болеслав III решил выступить за родича. В 1107 г. поморяне выдали Святобора Болеславу III.

Болеславу III были нужны союзники помимо Руси. В Венгрию были отправлены послы. Но тамошний король Коломан опасался коварства, ибо его двоюродный брат Альм, ранее бежавший из Венгрии, нашел прибежище именно у Болеслава III. После обмена посольствами туман недоверия был рассеян, и Болеслав III и Коломан при личной встрече дали друг другу самые твердые заверения в дружбе и союзничестве.

Болеслав III не случайно стремился сблизиться с Венгрией и Русью. И дело было даже не в том, что в своих многочисленных походах польский король опирался на помощь русских и венгерских отрядов. Венгрия для Польши служила противовесом враждебной полякам Чехии. Русь же в какой-то мере уравновешивала германскую угрозу, реальность которой для Польши никогда не была химерой.

Болеслав III в начале правления прежде всего присоединил к Польше отпавшие при его отце области. И в дальнейшем серьезное сопротивление Болеславу III оказывало из тех областей только Поморье.

В Поморье военными походами ходил не только Болеслав III, но и его воевода Скарбимир. Этот воин беспокоился не столько о грабеже, сколько о собственной чести и стремился копьем добыть королю города непокорной Помории.

А тем временем внутри Польши подобно фитилю у орудия тлела распря между братьями Збигневом и Болеславом III.

Болеслав III восстановил сгоревшую, пограничную с Чехией, крепость Козлы. Она стояла над Одером в Силезии. Затем Болеслав III приехал в силезское селение Камень. И тут его предупредили послы, ранее отправленные к Збигневу и едва избежавшие гибели, о военных приготовлениях брата. Вот когда пригодился союз с Русью и Венгрией.

На юг и восток от Польши помчались гонцы с просьбой о помощи. И было от чего смутиться. Збигнева поддерживали Генрих V Германский, Святополк Чешский и, конечно же, князь Помории.

Первое сражение между армиями братьев разыгралось осенью или зимой 1106 — 1107 гг. Збигнев отступил за Вислу. Болеслав III, не теряя времени, принялся отнимать у Збигнева верные тому города. Первым был занят город Калиш. В городе Спицимеж, что на реке Варта в Серадзском воеводстве, Болеслав III взял под стражу архиепископа Гнезно Мартина, поддерживавшего Збигнева. Мартина выпустили из темницы тотчас, как пришла весть о том, что город Гнезно сдался силам Болеслава III. Далее престарелый Мартин следовал за Болеславом III и судьбы не искушал.

Збигнев укрепился в завещанной ему отцом Мазовии. А Болеслав III восстановил пограничную с Мазовией крепость Ленчице.

Именно в Ленчицы к Болеславу III подошли первые отряды союзников — русские и венгры. Одновременно на Збигнева надвинулись силы вольнского князя Ярослава [Осмомысла] и краковского епископа Балдина.

Збигнев поспешил приехать к брату и поклясться в верности, обещая при этом разрушить собственную крепость [Галла — местоположение не ясно]. Болеслав III даровал Збигневу Мазовию уже как вассалу. Вслед за тем русские и венгры разошлись по домам. Это был 1107 г. С наступлением зимы поляки принялись за подготовку к походу в Поморию, надеясь на то, что мороз скует страшные пограничные болота. Збигнев на требование Болеслава III прислать помощь походу ответа не дал.

Болеслав III собственными силами вторгся в Поморию, взял город Белый и принял капитуляцию Колобжега. Признал себя слугою Болеслава III и князь Помории. Пять недель Болеслав III разъезжал по Помории. И тут ему сообщили о рождении сына [имя не установлено].

В ту же зиму 1107 — 1108 гг. Болеслав III, опираясь на помощь венгерских и русских отрядов, окончательно отнял у Збигнева Мазовию. Сам же Збигнев бежал из Польши.

Объединив Польшу, Болеслав III, имевший крепкие тылы на востоке и юге, приступил к землям пруссов, куда, согласно Галлу Анониму, бежали еще саксы, спасавшиеся от меча Карла Великого [войны 772 — 804 гг.]. В Пруссию саксы, видимо, проникали морем, ибо отношения со славянами у саксов всегда были непростыми.

О Пруссии Галл Аноним пишет: «Страна эта так изнурена озерами и болотами, как не была бы укреплена крепостями или городами, почему никто и не может ее покорить, так как никто не может перейти с войском столько озер и болот».

Между тем Болеславу III удалось овладеть городом поморян Чарнков, стоявшим на реке Нотец. И тут стало разгораться пламя войны между двумя центральноевропейскими союзами.

В сентябре 1108 г. Генрих IV вторгся в Венгрию. Болеслав III тотчас же напал на союзную Германию Чехию. Поморяне же принялись захватывать польские города. Так огненный круг замкнулся, и в Европе началась очередная война.

В ноябре 1108 г. Болеслав III сжег три чешские крепости и разрушил один пригород. Еще ранее поляки заняли город Раунбож, стоявший на Одере (Польское воеводство). Скоро Болеслав III ушел за рубежи Чехии, ибо угроза поморян воплощалась в реальный ущерб. Поморяне овладели польским городом Усте на реке Нотец. Город поморянам сдал Гнезномир, происходивший из занятого ранее Болеславом III города Чарнков. Среди поляков распространился слух, что Болеслав III разбит чехами и выдвин в Германию.

Болеслав III в отместку поморянам осадил их город Велюнь, стоявший на реке Нотец. Город был взят, население перебито. Укрепив стены Велюня, Болеслав III покинул берега реки Нотец, оставив в городе крепкий гарнизон.

Летом 1109 г. поморяне вторглись в Мазовию. Однако местный комит Магнус и епископ Симон сумели организовать отпор вторжению. Более того, поморян были отняты полон и добыча, и немногие из них вернулись из похода в Поморию.

В августе 1109 г. Болеслав III осадил поморский пограничный город Накло. 10 августа под стенами того города поморяне потерпели сокрушительное поражение от поляков. Город сдался, и вслед за этим Болеславу III сдались еще шесть поморских крепостей.

В 1109 г. в пределы Польши вторгся сам Генрих V. Первым городом, преградившим дорогу армии Генриха V, был хорошо укрепленный, обведенный рвом с водой Бытом. Болеслав III послал к переправам через Одер рыцарей, дабы задержать Генриха V. А сам Болеслав III стал вблизи Глогова и отправил гонцов за помощью к русским и венграм.

Генрих V перешел Одер у Глогова, в месте, где этого менее всего ожидали поляки. 24 августа 1109 г. германцы взяли Глогов в осаду. Болеслав III не решился вступить в сражение с Генрихом V и принялся рубить деревья и устраивать засеки на дорогах, дабы препятствовать движению неприятеля.

Генрих V попытался завладеть Глоговом, взяв у горожан заложников и потребовав сдачи города в обмен на милость германцев. Болеслав III запретил горожанам сдавать Глогов. Начались приступы городских укреплений. С обеих сторон в ход пустили огонь, металл, камни, колья, смолу, кипяток, железные крючья и дьявольское хитроумие людей, направленное на истребление себе подобных. Тем временем Болеслав III беспокоил германских фуражеров, готовивших провиант для армии Генриха V.

Ежедневно из-под стен Глогова в Саксонию и Баварию уходили вереницы телег, везшие тела германских рыцарей и рядовых воинов.

Отчаявшись взять Глогов, Генрих V двинулся вверх по Одру к Вроцлаву, но его ожидало новое разочарование. Болеслав III не отставал от неприятеля и всюду, где удавалось, наносил урон.

Утомленный бессмысленностью войны, Генрих V послал сказать Болеславу III, что либо тот даст Германии 300 марок и армия уйдет, либо скоро Генрих V будет в Кракове. Болеслав III ответил, что не даст и ломаного обола [в динаре 3 обола], предпочитает свободу и не приемлет бесславия.

Галл Аноним пишет, что склонил Генриха V к злосчастному походу в Польшу моравский князь Святополк. Это был настоящий наследный князь Моравии, владевший на родине небольшим уделом.

В свое время Болеслав III совместно с Коломаном вошел в Моравию [октябрь 1105 г.] и поддержал Святополка в его борьбе с князем Чехии Борживоем. В тот год Болеслав III покинул Чехию лишь после того, как Борживой отдал Польше город Камене в Силезии. Этот город в 1096 г. основал Бржетислав II. Благодаря польской помощи Святополк изгнал Борживоя из Чехии. Но 5 июня 1109 г. Святополк погиб. Он ехал на муле, когда его пронзило копьё.

Итак, Генрих V покинул Польшу, и поход его был бесславен.

Наступала зима, но Болеслав III был неутомим. Он решил отомстить чехам за союз с Генрихом V и восстановить на пражском столе изгнанного Борживоя. 24 декабря 1109 г. Борживой воссел на стол

своего отца Вратислава. Тем самым был хоть как-то прикрыт юго-западный рубеж Польши.

И уже глубокой зимой 1109—1110 гг. Болеслав III вошел в пределы Поморья и уничтожил три города. А города на западе Польши по мере возможностей были укреплены.

А в Чехии в январе 1110 г. Борживой был пленен Генрихом V, и на пражский стол сел лояльный к Германии Владислав (1109—1125 гг.) — брат Борживоя.

Болеслав III принял в Польше третьего из чешских братьев — Собеслава. Он княжил в Чехии после Собеслава в 1125—1140 гг.

Таков был пасьянс центральноевропейских дел, и конца водовороту войн, интриг и грабежей не было видно.

Осенью 1110 г. Болеслав III выступил в поход на Чехию. Карпаты поляки одолели в диких, труднопреодолимых местах, дабы миновать чешские укрепления. На равнине творить насилие полякам мешал чешский князь Собеслав. Этому юноше было жаль отечества.

Болеслав III дошел до берегов верхней Лабы и от реки повернул назад. Когда поляки возвращались на родину, чехи, поддерживаемые отрядами германцев, дали им сражение. Одним из результатов похода стало то, что Собеслав получил несколько городов в Чехии.

Зимой 1110—1111 гг. Болеслав III выступил в Пруссию.

Ранее, во время похода 1110 г., когда Болеслав III сносился с Владиславом Чешским, требуя принять Борживоя в Праге, чешский князь сказал, что в таком случае Болеславу III следует поделить Польшу с мыкавшимся в изгнании братом Збигневом.

Вскоре Збигнев предстал перед Болеславом III. Збигнева ослепили, и он вскоре скончался.

В дальнейшем Болеслав III продолжил борьбу с поморянами и с их мятежными князьями Святополком и Бариславом. В конце концов, Помория склонилась перед польской короной. Но завоевания в Помории носили непрочный характер. Имевшая города на Балтике, богатая и оттого свободолюбивая, ведшая широкую торговлю, провинция часто восставала и стремилась отделиться от Польши.

Дабы укрепить власть в Помории, Болеслав III отправил в город Волин епископа Оттона Бамбергского, где последний создал епископскую кафедру. Восточная Помория отошла в веденье епископа Куявии.

Правление Болеслава III Кривоустого и Владимира II Мономаха, несмотря на взаимную вражду двух князей, имело много общего и явилось эпохой, предшествующей началу раздробления и Польши, и Руси. Обе державы крепко держались железными десницами двух мудрых и сильных князей, но... история развивается по своим неписанным законам и Польша подобно Руси после ухода Кривоустого, начала погружаться во мглу смут и династических раздоров.

В завещании, составленном в 1138 г., Болеслав III Кривоустый узаконил порядок престолонаследия.

Согласно ему старший из рода Пястов получал великокняжеское достоинство и обладал высшей властью. Помимо княжеского, наследуемого, дома великий князь владел уделом, вбравшим ядро Польши, со старой столицей Гнезно, оставшейся резиденцией архиепископа, и новой столицей в Кракове, где с середины XI в. разместился королевский двор.

В XII в. католическая церковь Польши начала стремительно возвышаться. Папская булла 1136 г. указывает на то, что гнезненскому архиепископу принадлежало полторы сотни селений. Вроцлавское епископство в 1155 г. владело 47 деревнями.

И снова невольно вспоминаем историю Руси и уставные грамоты Смоленска и Новгорода 1136 г., даровавшие местным епископам десятину с доходов князя, села и прочее кормление.

Болеслав III Кривоустый оставил пять сыновей. Владиславу достались Краков с Малой Польшей и Силезия. Болеславу Кудрявому отошли Мазовия и Куявия. Мечислав, или Мешко Старый, сел в Великой Польше. Генриху отдала сандомирскую землю [часть Малой Польши]. Малолетнего Казимира поручили опеке братьев.

Так Польша превратилась в объединение полувластных государств подобно удельной Руси той же эпохи.

Великим князем провозгласили Владислава II, владевшего Краковом и Поморьем. Судьба его сложилась печально. Польша уже была не та, что при его властолюбивом отце. Владислав II попытался установить прежние державные порядки и вскоре был принужден бежать в Германию [около 1142—1145 гг.]. Бежал он от вкисившихся пьянящей сладости свободы братьев и многочисленных аристократов-мужиков. Отныне никто не желал поступаться собственной властью и независимостью в пользу государства.

В 1157 г. Владислав II прибег к помощи Фридриха I Барбароссы. Тот Владиславу стола не добыл, но Польшу в ленную зависимость поставил. В 1159 г. Владислав II умер.

Великокняжеское достоинство перешло к Болеславу IV Кудрявому. Это крайне не понравилось Фридриху Барбароссе.

А в 1163 г. три сына изгнанного из Польши Владислава II получили уделы в Силезии.

В 1173 г. скончался Болеслав IV Кудрявый и во главе Польши стал Мешко III Старый. Князь Сандомира Генрих умер в 1166 г. Мешко III оказался самой яркой личностью среди сыновей Кривоустого. В 1173—1202 гг. Мешко III четыре раза занимал стол великого князя и трижды его лишался.

Тем временем германские маркграфы продолжали продвижение к востоку от Эльбы. В 1157 г. Альбрехт Медведь овладел столицей союза стодорян городом Бренной. Город переименовали в Бранденбург, а окрестные земли провозгласили бранденбургским маркграфством.

В 1169 г. датчане разорили город Аркону, венчавший подобно жемчужине в короне северный мыс острова Рюген. То был духовный, а по временам и

административный центр всех полабских славян. Таким образом, XII в. стал решающим в трагической истории полабских славян. К середине XIII в. маркграфы вышли на рубежи польских земель и овладели Любушской землей, лежащей при впадении Варты в Одер.

А Польша, казалось, и не чувствовала угрозы. Она была увлечена водоворотом раскола и удивительно быстрого роста числа уделов. Последний общепольский съезд духовных и светских лиц был проведен в 1180 г. в Ленчице. На нем были ограничены и без того не всевластные права княжеской администрации. Аристократия использовала всякую возможность для упрочения своей власти.

Мешко III Старый боролся за власть с Казимиром II Справедливым, князем Сандомира, в 1186 г. овладевшим Мазовией. Казимир II оперся на духовенство, и ленчицкий синод епископов 1180 г. признал законность его власти. Призвала ее и Германия в обмен на признание подданства со стороны Казимира II. Мешко III в 1184 г. и 1189 г. предпринял попытки изгнать Казимира II, но они не имели успеха.

После смерти Казимира II в 1194 г. право наследования великокняжеского достоинства было признано и его сыновьями Лешком Белым и Конрадом. А в 1200 г. Мешко III Старый изгнал племянников с их матерью-опекуншей из столичного Кракова. Скончился Мешко III правителем Польши в 1202 г. Ему наследовал сын Владислав Тонконогий.

Новый правитель не поладил с архиепископом гнезненским и епископом краковским, по мнению которых образ его правления чрезмерно походил на отцовский.

В 1206—1227 гг. Польшей правил Лешко Белый из Сандомира. Лешко, или Лешек, как ранее Казимир II, часто вмешивался в дела Галиции, но рассказ об этом ниже. Лешек Белый был убит Святополком Поморским, принадлежавшим династии так и не смирившихся с властью Пястов местных князей.

В 1202—1238 гг. возвысился князь Силезии Генрих II Бородатый. Ему и уступила краковский стол вдова Лешека. Сыну же, Болеславу Стыдливому, вдова выхлопотала Сандомир.

Генриху I наследовал сын Генрих II Набожный (1238—1241 гг.). Мазовия и Куявия отошли Конраду (1191—1247 гг.), брату Лешека.

Конрад Мазовецкий не имел собственных сил для борьбы с языческой Пруссией, постоянно беспокоившей его земли набегами. В 1226 г. Конрад пригласил в Хелминскую землю в качестве вассалов рыцарей германского духовного ордена. В 1237 г. эти рыцари объединились с прибалтийскими рыцарями Ордена Меченосцев. В течение полустолетия рыцари-монахи сломали сопротивление пруссов и основали на их землях города и крепости. Далее рыцари стали грозить Восточному Поморью и Литовской Жмуди. Орденское государство пользовалось всемерной поддержкой Германии и Рима.

А в Великой Польше шла “замятия”. Сбежавший из Кракова Владислав Тонконогий (1209—1231 гг.) не ладил с местным духовенством, стремительно превращавшимся в крупнейшего землевладельца. Лешек Белый, Конрад Мазовецкий и племянник Владислава Тонконового Владислав Одонич, напротив, дипломатично поддерживали духовенство. В 1210 г. Владислав Одонич даровал церкви особые привилегии.

Тем временем князь мятежной Помории Святополк отделился от Польши.

После смерти Владислава Тонконового Великой Польшей завладел Владислав Одонич. Ища внешней поддержки, он признал себя данником папы, но это не помогло удержать власть. Великопольская аристократия, или, как ее именуют в Польше, мжновладство и шляхта, в XII в. и в начале XIII в. успевшая привыкнуть к неограниченной вольности, в 1235 г. призвала в провинцию Генриха I Бородатого, и последний отобрал у Одонича владения. Неудачливому князю оставили город Калиш. В 1239 г. Владислав Одонич умер.

В 1241 г. татаро-монгольские орды объявились в Польше. Была опустошена Малая Польша, взяты и разорены города Сандомир, Краков, Вроцлав. Польское рыцарство было разгромлено монголами под Хмельником. А в сражении под Лигницею погиб Генрих II Благочестивый.

После катастрофы 1241 г. в Польше началась быстрая германизация. Польша продолжала драться и страдать от смут.

Глава 9. Чехия. XI в.

9.1. История Чехии 1004 — 1061 гг.

Мы прервали повествование о Чехии на той поре, когда Польша Болеслава I активно вмешивалась в дела Праги, а Болеслав III Чешский был ослеплен поляками в Кракове. Вслед за тем Прага оказалась в руках Болеслава I Польского. В Праге посадили брата Болеслава I Владивоя. Наследник из рода Пржемыслов Ольдржих в то время находился в Германии.

В 1004 г. Ольдржих [по данным Титмара Мерзебургского — Яромир] выступил из Германии и стал в укрепленном граде Држевице [у Козоед в Лоунской области]. Вскоре поляки бежали из Праги, причем начало бегству положил чех. Он пришел из Држевиц, стал на Жиже [место в Праге] и затрубил в рог. Чехам изгнать поляков из Праги, видимо, помог Генрих II.

Вскоре Ольдржих ослепил своего брата Яромира.

От законной жены Ольдржих не имел детей. Однажды, возвращаясь с охоты, князь увидел у колодца женщину и был сражен ее красотой. Женщину звали Божена, и происходила она из рода Кржесины. Божена родила Ольдржиху сына Брячислава (Бржетислава).

Тем временем часть чешских и моравских земель продолжала оставаться за Польшей.

11 июня 1017 г. умер третий пражский епископ Тегдаг. Ему наследовал бывший аббат монастыря в Ниенбурге на реке Сале Эккард (1017 — 1023 гг.).

Брячислав I женился на сестре швабского герцога Оттона Белого Бабенбергского (+1057 г.) Юдифи (+1058 г.). Девушка была похищена Брячиславом из баварского монастыря Свиной Брод, стоящего на реке Майн. По возвращении из Германии Брячислав с женой был отправлен далее на восток в Моравию, откуда в ту пору Ольдржих изгонял поляков. Часть поляков оковали по сотням и продали в Венгрию и далее на юг. Польша слабела. Чехия, напротив, крепла. Удивительно, но эта закономерность повторялась в эпоху раннего средневековья с последовательностью качелей.

Чехия при Брячиславе I (1035 — 1055 гг.) доминировала над Польшей и даже едва не завладела ею полностью и пыталась создать большую славянскую державу в центре Европы. Ранее к тому стремился Болеслав I Польский, завладевший Прагой, Моравией и едва не всей погруженной в смуту Чехией. Но если полякам помешал Генрих II, то чехам

при Брячиславе I мешали Генрих III и папа. Но обо всем в свое время.

8 августа 1023 г. умер четвертый епископ Праги Эккард, а 29 декабря 1023 г. майнцкий архиепископ посвятил в сан нового епископа Праги Иззо (1023 — 1030 гг.).

12 июля 1024 г. скончался Генрих II, а в 1025 г. умер Болеслав I Храбрый — могучий соперник Чехии, сын Мешко I и чешской княжны Дубравки.

Брячислав вздохнул свободнее и в 1030 г. отомстил союзнице Польши Венгрии, опустошив ее вплоть до резиденции венгерского архиепископа в Остригеме.

Скончавшемуся 30 января 1030 г. епископу Праги Иззо наследовал шестой епископ пражский Север (1030 — 1067 гг.). В 1031 г. Севера посвятили в епископы в Майнце, а у Брячислава родился наследник Спитигнев.

В 1037 г. умер отец Брячислава Болеслав III, лишенный поляками зрения в Кракове.

9 ноября 1037 г., согласно Козьме Пращскому, скончался князь Ольдржих. Его ослепленный брат Яромир в ту пору жил в деревне Лисе [Стара Лиса на северо-западе от Лиса на реке Лаба]. Яромир велел запрячь телегу, сел на нее и приехал в Прагу. У носилок, на которых покоилось тело Ольдржиха, Яромир объявил народу, что прощает брату его грех. Яромир возвел на пражский стол племянника Брячислава I (1037 — 1055 гг.).

Яромир был убит 4 ноября 1038 г. человеком, подосланным родом Вршовцев.

Юдифь подарила Брячиславу пятерых сыновей: Спитигнева II (1055 — 1061 гг.), Вратислава II (1061 — 1092 гг.), брненского князя Конрада I (1054 — 1092 гг.), пражского епископа Яромира (Гебхарда) (1054 — 1089 гг.), оломоуцкого князя Оттона I (1054 — 1057 гг.).

В ту пору в Польше Казимир I Восстановитель еще не вступил в права наследника, и Брячислав собрался в поход на поляков. Козьма Пращский пишет, что князь Чехии разослал по стране сплетенную из лыка петлю. Это был древний обычай славян, схожий с рассылкой ратной стрелы у северных германцев.

Брячислав вторгся в Польшу, разорил и ограбил Краков и подошел к городу Гедеч. Польша не имела князя, а значит, была обезглавлена и лишена защиты. Жители Гедеча и скрывавшиеся за его стенами окрестные крестьяне вышли навстречу чехам с золо-

тым железом. Это означало покорность. Брячислав отправил гедечан со всем их скотом и скарбом в Чехию, в лес Чернин, что вблизи города Бероуна.

От Гедеча чехи подошли к стенам малолюдной, но хорошо укрепленной столицы Польши Гнездо. Город сдался без боя.

Козьма пишет о том, что с амвона базилики девы Марии в Гнездо, там, где покоились мощи св. Войтеха (Адальберта), князь Брячислав произнес проповедь, именуемую “Законом Бржетислава”. Среди нравственных узаконений и штрафов, вносимых в жизнь князя, содержится любопытное предостережение: “... кто хоронит своих мертвых в поле или в лесу, зачинщики этого дела должны священнослужителю вола и 300 монет в казну князя; мертвого же пусть похоронят заново на кладбище верных”.

Видимо, в XI в. в Чехии оставалось немало сторонников древних языческих обрядов. Спорные вопросы в Чехии решали с помощью Божьего суда — испытания водой и огнем.

Из Польши чехи, а вместе с ними и их князь и епископ вернулись, неся мощи св. Войтеха (Адальберта) и его брата Гауденция (архиепископа Гнездо) и мощи еще пяти мучеников.

Войтех вернулся на родину мертвым, но встречен был с большим почетом и пышностью. Процессия, во главе которой шел, пружиня мышцами под тяжестью раки с мощами, сам Брячислав I, приблизился к Праге 1 сентября 1039 г.

А тем временем в Риме папа Бенедикт IX (1033 — 1042 гг.) созвал собрание, на котором князя и епископа Чехии обвинили в дерзости. В Рим из Праги были отправлены послы. В их дорожных сумках позвякивало золото. Не исключено, что золото, вскоре оказавшееся у кардиналов, имело польское происхождение.

В Риме чешским послам строго заявили, что переносить мощи святых без ведома святого престола недопустимо. Однако ввиду того, что совершено то деяние было по неведению и с добрыми побуждениями, Праге предписывалось воздвигнуть монастырь и наделить его всем необходимым.

Брячислав выстроил обитель, посвященную св. Вацлаву в городе Болеславле, над берегом Лабы, в том месте, где Вацлав в свое время принял мученическую смерть.

В 1040 г. германский император Генрих III, коронованный годом ранее, потребовал от чехов все золото, вывезенное ими из Польши. В противном случае Праге угрожали войной. Чехи, от которых требовали все, вплоть до обола [половины денария], ответили, что Людовик Благочестивый (814 — 840 гг.) установил ежегодный выход в 120 волов и 500 гриппи и чехи платили. Однако если Генрих III вознамерился преступить закон, то лучше умереть.

Как это похоже на события, происходившие в Польше в 1109 г. между Генрихом V и Болеславом III. Тогда поляки не отдали Германии ни одного города и не дали 300 марок. Да еще сказали, что и ломаного обола не дадут и свобода для Польши дороже бес-

Генрих III объяснил чехам, что у закона “нос из воска” и король им распорядится, как сам того пожелает. Генрих III добавил, что если чехи проявят непонимание и нерасторопность, то им очень скоро представится возможность созерцать, как много у Германии раскрашенных щитов.

И действительно скоро в Чехию двинулись два войска. Из Саксонии через земли лужицких сербов к граду Хлумец [у г. Хабаржовице] подошел маркграф мейсенский Эккард II (1032 — 1046 гг.). Генрих III собрал силы на берегу реки Ржезны [приток Дуная] и, пройдя баварский горд Камб, подошел к лесу, разделяющему Баварию и Чехию.

Чехи тем временем рубили деревья, устраивая засеки в местах возможного движения неприятеля. Козьма рассказывает, что Генрих III, воссев на одной из гор вблизи Домажлиц, решил, что чехи ожидают его войско в расположенной внизу долине. Генрих ошибся, ибо чехи были за следующей горой.

Облаченные в латы германцы израсходовали все силы лишь на то, чтобы одолеть гору и, спустясь в следующую долину, встретиться с чехами. Многие из германцев стали сбрасывать доспехи.

Чехи поняли, в каком положении оказался противник, и сдержать их напор мучимые жаждой и смертельной усталостью германцы были не в силах. Генриху III помог хороший конь.

Тем временем Эккард опустошал область на берегах реки Билина. Весть о поражении Генриха III саксонцы получили у моста Гневин [в Крушных горах], нависающего над Билиной. А ранее саксонцы подкупили правителя города Билина Орика [Пркоша], дабы тот, поставленный Брячиславом во главе значительных сил чехов и пришедших из Венгрии союзников, не оказывал саксонцам сопротивления.

Эккарду Брячислав пригрозил мечом. А Орик без глаз, рук и ног был сброшен в речную пучину. Описанные события происходили в 1040 г.

В 1041 г. Генрих III вступил в Чехию одновременно по трем дорогам. Страна претерпела разорения. Оставленные чехами города гибли в огне.

Генрих III подошел к Праге и стал лагерем на горе Шибеницы вблизи современного города Жижкова. Ночью к Генриху III перебежал епископ Север. Брячислав вступил с Генрихом III в переговоры, подкрепленные передачей 1500 марок. Наконец, в Регенсбурге был заключен мир, и германцы из Чехии удалились.

В 1043 г. в Чехии был голод и, как пишет Козьма, треть населения погибла. Уж не было ли причиной столь страшного бедствия опустошение, принесенное войной с Германией?

19 мая 1046 г. епископ Север освятил монастырь в городе Болеславле.

В 1052 г. скончалась прелестная Божена, некогда очаровавшая Ольдржиха и родившая Брячислава.

В те годы Польша находилась под заботливой рукой Казимира I Восстановителя, и в 1054 г. Брячислав вернул полякам Вроцлав и некоторые иные города, но с тем условием, что Пржемысловичи

будут получать от Польши 500 гривен серебром и 300 гривен золотом.

Когда Брячислав в 1055 г. собрался в поход на Венгрию, он разболелся и, предчувствуя скорую кончину, обратился к окружающим с речью. В ней, среди прочего, было сказано следующее: "... я имею сыновей. Я не думаю, что полезно будет разделять Чешскую страну между ними, ибо всякая страна, которую разделят на части, начнет пустеть... Любовь между братьями — явление редкое... верховное право и престол в княжестве будет всегда получать старший по рождению среди сыновей моих и внуков". Так ли годом ранее рассудил умиравший на Руси Ярослав Мудрый?

После смерти Брячислава на стол в Праге сел его старший сын Спитигнев II (1055 — 1061 гг.).

Козьма Пражский, вероятно, видевший князя, пишет, что тот был муж с черными, как смола, волосами, с длинной бородой, с веселым лицом и румянцем на белых, как снег, щеках.

Тотчас по восшествии на престол Спитигнев II отдал приказ выслать всех германцев из Чехии. Не было сделано исключение даже для матери князя Юдифи, сестры Оттона Белого. Изгнали и аббатису монастыря св.Юрия, бывшую дочь Бруно.

Уж не тот ли это Бруно, который в 1009 г. посетил Киев по дороге к печенежским кочевьям? В свое время германская аббатиса оскорбила Спитигневу II резкими высказываниями в его адрес.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Когда Брячислав перестраивал оборонительные стены вокруг Праги, Спитигнев, в ту пору владевший Жатецкой областью, со своими людьми строил стену вокруг монастыря св.Юрия. На пути строителей оказалась печь, принадлежавшая аббатисе. Возникла заминка, и Спитигнев лично распорядился выбросить печь в реку Брусницу. Аббатиса сказала Спитигневу, что следует ударить в колокола по поводу сноса печи.

Дочь Бруно усадили на воз и ранее других вывезли из Чехии. При этом Спитигнев заметил, что и в самом деле следует "вдарить в колокол".

Еще при жизни Брячислав разделил Моравию между младшими сыновьями. Половина была отдана Вратиславу, остальное досталось Конраду и Оттону. А юный Яромир в те годы пребывал в учении.

Скоро именно в Моравию поспешил Спитигнев II. Вперед выслали гонцов с грамотой. В ней перечислялись имена моравской знати, коей надлежало встречать правителя вблизи города Хрудим. Моравяне встретили Спитигневу на Грутовом поле за сторожевыми воротами города. Спитигнев II обвинил пришедших на встречу в том, что те ожидали не в указанном месте. Моравскую знать схватили и заточили по разным городам государства. Так Спитигнев II боролся с поднимающей голову знатью Моравии, управлявшейся младшими Пржемысловичами.

Вратислав так испугался достигшей Оломоуца вести о учиненной его старшим братом расправе с моравянами, что, не мешкая, покинул город и умчался в Венгрию, не взяв с собой даже беременной

красавицы-жены. Покинутую женщину Спитигнев II отправил в город Лешчен на реке, Сазава [у г.Черчан] под опеку правителя Мзтиши. А тот на ночь приковал женщину к своей ноге. И длилось такое заключение месяц.

Наконец, епископ Север добился освобождения узницы и, дав ей провожатых, отправил женщину к мужу в Венгрию. Она вскоре умерла, не разродившись ребенком.

Горю Вратислава помог венгерский король Андрей, выдавший за чешского князя дочь Адлейту (+1062 г.).

Спитигнев II увез из Моравии оставшихся в том краю братьев в Прагу. Конрад при дворе был поставлен во главе ловчих, а Оттон стал руководить пекарями и поварами.

Вратиславу в Моравии были даны города, оставленные ему еще отцом. Так была отведена угроза Чехии со стороны Венгрии.

В августе 1058 г. умерла Юдифь, в свое время украденная Брячиславом в Баварии. Обидевшись на сына Спитигневу, Юдифь вышла замуж за венгерского короля Петра (+1046 г.). Другой ее сын Вратислав II перенес останки матери из Венгрии в Прагу и захоронил их рядом с могилой Брячислава.

28 января 1061 г. Спитигнев II внезапно умер в расцвете сил. Странная смерть. В ту пору в Праге шла перестройка старой церкви, построенной св.Вацлавом. В церкви хранились мощи св.Войтеха-Адальберта.

9.2. История Чехии 1061 — 1109 гг.

На стол в Праге сел Вратислав II (1061 — 1092 гг.). Между его младшими братьями была поделена Моравия. Восточная ее часть, изобиловавшая диким зверем и рыбой и покрытая густыми лесами и холмами, была отдана Оттону. В 1054 — 1055 гг. Оттон княжил в Зноемском уделе. В 1061 — 1087 гг. резиденция Оттона располагалась в Оломоуце. Оттон основал монастырь в Градице, вблизи Оломоуца.

В западной части Моравии был посажен Конрад, прекрасно владевший немецким языком. Это было немаловажно, ибо рубежи земель Конрада соприкасались с германскими владениями. До 1054 г. Конрад был князем Брненского удела.

Предъявил права на наследие отца и подросший Яромир. Вратислав II упрекнул младшего брата в том, что тот отступил от предначертанного пути — заместить епископа Севера. В первую субботу марта Яромира насильно постригли в дьяконы.

Яромир, надев рыцарский пояс, сел на коня и с дружиной умчался в Польшу, ко двору Болеслава II.

Не забыл Вратислав и правителя Билины Мзтиша. Править городом поручили придворному Койате, сыну Вшебора. А Мзтиш едва спасся, бежав, по совету епископа, прочь под покровом ночи.

27 января 1062 г. умерла Адлейта, супруга Вратислава. От брака остались две дочери — Юдифь и

Людмила — и сыновья Брячислав II и умерший в юности Вратислав.

В 1063 г. Вратислав женился на дочери Казимира I Польского Сватове, или Свентославе (род. 1046 г. + 1126 г.). От польки Вратислав имел четырех сыновей: Болеслава, Борживоя, Владислава, Собеслава.

9 декабря 1067 г. скончался шестой епископ Праги Север. До 1063 г. Север единолично возглавлял чешскую и моравскую церкви. В 1063 — 1085 гг. во главе моравской епархии стоял епископ оломоуцкий Ян I. Север за такую уступку выхлопотал у Вратислава II 12 лучших деревень в Чехии, 100 гривен серебра из казны ежегодно и епископскую усадьбу в Моравии Секиржкостел близ города Подивина. Кроме того, за Севером сохранили деревню Сливница с торгом и город Подивин, стоящий на реке Свратка [приток нижнего Дыя у г.Бржецлава].

В 1030 г. Моравия также имела собственного епископа Вращена.

Преемником Севера стал епископ Яромир (1068 — 1090 гг.). Интересны обстоятельства его избрания. Вратислав II желал видеть епископом саксонца Ланца, служившего в основанной в 1057 г. церкви в Литомержице. Конрад и Оттон, напротив, после кончины Севера поспешили послать в Польшу за младшим братом Яромиром. Согласно желанию отца Яромир должен был получить посох епископа.

Выборы епископа состоялись у сторожевых ворот Праги, там, где начиналась дорога в Польшу. Это урочище Добенин на горе Вацлава у г.Наход. Вратислав II рассчитывал на поддержку рыцарей. Когда князь объявил, что новым епископом будет Ланц, — а то был саксонец, пришедший в Чехию без какого-либо имущества, — среди народа поднялся ропот.

Знакомый нам придворный Койата, сын Вшебора, Смил, сын Божена, правивший городом Жатец, Конрад, Оттон и Яромир взылись за руки и выступили против Вратислава II.

Воины отделились от Вратислава II и стали лагерем у города Опочно, вблизи города Градец Кралеве. Князь, испугавшись, бежал в Прагу и выслал к братьям послов с согласием отдать Яромиру епископский посох. Младшие братья приблизились к Праге и стали лагерем у деревни Гостиварж.

Вратислав II отдал Яромиру епископский посох. После выборов Конрад и Оттон уехали в Моравию. А вот Койате и Смилу пришлось в первую же ночь бежать из Праги.

В Майнц к Генриху IV из Чехии уехали Яромир и графы Север, Алексей, Марквард Немец. 30 июня 1068 г. Генрих IV вручил Яромиру перстень и посох. А 6 июля майнцкий архиепископ посвятил Яромира в сан и дал ему новое имя — Гебхард.

Яромир-Гебхард устроился на жительство в усадьбе Херчинявес и 8 июня 1070 г. во дворе усадьбы освятил новую церковь.

12 мая 1082 г. между войсками Вратислава II, Конрада и Оттона и силами австрийского маркграфа Леопольда II (1075 — 1095 гг.), нанявшего отряд воинов регенсбургского епископа, произошло сражение. Чехи и моравяне вышли из него победителя-

ми. Козьма Пражский упоминает павших в битве: "Стан с братом Радимом, Грдонь, сын Янека, Доброгост, сын Гинша". То была пограничная война, порожденная взаимными грабежами, упреками и нежеланием понять друг друга.

В 1085 г. скончалась Юдифь Старшая — дочь Вратислава II и супруга польского князя Владислава. От союза остался сын Болеслав III Кривоустый, в 1102 — 1138 гг. правивший Польшей.

В 1086 г. (или в 1085 г.) Генрих III созвал в Майнце собор. В его заседаниях приняли участие четыре архиепископа и 12 епископов. Дело было в том, что польский князь Владислав I Герман не отличался ни силой, ни решительностью. А Германии и Риму на востоке был нужен единый центр управления, из которого было бы возможно контролировать процессы, шедшие в мире славян.

И вот на соборе в Майнце чешского князя Вратислава II провозгласили правителем Чехии и Польши. Тут же удовлетворили просьбу епископа Яромира-Гебхарда об объединении чешской и моравской церквей. Это также отвечало политике централизации влияния.

Козьма приводит текст грамоты, данной Генрихом III Вратиславу II. Мы же приведем крайне интересное описание границ чешской епископии: "На западе границы Пражского епископства следующие: Тугаст [совр. г.Домажлице] [с волостью], которая простирается до середины реки Хуб, Седлец [древний град на р.Огре близ Карловых Вар], лучане и дечане, литомержцы, лемузы [лучане — союз сидевший в долине р.Огры; дечане жили на Лабе и в долинах рек Плоужницы и Билины; литомержицы — сидели вокруг г.Литомержиц; лемузы — это союз чешско-сербский, сидевший на р.Билине у современного г.Моста] вплоть до середины леса, составляющего границу Чехии. Затем на севере эти границы таковы: пшоване, хорваты и другие хорваты [пшоване — сидели вокруг г.Мельника; хорваты — жили в долине р.Изер и к югу от гор Крконош; "другие хорваты" — сидели к востоку от первых, видимо в районе г.Кладско], слезане, тржебовяне, бобряне, дедошане [слезане — сидели по р.Слеза, левому притоку Одера, между реками Одер и Крконоша; тржебовляне — соседи слезян, сидели к северу от них — до Тржебницы за р.Одрой; бобряне — союз живший в верховьях р.Бобра до р.Гвизды; дедошане — сидели к северо-востоку от тржебовлян, между низовьем р.Бобр и р.Одер] до середины леса, где проходят границы мильчан [мильчане — сербо-лужицкий союз сидевший в районе городов Мишне (Мейсен), Будишин, Згоржелец, на восток до р.Гвизды]. Отсюда на восток [Пражское епископство] имеет границей реки Буг и Стыр с городом Краковом и областью, которая называется Ваг, со всеми округами, относящимися к вышеназванному городу, каковым является Краков.

Отсюда епископство, увеличенное за счет пограничной венгерской земли, тянется вплоть до гор, которые называются Татрами. Затем, в той части, которая обращена на юг, эта епархия, с присоединением Моравской области, тянется к реке именуемой Ваг, и к середине леса, который называется

Море [лес в междуречье рек Дыя и Дуная, на юго-восток от г.Зноема], и к тем горам, которые образуют границу Баварии...“

Ряд исследователей полагают, что приведенные в грамоте рубежи очерчивают контур Чешского государства второй половины X в.

9 июня 1086 г. скончался моравский князь Оттон. А 15 июня архиепископ трирский Эгильберт прибыл в Прагу и во время торжественной обедни помазал Вратислава в короли и возложил на его голову и на голову его супруги Сватавы короны. Германия по-прежнему ставила на Чехию.

И в 1087 г. Вратислав II принялся объединять славянские земли вокруг Праги и вступил в земли лужицких сербов. Видимо, то, что Германия не могла подчинить себе сама, она перепоручила смирить в данном случае чешскому королю.

Тем временем без устали застучали топоры плотников и молотки каменщиков, трудившихся над восстановлением крепости Гвоздец [к юго-востоку от Мейсена]. Пока чехи укрепляли опорные центры в Лузации, Вратислав II решил поквитаться с жителями деревни Кюлеб [вблизи г.Лейпциг], некоторое время ранее убивших людей Вратислава, возвращавшихся от двора императора в Чехию. А погибли в деревне два знатных чеха — Начерат и Взната, сыновья комита Таса.

Отряд возглавил сын чешского короля Брячислав II. Деревня Кюлеб была разорена, но возвращавшихся с добычей чехов настигла погоня и 2 июля разгорелось сражение. Комит Алексей предупредил молодого Брячислава, что тот купается не во Влтаве или Огрже и следует торопиться. Мудрый комит оказался прав. Среди павших в сражении с сербами Козьма называет Алексея, его зятя Ратибора, Браниша с братом Славой. Комит Преда потерял ногу. Брячислав был ранен в палец руки, державшей меч.

В 1088 г. Вратислав II снова вступил в земли лужицких сербов. Козьма сообщает, что в Мейсене в ту пору скрывался некто Бенед, потомок Таса. Это был воин Вратислава II, повздоривший со своим господином и бежавший в Польшу. Вратислав II пригласил Бенеду в свой лагерь, дав гарантии безопасности. Бенед приехал к королю, и началась беседа, протекавшая вроде бы мирно. Но дело кончилось худо. Вратислав II овладел мечом Бенеды, а тот выхватил меч у коморника короля Виты Желиборжица. Бенед рассек Вите поясницу и нанес три легкие раны Вратиславу II, но был пронзен длинной рогатиной от руки подоспевшего на помощь королю воина по имени Кукет.

Вскоре скончался младший брат короля епископ Яромир-Геххард. Болезнь застигла Яромира на пути к венгерскому королю Владиславу (1077 — 1095 гг.). Яромир хотел жаловаться папе на то, что Вратислав II вновь создал моравскую епископию, поставив во главе нее капеллана Вецла. Отношения между братьями не были простыми, ибо оба хотели повелевать.

А 4 марта 1091 г. король Вратислав II, духовенство и народ избрали пражским епископом Козьму

(1091 — 1098 гг.). 1 января 1092 г. в итальянском городе Мантуя в присутствии Генриха III были посвящены в епископы пражской и оломоуцкой кафедр Козьма и Андрей.

А в королевстве тем временем не все было ладно. Вратислав II не ладил с братом Конрадом, сидевшим в Моравии, и с сыном Брячиславом II, убившим королевского придворного Здерада.

Получилось, что Вратислав II взял в осаду моравский город Конрада, Брячислав II стал отдельным от отца лагерем. Каждый из троих не знал, откуда ждать нападения. Грех Конрада, по мнению короля, был велик уже потому, что он помогал сыновьям покойного Оттона. Их звали Сватополк и Оттик. Они доводились племянниками королю.

Вратислав II изгнал племянников из Моравии, а их города отдал собственному сыну Болеславу. И Болеслава, как часто и случалось с правителями в чужих городах, вскоре сразила преждевременная смерть. Тут-то Вратислав II и вторгся в Моравию.

В роли посредника выступила жена Конрада Вирпирк. Она пришла в лагерь короля и посоветовала ему, вместо того чтобы опустошать собственные владения, поискать добычи в столице королевства.

Козьма приводит речь Вирпирк: “... в Пражском подградьи и на Вышеградской улице. Там иудеи, у которых очень много золота и серебра; там самые богатые купцы всех народов и самые зажиточные монетчики, там торг, на котором твои воины могут захватить весьма богатую добычу...”

Князь Брячислав II с двумя тысячами воинов ушел под защиту венгерского короля Владислава I. Чехов устроили в месте, именуемом Банов, у града Тренчин [видимо, местность к юго-востоку от Угорского Брода]. Сам Брячислав II разместился во дворце венгерского короля.

Король Чехии Вратислав II скончался 14 января 1092 г. Конрад, брат покойного, правил 7 месяцев и 17 дней. 6 сентября 1092 г. Конрад скончался. На стол в Праге сел Брячислав II [Бржетислав] (1092 — 1100 гг.). 14 сентября 1092 г. зять и духовенство возвели на престол нового главу государства.

О Брячиславе II Козьма, хорошо его знавший, пишет: “Он изгнал из своего королевства всех вещунов, волшебников и прорицателей, а также во многих местах выкорчевал и предал огню роши, почитавшиеся священными простым народом”.

В 1093 г. Брячислав II опустошил юго-западные земли Польши до такой степени, что от города Речен [считают, что он стоял на правом берегу Одера, между Бржегом и Олавой] до города Глогов не уцелело ни одного селения, кроме городка Немец [между Кладско и Вроцлавом]. Польский князь Владислав I Герман умиротворил чехов, лишь выплатив им 1000 гривен серебром и 60 гривен золотом. И впредь Владислав I обязался выплачивать Чехии ежегодно 500 гривен серебром и 30 гривен золотом. Так было установлено еще Брячиславом I в обмен на передачу Польше Силезии.

Сын Владислава I Болеслав III Кривоустый получил города Кладской области и находился в зависимости от Брячислава II.

В 1094 г. Козьма и Андрей отправились в Германию и были посвящены в сан епископов майнцким архиепископом Ротардом (1088 — 1109 гг.). Генрих III не имел ничего против.

Козьма сообщает о страшном море в 1094 г., поразившем Германию. В городе Кагер [Верхний Пфальц] не нашлось ни одного дома, где бы не было умерших, и путешественникам пришлось заночевать в поле.

В сентябре 1094 г. Брячислав II женился на Лукарде (+1094 г.), сестре графа Альберта из Богена.

В 1096 г. запад Европы охватила лихорадка. Рыцари, графы и простой народ собирали снаряжение, седлали коней и готовились идти в Иерусалим освободить от сарацин гроб господний. То был первый крестовый поход. Крестоносцы из Франции и Германии шли различными дорогами Чехии на восток. Ни один путь не мог вместить огромное количество воинов.

Козьма Пражский пишет: “Проходившие нападали на евреев и с божьего соизволения крестили помимо их воли, тех же, которые противились, убивали”.

А Брячислав II тем временем разрушил польский город Брдо [к северу от Кладско], стоявший на р.Ниса. Ниже по течению, на высокой скале, чехи поставили город Каменец [вблизи Вроцлава].

Брячислав II не любил упоминавшийся выше род Вршовцев и не приминул расправиться с ним. Придворный Мутина, сын Божей, был отстранен от дел, и у него было отнято имущество в пользу казны королевства. Божей с женой и двумя сыновьями оказались на судне, водами Дуная провезшим их в Сербию. А вскоре Мутина и Божей встретились в Польше, и оба были там радушно приняты.

В 1097 г. Брячислав II приказал схватить Ольдржиха, сына Конрада, и отправить его в заключение в город Кладско.

В 1098 г. Брячиславу II доложили о том, что евреи бегут из Чехии в Польшу и Венгрию. Брячислав II послал к евреям коморника и воинов. Хроника сообщает: “О, сколько денег было отнято в тот день у несчастных евреев! Столько богатств не было вынесено и из горящей Трои на Эвбейский берег”.

10 декабря 1098 г. епископ пражский Козьма скончался. Не следует его путать с автором хроники Козьмой Пражским.

28 февраля 1099 г. в городе Болеславле был избран новый епископ Герман. Он не был чехом и при его выдвижении Брячислав II руководствовался советом графа грайчского Вигберта (1073 — 1124 гг.)

А в ту пору, в 1096 — 1099 гг., достигшие Палестины крестоносцы отняли у турок-сельджуков Иерусалим и создали Иерусалимское королевство.

Брячислав II, отпраздновав пасху в Вышгороде, выехал в Регенсбург к Генриху IV. В Регенсбурге новому епископу Герману вручили жезл. Там же Брячислав II огласил свою волю: после его кончины в Праге сядет его брат Борживой II (1101 — 1107 гг., 1117 — 1120 гг., +1124 г.). Это было не пустое заявление, ибо двоюродные и троюродные братья коро-

ля Чехии не оставляли надежд на обладание Прагой.

Летом Брячислав приехал в Моравию. Там епископу вернули вновь отстроенный город Подивин. В деревне Сливнице король отпраздновал троицын день и, наконец, выехал на равнину, раскинувшуюся у подножия горы Кралов у Нивницы в Моравии. Это место называется Поле Лучско. Тут ждали венгерского короля Коломана.

Брячислав, дабы крепче утвердить мирный союз между государствами, попросил архиепископа остригомского или венгерского Серафима (1100 — 1104 гг.) рукоположить в священники чешского дьякона Германа. 14 июня в Остригоме просьба была исполнена. Тогда же в священники рукоположили и самого автора хроники Козьму Пражского.

А зимой, на рождество, Брячислав II в городе Жатец встречал Болеслава III Кривоустого. Мать польского гостя Юдифь была сестрой Брячислава II. Кривоустого произвели в меченосцы и положили ежегодное жалование за службу в 100 гривен серебром и 10 гривен золотом. Братья средства предполагали из того, что платил польский князь Владислав I.

18 октября 1100 г. Борживой II, брат чешского короля, женился на Гельпирке (+1142 г.), сестре австрийского маркграфа Леопольда III (1096 — 1136 гг.). Свадьбу отпраздновали в городе Зноем.

В 1100 г. Брячислав II шесть недель осаждал город Ракоус [вблизи г.Вайдхофена в нижней Австрии]. Дело в том, что Готфрид — буркграф нюрнбергский, владевший Ракоусом, впустил в черту города Литольда, сына Конрада. Племянник [Литольд] ненавидел Брячислава II и его брата и ночами опустошал чешские и моравские земли.

Брячислав II охотился в окрестностях деревни Збечно, когда навстречу ему вышел человек по имени Лорк и вонзил в живот королю рогатину.

11 января после пения петухов король Чехии скончался. Организаторами убийства Брячислава II были представители рода Вршовцев — Божей и Мутина.

Когда по крышке королевского гроба еще ударяли комья земли, в Моравию уже мчались гонцы от епископа и комитов к Борживою II — старшему среди Пржемысловичей.

В 1101 г. в Моравии сыновья Конрада Ольдржих и Литольд заняли города, а из Польши в Чехию вернулись Божей и Мутина. Божей сел в городе Жатец, а Мутина — в Литомержице.

В том же 1101 г. Ольдржих приехал в Германию и при дворе императора стал опротестовывать права Борживоя II на пражский стол. В Германии нашлись охотники поискать для Ольдржиха Прагу. Это комит Сигард из города Салы, его брат фризенский епископ Ольдржих и его свояк по сестре Фридрих.

Козьма Пражский пишет: “Кроме этого, он призвал себе на помощь, откуда мог, много немцев, которые по своей глупости полагали, что в Чехии на улицах разложены и рассыпаны груды золота и серебра”.

Борживой II встретил Ольдржиха у города Малин, близ Кутной горы. Противников разделяло русло речки Визплише. Когда пришедшие с Ольдржихом люди разглядели, что за сила им противостоит, желание двигаться к Праге исчезло.

Положение авантюристов осложнялось и тем, что за Ольдржихом и его отрядом следовал Святополк [внук чешского князя Брячислава I]. Бежать от Кутной Горы пришлось узкой тропой, ведшей через лес в Габр, на юго-восток. Через Габр проходила старинная дорога, шедшая из Кельна, через Часлов, Габр, Немецкий Брод до города Иглавы.

Утром чехи овладели добром бежавших.

А на севере, в Польше, разгоралась пламя войны, ведшейся братьями Збигневом и Болеславом III Кривоустым. Поначалу Борживой II принял сторону Збигнева. Но скоро послы от Кривоустого вручили Борживою II 1000 гривен. И Прага стала благоволять Кривоустому.

Святополк [один из Пржемысловичей] не получил из Польши ни одного обола и обиды не вынес. В 1104 г. Святополк разослал по городам Чехии людей с деньгами, посулами и подарками. В 1105 г. Святополк с дружиной въехал в пределы Чехии. Борживой II оставил в Праге епископа Германа, а сам выехал в Вышеград. Прага не открыла ворот Святополку, и тот вскоре вернулся в Моравию.

А в 1106 г. Генрих V Младший (1106 — 1120 гг.), позже ставший императором Генрихом IV, выступил против императора Генриха III, своего отца. Из

Регенсбурга к Борживою II приехали послы с просьбой о помощи.

Скоро на реке Ржезне, под стенами Регенсбурга, чехи разбили лагерь. Напротив них располагался лагерь Генриха V. Первым от императора-отца ночью сбежал маркграф австрийский Леопольд. Вслед за этим в лагерь Генриха V перешли маркграф вогбургский [север Баварии] Дюпольд и граф Сульубахский Беренгар. В одну из ночей из-под стен Регенсбурга, где сидел Генрих III, тихонько ушли чехи.

Следом за чехами и Борживоем II из Регенсбурга через пограничный город дудлебов Нетолице в Чехию въехал и сам император Генрих III. Борживой II выделил императору стражу, и тот, минуя Чехию, уехал в Саксонию, к зятю Вигберту. Далее, перейдя Рейн, Генрих III приехал в Лютих [Льеж]. 8 августа 1106 г. Генрих III скончался.

14 мая 1107 г. Святополк путем интриг отнял Прагу у Борживоя II. И тут Чехия начала погрязать во мглу подкупов, братоубийственных сражений и обращений к иностранной помощи. Более других в искусстве смут преуспел Святополк I (1107 — 1109 гг.), внук Брячислава I.

За поддержку Генриха V Святополк вывез из Чехии в Саксонию едва ли не все серебро и золото, что было в государстве.

Борживой II скрылся в Польше. Кстати, Святополк I истребил род Вршовцев, в свое время овладевший вотчиной князей Славниковцев.

Глава 2. Русь и ее окружение

2.1. Внешнее окружение Руси в раннем средневековье

В VIII — IX вв. Европа, пережив бурные столетия, названные эпохой переселений народов, вошла в полосу относительной стабилизации. При этом господствовать на континенте стало христианство. Мы помним о том, что в VII — VIII вв. восток пережил взрыв арабского мира Аравии, стремительные завоевания которого распространили ислам от рек Инд и Сыр-Дарья на востоке до Гибралтарского пролива на западе. Византия едва выстояла, но удержала Малую Азию. Франки отстояли Францию, но Пиренейский полуостров на несколько столетий был уступлен арабам. Около 757 г. славяне-вятичи на Дону вошли в соприкосновение с арабскими всадниками полководца Мервана. Подобное развитие событий не могло не подстегнуть распространение христианства в индоевропейской Европе, южным подбрюшьем ощутившей жар новой аравийской религии.

В XI в. христианский мир Европы развалился на два враждебных лагеря — католический и православный. Но ранее в X в. христианство не было принято ни миром северных германцев, ни восточными славянами. Однако экономический и соответствующий ему идеологический фундаменты, готовившие торжество христианства в Скандинавии и на Руси, год от года развивались все быстрее. Чем больше городов, дорог и селений становилось на Руси, чем шире ридвигал человек зеленую стену девственного леса и чем мощнее становились орудия воспроизводства, тем меньшее место в сознании человека занимало поклонение силам природы и тем ближе общество подступало к принятию христианства с единым богом — творцом всего сущего. Не случайно прежде всего крещение и на Руси, и в Скандинавии было принято знатью и горожанами. Язычество на севере и востоке Европы не было изжито окончательно ни в XIV в., ни многим позже. В глуши, среди лесов, озер и рек, среди девственной природы люди никогда не переставали поклоняться ее красоте и силе.

Одновременно с принятием христианства индоевропейский мир Европы переживал сложный процесс перерождения уклада всего ряда внешних и внутренних проявлений экономической, политической и идеологической жизни. Наступала эпоха феодализма. Древний строй индоевропейцев с его тройной системой деления общества на аристократию, духо-

венство и свободных общинников и ремесленников преобразился в новую систему взаимоотношений. Одной из важнейших черт уходящего порядка вещей была возможность выбора, позволявшая населению не только воздействовать на высшую власть, но при необходимости и карать ее смертью либо изгнанием. Не случайно выборные или вечевые традиции у славян и германцев более всего сохранялись на северных окраинах их миров — в Новгороде и Пскове, в Скандинавии и Исландии. Тут же долее всего язычество противостояло христианству, и были наиболее часты антицерковные и антифеодальные выступления населения, возглавляемого волхвами.

В XI — XIII вв. вспыхнул последний яркий всполох древнейшей индоевропейской курганной традиции, именуемой курганной культурой Руси. К XIV в. христианство, а быть может, и строй экономической и политической жизни положили конец курганной традиции у славян, возраст которой в лесостепях и степях востока Европы насчитывал не менее шести тысячелетий. Славяне Русской равнины последними из всего индоевропейского сообщества перестали сооружать курганы над погребениями. Курганные некрополи восточных славян V — XIII вв. помогут нам уяснить картину расположения поселений Древней Руси. Но об этом будет написано ниже.

Несколько столетий продвижений славян по Русской равнине в VIII — IX вв. привели к качественным преобразованиям, видимым признаком которых стал бурный рост городов. Основы большинства тех городов славяне заложили ранее, в V — VII вв. Нижние слои служивших городам центрами городищ чаще всего возникли в раннем железном веке и позднее, в эпоху дьковской, мощинской и иных археологических культур VIII в. до н.э. — VIII в. н.э.

Не многим из городищ востока Европы в VIII — XIII вв. было суждено преобразиться в славные красоты и историей древнерусские города. Во многом судьбы городков зависели от степени или интенсивности судоходства реки, у которой они стояли, и от общего положения экономической географии, складывавшейся вокруг городков. От этого зависели доходы горожан и темпы развития городов.

В VIII — IX вв. около пяти сотен славянских городищ [цифра приблизительная] возвысились. Остальные городища продолжали служить рядовыми убежищами окрестным земледельцам. Несколько десятков городищ в XI — XIII вв. стали

столицами отдельных княжений и уделов. Вокруг городищ, положение которых в экономическом и географическом отношении было наиболее выгодно, в VIII—X вв. бурно росли торгово-ремесленные посады или предградья. Валы и рвы вокруг таких центров регулярно подновлялись, а некрополи, начинавшиеся сразу за тыном посадов, отличались большим количеством курганов, среди которых высились немало громад — насыпей, скрывавших княжеские погребения.

Наибольшие выгоды, как отмечалось выше, получил Киев. В X—XIII вв. Киев ожидала блестящая будущность. Красота, богатство и величие Киева равно ослепляли восток и запад. Судьба вознесла Киев в небеса мировой истории. Тем трагичнее было падение Киева.

В IX в. бурно развивался Псков. В домах его посада каменные очаги заменили печами. В IX в. в Старой Ладогге возвели каменные крепостные стены, а словене хлынули на верхнюю Волгу. В IX в. продолжилось развитие Изборска, Гнездова, Хотомеля. Рубежом VIII—IX вв. датируются ранние монеты, появившиеся в Гнездове. Тогда же волок, ведший из Днепра в Западную Двину, начал втягиваться в эпоху бурного развития торговых связей. На берегах рек Восточной Европы в VIII—IX вв. вновь, как в века Траяновы, зазвенела полновесная монета.

В IX в. началось бурное развитие центра земель северян — Чернигова. В X в. под Черниговом, в Шестовицах, вырос город, служивший лагерем для княжеской дружины, подобный Хотомелю на Горыни. Это была примета возвышения княжеской, и пока местной, власти. Теперь князья опирались не на избравший их народ, а на собственные дружины, нередко народу противоставлявшие.

В начале X в. укрепили кремль в Чернигове.

Особо скажем о предыстории Северо-Восточной Руси. Древнейшее индоевропейское население, создавшее археологическую культуру боевых топоров и шнуровой керамики, посетило верховья Волги, Днепра, берега Оки, Западной Двины и Немана на рубеже III—II тыс. до н.э. Во II тыс. до н.э. обладателям боевых топоров наследовали этнически близкие создатели фатьяновской археологической культуры. Состав населения обеих культур можно отнести к индоевропейской протобалтской общности континента. Тут следует сослаться на то обстоятельство, что земли исторических балтов после рубежа III—II тыс. до н.э. не переживали скольконибудь значительных вторжений извне.

Помимо протобалтов леса Восточной Европы издревле населяли угро-финны. Основу их экономики составляли охота и рыбная ловля. В VIII в. до н.э. — VIII в. н.э. финский элемент, по-видимому, сумел возобладать над индоевропейским. Заметим, что протобалты II—I тыс. до н.э. были весьма близки протославянам той же эпохи центра и востока Европы. Это видно из сравнения балтского и славянского языков. Кроме того, контакты славян и балтов в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. в полосе лесостепей и лесов востока Европы были весьма тесными, и причины этого указывались.

Экономический взрыв, потрясший Европу в VIII—VII вв. до н.э., именуемый ранним железным веком, отозвался и в лесах верхней Волги и нижней Оки. На землях будущих ростово-суздальских и рязано-муромских княжений в VIII в. до н.э. — VIII в. н.э. родились и расцвели две родственные археологические культуры. Северная, занявшая часть земель в междуречье Волги и Оки, именуется дьяковской археологической культурой. Южная провинция расположилась к югу от средней и нижней Оки и именуется городецкой культурой.

В IX—XII вв. на землях, ранее занятых дьяковской культурой, летописцы упоминают мерянский народ. А на территории городецкой культуры в эпоху летописания жили мещера, мурома, мордва. Данные народы относятся к большой угро-финской общности Евразии. Городища и селища волго-окского междуречья раннего железного века входили центральным звеном в цепь, связывавшую мир западных балтов и бассейн реки Камы. Вне всякого сомнения, экономическое и этническое влияние индоевропейцев присутствовало на землях междуречья Оки и Волги не только во II тыс. до н.э., но и в VIII в. до н.э. — VIII в. н.э.

В ту же эпоху восточные славяне занимали полосу лесостепей востока Европы. Водами Днепра, Десны, Оки, Дона славяне поднимались в полосу лесов, населенных восточными балтами и угро-финнами.

На мысль о близком знакомстве создателей дьяковской и городецкой культур со славянами, имевшем древнюю предысторию, наводит легкость, с какой в IX—XI вв. восточнославянская культура распространилась в междуречье Оки и Волги.

На степень взаимного проникновения восточно-балтского и угро-финского миров указывает то обстоятельство, что в XII в. русские летописи упоминают балтский народ голядь, живший по берегам рек Протва и Угра [левые притоки средней Оки].

2.2. Русь глазами восточных авторов

При впадении в Волгу Камы до 1236 г. располагалось государство волжских болгар [тюрки, родственные болгарам Балкан]. Столицей был город Булгар. Его рынок служил крупным транзитным механизмом, пропускавшим горы пушнины, шелка, монет и иного добра с юга на север и с востока на запад, и наоборот. На юге партнером Булгара был город Итиль, стоявший в дельте Волги [столица Хазарского каганата].

В Итиле также шумел большой базар. Китайский шелк, багдадскую чеканку, связки шкурок песцов, соболей, куниц, лисиц, бобров без числа грузили и выгружали с верблюдов и лошадей в ладьи и обратно и развозили во все стороны света.

С востока к дельте Волги шли караваны, составленные из верениц груженых тюками верблюдов. Партнерами итильских купцов были торговцы из Хивы и Бухары.

В VIII в. руслами рек Восточной Европы год от года все более активно стали плавать ладьи русов

и мияг. На их бортах помимо славян и северных германцев находились болгары, арабы, греки, купцы-иудеи из Хиварского каганата. Одновременно началась интенсивная эксплуатация волоков востока Европы. Земли Северо-Восточной Руси превратились в крупный промысловый и торговый регион. Купцов с запада и юга леса севера Восточной Европы манили местными ресурсами пушнины. Это было мягкое золото и серебро, охотно обменивавшееся на монеты. Свидетельством тому служит множество кладов восточных монет VIII—X вв., усеявших берега средней и верхней Волги, Камы, Оки, берега озер Белого, Онежского, Ладожского, Ильменя и берега Финского залива.

В VIII—X вв. арабские купцы и путешественники часто посещали Русь и оставили множество описаний страны. Но прежде чем мы обратимся к рассказам арабов, вернемся к истории Ирана.

В VI в. в Иране господствовала династия Сасанидов. Хосров I Ануширван (531—579 гг.) держал гарнизоны в Дербенте и в Аланских воротах, в ущелье во владениях алан-осетин, запиравшем путь через горы Большого Кавказа.

Историки ас-Са'алиби [XI в.] и Захир ад-дина Мар'аш [XV в.], повествуя о строительстве дербентской оборонительной стены Хосровом I в месте, где Кавказ подходит к берегу Каспийского моря, говорят о том, что стена была призвана сдерживать тюрков, хазар и русов. Оба автора были прекрасно знакомы с древней персидской, доарабской и доисламской литературой и данные черпали из ее источников.

В VI в. [555—556 гг.] анты в Закавказье сражались с персами, служа Византии. Мы об этом упоминали выше. А под IV в. Иордан упоминает росомонов.

В 30—40 гг. VII в. арабы овладели большей частью империи Сасанидов. В 643 г. отряды арабского полководца Абд-ур-рахман ибн Раби'а приблизились к укреплениям Дербента. Город удерживал перс Шахрийар. Он приехал в лагерь арабов и принял себя вассалом халифата. Но дани платить Дербент не обязался. За эту привилегию стены Дербента, как и прежде, должны были сдерживать северных соседей. Халиф Осман (644—656 гг.) с подобными условиями согласился. И снова среди агрессоров, спешивших посягнуть на Дербент, указываются русы [М. Бал'ами. Указ. сос. Лакхнау, 1879, с. 503, 504; т. 1. — Тегеран, 1958, с. 336; тур. перевод. — Т. 3. — Стамбул].

Выдающимся персидским трудом по древней доисламской истории является многотомная “История пророков и царей”, написанная Абу Джафара Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (833—923 гг.). История доведена до 912—913 гг. Ат-Табари жил в городе Амол, на берегу Каспийского моря. В работе ат-Табари использовал труды историков VIII—IX вв. ал-Мадаини, ал-Вакиди и прочих. К сожалению, редакция ат-Табари до нас не дошла.

В 963 г. визирь Мухаммед Бал'ами составил дошедшую до нас краткую обработку труда ат-Табари на персидском языке. Сведения о событиях 643 г. Бал'ами мог почерпнуть в полной редакции ат-Табари.

Арабская историография возникла не ранее середины VIII в. Арабы создали “Книгу завоеваний стран” [ал-Белазури + 892 г.] и “Книгу походов”.

Вновь кратко коснемся истории арабов. В 656 г. был убит халиф Осман. Началась смута, и наступательный порыв ненадолго утих. Начиная с конца VII в. арабы возобновили завоевательные походы. В VIII в. арабы и Хазарский каганат начали обмениваться ударами. В 707—708 гг. арабский полководец Маслам воевал с Хазарией. Арабский автор IX в. ал-Йа'куби сообщает о том, что в 715 г. Маслам овладел приграничным с Византией “городом славян”. В 730—731 гг. хазары опустошили Закавказье.

В 737 г. арабы организовали большой поход на север. Во главе армии стал Марван ибн Мухаммед, позже ставший халифом. Удар хазары нанесли по двум направлениям. Из Дербента арабы выступили к городу Семендер на Терек. Сам Марван прошел Аланскими воротами, то есть ущельем Дарьяла, на равнину, раскинувшуюся к северу от Кавказа. После взятия и опустошения Семендера Марван двинулся к тогдашней столице каганата городу Байду. Хазары отступили в степи, к северу от Терека и Кубани. Марван стал их преследовать и достиг Славянской реки [Нахр ас-сакалиба]. Тут арабами было пленено 20 000 семей славян. Переселили славян в Закавказье.

Одним из следствий похода Марвана стало перенесение столицы Хазарского каганата в труднодоступную дельту Волги. Так родился город Итиль.

Тот же ал-Йа'куби сообщает, что в 757—758 гг. халиф ал-Мансур повелел своему сыну Мухаммеду ал-Махди воевать со славянами.

Теперь мы обратимся к свидетельствам персидских и арабских авторов о Руси и о славянах.

Текст о русских купцах по Ибн Хордадбеку [перевод В. Розена]: “Что же касается до русских купцов — а они вид славян — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных [частей] страны Славян к Румскому [Черному] морю, а с них [купцов] десятину взимает царь Рума [Византии], и если они хотят, то они отправляются по [слово не ясно — то ли Танаис, то ли Итиль], реке Славян, и проезжают проливом столицы Хазар, и десятину с них взимает их [хазар] правитель. Затем они отправляются к Джурджанскому морю [Mare hyrcanium — caspium] и высаживаются на каком-нибудь берегу. И диаметр этого моря 500 фарсангов, и иногда они привозят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад, где переводчиками для них служат славянские рабы. И выдают они себя за христиан и платят джизию”.

Крупнейшим перевалочным местом для славянских купцов на Каспии был город Рей.

Составитель астрономических таблиц Мухаммад ибн Ибрахим ал-Фазари, живший при дворе халифа ал-Мансура (754—775 гг.), повествует:

“...Область бурджан [булгар] — 1500x300 фарсахов; область славян — 3500x700 фарсахов; область Византии с Константинополем — 5000x420 фарсахов...”

Фарсах — это персидский парасанг, составлявший около 6 км.

Хронологически время появления первоисточника труда Ибн Хордадбега относится к 40 — 50 гг. IX в.

Еще один историк востока Гардизи в работе использовал утраченный труд ал-Джайхани [ок. 922 г.]. Был знаком Гардизи и с трудом Ибн Хордадбега, родившегося около 820 г. и впоследствии правившего Табаристаном, провинцией к югу от Каспия, и заведывавшего почтой на северо-западе Ирана.

Редакция Ибн Русте-Гардизи [XI в.] “Худуд ал-Алам”.

Текст о славянах из сочинения Ибн Русте “ал-А’лак ан-нафиса”

“И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва.т [Ва.ит]. Путь в эту страну идет по степям и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меда. И они народ, пасущий свиней, как [мы] овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают с того места пепел и кладут его на холм. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать больше или меньше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют и затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просыянными зернами, поднимают к небу и говорят: “Господи, ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии”.

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселию, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом.

Рабочего скота у них совсем немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого человека. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему

повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют “главой глав” (“ра’ис ар-руаса”), зовется у них свие-малик, и он выше супанеджа [жупан], а супанедж является его заместителем. Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет иной пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в продолжении трех дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погребка, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погребка переселяются со всем семейством, и взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни на огне до красна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилью до того, что снимают даже одежду. В таком жилью остаются они до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений”.

Текст о славянах из “Худуд ал-Алам”

“О стране славян. На восток от нее — внутренние булгары и некоторые из русов, на запад — часть Грузинского моря и часть Рума. На запад и восток от нее всюду пустыни и ненаселенный север.

...У них много замков (коло) и крепостей (хисар). Одежда их большей частью из льна. Они считают своей обязанностью по религии служение царю. У них два города:

1. Вабнит — первый город на востоке, и некоторые из его жителей похожи на русов.
2. Хордаб — большой город и место пребывания царя”.

Текст о славянах из сочинения Гардизи “Зайн ал-ахбар”

“...И они (венгры) побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их (как источник) рабов. И венгры — огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум и продают.

...И постоянно нападают на славян, и от венгров до славян два дня пути... И на крайних пределах славянских есть город, называемый Вантит... И между печенегами и славянами два дня пути по бездорожью, и этот путь через источники и очень лесистую местность. И страна славян ровная, изобилует деревьями, и они живут большей частью среди деревьев.

...Одежда их — рубаха и высокие сапоги. Обувь их подобна длинным табаристанским самогам, которые носят женщины Табаристана. И средства существования у них очень обильны.

...И у них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их. Венгры приходят, а славяне запираются в этих укреплениях, которые построили. Зимой большей частью они находятся в замках и крепостях, а летом в лесах. У них много рабов. Если схватят вора, забирают его имущество, а его самого затем отсылают на окраину страны и там наказывают.

И между ними распространены прелюбодеяния, и если женщина полюбит мужчину, то сближается с ним, и когда он берет себе жену, если она окажется девственницей, то делает ее женой, если же нет, то продает и говорит: “Если бы в тебе был прок, то сохранила бы себя”... Если же, став женой, предастся прелюбодеянию, то (муж) убивает ее, не принимая извинений. У них много напитков из меда. Есть у них люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка”.

Текст о славянах из анонимного сочинения “Модж-мал ат-таварих” (Собрание историй), составленного в 1126 г.

“...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обогноваться. Рус ему ответил, что это место тесное. Тикой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: “Здесь обоснуюсь и им легко отомщу.” (Славяне)...

...И та земля обильна. И много занимаются они торговлей...”

Гардизи, описывая ближайшую к Булгару страну славян, вероятно, имел в виду страну вятичей. Город Ва.т, быть может, следует искать на Дону, в районе устья реки Воронеж. Название города Ва.т созвучно не только с именем вятичей, но и с Воронежем. А Воронеж [топоним и гидроним] упоминается древнерусскими, домонгольскими летописцами. Донские городища вятичей при устье Воронежа до конца X в. оставались первыми славянскими укреплениями на пути из Булгара в Киев.

Гардизи особо подчеркивает значение производства меда у славян. Бортни устраивались на деревьях. Владелец дерева поднимался по стволу, закреплял себя на нем сыромятными ремнями и принимался выдвигать в стволе полость, призванную служить ульем или бортней. В одном стволе могло быть несколько бортней.

Ульи или бортни делали и из спиленных деревянных колод. В колоде выдалбливали полость и устанавливали ее среди сучьев дерева, подалеже от ведущих мед хозяев леса — медведей.

Индоевропейское название медведя таково: eis-bet (нем.) — ursus (лат.) — gksas (санскр.). Славяне же постоянно сталкивались с медовым пиратством

бурого [bjorn (шв.) — медведь] великана и характеризовали его через главную его слабость — мед.

Упомянутый свие-малик — это глава союза славян. А супанеджи, подчиняющиеся ему, по-видимому, жупаны, управлявшие отдельными провинциями — жупами. В землях вятичей, словен новгородских и хорватов восточных Карпат сохранились топонимы и гидронимы с корнем жупа. Но об этом ниже.

Союзы вятичей и словен [новгородских] продвигались на Русскую равнину в V — VIII вв. из центра Европы, из земель, занятых славянскими жупами. В лесостепях востока Европа свободных мест для вятичей и словен не нашлось, и им пришлось осваивать полосу лесов. Упоминание о столкновении русов со славянами у восточных авторов едва ли случайно.

Теперь обратимся к рассказам восточных авторов о русах, выделившихся из среды славян востока Европы I тыс. н.э.

Текст о русах из сочинения Ибн Русте “ал-А’лак ан-нафиса”

“Что же касается ар-Русийн, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хахан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: “Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобрел ты этим мечом”. И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют. У них много городов и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы. И если какое-либо их племя поднимается, то вступаются они все. И нет между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят.

И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым и препираются. Когда же царь произносит приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказа-

нию дело решается оружием, и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем как будто бы они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказаний никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что эта жертва богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отступают, пока не уничтожат его полностью. Победенных истребляют и обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях.

(Русы) носят широкие шаровары, на каждые из которых идет сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно сопровождают трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удастся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут в ту могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении.

Текст о русах из соч. Мутаххара ибн Тахира ал-Мукаддаси "Китаб ал-бад ва-т-тарих"

"Что касается русов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером. И эта крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает 100 000 человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит с страной славян, и они нападают на последних, поедают их добро и захватывают их в плен. Рассказывают, что если рождается у кого-либо у них ребенок..."

Текст из "Хадуд ал-Алам" о стране русов и их городах

"Страна (русов). На восток от нее — гора печенегов, на юг — река Рута, на запад — славяне, на север — ненаселенный север. Это большая страна, и народ ее плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный. Они воюют со

всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов. Страна эта изобилует всеми жизненными благами. Среди них есть группа из моровват [моравы]. Знахари у них в почете. Ежегодно они платят одну десятую добычи и торговой прибыли государю... Они шьют шапки из шерсти с хвостом, свисающим с затылка".

Текст о русах из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар"

"Что же касается русов, то есть остров, расположенный в море, и остров этот протяженностью три дня пути в длину и в ширину и весь покрыт лесом. Почва его такая влажная, что если поставить ногу, то она погрузится в землю по причине ее влажности. И есть у них царь, называемый хакан-е рус. Число жителей на этом острове 100 000.

И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабство, отводят в Хазаран и Балкар и там продают.

...И одежда людей русов и славян из льна... На острове много городов.

Всегда 100 — 200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся..."

Текст о русах из соч. Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази "Таба'и ал-хайаван"

"...И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары.

Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, то они были бы страшнейшим бичом для человечества".

Текст о русах из соч. Мухаммед ибн Ахмеда ибн Ийаса ал-Ханафи "Нашквал-азхар фи гара'иб ал-актар" (нач. XVI в.)

а) "...народ этой земли светлокожий, русоволодый, высокого роста..."

б) "Страна русов. Это большая и обширная земля, и в ней много городов. Между одним городом и другим большое расстояние. В ней большой народ из язычников. И нет у них закона и нет у них царя, которому бы они повиновались. В земле их золотой рудник. В их страну не входит никто из чужестранцев, так как его убивают. Земля их окружена горами, и выходят из этих гор источники проточной воды, впадающей в большое озеро. В середине высокая гора, с юга ее выходит белая река, пробивающая себе путь через луга к конечному морю мрака, затем текущая на север Русийи, затем поворачивающая в сторону запада и больше никуда не поворачивающая".

Рассказ о русах на острове возник в арабской литературе в IX в.

Об острове русов высказывалось множество догадок. На мой взгляд, восточные авторы описали Русь, окруженную течением Днепра, Стугны и Ирпени. Это та самая Киевская Русь в два дневных перехода от рубежа до рубежа, которая в IX — XI вв. объединила славянские земли на востоке Европы. С созданием государства понятие Русь перешагнуло границу Киевской Руси и достигло берегов Северного ледовитого океана и Черного моря.

Можно сказать так, что русь это не только национальность, но и каста, или сословное положение, выделенная из среды восточных славян IV — X вв. и игравшая роль сердечной мышцы. От ее ритма зависела едва ли не вся жизнедеятельность обширного района континента. О предыстории возникновения слова русь писалось выше.

Земля русов в VIII — X вв. действительно представляла собой своего рода остров, очерченный реками.

Такими видел русов путешественник X в. Ибн-Фадлан: "Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились на реке Атиль [р. Волга]. И я не видел [людей] с более совершенными телами, чем они. Они подобны пальмам, румяны, красны... С каждым из них секира и меч и нож, и он не расстается с тем, о чем мы упомянули. Мечи их плоские с бородками, франкские... Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собирается их в одном доме десять и двадцать — меньше и больше, и у каждого скамья, на которой он сидит..." [Пер. под ред. И. Ю. Крачковского. — М. — Л., 1939 г.]

Арабский автор середины X в. ал-Истахри заимствовал из произведения ал-Балхи [перв. четв. X в.]

важное свидетельство о мире славян: "Русы состоят из трех племен, из коих одно, ближайшее к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное из них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары, и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соборей и свинец" [А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, 1870 г.]

Страна русов, ближайшая к Булгару, царь которой живет в городе Куяба, большем Булгара, — это классическая Южная Русь со столицей в Киеве. Из Булгара, от устья реки Камы, в Киев шли по суше через Дон, в районе устья Воронежа. Киев был полон иностранцев, ведущих торг на его рынках.

Под наиболее отдаленной Славией араб мог иметь в виду край словен новгородских. Но мне кажется более вероятным, что под далекой Славией подразумевались земли славян центра Европы.

Говоря об Артании, укажем на соответствие в названиях города Аркона и Артой ал-Истахри. Так далеко в VIII — X вв. арабы едва ли проникали. Город Аркона был окружен мистической славой, и отголоски ее могли достичь ушей арабов. Но следует сказать и о том, что северные германцы Новгород называли Хольмгард [Holmgardr] и имя города созвучно Артании арабов. Если верно предположение, что Славия расположена в центре Европы, то Артанию следует искать в богатом черными соборами Новгороде.

Глава 3. Русь IX в.

3.1. Древнерусское летописание

Важнейшим источником информации при рассмотрении истории Древней Руси нам послужит летописный свод, создававшийся в течение нескольких столетий плеядой блистательных летописцев. В основу позднейших известных летописных сводов Руси положен свод, называемый "Повестью временных лет".

Академик А.А.Шахматов и ряд ученых, исследовавших древнерусское летописание, предложили такую последовательность создания и авторства Повести.

Около 997 г. при Владимире I, возможно при Десятинной кафедральной церкви Киева, создавался древнейший летописный свод. Одновременно на Руси рождались былины, воспевавшие Илью Муромца и Добрыню.

В XI в. в Киеве продолжили вести летопись. А в Новгороде в XI в. создавалась Остромирова летопись. А.А.Шахматов писал о летописном новгородском своде 1050 г. Считают, что его создателем был новгородский посадник Остромир.

В 1073 г. игуменом Киево-Печерского монастыря Никоном летопись была продолжена и, видимо, отредактирована.

В 1093 г. игумен Киево-Печерского монастыря Иван дополнил свод.

Инок Киево-Печерского монастыря Нестор довел историю Руси до 1112 г. и завершил свод мятежным 1113 г.

Нестору наследовал игумен киевского Выдубицкого монастыря Сильвестр. Он трудился над летописным сводом до 1116 г., но закончил его событиями февраля 1111 г.

Неизвестный автор завершил свод в 1118 г., дополнив его событиями вплоть до 1117 г.

После 1136 г. некогда единая Русь распалась на ряд практически самостоятельных княжеств. Наряду с епископской кафедрой каждое княжество желало иметь собственное летописание. В основе летописей лежал единый древнейший свод.

Важнейшими для нас будут составленные в XIV в. Ипатьевский и Лаврентьевский летописные своды.

В основе Ипатьевского списка лежит "Повесть временных лет", события которой доведены до 1117 г. Далее в список включены общерусские известия, при этом более они касаются событий, происходивших в 1118 — 1199 гг. в Южной Руси. Летописцем

данного периода, как полагают, был киевский игумен Моисей.

В третьей части Ипатьевского списка представлена хроника событий, происходивших в Галиции и на Волыни вплоть до 1292 г.

Лаврентьевский список был переписан для Великого князя Дмитрия Константиновича Суздальского в 1377 г. В список помимо Повести, события которой доведены до 1110 г., включена летопись, излагающая историю ростово-суздальских земель.

Кроме двух названных списков мы многократно прибегаем к данным из иных, весьма многочисленных списков, составляющих пантеон памятников древнерусского летописания. К слову сказать, древнерусская литература, включая летописание, богатейшая и обширнейшая в Европе раннего средневековья.

Тексты летописи в Книге второй, взятые из "Ипатьевского списка", приведены по изданию: Полное собрание русских летописей, 1962, т. 2. Если приведенный летописный текст взят не из "Ипатьевского списка", его принадлежность указывается особо.

При изложении событий древнерусской истории мы будем придерживаться летоисчисления, принятого летописцами, дабы не запутать читателя в числовых вычислениях. Впрочем, иногда будет указано на несоответствие дат, приведенных летописцем, действительности, если подобное несоответствие имеет место. Новый год в Киевской Руси встречали в марте, с рождением новой луны.

Но приступим к древнерусской истории.

3.2. "Повесть временных лет"

"Повесть временных лет" начинает излагать события с 852 г. Под 859 г. в Повести сообщается, что с отдельных союзов славян востока Европы брали дань варяги и хазары.

Под 862 г. сообщается об изгнании варягов за море и об отказе им в дани. И под тем же 862 г. мы читаем: "...и встал род на род... и вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет... три брата с роды своими и пояша по себе всю Русь и придоша к словенам перее и срубиша город Ладогу и седи старейший в Ладоге Рюрик, а другие Синеус на Белоозере, а третий Трувор в Изборске".

Заметим, что Старая Ладога впервые была отстроена в VIII в.

Под тем же 862 г. Повесть сообщает о том, что Рюрик пришел на озеро Ильмень и срубил город над Волховом, прозванный Новгородом.

Речь, видимо, идет о Рюриковом городище под Новгородом, ибо сам Новгород стал подниматься в середине X в.

В 862 г., согласно Повести, Рюрик посадил по молодостям своих мужей: одного в Полоцк [Старый], другого в Ростов, третьего на Белоозере.

Прежде чем вести дальнейшее повествование об истории Древней Руси, проведем одну параллель. В 50 — 70 гг. X в. монах монастыря Новая Корвея Видукинд на латыни написал хронику, именуемую "Деяния саксов". Мы обращались к ней ранее, обрисуем и теперь [в хронике рассказано о призвании саксов в Британию. Послы, прибывшие из Британии, обратились к саксам с такой речью]: "Благородные саксы, несчастные бритты, изнуренные постоянными вторжениями врагов и поэтому очень стесненные, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить без помощи. Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, готовы вручить вашей власти. До этого мы благополучно жили под покровительством и защитой римлян, после римлян мы не знаем никого, кто был бы лучше вас, поэтому мы ищем убежища под крылом вашей доблести. Если вы, носители этой доблести и столь победоносного оружия, сочтете нас более достойными по сравнению с врагами, то, какую бы повинность вы ни возложили на нас, мы будем охотно ее нести". В V в. саксы овладели частью земель британского архипелага. Самих же бриттов саксы "изгнали... из страны, а самую страну подчинили своей власти".

Но вернемся к событиям русской истории. Под 862 г. летописец говорит, что у Рюрика было два мужа "не племени его, но боярина" [видимо, речь идет о знатных славянах]. Эти два боярина со своими родами отпросились у Рюрика идти к Царюграду [Византии]. Плывая по Днепру, "узрели на горе городок... Аскольд же и Дир остались в городе смь".

Это был Киев, городок полян, стоявший над Днепром как минимум с рубежа V — VI вв. Кто правил Киевом со времен Кия до 862 г., мы не знаем. Зато немного знаем о событиях, происходивших в никогда не зависевшей от варягов Киевской Руси.

О походах славян, в том числе и восточных славяно-литов, на Балканы, происходивших в VI — VII вв., выше писалось. Известно, что на рубеже VIII — IX вв. флот русов атаковал город Сурож, византийский форпост в Крыму. Флот славяне имели отменный.

Тут можно сослаться на данные сирийского "Смешанного хроникона", под 623 г. сообщается: "...напали славяне на Крит и другие острова, и там были захвачены блаженные из Кеннешрэ, из которых было убито около двадцати мужей". Если корабли славян в VII в. ходили по Средиземному морю, то стоит ли удивляться активности славянского флота VIII — IX вв. в Черном море.

Между 825 и 842 гг. флот русов подверг опустошению город в Малой Азии — Амастриду.

В 838 — 839 гг. русские послы из Византии на родину возвращались через Ингельгейм, резиденцию Людовика Благодетельного.

В 860 г. к стенам Византии подступил флот русов, насчитывавший до двух сотен ладей. Император Михаил поспешил вернуться в столицу из похода на арабов. Но спасли Византию либо Богородица и внезапно налетевшая буря, либо деньги греков.

Заметим, что варяги к событиям русской истории вплоть до 862 г. не имели никакого отношения. Из Повести нам известно лишь то, что под 859 г. сообщается: "...имаху дань Варязи. приходяще изъ за моря. на Чюди. и на Словенехъ. и на Меряхъ. и на всехъ Кривичахъ".

Следовательно, в середине IX в. северные германцы, по большей части пришедшие из Швеции и Дании, на севере Восточной Европы столкнулись со словенскими и кривичскими. Часть северных германцев [варягов] укрепились в отдельных опорных пунктах, но уже к концу X в. северогерманское, или варяжское, присутствие на Русской равнине практически не ощущалось.

Главным соперником Южной Руси и славянских союзов, занимавших полосу лесостепей востока Европы в IX в., был Хазарский каганат. Под 859 г. Повесть сообщает: "...Козаре имахуть на Полянех. и Северяхъ. и на Вятчихъ. имаху по беле. и веверици. тако от дыма".

Древнерусские летописцы сохранили предание о дани, выданной полянами хазарам. То были обоюдоострые мечи, показавшиеся мудрецам в каганате зловещими.

Выше писалось о том, что греки в 834 г. выстроили на Дону крепость Саркел [Белую Вежу]. Хазарский каганат стремился к контролю над торговыми путями не только на юге Восточной Европы, но и в ее центре. И тут интересы Руси и Итиля столкнулись. У славян был давний богатый опыт торговли с греками, и посредничество Хазарии Киеву было не нужно.

Морские походы Руси на Византию, имевшие место в первой половине IX в., видимо, имели целью укрепление прав русских купцов в городах империи. Тропы Балкан, в VI — VIII вв. служившие славянам, в IX в. были накрепко заперты Болгарией и Сербией. И к Византии с Руси можно было добраться лишь морем.

Согласно Повести Аскольд и Дир приехали в Киев в 862 г. И тут уместно вспомнить о "Бертинских анналах", составленных епископом Пруденцием [+861 г.]. Под 839 г. анналы сообщают о посольстве русского князя в Германию. По-видимому, у Аскольда и Диры на Руси были серьезные предшественники. Весьма вероятно, что христианские летописцы XI в. начали повествование об истории Руси со времен Аскольда и Диры потому, что в ту эпоху на Русь начало проникать христианство. Громадный дохристианский пласт русской истории в X — XI вв. был отсечен вместе с именами князей не только полян и Киева, но и всех восточнославянских союзов.

Под 867 г. летописцы сообщают о новом изгнании варягов за море и о новом их призвании. Под 870 г. сообщается о втором прибытии Рюрика в Новгород, то есть, видимо, на Рюриково городище.

В 872 г. произошло два важных события. “Убиен бысть от болгар Осколдов сын”. Русь боролась с тюрками [болгарами] за контроль над югом Восточной Европы и несла потери.

И в 872 г. “оскорбишася новгородци”. Вспыхнуло восстание словен [Новгорода в те годы еще не было], “и того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его”.

В 873 г., согласно летописи, Рюрик вновь стал сажать посадников в Полоцк, Ростов, на Белоозеро. Действительно, скандинавы в IX в. активно проникали на верхнюю Волгу, на Западную Двину и в Гнездово, на волок в Днепр. О том свидетельствует археология.

Реакция на усиление варягов в землях словен и кривичей со стороны Киева последовала незамедлительно. Под тем же 873 г. летописец сообщает о походе Аскольда и Диры на полочан, в котором русь “много зла створиша” полочанам. Видимо, Киев не пожелал уступить варягам речной путь на Балтику, шедший руслом Западной Двины. Быть может, Южная Русь надеялась на то, что славяне во главе с Вадимом Храбрым изгонят находников за море. Когда надежды не оправдались, началась война.

Но как бы там ни было, в IX в. ежегодно, преодолевая пороги на Волхове и волоки в центре Оковского леса, на водоразделе между Днепром, Волгой, Западной Двиной и Ловатью, сотни ладей северных германцев и славян-русов шли на юг и снова возвращались на север. Подобные бедрам женщины борта ладей были увешаны раскрашенными щитами, а на мачтах полоскались паруса.

Варяжские лады проходили под стенами Старой Ладого, Рюрикова городища на Ильмени, преодолевали волоки с Ловати в Западную Двину и далее в Днепр. В Гнездове купцы могли пополнить запасы пищи и воды и повеселиться в близкой среде, сидевшей на волоке. Далее лады варягов шли водами Днепра под стенами Любеча, Вышгорода и, наконец, Киева. Конечной целью плаванья был город Миклагард [Византия].

Немало варяжских судов с озера Ладога проникало в Волгу. У села Тимерево, на Волге, у того места, где позже вырос Ярославль, находилось большое поселение, предоставлявшее кров купцам-воинам. Слышали речь варягов в тогда еще молодых городах Ростове, Суздале [Sudrdalariki]. Весьма вероятно, что лады варягов заходили в Оку и приставали под стеной Старой Рязани.

Видимо, в IX в. Южная Русь и мир северных германцев поддерживали торговый мир. События 859 — 862 и 872 — 873 гг. говорят о том, что мир перемежался периодами немирья, бывшими достаточно краткими. Видимо, экономические интересы гасили взаимные претензии.

В VIII — X вв. на речных путях юга Восточной Европы поддерживалась относительная безопасность. В XI — XIII вв. тюрки практически перекроют пути к Черному морю и проходы флотилий по

Днепру будут походить на военные экспедиции общерусского масштаба. И вот тут северные германцы станут путешествовать в Миклагард не через Гардарики, а через Центральную Европу.

Присутствие варягов на Русской равнине в XI в. археологически почти не прослеживается. Варяги, оставшиеся на Руси, женились на славянских женщинах. Спустя три поколения их потомки становились органичной частью русского мира.

IX в. был золотым для варягов на Руси. В X в. их звезда на востоке Европы стала клониться к закату. Но вернемся к событиям IX в.

В 874 г. киевские князья Аскольд и Дир предприняли новый поход на Византию. В 875 г. из похода на греков вернулись “в мале дружине и бысть в Киеве плач велий...” В тот же год дружина Аскольда и Диры избивала множество печенегов. Не исключено, что Византия, как бывало и ранее, была в тесной связи с тюркскими кочевниками и те заступали путь русским на Днепре.

Вновь замечу: странно, что создатель “Повести временных лет” помнит о Киеве, но не знает о князьях полян IX в. Ведь в последней четверти X в. в Киеве еще жили старики, помнившие Олега [879 — 912 гг.], расправившегося с Аскольдом и Диром.

Юная, но уже могучая Киевская Русь всюду сталкивалась со сферой чужих интересов. Отовсюду ее окружали варяги, хазары, тюрки. И тем настойчивее Русь в IX в. стучала копьём в ворота Царяграда.

На севере в 875 г. царило немирье. Летописец сообщает: “Того же лета избежаша от Рюрика из Новагорода в Киев много новгородских мужей”. Новгород до 953 г. представлял собой ряд малозаметных поселений, разделенных водой и расстоянием.

Под 879 г. летописец сообщает о кончине Рюрика. Бразды правления Рюрик передал родичу Олегу. Сын Рюрика Игорь был мал, и сам править не мог. Олег правил в 879 — 912 гг., то есть тридцать три года. Игорь сидел на столе в Киеве в 912 — 945 гг. Это означает, что Игорю при вступлении на киевский стол было не менее тридцати трех лет, и все эти годы он нуждался в регенте Олеге. А был ли Игорь сыном Рюрика?

В 879 г. исполнилось двадцать лет пребывания Рюрика в земле словен новгородских. Но ведь и в 859 г. Рюрик был взрослым мужем, а быть может, и главой рода. Значит, в 879 г., в год смерти, Рюрику было не менее сорока, а то и гораздо более лет. И лишь в 912 г. единственный сын Рюрика Игорь сел на стол великого князя.

Как бы там ни было, заметим, что славянские союзы востока Европы в V — IX вв. жили абсолютно независимо. Лишь в X в. Киев стал подчинять отдельные союзы славян собственной государственной власти.

В IX в. славянские роды продолжали расчищать леса под пашни и продвигать свои селения от русел крупнейших рек в верховья их притоков, в богатые зверем лесные уголья. Общины и роды славян V — IX вв. находились под защитой собственных князей, не пускавших без ведома ни варягов, ни хазар, ни печенегов, ни киевские дружины. Правда, союзы

славян покупали мир данью, но независимостью при этом не поступались.

3.3. Вещий Олег (882 — 912 гг.)

Годы 882 — 912 киевские летописцы связывают с именем Олега. Спустя три года после кончины Рюрика, так и не попавшего южнее озера Ильмень и тем более Гнездова, в 882 г. Олег предпринял поход на юг, в земли Киевской Руси, издавна манившей варягов богатством.

Олег отправился на юг в ладьях. Из Ловати в Западную Двину суда перетаскивали на волоках у города Горопца. Не доходя Витебска, лады в районе современного городка Сураж входили в русло реки Каспли. Верховья Каспли подходят к Гнездову, стерегшему волок в Днепр.

Волок в Днепр встретил Олега негостеприимно. Летописец говорит, что Смоленск Олегу пришлось брать. Современный Смоленск начал развитие на рубеже X — XI вв. Значит, брать Олегу пришлось волок в Гнездове.

В Гнездове в VIII — X вв. жило немало выходцев из Скандинавии. Именно они могли проявить лояльность к Олегу.

Скоро лады Олега причалили к левому берегу Днепра, под высокий холм города Любеч. Олег овладел городом, стерегшим Киев с севера.

Под горами Киева Олег выдал себя за купца и обманом расправился с вышедшими к нему навстречу Аскольдом и Диром. Личность князя полян Аскольда вполне исторична. Возможно, именно Аскольд стал последним правителем из династии полянских князей, родоначальником которой был Кий.

С приходом Олега в Киев столица Руси могла получить дань, собиравшуюся варягами со словен, кривичей, мери.

Заметим, что в VIII — X вв. мощный поток монет, главным образом восточных, устремлялся вверх по Волге и далее по Западной Двине и Волхову в Балтику. Вывозили монеты варяги, главным образом шведы.

В XI в. поток восточных монет, шедший на Балтику, пресекался. Виной тому было падение Хазарского каганата и одновременное возвышение централизованной власти на Руси.

Новгород сохранял тесные отношения с варягами вплоть до кончины Ярослава Мудрого (+1054 г.). Словене новгородские предпочитали откупаться от заморских гостей до 1054 г.

Киев в IX в. стремительно набирал силу. Чем более ширилась торговля Руси с Византией, востоком и западом, тем богаче становился Киев. В IX в. складывалась система взаимоотношений внутри Руси, описанная Константином Багрянородным и охватывавшая огромные пространства востока Европы.

С приходом в Киев Олега в столицу Руси проникло немало выходцев с Балтики. Многие из них навсегда осели в Киеве. Но иные подобно самому

Олегу не могли усидеть в горницах и гридницах ладных киевских теремов, и их дух подобно ветру то и дело вырывался прочь за городские валы. Слишком велики и заманчивы были просторы, открывавшиеся с киевских заборов.

Варяги немало послужили Руси в IX — XI вв., но роль их стояла в общем ряду с ролью приглашенных в IX — XII вв. польских и венгерских отрядов, служивших орудием в спорах князей. А князья северской земли в XI — XII вв. постоянно прибегали к помощи половцев. После 1066 г. государства Скандинавии и полуострова Ютландия стали втягиваться в размеренный уклад жизни христианских государств Европы. Бывшее буйство и страсть к дальним морским странствиям, перемежавшимся грабежами и битвами, сам дух североевропейского язычества стали отходить в тень, в область сказаний.

В 883 г. Олег начал войну с союзом древлян, на северо-западе соседивших с полянами. В тот же год Киев стал взимать дань с древлян — по черной куне с дыма.

В 884 г. Олег выступил в поход в земли северян, к востоку от Днепра. На северян возложили легкую дань и запретили давать дань хазарам.

В 885 г. Олег послал к сидевшим по берегам реки Сож радимичам и велел им передать, чтобы не давали дани хазарам, но давали Олегу по шелягу с плуга или с сохи.

К югу от устья реки Рось, в районе большой днепровской излучины, сидел славянский союз уличей. К западу от них по берегам нижнего и среднего Днестра сидел славянский союз тиверцев. В древности Днестр называли Тирас, и союз славян стал называться по старому имени реки.

В 885 г. дружина Олега сражалась с уличами и тиверцами, но южнорусские славяне отстаивали свою независимость.

События 898 г. побудили древнерусского летописца упомянуть об уграх, шедших с востока на запад и ставивших шатры вблизи южнорусских городов. Летописец сообщает, что угры воевали волохов, мораву, чехов, фракию. В те годы гибла Великая Моравия, и под 898 г. летописец поместил рассказ о призвании западнославянскими князьями первоучителей Кирилла и Мефодия.

Рассказ о приглашении первоучителей летописцу следовало поместить одновременно с сообщением о призвании Рюрика. Подобное несоответствие наводит на мысль, что у истоков “Повести временных лет” стояли более древние летописные записи, нежели те, что были созданы на рубеже X — XI вв.

Под 903 г. летописец сообщает, что Игорь вырос. А было ему в ту пору не менее двадцати четырех лет. Олег привез из Плескова [Пскова] юную Ольгу, будущую жену Игоря. Родилась Ольга в 893 г., и от роду ей было десять лет.

Вновь обратим внимание читателя на то, что летописец всех киевских князей увязывает с именем Рюрика, никогда не бывавшего даже в Гнездове. Аскольд и Дир, водившие с Руси огромный флот на Византию, — бояре Рюрика. Игорь, бывший мало-

летним до тридцати трех лет, нуждался в опеке варяга Олега и был сыном Рюрика. Так ли это?

В 907 г. Игорь был оставлен в Киеве, а Олег повел рать на Византию. Дружина Олега и огромное ополчение частично двигались на судах, частично на лошадях. Кроме варягов на юг шли воины от словен, чюди, кривичей, мери, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов.

То обстоятельство, что с Олегом в поход 907 — 911 гг. шли хорваты, весьма примечательно, ибо хорватский вопрос в русской истории особый. Земли союза хорватов, располагавшиеся в Карпатах, в X — XI вв. были разорваны на три части Чехией, Польшей и Русью. Процесс этот был весьма непросто как для самих хорватов, всегда стремившихся к независимости, так и для окружающих их государств, часто вступавших в конфликты друг с другом из-за земель хорватов.

Упоминает летописец в составе воинства Олега дулебов. Шли на Византию и тиверцы “яже суть толковины”. Их земли примыкали к гирлу Дуная, и греческий язык был хорошо знаком.

По Днепру спускалось две тысячи ладей и лодок. В каждом из судов находилось сорок сужей. Это означает, что Олег вел 80 000 воинов.

Из-за подходившего флота ворота столицы империи заперли, а пролив Суд перекрыли металлической цепью. Громадная армия северян высадилась на берег и причинила грекам множество бед.

Летописец рассказывает о походе 907 г.: “И повеле Олег воем своим колеса изделати и воставляти на колеса корабля. И видевше греци и убояшася, и реша, выславше ко Ольгови: — “Не погубляй града, имемъся по дань, якоже хочещи”. И устави Олег воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его — бе бо устроено со отравою. И убояшася греци и реша: — “Не есть се Олег, но святой Дмитрей, послан на ны от Бога”.

Воинство северян отступило от стен Византии. Олег послал на переговоры с Леоном и Александром варягов. Летописец приводит их имена: “посла к нима въ град Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида”.

Приведем текст договора Олега с греками, заключенного в 907 г.: “...и заповеда Олегъ дати во емъ. на 2000. корабли. по двенатьчаты гривне на ключь. и по тои даяти оуглады на Руские города. первое на Киевъ. также и на Черниговъ. и на Переяславъ. и на Польтескъ. и на Ростовъ. и на Любечъ. и на прочая город. по темъ бо городомъ седяху князья. подь Ольгом суще да приходятъ Русь. хлебное ямлють елико хотят. а иже придуть гостье да емлють мясину. на. 6 мсць. и хлебъ и вино и мяса и рыбы. и овощемъ. и да творять имъ мовь. елико хотятъ. и поиду же Русь домови. да емлют оу царя вашего на путь брашно. и якоря и оужа. и пре. и елико надобе. и яшася Греци. и ркоша царя и боярьство все. аще придуть Русь бес купли да не взимают мясичины. да запретитъ князь людем своимъ, приходящимъ Руси zde. да не творят пакости. в селяхъ и въ стране нашей. приходящи Русь да витают оу стго Мамы. и послеть црство наше да испишют имена ихъ. и тогда возмут мясичное свое. первое от города Киева.

и паки ис Чернигова. и Переяславля. и прочии города. и да входятъ в город одиными вороты. съ царевым мужемъ безъ оружья. мужъ.8. и да творят куплю яко же имъ надобе. не платяче мыта ни в чемъ же. царь же Леонъ с Олександром. миръ сотвориста с Ольгом. инъшесе по дань и роте заходивше межи собою. целовавше сами крест. а Ольга води и мужии его на роту. по Рускому закону, кляшася оружьем своим. и Перуном богом своим. и Волосом скотыимъ богом. и оутвердиша мир”.

Под киевские горы ладьи Олега пристали, “неся золото, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье”.

Следующей весной под стенами городов Киев и Родня были собраны сотни челнов и ладей едва ли не отовсюду с Руси. Суда были полны скорой — пушшиной — и иным товаром, готовым для сбыта на рынках Византии. И пошел русский флот по Днепру вниз к порогам. А там никогда не переводились степные хищники.

Права купцов, пришедших с Руси, охранял договор 907 г. Текст договора указывает на различия в мировоззрениях язычников севера и греков. Для ромеев каждый рус, вооруженный топором или мечом, представлял серьезную угрозу. Греки не могли предугадать поступка язычника и оттого боялись его. Видимо, лишь во второй половине XI в. христианская мораль на Руси стала переиначивать сознание населения, и русь стала сближаться с миром греков год от года стремительнее.

Обратим взор на запад, ибо на рубеже IX — X вв. велась активная торговля между славянами центра и востока Европы и Германией. Кратко коснемся этого вопроса.

3.4. Торговля Руси с центром Европы

В составе вкладной книги Пассауской церкви, датированной 1254 — 1265 гг., сохранился документ начала X в., именуемый Раффельштеттенским таможенным уставом. Этот Устав родился при Людовике IV Дитяти (899 — 911 гг.). Задачей Устава было восстановление порядка взимания пошлин, существовавшего ранее в IX в. при Людовике Немецком (840 — 876 гг.) и Карломане (876 — 880 гг.).

Приведем фрагмент документа: “Славяне же, приходящие [в Баварию] для торговли от ругов или богемов, если расположатся торговать в любом месте на берегу Дуная или в любом месте у роталариев или реодариев, с каждого вьюка воска [вносят пошлины] две меры стоимостью в один скоти каждая; с груза каждого носильщика — одну меру той же стоимости; если же собираются продавать рабов или лошадей, то за каждую рабыню — по одной тремиссе, столько же — за жеребца, за раба — одну сайгу, столько же за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны, покупающим или продающим здесь, платить ничего не требуется”.

Среди товаров славян Устав не упоминает скоры [sciria (лат.) — шкура, pellis (лат.) — пушнина]. Это

не удивительно, ибо в Западной Европе пушнина из-за ее особой ценности не облагалась пошлиной.

В V в. на Дунае, между современными австрийскими городами Энс и Тульн, выше Вены, три десятка лет существовало королевство германского народа ругов. В 80 гг. V в. королевство ругов разгромил король Одоакр. Таким образом выражение Устава “от ругов или богемов” могло подразумевать славян, пришедших в Восточную Баварию из Богемии или из так называемого Рушланда [in Rugilanda — происхождение лангобардов VII в.].

Более вероятно, что под выражением “от ругов” Устав подразумевал славян, пришедших из Руси. Именно ругами называют русь иные германские источники X в. Можно сослаться на анонимного продолжателя хроники Регинона Прюмского.

Кроме того, Рушланд V в. в IX — X вв. сам являлся собой громадный славяно-германский торг, и ссылки на эту область едва ли возможны как на район, исходный для выхода славянских купцов, везущих воск, рабов и лошадей. Вблизи городка Ашах [в Рушланде V в.] помещают упоминаемую Уставом таможенную Rosdorf. Неподалеку располагался и “mercatus Marahorum” [моравский рынок]. Его следуют искать либо при устье реки Моравы, либо на месте моравского торжища у Миккульциц. На моравский рынок по Дунаю шли ладьи с солью.

На земле Рушланда V в. в IX — X вв. жили славяне. Один фрайзингенский документ около 902

903 гг. упоминает славянского князя Иосифа. Этот князь передал франзингенской кафедре имение Stiunina, расположенное в долине реки Камп [городок Stiefeln вблизи г. Лангенлойс]. Среди свидетелей передачи имения перечислены лица со славянскими именами. В данной местности известно славянское городище IX — X вв. Gars-Thunau. Кажется маловероятным, чтобы славяне, в частности населявшие долину реки Камп, поставляли в Баварию воск, рабов и лошадей.

До разгрома Великой Моравии славяне из Восточной Европы попадали на средний Дунай главным образом через Краков, Моравские ворота и долины рек Ваг и Моравы, спускались к Дунаю. После разгрома Великой Моравии, то есть после рубежа IX — X вв., купцы с Руси шли на Дунай через Прагу и, пройдя долиной Влтавы и мимо города Будеевицы, расположенного в землях южночешских дудлебов, преодолевали водораздел и спускались к Дунаю между Ашахом и Энсом.

Дорога от города Лину на Дунае до Будеевиц на Влтаве, шедшая долиной реки Айтс, засвидетельствована документально не позже XIII в. Эта дорога именуется strata sibvestris — лесная дорога. Акты 1198 и 1212 гг. упоминают и дорогу из Линца, с вышка роталариев или реодариев, ведшую в город Цветль. Дорога называется antiqua via — древняя. Город Цветль расположен в верховьях реки Камп, долиной которой в начале X в. владел князь Иосиф. Из Цветля до земель дудлебов не более тридцати километров.

Известна и еще одна торговая дорога той эпохи, шедшая славянских купцов из Праги в город Пассау

на Дунае. Она именовалась der Gioldene Staig — золотая тропа.

Под 1010 г. король даровал одному из монастырей города Пассау часть торговых сборов “со всем чешским мытом”. В самой Праге русских купцов засвидетельствовал арабский путешественник Ибрагим Ибн Якуб в 965 г.

Упомянем о денежной единице “скот”, приведенной в Уставе. В русском языке “скот”, в частности, имеет значение денег. Настоящий скот, мелкий и крупный рогатый, выступал на Руси мерилом стоимости.

3.5. Экономический подъем Руси в IX в.

Вернемся на восток Европы. В IX — X вв. весной вниз по Волге устремлялись сотни полных товара челнов и ладей, имевших конечной целью рынки Булгара, Итиля, Рея, Багдада, Хивы, Бухары и иных городов востока. Так пушнина с Русской равнины попадала в Месопотамию, Иран, Афганистан, Среднюю Азию.

На север купцы везли монеты, чеканившиеся в городах востока. На берегах рек и особенно на волоках Русской равнины купцов часто ожидали разбойники. О том свидетельствует огромное число монетных кладов, восстребовать которые было некому.

В 911 — 912 гг. потребовалось новое вмешательство официальной Руси в отношении с Византией как с торговым партнером. Дело обошлось мирно. В 912 г. послы с Руси уехали в Византию. В Киев они вернулись с богатыми дарами.

В 912 г. греки не забыли обратить внимание Руси на блиставшие роскошью убранства, наполненные чудной живописью и небесным песнопением храмы Византии. Летописец особо говорит, что о греческих храмах послы поведали юной Ольге. А шел Ольге девятнадцатый год.

Ранее, в IX в., греки не раз пытались обратить Русь в христианство. Под 876 г. Никоновская летопись сообщает о крещении Руси. Есть сведения, что еще ранее, в 867 г., патриарх Фотий крестил часть Руси и даже учредил русскую епископию. Возможно пытались склонить к христианству и князя Аскольда, неоднократно совершавшего походы на Византию.

Договора 907 — 912 гг. упоминали помимо Киева города Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч. Такое внимание к городам было оказано не случайно, ибо они бурно развивались. В начале X в. в Чернигове во времена полубогородного князя Черного, речь о котором впереди, отстраивался детинец. Это была главная твердь северской земли. Переяславль в X в. был обнесен оборонительной стеной. Старый Полоцк IX — XIII вв. стоял чуть севернее Полоцка XI — X вв. Варяги называли город над рекой Полотой — Palteskia и хорошо его знали. Полоцк служил своего рода воротами на Балтику и оттого выступал как соперник Ньвгорода, Пскова

и Старой Ладogi. Недаром отношения полочан не просто складывались именно с новгородцами.

В X в. продолжилось широкое славянское освоение земель Северной Руси. Славяне освоили бассейн реки Луги и в X в. стали селиться в землях ижоры. Приток славян, в X в. активно продвигавшихся на северо-восток, оживил берега озер Белое, Неро, Клещено [Плещеево]. И зашумели топоры на строительстве городов Белоозеро, Ростов, Клещин [предтеча Переяславля-Залесского].

Интересы всех этих городов не были забыты при ведении переговоров с Византией. Киев был заинтересован в вовлечении неоглядных пространств востока Европы в торговлю с империей ромеев. Во многом от интенсивности торговли с греками зависел рост благосостояния самого Киева, а следовательно, и степень централизации русской государственности.

Выше говорилось о том, что князья отдельных славянских союзов в VIII — X вв. активно объединяли свои земли вокруг единого местного центра. Нередко возвышавшейся знати был необходим новый город, служивший опорой в борьбе с древней патриархальной стихией. В земле северян на рубеже X — XI вв. возвысился Чернигов, князья которого, быть может, не имели поддержки в древнейшей столице северян, которой, возможно, служил город Седнев, окруженный огромным курганным некрополем. Киев в земле полян, возможно, был противопоставлен древним центрам поросья. В X — XI вв. вокруг Киева стало формироваться собственное окружение, прикрывавшее дальние и ближние подступы к столице. Под 946 г. упоминается видимый с киевских гор Вышгород. Его крепость стоит на холме, в нескольких километрах к северу от Киева, выше по Днепру. В IX в. вблизи Киева строились стены Белгорода и Звенигорода, защищавших ближние подступы к столице с запада и юга.

Варяги называли столицу Руси Кэнугард [Kenugardr]. Знаменательно, что северогерманские саги отождествляют столицу Руси [Ruscía], или, как ее еще называли северные германцы, Gardaríki, не с днепровским Кэнугардом, а с волховским городом Holmgardr [Новгород]. При этом Holmgardr имел собственный вышний город-крепость Aldeigjuborg [Старая Ладога], прекрасно знакомый варягам.

Северогерманская изустная традиция неспроста много значения придавала именно Новгороду и Старой Ладoge. Киев был слишком далек от Балтики, и полностью овладеть им варяги не сумели. К югу от Гнездова влияние варягов было несравнимо меньшим, нежели к северу от волока в Днепр. В конце X в. скандинавы практически растворились среди славян. Поздняя монета, найденная в Гнездове, датируется 940 г. Вскоре в 10 км к востоку от Гнездова должен был вознестись княжеский Смоленск.

Во второй половине X в. на Руси варягам стало оставаться все меньше места. Все большее значение стали приобретать дружины князей отдельных славянских союзов. Варягам не осталось иного, как влиться в их состав и выступать как иностранные наемники.

В XI в. варяжский элемент в русской истории встал в один ряд с польским, а позже с венгерским и

половецким. Эпоха, начавшаяся в VIII в. и достигшая расцвета в IX в., олицетворением которой стало предание о призвании варягов на Русь, во второй половине X в. стала клониться к закату. Хотя еще в первой половине X в. в Гнездове продолжали насыпать курганы над богатыми скандинавскими погребениями, после 970 г. контрольная функция Гнездова, в определенной степени подведомственная варягам, делившим власть на волоке с местной знатью кривичей, была отнята Киевом. Стражем новых государственных интересов Руси на верхнем Днепре стал Смоленск, тезка далекого славянского Смоленска во Фракии, на юге Балкан.

Выше писалось о том, что варяги IX — X вв. питали слабость к славянским девушкам и охотно на них женились. Варяжская община на востоке Европы тем самым активно размывалась, и весь X в. количество вещей, сохранявших скандинавский тип, на Русской равнине неуклонно сокращалось.

В этой связи столь же символична, как и предание о призвании варягов, относящееся к IX в., легенда или быль о гибели вешего Олега в 912 г.

Летописец повествует: "И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал вольхвов и кудесник: "От чего ми есть умерети?" И рече ему кудесник один: "Княже! Конь его же любиши и езиши на нем, от того ти умерети". Олег же прием въ уме, си рече: "Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того". И повеле кормити и не водити его к нему, и пребы некаликю лет не виде его, дондеже на греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывьшу 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умерети. И призва старейшину конюхом, рече: "Кде есть конь мый, его же бе поставил кормити и блюсти его?" Он же рече: "Умерл есть". Олег же посмеяся и укори кудесника, река: "То ти неправо глаголють вольсви, но все то лъжа есть — конь умерл есть, а я жив". И повеле оседлати конь: "А то вижю кости его". И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лоб гол, и сяде с коня, и посмеяся рече: "От сего ли лба смърть было взяти мне?" И въступи ногою на лоб; и выникнувши змиа изо лба, и уклону в ногу. И с того разболеся и умре. И плакашася людье вси плачешь великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни... словеть могила Ольгова. И бысь всех лет княжения его 33"...

Смерть Олега — это символ заката эпохи варягов на востоке Европы. Хотя и позже, в X — XIII вв., ладьи шведов, датчан, норвежцев во множестве приставали под стенами Старой Ладogi, Новгорода, Полоцка, ходили по Волге к городам Булгарии [Vulgaría], плавали водами реки Vina [Северная Двина] и достигали Бьярмаланда [Bjarmaland] — севера Восточной Европы, влияние выходцев из Свитьод [Svitjod — Швеция], Даны [Danir] и Норвегии [Norwegia] на землях восточного пути [Austrvegir] неуклонно убывало.

В X — XIII вв. скандинавы не только торговали или нанимались на службу на Руси, но и совершали частые разбойничьи набеги на земли Карелии [Kirjalaland], Финляндии [Finnland], острова Эйсюсла [Eysysla — о.Сааремаа], Курляндии [Kurland].

Глава 4. Русь X в.

4.1. Князь Игорь (912 — 945 гг.)

В 913 — 914 гг. ладьи русов совершили военный поход на юг Каспия. Видимо, инициаторами предприятия выступили купцы Итиля и Семендера, стремившиеся к контролю над торговыми путями, ведущими в Багдад и в иные города востока. В первые десятилетия X в. безопасность караванных путей, шедших к югу и востоку от Каспия, оказалась под угрозой и Итилю была нужна внешняя сила, способная исправить положение.

Русы не сумели восстановить безопасность торговых коммуникаций Хазарского каганата. Судьба русов, ушедших на юг Каспия, была печальна.

А в Киеве в 913 г. сел на стол полянских князей Игорь. Весьма вероятно, что Игорь был потомком князей полян. Годом ранее, в 912 г., в Византии императором был провозглашен Константин VIII. Его правление пришлось на 912 — 959 гг., а его судьба оказалась тесно переплетенной с Русью.

Тем временем союз древлян "отложился" от Киева. В 914 г. Игорь собрал рать и, перейдя реку Тетерев, вступил под сень дремучих лесов, принадлежавших древлянам. Древляне выступили навстречу Игорю. Победила в схватке киевская дружина, состоявшая из профессиональных воинов, собравшихся отовсюду от Скандинавии до лесов мери и чуди и от земель прибалтийских венедов до нив, возделываемых словенями, кривичами, полянами. Широ киевской дружины было, быть может, и невелико, но бойцы в нем подобрались отменные. На древлян возложили дань, большую, нежели взымали при Олеге.

Среди данников Игоря Константин Багрянородный упоминает славянский союз лядзян, земли которых лежали в верховьях Западного Буга, на пограничье между Русью и Польшей. Дело в том, что Польша при Мешко I (960 — 992 гг.) стала активно объединяться. Чехия и Русь несколько опередили Польшу в деле объединения, что в дальнейшем привело к многочисленным пограничным столкновениям между славянскими государствами.

В 915 г. на южные рубежи Руси впервые подошли печенеги. Это были тюркские кочевники, шедшие по степям укрывшихся в центре Европы угров. Князь Игорь предпринял поход к нижнему Дунаю и заключил мир с печенегами. Видимо, на нижнем Дунае располагались главные становища печенегов.

Константин VIII Багрянородный оставил рассказ о печенегах. Согласно его описанию до конца IX в. печенеги кочевали в степях, раскинувшихся между реками Волгой и Уралом. В конце IX в. узы, так же как и печенеги, бывшие тюркскими кочевниками, вытеснили последних к западу от нижнего Дона вплоть до гирла Дуная. На водоразделе между Днестром и Сиретом печенеги столкнулись с отступавшими на запад уграми и изгнали их за Карпатские горы в центр Европы.

В середине X в. печенеги делились на восемь округов или колен, по четыре на правом и левом берегах нижнего Днепра. Округа в свою очередь делились на сорок частей. Во главе печенежских объединений стояли ханы, составлявшие собственную иерархию.

В 914 — 916 гг. на Балканах пылала война между Болгарией и Византией. Греки, как не раз бывало в истории ранее, запросили помощи у тюркских кочевников, на сей раз оказавшихся печенегами. На деле помощи от печенегов греки не получили, зато болгары овладели городом Андреанополем.

В 920 г. дружина Игоря вновь выступила в поход на печенегов. Следует заметить, что в VIII — X вв. славяне жили на Дону, при устье реки Воронеж [вятичи], на нижнем Днепре, при его излучине [уличи], и на нижнем и среднем Днестре, Пруте и Сирете, вплоть до гирла Дуная [тиверцы]. Все эти славянские союзы в X в. испытали жесточайшие притеснения от печенегов и от иных тюркских кочевников. В результате в XI в. граница владений восточных славян оказалась отодвинутой к северу, в полосу лесостепей востока Европы, на классические рубежи обороны Киевской Руси. Именно на защиту славянских союзов вятичей, уличей и тиверцев и выступила дружина Игоря в 920 г.

В 922 г. часть населения Волжской Булгарии приняла ислам. В 929 г. Балканы продолжала сотрясать война, шедшая между Болгарией и Византией. А в 934 г. угры долины реки Марица прорвались к стенам Византии. Роману, соправителю Константина VIII, удалось заключить мир с уграми. Однако угры продолжали вторгаться на Балканы, и в первую очередь в Грецию, в течение всего периода с 934 г. по 987 г.

В 939 г. князь Игорь овладел городом, стоявшим на западном берегу Таманского полуострова и запиравшим выход в Черное море через Керченский пролив. Город принадлежал Хазарскому каганату и назывался Самкерц. То был наследник греческого

города Фанагории и предтеча древнерусской Тму-таракани. Удержать Самкерц русы не сумели. Каган Хазарии мобилизовал тюрок, и в 940 г. был принят поход сил Хазарского каганата на Русь. Во главе похода встал Песах.

Первым делом у русов отняли Тамань и город Самкерц. Вслед за тем войско Пейсаха переправилось в Крым и принялось опустошать Южный берег полуострова. Из греческих городов выстоял лишь Херсонес. Далее армия каганата прошла Перекопский перешеек и устремилась под стены Киева. Игорь дал откуп и в столицу Руси армию каганата не пустил.

Можно сказать, что события 939 — 940 гг. стали предтечей победоносного похода Святослава Игоревича на Хазарский каганат. Святослав извлек уроки из ошибок отца и понял, что нужно крушить весь каганат, а не отторгать часть и ожидать реакции.

В 941 г. Хазарский каганат вновь отправил войско русов на юг Каспия для защиты своих экономических интересов. Русы овладели крепостью Бердаа, контролировавшей низовья реки Куры. Но судьба русского похода была столь же печальна, как и судьба похода 913 — 914 гг. Практически никто из русов на родину из тех походов не возвратился.

Весной 941 г. под киевскими горами князь Игорь собрал от трех до десяти тысяч ладей и челнов, приплывших едва не отовсюду из славянских земель востока Европы. Примкнули к воинству и варяги, обитавшие на Руси.

Неудачи 939 — 940 гг. уважения Руси не прибавили, и князь Игорь подобно предшественникам, заботясь о престиже державы, спешил отстоять льготы русской внешней торговли в империи ромеев.

О выходе русской флотилии в Черное море в Византию сообщили болгары. Силы империи были распылены, и 10 июня никто не сумел помешать армии Игоря высадиться на северо-западе Малой Азии, в провинциях Вифиния и Пафлогония. Запылали предместья городов Никомедия и Гераклея, и в стране ромеев началось страшное опустошение.

Спустя некоторое время с восточных и западных провинций империи к Византии подошли войска. Выступила и столичная сановная знать. Руси было дано сражение. В ход пустили так называемый "греческий огонь". К вечеру русь отступила к берегу, ночью же погрузилась в ладьи и отплыла от земли Анатолии. Русь ушла на север, в Киев.

Поход не дал ожидаемых результатов, и по возвращении на Русь Игорь принялся за хлопоты по организации нового похода на Византию. Во все концы полетела весть о предстоящем походе.

В 942 г. Ольга родила Игорю сына, названного красивым славянским именем Святослав. И действительно святая слава сопутствовала князю в жизни. Не покинула она его и после гибели.

В 943 г. Игорь вновь повел огромную армию под стены Византии. Под руку князя собрались варяги, поляне, словены, кривичи, вятичи, тиверцы и, конечно же, русь. А русью были выходцы из различных славянских союзов, сплотившиеся вокруг

Киева и ставшие основой новой национальности, как в XIV в. Москва стала оплотом русских и России.

Славяне плыли к морю в ладьях и челнах по Днепру. По суше, берегом Днепра, на юг шли печенеги. Их Игорь привлек к походу "ная. тали их оу них поимаша" [взяв заложников].

Крымские греки послали к Роману сказать: "Се идуць Русь бес числа корабли, покрыли суть море корабли". Скоро в Византию прискакали гонцы от болгар, подтвердили весть о руси, да добавили про печенегов, своих давних недругов — "иду ть Русь и наили суть себе Печенеги".

Греки устрашили Русь. Мы помним о том, что в 934 — 987 гг. империю сотрясали набеги угров Византия, не мешкая, отправила послов навстречу князю Игорю. Застали послы Игоря на нижнем Дунае как раз вовремя. Руси греки предложили мир и дали откуп. Игорь стал совещаться с воинами, и те просили князя принять условия империи. При этом Игорю сказали, что богиня войны капризна, а греки сами молили без битвы взять дань, подобную той, что брал Олег, и даже более.

Вернувшись в Киев, Игорь снесся с Византией, и в 945 г. столица Руси приняла послов империи. Игорь выслал своих послов в Византию и заповедал им обновить ветхий мир прежних времен. А в Киеве, в тогдашней христианской соборной церкви св. Ильи, греки поклялись над текстом нового договора. Документ был подписан именами тех греков. Затем греческие послы привезли договор Роману и передали речи Игоря.

В завершении дипломатических ходов сторон Игорь привел греческих послов на холм вблизи Киева, где стоял идол Перуна, и поклялся в верности заключенному с империей миру своим оружием.

В 945 г. в Киеве жило немало христиан. Особенно много их было среди варяжской общины города. Собирались христиане в церкви св. Ильи, стоявшей над ручьем среди киевских гор. К этой церкви и пришли греческие послы поведать о речах князя Игоря. А речи были милостивы к грекам. Прощаясь, Игорь одарил послов скорою, челядью и воском.

А в то же лето 945 г. дружина Игоря жаловалась князю, говоря, что отроки княжеского воеводы Свенельда "изоделись оружием и портами, а они наги".

Действительно, до 945 г. князь Игорь отдал дань, собирающуюся с союза уличей Свенельду. Воевода предпринял несколько походов в землю уличей и овладел центром славянского союза городом Пересечен. Подобная политика Киева в отношении уличей привела к тому, что земли к югу от реки Рось очень скоро оказались во власти печенегов.

Видимо, после того как в излучине Днепра обосновались кочевья печенегов, в 942 г. Свенельд получил от Игоря право сбора дани в древлянской земле. Это окончательно возмутило дружину киевского князя.

Тем временем близилась роковая для Игоря осень 945 г. Приспело время ежегодного зимнего объезда земель, подвластных Киеву. К будущей весне надо было собрать горы пушнины для торгов-

ли с Византией. Недаром столько было потрачено человеческих жизней и средств на оплату наемников ради заключения договоров с греками.

Все обошлось бы, сумей Игорь сдержат себя в момент, когда казна, возможно, и была пуста, а дружина ворчала от неудовольствия. Князю хотелось побыстрее пополнить казну государства и умиротворить обносившуюся в походах дружину. Но на беду Игоря древляне имели собственный, вполне широчайший взгляд на вещи.

Древляне дали Игорю обычную дань. На обратной дороге Игорь решил вернуться в землю древлян, походить еще. Игорь отпустил дружину в Киев, а сам с малой дружиной вернулся в землю древлян "желая больша имения".

Мы узнаем от летописца, что в земле древлян в середине X в. сидели собственные князья, хотя и дававшие Киеву дань, но правившие древлянами фактически практически самостоятельно. Древляне так отзываются о своих князьях в разговоре с Ольгой: "наши князи добри суть, иже распасли суть Деревляньску землю..."

Невольно вспоминаются светлые князья, сущие под Олегом, фигурировавшие в договорах Руси с греками рубежа IX — X вв. Возникает вопрос: почему князья восточнославянских союзов IX — X вв., располагавшие собственными центрами и дружинами и самостоятельно собиравшие в своих землях дань, все же тяготели к Киеву?

Нам известно, что именно Киев еще в 860 г. выступил инициатором организации похода объединенных сил славян востока Европы на Византию. И в дальнейшем именно Киев и его князья выступали от лица славян в спорах с Хазарией, Византией, с печенегами, с Волжской Булгарией и даже с Германией. Восточные славяне в IX в. как бы не возражали против первенства Киева. Летописец провозгласил Киев матерью городов русских и вложил те слова в уста Олега. И чем более возвышался Киев и более богател, тем меньшее сопротивление оказывали восточные славяне его гегемонии.

Киев в IX — X вв. стал тем тараном, или локомотивом, который, вбирая силу отдельных славянских союзов востока Европы, проламывал барьеры, чинимые Руси соседями. Ни один союз славян не мог самостоятельно отстоять свои торгово-экономические права перед Византией или перед Хазарским каганатом и теми же варягами. Только Киев и сплотившиеся вокруг него силы оказались способны решить насущные для Руси задачи, возникавшие в IX — X вв.

В XII в. на Руси начался обратный процесс децентрализации. Но речь о том впереди.

И все же славянские союзы и их знать в X в. еще не отвыкли от уважения к собственным интересам. Обратимся к свидетельству летописца: "Слышавъ же Древляне, яко опять идетъ [Игорь] и съдумавъше Древляне с князьемъ своимъ Мальмъ: "Аще съмъвадитъ вълк в овъце, то выноситъ въсе стадо, аще не убюють его. Тако и съ — аще не убием его, то въся ны погубитъ!" И посылаша к нему, глаголюще: "Почьто идеши опять — поимал еси въсю дань". И не послуша их Игорь. И ишъдъше из града Иско-

ростеня противу древляне, убиша Игоря и дружину его, бе бо их мало. И погребен бысть Игорь, и есть могила его у Искоростеня града в Деревях и до сего дъне".

Из других источников известно, что древляне привезли Игоря к стволам двух склоненных друг к другу деревьев и князь был разорван на части.

4.2. Княгиня Ольга (945 — 957 гг.). Торговля с Византией

А княгиня Ольга с сыном Святославом, кормильцем его Асмудом и воеводой Свенельдом сидела той осенью в Киеве. Вскоре под киевскими горами приехали ладьи, привезшие двадцать лучших мужей древлян. Они приехали для того, чтобы посватать древлянского князя Мала к княгине Ольге. Ладья с древлянами по приказу Ольги была "вринута в яму".

И снова к Киеву приехали древлянские послы. На сей раз Ольга велела сжечь их в бане заживо. Схожий эпизод мы встречали в сагах северных германцев. Разница в деяниях Сигрид и Ольги состоит, помимо прочего, в том, что Ольга расправилась с древлянами в 945 — 946 гг. Сигрид сожгла своих незадачливых женихов в старом доме, включая Харольда, конунга Норвегии, и Виссавальда, конунга из Гардарики, на полвека позже, в конце X в.

Вслед за уничтожением двух посольств Ольга пришла в землю древлян, на могилу Игоря и велела насыпать над ней курган и творить тризну. Пившие без меры древляне по приказу княгини были изрублены киевскими отроками. Но и этой кровью гнев Ольги не был утолен.

Летом 946 г. Ольга со Святославом, кормильцем его Асмудом и воеводой Свенельдом вступила в землю древлян, ведя киевскую дружину. Вскоре полки неприятелей сошлись или, как говорили в старину, "снемъщися". Юный Святослав метнул копье в древлян, но детская рука еще не набрала силы и копье, пролетев сквозь уши коня, ударило животное в ногу. Тут Свенельд и Асмуд обратились к киевской рати: "Князь оуже почал. потягнемъ дружино по князи". Сражение было скоротечно. Древляне побежали по своим городам и затворились в них. Ольга с дружиной подошла под стены Искоростеня, но взять город было непросто. Ольга лето простояла под Искоростенем, пока, наконец, не придумала, как расправиться с ненавистным городом.

Ольга предложила измученным осадой горожанам мир, но прежде просила дань — по три голубя и три воробья от двора. К утру Ольга обещала отступить.

Дань княжне дали, и Искоростень в тот же день был сожжен. Птицы устремились к гнездам, свитым под соломенными и тесовыми крышами города. К лапкам голубей и воробьев были привязаны горящие трупы.

В итоге на древлян возложили тяжкую дань, две трети которой шли в Киев, а треть в Вышгород, в город княгини Ольги.

Следующий 947 г. показал Ольгу как энергичную правительницу. Быть может, Ольга как государственной деятель превзошла мужа и сына. Впрочем, это вопрос скорее риторический. Заметим лишь, что Ольге в 947 г. было пятьдесят четыре года и иная вдова ее возраста не отважилась бы выехать из Киева или Вышгорода далее как на один дневной переход.

Ольга в 947 г. с дружиной выехала на север. Это была необъятная лесная страна, откуда в 903 г. ее десятилетней девочкой привез Олег к Игорю. Видимо, Ольга поднялась по Днепру до волока у Гнездова и, оказавшись на Западной Двине, добралась до волока в Ловать и так достигла озера Ильмень. Вместе с ладьями посуху могли идти лошади, везшие киевскую дружину.

Возможно, что Ольга выступила на север поздней осенью, в пору, когда на реках стал крепкий лед. Все путешествие Ольга могла провести, сидя в санях. Заметим, что как раз в середине X в. активно отстраивался Новгород, быстро затмивший Рюриково городище.

От Новгорода Ольга уехала на восток руслом реки Мста. В те годы по Мсте словене новгородские шли на верхнюю Волгу и всю работал волок на месте современного Вышнего Волочка. Через волок от Новгорода шли ладьи в Булгар, Итиль и далее на Каспий. Мста имела огромное значение для восточноевропейской торговли, и Ольга начала ставить по реке погосты и устанавливать дани. Для Киева в 947 г. была очевидна необходимость установления административного контроля, как минимум, над важнейшими транспортными путями Русской равнины. Ольга понимала, что обладание лишь днепровским речным путем не сделает Киева столицей далее границ днепровского речного бассейна. Ольга стремилась к Волге, так же как ее муж ранее стремился к Тамани.

Проехав из края в край реку Мсту, Ольга вернулась в Новгород и скоро уехала на реку Лугу. С озера Ильмень через реку Шелонь на Лугу вел волок. А руслом Луги можно было попасть в Балтийское море. Княгиня Ольга установила на Луге погосты, дани и оброки.

На северо-западном рубеже словенских земель, на правом берегу реки Нарва, к северу от Чудского озера, и поныне сохранилась деревня с названием Ольгин крест. Не исключено, что в 947 г. Ольга установила над Нарвой каменный крест, ибо, вопреки, посетила эти места, а во-вторых, никогда не скрывала симпатий к христианству и вполне могла отметить рубеж государства крестом.

Летописец сообщает, что сани, везшие Ольгу, стоят в Пскове "и до сегодня". Во времена составления "Повести временных лет" сани Ольги и в самом деле могли сохраняться в Пскове, где княгиня, вероятно, делала остановку. Недалеко от Пскова, на берегу реки Великой, стоит село Выбуты. Тут, по преданию, родилась Ольга.

В 947 г. княгиня Ольга объехала едва не все славянские земли на севере Восточной Европы. Летописец замечает: "... и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места, и погосты... и по Днепру перевесища и села, и по Десне, есть село Олзино и до сего дни".

Видимо, в Киев Ольга возвращалась руслом реки Десны, через земли кривичей, вятичей, радимичей и северян, не спешивших самостоятельно склонять голову перед Киевом. В верховье Десны, недалеко от волока, соединявшего реку с Угрой, в районе города Ельня, по сей день стоит село Вольговка. А неподалеку, в верховьях бассейна реки Сож, расположено село Вользино. Возможно, в этих селах Ольга останавливалась в 947 г., и, быть может, они стали принадлежать княгине, как принадлежал ей Вышгород. В X в. город Малин принадлежал древлянскому князю Малу. Княжеские и боярские города и села в X в. были еще немногочисленны, но тенденция к их появлению установилась устойчивая.

Уже в низовьях Десны представлен еще один топим с именем Ольги в основе. К западу от Чернигова, в 947 г. представлявшего собой укрепленный город с обширным посадом и большим курганным некрополем, расположено урочище, именуемое Ольгово поле.

По возвращении в Киев Ольга обняла сына Святослава, которому было пять лет от роду. Летописец особо говорит, что Ольга "пребываше с ним в любви".

В 955 г. Ольга поехала в Византию. И тут мы прибегаем к свидетельству греческого императора Константина VIII, в середине X в. в посетившего Русь:

"Зимний и суровый образ жизни этих самых Русов таков. Когда наступает ноябрь месяц, князья их тот час выходят со всеми русами из Киева и отправляются в полюдье, т.е. круговой объезд и именно в славянские земли Вервианов [древлян], Другувитов [дреговичей], Кривитеинов [кривичей], Севериев [северян], и остальных славян, платящих дань Русам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепр, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодревки... снаряжаются и отправляются в Византию....

...Однодревки, приходящие в Константинополь из Внешней Руси, идут из Невогарды [Новгорода], в котором сидел Святослав, сын русского князя Игоря, а также из крепости Милински [Гнездово или Смоленск] из Телюцы [Любеча], Чернигоги [Чернигова] и из Вышеграда. Все они спускаются по реке Днепру и собираются в Киевской крепости, называемой Самватас...

...Данники их, славяне, называемые Кривитеинами и Ленсанинами, и прочие славяне рубят однодревки в своих городах в зимнюю пору и, отделав их, с открытием времени, когда лед растает, вводят в ближние озера. Затем, так как они [водоемы] впадают в реку Днепр, то оттуда они и сами входят в ту же реку, приходят в Киев, вытаскивают лодки на берег для оснастки и продают русам. Русы, покупая лишь самые колоды, оснащают старые одно-

древки, берут из них весла, уключины и прочие снасти и оснащают новые..." [Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. — М. — Л., 1934, с. 10].

Константин VIII писал о Руси около 948 г. Из его сочинения можно представить картину полюдья в Древней Руси.

Осенью, как станет лед на реках, из ворот Киева, в X в. он был невелик, выезжала княжеская дружина, составленная из нескольких сотен, а может, и тысяч отроков, представлявших различные восточнославянские союзы. Были в дружине и варяги. Наиболее знаменит среди них Свенельд, собиравший дань с уличей и древлян.

Ближайшей к Киеву была древлянская земля, и именно ее города, стоявшие на реках Тетерев, Уж, Уборть, ранее всего объезжала киевская дружина. Объехать все волости древлян и за всю зиму было невозможно, и дружина посещала лишь несколько городов, куда загодя свозили пушнину и иной сброд. Это были центры речных долин, подобные городам Радомышль, Мическ или Житомир на реке Тетерев, Искоростень и Овруч в бассейне реки Уж и Олевск на реке Уборть. Древляне под присмотром своих князей к ноябрю отправляли в места остановки киевской дружины транспорты с положенным каждой волости оброком.

Часть дружины возвращалась с древлянской дню в Киев, но основная часть отряда переходила в землю союза дреговичей. И снова все повторялось. Киевская дружина едва ли заходила в глубь полесских лесов и болот, называемых дрегвой. Крупнейшими городами дреговичей на Припяти были Пинск, Давид-Городок, Хотомель, где уже в VIII в. размещалась дружина местного князя, Туров и Мозырь. Эти города и могли посещать киевляне, двигавшиеся в глубь земли дреговичей руслом замерзшей Припяти. Могли киевляне взять дань с дреговичей и на Днепре, в районе города Рогачев, традиционно принадлежавшего Турово-Пинскому княжеству, а ранее принадлежавшего в землю дреговичей как форпост на главной торговой артерии Руси.

Земли в верховьях Днепра принадлежали славянскому союзу кривичей. Киевская дружина едва ли далеко отклонялась в движении от русла Днепра вплоть до места, где к нему с юга наиболее близко вливаются верховья Десны.

Если начало полюдья Повесть осветила на примере несчастного похода князя Игоря к древлянам, то конечный участок зимнего похода можно угадать из рассказа о поездке княгини Ольги, совершившей в 947 г. Возвращалась в Киев княгиня руслом Десны, минуя земли кривичей, радимичей, вятичей и северян.

У радимичей, сидевших на реке Сож, отношения в Киеве складывались непросто, но речь о том впереди.

Между городами Брянск и Козельск, среди густых лесов, в верховьях реки Жиздры [приток Оки], расположено село Полюдово. Окрестные леса в VIII—XIII вв. населялись вятичами. Возможно, в Полюдово заходили киевские сборщики дани, несколько отдаленных от русла Десны. Но весьма

вероятно, что в Полюдово для сбора дани заходил вятичский князь. Во всяком случае во времена Константина VIII вятичи едва ли брались в расчет киевскими сборщиками дани. Да и не упоминает греческий император вятичей. Союз вятичей оказался крепким орешком для Киева и долее других славянских союзов востока Европы оборонял от днепровской столицы свою независимость.

Константин VIII говорит о Внешней Руси, составлявшей в Киев однодревки. Под Внешней Русью император подразумевал ту часть Русской равнины [главным образом на верхнем Днепре], которая была занята славянами в VI—IX вв. и словно нависала с севера и северо-востока над классической Русью лесостепей Восточной Европы.

Из повествования Константина VIII можно представить такую картину. В зимнюю пору, когда княжеские вирники и отроки отовсюду, куда только могли проехать, гнали к Киеву обозы, составленные из саней, полных skóry и иного добра, замерзшими руслами Днепра, Припяти, Десны и их притоков, в многочисленных городках и деревеньках славян кипела жаркая работа. Славянские топоры валяли лес и выделывали множество челнов и ладей. А надо было успеть поохотиться на куниц, соболей и лисиц и позаботиться о дровах. Кроме того, зимой крестьяне плели корзины, пекли хлеба и справляли многочисленные языческие праздники, в XI в. ставшие христианскими.

С наступлением весны с севера от Ольгина креста на Нарве славяне спускали изготовленные за зиму челны и ладьи на воду и руслами рек, преодолевая волоки и пороги, устремлялись под киевские горы. Кроме того, что деньги выручали за судно, приезжие кое что продавали горожанам.

На Подоле, под Киевом, с наступлением весны начиналась шумная пора. Люди торговали, катили по доскам в ладьи и с ладей бочки, носили тюки, галдели, заключали оптовые сделки. При расчетах в ход шли слитки серебра и золота, восточные дирхемы, западноевропейские монеты, пушнина. Повсюду пылали костры, у которых люди грели озябшие от холодных весенних зорь, от стужной днепровской воды руки. Киевскими спусками от ворот города к реке с раннего утра до позднего вечера ездил телеги, возившие горы товаров. Тут же торговали квасом и медовым напитком, предлагали печеное и жареное, соленое и копченое.

Вместе с тем в мешанине людей, подвод, ладей и гор товаров кони жевали сено, собаки сновали в поисках добычи, птицы клевали зерна овса, ржи и проса, отливавшие золотом на фоне прибрежного ила, песка и глины.

Многим не хватало места на торжище под киевскими горами, и они приставали к берегу Днепра выше или ниже столицы. Начиная от Вышгорода и до гавани города Воинская Гребля, в устье реки Сулы с апреля до июля накапливалась те массы людей, товаров и судов, которые с наступлением лета должны были собраться вместе и начать долгий и опасный поход под стены Византии, в центр тогдашней евразийской цивилизации.

Снова обратимся к свидетельству очевидца событий, к Константину VIII:

“В июне месяце, двинувшись по реке Днепру, они спускаются в Витичев, подвластную Руси крепость. Подождав там два-три дня, пока подойдут все однодревки, они двигаются в путь и спускаются по названной реке Днепру”.

Далее ниже по Днепру справа от флотилии оставался небольшой, но хорошо укрепленный город Ржищев, проплывал за бортами Варяжский остров. На левом берегу Днепра, при устье реки Трубеж, в окружении громадных змиевых валов, в мареве теплого июньского воздуха растворялся едва видный из-за прибрежной растительности силуэт Переяславля. Одновременно справа над флотилией нависала гора Заруб. С ее укреплений княжеские отроки без усталости наблюдали за излюбленной степняками переправой через Днепр.

Ниже по течению флотилия проплывала мимо города Канева, устья Роси и печально известного города Родня. Громадная, отовсюду закрытая, гавань города Воинская Гребля, при устье Сулы, служила последним безопасным прибежищем для русской флотилии в ее пути на юг. Тут дожидались отставших, пополняли запасы провизии, узнавали вести с родных земель. Тут же, вглядываясь в бескрайнюю степь, таившую множество опасностей, участники похода невольно осознавали необходимость в сплочении, дабы выжить и добраться до Византии и обратно на Русь.

От устья Сулы до порогов было не менее двух сотен километров плавания и надо было остерегаться стрел кочевников. Участники похода суровели, умолкали и принимались всматриваться в каждую балку, где могли затаиться печенеги, в каждую заросль камыша, где мог сидеть стрелок.

На порогах часть судов разгружали, дабы они без риска могли одолеть кипящий котел из стремительно мчащейся воды и камней. Часть грузов и челнов перетаскивали мимо порогов посуху.

Все время, пока русская флотилия одолевала один за другим днепровские пороги, печенеги подобно волкам стремились незамеченными подобраться и ухватить часть грузов, сплавлявшихся к морю. Нередко обе стороны в ход пускали оружие.

Одолов пороги, флотилия достигала острова Хортица. Остров расположен на восточной оконечности днепровской излучины. На берег острова втаскивали челны и ладьи. Необходимо было поблагодарить богов за успешное прохождение порогов. Константин VIII свидетельствует: “...русы совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят петухов, кругом втыкают стрелы, а иные кладут куски хлеба и мяса...”

В низовье Днепра, у развалин Ольвии, в I тыс. до н.э. торговавшей со скелотами, расположен остров Березань. Народная изустная традиция остров помнит как Буян. На его берегах суда готовили к морскому переходу. На них устанавливали мачты и оснащали их парусами.

Выйдя в Черное море, флотилия не отдалялась от побережья. Минув устье Днестра, флотилия дости-

гала гирла Дуная. От Воинской Гребли до гирла Дуная за флотилией скакали печенеги. Если часть судов волны выбрасывали на берег, вся экспедиция высаживалась на побережье и противостояла печенегам.

Одновременно ладьи и челны русов спускались вниз по Волге к Булгару и далее к Итилю и затем выходили в Каспийское море. Впереди русов ожидал персидский берег. Тут поклажу с судов перегружали на верблюдов и одолевали семьсот километров пути, шедшего среди гор и пустынь, и достигали вожделенного Багдада.

Из Персии, Итиля и Булгара русские купцы возвращались с грузом китайского шелка и многочисленными изделиями восточных ремесленников. В домотканых и кожаных мешочках, надежно припрятанных на поясе под широким плащом, рядом с мечом у купцов позвякивала полновесная восточная монета.

Восточные товары, и прежде всего шелк, не залеживались подолгу в теремах русских купцов. С Руси товары направляли в города Центральной и Западной Европы. От Киева через Волынь к верховьям Западного Буга шла большая торговая дорога. Она служила продолжением сухопутного пути, шедшего от Булгара, со средней Волги к Киеву. На Западном Буге располагались дальние на западе форпосты Руси — города Брест и Дрогочин. Тут взималась пошлина с ввозимых и вывозимых товаров.

Из Волыни и Галиции русские купцы попадали в Краков. Далее через Моравские ворота купцы выходили в Моравию, Чехию и оказывались на верхнем Дунае, в городах Германии. Важнейшим торговым партнером славян и Руси на юге Германии был город Регенсбург, столица Баварии.

Каждое лето от пристаней Новгорода, Старой Ладого, Пскова и Старого Полоцка в X в. руслами Волхова, Нарвы, Западной Двины уплывало множество судов, полных скорой, медом, воском, шелком и восточным товаром. После нескольких суток плавания по отливающим сталью водам Балтики русские суда причаливали к пристаням городов Волин, Аркона, Старгород, Гамбург, Бремен. Ходили русские купцы и к островам Готланд, Борнхольм, в центры Скандинавии — Уппсалу, Сигтуны, Бирку — и далее в Данию и Норвегию.

Из Европы на Русь купцы везли сукно, шерсть, вина, франкские мечи и доспехи, ювелирные украшения и массу иного товара.

При осознании масштабов торговых операций, ведшихся Русью, становятся очевидны мотивы многих поступков князей Киева IX — XI вв. Недаром Аскольд и Дир, Олег и Игорь, а позже Святослав, Владимир I и Ярослав Мудрый, не считаясь с потерями и затратами, так настойчиво стремились получить гарантии торгового мира с Византией. И совсем не случайно Игорь пытался овладеть Таманью — ключом донского пути в Черное море, а Святослав Игоревич и вовсе сокрушил весь Хазарский каганат, города которого запирали низовья Дона и Волги. Понятны и поездка овдовевшей Ольги на Мсту и Лугу, и первостепенная важность

для славян Старой Ладого, столь лакомого куса для варяжских дружин.

Торговля, ведшаяся Русью в IX — XI вв., предопределила и объединительную политику Киева и покорность отдельных славянских союзов в отношении гегемонии Киева и такие явления, как полюдь. Все издержки, в том числе и моральные, покрывала материальная выгода, извлекавшаяся централизованным древнерусским государством и частью его граждан из ежегодных торговых операций, ведшихся с востоком, греческим югом и германским западом. Киев в IX — XI вв. стал тем кулаком, которым Русь добивалась реализации своих интересов.

В IX — X вв. союз полян и стоявшие во главе него киевские или русские князья сплотили вокруг себя земли древлянского, дреговичского, кривичского и северского славянских союзов. Радимичи, вятичи и хорваты до конца X в. продолжали отстаивать свою независимость. Северные земли словен новгородских и кривичей псковских были связаны с Южной Русью неразрывными торгово-экономическими узами. И часто те узы были крепче государственных утконошений.

В X — XI вв. территория русского государства расширилась на запад, вовлекая в свою стихию земли хорватов и волынян. Вместе с тем окрепший княжеский дом Киева стал сажать в дальних и ближних городах и волостях не только представителей своей династии, но и наместников, защищавших на местах интересы государства. И вот уже на востоке Руси ее границы коснулись Булгара, на юге утвердились на Тамани и в низовье Дуная, на западе достигли реки Сан и польского города Люблин (одно время входившего в состав галицкого княжества). А на севере границы русского государства стремительно продвигались к берегам Ледовитого океана. Ладьи словен новгородских ежегодно осваивали новые речные и морские пути севера, а сами словены не уставали возносить благодарственные молитвы богу за величину и богатство дарованных им земель.

Континентальная торговля, ведшаяся Русью, не только раздвигала географические и экономические горизонты вокруг центра государства, но и вела к внутреннему перерождению Руси.

Видимым олицетворением этой метаморфозы у открывавшейся миру Руси стало принятие христианства. Русь стояла последней в череде славянских государств, до последней четверти X в. не принявшей нового кодекса не только морали, но и всего внешнего проявления естества и природы государства и населявших его народов.

Первой навстречу христианству шагнула княгиня Ольга. В 955 г., видимо находясь в составе шедшей к Византии русской торговой флотилии, она приехала в столицу империи.

В Византии правил хорошо нам знакомый Константин VIII. До 948 г. его соправителем был тесть Роман I Лекапень (919 — 948 гг.). Кроме того, соправителями императора были его шурины: Христофор (919 — 931 гг.), Константин (923 — 945 гг.) и Стефан (945 — 964 гг.).

Константин VIII в своей книге “О церемониях” годом приезда Ольги называет 957 г.

Русская княгиня появилась в Византии с собственным священником Григорием. Это указывает на то, что, возможно, Ольга уже приняла крещение. Мы помним о киевской церкви св.Ильи и о значительном числе христиан, живших в столице в X в.

Если правда то, что Ольга приехала в Византию христианкой, а это тем более вероятно, что сам Константин VIII не упоминает о ее крещении, то рассказ составителя “Повести временных лет”, посвященный крещению Ольги в Византии, всего лишь красивый вымысел.

Но в летописном повествовании есть символическая деталь. Ольгу в Византии крестили сам император Константин VIII и патриарх.

“Бе же имя ей наречено в крещении Елена [Елена], якоже и древняя цесарица, мати Великого Костянтина”.

Константин Великий [IV в.] стал первым римским императором, утвердившим христианство в качестве официальной религии. Мать его звали Еленой. И тут следует отдать должное летописцу, ибо приведенная им параллель весьма удачна и символична.

Кроме того, супругу Константина VIII также звали Еленой Лакапин. Христианское имя Ольги Елена могло означать наречение ее духовной дочерью императорской четы. Подобное было принято при крещении в средние века.

Однако визит Ольги в Византию посеял в ее душе семена сомнения и побудил к известным действиям. О том, что не все складывалось гладко во время пребывания Ольги в столице империи, узнаем от летописца:

“Си же Ольга приидя Киеву, и, якоже рекохом, присъла к ней цесарь Грьчский, глаголя, яко — многу дарих тя. Ты бо глаголаше къ мъне, яко, аще възвращюся в Русь — многы дары присълю ти: челядь и воск и скору и вои в помощь; Отъвещавъши же Ольга, рече к сълом — Аще ты, рци, тако же постояши у меня в Почайне, якоже аз в Суду, то тыгда ти дамъ”.

Дары русской княгине Константин VIII и в самом деле преподнес немалые, и об этом император особо сказал в своей книге. Но ранее император унижил Ольгу, продержав в заливе Суд, прежде чем позволил войти в столицу. Тем самым император расставил точки в предстоящем разговоре и дал понять Ольге, что она лишь одна из множества иных, а право греться в лучах солнца империи — это великая милость и русская княгиня, при известном смирении может ее удостоиться. Позиция Константина VIII не могла не смутить Ольгу, и она пустилась на женскую уловку.

Киевские летописцы дружно молчат о том, что в 959 г. Ольга отправила посольство к германскому императору Оттону I, прося выслать на Русь епископа и духовенство. Мы узнаем об этом событии из западных источников. Оттон I не мог не отреагировать на подобную просьбу мгновенно, и скоро в Киев приехал новопосвященный епископ Руси Адальберт со спутниками.

До поездки на Русь Адальберт [+981 г.] был монахом Вейсенбергского монастыря. По возвращении из Руси в Германию Адальберт стал епископом магдебургским.

Полагают, что Адальберт стал автором труда, именуемого хроникой продолжателя Регинона Прюмского [+915 г.]. Ее повествование охватывает 907 — 967 гг. Поездку Адальберта в Киев относят на 961 г.

Обратимся к свидетельству хроники:

“В лето от воплощения Господня 959 король снова отправился против славян; в этом походе погиб Титмар. Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе, явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников...”

... 960 г. Король отпраздновал рождество господне во Франкфурте, где Либуций из обители св. Альбана [г. Майнца] посвящается в епископы народу ругов до-стопочтенным епископом Адальдагом [г. Бремен]...

... 961 г. ... Либуций, который не смог отправиться в путь в прошлом году из-за какой-то задержки, умер 15 февраля сего года. Его сменил, по совету и из-за вмешательства архиепископа Вильгельма [г. Майнца], Адальберт из обители св. Максимиана [г. Трир], который, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправиться на чужбину. С почестями назначив его для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался”.

Папа Агапит II (946 — 955 гг.) даровал право гамбургскому архиепископу Адальдагу (937 — 988 гг.) ставить епископов на севере Европы и в землях славян. А работа, ведшаяся в этом направлении, кипела. У римского папы до нее не доходили руки. Решения должны были приниматься быстро и в Германии. Около 948 г. Оттон I создал пять новых епископий — две в землях полабских славян, в Браненборе и в Хафельберге, и три в Дании — в Шлезвиге, Риббе и Орхусе. Просьба Ольги пришлась как нельзя кстати.

Однако судьба посольства епископа Адальберта оказалась обескураживающей. В 962 г. Адальберт бежал из Киева, при этом многие из сопровождавших его лиц были убиты и сам епископ едва избежал гибели.

Столь скоротечная миссия Адальберта на днепровские берега и ее результат указывают на то, что никто на Руси не то что не питал симпатии к латинскому духовенству, но, напротив, испытывал к нему неприязнь. Русские, ведшие торговлю на верхнем и среднем Дунае, были прекрасно осведомлены о судьбе славян центра Европы и не могли не знать о роли латинского духовенства во внешней политике Германии.

Видимо, Византия уж очень высокомерно приняла Ольгу, а выдвинутые Константином VIII условия принятия Руси в лоно христианства смущали княжью несоответствием действительного положения ее государства тому статусу, который ему отводили греки.

Несмотря на обиду, в августе 960 г. — марте 961 г. русские воины участвовали в операциях, проводимых Никифором Фокой против арабов на Крите.

Тем временем у Ольги подрастал Святослав. Мать пыталась привлечь его внимание к христианству, но усилия ее были тщетны. Мальчику шел тринадцатый год, и мысли его были далеки от устремлений матери. Святослав бредил походами, сражениями, его манили далекие страны и странствия.

4.3. Святослав Игоревич (+972 г.)

В 964 г. Святославу исполнилось двадцать два года. Князь возмужал, и на сцену мировой истории вырвалась та сила, которая была призвана утвердить восточнославянское государство как мощнейшую державу. Недаром летописец посвятил юному Святославу восторженные строки:

“Князю Святославу възрастшу и възмужавшу, нача вои совкупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардус, войны многи творяше. Ходя воз по себе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подьклад постлав и седло в головах: такоже и прочии вои его вси бяху.

И посылаше къ странам, глаголя — Хочю на вы ити”.

Святослав Игоревич решил расширить рубежи русского государства на северо-востоке. Летописец повествует:

“И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем — Кому дань даете? — Они же реша — Козаром по шьягу от рала даем”.

Окские и волжские речные пути были для Киева весьма притягательны, ибо русская столица едва ли что имела от кипевшей в VIII — X вв. на тех реках торговли, а выгоды от обладания бассейнами верхней Волги и Оки сулили немалые. Но проблема в том крае для Киева была не в вятичах, а в запиравших низовья Дона и Волги городах и крепостях Хазарского каганата. Именно эта сила безраздельно контролировала торговые пути, ведущие в Персию, Среднюю Азию и далее в Индию и Китай.

И в 965 г. Святослав вывел русскую армию в большой поход на восток.

Выше писалось, что в 834 г. греческие инженеры выстроили на нижнем Дону крепость Хазарского каганата Саркел [Белую Вежу]. Греки предвидели скорое возвышение языческого колосса Восточной Европы — Руси — и спешили предупредить ее экспансию. И это удавалось, но лишь до тех пор, пока восточные славяне были разобщены. В IX — X вв. Русь, поначалу бывшая небольшим государством, стремительно объединяла вокруг себя силы всего восточноевропейского славянства. Для достижения этой цели в ход шли и дружины варягов, и походы князей в земли отдельных славянских союзов. Скоро все на просторах Русской равнины начало подчиняться единому центру. Многочисленные города, волоки, погосты, волости и целые провинции в X в. стали жить в едином ритме, и сила, отовсюду

стягивавшаяся Киевом в державную десницу, приобрела всепокрушающую мощь.

Святослав стал достойным олицетворением силы Руси. Князь, быть может, до конца не понимал ее возможностей, но не чувствовать ее он не мог. То, чего не сумел добиться Игорь три десятка лет назад, Святослав осуществил чуть не с легкостью и с истинно русской доблестью.

Летописец повествует: “Иде Святослав на козары. Слышавше же козары, изидоша противу съ князем своим Каганом, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белую Вежу взя. И ясы победы и касогы”.

Поход на Хазарский каганат Святослав начал с того, что вошел в земли вятичей [964 г.]. В 965 г. войско Святослава по Волге двинулось вниз, к дельте. В том же 965 г. состоялась битва между армиями Святослава и кагана. Русь одолела, и стоявший на острове волжской дельты столичный город Итиль прекратил существование.

Вслед за Итилем пали города каганата: Семендер на Тереке, и тут Святославу пришлось смирить север [осетин] и касогов [адыгов], Самкерц на Таманском полуострове и Саркел на нижнем Дону.

Города Саркел и Самкерц, контролировавшие донской речной путь в Черное море, вошли в состав русского государства и стали называться соответственно Белая Вежа и Тмутаракань.

Таким образом, в результате военного похода, предпринятого Святославом Игоревичем в 964 — 966 гг. [согласно арабскому источнику в 968 — 969 гг.], Хазарский каганат, с середины VII в. до середины X в. контролировавший львиную долю грузопотоков, перекрещивавшихся в сердце Евразии, прекратил существование.

Завершил кампанию Святослав в земле вятичей, там же, где она была начата. Под 966 г. летописец сообщает:

“Вятиче победи Святослав, и дань на них възложи”.

Но и после 966 г. страна вятичей оставалась для Киева далекой, труднопроходимой и неприветливой страной. Вятичские леса, глухие, дремучие, девственные, отсекали юг Киевской Руси от Руси Ростово-суздальской, залесской. Поход в залесские земли через леса вятичей был делом непростым, и без крайней нужды в такие походы никто не пускался. Предпочитали промчатся в санях по замерзшему руслу Днепра от Смоленска до Киева, но леса вятичей, по возможности, миновать.

Но обратимся к Германии, ибо история с миссией епископом для Руси получила продолжение.

Еще 12 февраля 962 г. папа Иоанн XIII даровал Оттону I и его возможным преемникам право организовывать епископии и ставить епископов в славянских землях. И в 962 г. в Магдебурге, в центре борьбы с полабскими славянами, основали резиденцию митрополита.

20 апреля 967 г. синод, прошедший в Равене, подтвердил права, данные Оттону I папой. И в 968 г. в Магдебурге Оттон I учредил миссийную митрополию, призванную крестить славян.

А 18 октября 968 г. знакомый нам миссийный епископ Руси Адальберт, ранее бежавший из Киева, в Риме получил паллию. В ней говорилось, что Адальберту как магдебургскому митрополиту “подчиняются епископы в подходящих местах за Эльбой и Заале, как уже посвященные, так и подлежащие посвящению в будущем... дабы столь многочисленный славянский народ, недавно приобщенный к богу, не оказался бы в плену происков ненавистника веры, лукавого врага, чего да не будет”.

Кандидатура Адальберта была утверждена Оттоном I не сразу. Титмар [Мерзебургский] пишет, что поначалу на митрополита выдвигался аббат магдебургского монастыря св. Маврикия Рихард. Но в итоге назначили Адальберта.

В 967 г. Святослав с русской дружиной выступил в новый эпический поход, на сей раз на Дунай. Следует сказать, что походу предшествовал приезд византийского посла Калокира в Киев. Выше писалось о том, что император ромеев Никифор II Фока (963 — 969 гг.), дабы сломить пошатнувшуюся после смерти царя Симеона Болгарию, привлек к борьбе с ней Русь. Но Никифор II при этом не предполагал, какие бедствия он навлек на империю.

В Болгарии правил сын Симеона Петр (927 — 969 гг.). Силы Болгарии были повернуты на юг, и отпор Святославу организован не был. Летописец повествует:

“Иде Святослав на Дунай на Болгары. И бившемся обоим, одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту въ Переяславци, емле дань на гръцех”.

Видимо, отношения у Святослава с греками испортились уже в 967 г. А в июне 968 г. болгарские послы перед лицом русской угрозы вели примирительные переговоры в Византии.

И в том же 968 г. впервые русскую столицу осадили полчища печенегов. Невольно задумываешься над тем, не стояла ли Византия, испугавшаяся чрезмерно энергичного вмешательства Святослава в дела на Балканах, за печенежским вторжением на Русь. Вряд ли у империи была иная возможность удалить Святослава с берегов Дуная. Схожая ситуация произошла в середине VI в., когда авары не без подсказки ромеев напали на антов.

Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром, увидев печенегов, закрылась в Киеве. Скоро в городе начался голод. Киевляне собрались “и реша — Несть ли кого, иже бы могл на ону страну [Днепра] дойти и рече им — аще не подступите заутра, предатися имам печенегам. И рече один отрок — Аз преиду”.

Отрок прошел сквозь стан печенегов с уздой в руках, спрашивая: “Не виде ли коня никтоже? Бе бо умея печенежьски, и мняхуть и своего”. Отрок кинулся в Днепр. С противоположного берега это увидел, и подошедшая ладья подобрала смельчака. Узнав о требовании Киева, воевода Претич рассудил: “Подьступим заутра в лодьях, и, попадше княгиню и княжиче, умчим на ю страну. Аще ли сего не створим, погубити ны имать Святослав”.

Страх перед князем пересилил страх перед печенегами, но тут испугались и печенеги.

“Яко бысть заутра, вседше в лодыи противу свету и вѣструбиши вельми, и людье в градъ кликнуша. Печенези же мнеша князя пришедша, побегоша разнo от града”.

Вскоре из Киева на Дунай понеслось сообщение к Святославу:

“Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя охабив, малы бо нас не взяша печенези, и матерь твою и дети твои. Аще не поидеши, ни обратиши нас, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своя, ни матере, стары суща, и детей своих?”

“Услышав о сем”, Святослав сел на коня и с дружиной помчался в Киев. В столице князь обнял и поцеловал мать и детей своих.

“И собра вои, и прогна печенег в поли, и бысть мир”. Так окончился первый поход Святослава на Дунай. И тут невольно отмечаешь, как велико было значение княжеской власти на Руси в X в. Одно имя киевского князя сняло осаду со столицы. А появление Святослава в Киеве водворило крепкий мир на Руси, и никто не дерзал его нарушить.

С наступлением нового 969 г. сердце Святослава снова охватила тоска, и князь обратился к матери и боярам: “Не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моея, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и овощи разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоро и воск, мед и челяд”.

Святослава не тянуло ходить зимой среди глухих лесов древлян и дреговичей собирать полудье. Этим делом управляли бояре, да и не княжеское то было занятие, по мнению Святослава. Так впоследствии на Руси и установилось, и князья сбором дани подобно Игорю не занимались. Святослава тянуло на голубой Дунай, в водоворот бешено мчавшейся центральной европейской жизни. Тишина и покой полей и лесов Руси не радовали взора князя. Не следует забывать, что был Святослав очень молод и погиб двадцати восьми лет от роду.

И вмешалась постаревшая мать: “Видиши мя болну суцю, камо хощещи от мене ити?” Через три дня Ольга умерла. Она завещала не творить над ее могилою тризны, “бебо имущи презвутер, сей похорони блаженную Ольгу”.

В 970 г. Святослав стал рядить русскую землю. В Киеве князь посадил старшего сына Ярополка. В древланях был посажен средний сын Олег. Видимо, к 970 г. с древлянскими князьями Киев покончил, и в дальнейшем земли древланского союза вошли в состав киевского княжения на правах отдельной волости, каких на Руси было немало.

В тот год из далекого Новгорода, активно строившегося начиная с 953 г. и к 970 г. ставшего приобретать образ, который в дальнейшем стал именоваться Господин Великий Новгород, прибыли в Киев послы. Новгородцы, как это ни странно звучит, просили себе князя, да еще пригрозили Святославу: “Аще не пойдете к нам, то налезем князя себе”.

Ярополк и Олег “отпресе”. И тут на сцену вышел новый герой русской истории — Добрыня. Видно, новгородцев страшила царившая у них демократия,

и Добрыня подсказал охочим до князей послам: “Просите Володимера”.

Летописец поясняет: “Володимер бо бе от Малыши, ключнице Ользины; сестра же бе Добрыне; отец же бе имя Малък Любечанин, и бе Добрыня уй [дядя] Володимеру”.

На том в Киеве и порешили.

“И пояша ноугородьци Володимера к себе, и иде Володимер съ Добрынею, уем своим, Ноугороду, а Святослав Переяславцю”.

Прежде чем вести повествование о новом походе Святослава на Балканы, кратко скажем о греко-германских отношениях данной эпохи. Еще в 956 г. во Франкфурт для поздравления Оттона I с победой в сражении с венграми на реке Лех среди прочих посольств прибыли греки. В ноябре 959 г. скончался Константин VIII. Его преемником стал Роман II. А в 960 г. из Германии в Византию было отправлено посольство во главе с Лиутпрандом, ранее дважды бывавшем в греческой столице [949 г., 968 г.]. Однако далее острова Паксос, расположенного на Адриатическом море, вблизи побережья Эпира, посольство Лиутпранда не попало. Причиной был острый конфликт, возникший между Оттоном I и Романом II (959 — 963 гг.).

Едва ли греки пребывали в неведении о посольстве княгини Ольги, ездившем ко двору Оттона I. Но причина разлада была отнюдь не в том. Яблоком раздора служили итальянские провинции Апулия и Калабрия. Одновременно Болгария перед лицом агрессивно настроенной Византии искала поддержки в Германии. В 965 г. ко двору Оттона I ездили болгарские послы. Кроме того, между Византией и Германией давно тлел огонь из-за отказа греков признать императорское достоинство за германскими королями.

На таком внешнеполитическом фоне и произошел новый поход Святослава на Балканы.

В 971 г. Святослав, оставив Русь на попечение детей, вновь появился на берегу Дуная. Болгарией правил сын Петра царь Борис II (969 — 972 гг.), а в Византии воцарился Иоанн I Цимисхий (969 — 976 гг.).

Город Переяславец закрыл перед русским князем ворота. Болгары дали под стенами города бой руси. В критический момент сражения Святослав обратился к дружине с такой речью: “Уже нам сде пасти, потягнем мужьски, братья и дружино!” К вечеру русь одолела болгар, а город Переяславец “взя, копьем”.

После того как Святослав перешел Дунай и укрепился в ряде крепостей правобережья подобно славянам VI — VII вв., он послал сказать грекам:

“Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей”.

Воистину Святослав Игоревич был последним великим языческим князем не только Руси, но и всего мира славян. Слова князя, обращенные к империи, не были пустой угрозой.

Греки повели со Святославом переговоры и предложили дань, но просили назвать число воинов “да вдамы по числу на главы”.

И летописец замечает: “Се же реша гръци, лъстяче под Русью; суть бо гръци лъстивы и до сего дни”.

Святослав ответил грекам: “Есть нас 20 тысящ”. Но было в русском войске лишь 10 тысяч. Греки не дали дани, но выставили против Святослава 100 000 воинов. Ввиду десятикратно превосходящих сил империи Святослав обратился к своим воинам со словами:

“Уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу. Да не посраим земле Руские, но ляжем костью, мертвыи бо срама не имам. Аще ли побегнем — срам имам. Не имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами поиду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою”.

Воины ответили Святославу: “Иде же глава твоя, ту и свои главы сложим”.

Из битвы русские вышли победителями. Греки бежали. Скоро за спиной русской армии были взятые ею города болгар Переяславец, Доростол и столица государства Великий Преслав. Тут была пленена семья царя Бориса II.

Воеводой при болгарском царе русскими был поставлен не кто иной, как Свенельд, водивший полки еще при князе Игоре.

Скоро русским преградили путь поднимающиеся от горизонта до горизонта горы Стара Планина. Перевалы были заняты укреплениями с засевшими в них греческими и болгарскими гарнизонами.

Заметим, что первое болгарское царство в те годы переживало трудные времена. Часть болгарских земель была занята греками, часть — русскими. Болгария стала ареной жестокой борьбы между Русью и Византией.

Армия Святослава одолела горный хребет Стара Планина и вышла в долину реки Марица. На ее берегах стояли города Филиппополь [Пловдив], Адрианополь [Эдирне], далее, ближе к Византии, Армадиополь. Два первых города из названных были взяты русью.

Дав битву под Аркадиополем, греки остановили наступление Святослава. В решительный момент сражения печенежские и венгерские всадники стали отступать, и поле битвы осталось за греками.

Находясь недалеко от Византии, Святослав вступил в переговоры с греками. Когда послы императора положили перед русским князем злато и паволоки, Святослав лишь приказал своим отрокам: “Схороните”.

На совете греки решили искутить русского князя иными дарами “и послаша ему мечь и ино оружие, и принесоша к нему. Он же, приим, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю, и поведаша ему вся бывшая. И реша боляре — Лют мужь хочеть быти, яко именья не брежетъ, а оружие смлетъ. Имися по дань”.

Греческий император так и сделал. Он послал сказать Святославу: “Не ходи къ граду, возми дань, аще хощещи”.

Святослав взял дань с империи и за живых, и за мертвых “глаголя, яко — Род его возметь”.

Русская армия из-под стен Византии возвратилась на Дунай, в город Переяславец. Святослав ос-

мотрел поредевшие полки и многих недосчитался “и рече — Поиду в Русь, приведу боле дружины”.

Армия Иоанна I Цимисхийского шла на север, вслед за полками Святослава. В руки греков попали столица Болгарии Великий Преслав и царь Борис II. Скоро Цимисхий лишил Бориса царского титула. Вслед за Преславом греки овладели городом Плииска и вышли на Дунай к городу Доростол [Силистрия]. Тут Святослав дал несколько кровопролитных сражений грекам. Последняя битва состоялась 20 июля 971 г.

Наконец, Святослав, рассудив, что воинов у него мало, с печенегами он в рати и помощи ждать неоткуда, послал к императору с предложением о заключении мира. Иоанн с готовностью откликнулся на предложение и был составлен следующий текст:

“Равно другого свещанья, бывшаго при Святославе, велицею князи русею, и при Свенальде, писано при Феофеле синкеле и к Ивану, нарицаемому Цемьскию, царю греческому, въ Дерестре, месяца июля, индикта въ 14, в лето 971 г. Аз, Святослав, князь русский, якоже кляхъся, и утверждаю на свещанье семь роту свою: хочю имети мир и свершену любовь со всяким великимъ царем греческим, съ Васильем и Костянтином, и съ богодохновенными цари, и со всеми людьми вашими и иже суть подо мною русь, боляре и прочии, до конца века. Яко николиже помышлю на страну вашу и елико есть под властью греческою, ни на власть Корсуньскую и елико есть городов их, ни на страну Болгарьскую. Да аще ин кто помыслит на страну важно, да и аз буду противен ему и борюся с ним. Якоже кляхъся ко царем греческим, и со мною боляре и Русь вся, да схраним правая съвещанья. Аще ли от тех самех прежереченых не схраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, въ его же веруем — в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будем золоты, яко золото, и своим оружием да исечени будем. Се же имейте во истину, яко же сотворихом ныне къ вам, и написахом на харатьи сей и своими печатями запечатахом”.

Лев Дьякон оставил описание встречи Иоанна со Святославом:

“Государь [Иоанн Цимисхий], покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собой многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Святослав, переплывающий реку на скифской ладье. Он сидел на веслах и греб вместе с остальными, ничем не отличаясь от них.

Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой [усы]. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода. Крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдетая золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами.

Одевание его было белым и отличалось от одежды других только чистотой.

Сидя в ладье, на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал".

Возвращение князя на Русь было трагично. С Дуная Святослав пошел к днепровским порогам в ладьях. "И рече ему воевода отень Свенелд - Поиде, княже, на коних около, стоять бо печенези в порозех".

Святослав не послушал отцовского воеводу. А тем временем с Дуная к печенегам мчались гонцы с вестью: "Се идет вы Святослав в Русь, взем именье много у грек и полон бецислен, съ малом дружины".

Печенеги закрыли днепровские пороги. Святослав подошел в ладьях к порогам и убедился, что пройти их не представляется возможным.

"И ста зимовати в Белобережьи, и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святослав ту".

С наступлением весны 972 г. Святослав вновь пошел к порогам. Видимо, у руси уже и не было коней, чтобы обойти пороги стороной.

"И нападе на нь Куря, князь печенежский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбе его съделаша чашю, оковавше лоб его, и пяху из него. Свенелд же приде Киеву къ Ярополку".

У Святослава Игоревича, видимо, были противники не только в Византии и Болгарии, в 864 г. принявшей крещение, но и в Киеве. Князь всю зиму голодал в низовьях Днепра, истерзанная войной на Балканах дружина питалась кониной, а помощи с Руси подать было некому. Впрочем, герои обычно не заживаются на нашей брэнной земле. Двадцать восемь лет княжения Святослава блеснули, как всполох молнии, и в Киеве вокняжился старший сын Святослава Ярополк.

На пасху 973 г. в германском городе Кведлинбурге состоялся грандиозный съезд. На нем был улажен германо-византийский конфликт. Среди приглашенных на съезде было русское посольство.

В Кведлинбурге послы могли полюбоваться четой, составленной из сына саксонского короля Оттона I Оттона II и родственницы греческого императора Иоанна Цимисхия Феофано. Тем самым Византия подтвердила обоснованность притязаний Оттона I на титул императора. А на самом деле Византия была принуждена это сделать.

Обсуждался на съезде в Кведлинбурге и вопрос о пражской епископии. При этом присутствовали заинтересованные лица — Болеслав II Чешский, Мешко I Польский, послы Дании, Венгрии, Болгарии и Руси.

4.4. Княжение Ярополка Святославовича (972 — 980 гг.) и Олега Святославовича

Шел 973 г., и, казалось, на Руси наступили мир и покой. Три русских князя правили страной. Но очень скоро обозначились черты того противоречия, которое в XII в. разорвало единое государство на части.

В 975 г. произошел досадный, но, как казалось, мало значимый для государства инцидент. Из Киева выехал отрок Ярополка по имени Лют. По данным отдельных летописных списков Лют был сыном киевского воеводы Блуда. Из Ипатьевской летописи явствует, что Лют был Свенельдич, то есть сын старого воеводы, служившего Игорю, Ольге и Святославу. Послужил Свенельд и Ярополку, и служба эта оказалась для князя роковой. Впрочем, рок и ранее являлся в русской истории всякий раз, как на ее сцену вступал Свенельд.

Лют поехал в леса "делать ловы". А леса под Киевом в X в. были великолепны и полны дичи. Увлечшись погоней за зверем, Лют заехал в волость князя Олега, в деревские дебри. На беду юноши сам князь оказался поблизости и, узнав, что перед ним Свенельдич, велел убить Люта. Так между Ярополком и Олегом легла пропасть, в которую пал сначала один, а вслед за ним оказался низвергнут и другой.

Олег Святославович древлянский очень скоро почувствовал грозившую ему смертельную опасность. Мы сошлемся на свидетельства двух авторов, которые могли располагать утраченными ныне источниками информации. Бартоломей Папроцкий [конец XVI в.] и Ян Амос Коменский [первая четверть XVII в.] писали, что сын Олега Святославовича древлянского был отправлен отцом в Чехию из страха перед Ярополком Киевским.

Невольно возникает вопрос о том, что могло связывать Олега древлянского с Чехией. Укажем на описание пределов пражской епископии [текст приведен выше]. Документ составили в 1086 г., но пражская епископия была учреждена в 967 — 976 гг. Так вот восточный рубеж пражской епископии проходил через верховья рек Западный Буг и Стырь. Это означает, что пределы владений Олега древлянского граничили с пражской епископией.

Свенельд не простил смерти Люта Олегу и принялся внушать Ярополку, что следует ему "едину" править Русью и принять власть от братьев.

Спустя два года рознь между братьями вылилась в брань. Ярополк пошел в деревскую землю походом. Полк Олега проиграл киевской дружине сражение, и воины кинулись к воротам города Овруч. Олега спихнули с городского моста в ров. Там князь и погиб.

Ярополк вошел в Овруч и принял власть над волостью брата. Олега нашли во рву и погребли у города.

Скоро весть о смерти Олега достигла Новгорода. Юный Владимир, не мешкая, сел в ладью и отплыл за море, к варягам, подальше от старшего брата. Ярополк посадил в Новгороде посадника и стал править Русью один, как и советовал Свенельд.

Женой у Ярополка была привезенная отцом Святославом с Балкан греческая монахиня. Она была очень красива, и Святослав отдал ее в жены старшему сыну "красы ее ради".

В Никоновской летописи, составленной в первой трети XVI в., под 979 г. содержится запись: "Того жь лета [979 г.] придоша послы къ Ярополку изъ Рима от папы".

Имея представление об истории X в., подобное событие допустить можно. Латинское крещение Польши и Венгрии, произошедшее во второй половине X в., могло подвигнуть на попытку привлечь внимание Ярополка к Риму. Да и с русскими посланцами, побывавшими на съезде в Кведлинбурге, вполне могли переговорить о возможном послании папы.

С Ярополком связана еще одна историческая записка, имеющая западный след. В 1125 — 1126 гг. в Германии была составлена генеалогия Вельфов. В ней содержится указание на то, что дочь швабского графа Куно, женатого на дочери Оттона Великого, то есть внучка Оттона I, была выдана замуж "за короля ругов".

Кем был русский король, однозначно сказать трудно. Не мог им являться Олег Святославович. Едва ли им был Владимир I Святославович. А вот попал ли помимо брака с гречанкой обвенчаться с немецкой графиней Ярополк Святославович, не понятно. Исключать этого нельзя. И тут естественным выглядит сообщение о папских послых, в 979 г. пригласивших в Киев.

Развязка в драме, начало которой было положено в 977 г., наступила скоро. Времени у Ярополка на поиски возможных союзников не оставалось. Весной 978 г. под стены Новгорода подошли заморские ладьи. Их увешанные щитами борта скрывали отряд варягов. Вел их на Русь Владимир. Киевский посадник из Новгорода был отправлен на юг с сообщением к Ярополку, что "идет на него Владимир и следует пристраиваться противу бится". То был обычай Святослава — предупреждать неприятеля о начале войны.

Прежде чем идти на Киев, Владимир, став во главе рати, в состав которой помимо варягов входили словене, чуди и кривичи, обратил взор на Старый Полоцк. Едва ли при этом Владимиром руководила лишь страсть к юной полоцкой княжне Рогнеде. Князю Владимиру нужна была власть над всей Русью, а в Старом Полоцке сидел Рогволод, не признавший над собой ни Киева, ни тем более Новгорода. Летописец говорит, что Рогволод пришел к морю и имел Полоцкую волость.

Владимир, подступив к устью реки Полоты, соблазнил Рогволоду, что намерен взять его дочь Рогнеду в жены. Рогволод обратился к дочери с вопросом, пойдет ли она за Владимира. Дева ответила, что не хочет разуть Владимира, сына рабыни, и хочет идти за Ярополком.

Владимир сжег Старый Полоцк. Рогволод и два его сына были убиты. Рогнеду Владимир взял в жены.

При виде варяжских парусов, полоскавшихся на ветру, гулявшем по днепровской глади, Ярополк вернулся в Киев со своими отроками и с воеводой Кудом. А Владимир стал лагерем у Киева "на Дорожиче, между Дорогожичем и капичем" и предусмотрительно окопался, окружив стан внешним рвом.

Владимир вступил в переговоры с Киевом. От имени Ярополка их вел Блуд. Он же и вступил в сговор с Владимиром. Летописец восклицает: "О злая лесь человеческая".

Блуд, по совету Владимира вернувшись с переговоров, сумел внушить пребывавшему в смятении Ярополку, что горожане неверны князю и Киев следует покинуть. И то было роковой ошибкой Ярополка, ибо он так и поступил, а покинув столицу, оказался не только вне власти, но и вне закона.

Ярополк спустился к устью реки Рось и остановился в городе Родня. И снова рядом был Блуд, злой гений князя. Город был взят Владимиром в осаду, и в нем очень скоро начался голод. Отсюда пошла гулять по Руси поговорка: "Беда, как в Родне".

И снова Блуд дал совет Ярополку, совет последний — творить мир с Владимиром. Отрок Ярополка, звали которого Варяжко, предостерег князя, сообщив о заговоре, и советовал бежать к печенегам. Ярополк пренебрег теми речами и отправился на переговоры с Владимиром. Когда Ярополк вошел в помещение, предназначенное для переговоров, Блуд запер за ним дверь, а два варяга пронзили князя мечами. Так бесславно завершилась жизнь Ярополка Святославовича.

Иаков Мних датой гибели Ярополка называет 11 июня 978 г.

Варяжко бежал из Родни в степи, за реку Рось, к печенегам и впоследствии много воевал с Владимиром.

Сев в Киеве, Владимир взял в жены супругу Ярополка — гречанку. Она родила Владимиру сына Святополка, прозванного на Руси Окаянным. Летописец замечает: "... От греховного бо корне. злые плоды бывают. от двоих отцов от Ярополка и от Володимера".

Уже в Киеве у Владимира возникло затруднение с варягами. Они заявили князю, что Киев занят ими и принадлежит им, и потому варяги требовали откуп — по две гривны от человека. Владимир повел себя и осторожно, и лукаво. Он просил варягов подождать месяц, пока будут собраны куны.

Спустя месяц варяги ничего не получили и поняли, что ожидать в Киеве более нечего, и стали просить указать путь к грекам. Владимир и тут повел себя, как сам пожелал. Часть варягов была принята на государственную службу и разослана по русским городам. Это были самые добрые, смышленные и храбрые из варягов, те, с кем Владимиру было жаль расставаться. Остальных варягов отпустили в Византию. Но впереди них Владимир отправил весть императору, убеждая того не пускать варягов в город.

Но 980 г. не был последним для варягов на Руси. К их помощи еще прибегнет сын Владимира Ярослав. А то, как обошелся Владимир с варягами в 980 г., показывает, что государственная машина Руси в X в. была весьма крепкой.

Глава 5. Русь в пору смены эпох

5.1. Владимир I Святославович (980 — 1015 гг.)

С вокняжением в Киеве Владимира I Русь вошла в тот поворотный период своей истории, который в дальнейшем стал прологом к так называемой тысячелетней истории Руси. На самом деле история Руси гораздо более древняя, и мы лишь стоим в преддверии ее истинного открытия.

Русь последней четверти X в. была могучим государством. Она уже веками собиралась и отстраивалась. Имен множества ее героев мы не знаем. На протяжении тысячи километров Русь граничила со степью. И рубежи надо было охранять, ибо Русь богатела, ее крестьяне были свободны и держали большие хозяйства, процветала торговля и города развивались фантастически быстро. Городские детинцы обрастали предградьями, застраивавшимися ремесленными мастерскими, купеческими теремами и боярскими хоромами. И очень скоро Русь стала лакомым куском, в первую очередь для тюркских кочевников. Потребовалась громадная энергия, препятствовавшая разорению сада, расцветающего на востоке Европы.

Княжение в Киеве Владимир начал с установления кумиров на дворе, вне двора теремного.

Летописец называет кумиров: Перуна деревянного с серебрянной головой и золотыми устами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Макоша. Этот шаг князя оказался последним лучом заходящего солнца древнейшего духовного учения славян. Эпоха язычества на Руси доживала последние десятилетия. И тем помпезнее были действия власти спустя восемь лет, принявшей крушить кумиров и преследовать им поклонявшихся.

На север, в Новгород, был отправлен ангел-хранитель Владимира, его дядя Добрыня. В Новгороде Добрыня установил кумир Перуна. Очень скоро Добрыня продемонстрировал, что идеология для власти лишь средство управления. Впрочем, из любого правила есть исключения.

А Владимир, по выражению летописца, был побежден похотью женской. У князя было несколько жен, и каждая оставила несколько наследников.

Рогнеду полоцкую поселили под Киевом, в селе Предславине на реке Лыбедь. Она родила Владимиру сыновей Изяслова, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей.

Гречанка, бывшая в прошлом монахиней и, как мы помним, отнятая Владимиром у Ярополка, родила Святополка.

Была у Владимира жена чешка. Она родила князю Вышеслава. Еще одна жена родила Святослава и Станислава. А жена болгарка родила Владимиру первых русских святых Бориса и Глеба.

Кроме того, у Владимира были сыновья Судислав и Позвизд. В пригороде Киева Вышегороде Владимир держал триста наложниц. А в селе Берестово, под Киевом, жили двести княжеских наложниц. В крепости Белгород, охранявшей западные подступы к Киеву, Владимир держал триста наложниц.

Летописец замечает: “И бе не сыт блуда, приводя к себе мужеския жены, и девицы ростлевая”.

Весной 981 г. Владимир вывел рать из Киева и двинулся на запад, в земли Червонной Руси, на рубежи с Польшей.

В 966 г. Польша приняла крещение, и в 981 г. ею правил Мешко.

Князь Владимир занял центр Червонной Руси город Червень и город Перемышль, стоящий в верховье реки Сан. Кроме того, Русь заняла другие “грады” на своих западных рубежах.

А летом или осенью 981 г. Владимир совершил поход в землю вятичей и возложил на непокорных славян дань от плуга, какую брал Святослав.

На вятичей ходили Олег и Святослав. Более того, уже в XI в. Владимир II Мономах также ходил смирать князя вятичей Ходоту.

В VIII — XI вв. вятичи имели не только обширные территории и собственное государственное устройство, но и не зависимые от Киева экономику и торговлю.

Дон, Ока и Волга позволяли вятичам самостоятельно торговать с Булгаром и всем востоком и югом. Тут невольно вспоминается обилие восточных монет VIII — X вв., которые находят в районе Старой Рязани.

Подчинение Киеву для вятичей означало конец торгово-экономической независимости. Вятичи не так остро нуждались в днепровском речном пути, как древляне, дреговичи, кривичи и северяне.

Борьба продолжалась в 982 г. Владимир вновь пошел в поход на вятичей.

Невольно приходит мысль о том, каким образом Киев закреплял власть на землях славянских со-

юзов. До прихода киевских князей каждый союз имел собственное княжение. Из летописей мы знаем Мала и его город Малин, знаем, как Владимир расправился с Рогволодом и Старым Полоцком. Видимо, подобная участь постигла и Тура, сидевшего в городе Турове. Археология указывает на то, что на рубеже IX — X вв. активно отстраивавшийся Чернигов имел собственных князей. По преданию одним из них был князь Черный. Вятичи имели своих князей [и жупанов] как минимум до рубежа XI — XII вв. [Ходота].

По-видимому, Киев в IX — X вв. смещал местных князей, а подчас творил с ними расправу, подобную полоцкой. В центры славянских союзов в X в. стали сажать наместников. Святослав, а вслед за ним и Владимир в те центры посадили сыновей. Оба риза это закончилось кровавой драмой. И тем не менее Ярослав Мудрый закрепил традицию и раздал сыновьям города и земли, которые в VIII — X вв. отчасти еще подчинялись местным князьям, имен которых киевские летописцы либо не знали, либо из политических соображений не упоминали.

Знать союзов славян востока Европы в IX — X вв. превратилась в многочисленное столичное и местное боярство и в борьбу за власть с Киевом и его правящим домом не вступала. Впрочем, примеры вятичей и хорватов заставляют иногда допускать обратное.

По-видимому, когда киевский князь или его воевода с дружиной вторгались в землю какого-либо союза славян, местной знати предлагалось выступить в роли наместников Киева. Так местная власть постепенно превращалась в служивое дворянство, чаще всего стремившееся поселиться в Киеве либо в крупнейшем городе области. Большинство бояр обитало в собственных усадьбах. Бояре устраивали гнезда на мысах приречных терас, над рекой, на наиболее оживленном торговом пути волости. Боярские усадьбы походили на крепости, ибо жизнь феодала была сопряжена с множеством опасностей. В дальнейшем мы рассмотрим несколько боярских городищ — усадеб.

С течением времени ширившийся слой боярства укрепощал, подчиняя своей власти, земледельцев, ибо нуждался в кормлении.

Но вернемся к Владимиру. В 983 г. князь выступил в поход против балтийского народа ятвягов, сидевших между Западным Бугом и Неманом. Поход 983 г. был продолжением кампании, начатой Киевом в 981 г. на западных рубежах государства.

Стремление Руси к обладанию землями на Западном Буге, Санюке и Немане, в 981 — 983 гг. вылившись в походы на хорватов, волынян и ятвягов, могло быть продиктовано растущей потребностью государства в выходе на рынки центра и запада Европы.

Поход Владимира на ятвягов был удачен для Руси. По возвращении в Киев войны стали “творить грехи кумирам”. И тут летописец помещает сюжет о семье христиан варягов.

Старцы и бояре метали жребий. Он показал на юношу-варяга, и он должен был быть принесен в жертву. Отец его, христианин, вступился за сына, выхватил меч. И оба погибли.

История эта как бы исподволь показывает, что времена язычества на Руси доживали последние годы. Правда, на просторах Русской равнины эти годы затянулись на века.

В 984 г. князь Владимир предпринял новый поход. На этот раз киевская дружина выступила к северу от столицы, в долину реки Сож, в землю славянского союза радимичей. Летописец напоминает, что пришли радимичи из лях и привел их глава рода Радим, брат Вятко, приведшего из лях вятичей на Оку.

Вперед Владимир выслал воеводу, прозывавшегося Волчий хвост. Киевляне столкнулись с радимичами на реке Пишане и одержали победу. Вслед за тем на радимичей возложили дань.

Летописец говорит, что радимичи везут повоз в Русь и до сего дня, то есть до времени завершения создания “Повести временных лет”. Это наводит на мысль о том, что старое полюдье X в. в XI — XII вв. могло смениться повозом, то есть добровольной регламентированной поставкой скоры, меда, брашна, воска и иного движимого добра в центр государства. На местах этот процесс отслеживали и регулировали наместники Киева. И кроме того, в последней четверти X в. слишком велика оказалась территория русского государства и у Киева едва ли хватало людей и ресурсов на ежегодные объезды земель хорватов, ятвягов, словен новгородских, вятичей и иных народов. Невольно вспоминаются поездка княгини Ольги на север и установление ею погостов и даней по Мсте и Луге. Это были вехи государственного строительства. Урок Игоря не прошел для Киева даром.

При Владимире власть центра расширилась территориально и одновременно несколько рассредоточилась. В провинциях в X в., и особенно в XI — XII вв., начался бурный рост городов, служивших местными центрами сосредоточения государственной власти.

Энергия князя Владимира была неумемна. В 985 г. Владимир выступил в поход на Болгарию. Память о походах Святослава в Киев была свежа, и были живы многие участники славных дел.

Весной Владимир с верным соратником Добрыней посадил русскую рать на суда и устремился вниз по Днепру, к порогам. Берегом на лошадях за князем шли торки. Это был тюркский народ, посаженный Русью в бассейне реки Рось для обороны южных рубежей государства.

В то время в слабеющей Болгарии правил царь Самуил. Его отец царь Борис с братом Романом, участником бурных событий, сопровождавших походы Святослава на Балканы, были увезены в Византию и исчезли.

Владимир без труда сломил сопротивление болгар. Вслед за этим был установлен мир. Мудрость Добрыни дала себя знать. Посмотрев страну, Доб-

рыня заметил Владимиру, что тут все в сапогах, а искать надо лапотников.

По-видимому, и Святослав, и Владимир, видя бедственное положение хорошо знакомой русским Болгарии, были не прочь включить ее в поле влияния Киева, однако у Руси на это не хватало сил, а у Болгарии — желания. Соперничать с Византией на Балканах в X в. Киев не мог, хотя и предпринимал небезуспешные шаги в этом направлении.

Еще одно обстоятельство могло закрыть доступ Руси в Болгарию — русское язычество. И в 986 г. Владимир, ранее побывавший на рубеже олатынившейся Польши и на Дунае с его православным населением, писавшим буквами кириллицы и глаголицы, стал задумываться о том же, о чем полвека назад всерьез помышляла его бабка Ольга. Начал Владимир “пытати о верах, бе бо князь мудръ”.

Рубежи Руси к 986 г. подошли вплотную к рубежам мира латинского запада, греческого юга и мусульманского и иудейского востока. Владимир понял, что надлежит выбрать тот путь, которым Русь в дальнейшем будет идти долгие века.

Первыми в Киев, прознав о мыслях Владимира, пришли из Волжской Булгарии. В X в. там был принят ислам. “Придоша от срачинския веры, Болгары веры бохмини и сказаше о своей вере”.

Выслушав магометан, Владимир ответил: “Русь веселее питье. не можем без того быти”. Вслед за тем на Русь пришли посланники от Рима. Им Владимир сказал так: “Идите опять яко оци наши сего не прияли суть”. Возможно, князь имел в виду историю с миссионерским епископом Руси Адалбертом.

Принял князь Владимир и “жидове козарьстии”. Выслушав их речи, князь ответил: “То како вы инехъ оучите, а сами отвержени. Если бы бог любил вас то не бысть расточени по чужимъ землямъ еда и нам то же мыслите зло прияти”.

Последними в 986 г. к Владимиру пришли греки. Но вопрос о принятии веры так и не был решен.

В 987 г. Владимир продолжал поиски решения вопроса о принятии веры. Князь созвал старцев и бояр и поведал им о приходивших. Решили прежде всего послать людей в Волжскую Булгарию к магометанам. Вернувшиеся отвергли возможность принятия магометанства Русью.

Затем князь отправил людей к латинянам. Но и латинское христианство не прельстило русских. И русские послы приехали к грекам. Правил империей Василий II (976 — 1025 гг.). Русское посольство в Византии было принято с великой радостью и честью. Русских повели в церковь, создали клир, зажгли свечи перед ликами святых, закалили паникадилами, запели, и началось пышное богослужение. Можно представить, какое впечатление на русских послов произвело увиденное и услышанное в Византии.

На Русь послыплыли с великими дарами и с великой честью. В Киеве давно существовала христианская община, ориентирующаяся на Византию, и ее влияние на решение князя Владимира сыграло не последнюю роль. Строго говоря, вопрос выбора

веры на Руси был предрешен задолго до 986 — 988 гг. Князь Великой Моравии Ростислав в 862 г. решил вопрос для славян в пользу Византии. В 864 г. ввел в лоно греческого христианства Болгарию царь Борис. Из Великой Моравии христианство, в его греческой трактовке, принял чешский князь Боровой. Из Чехии христианство пришло в Польшу. Тем временем сама Чехия уже олатынивалась, и Польша в 966 г. при посредничестве супруги Мешко I чешской Дубравки приняла латинское христианство. Тут уже влияли внешние силы, и славянам центра Европы приходилось с ними считаться.

Русь стояла последней в ряду славянских государств, принимавших христианство в IX — X вв. Русь в 987 г. была уже не та, что при княгине Ольге. Киев не боялся зависимого положения от Византии, что в свое время могло смутить Ольгу. И само крещение князя Владимира походило более не на просьбу, а на требование.

Весной 988 г. русские ладьи подошли к Крыму. Князь Владимир осадил греческий город Корсунь [Херсонес], но приступом города не взял. Горожанин по имени Анастасий выпустил из города стрелу с сообщением, где русским следует перехватить трубу, подававшую осажденным воду. Тем временем Владимир поклялся креститься, если город будет взят. Скоро город, оставшийся без воды, был взят, и в Византию было отправлено требование о том, чтобы император выдал свою сестру замуж за князя Владимира.

Император рад был выдать Анну за Владимира, но как было это сделать, если князь не был христианином. И в Византию пришла новая весть от Владимира: “Закон ваш и есть ми любовь”.

Сестру императора Анну посадили на корабль и привезли в Крым. Летописец говорит, что в то же время Владимир заболел и лишился зрения. Анна велела передать князю, что от болезни его избавит крещение. Епископ Корсуни и местное духовенство организовали крестины русского князя, и как только возложили на Владимира руку, он прозрел и воскликнул, что впервые увидел бога истинного.

Вслед за князем крестились многие из его окружения. Крестили русских в корсунской церкви св. Софии. Вскоре обручили Владимира с Анной. Владимир воздвиг в Корсуни на горе храм в честь Иоанна Предтечи.

По возвращении на Русь Владимир приказал уничтожить кумиров и святилища, которые сам с дядей Добрыней восемь лет назад ставил. Летописец не удержался от восклицания: “Господи чудные дела твои вчера честим от человека а днешь поругаем”.

Идол Перуна привязали к хвосту коня и потащили с горы по Боричеву въезду на Ручай к Днепру. Перуна бросили в Днепр, и князь велел людям, чтоб смотрели до самых порогов: если где пристанет к берегу — отталкивать.

Затем Владимир разослал глашатаев по Киеву сказать людям, что, кто утром не придет к реке, “противник мне да будет”.

Утром берег Днепра был полон народу. Владимир вышел на реку в сопровождении греческого духовенства, и началось крещение. Люди вошли в воды Днепра, держа младенцев на руках.

Так была начата новая эпоха, давно готовящаяся и долее других откладываявшаяся на востоке Европы, — эпоха православия на Руси.

Князь Владимир велел по всей Руси рубить церкви и ставить их на местах, где прежде стояли кумиры. В Киеве на холме, где в 980 г. были установлены идолы Перуна, Волоса и иных богов, возвели церковь св. Василия [Власия].

По Руси пошло оживление. Княжеские наместники, отроки и греческие священники начали строить по городам и волостям церкви и крестить народ в новую веру. У матерей брали детей и отдавали в иножное учение. А матери, как и бывает, плакали.

Князь Владимир окрестил своих многочисленных сыновей и посадил их по разным городам государства. В Новгород послали Вышеслава. В Полоцк, отстраивавшийся на новом месте, посадили Изяслава. Святополк сел в Турове, а Ярослав, впоследствии прозванный Мудрым, был послан в дальний Ростов Великий, стоявший за лесами вятичей, в Залесской земле, на берегу озера Неро. Ростовская волость для Киева в X в. была далекой окраиной, там глухой, и ехать туда мало кто стремился добровольно.

После смерти старшего из сыновей — Вышеслава в Новгород перевели Ярослава. С Ростова в Новгород Ярослав мог проехать двумя путями — в верховья Волги, на селигерский волок и далее в бассейн Ловати либо с Волги перейти на реку Тверцу, подняться до Вышнего Волочка и далее по реке Мсте. Ведал ли тогда Ярослав, какую судьбу ему уготовил бог и какую жизнь ему предстояло прожить на Руси?

Сын Владимира Борис был отправлен в Ростов. А Глеб поехал на Оку в город Муром. Святослав посадил в землю древлян, а Всеволода послал в тогда совсем еще молодой город Владимир Волынский, стерегший западный рубеж Руси. Мстислав Владимирович отправил в Тмутаракань, в далекий отровок русского государства на полуострове Тамань.

Владимир I Святославович водворил на Руси не только христианство, но и заложил твердые основы сельского порядка. Княжеские наместники сменялись по городам на княжеских сыновей, а те рано или поздно стали пытаться превратить княжения в наследственные владения. Так в момент подъема в единую Русь было заронено семя, позже вышедшее недобрыми всходами.

Германия в X в. уже переживала начало процесса распада империи. А Русь еще более столетия сохраняла относительное единство, при этом оставаясь самостоятельным государством, и все, без исключения, соседние с ней считались. Солнце над Киевом в X — XI вв. светило ярко.

Князь Владимир мыслил, как государственный муж самого высокого ранга. Ему принадлежат слова: “Се не добро, еже мало город около Киева —

И нача ставити города по Десне и по Вьстри, и по Трубешеву, и по Суле, и по Стугне. И нача нарубати муже. лучшее от Словен и от Кривичь, и от Чюди, и от Вятичъ, и от сих насели грады. Бе бо рать от печенег и бе воюяся с ними и одалая им”.

Владимир собрал народ отовсюду из государства и давал ему “землю на полной его воле”. Но за то князь требовал строго следить за южными рубежами Руси.

По руслам рек начали сплавливать лес для строительства многочисленных городов-крепостей. Города, соединенные оборонительными сооружениями, именуемые змиевыми валами, выстраивали непрерывные линии, в X — XII вв. охватившие Киев с юга тремя рубежами. Самый южный рубеж обороны столицы шел берегом реки Рось.

Второй рубеж обороны Киева шел долиной реки Стугна. И под самим Киевом, на линии Звенигород — Белгород, находился последний оборонительный рубеж. С севера подходы к Киеву охранял Вышегород.

На левом берегу Днепра рубежи Руси также прикрывались несколькими линиями обороны. Берега рек Сула, Трубеж, Остер, Десна украсили десятки русских городов.

Но прежде всего на рубеже X — XI вв. укрепили ближайший к Киеву рубеж обороны, находящийся на линии Белгород — Звенигород и отстоящий от Киева не далее чем в одном дневном переходе. И тут мы уделим внимание крепостной архитектуре Древней Руси. Масштабы строительства упомянутых выше змиевых валов потрясают. Но у строительства, шедшего в X — XII вв., на юге Восточной Европы есть предыстория.

Народная легенда гласит о том, что два молодца, обычно именуемые Кузьмой и Демьяном [св. Козьма и Домиан покровительствовали кузнецам], укротили змея, поедавшего местных жителей. Змея впрягли в громадный плуг и заставили пропахать между, за которую впредь чудовище не смело вступать. Змей, дотянув плуг до воды, обпился и испустил дух.

Выше писалось о городищах, площадь которых насчитывала сотни гектаров, возводившихся в среднем поднепровье в VII — III вв. до н. э. Площадь Немировского городища на Южном Буге 110 га. Валы, высота которых ныне достигает 8 м, создавались в VII в. до н. э. Площадь Трахтемировского городища 500 га. Оно расположено в бассейне реки Рось. Южнее на реке Тясмин находится Матронинское городище, площадь которого 200 га. А площадь Бельского городища, что в бассейне реки Ворскла, и вовсе потрясает — 4020,6 га. Обводящий городище вал в древности был увенчан деревянной стеной либо сам представлял собой стену. И это очень важное обстоятельство для дальнейшего повествования.

На востоке городища раннего железного века расположены вплоть до верховий Северского Донца [у хутора Городище, площадь 26 га] и до реки Дон, в районе устья реки Воронеж, то есть городища

VII — III вв. до н. э. защищали ту же территорию, что и города и змиевы валы IX — XIII вв. Эти земли издревле и именуются Русью.

В X — I вв. до н. э. земледельцы лесостепей востока Европы защищались на городищах от вторжений киммерийцев, скифов, сарматов [восточные индоевропейцы иранской языковой группы]. В I тыс. до н. э. славяне в лесостепях оборонялись от готов, гуннов и аваров. В IX — XIII вв. славяне опоясывали лесостепи паутиной крепостей и змиевых валов, пытаясь сдерживать угров, печенегов, половцев.

Радиоуглеродный анализ, которому подвергали остатки обугленных бревен из змиевых валов среднего поднепровья, временем их закладки указывает I тыс. до н. э. Столь широкий временной разброс отнюдь не ошибка исследователей. Традиция возведения укреплений из дерева и земли в данном регионе в самом деле корнями уходит в I тыс. до н. э. [а в действительности гораздо глубже].

Система змиевых валов, защищавших древний Переяславль с востока и юга, походит на разомкнутое кольцо укрепленного городища громадных размеров. И это не единственный пример подобного рода.

Тысячи строителей, трудившихся над возведением оборонительных систем среднего поднепровья в X — XII вв., во многом лишь дополнили и развили древнейшую традицию строительства оборонной фортификации и были удачно вписаны в оборонительные рубежи Киевской Руси.

Причиной новой активизации оборонительного строительства, развернувшегося вокруг Киева и Переяславля в X — XI вв., были печенеги. Сложность борьбы с печенегами заключалась в том, что они подобно волкам были подвижны и трудноуловимы. Лишь оборонительные стены, ныне превращившиеся в земляные валы, тянувшиеся на сотни километров, могли хоть как-то обезопасить Русь X — XIII вв. Пока кочевники огибали укрепления, их успевали заметить и принять необходимые для обороны городов меры.

Около пятидесяти городищ X — XI вв. непосредственно вписано в линии змиевых валов. Змиевы валы особенно активно строились на рубеже X — XI вв. при Владимире. Продолжили их строительство при Ярославе Мудром.

В XII в. возвели укрепление в долине Роси. Они были призваны сдерживать половцев. После того как Русь стала дробиться на уделы, строительство оборонительных сооружений столь крупного масштаба в среднем поднепровье сошло на нет.

Скажем кратко о конструкции змиевых валов. Строители рубили четырехстенные срубы из дуба, крайне редко из сосны. Срубы плотно стояли один подле другого длинным рядом. Чаще всего в ряду было несколько параллельных линий срубов. Внутренность сруба заполнялась глиной, песком, камнем. С внешней стороны линия срубов присыпалась глиной.

Помимо срубной при строительстве змиевых валов использовали перекладную конструкцию. Она была широко распространена у западных славян раннего средневековья. В ее основе лежали ряды продольно уложенных бревен. Сверху бревна засыпали грунтом. Для того чтобы бревна не раскатывались, у них не обрубали сучьев, которые подобно крючкам фиксировали бревно на строго определенном месте.

Такие оборонительные рубежи опоясывали Русь X — XIII вв. от реки Тетерев на западе до города Лубны на реке Сула на востоке.

Узлами обороны Руси были города. Их стены, так же как и змиевы валы, состояли из нескольких рядов параллельно идущих срубов. Внутренняя линия срубов городов чаще всего не засыпалась грунтом и использовалась как жильё или склады.

Между стремительно отстраивавшимися городами Руси стали строить прямые дороги. Прокладывали их широкими полями и дремучими лесами, стягивая отдельные области государства единой системой коммуникаций, не зависящих от времени года и степени проходимости волоков. Управление огромным государством требовало наличия совершенной системы обороны и связи. Киев перенял у князей славянских союзов весь груз государственной ответственности и расширил масштаб задач с одного речного бассейна [Днепровского] до размеров всей равнины, от Тамани до Кольского полуострова и от Люблина до Уральского камня. И киевским князьям, давно стремившимся к сосредоточению власти над восточнославянскими землями в одних руках, отступить было нельзя. Русь объединялась.

В 991 г. князь Владимир почувствовал насущную необходимость в возведении в Киеве символа новой религии — храма, подобного византийским. К грекам послали за мастерами. За возведение храма взялся Настас Корсунянин. Скоро церковь Богородицы была выстроена, и служить в ней стали священники из Корсуни, ближайшего к Руси греческого города. Владимир передал в церковь иконы, кресты и сосуды, вывезенные из Корсуни.

При князе Владимире Киев был невелик. Его площадь не превышала 10 га. Перед церковью Богородицы Десятинной шумел разноголосием языков запада и востока Бабин Торжок. Посреди него Владимир установил вывезенную из Корсуни бронзовую античную квадригу. Южнее и западнее церкви были возведены каменные терема. На их сенях-галереях происходили воспетые былинами дружинные пиры, устраиваемые Владимиром.

Городской земляной вал, увенчанный деревянными срубами, городнями и нависавшими над ними заборками, в трех местах рассекался каменными воротными башнями.

Киев Владимира и Святослава в X в. был не тем городом, каким он стал при Ярославе в XI в., но предпосылки к колоссальному расцвету были явны уже в X в.

Под 992 г. летописец говорит о том, что Владимир заложил город “Бель”. То была крепость на

рекой Ирпень, стоящая к юго-западу от Киева. В Белгороде сосредоточивались значительные военные силы Руси, бывшие своего рода пригородным гарнизоном киевского князя. К западу от Белгорода, за лентой Ирпени, глухо шумел древлянский лес. А далее к западу, за Чертовым лесом, стелилась равнина Волини с прорезавшими ее отрогами Карпатского горного массива. На высоких холмах и отвесных скалистых утесах Волини и Галиции в конце X в. стучали топоры плотников и позвякивали молотки каменщиков. Это строили города и боярские усадьбы.

Белгород служил Киеву воротами на запад, имевшими крепкие засовы. В Белгород Владимир свозил народ отовсюду. Все, кому прискучила размеренная крестьянская жизнь, шли на службу к киевскому князю. А он тому был рад. И строились на Руси города.

В 993 г. как раз мимо стен строившегося Белгорода на запад, в земли славянского союза хорватов, в верховья реки Днестр, прошла дружина князя Владимира. Поход 981 г., когда в Перемышле, Червене и иных городах запада русского государства были посажены столичные наместники, видимо, не решил всех вопросов, и спустя двенадцать лет потребовался новый поход, на этот раз именно на союз хорватов. Хорваты Руси — это лишь восточное крыло крупного славянского союза, сердце которого расположено к западу от Галиции, в центре Европы. Отсюда проистекает двойственность всегда мятежной, мятущейся Галицкой Руси с традиционно сильным боярством и родовыми связями с Центральной Европой.

Пока Владимир с русской дружиной ходил по земле хорватов, недремлющие печенеги, имевшие на Руси глаза и уши, подошли к левому берегу реки Сулы.

На берегах Сулы, служивших естественным пограничем Руси в левобережном поднепровье, в конце X в. всю кипела работа. В устье Сулы располагалась гавань города Воинская Гребля. Выше по берегу Сулы, не далее двух десятков километров одно от другого, стояли города-крепости. Крупнейшими из них были Лукомье, Лубны, Ромны. На правом притоке Сулы, на реке Удай, росли стены городов Повстин, Пирятин, Прилуки.

Когда Владимиру сообщили о появлении на Суле печенегов, князь поспешил на берега реки Трубеж, служившей одним из рубежей обороны Руси. Гарнизоны городов в долинах рек Сула, Удай, Супой заперли проездные ворота и ждали помощи от киевского князя. Печенеги же грабили и жгли беззащитные села и угоняли людей в полон.

Заметим, что в IX — XIII вв. население лесостепей востока Европы стремилось селиться в черте городских валов либо укрепленных предградий. Но, конечно, было немало открытых поселений.

Встретились русские и печенежские полки на Трубеже. “И сретя я на Трубежи на броне, где ныне Переяславль”. Дело решили поединком. Одолел рус-

ский муж, “и печенежи побегоша и Русь погнаша по них секуще, и прогнаша я”.

Князь Владимир “заложил город на броне томь, и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко ть”.

Переяславль, вероятнее всего, стоял и до 993 г. Но то, что на броне через Трубеж, под Переяславлем, русские полки перекрывали дорогу степным хищникам, сушая правда.

Столкновение Владимира с печенегами на Трубеже в 993 г. не умерило пыла степняков, и они продолжали ежегодные вторжения на Русь.

К 996 г. в Киеве Настас Корсунянин завершил строительство Десятинной церкви Успения Богородицы. Строили каменный храм с 989 г. Владимир по завершении строительства написал, чтобы отныне от доходов князя и города десятина шла церкви.

И вновь князю сообщили о том, что печенеги перешли рубеж Руси и стоят на берегу реки Стугна, под стенами города Василева. Воинов собирать было некогда, и Владимир с малой дружиной, которая всегда была при князе, помчался к Василеву. Силы сторон оказались неравными, и Владимир едва спасся от печенегов, вбежав по мосту в город. Летописец говорит, что в ознаменование благополучного разрешения василевского сидения Владимир дал обет построить в Василеве церковь в честь Преображения господня, ибо сражение с печенегами произошло на этот праздник.

Стугнинский рубеж обороны отстоял от Киева в одном дневном переходе, и появление на нем печенегов было прямой угрозой столице. Однако печенегам мешали многочисленные крепости и змиевы валы, всюду в среднем Поднепровье перегораживавшие земли. Гарнизоны крепостей не сдавались печенегам и, оставаясь за спинами кочевников, отнимали у них уверенность, и всякий неблагоприятный оборот дел обращал печенегов в бегство. Нашествия печенегов носили характер набегов, но не завоеваний. Однако набеги эти приносили немалую печаль Руси.

Эпоха князя Владимира, эпическая по природе, отозвалась в сознании народа былинным эпосом. Дела Руси были таковы, что не воспеть их было невозможно.

Пиры князя описываются в былинах так:
*В славном городе Киеве,
 У великава князя Владимира киевскава,
 Всеславича [Святославовича],
 Было пированье великое,
 На многие многие князи и бояры.
 И сильныя могучия богатыри.
 Русь была едина и сильна. Образ защитника Руси связан с фигурой Ильи Муромца.*

*У того было Ивана у Иванова
 Родился сын Илья у него Муромец.
 Тридцать лет он сидел сиднем,
 Сидел он на печке на муравленой.
 Отец его и мать на луга ушли.
 Он слезает со печки муравленой,*

Берет ли своего добра коня.
[Рыбников, т. I, N 82]

Русские былины описали темные леса вятичей, лежащие к северо-востоку от Чернигова и бывшие враждебными Киеву долгое время.

А из Чернигова, государь, ехал я дорогою.
На те леса Брянския,
На те грязи топучия,
На те мосты калиновы,
Через тою реку Смородину.

Проехать вятичскими лесами считалось молодецким подвигом.

Запала тут дорожка тридцать лет,
Никто по той дорожке не прохаживал,
И никто по той дорожке не проезживал.
[Рыбников, т. II, с. 477]

Вятичи облекались на Руси в образ Соловья Разбойника.

Мимо этого проклятого да Соловья
Нету пешему проходу, конному проезду,
Нету конному проезду, зверю прорыску,

От свиста его змеинаго, от крыку зверинаго
Помирает все удалы-добры молодцы.
[Рыбников, т. II, с. 152, 153]

Но не было преграды русскому витязю, ему бы только на коня сесть. А там:

Пошел его добрый конь богатырский,
С горы на гору перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелкие реченьки, озерка, между ног смещать.
[Рыбников, т. I, с. 16]

Русские часто со стен своих городов наблюдали такую картину:

Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человечьяго,
Как от ржания лошадинаго,
Унывает сердце человеческо.
[Гильфердинг, т. II, с. 23]

Тут Илья Муромец и дает отповедь непрощеным гостям:

Вы поедте по svým местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пуста стоит,
На святой Руси есть сильны могучи богатыри!
[Киреевский, т. I, с. 35, 36].

После счастливого избавления князя Владимира от печенежской угрозы под Василевом и возведения обетной церкви [обетная церковь обычно строилась за одни сутки] князь велел наварить меду и устроить пир. Владимир сам созывал бояр, посадников и старейшин отовсюду с Руси. Не забывал при этом князь о простом народе, а убогим раздавал милостыню.

В Киев Владимир вернулся на усение Богородицы и снова устроил праздничный пир:

“Повеле остроити КОЛА и вьскладываше хлебы мясо рыбы и овощи... и мед в чашах... по вся дни на дворе в гридницы пирь творити и приходите бояромь и гридьмь и десятникомь и нарочитьемь мужемь и при князе и без князя...”

Летописец говорит о князе: “Бе бо любяше Володимер дружину. и с ними дума о стороении земли ... и о ратехъ”. Касается летописец и того, что Владимир умел сохранить мир с западными соседями: “И бе живя с князи околными его миромь с Болеславом Лядским, со Стефаном Угорским, с Ондроником Чешским и был мир между ними”. К слову сказать, Стефан Венгерский (997 — 1038 гг.), так же как и Владимир, стал крестителем своей державы.

Интересен такой летописный сюжет. При князе Владимире умножились разбои. Оно и не мудрено. Русь переживала один из переходных этапов своей истории. Патриархальный род уже не имел прежней власти, а новый строй жизни еще не устоялся и давал людям едва ли не полную свободу выбора в поступках. Видя разбои и разброд, епископ обратился к князю с вопросом: “Почему не казнишь?” Князь отвечал, что боится греха, тогда епископ, а был он греком, обьяснил Владимиру, что он поставлен богом на казнь злым и на милость добрым. Князь по словам епископа должен был казнить разбойников, но с испытанием. Это означало, что испытываемый должен был взять в руки раскаленное железо, и если на ладонях не оставалось ожогов, считалось, что испытываемый говорит правду.

Князь отменил стародавние виры, взимавшиеся за убийства и иные прегрешения, и стал казнить разбойников. Но очень скоро старцы и епископ с духовенством решили, что “рати много”. А Владимир и сам был рад вернуться к взиманию “вира то на конихъ и на оружьи...”

И вновь зажила Русь “по строенью дедню и отню”. Спустя год после событий под Василевом печенеги осадили Белгород на реке Ирпень, стоящий у самого Киева. Подступить к стенам Киева печенеги не решались. Кроме того, у печенегов не было искусных инженеров по осаде и взятию городов. Это то, что отличало печенегов от монголов.

С начала года Владимир уехал на север к Новгороду собирать воинов для борьбы с печенегами, ибо конца ей не было видно и Русь стонала от ежегодных набегов. Народ, вместо того чтобы по весне пахать землю и засеивать ее семенами, был вынужден скрываться за стенами городов. А на землях, лежащих между реками Рось и Стugna, Сула и Трубеж, едва ли не ежедневно занимались пожарища, дым от которых достигал Киева.

Прознав об отъезде Владимира на север, печенеги, не мешкая осадили Белгород — город, где была возможна немалая пожива.

В связи с осадой Белгорода летописец передает повесть о “сладком колоце”. Вот ее краткое содержание.

Помощь Белгороду Владимир подать не мог, ибо не имел достаточно сил. В городе начался голод. Наконец решили: “Се уже хочем померети от глада, а от князя помочи нету. Да лучше ли ны померети? Вьдадимся печенегом, да кого живять, кого ли умертвлять; уже помираем от глада”.

Был в Белгороде старец, отсутствовавший на вече. Узнав о решении горожан, он просил подождать три дня и не сдаваться пока печенегам. А тем временем старец просил горожан: “Сберите аче и ли горсти овса или пшенице, ли отруб”. Выкопали колодези. Взяли и “меду лукно, бе бо погребено в ямьжи медуши. И повеле росытити велми и вьляти в ямь в друземь колодези”.

Утром послали к печенегам, дали им заложников и пригласили десять печенежских мужей в город. Кочевники обрадовались, решив, что город хочет сдаться. Каково же было изумление печенегов, когда в Белгороде их встретили такими речами:

“Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за десять лет, что можете створите нам? Имеем бо кормлю от земле. Аще ли не веруете, да шрите своима очима”.

Изумленные печенеги вьсташа от града, вьсвои идоша”. Мы помним, что в последние десятилетия на Руси жил юный конунг Норвегии Олав, сын Грегтви, впоследствии женатый на Гейре, дочери Курецлава, конунга страны вендов [годы жизни конунга Польши Болеслава I Храброго 962 — 1025, но это еще не доказывает того, что Бурицлав и Болеслав одно лицо]. Олаву было девять лет, когда он попал на Русь. Прожил он на Руси еще девять лет. Возможно, Сигурд, дядя Олава, был одним из тех варягов, которые в 980 г. помогли Владимиру добиться киевский стол.

В 1008 г. в Киеве появился германский миссионер архиепископ Брунон. Он следовал через Русь к печенегам для проповеди христианства. Брунон прожил месяц при дворе Владимира и был принят милостиво. Владимир сам провожал архиепископа до границы Руси. Путешествие у князя и Брунона заняло два дневных перехода.

О впечатлениях от пребывания в Киеве Брунон написал в письме Генриху II. О Владимире миссионер отзывался, как о правителе “могущественном благодаря своему королевству и богатству”.

Свидетельство Брунона важно и тем, что он указывает, что Владимир окружил Русь от кочевников длинными длинными ограждениями. Брунон назвал их латинским словом *sepe*. В полном латинском слове читаем: *sepes (saepes), is, f.* — “изгорода, тынь, забор”. Нам же под *sepe* Брунона следует понимать каменные валы среднего поднепровья.

При прощании Брунон въехал на сторожевой вал, по всей видимости, бывший курганом. Влади-

мир стал на другом холме. Расстались князь и архиепископ недалеко от реки Стugna.

В 1009 г. архиепископа кверфуртского Брунона убили пруссы. С событиями 1008 г. перекликается написанное аббатом Петром Дамианом (+ ок. 1072 г.) в 1040 г. “Житие св. Ромуальда”. В этом житии рассказывается о том, что Брунон Кверфуртский крестил Русь. Для нас свидетельство Петра Дамиана может служить примером, как к одной истине можно присовокупить неправду и выглядеть это будет почти правдоподобно.

В 1000 г. умерла Рогнеда, супруга Владимира и мать Ярослава. Вслед за Рогнедой один за другим из жизни стали уходить близкие Владимиру люди.

В 1001 г. умер Изяслав, посаженный Владимиром в Полоцке и положивший начало полоцкому княжескому дому, ранее других обособившемуся от Киева. В 1003 г. умер Всеслав, сын Изяслава и внук Владимира. Вся полнота власти в Полоцке перешла в руки Брячислава Изяславовича, внука Владимира.

В 1011 г. умерла еще одна супруга Владимира, греческая принцесса Анна. И сам Владимир стал не тот, что прежде. Князь уже не ходил походом ни на вятичей, ни на хорватов или ятвягов, не влекло его и на Дунай. Тем временем подрастали сыновья Владимира. У каждого был город с властью.

Под 1013 г. Титмар Мерзебургский сообщает о войне между Русью и Польшей. Причиной раздора были земли Червоной Руси.

В 1014 г. Ярослав, сидевший в Новгороде и ежегодно присылавший в Киев две тысячи гривен оброку, не дал положенного. Старый Владимир велел людям “теревите путь и мосты мостите”, собираясь выступить на север. Но не суждено было Владимиру вдеть ногу в стремя. Князь заболел.

Прознав о готовящемся походе, Ярослав бежал тем же путем, что и Владимир в 977 г., за море. Весной 1015 г., как сошел лед на реках, Ярослав вернулся в Новгород с варягами.

А Владимир совсем расхворался. На печенегов, беспокоивших рубежи Руси, князь послал сына Бориса. 5 июля в селе Берестове князь Владимир Святославович скончался.

5.2. Святополк Окаянный (1015 — 1019 гг.)

Сын Владимира Святополк, рожденный от отнятой у Ярополка жены, пошел по стопам князя Ярополка и был прозван на Руси Окаянным. Святополк был старшим среди братьев и сидел в Киеве. Смерть отца он утаил, завернув тело Владимира в ковер и ночью в санях привез в каменную церковь Богородицы в Киеве. Народ прознал о смерти князя, стал сходиться и крепко горевал о Владимире как о заступнике. Владимира положили в мраморный саркофаг и упокоили в отстроенной им каменной церкви Киева.

Тем временем Святополк принялся раздавать именье умершего народу.

Юный Борис, не встретив печенегов, вернулся на Русь. Узнав о смерти отца, княжич заплакал. Летописец говорит, что Владимира более других сыновей любил Бориса. Шатер Бориса был раскинут над рекой Альт. Дружина предложила Борису поддержку и советовала сесть на отцовский стол в Киеве. Борис отказался, объяснив, что не хочет поднять руку на брата. Дружина уехала от Бориса, на берегу остались лишь немногие отроки.

Между тем Святополк прислал Борису уверенья в любви. Быть может, Святополк боялся дружины и не знал, что Борис ее отпустил.

Заговор сложился в Вышгороде. Святополк приехал в столичный пригород и тайно собрал вышгородских бояр и среди них некоего Путшу. Там и договорились убить Бориса.

Как ни стремился Святополк сохранить замысел в тайне, о заговоре Бориса предупредили. Княжич стал читать молитву и петь заутреннюю. Пришедшие от Святополка люди пронзили Бориса копьем и перебили отроков его. А слуге Бориса угрину Георгию отрубили голову ради золотой гривны, подаренной господином.

Когда Бориса привезли к Святополку он еще дышал. Святополк велел двум варягам добить Бориса. Один из варягов пронзил его сердце.

Тело Бориса погребли в церкви св. Василия в Вышгороде. Далее Святополк решил убить Глеба, брата Бориса по матери болгарке. Мы помним, что Глеб был отправлен отцом в Муром, на Оку. Святополк послал Глебу весть, что, дескать, отец нездоров и зовет сына, а идти следует быстро.

Глеб, не мешкая, сел на коня и с малой дружиной поспешил к Волге, обходя стороной не добрые к русским вятичские леса. На Волге конь Глеба во рву подломил ногу. То был знак князю.

С Волги Глеб перешел на верхний Днепр и далее пошел к Киеву в ладье. У Смоленска, при устье реки Смядынь, ладья Глеба пристала к берегу.

Ранее дочь Владимира Предслава послала в Новгород Ярославу известие о смерти отца и о делах брата. Ярослав успел предупредить Глеба, прислав в верховья Днепра сказать, что Борис убит Святополком, отец мертв, и на Глеба замыслили недоброе. Глеб заплакал и подобно Борису стал молиться. Слышали, как он сказал: "Лучше мне умереть с братом, нежели жить в свете сем".

Подосланные Святополком убийцы овладели ладьей Глеба, убили князя и тело его положили среди клади. Скоро ладья пристала к правому берегу Днепра под стенами Вышгорода.

Глеба упокоили в вышгородской церкви св. Василия рядом с могилой Бориса.

Успел Святополк расправиться еще с одним братом — Святославом, сидевшим в земле древлян. Святослав бежал в Венгрию, но избежать смерти не сумел.

В ту пору в Новгороде разыгралась еще одна кровавая трагедия. Варяги, приведенные Ярославом, имели немало свободного времени и стремились употребить его с пользой. Вылилось это в то,

что варяги стали гоняться за словенскими девицами и женами и творить насилие.

Характер у новгородцев был суровый и, насмотревшись на происходящее, словене взяли оружие и избili варягов во дворе Паромони.

Ярослав был взбешен. Князь лукаво пригласил новгородцев на свой двор, и варяги иссекли тысячу словен. В ту же страшную ночь в Новгород пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца и о том, что Святополк в Киеве и послал убить Бориса и Глеба. Утром в Новгороде собрали вече. После ночной сечи новгородцы встали под стяг Ярослава. Под рукой князя собрались тысяча варягов и четыре тысячи словен. С этой силой Ярослав пошел на Святополка, говоря, что не он начал избивать братию, но Святополк.

А Святополк собрал на Руси воинов, призвал печенегов и стал на правом берегу Днепра.

Наступил 1016 г. Обе армии простояли против друг друга три месяца. Однажды воевода Святополка подъехал к берегу Днепра и принялся высмеивать новгородцев, дескать, пришли они со своим хромцом [Ярославом], а сами плотники, и приставят их рубить хоромы.

Новгородцы того воеводу послушали и сказали Ярославу, что утром переправятся на противоположный берег. Ярослав "исполчил рать" до рассвета.

"И темь вечере перевозися Ярославъ съ вои на другии поль Дънепра, и лодь отринуша отъ берега, и тои ноци поидоша на сецю. И рече Ярославъ дружинѣ: знаменайтеся, повивайте собе убрусы голову. И бысть сечи зле; и до света победиша Святоплька. И бежа Святоплькъ въ Печенеги, а Ярославъ иде Киеву... и начав ое свое делити: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривне, а Новъгородичемъ по 10 всемъ. и отпусти я домовъ вся".

[Новгородская первая летопись ПСРЛ 1841 г.] Так Ярослав сел на стол в Киеве, и было князю от роду 28 лет. В 1017 г. в Киеве случился пожар и погорели церкви. Были они по преимуществу деревянные. А каменная громада храма Богородицы Десятинной невозмутимо высилась над тесовыми крышами рубленной из бревен столицы.

В 1018 г. польский король Болеслав I Храбрый, имевший давнюю обиду на Русь за червенские земли, двинул ляшские полки в помощь не скупившемуся на посулы Святополку. Ярослав был заранее уведомлен о готовящемся походе и, собрав воинов из руси, варягов и словен, выступил навстречу неприятелю. Полки встали по разные стороны Западного Буга, недалеко от древнего города Вельин.

Во многом ситуация на Западном Буге 1018 г. повторила произошедшее на Днепре в 1016 г. Только стороны поменялись ролями. Воевода Ярослава, звавшийся Будын, подъехал к берегу реки и стал кричать Болеславу, что пропорет его толстое чрево. А был Болеслав грузен.

Услышав те речи, Болеслав кинулся верхом вброд через реку. Следом за королем ринулась и реку польская рать. Ярослав не ожидал подобно-

поворота событий, не успел обрядить полки и бесспавно бежал с четырьмя людьми в Новгород.

Скоро с запада к Киеву подошли ляхи во главе с Болеславом I и с ними князь Святополк. Город отворил ворота. Польских воинов развели по дворам киевлян на корм.

Болеслав I счел нужным проинформировать о происходящем на Руси Германию. Ко двору Генриха II Болеслав послал аббата Туни.

Упомянутый выше епископ мерзебургский Титмар, в 1012 — 1018 гг. написавший хронику, уделив много внимания славянам, немало сведений, в том числе о Руси, почерпнул от аббата Туни. Общался Титмар и с немецкими наемниками, побывавшими с армией Болеслава I в Киеве.

Житье в Киеве обернулось несчастьем для поляков, ибо их стали понемногу избивать. Скоро это явление приняло такой масштаб, что Болеслав I бежал из Киева подобно епископу Адальберту. При этом именье из русской столицы поляки вывести сумели. Увел из Киева Болеслав и сестру Ярослава, его бояр и людей.

Кампания закончилась тем, что Болеслав занял Червоную Русь, и это было главное приобретение Польши в 1018 г.

А в Новгороде происходило вот что. Прибежавший с Волги Ярослав хотел плыть за море. Но ему помешал сын Добрыни посадник Константин. С новгородцами посадник посек готовые к отплытию ладьи. Князю новгородцы сказали, что намерены виться с Болеславом и Святополком.

В Новгороде начали собирать средства — по 4 фуны от мужа, по 10 гривен от старост, по 80 гривен от бояр.

Летописец эти средства называет "скоть". Привели "варяги и вьдаша имь скоть". Собралась в Новгороде внушительная сила. Варяги всегда были рады послужить за соответствующую плату.

Ярославу нетрудно было совладать с оставшимся без польской помощи Святополком. И Святополк бежал к печенегам.

В последний раз братья встретились на реке Альт, там, где была учинена расправа с Борисом. Ярослав стал на месте, где некогда высился шатер Бориса, и помолился.

Святополк подошел на Альт с печенегами "в силе тяжкой". Началась битва, и такой жестокой сечи дотоле не было на Руси. Неприятели трижды ступались. Землю залила кровь. К концу дня ярославовы полки стали одолевать. Святополк бежал, и силы покинули его до такой степени, что пришлось нести князя на носилках.

Донесли Святополка до Берестья [Бреста]. Дух князя был сломлен, и на Руси ему более делать было нечего. Не ждали Святополка и в Польше. Князь проехал Польшу, подошел к рубежам Чехии и бесследно сгинул в лесах Карпат.

Ярослав вошел в Киев и, по выражению летописца, отер пот, показав труд великий. Так было окончено бесславное княжение Святополка Окаянного (1015 — 1019 гг.).

В 1019 г. новгородский посадник Константин неизвестно чем сильно прогневал Ярослава. Сына Добрыни заточили в Ростове Великом. Спустя три года Константин был убит в Муроме.

Между тем началась эпоха правления Ярослава Мудрого. Она оставила много видимых и невидимых памятников в русской истории и на русской земле, и повествованию об этом мы посвятим следующую главу.

Глава 6. Ярослав Мудрый (1019 — 1054 гг.)

6.1. Расцвет Киевской Руси

Русь при Ярославе обрела черты, присущие большинству христианских государств Европы. Ярослав имел много детей, и заключил династические браки с правящими домами Франции, Норвегии, Венгрии. При нем развернулось начатое Владимиром каменное строительство монументальных соборов, и по сей день потрясающих воображение зрителей. При Ярославе был создан [вернее, усовершенствован] свод узаконений, получивший наименование Русской или Ярославовой правды.

Ярослав продолжил активное строительство городов на лесостепном пограничье Руси. Как и прежде, на Руси процветали торговля и ремесла. В XI в. словене новгородские и кривичи, как и в IX — X вв., охотно шли на земли северо-восточной ростово-суздальской Руси, и прежде всего на черноземы суздальского ополья, в житницу залесских земель. Ширившиеся на север и восток территории волостей захватывали громадные лесные массивы Русской равнины. Крестьяне, выделяясь из “отчинных” и “дединых” хозяйств, взяв топор, коня и жену, уходили на новые земли, расчищали от леса надел и ставили двор. Между деревеньками, в гуще лесной чащобы, пробивали проселки. Русь покрывалась паутиной дорог, многие из которых становились оживленными торговыми путями. На перекрестках путей вырастали города. Бояре, получив от князя определенные государственные обязанности и права, вили собственную паутину из городских теремов и загородных крепостей-усадеб.

В первой половине XI в. на Руси появился еще один феодал — это монастыри и церкви. Были они по преимуществу городскими и получали десятину с доходов светской власти и, кроме того, имели собственные села и лесные промысловые и рыбные угодья.

При этом леса вятичей в XI в. оставались краем, относившимся к Руси настороженно, а нередко и враждебно.

В первой половине XI в. русское государство продолжило стирание патриархальных границ славянских союзов и родов. Эти границы стали перерождаться в границы волостей, а позднее и отдельных княжений. Новая граница противостояния

между старым и новым пролегла по линии принятия или непринятия христианства.

При Ярославе Русь по-прежнему противостояла печенегам. Шатры тюркских кочевников в 895 — 1036 гг. появлялись всюду в степях, раскинувшихся между нижней Волгой и Днестром. В XI в. Русь продолжала удерживать города Белая Вежа на нижнем Дону и Тмутаракань на Тамани. Эти приобретения Святослава Игоревича имели для Руси огромное военное и торговое значение.

В 1020 г. у Ярослава родился сын Владимир, впоследствии ходивший в военный поход на Византию и строивший новгородскую Софию.

В 1021 г. сидевший в Полоцке внук Владимира и племянник Ярослава князь Брячислав Изяславич совершил военный поход на Новгород. Город Брячислав занял, ибо появился под его стенами совершенно неожиданно. Полочане взяли в плен множество новгородцев и, забрав имущество горожан, стали отходить к Полоцку.

Вероятно, Брячиславом руководило не столько желание поживиться за счет богатого соседа, сколько стремление подорвать торгово-экономическое значение Новгорода. Напомним, что Полоцк имел собственный выход на Балтику водами Западной Двины. И Новгород с речным путем по Волхову мог рассматриваться Брячиславом как конкурент в торговле со странами Северной и Западной Европы. Кстати, первое столкновение Брячислава с Ярославом произошло в 1020 г.

Известие о нападении полочан на Новгород очень скоро достигло Ярослава. Князь собирался в поход считанные часы. Брячислав с “полоном и именем новгородским” подошел к “Судмири реци”, когда его настигла киевская дружина Ярослава. Схватка была недолгой. Брячислав бежал в Полоцк, а новгородцы возвратились в свой город.

Действия Брячислава показывают, что в 1021 г. Русь имела как минимум одно самостоятельное княжение, политика которого противоречила интересам всего государства.

В 1022 г. Ярослав выступил к городу Берестью. В то время Польша была сильна. Болеслав I пребывал в добром здравии, и Червоная Русь лишь показала Ярославу свою полную садов и пышных низ равнину. Далее Западного Буга русская дружина не пошла.

В 1022 г. в Тмутаракани, на берегу Керченского пролива, под стенами греческой Фанагории и хазарского Самкерца, ездил с дружиной младший брат Ярослава — князь Мстислав. В 1022 г. князь с полком выступил на касогов, живших на северо-западных склонах Большого Кавказского хребта.

Когда полки сблизались, князь касогов Редедя предложил Мстиславу не губить людей, а самим померяться силой. Мстислав одолел в поединке и возложил на касогов дань.

В 1023 г. Мстислав пожелал получить свою долю на Руси, в “отчине” и, присвокупив к дружине варяг и касогов, пошел на Ярослава.

Под стенами Киева Мстислав появился в 1024 г. Горожане не впустили тмутараканского князя и стола ему не дали. Тогда Мстислав сел княжить в Чернигове. Ярослав в ту пору был в Новгороде, где и прежде оказывался всякий раз, когда на Руси зашумало зарево смут и усобиц. С верховых, северных, земель мудрому князю Русь была виднее, да и готовое за гривны и куны послужить Ярославу варяги были близко. А у словен новгородских ни с одним из сыновей Владимира, кроме Ярослава, святей не было, и опасности для князя они не представляли.

Тем временем в ростово-суздальских землях выдался неурожайный год и начался голод. Скоро возник мятеж, а в Суздаль выступили затаившиеся до поры волхвы. Это была реакция на стремительную феодализацию и христианизацию Руси. Север государства и его отдельные провинции, такие как Суздаль и Белоозеро с волостями, отличались особой приверженностью к древнему укладу жизни, и неурожай был отнесен на счет гнева богов на народ, отступивший от веры отцов и дедов. То была прямая угроза всему строю княжеской и боярской власти и поддерживающей его христианской иерархии. Ярослав отреагировал тотчас же. Он выступил к Суздалью с дружиной и “изыма волхвы”. Хлеб привезли по Волге из Булгара. Тем и остались живы.

По возвращении в Новгород Ярослав озаботился южнорусскими делами и по обыкновению послал за море к варягам.

Дружину варягов привел Якун. Он был слеп. Ладья северных германцев недолго простояла на Волхове. Скоро над судами подняли полосатые паруса, и, помолившись, воины двинулись на юг, в Русь, добывать князю славы, а себе чести.

Мстислав, сидя в Чернигове, зорко следил за киевским путем и вовремя выступил к северу, к городу Листвен. С ночи Мстислав “урядил и исполнил” дружину. В центре князь поставил славян-северян “въ чело противу Варягомъ”, сам же с собственной тмутараканьской дружиной стал по “крилома”.

Ночь осветилась молнией и огласилась раскатами грома. Вслед за тем пролился дождь.

На рассвете полки сошлись и началась кровопролитная битва. Видя, что битва проиграна, Ярослав с Якуном бежали. Ладья Ярослава пристала к стенам Новгорода, а ладья Якуна поплыла в море, вниз по Волхову, за море.

На следующий день утром Мстислав стал обходить поле сражения и, видя иссеченных северян и варягов, сказал: “Кто сему не рад, вот лежат северяне а вот варяги, а своя дружина цела”.

Стойкость северян в сражении с Ярославом может объясниться тем, что союз северян имел счет к Киеву еще с VIII — IX вв. Северяне не желали мириться с подчиненным Киеву положением, и именно эта давняя неприязнь могла в дальнейшем, в XII — XIII вв., предопределить антагонизм, существовавший между Киевом и Черниговом.

Мстислав послал сказать Ярославу, чтобы он сидел в Киеве как старший брат, а Мстислав будет княжить по иную сторону Днепра. Ярослав не верил словам Мстислава, и в Киеве сидели его [Ярослава] посадники. Сам Ярослав в столицу ехать не решался.

В тот же год у Ярослава родился сын, и был он назван Изяслав.

Решился приехать в Киев Ярослав лишь “съвокупив воя многи”. Шел 1026 год. Братья съехались у Городца и разделили Русь по Днепру. Ярослав “прия су страну”, а Мстислав “ону... и быс тишина велика в земли”. В 1027 г. у Ярослава родился третий сын — Святослав. В 1030 г. Ярослав овладел городом Белз на западных рубежах Галиции, но червенские города по-прежнему удерживались Польшей.

В тот год Ярослав ходил походом на чужь, в леса, отстоящие к западу от Чудского и Псковского озер. На высоком холме Ярослав основал город и назвал его Юрьев [Гарту]. Город был призван утвердить власть Руси в чуждских землях.

Скоро Ярослав узнал о кончине Болеслава I. Польша погрузилась во мглу мятежа. Это была реакция простого населения на феодализацию и христианизацию страны. Народ стал нещадно избивать “епископы, и попы и бояры своя и быс мятежь въ них”.

Масштаб волнений, охвативших Польшу, не на шутку встревожил Ярослава. Не теряя времени, Ярослав объединил силы с братом Мстиславом, и русские полки выступили в поход на умиротворение Польши. Тут Русь вернула под свою власть червенские города. Из Польши Ярослав привел немалый полон. Часть пленных поляков Ярослав поселил на берегах реки Рось “суть и до сего дни”.

В 1032 г. Ярослав принялся за усиление рубежа обороны, шедшего по левому берегу Роси. Летописец под 1032 г. сообщает: “Ярослав поча ставит города по Рси”.

В 1033 г. умер сын Мстислава Евстафий, и князь остался без наследника. Спустя два года Мстислав выехал на охоту, разболелся и вскоре умер [+ 1034 г. или 1036 г.].

Хоронили Мстислава в Спасо-Преображенском соборе Чернигова, самим князем выстроенном в 1024 — 1036 гг. Черниговский Спасский собор пережил более старую Десятинную церковь Богородицы, построенную в Киеве при Владимире, и в насто-

Таблица 2.1

Древнейшие князья Руси и род полоцких князей

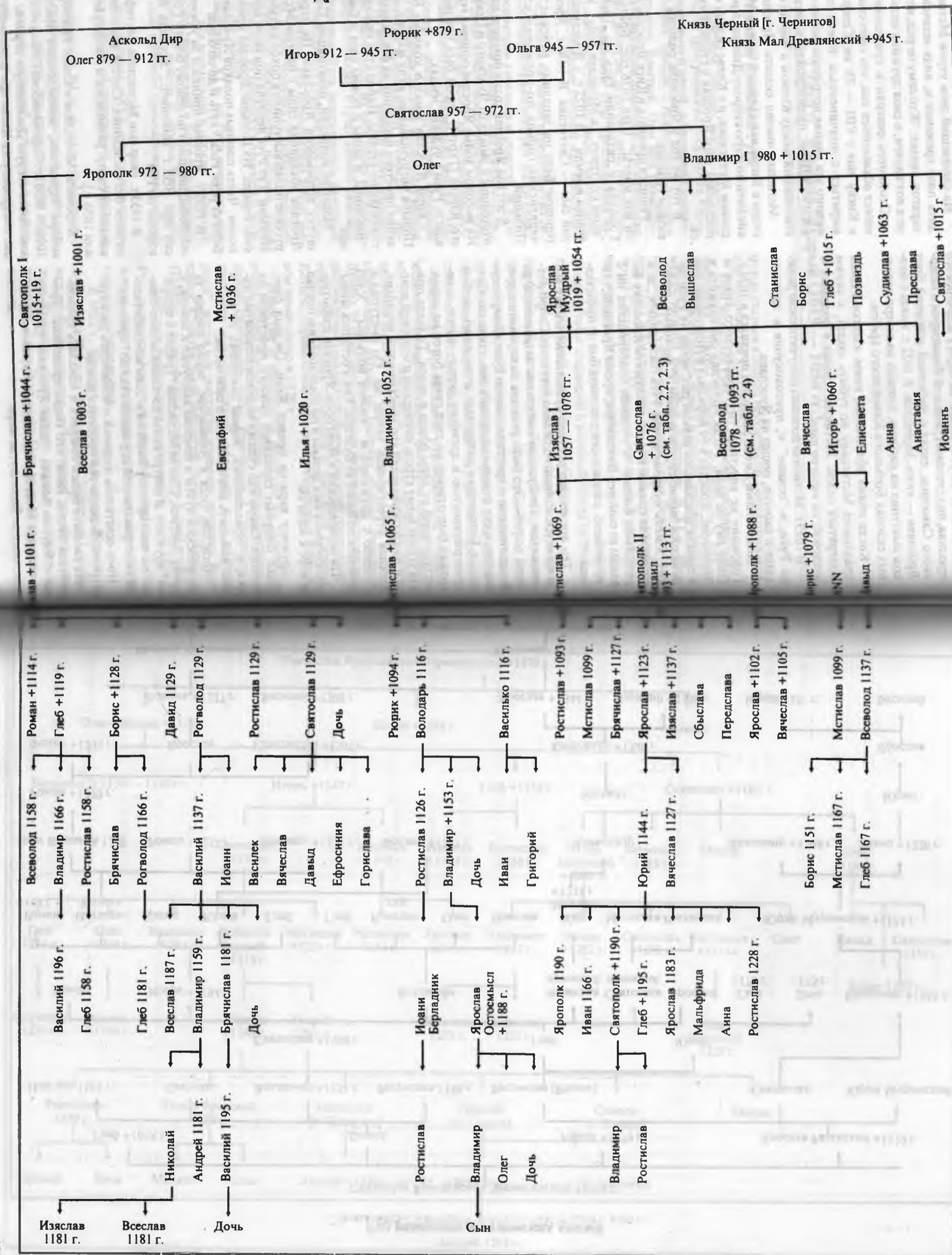
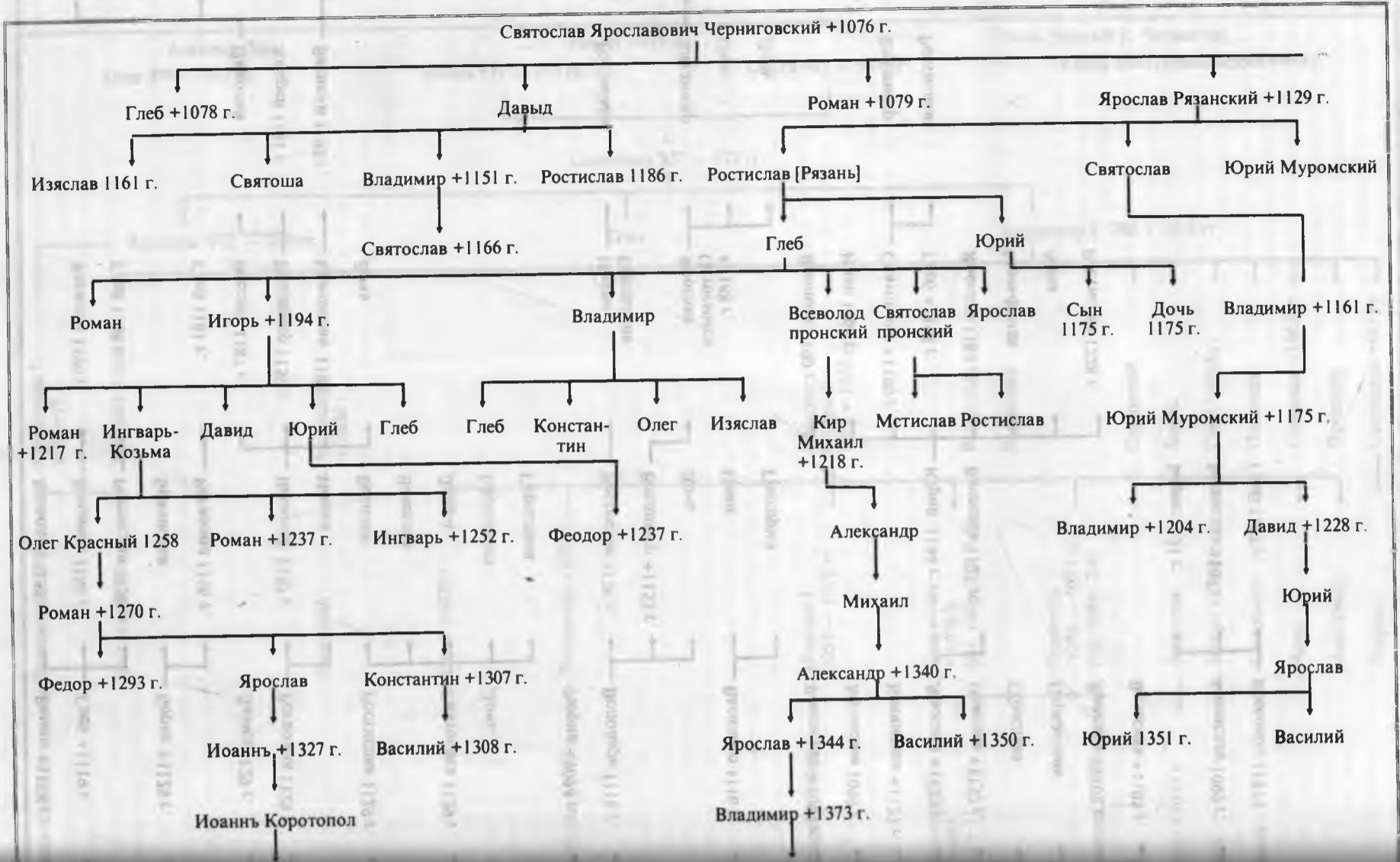

Таблица 2.2

Род рязанских и муромских князей

Род черниговских и северских князей

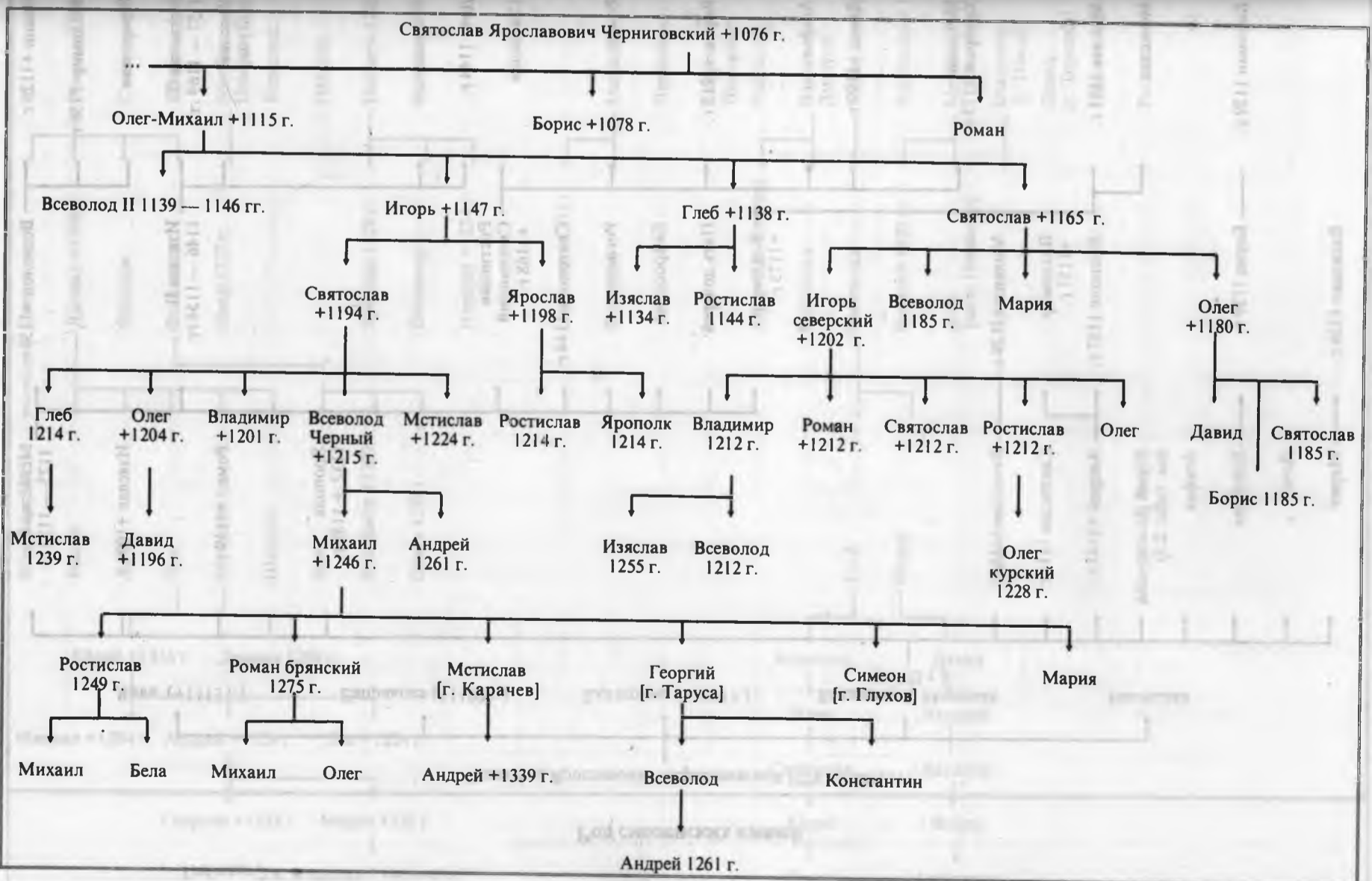

Таблица 2.4

Род смоленских князей

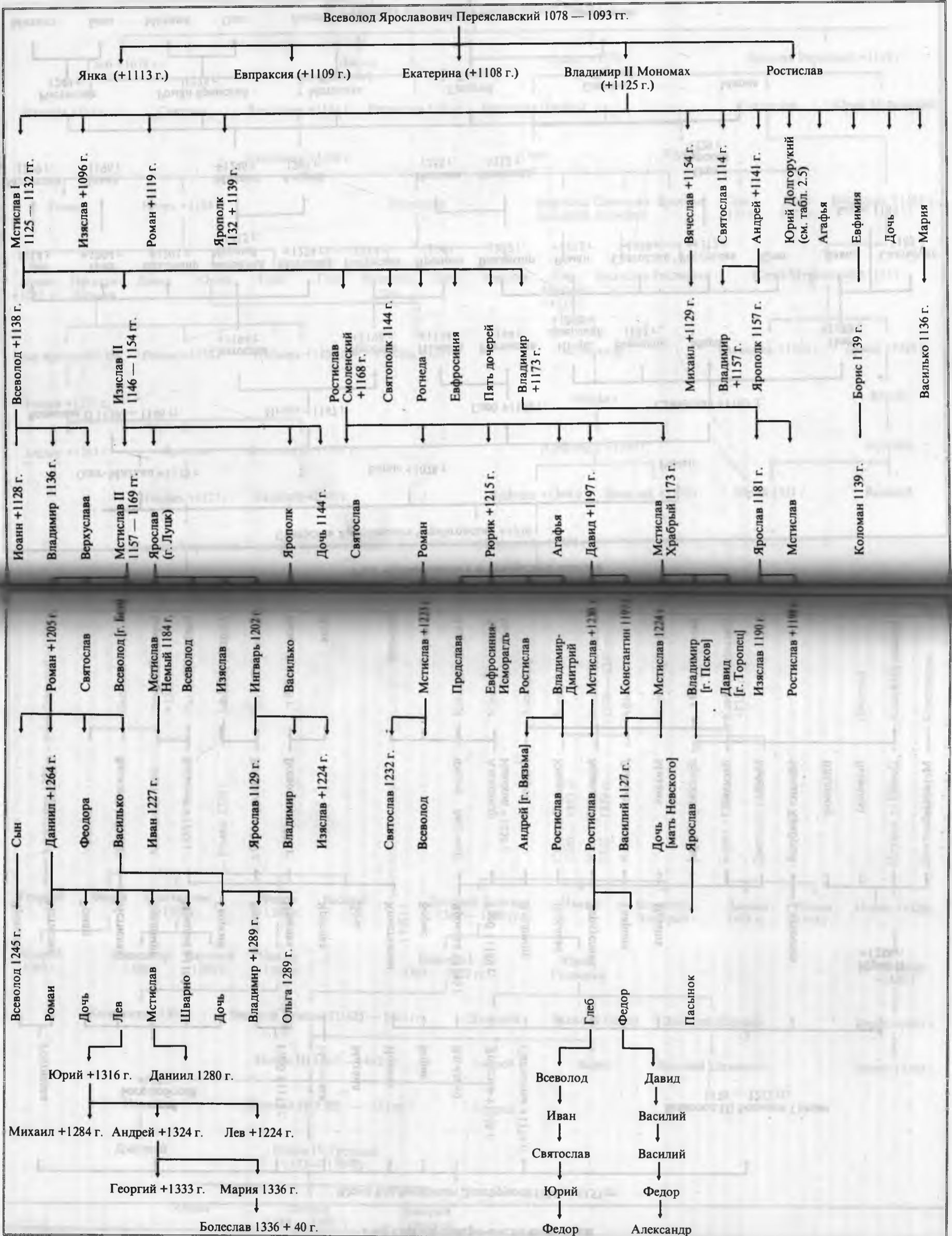
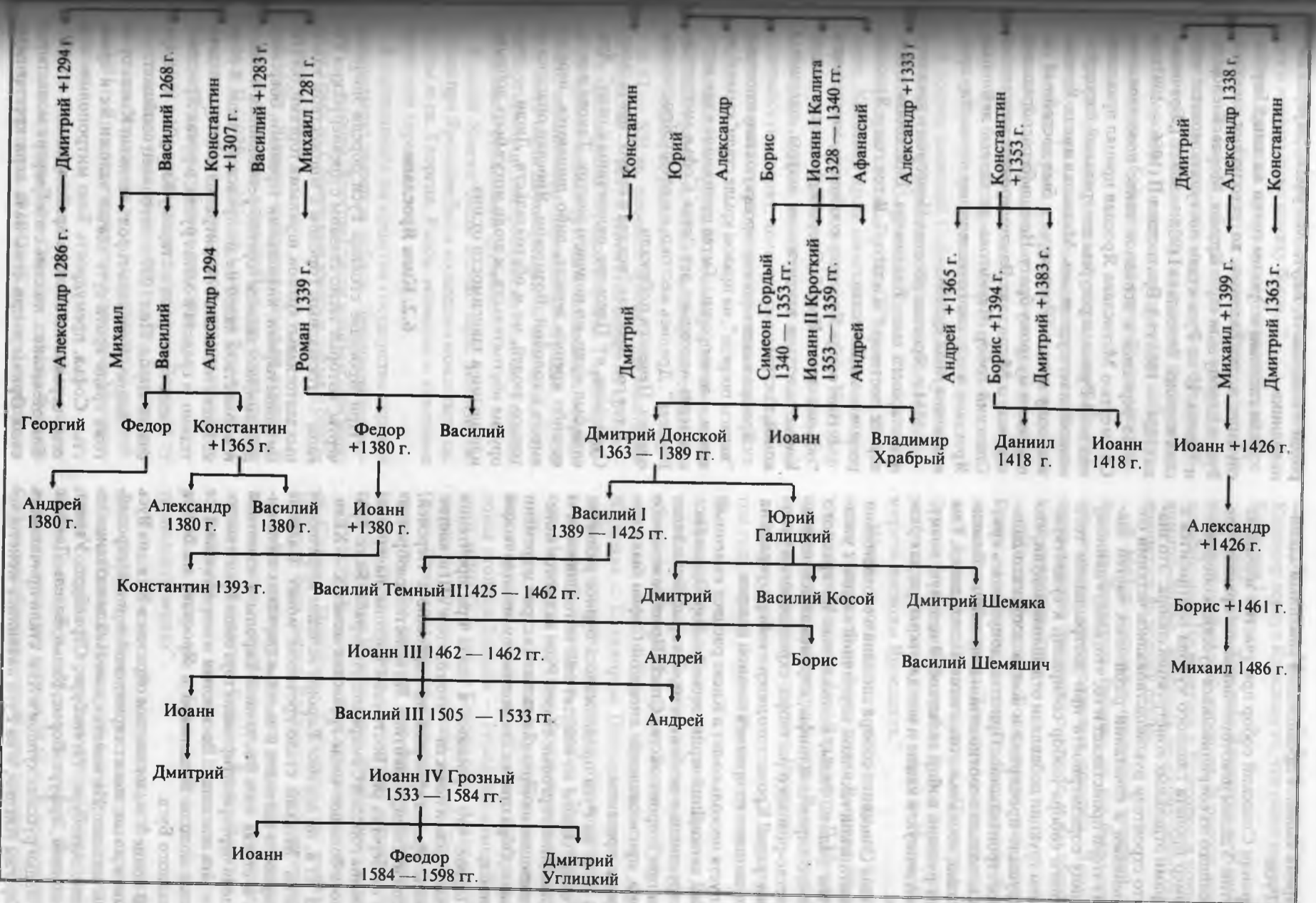
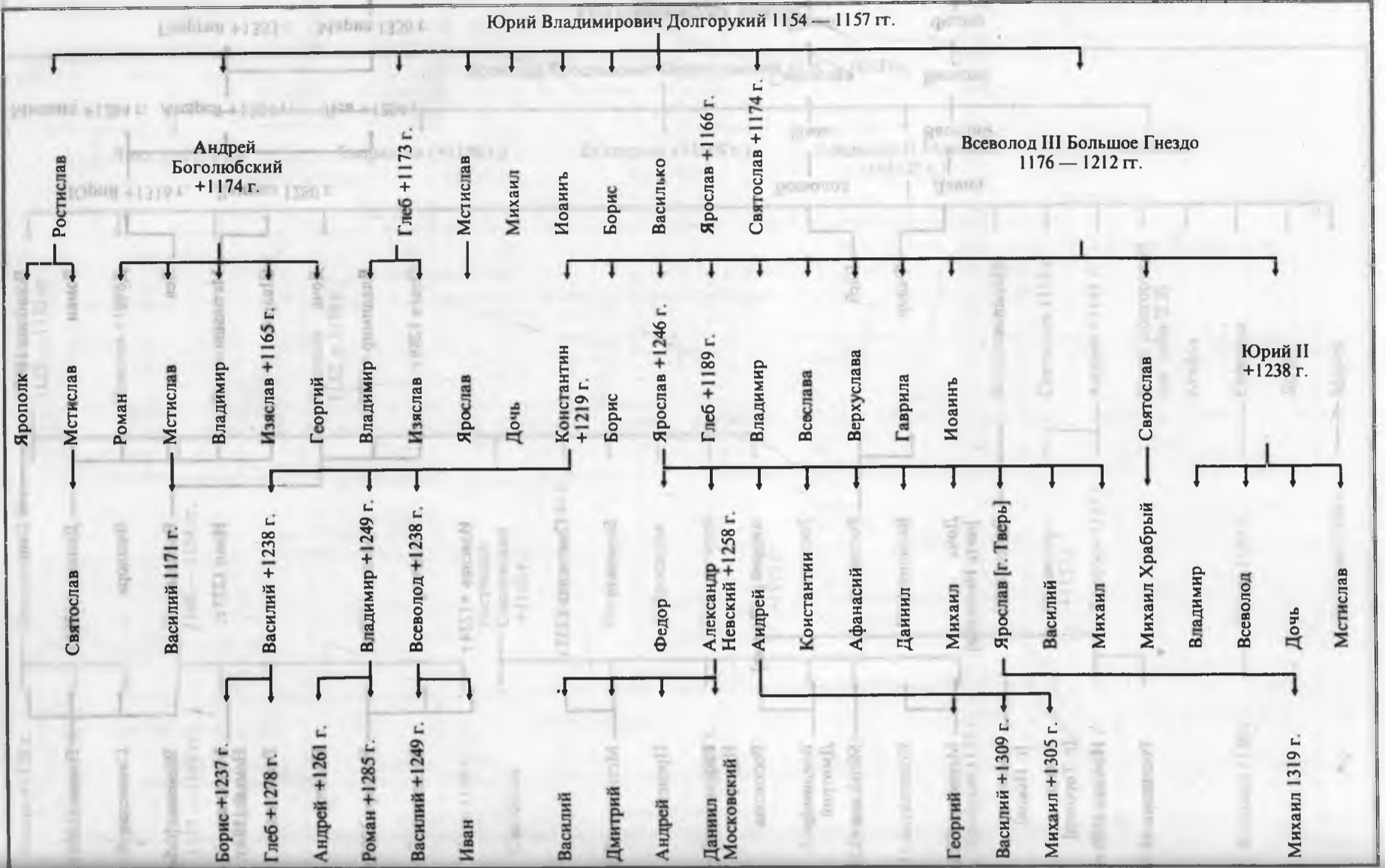

Таблица 2.5

Род князей северо-восточной Руси

ящее время является древнейшим каменным зданием на Руси.

Строили Спасский собор при участии зодчих из Византии. Уделим некоторое внимание архитектуре древнейшего из сохранившихся русских соборов.

Размер пролета главного купола соотносится с размерами отдельных конструкций собора. Это значит, что строители руководствовались четкими соотношениями в сочетании различных частей здания. Из этого проистекает и то, что, следуя данному принципу соразмерности при достраивании того или иного собора [собор собирали], к существующей конструкции добавляли отдельные модули, что не нарушало пропорций и всегда допускало дальнейшее строительство. При этом допускалась кратность не только в соотношении дальнейших элементов плана, но и в высотных измерениях здания. Тем самым русский собор являл собой цельную поэму, запечатленную в камне и всегда открытую для развития.

Стена Спасского собора сложена в соответствии с византийской техникой кирпичной кладки с утопленным рядом. Ряды, положенные из красного длинного кирпича-плинфы, перемежаются полосами светло-розового раствора, скрывающими утопленные ряды. Кроме того, стена собора украшена композициями из орнаментальной кладки.

Спустя несколько лет в Киеве расцвел каменный цветок, затмивший черниговский собор. Однако все конструктивные особенности, которые были заложены при стороительстве Спасо-Преображенского собора, при возведении киевской Софии были повторены и развиты.

В XI в. на Руси продолжалось бурное развитие торговли. Одним из показателей интенсивности и направления торговых связей Руси являются монеты, имеющие начертания названия стран и времени чеканки. Обратимся к свидетельству металлической летописи.

Первое, что бросается в глаза при прочтении металлической повести — это то, что в VIII в. восток Европы ориентировался на торговлю с Персией, Средней Азией, Византией. На монетах, разбросанных на берегах рек Восточной Европы, начертаны названия городов Самарканд, Андераба, Балх. Вращалось большое число греческих монет X — XI вв.

В XI в. на востоке Европы исчезли куфические монеты. Меньше стало греческих монет. Падение Хазарского каганата и засилье тюркских кочевников в степях юга Восточной Европы в известной степени переориентировали торговлю Руси с востока и юга на запад. Во многом этим объясняются частые походы Владимира и Ярослава на берега Западного Буга.

В конце X в., и главным образом в XI в., на Русь хлынул поток монет германской и иной европейской чеканки. На монетах замелькали названия городов: Аугсбург, Регенсбург, Страсбург, Утрехт, Гронинген, Эрфурт, Вормс, Кельн, Базель, Докком.

Ладьи русских купцов в XI в. стали причаливать к берегам Англии, и на Руси появились монеты ко-

ролей Этельреда II, Кнута Могучего, Эдуарда Исповедника.

Если главным морским путем на запад Европы служили воды Балтики, то сухопутные дороги с Руси в Европу шли через Краков, Моравские ворота и Чехию. И на Русь стали поступать монеты чешских королей Болеслава I (935 — 969 гг.), Брячислава (1034 — 1055 гг.), Вратислава II (1056 — 1092 гг.)

Но вернемся к основной канве повествования. Со смертью Мстислава Ярослав принял правление над всей Русью, и ресурсы центральной государственной власти удвоились. Мстислав имел с Ярославом одну мать — Рогнеду — и был достойным соперником мудрому брату. Но судьба распорядилась так, что о Мстиславе Владимировиче напоминает Спасский собор Чернигова да записи летописца. Ярославу и его многочисленному потомству предназначена иная судьба.

В 1034 г. Ярослав посетил Новгород и посадил в нем старшего сына Владимира. Епископом в Новгороде поставил “Жидятоу”. В тот год у Ярослава родился сын Вячеслав.

В Новгороде Ярославу сообщили, что печенеги “объемь стоять Киев”. Скоро Ярослав сам со стен Киева созерцал печенежские шатры, пасущихся коней, костры.

Ярослав вывел полки за городскую стену и поставил “варагы посреде”, на правом крыле стали “кыяны”, на левом — новгородцы. Битва произошла в том месте, где через несколько лет “стая Софья митрополя Русская”. Дрались жестоко, и к вечеру Ярослав едва одолел. Печенеги побежали.

В тот год Ярослав “всадил в поруб” брата своего Судислава, в “Плескове. оклеветаны к нему”. Ярослав был мудр, но подчас и жесток. Такова власть: ее либо крепко держат, либо лишаются, нередко вместе с головой. Возможно, Ярослав опасался не только людей, но и обстоятельств. Люди — лишь орудия обстоятельств, и люди могут быть добрыми или злыми в зависимости от них.

6.2. Киев Ярослава

При Ярославе столица Руси обрела эпические черты, которые тесно связаны с древнерусским Киевом — громадным городом с множеством каменных златоглавых храмов, шумными торгами, богатыми монастырями, княжескими теремами, боярскими дворами, неоглядным торгово-ремесленным посадом и множеством ладей на днепровской глади. В облике Киева сказалась концентрация власти, а следовательно, и средств в одних руках, в руках Ярослава.

Князь пристроил к старому Киеву X в. свой ярославов город. Под 1037 г. летописец сообщает:

“Заложи Ярославъ городъ великийи Киевъ оу негоже града врата суть златая заложи же и цркъв стья Софья. премудрость Бию митрополию. и по семь цркъвъ на златыхъ вратехъ камену стья Бу Благовещение... по семь стго Георгия монастырь и стья Орины и при семь нача вера крестьянская

шодитися и раширятис и чернорисци поча множитися и монастырево почаху быти...”

Киев Ярослава примкнул к Старокиевской горе юго-запада. Его охватил земляной вал высотой 14—16 м. В основу оборонительной конструкции было заложено несколько параллельных рядов рубленых стен, составленных из плотно пригнанных плитей-городен. По верху стены шли заборолы, имевшие ходы и бойницы, для стрельбы по осаждавшим.

Город Ярослава, имевший очертания ромба, располагал четыремя каменными проездными башнями. Золотые ворота с церковью Благовещения на вершине были обращены на юго-запад. Город проходили две главные улицы, пересекавшиеся в центре ромба. Тут был выстроен собор св. Софии — митрополия Руси и главная доминанта столицы.

В основу киевской Софии заложили ту же конструкцию, что в Чернигове. Пролеты большого купола имеют те же 25 греческих футов. Высота центральной главы составляет 30 м в Чернигове, 29 м в Киеве. Киевский храм имеет пять нефов и с трех сторон охвачен двумя рядами галерей. Интерьер Софии украсили фресковая роспись и мозаика.

Киевская София, несмотря на конструктивную византийскую основу, является русским собором и содержит немало черт, отсутствующих в греческих храмах.

Впоследствии на Руси было выстроено множество каменных храмов, но создать шедевр, подобный киевской Софии, не удалось.

В XI — XII вв. площадь Киева с предместьями достигла 360 — 380 га. Киев стал одним из крупнейших и красивейших городов Европы. Город застраивали бревенчатыми срубами, стоявшими посреди усадеб, защищенных деревянной оградой. Срубы чаще всего были двухмерными. К ним примыкало высокое крыльцо, построенное на столбах. Усадьбы застраивали рублеными срубами.

Красой Киева были монастыри. Вблизи св. Софии при Ярославе были возведены монастыри св. Ирины и св. Георгия. Рядом вознеслись каменные княжеские хоромы.

В строившихся на средства государства церквях и монастырях закипела работа. Летописец повествует: “... и собра [Ярослав] писце многи и прекладаши от Грекъ на Словенский языкъ и писмя и списаша многи книги”.

В 1038 г. Ярослав совершил поход на ятвягов. В соседней с землями ятвягов Польше после смерти Мешко II (1025 — 1034 гг.) царил безвластие. И Ярослав, не теряя времени даром, утверждал власть Руси на западных рубежах державы.

В 1040 г. Ярослав ходил в поход на Литву, в ту пору остававшуюся языческой, что как бы развязывало в отношении нее руки у христианских соседей. А в 1041 г. Ярослав отправился в поход на Мазовию в явдях.

Когда Казимир I Восстановитель въехал с отрядом в пятьсот рыцарей в Польшу, походы Руси на запад прекратились. В 1043 г. Казимир I женился на

сестре Ярослава Марии Доброгнеге. Кроме того, Казимир вернул Ярославу то, что ранее вывез с Руси Болеслав I.

В 1042 г. сын Ярослава Владимир из Новгорода выступил на финский народ ям. В походе лошадей поразил мор. Не вернулся в Новгород и конь Владимира. Видно, пришлось русскому воинству возвращаться на родину пешком.

В 1043 г. состоялся последний военный поход Руси на Византию. Видимо, не все было ладно в отношениях православных соседей. Летописец очень хорошо рассказал о походе, и мы обратимся к его свидетельству.

“После Ярославъ Володимира сна своего на Греки... а воеводство поручи Вышате оую Яневу и поиде Володимиръ на Цсрь град в лодьяхъ и придоша в Дунай. и от Дуная поидоша к Царюград. и быс буря велика. и разби корабле Руси и князь корабль разби ветрь. и взяша князя в корабли Иванъ Творирича воеводы Ярославля.”

Шесть тысяч воинов выбросило на берег. С ладьи уцелевшей на берег сошел Вышата. Император ромеев Мономах [дед Владимира II Мономаха] принял надлежащие меры, и скоро Вышата с выброшенными воинами оказался в Византии.

Многих русских греки ослепили, а Вышату через три года мирной жизни с Русью отпустили на родину.

Итак, последний морской поход Руси на Византию был неудачен. Тюрки с каждым годом плотнее облегали низовья Днепра и Волги, и Русь вновь обращала лицо к Европе. Брачный союз сестры Ярослава с Казимиром Польским служил гарантией прохождения купеческих транспортов с востоком, скорой, лошадьми, челядью с Руси через Краков, Моравские ворота и Чехию на верхний Дунай.

В пору, когда союзная Руси Польша отворяла ворота русским товарам в Европу, быстро росла новая столица Волыни — город Владимир Волынский. В 1044 г. в храме Богородицы Владимира Волынского упокоили останки князей Ярополка и Олега Святославовичей. Раскопав прах, язычников крестили. Мы помним, как франки ранее возили останки своих святых в языческую Саксонию. Ярослав же повез на Волынь прах двоюродных дедов.

В 1045 г. Владимир Ярославович заложил храм св. Софии в Новгороде. Строительство велось до 1050 г. — года смерти Владимира Ярославовича.

Софию заложили там, где ранее проходила восточная стена новгородского детинца. Укрепления отодвинули на восток, ближе к берегу Волхова.

В 989 г. первым епископом Иоакимом в Новгороде была отстроена дубовая церковь св. Софии “о тринадцати верхах”.

Не исключено, что в строительстве новгородской Софии приняли участие мастера, строившие собор в Киеве. В Новгороде диаметр центральной главы составил 20 греческих футов. Новгородская София имеет пять нефов и пять глав. Высота до вершины главного купола 30,68 м. В новгородской Софии своеобразие русской архитектуры обозначи-

лось более определенно, нежели в Софии киевской. В Новгороде стены собора выложили из местного грубо обработанного камня. Стены новгородской Софии, как и киевской, в X в. не были оштукатурены. Кирпич в Новгороде использовали главным образом для выкладки арок. Влияние византийского стиля на севере Руси скрадывалось местным архитектурным своеобразием. Храм на Руси стал частью целостного образа [включая и ландшафт], жившего в представлениях зодчих. В строительстве зданий древнерусские зодчие выражали образ русской духовности.

В XI в. сформировался тип русской церкви — трехнефный, шестистолпный, одноглавый. На восток были обращены три апсиды. На западе устраивали притвор и хоры. Прясла стен завершались закамарами. В XII в. на смену шестистолпным храмам стали приходиться четырехстолпные.

В XII в. Русь начала дробиться. Зданий, подобных Софий в Киеве, Новгороде и Полоцке, за редким исключением, уже не строили. То были символы духовной и материальной мощи единой Руси. Столицы княжеств украшались менее монументальными храмами. Но в XII в. число каменных церквей на Руси умножилось. Смоленск, Владимир на Клязьме, Старая Рязань и десятки иных городов отстроили множество каменных соборов. Они служили для утверждения местной духовной и светской власти. Храмы Новгорода, Пскова и Старой Ладуги, активно строившиеся в XII в., отличались особой прелестью. В их облике присутствовала некая непропорциональность, одновременно проникнутая удивительной цельностью и строгой, аскетической одухотворенностью. Образ этих храмов дышит духом Северной Руси.

Новгородская София располагала верхними полатами. Они служили для князей, бояр и для приема иностранных гостей, присутствовавших на богослужениях. Полати заливал свет. На них вела лестница специально построенной башни. Нижняя часть собора была более темной и казалась придавленной сводами хоров.

В 1108 г. новгородскую Софию начали расписывать. В 1144 г. расписали притворы собора. На стене южного притвора в 1144 г. написали изображение императора Константина и женщины, над головой которой из-под штукатурки в XIX в. расчистили надпись ОЛЕНА.

Вокруг новгородского детинца, служившего резиденцией местного владыки, в XI в. шумел большой город. Его улицы спускались к берегам Волхова. На правом берегу Волхова, напротив стен детинца, располагался торг. Отдельные слободы Новгорода имели свои названия. На левом берегу Волхова детинец окружали Людин и Гончарский концы, Загородский конец. На правом берегу Волхова, вокруг торгового, раскинулись Словенский конец и Плотницкий конец.

Улицы Новгорода в X — XIII вв. мостили деревом. На плахи укладывали поперечные бревна. По

прошествии нескольких десятков лет на старую мостовую настилали новый слой бревен и досок.

Новгород отовсюду был окружен рвом, вода в который поступала из Волхова. От торгового к детинцу над Волховом был перекинут Великий мост, свидетель многих бурных событий из новгородской истории. Мост упоминают летописцы с 1134 г. Особенностью Новгорода было большое число богатых усадеб, составлявших застройку города. Их хозяевами были тысяцкие, сотские, бояре и купцы, державшие под крепкой властью необозримые просторы севера русского государства. В X в. усадьбы новгородцев не имели оград, зато помимо служб располагали огородами. В XI в. население города начало стремительно расти, и огороды быстро застроили. Изменилась не только структура усадеб, но и их соотношение. Дворы ремесленников, объединявшихся в цеха по видам деятельности, и усадьбы простого народа были невелики [15 x 30 м]. Узкой стороной усадьбы выходили к улице. Застройка их состояла из рубленого дома и двух-трех служб.

Иными были усадьбы бояр. Дома бояр достигали площади 130 — 140 м. кв. Внешняя деревянная граница доходила до 1,5 тыс. кв. м. Вокруг боярского дома стояло множество хозяйственных служб и изб для челяди.

Новгородское боярство имело натуру широкую и дело ставило основательно. Недаром русские князья, имевшие повсюду в государстве едва ли не абсолютную власть, в Новгороде лишь служили горожанам, и если служба была не мила или менялся политический климат на Руси, изгонялись с позором и треском. Так могли поступать с князьями, окружавшими себя сотнями “изодетых кольчугами отроков”, только сильные и своенравные новгородцы. Это были люди, слепленные из особого теста, замешанного на свободе и холодном материальном расчете.

Резиденцию князя в Новгороде имели около городского торгового, а не в детинце, как в иных городах Руси. В XII в. князья вовсе переселились из Новгорода на Рюриково городище. Оно расположено недалеко от Новгорода, при истоке Волхова из озера Ильмень. Тогда же у опустевшего Николо-Дворищенского княжеского собора новгородцы создали вечернюю площадь.

Рассказывая о древнерусской христианской архитектуре, было бы неправильно не упомянуть о знаменном распеве — одной из ярчайших составляющих целостной русской культуры X — XVII вв. В основу древнерусского музыкального канона была положена система осьмогласия. На восьми (осьми) гласах покоился весь строй церковного песнопения. Каждый из восьми голосов имел присущие ему тексты и собственные напевы с характерными мелодическими формулами.

Кроме того, в церковном песнопении была принята ладовая организация. Она представляла собой чередование тонов и полутонов, образующих двенадцатиступенчатый звукоряд, называемый церковным звукорядом. А обиходный звукоряд распа-

дается на четыре согласия — простое, мрачное, светлое и тресветлое, по три звука в каждом.

Существовали определенные образцы или стереотипы церковных песнопений, они назывались подобны. Разные жанры церковных песнопений имели свои подобны. Сборники образцов подобнов составлялись на Руси уже в XI — XII вв.

Древнерусское церковное пение было хоровым, и под крышами соборов оно преображалось и преобретало неземное звучание. Православное пение не имело музыкального сопровождения, как не имела его и древняя католическая монодия — григорианский хорал. Единственным музыкальным инструментом, к тому же единственно способным воспроизвести слово, был человеческий голос. Полагали, что человек был самым совершенным инструментом, созданным богом как самодостаточная сущность.

Сохранилось около восьми десятков древних музыкальных крюковых рукописей XI — XIII вв. [Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI — XIII вв. — М., 1984.] Полагают, что в XI — XIII вв. на Руси обращалось около 140 тысяч книг, приходившихся на семимиллионное население. [Сапунов Б. В. Книга в России XI — XIII вв. — Л., 1976.] Из этих книг значительное число было музыкально-певческих. Это была целая книжная академия, рассредоточенная по городам и селам Руси. И слова летописца о заботе, проявленной Ярославом к книгам, отнюдь не пустой звук. Однако книга в древности была дорогой. До XIV в. главным материалом для создания книг служила свиная или телячья кожа, именовавшаяся харатью от греческого слова хартия. В XIV в. научились производить бумагу. На коже и бумаге писали чернилами. Чернила издревле изготовляли из желудей дуба.

В основе и во главе древнерусских певческих жанров стоит распевное чтение — простое, находящееся на грани пения и чтения. Это был жанр народных былин и песен. Эволюция древнерусского церковного песнопения являла собой постепенное влияние народной русской музыки и греческих песнопений. При этом греческое музыкальное начало постепенно вытеснялось и кристаллизовались древнерусские по сути распевы: большой знаменный, столповый, малый, демественный. Можно сказать, что стихия народной музыки Руси слилась с музыкой церковной и в значительной степени ее поглотила. И стали читаться священные тексты в стенах русских храмов, как читались за их стенами былины.

Изысканное византийское церковное пение на Руси существовало по преимуществу в крупных городах. Это был сольный кондакарный певческий стиль. Ему в XI — XIV вв. противостоял знаменный хоровой речитативный распев. Кондакарное пение было весьма сложно и предполагало наличие профессионально подготовленных певцов. Во многом благодаря этому к началу XIV в. оно на Руси исчезло. И основным распевом стал столповый знаменный.

Главные певческие книги Древней Руси — Октоих, Ирмологий, Праздники, Минеи, Тиодь — распевы столповым знаменным распевом.

Запись музыки производилась особыми знаками, выражавшими знаменную нотацию. Позже такие записи стали именоваться крюковыми. Знаменная нотация служила для записи церковных песнопений знаменного распева. Кондакарная нотация использовалась для пения кондаков, кинокинов и прокимнов. Экфонетическая нотация служила для чтения нераспевных книг: Евангелия, Апостола, Пророчеств.

Знаки знаменной нотации XI — XIII вв. [Полиграфическая таблица знаменных нотаций XI — XVIII вв. из книги Т. Ф. Владышевской “Музыка древней Руси”. — М., 1993 г.] :

1. Параклит
2. Крюк
3. Столица
4. Запятая
5. Палка
6. Статья простая
7. Статья мрачная
8. Статья светлая
9. Крыж
10. Стрела простая
11. Стрела громная
12. Два в челну
13. Переводка
14. Голубчик борзый
15. Чашка
16. Змица
17. Паук
18. Челюстка

Помимо церковного песнопения Русь X — XIII вв. наполнялась музыкой мирской, перемежавшейся звуками множества разнообразных струнных и духовых инструментов. Пиры, происходившие на сених княжеских и боярских теремов, являли собой театральные действия с играми, плясками, пением и шутовством. Среди прочих инструментов использовались небольшие органы. Стихия народной музыки захватывала торжища и посады и, перехлестнув городские валы, разливалась по матушке Руси то былинным сказанием, то жалостным плачем, то могучим хоровым многоголосием, то звонкой песней, подобной пению соловья.

В 1047 г. Ярослав, верный союзу с Казимиром, выступил в Мазовию против князя Моислава. В результате Моислав погиб, а Мазовия была присоединена к Польше. Киев был заинтересован в сохранении единой Польши.

В 1150 г. в феврале скончалась супруга Ярослава. Было ей от роду 30 лет.

В 1151 г. Ярослав поставил митрополитом Руси Илариона. Решение князя было оглашено и подтверждено собранием епископов в Софии киевской. Иларион был первым русским митрополитом в Киеве.

Прежде Иларион жил в пригороде столицы, в Берестове, и служил пресвитером. Много времени Иларион проводил на берегу Днепра, в том месте, где ныне стоит Печерская лавра. Тут Иларион молился и тут же, в склоне горы, вырыл пещеру, укрывавшую от непогоды и служившую местом уединения.

Илариону принадлежит “Слово о Законе и Благодати”. В нем Иларион объясняет, что Ветхий Завет, именуемый митрополитом Законом, — это законы, данные иудеям. Новый Завет Иларион именует Благодатью и объясняет, что это благодать для всех народов.

Той порой в Любече жил человек, при пострижении обретший имя Антоний. Этот любечанин совершил поездку в Грецию, на святую гору [Афонскую], и там умолил игумена постричь его. По возвращении на Русь Антоний принялся ходить по монастырям. Были они в ту пору либо городскими, либо подгородными, располагавшимися неподалеку от укреплений. Антоний искал инога. Он начал ходить по лесным дебрям, в местах безлюдных, лишенных людского шума. И господь привел Антония на гору, где ранее Иларион вырыл пещеру. Место Антонию понравилось, он тут поселился, и скоро вокруг него стала собираться братия.

В 1052 г. скончался старший сын Ярослава Владимир, оставивший в Новгороде чудную память — храм Софии. В стенах новгородской Софии Владимира Ярославовича погребли.

В 1053 г. у сына Ярослава Всеволода от дочери византийского императора Мономаха родился сын, нареченный Владимиром и прозванный впоследствии Мономахом. Рождение мальчика было большим праздником для Руси, ибо Мономах был последним могучим правителем единой Киевской Руси.

20 февраля 1054 г. скончался великий киевский князь Ярослав Владимирович. Зимой Ярослав приехал в Вышгород. В ту пору Изяслав Ярославович княжил в Турове, Святослав сидел во Владимире Волынском, а при Ярославе находился более других им любимый Всеволод.

В Вышгороде Ярослав занемог и умер. Всеволод положил тело отца в сани и повез в Киев. Ярослава

упокоили в Софии, им построенной. От роду Ярославу было 76 лет.

Предчувствуя скорую кончину, полный забот о государстве, Ярослав загодя разделил Русь между сыновьями. Изяславу был дан Киев, Святославу — Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленск. При этом Ярослав завещал сыновьям “не преступати предела братня”. Но это были лишь благие пожелания мудрого князя.

Десятью годами ранее, в 1044 г., скончался половецкий князь Брячислав Изяславович. Отец его Изяслав Владимирович (+ 1001 г.) был родным братом Ярослава, и по существу половецкое княжение уже полвека было под самостоятельным управлением. Но то было лишь начало будущего раздробления русского государства.

Еще около столетия князья и бояре на Руси осознавали необходимость мощной центральной власти. Враги у Руси были сильные и стерегли миг для вторжения. Кроме того, экономические интересы государства требовали единой структуры производства и сбыта продукции, да и отдельные союзы славян, и прежде всего вятичи и хорваты, в XI в. были еще достаточно организованы и располагали собственной знатью. Бояре и княжеские сыновья, приславшие из Киева на окраины государства, не всегда чувствовали себя удобно среди дремучих лесов и хмурых лиц славян, ходивших в длинных полотняных рубахах и в остроносых кожаных сапогах. В XI в. многочисленные бояре, сотские, тысяцкие, вирники, гридни, отроки и христианские священники нуждались в сильном киевском князе как в гаранте утверждения их собственных прав и владений. В XI в. привелигированные сословия лишь усаживались среди народа, и власть их была зыбка.

Во второй четверти XII в. знать настолько прочно пустила корни на местах, что Киев стал восприниматься в провинциях не как покров, а как путы, и Русь начала распадаться на уделы, каждый из которых имел собственного князя, епископа и боярство. В XII в. от былой признательности к киевскому князю за земли и города, данные в кормление, не осталось и следа.

Глава 7. Правление трех Ярославовичей

7.1. Изяслав I Ярославович (1057 — 1078 гг.)

Вслед за эпохой Ярослава на Руси наступила эпоха Ярославовичей. Всеволод Ярославович оказался на переднем крае противостояния со степью. Зимой 1055 г. Всеволод водил дружину на торков, тюркский народ, тревоживший рубежи Руси набегами.

В 1055 г. на границе с Русью впервые показались половцы. Это были новые тюркские кочевники, обменившие в степях Северного Причерноморья пещерников. Половцы стали страшным бичом для Руси.

Всеволод сотворил мир с Блушем, предводителем кочевников. С тем стороны разошлись.

В 1057 г. в Смоленске скончался Вячеслав Ярославович и посадили Игоря Ярославовича, выведя его из Владимира Волынского.

В 1058 г. Изяслав I выступил в поход на берега реки и в лесной край ее левых притоков рек Угры и Иртыш. Тут киевский князь столкнулся с восточнославянским народом, именуемым летописцами готландцами. Дворов княжеского боярства и гридьбы на северной Оке в XI в. еще не ставили.

В 1059 г. кто-то вступился за брата Ярослава, “убитого в поруб”, Судислава. Возможно, здохшего несчастного и оклеветанного дяди Ярославовичей стало так слабо, что скорая кончина была неминуема. Изяслав, Святослав и Всеволод подвели Судислава к кресту и постригли в монахи.

В 1060 г. в Смоленске скончался Игорь Ярославович. Кажется странным, что два молодых Ярославовича столь быстро умерли в одном городе.

В 1060 г. Изяслав, Святослав, Всеволод и половецкий князь Всеслав Брячиславович объединили силы, собрав “войнов без числа”, и на лошадях и в колесницах двинулись на торков. Это стало катастрофой для тюркских кочевников. Близилась зима, и бежавшим торкам пришлось гибнуть не только от мечей Ярославовичей, но и от голода, мора и холода. Об этом русский поход 1060 г. смирил торков, и более вреда Руси они не причиняли. Киев еще имел немалую силу, и польза в том для государства была очевидная.

А в 1061 г. впервые на Русь вторглись половцы. И была открыта новая страница в истории восточных славян, полная пожаров, избиений мирных жителей и иных кошмаров.

Путь половцам заступил Всеволод. 2 февраля дружина Переяславля столкнулась с половцами и проиграла сражение. Это первое зло от половцев на Руси. Князя кочевников звали Сокал.

В 1061 г. в Новгороде поставили архиепископом Стефана. То, что в Новгороде расположилась кафедра архиепископа, предполагало присутствие на севере Руси епископских кафедр. Вскоре они стали появляться.

В 1063 г. скончался несчастный чернец Судислав Владимирович. Погребли его в церкви св. Георгия, но не ясно, киевский это храм или какой-либо иной.

В 1064 г. из Руси в Тмутаракань умчался отряд. Во главе отряда был князь Ростислав Владимирович, сын Владимира Ярославовича Новгородского. Князя сопровождали Порей и Вышата, сын Остромира, новгородского воеводы.

Трудно сказать, что подвигло Ростислава на рискованное предприятие, скоро закончившееся его гибелью. То ли Ростислав на Руси остался без земли и власти, то ли его прельстила романтика черноморских портовых городов. Мы помним, как в середине X в. прапрадед Ростислава могучий Святослав Игоревич стремился на Дунай и сложил в походе голову.

Из Тмутаракани Ростислав изгнал сидевшего в городе Глеба Святославовича и занял его стол.

В 1065 г. из Чернигова к Тмутаракани выступил Святослав Ярославович. Ростислав, завидя стяги дяди, вышел из Тмутаракани. В городе снова водворился сын Святослава Глеб. Но стоило стихнуть гулу копыт и плеску весел дружины Святослава Ярославовича, как Ростислав, успевший обзавестись в Тмутаракани друзьями, выгнал из города Глеба, и тот отправился вслед за отцом.

Ростислав сел в Тмутаракани крепко и подобно Мстиславу Владимировичу, брату и сопернику Ярослава, брал дань с касогов, и не с них одних. Это не могло устроить греков. Сильный русский князь на берегу Черного моря их пугал. На пиру подосланный убийца отравил Ростислава, 3 февраля князь скончался. А грека, подсыпавшего в княжеский кубок яд, побили камнями в Корсуни.

В 1067 г. началось новое противостояние Киева и Полоцка. Князь Всеслав Брячиславович “заратися” подобно отцу и деду. И вновь жертвой полочан стал Новгород.

Как только весть о том достигла Киева, Изяслав, Святослав и Всеволод, собрав силы, зимой выступили к Старому Меньску, располагавшемуся к юго-за-

паду от современного Минска. Город взяли штурмом, мужчин посекали, а жен и детей полонили.

После того Ярославовичи двинулись на север, к реке Немиге. Тут южнорусские полки ожидала рать Всеслава. В день битвы, 3 марта, снег был глубок. Это стесняло движения полков, и начавшаяся битва была жестокой. На Немиге пало множество воинов. В конце концов, Всеслав бежал.

Ярославовичи не удовлетволялись победой на Немиге. В июне Изяслав и Всеслав целовали крест к Всеславу и просили прийти для переговоров к Орше на Днепр и заверяли “не створи зла”. Всеслав переехал Днепр в ладье и вошел в шатер к Изяславу. И “яша Всеслава на Рши. оу Смоленьска. преступивше крестъ”. Изяслав “всадил” Всеслава с двумя сыновьями “в поруб” в Киеве. Но на этом история с полоцким князем не закончилась.

В 1068 г. на Русь снова пришли половцы. Изяслав, Святослав и Всеволод с дружинами стали на реке Лто. И разыгралась трагедия. Летописец сообщает, что русские князья “пойдоша противу себе, грехъ ради наших”. Это можно понять как несогласованность действий полков, то, что впоследствии сгубило русское войско в битве с монголами на реке Калка. И среди ночи “попусти Богъ на ны поганья”. И побежали русские воины. Изяслав и Всеволод направили коней к Киеву. Святослав помчался к Чернигову.

Узнав черную весть, киевляне, а было их в ту пору не менее пятидесяти тысяч, собрали на торговще вече. Послали к князю просить коней и оружие — сражаться с половцами. Среди жителей столицы было немало людей, владевших усадьбами и дворами, стоявшими за валами города, и с присутствием половцев в русских землях никто мириться не желал. Когда Изяслав требуемого не дал, народ стал роптать на княжеского воеводу Косняча. Пришли на гору, ко двору воеводы, но Косняч заблаговременно исчез.

Тогда киевляне стали у двора покойного полоцкого князя Брячислава [отца Всеслава], имевшего собственную резиденцию в Киеве, и решили высадить из поруба Всеслава Полоцкого и его дружину. Часть народа устремилась к погребу, а часть, пройдя мост, отправилась на княжеский двор, в город Владимира.

Изяслав, сидя “на сенехъ” в окружении дружины, с тревогой наблюдал за запрудившим двор народом. Киевляне “начаша претися съ княземъ”. Князь глядел в окно и ожидал совета от своего окружения и “ре Туки. Чюдине брат. Изяславу — видиша княже людье възвыли. послаи ать блюдутъ Всеслава”.

Тем временем киевляне освободили Всеслава, и весть о том мгновенно облетела Киев. Время Изяславом было упущено. Дружина еще советовала Изяславу “се зло есть послаи ко Всеславу. ать призвавше ко оконьцю и пронзнути и мечемь. и не послуша сего князь”. А киевляне стекались к порубу, окружая Всеслава.

Изяслав и брат его Всеволод сели на коней и, хорошенько их прищпорив, помчались прочь из Киева.

Киевляне кинулись на опустевший княжеский двор и принялись грабить “бещисленное множество злато и сребра. и кунами и скарю”.

Изяслав, нигде подолгу не задерживаясь, скакал в Польшу, ко двору Болеслава II. Польша в ту пору была сильна и надежды Изяслава в дальнейшем оправдала.

Пока в сентябре в Киеве неистовствовали восставшие половцы, жгли на Руси все, к чему могли подобраться, и полонили не успевших укрыться в городах людей.

Наконец, Святослав вывел из Чернигова три тысячи воинов и подошел к городу Сновску. Тут русские увидели превосходивших их численно несколько раз половцев. Святослав промолвил дружине “потягнемъ”. Началось сражение, и русские одолели. Часть половцев перебили, часть перетопили в реке Сновь. Это было 1 ноября 1068 г.

А Всеслав Полоцкий сел в Киеве, и продлилось его княжение в столице семь месяцев.

Весной 1069 г. к Киеву из Польши шли войско Болеслава II и дружина Изяслава Ярославовича. Бояре и гридьба Изяслава не менее самого князя рвались расквитаться с киевлянами. На Руси у них остались дворы, земли, жены.

Всеслав с киевлянами стал в Белгороде, в западном пригороде столицы. Полоцкий князь с тревогой выслушивал сообщения о приближении неприятеля и в ночь “оутайся Кыанъ. бежа из Белагорода къ Полотьску”. Поутру бегство Всеслава открыли, и киевляне вернулись в город. Собрали вече и послали к Святославу и Всеволоду с речью: “Мы же зло створили... князя своего прогнавше. а се ведеть на ны землю лядскую. и поидете в град оца своего”. Далее киевляне пригрозили Ярославовичам: “Зажегши городъ свой и ступити в Грецискую землю”.

Всеволод и Святослав задумались над речами горожан и послали к Изяславу сказать, что Всеслав бежал в Полоцк и ляхов вести в Киев не следует, ибо “противнаго ти не тутъ”. Киевляне помнили приход Болеслава I, и Болеславу II никто на Руси рад не был. Прошло всего полвека, живы были старики, стерегшие ляхов по темным углам города кто с топором, кто с косой, а кто и с рогатиной.

Изяслав оставил ляхов вне города, сам же с Болеславом II приступил к Золотым воротам. В Киев послали сына Изяслава Мстислава.

Мстислав расправился с семьюдесятью киевлянами, высадившими Всеслава из поруба. Иных горожан ослепили, а “другья без вины погубивъ не испытать”.

2 мая 1069 г. Изяслав сел в Киеве на столе отца деда. Ляхов распутили по городу на прокорм. И снова киевляне стали избивать их “отай”. Скоро Болеслав II покинул Русь и вернулся в Польшу.

Всеславу спокойно сидеть в Полоцке не дали. Всеслав бежал из своей столицы, а в Полоцке Изяслав Ярославович посадил сына Мстислава. Но в бытность жизни молодому князю на Западной Двине. Скоро Мстислав умер. Вероятно, его отравили местные бояре, не желавшие пускать к себе южного русского князя с его боярами и дружиной. Но

Изяслав не захотел отступить и в Полоцке посадил другого сына — Святополка.

В 1070 г. у Всеслава Полоцкого родился сын Ростислав.

А в Киеве велось широкое строительство. В монастыре на Выдобици, стоявшем среди леса под киевскими горами, заложили каменную церковь Михаила.

При Изяславе пору бурного развития переживал Киево-Печерский монастырь. После кончины Ярослава Мудрого имя инока Антония из Любеча получило широкую известность на Руси. Сам Изяслав дружиной считал необходимым приходить к отшельнику за благословением. Стала стекаться в пещеры под киевские горы братия отовсюду. Антоний начал постригать в монахи. Но Антоний избегал мирского шума и, когда братия умножилась, посчитал за лучшее подняться на гору и вырыть новую пещеру.

Над пещерами воздвигли небольшую церковь в честь пресвятой Богородицы. В братии народу прибавило и послали к Изяславу просить, “дабы ны вырыть гору... ту же есть надъ пещерою”. Изяслав колебаний исполнил просьбу. Начали ставить монастырь и большую, видимо деревянную, церковь. Игуменом поставили Варлама.

Тем временем Изяслав принял за строительство княжеского монастыря св. Димитрия и вывел в него на игуменство Варлама. Печерская братия обратилась к Антонию, практически не покидавшему пещеры, за советом. Решили поставить игуменом Феодосия.

Антоний скончался, не выходя из пещеры, и было ему от роду сорок лет.

Когда печерская братия увеличилась до ста человек, стали искать правила монастырского жития. А в Русь пришел черноризец Михаил. Он был монахом греческого студийского монастыря. Михаил сопровождал митрополита Георгия. Так был обретен устав студийский.

А мирская жизнь шла своим чередом. В 1071 г. половцы вторглись на Русь и воевали “оу Ростовца. оу Неятина”.

Тем же летом Всеслав выгнал из Полоцка Святополка Изяславовича. Видимо, во второй половине XI в бояре крепко пустили корни по землям русского государства и смена князей была для бояр крайне нежелательна и грозила землевладельцам радикальным переделом власти и земли. И стали бояре держаться своей княжеской ветви, ибо она была единственным гарантом боярских кормлений и своих прав. Князь, пришедший извне, должен был кормить своих бояр и дружинников. Этого все боялись.

Еще один сын Изяслава — Ярополк — одолел Всеслава в сражении “оу Голотичьска”. Но военные победы киевских князей решали не все.

В 1071 г. Русь сотрясла народные выступления, в главе которых стояли волхвы. Киевское восстание 1068 г. можно поставить в один ряд с событиями 1071 г. Но старый строй жизни безвозвратно ушел, и сил у него для борьбы с князьями и духовенством было недостаточно.

В Киев, полный христианских соборов, пришел волхв, посол языческой Руси, и заявил, что Днепр пять лет будет течь вспять, “а землямъ переступати на ина места. яко стати Гречкою земли на Руской земли. а Руской на Гречком. и прочимъ землямъ изменитися”.

Год 1071 был неурожайным для ростово-суздальских земель. В Ярославле появились два волхва, объявившие, что им “свемы кто обилье держить. и поидоста по Волзе”. Народ испытывал крайнюю скудость в продуктах. Волхвы, приходя в приволжские погосты, объявляли народу “лучшия жены глаща яко си жито держать. а сии медь. а сии рыбы. а сии скору”. Тех, на кого указывали волхвы, убивали, а имень их “имаша собе”.

Так волхвы в сопровождении трехсот спутников с Волги по реке Шексне поднялись к Белому озеру.

И случилось оказаться на Белом озере Яну, сыну Вышатины. То был боярин князя Святослава Ярославовича, посланный на северо-восток Руси для сбора дани. Яну сообщили о волхвах. Он стал выяснять, “чья еста смерда и оуведевъ яко своего ему князя, пославъ же къ нимъ... яко смерда еста моего князя”.

Ян выступил навстречу волхвам с двадцатью отроками. В возникшей свалке убили попа, пришедшего с Яном. Волхвы же бежали в лес. И Ян прибежал к испытанному средству. Он заявил белозерцам, что не уйдет из их города, пока волхвы не будут схвачены. Горожане привели волхвов, и скоро волхвы были убиты.

В тот год в Новгороде вспыхнуло восстание, во главе которого также стали волхвы. Князь Глеб, сын Святослава Ярославовича, с дружиной расположился на дворе епископа, то есть в детинце. Народ стал вокруг волхва. Глеб спрятал под плащом топор, подошел к волхву и спросил, все ли ему известно о будущем. Волхв ответил: “Все ведаю”. Глеб вытащил топор и убил им волхва. После того народ разошелся.

7.2. Правда Ярославовичей

Христианство в XI в. стало на русскую землю, но стопы его постоянно нуждались в опоре. И в 1072 г. Изяслав, Святослав и Всеволод организовали упокоение останков Бориса и Глеба во вновь отстроенной каменной церкви в Вышгороде. Это был один из множества шагов по утверждению христианства на Руси.

Однако собрались Ярославовичи в Вышгороде не только для дел церковных, но и для узаконения правил мирских. Летописец сообщает: “Правда оставлена Роуською земли, еда ся съвокупилъ Изяслав, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ, Кыянин, Чудинъ, Микула”. Некоторых бояр из приведенного списка мы знаем из описания восстания киевлян 1068 г. Коснячко был воеводой Изяслава, и его двор стоял на горе в Киеве. Чудин также был близок Изяславу, это следует из фразы летописца: “... ре Туки. Чюдине брат. Изяславу...”

“Правда Ярославичей” восходит к “Правде Ярослава”. Оба памятника, написанные несколько отличным языком, а следовательно, создававшиеся в разное время и, возможно, в разных местах, слившись, породили “Краткую Правду”.

“Правда Ярослава”, или “Свод древнерусских законов первой половины XI в.”, восходит к русским законам X в. Языческие корни “Правды Ярослава” видны в сочетании кровной мести с вирой.

По Академическому списку половины XV в. приведем отрывок из “Краткой русской правды”.

“Правда росткая.”

1. *Оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоу чадоу, либо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривень за голову; аще боудеть роусинь, либо гридинь, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изъгой боудеть, либо словенинь, то 40 гривень положити за нь”...*

3. *Аще ли кто кого оударитъ ботогомъ, либо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылесникоу, то 12 гривене; аще сего не постигнуть, то платити емоу, то тоу концець”.*

Молодое русское христианство, в недрах которого велось летописание, не могло сохранить для нас русских узаконений эпох Олега, Игоря и Святослава. Единственным свидетельством, касающимся законов Руси X в., являются сохраненные летописцами тексты договоров киевских князей с греками. Кстати, они содержат ссылку на “закон русский”.

В договоре Игоря с греками, заключенном в 945 г., читаем:

“... аще ударитъ мечемъ или копьемъ, или кацемъ либо оружемъ Русинъ Гръчина или Гръчин Русина, да того доля греха заплатитъ сребра литр 5, по закону рускому”.

10. Аще ли челядинъ съкрыется любь оу варяга, либо оу кольбяга [выходец из г. Колобжег], а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривне за обиду”.

Волна народных выступлений, захлестнувшая Русь в 1068 — 1071 гг., стала едва ли не главным побудителем к установлению Ярославичами “Краткой Правды”. Князя и бояре ощутили жизненную необходимость в юридической защите порядка вещей и явлений, которые обеспечивали власть и все, что за этим стоит.

“Правда Ярослава” представлена в первых статьях “Краткой Правды”, вплоть до слов: “Правда оуоставлена Роусьской земли”.

В Новгородской первой летописи младшего извода [написана в первой половине XV в.] под 1016 г. помещено сообщение: “... и отпусти их всех домовъ, и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамоте ходите; яко же списахъ вамъ, также держите. А се есть правда руская”, то есть “Правда Ярослава”.

Софийская I летопись под 1019 г. говорит о “Ярославовой грамоте”. Под 1035 г. та же летопись говорит, что Ярослав посадил в Новгороде сына

Владимира, епископа Жидяту и дал новгородцам грамоту.

Текст “Краткой Правды” [“Правда Ярослава” + “Правда Ярославичей” — Вышгород 1072 г.] близок новгородским памятникам и включен в состав Новгородской I летописи.

В XII в. на Руси появилась “Пространная Правда”, ставшая органичным развитием предыдущих сводов законов.

“Пространная Правда” составлена из двух частей:

1. Начало — “Суд Ярославль Володимеричь Правда Русьская”.

2. “Устав Володимерь Всеволодича”.

“Краткая Правда” была использована при составлении данного документа вкупе с Уставом Владимира II Мономаха. В упомянутый Устав вошли постановления о взимании процентов и закупках — это были отголоски киевского восстания 1113 г., речь о котором впереди.

В 1068 г., когда Изяслав шел на Киев из Польши, князю пришлось столкнуться с недовольством населения западных областей Руси. А в Дорогобуже пролилась кровь. О том мы узнаем из статьи “Краткой Русской Правды”.

21. *“А въ княжи тивоуне 80 гривень. А конюхъ старый оу стада 80 гривень, яко оуоставилъ Изяславъ въ своем конюсе, его же оубиле Дорогободудьци”.*

Интерес представляет соотношение денежных единиц, приведенных в сводах русских законов.

26. *“За кобылоу 60 резань, за волъ гривноу, а за короу 40 резань, а третьякъ 15 коунъ, а за лоньциноу полъ гривне, а за теля 5 резань, за яря ногата, и боранъ ногата”.*

Итак, за кражу скота взыскивали резаны. Гривна кун XI в. прообразом имеет древнее индоевропейское шейное украшение, на которое было возможно поместить двадцать пять кунных шкур.

Векша-веверица — это одна беличья шкурка.

Из “Пространной Правды” первой четверти XII в. видно такое соотношение денежных единиц или их эквивалентов:

Гривна кун = 20 ногат = 50 кун [кун сравнялся с резаном] = 200 векшей, вевериц.

Ранее соотношение было таково:

Гривна кун = 20 ногат = 25 кун = 50 резан = 200 векшей.

Одной гривне серебра соответствовали 4 гривны кун.

7.3. Святослав Ярославович (1073 — 1076 гг.)

В 1073 г. между Ярославичами возникла разпря. Святослав сумел настроить Всеволода против Изяслава, и тому пришлось покинуть Киев и знаковой дорогой уехать в Польшу.

Это произошло в марте, и весна лишь робко являла о скором торжестве.

Святослав переехал из Чернигова в Киев, а точнее в столичный пригород — Берестово. Видно,

Киеве у Изяслава было много сторонников. То, что Святослав Ярославович рассылал своих детей и бояр в Тмутаракань и на север Руси, говорит об энергии черниговского князя, о его честолюбии. А разгром половцев в 1068 г. под Сновском указывает на мужество Святослава.

Новый киевский князь поспешил внести собственную лепту в строительство столицы и его пригородов. В 1073 г. Святослав заложил первый камень в основание главного храма Печерского монастыря Игуменом в обители был Феодосий. Собор Успения Богородицы строился в 1073 — 1077 гг. Это был чудный одноглавый шестистолпный каменный храм с тремя апсидами на востоке. Киево-Печерский патерик сообщает: “Придоша от Царяграда мистери церковнии, четыре мужи”.

Величина подкупольного квадрата храма более, нежели у киевской Софии, — 8,6 м. Но в целом Печерский храм размерами уступал Софии, оставившейся крупнейшим зданием Руси до XV в.

Вскоре на Руси стали строить множество каменных храмов, подобных Печерскому. Столицы отдельных княжений и главные города волостей и уделов начали украшаться однокупольными каменными соборами.

В 1074 г. скончался игумен Феодосий. До нас дошло “Житие Феодосия”. Полагают, что его автором был монах Печерского монастыря Нестор, один из редакторов “Повести временных лет”.

В Житии говорится, что родители Феодосия жили в Василеве, в городе, стерегшем подход к Киеву с юга. Юный Феодосий с родителями переехал в Курск. Слава о блаженном Антонии достигла ушей Феодосия, и вскоре оба подвижника соединили молитвы под киевскими горами.

В 1075 г. из Германии к Святославу в Киев прибыло посольство. Святослав распахнул перед гостями двери княжеских кладовых, и глазам пришедших представилось множество “злат и сребра. и паволок”.

О цели визита посольства мы узнаем из летописной фразы: “... реша се ни во что же есть. се бо лежить мертво”. По-видимому, при дворе Генриха IV Саксонского были наслышаны о богатстве Руси, но увиденное потрясло и еще более утвердило Германию в необходимости вовлечения Руси в орбиту своего экономического, политического и религиозного влияния. Однако с Русью дело обстояло не так понятно, как с латинизированными Польшей, Чехией и Хорватией. Греческая церковь накрепко заняла западный рубеж Руси, и штурм этого бастиона занял не одно столетие.

В 1076 г. два двоюродных брата — Владимир II Всеволодович Мономах и Олег Святославович — выступили в Польшу помогать Болеславу II против чехов. Польша боролась с Германией, Чехией и Померанией, и союз с Русью имел для нее величайшее значение.

Когда широкие русские поля и темные леса укрыл снег, а реки сковало льдом, скончался князь Святослав Ярославович. Это произошло 27 декабря

1076 г. Погребли князя в Спасском соборе, по-видимому, в Чернигове.

А 1 января 1077 г. Всеволод Ярославович сел на великокняжеский стол в Киеве.

В ту же зиму у Владимира II Мономаха родился сын Мстислав, в свое время ставший Великим киевским князем.

В 1077 г. с западных рубежей до Киева долетела тревожная весть — Изяслав Ярославович, подкрепленный польскими отрядами, выступил на Русь. Недаром дочь Изяслава Евпраксия была замужем за сыном Болеслава II.

Всеволод уступил Киев старшему брату, и в июле 1077 г. Изяслав въехал в ворота русской столицы.

Встал вопрос раздела колоссального наследства покойного Святослава Ярославовича. И дети Святослава едва могли в споре тягаться с дядьями.

В апреле 1078 г. из Чернигова в Тмутаракань бежал Олег Святославович. В тот же год в далеком новгородском Заволочье убили Глеба Святославовича. В июле Глеба упокоили в Спасском соборе Чернигова.

В Новгороде Изяслав Ярославович посадил сына Святополка II. Ярополк Изяславович сидел в Вышгороде, а Владимир II Всеволодович — в Смоленске.

В 1078 г. Олег Святославович и Борис [Вячеславович], внуки Ярослава Мудрого, пришли на Русь “искать отчины” и привели в помощь половцев. Так русские князья начали раскачивать государство, не успевшее окончательно сформироваться.

Всеволод сошелся с племянниками на реке Сежице. Началось сражение. Половцы одолели, и много русских бояр было побито. Летописец среди погибших в сражении 26 августа 1078 г. упоминает знакомого нам Тюку — Чудина брата, Ивана Жирославовича, Пороя.

Олег и Борис сели в Чернигове, а русичи почувствовали недоброе, предвидя печальную будущность, полную братоубийственных войн.

Всеволод приехал в Киев к брату Изяславу, и тот утешил гостя словами: “... брате не тужи. видиши бо колко ся мне склочи зла... не изгнаста ли вы мене брата своя. и не блудих ли по чюжимъ землямъ. именья лишень быхъ...”.

Скоро к Киеву подошли Ярополк Изяславович из Вышгорода и Владимир II Всеволодович из Смоленска. Собралась немалая сила, и Чернигов был осажден.

Владимир II подошел к Чернигову с востока, “от Стръжене”, овладел воротами и пожег окольный город.

3 октября 1078 г. недалеко от Чернигова, на Нежатиной ниве, произошло сражение. Дрались жестоко — князья за столы, бояре за кормления. Одним из первых сложил голову Борис Вячеславович. С ним угасла одна из ветвей ярославова древа. Следующей жертвой стал Великий князь киевский Изяслав I Ярославович. Он стоял среди своих воинов “в песцехъ. оунезапу прихавъ один. оудари копьемъ за плеча и тако оубьень быс. Изяславъ...”.

Олег Святославович проиграл сражение и едва ушел с малой дружиной в Тмутаракань.

Тело Изяслава положили в ладью и водами Десны привезли в Киев. А в столице уже был слышен плач.

На киевском столе сел Всеволод Ярославович. Его сын Владимир II Мономах был оставлен в Чернигове. Сына Изяслава Ярополка отправили во Владимир Волынский, и к тому была придана Туровская волость.

7.4. Всеволод Ярославович (1079 — 1093 гг.)

В 1079 г. к городу Воишь с половцами подошел еще один обездоленный сын Святослава Ярославовича — Роман. Всеволод закрыл дорогу половцам у Переяслава и заключил со степняками мир. 2 августа 1079 г. половцы отвернули коней от Руси и при этом убили Романа Святославовича.

А в Тамани хазары схватили Олега Святославовича и отправили князя в Византию в заточение. В Тмутаракань приехал посадник Всеволода Ратибор, и дела в южной провинции Руси пошли обычным чередом. Похоже на то, что Олег в запале ненависти к дяде стал чинить помехи черноморской торговле, и все три окружавших князя силы решили с этим покончить.

Племянники требовали своего, но Русь еще была единой и силы ее источались по капле, на первый взгляд незаметно, но неуклонно.

В 1080 г. Киев воевал с торками. На умиротворение тюркского народа Всеволод послал возмужавшего Владимира, и скоро на южных рубежах Руси установилась тишина.

В 1081 г. в Тмутаракань ушли два молодых Ярославовича, оставшихся на Руси без уделов: Давид, сын Игоря Ярославовича, и Володарь, сын Ростислава Владимировича и внук Владимира Ярославовича, строителя новгородской Софии. В мае 1081 г. князья схватили в Тмутаракани наместника Ратибора и сели в шумном торговом и портовом городе. Киев был далеко, и военная экспедиция могла стоить Всеволоду немалых средств.

В 1083 г. к берегу Тамани из Греции подошло судно. На его борту находился Олег Святославович с набранной дружиной. Давида и Володаря схватили, а хазар, в свое время отправивших Олега в византийскую темницу, кроме того, виновных в гибели братьев Олега, посекли. Двоюродного брата Давида и двоюродного племянника Володаря Олег скоро отпустил.

В 1084 г. к Всеволоду в Киев приехал племянник Ярополк Изяславович. Этот князь не ладил с Ростиславовичами, потомками Владимира Ярославовича Новгородского. Звали Ростиславовичей Рюрик, Володарь и Василько. На их умиротворение в волыньские и галицкие земли выступил Владимир II Всеволодович. Это был своего рода ангел-хранитель государства. Пока билось сердце Владимира II Мономаха, тучи над Русью ходили, но никогда не застилали небес свинцовым панцирем. Несмотря на

потрясения, Русь XI в. оставалась обласканной солнцем и судьбой, и ручьи крови, струившиеся по ее земле, не превращались в алые реки, а дымы пожаров не делали из дня ночь.

Когда Ярополк водворили на место, а Ростиславовичи разбежались, в Киев пришло известие из низовья Днепра. Давид Игоревич занял Олешье [видимо, производное от древней Ольвии] и разграбил имущество торговавших греков. Всеволод Ярославович понял, что племянник будет безобразничать, пока не получит удела. Греха Ярославовичи без крайней нужды на душу не брали. Давида посадили в волынский город Дорогобуж.

В 1085 г. Ярополк Святославович бежал из Луцка в Польшу. В городе князь оставил мать и дружину. Ранее Ярополк поссорился с дядей Всеволодом и, устранившись Владимира II Мономаха, выехавшего на “снем” с двоюродным братом, не имел времени на сборы.

Мономах посадил во Владимире Волынском Давида [Святославовича]. Это был город бежавшего Ярополка. Мать Ярополка, его жену и “дрожину” Мономах привел в Киев. Туда же было привезено имущество Ярополка.

Всеволод Ярославович подобно отцу и деду всеми средствами поощрял христианство. При митрополите Иване в 1086 г. Всеволод в Киеве заложил церковь св. Андрея и устроил при ней монастырь. Обители была пострижена дочь Всеволода Янка, умершая в 1113 г. Христианство скрепляло государство единым нравственным или идеологическим каркасом. В определенной степени это препятствовало расколу Руси.

Жизнь или история Ярополка Изяславовича, весьма походящая на трагедию, завершилась в 1087 г. Князь приехал из Польши, помирился с Мономахом и сел во Владимире Волынском, в тогдашней столице Западной Руси. Владимир II Мономах удалился в Чернигов.

Во Владимире Волынском Ярополк сидел недолго. Скоро князь выступил к галицкому городу Звенигороду. В Галиции княжили враги Ярополка Ростиславовичи, и это во многом предредило гибель Ярополка.

Когда сани Ярополка подвозили князя под стены Звенигорода, человек по имени Нерядец, свесившись с конского седла, пронзил Ярополка саблей.

Нерядец пришпорил коня и помчался к городу Перемышль, к Рюрику Ростиславовичу. Отроки Ярополка Радко, Воикин и иные привезли тело князя во Владимир Волынский, а оттуда в Киев.

Ярополка Изяславовича погребли в монастыре св. Димитрия в церкви апостола Петра. Монастырь был связан рождением и расцветом отцу Ярополка Изяславу Ярославовичу.

Всеволод Ярославович разгневался на Ростиславовичей и в том же 1087 г. выступил в поход в Перемышль.

В 1088 г. в Киеве продолжилось большое каменное строительство и была освящена церковь в монастыре Михаила.

В 1088 г. из Новгорода в Туров поближе к Киеву приехал Святополк II Изяславович. Это был будущий Великий князь киевский, правление которого оставило на Руси глубокий и своеобразный след.

В то же время в Печерском монастыре скончался игумен Никон. А на берегах Оки город Муром оказался взят войском Волжской Булгарии. В дальнейшем Северо-Восточная Русь и Булгария вплоть до вступления монголов постоянно обменивались ударами. Возможно, это связано с тем, что торговля, некогда процветавшая на Волге, в XI — XIII вв. стала хиреть и взаимные грабежи стали казаться привлекательнее, нежели торговля. Но, вне всякого сомнения, торговля на Волге никогда абсолютно не замирала.

В 1089 г. Русь, умиротворенная политикой Всеволода Ярославовича, переживала крупное религиозное событие. В Киев съехались митрополит Иван, епископ белгородский Лука, епископ ростовский Файя, епископ черниговский Иван, епископ юрьевский Антоний. Были большой праздник для паствы — демонстрация силы и единства христианской Руси. Поводом для съезда епископов было возведение церкви в честь пресвятой Богородицы в Печерском монастыре.

В 1089 г. Янка Всеволодовна плавала в Грецию. Это была демонстрация дружбы двух православных государств. В 1090 г. Янка возвратилась на Русь с новым митрополитом для Руси. Звали его Ио.

При правлении Всеволода большое каменное строительство развернулось в Переяславле. В городе выстроили каменный храм Михаила. Над воротами города поставили церкви св. Федора и св. Андрея. Переяславль окружили каменной стеной, а городские кварталы деревянной застройки украсили каменными храмами.

Всеволод Ярославович относился к Переяславлю, как к колыбели и любимой вотчине. Любил Переяславль и Владимир II Всеволодович, и гривны казны русского государства на строительство городов шли полноводным потоком.

В 1090 г. в полоцких землях произошли странные события, о которых лучше летописца не скажешь: “Привидно быс чудо оу Полотське.... яко члвци вышуть беси по оулице”.

В 1091 г. в далеком Ростове вновь выступили волхвы. Убежищем волхвам уже столетие служили сень лесов и степной ковыль, в городах же они “погибе”.

1092 г. был подобен гулу невидимого урагана. Страшных бедствий на Руси не произошло, но атмосфера была тягостной.

Лето выдалось жарким, и погорело множество боров. До глубокой осени дымили торфяники. Половцы заняли три города, посекали население Прилуки и разорили немало сел. Возможно, горели в сухой год и срубы, бывшие в основе змиевых валов.

На западе Руси Василько Ростиславович с дружиной закрутился в кровавом водовороте сражений и засад с половцами и ляхами. В 1092 г. умер старший из трех братьев Рюрик Ростиславович, сидевший в Перемышле.

Эти события происходили на фоне мора, унесшего жизни семи тысяч человек, и зловещих знамений, начавшихся у города полоцкой земли Друцка.

Летописец свидетельствует: “... яко кругъ быс посреде неба привеликъ”.

Образ полоцкой земли киевскими летописцами постоянно связывался с проявлениями нечистой силы, злая воля которой заставляла людей содрогаться и по ночам с тревогой взирать на крепкие засовы жилищ.

В 1093 г. скончался последний из сыновей Ярослава Мудрого Всеволод. Произошло это весной в начале апреля. Князя упокоили в киевской Софии.

С уходом последнего представителя поколения сыновей Ярослава Русь перешла в качественно новое состояние, ибо племянников у Всеволода было гораздо больше, нежели братьев.

Владимир II Всеволодович Мономах знал, что, сев в Киеве, он будет “иметь рать” с двоюродным братом Святополком II Изяславовичем, ждавшим своего часа в Турове и внимательно следившим за здоровьем дяди. Изяслав был старшим братом Всеволода, а Владимир II Всеволодович уважал законы и дорожил миром в государстве. Мономах послал за Святополком II в Туров, а сам поехал в Чернигов. Брата своего Ростислава Всеволодовича Мономах посадил в Переяславле.

Глава 8. Святополк II Изяславович (1093 — 1113 гг.)

8.1. Война с половцами 1093 г.

С вокняжением в Киеве Святополка II на Руси началась эпоха правления внуков Ярослава. А правнуки Ярослава поначалу играли роль вспомогательную. Когда же они сменили отцов, Русь оказалась раздробленной на уделы и государство уподобилось разлетающейся на куски массивной хрустальной вазе, играми детей сбитой со стола.

Год 1093 был трагичен для Руси. Прослышав о кончине Всеволода, половцы отправили послов к Святополку II. Великий князь, не “здума с болшею дружиною отнею и строя [дядю] своего но светъ створи с пришедшими с нимъ”, взял да и посадил послов в погреб. И началась война.

В то время в долине Роси сидели ранее смиренные торки — бывшие тюркские кочевники. На них и напали половцы. Святополк II отправил в степь послов с просьбой о мире, но было поздно.

Стали собирать воинов. Князю посоветовали обратиться за помощью к Владимиру II. При этом “смысленни же глуху... наша земля оскудила есть от ратии. и продажь”.

Владимир II приехал в Киев и встретился со Святополком II у собора Михаила. Между двоюродными братьями возникла распря. До пригородов столицы ветер доносил пепел и дым горевших в поросье городов. И княжеские мужи обратились к братьям с речью: “По что вы распрю имата межи собою. а погании губять землю Рускую”.

Владимир II предлагал заключить со степью мир. Святополк II настаивал на рати.

Наконец, из ворот столицы на юг, к Треполю, выехали Святополк II, Владимир II и его родной брат Ростислав Всеволодович. За князьями следовали дружины. Над остроконечными шлемами воинов развевались княжеские стяги.

Русское войско стало на берегу Стугны. Это был второй рубеж обороны Киева. И снова Владимир II, некто Ян и многие иные выступили с предложениями о мире. Киевляне настаивали на сражении. Пожарища, занявшие над их усадьбами, требовали отщепенства. Русское войско переправилось на правый берег Стугны.

А Стугна “бе бо тогда наводнилася велми”. Русское войско исполнилось. Справа “на десноу стороне” стал Святополк II. Слева стал Владимир II. В центре развернулся полк Ростислава. В боевом по-

рядке русские прошли мимо Треполя и “проидоши валь” [змиев] увидели половцев. “Нашимъ же ставшимъ межи валома. и поставиша стяги своя и изидоша стрилци из валу. и Половци пришедшие к валови”. Началось сражение. Прежде всего половцы ударили по войнам Святополка II “и възломиша полкъ его”. Люди побежали, и последним обратил коня на север Святополк II. Половцы навалились на полк Владимира II. Скоро воины побежали к берегу Стугны.

На переправе Ростислав Всеволодович, облаченный в тяжелую кольчугу, стал тонуть. Владимир II хотел подхватить младшего брата, да едва сам не ушел под воду. Скоро вода скрыла Ростислава.

Владимир II, перебравшись на левый берег Стугны, с немногими боярами и дружинниками достиг Днепра, переправился на его левый берег и поехал в Чернигов “печалень велми”.

Святополк II с поля битвы примчался в Треполь и до вечера скрывался за его стенами. Ночью князь приехал в Киев.

Половцы разделились. Часть отошла на юг и осадила город Торческ, отведа от него воду, а часть пустилась к северу завоевывать пригороды Киева.

Несчастливая для Руси битва произошла 26 мая 1093 г.

Тело Ростислава Всеволодовича из вод Стугны достали, привезли в Киев и упокоили в Софии, рядом с могилой отца.

23 июля 1093 г. под Киевом половцам дали еще одно сражение. Жители столицы не могли спокойно взирать с крепостных стен, как от Вышгорода на севере до Белгорода и Василева на юге поднимались дымы пожарищ. Святополк II “вынииде на Желяню”, и началась битва, более несчастная для Руси, нежели произошедшая под Треполем.

Торческ, потеряв надежду на помощь, сдался. Его население половцы увели в степь, а город сожгли.

1 октября 1093 г. скончался Ростислав Мстиславович, родной племянник Святополка II. Таким образом, добрым оказалось начало княжения Святополка II. Недобрым было и его окончание.

8.2. События 1094 — 1096 гг.

В 1094 г. Святополк II заключил мир с половцами и взял в жены дочь хана Тугоркана.

Известия о событиях 1093 г. внимательно выслушивались в Тмутаракани. И в 1094 г. Владимир II со отцом Чернигова наблюдал за стягами двоюродного брата Олега Святославовича, окруженного множеством половецких всадников. Чтобы Владимир II быстрее принимал решение, Олег Святославович вывел жечь посад и подгородние монастыри и села.

Владимир II с семьей и дружиной выехал из ворот Чернигова и, заключив с Олегом мир, двинулся к Переяславлю. Олег занял Чернигов, некогда принадлежавший его отцу Святославу Ярославовичу.

Владимир II Мономах оставил литературный памятник, именуемый “Поучение Владимира Мономаха”. Памятник включает рассказ Мономаха о своей жизни. Приведем отрывок, повествующий о событиях 1094 г. “И потом Олег на мя приде с Половецкою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с ним 8 дней о малу греблю, и не владуче мити им въ острог: съжаливъси хрестьяных душъ и тел горящих и монастырь, и рех: “Не хвалитися поганимъ”. И вдах брату отца его место, а сам идох на отца своего место Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ехяхом сквозе палки половецкие, не въ 100 дружине, и с детми и женами. И облизухутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з гор, Бог и святой Борис не да им мене в користь, — неврежени доидохом в Переяславлю”.

Год 1095 не был спокойным. Начался он с набегом половцев на греков. Степняков влекло богатство черноморских портовых городов.

К Переяславлю подошли два половецких хана — Итларь и Китан. Итларь стал под городской стеной, а Китан раскинул шатры среди змиевых валов, опояривавших Переяславль многокилометровым овалом. Тюрки желали творить мир с Владимиром II. Князь дал Китану своего сына Святослава “оу таль” [в единожники], и Итларь въехал в Переяславль с отборными воинами.

Тем временем из Киева от Святополка II в Переяславль приехал боярин Славята “на некое орудье”, и сел Владимир II думать с дружиной. Ратиборова чина, приближенная к князю, предлагала погубить Итларя. Владимир II не желал этого. И дружинники признали, что нет в том греха, а только половцы “губят землю Рускую, и кровь хрестьянску проливають беспрестани”.

Владимир II решил действовать, и в ближайшую ночь Славята с несколькими дружинниками и торками выкрал Святослава Владимировича у половцев и побил Китана и его воинов.

Итларь безмятежно отдыхал “на синици оу Ратибора”. Ратибор “пристроил отроков в оружье” и велел затопить “изьбу”. От Владимира II к Итларю пришел княжеский отрок Бяидюк и сказал хану, что может его князь. Ничего не подозревавший гость с воинами зашел в избу и попал в западню. Избу заперли, и на ее крышу забрались отроки князя “и прокопаша истьбу” [раскидали кровлю].

Ельбех Ратиборович из лука застрелил Итларя и его людей, уподобившихся попавшим в загон овцам.

Святополк II и Владимир II послали к Олегу Святославовичу в Чернигов, веля выступить вместе с ними на половцев. Олег обещал “и пошедь не иде с нима. в путь единъ”.

Святополк II и Владимир II вышли в степь и разгромили половецкие вежи, взяв “скоты и кони. и вельблуды. и челядь”. По возвращении на Русь князь послал к Олегу гонца с гневным укором и требованием либо убить, либо выдать Итларевича, укравшегося в Чернигове. Олег и на этот раз послушался двоюродных братьев.

На реке Рось половцы чуть не все лето простояли под стенами города Юрьев. Дело кончилось тем, что половцы помирились со Святополком II и ушли за Рось, а жители Юрьева бежали к Киеву.

Святополк II велел рубить новый город на “Вытечевскомъ холъме”, вблизи города Треполь, при устье реки Стугны. Юрьевцев с епископом Мюримом поселили в городе Витачов, а Юрьев сожгли.

А на севере русского государства происходило вот что. Князь Давид Святославович, старший и родной брат Олега, выехал из Новгорода к Смоленску. Посольство новгородцев пришло к Ростову и пригласило сидевшего в том городе Мстислава I Владимировича на княжение.

Видно, Давид ушел из Новгорода не по своей воле. Новгородцы не хотели портить отношения с Киевом и Переяславлем, а для этого нужно было избавиться от князя черниговского дома.

Еще один сын Мономаха Изяслав Владимирович выехал из Курска в Муром, схватил в городе посадника, присланного Олегом Святославовичем, и обеспечил отцу контроль над средним течением Оки.

В треугольнике Киев — Чернигов — Переяславль боролись внуки Ярослава. Отголоски этой борьбы мгновенно отзывались в большом круге, очерченном Новгородом — Муромом — Тмутараканью.

В 1095 г. посевы подверглись нашествию саранчи “ядуще траву или проса”.

Год 1096-й начался с обычных для Руси тревог. Святополк II и Владимир II послали к Олегу с просьбой прийти в Киев “ать рядъ учинимъ о Руской земле”. Олег в лице половцев имел стратегических союзников, и союз с братьями для черниговского князя был подобен удавке.

Когда князья поняли, что в Киев Олег не приедет, они сами подошли к Чернигову. А Олег ускакал в город Стародуб. И началось немирье на Руси.

Стоял май, природа оживала, дыша каждой былинкой и по-детски радуясь лучам солнца.

Пока три двоюродных Ярославовича с дружинами бродили в северских землях, под стенами Киева неистовствовал хан Боняк. Двор великого князя был сожжен. В то же время со стен Переяславля горожане наблюдали за Курей. Переяславль полов-

цы не взяли, зато сожгли город “Оустье” [Городок Остерский].

Олег из Стародуба приехал к Смоленску, но не был принят горожанами. Тогда Олег приехал на берега Оки к Старой Рязани.

Великим князьям сообщили, что под Переяславлем стал тесть Святополка II хан Тугоркан. Ярославовичи спустились к югу от Киева правым берегом Днепра. У горы Заруб князья перешли вброд Днепр незаметно для половцев.

Радости горожан, не чаявших спастись, не было границ, когда они с крепостной стены увидели стяги подошедших к Переяславлю князей. Ворота города распахнулись, и народ, вооруженный кто мечом, а кто и дубиной, вышел на берег реки Трубеж. Владимир II собрался урядить дружину, но было не до того, и русь у Заруба “удариша в коне” и погнала половцев. Не удалось спастись и самому Тугоркану. Святополк II подобрал тело хана и схоронил в Берестове, в сожженной усадьбе.

Стоял июль, а события года только набирали бег.

Пока Святослав II и Владимир II сражались с половцами под Переяславлем, хан Боняк во второй раз за год появился по Киевом и едва не ворвался в столицу. И снова небо над Киевом застлал дым пожарищ. Не был пощажён и Печерский монастырь.

Одновременно на Оке разыгралась драма. Олег Святославович и его брат Давид, сидевший в Смоленске, подошли к Мурому. Стерегший город Изяслав Владимирович послал за воинами в Ростов и Суздаль и на Белое озеро и отказался отдать Олегу Муром. Олег же доказывал, что Муром с волостью принадлежал его отцу Святославу Ярославовичу и Изяславу следует идти в Ростов, ибо его отец выгнал Олега из Чернигова.

Спор окончился лютым сражением, произошедшим 6 сентября 1096 г. Изяслав Владимирович был убит, а его воины разбежались по дремучему муромскому лесу.

Тело Изяслава Владимировича привезли в Новгород и погребли в Софии, на левой стороне. В Новгороде сидел еще один сын Владимира II Мономаха Мстислав I, и именно он первым узнал о том, что Олег занял Суздаль, Ростов, Переяславль Залесский и по всей залесской земле посадил посадников и начал собирать дань.

Мстислав прислал к Олегу сказать, чтобы он шел в Муром и в чужой волости не хозяйничал. Олег, стоя в поле под Ростовом, помышлял о Новгороде и выслал вперед своего брата Ярослава “въ сторже”.

Мстислав выслал свою стражу во главе с Добрыней Рагуиловичем. Боярин Мстислава похватал посланных Олегом для сбора дани людей.

Ярослав Святославович стоял на берегу реки Медведицы, и как услышал о Добрыне, тотчас бежал из негостеприимных северных лесов к Олегу под Ростов.

Тем временем Мстислав с новгородцами подошел к Волге. Олег начал отступать. По пути он сжег

Суздаль. Жители Суздаля не могли простить Олегу сражения под Муромом. Во всем Суздале от огня уцелело лишь подворье Печерского монастыря с церковью св. Димитрия.

Олег вошел в леса к югу от Клязьмы и скоро достиг Мурома. Но мира это не принесло.

Мстислав I узнал, что Олег появился на Клязьме вблизи устья реки Колокши. Вокруг Мстислава стали собираться новгородцы, ростовцы, суздальцы. Из Южной Руси в помощь Мстиславу подошел брат Вячеслав Владимирович с половцами.

Когда полки стали строиться, Мстислав I дал стяг своего отца Мономаха половчанину Куману. Стяг Мономаха вознесся над правым крылом войск Мстислава. Олег и его воины, увидев стяг Мономаха, испугались, но предотвращать сражение было поздно. Полк Олега стал биться с полками Вячеслава и Мстислава. Как только стяг Мономаха зареял в тылу Святославовичей, их полки отступили и поле сражения осталось за Мстиславом.

Олег посадил брата Ярослава в Муром, а сам сел в Старой Рязани. Но теперь уже Мстислав I не пожелал оставлять двоюродного брата в покое. Кроме того, в Муроме и в Старой Рязани Олегом было заточено множество ростовцев и суздальцев. Всех их Мстислав освободил. Олег же бежал из Старой Рязани, и догнал его лишь гонец от Мстислава, передавший, чтобы тот, чем бегать, лучше бы помирился с братьями.

Зимой Мстислав I Владимирович вернулся в Новгород.

8.3. Любечский съезд князей 1097 г.

Наступил 1097 г. Это был знаменательный для русской истории год. События 1096 г. убедили Ярославовичей в необходимости съехаться и урядиться. Местом съезда избрали Любеч, стоявший на стыке киевских, черниговских и смоленских земель.

По подъемному мосту в Любеч въехали Святополк II, Владимир II, Давид Игоревич, их двоюродный брат Василько Ростиславович и Олег и Давид Святославовичи. То были внуки Ярослава Мудрого. В их руках были целостность и благоденствие Руси.

На съезде в Любече были произнесены прочувствованные речи о строении мира и о том, “почто губим Рускую землю”, а половцы “землю нашу несут роздно”.

Решили Ярославовичи, что каждый держит отчую землю. Святополк II сидит в Киеве, на стоянии отца Изяслава. Владимир II держит удел отца Всеволода. А Олег, Давид и Ярослав Святославовичи сидят по городам, ранее принадлежавшим Святополку Ярославовичу.

Давид Игоревич должен был сидеть во Владимире Волынском. А два Ростиславовича — Володар и Василько — удержали Перемышль и Тереволь.

Князья целовали крест и, расходясь, заявили “даже отселе кто на кого встанет, то на того будем

и и честный крсть”. Но к великой печали Руси намерения Ярославовичей не всегда соответствовали их делам. А чем более множилось племя Ярославовичей, тем более мельчали не только уделы, но и дела князей.

Давида Игоревича его жадное до вотчин окружение заверило, что Владимир II Мономах уговорился с Васильком Ростиславовичем покуситься на Святополка II и на самого Давида.

Давид поверил тому тем охотнее, что его волынские земли граничили с галицкими владениями Ростиславовичей. В разговоре со Святополком II Давид напомнил, что Ярополка Изяславовича, младшего брата киевского князя, в 1088 г. убили Ростиславовичи. И “Стополкъ же смеяся оумомъ”.

5 ноября 1097 г. Василько Ростиславович переправился на правый берег Днепра, к Выдобицкому монастырю, и направился в храм Михаила поклониться иконам. Стали звать Василька в Киев, и ничего не подозревавший князь поехал в столицу.

На дороге Васильку встретился отрок. Он поведал князю “хотать ты яти”. Василько не поверил и совершил роковую ошибку. Но был ли он в том повинен?

Василька Ростиславовича ослепили и “оузложиша и на кола яко мртва. и повезоша и Володимерю” [во Владимир-Волынский, город Давида].

Когда подвода с ослепленным князем проезжала через город Здвижень, на мосту, у местного торговца, с Василька стащили окровавленную сорочку и дали выстирать попадье.

Во Владимире-Волынском полумертвого Василька посадили во двор боярина Вакея и приставили стражу во главе с княжескими отроками Оуланом и Колчей.

Узнав об ослеплении Василька, Владимир II ужаснулся и заплакал. Придя в себя, князь молвил: “Сего не было есть. оу Русьской земли. ни приидехъ наших. ни при оцихъ нашихъ сякого зла”.

Владимир II снесся с Олегом и Давыдом Святославовичами и предложил им встретиться у Городища Остерского. Князь велел гонцу передать Святославовичам слова: “В насъ братьи иже оуверже в ны поиди да аще сего не поправимъ. болше зло встанеть в насъ. и начнетъ брать брата заколати и погубитъ земля Русьская”.

Князья съехались. Послали в Киев к Святополку II с вопросом, что тот сотворил, ослепив брата. Из Киева приехал гонец и объяснил, что Давид виновен и что именно он заверил Святополка II в том, что Василько вознамерился овладеть Туровом, Пинском, Берестьем и городами погорынь [стоящие на реке Горынь] и сговорился с Владимиром II, что тот сидит в Киеве, а Василько — во Владимире-Волынском, на столе Давида.

Святополк II велел передать: “... и не язъ его ослепилъ но Двдъ”. В Киев послали сказать, что ослепили Василька не в городе Давида, но в Киеве.

Утром Владимир II с Олегом и Давыдом Святославовичами собрались на правый берег Днепра. Святополк II, увидя ладьи и стяги братьев, засоби-

рался прочь из столицы. Киевляне не выпустили князя и отправили на левый берег Днепра послов с мольбой не губить Руси и с напоминанием о недремлющих половцах.

Владимир II, услышав укоры киевлян, снова искренне заплакал. Наконец, в Киев отправилась супруга Мономаха, и решили, что на Давида пойдет сам Святополк II.

А Давид, прослышав о происходившем в Киеве, стал сулить незрячему Васильку города на выбор: Всеволож, Шеполь, Перемиль. И вместе с тем Давид попытался овладеть уделом Василька, но дорогу закрыл Володарь Ростиславович.

Давид заперся в городе Бужске. Володарь взял город в осаду. В переговорах с Володарем Давид свалил вину за ослепление Василька на Святополка II. В конце концов, Василько оказался в своем городе Тереволье, но вернуть князю зрение никто не мог.

Когда Давид приехал во Владимир-Волынский, к стоящему неподалеку городу Всеволожу подошли Володарь и Василько Ростиславовичи. Всеволож был “взяста копьемъ” и сожжен. Василько велел сечь ни в чем не повинных людей. Вслед за тем братья подошли под стены Владимира-Волынского.

Горожанам послали сказать, что пришли не на них, а на “Туряка. и на Лазоря и на Василя ти бо суть намолвили Двда”. Стало известно, что бояр этих в городе нет. Ранее их послали к Луцку. Туряк бежал из Луцка в Киев, а Лазорь и Василь оказались в городе Турийске. Их и выдали Ростиславовичам. Бояр Лазоря и Василя повесили и расстреляли стрелами.

Тем временем в Берестье пришел Святополк II с намерением изгнать из Волыни Давида. Давид обратился к Владиславу I Польскому за помощью. Просьбу Давид одобрил пятьюдесятью золотыми гривнами.

Поляки золото взяли, подошли на берег Западного Буга и стали мирить князей.

Святополк II, имея обязательства перед Мономахом и Святославовичами, проявил непреклонность, и Владиславу I пришлось заявить Давиду “не послушает мене Стополкъ”.

Давид вернулся от Берестья во Владимир-Волынский, а Святополк II поехал собирать воинов. Князь посетил Пинск и Дорогобуж и, набрав достаточно сил, выступил к Владимиру-Волынскому.

Осада столицы Волыни заняла у Святополка семь недель. Наконец, Давид вышел из города, переехал в Червень и скрылся в Польше.

Святополк II занял Владимир-Волынский и начал промышлять насчет Володаря и Василька Ростиславовичей. Вскоре произошло сражение, и Святополк II проиграл его Ростиславовичам. С рубежей Галиции во Владимир-Волынский Святополк вернулся с двумя сыновьями и с сыном Давыда Святославовича [Черниговского], прозванного за набожность Святошей.

Уезжая в Киев, Святополк II оставил во Владимире-Волынском сына от наложницы — Мстисла-

ва. Еще одного сына Ярослава Святополк II послал в Венгрию, ко двору короля Коломана “вабя Оугры на Володаря”. И закрутился новый кровавый сюжет из русской истории.

Ярослав с Коломаном и с венгерскими полками подступил под стены Перемышля. В том городе закрылся Володарь Ростиславович. В то же время из Польши приехал Давид Игоревич. Этот князь посадил свою жену у Володаря, у временного союзника, а сам отправился к половцам в степь.

Встретил Давида сам хан Боняк, и все было оговорено к общему удовольствию.

В начавшейся битве у венгров было 100 000 воинов. Сила немалая. Половцы “сбиша Оугры в мячь, яко соколь галице убиваеть и побегоша Оугре и мнози. истопоша оу Вягру. друзии же въ Сану”. Венгров в сражении было убито 40 000.

И все эти события происходили в 1097 г., в год съезда Ярославовичей в Любече.

Ярослав бежал в Польшу через Берестье, а Давид занял города Сутейск, Червень и внезапно появился под стенами Владимира-Волынского. К тому времени от сидевшего в столице Волыни Мстислава бежали берестейцы, пиняне и вышгородцы. Мстислав поднялся на оборонительную стену города и “внезапу вдаренъ быс подъ пазуху стрелою. на заборолехъ скважнею”. Ночью Мстислав скончался.

Жители Владимира-Волынского отправили гонца в Киев к Святополку II, требуя помощи. Без поддержки город был бы вынужден сдаться Давиду.

Великий князь киевский послал на Волынь воеводу Путятю. Воевода приехал в Луцк и застал там Святошу, сына Давыда Святославовича Черниговского.

Описываемые события происходили в августе 1097 г.

Когда жители Владимира Волынского заметили приближавшиеся от Луцка стяги Святоши и Путяты, они вышли из города и напали на Давида. Тому не осталось иного, как бежать прочь от города.

Во Владимире-Волынском был посажен посадник Святополка II Василий. Святоша вернулся в Луцк, а Путятя уехал в Киев.

А Давид Игоревич во второй раз за год сидел в шатре хана Боняка. Долго уговаривать половцев не пришлось, и скоро их стан раскинулся под стенами Луцка. Святоша выехал из города и ушел к отцу в Чернигов. Давид овладел Луцком. Посадник Василий сам выбежал из Владимира-Волынского, и Давид вернул себе столицу Волыни.

На этом кампания 1097 г. была завершена.

В 1098 г. Владимир II съехался с Давыдом и Олегом Святославовичами “оу Городца” против Святополка II. Но все обошлось миром. Год прошел относительно спокойно. В Переяславле Владимир II заложил каменную церковь в честь пресвятой Богородицы.

В 1098 г. при впадении реки Остер в Десну Владимир II заложил крепость. Это была будущая твердыня ростово-суздальского княжения в Южной Руси.

8.4. Съезд в Уветичах 1099 г.

В августе 1099 г. “въ Оуветичихъ” Ярославовичи съехались вновь. Немирье на Волыни продолжалось. Святополк II не ладил с Давидом Игоревичем, и в их споры вмешивалась, причем не бескорыстно, Польша. А венгры снова потерпели поражение под Перемышлем.

В Уветичах князья съехались на конях, и позади каждого стояла дружина. Давида Игоревича в круг не пригласили, и он ожидал решения Ярославовичей в стороне.

Посоветовавшись, князья послали к Давиду бояр от Святополка II Путятю, от Владимира II Ратибора, от Давыда и Олега Святославовичей Торчина. Решение Ярославовичей было таково: стола Владимира-Волынского Давиду Игоревичу не видать “зане оувергъ еси ножь в ны”. Но дали Давиду волынские города Божеск, Острог, Дубен и Черторыйск, и это было дано от Святополка II. От Владимира II и от Святославовичей Давиду дали гривны.

Давид Игоревич прожил в Дорогобуже после съезда в Уветичах подозрительно мало.

Владимир-Волынский отдал сыну Святополку II Ярославу, близкому товарищу венгерского короля Коломана.

В апреле 1101 г. скончался полоцкий князь Всеслав Брячиславович, правнук Владимира I, не входивший в клан Ярославовичей и правивший достаточно автономно от Киева. Со смертью Всеслава полоцкое княжество стало дробиться на уделы многочисленными сыновьями князя. Этим было дано много поводов для вмешательства в дела полоцкой земли со стороны Киева, Смоленска, а позже Литвы.

В 1101 г. на историческую арену стали выдвигаться правнуки Ярослава. Стоит ли говорить, что число правнуков превосходило число внуков. Крепости Руси это не прибавило.

Племянник Святополка II Ярослав Ярополкович закрылся в Берестье и тем прогневал дядю. Святополк II сам выехал в Берестье, ибо именно через этот город шел путь по Западному Бугу в Польшу. С купцов в Берестье собирали немало гривен и кун.

Племянника заковали и привели в Киев. В столице цепи с Ярослава сняли, решив, что преподанного урока достаточно.

8.5. Съезд в Золотчи в 1101 г.

В 1101 г. Святополк II, Владимир II, Давид и Олег Святославовичи съехались на очередной съезд “на Золотчи”. Прибыли сюда и послы от половцев.

Старшие Ярославовичи поняли, что отступи они от единства, пусть шаткого, и Русь у них вырвут ирук либо половцы, либо “меньшая братия”.

Посоветовавшись с половцами, Ярославовичи решили ехать на встречу с ханами в город Саков. Там

включили мир с половцами “пояша таль межи собою”. Произошло это в сентябре 1101 г.

В 1101 г. Владимир II Мономах на холме, господствующем над Смоленском, заложил белокаменный собор, посвященный Богородице. Это была будущая епископская кафедра смоленской земли.

Собор Мономаха был взорван в начале XVII в. смолянами в тот момент, когда поляки занимали город.

В октябре 1102 г. мятежный племянник Святополка II Ярослав Ярополкович бежал из Киева и доставил немало беспокойств дяде. Скоро Ярослава схватили и заковали. В результате 1102 г. Ярослав Ярополкович не пережил.

В 1102 г. в Польше скончался Владислав I, и его место занял Болеслав III. И в ноябре 1102 г. Святополк II выдал дочь Сбыславу за нового польского короля.

В 1102 г. у Владимира II родился сын Андрей.

8.6. Съезд в Долобске в 1103 г.

В 1103 г. Святополк II и Владимир II съехались с дружинами на новый съезд “на Долобське”. Думали, как оборонять Русь от степи. Дружина Святополка II заявила, что весной воевать не время. Владимир II сказал: “Оже начтенъ смердь орати [ихать] и Половчинъ приеха вдарить смерда стрелою. а кобылу его поиметь а в село въехавъ поиметь жену его и дети и все именье его возметь. то лошади его жалуешь а самого чему не жалуешь”.

Олег Святославович, сославшись на здоровье, в поход на половцев идти отказался. Зато Святополк II, Владимир II, Давыд Святославович, Вячеслав Ярополкович [племянник Святополка II], Мстислав Владимирович [племянник Игоря Ярославовича], Ярополк Владимирович с дружинами в ладьях и на лошадях пошли по весне 1103 г. в степь. И стала русская сила “ниже мурогъ... въ Протолчехъ и в Хортичимъ острове [остров Хортица]”. Тут всадники осмотрели коней и снаряжение, пешие воины вышли из ладей, воеводы рассчитали припасы, и войско пошло в глубь степи. После пяти дней пути русь подошла к “Супинь”.

Половцы выслали навстречу руси стражу во главе с Алтунопой. Русские “сторожи въстерегоша Алтунопу. и обступиша Алтунопу и въбиша и. и пушчая с нимъ”. И тут на половцев напал страх.

Когда русские полки, отмеченные стягами князей, ринулись на половцев, степняки, не “доступив русского строя”, развернулись и без сражения побежали. Началась сеча. Это было возмездие хищникам.

В ту пору был апрель, и снег едва сходил.

В августе Святополк II заново срубил город Ярсьв на Роси, восстановив после сожжения.

В марте 1103 г. Ярослав Святославович, сидевший в Старой Рязани, сражался с мордвою, но успеха не достиг.

В 1104 г. на Руси было заключено несколько династических браков. В июле Володарь Ростиславович выдал дочь за “Олезиничъ” в Византию. Святополк II отдал дочь “Передъславу” за венгерского короля Коломана. Тем были обозначены приоритеты во внешней политике Руси — Польша, Венгрия, Греция.

В декабре 1104 г. в Киев из Византии приехал новый митрополит — грек Никифор.

В 1104 г. скончался еще один племянник Святополка II Вячеслав Ярополкович. В результате прекратилась династическая ветвь, способная соперничать с детьми Святополка II.

А в полоцкой земле обозначились разногласия между потомками Всеслава, и из Киева в Минск выехал воевода Путятя. Из Переяславля в полоцкие земли поехал сын Владимира II Ярополк. А из северской земли на берега Западной Двины выехал Олег Святославович. Его дружина шла против Глеба Всеславовича, ранее схватившего своего младшего брата Давыда Всеславовича.

В 1104 г. у Святополка II родился сын Брячислав.

В 1105 г. митрополит Никифор поставил епископов по русским городам. Во Владимир Волынский на кафедру был отправлен Анфилохий. В августе в Переяславле поставили епископом Лазоря. В ноябре в Полоцк выехал епископ Мина.

Зимой 1105 г. под гору Заруб, на брод через Днепр, подходил хан Боняк.

В 1106 г. половцы воевали около “Заречьска”. Святополк II выслал из Киева Яна, Иванка, Захарьича и Казарина. Воеводы гнали половцев до Дуная и отняли у степняков полон. Это была главная добыча, ради которой кочевники ежегодно совершали набеги на Русь.

В 1106 г. постриглась в монахини вернувшаяся из Европы дочь Всеволода Ярославовича Евпраксия. Ранее ее выдали замуж за Генриха IV.

В 1106 г. скончалась супруга Владимира II. По видимому ею была Гида, дочь английского короля Гаральда.

В мае 1106 г. Боняк захватил лошадей под Переяславлем. Летом половецкие ханы Боняк, Шарукан и прочие стали под городом Лубны. К реке Сула выступили объединенные силы Святополка II, Владимира II и его детей Мстислава, Ярополка, Вячеслава. Приехала дружина Олега Святославовича.

Как только русские вступили в воды Сулы, половцы кинулись прочь.

В 1106 г. Святополк II похоронил свою супругу. Внуки Ярослава с каждым годом все более полагались на своих сыновей, а собственные силы восполняли жизненной мудростью.

В 1106 г. Владимир II, Давид и Олег Святославовичи ходили “на мир” к хану Аяпе.

В 1108 г. Святополк II заложил церковь Михаила в Киеве. В тот же год закончилось строительство трапезного корпуса в Печерском монастыре. На это строительство выделил средства один из полоцких князей Глеб Всеславович.

В 1108 г. умерла сестра Владимира II Ирина и было окончено строительство церкви Богородицы Влахернской “на Клове”.

В 1109 г. Святополк II, Владимир II и Давид Святославовичи ходили на половцев, но вернулись от города Воиня. А половцы грабили и жгли села под Переяславлем.

В начале 1111 г. Владимир II “сретостася на Долобьске” со Святославом II. Мономах предложил выступить в степь и не ждать, пока по весне крестьяне начнут “орати лошадыю тою” и половец ударит его под сердце стрелой и уведет в полон жен и детей, а села сожжет. Святополк II ответил: “... се язъ, брате, готовъ есмь с тобою”.

Послали за Давидом Святославовичем, веля прибыть. Князья вышли в степь во вторую неделю великого поста и вели за собой детей и правнуков Ярослава.

Скоро кони русских напились из Сулы, а днем спустя из Хоролы. На Хороле полки оставили сани, ибо снег стал сходить. Русь достигла реки Псел и, пройдя далее, стала на реке Голте. Дождались подходивших с Руси воинов и двинулись на Ворсклу.

В шестую неделю поста русь подошла на берег Дона. “И обличишася во броне, и полки изрядиша, и поидоша ко град Шаруканю”. Русским поднесли рыбу, вино и поклонились.

Князья подошли к иному половецкому городу на Дону — Сугрову — и подожгли его.

24 марта 1111 г. русь отвернула от берега Дона и двинулась к Днепру. Тем временем половцы собрались с силами и дали руси сражение “на потоци Дегея”. Русь одолела.

27 марта произошло второе сражение “на реце Салнице”. И снова русь одолела. Пленных половцев спросили, отчего в таком числе и силе так скоро побежали. Те ответили: “Како можемъ битися с вами, а друзии ездяху верху васъ въ оружьи светле и страшни, иже помогаху вамъ”.

В 1112 г. сын Святополка II Ярослав ходил в поход на ятвягов. Вслед за тем Ярослав женился на внучке Владимира II Мономаха, дочери Мстислава I.

А Мономах отдал свою дочь Евфимию за Коломана венгерского. Ранее за Коломана была выдана замуж Предслава, дочь Святополка II.

25 мая 1112 г. скончался Давид Игоревич, двоюродный брат Владимира II. Тело князя упокоили в церкви Богородицы Влахернской “на Клове”. В том же году умерла сестра Мономаха Янка. Ее погребли в церкви св. Андрея, выстроенной ее отцом.

8.7. Кончина Святополка II Изяславовича

На пасху 1113 г. занемог Святополк II Изяславович, в крещении Михаил. 16 апреля 1113 г. князь скончался за Вышгородом и был привезен в Киев в ладье.

Бояре и дружина искренне скорбели из-за смерти князя. Этого нельзя сказать о киевлянах. И именно поэтому тело Святополка II тайно положили в сани и привезли в созданную им церковь Михаила о золотых верхах. Овдовевшая княгиня принялась раздавать имущество мужа церквям и монастырям.

Когда киевляне узнали о кончине Святополка II, столицу охватили волнения. Летописец свидетельствует: “Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячкого, идоша на жиды и разграбиша я”.

Дело было в том, что Святополк II вел на Руси реформу. Результатом ее стало то, что ростовщики посадили в долговую яму большую часть населения столицы. Бояре имели прямое отношение к реформе, и именно они, опасаясь населения, принялись слать гонцов в Переяславль к Владимиру II с настоятельной просьбой поскорее приехать в Киев.

На первое предложение Мономах ответил отказом. Тогда киевские послы стали настойчивее стучать в ворота Переяславля, моля Мономаха такими словами: “Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло оуздвигнется, то ти не Путятинъ дворъ, ни соцькихъ, но и жиды грабити, и пакити поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастыре, и будеши ответъ имель, княже, оже ти манастыре разъграбятъ”.

У Владимира II Всеволодовича Мономаха не осталось иного выбора, как сесть на коня и выехать с дружиной к броду на Днепре.

Глава 9. Владимир II Всеволодович Мономах (1113 — 1125 гг.)

9.1. События 1113 — 1118 гг.

Когда Владимир II въехал в ворота Киева, “все людье ради быша, и мятежь влеже”. Новый великий князь положил конец реформам Святополка II, к которым никогда не питал симпатий и того не скрывал, и вздохнувшая Русь умиротворилась.

Как только весть о кончине Святополка II достигла половецких вождей, степняки подошли к городу Вырь. Навстречу кочевникам вышел Владимир II с сыновьями. Подошел и Олег Святославович. Видя силы руси, половцы бежали.

Вернувшись в Киев, Владимир II посадил вывезенного из Смоленска сына Святослава в Переяславль. Другого сына Вячеслава Мономах отправил в Смоленск. А сына Романа Мономах женил на дочери Володаря Ростиславовича. Тем самым Мономах умиротворил Галицию и приблизил ее к Киеву.

В 1113 г. еще один сын Мономаха Мстислав I, вышедший в Новгород, заложил на княжеском дворе, у городского торга, каменный храм св. Николая.

В 1114 г. в Переяславле скончался Святослав и Мономах посадил на его место сына Ярополка. Святослава Владимировича упокоили в храме Михаила в Переяславле.

В 1113 г. в Юрьеве поставили нового епископа Данила, а в Белгороде поставили епископом Никиту.

В 1114 г. Мстислав I Владимирович развернул на русском севере широкое строительство. В Старой Лядоге посадник Павел строил каменную крепость. А в Новгороде Мстислав I перестраивал город “полии перваго”. Ранее, в 1103 г., Мстислав I выстроил каменный храм на Рюриковом Городище.

Князья, даже такие, как Мстислав I, чувствовали себя в Новгороде неуютно, и стремление вынести инициативу за стену города понятно. В самом начале XII в. новгородская София из веденья князей перешла во власть владыки. Таким образом новгородская София превратилась в символ народовластия Северной Руси, противостоявший княжеской аристократии Руси Южной.

Заложенная в 1113 г. в Новгороде церковь св. Николая прообразом имеет Успенский собор Киево-Печерской лавры. Это трехнефный шестистолпный храм с хорами в западной части здания. Первоначально храм нес пять глав, и это было ис-

ключение для новгородской архитектуры. Ныне над храмом красуется одна глава.

Николо-Дворищенский храм стал княжеской дворцовой церковью в начале XII в., придя на смену Софии. Сразу после строительства храм св. Николая расписали, и живопись походила на роспись киевской Софии.

В 1115 г. Владимир II, Давид и Олег Святославовичи организовали перенесение мощей св. Бориса и Глеба во вновь отстроенную каменную церковь в Вышгороде.

На торжества сошелся народ и съехались епископы: из Чернигова Феоктист, из Переяславля Лазорь, из Белгорода Никита, из Юрьева Данила. Прибыло много священников и игуменов — Прохор из Печерского монастыря, Сильвестр из храма Михаила, Сава от св. Спаса, Григорий от св. Андрея, Петр Кловский и многие иные духовные и мирские лица.

Раку Бориса переносили из старой, видимо деревянной, церкви. Когда раку “въставиша и на возила, и поволокоша” от множества князей, бояр, чернецов и простого народа “и не бе лзе вести”.

Владимир II не поспешил, и рака была отделана “сребромъ и златомъ”.

1 августа 1115 г. скончался Олег Святославович. Его положили в черниговском соборе св. Спаса, рядом с отцом Святославом Ярославовичем. Так один за другим уходили внуки Ярослава, союз которых держал Русь “не розно, но едино”, и соседние державы о том знали не понаслышке.

Судьба Олега Святославовича богата страданиями, изгнаниями, скитаниями. Но князь сумел добиться отцовского наследия, а впоследствии и послужил Руси верой и правдой.

В 1115 г. Владимир II выстроил мост через Днепр, объединив Киев и Чернигов, подобно тому как объединились Святославовичи и Всеволодовичи. Но нет ничего вечного на свете.

В 1116 г. Владимир II организовал поход на полоцкого князя Глеба Всеславовича. В Киеве стало известно, что Глеб завоевал земли союза дреговичей и сжег город Слуцк. Летописец замечает, что Глеб “и не каешеться о семь”.

Владимиру II помогли его сыновья. Сел на коня и Давыд Святославович с сыновьями покойного Олега Святославовича.

Вячеслав Владимирович взял стоящие над Днепром города “Ръшю и Копысу”. А Давыд Святосла-

вович и Ярополк Владимирович “оузя Дрьютескь на щить”.

Владимир II подошел к Смоленску, где “затвори ся Глебъ въ граде”. Это значит, что прежде Глеб Всеславович овладел Смоленском. Владимир II вывел Глеба из Смоленска и дал ему Минск. Это был новый Минск, ибо от старого осталось лишь заброшенное городище со слоем углей под дерном.

После того Мономах вернулся в Киев. А Ярополк Владимирович “срубил городъ Жельди Дрьучаномъ, их же бе полонилъ”.

Тем временем Мстислав I ходил в поход на чудь. С дружиной князя шли новгородцы и псковичи. Мстислав I овладел городом Медвежья Голова и привел в Новгород большой полон.

В 1116 г. Киев вернулся к старой политике, пытаюсь расширить влияние Руси на нижний Дунай. В 1018 — 1187 гг. Болгария была во власти Византии. В 1081 — 1118 гг. империей ромеев правил Алексий I. Дочь Владимира II Мария была замужем за греческим принцем Леоном.

В 1116 г. Леон овладел несколькими городами на нижнем Дунае. 15 августа греки взяли “Дельстре”. И интересы Византии и Киева столкнулись.

Видимо, власть греков над нижнедунайскими городами не была прочной. Узнав о занятии греками нижнедунайских городов, Владимир II выслал на Дунай войско во главе с Иваном Войтишечем. Приказано было посадить по городам русских посадников, но власть их едва ли была твердой.

Предпринял Владимир II еще один шаг, достойный прапрадеда Святослава Игоревича. На Дон с Руси выступили Ярополк Владимирович и племянник Давыда Святославовича Всеволод Олегович.

На Дону русские князья взяли три половецких города — Сугров, Шарукан, Балин.

Из похода Ярополк Владимирович вернулся с плененной им дочерью яского князя. Он женился на девице, и была она “красну велми”.

Иван Войтишеч не решил всех вопросов на нижнем Дунае, и в 1116 г. на Дунай с Руси выехали Вячеслав Владимирович и Фома Ратиборович. Русь подошла к Доростолу “и не въспевше ничто же, воротитася”.

В 1116 г. на Дону русь два дня сражалась с половцами, торками и еще бродившими в степях Северного Причерноморья печенегами.

А среди Ярославовичей в 1116 г. произошли такие события. Скончалась черница Предслава [быть может, дочь Святополка II, бывшая замужем за Коломаном]. В 1116 г. в полоцких землях умер старший сын Всеслава Роман. В 1116 г. умер Мстислав, внук Игоря Ярославовича, один из князей-изгоев, живший милостью киевского князя.

В 1116 г. Владимир II выдал дочь Агафью за Всеволода [не совсем понятно, кто этот князь].

В 1117 г. Владимиру II пошел шестьдесят пятый год, и князь решил, что пора перевести сына и преемника Мстислава I из Новгорода ближе к столице, в Белгород.

В Новгороде Мстислав I оставил о себе светлую память. В 1117 г. князь выстроил собор Рождества

Богородицы Антониева монастыря под Новгородом. Достраивали и расписывали собор при сыне Мстислава I Всеволоде.

Собор Антониева монастыря стоит в одном ряду с Николо-Дворищенским храмом. Но есть у Антониева собора особенность — цилиндрическая башня на северо-западном углу здания. Внутри башни заключена лестница, ведущая на хоры. Собор Антониева монастыря увенчан тремя асимметрично поставленными главами. К росписи собора приступили в 1195 г. В росписи просматривается особенность новгородской художественной школы с резкостью и контрастностью форм.

В 1117 г. Мономах выступил в поход к Владимиру Волынскому на Ярослава, сына Святополка II Великий князь простоял шестьдесят суток под стенами города, пока не заключил с племянником мир. При этом Мономах наказал Ярославу приходить в Киев “когда ты позову”. В конце концов, Ярослав бежал в Венгрию, ибо был оставлен боярами.

И в 1117 г. Мономах послал во Владимир Волынский сына Романа. А 6 января 1118 г. Роман умер и вряд ли своей смертью.

В 1117 г. в Болгарию, едва контролировавшую Византию, пришли половцы. Болгары поднесли половецкому хану Аепе питье с отравой. Тот выпил сам и дал выпить своим спутникам, и “вси помроша”.

В 1117 г. из среднедонского города Руси Белой Вежи, отвоеванной в X в. у хазар Святославом, жители пришли на Русь. В начале XII в. Русь утратила контроль и над Тмутараканью, отнятой половцами.

В 1117 г. Владимир II, ведший гибкую политику со степью, женил сына Андрея на внучке хана Тугоркана.

Не забывал Владимир II и о полоцких делах. Великий князь вывел мятежного Глеба Всеславовича из Минска.

В 1117 г. Владимир II “цркъвь заложи на Лъте”.

В 1118 г. княжить во Владимир Волынский поехал Андрей Владимирович.

В 1119 г. Владимир II снова озаботился полоцкими делами. Глеб Всеславович овладел Минском, и Мономаху пришлось привести князя в Киев. А 13 сентября 1119 г. Глеб Всеславович умер в Киеве, и вряд ли его смерть была естественной.

9.2. События 1120 — 1125 гг.

В 1120 г. на древнерусскую историческую сцену выступил один из ярчайших героев — младший сын Мономаха Юрий, прозванный Долгоруким. Отец отправил Юрия в ростово-суздальские земли, в край глухой и далекий от столичной жизни.

В 1120 г. Юрий пошел в поход по Волге в Булгарию и вернулся от устья Камы с большим полком, а Андрей Владимирович с Волыни вторгся в Польшу.

В 1121 г. Владимир II изгнал из пределов Южной Руси тюркских кочевников — берендеев, торков, печенегов.

Покой западных рубежей державы нарушил Ярослав Святополкович, подошедший с ляхами к городу Червень. Посадник Фома Ратиборович не выдержал, и Ярослав от стен Червеня ушел “не въспевше ничто же”.

В 1121 г. в Киеве умер митрополит Никифор. Это стало правозвездием волны назначений новых епископов. Между тем в Киеве, оставшемся громадным, ослепительно красивой столицей все еще единой и могучей Руси, продолжалось каменное строительство. В Копыревом конце, в пригороде Киева, была заложена церковь св. Ивана.

Старался не отстать от Киева Новгород. Внук Мономаха Всеволод Мстиславович в 1119 г. отстроил недалеко от загородной резиденции князей [на Рюриковом Городище] Георгиевский собор Юрьева монастыря. Это здание на севере Руси уступало лишь новгородской Софии. Строил собор русский мастер Петр. Собор представляет собой трехнефное шестистолпное здание с палатами в западной части.

Георгиевский собор, как и собор Антониева монастыря, увенчан тремя главами. Башня Георгиевского собора заключает в себе лестницу, ведущую на хоры. Башня расположена в северо-западном углу здания и имеет квадратную в плане форму. Вскоре после постройки Георгиевский собор расписали.

Не исключено, что Петр, создававший Георгиевский собор, имел прямое отношение к строительству Рождественского собора Антониева монастыря и Николо-Дворищенского собора Новгорода.

Из Византии на Русь приехал новый митрополит Никита. К тому времени скончались епископы юрьевский Данило и владимирский [волынский] Анфилохий.

В 1121 г. поляки схватили Володаря Ростиславовича. А из Новгорода в Белгород князю Мстиславу I Владимировичу привезли вторую жену “Дмитровну Давидову внуку”. От этой жены Мстислав I имел двоих сыновей — Святополка и Владимира — и дочерей, одна из которых была выдана за Всеволода II Ольговича.

Первой супругой долго жившего в Новгороде Мстислава I была Христина, дочь конунга Швеции Инга Стенкильсона. Христина родила Мстиславу I старших сыновей: Всеволода, Изяслава и Ростислава.

В 1123 г. скончался еще один внук Ярослава Мудрого Давыд Святославович. На его столе в Чернигове сел родной брат Ярослав Святославович, кроме того владевший Старой Рязанью.

Продолжали уходить епископы. В 1123 г. скончались Сильвестр, епископ Переяславля, и Феоклит, епископ Чернигова.

Продолжал беспокоить западные рубежи Руси иной Ярослав Святополкович. Набрать в Польше, Чехии и Венгрии охотников до легкой поживы на Руси не представляло труда. Не питали большой любви к Киеву и в Галиции. В 1123 г. вся эта буйная вилла сошлась под стенами Владимира Волынского.

Андрей Владимирович, сын Мономаха, принял с тревогой вглядываться на восток — не пылит ли под копытами киевской дружины дорога. Но дело решилось без вмешательства Мономаха.

Ночью два поляка, по-видимому подкупленных, подстерегли Ярослава Святополковича, повалили в телегу и оскопили. Несчастный князь той же ночью умер. Поляки и венгры ушли от греха восвосяи, а Владимиру II послали богатые дары.

В 1124 г. Русь пережила землетрясение — “земля потрясая мало”. У церкви Михаила в Переяславле обвалился верх.

В 1124 г. за князя Всеволода Давыдовича, внука Игоря Ярославовича, выдали замуж “ляховицю Мюрому”.

В 1124 г. Русь пережила жестокую засуху, отозвавшуюся помимо прочего пожарами городов. В Киеве погорел Подол, а вслед за тем “въ оутрии же днь погоре Гора и монастыреве вси, что ихъ на Горе въ граде, и жидове”.

В 1124 г. один за другим скончались Василько и Володарь Ростиславовичи. Их династическая ветвь сумела глубоко пустить корни в Галиции, и история потомков Ростиславовичей имеет немало ярких страниц.

28 февраля 1125 г. умерла супруга Святополка II.

А с девятого на десятое мая 1125 г. скончался Великий киевский князь Владимир II Всеволодович Мономах. Тело князя положили в киевской Софии, рядом с телом его отца. Князь был воистину добрый страдалец за русскую землю. Слава о Владимире II Мономахе “произиде по всимъ странамъ”. Народ искренне “по немъ плакахуся, якоже дети по отцу или по матери...”.

Мономах был сильным, мудрым и добрым князем. Это понимаешь, не только знакомясь с историческими источниками, но и читая “Поучение князя”. Каждая строка Поучения проникнута удивительно светлым духом его создателя.

Мономах пишет: “Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дал себе упокою. что было надобе, весь наряд, и в дому своемъ то я творил есмь. И в ловчих ловчий наряд сам есмь держал и в конюсех, и о соколах и о ястрибех... Тоже и худаго смерда и убогие вдовице не дал есмь силным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есмь призраал... Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы Бог подасть”.

Только весть о кончине Мономаха достигла половецких вождей, тюрки тотчас явились “къ Баручю”. Ярополк Владимирович подошел к Переяславлю, и половцы отступили к реке Сула.

Кочевников страшило одно имя Владимира II Мономаха. Но и сыновья могучего князя умели усмирить степь.

Глава 10. Последние годы единства Руси

10.1. Мстислав I Владимирович (1125 — 1132 гг.)

В X — начале XI вв. князья правили Русью единовластно, однако ко второй половине XI в. выработалась система коллегиального управления. Изяслав I, Святослав и Всеволод Ярославовичи держали Русь до 1093 г. в целостности и в относительном благоденствии. Следовали подобной политике и их дети. Правда, шли они к этому не прямыми путями. В 1093 — 1125 гг. Святополк II Изяславович, Давыд и Олег Святославовичи, Владимир II Всеволодович не утратили взаимного контакта и, хлебнув лиха в усобицах, сплотились в могучую державную десницу, способную не только оборонить Русь, но и возвысить. Двоюродные Ярославовичи сходились на частых съездах. Относительная независимость полоцких Всеславовичей и галицких Ростиславовичей на рубеже XI — XII вв. не стала той критической массой, которая могла бы развалить Русь изнутри.

Во второй четверти XII в. троюродные Ярославовичи не удержали Русь в единстве, и громадное государство на глазах одного поколения превратилось в объединение полузависимых, а часто враждебных друг другу уделов — княжеств. Каждое княжество имело прообразом Киевскую Русь XI в. и содержало собственных епископа, собор, летописца, войско и прочее. Однако подобие уступало прообразу в десятки раз по всем показателям, и мощь отдельных русских княжеств была тенью Руси X — XI вв.

К середине XII в. некогда малообжитые просторы востока Европы превратились в достаточно благоустроенные для своего времени, пространство и соблазн независимости у князей и бояр пересилили рассудок и заглушили инстинкт самосохранения. А степь не дремала. Ее глаза и уши постоянно присутствовали на Руси, и все, что вело к ослаблению организма могучего государства, подавало надежду на хорошую поживу.

В 1127 г. скончалась супруга Владимира II Мономаха.

1128 г. начался распрей между потомками Святослава Ярославовича. Всеволод II Ольгович крепко обидел дядю — Ярослава Святославовича. Всеволод II посек в Чернигове дружину Ярослава. Сам Ярослав сидел в муромо-рязанских землях, факти-

чески отделившись от некогда обширного черниговского княжества.

Мстислав I Владимирович возмущен поступком Всеволода II и послал в черниговскую землю брата Ярополка. Всеволод II в свою очередь привел семь тысяч половцев. Кочевники стали “оу Ратьмире дубровы за Выремь”.

Ярополк схватил посадников, сидевших на Локне, рвавшегося к абсолютной власти в черниговской земле Всеволода II. Половцы, не имея вестей от Всеволода II и не желая встречи с киевской дружиной, от греха бежали восвояси.

В начавшихся переговорах Всеволод II стал молить у Мстислава I прощения, при этом не забывая щедро одаривать киевских бояр. А приехавший из Мурома Ярослав Святославович стал требовать возмездия племяннику. Но толком ничего не добившись, Ярослав вернулся в Муром.

Летописец, повествуя о событиях 1128 г., замечает, что Владимир II Мономах “сам собою постои на Дону, и много пота оутерь за землю Роускою”. Сын его Мстислав I “моужи свои посла, загна Половци за Донь и за Волгоу, за Гиикъ [река Яик — Урал] и тако избави Бъ Роускою землю от поганых”.

В 1128 г. Мстислав I организовал грандиозный общерусский поход в полоцкие земли. Киев задумал разом покончить с независимостью сыновей Всеволода.

Из Турова выехала дружина Вячеслава Владимировича. Из Владимира Волынского выступил Андрей Владимирович. Из Городка вышел Всеволод [быть может, сын Мстислава I, сидевший в Новгороде]. Из Клечска выехала дружина князя Вячеслава Ярославовича [внук Святополка II].

Эти четыре князя должны были идти к городу Изяславлю.

Всеволод II Ольгович с братьями должен был идти на “Стрежевь къ Борису”.

Киевский воевода Иван Воитишич повел на город Логожск торков — тюркский народ, обитавший в бассейне реки Рось.

Из Смоленска на Друцк выступил сын великого князя Ростислав Мстиславович.

Из Курска на Логожск вышел Изяслав Мстиславович.

Приказ Мстислава I по всем русским силам был ярок: “Въ единь днь всимъ пустити на воропъ, шни августа въ первии на десять днь”.

Первым в центре полоцких земель оказался Изяслав II Мстиславович. Город Логожск сдался ему без сражения.

Вячеслав и Андрей Владимировичи осадили город Изяславль, и началось сражение с горожанами.

Изяслав Мстиславович простоял у Логожска два дня, поймал своего зятя Брючислава [Борисовича], внука Всеслава полоцкого, пытавшегося помочь отцу, и выступил к городу Изяславлю в помощь дядьям.

Осада Изяславля из трагедии превратилась в утрированную комедию. Горожане, понимая бессмысленность сопротивления, обратились к Вячеславу Владимировичу, сидевшему в Туrove и бывшему ближайшим соседом полоцким землям: “Призови ны на, яко нас не даси на щить”.

Изяславль сдался, и ночью произошло то, чего опасались жители. Тысяцкий Воротислав Андреев и Иванко послали отроков в город, и начался грабеж. Ярославовичи едва спасли добро дочери великого князя Мстиславны, ранее выданной в полоцкую землю замуж. Возвращались русские полки по своим городам и волостям с большим полоном.

Опоздали к разгару кампании 1128 г. лишь новгородцы. Их вел Всеволод Мстиславович “къ Неплочю”. С водораздела Ловати и Западной Двины новгородцы повернули домой.

Тем временем в Полоцке горожане поспешили “съгъснущеси” изгнать ненавистного Киеву Давыда Всеславовича с сыном и посадить на стол лояльного к столице Рогволода Борисовича, внука Всеслава.

Однако участь потомков Всеслава была предрешена. Вскоре после похода 1128 г. скончался Борис Всеславович, сидевший в Друцке. И полоцкие земли снова стали не управляемы для Киева.

После того как с берегов Западной Двины в ответ на требование выступить в поход на половцев последовал отказ, Мстислав I в 1130 г. преступил крестное целование и заточил полоцких князей с женами и детьми и отправил в ссылку в Византию.

Ладьи вниз по Днепру унесли Ростислава и Святослава Всеславовичей, Василия и Ивана Рогволодовичей. Судьба иных полоцких князей в годы, последовавшие за 1130 г., не ясна. Но уже в 1132 г. народное собрание на полоцкий стол посадило князя Василька Святославовича, сына Святослава Всеславовича. Год 1132 был годом кончины Мстислава I.

13 декабря 1128 г. умер Изяслав Святополкович. Его дед Изяслав I Ярославович был старшим братом Всеволода Ярославовича. Но в 1128 г. и речи не шло о том, чтобы кто-то из потомков Святополка II шел на киевский стол. Право родового старшинства в вопросе престолонаследия должно было подкрепляться силой, в противном случае оно ничего не стоило.

Весна 1129 г. была знаменательна обильной вешней водой. Паводок “потопи люди и жито, и хоромъ внесе”. Особо пострадал Новгород. Зима была необыкновенно холодной и снежной. Мало того, что вымерзли озимые хлеба, вешняя вода смыла с полей семена. В результате север Руси поразил жестокий голод.

Между тем киевские горы продолжали украшаться каменными соборами. В 1129 г. Мстислав I заложил в Киеве храм св. Федора, а в 1130 г. из Ростова в Киев приехал Юрий Долгорукий с тысячником и оковал на свои средства гроб Феодосия Печерского.

25 июля 1130 г. скончался единственный сын сидевшего в Туrove Вячеслава Владимировича Михаил. Бездетность князя впоследствии стала причиной милости племянников к Вячеславу.

В 1130 г. в Муроме умер Ярослав Святославович, бывший основоположником самостоятельности рязанского и муромского княжений.

В 1131 г. Мстислав I отправил сыновей Всеволода, Изяслава и Ростислава в поход на чужд. Князья без труда справились с заданием и возложили на чужд дань.

В 1132 г. Мстислав I с сыновьями и Ольговичами выступил в поход на Литву. Поход не был удачным. Позади княжеских дружин “особе” шли киевляне. Их и побии литовцы.

В 1132 г. у Мстислава I родился сын Владимир. Вскоре Мстислав I Владимирович скончался. На стол в Киеве сел его родной брат Ярополк Владимирович. В ту пору была середина апреля. Гроб с князем поставили в отстроенной им церкви св. Федора.

Никто не решался открыто выступить против Киева. Однако спокойствие было обманчиво, ибо уже назревал разлад внутри гнезда сыновей и внуков Мономаха. Трещины, прошедшие по этой могучей ветви ярославского древа, разошлись по всей Руси глубокими разломами.

10.2. Ярополк Владимирович (1132 — 1139 гг.)

Ярополк, сев в Киеве, вызвал племянника Всеволода Мстиславовича из Новгорода и посадил в Переяславле. На это была предсмертная воля Мстислава I, желавшего видеть старшего сына своим преемником. Это крайне не понравилось Юрию Долгорукому. Он изгнал Всеволода из Переяславля, и Ярополку пришлось посадить в тот город Изяслава Мстиславовича, что несколько успокоило Юрия.

В 1134 г. скончался внук Олега Святославовича Изяслав Глебович. Но силы Ольговичей росли, и очень скоро потомки Мономаха это ощутили.

Ранее некий Мирослав послал с Руси на юг за доской от гроба господня. В 1134 г. Дионисий привез в Киев доску, на которой впоследствии была написана величайшая икона Руси — Богоматерь Владимирская.

А вокруг Переяславля в 1134 г. продолжилось хождение князей. Город служил последней ступенью к Киеву, и обладание им было залогом будущего великого княжения. Дяди гнали племянников, а Ярополк был не в силах установить порядок.

Ранее Всеволод Мстиславович из-за Переяславля оставил Новгород. Вернувшись на север, Всеволод не был принят новгородцами. Свободолюбивые горожане еще в 1132 г. избрали посадников для Новгорода и Пскова. Новгородская летопись свидетельствует: “Мирославу даша посадничати въ Пльскове, а Рагуйлови в городе [Новгороде]”. Правда, скоро Всеволода Мстиславовича все же приняли в Новгороде. Ранее, в 1127 г., Всеволод возвел в Новгороде храм Ивана на Опоках.

В 1135 г. Всеволод выстроил последний княжеский храм в Новгороде — Успения на Торгу. Это был трехнефный шестистолпный собор, в нем отсутствовала башня с лестницами, и на хоры вели узкиеходы, заключенные в западной стене здания. При этом древнейшая на Руси крестовая в сечении форма столбов была заменена квадратной и круглой.

В более позднее время новгородцы не допускали княжеского строительства в черте города. Князья продолжали строить в загородной резиденции — на Городище. Да и то строительство по большей части было деревянным, ибо князья в Новгороде превратились во временщиков. Они не знали, когда придется спешно выезжать подальше от распаленных гневом горожан.

Не дремали и полочане. Стоило умолкнуть цокоту копыт уехавшего в Переяславль Изяслава II Мстиславовича, как полочане выгнали его брата Святополка Мстиславовича и посадили княжить вернувшегося из Византии Василька Рогволодовича.

Однако и Изяслав II ехал в Переяславль напрасно. Этот желанный город, словно единственный на Руси, у князя отобрал дядя Вячеслав Владимирович. Но и Вячеслав зимой лишился Переяславля и поехал вопреки уговорам Ярополка в свой Туров. В результате Изяслав II был лишен данного ему Турова [взамен на Переяславль]. А в Переяславле сел Юрий Долгорукий. Добываясь от Ярополка Переяславля, Юрий посулил великому князю часть своей волости и среди прочих городов Суздаль и Ростов.

В спор потомков Мономаха вмешались потомки Олега Святославовича. Поводом послужили споры потомков, якобы задевавшие интересы Ольговичей.

В результате Великий князь Ярополк с братьями Андреем и Юрием Владимировичами подступили к Чернигову. Всеволод II Ольгович по обычаю своего рода послал за половцами. Ярополк, простояв несколько дней у Чернигова, вернулся в Киев и распустил войнов.

Тем временем к Всеволоду II подошла племянничья помощь. Приехали к нему и обиженные племянники великого князя Изяслав и Святополк Мстиславовичи. Их сердца пылали ненавистью к дядьям. Скоро эта сила пошла жечь и сечь все вплоть до

Переяславля и левого берега Днепра “и Городец зажоша на стго Андрея день”.

Бесчинства продолжались три дня. После этого Всеволод II вернулся к Чернигову и начались переговоры. Ольговичи требовали отчины, в противном случае предупреждали Ярополка и его братьев “то на вас буди кровь”.

Помирились к зиме, лишь после того как Ярополк собрал всю силу Киева, а Юрий — силу Переяславля. И стояло воинство пятьдесят дней под стличными городами.

Всеволод II Ольгович примирился. А Ярополк среди своей ближайшей родни урядил так: Андрей Владимирович сел в Переяславль, а Изяслав II Мстиславович поехал во Владимир Волынский, где ранее сидел Андрей. Отныне судьба Изяслава II была неразрывно связана с Западной Русью, а его потомкам суждено было владеть Волинью и Галицией. Сам Изяслав II был прозван Волинским.

Между тем наступил 1136 г. В начале августа 1136 г. Всеволод II Ольгович с братьями подошел к Переяславлю. Три дня у епископских и княжеских ворот города шло сражение. Всеволоду II стало известно, что в верховьях реки Супой находится Ярополк с дружиной и братьями. Всеволод II поспешил навстречу Ярополку, и 8 августа произошло сражение.

Ярополк не был искусен ни в политике, ни в военном деле. Полки свои он не “нарядившеся гораздо” двинул на Ольговичей, полагая, что те не в силах стать против киевской дружины. Поначалу надежды Ярополка сбывались. Главная сила киевлян опрокинула союзных Чернигову половцев и погналась за ними, оставив позади Ярополка с братьями Вячеславом, Юрием и Андреем и не самым крепких воинов. А тем временем битва лишь разгоралась.

Ольговичи стали теснить детей Мономаха “Василко Леонович чревич оубьень быс, и быс брань люта, и мнози от обоихъ падаху”. Полк Мономашевичей дрогнул и начал отступать к Днепру.

Не подозревавшие худого бояре и дружинники Ярополка, вернувшись с погони за половцами, угодили в руки к Ольговичам. Всеволод II взял стяг Ярополка и пленил “Двда Ярославича тысячьскаго и Станислава Доброго Тудьковича и причих мужии”.

В сражении погиб внук Мономаха Василий, сын Марии Владимировны и греческого принца Леона, сына императора Алексея I.

Ярополк с братьями вернулся в Киев. Андрей Владимирович заперся в Переяславле.

Всеволод II Ольгович переправился на правый берег Десны, стал против Вышгорода и спустя семь дней уехал в Чернигов.

29 декабря 1136 г. Ольговичи с половцами перешли Днепр и принялись воевать вокруг Киева, от Треполя, Василева и Красна на юге до Белгорода на севере. Стрелы их из-за Лыбеди долетели до стен столицы.

Ярополк отовсюду собрал воинов, но решиться на новое сражение не мог и пошел на мирные пере-

говоры. 12 января в присутствии митрополита Михаила Ярополк и Всеволод II целовали крест и Ярополк “вда... Ольговичемь отчину свою, чего и хотели, и тако оутеши... брань ту лютую”.

В 1137 г. в Смоленске учредили епископскую кафедру. Во главе нее поставили пришедшего из Греции к Мстиславу I скопца Мануила. И был тот епископ “Певечь гораздни”.

В 1137 г. сидевший в Смоленске князь Ростислав Мстиславович написал знаменитую грамоту, даровавшую епископу десятину с княжеских доходов. Мы вернемся к рассмотрению грамоты Ростислава при описании смоленских земель.

В 1137 г. в ростово-суздальских землях, у Ждановой горы, среди густых лесов, окружающих Плещее-оезеро, произошло еще одно сражение. Новгородцы бились с суздальцами.

Сидевший в Новгороде Всеволод Мстиславович хотел овладеть частью волости дяди Юрия Долгорукого во многом из-за обиды своего брата Изяслава II Мстиславовича. В первом походе Всеволод Мстиславович дошел до Дубны и, не решившись идти далее, вернулся. Новгородцы заволновались. Им нужен был безопасный путь по верхней Волге, ибо от этого зависели поставки хлеба на север Руси.

На умиротворение Новгорода из Киева приехал митрополит Михаил. Новгородцы задержали митрополита, и 31 декабря выступили в новый поход на Суздаль.

26 января 1137 г. на Ждановой горе полки новгородцев и суздальцев сошлись, и началась жестокая битва. С обеих сторон пало множество народа. Далее мосток новгородцев не пустили, и они были вынуждены вернуться домой без победы. Скоро митрополит Михаил освободили, и он выехал на юг, в Киев.

В 1137 г. Всеволод Мстиславович отдал дочь Перхуславу замуж в Польшу.

В 1138 г. буйство новгородцев не ограничилось лишь сбрасыванием чиновных бояр с моста в Волхов. На вечернюю площадь помимо новгородцев приехали послы от Пскова и Старой Ладogi. Всеволоду Мстиславовичу припомнили грехи — и то, что прежде всех ушел со Ждановой горы, и то, что искал пощады в Переяславле, что не блюдет простого народа, и забавляется собаками да ястребами. Напомнили князю и о многом другом.

Несчастливого Всеволода Мстиславовича с женой дочерью Святоши, сына Давыда Святославовича] и тещей посадили в дом епископа и приставили охранять стражников. Князь просидел в доме властью семь недель. А новгородцы ожидали приезда Святослава Ольговича, призванного защитить север Руси от гнева Мономашевичей.

По прибытии Святослава Всеволода освободили, и князь, оставив в Новгороде сына Владимира, выехал в Киев, к дяде Ярополку.

Ярополк дал Всеволоду Мстиславовичу Вышгород и смирился с тем, что север Руси склонился к Ольговичам.

Долго сидеть на вышгородском холме над Днепром Всеволоду не пришлось. В 1138 г. в Киев приехали псковичи и среди них новгородский посадник Константин и псковский боярин Жирята. Псковичи взяли в свой город на княжения Всеволода Мстиславовича. Причиной тому было решение Пскова отделиться от Новгорода.

Тем временем страсти в Новгороде накалялись. Стронник изгнанного князя Георгий Жиротославович полетел с моста в Волхов. При этом новгородские бояре и сам посадник держали сторону Всеволода Мстиславовича, но совладать с горожанами не могли и, в конце концов, ушли из Новгорода к Всеволоду.

А Всеволоду Мстиславовичу по дороге в Псков довелось встретить вернувшегося из византийской ссылки полоцкого князя Василька Рогволодовича. Но он не попомнил Всеволоду дела его отца Мстислава I и проводил гостя до границ полоцкой и псковской земель.

Когда в Новгороде узнали, что Всеволод приехал в Псков, горожане разграбили дома сторонников этого князя — Кснятин, Нежатин и прочие. Иных же обложили пенями, а вырученные 1500 гривен ссудили купцам “крутиться” на заготовку военного снаряжения.

Воистину Новгород XII в. был городом неукротимым, и ни один князь на Руси не мог смирить его буйство.

Тем временем новгородцы избрали нового посадника Якуна Мирославовича. А смущенный северным темпераментом Святослав Ольгович “свкупил всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глеба съ Куряны и съ Половци, и идоша на Пльсков”.

Псковичи это во время устерегли и принялись устраивать засеки по лесным дорогам. Святослав Ольгович повернул в Новгород от Дубровны, отстоящей от Пскова за три дневных перехода.

Очень скоро великий князь киевский лишил Новгород хлебного подвоза из центральных областей Руси, и по северной столице покатила новая волна неудовольствия. На сей раз гнев новгородцев пал на голову Святослава Ольговича. Святослав женился на новгородской женщине. Местное духовенство в лице архиепископа Нифонта отказало князю в благословении. Тогда Святослав “веньсяя своими попы у святого Николы”, то есть в Николо-Дворищенском храме, служившем князьям духовным убежищем.

Святослав Ольгович поспешил уладить отношения с духовенством и определил архиепископу 100 гривен из казны князя помимо причитавшегося. Мы коснемся, и весьма подробно, Уставной грамоты Святослава Ольговича, описывая новгородские земли.

Подобный шаг не мог спасти положение князя, и весной 1139 г. новгородцы изгнали из города Святослава Ольговича. При этом в Новгороде были оставлены бояре Святослава и княгиня, позже посланная в монастырь св. Варвары.

Вскоре в Новгород въехал сын Юрия Долгорукого Ростислав. А Святослав Ольгович был задержан в Смоленске и помещен в монастырь, стоящий над рекой Смядынь. И на юге Руси разгорелось немирье между Мономаховичами и Ольговичами.

11 февраля 1138 г. в Пскове скончался Всеволод Мстиславович, в крещении нареченный Гавриилом.

4 апреля 1139 г. умерла Евфимия Владимировна, одна из дочерей Мономаха.

Когда Всеволод II Ольгович подошел с половцами к городу Прилуки и взял ряд иных городов по реке Сула, терпению Ярополка пришел конец.

К Киеву стали съезжаться братья и племянники Великого князя. Повсюду от Ростова и Суздаля до Смоленска, Полоцка и Турова тысячи воинов облачались в кольчуги и брали в руки оружие. Подошла помощь из Венгрии. Пришли к Киеву тридцать тысяч берендеев, тюркских кочевников из-за Роси. Став под стяги Святополка Владимировича, эта

тяжкая сила перешла Днепр и двинулась к Чернигову.

Когда Всеволод II Ольгович со стен Чернигова увидел несметное войско, ставшее под городом, сердце его заняло. Всеволод II понял, что следует просить мира.

Ярополк, стоявший у города Моровийска, пошел на мир с Всеволодом II. Князя целовали крест и разошлись по своим волостям.

18 февраля 1139 г. великий князь Ярополк Владимирович скончался. Его погребли "въ Янцине монастыри оу стго Андрея".

В Киев въехал брат Ярополка Вячеслав Владимирович.

А от Чернигова к Киеву уже спешил Всеволод II Ольгович. С князем ехали хлебнувший лиха в Новгороде брат Святослав Ольгович и двоюродный брат Владимир Давыдович. Князья подошли к Вышгороду.

11.1. Всеволод II Ольгович (1139 — 1146 гг.)

В марте (4 марта) нового 1140 г. Всеволод II Ольгович подошел к Копыреву концу Киева и начал зажигать дворы. Вячеслав выслал к Всеволоду II митрополита, и тот обратился к Ольговичу такими словами: "Иди опять Вышегороду, а язь дню идоу въ свою волость, а то тебе Киевъ". Дед Вячеслава Всеволод Ярославович был младшим братом деда Всеволода II Святослава Ярославовича. В этом была причина того, что Мономашевичи негупили Ольговичам Киев.

5 марта 1140 г. Всеволод II Ольгович въехал в Киев. В столицу приехал и брат князя Игорь Ольгович, напомнивший Всеволоду, что тот давно обещал дать ему Чернигов. Всеволод II Чернигов дал двоюродному брату Владимиру Давыдовичу. Хотел ли говорить, что согласия в стане Ольговичей от такого решения не добавилось.

А на Русь возвращались сосланные в Византию полоцкие князья Василий и Иоан Рогволодовичи, Ростислав и Святослав Всеславовичи [и Давид Всеволодович].

Всеволод II Ольгович, сев в Киеве, потребовал от Мономашевичей изъявления покорности. Мономашевичи же стали обмениваться гонцами и выражать непокорность не спешили.

Всеволод II был проницателен и решил утвердить единовластие силой. Всеволод II, пригласив брата Святослава Ольговича, выехал с полком к Переяславлю попытать силу Андрея Владимировича.

Уезжая из Киева, Всеволод II велел своему двоюродному брату Изяславу Давыдовичу с половцами и при поддержке галицких князей Владимира Володаревича и Ивана Васильковича выступить против Изяслава на Волыни Изяслава II Мстиславовича и жившего в Турове Вячеслава Владимировича. Это была фронтальная атака на потомков Мономаха. Непокоем был в Смоленске и Ростислав Мстиславович, ибо под ним Ольговичи также искали удачу.

Стен Владимира-Волынского воинство Ольговичей не увидело "дошедше Горинки". Зато полон на Волыни привели большой.

Подойдя к Переяславлю, Всеволод II послал к Андрею гонца с речью: "Коурьскоу изволи ити". Андрей ответил: "Лепши ми смерть".

Глава 11. Правление Ольговичей

В произошедшем сражении дружина Андрея Владимировича опрокинула полк Святослава Ольговича и гнала его "до Коране". Далее дружинников не пустил Андрей. Всеволод II, ничего не добившись, заключил с сыном Мономаха мир и вернулся в Киев.

А на западе Руси царил немирье. Галицкие князья "привабиша к себе Изяслава Мстиславича, и не вярядивъшеся, възратишас".

Изяслав Мстиславович чувствовал себя на Волыни одиноко и, собрав сыновей, поехал в Туров на реку Припять к дяде Вячеславу Владимировичу. Так Мономашевичам было спокойнее.

Скоро Изяславу донесли, что ляхи, помогая Всеволоду II, вторглись на Волынь. Раздоры на Руси всегда открывали пути на ее земли соседям. А те несли разрушение и горе.

Изяслав Мстиславович и Вячеслав отправили в Киев гонца к Всеволоду II с предложением "рядиться". Ольгович понимал, что расчистить от Мономашевичей путь к единовластному правлению Руси не в его силах, а губить державу не хотелось. Всеволод II поцеловал крест и помирился с ожидавшими ответа князьями.

Тем временем у Всеволода II родился сын Ярослав.

Немирье, потрясавшее Южную Русь, не могло не отозваться в Руси Северной, и Новгород по-прежнему походил на гудящий улей. 1 сентября 1139 г. из Новгорода изгнали сына Долгорукого Ростислава. У этого события очевидная подоплека. Настрадавшиеся без подвоза хлеба, новгородцы были вынуждены уважить Ольговичей, державших Киев. Но все было бы ничего, если бы Юрий Долгорукий не подошел к Смоленску и не затребовал от Новгорода помощи против Всеволода II Ольговича. Тут вече встревожилось не на шутку и поспешило выдворить из города сына Долгорукого. В Киев новгородцы отправили гонца с просьбой прислать на княжение Святослава Ольговича. Но мира Новгород не добился.

Юрий Долгорукий отнял у Новгорода город Новый Торг. Это были хлебные ворота, закрывая которые Долгорукий обрекал Новгород на голод. Козыри получила партия, державшая в Новгороде сторону Мономашевичей.

На вече новгородцы стали корить приехавшего на север Святослава Ольговича "про его злобу". Князь ранее познал нрав северян и послал брату в

Киев сообщение: “Тягота, брате, в людехъ сихъ, а не хочу в нихъ быти, а кого тебе любо, того послѣ во нь”.

Всеволод II поступил так. В Новгород поехал боярин Иван Воитишич. Вернулся в Киев Иван с депутацией “лепшихъ” новгородцев. Всеволод II стал наряжать в Новгород сына Святослава на смену дяде Святославу Ольговичу. Но тут Киева достигли тревожные вести. Говорили, что новгородцы встали на вече и избивают сторонников Ольговичей.

Тысяцкий во время шепнул Святославу Ольговичу: “Княже, хотять тя яти”. Князя, сидевшие в Новгороде, не даром городу предпочитали пригородное Городище. Те из князей, кто оказывался нерасторопен, вмиг попадали под замок в епископские хоромы, стоящие в городском детинце. Но у Святослава Ольговича опыт был немалый. Как только тревога мутным крылом коснулась его двора, князь сел на коня, усадил на коней жену и дружину да еще новгородского посадника Якуна и, едва разбирая дорогу, помчался сначала на Полоцк, оттуда на Смоленск и далее в Киев.

Несчастливого Якуна новгородцы схватили на реке Полисте и “обнаживше яко мати родила и свергша и съ моста”. Тысяцкий остался жив и, как сообщает новгородский летописец, “прибрѣде къ берегу”.

С Якуна взяли 1000 гривен пени. С брата его Прокопка взыскали 100 гривен. При этом не забыли взыскать и с иных сторонников бежавшего Ольговича.

Пока новгородцы творили суд над Якуном, их владыка Нифонт приехал в Киев. Владыка сказал Всеволоду II: “Даи намъ снѣ твой, а Стослава брата твоего не хочемъ”. Всеволод II собрался было отправиться на север сидевшего в Чернигове сына, как новгородцы “сдоумавше” обратились к великому князю с речью: “Не хочемъ сна твоего, ни брат”. Всеволод II озаботился и задержал владыку. А когда Великому князю новгородцы заявили более определенно: “Даи ны шкурѣна своего Мъстиславича”, — Всеволод II погрузился в глубокие раздумья.

Допускать, чтобы Новгород перешел в руки Мономахевичей, Всеволод II не хотел. Владыку Нифонта и новгородских послов Великий князь задержал до конца зимы. А тех, кого желали видеть в Новгороде — Святополка и Владимира Мстиславовичей, — Всеволод II отправил княжить на западную границу, в Брест.

Пока Русь решала внутренние дела, на ее южные рубежи подошли половцы. Пришлось Всеволоду II Ольговичу и Андрею Владимировичу выехать навстречу кочевникам “къ Малотиноу” и сотворить с ними мир.

Всеволод II Ольгович имел двух дочерей. Обеих замуж выдали в Польшу. Это означает, что стратегическое партнерство Руси и Польши продолжало иметь место.

Польша после 1139 г. разделилась на ряд уделов, и Всеволод II выдал дочерей за наиболее влиятельных братьев Владислава и Болеслава.

В 1141 г. в Переяславле поставили нового епископа Ефимия. А в Галиции скончался Иван Василькович, сын ослепленного в 1097 г. Василька Тербовльского. Власть в Галиции принял двоюродный брат Ивана Владимир Володарьевич. Резиденцией галицких князей в XII в. стал город Галич, отодвинувший на второй план Перемышль, Звенигород и Тербовль.

В 1141 г. продолжилось интригующее развитие событий в Новгороде. Могучий город, по сути бывший государством, имел уязвимое место — хлеб. Собственного жита северяне выращивали немного. Пока новгородцы находились в ссоре с Ольговичами и с Мономахевичами, “жито к нимъ ни идяше ни отколь же”.

Поехали новгородцы за Ростиславом Юрьевичем, сыном Долгорукого. Как только о том узнал Всеволод II, тотчас же был занят “Городечъ Вьстрьскый”. Этот город принадлежал Долгорукому и расположен при впадении реки Остер в Десну.

Приехавший из Новгорода Святослав Ольгович стал в Стародубе и, не уладившись с Всеволодом II о волостях, пошел в Курск. К тому Всеволод II дан брату в утешение пригород столицы Белгород. Тянул к Святославу Ольговичу и Новгород Северский, так что по большому счету вырвавшимся из новгородского котла князю горевать было не о чем. 22 января 1141 г. скончался Андрей Владимирович. Похоронили князя в Переяславле в церкви Михаила.

С течением лет Всеволод II Ольгович все более ненавидел и боялся Юрия Долгорукого, сидевшего далеко от Южной Руси, в землях, куда ни половцы, ни ляхи не дойдут, да и дружина Ольговичей без значительного урона не доберется. Не мог простить Всеволод II Юрию и Новгорода. И начал мстить великому князю Долгорукому всеми доступными средствами. Ольговичи стали занимать города Южной Руси, принадлежавшие Долгорукому. Не гнушались Ольговичи забирать скот, коней и товар Долгорукого. Но сокрушить Юрия было невозможно.

По-прежнему не были простыми отношения между дядьями и племянниками Мономахевичей. Изяслав Мстиславович обратился к своей сестре, бывшей замужем за Всеволодом II Ольговичем, попросить для брата Святополка Мстиславовича Новгорода. Такое решение могло устроить всех, исключая Долгорукого.

В конце 1141 г. скончался Всеволод Городенский, сын печально памятного Давида Игоревича, внука Ярослава.

В начале 1142 г. скончался черниговский епископ Пантелеймон. А в Новгород поехал Святополк Мстиславович, внук Мономаха. Ростислава Юрьевича новгородцы отправили к отцу в Суздаль.

Всеволод II перевел Вячеслава Владимировича из Турова в Переяславль. Туров Великий князь отдал сыну Святославу. Это обозлило братьев Великого князя Игоря и Святослава Ольговичей.

Ольговичи обратились к старейшему в своем роду с речью: “Волости бо даеть снви, а братья ни

видели нечимъ же”. Всеволод II Ольгович стал софирать князей. Сам Великий князь “сташа во Ольжичихъ”. Святослав и Игорь Ольговичи и Изяслав и Владимир Давыдовичи стали “оу Городьча”.

Святослав съехался с Игорем и спросил, что дает ему Всеволод II. Игорь ответил: “Берестии и Дорогичинь, Черторыескъ и Кльчскъ, а отчине свое не дасть Вятчъ”. Ольговичи разгневались на старшего брата и послали к Всеволоду II просьбу — дать им Черниговскую и Новгородскую волости. Великий князь настаивал на своем и “Вятчъ не състоупяшеть”.

Наконец, Ольговичи пригрозили Всеволоду II “иже ны не даси, а намъ самемъ о себе поискати”. Скоро выяснилось, что слова эти были не пустой угрозой. Ольговичи выехали ратью на Переяславль, в котором сидел Вячеслав Владимирович. Всеволод II послал в помощь Переяславлю Лазоря Саковско-го с печенегами.

Не остался в стороне и Изяслав II Мстиславович. Как прослышал о беде своего дяди, тотчас выехал с полком к Переяславлю. Ольговичей отбили.

На беду Ольговичей из Смоленска к Киеву долиной реки Сож шел Ростислав Мстиславович. Узнав о происходящем вокруг Переяславля, Ростислав стал воевать с Ольговичами вокруг Гомия [Гомеля]. Изяслав II Мстиславович, услышав о приближении брата, принялся воевать по Десне вокруг Чернигова.

А стоило Мстиславовичам выехать из волостей Ольговичей, как те вновь появились под стенами Переяславля и билась три дня, прежде чем вернулись в свои дома.

Всеволод II на умиротворение князей послал своего двоюродного брата Святошу, сына Давыда Святославовича. Этот князь к тому времени принял монашеский постриг, и его слово было последней надеждой Всеволода II.

Надежды Великого князя оказались оправданными. Братья приехали в Киев. При этом Давыдовичи отступили от союза с Ольговичами, чем сильно облегчили задачу Всеволода II “и оуладивъся о волостехъ”.

Игорю Ольговичу дали “Городечъ, Гюрговъ и Рогачевъ”. Святославу Ольговичу достались “Клевскъ и Черторыескъ”. Давыдовичам дали “Берестинъ, Дорогичинь и Вьщижи, Орминоу”.

Тогда же Вячеслав Владимирович с ведома великого князя перешел в свою старую волость в Туров, а в Переяславле сел Изяслав II Мстиславович.

Освободившийся стол во Владимире Волынском занял сын Великого князя Святослав Всеволодович.

Ольговичи вновь возроптали, жалуясь, что Всеволод II посадил вокруг себя Мстиславовичей “а намъ на безголове и безъместь”.

В 1142 г. Киев вмешался в дела Польши. А происходило там вот что. Болеслав III Кривоустый оставил пять сыновей. Двое из них — Владислав II и Мислав — были женаты на дочерях Всеволода II Ольговича. Причем за Болеслава Великий князь выдал дочь Звениславу в 1142 г.

После смерти Болеслава III сыновья начали усобицу. В нее и вмешался Всеволод II, стремясь помочь зятю и старшему сыну покойного короля Владиславу II.

В Польшу с Волыни выступил Святослав Всеволодович, из Галиции Владимир Володарьевич и шел Изяслав Давыдович. Двигались русские полки против Болеслава, младшего брата Владислава II.

Русские князья съехались “Чернечьска” [г. Червень]. Дело обошлось без сражения с братьями Владислава II, и князья вернулись на Русь “въземше более мирныхъ, нежели ратьныхъ”.

Владислав II бежал на Русь, а позже в Германию.

А на севере Руси в 1142 г. происходили такие события. Конунг Швеции с епископом на 60 “шнекъ” пришли “на гость” в воды Финского залива. Далее Старой Ладоги шведы едва ли могли проникнуть. Потеряв три судна и сто пятьдесят человек, шведская флотилия ушла на запад. Княжил в эту пору в Новгороде Святополк Мстиславович.

В 1143 г. Всеволод II собрал “братья вся и безбожни ляхове” на пир. Там сыграли свадьбу сына Великого князя Святослава и дочери полоцкого князя Василя Рогволодовича. Так Киев улаживал дела со свободолобивыми провинциями.

Зимой Изяслав II Мстиславович ездил к дяде Юрию в Суздаль. Поладить князя не сумели. А говорили они наверняка о Киеве.

Выехал Изяслав из Суздаля в Смоленск к брату Ростиславу Мстиславовичу. Оттуда Изяслав поехал в Новгород к другому брату Святополку Мстиславовичу и, дождавшись конца зимы, вернулся в Переяславль.

Вскоре состоялся новый княжеский пир. На нем Изяслав Мстиславович выдал дочь за полоцкого князя Рогволода Борисовича. Торжество почтил присутствием Всеволод II Ольгович с супругой и боярами.

Не забывали и о делах церковных. В Полоцк на кафедру епископа поставили Кузьму.

В 1143 г. у города Котелнича была страшная буря “и не остана оу клетехъ ничтоже”.

В 1144 г. в Турове епископом поставили Акима. Русь делилась на уделы, и вместе с ней на уделы делилась церковь. Вновь создаваемые епископии нуждались не только в соборах, но и в главах. А епископы нуждались в десятине, шедшей с доходов князей.

В 1144 г. главные события происходили в Галиции. Всеволод II Ольгович не желал мириться с тем, что Владимир Володарьевич после смерти родных и двоюродных братьев единовластно правил обширной и богатой провинцией. Сам Владимир Володарьевич на раздражение Великого князя “възверже емоу грамотоу хръстноюу”. Галицкий князь послал за помощью в Венгрию.

Всеволод II Ольгович двинул в Галицию громадную силу. Шли братья Великого князя Игорь и Святослав Ольговичи, шел Владимир Давыдович. Выехали с полками Мономахевичи — Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславовичи. Шел в Галицию и сын Великого князя Святослав

Всеволодович. Он сидел во Владимире-Волынском и помнил, как галицкий князь пытался отнять у него стол.

Ехали в Галицию и два внука Давида Игоревича [давнего ненавистника галицких князей] Борис и Глеб Всеволодовичи. Шел в Галицию и полоцкий князь Ростислав Глебович.

Выступил из Киева в Галицию и Владислав II Польский.

Такая сила сошлась к Галичу, и рати разделила река Белка. Всеволод II велел князьям чинить гати — каждый своему полку. Силы Великого князя стали обходить полк Владимира Володаревича.

А галицкий князь “исполчивсья перед городомъ на болоньи”. Галичане, видя, как их обходят, взмолились к князю: “Мы сде стоимы, а онамо жены наша возмоутъ”.

Владимир Володаревич обратился к брату Великому князю Игорю Ольговичу. Он просил помирить его с Великим князем. В награду Владимир Володаревич посулил Игорю Ольговичу поддержать его после смерти Всеволода II “про Киевъ. и тако прельсти Игоря”.

Хлопоты Игоря Ольговича подкрепили 1400 гривен. Великий князь вернул Владимиру Володаревичу галицкие города “Оушную, Микоулинъ”. После того полки ушли из Галиции.

Жители Галича не любили своего князя. Когда Владимир Володаревич выехал за городские ворота “в Тисмяничю на ловы”, галичане послали в Звенигород за племянником князя Иваном Ростиславовичем, позже прозванным Берладником. Когда Владимир Володаревич подошел к Галичу, ворота города были заперты.

Началась трехнедельная осада. Наконец, Иван Ростиславович выехал из Галича, и началось сражение. Многие из полка Ивана были побиты, и сам Иван в Галич вернуться не мог. Пришлось Ивану Ростиславовичу гнать коня к Дунаю. Ехать через Галицию князь не решался. С Дуная Иван приехал в Киев к Всеволоду II.

Галичане после отъезда Ивана бились с князем неделю, но были принуждены сдаться. Войдя в город, Владимир Володаревич дал волю чувствам “многы. люди и сече. а иныя по казнью злоу”.

В июне 1144 г. Всеволод II заложил в городе Канев церковь “стго Георгия”. Каменные храмы на Руси стали строить меньших размеров, но число их увеличилось. Каждый, пусть небольшой, город стремился иметь собственный каменный храм.

Зимой 1144 г. Всеволод II Ольгович выдал замуж “две Всеволодковне. Володимери вноуце” — одну за Владимира Давыдовича, другую — за “Яросла-лича. за Дюрдя” [за Ярослава Юрьевича] “обе единой неделе”.

Заключение династических браков было тончайшим политическим кружевом и одновременно оружием князей, и Всеволод II владел этой наукой в совершенстве.

В 1145 г. Всеволод II Ольгович собрал князей в Киеве, “на сенях хором”, и объявил, что наследовать великокняжеский стол будет его младший брат

Игорь Ольгович. Особо просили целовать крест и Игорю Ольговичу Изяслава II Мстиславовича. Целовал крест и Игорь Ольгович “яко имети братью въ любовь”.

Тогда же Всеволод II сказал князьям, что “повабливаетъ” Владислав II выступить в Польшу на мятежных младших братьев. Это давало возможность добычи, и русские князья долго себя упрасивать не заставили. Правда, Изяслав Мстиславович, сидевший во Владимире Волынском, не пожелал портить отношения с соседями и, сославшись на болезнь, в поход не выступил.

Пошли в Польшу Игорь и Святослав Ольговичи и Владимир Давыдович. Вышел с полком в поход и сын Великого князя Святослав Всеволодович “и идоша на середь земли лядской”.

Против руси выступили два брата Владислава II. Однако они благоразумно отгородились от неприятеля болотами. Начались переговоры. Поляки поклонились Игорю Ольговичу, целовали крест между собой и дали Владиславу II четыре города. Русь получила “Визноу”.

Возвратились русские полки из Польши “многъ полонъ вземъше”.

Зимой 1145 г. в Муроме скончался Святослав Ярославович, сын Ярослава Святославовича Рязанского. В Муроме сел брат покойного Ростислав Ярославович. А в Старой Рязани посадили его сына Глеба. Так укоренялись местные княжения. Потомство удельных князей множилось, и сами уделы начинали делиться на более мелкие волости.

А в Польше зимой 1145 г. Владислав II поймал одного из своих недругов — “Петрка”. Несчастному отрезали язык, выкололи глаза, разграбили дом и полумертвого с женой и детьми выгнали прочь. Это был тот самый Петр, который в 1122 г. лестью пленил галицкого князя Володаря Ростиславовича.

В 1146 г. Всеволод II Ольгович во второй раз вывел полки в поход на Галицию. Владимир Володаревич не умел мирно уживаться с Киевом. Шел на запад Руси ранней весной. Снег сошел, пошли дожди прежде ожидаемого срока, и громадная армия отовсюду стекалась в Галицию “на колихъ и на саняхъ”, утопая в мешанине грязи и снега. Природа, казалось, восстала против похода.

К Звенигороду пришли Всеволод II с сыном Святославом, Игорь Ольгович, Владимир Давыдович. Пришли и послушные Великому князю Мономаховичи — Вячеслав Владимирович, Изяслав и Ростислав Мстиславовичи. Подошел к Звенигороду польский князь Болеслав [младший брат Владислава II]. Приехали из степи “половце дикей вси”.

Несметные полчища “облегли” Звенигород отовсюду. День горожане, помертвев от ужаса, со страхом наблюдали за громадным неприятельским лагерем. На второй день звенигородцы собрались на вече и решили “предаться” Великому князю. Но тут вмешался муж, верный Владимиру Володаревичу в лицо. Он схватил трех горожан, призывавших к сдаче, и убил их.

Началась осада. Запылали посады и сам город. Не овладеть Звенигородом Всеволод II не сумел и отступил в Киев.

Уже в столице Всеволод II узнал, что Владимир Володаревич взял Прилуки. Великий князь собрался снова выступить, но разболелся и скоро понял, что пора слать за братьями.

Игорь и Святослав Ольговичи приехали к брату. В эту пору Всеволод II был “подъ Вышегородомъ въ островѣ”. Пригласили киевлян.

Всеволод II Ольгович объявил собравшимся, что Игорь Ольгович будет новым Великим князем. Горожане “пояша Игоря в Киеве”.

В столице сошелся народ и целовал к Игорю крест “рекоуче ты намъ кнзь”. Утром Игорь выехал в Вышгород, и там к нему целовали крест горожане.

Успел Всеволод II послать к Изяславу II Мстиславовичу, спрашивая, верен ли он крестному целованию. Чувствовало сердце Великого князя, что не далеко вокруг ладно.

В августе 1146 г. Всеволод II Ольгович скончался. А его младший брат Игорь Ольгович въехал в Киев.

11.2. Игорь Ольгович (+1147 г.)

На ярославовом дворе, в центре Киева, собралось вече. Киевляне вновь целовали крест к Игорю Ольговичу. А в то же время собиралось иное вече “оу Тоуровы божьнице”. Послали за Игорем. Князь, чувствуя недоброе, вперед выслал брата Святослава Ольговича, а сам стал с дружиной невдалеке.

И киевляне высказали Ольговичам все, что накопилось на сердце за годы княжения Всеволода II Ольговича. Обвинили, по обыкновению, чиновников “тиоуна... Всеволожа. ..Ратью” и “тивоуна Вышегородского... Тоудора”.

Святослав и Игорь Ольговичи стали целовать крест к киевлянам, обещая, что впредь насилия не будет. Но стихия народного гнева уже расходилась. Горожане ринулись на “Ратьшинъ дворъ грабить... и ни мечники”. В помощь своим Игорь Ольгович послал Святослава с дружиной “и одва оутиши”.

Игорь Ольгович предвидел, что удар его клану киевляне могут нанести в любую минуту, но он не мог быть сокрушительным. Страшили Игоря Мономаховичи. Из Киева в Переяславль выехали князья с требованием к Изяславу II Мстиславовичу подтвердить крестное целование к Игорю. В ответ последовало молчание.

Да и что мог ответить Изяслав, если его хоромы уже осаждали киевляне, подобно тому как в 1113 г. они осаждали его деда Владимира II Мономаха в том же Переяславле с мольбой прийти в столицу. Отовсюду Изяслав слышал: “Поиде кнже к намъ ищемъ тебя”.

Изяслав не заставил уговаривать себя долго. Князь сел на коня, подъехал к броду через Днепр, под гору Заруб, и скоро все поросье присягало Мономаховичу, повторяя: “Ты наш кнзь а Олговичъ не хочемъ. а поеди в борзе”.

Изяслав II Мстиславович подошел к “Дерновоу-моу”. Тут под его стяг съехались “вси Клобоуци и Поршане”. Пришли жители Белгорода и Василева. Приехали киевляне и сказали князю: “Быти акы в задничи кде оузримъ стягъ твой тоу и мы с тобою готови есмь”.

Игорь Ольгович, надеясь удержать Киев, послал к двоюродным братьям Владимиру и Изяславу Давыдовичам, прося помощи. Те запросили много волостей.

Заговор против Игоря Ольговича развивался по классическим канонам. Почувствовав, к чему идет дело, столичные бояре “Оулебъ тысячкою же Иванъ Воитишичь. и Лазоръ Саковский а въ Стослави полкоу. Василь Полачанинъ и Мирославъ Хиличь вноукъ” собрали вокруг себя киевлян и стали думать, как “перельстити кнзя своего”.

Послали к Изяславу II Мстиславовичу, прося идти к Киеву. При этом Изяслава II заверили, что, как увидят стяги Мономаховичей, покидают собственные стяги и побегут.

В то же время Игорю и Святославу Ольговичам окружающие неустанно твердили, чтобы шли против Изяслава II.

Изяслав II подошел к Киеву и стал у “Надово озеро. оу Шелвова борку”. С князем шел сын Мстислав II Изяславович.

Вышли из Киева Игорь и Святослав Ольговичи с полками. Киевляне стали в стороне “особно... въ Олговы могылы”.

Киевляне послали к Изяславу II и, взяв у князя тысяцкого, привели к себе. “Берендичи” переехали реку Лыбедь и взяли у Золотых ворот Киева товары Игоря Ольговича.

Игорь Ольгович съехался с братом Святославом Ольговичем, племянником Святославом Всеволодовичем, Оулебом тысяцким, Иваном Воитишичем и, сказав: “Как бог рассудит”, — распустил их по полкам.

Как только Оулеб и Иван Воитишич приехали к полкам, тотчас повергли стяги и кинулись к “жидовьскимъ воротамъ”.

Сражение окончилось, не начавшись, и разыгралась трагедия Ольговичей. Игорь Ольгович въехал на коне в болото “Дорогожичьское” и увяз в трясине. У князя болели ноги, и выбраться из болота он не мог.

Святослав Ольгович помчался к берегу Днепра, переплыл на левую сторону и спас себе жизнь. Святослав Всеволодович въехал в Киев, укрылся в монастыре св. Ирины и там был схвачен.

Гнали дружину Ольговичей до Вышгорода и берега Днепра. Всюду тех дружинников секли и топили.

Глава 12. Киев пошатнулся

12.1. Изяслав II Мстиславович (1146 — 1154 гг.)

Изяслав II Мстиславович въехал в Киев и сел на столе отца и деда в августе 1146 г. Всю Русь с киевских гор увидеть было нельзя, но она была чудесной. Росшие повсюду города стремились если не уподобиться Киеву, то хотя бы походить на него.

В середине XII в. русские города стали украшаться каменными храмами. Под Смоленском при князе Ростиславе Мстиславовиче возвели каменную четырехстолпную одноглавую церковь Петра и Павла. Храм расположили при княжеской усадьбе. Впоследствии он перешел в веденье городской общины.

В Пскове в первой половине XII в. был выстроен собор Ивановского монастыря. Это был шестистолпный трехглавый храм, следующий традициям новгородского зодчества. Но он был ниже новгородских храмов XII в. и украшен скромнее. А скромность эта вылилась в тонкое своеобразие псковской архитектурной традиции — она несколько асимметрична, но трогательно проста, по-северному строга и одновременно по-русски сердечна.

В Старой Ладогe в середине XII в. выстроили одноглавую шестистолпную церковь Успения Богородицы. При устье Волхова редко видели южнорусских князей, и строительство велось силами горожан и жителей посадов. Храм получился строгим и крепким, как сама природа, окружающая Старую Ладогу — эти ворота в необозримые просторы севера.

Во второй половине XII в. в Старой Ладогe возвели собор св. Георгия. Он во многом походит на храм Успения, но образ его одноглавого силуэта собраннее и строже своего предшественника.

Это храмы русской архитектуры. Византийское влияние претерпело на Руси столь сильное преломление, что ставить в один ряд эти две архитектурные традиции едва ли возможно без серьезных оговорок.

Однако не забывали на Руси и чисто византийских приемов в возведении храмов. Примером того может служить собор Мирожского монастыря в Пскове, строившийся в 1136 — 1156 гг. Это бесстолпная крестообразная в плане церковь, отвечающая византийской архитектурной традиции. Широкого распространения данная конструкция храмов на Руси не получила.

Русь, несмотря на усобицы князей, в XII в. оставалась в достаточной степени единым государством, объединенным одним славянским этническим типом [хотя и делившимся на отдельные весьма своеобразные союзы], языком, в котором, впрочем, уже намечались местные особенности диалектов, религией, архитектурной традицией в строительстве крепостей, зданий, соборов. Жители Галича, Перемышля или Бреста не воспринимались жителями Пскова, Смоленска или Суздаля, как люди нерусские. Напротив, именно Галиция и вышедшие из нее мастера вложили значительную лепту в становление и расцвет архитектурной традиции северо-восточной Ростово-Суздальской Руси. Купцы, монахи, воины, путешествуя по Руси, всюду находили благодетельный прием, теплый кров и ласковое слово. Иначе в столь обширной стране было невозможно ни ездить, ни жить. Широта Руси, простор ее полей и подавляющая сознание мощь лесов формировали русский характер — добрый, наполненный теплом ко всякому приходящему, но и диковатый, а подчас буйный и страшный, когда стихии народного выступления, сплотив воедино все вековые обиды рядового человека на власть, запылали подобно пожару в сухой ветреный день и займетса багровым заревом на полнебосклоне.

Прелесть русских городов можно ощутить, пройдя несколько десятков верст густыми лесами, полями, оврагами и заросшими кустарником пустошами и выйдя, наконец, к широкой речной долине, где-нибудь в бассейне Оки, в центре России, в спускающихся сумерках увидеть далекие огоньки стоящего на возвышении, над рекой, города. Сколько тепла, красоты и широты в этой картине. Русское сердце дрогнет, и на глазах выступят слезы при виде широкой панорамы, где поля, леса и небеса сливаются в единое полотно, посреди которого теплятся огоньки какого-нибудь ныне забытого города. Обленска или Дедославля. Это поэзия русского мира — неброская в деталях, но величественная и покоящая сердце в целом.

Но вернемся в Киев 1146 г., к князю Изяславу II Мстиславовичу. Время его правления изобиловало походами, войнами, и каждый год при подробном рассмотрении мог бы составить целый роман в Руси, ее быте, радостях и горе.

Первым делом Изяслав II велел позвать Святослава Всеволодовича, сына покойного Всеволода II Ольговича. Князья были “сестричи”, ибо супруги Всеволода II доводилась родной теткой Изяславу II

12.2. Скитания Святослава Ольговича

Новый Великий князь худого Святославу не сделал, но далеко от себя не отпускал.

Вторым делом Изяслава II было поймать бояр, сидевших в Киеве, в лояльности которых новый Великий князь не был уверен. “Изоимаша Данила Великого и Гюргя Прокопчя. Ивора Гюргевич Мирославля вноука” и многих иных. И “на искоупе поустыша” этих бояр.

Спустя четыре дня после занятия Изяславом II Киева в болоте “емше” несчастного Игоря Ольговича Изяслав II отправил князя в монастырь на Выдобице. Тут Игоря заковали и повезли в Переславль, где всадили в поруб в монастыре св. Иоанна.

Пока шли события, связанные со сменой власти, киевляне и дружинники Изяслава II творили свой суд. Они грабили имения Ольговичей в Киеве и в окрестных землях.

Счастливо избежавший гибели Святослав Ольгович приехал в Чернигов, но, не чувствуя себя в безопасности, оставил в городе посадника “Къстяжца” и уехал подальше от Киева и поближе к степи в Курск, а оттуда в Новгород Северский.

Половцы, узнав о случившемся в Киеве, по обыкновению послали к Изяславу II “мира просяче”.

Между тем несчастья Святослава Ольговича не закончились, а лишь начались. Из Чернигова от “Коснятко” к князю прислали сказать, что его двоюродные братья Давыдовичи “доумают о тебе хотеть яти” и ездить к ним не следует. Святослав Ольгович и ранее догадывался о корыстолюбии родни, и веские доказательства скоро были представлены.

По здравому размышлению Святослав понял, что опереться ему можно не на двоюродных братьев, а на дядю великого князя, считавшего, и не без оснований, себя обделенным киевским столом, Юрия Владимировича Долгорукого, потихоньку обживавшего Северо-Восточную Русь.

Вскоре из Новгорода Северского в Суздаль поехал гонец с приглашением Долгорукому прийти в Роускою землю”.

Одновременно к Новгороду Северскому стали складываться все, считавшие себя обделенными на Руси. Из Старой Рязани приехал Владимир Святославович, внук Ярослава Святославовича Рязанского, в свое время изгнанного Всеволодом II из Чернигова.

Подошел к Новгороду Северскому с полком и знакомый нам Иван Ростиславович Берладник — великий галицкий княжеского дома. Отозвались на призыв Святослава Ольговича половцы. Их ханы заводились родственниками по матери Святославу Ольговичу, и взаимопонимание между Ольговичами и степью было полным.

Так на берегах Десны и Сейма собралась сила, которой в Южной Руси не было места и с которой Изяславу II пришлось бороться.

Для того чтобы число врагов день ото дня не умножилось все более, Изяслав II дал Святославу Всеволодовичу “Боужьскыи и Межибожье” и пять новых городов. При этом Владимир Волынский, сто-

лицу края, великий князь у Святослава Всеволодовича отобрал.

Не успел Изяслав II уладить дела, как пришлось вспомнить о дяде Вячеславе Владимировиче, сидевшем в Турове. Бояре напомнили Вячеславу, что именно он старший среди Мономашевичей. Князь приободрился и занял все города, которые ранее у него отнял Всеволод II Ольгович. Занял Вячеслав и Владимир Волынский и посадил в нем сына своего покойного брата Андрея Ярополка.

Изяслав II не мог мириться с действиями дяди и снарядил в поход на Туров брата Ростислава Мстиславовича и Святослава Всеволодовича. Туров у дяди отняли и увели из города епископа Акима и посадника Жирослава Яванковича, а в городе оставили сына великого князя Ярослава Изяславовича.

Вячеславу Владимировичу велели сидеть в волыньском городе Пересопнице или Дорогобуже.

12.2. Скитания Святослава Ольговича

В то же время Изяслав II обратил взор на Восток от Днепра. Великий князь приехал на “снемъ” с Давыдовичами и велел им идти на двоюродного брата Святослава Ольговича. В помощь Давыдовичам Мстислав II дал сына с переяславцами и берендеев.

Поход вылился в грабеж богатого имения Святослава Ольговича. Первым делом посланники великого князя убили “Дмитра. Жирославича и Андрея и Лазоревича” и стали у “Мелтекове селе”. Тут-то и начался разгром имения. Пришедшие стали в “лесе в Порохни”. Рядом паслось громадное стадо Ольговича, состоявшее из трех тысяч кобыл и тысячи жеребцов. Скоро запылали окрестные села и затрещала пламя над дворами и полными убранного жита амбарами.

Святослав Ольгович со стороны наблюдал над занявшимся над его волостью заревом и не имел сил вступить. Князь лишь послал к Долгорукому гонца с мольбой о помощи.

Как только Изяслав II узнал, что Долгорукий выступил походом в северские земли, он тотчас послал гонца к рязанскому князю Ростиславу Ярославовичу, и тот принялся воевать волости Северо-Восточной Руси.

Юрий Долгорукий стоял в Козельске, когда узнал о действиях рязанского князя. Долгорукому пришлось вернуться в Ростово-Суздальскую землю, а в помощь Ольговичу отправить сына Ивана.

А в Северной земле продолжился разгром имений и волостей Ольговичей. Силы великого князя подошли к селу, принадлежавшему сидевшему в заточении Игорю Ольговичу. И “бе оже тоу готовизни много. въ бретьяничяхъ и в погребех вина и меда и что тяжкого товара. всякого. до железа и до меди. не тягли бяхоуть от множества всего того вывозити”.

Активно участвовали в дележе Давыдовичи. Они велели добро “имати на возы себе и воемъ и потомъ повелеста зажечи дворъ и цркъвь стго Георгия”.

Близилось Рождество Христово. Стояла глубокая зима, и сани Давыдовичей, едва влекомые лошадами от обилия товаров, скрипя полозьями, ехали к Путивлю. В городе стоял Изяслав II с “силою Киевскою”.

Пришел великий князь в Путивль не случайно. Под городом располагалась усадьба Святослава Ольговича, и едва она уступала богатством двору Игоря Ольговича. Киевляне мстили Ольговичам за годы правления Всеволода II Ольговича и разоряли их гнезда.

Имение Святослава Ольговича было обильно “немочно двигноути”. Погреба усадьбы скрывали пятьсот “берковсково медоу”. Там же стояло семьдесят корчаг вина. В княжеской церкви Вознесения “облупиша съсуды серебряныя...и книги и колоколы”. Скоро в имении “не оставиша ничто же”. В довершение поделили челядь, которой в усадьбе было семьсот человек. Не забыли поделить скот.

Святослав Ольгович оказался не просто ограблен, но был лишен возможности существования в собственной волости, ибо у него “нетоуть ни жита ни что”. И князь повернул коня на север, в леса вятичей, где еще его отец Олег и дед Святослав искали спасения от потомков Всеволода Ярославовича. Те леса давали защиту, куда более надежную, нежели стены городов Северной земли.

Святослав Ольгович от Новгорода Северского уехал к Карачеву. Часть дружины пошла за князем, часть осталась, сев по дворам и усадьбам. Ехали за Святославом и дружинники его брата Игоря. Ехали с князем жена и дети.

Стоял январь 1146 г. [январь 1147 г. по новому летоисчислению]. Вслед за Святославом Ольговичем на север двинулись великий князь, Давыдовичи, берендеи и Святослав Всеволодович — родной племянник гонимого князя. Шли среди глубоких снегов, под высоким морозным небом, от Путивля “на Севьско” [г.Севск] и далее на “Болдыж”. Это был кратчайший путь на Карачев.

Святослав Ольгович, узнав о идущих к Карачеву, выехал в дремучие брянские леса и, не теряя времени, пошел “оу Вятиче”.

С волостью Святослава Ольговича поступили так. То, что принадлежало Игорю Ольговичу, отошло Изяславу II, а то, что было за Святославом Ольговичем, Изяслав II поделил с Давыдовичами.

Зимой, сидя в холодном порубе в Переяславле, разболелся Игорь Ольгович. Он послал к Изяславу II просить постричь его. Поруб разобрали, принесли полуживого от холода и болезни Игоря в келью и постригли. Вслед за тем Игоря Ольговича перевезли в Киев, в монастырь св. Федора.

А в вятичских землях, среди снегов и стужи, продолжали ходить князья с дружинами. Стаи волков с удивлением наблюдали из-под еловых лап за сытыми конями, пар от дыхания которых застилал глухие лесные дороги.

Изяслав и Владимир Давыдовичи подошли к Брянску, а Святослав Всеволодович приехал в опустевший Карачев, где все говорило о недавнем присутствии дядиной дружины. Улицы города и посада

были устланы клоками сена и конским навозом. А дорога, уходившая на север, за лес, к Козельску, была укатана санями и истоптана множеством копыт.

Изяслав II в брянские леса не поехал и вернулся в Киев. О том тотчас донес в Козельск дяде Святослав Всеволодович. И предупредил, чтобы тот в Козельске не засиживался, ибо Ростислав Мстиславович Смоленский с Давыдовичами в Брянске до лета сидеть не собираются.

Святослав Ольгович выехал из Козельска, пересек Оку и приехал в вятичский город Дедославль, на водораздел между Окой и Доном. Но и тут князь подобно затравленному погоней зверю долго оставаться не решался. Накормив людей и лошадей, обогрившись и поев, князь выехал далее к северо-востоку, на реку Осетр.

На Осетре от Святослава Ольговича уехал Иван Берладник. Святослав дал князю-изгою, товарищу по несчастью, двести гривен серебра и двадцать одну гривну золота. Иван Берладник уехал к Ростиславу Мстиславовичу Смоленскому.

С Осетра Святослав Ольгович вышел на берег Оки к городу Колтеск [район г.Кашира]. К северу от Оки на сотни верст простирались густые заснеженные леса — владения Юрия Долгорукого. Тут дружина Ольговича вздохнула свободнее. Скоро с севера по льду Оки к Колтеску подошла помощь Долгорукого. Князь слал “тысячу Бренидьець дружины Белозерское”.

Тем временем зима, а вместе с ней и год 1146 г. склонились к завершению. В Колтеске серьезно занемог сын Долгорукого Иванко. Поход от Путивля до Колтеска сгубил юношу, и 24 февраля, в ночь на масляную неделю, Иванко умер. Утром из Суздаля приехали два его брата — Борис и Глеб Юрьевичи. Тело Иванко положили в сани и повезли к отцу в Суздаль.

Пока болел Иванко, Святослав Ольгович хотел пойти к Дедославлю, навстречу Давыдовичам. Но болезнь Иванко смутила князя, и он уехать от него на захотел. Тогда созвали вятичей в Дедославле и велели им воевать с шедшими с юга князьями.

В феврале 1146 г. Долгорукий решил отомстить рязанскому князю Ростиславу Ярославовичу. К Старой Рязани были посланы Ростислав и Андрей Юрьевичи. Рязанский князь, понимая, что уповать на помощь Киева поздно, выехал из города и пошел в степь к половецкому хану “Ельтоукови”.

В конце февраля Святослав Ольгович отпустил с дарами в степь служивших ему половцев и пошел от Колтеска вверх по Оке “на оусть Поротве в городе Лобыньске”.

В Лобынск, с чьего холма видны широкая лента быстрой полноводной Оки, устье ее левого притока Протвы и густые заокские леса, покрывающие подобно амфитеатру поднимающуюся приречную террасу, к Святославу Ольговичу приехали сани с дарами от невидимого, но могучего покровителя — Юрия. Из-под покрывал извлекли лари с “паволькою и скороу”.

Весна, а вместе с ней и 1147 г. начались походы Долгорукого на новгородский город Новый Тор

Город был взят, и далее суздальская дружина по еще стоявшему льду поднялась в верховья реки Тверцы и, минуя Вышний Волочек, вступила в долину реки Мсты. А это была прямая дорога к Новгороду.

Не дремал и Святослав Ольгович. Князь пошел долиной рек Протвы в ее верховья “и взя люди Гюлядь верхъ Поротве”. Верховьем Протвы владел Смоленский князь Ростислав Мстиславович, и воевать те земли для Ольговича было делом законным.

На берега Протвы к Святославу Ольговичу пришло приглашение от Юрия “приде ко мне брате въ Московь”. Это был небольшой укрепленный город над рекой Москвой. Ничуть не более Лобынска. Стояла Москва среди моря труднопроходимого леса, словно юная девушка, не ведавшая своей судьбы.

Святослав Ольгович обрадовался приглашению, выслал вперед сына Олега, который подарил Долгорукому “пардоушь” и с малой дружиной выехал следом в никому на Руси не ведомый дотоле город Москву.

Юрий, стоя на Боровицком холме, за деревянной городней, среди рубленных теремов, обнял Святослава Ольговича, расцеловал и устроил отдыхать с дороги. Были князья троюродными братьями.

Наутро Долгорукий “оустроити обедъ силенъ”. Отпустил Юрий Святослава с великими дарами и обещанием прислать в помощь сына.

Святослав Ольгович выехал из Москвы, спустился с Боровицкого холма, переехал реку Москву и углубился в леса, открывшие перед князем свой долог лишь на Оке при устье Протвы, там, где над низким левым берегом, затопляемым по весне талой водой, высится холм, некогда увенчанный городом Лобынском.

Святослав Ольгович долго не просидел в затерянном в земле вятичей, словно иголка в стоге сена, Лобынске и, собрав дружину “иде къ Неринскоу и перешедъ Окоу”. Местоположение Неринска непонятно. Можно лишь сказать, что в районе Каширы.

На вербное воскресенье, в пору, когда торжество вина выливается в буйство распускающейся листвы, в дружине Святослава скончался слуга его отца [Олега Святославовича] “добрый старечъ Петръ Мильничъ”. Было ему девяносто лет, и от старости он не мог залезть на боевого коня. Видимо, зимой 1146 г. в Путивля в Лобынск старца везли на санях в сене закутанного в овчинный тулуп. Бог знает, не видели ли выцветшие глаза того воина Тмутаракань, уже давно утраченную погрязшей в усобицах Русью, и инстинкту, где его князь Олег провел не один трехдневный месяц.

Изяслав II в 1147 г. поставил митрополитом Руси “Клима Смолятича”. Это был русский монах-схимник, сидевший в городе Заруб, на одноименной горе, охранявшей брод через Днепр. Был Клима книжником и философом, каких на Руси “не брать”.

Новое назначение вызвало бурю в церковной среде. Епископы Белгорода, Переяславля, Юрьева, Владимира Волынского, Новгорода, Смоленска в единый голос заявили, что нет такого закона, чтобы митрополита без благословения византий-

ского патриарха. Так оно прежде и было, но Русь XII в. уже была не та, что в XI в. Держава обрела христианство и стремилась обрести независимость в установлении иерархов. Понятно, что яростнее всех против этого возражали греки.

Пока Изяслав II настаивал на избрании нового митрополита в Киеве, в вятичском городке Неринске, затерянном между Лобынском и Дедославлем, Святослав Ольгович принимал послов от половцев, от “оцевъ его” [родственников по матери]. Приехал из степи Василий Половчин. В вежах всех интересовало, призовет ли Ольгович “к собе со силою прити”.

Приехали в Неринск “децки” из “Роуси” и сообщили Святославу, что Владимир Давыдович сидит в Чернигове, а Изяслав Давыдович — в Стародубе.

Святослав Ольгович, узнав, что за ним никто не гонится, переехал из Неринска в Дедославль. За стенами Дедославля, к югу, расстилались донские степи. В том краю были редки люди, но часты волчьи стаи. В Дедославль к князю приехали друзья — половцы Токсобичи. Князь дал в помощь половцам “Соудимира Коучебича” и Форена и послал их в верховья Угры воевать смоленские волости.

Скоро ситуация стала складываться в пользу Святослава Ольговича. Как только это почувствовали посаженные зимой по вятичским городам посадники, словно сговорившись, они побежали из “Вятичь, изъ Брянска. и изъ Мьченьска, и изъ Блеве”. Святослав Ольгович подошел к городу “Девягорьскоу” [быть может, город Болхов].

Пока Святослав Ольгович стоял у Девягорска, вятичские земли “и Добрянскъ и до Воробинь Подеснье Домагошь и Мценскъ” были освобождены от посадников Давыдовичей и склонились перед Святославом.

А из степи к Девягорску подходили охотники ополониться на Руси. Среди них летописец называет “Бродничъ”. Это могли быть славяне, настолько вжившиеся в образ воинов, бродивших между Днепром и Доном, что существование в городах и весях Руси пугало их обыденностью, что называется пуше неволи. Условия жизни Руси VIII — XIII вв. и позднейшей России XIV — XIX вв. по большому счету на южных рубежах были схожи, и бродившие без семей и домов русские воины, для которых пика и конь составляли все достояние, а ковыльная степь была отчизной, были явлением для Руси естественным и даже необходимым.

Подошел к Девягорску и Глеб Юрьевич из Суздаля. Князья сели на лошадей и повели дружины к городу Мценску.

Когда Святослав Ольгович погнался за Изяславом Давыдовичем, у города Спаш [быть может, г.Спас у современного г.Орел] Давыдовичи от своего имени и от имени Святослава Всеволодовича послали к Святославу Ольговичу гонца с речью: “Боудемы вси за одинъ моужь и не помяни злобъ нашихъ. а крсть к намъ целоуи”. Отчину Святославу Ольговичу обещали вернуть, как и взятое имущество.

Не остыл еще крест, который целовали Ольговичи и Давыдовичи, как из Чернигова в Киев к вели-

кому князю уже скакал Изяслав Давыдович с сообщением, что Святослав Ольгович занял "Вятиче". Изяслав Давыдович стал просить Изяслава II Мстиславовича выступить на Суздаль против дяди. Великий князь не заставил себя долго упрашивать. Однако о целовании креста в Киеве еще не знали.

Святослав Всеволодович оставался под зорким оком бояр великого князя и держал пожалованные ему города на западе Руси "Божьски. и Мечибие Котелницю а всих пять городоу". Но тянуло князя в Чернигов, чувствовало его юное сердце, что место его по левую сторону Днепра, среди бояр отца, среди половцев и вятичских лесов. Князь сказал Изяславу II, что намерен просить волости у Давыдовичей. Великий князь подумал, да и пустил Святослава Всеволодовича впереди себя к Чернигову.

Когда великий князь объявил киевлянам, что намерен идти на Суздаль, на дядю Юрия Владимировича Долгорукого, сына Монамаха, киевляне ответили: "Кнже не ходи с Ростиславом на стряя своего. лепле ся с нимъ оулади Олговичем веры не ими..." Изяслав II такому ответу был не рад, и киевляне пояснили: "Кнже ты ся на нас не гневаи, не можемъ на Володимире племя роуки въздаяти".

Решили идти не на Долгорукого, а на Ольговичей. Против этого киевляне никогда не возражали.

Вышли к реке Лто и двинулись далее к "Снежатиноу и отгъ Нежатины" шли до "Роусотины". К Чернигову послали Оулеба.

Киев тем временем охранял брат великого князя Владимир Мстиславович. А началось вот что. Оулеб в Чернигове узнал, что Давыдовичи целовали крест к Святославу Ольговичу. Стало понятно, что просьба Давыдовичей к Изяславу II идти на Юрия — ловушка. На самом деле черниговским Давыдовичам было "любо яти во Игоря место" самого Изяслава II [то есть всадить Мономашевича в поруб].

Изяслав II был "оубити лестью". Придя в себя, он послал в Чернигов к Давыдовичам за объяснениями. Те искренне ответили, что им жаль Игоря, и сами задали вопрос великому князю, понравилось бы ему, если бы держали в неволе его брата. Изяслав II "поверже имъ грамоты хрстьяны". Это означало разрыв.

Изяслав II послал гонца в Смоленск, прося Ростислава не выходить на Юрия, но идти в Киев. Еще один гонец от стен Чернигова поехал в Киев, к Владимиру Мстиславовичу и к тысяцкому "Лазореву". Надлежало собрать горожан у св.Софии и объявить им о лести черниговских князей. Изяслав II просил киевлян идти к нему в помощь под Чернигов, у кого есть конь — верхом, иных плыть в ладьях.

Киевляне не отказали в помощи Изяславу II, но прежде решили уладить одно дело. Вспомнили об Игоре Ольговиче, сидевшем в монастыре св.Федора в Киеве. За Игоря вступились Владимир Мстиславович, тысяцкий Лазарь, Рагоуило [тысяцкий Владимира], митрополит. Но куда там.

Владимир выхватил Игоря из рук толпы и укрыл во дворе своей матери. В начавшейся драке стали бить Игоря, когда Владимир вступился, досталось и ему. И тут вмешался некий Михаил. Князья вос-

пользовались заминкой и ускользнули за ворота двора. С Михаила же сорвали цепь с крестом, тянувшим на золотую гривну. Скоро сломали ворота во дворе княгини, схватили Игоря, и ему пришла погибель.

Игорь Ольгович еще дышал, когда его нагого повергли на землю, связали "оужемъ" ноги и "оуворозиша" поволокли со двора княгини Мстиславны через Бабин торжок на княжеский двор. Там князья добились. Тело Игоря положили на "кола", привезли на Подол, на торговую площадь, и подвергли поруганию. Как удивительно схожи народные выступления.

Владимир Мстиславович послал тысяцкого за телом Игоря. Погребли Игоря Ольговича в монастыре св.Семеона, на окраине Киева. Это была обитель, пользовавшаяся особым вниманием черниговских потомков Святослава Ярославовича.

Весть о гибели Игоря застала Изяслава II в верховье реки Супой. Князь сказал среди прочего: "... а тамо намъ всим быти".

Сын великого князя Мстислав II Изяславович в ту пору сидел в Курске. Когда куряне узнали, что к их городу подходит Святослав Ольгович с сыном Долгорукого Глебом, они заявили Мстиславу II то же, что и киевляне его отцу: рады биться с Ольговичами, но на племя Мономаха руки поднять не можем. Мстислав II выехал из Курска, и в городе сел посадник Долгорукого.

Вслед за тем Глеб Юрьевич со Святославом Ольговичем подошли к городу Вырю и также посадили посадника. Город Папаш пришлось брать штурмом, ибо горожане никаким князьям открывать ворота не желали, боясь половцев. А город "Бяхань" и иные города в долине нижнего Сейма и верхней Сулы избежали сдачи.

К Изяславу II подошла помощь от дяди Вячеслава Владимировича из Владимира Волынского. Великий князь отступил к Переяславлю и там узнал от гонцов, что его младший брат Ростислав идет от Смоленска и уже сжег Любеч ["Любець"].

Изяслав II встретился с Ростиславом у Черной могилы. Князья решили идти в верховья Сулы навстречу Ольговичам. Как только о том стало известно в лагере Святослава Ольговича, большая часть половцев ночью ушла в степь. Святослав с оставшимися союзниками пошел на "Глебль к Чернигову" [Глебль располагался между верховьями Сулы и Черниговом].

Изяслав II, узнав о происходящем в стане противника, сел думать с дружиной и братом, куда двигаться. Черные клобуки [тюрки, севшие в XII в в поросье и служившие Киеву] посоветовали идти в Всеволожу [город, лежащий между Черниговом и Глеблем] "перекы" [наперекор] неприятелю. Однако Ольговичи предусмотрительно обошли Всеволож стороной. Изяслав II и Ростислав подошли к Всеволожу и взяли город на шит.

Когда в ближайших к Всеволожу городах "Оумиже. Белавежа. Бохмачь" стало известно о случившемся, население этих городов и многих иных побежало полем к Чернигову. Но уйти от дружины

Мстиславовичей в чистом поле было непросто. Брошенные города занялись зловещим заревом.

Жители Глебля, узнав о судьбе соседей, заперли ворота и принялись с утра до вечера отбивать приступы воинов великого князя. Город устоял, а Мономашевичи пошли в Киев.

Ростислав должен был вернуться в Смоленск. Прощаясь, Изяслав II наказал Ростиславу стоять на берегу против Долгорукого. Сам великий князь обещал управиться с Ольговичами и Давыдовичами.

Когда мороз заковал льдом реки, Ольговичи и Давыдовичи послали дружину с половцами на Днепр "воевать" город Брагин. Видимо, это была месть за сожженный Любеч. А Глеб Юрьевич занял городец Остерский, некогда принадлежавший его отцу.

Изяслав II, узнав о том, просил Глеба приехать в Киев. Глеб, напротив, послушав боярина Жирослава, поехал к Переяславлю, уверовав, что горожане тому будут рады. В Переяславле сидел Мстислав II Изяславович. Когда его дружинники вошли в палаты, князь лежал. Ему сказали: "Не лежи княже. Глебъ ти пришелъ на тя".

Глеб подступиться к Переяславлю не решился. Мстислав II, выехав из ворот, погнался за гостями и настиг Глеба у Носова, на реке Роуде [быть может, река Носовка к юго-западу от г.Нежин]. Глеб, потеряв несколько дружинников, успел скрыться в Городце Остерском.

Зимой Изяслав II подступил к устью реки Остер. Помощи из Чернигова Глеб не получил. Великий князь простоял под Городцем три дня, пока Глеб не выехал из ворот и не поклонился Изяславу II.

Когда Изяслав II вернулся в Киев, Глеб послал к Владимиру Изяславовичу сказать, что целовал крест к великому князю поневоле.

12.3. События 1148 г.

В 1148 г. князья продолжили выяснение отношений. В марте, в пору, когда еще глубок снег и крепок лед на реках, Изяслав II собрал полки с правобережья среднего Днепра, из Волыни, привел помощь из Фоприи, призвал берендеев и выехал из Киева на восток к Чернигову.

Ольговичи и Давыдовичи, заперевшись по городам, не смели дать Изяславу II сражение. Стали думать великого князя "воевать" Северские земли "и до Боловосо".

Поняв, что из Чернигова никто не выйдет, Изяслав II решил идти к "Любчю" [Любечу] "идеже ихъ быти вся жизнь". Переход от Чернигова до Любеча занял пять дней.

Тем временем черниговские князья приободрились, собрались с силой, дождались половцев и рядовских родственников и также подошли к Любечу. Тут черниговские князья "заложилась" рекой [приходом Днепра] и начали перестрелку с силами Изяслава II.

Весна входила в права. Ночью шел дождь, а наутро Изяслав II с тревогой обнаружил, что лед на

Днепре "казится". Великий князь был мудр и опытен и в сражениях, и в жизни и в тот же день обратил внимание воинов, что Днепр за их спинами "располываесть".

Стоило Изяславу II с полками перейти на правый берег, как наутро Днепр "роушился". Начался весенний ледоход, и льдины, со страшным треском ломая друг друга и наползая одна на другую, устремились к югу, к порогам. Долины рек наполнились вешней водой. Дороги стали труднопроходимы, превратившись в месиво из глины и кусков смерзшегося пористого, ноздреватого снега. Приехав в Киев и сев в тереме у очага, Изяслав II поблагодарил бога за благополучный исход дела, ибо "бе ледъ лихъ." и отправил гонца в Смоленск к брату Ростиславу с рассказом о зимних делах.

Венгры, охотно ходившие на Русь, но часто терпевшие урон, и на этот раз потеряли нескольких воинов, провалившихся под лед на озере, видимо, бывшем старицей Днепра. Вернувшись на родину, венгры едва сожалели о походе. Кто-то вез с Руси наложицу, кто-то гривны, а кто-то целую голову и был рад.

Ольговичи и Давыдовичи были напуганы и раздосадованы событиями весны 1148 г. Отправили послов к Юрию, коря суздальского князя за то, что не подал помощи, а угрожал Ростиславу Смоленскому.

Глеб Юрьевич выехал из ворот Городца Остерского и пустился вскачь к Переяславлю да едва ушел от Мстислава II Изяславовича. Когда ворота Городца Остерского закрылись за Глебом, князь понял, что многих из своей дружины увидеть уже не доведется. Скоро Глеб и сам бежал в Чернигов.

По возвращении послов из Суздаля Давыдовичи и Ольговичи, поняв, что помощи от Долгорукого не будет, стали слать послов в Киев. Скоро Изяслав II услышал такие речи: "Мирь стоять до рати, а рать до мира...оже есмы оустали на рать".

Дело было и в том, что весна звала крестьян в поле пахать, боронить, сеять. Война истощала не только крестьянские дворы и амбары, но и княжеские усадьбы. Словом, было время — воевали, и делали то на Руси по преимуществу зимой, а пришло время "оуладили".

Изяслав II снесся с Ростиславом, прося совета, и из Смоленска пришел ответ: "Оумирися".

Вскоре из Киева выехало духовенство, и в Чернигове Ольговичи и Давыдовичи целовали к великому князю крест, обещая "ворожбоу про Игоря отложити. а Роускоу земли блюсти. и быти всимъ за одинъ братъ".

Лето 1148 г. прошло мирно, урожаи собрали, и осенью, в пору, когда на полях желтели стога, а лес подернулся многокрасьем отживавшей листвы, у Городца Остерского съехались Изяслав II и два Давыдовича — Владимир и Изяслав. Скоро в окружении великого князя появился старший сын Долгорукого Ростислав Юрьевич. Этот князь пожаловался Изяславу II [а были они двоюродными братьями], что отец не дал ему волости в Суздальской земле. Не знаю, подумал ли тогда Изяслав II, что его гость мог лу-

кавить, но дал приехавшему города “Божьскыи. Межибжие. Котелницу. и ина два города”.

Сидя за столом в Городце Остерском, Изяслав II напомнил Давыдовичам о крестном целовании и объявил, что зимой выходит в поход на Долгорукого. Суздальский князь обижал Новгород, отнял у города дани “и на поутех имъ пакости деять”. А пути новгородцев нередко пролегли по верхней Волге, и тут уж Суздаль не давал проходу.

План зимнего похода был таков. Как станет на реках лед, Давыдовичи со Святославом Ольговичем пойдут к Ростову через земли вятичей. Изяслав II выступит к Смоленску, к брату Ростиславу. В итоге всем надлежало “снятися на Волзе”.

Съезд в Городце окончился пиром. Изяслав II собрал за столом князей и бояр и дал им обед “и прибывше оу весельи и оу любви”. На том князья разъехались.

Мир потомки Мономаха и Олега решили скрепить брачными узами. Ростислав попросил у Святослава Ольговича дочь за своего сына Романа. 9 января 1148 г. из Новгорода Северского в Смоленск привезли Святославу и тут же повенчали с Романом.

Когда полки собрались в Киеве и Изяслав II выехал из столицы, великий князь обратился к Ростиславу Юрьевичу, прося его идти в “Божьскыи” и не возвращаться в Киев до окончания похода. Изяслав II добавил, прощаясь, “постережи земле Роуской оттоле”. Киев остался стеречь младший брат великого князя Владимир Мстиславович.

Переяславль — форпост Изяслава II в левобережном поднепровье — продолжал удерживать Мстислав II Изяславович.

Когда со стен Смоленска увидели стяги Изяслава II, город возликовал, Изяслав II одарил Ростислава дарами “от Роускыи земле и от всех црьских земель” [из Греции]. Ростислав преподнес брату дары от “верхнихъ земель и от Варягъ”.

Изяслав II недолго пробыл в Смоленске и с малой дружиной ускакал в Новгород. Великого князя встретили со слезами. Новгородцы вышли к Изяславу II за три дневных перехода от города. А за один дневной переход горожане “всеми силами оусретоша” великого князя. Среди бескрайних лесов, глубоких снегов, лютых морозов Изяслав II погрузился в море любви и слез. Бороды, мохнатые шапки, кони, собольи и бровровые шубы, сани, монашеские скуфейки — все смешалось в тот день под стенами Новгорода. Северяне умели крепко любить, но умели и крепко ненавидеть. И все проявления душевных порывов русского человека, а тем более новгородца, не знали границ — либо целует и плачет, либо бьет так, что ни головы, ни ног потом не найти.

В Новгороде Изяслава II ожидал сын Ярослав. Великого князя прежде всего повели в Софию, и там, стоя на хорах, среди кряжистых, словно дубы, своенравных и одновременно способных на беззаветную преданность новгородских бояр, Изяслав II прослушал обедню. Вслед за тем по улицам Новгорода побежали “подвоискеи и бириче” великого

князя, созывая народ на обед. Это был славный пир, и никто не держал на соседа под кольчугой кинжала.

На следующий день утром на Ярославовом дворе собралось вече новгородцев и псковичей. Изяслав II услышал на нем: “Ты наш кнзь ты наш Володимиръ, ты наш Мьстиславъ. ради с тобою идемъ своихъ деля обидь”.

Изяслав II выступил с новгородцами, псковичами и с союзными Новгороду карелами к устью Медведицы. Через четыре дня туда же пришел и Ростислав Смоленский “съ всеми Роускыми силами” и со смолянами.

Великий князь стал двигаться вниз по замерзшей Волге и отправил послов к Юрию. Из Суздаля ответа не последовало, и посол не вернулся. Тем временем Изяслав II подошел к волжскому городу Кснятину. Скоро стало ясно, что Юрий мириться с племянником не спешит. И пошли воевать вниз по Волге до “Оуглече поле.” и далее до устья Мологи.

Сюда к Изяславу II пришла весть, что Давыдовичи со Святославом Ольговичем стоят в “своих Вятичехъ”, ждут, чем дело кончится. К устью Медведицы, как было условлено, черниговцы идти не собирались.

Изяслав II от устья Мологи пустил новгородцев и “Роусь” воевать дядины земли ниже по Волге вплоть до Ярославля.

Тем временем наступила весна, и в вербное воскресенье “быс вода по Волзе и по Молозе по Чреве коневи на ледоу”.

Изяслав II с Ростиславом, пока новгородцы отводили душу под Ярославлем и полонились, решили “оже юже реки ся роушають” пора идти домой. Ростислав выступил к Смоленску, а Изяслав II пошел к Новгороду и так разошлись “во свояси”.

В Киеве Изяслава II ожидали с нетерпеньем. О Ростиславе Юрьевиче, сыне Долгорукого, поведали великому князю, что, помоги господь Долгорукому зимой, не видать белого света семье Изяслава II. Бояре объяснили, что пригрел Изяслав II врага на свою голову.

Разговор Изяслава II с Ростиславом Юрьевичем состоялся на днепровском острове, напротив собора Михаила, что в Выдобицком монастыре. Великий князь послал за Ростиславом “насадъ” [лодку] и поместил его в шатре “особно”.

Разговор двоюродных братьев был краток. Ростислава с четырьмя отроками посадили в насад и отправили прочь от Киева. Дружину и “товару отяша”.

Нетрудно представить, каков был разговор Ростислава с отцом в Суздале. Впрочем, Долгорукий без того был готов к походу на племянника.

12.4. Юрий Долгорукий выступает к Киеву

24 июля 1148 г. из Залесской земли в вятичские леса выступила сила Ростово-Суздальской Руси. В ту пору Залесский край еще оставался далекой деревянной провинцией златоглавой Руси Киева, Чернигова, Владимира-Волынского.

Между Ольговичами, Давыдовичами и Киевом начали ездить гонцы. Святослав Ольгович спросил Юрия “въ правдоу ли идиши”. А Изяславу II Святослав Ольгович сказал — возврати именье Игоря Ольговича, тогда буду с тобой. Давыдовичи держали сторону Изяслава II.

Юрий Долгорукий стоял у “Ярышева”, когда к нему приехал Святослав Ольгович. Князья вместе обедали. В те дни у Святослава родилась дочь Мария.

Под Ярышевом на обеде решили, что Изяслав II общий враг, и стали слать послов к Давыдовичам. Те “отрекостаясь” от Юрия и послали в Киев сказать, что Долгорукий близко.

Юрий пришел к Беловеже Старой и стоял тут месяц, ожидая половецкой помощи. Далее Юрий пошел к реке Супой. На Супой съехалось множество половецких дружин, и подошел понуждаемый дядей Святославом Всеволодовичем.

Изяслав II дождался Ростислава у Витачева и перешел Днепр. Юрий двинулся было к Переяславлю да не прошел и стал у “Кудьнова селца... перешедше Стряковъ”.

С великим князем от Витачева шел Изяслав Давыдович, хранивший верность Киеву. Когда Изяслав II подошел к реке Лто, ему сообщили, что неприятель в полудне пути и движется через “Стряковъ къ Городоу”.

Когда полки Изяслава II стали по берегу реки Трубеж под Переяславлем, Юрий Долгорукий уже три дня стоял “оу Стрякве”.

На заре наступившего дня неприятели “исполчились” и стали между переяславскими “валома”, по обе стороны от Трубежа. День бились о реку стрельцы. Юрий прислал к Изяславу II гонца с укором и с просьбой отдать Переяславль. Изяслав II не согласился.

На следующий день Изяслав II отслушал обедню в храме Михаила и, выходя из храма, услышал слова выходящего епископа — помирись с дядей, много спасения примешь от бога и землю избавишь от великой беды. Великий князь “ста на болоньи” и товары поставил “за огороды”.

Юрий стал “за Янциномъ селцемъ”.

23 августа произошло сражение. Изяслав II перешел Трубеж и двинулся на Юрия. Суздальский князь стал отступать, но, увидев подхвачившие полки неприятеля, повернулся, поставил сыновей по правую руку, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича по левую и “поидоша полци к тебе яко слнцю въсходящю”. Началось ожесточенное сражение.

Первыми от Изяслава II побежали “Поршане”. Затем отвернул коня Изяслав Давыдович. Дрогнули и желавшие сражаться с Долгоруким киевляне “и быс лестъ въ Переяславцехъ рекоуче Гюрги намъ”.

Изяслав II сражался, как лев. Великий князь прогнанный через полки Святослава Ольговича и Юрия увидел, что его полки бегут.

Изяслав II перешел Днепр вброд у Канева “толкомъ третии” и поехал в Киев.

Юрий Долгорукий вошел в Переяславль, помолвился в храме Михаила и на третий день выехал к Киеву.

В Киеве горожане просили Изяслава II и Ростислава Мстиславовичей не губить их окончательно, а идти в свои волости. И заверили князей, что, как увидят их стяги, “ту мы готовы. ваю есмы”.

Изяслав II с женой и детьми поехал во Владимир Волынский. С князем на Волынь ушел поставленный им ранее митрополитом Клим Смолятич из Заруба.

Ростислав простился с братом и с остатками полка поехал в Смоленск.

12.5. Юрий Долгорукий занимает Киев

Когда Юрий Владимирович Долгорукий поставил стяги под киевскими горами, на лугу, против куполов церкви Михаила, из городских ворот к князю пошел народ. Киевляне поклонились новому великому князю.

Скоро в столицу приехали союзники Долгорукого — Владимир Давыдович и Святослав Ольгович. Юрий отдал Святославу Ольговичу волости: Посемье с Курском, “сновскоую тысячу” [отнятую у опального Изяслава Давыдовича], “Слоучьскъ и Кльчьскъ и вси дрегвиче”.

Уладив дела с союзниками, Юрий занялся собственными детьми. Старшему Ростиславу дали Переяславль. Андрея [Боголюбского] посадили в Вышгороде. Бориса отправили в Белгород, Глеба — в Канев. Василек же поехал княжить в отцовский Суздаль.

Казалось, что отныне Киевская Русь от потомков Мстислава I Владимировича перейдет в руки потомков его младшего брата Юрия Владимировича. Но...дело было не только в том, какой князь сядет в Киеве, но и в том, как тесно он связан с местным боярством, духовенством и всем миром. За Долгоруким в Киеве признали силу, но едва ли князья полюбили. В конечном счете триумф закончился для Юрия гибелью. Впрочем, обо всем в свое время.

Изяслав II, сев во Владимире Волынском, принялся слать послов в Венгрию, Чехию и Польшу, прося помощи. Гейза II венгерский [зять Изяслава II], Владислав II чешский и польские князья Болеслав, Межко и Индрих вскоре прислали ответы. Гейза II обещал прислать полки. Польские князья обещали прийти вдвоем, а третьего оставить стеречь землю. Владислав II обещал прийти сам с полками. И вновь в соседние королевства с Волыни помчались гонцы. На этот раз позади них ехали сани с ларями, скрывавшими богатые дары.

Изяслав II просил венгров выступить на Рождество. Гейза II выслал десять тысяч войска, сам же решил подступить к Галиции, дабы сковать инициативу тамошнего князя.

Из Польши выступили Болеслав и Индрих. Межко остался стеречь землю от “прусь”.

Стало известно Изяславу II и то, что его дядя Вячеслав и Юрий Владимировичи ужиться не могут. Это был добрый знак князю.

Юрий Долгорукий зимой был в курсе сношений Изяслава II с союзниками и привел на Русь половцев.

Когда венгры, чехи и поляки съехались на Воынь, Изяслав II дал им обед и наутро союзники выступили к Луцку. Простояли у того города три дня. Тем временем к Пересопнице ехали два сына Долгорукого Ростислав и Андрей. Они должны были подать помощь союзнику отца Владимиру Володарьевичу Галицкому, шедшему к Шумску.

В Пересопнице сидел Вячеслав Владимирович. Вскоре к нему приехал Юрий.

Изяслав II с союзниками от Луцка пришел на "Черемина на Олыче". Тут поляки, венгры и чехи стали слать гонцов к Долгорукому с просьбой помириться с племянниками. Результата те действия не возымели, и союзники разъехались по своим королевствам.

Изяслав II требовал от Юрия "всех дани к Новгороду". Долгорукий ответил отказом.

Юрий с Вячеславом и сыновьями выступили к Луцку. Впереди шли Ростислав и Андрей Юрьевичи. Став на ночь у "Муравици", половцы с воеводой Жирославом бежали прочь, ибо до света в лагере был "пополох золь". Андрей Юрьевич, дождавшись рассвета, понял, что тревога была ложной, и поблагодарил бога за крепость духа. Тем не менее Юрьевичи отступили к Дубне и стали ждать помощи от отца.

В Луцке сидел брат Изяслава II Владимир Мстиславович. Долгорукий осадил Луцк и простоял под его стенами шесть недель. Изяслав II понимал, что должен подать помощь брату, и собрался выступить к Луцку. И тут из Галича подошел Владимир Володарьевич и стал между Владимиром Волынским и Луцком "на Полонои".

Изяслав II стал сноситься с Владимиром Володарьевичем, прося хлопотать перед Юрием о мире. Против мира выступил обиженный на днепровском острове Ростислав Юрьевич. Андрей же стал просить отца помириться с племянником. Обратился к Юрию и Вячеслав, говоря, что его волости будут сожжены, если не будет мира и Юрий не уедет в Киев.

Юрий решил пойти на мир. Дани новгородские условились вернуть Изяславу II. Осаду с Луцка сняли, и силы Долгорукого вернулись в Пересопницу.

В Пересопницу к дядьям приехал Изяслав II. Целовали крест. Решили, что все взятое в сражении под Переяславом должно быть возвращено хозяевам. Изяслав II послал тиунов искать челядь и скот "своего деля товара". Юрий того "не оуправи". Изяслав II стал жаловаться дяде Вячеславу на Юрия, и в том была сокрыта угроза.

Так закончился 1149 г. Наступила весна 1150 г. Князьям пришло время мириться, ибо освободившаяся из-под снега земля ждала крестьянских рук.

Весной 1150 г. Юрий Долгорукий выдал дочь Святослава Ольговича. А другую дочь Юрий выдал за галицкого князя Ярослава Владимировича, впоследствии прозванного Осмомыслом. Так были укреплены русские приоритеты в политике Ростово-Суздальской земли. Изяслав II с братьями и детьми оказался в клещах между Суздаем, Черниговом и Новгородом Северским на востоке и Галичем на западе.

Юрий хотел посадить на стол в Киеве старшего брата Вячеслава, да бояре отговорили, сказав не будет Киева ни ему, ни тебе. Похоже, что Долгорукий скучал по Суздаю и Ростову. Юрий вывел сына Андрея из Вышгорода и посадил в город Вячеслава.

На Воыни, в городах погорынь, в Пересопнице и Дорогобуже, далеко на запад от отца и братьев сидел сын Юрия Глеб.

Этот князь стоял выше Пересопницы [по течению р. Горынь] "на Стоубле" с "товары", когда дружина Изяслава II подобно внезапно налетевшему ветру нагрязнула, и Глеб едва успел спастись за городскими стенами. Товары, коней и дружину Юрьевича "заяша" Изяслав II.

Находясь посреди воынской равнины, Глеб не смел и помышлять о борьбе с Изяславом II. Глеб выехал, поклонился и был приглашен на обед к Изяславу II. Вместе князья выехали на восток к Дорогобужу. Изяслав II велел смотреть за Глебом сыну Мстиславу II. Молодые князья поехали далее на восток, и когда достигли города "Коречьска" [Корчак-Корец], что в бассейне реки Случь, Мстислав II сказал Глебу — ездай к своему отцу, а то волость [Воынь] отца моего по реку Горынь.

Глеб поехал к отцу на "Оушеск", в верховья реки Уж, в дебри древлянских лесов.

Изяслав II двинулся на "Гольско-да Кунилю". Это был рубеж, шедший по реке Случь и отделивший Воынь от земель киевского княжества. Сюда к Изяславу II с Роси приехали черные клобуки.

Юрий Долгорукий оказался не готов к новой схватке с племянником и, взяв сыновей, переплыл Днепр и поехал в Городец Остерский.

12.6. Изяслав II возвращается в Киев

Путь от реки Случь до Киева недолог, и скоро Изяслав II беседовал с дядей Вячеславом, сидевшим на сених своего дома в столице. Поначалу Вячеслав заявил, что скорее умрет, нежели поедет в Вышгород. Но делать было нечего, и волю племянника пришлось исполнить.

Изяслав II посадил сына Мстислава II в Канев и велел ему добывать Переяславль. Тот город удерживал Ростислав Юрьевич, и как только он прослышал о намерении Мстислава II, тотчас отправил гонца к отцу в Городец Остерский, прося помощи.

К Переяславлю из устья реки Остер выехал Андрей. Ростислав оставил брата в городе, а сам с дружиной поехал к Сакову ловить половцев Турпесов, шедших на помощь к Мстиславу II.

Тем временем Долгорукий отправлял послов к Давыдовичам и Ольговичам, прося поддержки.

А Изяслав II стал слать людей в Вышгород к дяде Вячеславу. Изяславу II доложили, что из Галиции выступил союзник Долгорукого Владимир Володарьевич и уже "перешел Болохово. идет мимо Мунари к Володареву". Галицкий князь обходил Воынь с юга, минуя враждебные волости.

Изяслав II послал к Мстиславу II, веля собрать брандеев, а сам с боярами поехал в Вышгород к Вячеславу, прося дядю сесть на стол в Киеве. Вячеслав гневно спросил племянника, почему не дал в другое время.

Изяслав II с братом Владимиром, сыном Мстиславом II, полком дяди Вячеслава и киевлянами выехал к юго-западу от Киева к пригородной крепости Звенигород. Стало известно, что галичане идут через "Перепетово". Изяслав II выехал к Туману на рубеж реки Стугны. Сюда из поросья подошли черные клобуки, предварительно заперев жен и детей по городам.

Спустя два дня Изяслав II перешел реку Стугну в речку Олшаницу. Галицкий князь стоял в верховьях Олшаницы. Началась перестрелка. Тут от Изяслава II стали уходить черные клобуки и киевляне, говоря: "Ты наш князь, коли силен будешь, а мы с тобою, а мы не твое время, поеди прочь".

Изяслав II вернулся в Киев и застал на дворе Ярослава дядю Вячеслава Владимировича. Князья сели обедать. Тем временем Долгорукий с Давыдовичами и Ольговичами стоял на левом берегу Днепра, против киевских гор.

Киевляне стали в "насадех" перевозить дружину Юрия на Подол.

Изяслав II с Вячеславом условились, что один пойдет во Владимир Волынский, а другой — в Вышгород. Изяслав II велел дружине собираться у "Дорожичь" и, дождавшись ночи, выехал из Киева.

Галицкий князь целовался с Долгоруким, Ольговичами и Давыдовичами "Оу Сетомля на болонь". Не забыли и о Изяславе II. В погоню за ним послали холодежь — Святослава Всеволодовича и Бориса Юрьевича. Князья гнались за Изяславом II до "Червоного леса".

Владимир Галицкий, как подобает русскому князю, объехал киевские соборы и монастыри и поклонился праху прапрадеда Ярослава и его отца Владимира I.

Тем временем Изяслав II занял города по реке Горынь и, оставив в Дорогобуже сына Мстислава II, уехал во Владимир Волынский.

Возвращаясь в Галицию, Владимир Володарьевич взял с собой сына Долгорукого Мстислава. Когда галичане подошли к Дорогобужу, Мстислав II Изяславович убежал из города в Луцк. Тут сидел брат отца Святополк. Скоро со стен Луцка увидели галичан. Но на приступ или осаду галичане не решились и скоро удалились в свои земли.

В городе Пересопнице, как и в начале года, воцарился сын Долгорукого Мстислав.

12.7. Юрий Долгорукий снова в Киеве

Наступала осень. После встречи сентябрьского праздника воздвижения креста Господня Русь стала ожидать зиму.

Юрий дал сыну Андрею [Боголюбскому] города Туров, Пинск, Пересопницу. Андрей сел в Пересопнице. Позже этот период в жизни Андрея отзовется в истории ростово-суздальских земель. В жизни ничего не бывает случайного и ничто не проходит без следа.

С началом зимы Русь укрылась снегом, стали подо льдом реки, укатали санями дороги, и князья в городах не могли усидеть спокойно. Зима издревле на Руси была временем жатвы, только не хлебной, а ратной. Накормленные овсом кони храпели по конюшням. Князьям не спалось, их тянуло в походы.

А Русь, укрытая толстым снежным одеялом до крыш, дышала печными трубами и дымоходами курных изб и, казалось, уснула до весны.

Изяслав II стал слать в Пересопницу к Андрею, прося хлопотать перед отцом за волости по реке Горынь. А в Венгрию Изяслав II отправил брата Владимира просить короля "полези же на коне". Венгры стали собираться в зимний поход на Русь. О том стало известно галицкому князю, стоявшему у города Белз. Зная, что венгры прошли Карпаты и взяли город Санок, князь помчался к городу Перемышль. Села вокруг Перемышля уже грабили, а в обозе венгров на санях со связанными руками и ногами сидел посадник из Санока.

Владимир Володарьевич не решился на войну с венграми и поступил так. Князь послал множество золота епископам и придворным венгерского короля. И "оумолвиша короля поити домови". Король и сам стал подумывать о том, что реки "смерзывают" и лучше "поидемь домови".

В Венгрию с королем поехал брат Изяслава II Владимир. Князю в Венгрии подыскали невесту "оубана дочь".

Отправляя Владимира на Воынь, Гейза II сослался на то, что "явиши црь на мя Грецкыи вьставает ратью" и зимой и весной король не выступит на Русь.

Изяслав II послал пришедших с Владимиром венгров "на покормь" к городу Устилуг и принялся хлопотать по организации свадьбы брата и венгерской бановны "и быс радость велика и веселие".

Зимой Святослав Ольгович увез останки брата Игоря из церкви св. Семена в Копыревом конце Киева в Чернигов и упокоил их в соборе св. Спаса.

Торжества во Владимире Волынском закончились тем, что Изяслав II вновь отправил брата Владимира в Венгрию за помощью. Владимир в ту же зиму вернулся на Воынь с десятью тысячами венгерских всадников. Вскоре Изяслав II выступил к Киеву.

Он вновь подошел к Пересопнице, где сидел Андрей Юрьевич. Полки стали выше города, по реке, и зажгли "зареческ", и тут Изяславу II стало известно, что из Галиции выступил Владимир Володарьевич.

Дружина заволновалась, и Изяслав II произнес: “Вы есте по мне из Рускы земли вышли своих сель и своих жизни лишився”. О себе князь сказал, что либо голову сложит, либо “очину свою налезу. и вашу всю жизнь...”

Стеречь Владимир Волынский остался брат Изяслава II Святополк Мстиславович.

Жители Дорогобужа встретили Изяслава II с крестами и поклонами. Горожане испугались венгров. Изяслав II объяснил, что водит венгров не на своих людей “но кто ми ворогъ на того вожоу”.

Перешли реку Горынь и, одолев водораздел с рекой Случь, полки Изяслава II подошли к городу “Коречьску” [Корец]. Горожане вышли навстречу князю с поклонами. Князь обошел город и, не дойдя до русла Случи, стал лагерем. Впереди были земли Киева.

В то время Владимир Володаревич послал к Андрею Юрьевичу Васильку Ярополковича [кто — не ясно], и князья встретились у “Милеска” [быть может, Млинов].

Изяславу II сообщили, что неприятель стоит у него в тылу, у Дорогобужа, и переправляется через Горынь.

Ждать далее было нечего, и Изяслав II решил идти на Киев. Полки перешли Случь и двинулись через “Чертовъ лесъ” к городу Ушица. Стоило полкам и обозам Изяслава II переправиться через реку Уж, как на оставленном берегу появились стрелки галицкого князя. Изяслав II выставил своих стрелков, и начали через реку биться.

Изяслав II из-под стен Ушицы подошел к “Стослави Кринице”. От пленного узнали, что галицкий князь укрылся в лесу. Решили сражения ему не давать. Полки галичан и волынян разделяла река Уж.

В наступившей ночи разложили костры. Изяслав II с дружиной решил ночью двинуться к городу Мичску на реку Тетерев. Костры при этом князь велел развести “великыи. тако накладъше огни”.

На Тетерева Изяслава II ожидали, как и полагал князь. Жители Мичска вышли навстречу князю с поклонами. Изяслав II переехал замерзшее русло Тетерева, сошел с коня, выпался, пообедал и к вечеру был в городе “Въздвждени” [Здвиженъ], стоящем в верховье реки Здвиж.

На совете решили послать вперед к Белгороду Владимира Мстиславовича с молодежью. Изяславу II было важно перейти через “Обрамль мост”, соединявший берега реки Ирпень.

В Белгороде в княжеском тереме на сених пировал сын Долгорукого Борис с дружиной и с “попы” белгородскими.

Мост через Ирпень стерег мытник — сборщик проездной пошлины [мыта]. Для мытника появление полков волынян стало полной неожиданностью. Мост не разметали на бревна, и скоро Борис услышал звуки труб и, не теряя драгоценных минут, сел на коня и помчался прочь из Белгорода.

А горожане уже шли к мосту, навстречу Владимиру Мстиславовичу с поклонами. Из Белгорода к Изяславу II послали сказать, что ни Борис, ни Юрий

Долгорукий не имели вестей о приближении волынян и следует спешить к Киеву.

Когда Борис прискакал в Киев, Долгорукий был на Красном дворе. Выслушав сына, Юрий сел в “насадъ” и, переправившись на левый берег Днепра, поспешил в Городец Остерский.

12.8. Изяслав II возвращается в Киев зимой 1150 г.

Киев торжественно встретил Изяслава II. Начались пиры и пышные службы в св. Софии. При этом не забыли переловить по городу ни о чем не ведавших дружинников Долгорукого. Оповестить их Юрий не было времени.

Киевляне с удивлением рассматривали венгров, игравших на “фарехъ” и “скокохъ”, сидя во множестве посреди Ярославова двора. Особое любопытство горожан вызвали “кметьства” [копья] и “комонемъ” [кони] венгров.

О происходящем в Киеве не знал галицкий князь, стоявший под стенами Мичска, на реке Тетерев. Наконец, от стражи узнали, что Долгорукий в Городе Остерском, а Изяслав II в Киеве. Владимир Володаревич не смог скрыть гнева и обратился к Андрею: “Так с отцом править”.

Стали собираться в Галицию. Жителям Мичска сказали, что либо они дадут серебро, либо будут взяты на щит. Горожане собрали серебро и “оушью” и с “шии”, слили в гривны и дали Владимиру Володаревичу. Так галицкий князь и собирал серебро со всех волыньских городов, пока не дошел до своих земель.

Андрей Юрьевич с сыном Владимиром поехал от Мичска к устью Припяти “на Двдву боженку”, дабы объехать Киев. Оттуда князь пришел к отцу в Городец Остерский.

Из Вышгорода в Киев приехал старейший и Мономашевичей, бездетный дядя Вячеслав Владимирович, и сел рядом с племянником Изяславом II Мстиславовичем на стол дедов и прадедов.

В тот же год в Переяславле скончался старший сын Долгорукого Ростислав. Его положили в храм Михаила.

Тем закончился 1150 г. Началась весна, а вместе с ней и год 1151-й.

С венграми из Киева уехал сын Изяслава II Мстислав II. Дары на берега Дуная весной 1151 г. везли немалые.

Отправили гонца в Смоленск, к Ростиславу Мстиславовичу. Просили выступить в Киев. В Новгороде сидел сын Изяслава II Ярослав. Рассчитывали в столице и на его поддержку.

А Долгорукий слал гонцов в Чернигов и в Новгород Северский к Давыдовичам и Ольговичам. В один из дней пасхальной недели у Святослава Ольговича родился сын. В крещении его нарекли Георгием. Мирское его имя было Игорь. Это родил герой “Слова о полку Игореве”, воспевшего неудачный поход в степь, состоявшийся в 1185 г.

Князя из Чернигова к устью Остра пришли в ладьях. Долгорукий всматривался в гладь набухшей в весеннего паводка Десны и, узрев стяги Владимира Давыдовича и Святослава Ольговича, вздохнул с облегчением. Это была твердая порука в борьбе с племянником.

Еще один черниговский князь — Изяслав Давыдович — предпочел поехать в Киев и стать у “Городъ”. Подошел к Киеву и Ростислав Мстиславович.

Скоро к Киеву выступил Долгорукий. Став в “Родоунии”, Юрий дождался половцев и вышел на левый берег Днепра.

С обоих берегов в Днепр спустили лодки-насадки и стали сражаться на воде. Изяслав II, препятствуя переправе Юрия, нарастил лодки досками, и гребцы в них оказались не уязвимы для стрел неприятеля.

Юрий понял, что следует идти к броду, под городом Витачев. Вывести ладьи из устья Десны не решился, страшась киевских стрелков, и перетащил лодки в озеро “Лубеиское” [очевидно, старица Днепра]. Из озера ладьи волоком перетащили в “Золотый” и по ней ввели в Днепр.

Изяслав II без труда разгадал замысел Юрия и стал под Витачевом у “Мирославьскаго села”. Юрий решил идти далее на юг, к броду под город Заруб.

Тот брод охранял Шварно “съ сторожи”. Первыми брод под Зарубом перешли половцы, а вслед за ними Юрий с союзниками.

Изяслав II стоял “оу Ивана”, когда пришла весть о том, что Юрий перешел брод под Зарубом. Черные клобуки поспешили на Рось за детьми и женами, дабы те не попали в руки Долгорукого. С черными клобуками поехал брат Изяслава II Владимир. Черные клобуки — это тюрки, герои степной истории юга Восточной Европы раннего средневековья — торки, печенегы, берендеи, “кооци”.

Изяслав II с Ростиславом и дядей Вячеславом от Витачева отступил к Треполью, а наутро выехал к Киеву через “Брокъ” [бор].

Изяслав II в столицу не вошел, а расположился с “товары” перед Золотыми воротами “оу Язины”. Изяслав Давыдович стал по правую руку между Золотыми и Жидовскими воротами Киева, против Бориславлю двору”. Ростислав Мстиславович с братом Романом стал перед Жидовскими воротами. Городецкий Борисъ [внук печально известного Давида Игоревича, выколовшего глаза Васильку] открыл своим полком Лядские ворота Киева.

Между полками князей “на конехъ и пеши” стали вытеснять киевлян. Когда столицу окружило вышеописанное войско, появились черные клобуки, двигавшиеся к Киеву от Роси подобно туче. Шли они “с конями и съ стады и скоты их и многе множество”. Тюркская конница опоясала Киев с юга и запада своим полукольцом.

Объехав полки и установив порядки, Изяслав II отозвался о шедшем от Заруба неприятеле: “То не крилати соуть. а перелетевше за Днепръ сядуть”.

Вячеслав Владимирович снесся с братом Юрием Владимировичем гонцами. Долгорукий, стоявший

у Василева на Стугне, отвечал на упрек упреком. Тем переговоры и кончились.

Миновала ночь, к утру Юрий подошел к берегу Лыбеди, и началась перестрелка. В урочище Сухая Лыбедь реку перешел Андрей Юрьевич с половцами. Но атака успеха не имела, и до вечера бились у Лыбеди стрелки.

Наконец, Изяслав II двинул полки вперед и, побив перешедших Лыбедь, подошел к реке. Долгорукий отступил от Лыбеди и пошел прочь от Киева, поняв, что на сей раз легкой победы не будет. Стали уповать на галицкого свата, верного союзника Долгорукого.

Всю ночь полки Юрия шли бором к Белгороду навстречу галичанам. Белгород ворот не открыл, и Юрий двинулся через бор к “Верневу” и далее “за валь”, пока не стал “оу Бъзянице”.

Изяслав II шел за Юрием, следя, чтобы тот не соединился с галичанами. Стали на ночь у Звенигорода. На следующий день подошли к Василеву. Киевляне шли за дружиной Изяслава II кто пеший, кто конный, и все дороги, ведущие из Киева в Василев, были заполнены толпами вооруженных горожан.

Во время обеда в Василев к Изяславу II приехал посол из Венгрии. Гейза II и Мстислав II сообщали, что венгерское войско прошло Гору [Карпаты]. Решили не ждать венгров и, перейдя Стугну у Василева, подошли к валу и стали на ночь у “Перепетовыхъ”.

Наутро встали до восхода солнца. Прошли вал и выступили в чистое поле. Долгорукий отступил “за Руть ста”.

На следующий день Изяслав II стал своими полками насаждать на Юрия, тот отступал, ожидая помощи галичан. И опустилась на поле такая мгла, что не видно было конца копья. Пошел дождь. Неприятели стали по обе стороны озера. Бились крылья, и к вечеру Юрий пошел за “шоломя”, на верх озера. Изяслав II двинулся за ним.

Юрий зашел за Малый “Роу тець”, перешел грязь и стал на ночь. Изяслав II стал лагерем на полет стрелы от Юрия.

Утром забили бубны и заперли трубы. Юрий отступил на верх “Рутьтуя”. Изяслав II шел следом. Юрий стремился укрыться за “Роуть” и дожидаться галичан. Его полки пошли к “Великому Рутви” и их преследовали стрелки и всадники Изяслава II. Стали отнимать у Долгорукого возы.

Когда Юрий увидел это и понял, что перейти за Руту трудно, князь развернул полки и стал против неприятеля.

Изяслав II по своим силам послал сказать, чтобы все смотрели на его полк — как он пойдет, следует начать сражение.

Андрей Юрьевич [Боголюбский] съехался с неприятелем и преломил копье. Шлем с Андрея сбили, щит отняли, а раненный в ноздрю конь “нача сватис под нимъ”.

Изяслав II с копьем въехал “одинъ в полкы ратных”. Копье сломал, был ранен в руку и в “стегно”. И началась злая сеча — одна из множества на матушке Руси.

Первыми побежали половцы, не успев выпустить и по стреле. Следом побежали Ольговичи. Последним бежал Юрий с сыновьями. Многие утонули в Руте, иные, увязнув в грязи, были избиты, иные пленены. Тут погиб черниговский князь Владимир Давыдович.

Изяслав II лежал на поле битвы раненый. Один пеший киевлянин собрался убить князя. Изяслав II воскликнул: “Кнзь есмь”. Киевлянин ответил: “Так ны еси и надобе”. Киевлянин вытащил меч и принялся сечь им по шлему князя “и тако вишибея шеломъ до лба”.

Изяслав II снял с головы шлем. Князь истекал кровью и скоро услышал плач. Это плакал Изяслав Давыдович, стоявший над телом брата Владимира. Изяслав II забыл о ране, подошел к Изяславу Давыдовичу и сказал: “Сего нама оуже не кресити...а ты брате сему оуже не стои. но нарядися возма же своего брата поеди же Чернигову. а аз ти помощь приряжу. буди же нын до вечера оу Вышегороде”. В помощь дали Романа Ростиславовича.

Ночью переправились через Днепр и наутро выехали к Чернигову. Там Изяслав Давыдович сел на стол своего брата.

Юрий с детьми перешел Днепр у Треполя и поехал в Переяславль. Половцы ушли в степь.

Святослав Ольгович и его племянник Святослав Всеволодович перешли Днепр выше Заруба и поспешили в “Городець”. Узнав, что Чернигов занят, князья поехали в Новгород Северский.

Когда Владимир Володарьевич узнал о произошедшем, он развернул полк и пошел в Галицию.

А Изяслава II, Ростислава и Вячеслава на подъезде к Киеву встречал митрополит Клим [Смолятич из Заруба], верный спутник великого князя. Иконы, хоругви, стяги, пики, шлемы и белые холщовые рубахи в тот день смешались. Киев молился, веселился и плакал “и тако начаша жити”.

Скоро Ростислав уехал в Смоленск, а Изяслав II с дядей Вячеславом собрались в поход к Переяславлю.

12.9. Русь 1151 — 1152 гг.

Тем временем на Волыни случилось вот что. Мстислав II Изяславович остановился с венгерским войском под городом Сапожин. Из расположенного неподалеку Дорогобужа в лагерь привезли хмельное. Венгры напились до бесчувствия.

Между тем Мстислава II сидевший в Дорогобуже Владимир Андреевич [быть может, сын Андрея Владимировича, внук Мономаха] предупредил, что с востока подходит галицкий князь. Венграм о том сказали, да непонятно, поняли ли они, о чем речь. Мстислав II выставил на ночь стражу и лег спать. В полночь князя разбудили. Подходил Владимир Володарьевич. Мстислав II с дружиной сели на коней и принялись будить венгров. Но те были мертвецки пьяны. На рассвете галицкий князь ударил по лагерью. Шел его полк с востока, и солнце было за голо-

вами галичан, слепя неприятеля. Почти всех венгров убили. Мстислав II ускакал на запад в Луцк.

Когда Изяславу II сообщили о случившемся под Сапожином, князь сказал: “Не идет место къ голове но голова к месту”.

Под Переяславлем с Долгоруким бились три дня. Наконец, послали в город сказать Юрию: “Иди в Суздаль, а сына посади в Переяславле”. Переговоры закончились целованием креста. Юрий оставил в Переяславле сына Глеба, а сам поехал в Городец Остерский.

Андрей [Боголюбский], навоевавший на Волыни и под Киевом, обратился к отцу с просьбой отпустить его в Суздаль. Юрий пустил сына, сам же сел в устье Остра.

К тому времени помирились потомки Давыда и Олега. Князья поделили волости между Черниговом и Новгородом Северским так, как было при отцах.

Долгорукого принудили уйти из устья Остра. Там сел его сын Глеб. А Переяславль Глебом был оставлен.

Долгорукий ушел к Новгороду Северскому. Святослав Ольгович принял князя с честью “и повозы да ему”. И поехал Юрий через разукрашенные осенью вятчские леса на северо-восток, в Суздаль.

Переяславль занял сын Изяслава II Мстислав II.

В 1151 г. в полоцких землях произошли такие события. Жители Полоцка схватили своего князя Рогволода Борисовича [внука Всеслава Брячиславовича], привезли в Минск и держали “оу величю нужи”. Позже князь бежал из заточения в Друцк, где его с радостью приняли. В Друцке Рогволод Борисович оказался в 1162 г. А в 1171 г. Рогволод Борисович приказал выбить надписи на знаменитых “Рогволодовых камнях”, разбросанных всюду в полоцкой земле.

В 1151 г. половчане посадили у себя “Глебовича” и послали в Новгород Северский, прося Святослава Ольговича быть им отцом, обещая быть послушными.

В том же 1151 г. скончалась супруга Изяслава II Весна, а вместе с ней и 1152 г. на Руси начались те, что подождли “божницу” Михаила в Городец Остерском. Глеба Юрьевича не тронули.

Тем временем Гейза II прислал в Киев сказать, что выходит в Галицию на Владимира Володарьевича. Из Киева в Венгрию послали Мстислава II Изяславовича.

Изяслав II со всеми силами подошел к Дорогобужу. К Изяславу II присоединился стерегший Волынь брат Владимир. Подошли к Пересопнице. Сюда к Изяславу II вышел Владимир Андреевич и подъехал брат Святополк из Владимира-Волынского.

Полки шли на встречу с Гейзой II. Стеречь Волынь оставили Святополка. Изяслав II вошел в Галицию с севера и, перейдя вброд реку Сан, встретил послов Гейзы II. Король сообщал, что ожидает Изяслава II уже пять суток.

Изяслав II поспешил к городу Ярославлю, стоящему на реке Сан ниже Перемышля. Сюда, навстречу русскому князю, выехало более тысячи венгерских

воинов. Вскоре Гейза II встретился с Изяславом II, обнялся и пригласил в шатер обдумать кампанию.

Наутро выстроили полки над Саном ниже Перемышля. Владимир Володарьевич стал прикрывать броды на Сани, стремясь не пропустить неприятеля. Шапки Изяслава II и Гейзы II одновременно вступили во все броды, и началось избиение галичан. Сам Владимир Володарьевич едва ушел в Перемышль с “Избыгневом же съ Ивачевичем”.

Хотя Перемышль некому было защищать, братья не спешили. Воины занялись грабежом загородной усадьбы галицкого князя. Она стояла на “Лузе надъ рекою надъ Саномъ”.

Владимир Володарьевич прибег к такому приему. Он послал к венгерскому архиепископу и призывным сказать, что ранен. То же передали и Изяславу II. Вместе с тем гонцы галицкого князя привезли победителям “многы дары...златомъ и серебром. и съ суды златыми, и сребренными и шурты”. И Гейзу II “оумолили”.

Наутро Гейза II встретился с Изяславом II. Великий киевский князь вспомнил все провинности Владимира Володарьевича и предложил взять его в плен. Гейза II слушал епископа и расправу чинить над галицким князем отказался.

К Владимиру Володарьевичу отправили крест. Его везли боярин Изяслава II Петр Борисович [один из предполагаемых редакторов летописи] и люди Гейзы II. Галицкий князь крест целовал и обещал быть с Изяславом II. Целуя крест, Владимир Володарьевич “лежа. творяся акы изнамагая с ранъ но ранъ на немъ не было”. Скоро Гейза II и Изяслав II разъехались по своим землям.

Из Владимира Волынского Изяслав II послал посадников в города Бужеск, Шумск, Тихомль, Выгошев, Гнойницу. Владимир Володарьевич целовал крест на том, что уступит Изяславу II эти города на границе Волыни и Галиции. Владимир Володарьевич не пустил приехавших посадников в города, и с тем они и возвратились.

Изяслав II, двигавшийся к Киеву, уведомил о произошедшем Гейзу II.

В Суздале Юрий Долгорукий, узнав о пожаре в Городец Остерском, вновь готовился выступить в Южную Русь. Послали в Старую Рязань за помощью, и тамошние князья не посмели ослушаться. О военных приготовлениях на северо-востоке стало известно в Киеве. Изяслав II послал в Смоленск сказать Ростиславу, чтобы стерег свою и новгородскую земли, и если Юрий двинется туда, Киев поможет, если же Юрий пойдет в Южную Русь, следует помогать Киеву.

Долгорукий вошел в земли вятчей и объединился с Ростиславом Ярославовичем Рязанским и Муромским и со всей его братией. В земли вятчей охотники из степей.

Начал Юрий занимать города в землях вятчей и северян — Мценск, Спашь, Глухов.

Не сидел спокойно в Галиче и Владимир Володарьевич. Узнав о выступлении Юрия, князь поспешил выступить к Киеву. Впрочем, узнав, что

Изяслав II вышел из Киева и идет навстречу, галицкий князь вернулся в свой город.

Святослав Ольгович боялся открыто поддержать Юрия и выходить из Новгорода Северского не спешил.

Юрий подошел к “Березому” [Березна — город к востоку от Чернигова] и стал у “Свини”. Наутро Юрий подошел ближе к Чернигову и стал у “Гюречева” [быть может, Бобровничи — пригородное село].

В Киеве решили помочь Изяславу Давыдовичу, сидевшему в Чернигове. Ростислав из Смоленска подошел к Любечу и скоро вместе со Святославом Всеволодовичем въехал в Чернигов. Город запер ворота, разметал мосты и, поднявшись на заборолу, принялся всматриваться в линию горизонта.

От Гюречева к Чернигову Долгорукий послал половцев. Степняки взяли большой полон и сожгли Семьни, стоящую к западу от Чернигова. Тем самым город оказался в осаде.

Князья велели населению из острога отступить в детинец.

Утром следующего дня Юрий с полками стал у Семьни. Вскоре запылал острог, и началось сражение. Особо под Черниговом отличился Андрей Юрьевич.

В то же время Изяслав II с дядей Вячеславом стоял на правом берегу Днепра у “Лжичь” [Ольжич]. Узнав о происходящем в Чернигове, князья переправились через Днепр и подошли к “Моровииску” [Моровск]. Тут произошло столкновение со стражей Долгорукого. Половцы схватили киевского ратника, и тот, представ перед Долгоруким, поведал, кто идет.

Узнав новость, рязанские князья и Святослав Ольгович “оубоявшеся”. А половцы стали от греха “отиматися прече”.

Юрий отступил от Чернигова за реки Свинь и Снов на восток.

Скоро со стен детинца увидели стяги Изяслава II и Вячеслава. Князья стали под городом на “Боловесе”. Из Чернигова выехали Ростислав, Изяслав Давыдович и Святослав Всеволодович. Князья встретились и сели на совет.

Той порой по утрам заморозки схватывали траву инеем, вода стала холодной, а зори зябкими. Людей тянуло к очагу, за дубовую стену. Хотелось закутать ноги лисьей шубой и, обняв жену и забыв о делах, предаться безмятежному отдыху. Наступало время дружеских пиров, свадеб и посольств. Князья решили разъехаться по городам и ждать зимы, пока реки “оустановятся” льдом.

Юрий приехал в Новгород Северский и скоро вышел далее на восток к городу Рильску. Половцы гнали полон на Путивль и, перейдя на левый берег Сейма, поспешили в степь.

Когда Святослав Ольгович, стоявший под Черниговом, узнал, что из Рильска Долгорукий собирается идти в Суздаль, он послал к Юрию просьбу остаться.

Мало того, что полки Долгорукого потравили жито вокруг северской столицы, Святослав Ольго-

вич оставался один на один с могучими противниками.

Юрий оставил Святославу сына Василька с пятью десятками дружинников, а сам поспешил к Суздалью.

Когда мороз сковал реки льдом, Изяслав II попросил Ростислава держать северные земли, а на юг прислать сына Романа Ростиславовича.

Скоро Изяслав II стоял с полками “на Лте”. Вячеслава отправили в Киев. Изяслав II сказал дяде: “Ты еси оуже старь а тобя не достоить трудитися”.

В феврале Изяслав II подошел к Всеволожу. От города князь послал сына Мстислава II в степь на половецкие вежи. Сам же князь пошел к Новгороду Северскому. По дороге к Изяславу II подошли Роман из Смоленска и Святослав Всеволодович и Изяслав Давыдович из Чернигова.

Новгород Северский взяли в осаду, овладели воротами острога и ворвались в предградье. На третий день Святослав Ольгович запросил мира. Зима заканчивалась. Реки вот-вот должны были сломать лед, а там подходило время сева. Поспешил к Суздалью и Василько Юрьевич.

В Чернигове Изяслав II принял гонца от сына Мстислава II. Тот сообщал, что разбил половцев на “Оулле и на Самаре”. Русский полон Мстислав II отнял и привел к Переяславлю.

Тем зимняя кампания 1152 г. закончилась. Но произошло в конце года еще одно интересное событие.

12.10. Посольство Петра Бориславовича в Галич

Изяслав II отправил из Киева в Галицию к Владимиру Володарьевичу посла Петра Бориславовича. Знакомый нам боярин вез в Галич крестные грамоты, скрепленные в том же году целованием креста князьями под Перемышлем. Изяслав II просил Владимира “оузвороти моя городы”.

Владимир высказал послу свою обиду на Изяслава II “и короля еси на мя възвелъ”. Галицкий князь обещал отомстить. Петр Бориславович стал возражать, говоря, что Владимир крест целовал к Изяславу II и к королю. Владимир ответил, что “сии ли крстць малыи”. Петр возразил — “крстць малъ но сила велика его есть”.

Разговор кончился тем, что Владимир велел Петру “полези вонъ”, а боярин, уходя, положил перед князем крестные грамоты.

Не дали Петру Бориславовичу в Галиче ни повоза, ни корма, и поехал боярин в Киев “на своих конихъ”.

Когда ворота княжеского двора распахнулись, чтобы выпустить Петра, князь Владимир пошел по галерее из терема в церковь св.Спаса к вечерней службе. Проходя галереей, князь увидел выезжавшего Петра и “порукася ему”, говоря “поеха мужь Рускии обуимаваъ вся волости”.

Отстояв службу, Владимир возвращался в покои галереей, и когда ступил на место, где поругался на

Петра, остановился и молвил: “Оле те некто мя оудари за плече”. Князь едва не упал. Его подхватили под руки и, принеся в горенку, положили в постель.

Наступившей ночью Владимир Володарьевич умер. А Петр Бориславович, выехав из Галича, под вечер расположился на отдых “оу Болшеве”. Тут к боярину подошел “детский” из Галича и велел никуда не выезжать. Петр опечалился, не ведая о причинах повеления. На следующий день, до обеда, из Галича прислали к Петру сказать, чтоб шел на княжеский двор.

Боярин был удивлен еще более, увидев на дворе слуг, одетых в черные “мятлих”. Зайдя в сени, Петр увидел Ярослава Владимировича, сидевшего на отцовском месте и также облаченного в черное. Ярослав был юн, смерть отца не могла не расстроить его, и князь искренне расплакался перед Петром.

Отпустили Петра Бориславовича в Киев поиному, нежели накануне. Ярослав велел кланяться Изяславу II и обещал ездить у стремени великого князя.

12.11. Союз Галича и Суздаль

Союз Юрия Долгорукого с Владимиром Володарьевичем галицким помимо военной имел еще одну, быть может, более значимую для столетий плоскость.

В 1152 г. в княжеской усадьбе под Суздалем, в Кидекше, выстроили каменный храм Бориса и Глеба. Ранее каменное строительство в ростово-суздальских землях вел Владимир II Мономах. Киево-Печерский патерик сообщает, что в 1101 г. в Суздале Мономахом был выстроен собор, подобный Успенскому в Киево-Печерском монастыре.

Храм в Кидекше, учитывая отношения Долгорукого с Изяславом II, едва ли создавался при участии киевских зодчих. И весьма вероятно, что для создания четырехстолпной одноглавой церкви были приглашены в Суздаль мастера из союзного Галича.

Отличие храма в Кидекше от храмов киевских состоит помимо прочего в том, что он сложен не из плинфы, а из белокаменных кубов и квадратов. Однако соответствие или кратность величины подкупольного квадрата отдельным частям храма на северо-востоке русских земель была соблюдена.

При этом Юрий Долгорукий при строительстве храма строго следил за соответствием их архитектуры традиции греческих канонов и не допускал широко распространенного в Галиции влияния центральноевропейской архитектурной традиции.

В 1152 — 1156 гг. в Переяславле Залесском, на берегу Плещеева озера, в кольце городских укреплений был выстроен еще один белокаменный четырехстолпный однокупольный храм Спаса Преображения.

Северо-восток Руси при Юрии Владимировиче не только окреп, но и украсился. В гуще лесов междуречья Оки и Волги, среди нив суздальского ополья, рубили стены десятков городов. Из-за их заборол вырастали макушки деревянных церквей. А

именные храмы своим рождением озаменовали начало возвышения нового колосса русской истории.

Выше говорилось, что в XII в. каждое крупное княжество Руси, размерами и структурой походившее на государство, стремилось отстроить собственные каменные храмы, поставить во главе церкви митрополита и жить под своим князем, отцов и дедов которого хорошо знали, к ним привыкли и на юных княжичей смотрели как на величайшее достояние, гарантировавшее защиту от внешних посягательств. Русь XII в. из ладей и седел IX — XI вв. пересела к очагам в теремах, раскиданных по добротным усадьбам и городам. Князья еще спорили за стол в Киеве, но их походы более походили на грабительские набеги. Ограбив соседнюю волость зимой, князь к весне стремился под защиту собственных крепостей. Важно было пересидеть лето, посеять и убрать урожай, а как станут реки — новый поход.

Русь дробилась, семьи потомков Владимира и Ярослава множилось, а помыслы князей мельчали. Впрочем, Русь в XII в. была еще могуча и по большому счету едина. Однако эпоха былинных героев подошла к закату.

12.12. Русь 1153 — 1154 гг.

Весной 1153 г. Изяслав II отправил сына Мстислава II к реке Псел, ибо в Киеве стало известно, что половцы “пакостяхуть” по Суле.

Лето 1153 г. прошло спокойно. Осенью Изяслав II отправил Мстислава II с Владимиром Андреевичем и берендеями в поход в низовья Днепра “до Олешья” [до развалин Ольвии в днепровском лимане].

А в северской земле встретились двоюродные братья Святослав Ольгович и Изяслав Давыдович. Князья съехались на границе своих волостей в городе “Хоробря” [Мена]. Целовали крест, обещая “за единъ мужь быти”.

1153 г. закончился походом Изяслава II на юного тинницкого князя Ярослава Владимировича, впоследствии прозванного Осмомыслом. Галичане не успели уступить Изяславу II требуемых городов. В Галицию выступили полки Изяслава II, его дяди Вячеслава, сына Мстислава II. Из Чернигова пришел полк от Изяслава Давыдовича. Приехали черные клобуки.

Когда Изяслав II подошел к городу Тихомель, к верховью реки Горынь, из Дорогобужа приехал брат Владимир Мстиславович, а из Владимира Волынского — брат Святополк Мстиславович. Из “Гирестья” на Волынь пришел Владимир Андреевич.

Встреча с галицкими полками произошла на реке “Сереть”. Изяслав II подошел к городу Теребовлю. Ярослав Владимирович узнал о том под вечер и пошел через реку “Сновь” к Теребовлю.

Когда рассеялась спустившаяся с небес тьма, неприятели увидели друг друга. Бояре Ярослава стали уговаривать князя уехать в Теребовль, говоря: “Оць твои кормиль и любиль [бояр] а хочемъ за отца твоег. чсть. и за твою головы своя сложити”. Яро-

слав не желал уезжать, и ему стали объяснять “ты еси оу нас кнзь одинъ. оже ся тебе што оучинить то што намъ деяти”. Так галицкие бояре увезли Ярослава в детинец Теребовля.

Началось сражение. Бились от полудня до вечера. С наступлением темноты между сражавшимися возникло смятение, ибо никто не мог понять, кто выиграл сражение. Побежали от Теребовля братья Изяслава II Святополк и Владимир Мстиславовичи, поехал прочь и сын Мстислав II. И остался в зимней ночи на поле сражения один Изяслав II. Галичане укрылись за стенами Теребовля.

Изяслав II не стал ожидать утра, так как его дружина была малочисленна и со стен Теребовля это могли увидеть. Пленных галичан князь велел “сечи”, а “лутшии мужи со собою поя”. С рассветом Изяслав II выступил к Киеву. А позади князя разразился “плачь великъ по всеи земли Галичъстей”.

В начале 1154 г. на Руси произошло много событий. Мстислав II привел из “Обезъ” [Осетия или Адыгея] жену отцу. Изяслав II встретил новую супругу в порогах и повез в Киев. А Мстислав II сел в Переяславле стеречь Русь от степи. Скоро в Киеве сыграли свадьбу.

А в Новгороде жителей вновь обуял мятежный дух, и они изгнали сына Изяслава II Ярослава. Пригласили новгородцы Романа Ростиславовича из Смоленска.

Тогда же скончался брат Изяслава II Святополк Мстиславович “оу Кочерьска” [быть может, Корец]. Во Владимир Волынский послали Ярослава Изяславовича на смену дяде.

Засобирались Юрий Долгорукий в поход на “Русь”. Только не было князю удачи. Померли кони. Стоял Юрий в ту пору в земле вятичей, к северу от Козельска. Сюда приехали союзные Долгорукому половцы. Подумав, решили послать Глеба Юрьевича к половцам, а полку надлежало вернуться в Суздаль.

А 13 ноября 1154 г. в Киеве скончался великий князь Изяслав II Мстиславович. Тело его положили в церкви св.Федора в монастыре, основанном отцом князя Мстиславом I Владимировичем.

Когда Вячеслав Владимирович плакал над телом племянника, ему сообщили, что к перевозу на Днепре из Чернигова подъехал Изяслав Давыдович. Этот князь доводился Вячеславу троюродным братом и имел, в силу старшинства его деда над дедом Вячеслава, формальное преимущество в вопросе наследования киевского стола.

Вячеслав послал на перевоз сказать Изяславу Давыдовичу “пошто еси приехалъ. и кто тя позвавъ. еди же оу свои Черниговъ”. Изяслав заверил, что приехал оплакивать великого князя, но в Киев его не пустили. В столице ждали Ростислава Мстиславовича из Смоленска. А постеречь Киев Вячеслав до приезда смоленского племянника пригласил Святослава Всеволодовича.

Неудивительно, что в те же дни из Чернигова и Новгорода Северского в Суздаль помчались гонцы с сообщением о событиях в Киеве.

А на киевских горах уже встречали Ростислава Мстиславовича. Вячеслав сказал племяннику, что стал стар и всех рядов рядить один не может. Ростислав ответил, что рад иметь Вячеслава отцом, как и брат его имел.

Святославу Всеволодовичу “сестричичу” Ростислав дал Туров и Пинск.

Стояла поздняя осень, снег укрыл землю белой шубой, реки сковал лед.

Скоро Ростиславу сообщили, что к Переяславлю подошел Глеб Юрьевич с множеством половцев. Когда Ростислав с сыном Святославом стоял у Пересечена, поджидая съезжавшихся из усадеб и сел дружинников и бояр, от Мстислава II Изяславовича из Переяславля прискакал гонец. Он сообщил, что под городом идет перестрелка с неприятелем.

Ростислав выслал к Переяславлю сына, и когда половцы увидели, что в город вошла помощь, снялись и ушли за Сулу. Ростислав, не заходя в Киев, собрал силы, дождался Святослава Всеволодовича и Мстислава II Изяславовича и, переправившись на левый берег Днепра у Вышгорода, собрался, упреждая Долгорукого, идти к Чернигову на Изяслава Давыдовича.

Поутру Ростиславу сообщили, что в Киеве скончался дядя Вячеслав Владимирович. На недоуменный вопрос Ростислава: “А мы вчера ехали а онъ добръ и здоровъ” — гонец ответил, что ложился спать был весел, а как лег более не встал.

Это была черная весть для Ростислава, ибо с кончиной Вячеслава старшим среди потомков Мономаха стал Юрий Долгорукий.

Ростислав оставил полки на берегу Днепра и поспешил в Киев. Положили Вячеслава Владимировича в св. Софии рядом с отцом Мономахом и прадедом Ярославом.

После похорон Ростислав приехал на “Ярославль” двор, созвал мужей покойного дяди и стал раздавать имущество Вячеслава. Вскоре Ростислав уже стоял на берегу Днепра с дружиной и князьями. Ростислав хотел идти к Чернигову. Мужья его “боряняхуть” [противились], говоря, что следует поехать в Киев с людьми “оутвердися”.

Ростислав того не послушал и спустя несколько дней поставил стяг под Черниговом на “Боловесе”.

Изяслав Давыдович слал к Долгорукому, прося идти быстрее. А тут к Чернигову подошел Глеб Юрьевич с половцами. Вышли к “Воловесу” и стали стрелять о реку [вероятно, Боловес — это брод через Десну].

Ростислав смутился, испугавшись множества половцев, и послал к Изяславу Давыдовичу сказать,

что даст ему Киев и Переяславль. Тут возмутился Мстислав II Изяславович и, сказав Ростиславу: “Не будет мне Переяславля, ни тебе Киева”, — повернул коня и стал биться с половцами отдельно.

Через два дня полк Ростислава победил. Следом побежали и остальные. Ростислав перешел Днепр у Любеча и поехал в Смоленск. А Мстислав II с двоюродным братом Святославом Ростиславовичем прискакали в Переяславль “пойма жену свою” и поехали на Волынь, в город Луцк.

Святослав Всеволодович под Черниговом угодил в руки к половцам. Вызволил князя Изяслава Давыдовича.

В Киев Изяслав Давыдович послал сказать, что хочет приехать. Горожане выслали к князю каневского епископа Демьяна и ответили согласием. Киевляне боялись степи, и князь им был необходим как ворота на проездной башне крепости.

Пока Изяслав Давыдович гадал со Святославом Ольговичем, что первый сядет в Киеве, а второй — в Чернигове, под Переяславлем половцы жгли села и “Летьскую” божницу.

А под Смоленском стояли полки Долгорукого. Именно тут, в зимнем лагере на верхнем Днепре, Юрий узнал о кончине старшего брата Вячеслава. Узнал Юрий и то, что его сын Глеб уже в Переяславле, а Изяслав Давыдович на пороге Киева.

Узнали о том в Новгороде и зимой поспешили взять у Долгорукого сына Мстислава на княжение.

От Смоленска Долгорукий пошел в волости Ростислава, дабы отомстить тому. Ростислав стал под Зарубом, прикрывая свою волость, и послал к Юрию просить мира. Князья целовали крест, и Юрий выступил к Киеву.

Долгорукий шел к столице через леса между реками Днестр и Десна. У “Синина мосту. оу Радоши” [у современного города Погар — Радогос] Юрий встретил Святослава Ольговича. Это был рубеж северского княжества.

У Стародуба навстречу Юрию выехал Святослав Всеволодович, ранее послуживший Изяславу II. Святослав повинился перед Юрием, говоря “избезумился есмь”. Вступился за племянника и Святослав Ольгович. Целовали крест и пошли к Чернигову.

С дороги Святослав Ольгович послал в Киев к Изяславу Давыдовичу, прося уйти из столицы, и предупредил, что идет Долгорукий. От Чернигова вновь послали в Киев. Изяслав Давыдович покинул Киев не спешил. Юрий стал “оу Моровииска”, а Святослав Ольгович — в Чернигове.

Тут сам Юрий послал в Киев, и Изяслав Давыдович ослушаться не посмел.

Глава 13. Юрий Владимирович Долгорукий (1154 — 1157 гг.)

13.1. Русь 1155 — 1157 гг.

Сев в Киеве, Юрий роздал сыновьям волости. Андрей сел в Вышгороде, Борис — в Турове, Глеб — в Переяславле, а Василька отправили на берега реки Рось.

Осенью 1155 г. на Рось пришли половцы. Василько Юрьевич с берендеями “спостигъ” кочевников.

А в Новгород Северский к Святославу Ольговичу приехал племянник Святослава Всеволодовича и целовал к дяде крест. Тот уступил племяннику три города — Сновск, Корачев, Воротыньск. Святослав Всеволодович поехал в Сновск.

Юрий изгнал Мстислава II Изяславовича из Пересопницы далее к западу, в Луцк. В поход на Волынь ходили Юрий Ростиславович [сын рязанского князя Ростислава Ярославовича] с Жирославом и с “Вячеславли внуки” [не понятно, кто именно]. В Галич Долгорукий прислал сказать зятю Ярославу Владимировичу, чтобы выступил к Луцку.

Мстислав II оставил в Луцке брата Ярослава, а сам с Владимиром Мстиславовичем “мачешичем”, ушел под городом, но “рати ни с кем не имел и выротиля в Луцк”.

Долгорукий слал гонцов в Смоленск, прося Ростислава Мстиславовича приехать на “семя”.

Вступить в открытую борьбу с Долгоруким половцы не решались. Они встретились с Юрием у Канева, к северу от устья Роси, и просили отдать пленных, взятых Васильком Юрьевичем. Долгорукий преподнес дары берендеям, не желавшим выдать половцам пленных, и отпустил пленников в степь.

Из Суздаля через Смоленск по Днепру проезжал супруга Юрия с детьми. Она и привела к Долгорукому Ростислава Мстиславовича. Смоленский князь стал просить за сидевших на Волыни братьев. Послали за ними. Приехали в Киев Владимир и Ярослав Мстиславовичи и Ярослав Изяславович. А Мстислав II Изяславович остался во Владимире Волыньском, не доверяя Долгорукому.

В Киеве князья целовали к Юрию крест.

Супруга Долгорукого ехала в Киев через Смоленск неспроста. Изяслав Давыдович не желал мириться с тем, что Юрий сидит в Киеве, и поездка через леса вятичей была опасна для княгини.

Когда Юрий узнал, что половцы пришли под Дубницу и стали в верховьях Супоя, он вышел к Каневу, желая помириться со степняками. С Долгоруким на устье Роси пришли Ростислав Смоленский, Владимир и Ярослав Мстиславовичи и подошедшая из Галиции помощь. Половцы подъехали к Каневу, подивились на силу Руси и, обещав приехать наутро, ночью бежали в степь. От зрелища русских полков с их топорами, мечами, пиками и палицами у тюрок проходил по телу озноб, и они поворачивали коней на юг, не решаясь вступить в открытое сражение. Это была эпическая, воспетая былинами, русская сила.

Позже, во многом из-за усадеб князей, эта сила оказалась распылена. Вновь в полной мере Русь обрела силу в 1380 г. на поле в верховьях Дона, и давно забытый озноб, от которого у кочевников руки становились ватными, а ноги стремились прочь, вернулся к хищникам.

Долгорукий был сыном Мономаха и хорошо знал силу единой Руси. Оттого Юрий щадил Смоленск и Волынь. Нападать на сильного равносильно самоубийству. Слабого пнет ленивый и трусливый. Будь сильным, и на твоей земле будет мир, соседи же станут искать твоей дружбы. Юрий хорошо знал эту науку.

Вернувшись из Канева, Долгорукий послал в Чернигов к Изяславу Давыдовичу. Князь целовал к Юрию крест, понимая, что за кем сила, за тем и правда. И лишь после этого Юрий отпустил в Смоленск Ростислава, а братию его — в Луцк.

Вскоре Юрий встретился с Изяславом Давыдовичем и Святославом Ольговичем в “Лоутавы”. Отдадим должное мудрости Долгорукого. Изяславу Давыдовичу великий князь дал город на Волыни “Корческ”, а Святославу Ольговичу — город на нижней Припяти — Мозырь. Тем Юрий обезоружил недовольных, без боя выбив у них из рук оружие.

В 1155 г. в Южной Руси произошло весьма знаменательное событие, символизировавшее преемственность в русской истории от Киева к возвышавшейся Владимиро-Суздальской Руси.

Андрей Юрьевич, недаром прозванный Боголюбским, посидев в Вышгороде менее года и устав от неприязненных взглядов местного боярства и гридьбы, без спроса у отца уехал в Суздаль. Из Вышгорода Андрей повез икону Богородицы, взятую из киевской церкви Пирогощей, а ранее привез-

женной на Русь из Византии. Шел на северо-восток Андрей водами Днепра “въ единомъ корабли”. Напротив князя в ладье стояла икона — защитница Владимирской, а позже Московской Руси.

Боголюбский не пожалел средств на украшение образа, и покрывало скрыло не просто икону, но и оклад, вылитый из тридцати гривен одного золота и серебра и украшенный драгоценными камнями и жемчугом.

В послушном Долгорукому Новгороде по воле отца Мстислав Юрьевич женился на дочери Петра Михалковича. Похоже, что это был брак семьи Долгорукого с новгородским боярством.

Из Чернигова в Киев зимой привезли дочь Изяслава Давыдовича и выдали за Глеба Юрьевича.

Зимой рязанские князья целовали крест к Ростиславу Смоленскому.

А на Волыни мирно княжили Владимир Мстиславович и его племянники Мстислав II и Ярослав. Владимир Мстиславович отпустил в Венгрию мать Гейза II “вда много имения тещи своей”.

Весной нового 1156 г. в Киев приехал новгородский епископ Нифонт. Владыка ожидал прибытия из Византии митрополита Константина да разболелся и скоро умер. Это был один из епископов, ранее возражавший против назначения митрополитом Клима Смолятича. Но то были времена Изяслава II. Со сменой мирской власти нередко менялась власть церковная.

Между тем племя потомков Ярослава Мудрого множилось, и на Руси князьям становилось все теснее. Начались споры за города между ближайшими родственниками внутри одной волости или княжества. Из города “Березаго” во “Вщижь” бежал “Владимеричь, сыновец” [то есть племянник] Изяслава Давыдовича. Князь занял города по Десне и позвал на помощь Ростислава Смоленского. Опасаться, по видимому, следовало Святослава Ольговича, и князь у Стародуба сели в “засаду”.

Подобное произошло и на Волыни. Мстислав II Изяславович пошел “изъездомъ” на дядю Владимира Мстиславовича. Мстислав II въехал во Владимир Волынский, схватил дядину жену и мать, посадил на возы и отправил в Луцк. Дружину дядину племянник ограбил и товар весь “отя”. Сам Владимир едва успел ускакать в Перемышль. Оттуда князь уехал за Гору, в Венгрию, к своему зятю Гейзе II.

А Юрий неустанно пекся о безопасности государства. В конце года он вышел к горе Заруб, на съезд с половцами. С Долгоруким к днепровскому броду приехали Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович. Мир со степью заключили.

Изяслав Давыдович часть половцев повел к Березому на Святослава Всеволодича.

Вскоре Киев встречал приехавшего из Византии митрополита Константина. Собрались епископы и “испрывергыше” все, что осталось от Клима Смолятича.

Новый 1157 г. начался походом Юрия Долгорукого на Владимир Волынский, дабы отнять город и волость у Мстислава II Изяславовича. Ольговичей и Давыдовичей в поход не пригласили, а вот Яро-

слава Владимировича Галицкого привлекли. Выступил на Волынь и Владимир Андреевич, племянник Долгорукого. Якобы Юрий целовал крест в брату Андрею Владимировичу [+1141 г.], что после кончины того удержит волость за сыном Андреем.

Юрий встретился с Ярославом Галицким “оу Свинусехъ в селе”. Подошли к Владимиру Волынскому и стали в “Хвалимичихъ”. Тут Долгорукий увидел стяги пришедшего из Венгрии дяди Мстислава II Владимира Мстиславовича. Так обстоятельства подчас сводят непримиримых врагов в один стан.

Приблизились к городу. Юрий стал у “Гридиныхъ” ворот, Ярослав — у “Киевскихъ” с луга.

Несчастный племянник Долгорукого поехал к городу “Червну”. Там он стал требовать, чтобы горожане отворили ворота, ибо он их князь. Из города один человек “потягнувъ стрелою оудари в горло”.

Долгорукий десять дней стоял под стенами Владимира Волынского. И все дни лилась кровь. Юрий увидел “непорьство” волынян и понял, что, возьмев он город и волость, добра все равно не будет.

Полки поднялись и пошли одни в Галицию, другие в Киев. Мстислав II шел следом за Юрием до Дорогобужа.

Долгорукий посадил в Турове сына Бориса, и в городах над Горынью, в Дорогобуже, Пересопниии и прочих, Долгорукий посадил племянника Владимира Андреевича [это не совсем понятно, ибо князь был поражен стрелой в горло под Червнем].

В 1157 г. история с галицким князем-изгоем Иваном Ростиславичем Берладником имела продолжение. Князь приходился двоюродным братом Ярославу, и отец Ивана был старшим братом отца Ярослава. Отсюда понятно, почему Берладник оказался в Суздале. Этого от Долгорукого требовал Ярослав.

Закованного Берладника привезли в Киев. Тут же из Галича приехали посланные Ярославом князь Святополк [не понятно, кто именно] и “Кснятина Серославича” с дружиной. Все было готово к передаче на расправу Берладника, но за несчастного князя вступились митрополит и игумены. Они укорили Юрия, и он, устыдившись, отправил Берладника назад в Суздаль. Про это узнал Изяслав Давыдович. Этот князь послал “перекы. мужи свои и поя и к собе Чернигову”.

Весной 1158 г. Изяслав Давыдович собрался выступить против Долгорукого. Нашлись у черниговского князя союзники — Ростислав Смоленский и Мстислав II Изяславович. Лишь Святослав Ольгович не решился выступить к Киеву.

13.2. Странная кончина Юрия Долгорукого в Киеве

В день, когда из ворот Чернигова должна была выехать дружина Изяслава Давыдовича, а из Владимира Волынского двинулся Мстислав II, к Изяславу Давыдовичу пришла весть от киевлян: “Гюрги по-

умерль”. У Изяслава при этих словах на глазах выступили слезы.

Киевляне объяснили Изяславу обстоятельства, предшествовавшие кончине Долгорукого: “Пивъ бо Гюрги въ осменика оу Петрила”. К ночи князь разболелся и, пролежав пять дней, скончался 15 мая 1158 г.

Обстоятельства, предшествовавшие смерти Юрия, указывают на то, что недругов у суздальского князя в Южной Руси было больше, чем друзей. Киевляне не любили не только Долгорукого, но и пришедших с ним из-за лесов вятичей суздальцев. Когда Юрия Владимировича отпевали в монастыре св. Спаса, киевляне “разъграбиша дворъ его крас-

ныи и другыи дворъ его за Днепромъ разъграбиша”. Долгорукий называл свой загородный двор раем. Разграбили двор Василька Юрьевича. И пошли киевляне “избивахуть Суждалци. по городомъ и по селомъ. а товаръ ихъ грабяче”.

Столь откровенная неприязнь киевлян к одному из сыновей Мономаха указывает на то, что к середине XII в. население отдельных областей Руси обособилось настолько, что искусственное вживание элементов одной провинции в естественную другую минуемо вызывало взрыв. На суздальцев киевляне смотрели, как на силу, посягающую не просто на власть, но и на усадьбы, мыта и иные видимые и невидимые ресурсы, принадлежавшие киевлянам.

Глава 14. Русь 1158 — 1168 гг.

14.1. Изяслав Давыдович в Киеве (1158 — 1159 гг.)

В середине мая (15 мая) 1158 г. в Киев въехал Изяслав Давыдович. Пospешили к Киеву Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович. Изяслав в столицу князей не пустил, и им пришлось отступить от Киева и стать за “Свиною” рекою, под Черниговом. В результате переговоров Святослав Ольгович получил Чернигов, а Святослав Всеволодович сел в Новгороде Северском.

Когда в ростово-суздальских землях стало известно о кончине Юрия Долгорукого, на стол отца посадили Андрея Юрьевича Боголюбского. Князь был старшим из живых сыновей Юрия.

8 апреля 1158 г. Андрей заложил во Владимире, в молодом городе, стоящем на высоком левом берегу Клязьмы, шестистолпный собор о пяти “верховъ и все верхи золотомъ оукраси”. Это был Успенский собор. Высота собора превзошла высоту киевской и новгородской Софий [32,3 м]. Собор устремился ввысь подобно севшей на высоком речном берегу могучей орлице, смотрящей за ленту Клязьмы в бескрайние зеленые просторы муромских лесов.

Золотые купола Успенского собора придали суздальскому ополью державный блеск. Их мощь и великолепие положили начало возвышению владимирской Руси, отмежевавшейся от Киева и ставшей предтечей Руси московской.

Белокаменные стены Успенского собора покрыло чудное “узорочье” из камня. Скульптура из тонко вырезанного камня в убранстве собора — это было отступление от киевской и новгородской архитектурных традиций. Боголюбский сознательно шел на то, закладывая основу не только самостоятельной архитектурной школы, но создавая остов нового великого государства, будущность которого во многом составила историю России XIII — XVII вв.

В 1185 г. Успенский собор Владимира пережил пожар. Тогда же внешние стены собора с трех сторон скрыли широкой белокаменной галереей. Одновременно собор украсился четырьмя новыми главами, дополнившими центральную главу.

Андрей Боголюбский дал Успенскому собору много “имения. и свободы куплены. и с данymi. и села лепшая. и десятины въ стадехъ своих. и торгъ десятины”. В соборе Андрей “створи” епископскую кафедру.

Одновременно со строительством Успенского собора Андрей расширил размеры города Владимира на Клязьме. На правом склоне Ерофеевского спуска по сей день во Владимире на Клязьме сохранились валы, возведенные по воле Владимира II Мономаха в 1108 г. Боголюбский доводился Мономаху внуком. Он насыпал валы выше дедовых, надстроил по их гребню клети-городни и превратил Владимир на Клязьме в новую столицу Северо-Восточной Руси.

В Новгороде, как узнали о кончине Долгорукого, сразу выгнали его сына Мстислава Юрьевича и пригласили из Смоленска Святослава Ростиславовича. Нельзя не отдать должного практичности и сметливости новгородцев.

Во второй половине 1158 г. Изяслав Давыдович десять недель простоял под стенами Турова, пытаясь отнять город у сына Долгорукого Ярослава Юрьевича. Успеха Изяслав не добился, и вернувшись его дружина в Киев пешей из-за мора лошадей.

Во втором часу ночи 3 января 1158 г. скончалась супруга полоцкого князя Глеба Всеславовича, дочь Ярополка Изяславовича, зарезанного в Галиции в 1088 г. Княгиня сорок лет прожила вдовой, и было ей от роду восемьдесят четыре года.

Интересно свидетельство летописца о вкладе князей в Печерский киевский монастырь. Отец княгини Ярополк Изяславович “вда всю жизнь свою Небльскую волость. и Дервьскую. и Лучьскую. и около Киева”.

Супруг княгини Глеб Всеславович (+1119 г.) “вда въ животе своемъ. съ княгинею” шестьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота Печерскому монастырю. После кончины Глеба его княгиня дала монастырю сто гривен серебра и пятьдесят гривен золота. А после кончины глебовой вдовы Печерский монастырь получил пять сел с крестьянами “и все да и до повоя”.

14.2. Русь 1159 г.

В начале 1159 г. скончался Борис Юрьевич. Его погребли в отцовской усадьбе под Суздалем, в Кидекше, в церкви Бориса и Глеба над тихой рекой Нерль. Успенский собор во Владимире на Клязьме еще строился.

В 1159 г. на полоцкой земле разгорелась война. Началом послужил приезд в Слуцк одного из вну-

ков Всеслава Брючиславовича Рогволода Борисовича. Князь выехал из Чернигова от Святослава Ольговича искать “собе волости”. Все было забрано братьями.

Из Слуцка Рогволод Борисович попал в Друцк. Горожане выехали навстречу Рогволоду более чем в трехстах ладьях. Сидевший в Друцке Глеб Ростиславович бежал к отцу в Полоцк.

А в Полоцке “мятежь быс великъ... мнози бо хотяху” Рогволода Борисовича. Ростислав Глебович сумел задарить и успокоить полочан и выступил с друтией к Друцку на непрошенного двоюродного брата-изгоя. Рогволод Борисович был своего рода полоцкий Берладник.

Рогволод Борисович отстоял Друцк и тянувшую к городу волость. Но тем дело не кончилось. Полочане стали слать в Друцк к Рогволоду Борисовичу, прося князя приехать, и обещали поддержку. При этом полочане просили прощения у Рогволода за то, что в свое время схватили князя и выдали Глебовичам, двоюродным братьям. Ростиславу Глебовичу пришлось о посольстве полочан в Друцк и о намерениях горожан.

Полоцкий князь имел резиденцию вне города, за рекой Западной Двины “на Белцици”. Это была резиденция при монастыре. Ростислава Глебовича полочане пригласили на петров день “оу братщину” (несколько вспоминаются славянские братчины на Балканах и на русском севере), стоявшую около церкви Богородицы. Князь “изволочивься въ броне подь порты”. Полочане это заметили и не посмели на Ростислава “дързнути”.

Утром следующего дня в Белчицах Ростислав вновь выслушал приглашение прийти в город. Князь выехал. Навстречу ему из Полоцка примчался “дятьский его”. Они сообщили, что в городе собралось вече, дружину избивают, а князя хотят казнить.

Ростислав Глебович вернулся в Белчицу, собрал дружину и выехал в Минск к брату Владимиру.

В июле 1159 г. Полоцк встретил Рогволода Борисовича. Вскоре Рогволод выступил с полочанами к Минску. В помощь Рогволоду из Смоленска приехали Роман и Рюрик Ростиславовичи.

Прежде Рогволод подошел к городу Изяславлю. Рогволод Глебович выехал из того города с поклоном. Рогволод отобрал у князя город и отправил Рогволода Глебовича в “Сътрежевь”. А город Изяславль получил родной брат Рогволода Брючислав Борисович “того бо бяше отчина”.

Вскоре стяг Рогволода увидели со стен Минска. Дело обошлось целованием креста с Ростиславом. После Рогволод выступил в Полоцк.

Еще один князь полоцкой земли — Владимир Глебович — креста к Рогволоду Борисовичу не целовал, ибо “ходяше подь Литвою в лесяхъ”.

Но вернемся в Южную Русь. Ярослав недаром был прозван Осмомыслом. Стремясь расправиться с двоюродным братом Иваном Берладником, он склонил на свою сторону множество русских князей и даже поляков и венгров.

Скоро Изяславу Давыдовичу в Киеве пришлось принять послов: “Избигнева” от Ярослава Осмомысла, “Жирослава Иванковича” от Святослава Ольговича из Чернигова, “Жирослава Васильевича” от Ростислава Смоленского и от Мстислава II Изяславовича, “Онофрря” от Ярослава Изяславовича, “Гаврилу Васильевича” от Владимира Андреевича, “Киянина” от Святослава Всеволодовича. Кроме того, приехали в Киев послы из Польши и Венгрии.

Изяслав Давыдович был вынужден сказать, что Ивана Берладника в Киеве нет. Сам же “отпусти я”. Стоит ли говорить, как Иван тогда “оуполошивься”. Гонимый князь понял, что никто на Руси не посмеет принять его и не выдать в Галич, и уехал в степь к половцам.

Скоро Иван оказался на нижнем Дунае и “изби две кубаре”. Берладник принялся грабить галицких рыбаков, водами Днестра спускавшихся на промысел к черноморскому лиману. Затем Иван с половцами подступил к городку “Кучелмину”. Далее Иван приблизился к юго-восточному форпосту Галиции к “Оушици”.

В пограничный город успело войти войско [“за сада”], верное Ярославу Осмомыслу. Простой народ приветствовал Ивана, и триста “смерди скачюч чересь заборола. къ Иванови”. Взять Ущицу половцам помешал сам Иван Ростиславович Берладник. Половцы разгневались на князя и ушли в степь.

Через некоторое время на берегу среднего Днестра появились люди из Киева. Они привели Ивана Берладника к Изяславу Давыдовичу. И вновь Изяслав Давыдович узнал, что отовсюду хотят идти на него ратью.

Скоро из Киева в Чернигов отправили “Глеба Ракошича”. Изяслав Давыдович велел передать Святославу Ольговичу, что дает ему города “Мозырь и Чичерскъ”. Святослав Ольгович понял, что двоюродный брат боится не удержать Киева и ему, возможно, придется выезжать из Чернигова.

В “Лутаве” встретились Изяслав Давыдович и Святослав Ольгович с сыновьями Олегом, Игорем [героем похода 1185 г.]. Приехал и Святослав Всеволодович.

Три дня князь пировали, одаривая друг друга. Были отправлены послы в Галич и Владимир Волынский “поведающе свою любовь”. Такой шаг возымел действие, и с запада Руси походов на Киев не последовало.

Ранее, в 1158 г., новгородцы изгнали ростовского епископа Леона, ибо он “грязяи попы”. 1 августа 1159 г. в Новгороде епископом был поставлен Аркадий.

Скоро опасения Изяслава Давыдовича насчет западнорусских князей оправдались. Изяслав хотел предупредить удар, однако остался без поддержки Святослава Ольговича. Изяслав обидел двоюродного брата, неосторожно бросив черниговскому послу [“Георгия. Ианович Шакушаня брате”] такую фразу: “Почнешь поползывать. и Щернигова к Новугороду”. Святослав Ольгович на угрозу ответил, что Изяслав Давыдович сам держит волость [Черни-

говскую], ему же дал лишь Чернигов и семь городов пустых — “Моровиевскъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволожь” и прочие [а сидят в тех городах псары да половцы], и из Чернигова грозит выгнать. Словом, братья не поладили.

Изяслав Давыдович сам выступил на запад Руси. Когда великий князь дошел до “Мунарева” и послал к половцам, веля приехать, стало известно, что из Галича вышел Ярослав, а с Волыни идут Мстислав II и его дядя Владимир Мстиславович.

Изяслав Давыдович отступил к столичному пригороду Василеву. И тут к Изяславу приехал племянник Святослав Всеволодович и подошли половцы. Ездил в ту пору с Изяславом и Иван Берладник. Были б силы у Изяслава, посадил бы он Ивана в Галиче.

Изяслав Давыдович, зная, что неприятель близко, закрыл дорогу к Киеву с запада от Белгорода. А Белгород занял Мстислав II Изяславович.

Дело кончилось тем, чем оно кончалось всегда, когда киевляне не поддерживали князя. Против Изяслава Давыдовича сложился заговор. Командовавшие берендеями “Тудоръ Сатмазовичъ. Каракозъ Мнюзовичъ. и Карась. Кокеи” ночью послали отрока Кузьмы Сновидича в Белгород к Мстиславу II. Берендеи просили себе любви и по городу “лепшему”. За то они обещали “мы на том отступимъ” от Изяслава Давыдовича.

Ночью отрок Кузьмы привел к берендеям “Олбыря Шерошевича”. Вскоре берендеи поскакали к Белгороду. Изяслав Давыдович, “врозуме лести ихъ”, с племянником Святославом Всеволодовичем “побегоша” к Вышгороду.

Переправившись на левый берег Днепра, князья поехали к “Гомью”. Тут Изяслав Давыдович задержался, ожидая княгиню. А та из Киева бежала к зятю Глебу Юрьевичу в Переяславль. Вскоре княгиня выехала в “Городокъ” и далее на “Глебль”, “Хороборъ”, “Ропескъ”.

Супруга Изяслава Давыдовича, наверное, и далее металась бы между городами, если бы в “Ропеске” ее не настиг Ярослав Всеволодович, племянник ее супруга. Племянник “оутешивъ” княгиню и привел до “Гомья” к Изяславу Давыдовичу.

Изяслав Давыдович занял свою старинную волость “Вятиче”. Это не понравилось Святославу Ольговичу. Когда Святослав узнал, что взята “Обловь” и заняты земли вятичей, в Чернигове стали грабить бояр Изяслава Давыдовича. У бояр взяли жен и “има на них искупъ”.

22 декабря 1159 г. в Киев вошел Мстислав II Изяславович. Следом в ворота столицы въехали дядя князя Владимир Мстиславович и младший брат Ярослав Изяславович.

В Киеве от в спешке бежавшего мимо столицы Изяслава Давыдовича “много...дружины. золота и серебра. и челяди. и кони. и скота”. Все это добро Мстислав II на санях по зимней накатанной дороге отправил во Владимир Волынский. Затем Мстислав II снарядил в путь вверх по Днепру к Смоленску брата Ярослава “вябече” [приглашая] дядю Ростислава Мстиславовича на киевский стол.

Ростислав Мстиславович отправил в Киев “Ивана Ручечника и Якуна”, представлявших смолян и новгородцев. И тут между дядей и племянником возник спор. Мстислав II желал видеть митрополитом Руси Клима Смолятича, ставленника отца Изяслава II Мстиславовича. А Ростислав Мстиславович настаивал на кандидатуре Константина. Мстислав II крепко “пряшеся по Клима,” говоря, что не быть Константину митрополитом “зана клял ми отца”. И то было правдой.

В Смоленск поехал Иванко, а в Киев выехал Роман Ростиславович. Наконец, Мстислав II “оустрете” с дядей Ростиславом в Вышгороде. Спор продолжался. Константин был “сщенъ” в митрополиты Руси византийским патриархом и собором. Но Мстислав II стоял за Клима.

Князья, не решив спора, “отложиста” вопрос до тех пор, пока из Византии не приедет новый митрополит.

14.3. Ростислав Мстиславович (1160 — 1168 гг.)

Внук Мономаха и праправнук Ярослава Мудрого Ростислав Мстиславович сел на стол в Киеве 12 апреля 1160 г.

Приезд Ростислава киевляне не могли не заметить загодя. С севера, от Вышгорода, ехал князь, и его алый плащ и стяг были заметны среди тающего снега. Это зрелище наверняка у многих соратников брата, отца и деда Ростислава вызвало слезы.

1 мая Ростислав приехал в город “Моровииски”. Сюда безо всякого “извета” приехал Святослав Ольгович. Князья сели за полный яств стол и принялись одаривать друг друга “соболами и горностаими и черными кунами. и песци и белыми волкы. и рыбьими зубы”.

Утром Святослав Ольгович пригласил на обед Ростислава, и началось веселье более прежнего. Святослав преподнес Ростиславу “пардусъ. и два коня борза. оу ковану седлу”. Скоро князья разъехались по городам.

Возможно, дружба Святослава Ольговича с Ростиславом стоила первому того, что сын Долгорукого Ярослав, сидевший в Турове, вторгся в волость Ольговичей.

Ярослав Юрьевич, перейдя Днепр, появился под Путивлем. Скорее всего о том загодя было известно половцам, и они также появились на берегах Десны.

Жители города “Вырь” затворили перед Ярославом ворота. Князь пошел в “Зартыи” [Зарытый], но скоро вновь вернулся к Вырю.

Святослав Ольгович выступил в поле сам и вывел из усадеб и городов бояр, перебил много половцев и среди них хана “Сантуза”.

А Ростислав Мстиславович в “насадахъ” вниз по Днепру, в “Олешье”, послал мужей “Гюрга Несторовича и Якуна” на несчастного галицкого изгоя Ивана Берладника. В Киеве стало известно, что Иван взял Олешье, но главной причиной похода

могло быть обязательство Ростислава, взятое им перед Ярославом Осмомыслом ранее.

Берладника настигли у “Дуиня” [Дуная] и “избиша е”.

По мере того как отдельные земли Руси стремительно обособлялись и сила князей уменьшалась, так же, как с размерами их все более мельчавших уделов, степь не дремала. Половцы уважали силу и понимали, что новое поколение Ярославовичей — это не Мономах и не Мстислав I.

В 1160 г. орда кочевников появилась на рубеже Волыни и Галиции между “Мунаревомъ и Ярополчымъ”. Выступили Ярослав Изяславович и Владимир Андреевич с Волыни и подошли галичане. Половцев избили и много народа, уводившегося на невольничьи рынки юга, “отполониша”. Воевали с половцами и верные Киеву берендеи поросья. В тот год они избили половцев в “облазне”.

В 1160 г. продолжилось немирье в полоцкой земле. Рогволод Борисович получил помощь от Ростислава из Киева. На берега Западной Двины пришли три сотни “торков с Жириславомъ, съ Нажировичемъ”. Судьба их была печальной. Торки начали умирать с голода и вернулись на Днепр “пеши”, не дождавсь завершения кампании.

Тем не менее Рогволод Борисович выступил с ополчанами к Минску на Ростислава Глебовича. Полочане простояли у Минска шесть недель, пока не заключили мира с Ростиславом Глебовичем. Минский князь высадил из поруба “Володшю” [брата] и снял железо с Брячислава [двоюродного брата].

В 1160 г. к Изяславу Давыдовичу к “Выреви” подошли приглашенные им половцы. Князь выступил к Чернигову, к своей старой отчине, стремясь выгнать из города Святослава Ольговича.

Изяслав Давыдович стал на левом берегу Десны “на Крырову. оли до оустья. а вниз до Стоняничъ”. Святослав Ольгович в Чернигове не остался в одиночестве. В городском детинце сидели племянник Святослав Всеволодович и сын великого киевского князя Рюрик Ростиславович.

Стали биться через реку. Со стен Чернигова были видны столбы дыма, поднимавшиеся над заручными селами. Половцы зажигали тесовые и соломанные кровли изб и овинов, а людей сгоняли на дорогу и вели в степь, в полон [полон — от слова полный].

Послали за помощью в Киев. Ростислав отправил к Чернигову “Ярославич Зяславич”, Владимира Андреевича и галичан. Как только о том стало известно Изяславу Давыдовичу, левый берег Десны опустел. Напрасно Святослав Ольгович со Святославом Всеволодовичем и Рюриком Ростиславовичем целый день бродили за рекой.

Изяслав Давыдович стоял у “Игорева броду”. Сюда к князю приехал гонец из Чернигова с сообщением, что Святослав Ольгович болен, а дружина и союзники разошлись. Видимо, многие в Чернигове желали восстановления на столе Изяслава Давыдовича.

Изяслав повернул полк и половцев назад и скоро стал “противу Свенковичемъ”. С наступлением зори Изяслав начал переправляться через Десну.

Святославу Ольговичу доложили, что неприятель близко и “селце стго Сспа” [село, принадлежавшее Спасскому собору Чернигова] зажгли. Это было неожиданностью, но Святослав Ольгович сумел собрать начавшие расходиться силы. Вернулся и “Тудоръ Елчичъ” с галицкой помощью.

К ночи Изяслав Давыдович отступил от Чернигова к “Выреви”. К Вырю подошел Владимир Андреевич и пожег острог. Изяслав Давыдович скрылся в степи.

А в Выре сидел хорошо нам знакомый Иван Ростиславович Берладник с княгиней.

Владимир Андреевич подошел к “Зарытому” и, “повоевав окрестности”, повернул домой, на Волынь.

Война тем не кончилась. К Изяславу Давыдовичу подошли новые половецкие силы, и князь выступил к “Воробеине и к Росусе”. Навоевавшись, Изяслав пошел к городу своего племянника “Вщижу”.

Наступила зима, и Изяслав Давыдович разорил часть земель в смоленском княжестве. То была месть за помощь Святославу Ольговичу. Половцы зимой вывели из смоленской земли “дшь боля тмы [10 000] а инья исекоша”.

Изяслав Давыдович понимал, что с помощью одних половцев Чернигова не вернуть. И Изяслав обратился к Андрею Боголюбскому, прося у него дочь за своего племянника Святослава Владимировича.

Боголюбский, хотя и был занят широким строительством, послал в помощь Изяславу сына Изяслава с полком и муромцами.

Святослав Владимирович сидел во “Вщижи” в осаде, с нетерпением ожидая дядю с помощью. Как только Святослав Ольгович узнал, что зимними дорогами ко Вщижу идут суздальские полки, осада с города была снята. Память о Долгоруком была крепка в Южной Руси.

Зимой 1160 г. во Вщиже справили свадьбу Святослава Владимировича с дочерью Боголюбского.

Изяслав Давыдович сыновей не оставил, а единственный племянник, породнившись с домом Долгорукого, фактически пресек ветвь ярославова древа, известную как Давыдовичи.

В конце зимы 1160 г. Святослав Ольгович вновь осадил Вщиж и простоял под его стенами пять недель. Возможно, Ольговича напугал союз Давыдовичей с Боголюбским. Стояли под Вщижем, греясь у костров помимо киевских и смоленских союзников Святослава Ольговича и Всеслав Васильевич из Полоцка и “Кстытинъ Серославичъ. с галичаны”.

Дочь Боголюбского с облегчением вздохнула, когда ее супруг поцеловал крест к Святославу Ольговичу, обещая быть “въ всеи воли его”.

Зима, а вместе с ней и 1160 г. закончились на Руси двумя событиями. Андрей Боголюбский встретился с Изяславом Давыдовичем на “Волоце” [Волок Ламский]. Князья отправили в Новгород посла с требованием склонить голову перед Боголюбским.

На Ярославом дворе над Волховом стали соби- рать одно вече за другим. И стали новгородцы “мясти”. Это был удар Боголюбского по Киеву и Чернигову.

Не преминул последовать ответный удар. Мсти- слав II Изяславович с союзниками три недели про- держал в осаде Туров, но ничего не добился от сидевшего в городе “Гюргя” Глеба Юрьевича.

Наступивший 1161 г. не назовешь спокойным. Сказалось то, что было заложено в предыдущем году. Новгородцы потребовали от сидевшего под городом на Городище Святослава Ростиславовича убрать из Нового Торга младшего брата Давыда Ростиславовича. Новгородцы объяснили князю, что не могут “дву князю держати”. Святослав отпра- вил Давыда в Смоленск и тем оголил рубеж с Бого- любским.

И снова зашумело вече в Новгороде. Скоро нов- городцы схватили Святослава Ростиславовича и “запроса в ыстебке”. А княгиню отправили в мона- стырь. Дружину “исковаша”, товар князя “разграби- ша”. В конце концов, Святослава Ростиславовича отвезли в Старую Ладугу.

Когда о пленении сына узнал Ростислав Мсти- славович в Киеве, он велел схватить всех новгород- цев и “оуметати е оу Пересеченьский погребь”. В том погребу за одну ночь задохнулось четырнад- цать новгородцев. Скоро Ростислав выпустил нов- городцев из погребов, но развез их по городам.

Тем временем в Суздале Андрей Боголюбский принимал послов из Новгорода. Просили у Андрея сына. Боголюбский предложил брата Мстислава Юрьевича, ранее сидевшего в Новгороде. Послы возразили, и пришлось Боголюбскому отправить в Новгород племянника Мстислава Ростиславовича.

Когда в Суздале решили вопрос с новым князем, в Старой Ладуге освободили Святослава Ростисла- вовича. Князь добрался до Полоцка, а оттуда Рог- волод Борисович [союзник Ростислава] проводил Святослава до Смоленска.

В 1161 г. Рогволод Борисович вновь ходил к Минску на Ростислава Глебовича, а затем, заклю- чив мир, вернулся в Полоцк.

А в северо-восточных землях завершали стро- ительство Успенского собора во Владимире на Клязьме. Когда работы закончили, в Ростове сгоре- ли все церкви и среди них соборная “дивная вели- кая”, каких не было “николиже” и “ни будеть”. Ростовские церкви были деревянными, и их гибель в момент рождения белокаменного колосса на Клязьме по-своему символична. В права новой сто- лицы залесской земли вступал новый город, средо- точием силы и красоты которого был Успенский собор.

А в Южной Руси произошел скандал, к концу года приведший к войне. Началось с того, что Рос- тислав Мстиславович послал к Святославу Ольго- вичу просить прислать в Киев сына Олега. Великий князь объяснил: пусть юноша познает “кияны леп- шия”, берендеев и торков.

Олег Святославович приехал в “Олжиче”, а Рос- тислав Мстиславович стоял у “Шелвоее селца. подь Боркомь”. Два дня шли пиры, а на третий день

Олег “оусрете” Ростислава. Тот предупредил Олега “стерезися хотять ты яти”.

Олег Святославович сослался на болезнь матери и стал проситься у великого князя в Чернигов. Рос- тислав и в помыслах не держал зла на Олега, не имея “лиха въ срдци”. Кому-то не нравилась дружба Оль- говичей и Ростислава Мстиславовича.

Олег, приехав в Чернигов, не передал слышанно- го отцу, но “погневался на отца в тайне” стал про- ситься подалее на восток к “Курьску”.

Когда Олег приехал в Курск, к нему, на берег Сейма, поспешили послы от Изяслава Давыдовича. Скоро между Олегом и Изяславом был заключен союз. Сделал то Олег “безь отня света”.

Святослав Ольгович “велми быс печалень”, узнав, что его сын Олег и племянник Святослав Всеволодович “сложился любовью” с Изяславом Давыдовичем.

Бояре Святослава Ольговича не любили сидев- шего в Киеве Ростислава и всячески настраивали своего князя против него. Скоро и сам Святослав Ольгович стал подумывать о дружбе с двоюродным братом Изяславом Давыдовичем.

14.4. Изяслав Давыдович возвращается в Киев и гибнет

Тем временем Изяслав с половцами и союзными Ольговичами подошел к Переяславлю. В городе сидел зять Изяслава Глеб Юрьевич, сын Долгоруко- го. Пока Изяслав две недели уговаривал Глеба выступить в Киев, Ростиславу сообщили о происходившем на левом берегу Днепра.

Великий князь выступил к Треполью. Когда Изяс- лав Давыдович узнал о том, он немедленно укрылся в вятичских лесах, а половцы умчались к своим вежам.

В августе 1161 г. Киев встретил прибывшего из Византии нового митрополита Федора.

Мир на Руси стоял недолго. Изяслав Давыдович собрал силы, включая половцев, и пошел к Киеву “за Вышегородь къ божици”.

Там же “оу боженки” полки перешли Днепр и начали подступать к Киеву.

Стал Изяслав Давыдович “в виду столицы и болоньи. в лозах противу Дорогожичу”. Утром февраля полки Изяслава подошли к Подолу.

Ростислав Мстиславович не ждал зимой Изясла- ва и сил в Киеве имел немного. Волынь и Галиция были далеко. Великий князь стал подле “столпье” защищавшего пригород “от горы. оли и до Днепра”. Началось сражение. И было оно таково, что “страшно бе зрети. яко второму пришествию быти”. Изяслав Давыдович побеждал. Половцы принялись рубить частоколы и бревенчатые клетки-городни и начали въезжать в город “и зажгоша дворь. Лиш- чевь поповь. и Радьславль”.

Дружина посоветовала Ростиславу отступить в Белгороду и дожидаться помощи. Князь, успев взять в Киеве супругу, отступил в Белгород.

Сюда к Ростиславу подошли племянники Яро- слава и Ярополк Изяславовичи. А Андреевич [не по- нятно — Ярополк или Владимир], двоюродный брат Ростислава, поехал в Торческ за торками и берендеями.

12 февраля Изяслав Давыдович въехал в Киев. Князь вошел в св.Софию, и едва ли горожане были ему рады.

Скоро Изяслав выступил к Белгороду и простоял под тем городом четыре недели. Острог Белгорода севший в детинце Ростислав.

Из Чернигова к Изяславу Давыдовичу приехали гонцы. Святослав Ольгович просил Изяслава за- ключить мир и ехать на левый берег Днепра, говоря, что там “вся твоя правда будет”. Изяслав в Черни- гов послал ответ: “Не могу ити а оу Выри не могу голодомъ мерети. а лепле хочю сде оумерети”. Видно, не сладко было жить Изяславу и его боярам в вятичах.

Наступила весна 1162 г. Из Владимира Волынского выступил Мстислав II Изяславович с галицкой по- мощью. У “Котелницы” эта сила объединилась с Юриком Ростиславичем, Владимиром Андреевичем и Васильком Юрьевичем [сын Долгорукого]. С “Торцьского”, из поросья, привели берендеев, торков, чиченегов.

Выступили на “Мутижирь” к Белгороду. Когда стояли на “Кучари”, вперед выехали черные клобу- ки. Половцы в свою очередь “оустерегоша” Мсти- слава II и о том сообщили Изяславу Давыдовичу. Этого было достаточно для того, чтобы Изяслав убежал от Белгорода.

Ростислав Мстиславович с Ярославом и Яропол- ком Изяславовичами выехали из белгородского де- тинца и расцеловались с Мстиславом II.

Начали погоню за отступившим к Днепру Изяс- лавом Давыдовичем. Торки настигли возы его на “Велыни”. Отступавших начали настигать “от Бу- личи”. Стали сечь бежавших. Многих пленили. Чина...и Шварана. и Милятича оба. Степана и Якуна. и Нажира Переяславича”.

Изяслава Давыдовича настиг “Воиборь Генече- вень”, когда князь “постигоша къ озерямъ въездяча къ Борокъ”. Щадить Изяслава не стали. Когда по- сле Мстислав II, Изяслав Давыдович был еще жив. Князя отправили в монастырь св.Семеона в Копыревом конце Киева. 6 марта 1162 г. Изяслав Давыдович умер.

Изяслава Давыдовича хоронил двоюродный брат Святослав Ольгович в Чернигове “въ отни. ему гроби” св.Бориса и Глеба 13 марта 1162 г.

14.5. Русь 1162 — 1167 гг.

Произошедшее в Киеве тотчас отозвалось в Нов- городе. Горожане “пояша” Святослава Ростиславо- вича “к собе княжить. опять”, а “Гюргевича внука” убили.

В 1162 г. скончались два русских князя. В Старой Ладуге похоронили Владимира Святославовича, внука Ярослава Святославовича Рязанского.

В тот же год в “Селуни” в Греции скончался галицкий князь-изгой Иван Ростиславович Берлад- ник. Говоря о его кончине, многие на Руси “молвя- хуть яко съ отравы бе ему смръть”.

В полоцкой земле в 1172 г. случилось вот что. Рогволод Борисович с полочанами выступил к “Го- родцу” [не понятно местоположение]. В том городе сидел Володарь Глебович. Ночью из города пред- принимали вылазку, причем Володарь выступил “с Литьювою”. Полочанам нанесли чудовищный урон. Рогволод Борисович бежал в “Случьскъ” и, пробыв в городе три дня, выехал в “Дрютескъ”. В Полоцк князь ехать не смел “занеже множество погибе По- лотчань”.

Полочане посадили на стол “Василковича” [Все- слава Васильевича].

В Киеве также не все было ладно. Мстислав II уехал на Волынь “розыневався” на дядю Ростисла- ва, заботившегося о своих детях. И много “речи въста межи ими”. К тому же Давыд, сын Ростислава, “без отня повеления” выгнал из Торческа посадника Мстислава II “Вышка”. О том ли помышлял Мсти- слав II, когда мартовскими снегами вел волынские и галицкие полки к Белгороду на выручку Ростисла- ву?

В Белгород Ростислав посадил сына Мстислава. Наконец, у Мстислава II не выдержали нервы, и он, выйдя из Владимира-Волынского, подошел к Пере- сопнице и, став на “Въбучи”, послал к сидевшему в городе Владимиру Андреевичу требование “отсту- пити” от Ростислава.

Ростислав Мстиславович, посадив по городам вокруг Киева детей и посадников, послал крест в Чернигов, заботясь о восточном рубеже. Святослав Ольгович и Святослав Всеволодович с готовностью крест целовали.

Заботился о крепости власти и Андрей Боголюб- ский. Он выгнал из Суздаля епископа Леона и млад- ших братьев Мстислава и Василька и “два Ростиславича сновца своя” [племянников]. Изгнал из Суздаля Боголюбский и “мужи отца своего перед- нии”. Андрей Юрьевич вознамерился “самовлас- тець быти. всеи Суждальской земли”, и в том князю могли помешать даже отцовские бояре.

Над Леоном Андрей смилостивился и вернул из изгнания, но не в Суздаль, а в Ростов. Скоро Леона вновь изгнали, и он нашел убежище в Чернигове у Святослава Ольговича. Тут епископа утешили и от- правили в Киев.

В том году половцы подошли к “Гюргеву” [Юрьеву] и стали воевать по “Роту” [р.Руть]. Тут погиб секший Изяслава Давыдовича “Въибора”. Набег отразили черные клобуки. Они нагнали по- ловцев на “Рси” [р.Рось], отняли полон, многих по- ловцев перебили, а пять сотен взяли в плен и среди них два знатных “Сатмазовича”.

В конце 1162 г. из Слуцка, из земли дреговичей, изгнали брата Великого князя Владимира Мстисла- вовича. Гнали его Ольговичи черниговские, Юрьви- чи суздальские с “Кривьскими князми”. Ростислав дал беглецу Треполье и к нему еще четыре города.

В Византию уехали изгнанные Боголюбским младшие братья Мстислав, Василько “съ матерью”.

Плыл в ладье к стенам Византии и самый младший брат Боголюбского Всеволод. Это был предок Александра Невского, Дмитрия Донского и Ивана Грозного.

Император Эммануил I милостиво встретил русских князей. Васильку были даны четыре города в “Дунай”. Мстислав получил волость “Отскалана”. А юный Всеволод Юрьевич остался в столице империи дивиться красоте и величию ее дворцов и соборов.

В 1163 г. Ростислав Мстиславович помирился с племянником Мстиславом II, вернув ему города “Торьскыи” в поросье, Белгород, взамен Треполья отдал Канев.

В 1163 г. Ростислав женил сына Рюрика на дочери половецкого хана Белокувне. Тем самым закрепили мир с половцами.

В том же году в Киеве скончался митрополит Федор, всего десять месяцев проживший на Руси. Поляки воевали около “Червьна,” и это было начало польской экспансии на западнорусские земли.

В 1164 г. из Византии приехал новый митрополит Иван. В устье Днепра, в “Олешья”, великий князь отправил боярина “Гюрятю Семковича”. Ростислав не желал принимать Ивана, но хотел “отправить” Клима Смолятича в “митрополью”.

Из Олешья в Киев Гюрята вернулся с митрополитом Иваном, послом Эммануила I и с многочисленными дарами. Из ладей на Подоле выгрузили “оксамоты и наволоки. и вся оузорочьи разноличная”. Посол передал киевскому князю слова императора: коли примешь с любовью Ивана, снизойдет на тебя благословение “от стья Софья”. Византия была заинтересована в том, чтобы митрополитом на Руси был грек, а не русский.

15 февраля 1165 г. в Чернигове скончался Святослав Ольгович, старейший из правнуков Ярослава Мудрого. В Новгороде Северском сидел племянник умершего князя Святослав Всеволодович. Он был старейшим среди Ольговичей. К нему и прислал известие о смерти дяди черниговский епископ, бывший греком. От сына умершего князя Олега эту новость тайли три дня.

Святослав Всеволодович, получив уведомление от епископа, послал сына в “Гомии” [Гомель], а по иным городам разослал посадников. Сам князь поспешил в Чернигов.

Олег Святославович, узнав, что двоюродный брат в Чернигове, стал слать послов “ладячяся о волостех”. Решили, что Святослав Всеволодович как старший сядет в Чернигове, а Новгород-Северский займет Олег Святославович. С крестом в Чернигов Олег послал “Ивана Радьслалича”.

Таким разделом была недовольна дружина покойного князя и “тысячкыи...Гюрги”. Ей надлежало покинуть Чернигов. Однако епископ “Гречинь...лестя в собе” оказался хитрее и расторопнее сыновей и бояр покойного Святослава Ольговича.

Паводок 1164 г. был необычайно силен в Галиции. Вода вышла из берегов Днестра и хлынула в “болонь”, в прибрежную луговину, дойдя до “Быковаго болота”.

Наводнение было столь неожиданно и стремительно, что утонуло более трехсот человек, везший соль из “Удеча”. Многие спасались в кронах деревьев и на “кола” [на колесных телегах] “иже бе вода възмятала”.

28 октября 1164 г. во Владимире на Клязьме хранили сына Андрея Боголюбского Изяслав. Князя упокоили под сводами Успенского собора, красовавшегося пока единой золотой главой над городными новой залесской столицы.

В 1165 г. из Византии в Галич, ко двору Ярослава Осмомысла, приехал “братань урвь кюръ” Андроник [брат Эммануила I, племянник Иоанна II, в 1118 — 1185 гг. ставший императором].

Ярослав дал греческому царевичу “неколько городов на оутешение”. В том же году в Галицию из Эммануила I приехали два митрополита “вабя и себе”. Ярослав отпустил Андроника в Грецию, представив к нему своего епископа Кузьму и “мужа. своя передния”.

В июне 1165 г. Ростислав Мстиславович, следуя мудрой политике отцов и дедов, выдал дочь Агафью за Олега Святославовича. И тут невозможно удержаться от одного замечания. Глядя на генеалогическое древо потомков Владимира I Святославовича, невольно подмечаешь, что всякий раз, как отдельные княжеские ветви сочетаются браками, потомство их скоро вырождается.

В 1165 г. сын Великого князя Давыд Ростиславович сел в Витебске. А Роману “Вячеславлю. внуку [выходит, у Вячеслава Владимировича, сына Мономаха, был внук, быть может, от умершего в 1129 г. сына Михаила] Ростислав Мстиславович пожаловал города вблизи столицы “Васильевъ и Краснъ”.

Южные рубежи Руси в 1165 г. оборонял Василий сын Ярополка Изяславовича. Мало того, что Василий с дружиной побил много половцев, князь отобрал у степняков много оружия и лошадей и “искум много има на них”.

В 1166 г. в Новгороде епископом был поставлен Илья. Родом он был из Новгорода. В свое время Илья обвенчал дочь Святослава Ольговича с Ярополком Изяславовичем. Похоже на то, что в XII в. на Руси епископов желали видеть русскими.

В 1166 г. скончался сын Долгорукого Ярослав Юрьевич, не угодивший в Грецию лишь потому, что имел собственную волость вне Суздаля. Андрей Боголюбский упокоил младшего брата в Успенском соборе Владимира на Клязьме.

А 12 апреля 1166 г. умерла супруга Святослава Ольговича.

В 1167 г. окончательно увяла мужская линия Давыдовичей. Во “Вщижи” скончался Святослав Владимирович. Наследие, оставленное последним Давыдовичем, разделили Ольговичи. Святослав Всеволодович во “Вщижи” посадил сына, а брат тот князь дал “лепшую волость”.

Великий князь Ростислав озаботился тем, чтобы обидели Олега Святославовича, и обратился к Святославу Всеволодовичу. Тот не слушал. Тогда Олег выступил к Стародубу [волость Давыдовичей], опоздал, ибо в городе уже сидела “помочь” Яро-

Всеволодовича, двоюродного брата. Олег разгневался не на шутку, вспомнил и то, как утаили смерть отца и не дали ему Чернигова. Возвращаясь в Новгород-Северский, Олег завоевал волость двоюродных братьев и взял полон.

Святослав Всеволодович послал к Новгороду-Северскому брата Ярослава с половцами. Но те дошли до “Молочныи” и, не дойдя пятнадцати верст от города, вернулись к Чернигову.

Олег Святославович в ту пору расхворался “велми. яко не мощи ему ни на конь всести”.

Великого князя встревожили вести, приходившие из-за Днепра, и он велел Ольговичам мириться. Олег послушался. А Святослав Всеволодович дал Олегу четыре города.

В 1167 г. у Олега родился сын, в миру названный Святославом, а в крещении — Борисом.

Только помирились Ольговичи, как в Киеве стало известно, что половцы “в пороги начаша паки стигти. Гречникомъ”. На юг Ростислав послал Володислав Ляха” с полком. Греческих купцов “введоша” вверх по Днепру к киевскому Подолу.

Не был мирным 1167 г. для полоцкой земли. Из городца к Полоцку выступил Володарь Глебович. В Полоцке сидел Всеслав Василькович. Он выступил с полочанами навстречу неприятелю, да не убежал. Володарь Глебович ударил “изнезапы”. Полочане побежали. Сам Всеслав Василькович едва вымчался до “Витебську”.

Володарь Глебович занял Полоцк, и обескураженные горожане целовали крест к князю. Но тем Володарь не удовольствовался. Он выступил к Витебску на Всеслава Васильковича и сидевшего в городе Давида Ростиславовича.

Полки неприятелей стали биться через Западную Двину. В полночь “быс громъ силенъ. Яко воянь воящимъ ся чересь реку”. Дружина Володаря Глебовича решила, что от Смоленска подходит Роман Ростиславович. И “побеже Володарь от Витебска”.

Скоро в Полоцк въехал Всеслав Василькович.

В 1167 г. было заключено несколько брачных династических союзов. Ярослав Галицкий женил сына Владимира на дочери Болеслава, герцога польского. А сидевший на Волыни, в Луцке, Ярослав Изяславович привез сыну Владимиру из Туровича дочь покойного Ярослава Юрьевича — “Дюргя”.

В северской земле умерла супруга Олега Святославовича “Андреевна”. Олегу пришлось сражаться с половецким ханом “Боньякомъ”.

Под Переяславлем половцы схватили “Шварь”, дружину его избили, а за него самого взяли “купа множество”.

В начале 1168 г. Ростислав Мстиславович собрал войско всего правобережья среднего Днепра, включая галицкую “помочь”, с полками и стал с силой у Канева. Отсюда великий князь грозил половецким ханам.

Стояли русские полки под Каневом до тех пор, пока не “взиде. Гречникъ и Залозникъ”. Так Ростис-

лав защищал днепровский путь, связывавший Киев с Византией.

14.6. Последний поход Ростислава Мстиславовича

Решив вопрос на юге, Ростислав оборотился на север, к Новгороду. Сыну его Святославу Ростиславовичу приходилось на берегах Волхова несладко, ибо горожане не “добре живяху” с князем.

Ростислав, выступив из Киева, подошел к “Чичьрьску”. В городе сидел зять Ростислава Олег Святославович. Праздничные обеды шли два дня. На них князя без устали одаривали друг друга “большими дарми”.

Позже Ростислав выехал к Смоленску в свою старинную волость. Бояре смоленские и “лутшийи мужи” встретили Ростислава за триста верст от города и привезли князю внуков. Вскоре навстречу Ростиславу выехали сын Роман и епископ Мануил. А под стенами Смоленска навстречу Ростиславу вышел “мале не весь градъ”. Горожане искренне радовались приезду князя, и дарам их не было конца.

Из Смоленска Ростислав выехал в “Торопечь”. Из этого городка, стоящего в верховьях Западной Двины, среди необозримых лесов Оковского леса, Ростислав послал в Новгород уведомить сына Святослава о приезде и с просьбой выехать к нему навстречу.

Когда Ростислав достиг “Луки” [Великие Луки], он был уже “нездравуя велми”. Сюда приехал Святослав с новгородцами. Стали новгородцы целовать крест, обещая Ростиславу не искать иного князя, кроме его сына.

От Великих Лук к Смоленску Ростислав ехал с дарами. Сестра Рогнеда ежедневно с тревогой наблюдала, что князь “велми изнемагающа”. В Смоленске Рогнеда стала уговаривать Ростислава лечь “въ своемъ ему зданыи”. Но князь просил везти его в Киев, в обитель св. Феодосия.

Игуменом в Печерском монастыре в ту пору был Поликарп. Ростислав загодя попросил у игумена “келью добру”. А шел великий пост. Князь принялся молиться, стремясь освободиться от “суетнаго света сего. и мимотекущаго и многмятежнаго жититья”.

Доехать до Киева Ростислав не успел. Князь остановился в селе “Рогънедине. в Зарубе” и обратился к “Иванкови Фроловичу покладнику своему и Борисови Захарьичу”, прося позвать “Семьюна попа”. Ростислав, чувствуя скорую кончину, стал молиться. 14 марта 1168 г. Ростислав Мстиславович скончался. 21 марта тело погребли в Киеве у св. Феодора “въ отни ему манастыри”.

Зимой 1168 г. Ольговичи ходили в степь на половцев. Олег Святославович взял вежи “Козины”, а Ярослав Всеволодович — “Беглюковы”.

Глава 15. Русь 1169 — 1176 гг.

15.1. Мстислав II Изяславович
(1169 — 1171 гг.)

Схоронив Ростислава Мстиславовича, киевляне послали во Владимир-Волынский к Мстиславу II Изяславовичу. Князь выступил к столице, а вперед отправил “Володислава Воротиславича” с просьбой к Васильку Ярополковичу “седети Киеве до себе”.

Поехали к Киеву бояре Мстислава II. И тут до князя дошла весть, что дядя Владимир и двоюродные братья Рюрик и Давид Ростиславовичи подумывают самостоятельно разделить волости на Руси.

Послали за помощью в Польшу и Галич. От Ярослава Осмомысла пришли пять полков. У “Микулице” к Мстиславу II приехали берендеи, торки, печенеги и черные клобуки поросья.

Когда о приближении Мстислава II стало известно его дяде Владимиру Мстиславовичу, он переехал из Треполья в Вышгород, взяв жену и детей.

В Вышгороде Владимир пробыл недолго. Он выехал на Волынь, и на “желяни. оу Дорогобужа” князя настигли берендеи. Эти всадники преследовали Владимира Мстиславовича до “Всеволожа. ма-настыря”.

Мстислав II подошел к Киеву с юга, от Василева. Киевляне отворили князю ворота, но в душах их покоя не было.

Мстислав II двинулся к Вышгороду и пустил берендеев в “наворопъ”. На “болоньи о Днепра” запылал двор “Радилов”. Это был двор “тысячкого” Давида Ростиславовича. Запылала в округе еще семь дворов.

После перестрелки Мстислав II “уладился” с дядей и двоюродными братьями “о волость”, и князья, к общему облегчению, “целоваша хрсть”.

19 мая 1169 г. Мстислав II Изяславович въехал на старокиевскую гору, и одному богу ведомо, что чувствовал князь, глядя с сеной дворца на золотые купола столицы, на голубую ленту Днепра и на неоглядные дали Руси. Какая красота и сила была заключена в тех видах!

Но не все было ладно на Руси. Владимир Мстиславович не желал мириться с тем, что племянник сел в Киеве. О том Мстиславу II стало известно от Давида Ростиславовича, о том же поведал и муж “Василь Настасичь”.

Владимир Мстиславович, узнав, что о его мыслях известно племяннику, поспешил в Печерский монастырь “оправливаться”. Мстислав II приехал в обитель и велел дяде сесть в “икономли кельи”, а сам сел в “игуменьи кельи”.

Владимир послал к племяннику дьячка “Иморыжа”. Так князья стали сноситься друг с другом. Наконец, послали в Вышгород к Давиду Ростиславовичу. Тот князь отправил в обитель “Василя Настасича” “на тяжю”. К Васильку приставили “Радилю тысячьскаго и Василья Волковича”.

Владимир Мстиславович выслал своего мужа “Рагуила Михалю” и стали “спиратися” с “Василем Настасичем”.

Дело кончилось тем, что Мстислав II просил дядю целовать крест, дабы не искал племяннику “лиха”. На том и разошлись. Владимир Мстиславович с облегчением выехал из Киева в “Котелницу”.

Но скоро Владимир вернулся к прежним помыслам. Подтолкнули к тому князя жившие на русском пограничьи турки “Чегровичи. Чецьмань и брат его Тошмань и Моначюк”, советовавшие Владимиру проучить племянника. Владимир Мстиславович “радъ бывъ думе ихъ”. Обратился князь к своим друзьям “Рагуилови Добрыничу и къ Михалевичу Завидови”, делаясь помыслами.

Не поддержала Владимира его дружина, ответил: “А не едем по тебе мы того не ведали”. Тогда Владимир обратил взор на “децкыя” и сказал: “А вы будете мои бояре”.

Владимир с “детскими”, которые против будущего боярства не возражали, встретился с берендеями ниже “Растовця”. И произошло вот что: Берендеи, видя, что Владимир приехал без дружины и братьев, укорили князя в обмане и начали в него “пущати стрелы”. Две стрелы достались Владимиру. Князь проникновенно изрек: “Не даи Бъ поганому веры яти”. Владимир Мстиславович едва добрался до Дорогобужа “ту же бе и жена его бежала перед нимъ”.

Мост через реку Горынь “Андреевич же перемета” [Ярополк Андреевич]. Пришлось Владимиру “Волыни ехать на “радимиче”. Далее князь поехал в Суздаль к Боголюбскому, зная, что он его Киеву выдаст. Боголюбский отправил Владимира в Старицу Рязань к Глебу Ростиславовичу. Дети Владимира остались в “Глухове оу Всеволожи”.

В Киеве Мстислав II предложил матери Владимира идти в “Городокъ а оттуда камо тебе годно”.

Старая княгиня из Городца поехала в Чернигов к Святославу Всеволодовичу.

В Новгороде после смерти Ростислава Мстиславовича народ заволновался. Стали “вече деяти в сени по дворомъ”. Святославу Ростиславовичу, сидящему за городом “на Городище”, поведали о том. Стал князь думать с дружиной, ибо норы новгородцев ему был известен.

Весной нового 1170 г. Мстислав II Изяславович собрал в Киеве братию и среди прочего обратился к ней с такими словами: “А оуже оу нас и Гречьский оуть изъоттимають. и Солоный и Залозный”. Мстислав II призвал братьев “поискати оць своихъ и дедь своихъ пути”.

Это можно понять так, что к 1170 г. на нижнем Днепре не стало проходу от половцев, и Киеву, если не желал сохранить доступ к Византии, следовало искать другим путем расчищать путь по Днепру.

Послали в Чернигов к Ольговичам и Святославу Всеволодовичу, веля с детьми быть в Киеве “бяху бо тогда Ольговичи въ Мьстиславли воли”.

Скоро в Киеве собралось множество русских князей с обоих берегов Днепра. Приехали из Переяславля дети Долгорукого — Глеб и брат его Михайло Юрьевичи.

2 марта 1170 г. русские полки выступили из столицы. От братьев отстал Ярополк Изяславович. Князь разболелся и слег в “Тумаши”. Мстислав II из Киева к родному брату Ярополку послал печерского игумена Поликарпа и своего попа Данилу. Они и похоронили Ярополка Изяславовича на седьмой день марта в церкви св. Феодора в Киеве рядом с отцом.

Когда русские полки девятый день шли нижнеднепровской степью, половцам была послана весть от кощера от Гаврилкова от Иславича” о том, что идут русские князья. Половцы побросали в вежах кони и возы и “побегли”.

Русские князья с дружинами пришпорили коней. Охранять обоз оставили Ярослава Всеволодовича. Стали брать вежи половецкие на “Оугле реце а дружье по Снопороду”. Половцев настигли у “Черного меса”. Прижали их к труднопроходимым дебрям и коней побили, часть пленили. И погнали половецкие кони за “Вьсколь”.

Скоро русские воины “ополонились до избыток и колодники и чагами и детми ихъ и челядью. а сноты и конми”. Было выпущено на волю множество русских, ранее уведенных в степь.

Русь в походе потеряла немногих: “два оубьена брата. Кснятинь Васильевичъ. Яруновъ брат и сеничникъ Ярославъ Изяславича. и Кснятинь. Хотоничъ. ять бые”. Вернулись полки на Русь на пасху.

Вскоре Мстислав II снова собрал братию в Киеве. Из Луцка приехал Ярослав Изяславович, из Дорогобужа — Владимир Андреевич, из “Вроуче” [Овруча] пришел Рюрик Ростиславович, из Вышгорода приехал Давид Ростиславович, а из Турова поехал Иван Юрьевич, сын Долгорукого. Мстислав II предупредил князей, что половцы будут мстить за весенний поход, и предложил упрямить половецкий разбой на нижнем Днепре в отношении “гречнику нашему и залознику”.

Спустя немного времени русские полки стояли у Канева, к северу от устья Роси. Торговый караван из Киева в Византию и обратно прошел благополучно, а среди князей начались раздоры.

Хорошо нам знакомый по посольству в Галич [к Владимиру Володарьевичу] боярин Петр Бориславович и Нестер стали нашептывать Давиду Ростиславовичу злые речи на Мстислава II. Бояре были крепко обижены великим князем, ибо он их “отпустил от себе” за то, что их холопы “покрале коне Мьстиславли оу стаде и пятны [клейма] свое въскла-ле”.

Давид боярам поверил, решив, что Мстислав II и вправду хочет его “яти”, и стал о том говорить с братом Рюриком Ростиславовичем. Мстислав II, не зная об интригах изгнанных бояр, позвал на обед братию. Это было тем естественнее, что незадолго до того Мстислав II принимал дары, сидя за обедом у Глеба Юрьевича.

Давид и Рюрик на обед не приехали. Мстислав II “оужасеся мыслью” и стал думать с дружиной, как беде помочь. Ближние объяснили великому князю, что “злии члвци завидяче твоєи любви. юже къ брате имеши”, и добавили, что “золъ бо члвкъ противу бесу. и бесъ того не замыслить. еже золъ члвкъ замыслить”. К счастью, дело кончилось тем, что князья целовали друг к другу крест.

Той порой, видимо, под Каневом Владимир Андреевич стал просить у Мстислава II волости. Князю было отказано, и он “разгневавсь” поехал в Дорогобуж.

В Киеве Мстислава II ожидали послы от Новгорода. Стали просить у великого князя сына. Мстислав II дал новгородцам Романа. Это еще более разожгло неприязнь к великому князю со стороны двоюродных братьев Ростиславовичей, ибо новгородцы изгнали Святослава Ростиславовича. Новгороду требовался князь, семья которого на Руси имела силу и власть. Битая карта изгонялась новгородцами быстро и без сожаления. Северорусское боярство и купечество отличалось особой прагматичностью и железной хваткой.

Когда стали подо льдом реки и землю скрыл белый снежный полог, из далекой залесской земли к Киеву выступил сын Боголюбского Мстислав Андреевич. И на Мстислава II отовсюду ринулась ближняя и дальняя родня. Это была трагедия для Киева, позже вылившаяся в трагедию для Руси.

С северо-востока на Киев шли одиннадцать князей и с ними Борис Жидиславович. Из Переяславля выступил Глеб Юрьевич. Из Смоленска выехал Роман Ростиславович. Из Дорогобужа выступил Владимир Андреевич. Рюрик Ростиславович вышел из Овруча, а Давид Ростиславович — из Вышгорода. Подходили к Киеву и Ольговичи. Среди них шел Игорь Святославович, герой “Слова о полку Игореве”. И даже юный Всеволод Юрьевич, младший сын Долгорукого, успевший вернуться из Греции, ехал с братьями к Киеву.

У Мстислава II под рукой остался лишь один сын Долгорукого — Михалко. Великий князь поспешил отправить его в Новгород, к сыну Роману, за помо-

щью. На свою беду Мстислав II с Михалком на север послал и “Бастеевою чадью”. Эта чадь “льсть издея”. Когда Михалко ехал за “Межимостью ко Мозырю”, о том стало известно в Смоленске. Скоро Михалко схватили.

В начале марта нового 1171 г. “сошедшиеся отовсюду” к столице полки встретились в Вышгороде и стали на “Дорогожичи” под “стымъ Курилом”. Киев окружили, и дружина Мстислава II стала отбивать приступы. Берендеи и торки три дня простояли под Киевом и, поняв, чья берет, изменили Мстиславу II.

Дружина подступила к Мстиславу II и, сказав, что неприятеля “не перемочи”, посоветовала князю “поеди из города”. Мстислав II, выехав из Киева, пошел на юг к Василеву. Тут князя настигла “Бастеева чадь”. Отступавшим стали стрелять в спину и схватили многих из дружины Мстислава II: “Дмитра Хороброго, и Олексу Дворьского, Сбыслава Жирославича, и Иванка Творимирича, Рода тивуна” и иных.

Мстислав II встретился с братом Ярославом Изяславовичем за “Оуновью” и поехал во Владимир-Волынский.

А в Киев вошел Мстислав Андреевич, сын Боголюбского. Это было 8 марта 1171 г. И начался грабеж русской столицы, длившийся два дня. Подобного ранее творить с Киевом никто не смел. Грабили “весь град Подолье и Гору, и монастыри, и Софью и Десятинную Бцю и не быс помилования никому же, ни откудаже”. В Киеве воцарилась “скорбь не оутешимая, и слезы непрестанья”.

Киевское княжество к 1171 г. было раздроблено на уделы и являло собой проекцию Руси на ее центр. Сам Киев без Овруча, Вышгорода и иных городов противостоять Смоленску, Суздалию, Чернигову, Новгороду Северскому, Переяславлю и Дорогобужу, вместе взятым, был не в силах.

15.2. Глеб Юрьевич (1171 — 1173 гг.)

Итак, 8 марта 1171 г. в Киеве сел Глеб Юрьевич, сын Боголюбского, ждавший своего часа в Переяславле. В Переяславль князь отправил сына Владимира.

Скоро Мстислав Андреевич с полками уехал в Суздаль к Боголюбскому. А Мстислав II Изяславович с братом Ярославом и галичанами подошел к Дорогобужу. В том городе сидел один из сыновей Боголюбского — Владимир Андреевич. Стали города восточной Волыни переходить на сторону Мстислава II.

28 января 1171 г. Владимир Андреевич умер, и смерть его странна, ибо князь был молод. Вспомним, как после пира умер дед этого князя Юрий Долгорукий, добившийся воцарения за столом в Киеве и там же вскоре сошедший в могилу. Потомки Долгорукого были сильны и умели воспользоваться противоречиями между другими княжескими семьями, но любви в Южной Руси они не имели и оставались чужими.

Владимира Андреевича привезли в Вышгород. За телом князя из Киева приехали печерский игумен Поликарп и игумен св. Андрея Семеон.

Сам Глеб Юрьевич переехал на левый берег Днепра и пошел в Городец Остерский, а оттуда в Переяславль. Так в дни тревоги поступал его отец Долгорукий.

О кончине дорогобужского князя узнал Владимир Мстиславович [дядя Мстислава II], сидевший в “Полонемъ”. Этот князь подошел к Дорогобужу, но в город его не пустила дружина покойного. Она стерегла не только овдовевшую княгиню, но и пожалованные ей окрестные села. Владимир Мстиславович стал целовать крест, обещая затворившимся в городе людям, чувствовавшим себя как рыбаки на оторвавшейся льдине, “не позрети лихомъ”. Князь пустил в город.

Наутро Владимир Мстиславович погнал из Дорогобужа княгиню, и та, взяв юного княжича, поехала в Овруч и далее в Вышгород. Сам Владимир Мстиславович стал промышлять “на имение и на села, и на стада”. И был тот князь “вертливъ”.

Скоро из Владимира-Волынского к Киеву выехал Мстислав II Изяславович с братом Ярославом и с галичанами.

А игумены Поликарп и Семеон все еще находились при теле покойного Владимира Андреевича. В Киеве сидел Давид Ростиславович. Этот князь не пустил овдовевшую княгиню с телом супруга в Киев, говоря, что имеет весть, будто Мстислав II стоит в Василеве.

Похоронили Владимира Андреевича 15 февраля в монастыре св. Андрея.

Давиду Ростиславовичу дружина сказала: “Ты самъ ведаеши что есмы издеяли Кияномъ, а не можмъ ехати избыть ны”.

Мстислав II прежде пошел к торкам на Росю. Далее князь подступил к Треполью. Отсюда Мстислав II “вшедь” в опустевший Киев. В столице Мстислав II стал рядить “ряды” с братией. А пришли в Киев брат Мстислава II Ярополк Изяславович, дядя Владимир Мстиславович, галичане и еще два князя — Святополк Юрьевич [правнук Святополка II Изяславовича] и Всеволодкович [быть может, один из сыновей Всеволода Мстиславовича].

В Вышгороде укрепился Давид Ростиславович. Князь сжег окружавший детинец острог и отстреливался от торков и берендеев.

К Вышгороду подошел Мстислав II и стал “подъ бором”. Давид Ростиславович получил помощь из-за Днепра. Глеб Юрьевич прислал “Григоря тысяцкого своего”. Подошли от половцев “Концакъ с родомъ”. Приехала от берендеев “Бастеева чадь”.

К Мстиславу II подошли галичане. Они заявили, что их князь Ярослав Осмомысл велел более пяти дней не стоять под Вышгородом. Мстислав II возразил, что Ярослав велел не пускать галицких полков, пока он не договорится с братией. Тогда галичане “съписавъше грамоту ложную” послали ее Мстиславу II и пошли в Галицию.

Мстислав II отступил к Киеву и стал перед Золотыми воротами “въ огородехъ”. Из Вышгорода

дело налетали половцы и наносили заметный урон. Им удалось схватить “тысячкою Всеволодковича”.

Когда пришла весть о том, что Глеб Юрьевич “приидитъ” с половцами на правый берег Днепра, Мстислав II, поддавшись уговорам братии, вышел из Киева и пошел на Волынь.

Давид Ростиславович в погоню за Мстиславом II послал “Володислава, Ляха с Половци”. Те напали на князя “оу Борохова” и после перестрелки ушли к Давиду.

Глеб Юрьевич отпустил половцев в вежи. Они ушли за “Васильевомъ оу седелниковъ”, поджидая оставшихся. А в городе Михайлове сидел князь Василько, сын покойного Ярополка Изяславовича, двоюродный брат Мстислава II. Ночью Василько с дружиной выехал из города и, проблудив до рассвета, на выходе солнца ударил по половцам. Только сильный князь не рассчитал. Дружину его половцы “съ седелники” частично избили, частично переловили. Сам Василько едва успел скрыться в Михайлове.

К Михайлову подошел Глеб Юрьевич с Рюриком Давидом Ростиславовичами. Город сожгли, а Василька “сроблю роскопаша”.

В 1172 г. изгнанный из Новгорода Святослав Ростиславович воевал с новгородцами на “Волоце” [возок Ламский]. Там князь и умер. Тело его привезли в Смоленск и погребли у “стен Бци въ епископскомъ”.

В 1172 г. у Мстислава Андреевича, сына Боголюбского, родился сын, в крещении нареченный Василием. Это единственный известный нам внук Боголюбского. И не ветви Боголюбского пришлось продолжить дело Долгорукого. Бог знает, быть может, так отомстила судьба за позор и унижение 1171 г.

Отметим еще вот что. После того как Боголюбский построил во Владимире на Клязьме Успенский собор, Киев, а вместе с ним и Южная Русь лишились того, чего не мог добиться Долгорукий войнами, Боголюбский достиг созиданием на собственной земле.

В 1172 г. Андрей Боголюбский изгнал из Владимира на Клязьме “гордаго лестьца лживаго влдку Федорьца”. Боголюбский велел ему ехать в Киев “идти къ митрополиту”. Федор того не пожелал. Летописец так о нем отзывался: “Бъ до егда, а не показнито члвкв отиметь оу него оумъ, тако и надъ симъ сътвори”. Причиной подобной характеристики стало то, что Федор, поссорившись с Боголюбским, запер все церкви во Владимире на Клязьме и, взяв ключи, лишил горожан звона колоколов и церковного пения.

В мае владыку изгнали. Отметим, как велика была епископская власть на Руси XII в. Владимирский владыка сажал в “заточенья” и подвергал наказаниям не только простой народ, но и “игумены и ереемы”. Народу владыка Федор головы “вырезывая и бороды”, а иным “очи выжигаше, и вырезывая” и “распиная по стене”. И творил владыка “хотя въсхытити от всих имения”.

Когда Боголюбский все же отослал Федора в Киев к митрополиту Константину, тот обвинил владимирского владыку “всими винами” и велел отправить в “Песии островъ”. Там с Федором поступили так, как он поступал со своими жертвами. Ему “языка оурезаша...и руку правую отсекоша, и очи ему выняша”.

Заканчивая рассказ о владыке, скажем словами летописца: “Еюже мерою мерите възмеритъ вамъ”.

В 1172 г. половцы подошли к Южной Руси двумя отрядами. Первый стал у Переяславля, второй — у Корсуня, по обе стороны Днепра. Пока Глеб Юрьевич мирился с половцами под Переяславлем, орда, стоявшая под Корсунем, подъехала к Киеву и, взяв села, погнала “коне и скоты и овце...и с мужи и съ женами” в степь.

Глеб Юрьевич узнал о случившемся, когда собирался переправляться на правый берег Днепра и стоял на “Перепетовьстемъ поле”. Глеб поскакал к Киеву, да берендеи “яша коня” его за повод, говоря, что ехать следует в “велике полку”.

Глеб выслал навстречу половцам младшего брата “Михалка”. С князем поехал воевода “Володиславъ Яневъ братъ”. Сражение с половцами было неравным, ибо сто переяславцев и полторы тысячи берендеев бились с семью тысячами половцев. Но Михалко Юрьевич одолел половцев и отбил громадный полон.

А во Владимире-Волынском разболелся Мстислав II Изяславович. Князь из Луцка пригласил младшего брата Ярослава и “о детехъ, своихъ, оурядивса добре”, дал брату крест целовать, дабы “волости подъ детми” его не искал.

19 августа 1173 г. Мстислав II Изяславович скончался. Тело положили в кафедральном соборе Владимира-Волынского, самим князем построенном.

Во второй половине XII в. в отдельных княжествах Руси повторялось то, что ранее происходило в Киевской Руси. Князья делили уделы, и их поступки все более походили на семейные свары.

В 1173 г. союз смоленских Ростиславовичей и суздальских Юрьевичей обрушился на сидевшего в Новгороде Романа Мстиславовича. Андрей Боголюбский послал в поход не только сына Мстислава, но и князей Старой Рязани и Муромы и “Бориса Жирославича воеводу же своего”. Из Смоленска к Новгороду подошли Роман и Мстислав Ростиславовичи.

Новгородцы закрылись в городе и с ужасом наблюдали с “забарол” крепостной стены, как горят окрестные села.

Начали сражаться под городом. Неизвестно, сколько могла длиться осада, если бы не поразивший пришедших мор в “конехъ и въ полкохъ”.

Когда Новгорода достигла весть о кончине Мстислава II Изяславовича, Роман Мстиславович, послушав совета дружины, выехал на Волынь “къ братью”.

В 1173 г. в Берестье скончался младший сын Мстислава II, имени которого мы не знаем.

С уходом Мстислава II фактически правителем Руси стал Андрей Боголюбский. Именно он послал

Рюрика Ростиславовича в Новгород. 8 августа 1173 г. Рюрик сел на Городище, под новгородскими стенами, и одному богу было ведомо, что подумали горожане.

А в Северной земле у князя Игоря Святославовича родился сын. Его называли Владимиром, а в крещении Петром.

Поздней осенью 1173 г. сидевший в Киеве Глеб Юрьевич стал серьезно прихварывать. Пришли половцы, “ополонились” под Киевом и поспешили в степь. Глеб послал за ними братьев Михалка, подросшего Всеволода и воеводу Владислава. Нагнали половцев за рекою “Бмь”. Отбили полна четыре сотни душ. Половцев посекали.

20 января 1173 г. скончался в Киеве Глеб Юрьевич. Князя положили в монастыре св. Спаса рядом с отцом Долгоруким. Оба князя сидели в Киеве недолго, и едва это было случайно.

15.3. События в доме Ярослава Осмомысла

В 1173 г. произошла трагедия в Галиче. Супруга Ярослава Осмомысла убежала из города с сыном Владимиром в Польшу. С княгиней из Галича бежали “Кстятинь Серославичь и мнози бояре”. У Ярослава в Галиче была незаконная супруга “Настаська”.

Когда галицкая княгиня прожила в Польше восемь месяцев, к ней обратился князь Святополк [Юрьевич, правнук Святополка II], приглашая на Русь.

Юного Владимира Ярославовича отправили на Волынь к Святославу Мстиславовичу просить города “Червьяна”. Галицкий княжич говорил Святославу: “Ать ми будеть ту седячи добро слати в Галичь”. И обещал волыньскому князю: “Сяду в Галичи. то Бужьскъ твои возъворочу” и к тому еще три города. Святослав дал Владимиру Червень.

Когда юный князь с матерью обживал новую волость, из Галича пришла весть от Святополка [Юрьевича]. Сообщали, что “оца ти есмы яли и приятели его. Чаргову чадъ избиле а се твои ворогъ”. А самым интересным было то, что “Настаська Галичани же накладъше огонь сожгоша”.

Был у несчастной Настасьи сын, прижитый от Осмомысла. Сына галичане в заточение “послаша”. Самого Осмомысла галичане водили к кресту “яко ему имети княгиню въ правду”.

Зимой 1173 г. Андрей Боголюбский послал сына Мстислава с воеводой Борисом Жидиславовичем и с муромскими и рязанскими князьями в поход на волжских болгар.

Мстислав Андреевич подошел к Городцу на Волге и встретил муромских и рязанских князей. На устье Оки князья две недели прождали свои дружины. Да не дождалось “зане непогодье есть зиме” и “в малом числе” пошли на болгар. Шесть сел взяли, население седьмого городка побили и с полоном вернулись к устью Оки.

В погону выступили шесть тысяч болгар. Двадцати верст не дошли болгары до русских князей. А

те от устья Оки отпустили дружины по домам и вернулись в свои города.

Зимой Давид и Мстислав Ростиславовичи послали в Дорогобуж, к дяде Владимиру Мстиславовичу “вабяче” [приглашая] в Киев. И князь, преступив крестное целование к Мстиславовичам, поехал в Киев. В Дорогобуже он оставил сына Мстислава.

То, что Ростиславовичи пригласили в Киев дядю, понятно, ибо то был их родной дядя, а следовательно, киевский стол оставался за потомками не только Мономаха, но и Мстислава I, и наследовать дяде должны были Ростиславовичи.

15 февраля 1173 г. в Киев приехал Владимир Мстиславович, внук Мономаха, бывший старший Боголюбского. Но просидел князь в Киеве четыре месяца. 30 мая 1174 г. Владимир Мстиславович скончался. Его погребли в отцовском монастыре св. Федора. Князь всю жизнь пробегал перед племянником Мстиславом II “ово в Галичь. ово Оугры. ово в Рязань. ово в Половцихъ”.

Андрею Боголюбскому еще в феврале пришлось не по нраву появление двоюродного брата в Киеве, и он уже тогда сказал, что в Киеве сядет Ромия Ростиславович. Когда Владимира Мстиславовича похоронили, Боголюбский послал в Смоленск за Романом, и в июле 1174 г. тот князь сидел на старом киевской горе.

15.4. Роман Ростиславович (1174 — 1177 гг.)

Похоже на то, что после 1171 г. Южной Киевской Русью фактически правила Северо-Восточная Русь с центром во Владимире на Клязьме. Причем этот Владимир словно перевесил Владимир Волынский.

28 марта скончался сын Боголюбского Мстислав. Это была невосполнимая потеря для отца. Похоронили князя в златоглавом белокаменном соборе над Клязьмой.

В Новгороде Рюрик Ростиславович просидел недолго. Новгородцы быстро сообразили, кто на деле правит на Руси, и послали к Боголюбскому своего сына. Тот им дал Юрия Андреевича.

Когда Рюрик Ростиславович ехал из Новгорода в Смоленск на вербную неделю, в “Лучине” у его супруги родился сын. В честь деда его называли Ростиславом, а в крещении нарекли Михаилом. В Лучине Рюрик поставил церковь, а город дал малютке сына.

В 1174 г. у Ярослава Владимировича, сына немого до того умершего в Киеве князя, родился сын Ростислав, в крещении названный Иваном.

Половцы продолжали “пакость творити на Руси” [р. Рось] и по всей Южной Руси. И на Петров день, в конце лета 1174 г., из северской земли “Ворьсколь” выехал подросший Игорь Святославович, герой бессмертной поэмы. В поле поймал “языка”, и тот сообщил, что ханы Кобяк и Конча пошли к Переяславлю. Игорь Святославович переехал реку “Вьросколь оу Лтавы” [у Полтавы] и поспешил к Переяславлю. Скоро половцы, ранее

живавшие у “Серебряного и оу Баруча” и шедшие с полоном, увидели стяг Игоря. Хищники побежали, и поздно.

В 1174 г. до Владимира на Клязьме дошла истина странной кончине Глеба Юрьевича. Боголюбский послал в Киев к Ростиславовичам требование выдать “Григоря. Хотовича. и Степаньца и Олексу Гостловця. ято те суть оумориле... Глеба”. Ростиславовичи от греха отпустили “Григоря” и скоро получили из Владимира на Клязьме грозное повеление Боголюбского “а поиде с Киева [Роман]. а Двдь ись Вышегорода. а Мьстиславъ из Белагорода”. Князья не смея ослушаться, уехали в Смоленск.

В Киев должен был приехать из “Торцького” младший брат Боголюбского Михалко. Но князья в 1174 г. не так, как прежде, стремились сесть в Киеве, а потомков Долгорукого попросту травили ядом. Михалко Юрьевич послал в Киев брата Всеволода, также прозванного Большое Гнездо, и племянника Ярополка Ростиславовича.

Просидел Всеволод Юрьевич в Киеве пять недель. Однажды ночью в ворота столицы ворвались Ростиславовичи с дружиной, схватили Всеволода, его племянника Ярополка, “Ляха Володислава и Михна. и бояры все”. Но всем тем людям Ростиславовичи худого сделать не посмели.

15.5. Рюрик Ростиславович (1174 г.)

После описанных событий в Киеве сел Рюрик Ростиславович. А в Чернигове в 1174 г. Святослав Всеволодович заложил каменную церковь в честь Михаила. Храм украсил княжеский двор Чернигова.

В 1174 г. в Галиции произошел новый скандал. К Ярославу Изяславовичу в Луцк прибежал сын Осмомысла Владимир. К самому Осмомыслу подошла помощь из Польши. Ярослав оценил услуги поляков в три тысячи гривен серебром и в два города.

Стали из Галича в Луцк ездить послы с требованием отпустить к отцу Владимира. Ярослав Изяславович, испугавшись за свою волость, отправил Владимира в “Торцький” к Михаилу Юрьевичу на берега реки Рось. Поехала в Торческ и мать Владимира. Михалко ей доводился ни много ни мало родным братом. [Княгиню звали, как следует из летописи, Ольга.]

Ростиславовичи, удерживая Киев, стремились удержать свою власть. Вскоре они подступили к “Торцькому”, в котором заперся Михалко Юрьевич. На седьмой день осады Михалко пошел на союз Ростиславовичами. Те посулили Юрьевичу Переяславль. От нового передела в Южной Руси пострадали и иные князья.

Очень скоро гнев Боголюбского переполнил душу его терпения. Поводом к разрыву послужил отказ выдать Григория Хотовича, убийцу Глеба Юрьевича.

Гут во Владимир на Клязьме пожаловали послы от Ольговичей. Черниговские князья тонко “поволаче” Боголюбского на Ростиславовичей. Ольгови-

чи заявили: “Кто тебе ворогъ. то ти и намъ. а се мы с тобою готови”.

И вот к Киеву с берегов Клязьмы поспешал, погоняя лошадь, знакомый нам, ранее изгнанный из столицы, “Михна мечник”. Михна заявил Ростиславовичам в Киеве: “Коли не ходите в воле Боголюбского, то сделаете так, Рюрик пойдет в Смоленск, а Давид в Берладь” [город на реке Сирет, где в свое время скрывался Иван Ростиславович Берладник].

Мстислав Ростиславович, самый младший среди братьев и от “оуности” не “оуполошится” от гнева Боголюбского, взял да и велел “Михну мечнику постричи голову передь собою. и бороду”. К тому Мстислав велел передать Боголюбскому, что если он с “сякими речьми прислалъ”, говоря с Ростиславовичами не как с князьями, а как с подручниками и “просту члвку”, то пусть, что “оумыслиль еси”, то и делает.

Когда Андрей Боголюбский, сидя во дворце под Владимиром на Клязьме, увидел остриженную голову Михны, да еще услышал о речах Ростиславовичей, “образъ лица его попуснелъ”.

Скоро из Ростова, Суздаля, Владимира на Клязьме, Переяславля-Залесского, с Белого озера, из Новгорода, Муром и Старой Рязани пошли полки в Южную Русь. Рать собралась в пятьдесят тысяч, и во главе нее Боголюбский поставил сына Юрия и воеводу Бориса Жидиславовича. Велено было Рюрика и Давида из Киева выгнать, а Мстислава привести в село Боголюбово, к очам князя Андрея Юрьевича.

Князья полоцкие, туровские, пинские, не смея ослушаться воли Боголюбского, выступили на Ростиславовичей. Вышел из Чернигова к Киеву и Святослав Всеволодович. Более того, из Смоленска к Киеву был принужден выступить сын Романа Ростиславовича Мстислав со смолянами. Подошли к левому берегу Днепра, против Киева, и жители Города Остерского.

Ростиславовичи не стали обороняться в Киеве. Рюрик поехал в Белгород, а Мстислав “затвориша” в Вышгороде. В вышгородском детинце сел полк Давида. А сам Давид Ростиславович поспешил в Галич, к Ярославу Осмомыслу “помочи дея”.

На рождество силы Боголюбского окружили вышгородский детинец подобно весеннему паводку, затопившему луговину. Под стенами Вышгорода стояли стяги более чем двадцати князей. Старейшим из них был Святослав Всеволодович — свидетель и участник многих крупнейших событий Руси середины XII в.

Когда Мстислав Ростиславович с “городен” Вышгородского детинца увидел стяги, он нисколько не растерялся, но, снарядив полки, выехал на “болоньи”, и началась перестрелка.

Против Мстислава стали три полка: новгородцы и ростовцы по краям и Всеволод Юрьевич в центре. Мстислав Ростиславович “сшибеся с полки ихъ и потопташа. середнии полкъ”. И пошел по оболони днепровской “ломъ. копиинны. и звукъ оружьиныи”.

Полки разошлись. Но это было сражение Мстислава Ростиславовича, прозванного на Руси Храбрым, с “моложьшими” людьми и князьями. Главные силы подошли под Вышгород спустя сутки.

Осада Вышгорода продлилась девять недель. А кончилась кампания вот чем. Видя заминку в Киеве, из Луцка с волынскими полками к Вышгороду подошел Ярослав Изяславович (брат покойного Мстислава II). Стал он сноситься с Ольговичами, “ища собе старешинства”. Но Ольговичи “не ступишас ему Киева”. Тогда Ярослав Изяславович обратился к двоюродным братьям Ростиславовичам “и оурядися с ними о Киевь”.

Скоро полки Ярослава Изяславовича поставили стяги под Белгородом рядом со стягами Рюрика Ростиславовича.

Среди осаждавших Вышгород прошел слух о идущей из Галича помощи и о черных клобуках. И среди ночи, “не дождавше света”, полки “возматосаша” и в “смятеньи велици...побегоша чересь Днепрь”. Многие из бежавших в ночь “потопе” в Днепре.

Мстислав Ростиславович, видя, а вернее, догадываясь по звукам в ночи о происходившем на “болонье”, перекрестился на вышгородский каменный храм Бориса и Глеба и выехал с полком за ворота. Князь “гнавшее” бегущих и “оударилшася на товари ихъ. и много колодникъ. изымаша”.

Так полки, послушные Боголюбскому, “отидоша в дома своя”.

15.6. Ярослав Изяславович (1174 — 1175 гг.)

В Киеве сел Ярослав Изяславович. И обратился к Ярославу Всеволодовичу, говоря, что “право ли криво ли” тот сел в Киеве, а следует его, Святослава, наделить волостью в Русской земле. Ярослав Изяславович отправил в Чернигов ответ: “Чему тебе наша отчина тебе си сторона не надобе” [правобережье Днепра]. Святослав Всеволодович возразил, говоря, что он не “Оугринь ни Ляхъ, но одного деда есмы внуци”.

Переговоры кончились тем, что Ольговичи поехали “изъездомъ” к Киеву, а Ярослав Изяславович побегал в Луцк.

Так в Киев въехал Святослав Всеволодович. В столице ему досталось именование бежавшего Ярослава “бещисла”. Попали в руки Святослава и княгиня Ярослава с сыновьями и княжеская дружина. Всех их Ольговичи отправили в Чернигов. Уехал из Киева и сам Святослав Всеволодович.

В Киев вернулся Ярослав Изяславович и, увидя произошедшее, “замысли тяготу Кыяномъ”. Князь обвинил горожан в том, что они “подъвели...Стослава”, и велел киевлянам “промышляйте чимъ выкупити. княгиню и детей”. И на двор к Ярославу Изяславовичу со всего Киева пошли “игумены и попы и черньце”. Пришли к князю и “Латину и госте” [купцы из Западной и Центральной Европы].

Однако помогли Ярославу Изяславовичу не гривны киевлян, а неурядицы среди Ольговичей.

Олег Святославович, сидевший в Новгороде-Северском, завоевал Черниговскую волость двоюродного брата Святослава Всеволодовича. Святослав Всеволодович поспешил помириться с ограбленным Ярославом Изяславовичем и, видимо, вернул княгиню и сыновей без выкупа. Вскоре загорелись села в волости Олега Святославовича.

А в Суздале, в соборе, построенном Владимиром Мономахом в 1110 г., Андрей Боголюбский 11 января 1174 г. схоронил брата Святослава Юрьевича. Тело князя от рождения до смерти терзала “болезнь зла”. Хороня его, говорили, что тело князя мучилось, а душа спасалась.

19 января 1174 г. в Муроме скончался Юрий Ростиславович [внук Ярослава Святославича Рязанского]. Упокоили князя в его городе, в соборе, им же построенном.

Зимой Ростиславовичи послали к Боголюбскому, прося согласия на то, чтобы посадить в Киеве Романа Ростиславовича. Андрей Юрьевич ответил, что послал к братьям в “Русь” и, как будет от них весть, будет и ответ.

Но ответа Ростиславовичи не дождались. 28 июня 1175 г. в загородной резиденции под Владимиром на Клязьме, в Боголюбове, отстоящем к югу “Вышегородъ от Киева”, заговорщиками был убит Андрей Юрьевич Боголюбский.

У Боголюбского был любимый слуга “Якимъ”. Тот Яким прослышал, что князь велел казнить его брата. Слуга обратился к товарищам со словами “Днсь того казнилъ а насъ завтра а промышлимъ о князе семь”. Всего в Боголюбове собралось двадцать заговорщиков. Среди них были: “Петръ Кучьковъ. зять Анбалъ Ясинъ ключникъ. Якимъ Кучьковичъ”. С наступлением ночи люди “поимавъме оружья” пошли к “ложнице” Андрея Юрьевича. И тут их охватил страх. Поняв, что третьими они не посмеют сотворить задуманного, заговорщики бежали с княжеских сеней в “медушку и пиша вино”. Как только “оупившеся виномъ”, они вновь “поидоша на сени”.

Когда Андрей услышал, что у дверей ложницы [спальни] стоят люди, он спросил, кто там, и, почувствовав неладное, окликнул “паробъче...Прокопья”. Заговорщики выломали дверь. Андрей кинулся за мечом, да не нашел его. Меч выкрал “Амбалъ ключникъ”. А то был меч необычный, некогда он принадлежал св.Борису.

На Боголюбского кинулись двое. Одного князь повалил, а товарищ, решив, что на полу распостерт князь, “оузвизиша и свои другъ”. Стали звать князя, и борьба возобновилась.

Боголюбский был очень силен. Его били саблями и копьями. Наконец, решив, что князь мертв, заговорщики взяли раненого товарища и пошли вон из дворца. Скоро они услышали, что Боголюбский спустился под сени. Зажгли свечи и по кровавому следу стали искать князя. Нашли его сидящим, “Петръ же оття ему руку десную” [правую руку]. Тут князя и убили.

Пришлось заговорщикам убить и “Прокопья ятсьника” Андреева. Он прибежал, услышав стоны князя.

До рассвета убийцы поспешили в княжеский двор и стали грабить “золото и каменя дорожное. и жемчугъ. и възко оузорочье”. Драгоценности погружали на лошадей и отправили затемно подальше от Боголюбского.

С наступлением дня заговорщики стали собиравать вокруг себя дружину. Послали во Владимир на Клязьме, говоря, что учинили расправу “не насъ бо винихъ дума но и о васъ”. Горожане ответили: “Да что с вами в думе то буди вамъ. а намъ не надобе”.

И начались грабежи в залесской земле такие, что “рашно зрети”.

Нашелся человек по имени “Кузмище Киянинъ”, пришедший в Боголюбово и ставший искать тело князя. Ему ответили, что князь лежит “выволочень в городъ”. И приказали “но мози имати его...вси земь и выверечи псомъ” и добавили, что тот, кто поберет князя, будет убит.

Когда Кузьма сидел, плача над телом, к нему подошел “Амбалъ ключникъ Ясинъ Родомъ”. Кузьма попросил у него ковер. Тот велел Кузьме уходить, повторив, что князь должен быть “выверечи псомъ”.

Кузьма Киянин обратился к ключнику с такой просьбой: “Помнишь ли Жидовине въ которыхъ полатехъ. пришесть бяшетъ. ты ныне в оксамите стоиши. а князь нагъ лежитъ”.

После тех слов Кузьме дали ковер “и корзно” и, укрыв князя, Кузьма собрался положить тело в “ложницу”. Но ее не отомкнули. Боголюбский два дня пролежал в притворе собственной церкви, припрятанный “корзно”. На третий день пришел игумен обители св.Кузьмы и Демьяна Арсений. Подошли из Владимира на Клязьме “Клирошани”. Ложницу отомкнули. Тело Андрея положили в каменный гроб и начали отпевание.

А тем временем усадьба князя стояла разграбленной. А по землям Северо-Восточной Руси народ княжеских “посадниковъ и тивуновъ дома пограбилъ в самехъ и деские его и мечники избиша”. У города было “обидь много”. Грабить княжеское и княжеское добро приходили “исъ сель”. Предавались грабителям и жители города, отстроеного Боголюбским Владимиром на Клязьме.

И стал по улицам Владимира ходить “Микулици” с иконой пресвятой Богородицы в руках, напоминая народу, что тот, кто противится власти, противится закону божию, и всякая власть от бога.

На шестой день после убийства Боголюбского горожане выслали за телом князя игумена Федора с клирошанами. Когда игумен с телом Андрея Юрьевича возвращался из Боголюбова, у ворот Владимира на Клязьме стояли все духовенство с иконой Владимирской Божией Матери, облаченное в ризы, и горожане. Когда люди увидели княжеский гроб, возникший со стороны загородного дворца, заплакали слезы, и над толпой поплыли многоголовые причитаний и воплей.

Князя положили в златоглавом белокаменном Успенском соборе города, в его детище, послужившем усыпальницей.

Пока игумены и клирошане пели над телом Андрея, к Владимиру на Клязьме съехались дружины из Ростова, Суздаля и Переяславля-Залесского. Сын Боголюбского Юрий сидел в Новгороде, а братья сидели в Южной Руси. На совете решили послать в Старую Рязань к князю Глебу Ростиславовичу [не имевшему отношения к потомкам Долгорукого] просить у него шурина [то был племянник Боголюбского Ярополк Ростиславович или Мстислав Ростиславович]. Советчиками в деле были “Дедилця” и Борис.

А в Чернигове находились младшие братья Боголюбского Михалко и Всеволод Юрьевичи. Там же оказались и дети Ростислава Юрьевича — Ярополк и Мстислав. Братья дали старшинство Михалку и на том целовали крест у черниговского епископа.

Сыновья Долгорукого “приехаста на Москву”.

В Москву приехали гонцы из Ростова. Они просили Ярополка Ростиславовича поспешить в Переяславль-Залесский, и князь тайно из Москвы уехал. Когда Михалко Юрьевич увидел, что племянника в Москве нет, он поспешил во Владимир на Клязьме.

А во Владимире на Клязьме войска не было. Оно ушло к Переяславлю-Залесскому целовать крест к Ярополку Ростиславовичу.

Рати, пришедшие из Ростова, Старой Рязани и Муромы, осадили Владимир на Клязьме, и семь недель Михалко Юрьевич бился, отстаивая город.

Наконец, голод заставил жителей подступить к Михалку с требованием “мирися, любо промышляи собе”. Михалко Юрьевич “поеха в Русь” [в Южную Русь].

Во Владимире на Клязьме сел Ярополк Ростиславович (внук Долгорукого), а в Ростове Великом сел его брат Мстислав Ростиславович.

Зимой привез Ярополк Ростиславович из Смоленска жену, дочь витебского князя Всеслава Васильевича. И 3 января 1175 г. под золотым куполом Успенского собора клирошане и игумены пели на княжеской свадьбе.

В Смоленске горожане изгнали сына Романа Ростиславовича Ярополка и посадили княжить героя обороны Вышгорода Мстислава Ростиславовича.

А в Ростовской волости произошла такая история. Мстислав Ростиславович роздал посадничество по городам “Русьскимъ децькимъ”. Это были юноши, приехавшие в залесскую землю из Южной Руси. Они-то и сотворили “тяготу людемъ”...“продажами и вирами”. Сам князь был молод и слушал бояр. А те, ясное дело, “оучахуть на многое имание”. Дошло до того, что отняли дани у церкви. Народ призадумался и вспомнил времена Боголюбского.

Стали люди вести такие разговоры с князьями и их окружением: “Акы не свою волость творита...оу насъ седети грабита. не токмо волость всю но и цркви”.

Горожане Суздаля, Ростова и Владимира на Клязьме начали обмениваться гонцами, думая, как помочь беде. Ну, а бояре тех князей “крепко держатся”.

На юге Руси, на берегах Десны, тем временем Олег Святославович пошел ратью на Святослава Всеволодовича к Чернигову. В помощь Олегу подошли смоленские Ростиславовичи и Ярослав [Изяславович]. Сожгли “Лутаву и Моровиескъ”. Тут князья целовали друг к другу крест, и союзники от Олега ушли. Сам Олег пошел к Стародубу. Города князь не взял, зато по окрестным селам собрал скот и погнал его к Новгороду-Северскому.

Тут и Святослав Всеволодович подступил к Новгороду-Северскому. Дружина Олега, выйдя из Городца, скоро побежала. Острог был сожжен. А князья [двоюродные братья] помирились.

Зимой у Игоря Святославовича родился сын Олег, в крещении нареченный Павлом.

Зимой 1175 г. Ярослав Изяславович покинул Киев, уйдя в Луцк. А на старокиевскую гору взошел приехавший из Смоленска в помощь сидевшим по пригородам столицы братьям Роман Ростиславович.

Создается впечатление, что после разгрома Киева детьми Долгорукого в 1171 г. тот город стал интересовать Ярославовичей не более чем столицы их уделов.

Наступил 1176 г. Слухи о настроениях, царивших в залесской земле, достигли Южной Руси. И 21 мая из Чернигова выступили сыновья Долгорукого Михалко и Всеволод Юрьевичи. В помощь им Святослав Всеволодович дал сына Владимира. Когда войско стало на реке “Свине”, Михалко почувствовал себя плохо. До “Кучкова, рекше до Москвы” князя несли на носилках.

На Боровицком холме московского детинца Юрьевичей поджидали жители Владимира на Клязьме.

Когда князья с послами сели за стол обедать, в деревянный терем вошли гонцы с вестью, что Ярополк Ростиславович выступил из Владимира на Клязьме. Юрьевичи поспешили выехать к Владимиру. Когда о том стало известно Ярополку, он сошел с дороги на Москву, не желая столь откровенной встречи с дядьями. Когда “Москвляне” узнали, что Ярополк движется к их городу, они поспешили назад, к боровицкому холму “блюдуче домовъ своих”.

Шедшие от Москвы полки перешли реку “Лакшу” и стали на поле “Белехове”. Им навстречу из “загорья” выступил полк Ростиславовичей.

Это было 15 июня 1176 г. Рать Ростиславовичей шла вся в “броняхъ яко во всякомъ леду”. Михалко Юрьевич был болен, и его несли на носилках. Заслы-

шав, что неприятель ударил “изнезапа”, Михалко заволновался и велел дружине поспешать вперед. Скоро над полем поднялись стяги детей Долгорукого, и случилось чудо. Полки племянников Ярополка и Мстислава Ростиславовичей, не дойдя до противника, “повергоша стягъ и побегоша”.

Мстислав Ростиславович скрылся в новгородских лесах. А Ярополк Ростиславович поспешил в зятю в Рязань.

На том поле Михалко и Всеволод Юрьевичи одарили помогавшего им в походе Владимира Святославича и отпустили его в Чернигов.

Сами Юрьевичи пошли во Владимир на Клязьме. Впереди князей вели несчастных колодников.

Когда в Чернигове стало известно о том, что Юрьевичи молятся в Успенском соборе над Клязьмой, а народ, обливаясь слезами, с содроганием вспоминает убийство Боголюбского и все за тем произошедшее, Святослав Всеволодович послал залесскую землю жен Михалка и Всеволода. С княгинями черниговский князь отправил сына Олега “проводити е до Москве”.

От Москвы Олег Святославович поехал в свою волость в “Лопасну” [городище напротив устья р. Лопасни — левый приток средней Оки]. Из Лопасни Олег Святославович скоро выехал, чтобы занять “Сверилескъ” [низовья р. Москвы, севернее Коломны]. Князь закреплял границы неспроста — Москва была пограничьем Юрьевичей, а среднее поочье и древле было “волость Черниговская”. О том наверняка успели урядиться Ольговичи с Юрьевичами, пока шли к Владимиру на Клязьме.

На “Свирильске” на Олега Святославовича выехал племянник рязанского князя Глеба Ростиславовича. Произошло сражение, и черниговский князь был бит, а князь едва спасся.

Началась весна, а вместе с ней пришел новый 1177 год.

В Южную Русь, как и обычно, вторглись половцы “на роусальной недели”. Степняки взяли шесть городов в поросье у берендеев и двинулись к “Растовцю”. Из Киева Роман Ростиславович послал на половцев брата Рюрика и сыновей Мстислава Бориса и Ярополка. Под Растовцом произошло сражение, и оно было несчастно для русских. Князья едва успели укрыться в Растовце. Бояр же многих половцы “изъимаша”.

Когда о несчастье стало известно на Руси, бои всего обрадовались черниговские Ольговичи. Скоро Роман Ростиславович выслушал речь от Святослава Всеволодовича: “Рядъ нашъ такъ есть еже князь извинитъ, то въ волость, а муж оу голову”. Это означало, что если князь Давид Ростиславович опростоволосился под Растовцом, то Роману Ростиславовичу следует съезжать с киевских гор.

Глава 16. Святослав Всеволодович 1177 — 1194 гг.

16.1. Год 1177-й. Битва на Липецком поле

Скоро Днепр перешли черниговские Ольговичи. У “Витечева” стал Святослав Всеволодович. Князь был далеко не молод и весьма мудр. Он знал, что Западная Русь раздроблена, а Русь Суздальская занята собственными делами. И помешать Ольговичам вернуть киевский стол [в 1139 — 1146 гг. принадлежавший Всеволоду II Ольговичу] едва ли кто сумеет.

К Витечеву приехали киевляне и сообщили князю, что Роман ушел в Белгород.

В день Ильи-пророка Святослав Всеволодович выехал в Киев. Город был тих, и никто тому не удивлялся.

А в Северских землях все увеличивалась семья Игоря Святославовича. В 1177 г. у него родился сын Святослав, в крещении нареченный Андреем.

Тишина, царившая в Киеве, не могла не насторожить Святослава Всеволодовича. Черниговские Ольговичи прекрасно знали, как к ним относятся киевляне. Когда на старокиевской горе стало известно о приближении полка Мстислава Ростиславовича Храброго (в свое время отстоявшего Белгород и всю Западную Русь от Боголюбского), Святослав Всеволодович без размышления кинулся к Днепру на устье Лыбеди. Бегство Ольговичей было столь стремительно, что множество их людей утонуло в днепровских водах.

Переведа дух, Ольговичи прибегли к старой тактике (то, за что их не могли любить в Киеве): они бежали за половцами.

Скоро половцы ловили арканами людей под Турческом.

Ростиславовичи хорошо знали русскую историю и “не хотяче гоубити Роуской земли” отдали Киев Святославу Всеволодовичу. А Роман Ростиславович поехал в Смоленск.

Год 1177-й не был простым и для Залесской земли, и для всей Северо-Восточной Руси.

20 июня на Волге в Городце скончался князь Михалко Юрьевич. Его положили в каменный гроб в Успенском соборе Владимира на Клязьме.

Вскоре владимирцы, стоя перед Золотыми воротами, целовали крест к Всеволоду Юрьевичу, впоследствии прозванному Большое Гнездо.

А бояре Ростова Великого, не желая возврата темных времен эпохи Боголюбского, когда князь

возвышал свой новый город, а бояр и древнейшие их гнезда в Ростове и Суздалях ни во что не ставил, послали в Новгород за Мстиславом Ростиславовичем. Поводом к приглашению послужила смерть Михалка.

Князь в Ростов приехал. Собрались бояре, гридьба, пасынки и дружина и выступили к Владимиру на Клязьме.

Выступил и Всеволод Юрьевич с владимирцами и дружиной навстречу племяннику. С дороги Всеволод послал бывшего у него под рукой еще одного племянника Ярослава Мстиславовича в Переяславль-Залесский, прося помощи.

Когда Всеволод прошел Суздаль, его полку явилось видение: образ Владимирской Богоматери и город, отстроенный Боголюбским над Клязьмой.

Всеволод послал к племяннику сказать, что отдаст ему Ростов, себе берет Владимир, а Суздаль будет общим. Против выступили ростовские бояре Добрыня Долгий [Высокий], Матвей Шибутович и иные.

Всеволод Юрьевич тем временем подъехал к Юрьеву-Польскому и стал ожидать помощи от Переяславля.

Недалеке у Липици стал Мстислав Ростиславович с ростовцами. Началась перестрелка. А 27 июня 1177 г. поле под Юрьевом покрылось воинами, и началось сражение.

Мстислав Ростиславович, видя, что ростовская сила не может выстоять, повернул коня и поскакал на берег озера Неро. Владимирцы стали избивать ростовских бояр. Убили Добрыню Долгого и Ивана Степанковича. Многих бояр ростовских повязали веревками.

А после окончания сражения владимирцы принялись за боярские села. Из усадеб стали выгонять коней и скот, а в кладовых сбивать с сундуков и ларей крепкие запоры.

Во Владимир на Клязьме полк Всеволода Юрьевича возвращался, ведя множество колодников и утопая в пыли от громадного стада скота и лошадей.

Возможно, именно в этот день жители Владимира на Клязьме утвердились раз и навсегда в выборе князя. А ведь Всеволод Юрьевич был не просто одним из Ярославовичей, он был дедом Александра Невского и предком Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Чем более дробилась и слабела Русь Южная, Киевская, тем все более крепла и возвышалась мо-

лодая Русь Северо-Восточная, Владимирская. Это походило на рост сына и утрату сил отца.

Мстислав Ростиславович не задержался в Ростове и поспешил в Новгород. Но не так просты были новгородцы. Битый князь им был не нужен и лишь сулил неприятности с подвозом хлеба из южных земель. И пришлось Мстиславу Ростиславовичу поехать в Рязань, к зятю Глебу Ростиславовичу.

Рязанский князь, казалось, только того и ждал. Осенью он пришел к Москве и сжег город и окрестные села.

Всеволод Юрьевич, узнав, что Москва горит, поехал к Переяславлю-Залесскому. Когда Всеволод стоял под Шернским лесом [лес по берегам реки Шерны, левый приток Клязьмы], к нему подошли новгородцы “Милонезькова чадь” [“Лаврентьевская летопись”]. Новгородцы предложили Всеволоду союз, но просили не выступать против рязанцев. Всеволод послов послушал и вернулся во Владимир на Клязьме. А Глеб Ростиславович, налюбовавшись на пожар Москвы, вернулся в Старую Рязань.

Как только стал на реках лед и накатали по дорогам санные пути, Всеволод Юрьевич выступил к Оке, на Старую Рязань. Подошли полки из Ростова и Суздаля, подоспела помощь из Чернигова, от стратегического союзника Святослава Всеволодовича. Черниговский полк привели Олег Святославович и знакомый нам Владимир, ранее помогавший Михалку и Всеволоду.

Когда Всеволод Юрьевич стоял под Коломной, при устье реки Москвы, стало известно, что Глеб Рязанский стоит под Владимиром на Клязьме и “воюет волость”. Рязанцы прошли на Клязьму лесами Мещеры лишь им ведомым путем. Привели рязанцы на Клязьму половцев.

Пока Всеволод глубокими снегами, от спешки и досады едва переводя дух, поспешал к своей волости, рязанцы и половцы выбили ворота в княжеской усадьбе в Боголюбове и грабили церкви и кладовые. А вокруг занимались пламенем села и боярские усадьбы и вели в полон жен и детей владимирских.

На масленицу Всеволод подошел к Владимиру на Клязьме. Глеб “заложился” рекой Колакшей. С Глебом стояли Мстислав Ростиславович, половцы и многочисленный полон.

Лед на реке был тонок, и переходить по нему было страшно. И Всеволод Юрьевич прибежал к хитрости. Он послал вперед возы, и неприятель на те возы “исполчился”. Тут Всеволод послал племянника Владимира [быть может, Глебовича] на Мстислава Ростиславовича вслед за возами.

В это время Глеб Рязанский с сыновьями перешел Колакшу и двинулся навстречу Всеволоду Юрьевичу на Прускову гору. Когда до полка Всеволода оставалось расстояние, покрываемое пущенной стрелой, Глеб Рязанский увидел, что на другой стороне Колакши Мстислав Ростиславович бежит. Постояв немного, без сражения побегал и Глеб Ростиславович с сыновьями и рязанским полком.

Началась погоня. Схватили самого Глеба, его сына Романа и шурина Мстислава Ростиславовича. Переловили и дружину и среди прочих знакомого

нам Бориса Жидиславовича, “Дедилца и Ольсти на”. Много в тот день погибло половцев.

Во Владимир на Клязьме Всеволод Юрьевич въехал, ведя плененных князей и их дружину. На третий день горожане подступили к Всеволоду, требуя либо казнить, либо ослепить пленников. Это не было в обычае у Ярославовичей, и Всеволод посадил пленников в поруб, ожидая, когда горожане утихнут.

Послали в Старую Рязань требование о выдаче Ярополка Ростиславовича. Да пригрозили рязанцам — коли не выдадут, выступят на них походом. Рязанцы подумали, к чему пропадать за чужого князя [мало того, что собственный пропал], и поспешили к южному рубежу своей земли, на средний Дон, в Воронеж. Тут на высоком правом берегу реки Воронеж, чуть выше устья, среди городищ вятичей, скрывался Ярополк Ростиславович. Рязанцы князя схватили и привезли во Владимир на Клязьме.

Скоро владимирцы вновь подступили к Всеволоду, желая ослепить пленников.

Тем временем за Ярополка и Мстислава Ростиславовичей вступился Святослав Всеволодович. Из Чернигова на берега Клязьмы приехали епископ Порфирий и игумен Ефрем. Но и владыка не сумел помешать владимирцам исполнить их замыслы.

30 июня Глеба Рязанского убили. Сыну его Роману жизнь сохранили. А Мстислава и Ярополка Ростиславовичей вывели из поруба, ослепили и пустили по белому свету.

События, произошедшие во Владимире на Клязьме, смутили не только Киев и Чернигов, но и Новгород. Стали новгородцы слать к Мстиславу Ростиславовичу Храброму, прося прийти княжить. Видно, слава о героической обороне Вышгорода покорила суровые сердца северян. Князь идти не хотел, да братья уговорили. Бояре новгородские тому были рады. В Новгороде князя встретили епископ и игумены с крестами и иконами. Повели Мстислава на хоры св.Софии и запели чудным знаменным распевом, величая князя.

16.2. Мстислав Ростиславович в Новгороде

Новгородцы приглашали Мстислава Ростиславовича так настойчиво еще и потому, что в том же 1178 г. Всеволод Юрьевич, быть может, желая отомстить за поддержку племянников, подошел к Новому Торгу и потребовал дани. Дружина Всеволода, заявив князю, что не кресты пришла целовать, взяли город на щит. Новый Торг сожгли, а людей, коней и скот погнали в суздальское ополье.

Отправив полон на берега Клязьмы и Нерли, Всеволод Юрьевич с дружиной поехал к еще одному новгородскому городу — Волоку на Ламе. Скоро вокруг высокого крутобокого холма, увенчанного волоколамским детинцем и обведенного руслом Ламы, запылало жито. В Волоке Ламском схватили племянника Всеволода Ярослава Мстиславовича.

По приезде в Новгород деятельный Мстислав Храбрый решил выступить в поход на чужд. Собра-

ли двадцать тысяч воинов и пошли на Чудское море.

По возвращении Мстислав заехал в Псков. Тут князь “изыма” сотского своего племянника [Мстислава Романовича] Бориса. Тот пришелся не по нраву северянам.

Когда зима миновала, Мстислав Ростиславович в Новгороде не усидел и выступил в Полоцк на звание зятя Всеслава Васильковича. Новгородцы вспомнили полочанам давний поход Всеслава Ростиславовича и грабеж церквей и то, что полоцкий князь “погость одинъ завель” на их земле.

Мстислав Ростиславович решил давнюю обиду “исправить” и подошел к Великим Лукам.

Когда о том узнал сидевший в Смоленске Роман Ростиславович, он поспешил отправить в Полоцк помощь от брата, послав сына Мстислава [Бориса]. А в Великие Луки приехали послы из Смоленска. Они сказали, что обиды у Мстислава на полоцкого князя быть не может, но коли он идет на Полоцк, то прежде пусть идет на Смоленск.

Мстислав Ростиславович, не желая ссоры со старшим братом, от Лук повернул к Новгороду. На Волкове князь разболелся, от него уходили силы и занимался язык. Перед кончиной Мстислав поручил сыновей заботам Бориса Захарьевича и братьев. 13 июня 1179 г. Мстислав Ростиславович Храбрый, дружинник Мономаха, скончался. Хоронили князя епископ Илья и все новгородцы. Мстислава похоронили рядом с сыном Ярослава Мудрого Владимиром строителем новгородской Софии. Новгородцы горестно плакали по Мстиславу Храброму. Это был стоящий южнорусский князь, для которого год, прошедший без похода, казался наказанием. И плакали о храбром князе не только в Новгороде, но и в Киеве и на берегах реки Рось.

16.3. Русь в 1179 — 1182 гг.

В 1179 г. Святослав Всеволодович привез сыну Всеволоду жену из Польши — “Казимерноу”. Ольгины пытались этим браком найти опору на правом берегу Днепра. А с Владимиром на Клязьме Юрьевич завязали еще один брачный узел. Всеволод Юрьевич пригласил к себе племянника великого князя Владимира Святославовича и выдал за него свою племянницу, дочь покойного брата Михалка.

А в Старой Рязани в 1179 г. скончалась супруга погибшего на Клязьме Глеба Ростиславовича.

К Переяславлю в 1179 г. подошел половецкий князь Кончак.

Святослав Всеволодович в ту пору стоял на Днепре, ниже Треполья, поджидая из Смоленска помощь. Сюда из Переяславля пришла весть о том, что половецкие воюют под городом.

Русские полки перешли за реку Сулу и стали у городища Лоукomla”. Узнав о том, половцы поспешили в степь.

16 января 1179 г. скончался Олег Святославович. Новгород-Северский занял брат Игорь. В Чернигове же сидел Ярослав Всеволодович. Этот

князь, следуя политике Ольговичей, направленной на союз с потомками Долгорукого, 2 ноября 1179 г. отдал дочь за сына отравленного ранее в Киеве Глеба Юрьевича — за Владимира, сидевшего в Переяславле.

В 1180 г. Святослав Всеволодович собрал Ольговичей в Любече. А в Киеве, на горах, загорелись дворы. Пламя коснулось и св.Софии. Всеволод Юрьевич повел с рязанскими князьями, детьми покойного Глеба Ростиславовича, спор за волость вокруг Коломны при устье реки Москвы. Святослав Всеволодович в споре принял сторону рязанцев и послал им в помощь сына Глеба.

Всеволод Юрьевич пригласил князя к себе. Глеб Святославович ехать не хотел, но все же поехал и оказался в оковах. Скоро Глеба в санях везли во Владимир на Клязьме. А под Коломной переловили пришедшую из Чернигова дружину.

Когда стража Романа Глебовича, перейдя Оку, встретилась с суздальцами, рязанцы побежали и частично были перебиты, частично пленены, а частично утонули. Роман Глебович скрылся в степи к югу от Старой Рязани. В городе остались его братья Игорь и Святослав. Всеволод Юрьевич взял приокский город Борисов Глебов и, подойдя к Старой Рязани, принудил местных князей “целовать к нему крест на всей его [Всеволода] воле”.

Когда о том стало известно в Киеве, Святослав Всеволодович “располося гневомъ. и раждься яростью”. Но гнев был отчасти порожден бессилием сидевшего в Киеве князя. По пригородам столицы сидели Ростиславовичи [смоленские], и сила великого князя ограничивалась его собственной дружиной.

Как раз в то время Давид Ростиславович с княгиней плавал в ладье под Вышгородом вдоль правого берега Днепра, ловя рыбу. А напротив, на левой черниговской стороне Днепра, ловил рыбу Святослав Всеволодович. И вот князь, посоветовавшись с супругой и с “Кочкарень. милостьникомъ своимъ” и не сообщив о своем намерении “моужемъ своимъ лепшимъ”, устремился к правому берегу Днепра, стремясь схватить Давида Ростиславовича.

Давид едва успел прыгнуть в ладью и с княгиней отплыть от берега, где воиры грабили его товары и хватили дружину. Стрельба по ладье не дала результата. Тогда Святослав Всеволодович поспешил к Вышгороду, но и там не обнаружил Давида.

Вслед за тем уже сам Святослав Всеволодович почувствовал себя на правом берегу Днепра неуютно и поспешил в Чернигов. Там князь собрал всех Ольговичей и сел с ними думать, куда идти — то ли к Киеву, то ли к Смоленску.

А Давид Ростиславович сидел у брата [Рюрика] в Белгороде и рассказывал дикую историю, произошедшую на Днепре. Подумав, Ростиславовичи решили действовать решительно. Вскоре в Киеве уже сидел Рюрик Ростиславович, а с Волыни к нему ехали двоюродные племянники — Всеволод и Ингвар [дети Ярослава Изяславовича, сидевшего в Луцке]. От Ярослава Осмомысла также шла помощь с “Тоудоромъ съ Гальчицемъ”. В Смоленск за

помощью от брата Романа поехал счастливо спасшийся Давид Ростиславович. Когда князь стоял на “Сковьшине бороу”, ему пришла весть о кончине Романа Ростиславовича. Давид искренне и горько заплакал и поспешил к Смоленску. Отпевал Романа епископ Константин. Над гробом князя в соборе, венчавшем смоленскую гору подобно драгоценной шапке Мономаха, рыдала безутешная княгиня. Сквозь слезы она говорила и то, что ее супруг “многия досады прия от Смолнянь” и был так добр и терпелив, что против их “злоу” зла им не воздал.

Видимо, дорожили свободой на Руси не только новгородцы и ростовцы, но и смоляне. Князь же тем городам был нужен лишь потому, что существовало множество иных князей, алчность которых нередко оборачивалась сгоревшими городами и порубленными или полоненными жителями.

Роман Ростиславович создал в Смоленске каменную церковь св. Иоанна. Когда в Киеве Рюрик Ростиславович оплакивал старшего брата, в Чернигове Святослав Всеволодович собирал полки Ольговичей и поджидал половцев.

Однако пошел Святослав Всеволодович не к Киеву, а к Суздалию. Отцу хотелось выволить из неволи сына Глеба. Стеречь Чернигов остались родной брат князя Ярослав Всеволодович и двоюродный брат Игорь Святославович. Разделили и половецкую силу: часть пошла к Суздалию, а часть осталась на Десне.

В походе участвовал и племянник Всеволода Юрьевича Ярополк Ростиславович. Это был еще один князь-изгой, искавший убежища у врагов своих родственников.

На пути к Святославу Всеволодовичу из Новгорода, имевшего давние счеты с Суздалем, подошел княживший в том городе сын Владимира Святославовича. Этот князь сменил в Новгороде Мстислава Ростиславовича Храброго, и в том была железная логика новгородцев, ибо отец Владимира сидел в Киеве.

Всеволод Юрьевич собрал свои силы, вызвал полки из не смевших послушаться Рязани и Муромы и встретил черниговского князя на “Велни реце”. Силы Суздаля стали на высоком берегу реки.

Спустя две недели Всеволод Юрьевич послал на противоположный берег рязанских князей. Те перетопили и потоптали “товары” черниговского князя. Но вскоре Святослав Всеволодович собрал силы и ударил по рязанцам. Те едва успели уйти. В стычке схватили рязанского боярина “Ивора Мирославича”.

Наконец, Святослав Всеволодович послал по па к Всеволоду Юрьевичу. Князь предлагал сыну Долгорукого либо отступить от реки и дать Святославу Всеволодовичу перейти реку, а там как бог рассудит, либо Юрьевичу перейти реку.

Всеволод Юрьевич по па схватил, отправил во Владимир на Клязьме и ответа не дал.

Тем временем близилась весна. Святослав Всеволодович “оублюдъся теплыни” пошел из Суздальской земли, спеша, пока не вскрылись реки. Суздальцы

взяли много добра в покинутом стане, но преследовать неприятеля не стали.

Святослав Всеволодович с досады сжег город “Дмитровъ” и поехал, взяв сына Владимира, в Новгород. Братия князя пошла в Южную Русь.

Пока Святослав Всеволодович ходил выволить сына в дикие леса в междуречье Оки и Волги, оставшиеся в Чернигове братья времени даром не теряли. Князья задумали идти в поход к “Дрютьскоу”, взяв с собой и половцев с их князьями Кобяком и Кончаком. Стеречь Чернигов Ольговичи оставили Всеволода Святославича [брата Игоря] и Олега Святославича.

В полоцкой земле у Ольговичей нашлись союзники. Было известно, что с севера от Новгорода Друцку подступит Святослав Всеволодович. Знал об этом и сидевший в Смоленске Давид Ростиславович. Он поспешил в Друцк с полком на выручку сидевшему в городе князю Глебу Рогволодовичу.

А у Глеба Рогволодовича в полоцкой земле было немало врагов. И пошли к Друцку князья: Брячислав Василькович из Витебска, его брат Всецлав Василькович из Полоцка. Шли с теми князьями и “Либь. и Литва”, и “Всецлав Микоулич. из Логанжеска”, и “Андрей Володьшичь и сновець его Игнславъ. и Василко Бряцьславичъ”.

Вся полоцкая сила пошла вдоль реки Друть к северу навстречу Святославу Всеволодовичу.

А Давид Ростиславович Смоленский недолго бился через Друть с Ольговичами. Как подошел с севера Святослав Всеволодович, Ольговичи велели ладить гать через реку, желая идти на Давида. На утро же Давида на противоположном берегу Друти не было. Он поспешил к Смоленску.

Святослав Всеволодович подошел к Друцку сжег острог, детинца брать не стал [были дела поважнее] и двинулся на Днепр, к Рогачеву. А из Рогачева по Днепру князь поплыл к Киеву.

Под стенами Вышгорода в те дни уже стоял Игорь Святославович с Кончаком и Кобяком.

Когда Рюрик Ростиславович разглядел со старокиевской горы стяги Ольговичей, он покинул город и поехал в Белгород.

В Киев въехал Святослав Всеволодович, и город притих, со страхом глядя из-за заборов дворов на стоящих в лугах, на болонье, половцев — весомую силу Ольговичей.

Пускать в Киев половцев Ольговичи не хотели и те попросились у Святослава Всеволодовича “лежахоуть” [распасти лошадей и отдохнуть] “по Долобскоу” с князем Игорем Святославичем. Половцы позволили.

Узнал о том Давид Ростиславович. И послал князь на половцев своего двоюродного брата Мстислава Владимировича с черными клобуками. Отправил в поход Давид и своего воеводу Лазаря — молодежью, и “Бориса Захарыничя. со Сдеславомъ. со Жирославичемъ” из Треполья.

Половцы не ожидали нападения и “лежахоути без боязни”.

Черные клобуки, почуяв поживу, не слушая русских воевод, кинулись в “товары” половцев. Скоро черные клобуки, получив отпор, побежали прочь.

этого “возмятошася” дружина Мстислава Владимировича.

Но дело спасли воеводы Лазарь, стоявший с полком Рюрика Ростиславовича, и Борис Захарьевич и Мстислав Жирославович. Они и ударили по половцам как следует. Многие из степняков утонули в реке “Черторыйи”. Когда Игорь Святославович увидел, что половцы бегут, он вскочил с Кончаком в ладью и поплыл к Городцу Остерскому и далее к Чернигову.

В скоротечном сражении погибло немало половцкой знати. Называют “Козла Сотановича. и Елнута. Кончакова брата. и два Кончаковича яша и Гогоура и...кобоу и Коунячука батого и Чугая”.

Отполонили и немало христиан. Интересно, ведь Игорь Святославович стоял с половцами в одном стане и спокойно созерцал тот полон.

Несмотря на победу, Ростиславовичи решили оставить Ольговичам Киев, но удержать за собой всю “рускоую” землю, то есть окрестности Киева. Рушился Рюрик Ростиславович на своего двоюродного брата Мстислава Владимировича, говоря, что если бы не бояре — быть беде. Рюрик отобрал у того князя Треполье и отдал город Ольговичам.

Всеволод Юрьевич отпустил из заточения в Суздаля сына Святослава Всеволодовича Глеба и помирился с Ольговичами. Мир скрепили свадьбой Мстислава Святославича с “Ясыню”. Это была Всеволода Юрьевича “свесть”.

А Глеба Святославича женили на дочери Рюрика Ростиславича, сидевшего в Белгороде. Свадьбы играли в начале 1182 г.

На севере Руси тем временем все складывалось не так гладко. В Новгороде сидел сын Святослава Всеволодовича Владимир. В Новый Торг новгородцы посадили Ярополка [Ростиславовича — внука Долгорукого]. Этот князь принялся громить приволжские волости своего дяди Всеволода Юрьевича. Вскоре Всеволод осадил Новый Торг. После месячной осады город сдался. Жителей увели в полон, а Ярополка [Ростиславовича] “яша”. Спустя немного времени новоторжцев отпустили обратно в их город. Причиной милости мог быть стратегический союз Ольговичей с Юрьевичами.

16.4. Поход на Волжскую Булгарию

В 1182 г. [по Лаврентьевской летописи в 1184 г.] Всеволод Юрьевич выступил в поход на Волжскую Булгарию. Святослав Всеволодович в помощь привел сына Владимира.

Из Старой Рязани, не смея послушаться, выехали и те погибшего на Клязьме Глеба Роман, Игорь, Всеволод и Владимир. Из Муромы вышел Владимир Юрьевич, принадлежавший муромской ветви потомков Ярослава Святославовича Рязанского. Шел в тот поход на болгар и Мстислав Давидович [сын Давида Ростиславовича, сидевшего в Белгороде].

Подошел полк с Белого озера. Он спустился к Волге руслом рек Шексны и Мологи.

Шли по Волге в ладьях. Доплыв до острова “Исади”, расположенного против устья реки “Цевце”, войско высадилось на берег. Там же оставили “насады и галее” [суда]. Охранять их поставили полк белозерцев с воеводами Фомой Назаковичем, Дорожаем и иными.

Полки пошли берегом Волги и на два дня стали у Тухчина-городка. Впереди располагалась столица “Серьбренныхъ Болгаръ” — Великий Булгар. Это был крупный торговый город на средней Волге при устье Камы.

Когда Всеволод Юрьевич пытался сообразить, как тем городом овладеть, к нему приехали гонцы от половцев. Они передали, что на помощь князю воевать с булгарами пришли половцы Емакове.

Вскоре началась осада Великого Булгара. Внук Долгорукого Изяслав Глебович (племянник Всеволода) с дружиной поспешил к городским воротам, где неприятель сделал вылазку. Тут князь изломил копье, и его под сердце через броню ударила стрела.

Князя привезли в лагерь, и вскоре он скончался.

А болгары, узнав, где русь оставила ладьи, пошли вверх по Волге в лодках, а из “Торцьскаго” на лошадях на ладьи, охранявшиеся белозерским полком.

Только маневр оказался для болгар неудачным. Более тысячи их воинов утонуло в Волге. Многие побили белозерцы. Видимо, болгары, а шло их к ладьям около пяти тысяч, не ожидали встретить столь мощный заслон.

Взять столицу Волжской Булгарии Всеволод Юрьевич не сумел. А по возвращении во Владимир на Клязьме схоронил племянника в златоглавом Успенском соборе.

16.5. Русь 1182 — 1185 гг.

24 июня 1182 г. в Печерской обители под Киевом скончался игумен Поликарп. В свое время игумен схоронил немало князей и мог многое поведать об истории Южной Руси XII в.

После его смерти братия не могла избрать нового игумена. Наконец, ударили “в било” и, сойдясь в храме на молитву, решили послать к “Васильеви попови. на Щьковицу”. Поп Василий был изумлен, когда выслушал просьбу монахов.

Скоро на пострижение Василия съехались митрополит “Микифоръ”, епископ туровский Лаврентий, полоцкий епископ Никола и все игумены.

Интересно: если в Киево-Печерском монастыре в 1182 г. били не в колокола, а в “бито”, то когда же на Руси появились колокола? Следует отметить и еще одно. В Западной Европе раскачивают колокол и тем добиваются звона. А на Руси поступили иначе. Тут стали раскачивать язык колокола, и звон приобрел совсем иное звучание, а колокола на русских звонницах достигли колоссальных размеров. Соответственно мощь и тональность колокольного боя были на Руси отличны от западно-европейских.

В конце зимы половцы с Кончаком и с “Глебомъ Тириевичемъ” приходили воевать к “Дмитрову”.

Святослав Всеволодович со сватом Рюриком Ростиславовичем стал у “Олжичь”, ожидая из Чернигова Ярослава Всеволодовича. Когда Ярослав приехал, он и присоветовал князьям не идти на половцев зимой, но дожждаться лета.

Весной 1183 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович послали на половцев молодых князей Игоря Святославича Северского и Владимира Глебовича [Рязанского], который просил Игоря с киевским полком идти впереди, говоря, что князья русские “на переде ездити в Роуской земли”. Игорь на то не согласился, а Владимир разгневался, из похода вернулся, да еще пограбил северские города.

Тогда Игорь Святославович отправил киевский полк в столицу, послав с ним двоюродного племянника Олега Святославовича, а сам стал собирать собственные силы.

С Игорем Святославовичем в степь поехали брат Всеволод Святославович, князья Андрей и Роман [непонятно, кто именно] и черные клобуки с “Коульоремь и с Коунътоувдеемь”.

Ночью полки Игоря подошли к реке “Хырии”. Накануне прошел обильный дождь. Река разлилась, и бежавшие от Игоря половцы потопили множество скота в “Хырии”.

В 1183 г. скончался полоцкий епископ Дионисий. Скончался вскоре и ростовский епископ Леон. В Киеве на епископскую кафедру Ростова поставили Николая. И был он “Гречинь”.

А у Всеволода Юрьевича на это был свой взгляд. Николая он не принял и отправил в Киев к митрополиту Никифору на утверждение своего кандидата — смиренного игумена Луку [из монастыря св.Спаса на Берестове]. Митрополит Никифор утвердил Луку с большой неохотой под нажимом Святослава Всеволодовича и Всеволода Юрьевича.

11 марта 1183 г. [1185 г. по Лавр.списку] в Киеве была проведена пышная служба — хиротония, на которой кроткого игумена Луку посвятили в епископы Ростова, Суздаля и Владимира на Клязьме.

А 18 апреля 1183 г. [1185 г. по Лавр.списку] Владимир на Клязьме едва не весь сгорел. Пламя не пощадило нескольких десятков церквей и Успенского златоглавого собора. Белокаменное здание занялось огнем с крыши, видно, силен был ветер и стояла сухая погода. Народ кинулся выносить из объятых пламенем помещений книги, куны, паволоки, золотые и серебряные сосуды. Пытались спасти горожане и “портъ”, расшитые золотом и жемчугом, которые по праздникам вешали в две “верви” от Золотых ворот города до сеней владыки. Но пламя ничего не щадило, пожирая сокровища со скоростью ветра и с жадностью голодного волка.

А летом 1183 г. [1185 г. по Лавр.списку] русские князья решили выступить в поход на половцев, как и замыслили зимой в Ольжичах. Из Киева послали гонцов к “окольной кнзи”. Вскоре отовсюду на средний Днепр пошли полки.

Из Переяславля выехал Владимир Глебович (внук Долгорукого).

Из Луцка вынесли стяги Всеволода Ярославовича и его брата Мстислава.

Из смоленских земель подходили Мстислав Романович и Изяслав Давидович.

Шел “Городеньский Мъстиславъ” [не ясно кто]. Из Пинска выехал Ярослав, а из Турова и Дубровиц — Глеб Юрьевичи (правнуки Святополка II).

Из Галича шла помощь от Ярослава Осмомысла. Воистину смышленным был этот князь, ибо редко выезжал из своей волости, отсылая в походы полки во главе с воеводами. Впрочем, Осмомысл и не мог выезжать из Галича, не рискуя потерять стол.

В поход вышли сыновья Святослава Всеволодовича Мстислав и Глеб. Собирались в степь и Рюрик Ростиславович. Подходили к Киеву полки с Волыни, из Луцка и Владимира Волынского. И с ними подходил князь Мстислав Владимирович [ранее лишившийся Треполья].

Не спешили в поход лишь Ольговичи. Они сослались на то, что боятся оставить свою землю “поуты”, но обещали подойти к Суле. Святослав Всеволодовича едва ли обрадовали тем братья и племянники.

Русские полки спустились по правому высокому берегу Днепра до брода, именуемого “Инжирь”, и перешли на левый берег реки.

Искать половцев в степь послали молодых князей, дав им в помощь две тысячи сто берендеев. Половцы, завидев стяги русских князей, побежали.

Когда русские полки стали в местности, именуемой “Ерель” [р.Орель], “егоже Роусь зоветь Оуголь [излучина Днепра], половецкий князь [или, вернее, хан, ибо половцы, судя по именам, были тюрки] Кобяк, решив, что русь отступает, напал на те полки и началась перестрелка через реку.

Скоро о том доложили Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславовичу, шедшим следом за молодежью. Князья послали к Орели большие полки и поспешили за ними сами.

Когда половцы увидели подошедшую к Орели помощь и решили, что идут Святослав и Рюрик, их стремление сражаться тотчас улетучилось.

Это счастливое для Руси событие произошло 30 июля 1183 г. [1185 г.] в день памяти св.Ивана Воинника.

Схватили в тот день немало половцев, и следует привести их имена, дабы понять, что это был за народ.

“Яша. Кобяка Карльевича. со двеима снома. Гилюковича Изоя. и Товлыя снмъ. и брата его. Бокмша. Осалюка Барака. Тарха. Данила. и Съдвама Коулбичкого яша жъ. и Корезя Калотановича тоу оубиша. и Тарсоука”.

Вскоре русские князья с великой честью вернулись в свои города.

В это время в северных землях нашел убежище сын Ярослава Осмомысла Галицкого Владимир, некогда бежавший от отца в Польшу.

Когда Владимира Ярославовича изгнали из Галича, он первым делом приехал во Владимир Волынский к Роману Мстиславовичу. Но князь испугавшись гнева Осмомысла, не дал страннику у себя “опочити”, и вскоре Владимир Ярославович уже стоял у ворот Дорогобужа. Сидевший в том

городе Ингвар Ярославович [двоюродный брат Романа] также побоялся принять галицкого гостя.

Далее Владимир Ярославович оказался под степью Турова, на Припяти. Сидевший в городе Святополк [Юрьевич] также не принял гостя.

Давид Ростиславович не впустил Владимира в Смоленск. И даже в Суздале у Всеволода Юрьевича, вичуемого владыки Северо-Восточной Руси, беглец в Галиции не смог обрести покоя. Так велик был отец Ярослав Осмомысл. Никто не желал с ним ссориться.

В конце концов, Владимир Ярославович приехал в “Поутивлю” к “зяти” своему Игорю Святославовичу.

Два года галицкий князь прожил у Игоря. На третий год Игорь сумел помирить Владимира с отцом и провозачать князя в Галицию отправил для умирности сына Святослава Игоревича [зять Рюрика Ростиславовича].

В 1183 г. погорел “Городень” [Городец Остерский] от “блистанья молние и шибения грома”. Сгорела в городе и каменная церковь.

А 1 января 1183 г. в Киеве на “велицемъ дворе” митрополит с духовенством освятил церковь св.Ваннии. Храм на свои средства воздвиг Святослав Всеволодович. И в честь освящения князь дал пир. На сени княжеских хором пригласили митрополита Никифора, епископов, игуменов и “всь стльскийи и Кияны”. И было на том пиру великое веселье.

В 1184 г. на Русь к реке Хорол пришел половецкий хан Кончак. Хан привел с собой некоего мужа кооурменина иже стреляше. живымъ огнемъ”. И был у хана лук-самострел, который едва могли пять воинов “напрящи”.

С Хорола Кончак послал “с лестью” в Чернигов Ярославу Всеволодовичу. Князь, поверив Кончака, послал на Хорол своего мужа “Ольстина. Олез-

Святослав Всеволодович предупредил брата, чтобы не доверял половчину, и выступил совместно с Рюриком Ростиславовичем на Хорол. Вперед князь выслал Владимира Глебовича [из Переяславля] и Мстислава Романовича [из Смоленской волости, впрочем, может, и из-под Киева].

Молодые князья, придя на Хорол, не обнаружили половцев в месте, где те еще недавно стояли. Тогда князья перешли реку и въехали на “шоломя”, выматривая неприятеля.

А Кончак стоял “оу лоузе”, и схавшие по “шоломя” князья его минули, не заметив. Но вскоре Кончака увидели, и хотя хан попытался “оутече пресь дорогоу”, его “яша”. Там же схватили “бесомышнина”, у которого был “живыйи огонь”. Вскоре конники предстали перед очами Святослава Всеволодовича, и воины разглядывали попавших им в руки коней и оружие.

Это случилось 1 марта наступившего вместе с весной 1185 года.

Впрочем, радость от победы омрачил скорый уход Кончака. В погоню послали “Коунътоугдыя”, но без результата.

Ярослав Всеволодович из Чернигова к Хоролу не вышел, сославшись, что послал мужа своего “Ольстина. Олезича” к половцам и на своего мужа поехать не может.

А 21 апреля 1185 г. посланный Святославом Всеволодовичем Роман Нездилович с берендеями взял половецкие вежи и вернулся на Русь с большим полоном и множеством лошадей.

Тогда же Святослав Всеволодович, не чуя худого, поехал к городу “Корачевоу” рядить свои дела.

16.6. Поход к Дону князя Игоря Святославовича

23 апреля 1185 г., во вторник, из ворот Новгорода Северского выехал Игорь Святославович. Этот князь был праправнуком Ярослава Мудрого, и от роду ему шел тридцать четвертый год.

Игорь был молод и искал славы.

Из “Трубечка” [Трубчевска] в поход выступил брат Игоря Всеволод. Из Рильска выехал племянник Игоря Святослав Ольгович. Из Путивля вышел сын Игоря Владимир, а из Чернигова от Ярослава Всеволодовича подошел в помощь полк, шедший под рукой “Ольстина. Олексича. Прохорова вноука”.

Когда полки подошли к Северскому Донцу, “... тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ чего тьмою вся своя воя прикрыты” [“Слово о пълку Игореве...”]. Это было солнечное затмение. Мужики игоревы поникли головами и сказали князю: “Се есть не на добро знамение”. Этого не мог не понимать и сам Игорь, да только молодость взяла свое, и князь обратился к полкам с речью: “Хошу бо...копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону”. Скоро Игорь подошел к реке Оскол и два дня там стоял, ожидая брата Всеволода. Этот князь подходил к Осколу от Курска. Встретившись, русские полки подошли к реке “Салнице”.

На берегу Сала Игоря встретили его “сторожи”, ранее посланные в степь за языком. Они сообщили князю, что впереди ездят ратные люди в доспехах и надо либо спешить вперед, либо воротиться домой. И еще добавили сторожа князю: “Не наше есть время”.

Игорь подумал с братией и решил, что вернуться без сражения срам, хуже смерти. И поехали полки через ночь в глубь степей к Дону. А в ту пору: “Уже бо беды его пасеть птиць по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клеткомъ, на кости звери зовуть, лисици брешуть на чръленья щиты” [“Слово о пълку Игореве...”].

Наутро в пятницу русские всадники увидели полки половецкие. А впереди, за рекой “Сюоурлия”, стояли жены и дети половцев.

Игорь стал со своим полком в центр, по правую руку поставил полк брата Всеволода, а по левую руку стал полк племянника Святослава Ольговича. Впереди Игоря стали его сын Владимир и черниговская помощь с “Ольстиномъ Кооуеве”.

Перед русскими полками рассыпалась цепь стрелков.

От половцев выехали лучники и, пустив по стреле, ускакали.

И воины Святослава Ольговича, Владимира Игоревича и Ольстина прищипорили коней и помчались на половцев. Полки же Игоря и Всеволода, не смешивая рядов, двинулись следом.

Вскоре половцы дрогнули и побежали в вежи.

Русские дошли до веж и “ополонились”.

В наступившей ночи князья собрались на совет. Возникла идея в ночи отступить. Было известно, что половцы времени даром не теряли и сила у них собиралась немалая. Святослав Ольгович сказал, что его кони, гоняясь за половцами, устали и дорогой он отстанет. То же повторил и Всеволод.

Между тем занялась утренняя заря субботнего дня. В первых лучах солнца взорам русских князей предстало бесчисленное половецкое войско. Игорь, оглядывая ряды неприятеля, сказал братьям, что половцы собрали всех и “Кончака и Козоу. Боурновича и Токсобица Колобича и Етебича. и Терьтробича”.

Русичи слезли с коней, говоря, что “убежать то можно, да черные люди [пехота] останутся, а то грех будет”. И решили либо умереть, либо остаться живыми в одном месте.

Хотели русские воины, сражаясь пешими, дойти до Дона. А в то утро русские полки стояли на реке Каяле. Началась битва. Игоря ранили в руку, и она омертвела. А впереди его полка половцы ранили княжеского воеводу, и они же утащили его прочь с поля сражения. Воины Игоря опечалились.

Сеча шла весь субботний день. К вечеру в рядах русских было много раненых и убитых.

На рассвете следующего дня прочь с поля сражения побежали пришедшие из Чернигова “Ковоуеве”. Игорь поскакал за ними верхом, желая вернуть. Поняв, что далеко отъехал от своих и узнан, князь снял с головы шлем и поспешил обратно к своему полку. А от бежавших вернулся лишь “Михалко Гюргович”. Он узнал Игоря.

Вновь началось сражение. Игорь, сидя на коне, наблюдал, как бился с половцами его брат Всеволод. Полк Всеволода стал у озера в круг и молча яростно отбивал атаки степняков, прикрываясь червленными щитами и рубя неприятеля, что было сил.

Игорь пожелал скорее умереть, чем увидеть, как падет Всеволод. И тут Игорь вспомнил свой грех. Ранее князь взял на щит город Глебов у Переяславля, и живые в городе завидовали мертвым. Игорь вспомнил, как секли мужей и оскверняли жен, и решил, что на реке Каяле он искупает грех.

Действительно, Ольговичи едва ли не каждый год приводили на Русь половцев и, борясь с князьями, напускали кочевников на русские города и села и опустошали целые волости. И сам Игорь не раз наблюдал, как союзные Ольговичам половцы вводили в степь русский полон. Во многом несчастная битва на реке Каяле была искупительной жертвой Ольговичей, и рано или поздно трагедия должна была произойти, хотя сам Игорь с братом, племян-

ником и сыном были менее всего в том повинны. Это была трагедия для всей Руси.

“Бишася день, бишася другий, третьего дни къ полуднию падоша стязи Игоревы” [“Слово о плъку Игореве...”].

Сражение закончилось, и половцы, разобрав пленных, стали разъезжаться в вежи. Князь Игорь достался “Тарголове моужь” по имени “Чилбоукъ”. Всеволода на поле сражения пленил “Романъ Кзичь”. Святослава Ольговича в свою вежу повез “Елдечюкъ въ Водоурцевичехъ”. Владимира Игоревича повез “Копти в Оулашевичихъ”.

Там же, на поле сражения, Кончак поручился “по свата Игоря”, указав на его рану. Чилбоук не посмел отказать хану.

Немногие из пришедших с Руси к реке Каяле сумели уйти со страшного поля. И все же, когда Святослав Всеволодович пришел из Корачева, где он собрал воинов для летнего похода на Дон, в Новгороде Северском, Ольговичи сообщили старейшему брату о произошедшей трагедии.

Многие новости разносили купцы. Они были желанными гостями повсюду, и именно их свидетельства нередко были самыми свежими и достоверными.

Игорь Святославович был честолюбив и ушел в поход к Дону тайно, наверняка зная, что летом Святослав Всеволодович сам собирался выйти в степь со всей русской силой.

Когда Святослав Всеволодович в ладье из Новгорода Северского приплыл в Чернигов, его уже ожидал живой свидетель несчастного похода. Это был “Беловолодь. Просовичь”. Выслушав его рассказ, Святослав вздохнул, утер слезы и сказал, что дал ему господь “притомити поганья” не смог удержать “оуности”, а та своей горячностью “отворила ворота на Роусьскоую землю”.

А в ту пору по берегам реки Сейм “возмятошша городи”. По всем волостям вокруг Чернигова, Новгорода Северского, Курска и Рыльска народ стал хватать князей и избивать их дружины. Те события походили на происходившие в Суздальской земле после гибели Боголюбского. И там, и тут земля осталась без твердой княжеской власти, к тому же многие из простых [черных] людей не вернулись из похода, да еще вспомнились стародавние застарелые обиды на власть, и начались восстания.

Тушить пожар Святослав Всеволодович на Сейме отправил сыновей Олега и Владимира. А в Смоленск к Давиду Ростиславовичу Святослав послал сказать, чтобы шел князь на половцев, да постерег русскую землю. Давид спустился вниз по Днепру и стал у Треполья.

“Изрядил” свой полк в Чернигове и Ярослав Всеволодович.

А тем временем у половцев, возгордившихся победой над Игорем, шел спор: идти ли к Киеву (и кто выступал Кончак) или идти на Сейм, где жены и дети остались без защиты и был готовый полк. Боняк и Кза настаивали на походе на Сейм. В конце концов, силы половцев разделились на две, и Кончак подступил к Переяславлю, осадил город и двинулся под его стенами. Сидевший в Переяславле

Владимир Глебович [внук Долгорукого] был “дерзь и крѣпокъ. к рати”. Князь выехал в поле с немногими дружинниками и стал биться с половцами. Когда из города увидели, что князя обступили отовсюду, широта распахнулась, вышла помощь и князя “отыша”. А Владимир уже был ранен тремя копьями.

Из Переяславля к Святославу Всеволодовичу и Давиду Ростиславовичу поспешили гонцы, прося помощи. Святослав послал к Давиду в Треполье. Стоявшие в том городе смоляне собрали вече и заявили князю, чтобы шли до Киева, и если надо, то сражались бы. А иных битв им не нужно “оуже ся чымы изнемогле”. Но помощь к Переяславлю все же не пришла. Когда половцы увидели, что Днепр переходят вилки, над которыми развивались стяги Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславовича, они сняли осаду с Переяславля и двинулись в степь.

Отступая, половцы остановились у города Рымов. И произошло несчастье. Горожане затворились в городе и сидели на деревянных городнях, глядя за ров на неприятеля. Две городни, представлявшие собой деревянные срубы, “летеста” с вала “к ратнымъ”. Это был дурной знак, и горожан объял ужас.

Часть горожан, вышедшая из крепости и бившаяся по “Римьскому болоту”, сумела “избыша плена” [избежать плена]. Те же, кто сидел в городе, “ни взяти быша”.

Помощь, которую просил Владимир Глебович, пришла медленно, ибо Святослав и Рюрик “опоздали сжидающе Двда Смолняны”, и Рымову никто помочь не сумел.

А вторая половецкая орда под началом Кза пошла острог вокруг Путивля и повоевала села по всему краю.

Но вернемся к князю Игорю Святославовичу. Половцы приставили к нему пятнадцать своих сыновей — “сторожовъ”. Кроме того, у князя было много слуг.

Воли Игорю дали, сколько желал. Сторожа исполняли все его приказы, но следовали за князем только в неотступно.

Привезли Игорю и попа из “Роуси” со “стою моужбоку”.

Издил князь Игорь по степи с ястребом на плече и на руке, охотясь на дикую живность. А было ее много.

А над Сеймом на забороле крепостной стены в Путивле стояла супруга Игоря, княгиня Ярославна, и плача и всматриваясь в неоглядные заречные горы, говорила: “О ветре, ветрило! Чему, господине, так сильно веешь? Чему мычешь хиновские стрелки за своею нетрудною крилюю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ горе подь облакы веяти, лелеюя корабли на сине море? Чему, господине, мое сердце по ковылию развея”.

Наступал новый день, и снова Ярославна выходила на заборолу путивльского детинца и, плача, говорила: “О Днепре Словетицу! Ты пробилъ еси каменные горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеюя еси на себе Святославля носады до плъку Кобя-

кова. Възлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано”.

И слезы Ярославны помогли Игорю. Среди половцев нашелся один по имени “Лаворъ”. Этот человек предложил Игорю бежать на Русь. Князю мысль в сознание запала, но доверия к половецкому не было.

Около Игоря находились его конюх и сын тысяцкого. Они и стали уговаривать князя пойти в Русь. Сказали Игорю и о том, что вернувшиеся из похода под Переяславль и Путивль половцы, по слухам, хотят убить князя и всю Русь. И не будет Игорю с того “ни славы, ни живота”.

Игорь тому поверил и “оуполошас” возвращению половцев с Руси.

С заходом солнца князь послал к “Лаврови” своего конюшего передать, чтобы тот с конем ждал Игоря за рекой “Тора”.

Ночью сторожа Игоря напился “коумыза”. Когда к Игорю подошел конюший и сказал, что “Лаворъ” его ждет за рекой, князь затрепетал и неизвестно, чего более было в его душе — страха или нетерпения. Игорь перекрестился на образ и, подняв полог шатра, оказался под звездами.

Сторожа его, решив, что князь спит, безмятежно играли и веселились. Игорь перешел реку, сел на коня и пошел сквозь вежи.

Одиннадцать дней Игорь шел “пешь” до русского города Донца, в верховья Северского Донца. Ехать верхом по степи было слишком опасно. Князя могли заметить и поймать. И пришлось Игорю днем таиться по оврагам и двигаться, скрываясь в густой траве и в зарослях кустарника и приречных рощ, а ночью, ориентируясь по севшему солнцу, а быть может, и по звездам и луне, спешить к Донцу.

“А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и белымъ гоґолемъ на воду, въврѣжеса на брѣзь комонь и скочи съ него бусымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подь мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обеду, и ужине” [“Слово...”].

Из Донца Игорь Святославович приехал в Новгород Северский. И были возвращению князя искренне рады на Руси.

Однако города в посеймье волновались, и Игорь попросил помощи из Чернигова. Ярослав Всеволодович помощь обещал.

Скоро Игоря встречали в Чернигове, а спустя немного времени князь ехал по Боричеву спуску Киева “къ святеи Богородици Пирогощени”. И были рады Игорю Святослав Всеволодович и сват Рюрик Ростиславович.

16.7. Русь 1186 — 1187 гг.

В 1186 г. в Чернигове была освещена церковь Благовещения. Строилась она на средства Святослава Всеволодовича.

А Всеволод Юрьевич в 1186 г. организовал новый поход на волжских булгар. Вниз по Волге

отправились жители Городца [Волжского] во главе с княжескими воеводами. Вернулись из похода с большим полоном.

Новгородцы тем временем изгнали сидевшего у них Ярослава Владимировича [сын Владимира Мстиславовича?] и пригласили представлявшего весомую силу в Южной Руси Мстислава Давидовича.

Главные же события Руси 1186 г. произошли на Рязанской земле. Дети покойного Глеба Ростиславовича перессорились друг с другом. Старшие сыновья Роман, Игорь и Владимир поднялись на младших братьев Всеволода и Святослава.

Зимой 1186 г. собрался Давид Ростиславович идти со смолянами в поход на Полоцк. Из Новгорода к Полоцку должен был выйти его сын Мстислав. Собирались идти к Полоцку и отдельные князья местной линии [потомки Всеслава Брячиславовича]. Из Логожска должен был выступить Василий Владимирович, а из союзного Смоленску Друцка — Всеслав [Васильевич]. Мелкие князья Полоцкой земли боролись за первенство. Смоленск же, вмешиваясь в споры, стремился утвердить собственное влияние на Западной Двине. Эта река в XII — XIII вв. имела весьма большое значение для смолян, ибо через нее шла торговля с балтийским островом Готланд и с городами Германии и Поморни.

Полочане, решив не пустить смолян и новгородцев в свою волость, вышли к межам и, поклонившись и одарив пришедших, “урядились с ними без рати”.

Во многом схожая с полоцкой история в 1186 г. произошла в некогда бывшей Черниговской волостью на Рязанской земле. Дети покойного Глеба Ростиславовича перессорились, деля земли и города друг с другом. Старшие Роман, Игорь и Владимир поднялись на младших братьев Всеволода и Святослава. Первые стали “твердить” Старую Рязань, вторые затворились в Пронске. Стали князья отвоевывать села друг друга.

Скоро о том узнал Всеволод Юрьевич и поспешил отправить послов в Старую Рязань на увещевание Романа, Игоря и Владимира. Однако мир не водворился.

В ворота Владимира на Клязьме въехали послы из Пронска. Они передали Всеволоду Юрьевичу, что младшие братья Всеволод и Святослав просят у него помощи. С берегов Клязьмы в Пронск прибыло триста дружинников в помощь.

Когда о том узнали в Старой Рязани, Пронск взяли в осаду и стали биться через ров.

Всеволод Юрьевич озаботился более прежнего и выслал в помощь Пронску свояка [Ярослава Владимировича, изгнанного из Новгорода] и князей из Муромы Владимира и Давида Юрьевичей.

Когда помощь стояла у Коломны, Роман, Игорь и Владимир, устранившись, сняли осаду с Пронска и поспешили к Старой Рязани.

В 1187 г. в ростово-суздальских землях была “болесть силна”. Не было во всем крае ни одного двора без больного. А во многих избах некому было и воды подать.

А в Ростове епископ Лука расписывал церковь Богородицы.

В конце 1187 г. Всеволод Юрьевич решил проучить рязанских князей, надеясь, что на сей раз Ольговичи не прогневаются. С князем Всеволодом Оку перешли его свояк Ярослав Владимирович, муромский князь Владимир Юрьевич и стоявший весь тот год у Коломны Всеволод Глебович.

Пошли к “Попову”. Повоевали по Оке сели, взяли полон и вернулись зимовать по домам.

В Южной Руси в 1187 г. происходило вот что. 30 июля 1187 г. [1189 г. по Лавр. летописи] Всеволод Юрьевич отдал дочь Верхуслану за сидевшего в Белгороде Рюрика Ростиславовича. Всеволод с супругой ехал провожать дочь в Южную Русь и плакал. Была Верхуслава всего “осми летъ”. Молодых венчал епископ Максим в деревянной церкви св. Апостолов в Белгороде.

Была свадьба “велми силноу”, каких прежде на Руси не бывало. Одних князей приехало более двадцати. Невесте Рюрик помимо многих даров пожаловал город Брагин на Днестре.

В ту же неделю Рюрик Ростиславович отдал собственную дочь “Ярославоу” за Святослава Игоревича в Новгород-Северский. И были жених и невеста очень молоды.

Кроме того, Игорь Святославович в Новгороде Северском “сотворил” свадьбу вернувшегося из половецкого плена сына Владимира с “Коньчакою” [дочерью хана Кончака]. Венчали Владимира Игоревича с половчанкой и с их “детятем”, прижитым в степях на водоразделе между Доном и Днепром.

Когда Святославу Всеволодовичу и его свату Рюрику Ростиславовичу стало известно, что половцы стоят на днепровском броде на “Татинци”, князья решили без обоза “изъездомъ” пойти на половцев. Владимир Глебович, выйдя из Переяславля, стал проситься поехать вперед. Святослав Всеволодович впереди желал видеть своих сыновей. Но Рюрик вступился за внука Долгорукого, говоря, что князь этот крепок на рать и всегда стремится на добрые дела.

Спор был напрасным. Половцы бежали за Днепр. А Владимир Глебович, возвращаясь в Переяславль, тяжело занемог. В город его принесли на носилках, и 18 августа 1187 г. [1188 г. по Лавр. летописи] князь скончался. Его положили в соборе Михаила и искренне по князю плакали. О Владимире Глебовиче как о мужественном защитнике “Оукраина много постона”. Под Оукраиной следует понимать земли на левобережье среднего Днепра.

В Южной Руси не было житья ни Долгорукому, ни севшему в Киеве вслед за отцом Глебу Юрьевичу, ни их потомку Владимиру Глебовичу.

В мае 1187 г. в Вышгороде скончался Мстислав Давыдович, один из внуков Ростислава Смоленского. Похоронили князя в монастыре св. Федора в Киеве.

Лето 1187 г. было беспокойно. В поросье воевал половецкий хан Кончак. Он же беспокоил Черниговскую волость.

Зима 1187 г. выдалась необычно суровой. Никто не помнил столь жестоких морозов. Святослав Всеволодович поехал в Чернигов собрать полки Ольговичей к зимнему походу. А Рюрик Ростиславович собрал свои силы.

Снег был так глубок, что русские полки могли двигаться лишь руслом замерзшего Днепра. Когда вбитой реки дошли до “Снепорода”, то “изымаша торжы Половецкые”. Тут стало известно, что вежи и стада половецкие находятся у “Голоубого леса”.

Ярослав Всеволодович сказал брату Святославу, что идти далее, да еще в сторону от Днепра, не может, ибо земля его “далече”, а дружина “изнемогаша”.

Рюрик Ростиславович, напротив, стал настаивать на продолжении похода, говоря, что половцы нежат и их вежи в одном дне пути. Святослав Всеволодович с Рюриком согласился, да не захотел бросить Ярослава. Полк черниговский был пеш. Так и вернулись русские князья по домам.

16.8. Галиция

В Галиции в 1187 г. [1188 г.] 1 октября скончался Ярослав Владимирович Осмомысл. О князе автор “Слова о пълку Игореве” сказал: “Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своемъ златокошнемъ столе, подперъ горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремени чрезъ облаки, рядя по Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, творяеши Киеву врата, стреляеши съ отня злата стола салтани за землями...”

На второй день после кончины Ярослава поехали в церкви пресвятой Богородицы в Галиче.

Ярослав застроил Галицию городами, церквями и монастырями, и жило княжество под его рукой как самостоятельная держава. Однако от Руси Галиция Ярославе не отбивалась и угров и ляхов на свои земли не пускала.

Чувствуя скорую кончину, Ярослав собрал бояр и духовенство, покался в грехах и велел раздать имущество. И три дня по всему Галичу княжеские вежи раздавали золото и серебро.

Осмомысл, умирая, завещал галицкий стол младшему сыну Олегу, прижитому от сожженной урожанами наложницы. Старшему Владимиру Осмомысл давал Перемышль.

На том Владимира и галицких бояр водили целовать крест. Осмомысл надеялся оградить любимого сына Настасьича от бед, да тщетно.

Не успело тело Ярослава остыть, как Галицию покинул мятеж. Олег Настасьич едва убежал в Овруч, к Рюрику Ростиславовичу. А на столе в Галиче сел Владимир Ярославович.

А у Рюрика Ростиславовича в 1187 г. родился сын Владимир, в крещении нареченный Димитрием.

В конце 1187 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович отправили в степь за Днепр на половцев воеводу “Романа Нездиловича” с чер-

ными клубуками. Однако половцы, бросив вежи, поспешили “в Доунай”.

В 1188 г. в Галиции не было покоя. Владимир Ярославович оказался “любезнивъ питию многомоу”. Мало того, Владимир “поя оу попа женоу” и стал с поповной жить, как с супругой. От этой женщины у Владимира было два сына.

Понятно, что при такой жизни Владимир Ярославович избегал советов своих мужей, ибо едва ли кто одобрял его поступки.

За всем внимательно следил Роман Мстиславович [сын Мстислава II Изяславовича], сидевший во Владимире Волынском. Прежде всего он выдал свою дочь за старшего сына Владимира Ярославовича Галицкого. И в том был дальний расчет. Проявлял интерес Роман Мстиславович и к настроениям галичан. Те же не уставали возмущаться Владимиром “через его женолюбие”, ибо где “оулюбивъ женоу или чью дочерь, поимашеть насильемъ”.

Начал Роман Мстиславович слать к галичанам “без опаса”, призывая их изгнать беспутного князя, а его пригласить в Галич.

Галичане собрались с силами, поцеловали к Роману крест и восстали против Владимира. Но ни схватить, ни убить Владимира галичане не решились. Побавались мести сторонников князя.

Наконец, послали к Владимиру сказать, что восстали не против него, но потому, что “не хочемъ кланятися попадьи”.

Владимир Ярославович не сомневался, что галичане при первой возможности расправятся с его попадьей, как в свое время расправились с любовницей его отца. И собрав какое мог золото и серебро, взяв попадью, двух сыновей и дружину, Владимир Ярославович поехал в Венгрию, ко двору короля Белы III (1173 — 1196 гг.).

Галичане успели лишь отнять “Романовноу. Федороу” [дочь Романа Мстиславича] у Владимира.

Скоро об отъезде галицкого князя в Венгрию стало известно во Владимире Волынском. Роман Мстиславович дал свой город младшему брату Всеволоду, сказав, что “боле ми того не надобе”, и поспешил в Галич.

Однако просидел Роман в галицком детинце недолго. Скоро князю сообщили, что Бела III с войском стоит по другую сторону Карпат. Роман, взяв какой мог “добытокъ Володимерь”, поспешил к Владимиру-Волынскому. Поехали на Волынь с Романом и многие галичане.

Но Романа ожидала новая неприятность — его брат Всеволод затворился во Владимире-Волынском и ворот города отпирать не собирался. [Мы помним историю с Изяславом Давыдовичем, опрометчиво оставившим, уходя в Киев, свою “очину” — Чернигов — Ольговичам, да так туда более и не попавшим.]

Роман отправил жену в Овруч “с Галичаньками” по дороге через Пинск под опеку Рюрика Ростиславовича, а сам поехал за помощью в Польшу.

Однако в Польше помогать Роману не стали, и поехал князь в Белгород к Рюрику Ростиславовичу, своему тестю.

Когда Бела III вошел в Галич, то первым делом посадил на стол своего сына Андрея, и “даде весь нарядь Галичанамъ”. А Владимира Ярославовича Бела III увез назад в Венгрию. Да еще король “ноужею отима добытокъ” [то есть доход, поступавший от налогов] у Владимира.

В Венгрии король посадил Владимира Ярославовича с поповной “на столпъ” [в башню].

Князь Роман Мстиславович вышел в Галицию и послал вперед в город “Преснескъ”. Только город успели занять венгры и противные Роману галичане. И далее Роману в том походе пройти не удалось.

Тогда Роман отпустил брата своей супруги Ростислава [шурина] в Белгород, а сам вновь поехал в Польшу к Казимиру.

И вновь помощь ляхов не пошла Роману впрок. Роман подошел с поляками к Владимиру-Волынскому. Но Всеволод и не помышлял открыть ворота города. Ляхи уехали домой. А Роман поехал к Рюрику Ростиславовичу в Белгород.

Тесть дал Роману “Торцькийи” [г. Торческ в поросье], а Всеволоду Мстиславовичу пригрозил так, что тот скоро выехал из Владимира-Волынского и поспешил в свою волость в Белз.

Роман Мстиславович вернулся в свои хоромы в детинце Владимира Волынского и наверняка некоторое время наслаждался покоем отчих стен.

А на севере Руси в 1188 г. новгородцы попросили у Всеволода Юрьевича его свояка Ярослава Владимировича на княжение. А во Владимире на Клязьме 16 февраля был страшный гром. И “зарази двое чади. и храмину зажже” [Лавр. летопись 1188 г.].

В 1189 г. Бела III прислал в Киев к Святославу Всеволодовичу просить сына. Так как речь в значительной степени шла о судьбе Галиции, Святослав Всеволодович, утаив от Рюрика Ростиславовича весть о переговорах, послал к венгерскому королю сына Глеба.

Скоро о том стало известно в Белгороде, и Рюрик Ростиславович отправил к Беле III Святослава Владимировича [сын то ли Владимира Мстиславовича, то ли Владимира Андреевича]. Тогда же Рюрик стал слать с упреком к Святославу Всеволодовичу. В спор князья вступил митрополит и заметил, что, чем препираться, лучше бы отняли у венгров свою “отчину” — Галицию.

Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович с сыновьями и братьями выступили было к Галичу, да скоро вернулись, “не урядившись о волостях”. Святослав предлагал Галич Рюрику за земли вокруг Киева [гг. Белгород, Вышгород, Торческ и пр.]. Рюрик же того не желал.

А в ту пору в Смоленске, при дворе Давида Ростиславовича жил сын галицкого изгоя Ивана Ростиславовича Берладника по имени Ростислав [в честь деда]. К нему послали галичане гонцов, прося идти на княжение. Долго Ростислава Ивановича уговаривать не пришлось, и скоро он стоял на “Оукраине Галичккой”, заняв два города.

Но галичане не были едины в отношении Ростислава Ивановича. Те, чьи дети и братья служили Андрею Венгерскому, стояли за королевича.

Узнав о распрях в Галиции, Бела III послал военную помощь в Галич. А Андрей без устали водил галицких бояр к кресту на присягу.

Когда Ростислав Иванович подъехал к стенам Галича, надеясь, что народ, сбросав стяги, кинется под его руку, пришедшие с ним люди поняли, что дело неладно. Стали говорить Ростиславу о лести галичан. Многие из тех, кто ехал с князем от Смоленска, уехали прочь. Но Ростислав сказал, что чем блудить в чужих землях, лучше сложить голову в своей. И поехал князь к галицким полкам, оставив свою немногочисленную дружину. Галичане и венгры обступили Ростислава и “сбодоша” его с коня.

Еле живого Ростислава Ивановича на руки внесли в Галич. Горожане “возмятошася. хотяче и изотяти”. Венгры напугались и приложили “зелье смертное” к ранам Ростислава.

Упокоили Ростислава Ивановича в церкви монастыря св. Иоанна.

Венгры, поняв, что без приглашения галичичи Ростислав бы не появился, начали мстить горожанам. От мужей стали отнимать жен и дочерей “на постеле к себе”. А в “божницахъ почаша кони стамляти”. Галичане пожалели, что выгнали своего беспутного князя, пьяницу Владимира Ярославовича.

16.9. Русь 1189 — 1193 гг.

А на другом конце Руси, в суздальском ополце, 10 ноября 1189 г. [по Лавр. списку] скончался епископ Лука. 11 ноября Всеволод Юрьевич с игуменами, монахами и клирошанами положили Луку в Успенском соборе Владимира на Клязьме.

В 1189 г. 24 сентября у Всеволода Юрьевича умер сын Глеб. И в том же году родился другой сын, названный в крещении Георгием (Юрием) в честь деда Долгорукого. Недаром Всеволода прозвали на Руси Большое гнездо. Дети у этого князя рождались едва ли не ежегодно.

19 апреля 1190 г. скончался Святополк Юрьевич шурина Рюрика Ростиславовича. Его погребли в Киеве в каменном соборе св. Михаила, построенном его прадедом великим князем Святополком II Изяславовичем в 1093 — 1113 гг. С кончиной правнука Святополка II его потомство по мужской линии на Руси фактически пресеклось. Видно, сказалась в дурная слава Святополка II. Отшатнулись от его потомков и бояре, и черные люди, и жили они на Руси скромно, кормясь в небольших уделах милостью более жизнеспособных кланов Ярославовичей.

В 1190 г. в Белгороде похоронили епископа Максима, и Рюрик Ростиславович посадил епископом своего духовного отца — игумена св. Михаила “Андреяна Выдобычского”.

А из Суздальской земли в Киев приехали послы от Всеволода Юрьевича просить митрополита Никифора назначить епископом Залесской земли духовника князя Иоана. 23 января 1190 г. в Киеве Иоан был посвящен в епископы. А 25 февраля Иоан уже служил в Ростове Великом.

Сам Всеволод Юрьевич в это время находился там же, в Ростове “в полюдьи” [Лавр. летопись 1190 г.]. Видно, русские князья XII в. не чуждались обычаев русских князей X в. и сами подобно киевскому Игорю каждую зиму, если не находились в военном походе, выходили в полюдье.

Впрочем, Русь Северо-Восточная в XII в. своими объемами едва уступала Руси Южной Киевской IX—XI вв. Только земли ее были севернее, лесистее и холоднее. Власть же в ней в XII в. была в одних руках. На уделы земля не дробилась, и мощь Владимировской Руси мало-помалу сравнялась с мощью Руси Киевской, а позже и превзошла ее.

Но уже в XIII в. дети Всеволода Юрьевича стали делить Северо-Восточную Русь на отдельные княжества, и их земли стали переживать то же, что и Киевская Русь в XII в. — усобицы и наведение степняков на противников.

Но мы забежали вперед. 10 марта 1190 г. Всеволод Юрьевич выехал из Ростова в Суздаль. И 13 [или 17] марта князь приехал во Владимир на Клязьме. Это были вехи зимнего полюдьа Всеволода. Ибо 20 февраля 1190 г. у Всеволода родился сын, в крещении нареченный Федором, и “тогда сущю князю великому в Переяславли в полюдьи” [Лавр. летопись 1190 г.].

Маршрут зимнего полюдьа Всеволода Юрьевича получается таков: 23 января 1190 г. — Ростов Великий; 20 февраля — Переяславль Залесский; 10 марта (уже 1191 г.) — вновь Ростов Великий; 13 [или 17] марта, проехав Суздаль, Всеволод вернулся во Владимир на Клязьме. А вскоре должны были начаться вскрытываться реки.

Но вернемся к делам Западной Руси. В 1190 г. они принесли весьма интересный оборот.

Бела III поставил для своего пленника Владимира Ярославовича шатер на вершине башни. С “веже заменое” и осматривал красоты Центральной Европы. Владимир, утешаемый попадьей и двумя сыновьями.

Но то был сын Осмомысла, русский князь Ярополкович. В одну из ночей Владимир изрезал шатер, “оужище” и “свесися” с башни, да не один, а с поповной и детьми. Среди сторожей у Владимира было двое “во приязнь”. Эти люди довели князя до Германии.

Когда Генрих VI узнал, что попавший к его двору русский есть никто иной как “сестричичъ” Всеволода Юрьевича, он принял Владимира с величайшей лаской и честью.

Скоро германский король отправил Владимира в Казимиру Польскому, веля довести князя до Галичи. Владимир Ярославович, стремясь оправдать подобное обхождение, посулил при германском дворе давать церкви [латинской] две тысячи гривен серебра “до года”.

Казимир приставил к гостю своего мужа “Микла” и отправил их в Галич.

Стоит ли говорить, что галичане, услышав, что Владимир Ярославович близко, тотчас выгнали Андрея Венгерского и с радостью распахнули ворота и пусть и перед беспутным, зато своим князем.

Сев в Галиче, Владимир Ярославович стал слать в далекий Владимир на Клязьме, моля “оуеви” своего Всеволода Юрьевича помочь удержать волость.

Это была попытка возобновить старый союз Галиции и Суздаля эпохи Долгорукого. Всеволод перспективы подобного союза оценил положительно и разослал послов ко всем русским князьям и даже к “королеви в Ляхы”, дабы те целовали крест на том, чтобы не искать галицкого стола под Владимиром. И никто не посмел преступить крестное целование.

А в Киеве в 1190 г. Святослав Всеволодович оценил своего внука Давида Ольговича с “Игоревною” [уж не с дочерью ли Игоря Святославовича Северского?].

В первой половине 1190 г. половцы не посмели вторгаться на Русь и охотно примирились со Святославом Всеволодовичем и с Рюриком Ростиславовичем. И поехали те могучие князья, в отношениях с которыми правившие Южной Русью, в ладьях к устью “Тесмени”. Там князья охотились и пировали и “тако наглоумистася” вернулись по своим термам.

Осенью 1190 г. Святослав Всеволодович велел схватить князя торков “Кондоувдыя” по своей на него “обаде”. За что Святослав обиделся на торка, неизвестно.

За “Кондоувдыя” вступился Рюрик Ростиславович. Это тем более понятно, что Торческ, столица поросья, находился в его ведении. Может быть, князь торков и попал в опалу к Святославу, что не ходил в его воле, а больше слушал Рюрика.

Святослав не мог не считаться со сватом Рюриком и “Кондоувдыя” отпустил. А князь торков, “не стерпя сорома”, поехал не на Русь, а к половцам в степь.

Вскоре “Кондоувдыя” с радостью встречали у половецкого хана “Тоглыеви”. Тюрки быстро нашли общий язык, и мысли их потекли в одном направлении. Стали думать, как отомстить Святославу Всеволодовичу.

А Святослава в Киеве не было. Он уехал за Днепр на встречу с братией своей — Ольговичами. Уехал из Белгорода в Овруч и Рюрик Ростиславович. И остался в городе Торческе лишь Ростислав Рюрикович.

Ипатьевская летопись повествует, что Кондоувдыя с половцами осенью 1190 г. сжег острог города “Чюрнаевъ” и взял там двух жен и челядь. Правда, неясно, чьи были жены и челядь [уж не наложницы ли Святослава Всеволодовича?]. После того половцы “Легоша по Висемь”. А как отдохнули кони, кочевники поехали к “Боровоному” и, узнав, что в Торческе сидит Ростислав Рюрикович, отступили в степь.

А отношения Ростиславовичей и Ольговичей стремительно охлаждались. Но, к счастью для Южной Руси, дело окончилось миром, и Святослав Всеволодович поцеловал крест к Ростиславовичам “на всеи ихъ воле”.

Зимой Ростислав Рюрикович со своими “мужами” и черными клобуками поехал изъездом до “Протолчии” вниз по Днепру и в “лоузе” Днепра [на

луговине] захватил множество половецкого скота и полона. С тем князь стал отступать на Русь.

Половцы перешли Днепр вброд и в трех днях пути от Днепра на “Ивле” настигли Ростислава Рюриковича. Половцев вели “Колдечи. Кобань. Оуросовича оба. и Бегьбарсь Акочаевич четвероже”. Приехал к орде со своим полком и “Ярополкъ Томзаковичь”. Судя по имени этого хана, знать Руси и половецкой верхушки смешивалась. Особенно тесно родством с половцами были связаны Ольговичи.

Увидев вознесшиеся в небо стяги Ростислава Рюриковича, половцы оторопели. Этого князя никто в степи не ждал. Шестьсот их воинов черные клобуки схватили, а остальных посекали. За хана Кобана взяли “искупъ”.

Вернувшись в Торческ, Ростислав Рюрикович собирался к отцу в Овруч. А Рюрик Ростиславович сидел в Пинске у тещи и был поглощен организацией похода на Литву. Там же, в Пинске, справляли свадьбу Ярополка Юрьевича [правнука Святополка II].

С походом на Литву ничего не вышло, ибо снег “стече” и в леса, на берега Немана, ни на санях, ни на колесах пройти было невозможно.

Зимой половцы подошли к Руси и взяли языка “во Воротцехъ”, стремясь узнать, кто из князей где находится. Половцы узнали, что Святослав Всеволодович с полками стоит у “Коульдерава”. Этого оказалось достаточно для того, чтобы половецкие кони помчались в степь. Святослав Всеволодович послал в Канев сына Глеба, а сам поехал в Киев.

И снова, как только в степи стало известно, что Святослав уехал от южных рубежей Руси, половцы с “Коунтоувдеемъ” поспешили к “Товаромоу”. Глеб им закрыл дорогу у “Товарова”, и половцы побежали к Роси.

Лед под половцами обломился, и те, кого не побили, утонули. Но многим удалось ускользнуть за Русь в поле, и среди счастливых был “Коунтоувдей”.

В 1191 г. хорошо нам знакомый Игорь Святославович Северский, бывший в ту пору зрелым и мудрым мужем сорока лет, выступил в степь. Но так далеко, как в 1185 г., князь не заходил и, набрав скота и коней, скоро вернулся на Сейм.

Зимой 1191 г. Игорь с братом Всеволодом, женатым на дочери хана Кончака, вновь ходил походом в степь. С Игорем шли три сына Святослава Всеволодовича — Всеволод, Владимир и Мстислав. Пустил в зимний поход сына Ростислава и Ярослав Всеволодович. Еще один Ольгович — Олег Святославович — пустил в поход сына Давида. Игорю старшие Ольговичи доверяли как себе, считая, что северский князь весьма искушен в ведении степной войны.

Полки двигались до реки Оскол. Половцы отвели в глубь степи вежи и стали ожидать Ольговичей. Игорь, побоявшись повторения трагедии 1185 г., ночью отступил от Оскола. На рассвете половцы поспешили в погоню, да не угнались. Опыт Игоря сказан и в том, что в зимний поход 1191 г. шли лишь всадники и войско было мобильно и не рисковало тем, что может отстать пехота.

Все лето Святослав Всеволодович с Рюриком Ростиславовичем простояли с полками у Канева “стерегоучи земли Роуские”.

Осенью “лепшие моужи” из черных клобуков стали просить у Рюрика Ростиславовича сына Ростислава идти в поход на половцев “на Доунаи”. И сам Ростислав просился в поход и послал к отцу мужа “Рогьволода”.

Но урок несчастного похода к Дону 1185 г. был свеж в памяти князей старшего поколения, и Рюрик сына к Дунаю не пустил.

Зимой Рюрик Ростиславович послал своих людей к половцам по “Коунтоувдею”. Половцы бежавшего торка схватили, сделав это не бескорыстно, и привели к Рюрику. Князь отпустил половцев с дарами, а “Коунтоувдею” дал город “Дверень” на Роси.

В Залесской земле 28 июля 1192 г. в древнем Суздале Всеволод Юрьевич устроил “постриг” сыну Юрию. Это был старинный индоевропейский обычай, упоминавшийся при рассказе о западных славянах. Он ознаменовывал передачу отрока от опеки матери заботам отца. Юного Юрия назвали в честь деда Долгорукого, и его постриг имел особое значение для суздальцев. Ведь именно Суздаль служил резиденцией Долгорукому.

После пострига Юрия посадили на коня, и великое торжество охватило Суздаль. Присутствовал и древнем языческом по сути празднике и новый епископ Северо-Восточной Руси Иоанн.

К слову сказать, обряд пострижения при посвящении в монахи у христиан едва ли старше славянской традиции пострижения отроков при их возмужании и переходе в разряд юношей.

В 1192 г. Ростово-Суздальская земля продолжала расцветать под заботливой и твердой десницей Всеволода Юрьевича. Во Владимире на Клязьме 22 августа владыка Иоанн в присутствии князя торжественной службой освятил начало строительства храма Рождества Богородицы. В то же время побелили известью Успенский собор Владимира и обновили церковь пресвятой Богородицы в Суздале.

В 1192 г. Всеволод Юрьевич вел работы по расширению и укреплению владимирского детинца.

В 1192 г. в большом княжеском гнезде Всеволодом появился еще один птенец, названный в честь прадеда Мономаха Владимиром, а в крещении нареченный Дмитрием.

Осенью 1193 г. Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславович съехались с половцами в Канев. Ростислав Рюрикович привел в Канев ханов “Акоуша и Итоглыя”, именуемых “Лоукоморци”. Это были турки, кочевавшие в Северном Причерноморье, у Луки моря. Такую луку Черное море выгибает при устье Днепра и Днестра, хотя Азовское море при устье Дона также представляет собой своеобразную луку, скорее подходящую на острый угол.

Половцы “Лоукоморские” охотно шли на мирение с Русью, ибо наверняка так или иначе участвовали в обмене товарами между Восточной Европой и греческими городами Крыма, Малой Азии и юга Балкан. Выгоды от мира и торговли для

лоукоморских половцев [как в свое время для нижнеднепровских скифов] были предпочтительнее сомнительной удачи на войне.

Сложнее обстояло дело с половцами левобережья и поднепровья. От их веж приехали “Боурчевичи” жаловаться за рекой напротив Канева. “Боурчевичи” заявили, что русские князья должны приехать к ним за Днепр. Святослав и Рюрик возразили, что ни при отцах, ни при отцах их того не бывало, чтобы русские князья ехали к половцам. Так Боурчевичи и уехали прочь, не помирившись.

А “Лоукоморци” искренне просили мира. Да Святослав Всеволодович не пожелал, хотя Рюрик и уговаривал на мир.

Не помирившись с половцами осенью, Рюрик предложил Святославу зимой пойти походом в степь “земле стеречи”. Святослав отказался, сославшись на то, что “жито не родилося”.

Рюрик Ростиславович собирался в зимний поход на Литву “десяти ороудей своих”. Это не понравилось Святославу Всеволодовичу, ибо он зимой собирался поехать на левый берег Днепра “своихъ дея ороудей” [решать свои дела]. Пришлось Рюрику остаться стеречь Русскую землю.

Как только пришла зима и замерзли реки, приехали послы от черных клобуков к своему любимцу Ростиславу Рюриковичу звать в поход на половецкую вежу. Князю предложение пришлось по душе, и он забросил зимнюю охоту в устье Припяти и поспешил от “Чернобыля в Торцькийи” на Русь, не повинова отца. Ростислав сказал своей дружине, что дождется, как отец выступит наконец в Литву, они успевают выскочить в степь. Сборы в поход заняли три дня.

Вышли в “Треполь” к Мстиславу Мстиславовичу. Тот может, сын Мстислава Ростиславовича Храбрый, умершего в Новгороде, но он был очень юн в 1193 г. Тот князь приехал за Русь с “Здеславомъ с Ярославичемъ”. И пошла молодежь изъездом по степи. На реке “Ивле” удалось схватить стражи половецкие. От них узнали, что стада лежат в одном месте “по сеи стороне Днепра по Роуской” [то есть на правобережье Днепра]. Князья с дружиной и с черными клобуками всю ночь по снегу мчались в указанное место и на рассвете, словно внезапно налетевший ветер, напали на половцев. Видно, Ростислав шел так быстро, что даже половецкие кони не успели донести весть о его приближении к вежам.

На походе 1185 г. пошел впрок русским князьям. На Русь спутники Ростислава гнали тучи скота, коней и полон. Половцы настигли Ростислава, но, увидев его силу, побоялись напасть. Так и шли кони до змиевых валов над Русью, по-волчьему на реявший в ясном зимнем небе стяг Ростислава Рюриковича.

Ростислав приехал в Торческ на рождество и сразу поехал в Овруч к отцу с “саигаты” [с дарами]. Рюрик все собирался в поход на Литву. Да не к стати приехали послы от Святослава Всеволодовича, говоря, что, если сын “зачаль рать”, пусть идет в “Роусь” стеречь землю. Пришлось

Рюрику Ростиславовичу с полками оставшиеся зимние месяцы простоять под Василевом на р. Стугне. А сын его отпросился к дяде Давиду в Смоленск. Скоро подарки, привезенные из степи, раскладывали перед Давидом Ростиславовичем в хоромы при устье Смядины под Смоленском. Дядя, глядя на племянника, наверняка подумал, что не перевелись молодцы среди Ярославовичей. У самого Давида в 1193 г. родился сын Мстислав, в крещении нареченный Федором.

Когда Всеволод Юрьевич узнал, что Ростислав Рюрикович в Смоленске, а был князь зятем Всеволода, он пригласил его к себе с дочерью в Суздаль.

А во Владимире на Клязьме 23 июня 1193 г. в полночь начался пожар, бушевавший до заката. Погорели четырнадцать церквей и половина города.

Остаток зимы 1193 г. Ростислав провел в Залесской земле, одаривая могучего тестя “саигаты”. И лишь по весне князь с дарами вернулся в Южную Русь.

А половцы воевали по “Оубережи” [по берегу Днепра, ниже устья реки Стугны].

В начале весны Святослав Всеволодович поехал в город Карачев, на южное пограничье дремучих вятичских лесов. Скоро Святослав созвал Ольговичей в “Роговь”. Из Чернигова приехал Ярослав Всеволодович, а из северских земель приехали Игорь и Всеволод Святославовичи. Решили Ольговичи вернуть Чернигову его бывшую волость — Старую Рязань. Послали в Суздаль к Всеволоду Юрьевичу, зная, что у него к рязанцам свой счет. Но Всеволод был занят далеким от войны делом. И пришлось Святославу Всеволодовичу из Карачева ехать не к Старой Рязани, а к среднему Днепру.

По пути из Карачева князь занемог, и везли его летом в санях, ибо “нечто извергълося емоу на нозе”. В Вышгороде Святослав, плача, поцеловал гробницы Бориса и Глеба и хотел приложиться к гробу своего отца Всеволода Ольговича, да поп отошел с ключом. И поехал Святослав, досадуя, в Киев.

В Вышгороде Святослав был в пятницу, а в субботу князь молился в церкви св. Кирилла в Киеве. Это была последняя церковная служба великого князя, и он это чувствовал.

В понедельник Святославу Всеволодовичу доложили, что из Византии приехали сваты просить за царевича внучку князя Офимью, дочь Глеба Святославовича. Святослав выслал к сватам киевских бояр. А у самого князя силы убывали с каждым часом. Стал отниматься язык. Святослав принял монашеский постриг и послал к свату Рюрику Ростиславовичу.

В июле 1194 г. Святослав Всеволодович, старейший из Ольговичей, скончался. Его положили в монастыре отца — св. Кирилла.

Со смертью Святослава закончился хрупкий мир, жидившийся на равновесии интересов различных княжеских семей, городов, бояр и волостей.

Глава 17. Русь 1194 — 1215 гг.

17.1. Рюрик Ростиславович (1194 — 1215 гг.)

Летним утром киевляне стояли под сводами Софии и, распевая церковные песнопения и широко крестя грудь, поглядывали на алый плащ Рюрика Ростиславовича, правнука Мономаха. При том присутствовали и бояре Всеволода Юрьевича.

В 1195 г. в Городце Остерском стучали топоры плотников. Обновлял обгоревшие городни крепости Долгорукого “тивун” Всеволод Юрьевича Гюря. Интерес к южнорусской вотчине у залесского князя был не случаен, и момент подобран неспроста.

Впрочем, топоры плотников 29 июля 1195 г. застучали и в Переяславле-Залесском. Стали рубить венцы городен крепости, окружившей неправильным овалом белокаменный Георгиевский собор.

В Старой Рязани в 1195 г. скончался Игорь — один из старших Глебовичей.

В 1195 г. послал Рюрик Ростиславович в Смоленск к брату Давиду, прося приехать и подумать с братией о “Володимере племени”.

На “роусальной неделе” смоленские ладьи причалили под “вышегородским детинцем”, и князь Давид Ростиславович, ступив на землю Киевской Руси, перекрестился на главу каменного собора Бориса и Глеба.

Вскоре Давид сидел на обеде у брата Рюрика. Затем Давид поехал на обед к племяннику Ростиславу Рюриковичу в Белгород. Всюду князя веселились и одаривали друг друга.

Давид позвал Рюрика к себе на обед. Затем Давид дал обед игуменам киевских монастырей, а позже пригласил на обед черных клобуков, и верные Руси тюрки, стражи поросья, “попишася” и едва ушли с княжескими дарами.

Наконец, сами киевляне дали приехавшему из Смоленска правнуку Мономаха свой пир и оказали на нем Давиду Ростиславовичу честь великую, словно то был его прадед.

Давид не остался в долгу и пригласил на обед к себе киевлян. Конечно, так Ольговичей в днепровской столице не встречали и не провожали.

Скоро Давид с Рюриком “ряды вся оуконча”, и князь засобирался в Смоленск.

А на западе Руси, в городе Белз, в апреле 1195 г. скончался Всеволод Мстиславович [сын Мстислава II], в свое время не пускавший брата Романа во Владимир Волынский. Хоронил князя местный епископ с

игуменами и попами в каменном соборе Владимира Волынского.

Стоило Ростиславовичам разъехаться из Киева, как к Рюрику прибыли послы от Всеволода Юрьевича из Суздальской земли. Всеволод был старшим из потомков Мономаха и знал, что в Киеве без оглядки на него едва ли решатся на сколько-нибудь серьезный шаг. Послы Всеволода передали Рюрику недовольство своего князя по поводу того, что “рядя русскую землю” [Южную Русь], не дали Всеволоду волости. Рюрик Ростиславович стал интересоваться у послов, какие города Всеволод желает получить. И обнажилась одна из черт суздальского князя — коварство.

Послы заявили Рюрику, что их князь просит “Торцького. Треполя. Корьсоуня. Богоуславля. Канева”. То были города к югу от Киева, отданные Ростиславовичами их двоюродному племяннику и в тому же зятю Рюрика Роману Мстиславичу, сидевшему во Владимире-Волынском. Всеволод Юрьевич, стремясь влиять на события, происходящие в Южной Руси, действовал по принципу “разделяй и властвуй”, чтобы все были разобщены и за помощью и советом приезжали на берег Клязьмы.

Рюрик сильно озаботился требованиями Всеволода Юрьевича, ибо ему не хотелось обижать Романа Мстиславовича.

Вообще создается впечатление, что Киев до середины XII в. был сам по себе с прилежавшей к нему землей союза полян, чрезвычайно лакомым куском для Ярославовичей. И в ту пору Киев и его волость от Канева до Вышгорода, были самостоятельной, цельной и весомой силой.

Во второй половине XII в. Ярославовичи, обжив свои уделы, превратили Киев с волостью в некий составной пирог, и каждый крупный удел Руси имел в Киеве не только собственный княжеский двор и монастырь, но и ряд городов около Киева — своего рода долю в наследстве Ярослава Владимировича Мудрого.

Отсюда вывод: самое устойчивое правление на Руси то, в котором представлены все наиболее могучие силы государства. Интересы слабейших этой могущественной коллегией рубились на корню.

Первую группу князей, практически совместно управлявших Русью, представляют дети Ярослава Мудрого — Изяслав I, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Один из этих князей был

маленьким киевским, но без опоры на братьев ни одного крупного вопроса решать не мог.

Вторая группа Ярославовичей, правящих Русью совместно, представлена так: Святополк II Изяславич, Олег Святославович и Владимир II Всеволодович Мономах.

Но следуют оговорить, что совместное правление Ярославовичей было вынуждено, князья шли на это поневоле и не оставляли собственных интересов, в частности, стремясь овладеть Киевом.

Святослав Всеволодович, представлявший интересы Ольговичей, правил, сообразуя свои действия с интересами Ростислава Мстиславовича Смоленского. И эта власть была в состоянии оградить Русь от более крупных внутренних конфликтов. Со смертью Святослава Всеволодовича устойчивость власти оказалась утраченной, и первым это понял Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Рюрик Ростиславович не мог решиться отнять города у Романа и прибег к совету митрополита Никифора.

Митрополит, поняв, что лучше обидеть младшего, чем иметь рать со старшим, снял с Рюрика крестное целование к Роману на себя и посоветовал уважить Всеволода Юрьевича.

Роман Мстиславович киевским послам сказал, что не возражает против иной волости на Руси, но может за то взять и “коунами”.

Юрьевич получил требуемые города: Торческ, Корсунь, Богуслав, Треполь и Канев.

И коварство Всеволода Юрьевича проявилось вновь. Торческ Всеволод отдал своему зятю Ростиславу Рюриковичу, а по остальным городам посадил посадников.

Такой пощечины Ростислав Мстиславович уже не вынес. Он решил, что Рюрик нарочно сослался на волю Всеволода Юрьевича, дабы дать Торческ сыну Ростиславу. Это Всеволоду Юрьевичу и было нужно. Потомков Мстислава I Владимировича он не считал. Роман начал слать к Рюрику, коря, что он “сломился” со Всеволодом Юрьевичем. А это означало, что Западная Русь единой уже не будет.

Послал Роман “мужей” к Ольговичам в Чернигов, в терем Святослава Всеволодовича, ища союзников в борьбе с тестем Рюриком Ростиславовичем.

О том стало известно Рюрику, и уже он послал к Всеволоду Юрьевичу, прося помощи, а к Роману Юрий отправил гонца, и тот поверг крестные грамоты к ногам князя. Роман Мстиславович испугался и поехал в Польшу к “Казимиричем”.

А польские князья сказали, что рады помочь Роману, да дядя их “Межька” хочет отнять у них волости. Так Роман Мстиславович оказался на одном поле с Межкой. Сражение с Казимировичами Роман проиграл, потерял много воинов и едва укрывался в ближайшем городе.

Во Владимир-Волынский Романа принесли на носилках. Невольно вспоминается история, как Роман Мстиславович, ища стола в Галиче, едва не потерял собственный стол на Волыни и лишь благо-

даря заступничеству Рюрика Ростиславовича снова вокняжился во Владимире-Волынском.

И снова Роман Мстиславович свои походы в Польшу и дипломатические ходы на Руси окончил посольством к тестю Рюрику Ростиславовичу, только уже не в Белгород, а на старокиевскую гору. Вступился за Романа и митрополит Никифор. Рюрик смилостивился и отправил послов во Владимир-Волынский с крестом. Роман крест к тестю целовал да еще получил “Полоны и поль тьртака Корьсоуньского” [быть может, половину налогов, взимавшихся в Корсуне].

Урожай 1195 г. сильно пострадал от саранчи. Осенью Рюрик Ростиславович решил укрепить свою власть в Киеве дипломатическими шагами. Князь отправил послов к свату Всеволоду Юрьевичу и к брату Давиду Ростиславовичу в Смоленск. Рюрик предложил им отправить бояр и духовенство к Ольговичам, чтобы те целовали крест на том, чтобы не искать чужих волостей. Ольговичи в свою очередь собрались и подумали.

Ответ их был таков: Мы не “Оугре ни Ляхове но единого деда есмы вноуци” и при жизни Рюрика, Давыда и Всеволода волостей искать не станут, а там как бог даст.

Такой ответ ни Киев, ни Смоленск, ни Владимир на Клязьме удовлетворить не мог. Всеволод Юрьевич даже засобирался в зимний поход на Ольговичей, да те, испугавшись прислали на Клязьму игумена “Деонисья”. Игумен сумел умаслить Всеволода, и князь хотя и с неохотой, но с коня слез.

Сумели Ольговичи убедить в своих мирных намерениях и Рюрика Ростиславовича. Тот князь поцеловал крест, распустил на зиму полки и по обыкновению уехал в Овруч “своих деля орудей”. А зимой 1195 г. во вторник на Федоровой неделе в девять часов утра Киев и вся его волость пережили землетрясение. Земля дрогнула, каменные и деревянные церкви задрожали, а люди, крестясь и моля бога о милости, падали ниц.

Игумены предрекли, что это недобрый знак народу “на падение многимь и на кровопролитье”.

В феврале 1195 г. скончался князь Изяслав Ярославович, названный Меньший. Это был внук Владимира Мстиславовича, всю жизнь пробегавшего от племянника Мстислава II Изяславовича. Меньшим же князь был назван оттого, что на Руси за ним не стояли ни города с волостями, ни бояре с дружиной. О всем том не позаботился в свое время дед князя, и ветвь в древе Ярославовичей увяла сама собой. А бороться за волости могли лишь крупнейшие семьи Ярославовичей — потомки Мстислава I Владимировича, дети и внуки Юрия Владимировича Долгорукого, Ольговичи, рязанские Глебовичи да полоцкие потомки Всеслава Брючиславовича. Остальные отпрыски Ярославовичей и потомков Владимира I подминались сильнейшими княжескими кланами и переходили сначала в разряд меньших князей — подручников, а потом и вовсе превращались во владельцев одного или нескольких сел. Однако князья эти сохраняли титул. Оттого и в наши

дни, если хорошенько поискать по миру, можно найти немало отпрысков княжеских семей.

Изяслава Ярославовича похоронили в обители св. Феодора в Киеве рядом с отцом.

17.2. Честолюбие Ольговичей

Зимой 1195 г. “в великое говение” Ольговичи решили преступить крестное целование к Рюрику Ростиславичу — не воевать, пока Ольговичи не договорятся с Давидом Ростиславовичем Смоленским и Всеволодом Юрьевичем Суздальским. Сидевший в Чернигове Ярослав Всеволодович послал с племянниками рать на Давида Ростиславовича в удерживаемый под контролем Смоленска Витебск — важный торговый город на западновинском пути в Балтику. Ольговичи понимали, насколько удар был болезнен для Ростиславовичей и намеренно стремились отнять у соседа ресурс, который во многом подпитывал его могущество.

Рюрик Ростиславович в ту пору сидел в Овруче и пребывал в безмятежном неведении.

Ольговичи, не дойдя до Витебска, не удержались от того, чтобы повоевать Смоленскую волость. Давид Ростиславович, о том узнав, послал навстречу Ольговичам племянника Мстислава Романовича и Ростислава Владимировича [вероятно, один из меньших князей] с полком да еще своего зятя, рязанского княжича Глеба Владимировича со смолянами.

Когда Ольговичи узнали, что к ним подходит сила из Смоленска, они остановились и утоптали вокруг себя снег. А был он зимой очень глубоок.

Мстислав Романович, завидев у леса неприятеля, изрядил свой полк и сразу помчался на Ольговичей. В начавшемся сражении смоляне посекали Давида Ольговича [внука Святослава Всеволодовича], тысяцкого “Михалко”. Вскоре стяги Ольговичей пали. И объятый пылом сражения Мстислав Романович погнался за остатками их рати в лес, разметывая облака снега из-под копыт.

Но на беду смолян рядом с Ольговичами стоял полк подошедших им в помощь полоцких князей [противники Ростиславовичей].

Полочане, увидев, что Мстислав Романович “с передними” погнался за Ольговичами, ударили в тыл смолянам. Так поле сражения оказалось в руках полоцких князей, союзников Ольговичей.

Когда смоляне вернулись из погони на поле, они не сразу поняли, что попали в стан неприятеля. Ростислав Владимирович, рязанский князь Глеб Владимирович едва ускользнули к Смоленску. А Мстислава Романовича полочане схватили.

Когда Олег Святославович со своим черниговским полком обратился назад, то увидел стяги Мстислава Романовича павшими. Ольговичи развернули коней и приехали на несчастное для смолян поле сражения. Олег Святославович “испроси” у Бориса [одного из полоцких князей], сидевшего в Друцке, плененного Мстислава Романовича —

самый дорогой трофей сражения. Тогда же в Чернигов была отправлена весть о победе.

Новость всколыхнула Ольговичей, и вскоре зимней дорогой к Смоленску шли их полки, утопая в клубах шедшего от дыхания сытых коней пара.

Но вмешался Рюрик Ростиславович. Из Овруча на “перекры” Ольговичам приехал посол с крестными грамотами. Рюрик велел ему передать, что пусть Ольговичи идут на Смоленск, он же пойдет на Чернигов, а там как бог даст.

Ольговичи повернули полки на юг и поспешили в волости, усеивая зимние дороги клоками сена и лошадиным навозом.

Скоро Рюрик Ростиславович слушал посла Ольговичей. Тот приехал “оправливаясь во крестное целованье”, то есть выгораживая Ольговичей. А Давида Ростиславовича посол винил “про Витебськ” говоря, что он помогает зятю — одному из полоцких князей. Рюрик возразил послу, говоря, что уступил Витебск Ольговичам и посла с уведомлением отправил к Давиду в Смоленск, да только Ярослав Всеволодович Черниговский “того не дождав” пустил племянника к Витебску, тот же “воевал волость смоленскую”.

Так Ростиславовичи и Ольговичи препирались и в ту зиму не “оуладишас”.

В конце зимы 1195 г. скончался князь Глеб Юрьевич, сидевший в Турове. Это был один из правнуков Святополка II. Глеб был шурином Рюрика Ростиславовича, и тело его отпевал в златоглавом соборе Михаила в Киеве митрополит Никифор.

Потомство Святополка II вымирало, и их Турово-Пинская волость переходила в руки потомков Мономаха. И тут помощь Мономашевичам оказала тонкая политика продуманного заключения брачных союзов.

В 1196 г. распри Ярославовичей переросли в вооруженное противостояние, ибо баланс сил на Руси утратил устойчивость и каждый при новом разделе стремился отстоять побольше.

Рюрик Ростиславович послал мужей к Всеволоду Юрьевичу, прося князя сесть на коня и “снятися” всем потомкам Мономаха у Чернигова. Рюрика кроме прочего бесило пленение племянника Мстислава Романовича, и идти на Ольговичей он собрался всерьез.

От Всеволода Юрьевича вестей не было все лето. Ольговичи закрыли все пути и дороги в своих землях и не пускали гонцов из Киева ни к Смоленску, ни к Владимиру на Клязьме. Рюрик Ростиславович все то время собирал полки, привел союзных полковцев [быть может, от Луки моря] и, перейдя на левый берег Днепра, начал воевать волости Ольговичей.

Ответ Рюрику, полученный от Всеволода Юрьевича, гласил: “... ты починаи а язъ готовъ с тобою”.

Ярослав Всеволодович из Чернигова стал слать мужей к Рюрику, изъявляя волю к миру. Рюрик потребовал от Ярослава, чтобы Ольговичи дали пути “слати” в Смоленск и Суздаль. Но Ярослав этого допустить не желал, резонно полагая, что пользы ему от сношений Мономашевичей не будет.

Так и шла война между Рюриком Ростиславовичем и Ольговичами все лето до осени.

А еще раньше, в мае 1196 г., в стане Ольговичей была великая печаль. Скончался северский князь Всеволод Святославович, брат Игоря.

Всеволод был среди Ольговичей, согласно летописи, самым добрым, мужественным и воспитанным. Князя в черниговском соборе отпевали местный епископ и игумены.

Осенью волости Рюрика Ростиславовича с запада, из Волыни, принялся покорять зять Роман Мстиславович. Этот князь сумел снестись посольствами с Ольговичами, целовал к ним крест и решил, что с ними ему по пути. Более того, Роман собрался постричь в монахи свою супругу, дочь Рюрика.

Зимой 1196 г. Роман Мстиславович, поняв, что война с тестем до добра не доведет, отправился воевать с северными соседями — балтским народом ятвягов. Волыняне мстили ятвягам за набег.

А у Всеволода Юрьевича в его большом гнезде 26 марта 1196 г. появилось пополнение — сын, в прещении нареченный “Гаврило”. А 1 мая 1196 г. владыка Иоанн над городскими воротами Владимира на Клязьме заложил каменный храм во имя “Акыму и Анны”. 3 ноября 1197 г. [по Лавр. летописи] храм освятили. А 10 января 1197 г. из греческого Солуня во Владимир привезли “Дска”.

Северо-Восточная Русь продолжала пребывать под рукой единого правителя и с каждым годом стремительно превращалась в наиболее весомую силу на Руси.

В Смоленске 24 апреля начавшегося весной 1197 г. скончался Давид Ростиславович. Он княжил в Смоленске восемнадцать лет и помимо прочего оставил после себя в Смоленске Каменную церковь архидиакона Михаила, “какой нъс в полоунощной страже”.

Хоронили князя епископ смоленский Семеон “и игумени и попове” с боярами. Присутствовал на похоронах и племянник покойного Мстислав Романович, счастливо выбравшийся из темницы Ольговичей.

Тело Давида положили в церкви Бориса и Глеба, построенной его отцом Ростиславом Мстиславовичем в монастыре на Смядыни.

Перед смертью Давид принял монашеское пострижение. Вслед за ним в монахи постриглась и княгиня.

Давид Ростиславович смоленский стол оставил племяннику Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отправил “в Роусь” к брату Рюрику.

Рюрик Ростиславович 6 декабря 1197 г. в Белгороде, в городе, где княжил долгие годы, “создал” каменный храм св. Апостолов. На освящение храма приехал митрополит Руси Никифор с епископом Юрьевским и Белозерским Андреяном.

По окончании богослужений Рюрик дал пир дружеству и пригласил на него “епископа Андреяна Юрьевского епсца и архимандрита Василя Печерского игоумена Моисея игоумена Михаила Выбичьского” и много иных игуменов, чернориз-

цев, пресвитеров и весь священнический чин. И ни один с пира не ушел без княжеского подарка.

В 1197 г. Рюрик Ростиславович “создал” церковь св. Василия в Киеве на “Новом дворе”. Освящали церковь 1 января 1198 г. митрополит Никифор и епископ Юрьевский и Белгородский Андреян.

17.3. Новгородская вольница

Интересна природа новгородской независимости. Князья Ярославовичи для бояр Новгорода, да и всего русского севера, были лишь своего рода охранной грамотой, могуществом семьи ограждавшие Новгород от обид. Менялся расклад сил в Южной и Суздальской Руси, и тот же час в Новгороде менялся князь. Откуда происходила такая сила новгородского боярства? Ведь на иных землях Руси князья Ярославовичи и Владимировичи уже несколько столетий как прибрали к рукам города, волости и всю землю, еще недавно населенные абсолютно независимыми хлебопашцами. И никто на Руси с княжеско-боярской системой совладать не мог. А вот новгородцы князей почти ни во что не ставили и держали за наемных воевод и пугал для соседей. Более того, новгородцы князя и дружину могли за просто избить, заковать и посадить под стражу, а княжну спровадить в монастырь.

Независимость Новгорода могла держаться прежде всего на том, что ни один княжеский клан в северорусских землях не имел корней или материальной базы, за исключением княжеской резиденции — Городища под Новгородом. Ярославовичам по большому счету не на что и не на кого было опереться в Новгороде. Быть может, это связано и с тем, что север Руси в VIII — XIII вв. фактически представлял собой труднопроходимую тайгу. Двигаться по землям можно было лишь узкими лентами рек. На их берегах были разбросаны редкие погосты, служившие маяками в безбрежном море вечнозеленой хвои, топей, озер и поросших мхом валунов. Князьям просто негде было зацепиться и закрепить хлебопашцев. Мало того, что на севере Руси их было намного меньше, чем на юге или в суздальском ополье, они всегда могли сняться с места и ищи их среди лесов и мхов хоть до скончания века. А это значит, что князья были лишены возможности в зимнем полюрье закладывать из золотых и серебряных гривен и кун основу того могущества, власть и богатство которого впоследствии обеспечивали им обладание всем краем.

Недаром и в XVII — XIX вв., в пору крепостничества, русский север продолжал оставаться свободным от рабства и в этом смысле смыкался со степями юга Восточной Европы. Там бушевала казачья стихия, и появление бояр в ее среде было немыслимо и грозило последним расправой, а часто и гибелью. Кстати, неспроста донские казаки до XVIII в. не заводили у себя оседлого хлебопашества и не имели

семей. Уроки русской истории буйным головушкам были хорошо известны.

К Ольговичам послали требование — отступить от Романа Мстиславовича Волынского и выгнать из черниговских земель Ярополка Ярославовича [не понятно, почему именно этот Ольгович должен был быть изгнан]. Просил Всеволод у Ольговичей и своего свата Мстислава Романовича [тогда не понятно, кто помогал Владимиру Галицкому под Каменцом]. Ярослав Всеволодович Черниговский обещал отдать Мстислава и выгнать Ярополка, а отступить от Романа не пожелал.

Дело кончилось тем, что Ярослав Всеволодович целовал крест, поклявшись “не искать под мономахичами волостей”. Всеволод Юрьевич о том уведомил Рюрика Ростиславовича и 7 октября вернулся во Владимир на Клязьме.

Новость привела Рюрика в ярость. Он послал к Всеволоду мужа и напомнил суздальскому князю его слова: “Кто мне врагъ, то и тебе врагъ”. Припомнил Рюрик Всеволоду и то, как он поссорил его с зятем Романом из-за волостей. В конце концов, Рюрик отнял у Всеволода злосчастные пять городов к югу от Киева и роздал их своим братьям.

Новгородцы зимой 1196 г. выгнали свояка Всеволода Ярослава Владимировича [быть может, сына Владимира Мстиславовича], никого по большому счету не представлявшего и на Руси прав новгородцев отстаивать неспособного. Приехали послы из Новгорода к Всеволоду Юрьевичу, слезно прося дать сына “любо иного кого”. Всеволод “ихъ воли не створи”. И поехали новгородцы в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу просить младшего сына на княжение. А Всеволод Юрьевич посадил свояка Ярослава Владимировича в Новый Торг и тем поставил под контроль хлебный транспорт, шедший с верхней Волги в Новгород.

17.4. Русь 1196 — 1200 гг.

Люди Романа Мстиславовича приехали в “Полоны” [пожалование Рюрика Ростиславовича] и оттуда разорали волости Давида Ростиславовича и Ростислава Рюриковича.

Узнав о том, Рюрик Ростиславович послал мужей в Галич к знакомому нам Владимиру Ярославовичу и просил его завоевать волость зятя Романа Мстиславовича.

Это была цепная реакция на войны и союзы. Кланы Ярославовичей превратились в слоеный пирог, полный яда и взаимных упреков.

Владимир Ярославович Галицкий, взяв племянника Рюрика Мстислава [Романовича] (к тому времени Ростиславовичи вызволили его из плена Ольговичей), принял жечь области Романа у “Каменця” и, ополонившись челядью и скотом, вернулся в Галицию.

Осенью Ярославу Всеволодовичу в Чернигове доложили, что Всеволод Юрьевич и Давид Ростиславович жгут “Вятския городы”. Ольговичи со-

брались, подумали и выступили навстречу Всеволоду Юрьевичу. В Чернигове Ольговичи оставили Олега и Глеба Святославовичей. Затворили еще пять городов “блюдыся” от Рюрика Ростиславовича.

Ольговичи стали устраивать по дорогам засеки, а по рекам велели мосты “подсечи”. И “заложившись”, послали к Всеволоду Юрьевичу мужей, предлагая помириться.

Всеволод Юрьевич сел думать с Давидом Ростиславовичем, рязанскими князьями и боярами. Всеволод склонялся к миру. Давид предлагал идти в Чернигову, как и уговорились с Рюриком Ростиславовичем. Хотели идти к Чернигову и рязанские князья. Но Всеволод настоял на своем.

В 1198 г. Всеволод Юрьевич послал в Киев митрополиту на утверждение нового епископа северо-восточных земель Павла. А 28 августа 1198 г. [1197 г. по Ипатьевской летописи] у Всеволода родился младший и последний сын, в крещении нареченный Иоанном.

В 1198 г. в Чернигове скончался старейший из Ольговичей Ярослав Всеволодович. Князя отпевал и черниговский епископ с игуменом и братией и похоронили в Спасском соборе города.

На столе в Чернигове сел Игорь Святославович, герой несчастного похода 1185 г.

А у Ростислава Рюриковича по другую от Ольговичей сторону Днепра родилась дочь, нареченная Ефросиньей. Прозвали княжну, видимо из-за ее красоты, “Изморагдъ” — по названию драгоценного камня.

В Киеве искренне любили Мономахевичей, и весть о реждении княжны встретили с радостью. В Вышгород за Ефросиньей приехал дядя Мстислав Мстиславович с супругой Предславой. Девочку повезли в Киев “дедоу и к бабе” [к Рюрику Ростиславовичу и его супруге]. Воспитали Ефросинью-Изморагд “в Киеве на Горахъ”.

В 1199 г. Рюрик Ростиславович, фактически бывший Великим князем киевским, отдал дочь “Всеславу” в Старую Рязань за одного из тамошних князей Ярослава Глебовича. Так был закреплен союз Киева и Смоленска со Старой Рязанью, призванный сдерживать черниговских Ольговичей.

Не забывал Рюрик и о церковном устройстве Южной Руси — чудной, златоглавой, увенчанной крестами страны на берегах могучего Днепра. 2 июля 1199 г. Рюрик заложил стену каменную под церковью Михаила под Днепром на “Выдобычи”. Этот монастырь построил прапрадед Рюрика Всеволод Ярославович, и вклад князя в устройство обители был его лептой в каменном летописании. Рюрик Ростиславович имел “любовь несытноу о зданьихъ” и строил, в меру возможностей, добротнo и не скучая. А княгиня Рюрика Анна, стремясь не отставать от супруга, раздавала щедрю милостыню даже “маломощехъ, и всихъ бедоующихъ” и пеклась о церковных “потребях”.

Рюрик Ростиславович помимо строительства пекся об украшении храмов. В 1199 г. для росписи

Михайловского собора Выдубичского монастыря князь пригласил художника и своего друга по имени “Милонегъ Петръ”.

А Всеволод Юрьевич 30 апреля 1199 г. [по Лавр. летописи] вышел со старшим сыном Константином в поход на половцев. Как только о том стало известно в степи, тюрки содрогнулись. О сопротивлении не могло быть и речи, ибо одно имя князя Северо-Восточной Руси превращало руки половцев в плети.

Спешно собравшись, кочевники погнали скот к югу, на юг, подальше от стягов Всеволода Юрьевича. И ходил князь с сыном и полком своим, похвастывая на солнце кольчугами, шлемами и лезвиями мечей, по половецким зимовищам “възле Донъ”.

А тихий батюшка Дон один ведал, что ожидает Русь в близившемся с каждым заходом солнца тринадцатом столетии.

В июне 1199 г. золотые ворота Владимира на Клязьме распахнулись перед Всеволодом Юрьевичем, но еще до того, как его полк стал втягиваться под увенчанный золотой главою свод ворот, город и заборол города от основания вала до охлупня флажка на вершине башен были усеяны напряженно всматривающимся в ряды воинов народом. Владимир ликовал.

Но 25 июля во время литургии город занялся пламенем и сгорел едва ли не наполовину.

Наступила весна 1200 г., а вместе с ней Русь шагнула во многом в страшное для себя тринадцатое столетие. Недаром люди боятся этого таинственного числа.

Однако жизнь шла своим чередом, и 24 сентября 1200 г. Рюрик Ростиславович с княгиней, сыновьями Ростиславом и Владимиром, дочерью “Предславую” и “снохою, Ростиславлею” пожаловали в Выдубичский монастырь и поставили “коутью” [погостение]. Рюрик дал духовенству и всему народу “ширь не малъ, и тряпезоу”. Были на осеннем пиру игумен Моисей с братией от св. Михаила и пили, провозглашая здравицу князя “яко единили оусты”.

Любили киевляне потомков Мономаха (исключая Долгорукого и его сыновей) искренне “добраго ради оуряжения”, и пиры, даваемые князьями, бывали многолюдны и веселы.

И стояла Киевская Русь под рукой Мономахевичей “славою поче звездъ небеснихъ, не токмо и в Русскихъ концехъ ведома, но и соущимъ в море даче”.

Стремился не отстать от Южной Руси и Всеволод Юрьевич. 15 июля 1200 г. [по Лавр. летописи] во Владимире на Клязьме, в княгинином монастыре, при епископе Иоане Всеволод заложил каменную церковь Успения Богородицы.

Осенью 1200 г. из Новгорода к Всеволоду Юрьевичу пришли “лепшие мужи. Мирошьчина чадь” просить у князя сына. Видимо, крепко суздальцы неужимали новоторжский канал поступления хлеба к Новгороду. И пришлось гордым северорусским боярам, владения которых были поболее иных делов Ярославовичей, ломать шапку перед Всеволодом.

Князь велел новгородцам целовать крест на всей его (Всеволодовой) воле и дал гостям сына Святослава, епископа Иоанна и образ пресвятой Богородицы. 12 декабря 1200 г. из ворот Владимира на Клязьме выехал юный Святослав с новгородцами к Волхову. Вслед за ними, провожая зимней дорогой, ехали братья Святослава. Это было почти все большое гнездо Всеволода Юрьевича.

17.5. Величие Романа Мстиславовича

На западе Руси в 1201 г. произошли большие изменения. Сидевший во Владимире-Волынском князь Роман Мстиславович вернулся к давнему намерению — овладеть галицким столом. Причиной послужила кончина Владимира Ярославовича, сына Осмомысла. Следует сказать, что законной супругой Владимира Ярославовича Галицкого была Болеслава, дочь сидевшего в Киеве Ольговича — Святослава Всеволодовича. От этого брака у Владимира Ярославовича помимо сына была дочь. И именно эта Владимировна была замужем за Романом Мстиславовичем. А это была неоднозначная заявка на сам Галич, ибо тягаться сыну галицкого князя Владимира с Романом было не по силам.

[Таким образом в 1201 г. из соперничества различных ветвей Ярославова древа за обладание волостями Руси был исключен еще один ствол.]

10 августа 1201 г. Всеволод Юрьевич, по всей видимости по договоренности с Рюриком Ростиславовичем, посадил сына Ярослава в “Переяславль в Русьскыи”. Это была часть суздальских Мономахевичей на Русской земле.

Но вернемся к делам Западной Руси. Роман Мстиславович состоял в родстве с польским князем Казимиром Справедливым. [Елена, дочь сидевшего в Белзе Всеволода Мстиславовича, с 1168 г. была супругой Казимира.]

Поляки решили поддержать Романа, и вскоре стяги Лешко, сына Казимира, реяли в долине верхнего Днепра. Из Галича к Лешку поспешили бояре, умоляя посадить на их земле наместника. Галичане предчувствовали, что правление Романа им ничего хорошего не сулит, и пустили в ход подкуп, предлагая полякам золото, серебро и прочие дары. Но Лешко остался верен данному Роману слову, и князь водворился на столе в Галиче.

Польский епископ Каблук свидетельствует, что Роман Мстиславович, имевший давние счеты со свободолюбивым и своенравным галицким боярством, в новой волости принялся жестоко мстить своим явным и скрытым недругам. Галицких бояр живьем зарывали в землю, четвертовали, расстреливали из луков и предавали множеству иных изощренных мучений. Оставшиеся в живых пытались скрыться за рубежами Галиции. Роман Мстиславович сулил беглецам милость, те верили, возвращались и ... по прошествии некоторого времени гибли. Сам Роман Мстиславович при этом приговаривал — не угнетая пчел, меду не есть.

Но счастье изменчиво, и в 1202 г. стяги Романа Мстиславовича развеялись на берегу Днепра. К шатру князя съезжались послы, а ворота городов словно по волшебству распахивались перед полками Романа.

Дело решили тем, что Рюрик Ростиславович уехал в Овруч, Ольговичи сели в своих волостях за Днепром, а в Киеве Роман посадил двоюродного брата Ингвара Ярославовича, пришедшего из Луцка. Это была реставрация власти волынских князей в Киеве. Но ни Смоленск, ни Чернигов мириться с тем не пожелали.

Роман Мстиславович от Киева поспешил к нижнему Дунаю на помощь грекам. Император Алексей III Камнин не в силах совладать во Фракии с половецким опустошением обратился к Роману, и князь, “повоевав вежи”, отвлек кочевников от пределов империи.

17.6. Разорение Киева

А в начале января (1 — 2) 1204 г. [по старому летоисчислению 1203 г.] Киев постигло второе грандиозное разорение. Рюрик Ростиславович с Ольговичами и половцами завладели городом, и древняя столица была предана варварскому надругательству. Были ограблены монастыри и храмы, включая древнейшие — Десятинный и Софийский соборы. Население избивали, купцов грабили, над киевскими горами занялось зарево пожарища, а за ворота города выгоняли многочисленный полон.

После подобного потрясения униженный и разграбленный Киев окончательно утратил былые величие и блеск. Это было правозвестие грядущего в XIII в. падения древнерусской столицы.

В феврале к Овручу, где заперся Рюрик Ростиславович, подошел Роман Мстиславович. Против ожидаемого князя легко помирись и скоро вместе ополнились в половецких вежах. И вот тут, находясь в Треполе, Роман и расправился с Рюриком, своим тестем.

Рюрик Ростиславович был схвачен, пострижен в монахи и отвезен в один из киевских монастырей. Постригли и супругу Рюрика и их дочь [жену самого Романа]. Сын Рюрика и зять Всеволода Юрьевича Ростислав с меньшим братом были отправлены в Галич. Впрочем, скоро Ростислав был отпущен из Галиции и благодаря хлопотам Всеволода Юрьевича сел на старокиевской горе. Ярославовичи в начале XIII в. были слишком заняты собственными волостями, чтобы подолгу ломать копыя из-за униженного Киева.

Символично, что в 1204 г. под ударами крестоносцев пала Византия — столп восточного христианства. В одновременности потрясений, постигших Киев и Византию, заложена мало понятная человеку мистика, или закон невидимого мира, руководящего делами земными.

Весной Роман Мстиславович воевал в Сандомирской области Польши, помогая своему союзни-

ку Лешке (сыну Казимира Справедливого). Противником Романа и Лешка выступал Мечислав.

Когда Роману сообщили о кончине Мечислава, князь перестал воевать под Сандомиром, и языки паламени над польскими деревнями сменились клубами дыма, покрывавшими остывавшие пепелища. Но скоро стало известно, что сын Мечислава сел в Кракове.

Тем временем Лешко решил удалить из Польши Романа, и за неимением средств для оплаты услуг русского князя предметом расчета выступил город Люблин с областью. Галицко-Волынское княжество включило город в сферу своего влияния.

Вскоре Роман Мстиславович принял послов от римского папы Иннокентия III. Слава о западно-русском князе достигла святого престола, но попытка купить Романа посулами, даровать королевскую корону и иные привилегии и блага не увенчалась успехом. Видимо, Русь домонгольская была настолько богата, что ни князья, ни бояре, ни простой народ Руси не были падки до ценностей и идеалов заморских государств.

Судьба оказалась немилосердной к Роману Мстиславовичу. Князь пошел в поход на Польшу и став лагерем над Вислой, имел неосторожность отъехать от полка на незначительное расстояние. Польки Романа подстергли, перебили бывших с ним дружинников и убили князя.

Согласно Длугошу и иным западным источникам, Роман Мстиславович погиб 19 июня 1205 г. Кроме того, Длугош пишет, что Роман не получил благословения на несчастный поход от епископа Владимира-Волынского.

Как только весть о гибели Романа достигла Рюрика Ростиславовича, он снял монашеское одеяние и сел на киевском столе. Княгиня Рюрика сделать то же отказалась и приняла схиму.

Видимо, потрясение, пережитое Киевом во время разгрома в январе 1204 г., пресекло столичное летописание, и события XIII в. в Ипатьевском списке освещены западнорусскими источниками. К сожалению, даты, указанные галицко-волынскими хрониками, не всегда точны и требуют сравнения с иными свидетельствами.

В частности, поход Рюрика Ростиславовича в Галичу, последовавший за гибелью Романа Мстиславовича, в Ипатьевской летописи указан под 1202 г. в то время как мы знаем, что он не мог произойти ранее лета 1205 г.

К Галичу, где на стол был посажен сын Романа юный Даниил, Рюрик Ростиславович двинулся, собрав много “Половц и Роуси”. У города “Микоулича”, на реке Серет, навстречу Рюрику вышли бояре Галича и Владимира-Волынского. Стали “биться у реку”. К вечеру бояре отступили к Галичу.

А тем временем покровительство юному Даниилу Романовичу оказал венгерский король [Андрей], приезжавший для встречи с вдовой Романа в город Санок. В Галиче Андрей оставил в помощь Даниилу “засадоу. Мокъя великаго. слепского. и Корочюна

и Видита. а сна его Витомира. и Благино иныи Оугры и ноги”.

Рюрик Ростиславович, не добившись успеха, отступил к Киеву.

17.7. Ольговичи в Галиции. Возвышение Всеволода Святославовича Черного

Галичане не могли довольствоваться княжением юного Даниила Романовича и поставили своеобразный эксперимент. С берегов Десны в Галицию были приглашены Ольговичи — сыновья хорошо нам известного Игоря Святославовича. В Галиче бояре посадили Владимира Игоревича.

А ранее вдова Романа, схватив Даниила и его младшего братика Василька, бежала во Владимир-Волынский. Но и в вотчину Романа Владимир Игоревич прислал галицких бояр с полком, веля сказать горожанам, чтобы детей Романа выдали, а у себя посадили Святослава Игоревича.

Утром о посольстве узнала вдова Романа и, посоветовавшись с боярином “Мирославомъ и с дядькомъ”, ночью, взяв Даниила, “изыде дырею градскою” из Владимира-Волынского и поспешила в Польшу. Крошку Василька вслед за княгиней несли Юрий и кормилица.

Несмотря на то, что перед гибелью Роман не ссорился с Лешком, польский князь проявил великодушие “не помянуо вражды” и принял семью Романа в Польшу. Западно-русский летописец заметил, что Роман с Лешком поссорил некий “Володиславъ”. Этот боярин, интригуя, “ззорь имеа любви” князя.

Скорее всего Лешко отправил Даниила в Венгрию, отдав юному князю своего посла “Вячеслава Лытого”. Поляки напомнили Андрею Венгерскому данное им покойнику Роману обещание заботиться о родственниках друг друга. Василько с матерью остались у Лешка в Польше.

С усилением позиции Ольговичей в Западной Руси на среднем Днепре возвысился старейший из Ольговичей — Всеволод Святославович, прозванный Черным. Этот князь занял Киев, удалив из него Рюрика Ростиславовича, и посадил по городам Южной Руси своих посадников.

Рюрик Ростиславович укрылся от Ольговичей в Овруче. Сын его Ростислав [зять Всеволода Юрьевича] сел в Вышгороде, а Мстислав Романович, укрывавший за собой Смоленск, занял Белгород.

И тут Всеволод Святославович Черный совершил непоправимую ошибку. Он велел юному могучему Всеволоду Юрьевичу Ярославу [в то время искавшему галицкий стол] покинуть Вышгород и ехать к отцу в Залесскую землю. Ярослав Всеволодович не посмел ослушаться Ольговичей.

Однажды Всеволод Святославович увидел под стенами Киева стяги Рюрика Ростиславовича и Романа Мстиславовича Смоленского и предпочел покинуть столицу.

Создается впечатление, что после середины XII в. силы южнорусских князей в целом уравнились и многое стало зависеть не от ратной доблести Ярославовичей, а от дипломатического таланта и внезапности и оригинальности предпринимаемых шагов. Исключением были северо-восточные земли, пребывавшие под рукой единого князя.

Скорее всего Всеволод Святославович подступил к занятому Рюриком Ростиславовичем Киеву. Ольговичи сплотились. Из Галича подошел Владимир Игоревич, а из туровских земель приехали потомки Святополка II.

И вновь Рюрик Ростиславович выехал в Овруч. Мстислав Романович затворился в Белгороде, но рад был выбраться в Смоленск. Половцы принялись грабить города и села по Стугне и Роси, а Ольговичи заняли Киев. Описанные события происходили в 1207 г.

17.8. Могущество Всеволода Юрьевича

В августе 1207 г. Всеволод Юрьевич решил вмешаться в дела Южной Руси. У Москвы князь объединил силы с пришедшим с севера сыном Константином. Он привел Всеволоду новгородцев, псковичей, ладожан и новоторжцев. 28 февраля 1207 г. Константин встретался с отцом и братьями на реке “Шедашце”. Там могли условиться об осеннем походе.

При устье реки Москвы, на Оке, Всеволод встречался с рязанскими и муромскими князьями. И произошло неожиданное для рязанцев событие. То ли на несчастных князей донесли, коря за симпатии к Ольговичам, то ли, и это более вероятно, Всеволод Юрьевич решил подорвать могущество рязанского княжения и повод к нанесению удара без труда был найден. В стане рязанцев нашлись недовольные, и их Всеволод пригласил в свой шатер. Это были племянники, наверняка притеснявшиеся дядьями, — Глеб и Олег Владимировичи. Прочие шесть рязанских князей обедали в стане Всеволода Юрьевича, но сидели в отдельном шатре.

Выслушав племянников, Всеволод сел в “полстеници” [в постельной] и послал в шатер к рязанцам верного себе муромского князя Давида Юрьевича и своего мужа Михаила Борисовича “на обличенье”.

Гневу Всеволода подверглись Роман Глебович, Святослав Глебович Пронский с сыновьями Мстиславом и Ростиславом и их племянники [дети Игоря Глебовича] Ингвар и Юрий Ингварович. Шестерых рязанских князей заковали и увезли во Владимир на Клязьме. Позже их перевезли еще далее — в Петров [Ярославская губерния, по Воскресенской летописи].

Расправы с князьями для нейтрализации местной власти в рязанских землях было недостаточно, и Всеволод Юрьевич осадил город Пронск. Сидевший в городе юный князь Кир-Михаил Всеволодович поспешил уехать к тестю Всеволоду Святославовичу Черному в Южную Русь. Горожане затворили ворота, сели в осаду и пригласили к себе еще одного

рязанского князя пятого поколения Изяслава Владимировича.

Всеволод Юрьевич поставил полки напротив городских ворот. У одних ворот, на горе, стал Константин Всеволодович с новгородцами и белозерцами. У других ворот стал Ярослав Всеволодович с перяславцами. У третьих ворот поставили Давида Юрьевича с муромцами. А Всеволод Юрьевич поставил свой стяг за рекою Проней в поле. С князем стояли сыновья Юрий, Владимир и два рязанских союзника Глеб и Олег Владимировичи.

Горожане бились, выходя из ворот Пронска “не брани деля, но жажды ради”. После трех недель осады 18 октября 1207 г. мучимый жаждой Пронск сдался. В городе был посажен угодный Всеволоду Олег Владимирович.

Из Пронска вывезли немало ценностей и впридачу к ним супругу бежавшего к Ольговичам Кира-Михаила.

Старая Рязань решила не испытывать судьбу и прислала к Всеволоду Юрьевичу епископа Арсения с мольбой о пощаде. Епископ недавно учрежденной епархии застал Всеволода на берегу реки Прони, у села “Доброго Сота”, перед тем как наутро Всеволод собирался перейти Проню вброд.

За рязанцами помимо прочего водился и тот грех, что они нападали на шедшие по Оке ладьи с провиантом для полков Всеволода. А произошло следующее. От Пронска к Оке Всеволод Юрьевич выслал полк с Олегом Владимировичем “къ лодьямъ по кормъ”. Когда полк стоял у “Ожьска”, пришла весть, что из Старой Рязани вышел Роман Игоревич с полком и уже сражается с “лодейники у Лгова”. Полки Всеволода поспешили к Ольгову и отразили Романа Игоревича.

Неудивительно, что одного визита епископа к Всеволоду оказалось недостаточно. Между тем осень близилась к завершению, и Всеволод, подойдя к Оке, не смог переправиться на ее левый, северный берег из-за того, что “икры по ней идяху”. По прошествии трех дней лед устоялся, и Всеволод, перейдя Оку, стал в Коломне. На следующее утро прошел дождь и пронеслась буря и лед был сломан. По чистой воде в ладье к Коломне во второй раз привезли рязанского епископа Арсения “с мольбою отъ людей и отъ Княгинь”.

21 ноября Всеволод Юрьевич возвратился во Владимир на Клязьме. Вскоре на Клязьму рязанцы прислали оставшихся у них князей с “княгынами”.

Когда Всеволод Юрьевич стоял в рязанских землях, Рюрик Ростиславович в очередной раз изгнал из Киева Всеволода Святославовича Черногого. Зимой Ольговичи подошли к Киеву, но, не сумев завладеть городом, вернулись на левый берег Днепра.

Зимой (1207 г.) Всеволод Юрьевич послал в Новгород сына Святослава, а Константина оставил в залесских землях и дал ему Ростов и еще пять городов.

Всеволод Юрьевич простился с новгородцами в Коломне и там же дал им “волю всю и уставы ста-

рыхъ Кнзь”. Да еще добавил им “кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните”. Сам же князь подал новгородцам не лучший пример. В марте 1207 г. [по Новгородской летописи 1208 г.] от Всеволода Юрьевича в Новгород приехали “Лазорь... и Борисъ Мирошкиницъ”. Князь велел тем мужам убить новгородца “Ольксу Сбыславиця”, да еще сотворить это на “Ярославли дворе”. 17 марта казнь была совершена, и наутро следующего дня у образа св. Богородицы из церкви св. Якова на Неревском конце выступила слеза.

Когда новгородцы вернулись из похода 1207 г. на берега Волхова, они не преминули воспользоваться советом Всеволода — злых казнить. На нечто досада горожан излилась на посадника Димитрия и его братьев. Чиновников обвинили в том, что они велели с новгородцев “сребро имати”, а по волостям “куры брати”, с купцов “виру дикую” взимать [платеж за невыявленного убийцу] и “повозы возити”. Причиной выступления против посадников среди прочего было и то, что самого Димитрия, раненого в походе 1207 г., и семь иных знатных новгородцев Всеволод Юрьевич задержал во Владимире на Клязьме.

Скоро имущество посадника принялись делить. Горожанам досталось по три гривны и “избытокъ разделиша по зубу”. И походил раздел на грабеж, и кто “потай похватилъ, а того единъ Богъ ведаеть”.

Вскоре посадник Димитрий скончался во Владимире на Клязьме, и его тело привезли в Новгород. Горожане хотели сбросить тело с моста в Волхов, но не дал архиепископ Митрофан. Тело Димитрия захоронили в Юрьевом подгородном монастыре подле могилы отца.

Кое-что из имущества посадника досталось князю Святославу Всеволодовичу. Новое посадничество дали “Твърдиславу Михалковицю”. И князь пошел навстречу новгородцам, сослав в Суздальскую землю ненавистных горожанам бояр “детей Дмитровыхъ... Володислава, Бориса, ... Твърдислава Стакиловица, и Овстрата Домажировиця”.

Святослав Всеволодович был в ту пору еще очень юн и служил своего рода оберегом Новгороду. Военные походы северяне совершали под стягом иного князя — Владимира Мстиславовича, сына знаменитого и любимого новгородцами Мстислава Ростиславовича Храброго.

Новгородцы погнали литовцев, совершавших набег, “въ Ходиницихъ” и избили их с князем Владимиром Мстиславовичем и посадником “Твърдиславомъ”.

В 1208 г. Всеволод Юрьевич отправил брата Ярослава в Старую Рязань. И это был откровенный шаг, который не мог не вызвать глубокого недовольства рязанцев. Горожане целовали к Ярославу крест и вскоре похватили людей и князя, заковали, а некоторых посадили в погреба и “засыпавше изморюша”.

Не удивительно, что, когда о расправе узнал Всеволод Юрьевич, он поспешил выступить с сыновьями к Старой Рязани.

Скоро стяг Всеволода реял на окском берегу под стенами и валами города. Из ворот Старой Рязани вышел Ярослав Всеволодович и расцеловался с отцом.

А рязанцы отправили к Всеволоду посла, и тот произнес “буюю” [буйную] речь “по своему обычаю непокорьству”. Всеволод Юрьевич велел народу выйти из Старой Рязани, а город приказал сжечь.

Вслед за этим Всеволод подошел к расположенному неподалеку Белгороду и сжег и этот город.

Во Владимир на Клязьме Всеволод Юрьевич возвращался с сыном Ярославом, ведя рязанцев и их епископа Арсения.

Описанные события происходили летом и осенью 1208 г. А зимой того года рязанские князья (нашедшие убежище в Южной Руси) Кир-Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович “повоевали окрестность” вокруг Москвы. Всеволод Юрьевич послал к Москве сына Юрия, и он людей рязанских князей частично избил, а частично повязал. Самим же князьям удалось ускользнуть.

Скоро на севере Руси пришло следующее событие. В 1209 г. в Новгород прислал своего мужа сын Мстислава Ростиславовича Храброго Мстислав. Этот князь лишился волости [Горческа] в Южной Руси. Она была отнята Ольговичами.

Как только новгородцы узнали, что Мстислав просит у них стола, они заключили Святослава Всеволодовича в дом архиерея и принялись готовиться шумной, полной ликования встрече нового князя. Всеволод Юрьевич не начал войну с Новгородом, довольный тем, что Святослав приехал на Клязьму невредимым, отпустил задержанных новгородских купцов восвояси и до времени сохранял мир. Святослав из Нового Торга через Тверь привез старший брат Константин.

Мстислав Мстиславович от Нового Торга отступил к Новгороду, а оттуда уехал в Торопец в свой удел в смоленской вотчине.

В декабре 1209 г. в Ростове у Константина родилась дочь. В крещении младенца нарекли Василием. В 1209 г. Всеволод Юрьевич женился во второй раз. Его супругой стала дочь витебского князя, одного из потомков Мстислава Полоцкого Василька Брянславовича. Первая супруга Всеволода Юрьевича по имени Мария родом была “Ясыня”. Она умерла 19 марта 1206 г., а 2 марта Мария приняла пострижение.

Кстати будет заметить, что в XIII в. на Руси первое славянское имя, некогда бывшее основным, было заслонено именем, дававшимся в крещении и это имевшим не славянскую, а греческую природу.

В 1210 г. Всеволод Юрьевич послал “меченошю” [меченосца] “Кузьму Ратьшича” с полком на реку “Тепру” [р. Пра], в мещерские леса к северо-востоку от Старой Рязани.

Вернулся во Владимир на Клязьме Кузьма Ратьшич с большим полком. Этот поход в землю рязанскую не мог не насторожить Ольговичей, и из Киева Всеволод Святославович Черногого к Всеволо-

ду Юрьевичу приехал митрополит Матфей. Всеволод Юрьевич целовал к Ольговичам крест и отпустил митрополита в Южную Русь.

Всеволод Святославович в 1210 г. сидел в Киеве, Рюрик Ростиславович, как это ни странно, в Чернигове. Ольговичи, дабы удержать Киев, поступились своим родовым гнездом.

Весной 1210 г. половцы воевали под Переяславцем и ушли в степь с большим полком.

18 июня 1210 г. в Ростове у Константина Всеволодовича родился сын, в крещении нареченный Иоанном.

В следующем 1211 г. Ольговичи и большое княжеское гнездо северо-восточных земель, дабы укрепить союз, сочетали браком сына Всеволода Юрьевича Георгия и дочь Всеволода Святославовича Черногого. Венчал молодоженов епископ Иоанн в Успенском соборе Владимира на Клязьме.

В мае 1211 г. погорел едва ли не весь Ростов Великий. В городе сгорело пятнадцать церквей. Константин был у отца на Клязьме. Узнав о пожаре, князь поспешил в Ростов и, оглядев по приезде пепелище, утешил горожан, сказав: “Бог дал бог и взял, да будет имя господа благословенно отныне и до века”.

17.9. Западная Русь 1208 — 1212 гг.

Но вернемся к делам Западной Руси. Малолетние дети покойного Романа Мстиславовича Даниил и Василек все еще оставались крохами и никого не могли заставить с собой считаться. Приехавшие из-за Днепра Ольговичи, потомки знаменитого Игоря Святославовича, перессорились друг с другом.

Роман Игоревич, сидевший в Звенигороде, уехал в Венгрию и, возвратившись, с помощью короля Андрея изгнал из Галича брата Владимира и сам водворился в городе. Владимир Игоревич бежал в Путивль. Остававшаяся в Венгрии вдова Романа надеялась, что король отдаст Галич ее старшему сыну Даниилу, и немало удивилась произошедшему. События эти происходили около 1208 г.

Нечто схожее произошло на Волыни. Лешко и Конрад польские подошли под стены Владимира-Волынского. Среди польских стягов горожане разглядели стяг одного из потомков Мономаха — Александра Всеволодовича, сына покойного Всеволода Мстиславовича, некогда спорившего за город с самим Романом.

Горожане без особого страха открыли ворота и скоро о том пожалели. Владимир-Волынский был ограблен поляками. Народ укрылся в церкви Богородицы, крепкие двери которой поляки не могли “исечи”. Там и спасся “останокъ” горожан.

Сидевшего во Владимире-Волынском Ольговича Святослава Игоревича схватили и увезли в Польшу.

Из Бреста к Лешку Польскому, когда тот шел к “Орельскоу”, приехали просить младшего сына Романа Мстиславовича Василька. Лешко просьбу ис-

полнил, и “Берестьяне” встретили мальчика “яко великаго Романа”.

Во Владимире-Волыньском Лешко посадил Александра Всеволодовича.

В то время в Пинске поляки и бывшие с ними Ингвар и Мстислав (сын Ярослава Изясловича Луцкого) Ярославовичи схватили Владимира [либо бежавший из Галича Владимир Игоревич, либо один из потомков Мономаха].

Скоро Ингвар Ярославович был посажен поляками во Владимире-Волыньском. Лешко Польский женился на дочери того князя [Гремислава]. А Александр Всеволодович переехал в волость отца в Белз.

Ингвар Ярославович был чужим во Владимире-Волыньском и с местным боярством жил плохо. В конце концов, город Владимир-Волыньский перешел под руку Александра Всеволодовича. А вдова Романа прислала к Лешку в Польшу боярина “Мирослава” просить волостей для юного Василька. Лешко придал к Бресту город Белз, а Александр Всеволодович взамен получил города “Оугревскъ. Верещинъ. Столпъ. Комовъ”.

Получается, что поляки и венгры после гибели Романа Мстиславовича практически безраздельно вершили судьбы Западной Руси.

Мало того, Западную Русь стали тревожить набеги литовцев и ятвягов. В городе “Червье” сидел брат Александра Всеволодовича Всеволод. Литва и ятвяги воевали у “Тоурискъ”, “Комова” и подошли к Червеню. У городских ворот княжеская застава схватилась с Литвой. Там побили “Матея. Любова зятя и Доброгостя”, выехавших “оу сторожа”. Волынь приуныла, пригорюнилась.

В Галиче также творилось неладное. Венгерский король Андрей послал в Галич своего мужа Бенедикта с полком. Романа Игоревича (в 1208 г. посаженного в Галиче венграми) схватили в бане “мыющаяся” и отправили в Венгрию.

И начали венгры творить в Галиче произвол. Свидетель событий Тимофей, выводивший свой род из Киева и бывший “премоудръ книжникъ”, сравнил Бенедикта с антихристом. И был Бенедикт “томитель бояромъ и гражданамъ”. Венгры “блоудъ творя и оскверняюу жены же и черници и попады”.

Обезумевшие от бесчинств венгров галичане поспешили к волыньскому городу Пересопнице и привели из него Мстислава Ярославовича (сына Ярослава Изяславовича Луцкого).

Когда Мстислав Ярославович подошел к Днестру боярин “Щепановичъ Илия” привел князя на курган, именовавшийся “Галициноу могилоу”. Боярин засмеялся, говоря Мстиславу: “... оуже еси на Галицини могиле поседель тако и в Галиче княжилъ еси”. С тем Мстислав Ярославович и воротился в Пересопницу.

Тем временем Ольгович (Роман Игоревич) бежал из Венгрии. А галичане, по прежнему томимые Бенедиктом, обратились к его брату Владимиру Игоревичу, прося, несмотря на изгнание князя, прийти и избавить область от истязателей.

Владимир Игоревич подступил к Галичу. Бенедикт бежал в Венгрию, и Ольговичи вновь сели княжить в Западной Руси: Роман Игоревич в Звенигород, Владимир Игоревич в Галиче, а Святослав Игоревич в Перемышле. Сын Владимира Игоревича Изяслав получил Теревовль, другой сын Всеволод был отправлен в Венгрию к королю Андрею в дары.

А в Венгрии Андрей с придворными всерьез подумывал над тем, чтобы выдать дочь замуж за Даниила Романовича. Оба отрока были юны для брака, да у Андрея не было сына-наследника.

В 1208 г. “Оубьень быс црь великыи Филипъ Римскый”. Сестра Андрея принялась молиться, дабы брату был послан богом помощник. В результате отдали дочь [Андрея] за “Лонокрабовича Луудовика” [ландграфа]. Сестру звали “Альжьбить”, а прежде “Кинска”.

Ольговичи не сумели мирно ужиться со своим нравным галицким боярством. Стандарты княжеской власти, распространенные к востоку от Днепра, в Галиции вызвали яростное сопротивление. В результате Ольговичи после совместного совета скитались до избияния бояр и тем подписали себе смертный приговор.

Убили шутившего у кургана Галицкая могила боярина Илью Щепановича. Убили и боярина Юрия Витановича. Всего погибло от рук Ольговичей пятьсот галицких бояр. И были это “великии бояре”. Оставшиеся из городов разбежались, укрывшись в своих усадьбах-гнездах на вершинах Карпатского кряжа.

Один из бояр “Володислав же кормиличич” сумел бежать в Венгрию. Приехали за ним следом и “Соудиславъ и Филипъ”. И принялись галицкие бояре отыскивать в чужом королевстве юного Даниила Романовича. А был князь еще “Детьски соуца”. Однако далее терпеть Ольговичей или Бенедикта галичане были не в силах и наверняка в глубине души подумывали, что напрасно в это время не удержали вдову Романа Мстиславовича.

Стали просить у Андрея Венгерского Даниила. Король согласился и придал воспитаннику соборные полки в “силе тяжце”. В Галицию король отправил “великого дворьского Пота”, поставив его воеводой над полками. С Потом ехали “первый Петръ Тоуровичъ. вторый Банко. трети Мика Брдатый. четвертый Лотохароть. пятый Мокьянъ. шестый Тибрець. седмы Мороцель и инии мнози”.

Когда силы венгров подошли к Перемышлю, боярин Владислав подъехал к стенам города и обратился к стоявшим на забороллах галичанам: “Браты! почто смышляетея не ольговиче ли избиили отце ваших и братьев, имение разграбили, а дочере ваших выдали за рабов ваших, а очьстви вашими инии пришельци, за тех ли хотите душу положить? Город был сдан, а сидавший в нем Святослав Игоревич выдан.”

Далее венгры с Даниилом Романовичем подошли к Звенигороду. Горожане закрылись и, сев в осаду, принялись люто биться с пришельцами.

Русская их ни к детинцу, ни к острожным воротам. Звенигородцы могли опасаться венгров и оттого предпочитали, предпочитая княжение Романа Игоревича.

Но на беду Ольговичам на Звенигород, а вместе с тем и на Романа Игоревича ополчились все князья Западной Руси. Из Белза от сидевшего там Василька Романовича к Звенигороду приехали “великии Вячеславъ Тольстыи и Мирославъ и Дьмянъ и Воротишан и инии бояре мнозе и вои от Белза”. От Лешка Польского подошли “Соудиславъ Бернатовичъ со многими поляны”. От Пересопницы приехал Мстислав Ярославович “Немый” (в свое время стоявший на кургане Галицкая могила). Из Владимира-Волыньского пришли Александр и Всеволод Всеволодовичи. С Волыни Ингвар Ярославович прислал вдову. Подошла помощь и к Роману Игоревичу. Это были старые союзники Ольговичей — половцы.

На “Лютои рецы” между половцами и противниками Ольговичей произошла перестрелка. Скоро Роман Игоревич понял, что дело его в Галиции проиграно, и выехал из Звенигорода, стремясь найти помощь в “Роускыхъ князехъ”. Мог, хотя и теоретически, рассчитывать Роман Игоревич и на помощь троюродного брата Всеволода Святославовича Черного, сидевшего в Киеве. Однако на берег Днестра галичане Ольговича не пустили, чем это может для них обернуться.

В городе Шумске “на Мосце” Роман Игоревич был схвачен “Зерьнькомъ и Чухомою” и скоро оказался в стане юного Даниила Романовича.

Когда в Звенигороде узнали, что Роман Игоревич пленен, город сдался. До того момента звенигородцы могли ожидать стяги Ольговичей под своими знаменами. В Галиче сидел Владимир Игоревич. Этот князь поспешил убежать из города, как только узнал о подходе неприятеля. Едва ли галичане сожалели об отъезде Владимира Игоревича и его сына Василька.

За Ольговичами отрядили погоню. Нагнали их у реки “Незды”. Изяслав Владимирович принялся бороться, но потерял коня.

А в Галич въехала вдова Романа Мстиславовича Даниилом, и в церкви пресвятой Богородицы поставили нового князя. Съезжавшиеся в Галич галичане после правления Бенедикта и Ольговичей западнорусские бояре наверняка украдкой смахивали скупые мужские слезы с властных упрямых щек.

Тогда встал вопрос о плененных Ольговичах: Романе, Святославе и Ростиславе Игоревичах. Венгры собрались отвезти их к своему королю, да их князиками “дарми” разубедили галичане.

Искоре галичане Ольговичей “повесили мьстины”. События эти происходили в 1212 г. Они лишь раз указывали на то, что в XIII в. Ярославовичи означали лишь в собственных вотчинах, в своих же уделах уподоблялись вырванному с корня дереву, обреченному засохнуть.

Скоро нрав галичан проявился. Даниила стали мучить с матерью. Юный князь заплакал, и когда

“Олександръ тивоунъ Шюмавинскый” взял его коня за повод, Даниила выхватил меч и принялся рубить им тиуна. Мать забрала из рук Даниила меч, успокоила, как могла, сына и уехала в Белз.

О том изгнании сожалел Андрей Венгерский. Организатором изгнания вдовы Романа был боярин Владислав, который ее же с Даниилом привез в Галич из Венгрии.

Спустя год к Галичу подошел Андрей Венгерский. Он привез изгнанную вдову Романа. Приехали к Галичу и Ингвар Ярославович из Луцка и другие западнорусские князья и бояре из Владимира-Волыньского.

Боярин Владислав при малолетнем Данииле Романовиче практически самолично правил Галицией.

Дело кончилось тем, что Владислава заковали и увезли в Венгрию, однако братьям честолубивого боярина “Яволодоу и Ярополкоу” удалось добраться до Пересопницы, где сидел князь Мстислав [Ярославович Немый].

Скоро Мстислав с галицкими боярами выступил в поход и оказался у “Бозкоу” [Божска]. Из того города выбежал в Галич посадник “Глебъ же Подковичъ ... и Станиславичъ Иванко и братъ его Збыславъ”.

Как только обо всем узнала вдова Романа, она, взяв Даниила с “Вячеславомъ Тольстымъ”, поспешила в Венгрию. Княгине был хорошо знаком нрав галичан. Второй сын Василько Романович с “Мирославомъ” из Галича поехал в свою волость в Белз.

Но вернемся к повествованию об истории северо-восточных земель Руси. 13 апреля 1212 г. скончался князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. Он единовластно правил ростово-суздальскими землями 37 лет, и под его рукой этот некогда далекий от Киева и малозначущий регион преобразился в силу, являвшуюся наиболее мощной во всей Руси.

Конечно же, проистекло это из единства северо-восточных земель. Позже ростово-суздальские земли переживут тот же период, что и Южная, и Западная Русь переживали в XII — XIII вв.

Всеволод Юрьевич был так силен, что фраза летописца о том, что от одного его имени “трепетаху вса страны, и по всей земли изиде слух его”, абсолютно справедлива.

Рукотворным памятником Всеволоду Юрьевичу остался созданный им каменный собор св. Дмитрия, украсивший двор князя во Владимире на Клязьме.

Отпевал Всеволода епископ Иоанн с игуменами, черноризцами и всеми попами владимирскими в златоглавом Успенском соборе. Там князя и упокоили.

С кончиной Всеволода Юрьевича северо-восточные земли стали дробиться на уделы и начали утрачивать мощь и значение. Дети Всеволода расселись по городам и начали самостоятельно княжить каждый в своей волости. Юрий Всеволодович после кончины отца отпустил восвояси рязанских князей и епископа рязанской епархии Арсения. Рязанские княгини благодаря хлопотам киевского митрополи-

та [Матвея] были отпущены еще Всеволодом Юрьевичем.

Разногласия в Большом Гнезде начались в 1212 г. Юрий и Ярослав Всеволодовичи ходили к Ростову Великому, но, к счастью, скоро помирились со старшим братом Константином и вернулись в свои волости. 23 мая 1212 г. в Ростове Константин Всеволодович устроил “постриги” возмужавшим сыновьям Васильку и Всеволоду, и в XIII в. в христианской Руси не забыли древнего славянского обряда. Ростовцы на празднике веселились от души.

Конфликт между Константином и Юрием корнями уходил в 1211 г. Тогда Всеволод Юрьевич послал за Константином в Ростов, желая оставить его своим преемником во Владимире на Клязьме, а Ростов отдать Юрию. Константин не выехал к отцу, желая к Ростову получить и Владимир на Клязьме. Всеволод послал вторично за Константином и, в конце концов, отдал первенство Юрию.

17.10. Германцы в Прибалтике

В то время как Ярославовичи, борясь друг с другом, разорили и унизили Киев, Германия, практически завершив покорение земель полабских славян, вышла на новые восточные рубежи в Пруссии и Прибалтике.

Еще в 1186 г. в Ливонию [Латвию] приплыл латинский миссионер Меингард. Прежде чем приступить к десятилетней деятельности, Меингард испросил позволение у полоцкого князя и получил согласие. В 1196 г. Меингард скончался. С течением времени архиепископ Бремена стал рукополагать епископов Ливонии.

Епископ Ливонии Бертольд (1197—1198 гг.) был убит. Третьим епископом Ливонии был Альберт. Он и основал в устье Западной Двины в 1201 г. город-крепость Ригу. Тем самым Германия каменной пробкой закупорила важный для Смоленска и Полоцка торговый путь в Балтику.

В 1201 г. епископ Альберт, стоя под сводами рижского замка, основал орден меченосцев. Папа Иннокентий III дал ордену устав рыцарей храма. Началось активное обращение балтов и эстонцев в католицизм. В 1201 г. с епископом Альбертом заключила мир Литва. Скоро литовцы напали на земгалов [данников Полоцка], но полочане отразили литовцев. В 1202 г. германцы возвели еще одну крепость в Прибалтике — Дюнамюнде.

Полоцкие князья, имевшие в низовьях Западной Двины крепости, рано поняли, чем грозит обернуться германское присутствие в Прибалтике. Полоцкий князь Владимир осадил крепости Кирхгольм и Иксуль. Осада была снята после получения дани с ливов и вести о том, что неприятельский флот подошел в воды Рижского залива. Это приплыл датский король Вольдемар, откликнувшийся на просьбу папы помочь рижскому епископу.

В 1205 г. в Прибалтику с рыцарями-крестоносцами вернулся епископ Альберт. Скоро Альберт отдал

рыцарям треть склонившей голову Ливонии, и Прибалтика стала стремительно застраиваться замками, подобными каменным гнездам.

В нижнедвинской крепости Кукенойс сидел один из полоцких князей Вячко. Оказавшись среди покорных германцам земель, Вячко заключил с рижским епископом мир. В 1206 г. полоцкие князья приняли послов ливов, жаловавшихся на притеснения от германцев, и послов от рижского епископа, добивавшихся от Полоцка невмешательства в дела Прибалтики.

В 1207 г. полочане совместно с литовцами осадили германскую крепость Гольм, но завладеть ею не сумели. В 1207 г. крещение Ливонии германцами было завершено. В 1208 г. германцы подошли к землям латгалов [восточных латышей]. И началось вытеснение полочан из крепостей в низовьях Западной Двины.

Сидевший в Кукенойсе князь Вячко опирался на поддержку балтских народов латгалов и селлов, но в 1207 г. был вынужден уступить часть своих земель германцам. В 1208 г. Вячко сам сжег город и ушел в полоцкие земли.

В 1209 г. германцы приступили к завоеванию второй твердыни полочан в низовьях Западной Двины — города Герцике.

Город пал, но был отдан в лен ранее сидевшему в нем князю Всеволоду. Князь был женат на литовке. Епископ Риги отнял у Всеволода супругу и потребовал расторгнуть союз с Литвой. В 1214 г. Герцике окончательно перешел в руки германцев.

Из-за ограниченности ресурсов далее на восток орден продвигаться пока не стремился, и еще в 1210 г. епископ Альберт, заботясь о нейтралитете русских, отправил в Полоцк рыцаря Арнольда с мирными предложениями. Полоцку было не до нижнедвинских князей и городов, и на мир с епископом согласился. Тем самым фактически был сдан Герцике.

Между прочим Арнольд спросил у Владимира Полоцкого, не откроет ли он рижским купцам доступ в свои земли. И началась эпоха договоров Полоцка и Смоленска, с одной стороны, и Риги и балтийского острова Готланд — с другой.

При заключении договора 1212 г. Владимир Полоцкий потребовал от Риги прекратить крещение ливов. Ранее, в 1211 г., Рига взимала дань с ливов.

Когда Рига завладела землями современной Ливонии, она принялась за лежавшие севернее земли эстов. За помощью эсты обратились к Владимиру Полоцкому. Князь собрался выступить на их защиту, но в 1215 г. скончался. Так для Руси была окончательно утрачена некогда покорная ей Прибалтика.

Не мог помочь полочанам и сидевший в Новгороде Мстислав Мстиславович, сын любимого в севере Руси князя.

17.11. Мстислав Мстиславович

В 1211 г. из Южной Руси в Новгород пришел “Дмитрь Якуницъ”. Старый посадник эпохи Все-

волода Юрьевича “Твердислав” добровольно уступил должность “Дмитру”. Это было окончание смены власти в Новгороде. В Великие Луки на укрепление южных рубежей новгородских земель Мстислав Мстиславович отправил “Дмитра” [посадника]. Сам князь выступил на границу с ростово-суздальскими землями на “Тържжкъ”, дабы “блюсть волости”. В то время Всеволод Юрьевич уже не грозил Торжку, занимаясь вопросами престолонаследия, и Мстислав Мстиславович поехал в Смоленский удел — город Торopez и далее к Великим Лукам. В этом городе Мстислав посадил родного брата Владимира Мстиславовича, выведенного им из Пскова.

Летом 1212 г. Мстислав Мстиславович пошел на юдъ (на эстов), именуемую “Торму”. Вернулся князь в Новгород с большим полоном и множеством скота.

Зимой 1212 г. Мстислав подошел к городу эстов Медвежья голова. По прошествии восьми дней осады горожане, страдая от голода, откупились от Мстислава четырьмястами гривнами, данными ногами.

Подобными походами русский князь едва ли могградить эстов от рыцарей рижского епископа.

Упомянем об одном весьма примечательном для древнего Новгорода происшествии. 22 января 1211 г. [по новому летоисчислению 1212 г.] новгородцы послали своего архиепископа в Торopez, на север смоленских земель. И тут очень кстати в Новгород из Константинополя приехал некогда изгнанный [митрополитом Митрофаном] “Добрыня Ядренко-вицъ”. Этот новгородец ранее принял монашеское пострижение в монастыре св. Спаса на Хутыне, основанном в конце XII в. Варлаамом. Князь Мстислав Мстиславович отправил Добрыню в Киев к митрополиту на утверждение, а вернулся Добрыня в Новгород архиепископом Антонием.

Кажущееся сумасбродство новгородцев было тщательно продуманным политическим шагом, имевшим целью устранить в духовной сфере влияние Большого Гнезда ростово-суздальских князей.

После кончины Всеволода Юрьевича его сыновья сели по городам некогда обширного единого княжества. Старший Константин удерживал Ростов и Ярославль. Юрий владел Владимиром на Клязьме и Суздалем. Ярослав сел в Переяславле Залесском и поддерживал Юрия. Примкнул к их союзу и Святослав, владевший Юрьевом-Польским. Константина поддерживал лишь один из братьев — Владимир-Дмитрий. В 1213 г. этот Владимир поехал княжить в малозначимый городок Москву. [Скоро Юрий и Ярослав вывели из Москвы Владимира.] Но прежде в Ростова Владимир выехал в Волок Ламский и уже там получил уведомление Константина идти к Москве. Братья не могли помириться. Скоро Юрий, Святослав, Ярослав и юный Иоанн, пригласив с собою Давида Юрьевича Муромского, с полком подошли к Ростову. Тем временем полк Константина сжег Кострому и захватил людей в плен.

Когда Юрий с братией подошли к Ростову, неприятели стали по оба берега реки Идши [Вексы] и

начали через нее битву. Окрестные села занялись пламенем, и если это видел из иного мира Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, душа его облилась слезами. Северо-восточные земли пошли вслед за Южной Русью, и силы ее потекли сквозь пальцы князей, как вода.

К счастью, под Ростовом Всеволодовичи помирились, целовали крест и разъехались по волостям.

В 1213 г. Константин отправил своего меньшего брата Владимира-Димитрия из Москвы в Южную Русь, в Переяславль. В 1215 г. Владимир женился на дочери одного из Ольговичей Глеба Святославовича [после кончины Рюрика Ростиславовича занявшего Чернигов].

В том же 1215 г. Владимир Всеволодович выступил из Переяславля навстречу шедшим на Русь полочанам и, проиграв сражение и потеряв воинов, попал в плен и был уведен в вежи.

Однако Ярославовичи не пропадали без следа в половецких вежах. В 1218 г. Владимир Всеволодович предстал перед братьями невредимым и получил в удел город Стародуб, стоящий на реке Клязьме, ниже Владимира.

Между тем Константин Всеволодович активно вел в своей волости церковное строительство. 25 апреля 1213 г. князь заложил в Ростове церковь Богородицы на месте ранее рухнувшего храма.

А 23 октября 1213 г. у Юрия Всеволодовича родился сын, наванный Всеволодом, в крещении нареченный Димитрием. Назвали младенца в честь знаменитого деда в надежде на его великую будущность.

В 1214 г. старый епископ Иоанн, спутник Всеволода, постригся в чернецы в Боголюбове и удалился от суетного мира.

В 1214 г. у Константина Всеволодовича родился сын Владимир, в крещении названный Димитрием. В том же году Константин отправил в Киев своего духовника, игумена обители св. Петра Пахомия. Митрополит Руси Матфей 10 ноября утвердил Пахомия новым епископом ростовским. И 28 января [1215 г.] епископ Пахомий вернулся в Ростов.

В 1214 г. Константин, следуя примеру отца, дяди и деда, заложил на своем дворе в Ростове церковь в честь св. Бориса и Глеба.

Тем временем Юрий Всеволодович решил создать не зависимую от Ростова епископскую кафедру. В споре со старшим братом Константином это было немаловажным фактором. Князь отправил в Киев к митрополиту игумена обители Рождества св. Богородицы Симона, и скоро Русь обрела нового владыку Суздальского и Владимирского.

В 1215 г. Константин заложил в Ростове храм в честь Успения Богородицы.

В 1216 г. скончался недавно поставленный епископом в Ростове Пахомий. Прежде он пять лет был иноком Печерского Киевского монастыря, тринадцать лет Пахомий служил игуменом в ростовском монастыре св. Петра.

Хоронили владыку в соборе пресвятой Богородицы в Ростове князь Константин и приехавший из Суздаля епископ Симон.

В 1216 г. в Ростове епископом был поставлен суздальский черноризец обители св. Димитрия Кирил.

Строил церкви Константин не только в Ростове. В 1216 г. князь заложил в Ярославле каменную церковь в монастыре Спаса Преображения. В следующем 1217 г. в северо-восточных землях Руси случилась большая беда, но мы несколько отвлечемся от данного повествования и обратимся к иным землям Руси.

В 1215 г., как упоминалось выше, скончался в Чернигове Рюрик Ростиславович. Имя этого князя не может быть прославлено в русской истории из-за варварского разорения Киева [1204 г.].

Вскоре после кончины старейшего в Южной Руси Мономаховича Ольговичи во главе с Всеволодом Святославовичем Чермным изгнали детей и племянников Рюрика из волостей и уделов киевских земель. Предлогом к изгнанию послужило повешение сыновей Игоря Святославовича (одного из Ольговичей) в Галиче в 1212 г. В трагедии обвинили покойного Рюрика Ростиславовича и его родню.

Мономаховичи удалились из Южной Руси в смоленские земли и сели в ней по уделам.

А на севере Руси творилось следующее. В 1213 г., на Петрово говение, Псков подвергся нападению литовцев и был сожжен. Сидевший в городе князь Владимир Мстиславович [брат Мстислава Мстиславовича] был изгнан псковичами за тесные сношения с рижским епископом Альбертом. Владимир Мстиславович обратился за помощью к полоцкому князю, да ничего не добившись, уехал в Ригу. Этот князь доводился тестем брату епископа Дитриху.

Мстислав Мстиславович прислал в Псков своего двоюродного племянника Всеволода [Мстиславовича-Борисовича] (сына Мстислава-Бориса Романовича).

Когда в 1214 г. Мстислав Мстиславович узнал, что германские отряды вступили в пределы эстов, он собрал войско из пятнадцати тысяч новгородцев и двинулся к западу от Чудского озера. “На Ереву ... к морю”. С Мстиславом выступили из Торопца брат Давид Мстиславович и племянник из Пскова.

Германцы заблаговременно укрылись в рижском замке, и русские князья, осадив город эстов [Воробин-Верпель] взяли с жителей семьсот гривен ногатами, “повоевали” селения и вернулись в свои волости.

Мстислав две трети добычи отдал новгородцам, треть оставил своей дружине.

В 1215 г. Новгорода достигло известие о кончине Рюрика Ростиславовича и об изгнании Мономаховичей из Южной Руси. Мстислав собрал на Ярославом дворе Новгородца вече и объявил о намерении идти в поход на Ольговичей к Киеву.

Ответ, данный новгородцами Мстиславу, звучал так: “Камо княже очима по зриши ты. тамо мы главами своими вржемь”. [“Куда князь очами посмотрит, туда мы головы свои повернем”.] 8 июня 1214 г. Мстислав Мстиславович с ополчением выступил из Новгорода к Смоленску.

В городе новгородцы поссорились со смолянами и в драке одного убили [смолянина]. Вслед за тем новгородцы объявили Мстиславу, что далее не пойдут. Князь пытался уговаривать новгородцев, да напрасно. Но когда Мстислав с братьями и племянниками выехал за стены Смоленска, новгородский посадник Твердислав тронул сердца северян прочувствованной речью, и те догнали Мстислава в дороге.

В поход на Ольговичей к Киеву кроме Мстислава с новгородцами выступило немало потомков Мономаха. Из Смоленска вышли Мстислав-Борис Романович, Владимир Рюрикович, Константин и Мстислав Давидовичи. С Волыни, из Луцка, и Киеву двинулся Ингвар Ярославович [троюродный брат смоленских внуков Ростислава Мстиславовича].

Мономаховичи продвигались к Киеву долиной Днепра и прежде всего завладели городом Речицей. Далее они стали брать днепровские города Ольговичей, пока не подошли к стенам Вышгорода. Тут произошло сражение, и Мстислав Мстиславович пленил двух Ольговичей — Ростислава и Ярополка Ярославовичей. Вышгород отворил Мономаховичам ворота, а сидевший в Киеве Всеволод Святославович Чермный поспешил на левый берег Днепра, перетопив на переправе множество народа.

Мстислав Мстиславович вернулся в Новгород в 1216 г., собрав вече, объявил горожанам о намерении пойти в Южную Русь. Сославшись на безотлагательность в решении важных дел, Мстислав обещал новгородцам в случае необходимости помощь. Скоро она и в самом деле понадобилась.

Посовещавшись, новгородцы отправили к Ярославу Всеволодовичу в Переяславль-Залесский “Иванковица Посадника и Якуна Тысяцкого и купца старейших” десять мужей. Первой супругой Ярослава Всеволодовича была половчанка. А во второй раз Ярослав женился на дочери Мстислава Мстиславовича.

Ярослав Всеволодович на просьбу откликнулся, и из Новгорода навстречу князю выехал архиепископ Антоний, бывший знакомым нам Добрыней Ядренковичем.

Но ужиться Ярослав Всеволодович с новгородцами не сумел, чем его появление на Волхове напомнило злосчастное правление Ольговичей в Галиче. Князь, недовольный своеволием севернорусских бояр, принялся их хватать, надеясь проучить и что-то изменить в Новгороде. Взяли “Якуна Зуболомца”. В Торжок послали за тамошним посадником Фомой Доброшинецкой. Заковав, его отправили в “Тьхверь” [Тверь], бывший малозаметным городком при устье реки Тверцы. “Федор Лазутиниц и Ивор Новотържць” оклеветали перед князем “Якуна Тысяцкого Намнежица”.

Новая княжеская метла мела в Новгороде воню, и нашлись такие, кому это пришлось по вкусу. Ярослав Всеволодович знал, на каких струнах горожан можно сыграть, и, собрав вече, изблещил на нем

Якуна тысяцкого. Скоро двор Якуна оказался разграблен, а жена тысяцкого была схвачена.

Наутро Якун с посадником пришел к князю, но добился лишь того, что схватили его сына Христофора.

Казалось, политика Ярослава Всеволодовича, организованная по принципу “разделяй и властвуй”, приносила желанные плоды, ослабляя норовистое севернорусское боярство руками самих новгородцев и как бы выгораживая князя, но тут природная стихия вышла из берегов.

Новгородцы, почувствовав вкус к безнаказанному грабежу, принялись громить уже по своему усмотрению. Горожане убили “Пруси-Овстрата и сына его Лугошу, и вьвргоша и вь греблю мьртвь”.

Ярослав Всеволодович, поняв, что выпущенное им же наружу пламя неуправляемо, поспешил покинуть Новгород и поехал к Новому Торжку, взяв с собой “Твьрдислава Михалковица, Микифора Попова, Сбыслава Смена, Ольску” и много иных бояр. В Торжке Ярослав одарил бояр и отпустил в Новгород.

А между тем осенью 1216 г. на севере Руси был собран ничтожно малый урожай. Вокруг Новгорода “поби мразь обилье по волости”. У Нового Торга урожай, напротив, оказался цел. Ярослав Всеволодович сообразил, как проще всего досадить новгородцам. Он перестал пускать через Торжок к Новгороду “ни возы, ни ладьи с хлебом”.

Скоро новгородцы поняли, какая зима их ожидает, и послали к Ярославу Всеволодовичу “Смена

Борисовица, Вячеслава Климьтица, Зубца Якуна”. Князь послов задержал, а цены на продовольствие в Новгороде взлетели до небес. За кадушку ржи давали десять гривен, за ту же меру овса давали три гривны. За воз репы платили две гривны. Дети принялись собирать для питания “одьрень” [древесную кору]. В Новгороде и в Водской Пятине население от голода стало умирать. Те, кто остался жив, стали расходиться кто куда. В конце концов, “останекъ живыхъ” послали в Торжок к Ярославу Всеволодовичу “Иванковица Посадника и Степана Твьрдиславица и иных мужей”. Князь и это посольство задержал, а в Новгород отправил “Иворайча Поноса”, и тот привез Ярославу супругу (дочь Мстислава Мстиславовича). Видно, и в самом деле не по-доброму уехал Ярослав Всеволодович из Новгорода.

Наконец, в Новгород приехал из Южной Руси Мстислав Мстиславович. Он заковал “Хото Григоревица” наместника Ярослава Всеволодовича и всех иных его сторонников, а в Торжок послал “попа Гюргя св. Иоанна”.

Мономаховичи двинулись вслед за Ольговичами к Чернигову и простояли под его стенами двенадцать дней [по иным данным три недели]. В городе заперся брат Черного Глеб Святославович. Сам Всеволод Святославович Чермный не пережил произошедшего и вскоре скончался. Пригород и окружающие Чернигов села были сожжены, и в итоге Ольговичи и Мономаховичи целовали друг к другу крест и помирились.

Глава 18. Эпоха княжения Мстислава Романовича (1215 — 1223 гг.)

18.1. Поход Мстислава Мстиславовича в Залесскую землю

Мономаховичи так сели в Южной Руси. В Киеве вокняжился Ингвар Ярославович. Этот князь сидел в Киеве ранее, в 1202 г. Мстислав Романович сел в Вышгороде. Скоро Ингвар Ярославович уехал в Луцк, а в Киеве сел Мстислав Романович.

Мирные предложения Мстислава Ярослав Всеволодович отверг и отправил в Новгород сто новгородских мужей изгнать Мстислава. Сам же тем временем по всем зимним путям от Новгорода лес “засекоша”.

Между тем сотня новгородцев, благополучно вернувшись в свой город, и не помышляла изгонять Мстислава. Ярослав Всеволодович с досады собрал оставшихся в Торжке новгородцев на поле за городом, заковал их и разослал по городам своей волости в заключение.

Были и такие в Новгороде, кто предпочел с женами и детьми бежать к Ярославу Всеволодовичу. Их звали “Владислав Завидиц, Гаврила Игоревич, Гургий Ольксиниц, Гаврилц Милятиниц”.

В помощь Мстиславу Мстиславовичу из Ливонии приехал младший брат Владимир Мстиславович. У этого князя не все гладко складывалось в данной ему тестем Дитрихом [братом рижского епископа Альберта] области. Она располагалась между Ригой и Вендином [совр. Валмиера] и именовалась Идумеей. Рыцари выразили Владимиру неудовольствие в отношении его правления, и князь покинул Ливонию. Спустя несколько месяцев князь Владимир с супругой и детьми возвратился в Идумею и водворился в замке Метимня. И вновь обозначились противоречия между князем и орденом. Священник Алобрант, недовольный чрезмерным корыстолюбием Владимира, заметил ему, что едва ли, обирая население, можно утвердить христианство. Владимир ответил Алобранду, что заставит разделить с ним его собственные богатства. С тем Владимир Мстиславович вернулся под стяг своего брата Мстислава.

1 марта [1217 г.] Мстислав Мстиславович выступил против Ярослава Всеволодовича [своего зятя]. Пройдя по еще замерзшему озеру Селигер, князь вступил в свою волость, в Торопец. Вперед, вниз по Волге, Мстислав выслал новгородцев “въ зажития” [на заготовку фуража], прося при этом не притес-

нять населения, так как земли те граничили со Смоленским княжеством и находились в зависимости от него.

Тем временем город Ржев, тянувшийся к Смоленску, осадил десяти тысячный отряд во главе со Святославом Всеволодовичем. Гарнизон Ржева насчитывал сотню воинов, а командовал ими посадник Ярун.

Мстислав с Владимиром, имея пятьсот воинов, поспешили к Ржеву, и осада с города была снята.

Далее Мстислав подошел к стоявшему ниже по Волге, недалеко от Ржева, городу Зубцову, уже принадлежавшему Смоленску, и взял его. Затем Мстислав овладел долиной реки Вазуза [правый приток верхней Волги]. К устью Вазузы из Смоленска подошел двоюродный брат Мстислава Владимир Рюрикович. Смоленские князья, встав на реке Холохольне [левый приток Волги у г. Старица], послали в Торжок к Ярославу “о миру”. Ответ Ярослава гласил: “Мира не хошу; пошли есте, пойдите же”.

Князья стали спускаться вниз по Волге, завоевывая села чужой волости. Владимира Рюриковича по совету князя решили отправить к Новому Торгу, а сами собрались подступить к Переяславлю-Залесскому. Идти со всеми силами к Новому Торгу не стали, так как волость та была новгородской и могла пострадать. А где находится Ярослав Всеволодович, никто не знал.

К северу от Переяславля-Залесского расположен Ростов. Сидевший в городе Константин Всеволодович был недругом своим младшим братьям, в том числе и Ярославу. Поэтому с Константином стремились объединить силы смоленские князья.

За Тверью отряд во главе с ржевским посадником Яруном столкнулся с сотней воинов из строя Ярослава Всеволодовича. Стало известно, что Ярослав от Нового Торга пришел в Тверь и “ездяху въ зажитие не боящесь”.

Мстислав с полками от Твери двинулся вниз по Волге, сжигая принадлежавшие неприятелю “Шенск, Дубну и Княтинь и все Поволжье”. А в Ростов к Константину послали боярина Владимира Мстиславовича “Волода”.

Из Ростова от Константина к Мстиславу Мстиславовичу приехал “Еремей” с пятью сотнями ратников. Встреча была теплой, с взаимными поклонениями и изъявлениями любви. В Ростов послали

Всеволода Мстиславовича, приходившегося Константиному шурином.

Подступив к Переяславлю Залесскому, встали на Городищи”. Смоленские князья по дороге “возы пометавше” и шли на конях. Лед на реках поломал весна, а лесные полевые дороги превратились в потоки, замешанные на мерзлой глине и покрывшем потемневшем снеге.

Послали в Ростов еще одного князя — Владимира Мстиславовича. Видно, смоленские князья потирали глаза. Константин Всеволодович. Под Переяславлем Залесским схватили одного горожанина и спросили его. Выяснили, что Ярослава Всеволодовича в городе нет. Он ушел на соединение с братом Юрием, сидевшим во Владимире на Клязьме.

Из Торжка Ярослав Всеволодович вышел, ведя с собой “старейшие мужи” новгородские и молодых “мужей”. Кроме того, Ярослав повел “новгородцы вси”, а в Переяславле Залесском “скопили силу свою всю”. Еще раньше в Торжок братья послали Ярославу в помощь “Михаила Борисовича воеводу с полкомъ”. Не теряли весной времени Ярослав и Юрий и Святослав Всеволодовичи с братьями. К их суздальским и владимирским полкам подошли “Муромцы и Бродницы”, приехали воины из Городца на Волге. Согнали бояре народ из “полюдей и до пещець”.

“Бродницы” принимали участие в борьбе Долгорукого и Ольговичей с потомками Мстислава I Владимировича в 1145 г.]

18.2. Липицкое поле в 1217 г.

Наконец, силы неприятелей сошлись в широком суздальском ополке по оба берега реки Кзы, недалеко от Юрьева-Польского. У князя Юрия Всеволодовича над полками взвилось семнадцать стягов. Это воинов ободряли звуки, издаваемые сорока трубами и сорока бубнами. Воины Ярослава Всеволодовича стояли под тринадцатью стягами, но в рядах их находилось шестьдесят труб и бубнов.

Мстислав Мстиславович послал к Юрию Всеволодовичу сотского Лариона на переговоры. Тот заявил о приверженности к миру, но потребовал, чтобы Новгороду были возвращены волости Торжок и Волок Ламский и были отпущены насильно удерживаемые новгородцы. Юрий не мог принять предложений, и даже не из-за упрямства брата Ярослава, но из-за спора за обладание Владимиром на Клязьме со старшим братом Константином Всеволодовичем. Не изъявил стремления к миру и Ярослав.

Не имело успеха и второе посольство, отправленное Мстиславом Мстиславовичем к Юрию и Ярославу.

Вскоре Всеволодовичи с боярами сели в шатер и стали беседовать о происходящем. Назвался один мудрый боярин по имени Творимир [по Никоновской летописи Андрей Станиславич], предсказавший Всеволодовичей о силе Мстислава и о

превратностях военного решения споров. Только последовать тем советам никто не пожелал. Напротив, Всеволодовичи дали указания своим воинам: “Человека кто имеет живаго, тотъ самъ будетъ убитъ”. Тех неприятелей, кто сумеет ускользнуть с поля сражения, Всеволодовичи велели “вешати или распинати”. А чтобы воины вовсе отбросили смущение, добавили: “Аще и золотомъ шито оплечье будет, то убей, да не оставимъ ни единого живаго”. Не забыли князья пообещать ратникам добычу “вамъ же будутъ брони, кони и порты”, пояснив, что сам пришел им “товаръ въ руки”. Но оказался товар сильно горяч.

Всеволодовичи загодя поделили Русь, ибо сомнений в исходе предстоящей битвы у них не было. Киев решили дать Ольговичам, Ростов Юрий Всеволодович брал себе, а Новгород отдавал брату Ярославу. Смоленск прочили меньшей братии. Вспомнили и о далеком Галиче, да решили упрямиться с ним позже, как бог даст. Написали Всеволодовичи грамоту, закреплявшую раздел.

Наконец, Всеволодовичи велели младшему Святославу сообщить неприятелю о месте сражения. Это было широкое поле над речкой Липицей.

Мстислав Мстиславович со своими силами ночью под пеньем труб выступил из лагеря и стал на месте, называемом “Юрьева гора”. А через ручей “Тунегъ” Юрий и Ярослав Всеволодовичи с полками заняли гору “Авдова”. Место было защищено “плетнемъ и насовано колья”. Воины Всеволодовичей ночь простояли за щитами, с тревогой прислушиваясь к реву труб Мстислава.

Неприятели снеслись с гонцами. Мстислав предложил Юрию выйти из укрытия и сразиться в поле либо помириться.

Юрий ни того, ни другого не желал, но пригласил Мстислава поступить к нему самому, говоря: “Пойдите убо чрезъ болонье и чрезъ дебрь сию”.

Мстислав пустил к укреплениям неприятеля молодежь. Сражались до вечера, но победы ни одна из сторон не добилась. На рассвете следующего дня Мстислав решил выступить к Владимиру на Клязьме, да Константин Всеволодович отговорил, сославшись на то, что неприятель в тылу весьма опасен. Тогда Мстислав начал готовиться к серьезному сражению и вместе с братом, новгородцами и псковичами занял центр. По крыльям стали Константин Всеволодович и Владимир Рюрикович Смоленский.

Новгородцы слезли с коней и заявили Мстиславу, что, как отцы их бились на “Кулачьске” [р. Коллакша], так и они сразятся. Слезли с коней и смоляне. Их воевода Ивор “въ дебри” потерял своего коня.

Началось сражение. Смешались дебри, колья, плетень, люди, копы, щиты, княжеские стяги. Слышны были удары металла о металл и глухое уханье воинов. Скоро стали слышны стоны раненых и хрип умирающих. Страшная битва начала собирать кровавую жатву.

Князь Мстислав имел в руке топор с “проворозою” [с петель] и трижды верхом проехал полки

Всеволодовичей “секущи людье”. Следом за Мстиславом прорубался его брат Владимир. В помощь Мстиславу от Константина Всеволодовича подошел витязь “Александр Попович” [по Никоновской летописи]. Мстислав против того возразил, да Попович ответил князю: “Егда убо ты глава убиен будеши, камо дети”. С Поповичем в сражение вступили его слуга Тороп, Добрыня Резанич Златый Пояс и Нефедий Дикун.

Ярослав Всеволодович в битве стоял с бродниками, муромцами и с воинами из Городца на Волге, сражаясь с полком Владимира Рюриковича Смоленского. И бились они на одном крыле. В центре Мстиславу Мстиславовичу, новгородцам и псковичам противостоял Юрий Всеволодович. Меньшие Всеволодовичи на противоположном крыле дрались со старшим братом Константином Всеволодовичем и его ростовской дружиной.

В сражении наступил перелом. Полк Юрия Всеволодовича не выдержал удара обозленных зимней голодовкой, сбросивших сапоги новгородцев. Строй дрогнул, и воины побежали. Увидев, что центр бежит, воины Ярослава Всеволодовича “вергше кии [копья, дубины], а инии топоры”, смешали ряды, отступили назад и побежали. Тут подсекли стяг Ярослава. Подоспел Ивор со смолянами и подсек второй стяг Ярослава.

Если у новгородцев в битве интерес был не в корысти, а в мести за изуверскую хлебную блокаду и они гнали неприятеля сколько могли, то смоляне кинулись на “товарь” бежавших, “одираху мертвья”.

В оцепеневшем от ужаса городе Юрьеве-Польском народ слышал крики множества раненых. Многие из бежавших утонули в реке [Липице].

Мстислав Мстиславович потерял в сражении пятьсот пятьдесят воинов “кроме пешцевъ” [по Воскресенской летописи лишь пятеро убитых, что мало вероятно]. У Всеволодовичей погибло семнадцать тысяч двести воинов “кроме пешцевъ” [выходит дело, всадников].

Среди новгородцев называют павшими “Дмитра Плесковичина, Антона котелника, Ивана Прибышница опоньника, а в загоне Иванка Поповица, Сьмьюна Петриловица, Тьрьскаго данника”. Особенно Мстислав оплакивал “сильных зело Иева Поповича и слугу его Нестора, вельми храбрых”.

Ярослав Всеволодович в одиночестве примчался в Переяславль Залесский на пятом коне. Четыре коня под князем пали. В городе Ярослав похватал новгородцев и смолян “иже бяху зашли гостьбою” [купцов] и, приказав бросить их в погреб и гридницу, “издуши их”, сто пятьдесят душ, а смолян пятнадцать человек “не изомроша”.

Юрий Всеволодович примчался к стенам Владимира на Клязьме в полдень несчастного дня сражения [или следующего после 21 апреля] на четвертом коне также в одиночестве. Князь был в одной сорочке и выбросил из-под седла “войлочный подклад”.

Горожане решили, что это гонец с вестью о победе, да скоро услышали голос князя, кричавшего,

чтобы укрепляли город. К ночи к воротам города стали подходить и подъезжать раненые и невредимые воины, бросившие по пути оружие. Наутро следующего дня Юрий Всеволодович собрал горожан и начал их призывать к обороне Владимира. Горожане ответили, что ни сил, ни оружия не имеют.

Мстислав Мстиславович сутки простоял на Липицком поле и сделал это нарочно, щадя бежавших. Спустя два дня стяг Мстислава увидели со стен Владимира на Клязьме. В наступившей ночи новгородцы и смоляне увидели, что в городе занялось зарено пожара. Новгородцы собрались ворваться в город, Мстислав, зная, что это означает, не пустил. Не пустил в город смолян и их князь Владимир Рюрикович.

На третий день Юрий Всеволодович с двумя юными сыновьями приехал в лагерь Мстислава и сдался на его милость.

Во Владимире на Клязьме сел старший в Большом Гнезде Константин Всеволодович. Князья встретили духовенство и горожане, и Константин одарил их чем мог. А Юрий, коря брата Ярослава в своих несчастьях, сел с княгиней в ладью и водами Клязьмы поплыл в Городец на Волге. Тот город еще называли Радилон. Последовал за князем на Волгу и епископ Симеон, первый владыка созданной Юрием в 1215 г. епархии Владимирской и Суздальской.

Осенью 1217 г. Константин вернул из Городца Юрия, дал ему Суздаль и, водя ко кресту, одарил дарами. 11 сентября 1217 г. Юрий Всеволодович въехал в ворота Суздаля. Константин провозгласил Юрия своим преемником и надеялся, что Юрий не обидит его собственных детей.

Из Владимира на Клязьме Мстислав Мстиславович пошел к Переяславлю Залесскому. В пятницу на третью неделю после пасхи князь стал на берегу Плещеева озера. А во вторник на четвертой после пасхи недели из Переяславля вышел Ярослав Всеволодович и “ударил челомъ” Константину. Мстислав близко к городу не подошел, но забрал от Ярослава свою дочь. Ярослав просил княгиню оставить, но Мстислав увез ее в Новгород, да еще освободил всех задержанных ранее новгородцев.

Из Новгорода деятельный, мужественный Мстислав поехал в Киев. В Новгороде остались его сын Василий и дочь, супруга Ярослава Всеволодовича. В Южную Русь Мстислав взял “Гюргия Иванковица, Сбыслова Степаница, Ольку Путиловица”.

Зимой 1217 — 1218 гг. Владимир Мстиславович Псковский пошел походом в хорошо ему знакомую Ливонию. Пока Мстиславовичи бились с потомками Долгорукого на Липицком поле, литовцы завоевали села в Шелоньской пятине Новгорода, а германские рыцари укрепились в Оденпе.

Владимир Мстиславович привел под замковую гору Оденпе около двадцати тысяч воинов. Среди его союзников была и чудь (эсты), терпевшая от рыцарей притеснения. Оденпе был взят в осаду, и скоро сидевшие в нем люди стали терпеть сильные лишения из-за недостатка воды и пищи. В реку по-

имковой горой осаждавшие бросали тела погибших, дабы из нее нельзя было брать воду.

В один из тех дней рыцари совершили вылазку и добрались до обозов Владимира Мстиславовича, но скоро с уроном вынуждены были вернуться в замок.

Наконец, орден в лице сидевшего в замке магистра Вольквина запросил у Владимира мира. Князь получил в заложники своего тестя Дитриха (брата епископа Риги), хотел увезти его в Псков, да не дали новгородцы и отвели его в свой город. Так оно было и ранее.

Рыцарей выпустили из Оденпе, отобрав у них семьсот лошадей.

Скоро из Киева в новгородские земли возвратился Мстислав Мстиславович. Дела требовали вмешательства князя. Мстислав заковал “Станимира Дьрновица съ сыномъ Нездилюю”. В 1218 г. Мстислав посетил Торжок и схватил там “Борислава Некуришница”. Русский север умиротворился, издоимцы и разбойники притихли и до времени затаились.

Но тут случилось несчастье. Господь отнял у Мстислава единственного сына Василия. Из Торжка в Новгород юношу привезли мертвым и упокоили в св. Софии, в головах у деда Мстислава Ростиславовича Храброго.

В Новгороде Мстислав Мстиславович объявил о своем намерении ехать в Южную Русь освобождать от иноплеменников Галич. И просил князь похоронить его в св. Софии. Новгородцы горевали, но удержать князя не смогли.

18.3. Трагедия рязанских князей

Мы же, прежде чем описывать дела Западной Руси, коснемся еще одного события 1217 г., происшедшего в рязанских землях.

Выпущенные на свободу после кончины Всеволода Юрьевича рязанские князья мирно ужиться не сумели.

Глеб и Константин Всеволодовичи задумали уничтожить братьев. Съехались рязанские князья на “Исадех” [у Рязани есть село Исады] на “порядь”.

Глеб Владимирович стал звать братию в свой шатер на пир. Князья Изяслав Владимирович, Кир-Михаил Всеволодович Пронский, Ростислав Свято-Славович, Роман Игоревич, Святослав и Глеб с боярами и слугами без боязни в шатер пришли. На пышный пир опоздал лишь один из приглашенных князей рязанских Ингвар Игоревич.

Глеб Владимирович в стоявшем неподалеку шатре “в польстници” скрыл своих слуг, половцев и много из дядьев во всеоружии.

Как только начали князья с боярами пить и веселиться, Глеб Владимирович выхватил меч и с сидевшими в засаде порубил всех приглашенных.

Случилось это злодеяние 20 июня 1217 г.

18.4. Западная Русь 1214 — 1223 гг.

Однако вновь вернемся к событиям, происходившим в Западной Руси. После того как в очередной раз вдова Романа, уstraшенная боярами, с сыном Даниилом бежала из Галича в Венгрию, а второго сына Василия с боярином Мирославом отправила в Белз, в дела Западной Руси вмешался польский князь Лешко.

Этот князь подошел к Белзу и посадил в том городе своего тестя Александра Всеволодовича [двоюродного брата Даниила и Василия]. Василий уехал из Белза в Каменец. За ним последовали все бояре, еще помнившие эпоху Романа Мстиславовича и с интересом наблюдавшие черты могучего князя в его подраставших сыновьях.

Галич удерживал Мстислав Ярославович Немый [двоюродный брат Романа Мстиславовича].

А при дворе Андрея Венгерского находился хорошо нам знакомый честолюбивый боярин Володислав. Этот боярин сумел убедить короля в выгодах взаимной дружбы и был отпущен из заточения. Более того, когда Андрей выступил с войском в поход, дабы изгнать из Галича Мстислава Ярославовича Немого, боярин Володислав был отправлен вперед. Видно, Андрей либо исполнился доверием к Володиславу, либо имел на него виды, как на возможного наместника, способного умиротворить Галицию и удержать ее под венгерским влиянием. И случилось непредвиденное. Когда Андрей остановился в монастыре “Лелесове”, Венгрия охватило восстание. Противные королю феодалы убили супругу Андрея Гертруду. Шурина короля едва спасся. В то время в Венгрии “мнози немци избити быша”. Тут уж Андрею было не до похода на Галич. А боярин Володислав поехал к Галичу, из которого, узнав о походе венгров, бежал Мстислав Ярославович Немый.

Вдова Романа, видя, что в Галиче сел Володислав, и потеряв надежду на венгерскую помощь, с Даниилом поехала в Польшу. Андрей дал на это свое разрешение, а Лешко принял княгиню с великой почестью. В Польше княгиня пробыла недолго и вскоре с Даниилом уехала в Каменец к сыну Василию. В том городе Романовну “бояре вси сретоша и с великою радостью”.

Все те события происходили до 1214 г. Лешко Польский взял из Каменца Даниила, из Владимира-Волынского Александра Всеволодовича, а из Белза Всеволода [Ярославовича] с их боярами и воинами и двинулся к Галичу. В походе Лешко, смотря на многочисленных бояр, окружавших юного Даниила и некогда служивших его отцу, понял, на кого в Западной Руси следует делать ставку.

Боярин Володислав оставил в Галиче своих братьев “Ярополку и Яволодоу”, сам же с венграми, чехами и галичанами подошел на реку “Бобръкоу”. Там его ожидал Лешко. Началось сражение. От Даниила Романовича на рать устремились “Мирослав и Дьмян”. От князя Мстислава Ярославовича Немого [также примкнувшего к Лешку Польскому],

пришедшего из Пересопницы, в сражение пошли “Глебъ Зеремеевич и Пркопича Юрья”. Дрались жестоко, но, в конце концов, “одолеша Ляхове и Роусь”. Боярин Володислав, потеряв множество воинов, бежал. Лешко не сумел завладеть Галичем, и дабы поход его не был напрасным, а казна не оскудела, пошел воевать вокруг галицких городов “Теребовля и около Моклекова и Збыража и Быковень”. Позаботился Лешко и о юных Данииле и Васильке. Им добыли города “Тихомль и Перемиль”, отняв у Александра Всеволодовича. Но Александр [недаром он был тестем Лешка] продолжал удерживать одну из двух главных жемчужин Западной Руси — Владимир-Волынский. Даниил и Василий не переставали вспоминать о городе, некогда принадлежавшем их отцу, но вернуть его не имели сил, ибо были очень молоды. Когда Андрей Венгерский оправился от восстания и смут в собственном королевстве, он решил вернуться к активной политике в Галиции и выступил против Лешка Польского.

Лешко отправил к Андрею послов “Лесьтича и Пакослава воеводу”. Предложения поляков Андрею были таковы: не “лепо” боярину Володиславу сидеть за князя в Галиче и не лучше ли выдать дочь Лешка за сына венгерского короля, за Коломана, и их посадить в Галич? Андрею предложение понравилось. Он встретился с Лешком в “Зьпиши”, и там повенчали польскую принцессу и венгерского принца.

Боярин Володислав в Галиче был схвачен, заточен и вскоре умер, лишний раз доказав своим несчастным примером сомнительные преимущества служения иностранцам, пусть и в собственных интересах. Более того, сама память о Володиславе возненавидели в его собственном отечестве. Боярин “нашедь зло племени своему и детемъ своимъ княжения дела”. Русские князья, от которых бояре весьма зависели, если не сказать более, “не призрахоу дети его”. Это значит, что потомков Володислава оставили без земли и без службы.

Так в 1214 г. в Галиче водворился венгерский принц Коломан с юной полькой Саломеей [есть свидетельство, что Саломее при венчании не было и трех лет]. Но скоро союзники поссорились. Андрей отнял у Лешка доставшийся полякам ранее [по согласию] Перемышль.

Польский воевода Пакослав за хлопоты на дипломатической ниве получил от монархов город “Любечевъ”, и до него венграм дела не было. Перемышль, напротив, был подобен узлу, стягивавшему торговые нити Восточной и Центральной Европы воедино, и был слишком лакомым куском, чтобы не соблазнить Андрея.

Тем временем Даниил и Василько подрастали, и Лешко вывел из Владимира-Волынского своего тестя Александра Всеволодовича и дал столицу Волыни сыновьям Романа. Так советовал Лешку и благоволивший к Романовичам воевода Пакослав.

Когда Лешко узнал, что Перемышль более ему не принадлежит, он “сжалися о срамоте своей” и

отправил гонца к Мстиславу Мстиславовичу в Новгород, приглашая князя в Галич.

Были причины к смущению и у галичан. Венгры галицкого “епископа и Попы изгна изъ церькви, и свои Попы приведе Латынские на службу”. В 1214 г. Коломан обменялся посланиями с папой Иннокентием III, заверяя того, что галичане не прочь стать под руку святого престола, но просят сохранить служение на славянском языке и не отменять обрядов древних. Гонение на православное духовенство началось после того, как епископ краковский Кадлубек [по иным данным гранский или стригонский архиепископ] обвенчал в Галиче Коломана и Саломею.

В 1219 г. Мстислав Мстиславович выступил из Киева к Галичу. В Киеве сидел Владимир Рюрикович. Этот двоюродный брат Мстислава вполне мог сопровождать князя до Галича.

Когда о походе стало известно в Галиче, из города от сидевшего в нем боярина Судислава во Владимир-Волынский к Даниилу Романовичу отправили гонца, приглашая князя занять Галич. Даниил мудро воздержался от этого шага.

Скоро из ворот галицкого детинца, погоняя лошадей, выехал печально известный венгерский синовник “Бенедиктъ Лысы” с боярином “Соудсиномъ”. А галичане уже высматривали стяги русского князя Мстислава Мстиславовича. Думаю мало радости было в тот день у венгерских и польских чиновников.

В Галич к Мстиславу из Владимира-Волынского приехал Даниил и взял у князя замуж дочь Анну. Впоследствии Анна Мстиславовна родила Даниилу много детей.

Даниил Романович пожаловался Мстиславу на Лешка, говоря, что он держит его вотчину. Мстислав помощи не дал, и Даниил с братом Василием сам поехал в города, некогда принадлежавшие отцу “Берестий. и Оугровескъ. и Верещинъ и Столпъ Коломовъ. и всю Оукраиноу” [то есть Украину Волыни]. Лешко, считавший, что дети Романа ему многим обязаны, узнав о том, страшно разгневался на Даниила.

Весной 1220 г. поляки стали воевать по берегам верховой Западного Буга. Даниил против поляков выслал “Гаврила Доушиловича. и Семена Олоцевича Василка Гавриловича”. Вероятно, это были старые бояре Романа Мстиславовича, никого на свете давно не боявшиеся. Бились с поляками до “Соухи Дорогви”. У волынян пал один воин “Клими Хрстьиничъ”. Крест его, вероятно каменный, был установлен на “Соухи Дорогви”. Поляков весной многих побили и гнали до реки “Вепря”.

Лешко решил бороться не с Даниилом, а с Мстиславом и не собственными силами. Лешко отправил послов в Венгрию к Андрею, призывая короля выступить к Галичу. Уговаривать Андрея не пришлось, тем более, что Лешко от доли в Галиции отказывался в пользу своего зятя принца Коломана, изгнанного Мстиславом.

Осенью 1220 г. силы Лешка с полками венгров объединились под Перемышлем. Сидевший в городе тысяцкий “Яронови” бежал. Мстислав послал навстречу неприятелю к “Городкоу” бояр “Дмитра Мирослава Михалка Глебовича”. В Городце сидели люди галицкого боярина Судислава, и город от Мстислава отвернулся.

К Городцу подступил Дмитр-Мирослав и завязал с горожанами сражение. Скоро подошли поляки и венгры, и Дмитр бежал от Городца. Под стенами Городца из лука был застрелен “Василь дьякъ рекомыи Молза”. Убили и “Михалка же Скоулоу”. Боярину отсекали голову “на Щиреце” и сняли с тела три золотые цепи. Голову Михалка принесли Коломану.

Венгры и поляки в 1220 г. не могли представить, что Галиция может ускользнуть из их рук, и глумились над русскими, как над беглыми рабами.

Мстислав в эту пору стоял на “Зоубрьи” [река Зубря течет от Львова к Днестру]. Сюда примчался растерявший людей Дмитр. Выслушав боярина, Мстислав понял, что сил для борьбы недостаточно, и попросил Даниила и Александра Всеволодовичей укрыться в Галиче. Даниил сел в детинце Галича, а Александр не решился, видимо, понимая, что Галич принадлежать ему никогда не будет.

В это время вдова Романа приняла монашеский постриг, видимо, стремясь защитить юного сына Даниила.

Вскоре венгерские и польские полки подошли к Галичу. Стали биться на “Кровавомъ бродоу”. Выпал снег. Брод русь оставила, и Коломан двинулся на Мстислава за “Рогожиноу”. Отступая, Мстислав послал в Галич, веля сказать Даниилу, чтоб город оставил. Даниил выехал из Галича с “Дмитромъ” тысяцким и с “Глебомъ Зеремеевичемъ и со Мирославомъ”. Когда Даниил стоял против “Толмачю”, его нагнал “неверный Витовичъ Володиславъ” [уж не сын ли покойного Володислава?]. У боярина отобрали коня, а самого прогнали.

Шедшего от Галича к Владимиру-Волынскому Даниила преследовал неприятель. Иногда по целому дню приходилось биться, а подчас и устремляться “на бегъ”. Однажды ночью Даниил и его боярин “Глебъ Зеремеевичъ” сражались до рассвета и схватили “Яньца”.

Утром князя нагнал “Глебъ Васильевичъ”. Даниил развернулся и погнал того боярина “дале поприца”. Ушел Глеб лишь “борзости ради коньское”.

Когда Даниил пришел “Оноуть”, люди князя сильно страдали от голода. Ехать из Галича пришлось спешно и без обоза. Неожиданно на глаза князя и его дружины попали груженные провизией возы, шедшие к “Плавоу”. Возы захватили, и люди наелись. Скоро отряд Даниила подошел к берегу Днестра ниже “Коучелемина”. Стали думать, как переправляться на другой берег реки. Поздняя осень 1220 г. остудила воду, и возможность перейти реку вброд казалась маловероятной.

Люди Даниила увидели плывущие по Днестру ладьи. Плыли ладьи из устья Днепра из “Олешья”,

с торга, где некогда процветал греческий город Ольвия. Ладьи остановили и переправились на них через Днестр, вволю насытившись “рыбъ и вина”.

Даниил встретился со своим тестем Мстиславом. Князь, выслушав рассказ о походе зятя, похвалил юношу и, расчувствовавшись, преподнес Даниилу среди прочих даров “конь свои борзый сивый”. Расставаясь, Мстислав сказал Даниилу, чтобы шел во Владимир-Волынский. А Мстислав собрался ехать за половцами “мьстиве сорома” венграм и полякам.

В 1221 г. Волынь и тяготевшие к ней земли в верховьях Немана [город Гродно и пр.] установили дипломатические отношения с все более крепшей и сохранявшей язычество Литвой. К вдове Романа и ее сыновьям Даниилу и Василию литовские князья прислали послов для заключения мира.

Западнорусский летописец привел имена литовских князей первой четверти XIII в.: “Живинъ боудъ. Давъятъ. Довъспрункъ. брат его Мидогъ. брат Довъяловъ. Виликаиль”. А вот “Жемотьскыи кнзя Ерьдивиль. Выкыить. а Роушковичевъ. Кинтибоуть. Вонибоут. Боутовить. Вижеикъ. и снь его Вишили. Китении. Пликосова. и се Боулевичи. Вишимоут”.

Поляки не перестали беспокоить западные рубежи Волыни. Кончилось тем, что Волынь навела на Польшу литовцев, которые немало повоевали за Западным Бугом.

Тем временем сидевший в Белзе Александр Всеволодович принял сторону Лешка, своего зятя, и помирился с венграми. Даниилу и Василию можно было надеяться только на Мстислава Мстиславовича. В 1221 г. Мстислав выступил в новый поход на Галич. Навстречу Мстиславу вышел венгерский воевода “Фила древле пригордци”, надевшийся “обяти землю. потребити море”. С Филей шли венгры, поляки и некоторые из галицких бояр: Соудислав [тесть Фила], Лазарь и иные. Многие из галичей разбежались. Остался в Галиче Коломан.

Одновременно выступил Лешко Польский к “Щекаревоу” на Даниила Романовича, тем самым “бороня” [мешая] идти на помощь Мстиславу.

К Щекареву подъехал и брат Лешка Конрад, владевший Мазовией [провинция на северо-востоке Польши]. Мазовецкий князь имел с Волынью общую границу и, обеспокоенный набегами литовцев, постарался помирить Лешка с Даниилом. Конрад, зная намерение брата, отсоветовал Даниилу ехать в стан к Лешку и, кто знает, быть может, тем спас жизнь юному и еще простосердечному князю.

Утром на “каноунъ стои Бци” полки Мстислава вступили в сражение с венграми и поляками. С Мстиславом подошли половцы, “и быс брань тяжка”. Наконец, венгры и поляки дрогнули и побежали. Началось преследование и избивание. Прегордый воевода Фила был схвачен “паробкомъ Добрынинымъ”.

Мстислав подъехал к Галичу и копьем ударил в ворота города. С Коломаном закрылись “Ивань Лекинъ и Дмитръ”. Оборонявшиеся по веревкам

забрались на закомары собора пресвятой Богородицы и оставили лошадей под стенами храма.

Собор заранее превратили в крепость. На его крыше был “градъ сътворень”. С крыши собора оборонявшиеся метали камни и стреляли из луков. Но жажда сделала свое дело.

В Галич к Мстиславу с малой дружиной приехал Даниил с “Демьяномъ тысячкымъ”. Пока князья целовались и поздравляли друг друга, повсюду в Галиции били венгров и поляков. Многих из иноплемеников перетопили в реках, а иных “смерды избьени”.

К Мстиславу привели боярина “Соудислава”, тества Фили. Видимо, галицкое боярство вслед за западнорусскими князьями стало рано завязывать брачные узы со знатью Центральной Европы. Князь Мстислав был мудр и зря кровь лить не любил. Боярин, поняв, что казнить его не станут, обнял ноги князя, “обещая работе быти емоу”. Мстислав словам поверил и дал “Соудиславу” город “Звенигородъ”.

В руки Мстислава попал и Коломан. Андрей отправил к Мстиславу придворного Яроша, дабы он уговорил князя отпустить Коломана и иных венгерских пленников, пригрозив войной. Мстислав угрозу проигнорировал. Но в дело вмешались галицкие бояре. Они не хотели видеть в Галиче ни Мстислава, ни Даниила. Боярам более по нраву были венгры. Глебу Зеремеевичу и знакомому нам “Соудиславу” удалось убедить Мстислава, что, передай он Галич Даниилу, не видать ему [Мстиславу] Галиции во веки веков. Совсем другое дело, по мнению бояр, венгры. Будет Мстиславу нужно — он их вмиг выгонит. Простые галичане хотели иметь князем Даниила, только их никто не спрашивал.

Дело кончилось тем, что Мстислав отдал одну из дочерей за сына Андрея Венгерского, также носившего имя Андрей. А так как жених и невеста были уж очень молоды, свадьбу с 1221 г. решили отложить до 1224 г. Именно в 1224 г. в Галиче должен был водвориться венгерский принц, бывший зятем Мстислава. Но вместо этого произошла новая война, и речь об этом впереди. А пока Мстислав отдал венгерскому принцу Перемышль, отобрав город у Лешка.

Сидевший в Белзе Александр Всеволодович до событий 1221 г. принял сторону Андрея, Лешка и сидевшего в Галиче Фили. После изгнания венгров из Галича и набегов литовцев на Польшу Лешко заключил мир с Даниилом и Васильком Романовичами и с их послами и боярами “Дръжиславомъ Абрамовичемъ. и Творианомъ Вѣтиховичемъ”. А Даниил и Василий помирились с “Демьяномъ тысячкымъ”. В результате Лешко от союза с Александром Всеволодовичем отрекся.

В одну из субботних ночей 1221 г. Даниил и Василий не оставили вокруг Белза “камень на камени”. В том году Александр заключил мир с Даниилом Романовичем.

Между 1221 г. и 1223 г. Даниил основал и отстроил город Холм, к западу от верховий Западного

Буга. В городе Даниил основал епископию и поставил во главе ее владыку Асафа, ранее возглавлявшего кафедру во Владимире-Волынском. На Волыни Даниил поставил епископом Ивана “от клироса” наменного собора пресвятой Богородицы.

18.5. Северная и Северо-Восточная Русь 1217 — 1220 гг.

Взяв верх в споре князей Большого Гнезда [1217 г.] старший из братьев Константин Всеволодович в дела соседей не вмешивался, а стремился более обустроить свои земли.

В мае 1218 г. во Владимире на Клязьме “на торговщи” князь заложил каменный храм в честь “Въздвиженъ” креста честного. 14 сентября 1218 г. церковь была “свершена” и освящена. Следует удивиться быстроте и искусству русских мастеров, в один сезон возводивших каменный храм. Имели мастера лишь веревки-ужи, лошадей с возами, да собственные головы и руки. В 1218 г. у Юрия Всеволодовича, сидевшего в Суздале, родился сын. В 1218 г. во Владимир на Клязьме из занятой крестоносцами Византии приехал полоцкий епископ с множеством христианских святынь. Князь Константин привезенные святыни установил в монастыре Вознесения против Золотых Ворот и, отпев в Успенском соборе заутреню, с сыновьями, боярами и духовенством пошел крестным ходом от выстроенного отцом храма св. Дмитрия через весь город с пением и молитвами.

В Ростове 25 августа 1218 г. епископ Кирил освятил церковь во имя св. Бориса и Глеба. При этом присутствовали князь Константин с сыновьями Васильком, Всеволодом и Владимиром со всеми боярами. После службы устроили пир, и князь rozdal милостыню.

В 1218 г. во Владимир на Клязьме из половецкой плена вернулся упоминавшийся ранее Владимир Всеволодович. Князю дали город Стародуб на Клязьме.

Константин был молод, тридцати лет от роду, видимо, хворал и, предчувствуя скорую кончину, заранее позаботился об уделах сыновей. Василька князь посадил в Ростов, а Всеволода — в Ярославль. Старшинство Константин завещал Юрию шедшему вторым по рождению. Константин надеялся, что Юрий, помня проявленное к нему великодушие, не обидит племянников.

2 февраля 1218 г. Константин Всеволодович скончался. Во Владимир на Клязьме съехался Юрий, Ярослав и младшая братия “и плакоша на нем вельим акы по оци”.

Константина положили в Успенском соборе. Княгиня его над гробом постриглась в монахиню и именем Агафья. Монахиня ненадолго пережила супруга и 24 января 1220 г. была погребена в церкви пресвятой Богородицы в Ростове.

Во Владимире на Клязьме сел Юрий Всеволодович. Князь продолжил церковное строительство,

В 1219 г. в одном из столичных монастырей епископом Симеоном была освящена церковь в честь пресвятой Богородицы.

В 1219 г. продолжилось кровавое разбирательство среди рязанских князей. Глеб Владимирович, перебравший в Исадах братьев, был вынужден бежать в степь, ибо поступок его на Руси прощен не был. В Старой Рязани сел отсутствовавший на королевском пиру Ингвар Игоревич, племянник Глеба.

Глеб Владимирович привел в рязанские земли половцев. Из Старой Рязани выступил Ингвар с полемшей братией и в сражении одолел Глеба. Перебили множество половцев, а Глеб едва “оуте-Более на Руси Глеб Владимирович не появлял-ся”.

В 1219 г. у Ярослава Всеволодовича родился первенец, нареченный Федором.

Непросто у Владимирской Руси складывались отношения с Волжской Булгарией. В 1219 г. болгары овладели городом Устюг Великий, стоящим над рекой Сухоней при устье реки Юг. Пытались болгары, но без успеха, захватить и Унжу, городок на реке [приток Волги]. Возможно, набегу болгар на пушнинной районы севера толкнули Всеволодовичей на поход 1220 г. Юрий Всеволодович в поход отправил брата Святослава и дал ему свой полк с воеводой Еремеем Глебовичем. Из Переяславля Залесского выступили полки Ярослава. В Ростове к Васильку Константиновичу Юрий послал сказать, чтобы он выставил полк. В поход шли ростовские князья Святослав Давидович и Всеволод Ярославич. С берегов Сухоны, от Устюга Великого к реке двинулись пострадавшие от набегу устюжане.

Силы князей объединились при устье Оки. Князья пребывали “въ насадехъ и въ лодияхъ”. Они шли спускаться вниз по Волге. На “Исадехъ”, напротив города болгар “Ошель”, вышли на берег.

15 июня 1220 г. Святослав Всеволодович снарядил полки. Сам с муромскими князьями стал в центре, ростовцев поставил справа, переяславцев — слева. Полки пошли от берега через лес на поле. Тут увидели конные болгары со своим князем. Болгары выжили по стреле и умчались. Святослав подошел к городу. Болгары стали биться из-за “заткания” на реку. Русь подожгла деревянные укрепления города, но, оказавшись в дыму, отступила от вала. Город “Ошель” был взят и сожжен.

Когда Святослав с полками вернулся к людям, началась буря с дождем. Ветер был так силен, что опрокинул суда. Святослав отвел ладьи за речной повои, в “заветрие”, и войско “облеже” на ночь. Утром полки сели по ладьям и, ударив веслами, поплыли вверх по Волге. Тем временем к “Исадамъ” начали подходить болгары. Святослав, увидев неприятеля, велел своим воинам облачиться в брони и “наволочите”. Музыканты взялись за бубны, трубы и сопели [сурны]. Болгары шли берегом следом вслед за ладьями.

При устье Камы [значит, “Ошель” стоял ниже устья Камы] Святослав остановился и скоро увидел приближавшихся водами и берегами Камы устюжан,

боярина Воислава Добрынича и ростовцев с большим полоном.

До Городца на Волге Святослав Всеволодович шел в ладьях. Далее князь поехал “конехъ”. Юрий вышел встречать брата к Боголюбову на реку “Сурамль”. Святослав преподнес Юрию дары и поехал в свой город Юрьев-Польский.

А в Киеве 19 августа 1220 г. скончался митрополит Матфей.

18.6. Северная Русь 1218 — 1224 гг.

1 августа 1218 г. в Новгород из Смоленска приехал Святослав Мстиславович, двоюродный племянник Святослава Мстиславовича. Князь не умел приспособиться к норову новгородцев, и стихия народных волнений расходилась не на шутку.

Началось с того, что зимой из Новгорода побегал некий “Матей Душильцевичъ”, связав при этом некоего “Моисения Бирици Ябедничи”. В этом усмотрели нарушение закона. Бежавшего догнали, и посадник “Твърдиславъ” выдал Матея на суд Святославу Мстиславовичу на Городище. Ревностное исполнение закона посадником вызвало неудовольствие у новгородцев. Ночью зазвонили у св. Николы Онополовици. Заволновались жители Неревского конца. Заходили горожане “копяче людье на Твърдислава”. Утром 27 января 1219 г., узнав о волнении в Новгороде, князь отпустил Матея. Только пользы не было: “Онополовици изодетии въ бръняхъ” и “Неревляне” выступили во всеоружии. Навстречу им шел посадник Твердислав с “Людиномъ концемъ и съ Прусы”.

У городских ворот началась сеча. Люди Твердислава побегали, переметав за собой мост. “Онополовици” переехали реку в лодьях и начали преследовать бежавших. Тогда “убиша мужъ прусъ, а концянъ” [жителя Людина конца]. Убили “Ивана Душильцевича”, брата Матея. В Неревском конце побили “Кснятина Прокопииница” и шестерых иных мужей. С обеих сторон было много раненых.

Когда волнения улеглись, Святослав Мстиславович на вече уведомил новгородцев, что отстраняет посадника Твердислава. Тут горожане вступились за посадника, которого ранее едва не убили. Скоро князь понял, что логика в данном случае не поможет и следует полагаться на интуицию.

Скоро князь уехал в Южную Русь. На его место в Городище под Новгородом приехал младший брат Всеволод Мстиславович. Дело в том, что в Киеве сидел Мстислав Романович, и именно его детей новгородцы считали необходимым держать у себя князьями.

Княжение Всеволода Мстиславовича также нельзя назвать спокойным. Зимой 1219 г. “Семьонъ Еминъ” с новгородцами пошел в “Тоймокары” [окрестности рек нижней и верхней Тоймы, созвучно и названию города Тотьма]. Дорогу новгородцам перегородили ладьи Юрия и Ярослава Всеволодовичей.

“Семьонъ Емин” вернулся на Волхов в ладьях и раскинул под Новгородом шатры. А в городе распространился слух, что посадник Твердислав и княжеский тысяцкий Якун тайно снеслись с Юрием и Ярославом и уведомили князей, дабы они не пустили через свои земли [район Белого озера и Вологды] на Северную Двину новгородцев. Горожане переизбрали посадника.

Зимой 1219 г. Всеволод Мстиславович с новгородцами ходил в поход в Прибалтику, к “Пертуеву” [быть может, Пярну]. В сражении с германцами, литвой и ливью [ливами] новгородцы одержали победу.

Вскоре после похода на Пертуев новгородцы восстановили в должности посадника Твердислава.

В 1220 г. Всеволод Мстиславович по своим делам ездил в Смоленск. Зимой князь из Смоленска приехал в Торжок, и тут Всеволод прогневался на посадника Твердислава “безъ вины”. В Новгороде за Твердислава вступились “Прусь и Людинъ Конецъ и Загородци” и выставили пять полков. Князь решил избежать кровопролития и послал к горожанам владыку Митрофана. Он и помирил Всеволода с Твердиславом.

С епископами в Новгороде также не все было просто. В 1218 г. в Новгород из Владимира на Клязьме пришел ранее изгнанный архиепископ Митрофан. Посадили Митрофана к “св. Богородици Благовещению”. Да только в Новгороде был собственный архиепископ Антоний. Его в 1219 г. горожане проводили в “Тържъкъ”, а Митрофана посадили на двор архиепископа. Это не могло понравиться владыке Антонию, и он вернулся в Новгород и сел в церкви св. Спаса в Нередицах.

Тяжбу разрешил киевский митрополит. Митрофана оставили в Новгороде, а Антония отправили в Перемышль, на запад Руси.

В 1220 г. посадник Твердислав занемог. Посадничество передали “Иванко Дмитровицю”. Твердислав, проболев семь недель, тайно от родных ушел к св. Богородице в “Аркажъ” монастырь. 8 февраля 1221 г. Твердислав постригся. В то же время приняла постриг и супруга Твердислава у св. Варвары.

В 1222 г. [в 1221 г. по Лаврентьевской летописи] новгородцы послали владыку Митрофана [смена владык служила прелюдией к смене княжеских фамилий] и посадника Иванка Димитровича во Владимир на Клязьме к Юрию Всеволодовичу.

Юрий дал Новгороду восьмилетнего сына Всеволода и отпустил послов с дарами на Волхов. Так Новгород переориентировался с Киева и Смоленска на ростово-суздальских соседей, чинивших немало трудностей если не в Новом Торге, как прежде, то на Белом озере и на Сухоне. Кроме того, Новгород не мог не замечать роста мощи Ливонии, и противостояние рыцарям требовало наличия сильного союзника.

В летний поход 1222 г. на Ливонию новгородцев и псковичей повел Святослав Всеволодович, организатор похода на болгар. Была опустошена долина реки Аа, разрушены латинские храмы и монастыри.

У города Кес Святослав объединился с литовцами. Привел литовцев сын Владимира Мстиславовича Псковского Ярослав. Кес осадили, но взять не смогли.

Латыши, стремясь отомстить за опустошения, стали разбойничать вокруг Пскова. Осенью псковичи выступили в землю латышей и повоевали ее. Наконец, германцы с ливью и латышами подступили к Новгороду и, разграбив предместья, церкви и спалив несколько сел, отступили восвояси.

Зимой 1221 — 1222 гг. чудь [эсты] дважды вторглась в Ижорскую область. В те годы за земли современной Эстонии вели жестокую борьбу Германия, Дания и Швеция.

В 1218 — 1219 гг. на горе, высящейся над Таллинским заливом, датским королем Вальдмаром II была основана крепость Ревель. Стоявший в том месте замок Линданиссе был разрушен. Вскоре Ревелю пришлось отражать приступ эстов.

В 1220 г. в Эстонии высадился шведский король Иоанн. В замке Леале, в месте, называемом Роталией, Иоанн оставил гарнизон и покинул Эстонию. Эти события не понравились Риге.

Эсты разбили шведов и взяли приступом датскую крепость на Эзеле, восстала едва ли не вся Прибалтика, и гнев ее обратился против германских рыцарей. Эсты и латыши стали убивать и изгонять не просто рыцарей, купцов и духовенство, но они стали повергать христианство, видя в нем олицетворение силы, их порабоцавшей.

В 1222 г. [или в 1223 г.] юный Всеволод Юрьевич ночью тайно покинул княжескую резиденцию под Новгородом и уехал к отцу во Владимир на Клязьме. Новгородцы, забыв прежние обиды, прислали посольство к Ярославу Всеволодовичу в Переяславль-Залесский, приглашая на княжение.

Юрий Всеволодович в 1222 г. был занят в Суздале перестройкой каменного храма, выстроенного Владимиром Мономахом и епископом Ефремом. Здание обрушилось верх, и Юрий практически потерял храм заново.

Ранее, в 1221 г., при устье Оки Юрий заложил Нижний Новгород, главную твердыню Руси на средней Волге.

Водворившись в знакомой резиденции на Городище, Ярослав Всеволодович быстро понял, что звали его на Волхов неспроста. Под Торопцом собралась литва. Ярослав с новгородцами преследовал литву до Усвята, да не догнал.

В 1220 г. литовцы доходили аж до Черниговской волости. Мстиславу Святославовичу, брату Всеволода Чермного, удалось литву догнать, побить, и полон отнять. Но эти вторжения были лишь прологом к вестием грядущего усиления Литвы и ее влияния на земли Западной и Южной Руси.

В 1223 г. Ярослав Всеволодович выступил в поход к Ревелю. Русские называли город Колыванью. Ярослав вел двадцать тысяч воинов. Эсты ожидали прихода русских, ибо сами их о том просили, и стали выдавать Ярославу сидевших в чудских землях германцев. Ворота городов Юрьев и Одемис-

перед русскими распахнулись. Ярослав собрался идти на Ригу, да был от того отговорен, и выступил к Ревелю на датчан. Новгородцы, хотя и воевали с Германией в Прибалтике, с ней же и торговали.

Под Феллином глазам Ярослава предстали ранее оставленные в городе новгородцы, повешенные германцами. Ярослав повоевал область вокруг Феллина, и от гнева князя пострадали ни в чем не повинные местные жители.

Четыре недели Ярослав держал город Ревель в осаде. Датчане защищались мужественно. Наконец, осаду сняли, и Ярослав с новгородцами вернулся на берега Волхова, отягощенный добычей.

В том же 1223 г. Ярослав Всеволодович с княгиней [дочерью Мстислава Мстиславовича] и детьми уехал из Новгорода в Переяславль-Залесский. Новгородцы просили князя остаться, только Ярослав не мог мириться с сидением на Городище и ожиданием вестей с веча. Князь стремился наследовать отцу и меду.

Новгородцы попросили у Юрия Всеволодовича хорошо им знакомого отрока Всеволода, и Юрий позволил увезти сына в городище под Волховом.

В 1224 г. новгородские бояре уступили город Юрьев [Гарту] князю Вячку, изгнанному орденом из города Куkenойсе в низовьях Западной Двины.

Вячко имел две сотни воинов и не только удерживал Юрьев, но и контролировал значительную территорию к западу от Чудского озера, не пуская в лес орден.

Рижский епископ Альберт собрал какие мог силы и выступил с ними к Юрьеву. Город осадили. Новгород не помог, и Юрьев пал. Вячко погиб вместе со своей дружиной. Жизнь сохранили одному судальскому боярину. Ему дали коня, и он возвестил в Новгороде о падении Юрьева. Новгородцы выступили к Юрьеву и в ту пору стояли у Пскова. Город Юрьев был сожжен, и восстанавливать его новгородцы не стали.

В 1224 г. посадник города Старой Русы Федор ушел навстречу совершавшим набег на новгородские земли литовцам.

В завязавшемся сражении литовцы одолели и, убив “Домажира Търлиница” с сыном и “Богшю”, остальных разогнали по лесу.

В 1223 г. Русь впервые столкнулась с монголами, точнее именуемыми татарами. [Заметим, что отождествление двух народов не совсем правильно.] Это событие ознаменовало завершение эпохи сравнительного благоденствия восточных славян, и в дальнейшем им ежегодно пришлось отстаивать свои земли не только от монголов и татар на востоке и юге, но одновременно от германцев, литвы, поляков и венгров на западе. Судьба отпустила восточным славянам несколько столетий на то, чтобы как следует уселиться на Русской равнине и, начиная со второй четверти XIII в., стала испытывать их на прочность. В итоге Русь выстояла и вышла победительницей из всех единоборств, но досталась ей победы большой кровью, горем, слезами, унижением и столетиями жесточайшей борьбы.

18.7. Битва на реке Калке 1223 г.

В первой четверти XIII в. на Центральную, Среднюю и Переднюю Азию из глубины Евразийского континента накатилась очередная волна восточных кочевников, стоявшая в общем ряду с нашествиями гуннов [IV — V вв.], авар-обров [VI — VIII вв.], болгар, печенегов, половцев [VII — XII вв.]. Это было новое извержение тюркского мира, шедшее из самого его чрева и ломавшее не только родственные тюркские государственные образования, но захлестнувшее мир восточных славян и смешавшее его в огне, крови и слезах подобно смерчу.

Известное дравнерусскому летописцу имя новых азиатских завоевателей таумены [Лаврентьевская летопись] — татары, туркмены, тюрки или турки — указывает на этническую природу народа. Удар, пришедший по Восточной Европе в первой половине XIII в., был страшен, но Русь устояла и в конечном итоге одолела татар.

Во многом русские были обаяны предшествующим столетиям созидательного труда дедов славян, заложивших прочную материальную и духовную основу бытия не только в лесостепях Восточной Европы, но и на ее севере, в лесной полосе, малодоступной для татарских всадников. В XIV — XV вв. сила татаро-монгольского мира Евразии стала убывать, и русские стали продвигаться на восток, имея конечной целью побережье Тихого океана.

Весть о приближении к Руси татар принесли половцы [куманы]. Татары гнали половцев до мест в левобережном поднепровье “идеже зовется валь Половечский” [змиев вал]. Это были юго-восточные рубежи Руси. О татарах или монголах на Руси “никтоже добре ясно не вестъ кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которого племени” [Лаврентьевская летопись под 1223 г.].

К 1223 г. Чингисхан владел едва ли не половиной Евразийского континента. Рассказ половцев о татарах заставил русских князей собраться на совет в Киеве. Половецкий хан “Юрьгии Кончакович”, бывший старшим среди своей знати, обратился к русским князьям с такой речью: “Мы ныне исечени быхомъ а вы наутрее исечени боудете”.

Совещались в Киеве весной 1223 г. Великий князь киевский Мстислав Романович, Мстислав Мстиславович, сидевший в Галиче, Мстислав Святославович, владевший Черниговом и Козельском, и “то бо беахоу старешины в Роуской земли”. Вокруг старейших Мономашевичей и Ольговичей сидели молодые князья: Даниил Романович, Михаил Всеволодович [сын Чермного], Всеволод Мстиславович [сын киевского князя]. Запад Руси оставили стеречь сидевшего во Владимире-Волыньском юного Василия Романовича.

Старейший из князей северо-восточных земель Юрий Всеволодович на съезде в Киеве отсутствовал, но о происходящем был уведомлен и отправил в Южную Русь племянника Василька Константиновича, сидевшего в Ростове.

К сражению на Калке Василько Константинович опоздал и, узнав о происшедшем, повернул в Ростов от Чернигова, крестясь на многочисленные в ту пору церкви.

Страх на половцев татары нагнали такой, что весной 1223 г. на Руси крестился великий хан половецкий “Басты”.

В Киеве решили выступить походом в степь. В апреле 1223 г. под гору Заруб, к острову “Варяжскому”, к броду через Днепр, со всех концов Руси стали сходиться полки. Подошли киевляне, черниговцы, смоляне, куряне, трубчане и путивльцы [жители Курска, Трубчевска и Путивля], галичане и волыняне. Подошли к Зарубу и жители множества других городов Руси со своими князьями. К Зарубу приехали и половцы, два столетия терзавшие Русь и теперь стремившиеся найти у нее защиту.

К Зарубу пожаловали десять послов от татар. Они заверили русских князей в своей дружбе и утверждали, что единственно стремятся наказать половцев. Послы были перебиты.

Днепр полки перешли посуху, “яко же покрыты воде быти от множества людий”. И шли те силы “коньми”. А по Днестру в тысяче ладей спускались “выгонцы Галичкия”. Эта флотилия вошла в устье Днепра и поднялась его руслом до порогов, остановившись у острова “Хорьтице на броду оу Протолчи”. Вели галичан “Домамеричь Юрьгии и Держикари Володиславичь”.

К порогам подошли и шедшие от Заруба конные русские полки. Стала Русь у порогов на правом берегу Днепра, заслонившись от неведомого, но ужасного неприятеля рекой.

Навстречу татарам за Днепр поехал Даниил Романович с молодыми князьями и Юрием Домамеричем. Они первыми из русских и увидели татарскую конницу. Это было сочетание низкорослых и выносливых монгольских лошадей, лисьих малахаев, луков, колчанов со стрелами и смуглых широкоскулых лиц невысоких поджарых людей с раскосыми глазами.

Когда отряд Даниила Романовича вернулся в русский стан, Великий князь киевский Мстислав Романович стал расспрашивать о виденном. Юрий Домамерич сказал, что татары лучшие, нежели половцы, стрелки и “ратници соуть и добрая вои”. Галицкий воевода был опытен, и оценка его была правильна. А молодые князья стремились сразиться с неприятелем.

На семнадцатый день похода к русским князьям на Днепр к Олешью вновь пожаловали татарские послы. Они заявили, что не желали Руси зла, но раз послы перебиты, пусть бог их рассудит. Этих послов князь отпустили невредимыми.

Русские полки перешли на левый берег Днепра и двинулись степями на восток, к побережью Азовского моря. Скоро русские столкнулись с татарскими стрелками. Татар опрокинули и погнали полем, избивая отставших. Воины завладели татарским скотом. Позже выяснилось, что татары нарочно заманили русских подальше в степь.

Посли восьмидневных переходов русские полки достигли берегов реки Калки. Навстречу русским в реке выехали татарские всадники. В завязавшем бою были убиты “Иванъ Дмитреевичъ иная дья и нимъ”. Татары отошли от Калки, увлекая русских на другой берег реки.

Мстислав Мстиславович, герой битвы на Липицком поле 1217 г., велел Даниилу Романовичу с полками перейти Калку.

Следом сам Мстислав перешел реку.

Мстислав Мстиславович со стражей поехал вперед, и его взору предстал “полкъ Татарския”. Это было конное азиатское воинство, перегородившее степь от севера до юга на несколько верст. Мстислав вернулся к своим полкам и велел войскам изготовиться к сражению.

Настал день 31 [30] мая 1223 г. [по ряду летописей 1224 г.]. Позади передовых русских полков в степи на горе над рекой Калкой стоял Великий киевский князь Мстислав Романович.

Мстислав Мстиславович не сообщил старшему двоюродному брату о том, что татары рядом и сражение начинается “зависти рад, бе бо котора велика межю има”.

Началось сражение. У русских вперед выехал молодой Даниил Романович. Было князю не более 20 лет [по летописи — 18 лет]. За Даниилом последовали “Семьюнь Олюевичъ и Василько Гавриловичъ”. Даниила ранили, но он в пылу сражения этого не почувствовал. Ранили и Василька Гавриловича. На помощь Даниилу ринулся двоюродный дядя Мстислав Ярославович Немый. Этот князь очень любил отца Даниила Романа. А Роман после своей смерти поручил сына заботам Мстислава Немого.

Даниил Романович крепко дрался с татарами. Рядом с ним воевал Олег Святославович Курский. Битва час от часу становилась злее. Мстислав Романович и бывший с ним Мстислав Святославович Черниговский так и не успели в нее вступить, оставшись в тылу русских полков.

Татары были быстры, как ртуть. Они отступали и наступали практически одновременно, изматывая неприятеля.

Наконец, русские дрогнули и побежали. Примчавшись к реке, Даниил Романович слез с коня и стал пить воду. И тут князь понял, что ранен.

Первым к Днепру приехал Мстислав Мстиславович. Переправившись на правый берег, князь велел сжечь, порубить или оттолкнуть ладьи, дабы они не послужили татарам.

Гнавшиеся до Днепра за русскими татары силами двух воевод обступили стоявшего на каменистой горе над Калкой Мстислава Романовича Киенского, так и не вступившего в битву. Князь окружил вершину горы телегами и бился с татарами три дня.

Среди татар были упоминавшиеся древнерусскими летописцами “Бродници”. Их воевода “именем Плоськина” целовал крест к Мстиславу Романовичу, заверяя князя в том, что в случае сдачи русский будет сохранена жизнь.

Русские поверили — и напрасно. Одних киевлян в несчастном для Руси сражении погибло десять тысяч. Погибли на Калке Великий киевский князь Мстислав Романович, Мстислав Святославович Черниговский с сыном и семь иных князей. Среди них называют Изяслава [сына Ингвара Ярославовича Луцкого] и волынских князей Святослава Яновского и Святослава Шумского. Указывают и на Юрия Несвижского.

А Никоновская летопись сообщает: “Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича. Златаго пояса”. Пало на Калке “богатырь и прочих вои много множество”. Тела мертвых раненых князей татары “подкладше подъ дьски, а сами седоша обедати”.

Татары дошли до Новгорода-Северского “Стопальского”, избивая выходивших из городов с крестами жителей, и повернули от берега Десны в степь, на полтора десятка лет исчезнув. И был плач и туга в Руси”.

Катастрофа 1223 г. характеризовалась западно-русским составителем Ипатьевской летописи: “Быс победа на вси князи Роуския, тако же не бывало никогда же”. Но то была лишь прелюдия к грядущим бедствиям.

Во многом несчастный для Руси поход в степь 1223 г. напоминал воспетый древнерусской литературой поход Игоря Святославовича 1185 г. В 1223 г. Русь была предупреждена. Но могло ли это жестокое предупреждение что-то изменить?

Сама природа словно нарочно стала являть людям недобрые знаки. Летом 1223 г. в ростово-суздальских землях загорелись боры и торфяные болота. Дым от пожаров был столь густ, что люди не могли разглядеть друг друга, а птицы падали замертво.

В 1223 г. на западе небосклона явилась невидимая звезда и, провисев семь дней, испустила к востоку луч и погасла.

Но жизнь брала свое, и скоро раны, нанесенные Руси в сражении на Калке, начали зарубцовываться.

Глава 19. Эпоха княжения Владимира Рюриковича 1223 — 1237 гг.

19.1. Западная Русь 1223 — 1227 гг.

Повествуя об истории Руси 1223 — 1237 гг., прежде обратимся к западным и южным землям.

Александр Всеволодович не мог простить Даниилу Романовичу страшной для Белза ночи и, узнав о разладе между Даниилом и Мстиславом Мстиславовичем, стал склонять Мстислава к войне с Даниилом.

В 1225 г. Мстислав подошел на “Лысоую Гору”. А Даниил уехал в Польшу, к Лешку. Вскоре Александр Всеволодович и Мстислав едва успели укрыться в Белзе от Даниила и его союзников. Мстислав вернулся из Белза в Галич, а Даниил с поляками принял воевать галицкие земли вокруг “Любачева” и пленил всю волость “Бельзеською и Червеньскоую”.

Стерегший Волынь Василий Романович подивился множеству стад “коньска и кобыля”, пригнанных братом. Богатая добыча вызвала зависть у помогавших Даниилу поляков.

В Киеве после гибели Мстислава Романовича весной 1223 г. сел двоюродный брат великого князя Владимир Рюрикович. К нему за помощью против Даниила и поляков обратился Мстислав Мстиславович. Кроме того, Мстислав призвал половецкого хана Котяна. Александр Белзский продолжал уверять Мстислава, что Даниил хочет убить тестя [Мстислава] и добыть Галич.

У Мстислава были основания тому верить, но не забудем, что Даниил доводился зятем Мстиславу, и дело, к счастью, кончилось миром.

Александр прислал к Мстиславу своего мужа Яна, и он стал уверять князя в том, что Даниил во второй раз ведет на Мстислава поляков.

Мстислав встретился с Даниилом в “Перемиле” и подарил зятю великолепного коня по прозвищу “Актазь”. Не забыл Мстислав и о дочери Анне. Ей князь преподнес множество даров. Там же был утвержден мир на западе Руси.

Ярославовичи предложили Мстиславу отобрать Белз у Александра “за соромъ свои”. Но Мстислав был слишком мудр, чтобы разменивать честь на волость.

В 1226 г. галицкому боярину “Жирославоу” пришлось в голову распустить слух, что Мстислав идет в степь за ханом Котяном, чтобы “избить” галицкое боярство. Любви между князем и боярами в Галиче

не было в помине, и это делало злонамеренный слух весьма похожим на правду.

Галицкие бояре собрались и уехали в волость “Перемышлескою в горы Кавокасские” [Карпатские]. Из свитых на каменных скалах гнезд приобширившиеся бояре отправили на Днепр к Мстиславу Мстиславовичу послов, веля передать князю сказанное Жирославом.

Мстислав отправил к боярам “отца своего Тимофея” [духовника] с клятвой в том, что князь худого и в голове не держит. Бояре с гор вернулись в город, а Жирослав из Галича был изгнан и нашел прибежище у Изяслава.

Скоро из Перемышля бежал зять Мстислава, сын Андрея Венгерского Андрей. Принц послушал слово одного галицкого боярина “Семьюнка Чермного”.

Зимой 1226 г. Андрей Венгерский выступил в Галицию и оказался под Перемышлем. В городе сидел “Юрьеви тогда тысящюу держащю”. Перемышль был сдан, а Юрий бежал к Мстиславу.

Андрей оставил Звенигород и послал войско в Галичу. Король не смел сам поехать к городу, ибо “вольхвы Оугорьская” предсказали Андрею: “Яко оузревшоу Галичъ не быти емоу живоу”.

Андрея Венгерского в походе сопровождал знакомый нам польский воевода Пакослав с полком. От Звенигорода Андрей подошел к Теребовлю и овладел городом. Далее венгры заняли Тихомель и подошли к Кременцу. Под Кременцом королю дали сражение и побили немало венгров.

От Кременца Мстислав послал к Даниилу боярина “Соудислава”, прося не отступать от мира. От Кременца венгры отступили к Звенигороду. А Мстислав удерживал Галич.

Наконец, неприятели съехались, и произошло генеральное сражение. Мстислав одолел. Русские гнали венгров до их стана, и среди убитых оказался королевский воевода Мартиниш. Сам Андрей Венгерский “смятеса оумомъ” и поспешил прочь из Галиции.

К Мстиславу “ко Городькоу” приехал Даниил Романович с братом Васильком и с Глебом [неизвестно, чей сын]. Романовичи надеялись получить от тестя вожденный Галич, но в дело снова вмешались галицкие бояре.

Когда Романовичи призвали Мстислава покинуть с Андреем, говоря, что король близко и “Лохти” ходит, боярин “Соудиславъ”, стремясь

городить венгров и их короля, “имеяше бо в немъ надежоу великоу”, стал отговаривать Мстислава.

В помощь Андрею Венгерскому выступил Лешко Польский. Даниил стал “бранящю” ему, не пуская к венграм. Андреем зимой 1226 — 1227 гг. удалось ускользнуть из Галиции за Карпаты. Следом за королем в Венгрию поехали опальный боярин Жирослав и давший ему приют Изяслав.

Когда венгры окончательно покинули Галицию, боярин Судислав снова подступил к Мстиславу, склоняя князя отдать обрученную ранее с венгерским принцем дочь за Андрея, бежавшего из Перемышля и навлекшего на Галицию короля. Судислав прямо заявил Мстиславу, что галицкие “бояре не хотят тебе”, а без них князю Галиции не удержаться. Мстислав возражал, не желая возвращать венгров, хотел отдать Галич Даниилу. Желали видеть Даниила в Галиче и простые люди. Но “Глебови же Юремеевичю и Соудиславоу” удалось убедить Мстислава отдать Галич венгерскому принцу Андрею.

Венгры вновь вернулись в Галич, к удовольствию боярства и к неудовольствию остального населения. Мстислав взял себе “Понизье”, земли ниже Галича по Днестру.

Невольно задаешься вопросом: в чем причина столь убежденного западничества галицких бояр, интригами перечеркивавших результаты выигранных Русью сражений и целых войн? Впрочем, только ли галицкое боярство творило подобные чудеса? К сожалению, эта черта вообще присуща значительной части русской знати.

Тем временем скончался Мстислав Ярославович Немый. Князь, по отечески относясь к Даниилу, щещал свои города и сына Ивана заботам Даниила Романовича. Иван скоро умер, и города его отца были заняты: Луцк Ярославом Ингваровичем, а Черторыйск жителями Пинска.

Даниил те города стал требовать себе, и начались бесчисленные “рати и великия троуды”. Однажды Даниил с дружиной приехал на молитву к св. Николаю в “Жидичинь”. Там оказался державший Луцк Ярослав. Бояре подступили к Даниилу, говоря, что трудно представить лучший момент для расправы. Даниил ответил, что приехал к св. Николаю творить много не желает.

Даниил послал к Луцку своих бояр “Андрея. Василька. Гаврила. Ивана”. Ярослав Ингварович ехал к Луцку с женой, но не успел. У одного из конюхов Даниила по имени “Олексию Орешкомъ” был очень быстрый конь. Он и догнал Ярослава перед самыми воротами Луцка.

В тот день жители Луцка закрылись, а наутро, увидев стяги Даниила Романовича, сдали город князю. Даниил отдал Луцк и Пересопницу брату Васильку. Ранее Василько овладел Брестом.

В 1227 г. ятвяги завоевали земли вокруг Бреста. Даниил и Василько выехали из Владимира Волынского и погнались за ятвягами. Князья были молоды, но уже по-мужски сильны и с копьями наперевес, пережая свои дружины, бились с ятвягами.

Решив вопрос с Луцком, Даниил отправил к ушедшему в Торческ тестю Мстиславу Мстиславови-

чу посла “Демьяна”, веля передать, что не подобает пинянам держать Черторыйск. Демьян от Мстислава услышал нечто иное. Мстислав велел Демьяну передать, что он винится и сожалеет, что не отдал Даниилу Галича. Мстислав сказал, что боярин Судислав его оболстил. Мстислав добавил, что той беде можно помочь, совместно выступив к Галичу. Даниилу будет стол отца в Галиче, а Мстиславу — Понизовье. А про Черторыйск Мстислав не возражал.

В субботу утром, под пасху “на великъ днь”, Демьян приехал во Владимир-Волынский. А в пасхальное утро Даниил и Владимир подходили к Черторыйску. В ночь на понедельник город обступили со всех сторон. Тогда под Даниилом застрелили коня. Наутро Черторыйск взяли приступом и схватили сидевшего в городе князя.

А в те дни в Торческе умирал Мстислав Мстиславович. В скольких грандиозных сражениях участвовал этот князь! Перед смертью Мстислав пожелал увидеть Даниила, дабы поручить его заботам своих детей. И снова вмешались бояре. “Глебъ же Зеремевичъ” не допустил Даниила к тестю.

Похоронили Мстислава Мстиславовича в Киеве. Это был один из замечательных русских князей. Его, как и отца, недаром называли Храбрым. А был князь великодушен и по-русски широк душой.

Взтому в Луцке Ярославу Ингваровичу в утешение в 1227 г. дали города “Перемиль и потомъ Межибожие”.

В 1228 г. князь Ростислав Пинский [быть может, потомок Святополка II] беспрестанно жаловался сидевшему в Киеве Владимиру Рюриковичу на то, что Даниил пленил его детей и волость. Несмотря на хлопоты митрополита Кирила о мире, в Киеве было решено выступить против Даниила. Владимир Рюрикович собрал войско. Подошли Михаил Всеволодович Черниговский и половецкий хан Котян. У самого Владимира Рюриковича к Даниилу был давний счет, ибо сей князь хорошо помнил, что его отец [Рюрик Ростиславович] был пострижен в монахи Романом Мстиславовичем, отцом Даниила. Владимир Рюрикович решил, что долг пора вернуть и осадил волынский город Каменец. С киевским князем город осадил “князи и Коуряны и Пиняны и Новгородци и Тоуровьци”.

Даниил поспешил за помощью в Польшу, а боярина Павла отправил к хану Котяну с предложением о мире. Видно, что-то и сверх того шепнул Павел половецкому хану, ибо вместо того, чтобы стоять под Каменцем, Котян пошел в Галицию, “повоевал” ее земли и ушел в степь. Тем самым был упрежден союзник Владимира Рюриковича и Михаила Всеволодовича Черниговского, сидевший в Галиче венгерский принц Андрей с боярином “Соудиславом”.

Осаду с Каменца сняли, и уже Даниил с Васильком и пришедшие с ними поляки с воеводой Пакомславом и Александром [Всеволодовичем Белзским] от Владимира-Волынского пошли к Киеву. С Даниилом шли его бояре “Вихала и Воротиславъ Петровичъ Юрии Толигневичъ”. К счастью, дело закончилось миром, и поляки вернулись по домам без сражения.

В 1229 г. [по Ипатьевской летописи] в Польше на княжеском съезде “Стополкомъ. Одовичемъ Воло-

диславомъ” был убит союзник Даниила Лешко [“Льстько”] “светомъ бояръ неверных”.

Новым союзником Даниила и Василька Романовичей в Польше стал брат Лешка Конрад Мазовецкий. Скоро Романовичи выступили в поход в помощь Конраду на “Володислава на старого”. Стеречь Волынь Романовичи оставили “Володимера Пиньского” [Владимира Ростиславовича Пинского] и “Оугровчаны и Берестьяны” [жителей городов Угровеска и Берестья]. Посадили эту силу в Берестье, ибо стерегли Волынь от ятвягов.

Тем временем польские земли “воевали” литовцы. Считалось, что Литва союзна Волыни, и оттого литовцы без боязни остановились под Берестьем. Владимир Пинский рассудил “оже есте мирни но мне есте не мирни”. Быть может, Владимир имел в виду Пинскую волость, страдавшую от набегов литвы. Князь Владимир вышел из Берестья и побил литовцев.

Даниил и Василько Романовичи объединились с Конрадом и выступили к польскому городу “Калешю”. Полки союзников подошли к “Ветроу” и утром, перейдя реку “Пресноу”, продолжили движение к Калешу. К ночи начался такой сильный дождь, что у тех, кто под него попал, было ощущение, будто кто-то противится продвижению войска.

Между тем полки вступили на земли неприятеля и принялись “воевать” села. “Роусь” пошла до “Милича и Старогорода” и, заняв несколько сел “Воротиславских”, вернулась в лагерь с немалой добычей.

У поляков не было большого желания сражаться с соотечественниками. Тем не менее наутро Романовичи подступили к Калешу. Конрад также поднял свои полки, хотя и не без уговоров.

Подошли к воротам Калеша. На другую сторону города послали “Мирослава”. Калеш окружили со всех сторон. В это время разлился весенний паводок. Калеш стоял среди воды подобно острову и был окружен густыми зарослями лозы и вербы. Горожане принялись с “забраль” метать камни. И летели камни на осаждавших подобно дождю и “возводный мостъ и жеравецъ вожьгоша”.

Осаждавшие стояли в воде и из-за зарослей не видели, где наступают, а где отступают. Загорелись ворота Калеша, но горожане пожар погасили. Романовичи принялись ходить вокруг города и стрелять по оборонявшимся стенам. К вечеру осаждавшие вернулись в лагерь и стали сушить одежду у костров.

Один из русских бояр “Станислав Микоуличъ” сообщил Даниилу, что в том месте, где он днем стоял, воды не было, ибо там гребень высокий. Князь сел на коня, подъехал к городу и сам в том убедился. Ночью поведал о гребне Даниилу Конраду и добавил, что коли “ведале место се то градъ приять бы былъ”.

Утром русские подступили к Калешу. Камни со стен на этот раз не летели. Горожане попросили Конрада о переговорах, прося прислать “Пакослава и Мьстиоця”. Эти воеводы предложили Даниилу, “изменивъ ризы свое” [сменив облик], присутствовать на переговорах. Даниил ехать не хотел, да его

уговорил брат Василий. Даниил надел на себя “шоломъ Пакославъ” и стал позади воеводы.

Стоявшие на “заборлах” крепостной стены люди просили Пакослава передать Конраду, что они такие же поляки, как и он. Еще пристыдили Конрада, говоря, какую он примет славу, если “Роуская хороуговь станеть на забралехъ” Калеша, и кому от того честь будет.

Пакослав ответил горожанам, что Конрад рад поступить милостиво с Калишем, но Даниил “люте зело” и от города отступить не хочет. Пакослав рассмеялся и, показав на стоявшего позади человека, сказал: “А се стоитъ самъ”. Даниил снял при тех словах шлем.

Даниил в этот день много смеялся и “вестовившоу” с горожанами. Они просили у князя мира. Даниил взял у калишан двух мужей и приехал к ним к Конраду. А Конрад заключил мир с городом, но взял “талъ” [заложников], дабы мир не оказался скоротечным.

Русские воины стали в лагере с множеством набранной в окрестных селах челядью. Тогда же “Роусь и Ляхове” поклялись: если будет война, то не воевать “Ляхомъ Роуское челяди ни Роуси Лядской”. С тем Романовичи вернулись на Волынь “в домъ свои с честью”. Гордились Романовичи помимо прочего и тем, что никто до них, кроме Владимира I, так глубоко в землю “Лядскоу” не заходил.

Скоро Василий Романович уехал в Суздаль к Юрию Всеволодовичу на свадьбу своего шурина. С Василием в залесские земли поехали “Мирославъ” и другие западнорусские бояре. А Даниил в ту пору находился в “Оугровьске”. Сюда из Галича прислали вестъ, что “Соудиславъ” ушел в Понизье, а в Галиче остался венгерский принц. Даниил давно ожидал такой новости. Он послал “Дьмяна на Соудислава”, а сам с небольшой дружиной поехал к “Оугревеска” к Галичу.

На третий день пути, к ночи, Даниил был под Галичем. Тем временем боярин Судислав “не стерпелъ передъ Дьмяномъ” гнал коня к Галичу.

Даниил нашел ворота Галича запертыми. Тогда князь взял боярский двор Судислава, стоявший под Галичем.

В усадьбе Даниил увидел “вина и воца и корма и копии и стрель. пристраньно видити” и немилосердно подивился складу провизии и оружия.

Пока князь осматривал боярские погреба и слуги, его дружинники “испилися” и Даниилу пришлось отвести их за Днестр.

Ночью в Галич примчался “Соудислав”. Об этом стало известно Даниилу, ставшему в “Оугльничехъ” на берегу Днестра. А на Днестре стоял лед.

Из Галича вышли венгы и горожане, и началась перестрелка через реку. К вечеру лед треснул, и вода стала заливать пойму. Недалеко от Галича через Днестр был переброшен мост, и Даниил на него рассчитывал. Но вечером “лихыи Семьюнько и добныи лисици” мост зажег.

Даниил опечалился, но скоро в его лагерь приехал “Дьмянь” со всеми галицкими боярами “Милославомъ и со Володиславомъ и с иными бо-

рами”. Даниил повеселел, ибо приезд означал приезд галичан новому князю.

К Галичу подошел Владимир Ингварович. Полки перешли Днестр и с четырех сторон приступили к Галичу “от Боброку. доже и до реки Оушици и Проута”.

Скоро Галич сдался Даниилу Романовичу. Принца Андрея Даниил отпустил, помня доброту отца Андрея, некогда принявшего у себя Даниила мальшом.

С венграми из Галича выехал бярин “Соудиславъ”. В него народ “Метахоу камене”. По приезде в Венгрию он подступил к королю, убеждая идти к Галичу, пока Даниил не окреп.

Войско венгров, выступившее в Западную Русь, возглавил сын короля Бела. Когда венгры шли долинами Карпатских гор, на берегах открылись “пьяби нбсныя”. Горные ручьи превратились в буйные, сметавшие все на своем пути потоки. Кони стали тонуть, а воины полезли на горы, стремясь не попасть в воду.

Тем не менее Бела дошел до Галича. Даниил, призвав поляков и половцев “Котяневы” в помощь, отправил к Беле послом Дьмяна. Переговоры ничего не дали.

За венгров выступили половцы “Беговарьсови”. Тут на Бела судьба напустила “раноу фараоноу” [непонятный недуг]. Бела отчаялся взять Галич, бросил войско и поехал в Венгрию. Оставившись под городом венгерские “оружники многи и варевники” стали избиваться галичанами. Немало венгров перетопили в реках. Многие из них умерли от ран или сгнули неведомо как.

Бела от Галича пошел к “Василевоу” и там переправился через Днестр. Далее он поехал к реке Прут.

Так Даниилу Романовичу в 1229 г. удалось не только занять, но и удержать Галич. А это подчас было гораздо сложнее.

В 1230 г. галицкие бояре стали затевать заговоры, стремясь устранить Даниила. Союзником бояр выступил Александр Всеволодович Белзский, двоюродный брат Романовичей и их давний недруг.

Решили сжечь Романовичей вместе с домом, в котором князь располагался. Когда все было готово, Василий вышел из дому и обнажил меч, “играя на слоугоу королева”. Слуга, также играя, схватил князя, обороняясь от Василия. Эту сцену довелось видеть “Малибоговидьчъмь”. Бояре решили, что Романовичам стало известно о заговоре и побежали прочь. Так они выдали свои намерения.

Василий из Галиции уехал во Владимир-Волынский. А Даниила пригласил на пир один из галицких бояр “Филипъ безбожный”, сидевший в собственной укрепленной усадьбе в Вишне [к западу от Львова]. В Вишне хотели учинить расправу над князем. И снова в сговор с боярами вступил Александр из Белзы.

Когда Даниил приехал во “Браневича”, к нему пришел транспорт с солью от “тысячкого его, Дьмяна”. Верный Дьмян предостерег князя, сказав, что пир у Филипа в Вишне “золь естъ”. Даниил переснул к Галичу и послал сказать брату Василию,

чтобы выступил к Белзу. Александр Всеволодович от Василия убежал в Перемышль. А Василий присоединил Белз к своей волости — Волыни. Затем Романовичи послали “Ивана... седельничего” на бояр “Молибоговичихъ и по Вольдрисе”.

“Сидельничем Иваномъ Михалковичемъ” было пленено двадцать восемь галицких бояр.

Даниил ни одному из бояр худого не сделал и скоро отпустил. Спустя немного времени один из тех бояр на пиру “лице зали” Даниилу “чашею”. Князь был мудр и терпелив “и то емоу стерпевшоу”.

В 1231 г. [по Ипатьевской летописи] Даниил в Галиче собрал восемнадцать ближайших отроков с тысяцким Дьмяном на совет и, поведав о намерении выступить против врагов, спросил окружающих, верны ли они ему. Присутствующие поклялись в преданности князю. А “соцкыи же Микоула” повторил сказанное еще Романом о галичанах: “Не погнетши пчель медуо не едаты”.

Даниил помолился, принял в помощь боярина своего “Мирославоу” и с немногими ратниками, выступил к Перемышлю. Галицкие бояре, как и прежде, были неверны Даниилу и шли с ним “мнешесе яко верни соутъ”.

Александр Всеволодович из Перемышля бежал в Санок, бросив в городе все свое состояние. С Александром ехал “Шельвъ”. Был тот муж храбр, да оказался “събодень” [сбит] с коня и скончался. А “неверныи же Володиславъ Юрьевич с ним [с Александром] светъ створь”.

Оказавшись в Венгрии, Александр увиделся с “Соудиславом”. Стоит ли говорить, что при встрече было сказано о Романовичах.

Венгры в который раз выступили в Галицию, и скоро король Андрей с сыновьями Белой и Андреем приблизились к городу “Ярославу”. В городе довелось сидеть боярам Романовичей “Дадавыдови Вышатичю” и “Васильеви Гавриловичю”. Город затворил ворота, и гарнизон “бился” с венграми до захода солнца.

Вечером Давид Вышатич “оуполошивъшоуся”. Вино тому была боярская теща. Эта женщина хранила верность “Соудиславу” и была “кормильчя Нездилова. матерью бо си наречашеть ю”. Теща внушила Давиду, что города не удержать.

Но выступил боярин Василий Гаврилович. Он стал призывать Давыда не губить чести их князя. А Давид хотел город сдать.

От венгров приехал “Чакови”. Он сообщил осажденным, что капитуляции не примут, ибо много жертв у венгров. Василий Гаврилович продолжал крепко биться с городскими заборол. Но все же город Ярослав был сдан королю, и венгры двинулись к Галичу.

Боярин “Климьта” с “Голыхъ горъ” перебежал от Даниила Романовича к королю. Следом за Климьтой венграм сдались все галицкие бояре.

Андрей Венгерский из Галиции подошел к Владимиру-Волынскому, стремясь расправиться с Романовичами в их гнезде. Увидев город, король подивился его мощи и сказал, что таких городов “не изобретохъ ни в Немечкыхъ странахъ”.

На стенах Владимира-Волынского венгры увидели “оружникомъ стоящимъ ... блистахоуся щити и оружици подобни солнцю”. В столице Волыни сидел боярин “Мирославъ”. Он был храбр, но “смоутися оумомъ” и заключил мир с королем, не имея на то разрешения Романовичей.

Васильку Романовичу пришлось уступить “Белзь и Червень” пришедшему с королем Александру Всеволодовичу. В Галиче король посадил сына Андрея “светомъ неверныхъ Галичанъ”.

Боярин Мирослав заперся в усадьбе около “Чьръвна” и “имел укору” от Романовичей. Сам князь Даниил “прия великъ пленъ”, у города “Бъзкоу” воюя.

С тем Андрей Венгерский ушел за Карпаты. А жизнь на Руси шла своим чередом. К Даниилу из Киева приехал Великий князь Владимир Рюрикович, прося помощи против шедшего на столицу Михаила Всеволодовича Черниговского. Даниил князей помирил. Но это не означало, что Ольговичи отказались от честолюбивых замыслов.

За услуги Даниил получил часть “Роуской” земли — Торческ. Даниил отдал город детям Мстислава Ярославовича Немого “шюрятюмъ своимъ”, находившимся под опекой Романовичей.

В 1231 г. [по Ипатьевской летописи] Андрей Венгерский вновь выступил на Русь. Венгры двигались к “Белобережью”. Из Киева от Даниила в сторожах поехал боярин Володислав. Венгров встретили в Белобережье и “бились” с ними через реку Случь и гониша до реки Деревное. из леса Чертова”.

Володислав уведомил Даниила и Владимира Рюриковича в Киеве о столкновении с венграми на Случи. А Даниил сказал Владимиру Рюриковичу, что идут не на него, а на них обоих. Даниил попросил Владимира отпустить его из Киева, дабы он зашел венграм “взадъ”.

Поняв этот план, венгры отступили к Галичу. Получалось, что Киев надо было стеречь и от Ольговичей, и от венгров, и потомкам Мономаха надлежало держаться вместе.

Даниил встретился с братом Василием у города Шумска. Там же Даниил “повествоваста” о реку “Велью” с пришедшим против Романовича венгерским королем Андреем и с бывшими у венгров Александром Всеволодовичем Белзским и боярином Глебом Зеремиевичем. Увидел за рекой Вельей Даниил и “князи Болоховьсци” [1231 г. по Ипатьевской летописи].

Это были князья земель [Болоховских], лежащих в верховьях Южного Буга. Летописцы не упоминают ни имен, ни родства болоховских князей. Это позволяет предположить, что они не были потомками Владимира I и его сына Ярослава Мудрого. Мы помним о князьях древлян, вятичей и других восточнославянских союзов X — XI вв. Еще в 1082 — 1083 гг. Владимир II Мономах ходил в землю вятичей на местного князька Ходоту. Болоховские земли располагаются в лесостепях правобережья среднего и нижнего Днепра, и их зависимость от Киева и от Ярославовичей в X — XIII вв. была невелика. Ярославовичам либо не было дела до болоховских земель, либо они состояли с болоховскими князьями

в родстве, либо жить в верховьях Южного Буга было столь небезопасно, что болоховское княжение мало кого прельщало. Так или иначе болоховские князья враждовали с Даниилом и поддерживали венгров.

Поутру Даниил перешел реку Велью “на Шумьскъ” и, перекрестившись, двинулся к “Торчвою”. Навстречу князю двинул полки венгерский принц Андрей. Даниил и Василий стали на вышени. Венгры шли на русь равниной.

Даниил повел в сражение большой полк, устроенный “храбрыми людми” и сверкавший “светлымъ оружьемъ”. Венгры постарались избежать столкновения с Даниилом и стали биться с полками тысяцкого Демьяна и Василия Романовича. Демьян сражался с боярином “Соудиславомъ”, давним союзником венгров. Даниил заехал венграм в тыл, сломал копье, достал меч и смутил собственных тысяцкого Демьяна, ибо тот “мняшоу. яко все ратнии соуть. и возбегоша пред нимъ”.

Даниил стал пробиваться на помощь брату Василию и встретился со своим боярином “Мирославомъ”. Стали “биться” князь и боярин с венграми сообща. На стяг Василия Романовича, собрав венгров, двинулся галицкий боярин “Глебъ Зеремиевичъ”. А “сулица” Василия уже была вся в крови. Доспехи князя были иссечены ударами мечей.

Полк Василия победил венгров и погнал их до лагеря и стяга принца Андрея. Венгры частично разбежались, частично отступили к Галичу. В пользу Даниила было убито пять воинов, но под конец сражения “наворотися дружина Данилова на бегъ”.

Среди павших бояр Даниила летописец называет имена “Ратиславъ. Юрьевичъ. Моиси. Степанъ братъ его. Юрьи Яневичъ”. Сражение ничего не решило, и Галиция осталась во власти венгров и местных бояр.

Утром следующего после сражения дня Даниил не знал, где находится его мужественный брат и жил ли он. Впрочем, вскоре Романовичи увиделись.

Спустя немного времени приехали к Даниилу и Василию послы от Александра Всеволодовича Белзского. Двоюродный брат, разуверившись в силе венгров, просил Романовичей принять его любовь. Отказано в том не было. Даниил поехал к Александру к городу “Плесньскоу”, ибо там сидели враждебные Романовичам бояре “Аръбоузоничи”. Плеснеск был взят, и из него Даниил поехал к Владимиру-Волынский.

В 1233 г. [по Ипатьевской летописи] принц Андрей и боярин Судислав отправили на Даниила Венгерского воеводу “Дьяниша”. А Даниил съездил в Киев и привел в помощь половцев и одного из Ольговичей — Изяслава Владимировича. Поддерживая Даниила и Великий князь киевский Владимир Рюрикович.

Изяслав Владимирович, вместо того чтобы воевать с венграми, разорил волость Романовичей, взял город “Тихомль” в верховьях Горыни и вернулся восвояси, предоставив Даниилу, хану Котянчу и Владимиру Рюриковичу бороться с венграми самостоятельно.

Неприятели сошлись у волынского города Перемиля и стали “биться о мость” через реку Стырь. Венгры от Перемиля отошли к Галичу и “порокы меташа”. Видно, воевода Дьяниш решил брать приступом едва не сам Владимир-Волынский.

Даниил и Владимир Рюрикович, поняв, что венгры сидят в Галиче, покою от них на Руси не будет, двинулись к Днестру. У города “Боужьскъ” в верховьях Западного Буга князья встретили Василия и Александра Всеволодовичей.

Из Бужска Владимир Рюрикович уехал стеречь Ольговичей Киев. Уехал и хан Котян.

В 1234 г. боярин “Глебъ Зеремиевичъ” перебежал принца Андрея к Даниилу.

Наконец, Даниил и Василий Романовичи подступили к Галичу. Видно, несколько лет правления венгров не вызвало к ним любви у населения, и большая половина города вышла на берег Днестра встречать Даниила. Были среди людей и “Доброумилъ и Глебъ инии бояре мнози”.

Заперевшиеся в Галиче принц Андрей, его воевода Дьяниш и боярин “Соудислав” начали голодать, и города не сдавали. Даниил простоял под Галичем девять недель “жда ледоу”, чтобы перейти Днестр. Когда реку перешли, “Соудиславъ” послал Александру Всеволодовичу, обещая дать ему Галич, если он отступится от Даниила. Александр ушел от города.

И тут умер венгерский принц Андрей. Был он молодой, и смерть его странна. Уж не повинны ли ... Впрочем, о том данных нет.

Галичане, узнав о смерти Андрея, послали к Даниилу “Чермного Семьюнька” с новостью. Боярин “Соудислав” поспешил с отъездом в Венгрию. А Александр Всеволодович, страшась предательства, уехал в Киев к тестю [Владимиру Рюриковичу].

Даниил Романович сел в Галиче, и когда узнал о том, что Александр спешит укрыться в Киеве, погнался за ним погоню. Догнали Александра в “Половцкомъ” и схватили его в “лоузе Хоморьскомъ”. Более о том князе известий нет, и судьба его, по-видимому, была печальна.

Даниил, занимая Галич, не спал три дня и три ночи. Князь мечтал об отдыхе. Из Киева в Галич приехал сын Владимира Рюриковича Ростислав. И князь не был просто данью вежливости. На Владимира ополчились Ольговичи и у Даниила просили помощи. Несмотря на усталость, Даниил собрал полки и выступил к Киеву.

А в это время Михаил Всеволодович, старейший из Ольговичей, уже стоял под Киевом. Узнав о подходе Даниила, Михаил ушел на левый берег Днепра. Это было продолжение старого спора Ольговичей и Мономашевичей за Киев.

Даниил переправился через Днепр и пошел к Чернигову. К Даниилу присоединился один из Ольговичей — Мстислав Глебович. Возможно, он не считал с двоюродным братом Михаилом Всеволодовичем.

Даниил Романович в походе 1234 г. взял города Десне “Хороборъ и Сосницю и Сновескъ” и другие. После этого Даниил подступил к Чернигову.

Город защищался. Под его стенами поставили таран “меташа бо каменемъ. полтора перестрела”. А камни были таковы, что их едва поднимали четверо здоровых мужчин.

С Ольговичами помирились, и Даниил вернулся в Киев. Один из Ольговичей — Изяслав Владимирович — к миру “не престаше” и привел на Киев половцев.

Даниил с полком, провоевав “от крщния. до вознесения”, страшно устал. Зная, что половцы воюют под Киевом, Даниил собрался идти на Волынь “лесною странною”, то есть тропами припятского полевья, да Владимир Рюрикович умолил князя не оставлять Киева. О том просил Даниила и его боярин Мирослав.

Половцев русские князья встретили у Звенигорода. Оглядев неприятеля, Владимир Рюрикович и Мирослав решили вернуться в Киев. Но Даниил заявил, что так воину поступать не подобает, но или “победу прияти. или пастися от ратных”.

Сразились с половцами у “Торьчского”. Под Даниилом застрелили гнедого коня, и сражение было русью проиграно. Владимир Рюрикович отселся в “Торцькомъ”.

Даниил приехал в Галич. Город стерег Василий Романович с полком. И снова бояре принялись плести паутину интриг. “Борись Межибожьский”, посоветовавшись с “Доброславлимъ и Збыславлимъ”, послал к Даниилу весть, что Изяслав Владимирович [Ольгович] идет с половцами к Владимиру-Волынскому. Это была ложь, призванная разлучить Романовичей. Даниил отправил Василия стеречь город, а сам остался в Галиче.

И бояре “воздвигоша крамолоу”. Как ни странно, но Даниил на зиму от боярской смуты укрылся в Венгрии. Это можно объяснить тем, что в 1235 г. власть в королевстве от Андрея перешла к сыну Беле IV (1235 — 1270 гг.).

Зимой 1234 — 1235 гг. Василий с поляками соединился с возвратившимся из Венгрии Даниилом. Но до Галича Романовичи не дошли и вернулись в Волынь, в свою “отчину и дедину”.

В 1235 г. [по Ипатьевской летописи] галичане и все “Болоховьсци князи” подступили к городу “Каменцю” и “повоевав по Хомороу” и взяв большой полон, отступили. Каменец располагался на стыке Волыни и киевских земель. К югу от Каменца находились владения болоховских князей.

Набег на Каменец не мог не вызвать реакции у Владимира Рюриковича, продолжавшего удерживать Киев. Великий князь отправил в помощь Даниилу Романовичу “Торцькы и Данила. Нажировича”. А из Каменца выехали вышедшие из оцепенения бояре Романовичей и, соединившись с княжескими отроками и с торками, настигли галичан и одолели их. Там же были схвачены “вси кнзи Болоховьсци”. Пленников доставили во Владимир-Волынский к Даниилу Романовичу.

Воистину мощь русского князя зиждилась на обширности подвластных ему земель, на богатых ремеслами и торговлей городах и на верности служивых бояр, имевших среди владений князя собственные усадьбы и вотчины.

Мог ли князь Александр, владевший одним Белом с окрестной волостью, тягаться с Романовичами, которым были подвластны земли, по территории сопоставимые с Францией или Германией? Именно в земле и в ее населении была заключена сила князя. Отнимали у князя земли, и его семья уходила в небытие.

Летом 1235 г. Михаил Всеволодович и Изяслав Владимирович стали угрожать Даниилу: “Даи нашоу братью. или придемь на тя воиноу”. Отсюда можно заключить, что пленные болоховские князья состояли в родстве с Ольговичами. В этом предположении нет ничего невероятного. Во-первых, нам известно о попытке северских Ольговичей, детей Игоря Святославовича, героя “Слова о полку Игореве”, сидеть в Галиции, соседствующей с болоховской землей. Во-вторых, нам известно о родстве Ольговичей с половецкими ханами, а болоховская земля непосредственно соседствует со степью. Уж не были ли болоховские князья действительно дальней родней [о близком родстве летопись едва ли умолчала бы] Ольговичей? Болоховские князья могли продолжить дело Ольговичей, пытаясь получить земли к западу от Днепра. Ольговичи и в самом деле летом 1235 г. предприняли поход на Волынь. Их союзником выступил Конрад Мазовецкий, недавний союзник Даниила. Конрад стал около города “Холмь” и принялся воевать вокруг Червня. Навстречу полякам выступил Василий Романович. Он поймал нескольких из польской знати и привел к Даниилу в “Городокъ”.

Тем временем Михаил Всеволодович стоял на “Подъгораи” [в Погорыньи?], имея намерение объединиться с Конрадом Мазовецким и ожидая Изяслава Владимировича с половцами. Однако половцы, вместо того чтобы идти на Волынь, ограбили Галицию и ушли в степь. С Даниилом Романовичем в его земле они воевать не пожелали, но и добычи не упустили.

Мы помним, что Даниила из Галича в 1234 г. изгнали бояре. Так вот в Галич с рубежей Волыни и поехал Михаил Всеволодович. Выходит, что галичане вновь решили пригласить Ольговичей, дабы те защищали их от волынских князей и одновременно не имели большой власти в самом Галиче.

Подобную политику — частой смены не только князей, но и княжеских домов — кроме Галича проводил Новгород. Похоже на то, что крайние северная и юго-западная провинции Руси имели настолько успешные экономические связи с Европой, что князья им были нужны не для сбора мыта и виры, а лишь для военной охраны рубежей. Остальное, по мнению ведших широкую торговлю новгородцев и галичан, князей не должно было касаться. Когда Ярославовичи пытались в Галиче или Новгороде применить обычные стандарты власти, распространяемые во внутренних областях Руси, это неминуемо приводило к взрыву страстей и смене правителей.

Конрад Мазовецкий отступил от границ Волыни так спешно, что перетопил множество воинов в “Вепрю”.

В 1235 г. Романовичи попытались изгнать и Галича Михаила Всеволодовича. В Галич приехали много венгров, видимо, успевших обзавестись на западе Руси не только торговым интересом, но и недвижимым имуществом, а быть может, и родовыми связями среди местного боярства.

Оказался в Галиче и Ростислав, сын Михаил Всеволодовича.

Романовичи не сумели овладеть Галичем и ввалили вокруг Звенигорода.

Весной 1235 г. Романовичи выступили на юг. Подойдя к Берестью, волыняне увидели, что паводок так силен, что о походе не может быть речи.

Тогда Даниил Романович вспомнил, что часть его вотчины удерживается “крижевникомъ Теночемь. рекомымъ. Соломоничемъ”. В марте 1235 г. старейшину дерзких крыжевников [крыж - крест] имени “Бруна” в городе, где он сидел, взяли.

Вероятно, крыжевники — это крестоносцы. Бруно — один из их предводителей.

Летом Даниил вновь пошел на Михаила Всеволодовича к Галичу. Ольговичи к войне готовы не были, ибо держать много воинов круглый год дорого. Михаил запросил у Даниила мира и дал в залог Перемышль.

Даниил, стремясь отомстить Конраду, навел на Мазовию литовского князя “Миньдога” [и сидевшего в Новгороде Изяслава Владимировича].

А Даниил и Василий Романовичи тем временем уехали в Венгрию к Беле IV. Новый король призвал Романовичей на помощь. Фридрих II ополчился на герцога, да Бела IV помешал. С тем Романовичи вернулись на Волынь.

В 1236 г. Ярослав Всеволодович из Переяслава Залесского приехал в Южную Русь и выдворил в Киев Владимира Рюриковича. Скончался Владимир Рюрикович в городе своего отца и деда Смоленске.

Долго в Киеве Ярослав Всеволодович не приледел. Князь не просто не имел в Южной Руси сторонников [временные могли появиться], он не имел ногами задернованной столетиями почвы, которая удерживает власть множеством едва ощутимых нитей.

В том же 1236 г. у Ярослава Всеволодовича Киев отнял старейший Ольгович — Михаил Всеволодович. В Галиче, имея честолюбивый замысел прийти всей Русью, Михаил оставил сына Ростислава.

Вскоре окрыленные успехом Ольговичи отняли у Даниила Перемышль.

Ростислав Михайлович из Галиции выступил в поход на Литву. Даниил в ту пору находился в городе Холм. Литовцы были временными союзниками Романовичей.

Узнав, что Галич пуст, Даниил из Холма за три дня добрался до Галича. Князь подъехал под стены города и обратился к галичанам со словами: “Моужи градъстии. доколе хочете терпети инаго меньныхъ. князии державоу”. Горожане, уставшие от боярских смут и от правлений венгров и Ольговичей,

воскликнули: “Се есть держатель нашъ Бмъ мши” — и кинулись к Даниилу “яко дети к очю. пчелы к матце. яко жажущи воды ко источнику”.

Но были в Галиче и те, кто появлению Даниила был рад. От передачи Галича Даниилу народ держивали епископ Артемий и “дворьскомоу” Григорий. Видя “яко не можета оудержати града. малодша блюдящася. о преданьи”, епископ со слезами в глазах вышел к Даниилу Романовичу и пригласил князя в Галич. Даниил поставил хоругвь “Немечьскихъ вратехъ” и вошел в город.

Утром Даниилу сообщили, что Ростислав Михайлович, узнав о передаче Галича, повернул назад, подошел к “бани, рекомеи Родна” и оттуда поехал в Венгрию.

А галицкие бояре в Венгрию не спешили. Их заботы, а значит и “животы”, были не на Десне, а на Днестре. Бояре пришли к Даниилу и пали в ноги, прося милости.

Незаметно приблизился страшный для Руси 1237 г. Но прежде чем описывать нашествие Батыя, расскажем о делах, происходивших в северных и северо-восточных землях в годы, предшествовавшие вторжению монголов.

19.2. Северная и Северо-Восточная Русь в 1224 — 1237 гг.

Отношения между Новгородом и потомками Рюрика в последние десятилетия перед нашествием Батыя складывались не просто. С одной стороны, Новгород не мог эффективно оборонять Северную Русь без княжеской дружины, с другой — князья не сумели приспособиться к своеобразию севернорусской вольницы, подобно дикой лошади не привыкшей к железной узды.

Сын Юрия Всеволодовича в 1224 г. в очередной раз покинул Городище под Новгородом и уехал к Днестру. Князь Большого гнезда подобно воронам повсюду слетелся в Новый Торг. Они понимали, что после несчастной битвы на Калке в 1223 г. южнорусские князья, и в первую очередь Мстислав Мстиславович, не вмешаются во взаимоотношения Городища и Новгорода. Оглядываться было не на кого, и в Торжке встретились Юрий и Ярослав Всеволодовичи, их племянник Василько Константинович и сын Юрия, покинувший Новгород. Пожаловал в Торжок и старейший из Ольговичей, шурина Юрия Всеволодовича Михаил Всеволодович Черниговский.

Михаил приехал в Торжок в 1224 г. из страха перед монголо-татарами, подходившими с берегов Днестра к Десне. Михаил укрылся на севере Руси от бури. Но впоследствии князь не сумел избежать печальной доли.

Новгородцы, помня, чем прежде для них оборонялись блокады Торжка, служившего хлебными воротами на север Руси, отправили к Юрию Всеволодовичу двух посланцев. Они просили Юрия прислать в Новгород сына и освободить Торжок.

Юрий Всеволодович, в свою очередь, потребовал выдачи новгородцев: “Якима Ивановича, Микифора Тудоровича, Иванка Тимошкиница, Сдилу Савиница, Вячка, Иваца, Радка”.

Новгородцы укрепили стены города, заняли дороги от Торжка и отправили к Юрию новое посольство, составленное из Полюда, Вячеслава Прокшиница, Иванка Ярышевича. Новгород отказался выдать требуемых Юрием людей и приготовился к обороне.

Поняв, что угрозами Новгород к покорности не склонить, Юрий принял компромиссное решение. В Новгород отправили “Романа Тысячкаго” и мужа от Михаила Черниговского. Новгородцам предложили принять Михаила Всеволодовича Черниговского, и горожане прислали за князем в Торжок. Так Ольговичи распространили свое влияние на север Руси.

Михаил Черниговский не ссорился с Новгородом, не пытался обобрать его жителей. Ольговичи имели более серьезные намерения. А Новгород тем временем благоденствовал.

Покидая Торжок, Юрий Всеволодович забрал у местных жителей семь тысяч новых гривен. Михаил Черниговский приехал во Владимир на Клязьме и склонил Юрия те средства вернуть.

В 1225 г., когда татарская гроза над Южной Русью миновала, Михаила Всеволодовича потянуло в Чернигов. На вече Михаил простился с новгородцами, сказав при этом самые добрые слова, и уехал в Чернигов.

Новгород послал за Ярославом Всеволодовичем в Переяславль Залесский. Шел 1225 г. Зимой семь тысяч литовцев, воюя, прошли новгородскими землями и, минуя Торпец, не дошли трех верст до Торжка. Отсюда литовцы повернули на запад. Ярослав Всеволодович настиг литовцев у Усвята. Они стояли среди озер, связывающих Западную Двину и Ловать системой волоков, и полагали, что находятся в безопасности.

Ярослав литву частью побил, частью разогнал, отнял полон и пленил князей, ведших хищников. В сражении Ярослав потерял “Василия Меченошу”. В походе к Усвяту Ярослава сопровождал торопецкий князь Давид Мстиславович.

Новгородцы зимой 1225 — 1226 гг. дошли до Старой Русы и вернулись вспять.

А Русь жила обычной жизнью. Казалось, ничто не могло сломать ее размеренного, как сама природа Русской равнины, хода.

6 января 1224 г. в киевской Софии митрополитом был поставлен “блжнныи Кириль Гръчинь”. Несмотря на то, что Византия оставалась в руках крестоносцев, греческая патриархия продолжала слать на Русь иерархов из сохранявшей независимость Никеи.

В 1224 г. в Ярославле, в монастыре, освятили церковь св. Спаса. Храм заложил Константин Всеволодович, а освящал его сын Всеволод Константинович.

В 1225 г. Юрий Всеволодович проявил заботу о строившемся при устье Оки Нижнем Новгороде. В

городе заложили каменный храм св. Спаса. А 8 сентября 1225 г. в Суздале епископ Симон освятил церковь пресвятой Богородицы.

Епископ Симон, возглавлявший церкви Суздаля и Владимира на Клязьме, скончался 22 мая 1226 г. Перед смертью владыка принял схиму по обычаю тех времен. Положили Симона в белокаменном Успенском соборе Владимира на Клязьме.

В 1225 г. из Перемышля [из Галиции] в Новгород вернулся архиепископ Антоний, ранее отправленный на запад Руси митрополитом.

В 1226 г. в стане Ольговичей возникли раздоры. Юрий Всеволодович, пригласив в поход племянников Василька и Всеволода Константиновичей, пошел на помощь Михаилу Всеволодовичу Черниговскому. А Михаил был в ссоре с Олегом Святославичем Курским.

Сидевший в Киеве Владимир Рюрикович прислал к Ольговичам митрополита Кирила. Ольговичей помирили, а митрополита Юрий Всеволодович повез во Владимир на Клязьме.

В 1226 г. Юрий Всеволодович послал в поход на мордву своего младшего брата Святослава.

14 марта 1227 г. митрополит Руси Кирил во Владимире на Клязьме поставил новым епископом для Суздаля, Владимира и Переяславля-Залесского игумена Митрофана. Хиротония [служба, на которой происходит посвящение в епископы] происходила в белокаменном Успенском соборе. На ней присутствовали князь Юрий Всеволодович с детьми, братьями Святославом и Иоанном, с боярами. Среди множества народа, теснившегося под сводами собора 14 марта, находился и автор Лаврентьевской летописи. Сам он о том пишет кратко: “Приключися и мне грешному ту быти и видети дивна и преславна. и прославиша всемлстваго Ба и великаг. князя Гюрга”.

А 11 мая 1227 г. Владимир на Клязьме занялся пламенем пожарища. Сгорели двадцать шесть церквей и двор покойного князя Константина Всеволодовича с домовою церковью Михаила.

В том же 1227 г. Юрий Всеволодович послал в Переяславль на Днепре племянника Всеволода Константиновича. 15 сентября Всеволод Константинович въехал в “Руский Переяславль”. Никто в Южной Руси не смел покуситься на вотчину со времен Долгорукого, удерживаемую его потомками.

А 7 января 1227 скончался один из князей Большого гнезда Владимир [Димитрий] Всеволодович. Погребли князя в Успенском соборе над Клязьмой.

И той же зимой Юрий Всеволодович женил племянника Василька Константиновича на дочери Михаила Всеволодовича Черниговского. 12 февраля молодожены въехали в Ростов Великий “и быс радос велика в граде Ростове”.

Зимой 1227 г. Ярослав Всеволодович из Новгорода пошел в поход “за море на Емь”, то есть в современную Финляндию. Полон, набранный в походе, был столь велик, что довести его до новгородских земель не сумели.

В 1227 г. Ярослав Всеволодович послал крестить карелов. Окрестили Карелию, давнюю союзницу Новгорода, “мало не все люди”.

Между тем христианство укрепилось на севере Руси, еще в XI в. сотрясавшемся от восстаний волхвов и их сторонников. Новгородцы стали столь ревностными христианами, что, отыскав где-то в глуши четырех волхвов, некогда служивших духовными пастырями и судьями, сожгли их на дровах Ярослава. В XIII в. волхвы на Руси перешли в разряд колдунов. Их стали сторониться, и селились они в глухих хуторах, на дальних выселках, вдали от людского шума и поступательного развития цивилизации.

В апреле 1228 г. скончался сын муромского князя Давида Юрьевича. В ту же неделю, приняв схиму, скончался и сам Давид Юрьевич.

А Святослав Всеволодович в 1228 г. отпустил свою княгиню к братии в Муром, дав ей “наделову много”. В Муроме княгиня приняла пострижение.

В сентябре 1228 г. Юрий Всеволодович послал в поход на мордву племянника Василька Константиновича Ростовского и своего мужа “Еремея Глебича”. Однако воевать русским полкам в 1228 г. с мордвой не пришлось. Стоял сентябрь и “бяхут без дождеве велми мнози днь и ношь”.

А 11 сентября 1228 г. у Юрия Всеволодовича родилась дочь, в крещении нареченная “Феодора”.

5 января 1228 г. над Клязьмой сгорели хоромы Юрия Всеволодовича и две церкви.

А 14 января князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, их племянники Василько и Всеволод Константиновичи и муромский князь Юрий Давидович выступили в очередной поход на мордву. Пошли вошли в “Пургасову волость”, сожгли жито и уничтожили скот. На берега Клязьмы и Оки послали полон. Мордва из сел разбежалась по лесам “в тверди”.

В один из январских дней поутру молодежь княжеских дружин, “оутаившеся”, захала в темный мордовский лес. Путь оказался открыт. Мордва обошла русских сзади и частично побила, а частично утащила в тверди и там побила незадачливую молодежь. Когда русские князья приехали на место схватки, “не быс кого воевати”.

В то же время князь Волжской Булгарии выступил на “Пуреша ротника Юргева”, да, как только услышал, что полки Юрия Всеволодовича жгут мордовские села, ночью бежал прочь.

По возвращении из зимнего мордовского похода Юрий Всеволодович отправил в “Переяславль Руский на столь” брата Святослава Всеволодовича. Уехавшего в сентябре 1227 г. в Переяславль племянника Всеволода Константиновича Юрий, видимо, из того города вернул в Ростовскую волость. Вскочив мордва с “Пургасом”, желая отомстить за зимнее вторжение, подступила к активно отстраивавшемуся Нижнему Новгороду. Горожане приступ отбили, но не сумели уберечь от пламени подгородного монастыря пресвятой Богородицы. По Лаврентьевской летописи это случилось в апреле 1228 г., но вероятнее это был апрель 1229 г., следовавший за зимним походом 1228 — 1229 гг. [Хотя, быть может,

этот зимний поход на мордву был ответом за приступы к Нижнему Новгороду.]

Мордовского князя “Пургаса” окончательно сокрушил “Пурешевъ снь с Половци”. Мордву и “Русь Пургасову” [многие русские к 1228 г. могли жить среди мордвы] побили, и сам Пургас “едва в мале оутече”.

В 1228 г. фины решили отомстить новгородцам за поход 1227 г. “Емь” в лодках вошла в воды Ладожского озера и, не решившись напасть на грозную каменную крепость Старой Ладоги, “подошла к Олонцу и стала воевать волость и полонить население”.

Весть о том на Спасов день достигла Новгорода. Горожане сели в насады и во главе с Ярославом Всеволодовичем пошли водами Волхова к Ладоге.

Воевода Старой Ладоги “Володиславъ” с ладожанами, не дожидаясь новгородцев, погнался за “смыю”.

У Олонца “емь” настигли и сразились с ней. В ночь ладожане отступили в “островлецъ”. “Емь” стояла на берегу Ладоги с полоном и воевала на “Исадехъ и Олонъсе”.

Кончилось тем, что “емь” побросала свои лодки и кинулась в лес. Лодки сожгли, а в лесах многие погибли.

Новгородцы в насадах несколько дней простояли в Неве, видимо, ожидая отступавшую “емь”. Но так как те разбежались по лесу, новгородцы никого не дождались, но собрали вече и едва не убили некоего “Судимира”. Спасло несчастного то, что Ярослав Всеволодович укрыл его в своей ладье. Видно, Судимир дал новгородцам неверный совет.

До похода на Неву в 1228 г. Ярослав Всеволодович с посадником “Иванкомъ” и тысяцким “Вячеславом” подступил к Пскову.

Жители Пскова не пожелали принять Ярослава, и князь, постояв на “Дубровне”, вернулся на Волхов. Поняв, что новгородцы в поход на Псков выступать не собираются, Ярослав призвал войско из Переяславля Залесского. Вскоре под стенами Новгорода раскинулись шатры переяславцев. Часть их остановилась по дворам в “Славне”. Видимо, жители Славенского конца города не разделяли западнических устремлений новгородцев и были наиболее лояльны к Владимиро-Суздальской Руси.

С приходом полков цены на продукты резко вздорожали. “Купляху хлебъ по две куне, и кадь ржи по три гривне, а пшеницю по пяти гривень, а пшена по семи гривнь”. Тем временем псковичи заключили мир с Ригой. В залог союза в Ригу было отправлено сорок псковских мужей.

Ярослав Всеволодович послал в Псков “Мишу”, предлагая городу выступить с его полками в поход на Ригу. К тому князь потребовал выдачи своих недругов в Пскове.

Ответ псковичей укорил Ярослава Всеволодовича в том, что он, осаждая города Колывань [Галлин], Кесь [Венден], Медвежью Голову, брал откуп и удалялся восвояси. Псковичам же приходилось принимать гнев германцев и прибалтов.

Новгородцы приняли сторону псковичей, отказались выступить в поход на Ригу и потребовали от Ярослава удалить переяславские полки с берегов Волхова.

Ярослав Всеволодович покинул Новгород, оставив на Городище сыновей Федора и Александра с “Феодоромъ Даниловичемъ, съ Тиуномъ Якимомъ”.

Когда о том стало известно в Пскове, горожане отпустили от себя ранее приглашенных союзников — германцев, чудь, латышей — и выдворили прочь сторонников Ярослава Всеволодовича.

Не терял времени даром и папа римский Гонорий III. В Риге интересы святого престола представлял епископ Моденский. Он то, по-видимому, помимо прочих каналов и поставлял информацию о союзнических отношениях Ордена с Псковом. Ранее в 1224 г. епископ Моденский принимал в Риге послы от новгородских земель. А в 1227 г. Гонорий III отправил русским князьям письмо с призывом принять латинское католичество как единственное спасение от грядущих бедствий.

В 1228 г. новгородский архиепископ Антоний по собственной воле покинул кафедру и ушел в монастырь на “Хутино къ Св.Спасу”. Освободившееся место занял владыка Арсений, выдвинутый князем и избранный народом.

19.3. Бедствия Новгорода 1228 г.

А осенью 1228 г. небеса опрокинули на земли севера Руси бесконечные дожди. Урожай хлеба убрать не могли. Необходимое для зимовки скота сено либо гнило на лугах, либо не было скошено или свезено на дворы. Начались бедствия. Народ стал искать виновника несчастья. И выбор пал на владыку Арсения. Решили, что это его козни послужили причиной затворничества прежнего архиепископа Антония, потерявшего речь, в Хутыни. Кончилось дело тем, как обычно и происходило в Новгороде, что, посовещавшись на вече, народ вывел Арсения из покоев архиепископов и был близок к тому, чтобы убить владыку. Арсений попытался укрыться в Софии, да перешел в Хутын, стоявшую вдали от шума и страстей вечевой площади Ярославова двора в Новгороде.

Из хутынской обители в Новгород привели немого Антония и придали ему в помощь “Якуна Моисевица, Микифора щитника”. Но на том новгородцы не остановились. Страсти буйной славянской души, разогревавшиеся толпой подобно тому, как пламя нагревает смолу на еловых бревнах, расходились не на шутку. Горожане принялись грабить боярские дворы. Разорили гнездо ненавистного исполнителя княжеской воли тысяцкого Вячеслава. Ограбили двор его брата “Богуслава, и Андреичевъ, Владычня Стольника и Давидковъ Софийского и Судимировъ”. Особо новгородцы ополчились на “Душильця на Липньскаго Старосту”. Двор его послали грабить, самого же старосту хотели повесить, да он во время ускакал в Переяславль-Залес-

ский к Ярославу Всеволодовичу. Схватили лишь жену ненавистного старосты.

У Вячеслава отняли пост тысяцкого и дали его “Борису Негочевичю”.

К Ярославу Всеволодовичу новгородцы отправили послов просить князя приехать и “Забожнице” отложить, и судей по волостям не слать, то есть облегчить страдавшему от ненастья Новгороду налоговое бремя.

Страсти в Новгороде достигли зимой 1228 — 1229 гг. такого накала, что из Городища, из княжеской усадьбы, тайно ночью, в “Сыропусныя недели” бежали в Переяславль-Залесский “Феодоръ Даниловичъ съ Тиуномъ Якимомъ”, захватив двух юных Ярославовичей “Феодора и Александра”.

Новгород в очередной раз решил сменить княжеский дом, допуская на север Руси, и отправил в Чернигов “Хота Станимировиця. Гаврилу на Лубяници”. Старейший из Ольговичей Михаил Всеволодович с сыном в ту пору находился в небольшом городке, среди земель вятичей, в “Брыну”. Предложение новгородцев Михаилом без колебаний было принято, и князь с сыном поспешил к Торжку. Ольговичи в последние годы перед нашествием Батыя на Русь имели серьезные намерения господствовать не только в Галиции, в Киеве, но и на севере в Новгороде и в окружавших его бескрайних землях, полных пушниной, лесом, рыбой и множеством несметных богатств.

Новгородские послы, ехавшие к Ольговичам, были задержаны сидевшим в Смоленске Мстиславом Давыдовичем, бывшим в дружбе с Ярославом Всеволодовичем. Однако это не помешало Михаилу Всеволодовичу по “Велице дни, Фомины недели исходяче” приехать в Новгород. Князь целовал крест “на всей воли Новгородстей и на всех грамотах Ярославлих”. Михаил дал свободу “смердомъ на пять летъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжую землю”. Прочим “кто зде живеть” Михаил установил платить дань, как положили “передни Князи”.

Тем временем новгородцы продолжили собственный суд и установили свои дани. На “Ярославлихъ любвнищихъ” взяли “кунъ много”. Не были забыты и жители пригородного княжеского Городища. С них также взяли немало кун на строительство нового Большого, или Великого, моста через Волхов выше старого.

А со старым мостом случилось вот что. Осенью 1228 г. в реке Волхов была большая вода. Озеро Ильмень на три дня оказалось скованным льдом. Вскоре южный ветер сломал лед в Ильмене и понес его в Волхов. Лыдины “въздре” [задрали] восемь городен старого Великого моста, свидетеля множества буйств и драк новгородцев. Бревна от разрушенных городен ночью река принесла к “Питбе подъ св. Николу”. Последняя девятая городня моста была разрушена льдинами 8 декабря 1228 г. на праздник “Св. Патапия”.

Заметим, что год 1228-й оказался неурожайным не только для новгородских земель. Составитель Лаврентьевской летописи под 1228 г. пишет: “Рождне родися по всеи нашей земли. дорого быс жито”.

Михаил Всеволодович понимал, что глухой и немощный владыка Антоний не в силах управлять громадной новгородской епархией, и организовал выборы нового архиепископа. Претендентов оказалось трое: волынский епископ Йосаф, некий грек и дьякон Юрьевского монастыря Спиридон.

Жребий положили на алтарь св. Софии. Юный сын Михаила Всеволодовича [Ростислав] взял дьяка, оставшийся указал на Спиридона. 17 декабря 1229 г. дьякон Спиридон поехал в Киев к митрополиту. В мае 1230 г. в Новгород въехал новый архиепископ.

Михаил Всеволодович уехал в Чернигов улаживать дела в Южной Руси и взял с собой некоторых новгородцев “Богуслава Гориславиця, Сбыслива Якунковиця, Домоша Твърдиславиця, Глеба Посаднича сыня, Михаилка Микифоровиця, Михаил Прикупова”. В Новгороде князь оставил сына Ростислава.

Тем временем Ярослав Всеволодович овладевал новгородской волостью — Волоком Ламским. Михаил перед отъездом в Чернигов отправил к Ярославу послов “Нездилу Прокшиниця, Иванка Тудорковиця”, требуя отступить от Волока и других новгородских земель, ранее занятых силой. Ярослав продержал послов все лето и от Волока не отступился.

19.4. Русь 1228 — 1230 гг.

Не все было спокойно и в Ростово-Суздальской земле. Под 1228 г. лаврентьевский летописец рассказывает, что Ярослав Всеволодович, слушая “некихъ лъсти... оусумнеся брата своего Юрия”, Ярослав привлек на свою сторону ростовских княжеников Василька, Владимира и Всеволода Константиновичей и начал всерьез помышлять о противостоянии Юрию. Да не суждено было “лихъ быти”. Юрий Всеволодович по праву старшего в Большом гнезде созвал братию на княжеский съезд в Суздаль. Там Юрий “исправивше все нелюбы межю собою”. Князья целовали крест друг к другу, назвали Юрия своим отцом и господином. В ту пору стоял сентябрь 1228 г. Приспел праздник Рождества Богородицы, и князья вместе с епископом Митрофаном встретили праздник, одарили друг друга дарами и разъехались по волостям. А епископ Ростова Великого Кирил в 1228 г. оставил свою кафедру, пришел в Суздаль к св. Димитрию “в свою келью желая “лечити свою немочь”. На съезде в Суздаль князья решили отобрать у ростовского владыки Кирила всю его собственность, говоря, что он богат так, как “ни единъ” епископ “в Суждальстей области”. Кирил поблагодарил за то бога и в сентябре 1228 г. постригся в схиму, приняв имя “Кириякъ”. Остаток имущества владыка роздал “любимымъ и нищим”.

1 апреля 1228 г. в “Великом граде” на Волге при устье Камы болгары засеки христианского куня “инога языка не Руска”. Купец попал в мусульманскую Булгарию “гостешбу дея по градом”. Несчастного принуждали отречься от христианства, а

наирасно. Составитель Лаврентьевской летописи пишет, что вскоре после убийства погорела большая часть Великого Булгара. Город стал заниматься пламенем чуть ли не ежедневно и сгорел едва не весь.

В 1228 г. на Руси стало известно, что “Саксины и Половци възбегоша из низу” к Волжской Булгарии от татар. Бежали от татар и “сторожеве Болгарьскыи”, стоявшие на реке Яик (р. Урал). Это был грозный отголосок несчастного для Руси 1223 года. Но знали ли в Восточной Европе в 1228 г. о том, что произойдет спустя менее чем десять лет с Русью?

1 апреля 1230 г. останки купца-мученика были перевезены из Булгара во Владимир на Клязьме.

В 1230 г. ростовские князья Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи послали к Юрию Всеволодовичу и к епископу Митрофану просить игумена и архимандрита монастыря Рождества Богородицы Кирила на епископскую кафедру Ростова Великого. Просьба была удовлетворена, и вскоре весь Ростов вышел навстречу новому владыке.

14 апреля 1230 г. Юрий Всеволодович женил старшего сына на дочери Владимира Рюриковича. Начал молодых епископ Митрофан в Успенском соборе Владимира на Клязьме.

Новый ростовский епископ Кирил недолго занимал место владыки. В 1230 г., в год своего установления, Кирил скончался. 17 апреля владыку погребли в монастыре св. Димитрия.

Землетрясение 3 мая 1230 г., по воспоминаниям св. Феодосия игумена Печерского, содрогнувшее Южную Русь, прокатилось и по северо-восточным землям. Во Владимире на Клязьме, в Успенском соборе, шла литургия, когда земля дрогнула и захолдела. На стенах церковью закачались иконы. Под сводами каменных соборов и рубленых церквок закачались из стороны в сторону паникадила. В Киеве, в Печерском монастыре, каменная церковь пресвятой Богородицы [быть может, Успения Богородицы] на глазах митрополита Кирила, Великого князя Владимира Рюриковича и множества изумленного народа треснула и “раступися” на четыре части.

Монастырская трапеза Печерской обители в праздничный день была уставлена столами, полными угощений. Громада каменного здания дрогнула, и “каменье дробное сверху падая” снесло со столов корму и питью”.

В другом центре Южной Руси в “Переяславли Руском” каменный собор Михаила “расседес на двое и пад перевод с кровлею”. Вслед за землетрясением притихшая Русь с ужасом стала наблюдать страшные небесные знамения. 10 мая на рассвете увидели восходившее солнце, бывшее на четыре пяди “яко и коврига”. А 14 мая 1230 г. “слнце начъ выгьбат” и “зрящимъ всемъ людмъ мало остана его и быс аки мсць” три дня.

В то время, когда в Киеве наблюдали солнечное затмение, на небесах явилось “столпове черлени земли, синии оба полы слнца” и “сид огнь с нбси”. Тот небесный огонь миновал небеса над Киевом “с пакости и пад в Днепръ”.

В мае 1230 г. в Суздале заботами владыки Митрофана приступили к росписи собора пресвятой Богородицы. Этот собор при епископе Симоне князь Юрий Всеволодович “рушилъ” и “опятъ созда краснейшу первыя”. Реконструировали церковь из-за того, что она “обетшала велми от многъ лет”. По видимому то был каменный собор, в 1101 г. выстроенный в Суздале Владимиром II Мономахом.

В 1230 г. Михаил Всеволодович ненадолго приехал из Южной Руси в Новгород. Могучая боярско-купеческая новгородщина продолжала противостояние на западе Литве и Ливонскому ордену, а на юго-востоке Ярославу Всеволодовичу и его Переяславской волости. Новгород нуждался хотя бы в моральной поддержке некоей внешней силы.

В новгородской Софии Михаил Всеволодович совершил обряд пострига сидевшему на Городище юному сыну Ростиславу. И “уя влась” сам архиепископ Спиридон. Как тесно и причудливо переплелись в славянском мире древние языческие обряды с христианским строем жизни и мышления.

Годом ранее, в 1229 г., на место посадника Иоанна новгородцы избрали нового посадника Володовика. И начались новые смуты на севере Руси. Старому посаднику Иванку дали в управление Торжок, да только “не прияша его” новоторжцы. Иванко ушел в Переяславль Залесский, к Ярославу Всеволодовичу.

А в самом Новгороде перессорился сын некогда могучего посадника Твердислава “Степанъ Твърдиславиць” с посадником Володовицом. На сторону Степана стал новгородский боярин “Иванко Тимошкиниць”. Этот Иванко на Городище избил людей посадника Володовика. На следующее утро новгородцы собрались на вече на Ярославовом дворе и пошли с него на двор посадника и разграбили его. Тогда посадник Володовик “възвари городъ весь”. К Володовику примкнул “Смень Борисовиць”. И пошли с вечера на “Иванка и на Якима Влунковиця и на Прокшу Лашнева”. Сторонники Володовика стали грабить дворы своих неприятелей. А на вече убили одного из них “Волоса Блуткиниця”. Несчастного Володовик обвинил в том, что он намеревался зажечь посадский двор. Зажгли “Прокшинъ двор”. Яким бежал к Ярославу Всеволодовичу. Иные противники Володовика затаились. Окончилась смута тем, что Володовик убил Иванка и бросил его тело в Волхов.

Мог ли Ростислав Михайлович, бывший мальчиком, вмешаться в ход бурных, окрашенных пламенем и кровью страстей, гулявших по Новгороду, подобно ветру над озером Ильмень? А на сентябрьский праздник Воздвиженья креста [27 сентября по новому стилю] “изби мразь... обилье по волости” новгородской. И сразу взлетели цены на продовольствие. Хлеб стали покупать по восемь кун [за меру], “а ржи кадь” по двадцать гривен, пшеница стала продаваться по сорок гривен, пшено по пятьдесят, а овес по тридцать гривен за меру. Сентябрьский мороз побил озимые всходы, еще не успевшие скрыться под снегом, но уже вышедшие из вспаханной и боронованной земли. Это была угроза голода, и народ принялся вкладывать средства в то, что не

имело цены, — в собственные животы. Недаром слова “живот” и “жизнь” на Руси практически неразличимы.

В новгородских землях начался голод, люди, бывшие не в состоянии заплатить требуемое за хлеб, умирали. Один горожанин по имени Станил вывез из Новгорода несколько тысяч [3030] покойников. Чем мог, стремился помочь голодавшим архиепископ Спиридон [бывший дьякон, волею жребия ставший владыкой], но возможности его были ограничены.

Тем временем возникла прямая угроза столкновения между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским из-за Новгорода. В дело вмешалось духовенство. В северо-восточные земли к князьям Большого гнезда из Киева выехал митрополит Руси Кирил. Отправил в поездку митрополита Великий князь киевский Владимир Рюрикович. От Ольговичей выехал черниговский епископ “Перфурий”. С посольством высшего духовенства в Залесские земли ехал игумен монастыря св. Спаса в Киеве на “Берестовемь” по имени “Петрь Акерович”.

Ярославу Всеволодовичу пришлось прислушаться к речам митрополита, владыки, других послов, а главное к речам старшего брата Юрия Всеволодовича. Так угроза войны Ярослава с Михаилом Черниговским в 1230 г. была устранена. Посольство с дарами вернулось в Южную Русь.

8 декабря 1231 г. Ростислав Михайлович с посадником Володовиком выехал из Новгорода в Торжок. А 9 декабря новгородцы убили боярина “Смена Борисовича”, разграбили его дом и села, “а жену его яша”. Погребли боярина в Юрьевом монастыре под городом. Разграбили и посадский “Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михалю, и Даньслава, и Борисовъ Тысячкаго, и Творимиричь и иных много”. Когда о том стало известно в Торжке, посадник Володовик “побеже съ Торжку съ братьею, и Борисъ Тысячский и Новоторжчи” к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов.

Погром бояр в Новгороде был вызван вестью о примирении Михаила Всеволодовича с Ярославом. Били сторонников Ольговичей, как полагали новгородцы, предавших город.

Посадничество дали “Степану Твърдиславичу”, а тысяцкое достоинство — “Миките Петриловичу”. То, что осталось от бежавших в Чернигов, разделили по “Стомъ”, то есть по городским сотням.

В 1231 г. посадник Володовик скончался в Южной Руси. Не вмешайся боярин в дела властные, жил бы он, объезжая свои села и деревни, и лиха не знал.

Новгород пригласил на княжение давнего недруга, бывшего в то же время и ближайшим союзником [при необходимости], Ярослава Всеволодовича. Новгородцы хорошо понимали, что сулят им хлебные блокады, да еще при нейтралитете южнорусских князей.

30 декабря 1231 г. Ярослав приехал в Новгород. На вече князь целовал образ Богородицы “на грамотахъ на всехъ на Ярославлихъ”. Пробыл Ярослав Всеволодович в Новгороде две недели, после чего

уехал в свою волость, в Переяславль-Залесский. В Новгороде Ярослав оставил своих сыновей Федора и Александра.

19.5. Голод 1231 г.

Весной и летом 1231 г. в Новгороде начался страшный голод — следствие сентябрьских заморозков 1230 г. Старые запасы истощились, а озимые не взошли. За кадь ржи платили гривну серебра. За хлеб давали гривну. Более других от голода страдал простой народ, не имевший ни сельских усадеб, ни амбаров и погребов, где что-то да хранилось, и не ведший торговли и оттого не располагавший гривнами и кунами. И принялся отчаявшийся люд “мъху ядыху, ушь, сосну, кору липову и листь ильми”. Дошло до того, что “простая чадь резаху людех живых и ядыху”. Ели “конину, псину, кошки”. Бояре, жившие запасами, достаточными для того, чтобы существовать не один и не два года, пытались бороться с крайними проявлениями отчаяния обесумевших от голода людей. Иных жгли, иных вешали, или секли, да только никому не становилось легче.

Поставили “скудельницу на поли конецъ Чюдиньчеве улици”. Это была вторая скудельница в Новгороде. Она быстро наполнилась умиравшими от голода народом. Третью скудельницу бояре и духовенство поставили на “колени, за св. Рожествомъ, и та же бысть пълна”.

В новгородских скудельницах в 1231 — 1232 гг. насчитали сорок две тысячи умерших. Дошло до того, что новгородцы стали отдавать детей “олдирень изъ хльба гостемъ” [то есть отдавали иностранным купцам].

Неурожай и последовавший за ним голод поразили не один Новгород. В 1231 — 1232 гг. “се же бысть не въ нашей земли одной [в новгородской], нъ по всей области Русстей, кроме Киева одного”.

В большом, многолюдном, богатом Смоленске в четырех скудельницах “положиша” сорок восемь тысяч людей “се же бысть по два лета”.

Голод ожесточил людей, те, кто не умер, держались из последних сил и не могли, да и не желая, помочь нуждавшимся.

Весна 1231 г. принесла Новгороду еще одно страшное бедствие. Пламя громадного пожара началось от “Матвеева двора отъ Вышковици, и погоре весь Коньць Славнский, оли и до конца Хълми, мимо св. Илию; нъ ублюде Богъ св. церковь”. Пожар был столь “лють”, что казалось, “яко по воде огни горяше, ходя чрезъ Вълхово”. Спасаясь от пламени, “головъ неколико истопе въ Волхове”.

Когда казалось, что “уже бяше при конци города сий”, из городов Северной Германии и Готландии в Новгород приплыли суда с хлебом.

19.6. Русь 1231 — 1237 гг.

В 1231 г. ростовский князь Василько Константинович отправил в Киев к митрополиту Руси и в

великому князю Владимиру Рюриковичу своего дьячка Кирила для “установления его епископом Ростову и Ярославлю и Оуглечю полю”. 7 апреля 1231 г. в киевской Софии было освящение нового ростовского епископа Кирила. На “соньме в Киеве” спрашивается едва ли не все высшее духовенство Руси. Помимо митрополита Кирила под сводами Софии стояли “Перфурий Черниговский епспъ. Олекса Полоцкий епспъ”. Кроме них присутствовали епископы “Белгородский и Гюргевский”. За увенчанными золотом и драгоценными камнями шестами и посохами владык были видны аскетические, увенчанные бородами, лица игуменов и архимандритов. Среди них находились “Печерская Анкюдинъ игумень. Михаило. Выдобытский. и игумень Петрь Спський. Семень Андреевский. Корниль. Феодоровский. Афанасий Васильевский. Семень Вскресенский. Климентъ Куриловский”. От Чернигова на торжествах присутствовал Иоан игумень Минчский”.

Помимо духовенства весенним утром в Софию собрались многие из князей Руси. Среди их алых, отороченных соболями плащей были видны Владимир Рюрикович, его сын Ростислав. За Великим князем шло стоять воеводе “тогда держащую тысящю Киевскую. Иоану Славновичу”. Там находились и Михаил князь Черниговский и снъ его Ростислав Мстиславич Мстиславъ. Ярославъ. Изяславъ и Ростиславъ Борисович и ини мнози князи”.

Это был светлый праздник Киевской Руси. И был он одним из последних. Оттого он кажется необыкновенно трогательным.

После службы духовенство, князья и множество народа сели в трапезной Печерского монастыря и принялись за пиршество, не зная, что походило оно скорее на тризну по Руси Киевской.

Когда новый ростовский епископ Кирил в мае 1231 г. возвращался на кафедру в чудный древний город на берегу озера Неро, навстречу ему вышел князь Василько с княгиней, боярами, игуменами, боярами, чернецами и “всеми мужами” ростовскими. Над дорогой высились кресты и хоругви, а над головами людей неслись глубокие, как небеса, древнерусские духовные песнопения.

А 24 июля 1231 г. у Василька Константиновича родился сын, в крещении нареченный Борисом.

14 августа 1231 г. в Ростове Великом владыка Кирил в присутствии князей, духовенства и бояр освятил церковь пресвятой Богородицы.

В 1232 г. вновь обострились отношения между князьями Большого гнезда и Ольговичами. Сам Великий князь северо-восточных земель Юрий Всеволодович выступил к городу, стоявшему посреди обширного поля, окруженного дремучими вятскими лесами, Черенску. и стоявъ станом на Уполозех”. Вскоре Юрий отступил во Владимир на Клязьме. Зато к Черенску подошли Ярослав Всеволодович и ростовские Константиновичи. Серенск сожгли, волость вокруг города повоевали. Осадили и расположенный неподалеку Мосальск. Под этим вятским городом застрелили “Олдана Подвойскаго” и отошли, не помирившись с Ольговичами, на север.

Князей ростово-суздальских земель Чернигов раздражал тем, что служил убежищем противных им новгородцев. Вскоре худшие подозрения князей Большого гнезда оправдались. Из Чернигова на север Руси выступили новгородские изгнанники “Борисъ Негоцевичъ. Михаль съ братомъ. Петръ Водовиковиць. Глебъ Сменовъ братъ. Миша”. Ехали на Север новгородские бояре с одним из Ольговичей — князем “Святославомъ Трубеческимъ”.

Когда этот отряд стал в “Буйце, въ селе св. Георгия”, стало известно, что истерзанный голодом, мором и пожарами, едва живой Новгород едва ли решится принять Ольговича. Князь понял безнадежность начатого предприятия и “оттоля вспятися Святославъ въ Русь”.

А новгородцам в Чернигове делать было нечего, и они поехали в Псков. В том городе схватили чиновника Ярослава Всеволодовича “Вячеслава” и заковали.

А в Новгороде “бысть мятежъ великъ”. Ярослав Всеволодович поспешил из Переяславля Залесского в Новгород. По приезде князь похватал бывших в городе псковичей и посадил их на “Городищи въ гридници”. В Псков Ярослав послал требование отпустить Вячеслава и изгнать новгородцев прочь. Псковичи в ответ потребовали прислать жен и “товаръ” укрывшихся в их городе новгородцев. Тогда Ярослав предпринял экономическую блокаду Пскова. Все лето он не пропуская в Псков гостей [то есть купцов], и цена на соль в городе взлетела до семи гривен за “бърковскъ”. Наконец, псковичи отпустили Вячеслава. В свою очередь Ярослав отправил жен “Борисовую. Глебовую. Мишную” в Псков.

Ближе к зиме, поняв, что экономическая блокада до добра не доведет и конца ей не видно, псковичи приехали в Новгород, поклонились Ярославу Всеволодовичу, назвав его своим князем. А “Борисове чади” [опальным новгородцам] псковичи “показаша путь съ женами”.

Наместником в Псков Ярослав Всеволодович отправил своего шурина Георгия [не понятно, кто тот Георгий].

В 1232 г. женился один из князей ростовской волости Владимир Константинович.

В 1232 г. на Руси снова слышали о страшных татарах. Стало известно, что они немного не дошли до Волжского Булгара и перезимовали невдалеке от столицы государства, располагавшегося при впадении Камы в Волгу.

Зимой 1232 — 1233 гг. князь Юрий Всеволодович отправил своего сына Всеволода в поход на мордву. В зимний поход выступили Федор Ярославович и рязанские и муромские князья.

В 1233 г. в Суздале была расписана и украшена мрамором церковь пресвятой Богородицы.

В 1232 г. в Смоленске скончался князь Мстислав Давыдович. И произошла трагедия. Святослав Мстиславович [внук Великого князя Романа Ростиславовича] с помощью полочан на праздник св. Бориса и Глеба взял Смоленск на щит и, “изсече смолнянь много”, завладел городом и княжеством.

В 1233 г. изгнанные из Пскова новгородцы ушли в город чудской земли Медвежьей Голову [Оденпе].

Там княжил сын хорошо нам знакомого Владимира Мстиславовича, некогда владевшего Псковом. Звали сына Ярослав, и был он по матери немцем.

Ливонские рыцари поддержали Ярослава Владимировича и новгородцев, и вскоре те заняли город-крепость Изборск, служивший западным пригородом Пскова.

Псковичи собрали собственные силы и, взяв в Изборске непрошенных гостей, выдали их Ярославу Всеволодовичу, наблюдавшему за происходящим из Новгорода. Так несчастные новгородские бояре, бежавшие из Торжка в Чернигов, Псков, Медвежьё Голову, оказались в вотчине своего злейшего врага, в Переяславле Залесском. Там же оказался и Ярослав Владимирович.

5 июня 1233 г. внезапно скончался старший сын Ярослава Всеволодовича Федор. Князь собрался жениться, был сварен мед и созваны гости, но дело кончилось тем, что Федора погребли в монастыре св. Георгия.

Разлад в отношениях Северной Руси и Ливонии углублялся, и дело шло к войне. В 1233 г. ливонцы схватили “Кюрила Синкиница” в местечке “Тсеве” и, заковав, посадили в Медвежьей Голове.

Весной 1234 г. Ярослав Всеволодович вступил в пределы, контролируемые Орденом, вызволил томившегося в заключении “Кюрила Синкиница”, и подступил к Юрьеву. Германцы сели в осаду в городах Юрьев и Медвежья Голова и выслали отряды навстречу сторожам Ярослава Всеволодовича. Рыцари “бились” с русскими сторожами до подхода “пълку”, то есть основного княжеского войска. Удача сопутствовала русским. Они теснили германцев. А на скованной морозом реке “Омовыжи” [Эмбахе] под рыцарями подломился лед и “истопе ихъ много”.

Ордену пришлось поклониться Ярославу и заключить с ним мир.

По возвращении из-под Юрьева Ярославу Всеволодовичу не пришлось отдыхать. Дерзкие литовские всадники незаметно подобралась к Старой Русе и стремительным набегом погнажи горожан “олы до търгу”. Старорусцы, вооружившись кто чем, сели в засаде. Были там и “Огнищане и Гридба. и кто купецъ и гости”. Литовцев из городского посада выбили, нескольких из них убили и потеряли своих четверых: “Попа Петрилу. Павла Обрядица и ина два мужа”. Литовцы успели разграбить монастырь св. Спаса и убить четырех чернецов.

От Старой Русы литва отступила на “Клинь”. Узнав о происходящем, Ярослав Всеволодович с новгородцами сел в “насады” и поспешил вдогонку за хищниками вверх по Ловати. Часть сил Ярослава шла берегом на “конихъ”.

Когда ладьи-насады стали у “Моравнина”, кончился хлеб. Поход был организован в спешке. Ярослав отпустил лодочников с ладьями к Новгороду и, пересев на лошадь, принялся далее преследовать отступавшую к югу литву.

Настигли литву на “Дубровне на селищи въ Торопчской волости”. Литовцев Ярослав разбил и, разогнав по лесу, взял у них лошадей и оружие. В сражении, произошедшем в чаще густых торопчских лесов, новгородцы потеряли десятерых мужей “Феда Якуновича Тысячскаго. Гаврила щитника Негутина на Лубяници, Нежилу серебряника. Гостилца на Кузмадемьяни улици. Федора Ума. Княжь Детской. другое Городищанинь и инехъ трое”.

Походы литовцев не проходили для них даром. Год от года их воинское искусство совершенствовалось, и приобретенный опыт превращал литву в весомую силу.

В 1236 г. согласно Алберту Стадскому [в 1237 или 1238 г. согласно русским летописям] германцы в Риге получили с родины мощное подкрепление. В поход на литовцев рыцари повели кроме чуди двести союзных Риге псковичей.

25 сентября “на Камне засадыю” литва разбила неприятеля наголову. В сражении погиб магистр ордена, престарелый Вольквин. В Псков из похода вернулся лишь десятый из ушедших.

В 1234 г. один из князей Большого гнезда Святослав Всеволодович в своем городе Юрьеве-Польском воздвиг каменную церковь в честь св. Георгия. Это живая поэма в камне, одна из немногих сохранившихся до наших дней в северо-восточных землях Руси.

1235 г. прошел на Руси относительно мирно. Только было затишье перед бурей.

В третью неделю августа 1236 г. Русь наблюдала знамение в солнце — “быс видети всем акы мѣсяць четыре дни”.

Осенью 1236 г. татаро-монголы вошли в пределы Волжской Булгарии и взяли ее столицу Великий Булгар. Население было избито, многочисленные товары купцов взяты, а город сожжен.

А Русь жила собственной мирной домонгольской эпохой. Зимой 1236 — 1237 гг. Великий князь северо-восточных земель Юрий Всеволодович женил своих сыновей Владимира и Мстислава.

В начавшемся 1237 г. епископ Митрофан на средства епархии поставил “кивоть”, украшенный “златомъ и сребром”, над трапезной в белокаменном Успенском соборе Владимира на Клязьме. В том же году был расписан притвор Успенского собора. Это были последние штрихи в украшении и создании чудной своей красотой могучей домонгольской Руси.

Глава 20. Нашествие Батыя (1237 — 1241 гг.)

20.1. Монголы вторгаются в Рязанские земли (1237 г.)

В 1227 г. Чингизхан скончался. Наследником был провозглашен его старший сын Угедей. Новый хан дал воинов своему племяннику Батыю и повелел идти на завоевание земель половцев, булгар и Руси.

Зимой 1237 г. на берег реки Воронеж, на рубеж Рязанского княжества, подошли “безбожнии Татары”. Батый прислал к рязанскому князю Юрию Ингоревичу [или Игоревичу] послов — “жену чародейцю и два мужа съ нею”. Батый потребовал “десятины во всемъ. и въ людехъ и въ Князехъ и въ конихъ. во всемъ десятое”.

Князь Юрий Ингоревич послал просить помощи Владимира на Клязьме к Великому князю Юрию Всеволодовичу. Но тот сам не выступил и помощи не дал. Тогда Юрий Ингоревич стал собирать рязанскую силу — Давида Ингоревича Муромского, Глеба Ингоревича Коломенского, Олега [Ингоревича] Красного, Всеволода Пронского и иных удельных князей.

Вскоре на высокий правый берег реки Воронеж подъехали рязанские князья: Юрий Ингоревич, Олег и Роман Ингоревичи, муромские и пронские князья. За реку послали сына князя Юрия Федора Юрьевича.

Батый принял дары рязанских князей, но потребовал у Федора Юрьевича: “Дай мне княже ведети кныи твоей красоту”. Русский князь рассмеялся речам Батыя. Федора Юрьевича убили. Тело его подобрал “един от пестун князя” по имени Апония.

А в Рязанских землях князя ожидала супруга (ираксея. Когда княгине сообщили о гибели мужа, ираксея “ринуся из превысокаго храма своего с оном своим со князем Иваном на среду земли. и ярасиася до смерти”.

Князь Юрий Ингоревич, обращаясь к братии и воирам, воздел руки к небесам и воскликнул: “О господия и братия моа, еще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертю живота купити, нежели в поганой воли быти”. Помолвившись и поклонившись образам, князь пожеловался с княгиней Агрипиной Ростиславовной, и князяв благословение епископа, выступил навстречу Батыю.

Началась злая сеча. Происходило сражение на южных рубежах рязанских земель вблизи реки Воронеж. Князья стремились не подпустить врага к своим городам и волостям либо умереть. Рязанцы дрались мужественно — так, как это умеют русские, но силы были слишком неравными. Батый, напротив, был в “силе велице и тяжце”. Один рязанский воин “бьяшеся с тысящей, а два со тмою”. И это отнюдь не преувеличение.

Юрий Ингоревич увидел, как пал за смертью его брат Давид, и воскликнул: “О братие моя милая! Князь Давид брат наш. наперед нас чашу испил. а мы ли сея чаши не пьем!”.

Батый подивился мужеству рязанцев. “Да противу гневу Божию хто постоит!”

Русские дрались с неприятелем, в десятки раз превосходившим его численно, в открытом поле и полегли все, за малым исключением. Из князей в той битве в живых остался лишь Олег Ингоревич Красный. И его “яша еле жива суця”. Олег истекал кровью от множества ран.

Князя привели к Батыю в стан, и великий завоеватель, потрясенный мужеством и красотой Олега, хотел его “изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити”. Но князь до конца сохранил гордость и верность своей земле. Отповедь, данная им Батыю, распалила гнев татар, но, быть может, именно тогда самыми глубинами рассудка они поняли, что русский народ покорить не удастся и рано или поздно возмездие за бесчинства их настигнут.

Олег пробыл в плену у монголов до 1252 г. и скончался в 1258 г.

Татаро-монголы рассеялись по рязанской земле и принялись города и села “бити. и сечи. и жещи без милости”. Города Пронск, Белгород Рязанский, Ижеславец были разорены до основания, а население избито без милости. “И течаша кровь христьянская. яко река сильная. и грех ради наших”.

Вслед за тем Батый собрал силы и подступил к столице княжества Старой Рязани. Штурм города без перерыва продолжался пять дней. Войско Батыя отводилось от стен города на отдых. Горожане бились неотступно. На шестой день осаждавшие подступили к стенам города “овии с огни. а инии с пороки. а инии со тмочисленными лествицами”.

Монголы привели в Восточную Европу немало китайских и иных азиатских инженеров, искусных в науке взятия укрепленных городов. У Батыя, имев-

шего грандиозные завоевательные планы на Западе, не было времени на долгие осады, рассчитанные на истощение запасов осажденных. Города брались если не с ходу, то за неделю. Расчет монголов на специалистов по стенобитным машинам и подкопам в 1237 — 1241 гг. практически полностью оправдался. 21 декабря 1237 г. Старая Рязань, город, стоящий на окруженном оврагами возвышении, над правым берегом Оки, пал. Жителям отступить было некуда, ибо отовсюду стояли монголы, а с севара стлала быстрые холодные воды Ока. Монголы ворвались в соборную церковь пресвятой Богородицы, служившую последним прибежищем осажденным, и посекали под ее высокими каменными сводами княгиню Агрипину с снохами и другими княгинями.

Там же были сожжены епископ и рязанское духовенство. Жителей стали избивать. Город разграбили и подожгли. Чудные красотой и величием каменные соборы Старой Рязани были разорены, а их алтари были залиты кровью. “И не оста в граде ни один живых”. [По ряду летописных данных князь Юрий Ингоревич Рязанский погиб не на реке Воронеж, а в Старой Рязани.] Ипатьевская летопись под 1237 г. сообщает, что Батый “взяша град Рязань копьем. изведше на лъсти князя Юрья. и ведоша Прыньскоу бе бо в то врем княгини его Прыньскы. изведоша княгиню его на лъсти оубиша Юрья князя и княгини его”.

От Старой Рязани Батый выступил на север к Коломне. Идти зимой через леса Мещоры монголы не могли и двигались долинами и руслами рек Оки и Москвы.

Согласно “Повести о разорении Рязани Батыем” один из рязанских бояр по имени Евпатий Коловрат в декабре 1237 г. с князем Ингваром Ингоревичем находился в Чернигове. Узнав о происшедшем, Евпатий с малой дружиной поспешил вслед за Батыем.

По прибытии в Старую Рязань Евпатий увидел страшную картину избиения и сожжения города и всей окрестной земли с селами, церквями и монастырями. Боярин собрал тысячу семьсот воинов, которых господь “соблюде быша вне града”, и погнал коней вслед монголам.

Настиг Батые Евпатий Коловрат к северу от Оки, в пределах Владимиро-Суздальской земли. Крошечный отряд Коловрата внезапно, словно оса, вонзился к громадное войско монголов. Началась злая сеча. “Еупатию тако их бьяше нещадно. яко и мечи притупишася. и емля татарския мечи и сечаша их”. И подумали изумленные монголы, что встали мертвые рязанцы. Евпатий проезжал татарские полки насквозь и “бьяше их нещадно”.

К Батыю привели пятерых изнемогавших от ран воинов Евпатия. Хан спросил, какой они веры, земли и почему творят ему много зла. Воины ответили, что веры они христианской, люди князя Юрия Ингоревича Рязанского, полка Евпатия Коловрата и посланы князем Ингваром Ингоревичем. Так монголы узнали имя своего противника.

Батый послал на Евпатия Коловрата шурина Хостоврула с полками. Монголы вознамерились взять Евпатия живьем.

Хостоврул сам съехался с Евпатием Коловратом. Рязанский боярин был могучим воином и “рясе сече Хостоврула на полы до седла”. И пошел Евпатий Коловрат сечь монголов по обе от себя стороны, как косарь траву по утренней росе. “Татарове боящеся. видя Евпатия крепка исполина” и поняли, что в открытой схватке его не одолеть. А Евпатий тем временем монголов “ових на полы пресекоши. и инех до седла краяше”.

Битва кончилась тем, что монголы, не смея подступить к будто вылитому из железа боярину, стали наводить на Евпатия множество стенобитных “пороков. и нача бити по нем ис тмочисленых пороков. и едва убиша его”.

Тело Евпатия Коловрата монголы принесли в стан к Батыю. Хан собрал своих военачальников и приближенных и, подивившись на русского боярина, сказал: “Аще бы у меня такой служил. держал бых его против сердца своего”.

Счастье и крепость Руси-матушки в том, что люди, подобные рязанскому боярину Евпатию Коловрату, врагам не служат. Думаю, что то зимой 1237 — 1238 гг. и Батый.

Тело Евпатия Коловрата отдали оставшимся в его полка воинам. Батый велел монголам людей отпустить и вреда им не делать.

Один из рязанских князей Ингвар Ингоревич из Чернигова от Михаила Всеволодича приехал в свою вотчину. На пепелище Старой Рязани, среди углекамней разваленных соборов, среди обгаренного застывшей на морозе кровью снега и льда князь отыскал тела матери, снох и родни. И “призва поны из веси. которых Бог соблюде”, схоронил мать и снох “кричаше велми и рыдаше”. Схоронили же погибших в Старой Рязани. Город очистили и могли и освятили.

“Земля Рязанская изменися доброта ея. и оти слава ея. и не бе в ней благо видети — токмо дым и пепел. а церкви все погореша. а великая церковь внутри погоре и почернеша”.

Схоронил Ингвар Ингоревич и свою братику князей Юрия Ингоревича, Давида Ингоревича Муромского, Глеба Ингоревича Коломенского и других князей, бояр, воевод и “ближних знаемых”. Тела принесли в Старую Рязань и отпели.

От Старой Рязани Ингвар Ингоревич ездил в Пронск и там собирал и хоронил погибших. Пошел князь и на реку Воронеж, подобрал тело Федора Юрьевича и упокоил его рядом с телом супруга Евпраксеи и их сына Ивана. Над могилами князь поставил каменные кресты. На месте погребения стояла церковь с образом св. Николая, в 1224 г. принесенного на Русь иереем Евстафием из греческой Херсонеса [Крым]. “И от сея вины да зовется иже кий чудотворец Николае Заразский. яко благовенная княгиня Еупраксея и с сыном своим князем Ином сама себе зарази”.

Сел на столе отца Ингоря Святославича князь Ингвар Ингоревич, в крещении нареченный Козма. И обнови землю Рязанскую. и церкви постави. и монастыри согради. и пришелцы утеша и люди собора”.

Еще один чудом уцелевший после нашествия Батые рязанский князь Кир-Михаил Всеволодович сел на столе своего отца в разоренном Пронске [Кир-Михаил по данным Новгородской летописи погиб в 1218 г.].

Ипатьевская летопись утверждает, что Кир-Михаил “оутече со своими людьми. до Соуждаля. и пожеда великомуу князю Юрьеву” [Всеволодовичу] о происшедшем в Рязанских землях.

Так Рязанская земля первой на Руси вступила в новый этап своей истории, пройдя через страшное, но многом очистительное (это свойство огня) пламя и кровь монгольского нашествия. То, как рязанцы встретили более чем сотысячное полчище монголов, было залогом грядущей Куликовской битвы. Русь живет по своим особым законам, никому не ведомым. Но одно из правил тех неписанных законов гласит: всякий пришедший на Русь со злом рано или поздно получит воздаяние и едва устоит при этом.

20.2. Вторжение монголов в земли Северо-Восточной Руси в 1238 г.

Князь Юрий Всеволодович, быть может, узнав о судьбе Рязани, и пожалел, что не выступил совместно с рязанцами против Батые. К Коломне, служившей своего рода воротами, запиравшими путь в Северо-Восточную Русь, Юрий Всеволодович вывел одного из сыновей — Всеволода — с полком.

У Коломны Всеволод вступил в сражение с монголами “и быс сеча велика”. В полку Всеволода были воеводу “Еремея Глебовича и иных мужии много”. Князь Всеволод с остатками отряда умчался к Владимиру на Клязьме. Батый же поднялся вверх долиной реки Москвы и подступил к Москве.

Наступил 1238 г. Маленькая Москва, на сотни миль окрест окруженная заснеженными лесами, след за Старой Рязанью, Пронском и Коломной приняла на себя страшный удар армии Батые. К деревянным стенам Москвы подступила не просто монгольская конница, то было армия едва ли не всей Азии. И еле заметный городок, площадь которого едва превышала три — пять гектаров, мужественно выдержал бой бесчисленной орде.

Москва была взята. В городе монголы убили воеводу “Филипа Нянка”. Население Москвы избились все, от старца до младенца. Город, церкви, монастыри и окрестные села были разграблены и сожжены.

В Москве монголы схватили сына Великого князя Юрия Всеволодовича Владимира.

Зимой Великий князь с малой дружиной выехал к Владимиру на Клязьме, “оурядив” на свое место сыновей Всеволода и Мстислава. В городе осталась

и супруга Юрия со снохами и епископом Митрофаном.

Юрий ехал на север, на верхнюю Волгу. Великого князя в поездке сопровождали три ростовских племянника — Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи. Юрий намеревался собрать все силы северо-восточных земель Руси и остановился в долине небольшой реки Сити (приток Волги). Там ожидали подхода братьев Ярослава и Святослава Всеволодовичей с полками. Воеводство князь Юрий страшной зимой 1237 — 1238 гг. дал “Жирославу Михайловичу”.

3 февраля 1238 г. монголы подошли к Владимиру на Клязьме. Князь Всеволод и Мстислав Юрьевичи и воевода их “Петрь Ослядюковичь” закрылись в городе.

Монголы подъехали к Золотым воротам города и стали спрашивать, есть ли во Владимире на Клязьме Великий князь Юрий Всеволодович. Горожане пустили по стреле в монголов. Те в ответ также выпустили стрелы по Золотым воротам и стали просить не стрелять.

Монголы подъехали ближе к воротам и, показав горожанам одного человека, спросили, узнают ли те князя Владимира Всеволодовича, привезенного из Москвы.

Всеволод и Мстислав Юрьевичи стояли на Золотых воротах. Они узнали брата.

Монголы объехали город и разбили стан против Золотых ворот. От Владимира на Клязьме часть сил Батые пошла к Суздалию. Город был взят. Древний собор, выстроенный Мономахом в 1101 г., был разграблен. Княжескую усадьбу в Кидекше, украшенную Долгоруким каменным храмом середины XII в., монголы сожгли. Сгорел и монастырь св. Димитрия “и люди все иссекоша”. Оставшихся в живых, по большей части женщин, монголы увели с собой и вернулись к Владимиру на Клязьме.

Скоро монголы “почаша наряжати лесы. и пороки ставиша до вечера а на ночь огородиша тыном около всего города Володимиря”.

7 февраля монголы приступили к стенам Владимира на Клязьме.

До обеда того же дня монголы сумели ворваться в город от Золотых ворот “оу стаг Спса” с запада, “по примету”, с севара от реки Лыбеди [одноименной киевской Лыбеди] “ко Ориным воротом” и к “Медяным”, от реки Клязьмы к “Волжьским” воротам. Так монголы взяли “Новый град”. Князь Всеволод и Мстислав Юрьевичи со всем народом отступили во внутренний “Печерный город”.

Епископ Митрофан с “княгини Юрьева. съ дщерью. и с снохами. и со внучаты. и прочие княгини. Володимиря с детми. и множество много боярь. и всего народа люди” закрылись в белокаменном златоглавом Успенском соборе-исполине, в стенах великого и чудного красотой детища Андрея Боголюбского. Это была последняя твердыня погибавшего города.

Монголы подожгли собор. Люди, стена и молясь, гибли в огне и задыхались от дыма. Вслед за

тем монголы выбили двери собора и оставшихся живых “оружьем до конца смерти предаша”. Собор Успения Богородицы монголы ограбили. С образа Владимирской Божией Матери, привезенного Боголюбским из Киева, а ранее из Византии, монголы содрали украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями оклад.

Начался грабеж. Принялись отирать оклады с икон, книг, хватать “крсты чстныя. и ссуды сщєнныя...и порты блжнх первых князии. еже бяху повешали в црквах стхъ на памят себе”.

Тогда были убиты “Пахоми” архимандрит монастыря Рождества Богородицы, игумен “Оуспенский. Феодосии Спський” и многие другие игумены, чернецы, попы и дьяконы “от оуного и до старца. и сущаго младенца. и та вся иссекоша”. Тех, кого монголы не убили, вели босыми в свои станы “издыхающа мразом” [морозом].

После падения Владимира на Клязьме части войска Батые выступили к городам Северо-Восточной Руси. Орды монголов и шедших с ними народов подступили к Ростову, Ярославлю, к Городцу на Волге и “ти плениша все по Волзе. доже и до Галича Мерьскаго”. Другие отряды выступили к Переяславлю Залесскому “и оттоле всю ту страну. и грады многи. все то плениша. даже и до Торжку”.

Трудно было найти место в ростово-суздальских землях, где бы не появились лисьи малахай монголов, несших смерть, огонь, разрушение или полон, быть может, более страшный, чем смерть. В залесских землях отряды Батые за один февраль 1238 г. взяли четырнадцать городов “опрочь слободъ. и погостовъ”.

Когда о происходящем сообщили Юрию Всеволодовичу, стоявшему на Сити, князь “възпи гласмь великимъ. со слезами. плача”. Юрий зимой 1238 г. потерял всех детей, супругу, снох, внуков, бояр, воинов, духовенство, людей и все города и волости. И произошло это в одночасье.

Согласно Ипатьевской летописи, когда один из сыновей Юрия — Всеволод, стоя на стене Владимира на Клязьме, увидел “порокы градъ бьющемъ. стрелами бещисла стреляющимъ” и почувствовал сердцем “яко крепчеє брань належить”, князь вышел из города навстречу монголам с малой дружиной с “дары многи”. Мог ли знать Всеволод Юрьевич, что у Руси друзья есть лишь тогда, когда никто не дерзает меряться с ней силой? Монголы зарезали Всеволода Юрьевича. Вне стен Владимира на Клязьме монголы убили и Мстислава Юрьевича.

Услышав подробности происходящего, Юрий Всеволодович сказал: “Луче бы ми оумрети нежели жити на свете семь. ныне же что ради оуас азъ единъ”.

Скоро князю сообщили, что к долине Сити подступили монголы, и Юрий “отложивъ всю печаль”.

Следует описать долину Сити, ибо Великий князь Юрий Всеволодович не случайно стал среди ее лугов страшной зимой и весной 1238 г.

Река Сить невелика. Начало она берет в лесах, в двух десятках километров к востоку от новгород-

ского города Бежецк. Верховья Сити отсекаются от среднего и нижнего течения реки лесами и болотами, именуемыми Болотея. Из самого сердца болот и лесов, с севера к руслу Сити, подходит одноименная речка — Болотея.

Ниже зеленого зыбучего массива Болотеи, к северо-востоку, по долине Сити шли земли, принадлежавшие владими́ро-суздальским, а позже угличским князьям. Границу, шедшую по Болотею, отделявшую новгородские земли Бежецкой пятинны от уделов суздальских князей, отмечает деревня с красноречивым названием Шелдомеж [шел до меж]. Небольшая деревенька в XIII в. служила межевым знаком.

Долина средней и нижней Сити с запада и востока обрамлена могучими лесными массивами, полными болот, мха и по сей день едва проходимыми.

К руслу Сити льнут небольшие деревеньки и украшенные церквями села. Ближе к низовью, при устье левого притока реки Каменки, долина Сити раздвигает лес по сторонам и образует небольшое ополье около десяти километров в диаметре. Свободные от леса и болот земли ополья густо застраены селеньями местных жителей — сицкарей.

Сицкари немногочисленны и по сей день славятся плотницким искусством и промыслом по изготовлению речных ладей или баркасов. Свообразен говор сицкарей. Его особенности указывают на население долины Сити как на обособленную группу славян в восточнославянском массиве населения верхней Волги. Сицкари — кто они, выходцы из словен новгородских или из кривичей полоцкой земли? Интуиция подсказывает, что сицкари пришли на Сить либо из земель западных [полоцкой] кривичей, либо вовсе из центра Европы, из бассейнов Вислы и Одера. Причем произошло это достаточно поздно, и именно поэтому сицкари оказались столь своеобразны среди словен новгородских, кривичей и вятичей, заселивших верхнюю Волгу.

Впрочем, мы несколько отвлеклись от повествования. Великий князь Юрий Всеволодович полагал, что, стоя в долине Сити, он находится в безопасности и защищен природой. В низовьях Сити и по сей день стоит деревня с названием Сторожево. Она венчает с севера ситское ополье и словно запирает подходы к нему от устья реки. Князь ожидал нападения монголов именно от устья Сити, то есть с севера. Но подошел неприятель с юга, от верхних Сити. Надежды на леса и незамерзавшие зимой топи Болотеи не оправдались. Следует сказать, что шли монголы по Северо-Восточной Руси в 1237

1238 гг. столь уверенно в значительной степени из-за достаточного количества проводников, прекрасно знавших пути и набранных преимущественно из торгового люда.

Взятие монголами Твери, Волока Ламского, Дмитрова, Кашина, Кснятина, городов верхней Волги и осада Торжка позволили Батыею добраться до долины Сити.

Юрий Всеволодович почувствовал неладное со стороны новгородских земель Бежецкой пятинны

Видимо, к князю приезжали гонцы из объятых пламенем Твери, Торжка, Углича. Юрий Всеволодович отправил в верховья Сити, к топям Болотеи, мужа Дорожа с тремя тысячами воинов “въ просоки. пырати Татаръ”.

Отряд Дорожа миновал рубежную деревню Шелдомеж, преодолел леса и топи Болотеи и вышел в верховья Сити, в новгородские земли, к деревне Божонка.

У Божонки Дорож принял сражение с монголами. Много русских воинов пало. Уцелевшие отступили по руслу Сити к деревне Могилицы, в самое древо Болотеи. Сам Дорож поспешил к князю Юрию Всеволодовичу со страшной вестью — “уже княже. обошли сут нас около татары”.

Это было полной неожиданностью для Юрия Всеволодовича. Стянутые князем на Сить силы были разбросаны на десятки километров по долине реки с юга на север. Собрать их воедино и преградить путь монголам в наиболее узком месте долины, там, где по сторонам к Сити подходят заболоченные леса, Юрий не успел. Не успел великий князь отгородиться засеками, рвами и валами. Похоже на то, что потрясение от происходящего во многом парализовало волю не только князя, но и его воевод, бояр и воинов.

Отряды монголов принялись стремительно продвигаться по долине Сити с юга на север. У отдельных деревень монгольским всадникам путь преграждали небольшие отряды русских ратников. Но они были не в силах сдержать монгольскую конную атаку и с честью складывали мужественные головы.

Местные предания повествуют о том, что жаркие сражения русские полки приняли у деревень, последовательно расположенных в долине Сити с юга на север: Станилово, Юрьевская. И тут монгольская конная лава вырвалась на простор ситского ополья. И закипела битва у деревень Давыдовское, Змазнецкое, Городище, Игнатово, Семеновская, Княгинино, Покровское. Указывают и на ручей с красноречивым именем Войсковый.

Предания указывают два возможных места гибели Великого князя Юрия Всеволодовича — деревня Юрьевское на южной окраине ополья и село Покровское [Сить-Покровское] на его северной окраине.

К вечеру 4 марта 1238 г. битва на Сити русскими была проиграна. Остатки ростово-суздальских полков устремились под спасительный покров окрестных лесов и болотной дрегвы.

В одном ряду с Великим князем Юрием Всеволодовичем на Сити сражались его брат Святослав Всеволодович, владевший Юрьевом-Польским, и племянники Василько, Всеволод и Владимир Константиновичи.

Тело Юрия Всеволодовича подобрал приехавший с Белого озера епископ Кирил. Владыка увез тело в Ростов, отпел его и похоронил в соборе пресвятой Богородицы.

На Сити монголы схватили ростовского князя Василька Константиновича. Они везли Василька до

“Шерньского” леса. Река Шерна прорезает зеленый массив междуречья Волги и Оки с севера на юг в самом ее центре и впадает в Клязьму выше современного Павлова Посада.

В Шернском лесу монголы раскинули стан и, подступив к князю Васильку, потребовали “быти въ их воли и воевати с ними” заодно. Василько ответил отказом. Князь был частью гордой домонгольской Руси, и мысль о покорности врагам была для него дикой. Монголы в лесу убили Василька и, бросив тело, уехали.

Тело князя в лесу отыскала “етера жена верна”. Женщина поведала о том “мужу бобоязливу поповичу Андрияну”. Василька подобрали и “понявцею обить. реку саваном. и положи его в скровне месте”.

Сообщили епископу ростовскому, духовному пастырю князя Кирилу и супруге Василька. Тело перенесли в Ростов Великий и погребли рядом с Юрием Всеволодовичем. Тогда же, по-видимому, с Сити “принесоша голову великаго князя Георгия [Юрия] и вложиша ю в гроб. к своему телу”. О князе Васильке Константиновиче автор Лаврентьевской летописи пишет:

“Бе же Василько лицем красенъ. очима светель и грозенъ. хоробръ паче меры на ловех. срцимь легок. до бояръ ласковъ”. Служившие Васильку бояре “никакож оу иного князя можаше быти”.

Супруга Василька Константиновича, дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского по имени “Феодулия”, приняла монашеский постриг в суздальском девичьем монастыре Ризы Богоматери. То была обитель, чудом уцелевшая после взятия Суздаля монголами. При пострижении княгиня была наречена Евфросинией.

После того как монгольский вал зимой 1237 — 1238 гг., прокатившись по ростово-суздальским землям из края в край, втянулся в земли Великого Новгорода, в сожженный Владимир на Клязьме приехал один из уцелевших князей Большого гнезда Ярослав Всеволодович. Города, села, монастыри были разграблены и сожжены, народ побит или разогнан по глухим лесам и болотам. Но жизнь брала свое. Весной надо было пахать и сеять, а осенью жать, и начал новый великий князь Владимирской Руси “ряды рядити” и тем “оутвердися в своем чстнемь княжении”.

В том же 1238 г. Ярослав Всеволодович отдал Суздаль уцелевшему в битве на Сити брату Святославу [владевшему Юрьевом-Польским]. А меньшему брату Ивану Всеволодовичу Ярослав отдал город Стародуб [на Клязьме].

Потомство Юрия Всеволодовича, включая детей, внуков и даже снох, погибло в огне 1238 г., и престол Северо-Восточной Руси освободился для Ярослава Всеволодовича — прародителя Александра Невского, Даниила Московского, Иоанна I Калиты, Симеона Гордого, Дмитрия Донского, Иоанна IV Грозного.

20.3. Монголы у Игнашова креста

В конце зимы 1237 — 1238 гг. отряды монголов долиной реки Тверцы подошли к Торжку. Значительные силы Батые в начале марта сражались на реке Сити, и осадой Торжка занимались передовые тымы [10 000-ные отряды] монголов.

Торжок осаждавшие обвели тыном “якоже инии гради имаху”. И били пороки по городням Торжка две недели. 5 марта 1238 г., на следующий день после битвы на Сити, монголы взяли Торжок приступом и “изсекоша вся оть мужьска полу и до женьска”. Там пали известные новгородскому летописцу “Иванко Посадникъ Новоторжский. Якимъ Влунковичъ. Глебъ Борисовичъ. Михайло Моисеевичъ”.

От Торжка монголы устремились к Новгороду. Пошли они не вверх по реке Тверце до Вышнего Волочка и далее рекой Мстой до озера Ильмень. Монголы двинулись долиной верхней Волги до озер Селигерской системы. Далее от села Залучье и городища Березовский Рядок монголы вышли на водораздел, не превышавший и пяти верст, между бассейном Волги и Ловати — Ильменя — Волхова.

Переход от Торжка и Твери до городища Березовский Рядок у армии Батые занял самое меньшее неделю. Март близился к завершению, и монголам, шедшим в глубь Северной Руси по льду замерзших рек и озер, было прекрасно известно, что в апреле реки вскроются. Со всех сторон нависали темные дремучие северные еловые леса. Монголы заколебались и смутились.

Передовые отряды Батые прошли водораздел от Березового Ряда на Селигере до “Игнача креста”. Современная деревня Игнашовка расположена в верховьях реки Шиберики, притока реки Полы, впадающей в Ловать, при устье озера Ильмень. То был один из нескольких древних речных торговых путей, ведущих из Центральной и Южной Руси к Новгороду.

От “Игнача креста” до Новгорода монголам оставалось одолеть сто старых верст [около двухсот современных километров с учетом извивов рек].

И вот Батые от “Игнача креста” поворачивает на юг, прочь от страшивших монголов лесов и топей необъятной Новгородской земли. Зимняя кампания 1237 — 1238 гг. отняла у Батые слишком много времени. Северо-восточные ростово-суздальские земли ценой собственной крови спасли русский север от разгрома и унижения.

Монголы едва успели выйти из системы озер и рек верхней Волги, как лед начал вскрываться и зимние пути до осени 1238 г. прекратили существование. Следует ли говорить, что ладей у монголов быть не могло и летняя военная кампания на севере Руси едва была возможна даже теоретически.

От Селигера долиной верхней Волги монголы спустились к Ржеву и Зубцову и восточными землями Смоленского княжества, оставив Смоленск на западе, достигли бассейна Оки.

20.4. Монголы в вятичском ополье. Осада Козельска

Так монголы вступили в земли вятичей. Батые мог миновать небольшой город Козельск, расположенный на берегу реки Жиздры [левый приток верхней Оки]. Дело в том, что князья, сидевшие в Козельске, участвовали в расправе, учиненной над послыми монголов перед несчастной битвой на реке Калые. Перед тем как осадить Козельск, монголы прощались чудное своей красотой ополье, украшающее центральные районы современной Калужской области, и подошли к крошечному городку Серенску. Город располагался на обрыве над глубокой долиной реки Силены, примерно в четырех десятках километров к северо-западу от Козельска. Серенск на Руси был по-своему уникален. Едва ли где в ином городе громадного государства работали ювелиры, раньше ювелирам Серенска.

Серенск был взят, население перебито, и почти полтора столетия после весны 1238 г. городище на реке Сереной оставалось в запустении. Монголы были столь жестоки, что, как свидетельствует археология, в округе не нашлось людей для того, чтобы схоронить погибших в Серенске. Могилой им стала трава и дерн, постепенно скрывшие мягким зеленым пологом чудовищную рану, одну из множества нанесенных Руси в 1237 — 1241 гг.

В Козельске были прекрасно осведомлены об образе действий подошедшего неприятеля и приготовились к обороне всерьез. Князь в Козельске был совсем юн. Звали его Василием, и был он одним из Ольговичей, возможно, потомком Михаила Всеволодовича Черниговского [и его сына Мстислава Михайловича Корачевского]. Став под городищем Козельска, монголы поняли, что “словесы лестныя ми не возможно бе гряд прияти”.

Началась осада Козельска. Семь недель пожимали в стены города. Наконец, в одном месте стена оказалась разбитой, и монголы взойшли на городскую вал.

“Козляне же ножи резахоуся с ними”. Горожане вышли из Козельска в пролом в стене и “исекоша праща ихъ” [осадные орудия] положили на месте четыре тысячи монгольских воинов. Там же сложили головы и козельцы.

Когда Батые завладел Козельском, он и его воины “изби вси и не пощаде от отрочать до едущих млеко”.

Куда в том кровавом кошмаре делся князь Василий, неизвестно. Полагали, что он “во крови оубо ноуль”.

Под стенами Козельска татаро-монголы потеряли трех сыновей темников, предводителей десятков тысячных отрядов. Монголы не сумели отыскать тел из-за множества убитых. Армия Батые нигде на Руси не сталкивалась со столь яростным сопротивлением и назвать Козельск его собственным именем не смела, но нарекла его “град злый”.

От Козельска, перейдя Жиздру и верхнюю Оку, Батые двинулся в “землю Пополовецкую”.

20.5. Взятие монголами Переяславля и Чернигова в 1239 г.

В 1239 г. Батые отправил часть сил к городку Южичу, запиравшему подходы к Южной Руси — к Переяславлю, “и взять град Переяславль копьемъ”. Население города было “избито”. Каменный собор архангела Михаила, один из древнейших и богатейших в Южной Руси, был разрушен, а ризницы его разграблены. Там монголы убили местного епископа Семеона.

От Переяславля татаро-монгольские орды подошли к Чернигову. Михаила Всеволодовича в Чернигове не было. Как только Ярослав Всеволодович весной 1238 г. уехал из Киева во Владимир на князье, на стол погибшего 4 марта на Сити брата Юрия, Михаил Всеволодович из Чернигова приехал в Киев.

Защищать Чернигов с полком подъехал лишь один из Ольговичей — Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаила Всеволодовича. Остальные Ольговичи предпочли укрыться от монголов в Венгрии.

Мужественный Мстислав Глебович сложил голову под стенами Чернигова. С князем полегли многие из его воинов. Древний, богатый Чернигов монголы взяли и подожгли. Местному епископу окранили жизнь. Его монголы повезли за собой к городу Глухову.

От Глухова орды повернули в степь. К Киеву, на левый берег Днепра, летом 1239 г. подъехал один из монгольских военачальников “Меньгоуканови”. Это был внук Чингизхана Менгу. Монголы, подойдя к Днепру, стали у “градька Песочного” и, увидев в горах, за рекой, громадный, увенчанный златыми главами множества соборов град, “оудивися красоте его и величествоу”.

Монголы отправили послов в Киев, к князю Мстиславу Всеволодовичу и к горожанам, “хотя е. прещити и не послушаша ег”. Монгольских послов в Киеве перебили. И именно после этого Михаил Всеволодович покинул Киев и устремился в Венгрию.

Итак, в 1236 г. Ярослав Всеволодович пришел с северо-востока в Южную Русь и отнял Киев у Великого князя Владимира Рюриковича. Весной 1238 г. Ярослав уехал из Киева в разоренный Владимир на князье. В 1238 г. Киевом овладел Михаил Всеволодович Черниговский. А в 1239 г. Михаил покинул Киев и укрылся в Венгрии.

Сын Михаила Ростислав удерживал Галич, но осторожно выехал из города в поход на Литву. Галичем и всей Западной Русью перед нашествием монголов завладел Даниил Романович. Этот князь объединил под своей властью Волынь и Галицию.

В 1239 г., когда полыхали Переяславль и Чернигов, на Руси произошло немало событий, не имевших, как казалось, прямого отношения к нашествию орд Батые.

Новый Великий князь Северо-Восточной Руси Ярослав Всеволодович в 1239 г. собрал уцелевших

детей и племянников. Собралось немало князей. Один из сыновей Ярослава в 1238 г. погиб в Твери [Федор?]. Зато остались живы шестеро других — “Олександръ. Андреи. Костянтинъ. Офонасии. Данило. Михайло”. В Суздале здравствовал участник битвы на Сити брат Великого князя Ярослава Святослав с сыном Димитрием. Выжили и племянник Ярослава со своим потомством “Иванъ Всеволодичъ” и Василий Всеволодович. Они получили в наследство от отца Всеволода Константиновича, сложившего 4 марта 1238 г. голову на Сити, город Ярославль с волостью. Пережил 1238 г. князь Владимир Константинович [быть может, Угличский]. А от убитого монголами в Шернском лесу в марте 1238 г. ростовского князя Василька Константиновича остались два сына — Борис и Глеб.

Это была немалая сила, и истерзанная Батые Ростово-Суздальская земля потихоньку начала приходить в себя. Летом 1239 г. в княжеской усадьбе под Суздалем, в Кидекше, на престольный праздник епископ ростовский Кирил заново освятил храм Бориса и Глеба.

В 1239 г. проявилась старая вражда между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским.

Выше писалось о том, что Михаил Черниговский в 1239 г. из Киева бежал в Венгрию, страшась громивших Переяславль и Чернигов монголов. Выбор убежища Михаилом был произведен отнюдь не случайно.

Сын Михаила Ростислав ранее бежал из Галиции от князя Даниила Романовича также в Венгрию. Ростислав Михайлович был женихом дочери венгерского короля Бельи. За сыном последовал и отец.

Когда летом 1239 г. на Руси стало известно об отъезде Михаила Всеволодовича Черниговского из Киева в Венгрию, произошли следующие события. Из Смоленского княжества в Киев приехал князь Ростислав Мстиславович. Узнав об этом, из Западной Руси в Киев приехал князь Волыни и Галиции Даниил Романович. Он отнял Киев у Ростислава Мстиславовича и увез его впоследствии в Венгрию, уходя от монголов. В Киеве Даниил Романович оставил одного из своих бояр по имени “Дмитра”. Мужественному боярину Даниил, уезжая на запад, велел “объдержати противоу иноплеменьныхъ языкъ” древнюю столицу Руси Киев.

В том же 1239 г. Великий князь Ярослав Всеволодович подъехал к волынскому городу “Каменьцу”.

Ярослав Всеволодович “взя Каменьць” и пленил в городе супругу давнего противника Михаила Всеволодовича Черниговского. В Каменце были пленены и бояре Михаила.

Вскоре у Ярослава Всеволодовича возникли осложнения. Дело в том, что супругой Михаила Черниговского была сестра Даниила Романовича Галицкого и Волынского.

Как только Даниил узнал о происшедшем в Каменце, от тотчас отправил послов к Ярославу Всеволодовичу с требованием отпустить сестру на Волынь. Ярослав не посмел послушаться, и княжна

[Феодора] вернулась к братьям Даниилу и Васильку Романовичам.

А в Венгрии в 1239 г. король Бела, прекрасно осведомленный о делах Руси, “не вдасть девкы своеи Ростиславоу и погна и прочь”. Так с позором Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав из Венгрии поехали в Польшу, к князю Конраду [Мазовецкому]. Из Польши Михаил отправил послов к Даниилу Романовичу с клятвою “яко николи же. вражды с тобою не имама имети”. Даниил и Василько Романовичи “не помянули” Ольговичам их сидение в Галиче, отдали Михаилу сестру, а самого Михаила Черниговского привели в свои земли. Более того, Даниил, посоветовавшись с братом Васильком, обещал Михаилу Киев. Сыну Михаила Ростиславу Романовичи дали один из крупнейших городов Волыни — “Лоуческъ”. Но то был 1239 г., и Михаил Всеволодович “за страхъ Татарскыи не сме ими Кыевоу”. Тогда Романовичи позволили Михаилу Всеволодовичу Черниговскому “ходить по земле своеи. и даста емоу пшенице много. и медуу и говядъ и овецъ доволе”.

Когда наступил 1240 г. и Михаил Всеволодович узнал о взятии Киева монголами, не теряя ни одного дня, князь с сыном Ростиславом, княгиней, боярами и слугами бежал в Польшу к Конраду [Мазовецкому].

Но и там Михаил не чувствовал себя в безопасности и “не стерпе тоуто” поехал к городу Вроцлаву. Когда Михаил оказался в немецком городке “именемъ Серета”, произошло несчастье. Германцы, удивившись богатству русского князя, разграбили имущество Михаила, побили слуг и “оуноукоу его оубиша” [видимо, ребенка Ростислава Михайловича].

Когда Михаил, вконец опечаленный грабежом и убийствами, узнал о том, что татаро-монголы уже в самом чреве Польши и готовятся к сражению с Индрихом, князь повернул коня на восток. Михаил вновь приехал в Мазовию, на глухой, обойденный монгольской бурей северо-восток Польши, ко двору Конрада. Но уйти от судьбы Михаилу Всеволодовичу Черниговскому так и не удалось. В 1246 г. Михаил был убит монголами в орде за отказ поклониться их божествам. Князь Михаил Черниговский впоследствии был причислен Русской православной церковью к лику святых.

Но вернемся к 1239 г. По возвращении из Западной Руси Ярослав Всеволодович подошел к Смоленску. Литовцы не преминули воспользоваться страшным ударом, нанесенным татаро-монголами Руси в 1237 — 1239 гг., и завладели Смоленском. Ярослав Всеволодович “Литву победи. и князя ихъ яль”. В Смоленске Ярослав посадил одного из местных князей — Всеволода Мстиславовича.

В ростово-суздальские земли Ярослав Всеволодович приехал “со множеством полона с великою чстью”.

Зимой 1239 — 1240 гг. татаро-монголы овладели мордовскими землями. Выйдя из глухих лесов к Оке, монголы сожгли Муром и пустились воевать по

долине реки Клязьмы, в ее низовьях. Тогда был сожжен уцелевший в 1238 г. город Гороховец. Суздальское ополчение монголы не стремились, понимая, что брать там нечего. О зиме 1239 — 1240 гг. составитель Лаврентьевской летописи написал: “Тогда же бе пополохъ золь по всеи земли. и сами не ведяху. и где хто бежить”.

Год 1239-й монголы кроме сожжения Переяславля, Чернигова и Гороховца с Муромом использовали для расправы с оказавшимися в тылу половцами. Половецкий хан Котян [тесть Мстислава Мстиславовича Храброго] был в 1239 г. разгромлен в степях нижней Волги Батыем. Хан Котян с сорока тысячами единоплеменников нашел убежище в Венгрии. Половцам отвели земли для кочевий, а сам Котян принял христианство.

20.6. Взятие монголами Киева в 1240 г.

Наступил 1240 г. Монголы перешли Днепр вброд. По-видимому, это произошло под горой Заруб, напротив разрушенного годом ранее Переяславля, в месте, где несколько столетий перепривались половцы, а ранее печенеги, угры и другие кочевники.

Монголы “облегли Киеву отовсюду” подобно океану. Горы, увенчанные стенами, монголы “отолпи”, и оказался Киев “во обдержаньи велице”. И не слышали киевляне речи друг друга “от гласа, скрипания телегъ ег [Батыя]. множества ревення вельблудъ его. и ржания от гласа стады конь егъ. и бе исполнена. земля Роуская ратных”.

Киевляне схватили под стенами города “Татары на именемъ Товроуль”. Пленник не стал что-либо скрывать от горожан и на все вопросы дал исчерпывающие ответы. Киевляне узнали, что под стенами города пришли монгольские воеводы: “Оурду и Баидаръ. Бирюи Кайданъ. Бечакъ и Меньгоу и Кююкъ”. Стали под Киевом и “Себедия богатоурн и Боуроунъдани богатырь иже взя Болгарскоуи землю. и Соуждальскоую. инехъ бечисла воеводъ”.

У Лядских [юго-восточных] ворот Киева Батый установил стенобитные орудия — “пороки”. Место было выбрано, так как “дебри” к Лядским воротам подступали близко и защищали осаждавших от стрел и камней киевлян. Пороки били по стенам Киева день и ночь без остановки. Наконец, стена у Лядских ворот пала. Но “возидоша горожаны не избыть стены”. Началась злая сеча. Повсюду был слышен “ломъ копейны. и щеть скепание. стрелъ омрачиша светъ”...

Обороной Киева руководил боярин Дмитрий [оставленный в столице в 1239 г. Даниилом Романовичем]. В сражении Дмитрия ранили.

Монголо-татарам удалось взойти на стены Киева, и там они “седоша того дне и ноши”. За ночь киевляне создали “другии град около стое Бие”. Видимо, то была Десятинная церковь на Старокиевской горе, древнейшая на Руси, выстроенная при князе Владимире I Святославовиче в конце X в.

Наутро монголы подступили к укреплениям Киева, и сражение возобновилось. Горожане забрались на “комарь црквныи и с товары своими”. От тяжести стены церкви рухнули.

Киев пал. Израненного боярина Дмитрия монголы вывели из объятых пламенем и стенами города, сохранив жизнь “моужьства ради его”, отвели в свой стан.

Перед Батыем и его несметной азиатской армией открылся путь не только на Волынь и в Галицию, но и в Центральную Европу.

20.7. Монголы в Западной Руси

Даниил Романович поспешил укрыться в Венгрии до подхода Батыя к Киеву. Западная Русь была незащищена. Монголы подступили к городу “Колодзяноу”, строящему и поныне в верховьях реки Случ. Это ворота на Волынь. Монголы установили у стен Колодзянина двенадцать пороков, но не сумели разбить стен. Тогда завоеватели пустились на хитрость и стали лукаво “перемольвливати люди”. Горожане открыли ворота и были безжалостно истреблены.

От Колодзянина монголы двинулись на север, по долине реки Случ, и подступили к еще одной крепости, охранявшей Волынь с востока, к городу Каменцу.

Батый занимал вопрос безопасности тыла, и он стремился последовательно завладеть всеми ключевыми твердынями и, лишь истребив их гарнизоны, двигался далее к западу.

Монголы завладели Каменцом и двинулись на запад к городу-крепости Изяславлю, в верховьях реки Горынь. Изяславль также был взят, и отряженный Батыем подступили к двум городам: Данилову и

Кременцу. И произошло чудо. Монголы, не знавшие неудач ни в Китае, ни в Иране, ни в других странах, откатились от стен Данилова и Кременца несолоно хлебавши. Оба города располагались на высоких скалах, и монголы, несмотря на все искусство своих инженеров, “видивъ же Кременецъ и градъ Даниловъ. яко не возможно прияти емоу. и отиде от нихъ”. То была заноза или своего рода рубец в сознании Батыя и его военачальников, не позволившая монголам долго пребывать в Центральной Европе.

Монголы взяли приступом обе столицы Западной Руси — Владимир Волынский и Галич и “иныи град многы. имже нес числа”. Население городов беспощадно избивалось. Завоевателям были нужны либо рабы, либо бездыханные тела. Всякий свободный человек должен был быть уничтожен.

Наконец, находившемуся среди монголов мужественному боярину “Дмитрови же Кыевьскому тысяцкомоу. Даниловоу” удалось убедить Батыя выступить в Венгрию. Дмитрий убедил монголов, что каждый день, проведенный ими на Руси, обернется против них усилением противников в Центральной Европе. Боярин не мог “види бо землю гибноущоу Роускою от нечстваго” и послужил отчизне еще раз чем мог. Армия Батыя двумя потоками хлынула в Польшу и Венгрию. Поход монголов на запад в 1241 г. продолжился.

Тут мы временно остановим повествование и обратимся к Руси раннего средневековья не как к государству с древней и богатой событиями историей, но как к земле, сохранившей множество видимых свидетельств и памятников минувших эпох. Рассмотрим Русь так, как ребенок видит окружающий его громадный и удивительно прекрасный мир — осязаемо, воочию.

Книга третья

Земли Древней Руси

На востоке Европы расположена громадная равнина, ограниченная с севера студеными водами Ледяного океана, с юга обласканными солнцем берегами Черного и Каспийского морей, с запада склонами Восточных Карпат, с востока хребтом Уральских гор. Центром равнины, вбирающим источники важнейших речных систем, является Валдайская возвышенность. Ее озера, леса и болота питают источники Волги, Днепра, Западной Двины, Ловати. С всхолмленной и по сей день покрытой дремучими лесами возвышенности крестом разошлись крупнейшие реки Руси, ее транспортные артерии и кровеносные сосуды торговли, культуры и расселенности. По берегам рек выросли города, монастыри, села, погосты.

Устойчивость русской культуры, языка, стремление к единению отдельных провинций великой равнины мистически предопределены перекрестьем крупнейших рек Руси в ее сердце. Лес, к счастью, и по сей день остающийся нетронутым, источает из своих первородных недр тысячи ключей, дающих начало едва заметным потокам, сливающимся в русла Волги, Днепра, Западной Двины, Ловати. Этот лес называется Оковским, и речь о нем впереди.

Если центр географический, а вернее речной, тяготеет к северо-западу Восточно-Европейской равнины, то центр политический в V—XIII вв. тяготел к ее юго-западу.

На высоком правом берегу среднего Днепра вырос колосс Древней Руси, названный именем основателя Киева.

Кроме имени славянского князя слово “кий” по-славянски означает дубину, шест, столб. Образно говоря, на среднем Днепре был поставлен столб, именуемый Кием или Киевом, вокруг которого в течение ряда столетий, словно вокруг стяга, собиралась русоволосая, голубоглазая славянская Русь.

Описание земель Древней Руси есть работа, в которой подчас материальное трудно отделить от духовного. Каждая пядь русской земли одухотворена жизнью предков и заключает в себе частицу их душ. О многом нам поведают археология, архитектура, летописание. Но очень важно уметь услышать в названиях деревень, рек, урочищ записи предшествующих поколений, зашифрованные в географических названиях как очень древний и сокровенный смысл собственного бытия и мировоззрения.

Глава 1. Киевская земля

1.1. Краткое географическое описание

Стремительный рост благосостояния и власти Киева во многом объясняется выгодами месторасположения. Напротив города в Днепр впадает река Десна, главная транспортная артерия северян, радимичей и вятичей. Выше Киева в Днепр впадают реки Припять, Тетерев и Уж, служившие транспортными артериями союзам древлян, дреговичей, волынян.

Верховья Днепра в VIII—XIII вв. населяли кричичи. В излучине нижнего Днепра в V—X вв. жили славяне-уличи. Союз полян занял берега среднего Днепра, между устьями рек Рось и Ирпень. Таким образом, союз полян оказался не просто в центре древнерусского речного бассейна, но на перекрестье важнейших торговых путей всего восточно-европейского мира V—XIII вв. Это обеспечило быстрое возвышение рядового городка полян — Киева.

Киев с юга был охвачен тремя кольцами обороны, выстраивавшимися по рекам Рось, Стugna и Северка. С запада и севера Киев прикрывался руслом реки Ирпень. Восточным рубежом Киевской земли служило русло могучего Днепра, изобилующее островами, старицами, широкими разливами, стремнинами, порогами и омутами. Правый берег Днепра — высокий, левый — низкий подобно берегам Волги и Дона. На холмах правобережья среднего Днепра было суждено расцвести свитому из камня и дерева цветку Древней Руси, матери городов русских — Киеву. Его памятники и поныне потрясают мощью и одухотворенностью.

Некогда окрестности Киева изобиловали дремучими лесами, полными куницей и прорезаемыми численными реками, запруженными бобровыми плотинами. К югу от реки Стугны леса редели, а южнее долины Руси леса вовсе уступали дикой ковыльной степи, перемежавшейся ярами и логами, заросшими ивняком, ольхой и орешником. Справедливости ради заметим, что к югу от Руси были и крупные лесные массивы, облежавшие долины рек, но в процентном отношении площади лесов значительно уступали степи.

К северу и западу от Киева, за скрытой дремучими чащами долиной реки Ирпень, шумело зеленое море непролазных древлянских лесов. Ходили по земле древлян руслами рек Тетерев, Здвиг и Уж.

Лады гостей [купцов] приставали к мосткам киевской оболони без счета. И текли в казну киевских князей гривны и куны, поднимая силу и значение города, придавая ему блеск золота и вес стали.

Опыт славян в противоборстве со степью исчислялся столетиями. В Киевской Руси обороне придавали огромное значение. Русь огораживалась с юга не только городищами и змиевыми валами, в крепости превращались целые речные долины на протяжении сотен километров.

Далеким предкам славян — индоевропейцам V—II тыс. до н. э., населявшим лесостепи Восточной Европы, издревле научились отсекать мысы приречных обрывистых утесов от напольной стороны линиями рвов и валов. Степные хищники обходили туры — городища — и устремлялись на поиски более легкой добычи, не забывая с досады осыпать оборонительные валы тучами стрел и дротиков.

Культура создания укреплений из земли и дерева у славян Восточной Европы очень древняя. Земляные укрепления Киевской Руси по масштабности стратегического оборонительного замысла могут сопоставляться лишь с системами обороны Черниговского и Переяславского княжеств.

1.2. История Киевской земли

Киев стал выступать как один из центров союза полян не позже V в. н. э. Заметим, что предпосылки к возвышению Киева были созданы еще во II в. до н. э. — I в. н. э. создателями зарубинецкой археологической культуры, жившими в районе Киева.

С 860 г. летописцы начинают упоминать Киев. С этого момента Киев подобно огромному гончарному кругу принялся вращаться, вбирая в поле своего влияния необозримые просторы востока Европы от Кольского полуострова на севере до Тамани на юге, от Люблина на западе до Уральского хребта на востоке. В IX—XI вв. Киев превратился в общерусский центр, стянувший сыромятными ремнями княжеской власти восточно-европейские земли в мощную державу, именуемую Древняя Русь.

В 1051 г. под Киевом был основан духовный центр государства — Киево-Печерская лавра. В Киеве расцвело русское летописание, богатейшее в Европе. В Киеве процветало все многообразие искусств, от зодчества и иконописи до духовного

пения. Развитие ремесел и торговли пролили на Киев золотой дождь, и купола столичных соборов оделись ослепительной кровлей, сверкавшей подобно звездам под счастливым древнерусским солнцем.

Во второй четверти XII в. единая Русь с центром в Киеве стала распадаться, словно огромная льдина, попавшая в теплые воды. Одновременно в XII в. началось стремительное возвышение ряда княжеств: от Галича на западе до Суздаля на востоке. Новые центры отстраивали соборы, вели летописание, учреждали епископии и создавали собственную структуру государственной власти и экономики. Казалось, Киев подобно вишне пускал ростки, но достичь блеска и величия древнерусской столицы не смог ни один город.

1.3. Города, селения, торговые пути Киевской земли

Север Киевского княжества

Неоценимые услуги нам окажет карта киевских земель VIII — XIII вв. Устье Припяти запирает городище с древнерусским культурным слоем, именуемое Лелев, и печально известный Чернобыль. Это дальние на севере форпосты Киева, контролировавшие начало речного пути на запад Руси. Кроме того, Чернобыль контролировал устье реки Уж, одной из главных речных артерий земли древлян в бассейне Ужа расположены древние города Искоростень и Овруч.

Устье реки Брагинки увенчано древнерусским селом Ладыжино. В основе названия села лежит славянское слово лад, а это некогда царившая в данном месте гармония видимого и невидимого миров, отраженная в естестве человека и в его отношениях с природой. В наше время село Ладыжино стоит пустым, а древний славянский лад нарушен.

Устье реки Тетерев с севера охвачено ожерельем древнерусских городищ и сел. Доминирует среди них Медвин. В бассейне Тетерева в древности располагалось множество древлянских городов и сел, и для Киева было важно контролировать устье реки. У Медвина шумел торг и собиралось мыто. У соседнего села Горностайполь могли торговать или промыслять пушниной. Название села указывает на бывшее богатство пушным зверем некогда богатых древлянских лесов.

Устье реки Ирпень с севера стережет городище Демидов, а с юга — древнерусский город Лютез.

К югу от Лютеза расположен знаменитый северный пригород столицы — Вышгород. Живая легенда русской истории вознеслась на вершине высокого холма над правым берегом Днепра не позже X в. В 946 г. «Вышгородъ градъ Вользинъ» [Ольгин] получал треть древлянской дани.

Внимание к Вышгороду со стороны Киева было не случайно. Помимо того, что Вышгород прикрывал речной путь к Киеву с севера, его городни и башни нависали над переправой через Днепр. Через нее шла кратчайшая дорога к Чернигову, и кон-

троль над переправой имел стратегическое значение для тех, кто сидел на киевских горах.

О Вышгороде писал Константин VIII Багрянородный, как о весьма важном центре Руси. В X — XIII вв. Вышгород вел международную торговлю, и на городском холме находят немало русских и греческих свинцовых печатей.

Заботился о Вышгороде Владимир I. Он держал в городе триста наложниц.

В X — XI вв. Вышгород быстро рос. Детинец города имел площадь в 7,5 га. Раскинувшийся под деревянными стенами околный город имел площадь в 6 га. Вокруг оборонительных сооружений города шумел лишенный укреплений торгово-ремесленный посад.

В 988 г. Владимир I выстроил в Вышгороде церковь св. Василия [видимо, деревянную]. В 1015 г. в этой церкви упокоили тела Бориса и Глеба. В 1019 г. церковь св. Василия сгорела. В 1020 г. при Ярославе Мудром на церковном пепелище возвели каменный трехнефный собор в честь св. Бориса и Глеба. Под сводами собора положили мощи первых христианских князей-мучеников Руси. Вышгородский собор был одним из древнейших и крупнейших на Руси.

В XI в. вышгородское боярство поддержано Святополка Владимировича Окаянного в расправе с братьями. Боярство и княжеская гридьба и челядь Вышгорода нуждались в продукции ремесленников, и город превратился в значительный центр производства. Над посадами пополз дым из горняк металлургов и кузнецов. Понеслись в небеса искры из печей гончаров, застучали молоточки ювелиров, загремели деревянные рамы ткацких станков. В то же время над берегом Днепра шумел торг. В обмен на мед, зерно и металлические крицы вышгородцы отдавали ткани, орудия труда и войны, выделанные кожи, украшения и многое другое.

В XI в. Вышгород благодаря храму и мощам св. Бориса и Глеба превратился в крупный духовный центр Руси. В 1072 г. авторитет Вышгорода освятил съезд Ярославичей. Гостей в Вышгороде принимал боярин Микула Чудин.

С 1078 г. Вышгородом и окружающей его волостью владел князь Ярополк Изяславович (+1138 г.).

В 1117 — 1128 гг. Вышгород принадлежал сыну Владимира Мономаха Мстиславу I Великому. Он отдал Вышгород своему сыну Всеволоду (+1138 г.).

В 1146 г. Вышгородом владел боярин Тудор. Принадлежал Вышгород и Великому князю Вячеславу Владимировичу (+1154 г.).

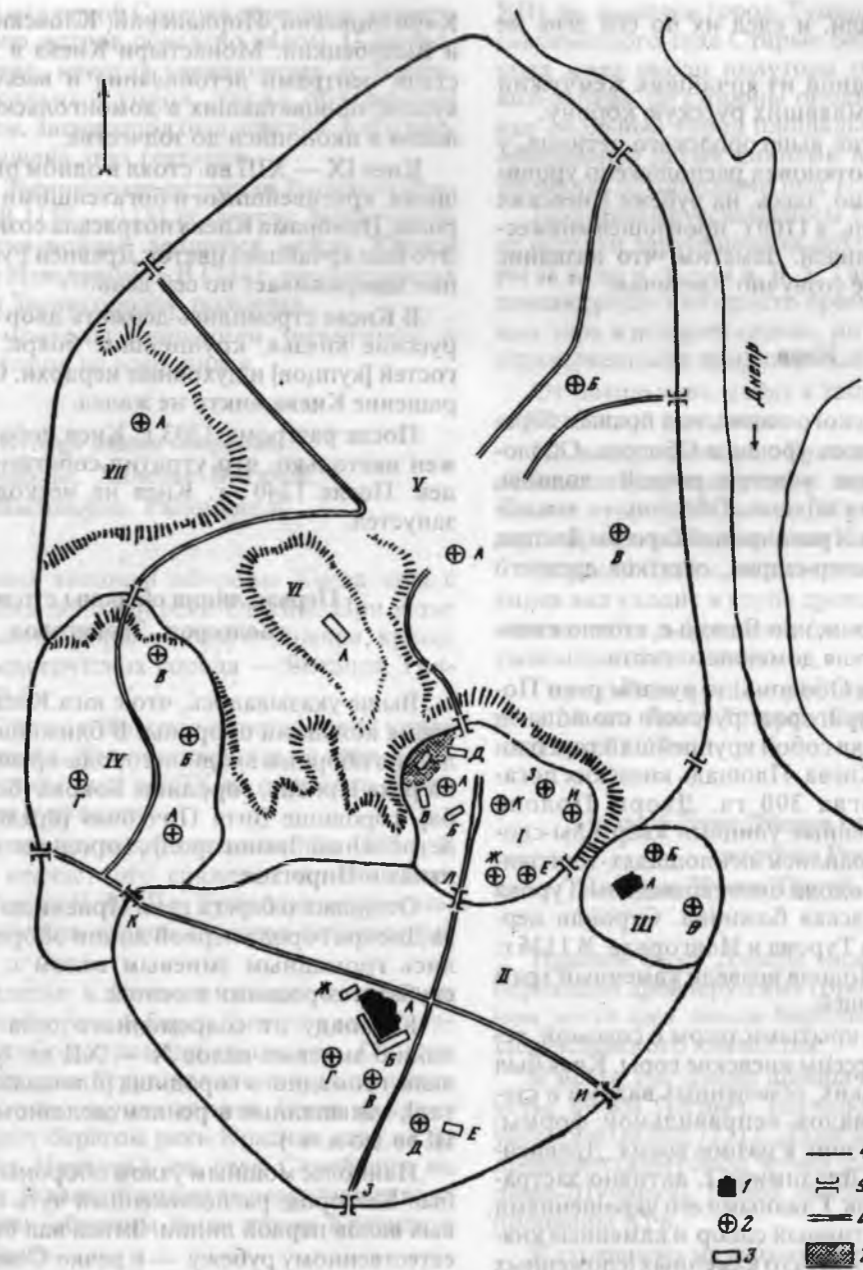
В 1174 г. Вышгород, защищавшийся Мстиславом Ростиславовичем Храбрым, с честью выдержал осаду объединенных сил Андрея Боголюбского.

До 1197 г. Вышгород принадлежал князю Давиду Ростиславовичу.

В 1218 г. в Вышгороде сидел Ростислав Рюрикович.

В 1093 г., 1136 г., 1146 г. Вышгород выдержал осады половцев.

В 1240 г. монголы превратили Вышгород в развалины. Был разрушен храм св. Бориса и Глеба

Древний Киев по П. П. Толочко:

- город Владимира: А — Десятинная церковь (время строительства 989 — 996 гг.); Б, В, Г, Д — княжеские дворцы (X в.); Е — Янчин монастырь (церковь св. Андрея освящена в 1131 г.); Ж — монастырь св. Феодора (церковь заложена в 1129 г.); З — Воздвиженская церковь (построена в 1225 г.); И — ротонда (XII — XIII вв.); К — Софийские ворота;
- город Ярослава: А — Софийский собор (1017 — 1037 гг.); Б — стена митрополичьего двора (XI в.); В — Георгиевский монастырь (церковь построена около 1051 — 1053 гг.); Г — церковь Богородицы (XI в.); Д — Ирнинский монастырь (церковь построена около 1051 — 1053 гг.); Е — Каменный дворец (XI в.); З — Золотые ворота (1037 г.); И — Лядские ворота (1037 г.); К — Жидовские ворота (1037 г.);
- город Изяслава-Святополка: А — Михайловская Златоверхая церковь Дмитриевского (позднее Михайловского) монастыря (заложена в 1108 г.); Б — Дмитриевская церковь (60-е годы XI в.); В — церковь св. Петра (около 90-го года XI в.);
- Копырев конец: А, Б — храмы Семионовского монастыря (вторая половина XI в.); В — церковь св. Иоанна (заложена в 1121 г.); Г — храм безымянный (конец XII — начало XIII вв.);
- Подол: А — церковь Богоматери Пирогощи (1132 — 1136 гг.); Б — церковь св. Михаила — Новгородская божница (около середины XII в.); В — церковь Бориса и Глеба — Турова божница (около середины XII в.);
- Замковая гора: А — каменная постройка, возможно, дворцовая (время сооружения неизвестно);
- Щековица: А — церковь (упомянута в летописи под 1183 г.); 1 — существующие храмы; 2 — развалины храмов; 3 — дворцовые постройки; 4 — линии укреплений; 5 — ворота; 6 — основные дороги; 7 — город Кия

Мощи святых пропали, и след их по сей день не обнаружен.

Вышгород был одной из ярчайших жемчужин в X — XIII вв., обрамлявших русскую корону.

За Днепром, против вышгородского детинца, у современного села Хотяновка расположено урочище Уветичи. Возможно, здесь, на рубеже Киевских и Черниговских земель, в 1100 г. произошел княжеский съезд Ярославовичей. Заметим, что название города Витачев также созвучно Уветичам.

Киев

Южнее вышгородского холма, над правым берегом Днепра, раскинулось урочище Оболонь. Оболонью славяне называли участки речной долины, затопляемые вешними водами. Оболонь — это обширный луг, с востока ограниченный берегом Днепра, а с запада — цепью озер-стариц, остатков древнего днепровского русла.

До 988 г. на Оболони, или Болонье, стояло капище Волоса, покровителя домашнего скота.

К югу от урочища Оболонь, за руслом реки Почайны, раскинулся пригород русской столицы — Подол. Он представлял собой крупнейший торговоремесленный посад Киева. Площадь киевских посадов в XII в. достигла 300 га. Дворы Подола формировали рассеченные улицами кварталы-слободы. А кварталы сходились на площадях-торговищах. На площадях Подола были возведены Турова божница и Новгородская божница. Строили церкви, видимо, гости из Турова и Новгорода. В 1136 г. на одном из торгов Подола возвели каменный храм Богородицы Пирогощей.

Над рубленными, крытыми тесом и соломой, теремами Подола вознесены киевские горы. Киев был составлен из нескольких, обведенных валами и стенами-городнями, овалов неправильной формы. Каждый из овалов возник в разное время. Древнейшим является город Владимира I, активно застраивавшийся в IX — X вв. Главными его украшениями были каменный Десятинный собор и каменные княжеские хоромы. Заметим, что каменных [сложенных из плинфы и булыжника] зданий в городе Владимира было не менее десятка, и жизнь в нем вращалась вокруг площади, именуемой Бабин Торжок.

В XI в. к югу от города Владимира вырос обширный город Ярослава. Его центр увенчала митрополичья кафедра Руси — киевская София. В городе Ярослава было несколько торговых площадей и как минимум два монастыря с каменными храмами XI в. св. Ирины и Георгия Победоносца.

Во второй половине XI в. Великий князь Изяслав I Ярославович (1057 — 1078 гг.) построил вершину Михайловой горы. Центром нового овала стал каменный златоверхий Михайловский собор 1108 г. На Михайловой горе в семидесятых годах XI в. были выстроены церковь св. Петра и Дмитров монастырь.

Завершили формирование панорамы Киева подгородние монастыри. Они вытянулись вдоль берега Днепра с севера на юг в такой последовательности:

Кирилловский, Йорданский, Кловский, Печерский и Выдубецкий. Монастыри Киева в XI — XII вв. стали центрами летописания и всего спектра искусств, процветавших в домонгольской Руси — от пения и иконописи до зодчества.

Киев IX — XIII вв. стоял в одном ряду с крупнейшими, красивейшими и богатейшими городами Европы. Панорама Киева потрясала сознание зрителя. Это был ярчайший цветок Древней Руси, и его обаяние завораживает по сей день.

В Киеве стремились держать двор едва ли не все русские князья, крупнейшие бояре, объединенные гостей [купцов] и духовные иерархи. Средств на украшение Киева никто не жалел.

После разгрома 1203 г. Киев поблек и был унижен настолько, что утратил собственных летописцев. После 1240 г. Киев на несколько столетий запустел.

Первая линия обороны столицы.

Белгород. Звенигород

Выше указывалось, что с юга Киев был охвачен тремя кольцами обороны. В ближайшую к столице линию обороны входили города-крепости Белгород на реке Ирпень, городище Боярка [боярская усадьба], городище Вита Почтовая [предположительно летописный Звенигород], городища в Хотове, Жуклянах и Пирогове.

От правого берега реки Ирпень до правого берега Днепра города первой линии обороны охватывались громадным змиевым валом с деревянными срубными-городнями в основе.

К западу от современного села Ходосовки в линию змиевых валов X — XII вв. были вписаны валы громадного городища [площадью в сотни гектар], насыпанные в реннем железном веке (VIII — III вв. до н. э.)

Наиболее мощным узлом обороны первой линии был Белгород, расположенный чуть севернее змиевых валов первой линии. Змиев вал был привязан к естественному рубежу — к речке Северке [от Ходосовки до Тарасовки] и к небольшому правому притоку Ирпени, превращенному ныне в каскад прудов [от Боярки до Бодрицы].

Белгород расцвел при Владимире I. В 900 г. великий князь обвел город оборонительной стеной. В Белгороде Владимир I содержал триста наложниц. Белгород был воротами Киева на запад.

В 1007 г. в Белгороде сидел сын Владимира I Борис. В XI — XII вв. Белгород превратился в уезд Киевской земли и был своего рода городом-откупом, дававшимся Великим князем родственникам или союзникам.

В 1240 г. Белгород был разрушен монголами и надолго запустел.

Центром первой линии обороны Киева было городище в селе Вита-Почтовая. Полагают, что в данном месте располагался летописный Звенигород. Это один из множества Звенигородов, разбросанных по Руси от Днестра до реки Москвы.

Высящееся над рекой Северка городище диаметром в полсотню метров обведено валом. С северо-востока к холму, некогда увенчанному детинцем, примыкал окольный город, также обведенный внешним валом. Звенигород был невелик, и его площадь не превышала двух гектаров.

В 1097 г. в Звенигороде ослепили Василька Ростиславовича. В 1150 — 1151 гг. вокруг Звенигорода выпели события войны, ведшейся между Юрием Долгоруким и Изяславом II. В 1234 г. русские князья встретили под Звенигородом половцев.

В 1240 г. монголы разрушили Звенигород, и впоследствии город не возродился.

Вторая линия обороны.

Триполье. Халепье. Витачев.

Васильков. Радомышль

Вторая линия внешней обороны Киева шла с востока на запад долиной реки Стугны. При устье Стугны, на высоком правом берегу Днепра, красовались три древнерусских города — Витачев, Триполье и Халепье.

Устья рек Стугна и Красная запирали город у трех полей — Триполье. Детинец высился на горе Девичьей. Валы города еще в XIX в. окружало более полутора сотен курганов.

Триполье упомянуто летописцами под 1093 г. В городе после несчастного сражения с половцами укрылся Святополк II. В XII в. Триполье с окружающей волостью стало уделом и имело собственных князей.

Города Халепье и Витачев своими детинцами венчали высокий правый берег Днепра в месте, где река обводит города громадным овалом. От стен Халепья и Витачева берут начало линии змиевых валов, словно нити от ушек иголок. Один из валов от Витачева идет берегом реки Красная едва не до Юрьева [Белая Церковь], до села Скребыши на речке Протока. В данной линии змиевых валов важнейшими узлами обороны были город Красное и городище Василев.

От стен Халепья на запад уходил еще один луч змиева вала. Обогнув долину реки Стугна с юга, вал пересекал верховья рек Унава и Ирпень и заканчивался на берегу реки Тетерев недалеко от села Корюк, давшего имя славянской археологической культуре V — VII вв.

Еще одна система змиевых валов второй линии обороны Киева проходила севернее реки Стугны. Она брала начало у реки Великая Бугаевка и, минуя долины рек Ирпень и Здвиж, четырьмя параллельными линиями достигла течения реки Тетерев у города Радомышль.

Во второй линии обороны доминировал стоявший над рекой Стугной город Высылков. Город высился при Владимире I. В XII в. в Василькове сидели собственные князья. В 1240 г. монгольская буря не пощадила города.

Между Трипольем и Васильковым вне линии змиевого вала на левом берегу реки Стугны в XI —

XIII вв. высился город Тумащ. Он располагался у современного села Старые Безрадици. Детинец города имел около полутора гектаров площади. С юго-запада, со стороны ополья, к детинцу примыкал окольный город площадью в восемь гектаров, обведенный двумя линиями валов и рвов. Тумащ упомянут летописцами под 1150 и 1170 гг.

Под древнерусским слоем Тумаща земля скрывает остатки зарубинецкой археологической культуры II в. до н. э. — I в. н. э. Таким образом, Тумащ демонстрирует не просто преемственность культурных эпох в истории славян, но и определенные пространственные и ландшафтные пристрастия славян.

От Василькова, уходя к западу, змиев вал огибает Плесецкое городище.

На водоразделе рек Ирпень и Здвиж змиев вал объединяет древнерусские городища Черногорка, Бышев и город Мотыжин [Мутижир]. Данный участок змиева вала прикрывал Киев с запада.

За рекой Здвиж, за древним селом Нежиловичи, змиев вал уходит в глубь древлянских лесов. Линия змиева вала в древлянском лесу с четырех лучей уменьшается до одного.

Город Радомышль расположен при впадении реки Мыка в реку Тетерев. Город упомянут в летописях под 1150 г.

Правый берег Днепра от устья Стугны до устья Роси.

Ржищев. Чучин. Заруб. Канев. Родень

Правый берег Днепра ниже Триполья увенчан гирляндой древнерусских городов. Змиев вал в данном месте шел левым берегом Днепра, по землям Переяславского княжества.

В месте, где Днепр поворачивает на восток, при устье речки Леглыч, расположен город Ржищев, упомянутый под 1151 г. Далее на восток расположен древнерусский город Чучин [современное село Балыко-Щучинка]. Город основан не позже второй половины XI в.

К стоявшему на высоком берегу Днепра детинцу Чучина площадью в 1,2 га примыкал окольный город площадью в 3,7 га. Валы города венчали деревянные срубы.

Особенностью Чучина было наличие сигнальной башни. В случае тревоги на вершине зажигали костер, видимый из соседнего Ржищева.

Побережье Днепра у Чучина было занято открытым селищем. В XIII в. Чучин был разгромлен монголами.

Против устья реки Трубеж, вблизи стен и соборов Переяславля, в месте, где Днепр поворачивает на юг, на высокой горе правого берега в VIII — XIII вв. стоял город Заруб [городище у хутора Монастырек]. Площадь Заруба достигала 5 га. Город окружало открытое селище.

В полукилометре от Заруба, на берегу Днепра, в XI — XIII вв. располагался монастырь с двумя каменными храмами. У зарубинецкого монастыря высокий берег Днепра был изрыт пещерами отшельников.

Заруб охранял брод на Днепре. Под Зарубом степные хищники чаще всего переправлялись на правый берег Днепра.

Впервые источники упоминают Заруб под 1096 г. Рассказывая о несчастном сражении на реке Калке, под 1223 г. летописец свидетельствует, что силы русских князей подошли на "Зарубь к острову Варяжскому". Ныне Варяжский остров затоплен водами Каневского водохранилища, и определить его местоположение точно затруднительно.

На юго-западе Заруб прикрывали древнерусские городища у современных сел Григоровка, Малый Букрин, Ходоров, Ульяники.

Ниже по Днепру расположен древнерусский город Канев. Его укрепления прикрывали еще один днепровский брод. Около 1144 г. в Каневе князь Всеволод Ольгович заложил каменную Георгиевскую церковь. В патерике Киево-Печерского монастыря о Каневе повествуется в связи с событиями XI в.

Укрепленный центр Канева занимал либо городище "Московка", либо гору у Георгиевской церкви.

Канев отовсюду защищали овраги. Город был значительным торговым центром Руси, так как ни один караван, шедший из Киева в Византию и обратно водами Днепра, не миновал пристани Канева.

Заметим, что место, занятое Каневом, не покидалось людьми с эпохи бронзы [II тыс. до н. э.]. Жили в горах Канева и создатели зарубинецкой культуры.

В 1240 г. Канев был опустошен монголами и до начала XIV в. стал местопребыванием баскаков.

Между Каневом и селом Пекари [в 7 км от Канева и в 2,5 км от села Пекари] на правом берегу Днепра некогда стоял город Родень. Детинец площадью в полтора гектара отделен валом и рвом от окольного города, площадь которого 2,5 га. Город защищали два оврага и днепровский обрыв.

В Родене найдены три свинцовые печати киевского митрополита Кирилла [1225 — 1233 гг.].

В 980 г. из Киева в Родень бежал князь Ярополк Святославович. Городу пришлось пережить долгую и мучительную осаду.

В селе Пекари есть городище с культурным слоем X — XI вв. [П. П. Толочко полагает, что именно в Пекарях следует видеть летописный город Родень].

Поросье и Корсунь. Богуслав. Торческ. Юрьев

Третья линия обороны Киева, или, вернее, Киевского княжества, протянулась с востока на запад долиной реки Рось.

Лента змиева вала прошла к северу от Роси, от низовья до Юрьева. За Юрьевом змиев вал раздваивается и, устремившись к западу, достигает реки Гуйва [правый приток реки Тетерев].

В поросье в древности стояло немало городов и практически отсутствовали лишние укрепления села. Тут русские князья селили присягнувших на верность тюрок — торков, берендеев и других.

Основание центра нижней Роси города Корсунь относят к 1032 г., ко времени Ярослава Мудрого. Имя города указывает на связь с миром греков и созвучно с крымским Херсонесом, оплотом Византии на полуострове.

Корсунь был не только узлом обороны юга Руси, но и крупным торговым центром. На торжище города звенели монеты, блестели на солнце слитки серебра, именуемые гривнами, слепили глаза золотые и серебряные сосуды.

После 1240 г. Корсунь опустел.

Выше по Роси, за чередой из шести древнерусских городищ, цементировавших оборону змиева вала, расположен город Богуслав. Вероятно, город был основан в XI в. при Ярославе Мудром, который селил по городам поросья пленных ляхов.

В 1195 г. Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо использовал Богуслав в политических целях. Князь требовал у Рюрика Ростиславовича доли в Русской земле, среди прочих городов называя Богуслав.

В 1238 — 1240 гг. Богуслав был опустошен монголами.

Выше по Роси, на берегу ее левого притока, реки Гороховатки, некогда стоял летописный город Торческ [в километре к югу от современного села Шарки].

Торческ представляет собой два разнесенных на полтора километра друг от друга укрепления, соединенных валом. Общая площадь Торческа 90 га. Восточное укрепление города содержит обведенный валом и рвом детинец. В Торческе стояла деревянная церковь, пол которой был украшен майоликовой плиткой.

Впечатляющая площадь Торческа объясняется тем, что жившие в поросье торки укрывали за валами города тысячи голов скота, выпасавшегося на водоразделе между реками Рось и Стугна.

Торческ, впервые упомянутый под 1093 г., имел смешанное славяно-тюркское население, и в этом своеобразие города.

В месте, где Рось с севера поворачивает на юг, змиев вал венчала яркая жемчужина — город Юрьев или Белая Церковь. Город основал Ярослав Мудрый. Детинец XI — XII вв. располагался в центре современной Белой Церкви. Площадь детинца невелика — 2 га. Зато мощь культурного слоя впечатляет — 4,5 м.

В поросье еще в XIX в. хранили предание о том, что в пору введения христианства на Руси на месте города Юрьева из березовых брусев сложили церковь. Быть может, это и есть Белая церковь, впоследствии давшая имя городу.

В XI в. в Юрьеве основали местную епископию. В 1072 г. епископ юрьевский Михаил присутствовал в Вышгороде при упокоении мощей св. Бориса и Глеба.

В XII в. в Юрьеве был возведен каменный собор — твердыня христианства в поросье.

В 1238 — 1240 гг. монголы опустошили и разрушили Юрьев.

Земли к югу от Роси. Боровица. Звенигородка. Липовец

Южнее долины Роси в V — XIII вв. располагалось немало населенных славянами городищ. Часть из них принадлежала союзу улчей, до XI в. занимавших земли в излучине Днепра.

Против устья реки Сулы и города Воинская Гребля на правом берегу Днепра стоит городок Боровица. В 1190 г. Великий князь Рюрик Ростиславович "ехаша къ Борову". В 1241 г. в Боровице татаро-монголы убили сына Михаила Черниговского Ростислава.

В окрестностях Боровицы раскидано множество курганов.

Боровица — это один из крайних на юго-востоке восточных Киевского княжества X — XIII вв.

Стоящий выше Боровиц на правом берегу Днепра город Черкассы по преданию был основан киками-черкасами на рубеже XIII — XIV вв. Однако в Черкассах находят предметы материальной культуры домонгольской Руси и более древних эпох.

К югу от Роси, на берегу реки Гнилой Тикич, высится городище Звенигородка. Поселение было разрушено монголами и вновь возродилось только в 1545 г.

А на высоком берегу реки Соби [приток Южного Буга] стоит древний славянский городок Липовец. В округе после 1241 г. собирались кочевавшие в правобережном поднепровье татары-липаны.

Земли древлян. Житомир. Малин. Овруч

К западу от очерченного голубыми лентами рек треугольника киевских или полянских земель раскинулись земли древлян. Этот лесной край к X в. располагал многочисленными городами.

Гушу древлянских лесов подобно кровеносным сосудам прорезают правые притоки Днепра — реки Движ, Тетерев, Ирша, Уж. Богата древними городами и селами долина верхнего Тетерева. Выше города Радомысль, Мическ и Коростышев расположен Житомир.

Город мирного жита стоит при впадении в Тетерев реки Каменка. Местное предание утверждает, что город был основан около 884 г. одним из бояр киевских князей Аскольда и Дира по имени Житомир, не пожелавшим кланяться Олегу.

Летопись впервые упоминает Житомир под 1240 г. В этом году монголы опустошили город.

В окрестностях Житомира берега Тетерева полны древних городищ. Часто городища составлены из нескольких площадок. Укреплениями им служили речные обрывы, склоны оврагов и дубовые срубы, плотно пригнанные друг к другу по периметру городищ.

В раннем средневековье на городищах никогда не замирала работа металлургов, кузнецов, ювелиров, гончаров, скорняков, ткачей, бондарей, плотников, каменщиков и других мастеров.

Над рекой Ирша [левый приток среднего Тетерева] стоит древлянский город Малин. Справедливо предположить, что город в X в. принадлежал сватавшемуся к княжне Ольге князю Малу.

Город древлян Искоростень расположен в верховьях реки Уж. Севернее Искоростеня, на реке Норин [левый приток Ужа], стоит одна из жемчужин Южной Руси — город Овруч. Детинец Овруча самой природой выпестован подобно гнезду и тщательно упрятан на высотах, отовсюду обведенных крутобкими оврагами.

Овруч украшен двумя памятниками домонгольской Руси.

Согласно местному преданию громадный курган, высящийся у Овруча, скрывает князя Олега Святославовича, найденного мертвым во рву города после сражения с братом Ярополком.

После принятия христианства над тесовыми крышами Овруча вознесся каменный собор св. Василия, будто бы выстроенный Владимиром I.

В XII — XIII вв. Овруч с волостью стал одним из уделов Киевской земли.

Древлянские земли от Волыни отделяет не раз упоминавшийся летописцами Чертов лес. За его делями, в долине реки Солунь, расположены крайние на востоке города и села Волыни.

Глава 2. Турово-Пинские земли

2.1. Краткое географическое описание

Издrevле по берегам рек бассейна Припяти селились индоевропейские народы. Могучие леса, на сотни верст окрест обступившие Припять, служили верной порукой безопасности. По Припяти на рубеже III — II тыс. до н. э. индоевропейский мир разделился на два больших из множества прочих лагеря — протобалтский и протославянский.

Несколько тысячелетий леса и болота Припяти вынашивали восточное крыло славянского этноса. Природа кохала славян, одаривала их собственными богатствами. Реки были полны рыбы, леса — дичи и стволов для строительства жилищ, а воздух был чист и прозрачен, как дыхание ребенка.

Жили в недрах припятских лесов создатели зарубинецкой культуры рубежа эр. Селились в припятском полесье и носители культуры Прага — Корчак.

В VIII — X вв. в бассейне Припяти начался быстрый рост городов. Киев, одолев древлян, включил Припять в поле своего влияния и распространил по волостям страны лесов, рек и болот государственную власть.

Несмотря на то, что Турово-Пинские земли были закрыты от внешнего мира зеленой, заросшей мхами толщей Полесья, княжество и его города процветали. Во внешний мир выходили долинами рек. На Воынь вела лента Горыни. По берегам Горыни свили гнезда многочисленные древнерусские города. На Днепр спускались водами Припяти. В полоцкие земли поднимались долинами рек Лань, Морочь, Птичь [левые притоки Припяти].

Контур Турово-Пинского княжества соответствует владениям славянского союза дреговичей, жителей дрегвы, то есть болота. Данное совпадение не случайно. Скорее это правило сложения древнерусских княжеств, зиждившихся на фундаментах славянских союзов I тыс. н. э.

2.2. История Турово-Пинских земель

Рассмотрим генеалогию Турово-Пинского княжества.

Великий князь Святополк I Окаянный — князь Турова [1015 — 1019 гг.].

Великий князь Изяслав I Ярославович — князь Турова [1057 — 1078 гг.].

Ярополк Изяславович [+ 1088 г.].

Великий князь Святополк II — князь Турова [1093 — 1113 гг.].

Ярослав Святополчич — князь Турова [+ 1123 г.] [Эпоха смут и частой смены иногородних князей.]

Вячеслав Владимирович — с 1125 г. в Турове [+ 1154 г.].

Великий князь Святослав Всеволодович в 1142 г. роздал туровские земли Ольговичам.

Юрий Долгорукий сажал в Турове сыновей Аидрея и Бориса.

Юрий Ярославович [князь Турова 1144 г.].

Вячеслав Ярославович [сидел в Клецком уделе в 1128 г.].

Святополк Юрьвич [Туров 1162 — 1190 гг.].

Иван Юрьевич [Туров 1170 г.].

Глеб Юрьевич [г. Дубровица, умер в Турове в 1195 г.].

Ярослав Юрьевич [Пинск 1185 г.].

Ярополк Юрьевич или Святополчич [свадьбы в Пинске 1190 г.].

Александр [князь Дубровицы]. Сражался на реке Калке в 1223 г.

Владимир.

Ростислав.

Федор Демид Юрий [князь Пинска] Владимировичи.

Ростислав.

Александр [кн. Несвижа + 1223 г. на реке Калке].

Первым Великим киевским князем, владевшим Туровом, был Святополк I Окаянный. Он был женат на дочери польского короля Болеслава I Храброго. Польская княжна держала у себя на Руси епископский город Колобрег [круглый берег на Балтике] Рейнберга.

Святополк I имел двух старших братьев. В Новгороде сидел Вышеслав, а в Полоцке княжил Изяслав Владимирович. Случилось так, что оба старших брата умерли еще при жизни отца Владимира I. Изяслав скончался в 1001 г., и его сыновья положили начало полоцкой династии князей. О потомках Вышеслава данных нет.

У Святополка I рано возникла мысль о киевском столе. Владимир I думал иначе. Он желал видеть в Киеве Бориса. Союзником Святополка I выступил тесть Болеслав I. В 1013 г. Болеслав I организовал военный поход на Русь, но успеха не добился.

Святополк I и жившие при его дворе поляки до 1013 г. были уличены в заговоре и оказались в темнице. Епископ Рейнберг из темницы не вышел и скончался в заточении. Рейнберг пытался играть на Руси роль католического мессии и оказался еще менее удачливым, нежели епископ Адальберт.

В 1013 г. Святополк I выпустили из темницы, посадили княжить в Вышгороде, поближе к зорким очам отца. В Вышгороде Святополк I и условился с местными боярами об избииении братии. В бытность Великим киевским князем Святополк I держал Туров за собой.

Ярослав Мудрый не желал признавать даже условной самостоятельности отдельных провинций и городов. Туров, как и многие другие города, управлялся из Киева с помощью посадников.

Великий князь Изяслав I Ярославович, сев в Киеве, сохранял за собой Туров. В 1073 г. Изяслава I братья изгнали с Руси, и князь укрылся в Польше. Владевший Киевом Святослав Ярославович отдал Туров младшему брату Всеволоду Ярославовичу.

Великий князь киевский Всеволод Ярославович отдал Туров и Воынь одному из сыновей Изяслава I Ярополку, а будущий Великий князь Святополк II в это время поехал княжить в Новгород.

У Ярополка Изяславовича Воынь в 1084 г. отделили родственники. Среди них называют печально известного Давида Игоревича [сына воынского князя Игоря Ярославовича (+ 1060 г.)] и детей галицкого князя Ростислава Владимировича (+ 1065 г.). Ярополк Изяславович сумел удержать за собой Туров. Впоследствии, оперевшись на помощь Владимира II Мономаха, Ярополк вновь укрепился на Воыни.

При Ярополке Изяславовиче Туров стал утрачивать былое значение. После кончины Ярополка (+ 1088 г.) в Турове сел Святополк II. Став Великим киевским князем, Святополк II сохранил за собой Туров.

Согласно местному преданию вторая жена Святополка II гречанка Варвара основала в Турове Варварин монастырь.

В Киеве Святополк II содежал туровскую дружину, служившую князю преданной гвардией.

Под 1097 г. летописцы впервые упоминают Пинск, вторую столицу припятского полесья. Пинск упомянут в связи с ослеплением Василька Ростиславовича.

У Святополка II было много сыновей. Поначалу Туров принадлежал его старшему сыну Мстиславу, прижитому от наложницы.

У Мстислава был отряд пинских воинов.

Впоследствии Туровом владел Ярослав Святополчич. Мономах отнял у Ярослава Туров, оставив князю Владимир-Воынский. Позже Мономах отнял у Ярослава и Владимир-Воынский.

Ярослав привел из Венгрии помощь, но в 1123 г. погиб от руки подосланного убийцы.

В 1125 г. в Турове сел сын Мономаха Вячеслав. При этом Вячеслав оставил Смоленск. Князь часто покидал Туров, уезжая то в Переяславль, то в Киев

или Вышгород, и земли припятского полесья стали переживать смуты и внешние вмешательства.

В 1139 г. в Киеве сел старейший из Ольговичей — Всеволод II. Несмотря на то, что в Турове стали появляться и Ольговичи, и Мономашевичи, и даже дети Долгорукого, потомки Святополка II сумели сохранить за собой часть земель и городов в бассейне Припяти. Известно, что в 1144 г. в Турове вокняжился Юрий Ярославович, внук Святополка II, а в Клецке и волости сидел еще один внук Святополка II — Вячеслав Ярославович.

В 1142 г. Всеволод II Ольгович изгнал Всеволода Владимировича из Турова в Переяславль [на стол отца Владимира II Мономаха]. В Турове Всеволод II посадил сына Святослава. Ольговичи разделили Турово-Пинские земли на уделы и разобрали города.

Скоро из Переяславля в Туров вернулся Вячеслав. После кончины Всеволода II (+ 1146 г.) всех Ольговичей с братьями и посадниками изгнали из Турово-Пинских земель.

Вячеслав занял Владимир-Воынский и навлек беду на Туров. Племянник и Великий князь киевский Изяслав II Мстиславович послал на берега Припяти братьев. Епископ Турова Аким и посадник Жирослав Яванковиц были пленены. Самого Вячеслава Владимировича отправили в Пересопницу. В Турове Изяслав II посадил сына.

В 1149 г. в борьбу князей Южной Руси вступил Юрий Долгорукий. В 1150 г. Юрий отдал сыну Андрею Боголюбскому города Туров, Пинск, Пересопницу. В 1150 г. Изяслав II изгнал Долгорукого с сыновьями из Южной и Западной Руси.

В 1154 г. Ростислав Мстиславович Смоленский, ненадолго занявший Киев, отдал Туров Святославу Всеволодовичу, бывшему старейшим среди Ольговичей.

В 1155 г. Долгорукий отдал Туров сыну Борису. После внезапной кончины Долгорукого один из внуков Святополка II — Юрий Ярославович — завладел Туровом и имел на то определенное право.

Севший в Киеве Изяслав Давыдович организовал едва не общерусский поход на Туров. Десять недель осады не дали результата, и Изяслав Давыдович бесславно отступил от Турова. Секрет стойкости города был сокрыт в том, что жители устали от частой смены чужих князей, приводивших чужих бояр, посадников и гридьбу.

В 1160 г. Туров вновь проявил стойкость. Город и сидевший в нем Юрий Ярославович выдержали трехнедельную зимнюю осаду воынских князей. Привел полки к Турову будущий Великий князь Мстислав II Изяславович.

В 1162 г. Великий князь киевский Ростислав Мстиславович помирился с Юрием Ярославовичем. Тем самым Мономашевичи признали возвращение Турова потомкам Святополка II.

Мужественному Юрию Ярославовичу наследовали многочисленные сыновья.

Под 1162 г. и 1190 г. упомянут князь Святополк Юрьевич Туровский. Под 1195 г. упомянуто о кон-

чине князя Глеба [Юрьевича] Туровского. Под 1170 г. пишут об Иване Юрьевиче из Турова.

Под 1183 г. упоминается Ярослав [Юрьевич] Пинский. В 1190 г. в Пинске справляли свадьбу Ярополка [Юрьевича].

Предположительно Юрий Ярославович так посадил сыновей в своих землях: Святополк в Турове, Иван в Турове, Глеб сидел в Дубровице, но скончался в Турове (+1193 г.).

Ярослав Юрьевич стал основоположником рода пинских князей.

В 1185 г. Ярослав Юрьевич принял участие в походе на половцев. Наследовал Ярославу в Пинске Ярополк [Юрьевич].

Под 1228 г. упоминается пинский князь Ростислав. Его детей пленили в Черторыйске.

В 1229 г. Владимир Пинский защищал Брест, выступая как союзник Даниила и Василька Романовичей. Ранее Владимир Пинский упоминается под 1204 г. Кто был отцом, или отцами, Владимира и Ростислава Пинских — Ярослав или Ярополк Юрьевичи, непонятно. Впрочем, возможно, что Владимир был сыном Ростислава [Ярослава или Ярополка Юрьевича].

Пинские князья Владимир и Ростислав в 1229 г. пытались отторгнуть у Волыни город Черторыйск, но помешал Даниил Романович.

В 1240 г. Туров был razорен монголами. Пинск уцелел и стал новым центром припятского полесья.

В XIII в. Владимиру Пинскому наследовали сыновья Федор, Демид и Юрий.

Около 1318 г. Пинск занял литовский князь Гедемин.

2.3. Города и селения Турово-Пинских земель

Бассейн верхней Припяти.

Берестье. Черторыйск. Нобель. Пинск. Здитов

В X — XI вв. союз дреговичей из бассейна Припяти продвинулся на земли в среднем течении Западного Буга. Одновременно на берегах Западного Буга началось развитие городов Берестья, Дрогочина, Нура на реке Нурец.

На Западном Буге дреговичам противостояли ляхи и ятвяги [балты]. В X в. Владимир I, а в XI в. Ярослав Мудрый со всей мощью русского государства стали тяжелой державной стопой на берегах Западного Буга.

История Турово-Пинских земель тесно переплетена с историей Польши, а позже и с историей Литвы. Воротами на запад для Турова и Пинска служил город Берестье [Брест]. Впервые летописцы упоминают Берестье под 1019 г. В городе останавливался Святополк I Окаянный во время бесславного бегства на запад.

Согласно местному преданию безымянный купец, переправляясь через Западный Буг при устье реки Муховец, замостил гать березовыми бревнами.

Купец устал гать березовой корой. Рядом воздвиг капище богу Волосу, а место назвали Берестьем.

В предании нет ничего фантастического. Город при слиянии двух рек рос на бойком торговом пути Дреговичи в X — XI вв. везли на левый берег Западного Буга традиционные для Руси пушнину, мед, пеньку и прочее. Кроме того, переправа через Западный Буг нуждалась в охране.

Детинец Берестья, обведенный валом и рвом, был сооружен не позже начала XI в. [вероятнее всего в X в.] на мысу при впадении реки Муховец в Западный Буг. За рукавом реки Муховец на острове в XI в. расположился окольный город.

Дреговичи застроили Берестье деревянными избами с полами из колотых досок и с глинобитными печами. Жилища были окружены хозяйственными постройками. Дворы мостили сосновыми бревнами и обводили частоколами.

В черте городен и ровов Берестья помимо купцов поселились ремесленники. Окрестное сельское население принялось свозить в город продукцию. И пошла своим чередом размеренная жизнь древнерусского города и волости.

Берестье в X — XIV вв. был не просто городом крепостью, охранявшим одну из наиболее оживленных дорог с Руси на запад. Это был своего рода город-завод, в достатке производивший оружие, сельскохозяйственные и ремесленные орудия, кожаную, льняную и шерстяную одежду и обувь, керамику, украшения и многое иное.

Население Берестья помимо разведения домашнего скота и охоты на диких животных и птиц активно промышляло рыбной ловлей. Город буквально утопал среди девственного леса и чистой, как слеза, воды и черпал их ресурсы, нисколько не нарушая воспроизводящего потенциала природы.

Культурный слой берестейского детинца внушительен — 3 м. Но по составу он скромнее, как была скромна жизнь обитавшего в городе населения. Культурный слой окольного города 2 — 3,5 м.

Изначально Берестье с волостью тяготело к Турову. Это естественно, так как в обоих городах жили дреговичи.

Около 1020 г. Болеслав I мог завладеть Берестьем, стремясь расширить рубеж Польши на восток. Вслед за этим последовала серия походов Ярослава Мудрого к Берестью в 1022 г. В 1044 г. Киев не отдал Берестья Польше.

Собственным наследственным княжением Берестье не обзавелось, и во второй половине XII в. город с волостью попал под влияние Волыни.

Берестье не миновало ужасов нашествия монголов 1240 г. Население города было едва не полностью избито, несмотря на то, что главные силы Батыев прошли в Польшу и Венгрию южнее Берестья.

Сын Василька Романовича Владимир Васильевич (+1289) заново срубил Берестье. После кончины Владимира в Берестье сел его двоюродный брат Мстислав Данилович.

Крайним на юго-западе Турово-Пинских земель является город Черторыйск, стоящий на левом берегу среднего течения реки Стырь [правый приток

Припяти]. В районе Черторыйска в VIII — X вв. проходил рубеж между землями, занятыми дреговичами и волынянами.

Черторыйск был возведен в XI в. Детинец города, высящийся над поймой реки Стырь, с севера и северо-запада отделен от напольной стороны оврагом или размытым рвом. Детинец, диаметр которого около ста метров, по периметру обведен валом. Современный вал Черторыйска высотой до 3,5 м в древности представлял собой деревянные городни с забутовкой внутри.

Въезд в детинец Черторыйска был устроен с севера, где видны остатки дамбы.

Толщина культурного слоя в Черторыйске сравнительно невелика — 1,05 метра.

Первое летописное упоминание о Черторыйске относится к 1100 г., ко времени, когда Великий князь Святополк II Изяславович рядился о городах одним из наиболее темных князей древнерусской истории — Давидом Игоревичем.

В 1142 г. старейший из Ольговичей Всеволод II Ольгович, став Великим князем киевским, отдал Черторыйск Святославу Ольговичу.

Во второй половине XII в. Черторыйск перешел в руки волынских Ярославовичей.

В 1226 г. князь Ростислав Пинский завладел Черторыйском благодаря тому, что луцкий князь Мстислав Ярославович Немый и его сын Иван скончались, а волынские Романовичи боролись за Галич. Однако в 1228 г. Романовичи отобрали Черторыйск у Пинского княжества, и город на Стыри стал принадлежать Васильку Романовичу.

В 1291 г. сын Даниила Романовича Мстислав построил в Черторыйске в западной части детинца главную достопримечательность — кирпичную башню на каменном фундаменте. Внешний диаметр черторыйского столпа 14 м, а толщина стены 3,15 м.

Столицу верхней Припяти Пинск предворяет древнерусский город Нобель.

Детинец города располагался на длинном и узком мысу полуострова, вдающегося в озеро Нобель. Детинец высится над водой не более чем на 6 м.

Озеро окружает древний Нобель с трех сторон. Въезд в детинец был оборудован с запада. И с запада город защищали заболоченная низина и ров.

Ныне на холме Нобеля стоит церковь, окруженная кладбищем.

Единственное упоминание о Нобеле относится к 1262 г., когда князь Василько Романович разбил у Нобеля отступавших с Волыни с добычей и полоним литовцев.

Детинец Нобеля по сей день практически не исследован.

Ниже по течению Припяти расположен один из двух крупнейших городов края — Пинск. Город вырос в XI в. при впадении в Припять рек Пины и Ясельды. Местоположение его отнюдь не случайно. Западнее Пинска расположен речной путь к Берестью и далее в Центральную Европу — вверх по реке Пине, на волок в реку Муховец и далее в Западный Буг. Речная дорога на восток к Киеву и в Черное море шла руслом Припяти. Поднимаясь вверх по

Припяти, можно было попасть на юг, на Волынь. На север, в земли балтов, вели русла рек Ясельда и Щара.

Детинец и окружающий его окольный город были возведены при слиянии рек Припяти и Пины. Ныне Припять изменила русло, отойдя от древнего ядра Пинска на один километр, и детинец оказался на левом высоком берегу Пины.

За валами древнего Пинска на водоразделе рек Припять и Ясельда расположены плодородные сельскохозяйственные угодья.

Издrevле в этих местах дреговичи, словно на острове, окруженном морем лесов и болот, занимались выращиванием озимой ржи, ярового проса, льна, конопли. В речных долинах выпасали крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, выкармливали свиней. В окрестных лесах велась охота на лосей, оленей, косуль, зубров, туров, кабанов, медведей. На опушках ставили петли на зайцев. В глухих речных затоках промышляли бобра. Кроме того, дреговичи сетями ловили рыбу с челнов.

Перекрестье речных торговых путей, плодородие окрестных почв и изобилие лесов и рек зверем, птицей и рыбой не просто породили Пинск, но и предопределили его славную будущность.

В X в. при слиянии рек Припять и Пина возник курганный некрополь. Его насыпи раскинулись в предместье Пинска, в урочище Лещ. Размеры одного из курганов, именуемого "Войшелка", впечатляют: 31 — 35 м в основании, 5,5 — 7,5 м в высоту. Насыпи скрывают следы трупосожжения рубежа X — XI вв. Под одним из курганов обнаружен саманидский дирхем Нуха, сына Насра из Самарканда (952 — 963 гг.).

В эпоху принятия христианства у пинского курганного некрополя основали Лещинский монастырь. По преданию монастырь основал Владимир I.

Детинец и окольный город Пинска возводились одновременно и пережили несколько позднейших перепланировок и достроек. Площадь пинского детинца 1,76 га; площадь окольного города — около 2,1 га, а культурный слой Пинска впечатляет — от 4 до 5 м.

Наиболее мощные вал и ров были сооружены с напольной и северной окраин Пинска. Первоначальный ров шириной в 7 м и глубиной в 4 м позже засыпали и вырыли новый — в 35 м шириной и в 7 м глубиной.

Поднятую из рва землю строители сыпали в основание оборонительного вала. Основой оборонительных сооружений в Пинске служили клети-городни, сомкнутые в сплошную стену. После нескольких подсыпок вал Пинска достиг циклопических размеров — 30 м ширины и 7 — 8 м высоты. Размеры вала по кубатуре земли соотносятся с размерами рва, и нам остается лишь восхищаться трудолюбием древних строителей.

Вал пинского детинца в основании имеет 20 м ширины и 2,5 м высоты. В основе вала также заложены срубы или клети-городни, размеры которых 2 × 2 м. Пинская земля насыщена влагой и потому

удивительно хорошо хранит следы материальной культуры минувшей эпохи.

Пинск XI в. был застроен наземными срубамидо площадью около 16 кв.м. Круглые бревна, рубленые в обло, конопатили мхом. Колотые из бревен поперечные доски укладывали на лаги, закрепленные между вторым и третьим венцами срубов. Отапливали жилища глинобитными печами. Огороженные за столбом дворы, несмотря на то, что огораживались они в черте городских укреплений, были весьма просторны.

В Словаре В. Даля объясняется: "Рубка угла в обло, обычный способ рубки избы: вырубка коровки, а в ней, в исподнем бревне, потемка, а в верхнем, шипа".

Дворы и улицы Пинска мостили деревом. Многослойность ярусов деревянной вымостки указывает на консерватизм городской застройки или планировки.

Улицы Пинска веером расходились от детинца к периферии окрестного города. Перпендикулярно им деревянные кварталы города прорезались сетью переулочков.

Пинск в XI в. торговал с греческими городами Черного моря. На это указывает множество амфор, представленных в нижнем слое города.

В XI в. Пинск активно застраивался дворами и мастерскими ремесленников. Из недр припятского погосья в город привозили криничное железо. Из этого пинские кузнецы изготавливали не только оружие и сельскохозяйственный инвентарь, но и снабженные пружинами замки с ключами, изящные шпору и множество других необходимых в хозяйстве и жизни предметов.

Пинские гончары загодя, в зиму, свозили на свои городские дворы глину, давали ей отлежаться на морозе и, как следует промыв, добавив песку, лепили в кругу и вручную посуду и обжигали в печах.

Круглый год под тесовыми и соломенными крышами Пинска стучали деревянные ткацкие станки, крутились веретена и ходили взад и вперед челноки. Женские руки превращали горы шерсти и выделанной в волокна конопли и льна в удобную практичную одежду.

Скорняки обрабатывали шкуры и шили из нее обувь и верхнюю одежду.

Женщины Пинска украшали руки стеклянными браслетами, подобными тем, какие производили и носили в Киеве. Кроме того, носили браслеты из серебра и бронзы. Использовали украшения из янтаря, но они были немногочисленны.

Из стекла в Пинске изготавливали посуду. Кроме того, в Пинске стеклили окна.

В слое XII в. в Пинске обнаружили шиферное письмо с интересной надписью:

"НАСТАСИНОПРАСЛЪНЪ"
Прочсть надпись можно так: "Настасино прясно".

Знаменательно то, что в записи смешаны латинский и кириллический алфавиты. Нередко в славянских землях Европы в древние надписи помимо кириллицы и латыни, а подчас и глаголицы вкреп-

лены знаки рунического письма. Иногда в надписях встречаются и вовсе незнакомые символы, по-видимому входившие в алфавиты дохристианской эпохи континента. Впрочем, данная тема требует внимательного рассмотрения и анализа.

В Пинске посуда помимо керамики и стекла вытачивалась из дерева. Из дерева выделывали бесчисленное множество бытовых и совершенно необходимых горожанам и селянам предметов, начиная от бочек и ведер и кончая льномялками и трепалками для обработки льна.

Пинские гончары XI — XIII вв. были большими мастерами изготовления обливной посуды, игрушек, подсвечников и плиток.

Несмотря на то, что в домонгольском Пинске отсутствуют крупные каменные храмы или светские здания, именно в Пинске обнаружено наибольшее на Руси разнообразие обливных керамических плиток.

Пинск наряду со Смоленском и Новгородом счастливо миновала буря монгольского нашествия.

И именно Пинск в XIII — XIV вв. продолжил следование древним традициям земель припятского погосья во всем многообразии их проявлений — от языка и народных костюмов до приемов домостроения и форм керамики.

К северо-западу от Пинска, в долине реки Ясельды, между озерами Споровское и Черное, расположен древний город Здитов. Летопись упоминает город под 1252 г.

Здитов стоял на городище над левым берегом реки Ясельды. Данные археологии свидетельствуют о том, что Здитов существовал в XI — XIII вв.

Город родился в гуще сельскохозяйственных поселений. Но вскармливала Здитов не только окрестная пашня, но и торговля, ручейки которой затекали в русло Ясельды.

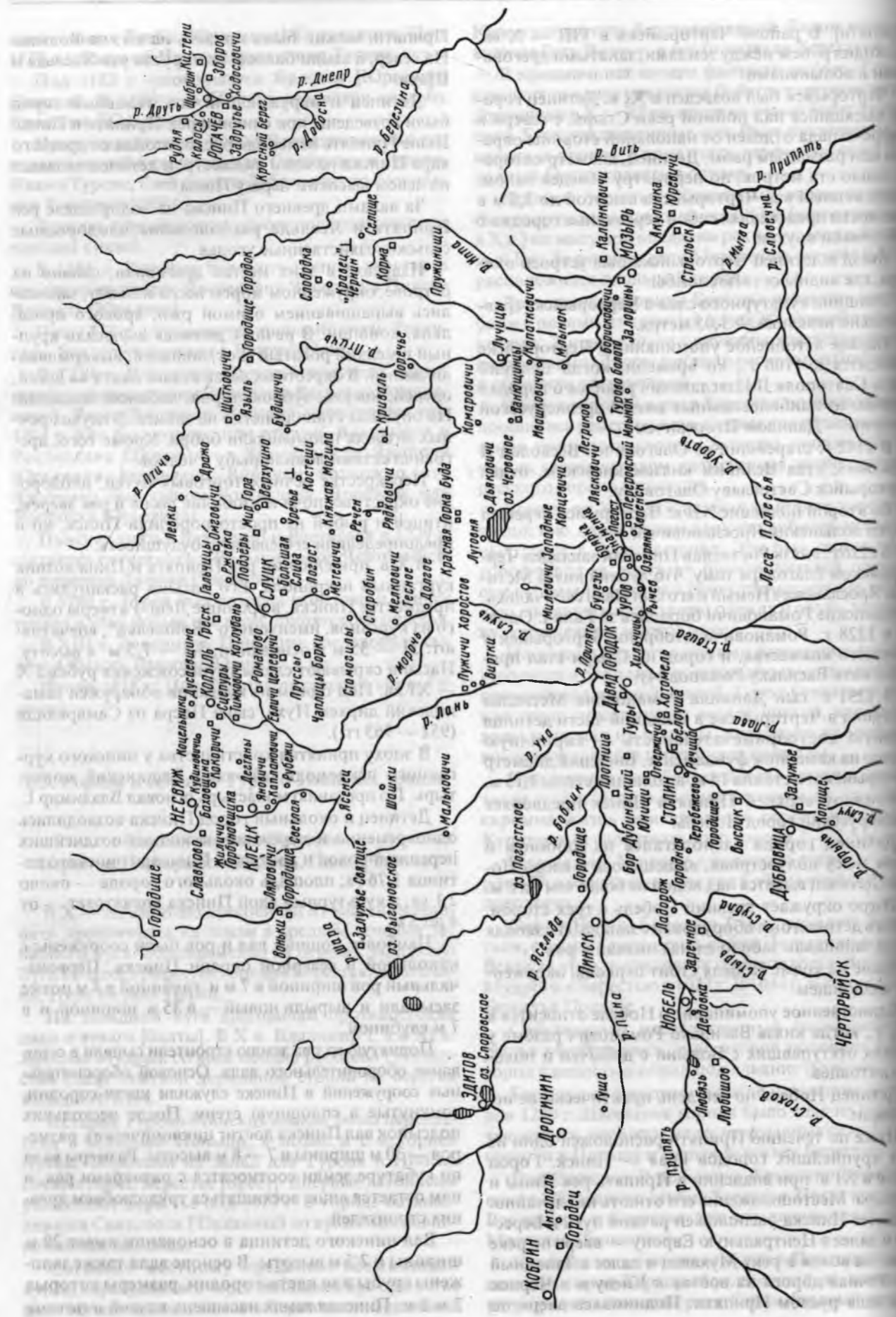
Кстати заметить, что неподалеку от Здитова, в расположенной на песчаном всхолмленном берегу озера Споровского деревне Горбово, обнаружены браслеты позднелужицкого типа и погребения с трупосожжением.

Если допустить весьма вероятное предположение о том, что создатели лужицкой культуры XIII — VIII вв. до н. э. имели прямое отношение к древнейшим славянам, то невольно проникаешься осознанием глубины славянских корней в припятском погосье.

Средняя и нижняя Горынь.
Степань. Дубровица. Столин.
Хотомель. Давид-Городок

Крупнейшим правым притоком Припяти является река Горынь. В VIII — X вв. дреговичи занимали земли в долине нижнего и среднего течений Горыни, вплоть до города Степань на юге.

Детинец Степани XII — XIII вв. вознесся над левым берегом Горыни. Впоследствии цитадель Степани претерпела значительные перестройки и в настоящее время представляет собой укрепление

XVII — XVIII вв., обведенное земляным валом и рвом. На городище разбит парк.

Под 1292 г. Ипатьевская летопись упоминает князя Степани Ивана Глебовича.

В X — XI вв. Степань с волостью, вероятно, тяготела к Турову. В XII в. Степань перешла под эгиду Волыни и ее князей.

Ниже Степани над Горынюю стоит город Дубровица. Городище Дубровицы в 1962 г. было варварски разрушено. Холм, служивший основанием городскому детинцу, срыли, а ров засыпали. Нетронутой осталась незначительная по размерам южная часть городища.

Детинец Дубровицы имел овальную форму [70 — 80 × 50 м] и возносил крутой склон над гладью Горыни на 5 — 6 м. По внешнему периметру детинец был обведен рвом шириной в 15 — 18 м и глубиной в 10 м.

К счастью, до разрушения городище Дубровицы успели исследовать археологи. Керамика указывает на то, что в XI в. город уже существовал. Улицы и дворы Дубровицы мостились деревом. В юго-восточной части детинца были обнаружены остатки кирпичных стен и столбов из бутового камня с внешней кирпичной обкладкой. Есть данные, что детинец Дубровицы располагал подземным ходом. Подобные ходы в древности обычно вели к реке.

В Ипатьевской летописи говорится, что в 1195 г. в Турове скончался князь Дубровицы Глеб Юрьевич. В сражении на Калке принял участие князь Дубровицы Александр [быть может, сын Глеба Юрьевича].

Ниже Дубровицы, за тянущейся по левому берегу Горыни гирляндой древнерусских городищ и сел, окруженных курганными некрополями, расположен город Столин.

Левый берег нижней Горыни изобилует плодородными землями, и находящиеся тут села издревле жили в достатке.

Летописный Столин возник не позднее XII в. А судя по обилию окружающих город курганных некрополей, древних селищ и городищ возраст Столина гораздо почтеннее.

Имя города Столин, как кажется, происходит от слова стол, то есть центр местной княжеской власти. Отсюда происходит слово столица, то есть административный центр государства.

Страной, окружающей столицу нижней Горыни, был и остается край и по сей день мало исхоженных лесов, болот, рек и озер. В силу обусловленного природой консерватизма местное население и в XX в. продолжает следовать древним обычаям, традициям и представлениям о мире. Особым почтением у жителей припятского полесья [полещуков] пользуются домашний очаг и теплящийся в нем круглые сутки огонь.

Полещуки, потомки летописных дреговичей, живущие среди девственной природы тысячелетия, обожествляют солнце, землю, воду. Лесным урочищам крестьяне дают имена подобно живым существам. Со стволом дерева, с заросшим мхом камнем, с глухой лесной протокой полещук может беседовать

часами, отдавая природе душевное тепло и получая взамен внутренний лад, о котором большинство современных людей может лишь догадываться.

В припятском полесье можно услышать рассказы о вовкулаках — оборотнях, принимающих образ волка. Согласно поверью вовкулак, набрасываясь на жертву, высасывает из ее тела кровь. Особо опасны вовкулаки на святки и на праздник Ивана Купалы. В эти дни они способны оборачиваться не только в волков, но и в иных животных, в птиц и в пресмыкающихся. Схожие сказания о вовкулаках существуют у западных и южных славян от Балтики до Адриатики.

Подобная культурная общность не случайна. В припятском полесье в V — VII вв. поселились создатели общеславянской археологической культуры Прага—Корчак. В VIII — X вв. на их этнической и материальной основе выкристаллизовался союз дреговичей. Язык, предания, уклад жизни, этнический тип дреговичей, как и кривичей и полочан Белой Руси и иных восточнославянских союзов, упрямо указывают на наличие древней пуповины, единой для западных, восточных и южных славян.

Северо-восточнее Столина, на берегу правого притока Горыни, у деревни Хотомель расположено крупное городище VII — X вв. Рядом находится селище и курганный некрополь.

В хотомельском центре первоначально сели славяне — создатели культуры Прага — Корчак. В VIII — X вв. в Хотомеле жили дреговичи. В это время стали складываться основы местной княжеской власти, опиравшейся на силу жившей за стеной на клетей-городен хотомельской цитадели дружины.

В XI в. во времена, когда Туров попал под власть Киева, старый центр в Хотомеле отошел в тень.

Кстати заметить, что в речных долинах припятского полесья во II в. до н. э. — I в. н. э. жили создатели зарубинецкой археологической культуры. Это население также заложило определенный культурный, языковой и этнический пласт в сложение союза дреговичей.

На правом берегу Горыни, в десяти километрах выше впадения Горыни в Припять, расположен округлый холм детинца Давид-Городка.

Городище Давид-Городка заняло мыс при впадении в Горынь реки Неправды. На севере преградой служил ров. Во время весеннего разлива Давид-Городок уподоблялся острову. Площадь городища 100 × 110 м. Городище на 5 — 6 м высится над водами Горыни и отовсюду обведено валом высотой в 2 м.

С ходом столетий Горынь спрямила изгиб русла и отошла от Давид-Городка, а река Неправда вышла.

В основу вала Давид-Городка, по-видимому, были положены сосновые срубы-городни. Их кисти засыпали песком и глиной, а позже снаружи укрепляли внешней подсыпкой с глиняной обмазкой внешней поверхности.

Мощность культурного слоя Давид-Городка 3,5 м. Город был застроен наземными деревянными срубами средней площадью 3,2 × 3,6 м. На

садебных дворах стояли хозяйственные постройки [2,4 × 2,4 м, 2,5 × 2,9 м]. Дворы мостились колотыми сосны досками, уложенными на лаги, и обносились частоколом.

Улицы Давид-Городка мостились деревянными плахами, уложенными на продольные и поперечные лаги. С течением времени мостовые перекрывались новыми ярусами покрытий.

Шедшие на строительство бревна были невелики в диаметре — около 20 см. Не так легко было подвезти бревна в город на запряженной конем телеге. Одновременно с заготовкой строительного леса навирали мох. Его высушивали и пускали на прокладку венцов сруба. Рубили дома в Давид-Городке в верхнее обло с остатком.

Дверные проемы в избах были около метра в высоту. Топили жилища печами, сложенными из обожженной глины.

В Давид-Городке иным домашним животным предпочитали свинью. Конечно, наряду со свиньями горожане держали крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Стерегли дворы собаки.

Капитальных помещений для животных не строили и использовали для их содержания легкие постройки со стенами из ивовых прутьев, обмазанных глиной.

Вниз и вверх по долине Горыни, в окрестных полях, жители Давид-Городка засеивали рожь, просо и иные культуры.

Промышляли горожане охотой. В окрестных лесах на болотах и лугах добывали лося, кабана, благородного оленя, косулю, зубра, волка, куницу. По речным затонам ловили бобра и выдру. Процветала в Давид-Городке рыбная ловля.

Домонгольский Давид-Городок был не просто густо застроен усадьбами. Город был переполнен множеством разнообразных мастерских. Кузнецы, гончары, скорняки, косторезы, ювелиры, ткачи, бондари, плотники производили горы продукции. Городской торг был полон оружия, серпов, одежды, украшений, посуды и множества самых разнообразных изделий.

Кузнецы Турово-Пинских земель владели технологией производства стали, и изготовление замков с пружинами было их обычным делом.

В Давид-Городке вскрыты венцы древней деревянной церкви, состоявшей из двух, отличающихся размерами, смежных срубов. На месте первой сгоревшей церкви возвели новую. С ходом столетий на месте прежней рубили новую церковь многократно.

Давид-Городок не упоминается летописцами. Находки указывают на то, что в XII в. город существовал. Название города произвольно указывает на изгнанного с Волыни князя Давида Игоревича, в 1100 г. получившего в удел города погорынья.

Согласно преданию в 1240 г. жители Давид-Городка скатывали с крутого склона детинца на монголов бревна.

Давид-Городок отстоит от Турова в одном дневном переходе. Выше по Припяти монголы не пошли, и Пинск был обойден степной бурей. Похоже, что именно долиной Горыни монгольский отряд

от сгоревшего и залитого кровью Турова спустился на Волынь для соединения с главными силами Батая.

Среднее течение Припяти. Туров. Мозырь

Столица припятского полесья Туров упоминается Ипатьевской летописью под 980 г.: “Бе бо Рогъ-володь прише и заморья. имяше власть свою Полотьске. а Туры Турове. от него же и Туровци прозвашася”.

Туров уже в X в. во многом вскормило удачное местоположение. Припять и ее крупнейшие притоки у Турова вычерчивают крест, обернувшийся для города средоточием торговых путей, ремесел и народонаселения. Выше Турова слева в Припять впадает ее северный приток река Случ. Эта река действительно случает, как заметили дреговичи истари, бассейн Припяти с верховьями Немана.

В Западный Буг от Турова попадали, минуя волоки, из рек Пина и Ясельда в реку Мухавец. Отсюда проистекает естественность и закономерность рождения Берестья при устье Мухавца в X — XI вв. при участии купцов.

На Волынь от Турова шли долиной Горыни. К Киеву от Турова спускались руслом Припяти.

Следует учитывать и то, что Туров расположен в центре весьма богатого плодородными почвами района.

Окрестности Турова в VI — IX вв. были достаточно плотно заселены славянами. Множество городищ и селищ, окруженных курганными некрополями, не могли обойтись без единого духовного, административного, торгового и производственного центра, роль которого и досталась Турову, хорошо знакомому киевским летописцам уже в X в.

Древнейший Туров был составлен из детинца и окольного города и представлял собой укрепленное двухуровневое мысовое городище. С севера Туров защищала Припять, а точнее, один из ее рукавов, именуемый Струменем. С запада за валами города стелилась заболоченная долина реки Езды. Как раз при впадении Езды в Струмень и возник Туров. С напольной юго-восточной стороны Туров защищали две дуги рвов. Валы и бывшие в их основе срубы-городни защищали окольный город и детинец Турова замкнутыми кольцами по периметру.

В наше время Припять отдала русло от древнего туровского детинца. А в X — XIII вв. заборолы Турова буйально нависали над полноводным рукавом Припяти Струменем, над протокой Домуха и речкой Езда.

Туровский детинец от окольного города отделен рвом и валом. До отвода русла реки Езды все туровские рвы были наполнены водой.

Въезд в Туров был устроен с юга. Улицы Турова шли от въезда в город на северо-восток, к детинцу. Кварталы города расчерчивались паутиной переулков, шедших под прямым углом к основным улицам.

Детинец Турова имел около одного гектара площади и формой походил на треугольник с скругленными углами. Площадь окольного города составляла около полутора гектаров. Форма окольного города также близка к треугольнику.

Застраивали домонгольский Туров наземными избами, срубленными из сосновых и дубовых бревен в верхнее обло. Площадь изб была невелика — 16 — 18 кв. м.

Отапливали жилища глинобитными или кирпичными печами. Основой печам служили укрепленные деревянным каркасом глиняные подушки. Наряду с досчатыми полами устраивали земляные, покрытые слоем глины.

Епископия в Турове была основана Владимиром I в 1005 г. Первому епископу Турова Фоме Великий князь передал в кормление города и погосты. В их числе оказались Берестье, Пинск, Новогрудок, Волковиск, Смедынь и многие иные города и села.

В детинце Турова стоял княжеский дворец. К югу от дворца высился храм Бориса и Глеба. К западу от детинца, за рекой Езда, на возвышении, располагалось подворье туровского епископа, и местное урочище по сей день называется “владычье”. Кафедральный собор Турова был соединен с резиденцией владыки насыпной дамбой или плотиной, перекрывавшей русло и долину Езды.

В туровском “владычье” вырос Кирилл, впоследствии ставший епископом местной епархии и одним из наиболее знаменитых авторов домонгольской Руси. Годы жизни Кирилла Туровского относят на 1130 — 1182 гг. [даты приблизительные]. Кирилл Туровский оставил потомкам торжественные “слова”, поучения, молитвы.

В единственной сохранившейся церкви Турова хранятся каменные кресты. В церковь кресты привезли из юго-западной части города. В народе кресты называют “голыми”. Дело в том, что над подобными крестами в старину воздвигали часовни. Туровские каменные кресты велики — около 2 м в высоту и немногим менее метра в ширину. Столетиями на поклон к туровским крестам народ приплывал на лодках со всей Припяти. Особенно много народа в Турове собиралось на сентябрьский праздник Воздвиженья креста господня.

В середине XII в. в Турове возвели каменный храм, служивший кафедрой местному епископу. Храм был трехнефным шестистолпным с нартексом и с тремя апсидами, обращенными на восток. От апсиды сохранилась двухметровая стена. Складывали туровский храм из длинного узкого кирпича-плинфы. Ее ряды перемежались толстыми слоями розового раствора. Полы храма устилали керамическая плитка, среди которой было много поливной темного цвета. Роспись на стенах отсутствовала.

В 1240 г. Туров торговал не только с Византией и греческими городами Черного моря, но и с городами Сирии и Средней Азии. С севера и запада в Туров везли янтарь и цветные металлы — медь, олово, свинец. С Волыни в Туров завозили шифер. Из него камнерезы изготавливали прясла, погребаль-

ные саркофаги, устанавливавшиеся в кафедральном соборе города, и многое другое.

В XII — XIII вв. купцы Турова переориентировались на торговлю с Европой, ибо пути на юг и восток стали крайне опасны. В Туров стали завозить посуду из восточного Средиземноморья и производить в Европе изделия.

В X — XIII вв. Туров был не просто торгово-ремесленным центром края, город являлся лидером производства всего бассейна Припяти. Туров был крупным центром металлургов. Для древнерусских городов это диковина, ибо горожане, опасаясь и без того частых и губительных пожаров, домны металлургов размещали далеко за линиями рвов и валин. Это было справедливо, так как тесовые, соломенные или перекрытые сушеным дерном кровли изб в сухую погоду при хорошем ветре вспыхивали от ничтожной искорки.

В Туров на подводах свозили крицы — слитки железа, добытого из болотных руд сельскими металлургами. Ежедневно сталь, бронза [сплав меди и олова], свинец тонкими слепящими глаза и пышущими жаром струями лились в мастерских туровских металлургов, кузнецов, ювелиров, превращая город в один из крупнейших производящих центров Руси.

В окрестностях Турова есть сырье для производства стекла — чистый кварцевый песок. Стеклодувы Турова едва уступали киевским.

Туровские ювелиры, в совершенстве владевшие техникой волочения проволоки, штамповки, чеканки, удивляли самых тонких ценителей.

Под мирный звон больших и малых кузнечных молотков в Турове ни на один день не замирала работа сотен гончаров, косторезов и камнерезов, бондарей, ткачей, скорняжов и плотников.

В середине XII в. в связи со строительством собора в Турове стали изготавливать кирпич-плинфу. Его размеры: 27 × 18 × 4,5 см.

А при возведении домашних печей славяне использовали такую технологию. Печник мял глину, расстелив ее на досчатом полу подобно блину. Затем из глины нарежались бруски. Из брусков, в сущности представлявших собой сырую глину, сдобренную песком и водой, выкладывали печь. Разводили огонь, и сырая печь превращалась в монолит. Готовые обожженные кирпичи использовали при выкладке овалного свода печи.

В окрестностях Турова издревле процветало сельское хозяйство. Поля засеивали рожью, пшеницей, просом, льном, чечевицей. Урожаи жали серпами и молотили каменными жерновами.

Во дворах горожане держали крупный и мелкий рогатый скот, свиней, лошадей. Стерegli дворы собаками, а на печах и на лавках сидели коты и кошки.

В окрестных лесах жители Турова промышляли кабана, лося, оленя, косулю, зубра. Удачливым и смелым охотникам удавалось добывать медвежью шкуру. Активно добывали пушного зверя — куницу, лису, бобра, выдру. Рыбу в Припяти брали с помощью сетей, крючков, острог, блесен. На птиц туровляне ставили сети-перевесища.

В 1865 г. из Турова в Вильно вывезли написанное каллиграфическим уставом на пергаменте евангелие XI в. Текст евангелия писали чернилами, украшали изящно выведенными заглавными буквами и орнаментом, раскрашенным красной, синей и зеленой красками. Подобные памятники древнерусского письма можно счесть по пальцам, и их значение переоценить невозможно.

В окрестностях Турова находится древнее село Рычев. Вокруг села разбросано двести одиннадцать курганов. Ниже Турова, на правом берегу Припяти, у села Переровский Млынок, высятся два городища с древнерусским археологическим слоем.

К северу от Турова, на берегу большого озера Червонное, стоит древнее поселение дреговичей Дьяковичи. Вокруг него разбросаны семьдесят два кургана, насыпанные в XI — XII вв. Окруженные лесами и болотами на десятки и сотни верст окрест, Дьяковичи могли долгое время служить потаенным духовным центром дреговичей-язычников, противостоявшим туровской епископии и христианству.

Примечательно название близкого к Турову села — Погост. В бассейне Припяти топонимов Погост немало, но они есть, например к югу от Слуцка. Погост под Туровом служил средоточием нескольких приречных поселений, стоявших над Припятью.

Невольно приходит сравнение Погоста под Туровом с классическими погостами севера Руси. Не исключено, что немногочисленные погосты припятского полесья, как топонимы и как система организации сельской общины, есть своего рода след, оставленный славянами в I тыс. н. э., проследованными из центра Европы в Восточную Европу.

Заметим, что латинское слово “pagus” означает сельский округ.

Центром нижней Припяти в XI — XIII вв. был город Мозырь. Ниже Мозыря в долине Припяти сидели древляне, а их земли с начала X в. тяготели к Киеву.

Детинец Мозыря занимал “Спасскую гору”, выходящую над правым берегом Припяти и по сторонам ограниченную крутыми склонами двух оврагов. Южная сторона детинца выходит на равнину ополья. Площадь детинца 120 — 140 × 100 м. Формой детинец походит на ромб и может быть отнесен к мысовым городищам.

Мозырь существовал в XI в. На это указывает найденная в городе керамика.

Собственных потомственных князей Мозырь не имел и в XII в. доставался то Ольговичам, то Давыдовичам, то смоленским Ростиславовичам.

Левобережье Припяти.

Слуц. Клецк. Копыль. Рогачев

На берегах левых притоков Припяти в VI — X вв. сидели дреговичи. В плодородных долинах рек Птичь, Случь, Морочь, Лань, Цна, Бобрик и Шара дреговичи построили сотни селищ и укрепили детинцы искусно вписанных в ландшафт городищ.

В VIII — IX вв. среди скоплений селений дреговичей начали возвышаться отдельные центры. Для окрестных волостей эти центры являлись сердечной мышцей, служа местом средоточения власти, производства и торговли.

Крупнейшие города дреговичей северных или левобережных районов припятского полесья выросли в верховьях рек, подходящих к истокам Немана. А Неман — это одна из речных дорог, ведущих в Балтику.

Центром дреговичей в верховьях реки Случь стал город Слуцк. Древний Слуцк занял мысовое городище при впадении в Случь речки Бычок. Детинец площадью 100 × 80 м занимает холм овальной формы высотой в 5 — 6 м. На 2 — 3 м ниже детинца расположен окольный город.

На плане XVIII в. показано, что река Случь ниже устья Бычка была запружена искусственной плотиной. Вода Случи заполняла рвы города.

Впервые Слуцк упомянут под 1116 г. Один из полоцких князей “Глеб бо бяше воевал дреговичи и Слуцкск пожег” [ПСРЛ. — М., 1962, т. 2, с. 282], чем навлек на себя гнев Владимира II Мономаха.

Данные археологов, исследовавших четырехметровый культурный слой Слуцка, указывают на рубеж XI — XII вв., как на время рождения города. Следует заметить, что окружающие Слуцк земли отличаются плодородием, и дреговичи за несколько столетий до XI в. населяли край достаточно плотно. Об этом свидетельствуют курганные некрополи, окружающие Слуцк.

Застраивали Слуцк деревянными избами, рубленными в верхнее обло. Полы в избах выстилали досками, уложенными на лаги. Дворы, окруженные частоколами, мостили деревом и застраивали хозяйственными службами и устроенными на столбах навесами.

В Слуцке процветала обработка железа. Из привозных криц металлурги и кузнецы изготавливали замки, оружие, сельскохозяйственный инвентарь. В городе работали гончары, косторезы, бондари, скорняки и иные ремесленники.

В городах Турово-Пинских земель, в том числе и в Слуцке, в X — XIII вв. широко использовали станки для выточки изделий из дерева. Подобные станки приводились в действие мышечной силой.

Слуцк не стоял в стороне от континентальной торговли, и его торг был насыщен янтарем Балтики, амфорами греков и стеклянными браслетами, изготовленными в городах Южной Руси.

С жерновов мукомолов Слуцка и его округи не сходила белая пудра, служившая благословением мирной жизни ремесленников города и волости.

Жители Слуцка активно занимались охотой и рыбной ловлей.

В 1149 г. Юрий Долгорукий, верный союзу с Ольговичами, позволил Святославу Ольговичу взять города Слуцк, Клецк “и вси дреговиче”.

Во второй половине XII в. через Слуцк не раз прокатывались войны, но заметного ущерба городу нанесено не было. В 1240 г. Слуцк счастливо миновал пожарища и кровь монгольского нашествия.

Западнее Слуцка, в верховье реки Лань, стоит город Клецк. К северу от Клецка, на притоке Немана, стоит древний город Несвиж, то есть невидимый. Путь от Клецка до Несвижа служил мостом, связывавшим Балтику и бассейн Припяти.

Клецк вознесся на высоком левом берегу Лани. С напольной восточной стороны город защищал ров. Площадь почти идеально круглого детинца 80 × 80 м. Он возвышался над гладью Лани на 10 м. С востока к детинцу примыкал окольный город. Его контур площадью 400 × 110 м вытянут с севера на юг. Ров, с востока дугой огибающий детинец Клецка, имеет ширину 30 м и глубину до 7,5 м. Ров, также с востока обводящий окольный город, имеет ширину 10 м.

Детинец и окольный город Клецка по внешним периметрам обведены валами. В XI—XIII вв. валы представляли собой клетки-городни, забитые землей.

В XI в. Клецк существовал. На это указывает керамика нижнего пласта культурного слоя. В Клецке развивались все присущие древнерусским городам ремесла. Вокруг города выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, чечевицу, горох, бобы.

В животноводстве горожане отдавали предпочтение разведению свиней, но наряду с этим держали крупный и мелкий рогатый скот и лошадей.

В окружающих Клецк громадных девственных лесах горожане промышляли косулю, лося, зубра, кабана. Немало добывали бобра и куницы.

Впервые летописцы упоминают Клецк под 1128 г. В середине XII в. Клецк побывал в руках Ольговичей.

Еще один древний город дреговичей расположен между Слуцком и Клецком, на высоком берегу реки Мажи. Это Копыль.

Городище Копыля, размеры которого 60 × 60 м, представляет собой эллипсоидный по форме ледниковый останец, на 12 м высящийся над долиной реки Мажи. С севера Копыль защищен рекой и крутыми склонами. С юга и востока городище обведено рвом шириной в 20 м и глубиной до 4 м. По периметру городище обведено валом, отстоящим от края склона на один метр.

На древность Копыля указывает обступающий его курганный некрополь с трупосожжением и лепной и раннегончарной керамикой X в. Две группы курганов по 10 и 18 насыпей расположены на левом высоком берегу Мажи, под самым Копылем. Еще 49 курганов на километр раскиданы вдоль дороги, ведущей из Копыля в село Гресск.

В X—XIII вв. Копыль был не замечен для столичных летописцев, теряясь в тени Слуцка, Клецка и Несвижа. Первое документальное упоминание о Копыле относится к 1274 г. Оно связано с походом луцкого [волынського] князя Мстислава Даниловича на Литву. Князь «пошел бяшеть от Копыля, воюя по Полесью».

Копыль вырос не сам по себе. Вокруг города, в верховьях реки Марочь, в VIII—XIII вв. развивались десятки дреговичских селищ, каждый куст которых тяготел к собственному городищу, служившему населению убежищем, духовным центром и источником ремесленной продукции. Под защитой городищ устраивались обыденные торжки и праздничные ярмарки. Жизнедеятельность ряда дреговичских общин и породила Копыль, впоследствии ставший местным феодальным центром.

К западу от реки Лань в Припять впадает река Цна. При ее верховье расположено древнее село Ясенец. Вокруг села до наших дней сохранилось более сотни курганов, скрывающих трупосожжения и более поздние трупоположения XI—XII вв.

Едва ли не все древнерусские княжества стремились иметь на Днепре собственный город-порт. Это естественно, ибо Днепр в V—XIII вв., да и ранее служил столбовой дорогой Восточной Европы. Имело собственный город на среднем Днепре и Турово-Пинское княжество. На правом высоком берегу, на узком длинном мысу, при впадении в Днепр реки Друть, расположился древнерусский город Рогачев. Его городище имеет треугольную форму и на 12 м возвышается над долиной Днепра. Въезд в Рогачев был оборудован с севера. И с севера у городища городище защищено широкой дугой оборонительного вала.

Мощность культурного слоя на городище 1—1,4 м. Рогачев возник в XI в., но впервые упомянут под 1142 г., когда вместе с другими городищами Турово-Пинских земель попал в руки Ольговичей.

Глава 3. Волынь. Окружающие земли

3.1. Краткое географическое описание

Волынь — это край, имеющий для славян особое значение. Славянские топонимы и гидронимы, представленные на Волыни, могут служить своего рода эталоном славянской топографии. Исконное население Волыни — славянский союз волынян, представленный в центре Европы, на Балтике (остров и город Волынь при устье Одера), лишней раз указывает на классические черты славянского мира Волыни.

Природа и ландшафт Волыни весьма многообразны. Житница Волыни — это плодородная равнина, раскинувшаяся с востока на запад широким, прорезанным множеством рек (южных притоков Припяти) поясом. К северу от благословенного волынского ополья шумят громадные леса припятского Полесья. К югу Волынь с запада на восток прорезает каменный кряж. Это скалистый перст, возвышающийся массивом Карпат на восток, в центр Восточной Европы.

Славяне на Волыни издревле жили по берегам верховий рек Случь, Горынь, Стырь. Городища и селища волынян в V—XIII вв. стояли по берегам рек, как по обочине столбовой дороги. Но были на Волыни издавна и сухопутные пути, идущие с среднего Днепра (от Киева) к Перемышлю и Берестью с Дрогочином и далее в Краков, на Дунай, в Южную Германию.

Естественным рубежом Волыни на западе служит долина верховий Западного Буга. На востоке, от земли летописных полян и позднейшего Киевского княжества, Волынь отделяет долина реки Случь. Исторический центр союза волынян V—X вв., по-видимому, располагался в городе Волынь, в долине Западного Буга у современного города Хрубешув (Польша).

В X—XIII вв. столицей Волыни стал один из крупнейших городов Киевской Руси Владимир-Волынский.

К западу от верховий Западного Буга расположена историческая древнерусская область, именуемая Червоная Русь. Центром области в IX—XIII вв. был город Червень. Данная область в V—X вв. в значительной степени была заселена славянами, входившими в союз волынян.

В начале XIII в. к северу от древнего Червеня возвысился новый центр — город Холм. Окру-

жающие его земли стали называться Холмской Русью.

В X—XIII вв. в состав Волынского княжества вошли земли в верхнем течении Немана с городами Гродно, Волковыйск, Турейск, Слоним и Новоградом.

Связь Волыни с верхним Неманом осуществлялась через Берестейскую землю, центром которой был город Берестье. Города Берестье и Дрогочин, стоявшие на берегу Западного Буга, служили для Волыни, да и всей Руси, западной таможней, ежегодно пропускавшей в центр Европы и назад, на Русь, горы самых разнообразных товаров.

3.2. История Волыни и сопредельных с ней русских областей

Начальная летопись Руси впервые упоминает город Владимир-Волынский как княжескую столицу края под 988 годом. Название города Владимир-Волынский невольно наводит на имя князя Владимира I Святославовича. В 988 году Владимир I Святославович посадил во Владимире-Волынском сына Всеволода.

Именно в последней четверти X в. старый центр союза волынян Волынь отошел в тень, уступив место новой столице с киевскими князьями, боярами и христианским духовенством. Схожие процессы на рубеже X—XI вв. произошли и на Западной Двине, где сожженный Старый Полоцк был заменен современным христианским Полоцком. На верхнем Днепре Гнездово уступило место княжеско-христианскому Смоленску. Список подобных изменений можно продолжать и далее.

Весьма рано, в начале XI в., во Владимире-Волынском была учреждена епископская кафедра. В 1018 г. под стенами Владимира-Волынского Болеслав I Храбрый Польский разбил войско Ярослава Мудрого.

Ярослав Мудрый на Волыни посадил одного из сыновей — Игоря Ярославовича (+1160 г.), сидевшего ранее в Смоленске.

Вслед за Игорем Ярославовичем на волынский стол сел Ростислав Владимирович (внук Ярослава

Мудрого и сын Владимира Новгородского, строителя Софии на Волхове.)

Вскоре Ростислав Владимирович с Воляни уехал в Тмутаракань, где скоропостижно скончался. А на Воляни пошла частая смена князей — Ярославовичей.

Заметим, что дети Ростислава Владимировича: Рюрик, Володарь и Василько — сели по городам соседней с Волянью Галиции (Перемышль, Звенигород, Теробовль). Именно потомки Ростислава Владимировича явились основой галицкого княжеского дома, уже в начале XIII в. смененного потомками Владимира II Мономаха.

Во второй половине XI в. на Воляни последовательно княжили Ярополк Изяславович (в бытность своего отца Изяслава I Ярославовича Великим князем киевским), Давид Игоревич и Ярослав Святославович (основоположник рязанской княжеской династии).

В 1117 г. Волянью завладел Великий князь Владимир II Мономах. И потомки этого мудрого и могучего князя правили впоследствии не только Волянью, но и окружающими ее русскими областями долгие столетия.

В 1146 — 1154 г. Волянь оставалась за Великим князем киевским Изяславом II Мстиславовичем. В 1157 — 1169 г. Волянью управлял Великий князь Мстислав II Изяславович. После 1154 г. Волянь, как целый ряд иных древнерусских княжеств, обрела практически полную самостоятельность, но вскоре распалась на ряд мелких уделов.

Роман Мстиславович (1172 — 1205 гг.) сумел объединить Волянь и, более того, в 1199 году присоединить к ней соседнюю Галицию. Но внезапная смерть Романа в Польше обрекла юных сыновей князя Даниила и Василька на три десятилетия жесточайшей борьбы за обладание Галичем. Лишь в 1234 г., совладав с венграми, поляками, черниговскими Ольговичами и галицким боярством, Даниил Романович накрепко овладел Галичем.

Вскоре через Волянь и Галицию (1240 г.) прокатилась монгольская лава, оставляя за собой сожженные города и тысячи непогребенных бездыханных тел.

А в 1249 г. Даниил и Василько Романовичи в жестоком и широкомасштабном сражении под городом Ярослав, разгромив венгров, поляков и галицких бояр, отстаивали свои права на Галич.

Волянь и Галиция оставались единым организмом при потомках Даниила и Василька Романовичей — при князе Владимире Васильковиче и Юрии Львовиче, Андрее Юрьевиче (+1336 г.).

После кончины Андрея Юрьевича галицкие бояре, верные стародавним устремлениям, призвали в Западную Русь мазовецкого князя Болеслава Тройденевича. Тогда-то Галиция и начала попадать под власть католической Польши. В то же время Владимиром-Волянским и Луцком овладели литовские князья.

3.3. Города, селения, торговые пути, волоки

Верховья Западного Буга.

Владимир-Волянский. Устилуг. Волянь

Волянь — весьма обширная область, и рассмотрение ее городов и весей удобнее осуществить, разбив земли по речным бассейнам.

Начнем рассказ о Воляни с ее западной области находящейся в верхнем течении Западного Буга.

Столица исторической области Владимир-Волянский расположена на правом берегу Луги при впадении в нее реки Смочи.

Местные предания утверждают, что на месте летописного Владимира-Волянского X — XIII вв. в IX в. существовал город, именуемый Ладомиром. Об этом городе упоминают венгерские раннесредневековые источники.

Детинец города площадью 100 × 150 м окружен могучим валом и глубоким рвом четырехугольной формы с одной округленной стороной. В X — XIII вв. в основе оборонительной конструкции владимирского детинца были деревянные срубы-городища. Нижний уровень срубов был заполнен грунтом. Поверх стен были устроены крытые деревянные галереи с бойницами. На углах детинца были возведены башни, позволяющие обстреливать осаждавших с флангов.

Окольный город Владимира-Волянского, занимающий площадь 800 × 1000 м, был несколько вытянут вдоль берега Луги. Его в древности окружали земляной вал и ров. На валу располагалась деревянная стена, срубленная из дубовых бревен, снабженная башнями и проездными воротами. Летопись говорит о “Киевских”, “Пятницких” и “Гридинных” воротах Владимира-Волянского.

Валы, окружающие детинец и окольный город Владимира, в X — XIII вв. были полны водой запруженной речки Смочь. Кроме того, на валах располагались заостренные сверху частоколы.

В конце X — XI вв. Владимир-Волянский являлся сравнительно небольшой киевско-русской крепостью, утверждавшей власть Ярославовичей в гуще поселений и городов союза волянян. Владимиру Волянскому с его князьями и епископом на протяжении XI столетия противостоял древний город Волянь, центр стародавних традиций, религии и классической для дофеодалных славян власти. Следует заметить, что противостояние носило не военный, а религиозно-политический характер.

К югу от Владимира-Волянского расположены села с любопытными названиями — Руснов, Русин (к северо-востоку от города Белз) и Варяж, стоящий на речке Варенжанке (левый приток Западного Буга.)

Весьма вероятно, что в конце X в. киевским князьям на Воляни пришлось опереться на вооруженную силу классической летописной Руси (выходившей из районов Киева) и варягов. Едва ли топонимы столь красноречивыми названиями появлялись на Воляни сами собой.

Стремясь утвердить государственную русскую власть на Воляни, Владимир I Святославович возвел во Владимире-Волянском христианский храм. До наших дней он не сохранился.

К концу XI — началу XII вв. служившие князьям Ярославовичам бояре и христианское духовенство взглядами и образом жизни постепенно изменили и возобладали над ними. Города, боярские усадьбы и монастыри поставили Волянь в общий ряд древнерусских княжеств XII — XIII вв. На рубеже XI — XII вв. начался стремительный расцвет Владимира-Волянского. Торговля велась со всей Европой, Византией и Востоком. Ремесла и сообразно растущее население подняли столицу Воляни до общего ряда крупнейших древнерусских центров.

В XII в. во Владимире-Волянском началось активное каменное строительство.

В “Печерском Патерике” — повествовании, относящемся ко временам великого княжения Изяслава I Ярославовича (1057 — 1078 гг.), — упоминается монастырь Владимира-Волянского “от Святыя горы” (возможно, основан выходцами со святых гор — то ли Печерских под Киевом, то ли Афонских в Греции). Духовный авторитет Владимира-Волянского подкреплялся присутствием в городе с XI в. епископской кафедры.

Во времена Великого князя Изяслава II Мстиславовича (1146 — 1154 гг.) и при его сыне и преемнике Великом князе Мстиславе II Изяславовиче (1157 — 1169 гг.) во Владимире-Волянском возвели величественный Успенский собор (20,5 × 34,5 м). В народе собор именуется Мстиславским. Стены собора сложили из плинфы. Пол выстелили поливной керамической плиткой различных цветов. Собор был расписан фресками и украшен иконами. На хоры Успенского собора заходили через дверь, расположенную во втором ярусе внешней стены. Вероятно, на хоры вел не существующий ныне переход-галерея, идущий из княжеских покоев (подобно тому, как это было устроено в церкви и дворце в Боголюбове).

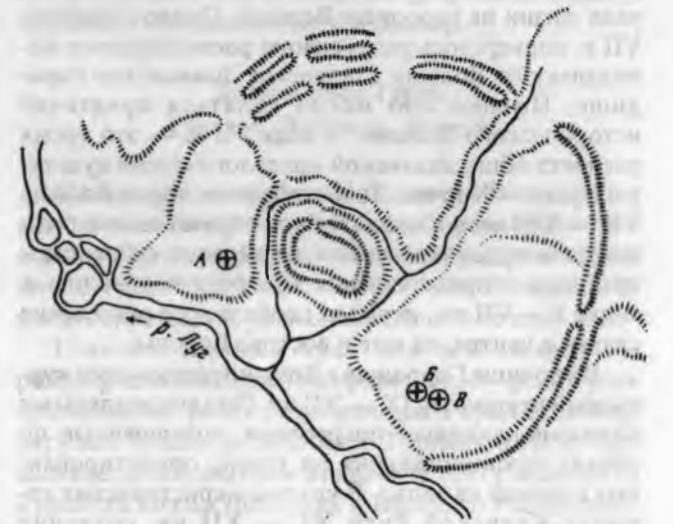
Помимо Успенского собора Владимир-Волянский и его пригороды в XII — XIII вв. украшались несколькими десятками каменных соборов княжеских и боярских хоромов.

В западном пригороде Владимира, у современного села Федоровка, на правом берегу реки Луги, в урочище Старая Кафедра в XII в. была возведена трехапсидная шестистолпная каменная церковь размерами 25,3 × 17,8 м. В наше время от церкви сохранился фундамент. Судя по названию урочища, церковь в Федоровке могла являться резиденцией владимирского епископа, по крайней мере до возведения “новой кафедры” — Успенского собора.

Владимир-Волянский был центром летописания Западной Руси. Не говоря о волянско-галицкой части Ипатьевской летописи, фрагменты которой создавались во Владимире-Волянском, следует упомянуть “Кормчую книгу”, написанную около 1286 г. князем Владимиром, сыном Василька Романовича, и супругой князя Ольгой Романовной. “Кормчая

книга” представляет собой сборник церковных и мирских правил.

Во Владимире-Волянском в XI — XIII вв. существовали металлургическое производство, производство стекла и весь состав ремесел, характерных для древнерусских городов.

Древний Владимир-Волянский по П.А.Раппопорту:

A — Успенский собор 1170 г.; B — “Старая Кафедра” XII в.; B — Михайловская ротонда XIII в.

Немногим более десяти километров к западу от Владимира-Волянского, при впадении реки Луги в Западный Буг, расположен древнерусский город Устилуг. Это город-порт Владимира-Волянского подобно Пирею для Афин. Начиная от Устилуга, Западный Буг становится судоходной рекой. И отнюдь не случайно Устилуг издревле славился значительной торговлей хлебом и лесом. Устилуг, начиная со времен самой седой древности, не просто служил речным портом для Владимира-Волянского, но и являлся воротами на запад для всей Воляни.

К юго-западу от Устилуга, при впадении в Западный Буг левого притока реки Хучва, располагался древнейший центр союза волянян город Волянь. Летопись упоминает город под 1018 г.

В урочище “Замчиско”, в селении Грудек (Городок Надбужский в двух километрах к востоку от города Хрубешув), расположено городище овальной формы размерами 30 × 70 м.

Вал в древности представлял собой составленные вплотную бревенчатые срубы, внешняя стена которых была длиннее внутренней и форма сруба напоминала трапецию, так как вал на плане имел форму овала. Срубы заполнялись землей.

На востоке к детинцу Воляня примыкал защищенный собственным валом окольный город пло-

щадью в 8 — 10 га. Окольный город был застроен углубленными в землю жилищами размерами от 2,3 × 2,4 до 4,6 × 2,6 м, обогреваемыми глиняными печами.

К югу от детинца Воляня располагалось поселение площадью в один гектар. Кроме того, Волянь был окружен пригородами с запада и севера и общая площадь города достигала 15 га.

Археология указывает на VII в. как на время начала жизни на городище Воляни. Около середины VII в. подверглось разрушению расположенное неподалеку от Воляни славянское Зимновское городище. Именно оно могло являться предтечей исторического Воляня. А ведь VII в. — это время расцвета общеславянской археологической культуры Прага — Корчак. Таким образом, город Волянь VII — XIII вв. в Киевской Руси служил своего рода центром ортодоксального языческого славянства, традиции и представления которого коренились в эпоху V — VII вв., периода глобального расселения славян в центре, на юге и востоке Европы.

В урочище Городище в Воляни расположен курганный некрополь IX — XII вв. Под его земляными холмами находятся погребения, совершенные по обряду труположения на спине, ориентированные головой на запад. В крупных христианских городах Киевской Руси XI — XII вв. создание курганных некрополей было едва ли возможно, ибо противоречило христианским представлениям и узаконениям.

Следовательно, под курганами древнего Воляня в IX — XII вв. погребали знать волян, стоявшую особняком от князей Ярославовичей и не удостоившуюся внимания столичных летописцев.

В черте Городка Надбужского или Воляня расположено подкурганное погребение XII — XIII вв. В могильной яме под насыпью археологи обнаружили останки мужчины 45 — 55 лет. Рядом с ним при погребении положили согнутый меч, лук и колчан. Кто знает, быть может, этим мужчиной был один из последних князей союза волян, не зависимый ни от Киева, ни от Владимира-Волинского, ни от епископской или митрополичьей кафедры Руси.

Монголы, завладев Владимиром-Волинским, вступая в Польшу, прошли огненным смерчем и по древнему Волянню. В урочище “Замчище”, на территории городища, то есть детинца Воляни, расположено кладбище XIII — XV вв., где только исследовано 351 погребение. Многие похороненные имеют следы насильственной гибели. Схожие погребения расположены в долине реки Сить, печально известной гибелью Великого князя Северо-Восточной Руси Юрия II Всеволодовича и его полков (1238 г.).

В VII — VIII вв. в Воляни функционировало собственное металлургическое производство. В конце XI в. в Воляни были сооружены дошедшие до нас оборонительные валы с городнями-срубами в основании. В Воляни процветало множество ремесел: гончарное, ювелирное, резьба по кости и камню и прочие. В окрестностях Воляни пашни засеивались

пшеницей, рожью, ячменем. В реке промыслили рыбу.

Древняя Волянь в VII — XIII вв. вела широкую торговлю. На размах ее географии указывают найденные в городе арабские монеты, греческие амфоры из городов причерноморья, киевское стекло и овручские шиферные пряслица.

К западу от Воляня расположились древнерусские города Червень, Холм, Хрубешев, и значительная часть грузопотока, шедшего в X — XIII вв. в Русь на запад, проходила именно через Волянь или в непосредственной от него близости.

К югу от Воляня, среди рукавов левого притока верхней Западного Буга реки Солокия, расположен древнерусский город Белз, впервые упомянутый летописцами под 1030 г.

Этимология имени города, как полагают, в основе близка слову “Бевз”, в ряде западноукраинских местностей означающему заболоченную местность. Белз в самом деле походит на остров среди болот и рукавов реки Солокия.

На то, что на месте Белза в X в. существовало славянское поселение, указывает керамика нижних культурных пластов города. По-видимому, во второй половине XI в. Белз преобразился в укрепленный город с обведенным валом и рвом детинцем и примыкающим к нему с востока укрепленным окольным городом.

Детинец Белза на пять метров возвышается над заболоченной пронизанной сыростью долиной Солокии. К востоку от детинца за валом и рвом расположен окольный город. Общая площадь древнего Белза, контур которого овальной формы, около семи гектаров.

Основой системы обороны Белза были срубы-городни длиной 3,1 — 3,5 м, шириной 1,4 — 1,7 м. Под углами городень Белза обнаружены черепа коровы и коня.

Улицы Белза мостились деревянными мостовыми, уложенными из сосновых или дубовых бревен и плах. Время укладки нижнего яруса мостовой относится ко второй половине XI в., а верхний ярус мостовой уложили в начале XII в.

Раннесредневековый Белз был застроен бревенчатыми домами размерами 4 × 3,8 м или 4,2 × 3 м. Дворы огораживались частоколом из дубовых и сосновых бревен и плах.

Выезд из Белза был устроен по земляной дамбе, увенчанной деревянным мостом, ведущим через один из рукавов реки Солокия.

Возвышенные места речной долины вокруг Белза в XI — XIII вв. были застроены пригородными посадами.

На юго-восток от Белза расположено урочище, именуемое “За рекой”. Данное место было заселено в IX веке. Посад был застроен деревянными избами с глиняными печами. Мощност культурного слоя в урочище достигает полутора метров.

На северо-восток от Белза, в урочище Гора, расположено поселение XI — XIII вв. Кроме того, городские посады раннего средневековья вокруг Белза располагались в урочищах Островец, Троица

Клименщина, Монастырище. Среди застроенных деревянными избами островков посадов высились подгородные монастыри и церкви, бывшие деревянными.

В Белзе занимались переработкой болотной руды. Кроме того, в городе присутствовали традиционные для древнерусских городов керамическое, кузнечное, косторезное, и деревообрабатывающее (с использованием токарных резцов и станков) ремесла.

Белз X — XIII вв., располагаясь на крайних западных рубежах Руси, был вовлечен в активную континентальную торговлю. Город был тесно связан с Византией и греческими городами Черного моря. На это указывают фрагменты амфор, во множестве встречаемые в Белзе. На Руси Белз был тесно связан торговыми взаимоотношениями с Киевом и Овручем. Белз был традиционно близок с Польшей и в первую очередь с ее провинциями Мазовией и Малой Польшей. Широкие торговые, экономические и политические связи Белза обязывали жителей города владеть искусством письма. Многочисленные находки металлических писал о том свидетельствуют.

Белз в X — XIII вв. был порубежным городом-крепостью, и многочисленные останки мечей, боевых топоров, наконечников стрел, конных удил указывают на то, что в городе присутствовал военный гарнизон.

Жители Белза помимо необходимости решения проблем обороны, торговли, производства занимались земледелием, возделывая плодородные участки почвы в долине реки Солокия.

На юго-восток от Белза, в местности, где верхняя и сами истоки Западного Буга подходят к бассейну верхнего Днестра, расположены древнерусские городища Буск (Бужск), Олеско.

Между верховьями Западного Буга и верхним течением реки Стырь в заболоченной, полной проток местности находится село Переволоча, что указывает на возможность существования волока из Стыри и Припяти в Западный Буг.

Левые притоки Западного Буга — реки Думница и Полтва — имеют истоки под самой замковой горой Львова. Сюда же подходят левые притоки Днестра — реки Зубра и Щирец. Однако Львов стал городом лишь в XIII в., хотя и был заселен ранее, едва ли не с десятого столетия.

К юго-востоку от Львова расположен знаменитый летописный город Звенигород, бывший в X — XIII вв. одним из крупнейших центров Западной Руси. При внимательном рассмотрении карты видно, что Звенигород стоит на одном из притоков Полтвы (левый приток Западного Буга).

К верховьям звенигородского притока подходят верховья реки Боберка, впадающей в Днестр. В самых верховьях этой реки расположены две деревни с весьма интригующими названиями — Мостище и Воловое. Именно тут следует искать древний волок из Балтики, Вислы и Западного Буга в Днестр и Черное море. Это был своего рода западный собрат классического пути из варяг в греки через Во-

лхов и Ловать в Днепр. Наличие волока могло предопределить быстрый рост Звенигорода уже в X — XI вв.

К востоку от Звенигорода, у села с древним славянским названием Станимир, еще один приток Полтвы — Тышковицкий — верховьем подходит к верховью реки Свирж, впадающей в Днестр. У самого истока Свиржа расположена деревня Копань. По Свиржу также могли свертать (спускать) ладьи с грузами из Западного Буга в Днестр.

Долина реки Турья. Турийск. Любомль. Ковель

На северо-восток от Владимира-Волинского расположено верховье реки Турьи, правого притока верхней Припяти. Данная местность издавна входила в состав исторической провинции Волянь, и ее рассмотрению мы уделим определенное внимание.

Главным городом края был летописный Турийск, расположенный на правом берегу реки Турья при впадении речки Серебряницы. Город отовсюду окружен лесами и болотами. Турийск в XI в. был значительным центром Воляни. В 1097 г. именно из Турийска князь Володарь и Василько Ростиславовичи вытребовали виновников ослепления Василька.

В десяти километрах к востоку от Турийска расположено село Перковичи. Его название указывает на некогда существовавшее в этом месте святилище Перуна или Перкуна. А в десяти километрах к западу от Турийска расположено село Дулибы. Название села напоминает о союзе славян-дулебов, некогда живших в бассейне Буга (видимо, Западного) и в VI — VII вв. весьма притягательных обрамлениями. У Турийска в селе Дулибы могли обрести убежище остатки дулебского союза в VII — X вв., рассеявшегося среди западных, южных и восточных славян.

На северо-запад от Турийска, в краю заболоченных лесов, прорезанных множеством небольших речек, в верховьях Припяти затерялся древнерусский город Любомль. Имя города стоит в одном ряду с западно-славянскими Любеком и Люблином и восточно-славянским Любечом, являясь переходной формой словообразования. Первое упоминание о Любомле относится к 1289 г. Оно указывает на то, что город принадлежал волинскому князю Владимиру-Иоанну Васильевичу.

В двадцати километрах ниже Турийска по реке Турье расположен древнерусский город Ковель. Ниже Ковеля река Турья, петляя по заболоченной долине, углубляется в дремучие леса и заканчивается впадением в Припять.

Еще один раннесредневековый центр волинских земель в верховьях Припяти расположен между Любомлем и Ковелем — город Смидин. В Смидине находится городище эпохи Киевской Руси.

Бассейн реки Стырь.

**Луцк. Торчин. Шепель. Млинов. Перемиль.
Муравица. Дубно. Кременец**

К востоку от бассейна верховий Западной Двины расположен бассейн реки Стырь (правый приток Припяти). На берегах Стыри и ее притоков в домонгольскую эпоху развивалось около десятка крупных городов. Наиболее значительным среди них оказался центр местного удельного княжества Луцк. С него мы и начнем исследование волинских земель на Стыри.

Древний Луцк расположен на возвышенном мысу, образованном излучиной реки Стырь и ее правым притоком речкой Глуша. Природа отовсюду окружила Луцк водой, обвела город руслами рек и озерами стариц и сделала его труднодоступным для неприятеля.

Образованный реками полуостров состоит из трех холмов. На наиболее высоком из них, размером около 100 — 110 м, располагался детинец Луцка. К югу, на большем, но более низком холме, находился окольный город. Площадь обведенного укрепления Луцка достигала семи гектаров.

Луцк и его ближайшие окрестности были заселены в VIII в. Не ясно эволюция крепостных сооружений Луцка. Принято считать, что в конце XIII в. Луцк был обведен каменной крепостной стеной. В XIV в. верхнюю часть стен и башен Луцка доложили кирпичом. Но проблема состоит в том, что в Луцке нет следов древнейших бревенчато-земляных укреплений, по логике вещей предшествовавших каменным. Это позволяет предполагать возведение в Луцке каменных оборонительных стен уже в XI — XII вв.

При князе Ярославле Изяславовиче (1155 — 1180 гг.) в луцком детинце был возведен каменный кафедральный собор Иоана Богослова. В настоящее время от церкви сохранился фундамент. В XII в. Луцк располагал собственной епископской кафедрой, что позволяло городу и окружающим его землям сохранять известную независимость от Владимира-Волынского.

Во второй половине XIII в. в детинце Луцка был возведен каменный дворец, от которого ныне сохранились лишь останки.

Первое летописное упоминание о Луцке относится к 1085 г. Одной из особенностей Луцка является то, что городская крепость с честью выдерживала множество осад и приступов. Луцк был практически не приступен для осаждавших. В 1259 г. хан Куремса безуспешно пытался взять Луцк осадой и был вынужден отступить от стен города. В 1261 г. Бурундай путем угроз принудил Даниила и Василька Романовичей разобрать укрепления Луцка. Однако вскоре вокруг Луцка выросла новая кирпичная крепостная стена.

Луцк помимо высокого уровня развития разнообразных ремесел быстрым ростом и мощью был обязан и тому, что лежал на сухопутном пути, соединяющем Киев с Краковом, со всей Центральной и Западной Европой. Один из возможных маршрутов

торгового пути со среднего Днепра через Волянь в центр Европы пролегал через города: Киев — Белгород — Воздвижень (Здвижень) [р. Здвиж] — Мическ [р. Тетерев] — Корецк — Дорогобуж — Пересопница — Луцк — Владимир-Волынский — Краков — Моравские Ворота и Верхний Дунай [Регенсбург].

При этом следует оговориться, что через Волянь шло несколько параллельных друг другу путей с востока на запад, но в Луцке и во Владимире-Волынском значительная их часть сходилась.

К западу от Луцка на большой дороге, ведущей во Владимир-Волынский, в заболоченной долине речки Серна расположен городок Торчин.

Под 1093 г. летопись повествует о том, что Торчин опустошили половцы. Жителей города увели в полон. Судя по имени города в X — XI вв. русские князья могли заселить его торками.

Ниже по течению Серны, в пятнадцати километрах к северо-западу от Луцка, расположен древнерусский городок Шепель. Данных о Шепеле в русском летописании немного. Видимо, город Шепель затмила слава могучего и блестящего Луцка.

К югу от Луцка, на левом берегу Стыри, в том месте, где река, словно потеряв напряжение течения, выписывает огромные дуги, расположен волинский город Перемиль.

Городище Перемиль находится в урочище Горынь на мысу, возвышающемся над рекой на 10 м. Размеры городища 75 × 150 м. С западной стороны городище защищено земляным валом и рвом.

В Перемиле в XI — XIII вв. успешно развивались ремесла и в первую очередь металлургическое, ювелирное и косторезное.

Возвышения, окружающие городище Перемиль в XI — XIII вв. были заняты подгородными селами. К западу от поселения в урочище Задубья расположены курганный некрополь и более поздние под плитовые погребения.

Около 1196 г. галицкий князь Владимир Ярославович сжег волости волинского князя Романа Мстиславовича у города Перемиль. В 1211 г. Даниил Романович Галицкий отнял Перемиль у Александра Всеволодовича. А в 1229 г. Даниил Романович отдал Перемиль в удел Ярославу Ингваревичу.

В самых верховьях Стыри крупнейшими волинскими центрами эпохи Киевской Руси были города Олеско и Броды.

На берегу правого притока Верхней Стыри реки Иква — расположены три древних волинских города. Северным из трех является Муравица (современный Млинов). Летопись упоминает Муравицу (Млинов) под 1149 г., когда войска Юрия Долгорукого завладели Муравицей.

Город возник в X в. на возвышении при слиянии двух рукавов реки Иква. Ядром города был классический детинец размером 25 × 25 м. За валом и рвом, разомкнутым выездом, лежал окольный город.

В Муравице жили ремесленники, обеспечивавшие в X — XIII вв. близлежащую волость всем необходимым. Вокруг Муравицы сформировались

поселения, население которых возделывало злаки, выращивало домашний скот, промышленяло дичь и ловило рыбу.

Выше по течению Иквы находится город Дубно, первое летописное упоминание о котором относится к 1099 г. Город издревле был укреплен, однако наиболее надежной защитой для него служили окружающие со всех сторон болота.

К востоку от русла верхней Иквы, на одном из скалистых отрогов Кременецких гор, расположен легендарный город Кременец. Первое летописное упоминание о нем относится к 1226 г. Кременец полностью оправдал свое название, выдержав осаду войск Батыя.

Бассейн реки Горынь.

**Дорогобуж. Ровно. Пересопница. Острог.
Изяславль. Данилов. Шумск. Тихомель**

Крупнейшим древнерусским городом волинского погорынья является Дорогобуж. Название города можно понять как место, где дорога минует буж, то есть реку, затапливающую собственную долину. Источники упоминают Дорогобуж в XI в. Но возник город раньше, в X в. На древность Дорогобужа помимо прочего указывает курганный некрополь, остатки которого сохранились до наших дней.

Дорогобуж расположен на левом берегу Горыни. С востока к детинцу Дорогобужа примыкает окольный город, с трех сторон обведенный валом. Укрепления Дорогобужа с юга и востока окружали обширные посады. В северной части дорогобужского детинца исследован колодезь глубиной в 9 м. Размеры сруба колодца сверху 4 × 4 м, а в нижней части 1,7 × 2,7 м. На дне обнаружены предметы материальной культуры XII—XIII вв. Под стенами Дорогобужа через Горынь в седую древность был переброшен деревянный мост. Он служил заметной вехой на пути из Киева во Владимир-Волынский. Недаром столичные летописцы многократно упоминают этот мост начиная с 1170 г.

Мощность культурного слоя на городище Дорогобужа 2,8 м. Город рос за счет не только многочисленных мастерских и административной власти местных князей, собиравших мыто и налоги с окрестной волости, но и развитой торговли, чему способствовали пролежавшая мимо дорога из Киева на запад и русло судоходной Горыни.

Вокруг Дорогобужа процветало сельское хозяйство, и городские кузнецы едва ли жаловались на отсутствие работы.

Над городнями домонгольского Дорогобужа возвышалась глава сложенного из плинфы собора. Основание собора частично сохранено в нижних стенах Успенской церкви Дорогобужа, построенной в XVI в.

Когда в Дорогобуже стало известно о вторжении монголов на русские земли, горожане принялись накапливать ценности глубоко в землю. Опасения дорогобужцев были оправданы тем, что их город стоял на столбовой дороге из Киева в Польшу и

Венгрию и не был обойден ни одним из завоевателей.

Политическая история древнего Дорогобужа вкратце такова. Около 1084 г. Дорогобуж получил Давид Игоревич. При Изяславе Мстиславовиче (1146 — 1154 гг.) Дорогобуж стал центром удельного княжества, в которое входил соседний город Пересопница. К концу XII в. Дорогобуж несколько утратил былое значение. Видимо, город был слишком близок к Киеву и, став игрушкой в борьбе князей, не сумел укрепить подобно Луцку или Пинску. При этом дорогобужцы привыкли полагаться на собственные силы и организованно отстаивали перед князьями свои права.

На половине пути из Дорогобужа в Пересопницу, при большой дороге из Киева во Владимир-Волынский, над переправой через реку Устье (левый приток Горыни) расположен древний город Ровно. На юго-запад от Ровно расположено ровенское плато, и, видимо, именно равнинной окрестности город обязан своим именем.

Ровно существовал в XIII в. Под 1282 г. летопись сообщает о победе Лешко Черного над литовцами под Ровно.

Долина реки Устье богата городищами с древнерусским культурным слоем. И именно город Ровно, лежащий на большом торговом пути, возвысился над этими городищами как местный центр.

Пересопница (ныне одноименное село) расположена при впадении левого притока в реку Стубла. Древний город оставил городище четырехгранной формы, обнесенное валом, со сторонами 242 — 259 — 180 — 219 м.

На валу города стояли деревянные стены, от них на гребне вала сохранился слой пожарища. Главный въезд в город был оборудован на востоке. Но на севере Пересопницы располагался еще один въезд. Тут один из концов разорванного вала закрывает противоположный конец вала. Между двумя валами в Пересопницу поднимается дорога.

Пересопница была городом металлургов. В ее стенах едва ли остывали горны, в кузницах выковывались разнообразное оружие и необходимые в жизни предметы.

К югу от Дорогобужа, при впадении в Горынь левого притока реки Вилии, расположен город Острог.

Полагают, что Острог возник в IX в. и, следовательно, был одним из центров волян на Горыни. Летопись впервые упоминает Острог под 1100 г., когда город передали Давиду Игоревичу взамен стола во Владимире-Волынском.

В XIII в. Острогом завладел пасынок Даниила Романовича Галицкого Даниил Васильевич. Он и стал первым в ряду князей Острожских.

На юго-восток от Острога, за широким поясом лесов и болот, над Горынью, расположен город Изяславль.

Полагают, что современный Изяславль над Горынью — это наследник древнего Изяславля, разоренного в 1240 — 1241 гг. монголами.

Изяславль над Горыню был выстроен во второй половине XIII в. В 16 км к востоку от современного Изяславля (над Горыню) находится село Городище. Его принято считать древнейшим домонгольским Изяславлем.

Детинец и окольный город древнейшего Изяславля имеют площадь соответственно 0,63 га и 3 га и расположены на мысу, над речкой Гуска. Город обведен линиями валов и рвов и располагает двумя выездами — юго-западным и южным.

Имя города, а следовательно и его основание, логично связать с воыньским князем Изяславом II Мстиславовичем (1146 — 1154 гг.).

Изяславль, основанный на юго-восточной окраине Воыни, вполне мог являться собственностью Изяслава II, то есть, говоря историческим языком, быть доминальным владением князя.

Земли Воыни к середине XII вв. были густо застроены усадьбами бояр, поделены между монастырями, храмами и многочисленными Ярославовичами. И новый княжеский город мог возникнуть лишь на малоосвоенной окраине Воыни.

Нашествие монголов превратило древний Изяславль в громадное кладбище со множеством захороненных человеческих тел.

В самих верховьях Горыни, там, где река лишь начинает набирать силу, объединяя множество ручьев и притоков, расположен древний город Тихомель. [тихая мель].

К северо-западу от Тихомеля, над рекой Вилия, стоит древний воыньский город Шумск.

Оба города были для окружающих их волостей средоточением ремесел, торговли и власти.

Заметим, что в отдельных древнерусских волостях города-центры помимо многочисленных сел и деревень, объединенных в ряд округов или кустов поселений, были окружены несколькими укрепленными городищами. Эти городища играли вспомогательную роль в деле обороны волости. Нередко городища, предыстория которых могла быть весьма древней, превращались в боярские усадьбы-крепости или в княжеские загородные резиденции.

К северу от Шумска, среди поросших соснами скалистых отрогов кремецкого кряжа (горного останца Карпат на равнине Воыни), затерялось небольшое селение Даниловка. Тут располагалась древняя воыньская крепость, о которой в Ипатьевской летописи под 1240 г. сказано: "...видивъ же Кремянецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу и отиде от нихъ".

Название Данилова невольно наводит на мысль о князе Данииле Романовиче.

Под 1255 г. летопись сообщает: "Потом же Коуремса приде ко Кременцю и воева около Кременца... и не оуспевше ничто оу Кременца и възвращаса во страны своя".

А в 1261 г. Бурундай принудил Даниила Романовича разрушить укрепления крупнейших крепостей Западной Руси — Владимира-Воыньского, Луцка, Львова, Кременца, Истожка и Данилова.

Крепость Данилов была расположена на вершине пятидесятиметровой горы, крутые склоны кото-

рой ограничивают площадку размером 270 × 80 м площадью в 1,2 га.

Данилов был основан в первой четверти XIII в. Следует помнить о мужестве защитников Данилова и Кременца. Тогда, когда пали, утонув в море стрел, стали, огня и крови, могущие крепости Руси — Старая Рязань, Владимир на Клязьме, Суздаль, Ростов, Чернигов, Киев — маленькие городки, имевшие по несколько сотен защитников, мужественно отразили приступ громадной азиатской армии.

Бассейн реки Случь.

Корец. Каменец. Сапожин.

Новгород-Воыньский. Колодежно

Восточный рубеж Воыни в древности шел по долине реки Случь. К востоку от Случи расположен летописный "Чертов лес", за которым простирались владения союзов древлян и полян, вошедшие в состав Киевского княжества.

Воыньская река Случь одноименна со Случью, впадающей в Припять с севера и протекающей через леса дреговичей. Едва ли случайно столь редкое повторение имен двух притоков Припяти.

Наиболее значимыми воыньскими городами в бассейне средней Случи в домонгольскую эпоху были Новгород-Воыньский [Взвягель или Звягель до 1793 г.], Каменец, Корец и Сапожин. Эти города стояли вблизи большой дороги, ведшей из Киева во Владимир-Воыньский.

Первое летописное упоминание о Новгороде-Воыньском (Взвягель) относится к 1257 г. В эпоху Киевской Руси город не играл видной роли на Воыни.

Каменцу летопись, напротив, уделила немало внимания. Впервые город упомянут под 1196 г. До нашего времени монголы вокруг Каменца кипели бурные страсти, рожденные раздорами Ярославовичей.

В 1240 г. Каменец был razорен и сожжен Батыем и в дальнейшем превратился в село.

При излучине реки Корчак (левый приток Случи) расположен древний воыньский город Корец. Первое летописное упоминание о городе относится к 1150 г. В дальнейшем Корец многократно разорялся литвой, татарами, поляками и казаками. При этом Корец всякий раз быстро возрождался и имел собственных князей.

Между городами Корец и Дорогобуж на большой торговой дороге, среди широких всхолмленных воыньских полей, расположен город Сапожин.

Воыньские города раскиданы по равнине примерно на равном друг от друга расстоянии. Это указывает на то, что для отдельно взятой местности рождение города как центра власти, ремесел, торговли и обороны совершенно естественно.

Каждая волость, имевшая собственный центральный город, располагала схожей с соседними волостями внутренней структурой. Город был центром некой иерархии, состоявшей из ряда сельских

округов с собственными городищами-крепостями и духовными центрами.

Проходившие по территории волости пути, грунтовые и речные, располагали системой мыт, обеспечивающих поступление доходов с проездных дошин в казну князя, сидевшего в городском детинце. Десятина от сборов обычно жаловалась князем местному епископу или его представителю.

Верховная княжеская власть закреплялась через пожалование боярам усадеб, разбросанных по волости. Боярин, имевший собственных вооруженных слуг, стремился распространить свою власть на возможно большее число окрестных селений.

Но в X — XIII вв. значительная часть крестьянского населения продолжала сохранять независимость и придерживалась древнего уклада жизни и внутреннего самоуправления.

В Центральной Европе символом древнейшей славянской самоорганизации были жупы как территориальные округа и жупаны как представители власти. На Русской равнине мы еще столкнемся с топонимами и понятием "жуп", рассказывая о землях Новгорода и северо-востока Руси. Отметим лишь топоним Дедичи. В пятнадцати километрах к востоку от города Корец, на большой дороге, ведущей в Киев, расположено село Дедовичи. Название села указывает на то, что в нем издревле жили независимые крестьяне, наследовавшие состояние предков. Жители подобных сел не допускали и мысли о каком-либо ярме или крепостной зависимости. Убеждение дедичей в законности и обоснованности собственной независимости было столь глубоко, что посягать на нее вряд ли решались князья и бояре.

В верховьях Случи расположен летописный город Колодежно. В 1240 г. монголы подошли к Колодежно. Стены города были крепки. Осаждавшие били их двенадцатью пороками — "и не може разбити стены. и начать перемольвливати люди. они же послушавше злого света его. передалися и сами избити быша". [ПСРЛ. — Т. 2. — М., 1962].

Города Червоной и Холмской Руси.

Червень. Сутеск. Холм

К западу от Владимира-Воыньского, за долиной Западного Буга, простерлись земли летописной Червоной Руси. Столица края город Червень впервые упомянут летописцем под 981 г., в эпоху руско-дохристианства.

Принимая во внимание то, что Червень расположен в двух десятках километров от древнего центра союза воынян — Воыня, можно предположить, что оба берега верховьев Западного Буга в VIII — XIII в. населяли славяне-воыняне. И именно поэтому Червень с окрестными волостями до XIII в. потянулся к Киеву, а вернее, к Руси. Союз воынян, можно сказать, обрусел, а не ополячился.

Керамика Червеня, относимая к IX — XIII вв., схожа с керамикой Воыни того же периода. А керамическая посуда с цилиндрическим горлом, рас-

пространенная в раннесредневековой Польше, представлена в Червене 1 %.

Детинец Червеня, именуемый городищем За-мчиско, расположен на левом берегу Хучвы (левый приток Западного Буга) при впадении речки Синюхи. Окруженный валом детинец овальной формы имеет размеры 145 × 95 м. На севере вал размыкается, указывая место въездных ворот города. К западу от детинца, за неширокой заболоченной низиной, в урочище Валы, расположен предполагаемый окольный город Червеня. Общая площадь защищенных валом детинца и окольного города Червеня составляют 3,5 га.

В основе валов города были классические для восточных славян срубы-городни (западные славяне, как было замечено выше, нередко возводили оборонительные стены из бревен, переложенных лагами и засыпанных грунтом). Городни Червеня IX — X вв. были уничтожены пожарами и вновь отстраивались в XI — XII вв.

За речкой Синюхой располагался обширный пригород Червеня площадью в 25 га. С юга пригород охватывают ров и вал полукилометровой длины.

За валами Червеня, на определенных возвышениях, в урочищах Подзамче, Доливо, Гребиско, Гождзяк, располагались пригородные посадки. Еще в начале XX в. к юго-западу от червенского детинца находился курганный некрополь.

Особенностью Червеня является то, что отдельные массивы города и подгородских посадков в X — XIII вв. соединялись деревянными помостами, уложенными на два ряда дубовых столбов. Над заболоченной долиной реки Синюхи был перекинут помост длиной в 750 м. Шел деревянный помост и от детинца на правый берег Хучвы.

Культурный слой Червеня мощностью в 2 — 2,5 м свидетельствует, что в IX — X вв. город жил сравнительно скромно и быт людей не отличался разнообразием и изысканностью предметов. В XI — XIII вв. Червень, оказавшись на дороге, ведущей из Владимира-Воыньского в Краков, расцвел.

Как всякий древнерусский город, Червень снабжал окрестную волость продукцией гончаров, кузнецов и металлургов, оружейников и ювелиров.

Окружающие Червень сельскохозяйственные округа располагали собственными укрепленными городищами, игравшими роль местных центров. Летопись в начале XIII в. упоминает Грабовец и Городок. Из данных археологии известны окружающие Червень городища с культурным слоем X — XIII вв. — Городло, Скибице, Липско, Посадов, Тарнов и др.

Западным рубежом Червоной Руси служила долина реки Вепш (правый приток Вислы). На мысу, при впадении в Вепш реки Пор, в IX — XIII вв. располагался город Сутейск.

Существовавшее в IX — X вв. поселение в начале XI в. превратилось в укрепленный город. Ядром города стал классический, обведенный валом детинец прямоугольной формы размерами 37 × 30 м.

В городни детинца на западе и востоке были встроены проездные ворота.

С севера к детинцу Сутейска примыкал окольный город, располагавший собственной линией валов и рвов. С юга к детинцу примыкал второй, укрепленный валом пригород.

В Сутейске найдены вислые печати печально известного князя Давида Игоревича. В 1069 г. в окрестностях Сутейска Владимир II Мономах заключил мир с Польшей. Сутейск был крайним городом Руси на западе, и в этом его особое значение.

К северу от городов Червень и Сутейск, в гуще древнерусских сел и городищ, расположен летописный город Холм, столица Холмской Руси.

Холм был основан в начале XIII в. Даниилом Романовичем. В 1223 г. Даниил Романович учредил в городе Угровске (Угруск) епископскую кафедру. Позже кафедру перевели в быстро развивающийся город Холм.

В 1240 г. монголы разрушили города и села Холмской Руси. Даниил Романович восстановил города, а в села пригласил поселенцев.

На дороге, ведущей из Холма в город Волынь, расположено село Ратиборово (Рациборовице). В летописи есть упоминание о посаднике города Червень по имени Ратибор (XII в.). Этот посадник мог иметь собственное село Ратиборово.

Берестейская земля.

Дорогочин. Брянск. Бельск.
Каменец-Литовский. Кобрин

В землях, где Западный Буг меняет направление течения с севера на запад, вокруг летописного Берестья, полукругом расположена гирлянда древнерусских городов: Дорогочин, Брянск, Бельск, Каменец-Литовский, Кобрин. Эти земли можно объединить под общим названием Берестейской земли. Описание столицы — города Берестья — было приведено выше

В буквальном смысле ведущими западными торговыми воротами Киевской Руси являлся город, расположенный на мысу над Западным Бугом, Дорогочин.

Само имя города, как кажется, связано с дорогой.

Детинец Дорогочина вознесся над правым берегом Западного Буга на 36 м. Овал детинца размерами 100 × 60 м обведен валом и с напольной стороны отсечен от плато рубцом глубокого рва.

К западу от детинца расположен окольный город или посад размерами 300 × 100 м.

Культурный слой в Дорогочине местами достигает 3 м.

Особенностью города является присутствие в культурном слое громадного количества свинцовых пломб. Ими опечатывались товары, главным образом рулоны ткани, прошедшие древнерусскую таможенную и оплату мыта, готовые к отправке в Центральную и Западную Европу. Товары со всей Руси и транзит из Византии, стран Востока везли в страны Европы частью посуху, частью водами Западного Буга в ладьях.

Торговые и политические договоры в Дорогочине заверяли вислыми свинцовыми печатями. Четыре подобные печати XI — XII вв. найдены в культурном слое города.

Вероятно, до середины XII в. Дорогочин был государственным городом. Вырученные от сбора налогов деньги посадники и тиуны отправляли в казну Великого князя Киевского и частично оставляли на месте. С началом удельного периода в истории Киевской Руси Дорогочин стал во многом независимым городом и лишь в конце XII в. оказался во власти волыньских князей.

В 1240 г. монголы разорили Дорогочин. И в том же 1240 г. Даниил Романович отстроил в Дорогочине церковь пресвятой Богородицы. Впоследствии Дорогочин многократно разорялся и переходил из рук в руки, но всякий раз очень быстро залечивал раны и процветал.

На правом берегу реки Нужец (Нурец) [правый приток Западного Буга] расположен древний город Брянск. Имя города удивительно схоже с именем знаменитого окрестными лесами летописного Дебрянска, стоящего в верховьях Десны.

Время основания Брянска неизвестно.

В 1240 — 1241 гг. монголы разрушили Брянск. Вскоре Брянск попал под власть Литвы.

Складывается впечатление, что до нашествия монголов Брянском овладели крестоносцы. Известно, что Конрад, правитель Мазовии, вверил оборону Дорогочина от ятвягов, прусов и литовцев рыцарям дебрянским.

Тут будет уместно привести краткий фрагмент Ипатьевской летописи. Под 1235 г. летописец сообщает, что Даниил Романович выступил в поход на ятвягов и, дойдя до Берестья, столкнулся с таким половодьем, что от планов войны с ятвягами отказался. И тогда, стоя в Берестье, Даниил Романович рассудил: “ Не лепо есть держати наше отчичи крижевникомъ Тепличемь. рекомымь. Соломономъ чемь и поидоста на не в силе тяжьце. приаство град.мсца марта старейшиноу ихъ Броуна яша. и во изоимаша. и возвратися ” во Владимир-Волыньский.

Этим “крижевникомъ Тепличемь” могли быть тамплиеры [temple (фр.) — храм]. Орден тамплиеров был основан католическими крестоносцами в Иерусалиме в 1118 — 1119 г. В XII в. тамплиеры занялись торговлей и ростовщичеством по всей Европе. И делали они это с таким размахом, что в XIII в. крупнейшими банкирами в Европе были именно тамплиеры. В 1312 г. папа Климент V упразднил орден тамплиеров. От Берестья до Брянска сто километров, или три дневных перехода. Весьма вероятно, что именно Брянск в марте 1235 г. отбил тамплиеров Даниил Романович.

К северо-востоку от Брянска, при реках Белыня и Белая (левые притоки реки Нарев), расположен город Бельск. Под 1253 г. Бельск упоминается летописью как город, принадлежавший галицко-волыньским князьям.

В 1264 г. под Бельском русские разбили ятвягов. В XIV в. Бельском овладели литовцы.

В долине реки Лесна (правый приток Западного Буга) древним городским центром является Каменец-Литовский.

Основан город сравнительно поздно (в 1276 г.) волыньским князем Владимиром-Иваном Васильковичем. Однако поселение славян в долине реки Лесна гораздо древнее Каменца.

При деревне Войская, находящейся к северо-западу от детинца, сохранился курганный некрополь XI — XIII вв., состоящий из 65 насыпей.

При деревне Гурки, на половине дороги из Каменца в Берестье, находится курганный некрополь XI — XII вв., состоящий из ста насыпей, обложенных валунами.

Вот эти старинные деревни и множество им подобных стали предтечей Каменца-Литовского.

В 1271 — 1289 гг. в Каменце-Литовском зодчим Алексой по воле князя Владимира Васильевича была возведена круглая в плане каменная оборонительная башня. Диаметр башни 13,6 м при толщине стен 2,5 м. Высота башни 30 м.

Башня, названная Белой Вежей или Каменецким столпом, от основания фундамента до вершины выложена большемерным кирпичом. На пяти ярусах башни расположены окна-бойницы. С третьего этажа башни до вершины в толще стены шел ход с каменными ступенями. Каменецкий столп сооружен на холме, украшен поясами фигурной кладки, увенчан зубчатой короной.

На восток от Берестья, над рекой Мухавец (правый приток Западного Буга), среди громадных болот и лесов, расположился Кобрин. Город отстроили в XI — XII вв. Своим рождением и ростом Кобрин обязан не только раздвигающему границы зеленого леса плодородному ополью, но и реке Мухавец. В устье Мухавца стоит город Берестье. А верховья реки Мухавец принимали купеческие ладьи и челны из Припяти, а следовательно, и со всей Руси.

Первое летописное упоминание о Кобрине относится к 1286 г. Сведения 1597 г. указывают на то, что Кобрин имел два укрепления — верхнее и нижнее. Это были, вероятно, древнейший детинец и окольный город, обведенные валами, снабженные стенами-городнями и башнями, внешними рвами.

Русские города и волости в бассейне Немана.

Гродно. Волковийск. Турейск.

Слоним. Новогрудок

В XI в. на высоком левом берегу Немана, на мысу, при устье речки Городничанки, русскими князьями была выстроена пограничная крепость Городня (Гродно). И этот город ожидала славная будущность.

Впервые летопись упоминает Гродно под 1128 г. В ту пору в Гродно княжил Всеволод, сын Давида Игоревича, бывший зятем Владимира II Мономаха. Не исключено, что сам Давид Игоревич имел прямое отношение к строительству Гродно. Впрочем,

Гродно мог заложить и отец Давида — волыньский князь Игорь Ярославович, умерший в 1060 г.

Детинец Гродно площадью в 0,8 га занимает треугольный мыс, по периметру обведенный валом. К востоку от детинца, за глубоким оврагом, располагался окольный город, защищенный внешним валом и рвом. Общая площадь древнейшего Гродно составляет 4 га.

В XI — XIII вв. Гродно был застроен деревянными и каменными зданиями. Улицы города замостили деревом. Оборонительными стенами служили деревянные срубы-городни. Они-то и дали имя городу.

Деревянные укрепления в XI в. были сожжены. Их вновь отстроили в начале XII в.

На рубеже XI — XII вв. на территории гродненского детинца была возведена каменная (нижняя) церковь. В настоящее время от церкви остался лишь фундамент.

Во второй половине XII в. на высоком берегу Немана, напротив стен гродненского детинца, за глубокой долиной реки Городничанки, была выстроена каменная Борисоглебская (Коложская) церковь. Этому памятнику повезло и две трети его стен сохранились до наших дней.

Сложенное из плинфы здание представляет собой шестистолпный трехапсидный крестовокупольный храм. Стены храма сравнительно тонки. Невелики в диаметре и круглые в разрезе столбы, поддерживающие свод храма. В верхней части храма строители вмуровали в стену керамические горшки-колосники.

Своеобразие Коложской церкви заключено в устройстве входов на галереи второго яруса. Узкие ходы проложены в стенах боковых апсид.

Южная стена Коложской церкви была унесена оползнем в Неман в 1853 г. Глядя на северный фасад церкви, можно любоваться вмурованными в плинфовую кладку полированными разноцветными валунами и крестами, выложенными майоликовой плиткой шестнадцати различных типов и окраски. Фасад Коложской церкви расчленен вертикальными лопатками.

В XII в. под стенами Гродно была возведена еще одна каменная церковь. Ее фундамент вскрыт на территории позднейшего Базилианского монастыря.

Во второй половине XII в. в Гродно была возведена ротонда св. Девы или немецкая божица. В центре ротонды были сооружены четыре тесно поставленные колонны. Апсиды у ротонды отсутствовали.

Схожие по форме и размерам ротонды в XI — XII вв. строили из камня и дерева на Волыни и в Галиции.

В XIII в. в укрепления гродненского детинца (старого замка) была встроена круглая каменная башня. В 1224 г. Гродно подвергся разорению германскими рыцарями.

В 1241 г. при князе Юрии Глебовиче (потомке Всеволода Давыдовича) Гродно был разорен монголами. Вскоре после того Гродно попал в руки литовцам.

Выше Гродно слева в Неман впадает река с замечательным именем Россь. Над рекой в ее среднем течении расположено одноименное селение Россь. Невольно возникает мысль, уж не долиной ли Росси в XI в. на Неман от Берестья продвинулись русские князья.

Столицей долины Росси является древний город Волковийск.

При впадении в реку Россь реки Волковысы, на восточной части холмистой гряды, расположено двухуровневое городище. Детинец Волковийска имеет овальную форму диаметром в 50 м. По периметру он обведен валом высотой в 7 м. Окольный город, размеры которого 130 × 90 м формой походит на трапецию. Вал защищает окольный город лишь с напольной стороны.

Валы детинца Волковийска были возведены в XI в. Вал окольного города появился в начале XII в. А первое летописное упоминание о Волковийске относится к 1252 г.

Во второй половине XII в. на территории окольного города Волковийска была выстроена каменная церковь. До наших дней сохранился лишь ее фундамент.

Волковийск XI — XIII вв. был окружен посадами. В городе и подгородных селах процветали ремесла. В кузницах ковали разнообразное оружие.

В Волковийске много писали, торговали и заверяли договора свинцовыми печатями. Очевидная выгода местоположения Волковийска заключается в том, что попасть с Волыни в Гродно и в русские города на Немане едва ли было возможно, минуя Волковийск.

В 60 км к востоку от Волковийска, в долине реки Шара (левый приток Немана), стоит летописный Слоним.

Город возник в XI в. Над левым берегом реки Шара, на возвышенности, расположен детинец Слонима. Его размеры 150 × 200 м. Застраивался Слоним обнесенными частоколом дворами, содержащими жилые и хозяйственные здания. Улицы города мостились деревом.

Долина реки Шара была издавна густо населена, и ремесленники Слонима не страдали от отсутствия спроса на свою продукцию.

Невольно приходит в голову сравнение рядового древнерусского города не только с крепостью, административным и духовным центром и торгом, но и со своего рода заводом, без устали перерабатывавшим тонны железных руд, глины, льна, шкур в орудия труда, войны и предметы быта. Город служил мельницей, жернова которой, перемалывая сырье, производили изделия, способствовавшие добыче того же сырья.

Первое летописное упоминание о Слонине относится к 1251 г. Русские города в бассейне Немана, хотя и принадлежали вышедшим с Волыни князьям, оставались для столичных летописцев краем далеким, и данные о них можно собрать лишь по крупницам.

Процветание Слонима помимо плодородной округи обеспечивалось и тем, что верховья реки Шара через Выгоновское озеро и реку Бобриск соединены

водной дорогой с Припятью. Весьма вероятно, что под городнями Слонима XI — XIII вв. из Припяти в Неман и обратно проходило множество купеческих ладей и челнов.

Выше устья Шары, над Неманом, расположен древний город Турейск XI — XIII вв. Городище Турейска расположено на трех отдельных возвышенностях. Летопись упоминает Турейск под 1253 и 1276 гг.

Главным русским центром раннего средневековья в верховьях Немана был Новогрудок или Новгород.

Древний Новогрудок стоял на мысу, увенчанном двухуровневым городищем. Детинец имеет треугольную форму и размеры 110 × 80 м. По периметру он обведен валом.

С напольной западной стороны детинец Новогрудка отсечен рвом. С запада к детинцу примыкает окольный город, размеры которого 225 × 130 м. На холме, расположенном за чертой городских укреплений, находился посад. Общая площадь Новогрудка не превышала 2,5 га.

Детинец Новогрудка был укреплен и заселен в XI в. В середине XII в. был насыпан вал окольного города. В том же XII в. Новогрудок заселили весьма состоятельные семьи. Жилищем им служили значительные по площади наземные здания с застекленными окнами и с художественной росписью стен.

Во второй половине XII в. на территории новогрудского посада был возведен каменный храм, посвященный св. Борису и Глебу.

Под 1227 г. летопись упоминает князя новогрудского Изяслава. В 1240 — 1241 г. Новогрудок был разорен монголами. Во второй половине XIII в. Новогрудком владел Роман Данилович Галицкий.

В районе Новогрудка расположены два древних славянских селища. К сожалению, пока на карте данных топонимов автору обнаружить не удалось, и на представленной карте Волыньских земель и окружающих их волостей эти селища не указаны.

Между деревнями Городиловка и Селец, на мысу, в X — XIII вв. было расположено село площадью 130 — 125 м. В 250 м от селища высятся тринадцать курганов.

В близлежащем лесу насчитывают пятьсот курганов X—XII вв. Это громадный некрополь.

У деревни Марулины, расположенной над берегом реки Невда, во второй половине I тыс. н.э. и в X — XI вв. располагалось село. Невдалеке от него в лесу насчитывают пятьсот курганов XI — XII вв.

На юго-восток от Новогрудка, на водоразделе между верховьями Немана и левыми притоками Припяти, при реке Усе, находится древний город Несвиж. Город, видно, не сразу можно было считать, даже зная к нему дорогу.

Весьма вероятно, что город Несвиж, стоя на меже между Турово-Пинской землей и бассейном верховий Немана, являлся перевалочным пунктом и торговле не только отдельных провинций Руси, но и громадных регионов Балтики и Черного моря. Под 1224 г. летопись, повествуя о битве на реке Калка, упоминает несвижского князя Федора.

Глава 4. Галиция. Угорская Русь. Низовья Днестра и Прута. Болоховская земля

4.1. Краткое географическое описание

Историческая провинция Галиция расположена на юго-западе Руси, в бассейне верхнего и среднего Днестра. Разносторонние связи Галиции с Центральной Европой в раннем средневековье зиждились не просто на близости территорий, но на гораздо более глубоком фундаменте. Выше было замечено, что земли Галиции в IX—XI вв. населили представители славянского союза хорватов. Рассматривая раннесредневековую историю Чехии, Польши и Балкан, мы всюду встречали представителей союза хорватов. Древнейшей, исконно хорватской, землей были долины Карпат, от верховья Лабы на западе до истоков Днестра на востоке. Обращаясь к истории Галиции, следует учитывать глубочайшую общность хорватов Днестра с хорватами Центральной Европы.

Галиция в домонгольской Руси была любимым, но капризным ребенком, так и не склонившим головы перед Киевом.

Торговые, экономические и культурные связи Галиции с городами и государствами центра Европы опирались на развитую инфраструктуру сухопутных и водных путей. На юг, к Черному морю, галичане спускались руслом Днестра. Галиция со всех сторон была открыта и доступна. Запад и восток, север и юг в равной степени проникали во все сферы жизнедеятельности провинции. Это обогащало Галицию. Подчас создается впечатление, что вокруг Галиции в раннем средневековье происходило своего рода коловращение. Польша, Венгрия, Моравия, Византия, половецкая степь и Киевская Русь сливались в Галиции в единый столп смешения интересов, конфессий, культур, языков, диалектов, этнических типов.

Свободолюбием и своенравием галичане походили на новгородцев. Галиция необыкновенно красива. Горы, реки, равнины, леса и широкие плодородные пашни наполнены древней яркой культурой местного населения и одухотворены ею.

4.2. История Галиции раннего средневековья

Из начальной летописи известно, что в эпоху Олега в походы на Византию ходили представители союза хорватов и дулебов.

В X в. на часть земель Галиции распространилась власть польских князей. В 981 г. Владимир I занял города Перемышль, Червень и вернул западные области Руси Киеву.

После кончины Владимира I (+1015 г.) польский король Болеслав I распространил свое влияние на запад Галиции. В 1030—1031 гг. Ярослав Мудрый вернул Галицию Руси.

В X—XI вв. венгры завладели славянскими землями в верховьях Тисы, в Закарпатье, именуемом Угорской Русью.

Во второй половине XI в. в Галиции выделились три удела с центрами в Перемышле, Звенигороде и Теревовле. Княжеский съезд в Любече 1097 г. утвердил западно-русские города за правнуками Ярослава: за Рюриком Ростиславовичем Перемышль, за Володаром Звенигород, за Васильком Теревовль. После кончины Рюрика Перемышлем овладел Володар Ростиславович.

Сын Володаря Владимир в 1141 г. объединил уделы в единое княжество, а новую столицу устроил в Галиче, на земле хорватов. А племянник Владимира Иван Ростиславович Берладник оказался лишенным удела.

В 1146 г. Великий князь Всеволод II Ольгович осадил Звенигород, но успеха не добился и Галиция продолжила самостоятельную политику.

В 1148—1152 гг. венгры шесть раз вступали в Галицию. Одновременно шли войны с Польшей. Приходилось Владимиру Володарьевичу бороться с народными выступлениями [1145 г.].

В эпоху правления сына Владимира Володарьевича Ярослава Осмомысла (1152—1188 гг.) Галиция расцвела. Провинция поставляла во многие земли Руси хлеб, мясо, соль. Галицкие строители были востребованы в северо-восточных землях Руси.

Однако внутри Галиции шли непростые и не сулившие ничего доброго процессы. В 1159 г. Ярослав Осмомысл подавил выступление населения. И начала разгораться ожесточенная борьба набиравших силу бояр с властью князя.

После кончины Ярослава Осмомысла наступила смутная, тревожная эпоха правления сыновей князя. Олег был сыном Осмомысла от наложницы Настасьи. С таким князем в беспокойной Галиции всерьез никто считать не желал. На место Олега в Галиче посадили Владимира Ярославовича. Однако и Владимир, из-за дурного поведения, был изгнан галичанами.

В 1189 г. в Галич пригласили волынского князя Романа Мстиславовича.

Вскоре Галич был занят венгерским королем Белой. На галицком столе Бела посадил сына Андрея. А Владимира Ярославовича Бела под стражей отправил в Венгрию. В 1190 г. Владимир Ярославович, оперевшись на помощь Польши, изгнал венгров из Галича. В 1199 г. Владимир Ярославович скончался. Сын Владимира был женат на дочери волынского князя Романа Мстиславовича. Так пресекался род галицких Ростиславовичей.

В 1199 г. в Галиче вновь сел Роман Мстиславович. Волынь и Галиция начали объединение.

После гибели (+1205 г.) Романа Мстиславовича Галиция на несколько десятилетий погрузилась во мглу смут. Сыновьям Романа Даниилу и Васильку в 1205 г. было соответственно четыре и два года от роду. И тут на первые роли в политике выступили галицкие бояре. Лишь в 1249 г. Даниил Романович окончательно утвердился на галицком столе.

Монголы, разорив крупнейшие города Волыни и Галиции, не сумели в полной мере подчинить Западную Русь. В Галиции монголо-татары не провели переписи населения и не слали в города и села края баскаков.

Даниил Романович выстроил новый центр Западной Руси — город Холм. Некоторое время Даниил владел городом Люблин.

Сына Льва Даниил женил на дочери венгерского короля. Второй сын Роман был женат на сестре австрийского герцога. Даниил Романович, ища помощи в Европе перед лицом монголов, в 1255 г. признал главенство римского папы. Однако вскоре Даниил разочаровался в своих надеждах и связи с Римом разорвал.

С кончиной Даниила Романовича (+1264 г.) процветание Галиции начало клониться к закату.

4.3. Города, селения, торговые пути, волоки

Верховья реки Сан.

Санок. Перемышль. Ярослав.

Любачив. Судовая Вишня

Северо-западная провинция Галиции расположена в верховьях реки Сан [правый приток Вислы]. Столицей края издревле был город Перемышль.

От Перемышля расходились два оживленных торговых пути. Один шел на запад в Польшу, другой на юг, через ущелья Карпат, в Венгрию.

В IX в. на месте Перемышля существовало поселение. Во второй половине X в. возвышенность, господствующая над долиной Сана, на площади в один гектар была окружена частоколом. Около 981 г. деревянные укрепления Перемышля были сожжены. Это событие можно связать с походом Владимира I на ляхов.

На месте сгоревшего частокола были возведены срубы-городни, наполненные глиной и камнем. В наиболее возвышенной части детинца, под оборо-

нительной стеной, были выстроены каменная капелла-ротонда и каменное прямоугольное здание, предположительно княжеский дворец. Остальная площадь детинца была застроена деревянными срубками.

Под стеной перемышльского детинца раскинулся обширный посад-предградье. Часть посада зияла противоположный детинцу берег Сана.

Большой, многолюдный Перемышль отовсюду окружали села и небольшие крепости-сторожи, охранявшие покой города.

Население Перемышля IX—X вв. умерших [невидимому знать] погребало под курганами, в некрополе, расположенном в юго-восточной части современного города.

В IX—X вв. в Перемышле присутствовали венгры. На это указывают захоронения всадников с лошадьми. Но укрепиться венграм в Перемышле не удалось.

При князе Володаре Ростиславовиче в Перемышле выстроили кафедральный собор св. Иоанна (разобран в 1460 г.).

В XI—XIII в. в Перемышле расцвели торговля и ремесла. Через Перемышль в Центральную Европу вывозилось огромное количество мехов, меда, воска, кожи, льна, зерна. По Сану к Висле плыли ладьи, груженные добытой в прикарпатье солью. На стран востока и Византии через Перемышль вели шелк, парчу, амфоры, содержавшие вина и масла, изделия ювелиров, оружейников.

Из Центральной и Западной Европы, возвращаясь, купцы ввозили в Перемышль и далее на Русь оружие, сукна и множество иного товара, подчас изысканного, а подчас обыденного. Даже умеренная эксплуатация подобного транзита дала возможность Перемышлю быстро превратиться в один из богатейших городов Руси.

В посадах раннесредневекового Перемышля бурно развивались ремесла. Металлурги, кузнецы, гончары, ювелиры, резчики по камню и кости, ткачи трудились не покладая рук. То, что не находило сбыта на торжках Перемышля, грузили на ладьи и возы и развозили на десятки и сотни верст окрест.

Древнерусский город выступал источником распространения промышленных товаров, ложившихся на окрестные волости громадными кругами. Одним из мест пересечения подобных кругов был Киев, сам являвшийся источником значительного числа товаров. Не являлся исключением и Перемышль.

После кончины Владимира Ярославовича (+1187 г.) Перемышль лишился собственного княжения и впоследствии стал управляться тысяцкими Даниила Романовича.

Выше Перемышля по течению реки Сан расположен город Санок. Это торговый и ремесленный центр гористой волости. Санок никогда не выходил на передние роли истории Галиции, и летописцы с вниманием не жаловали.

Ниже Перемышля над Саном расположен город Ярослав. Имя города наводит на мысль о Яросла-

Мудром. Но утверждать, что город основан именно Ярославом, я не берусь.

Еще один крупный древнерусский городской центр в верхнем бассейне Сана находится к востоку от Ярослава — это Любачив.

На середине дороги, ведущей из Перемышля к Звенигороду, над рекой Вишня (приток Сана), в домонгольскую эпоху находилась укрепленная усадьба боярина Филиппа, в 1230 г. замыслившего, пригласив на пир, убить Даниила Романовича. Князя вовремя предупредил гонец от тысяцкого Демьяна, и одно из множества покушений на Даниила провалилось.

В окрестностях современного города Судовая Вишня расположено два городища с древнерусским культурным слоем — Судовая Вишня I и Судовая Вишня II.

Городище Судовая Вишня I расположено на всхолмленной западной окраине города, в урочищах Замчиско, Валы, Деберки. Городище ограничено с севера долиной реки Вишня, с запада и востока глубокими оврагами, а с юга низиной, заканчивающейся заросшими лесом холмами. Урочище Замчиско представляет собой два возвышения, рассеченные оврагом. Южная возвышенность наиболее высока и походит на усеченный конус. На ней был расположен детинец площадью в 0,6 га, по периметру обведенный валом десятиметровой высоты.

К северу от оврага, в урочищах Замчиско, расположен холм, лишенный остатков валов или рвов. В находящиеся вблизи детинца урочищах Валы и Деберки, по-видимому, располагалось предградие или посад.

В основу оборонительной конструкции детинца Судовая Вишня I были положены срубы-городни со средними размерами 4,5 × 3,5 м. Часть городен была насыпана землей, а часть могла использоваться под жилье или кладовые.

Детинец был застроен наземными жилищами столбовой и срубной конструкции. Дома отапливались печами.

Первоначально в IX—X вв. на месте боярской усадьбы-городища Судовая Вишня I существовало крестьянское селение, лишенное укреплений и какой-либо зависимости.

В последней четверти X в., быть может около 981 г., на холме, в урочище Замчиско, срубили городни и посадили под их защиту гарнизон, имевший, как и положено, поставленного князем посадника. С течением времени крепость-усадьба превратилась в наследуемое владение, а окрестные крестьяне из свободных общинников перешли в разряд смердов, обязанных повиноваться местному боярину.

В XI в. городище Судовая Вишня I дважды разрушалось и вновь отстраивалось. В начале XI в. усадьба была вновь разрушена и далее не восстанавливалась.

Но место кормило, и боярский род оставить его не пожелал.

Новая крепость-усадьба была устроена в трех километрах восточнее старой, на городище Судовая Вишня II. Жизнь на Судовой Вишне II закипела в

XII—XIII вв., хотя могла существовать и несколькими столетиями ранее.

Городище Судовая Вишня II имеет треугольную форму. Оно расположено на мысу, при впадении в реку Вишня безымянного потока. Данное урочище называется "На чвораках". Отдельные находки позволяют предположить, что жизнь на городище Судовая Вишня II и вблизи него существовала начиная с IX в.

В южной части городища находился детинец, в северной — был посад. С напольной стороны мыс городища отделен валом. Основой вала в XII—XIII вв. служили срубы-городни, впоследствии сгоревшие.

В настоящее время городище Судовая Вишня II практически уничтожено карьером кирпичного завода.

Население, жившее вокруг боярской усадьбы, занималось земледелием. Посевы проса, ржи и иных злаков жали серпами и косами. В скотоводстве преимущество отдавали свинье, хотя держали крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Занятия охотой и рыбной ловлей были распространены, но носили второстепенный характер.

Боярин держал собственных ремесленников и в первую очередь гончаров и кузнецов.

Не исключено, что упомянутый летописью Филипп был потомком одного из воевод Владимира I.

Эволюционное развитие городищ Судовая Вишня I и II во многом походит на развитие классических городов Киевской Руси. Торговля, ремесла, процветавшее сельское хозяйство в XII—XIII вв. практически ставили галицких бояр в один ряд с удельными князьями. Отсюда понятна заносчивость галицкого боярства. Очевидны его честолюбивые устремления. Но в XI—XII вв. князья Ярославовичи имели несравнимо больше земель, а следовательно, и доходов, и боярские городища-усадьбы, опиравшиеся на ресурсы весьма ограниченной территориально округи, так и остались усадьбами и соперничать с городами не смогли.

Верховья Днестра.

Старый Самбор. Урич. Тустань. Дрогобыч

Днестр берет начало в Карпатах, питаясь множеством быстрых прозрачных потоков, бегущих по дну заросших хвойным лесом долин. Карпаты поят Днестр талой и дождевой водой в достатке, и весенние разливы реки бывают катастрофичны для населения. Данные о подобных бедствиях приведены в летописи.

К верховьям Днестра от верховья Тисы, через массив Карпатских гор, ущельями, ведут дороги, по которым венгры не раз приходили на Русь. В IX—X вв. хорваты озаботились защитой карпатских ущелий и перевалов — Ужокского, Русский путь, Средневерецкого и прочих. Вершины нависающих над долинами гор в IX—X вв. стали застраивать крепостями. Наиболее удачно расположенные крепости с течением времени переросли в города. Так возникли Старый Самбор, Дрогобыч, Урич.

Одной из ключевых крепостей карпатского пояса обороны Галиции стала Тустань, расположенная к северо-востоку от города Урич.

Тустань заложили во второй половине IX в. на вершинах трех скал, именуемых Камень, Острый Камень и Малая скала. Детинец Тустани разместился на площади в 3 га, на высоте 51 м, на вершине скальной группы Камень. С востока детинец защищали три линии валов и рвов. С юга были сооружены две линии обороны. Кроме того, строители детинца запрудили горную реку, и образовавшийся искусственный водоем стал одним из рубежей обороны.

Позже началась застройка Острога Камня и Малой Скалы. Основанием для деревянных стен крепости служил фундамент, представлявший собой бревенчатые срубы, заполненные камнем. На фундаменте возвели традиционные для Руси срубы-городни, часть которых была использована под жилища.

Сверху цепь пригнанных друг к другу городен была увенчана крытой галереей, снабженной бойницами.

В центр крепости, при условии прохождения через внешние оборонительные рубежи, можно было попасть либо через калитку, пройдя по врубленным в скалу деревянным ступеням, либо через подвесной мост, ведущий к воротам.

Мост висел надо рвом трехметровой глубины и такой же ширины. В поднятом положении мост закрывал ворота крепости.

В детинце Тустани, на скале Камень, был сооружен из каменных блоков высотой в четыре метра каменный резервуар для воды. В северо-западной части двора центрального укрепления в скале на глубину 14 м был вырублен еще один резервуар для питьевой воды.

У основания скальной группы Камень был вырублен колодец диаметром в 2 м. Из крепости к колодцу вела шахта, в настоящая время засыпанная.

Во второй половине XIII в. в Тустани вместо деревянных возвели каменные стены. В IX—XIII вв. укрепления Тустани были окружены селениями.

Уникальная особенность крепости Тустань состоит в том, что по вырубкам в скалах возможно восстановить весь комплекс деревянной застройки IX—XIII вв. от основания до конька крыши.

На левом берегу реки Стрый [правый приток Днестра] стоит старинный город Стрый. Выше по реке расположено село Дулибы. Имя села наводит на мысль о славянском союзе дулебов. Видимо, разметала судьба дулебов в VI—IX вв. едва ли не всюду по Центральной и Восточной Европе (включая Балканы). Однако держались дулебы в новых для них землях дружно и селились тесной общиной. Следует иметь в виду, что на Руси не много сел, носящих имя славянского союза, представители которого их населяют. Но если уж село зовется Дулибы или Вятичи [Тарусский район Калужской обл.], можно быть уверенным, что жили в селах именно дулебы и вятичи и весьма долгое время.

Угорская [Закарпатская] Русь. Верховья реки Тисы.

Ужгород. Мукачев. Хуст. Земплин

В окрестностях Ужгорода славяне жили уже в VI в. В VIII—IX вв. из среды славян-хорватов, сидевших в Закарпатье, стала выделяться знать. Без сомнения, у славян знать существовала ранее, но она не имела той полноты власти, какая сосредоточилась в ее руках в IX—XIII вв.

Центрами княжеской власти края в IX—X вв. стали крепости, расположенные в Ужгороде, Земплине [Восточная Словакия] и Боржаве [село Вары Береговского района Закарпатья]. Славянские князья, сидевшие в бассейне верхней Тисы, в IX—X вв. могли именоваться жупанами, что отвечает логике административного деления славянских земель центра Европы данной эпохи.

На рубеже IX—X вв. закарпатской Русью правил сидевший в Ужгороде князь, или жупан, Лаборц. Не случайно назвал земли в верховьях Тисы Русью. К востоку от Карпат, на землях классической Южной Руси, нет такого количества топонимов со словом “русский” в основе, какое встречается в верховьях Тисы. В Восточной Словакии на узкой полоске земли, протянувшейся вдоль границы с Закарпатской областью Украины, расположены села Руске, Руски Поток, Руска Волова, Руска-Гристра, Руске-Грабовец, Русковце, Руска.

Много топонимов со словом “русский” в основе и в украинском Закарпатье: Русские Комаровцы, Русская-Кучава, Русское, Русская-Долина, Русское Поле, Русская Мокрая и иные. Такого нет ни в Галиции, ни на Волыни, ни вокруг Киева, центра Руси IX—XIII вв.

Едва ли славяне, в XIII—XIV вв. уходившие от монголов и литвы в Закарпатье из Галиции и Подольи, давали новым селам имя Русское. Скорее сами белые хорваты, исконное славянское население Карпат, уже в VIII—X вв. само себя называло русинами и названием Русское отмечало свои села.

Если в VII—XI вв. славянские селения Закарпатья преимущественно располагались в долине Тисы, на землях плодородной речной долины, то в XII—XIII вв. славяне стали вытесняться венграми в горы. А топоним с основой Русский в значительной степени распространен именно в долине Тисы, на равнине.

В 903 г., согласно данным венгерской хроники, в долину реки Уж вторглись угры [венгры]. Князь Лаборц с дружиной покинул крепость Ужгород и отправился на запад, к крепости Земплин.

В IX—X вв. Земплин представлял собой детинец, обведенный валом. В основе вала была конструкция из бревен — срубы-городни и переложенные лагами ряды бревен, засыпанные землей. Остатки вала древней цитадели Земплина сохранились до наших дней.

На берегу реки Лаборец угры настигли и убили славянского князя. С той поры река получила современное имя — Лаборц.

В 906 г. Великая Моравия, могучая славянская держава центра Европы, рухнула под ударами венгров и германцев. А земли русинов, или белых хорватов, верховьев Тисы оказались под властью венгерских правителей.

Угорская Русь была не просто местом пересечения торговых путей и цветущей сельскохозяйственной провинцией с развитым виноградарством, земледелием и скотоводством. В самом верховье Тисы, среди высоких гор, на землях Мараморошской жупы затерялось старинное село Солотвина. Соль в окрестностях Солотвина добывали еще в века Трояна [II—III вв. н.э.]. Значение мараморошских соляных копий для центра Европы раннего средневековья было столь велико, что в 892 г., согласно данным Фульдских анналов, германский император Арнульф отправил послов к белым хорватам с просьбой не отправлять соль в Великую Моравию.

Венгерские короли быстро поняли, какие материальные выгоды сулит обладание соляными копиями Марамороша. Но соляной путь, пролеглий по долине Тисы от Солотвина до Хуста и далее на запад, нуждался в охране. В XII—XIII вв. над руслом Тисы выросли стены королевских замков в Виноградове, Королеве, Хусте, Вышкове.

После того как в 903 г. венгры заняли Ужгород и расправились с князем Лаборцем, они двинулись на юго-восток, к крепости Боржоа. Вел венгров вождь Арпад. После трех дней осады венгры овладели крепостью Боржоа.

В селе Вары по сей день можно видеть валы, в 903 г. защищавшие твердь белых хорватов — Боржоа. Позже в Венгерском королевстве земли при впадении реки Боржава в Тису образовали самую маленькую в государстве Угочанскую жупу.

От Ужгорода и Боржавы венгры ушли к Дунаю, а славяне в верховьях Тисы получили временную передышку, при этом фактически оставаясь центральноевропейской провинцией Руси.

Древнейшая крепость Ужгорода, принадлежавшая князю Лаборцу, располагалась на холме с продолговатой верхней площадкой, нависающей над правым берегом реки Уж. В XI—XII вв. на месте древней крепости выстроили замок. Его стены сложили из камня и лишь частично из кирпича. С трех сторон замок окружили рвом десятиметровой глубины. Попадали в замок по подъемному мосту. Впоследствии цитадель Ужгорода многократно реставрировали, и остатки первоначальной застройки сохранились лишь в фундаменте. Увидеть их можно в подzemелье замка. Местный музей сохранил остатки карниза, украшенного романским орнаментом.

При венгерских королях на замковом холме Ужгорода были возведены кафедральный собор и дворец епископа. На стоящем западнее соседнем холме было выстроено здание жупаната.

В XI в. венгры вернулись в верховья Тисы. В 1086 г. чоловецкий хан Кутеска разорил верховья Тисы, но замок Ужгорода взять не сумел. В 1222 г. венгерский король Андрей III дал государству “Золотую

буллу”. Документ наделил феодалов практически безграничной властью над доменами. Землевладельцы превратились в маленьких государей, нуждавшихся в каменных твердынях, часто походивших на разбойничьи гнезда. И начали расти на вершинах Карпат неприступные замки.

Однако по-настоящему широкое строительство каменных замков в Закарпатье началось после катастрофы 1241—1242 гг., причиной которой было опустошительное нашествие монголов. Формально замки были средоточием административной власти на территории жупы. На деле замки превратились в классические феодальные гнезда, подчас не очень считавшиеся с волей самого короля.

К северо-западу от Ужгорода, у села Невицкого, после 1241 г. вознеслась громада Невицкого замка. Его расположили на высоте 122 м над левым берегом Ужа, на скалистом отроге Анталовецкой поляны.

По долине реки Уж, от Ужокского перевала, шел путь из Галиции в Центральную Европу. Многократно венгерские короли водили войска на Русь именно долиной Ужа. Вполне вероятно, что долиной Ужа в Венгрию проникли монголы в 1241 г. Ужгородский и Невицкий замки были ключами древней, много повидавшей торговой и военной дороги.

Гористая местность в верховьях Ужа называется Бойковщиной. Славянское население края именуется бойки и составляет одно из трех культурно обособленных объединений союза белых хорватов Закарпатья.

В селах Бойковщины национальный костюм является повседневной обыденной одеждой. Женщины носят украшенные вышивкой сорочку, юбку, лайбику [безрукавку], передник. В каждом селе Бойковщины женщины носят платки определенного цвета.

В XII—XIII вв. с усилением власти феодалов на равнине в долине Тисы славянское население стало подниматься глубже и выше в горы Восточных Карпат. Девственные громадные леса и пастбища давали достаточно средств белым хорватам, называемым бойками, гуцулами или лемками [в зависимости от места расселения], для безбедной жизни.

Стада крупного и мелкого рогатого скота, а главным образом овец, на лето выгоняли на горные плато, называемые Полонина. Люди и животные тонули в море трав и цветов, переходя от одного горного потока к другому. На зиму пастухи возвращались в дома, загоняли во дворы скот и уходили в леса на заготовку древесины.

В Восточных Карпатах, а по преимуществу в горах гуцулов, расположенных на водоразделе между верховьями рек Тиса и Прут, жилой комплекс называют Гражда. Его основой служит деревянный дом, накрытый громадным, подобным стогу сена, шатром крыши. Дом занимает северную часть широкого просторного двора. Окна смотрят на юг. Двор обведен капитально срубленной деревянной стеной. К стене примыкают хозяйственные постройки. Во двор можно попасть широкими ворота-

ми. Двор мостится камнем. К северу от двора, за глухой стеной дома, располагается сад или огород, обведенный оградой из жердей.

Находясь внутри гражды, гуцулы и бойки ощущали себя в безопасности, ибо ни зверь, ни человек, ни лютый студеной ветер не могли проникнуть в гражду незамеченными. Гражда — своего рода крепость, сохранявшая людей и животных долгими снежными зимами невредимыми, хотя они были практически отрезаны от внешнего мира. Поздней осенью горные тропы, и в первую очередь перевалы, становились непроходимыми до весны из-за глубокого снега.

Районы погруженных в зелень громадных лесов Восточных Карпат, именуемые Бойковщина, Верховина, Гуцульщина, в XI—XIII вв. именовались авторами венгерских хроник “terra nullius”, что означает — ничейная земля. Зимой горы белых хорватов превращались в естественную и абсолютно неприступную крепость.

Говоря о верховье реки Уж, невозможно обойти вниманием весьма любопытную черту края. При селе Забродь справа в Уж впадает речка Уличка. В долине горной речки расположены села Улич и Уличске-Криве. Невольно приходит на память союз славян-уличей, в X в. разгромленный воеводой Све-нелдом и тюрскими кочевниками в излучине нижнего Днестра. Отчего уличи не могли укрыться в глухих уголках Карпат, как укрылись дулебы?

Левым притоком речки Улички служит речка Збойская. В ее долине стоит село Збой. Оно скрыто высокими, покрытыми лесом, горами от долины Ужа, то есть от большого пути из центра на восток Европы. Вероятно, потаенное природой село Збой некогда оказалось колыбелью культурного и языкового своеобразия славян-бойков.

Особенности жизни в горах предопределили консерватизм и традиционализм отдельных провинций края. Символами яркого своеобразия Восточных Карпат являются деревянные церкви. Наиболее древними, не по времени строительства, а по духу традиций, приверженными классическим канонам славянской архитектуры, кажутся церкви Бойковщины.

Деревянные церкви, издревле украшающие горные долины Восточных Карпат — это материальное выражение природы души и жизни белых хорватов. Исполненные любовью безмянанных создателей, шедевры проникнуты музыкой и поэзией края. Кажется, что церкви выросли из гор неким таинственным образом и живут единой с ними жизнью.

Церкви Бойковщины представляют собой три смежных сруба. Каждый сруб увенчан собственной массивной высокой деревянной кровлей с “заломами” или уступами. Вся церковь обведена единой внешней крытой галереей, ограниченной столбами с искусной резьбой.

В церквях Бойковщины присутствует нечто языческое. Церкви настолько органичны среди окружающей их природы, что кажутся живым ее продолжением.

В припятском полесье, в Давид-Городке, стоит деревянная Юровская церковь XVIII в. Церковь составлена из трех крытых массивными шатрами срубов и походит на церкви Бойковщины.

Еще один весьма близкий аналог бойковским церквям расположен в Восточной Словакии, в селе с красивым и древним славянским именем Ладомирово. Деревянная церковь выстроена в 1742 г.

На равнине долины Тисы, к югу от Ужгорода, на землях славян-лемков, архитектура деревянных церквей претерпевает влияние готики и барокко и несколько трансформирует образ храма древнейших белых хорватов Восточных Карпат.

Рядом с Ужгородом в селе Горяны расположен памятник XII—XIII вв. Это каменная горянская ротонда. Она венчает вершину холма, окруженного древними валами.

Хотя и отдаленно, горянская ротонда походит на ротонду св. Мартина, в XI в. выстроенную в припятском Вышеграде. Схожие по архитектуре каменные и деревянные ротонды в XI—XII вв. строились в Галиции и Волыни. Но следует оговориться, что две одинаковые ротонды раннего средневековья едва ли возможно найти.

К месту будет напомнить о каменной ротонде св. Георгия, в 1126 г. построенной на легендарной для чехов горе Ржип. Князь Собеслав возвел ротонду св. Георгия на основании более древнего строения.

Горянская ротонда лишена апсиды и колокольной ниши.

К ротонде позже пристроено прямоугольное каменное здание. В XIV в. стены горянской ротонды были расписаны. Фрагменты росписи сохранились до настоящего времени.

К востоку от Горян в предгорьях Карпат расположено село Среднее. Быть может, средним это село было в древней славянской жупе лемков.

Рыцари монашеского ордена тамплиеров в XII в. на юго-западной окраине современного села Среднее возвели замок. Основой ему служила квадратная башня — донжон размерами 19 × 19 м. Стены башни достигают толщины 2,8 м. В башню проникали по деревянной лестнице, приставленной к узкому входу, устроенному на втором этаже. Первый этаж башни использовался под кладовые. В подполье была тюрьма. Второй этаж служил тамплиерам жильем. Двор вокруг башни окружала каменная стена. Кроме того, замок был опоясан двойной линией валов и рвов, наполненных водой.

Узкую долину правого притока Тисы реки Латорица со стороны равнины запирала каменная громада замка Мукачева. На рубеже IX—X вв. на вершине одинокого исполинского холма, перегородившего долину Латорицы, располагалась славянская крепость. Это была твердыня белых хорватов, стерегшая исстари заселенную славянами долину.

Кроме того, и это весьма важно, долиной Латорицы шла старинная дорога, ведущая на перевалах, именуемые Русский Путь и Средневерецкий. На перевалах начиналась Галиция.

Под 1290 г. замок Мукачева упоминается во владение венгерского короля.

Во второй половине XIV в., уходя от литовцев и татар, в Мукачев из Подолии приехал русский князь Федор Кориатович. С князем в Закарпатье пришло немало жителей Подолии. Венгерский король вручил Мукачев заботам Федора Кориатовича, и началось активное каменное строительство замка. Основу замка составила занявшая верхнюю террасу горы квадратная каменная башня — донжон. Башню окружал квадратный двор, обведенный каменной стеной с четырьмя круглыми башнями по углам. Под стенами выкопали ров. На случай осады в скале был вырублен колодец глубиной в 85 м. По стене колодца шли каменные ступени винтовой лестницы. Кроме того, замок располагал резервуарами для хранения питьевой воды.

О городе Мукачев, раскинувшимся на берегах Латорицы, под замковым холмом, венгерская хроника упоминает в конце XII в. Ранее, в 1086 г., Мукачев был разорен половцами. В 1241 г. Мукачев пережил нашествие орд Батыя. В конце XIII в. Мукачев и ряд областей Закарпатья находились под управлением галицкого князя Льва Даниловича. Помимо оборонительного значения Мукачев раннего соединившего был важнейшим торговым узлом, связывающим Восточную и Центральную Европу. В Мукачев съезжались купцы из Галиции, Польши, Венгрии, свозя товары из далеких стран четырех сторон света.

Духовным центром Закарпатья, столетиями ревностно хранившим каноны славянского православия, стал основанный в XIV в. князем Федором Кориатовичем под Мукачевом, на берегу Латорицы, монастырь.

К югу от Мукачева, на изрезанной множеством речных потоков равнине, некогда покрытой полными дичи дубравами, над речкой Верке расположено село Берегово. Оно имеет древнюю историю. Ведут ее от пограничного поселения римлян, некогда расположенного в Берегове. В XI в. венгры укрепились в Берегове. В 1098 г. окрестности села принадлежали брату венгерского короля. Сын владельца Ламперт основал на месте Берегова город Лампертгаза. И город процветал, ибо на его торжках сходились дороги соляного пути Марамороша и дороги, шедшие из Галиции и Польши долинами рек Латорица и Уж.

В XII в. венгры пригласили в Лампертгазу саксонских ремесленников. И в XIII в. город стал именоваться Лампертсас, что значит Ламперт Саксонский.

В 1241 г. монголы разорили богатый торговый и ремесленный город. Однако венгерский король Бела IV предоставил большие привилегии новым колонистам, и город возродился.

В XIII в. в Берегове был выстроен каменный собор, выдержанный в романской архитектурной традиции.

К востоку от Берегова расположено село Змиевка. Согласно преданию некогда на месте села стоял скит, служивший убежищем венгерскому королю Соломону, сыну Андрея I и княжны Анастасии Ярославны, дочери Ярослава Мудрого. На защищенном природой холме Соломон построил часовню. С

напольной стороны скит защитили рвом и оборонительной стеной.

В XII в. в скиту возвели каменную часовню, выдержанную в традициях романского стиля. В XIV в. к часовне пристроили прямоугольную каменную церковь, и постройка XII в. превратилась в апсиду.

Соломон молился в змиевом скиту, прося у господина прощения за кровь, пролитую в междоусобицах.

К юго-востоку от Змиевки, над рекой Боржава, вблизи современного села Квасово, в XII—XIII вв. был возведен каменный замок. Он охранял мост через Боржаву. Тут, возможно, собиралось мыто с проезжавших купцов. А было их на том мосту немало, ибо на востоке располагались соляные копи Марамороша.

Замок в Квасове заменил древнюю славянскую крепость Боржаву (село Вары), расположенную при впадении реки Боржавы в Тису. Крепость Боржава была разгромлена венграми в 903 г.

К востоку от Вары, под Черной горой, расположен древний славянский город Угоча, центр самой маленькой в Венгерском королевстве Угочанской жупы. Ныне это село Виноградово. В 1262 г., согласно грамоте венгерского короля Стефана V, Виноградово стало городом.

Никогда не пустовавший и приносивший весомые доходы, Соляной путь поднял Виноградов на вершину благосостояния, и в XIV—XV вв. город достиг расцвета.

Славянского жупана, сидевшего в крепости Угоча (Виноградов), в XI в. венгры заменили собственным управителем. В XI—XIII вв. на скале под Черной горой был выстроен каменный замок, один из венгерских стражей Соляного пути.

В лесное урочище, расположенное за рекой Тисой, чуть выше Виноградова, в XII в. приезжали венгерские короли на охоту. На холме для королей был возведен охотничий дом. После 1241 г. венгерский король велел возвести на холме каменный замок. Это была еще одна крепость, охранявшая Соляной путь Марамороша. Руины замка расположены у современного села Королево.

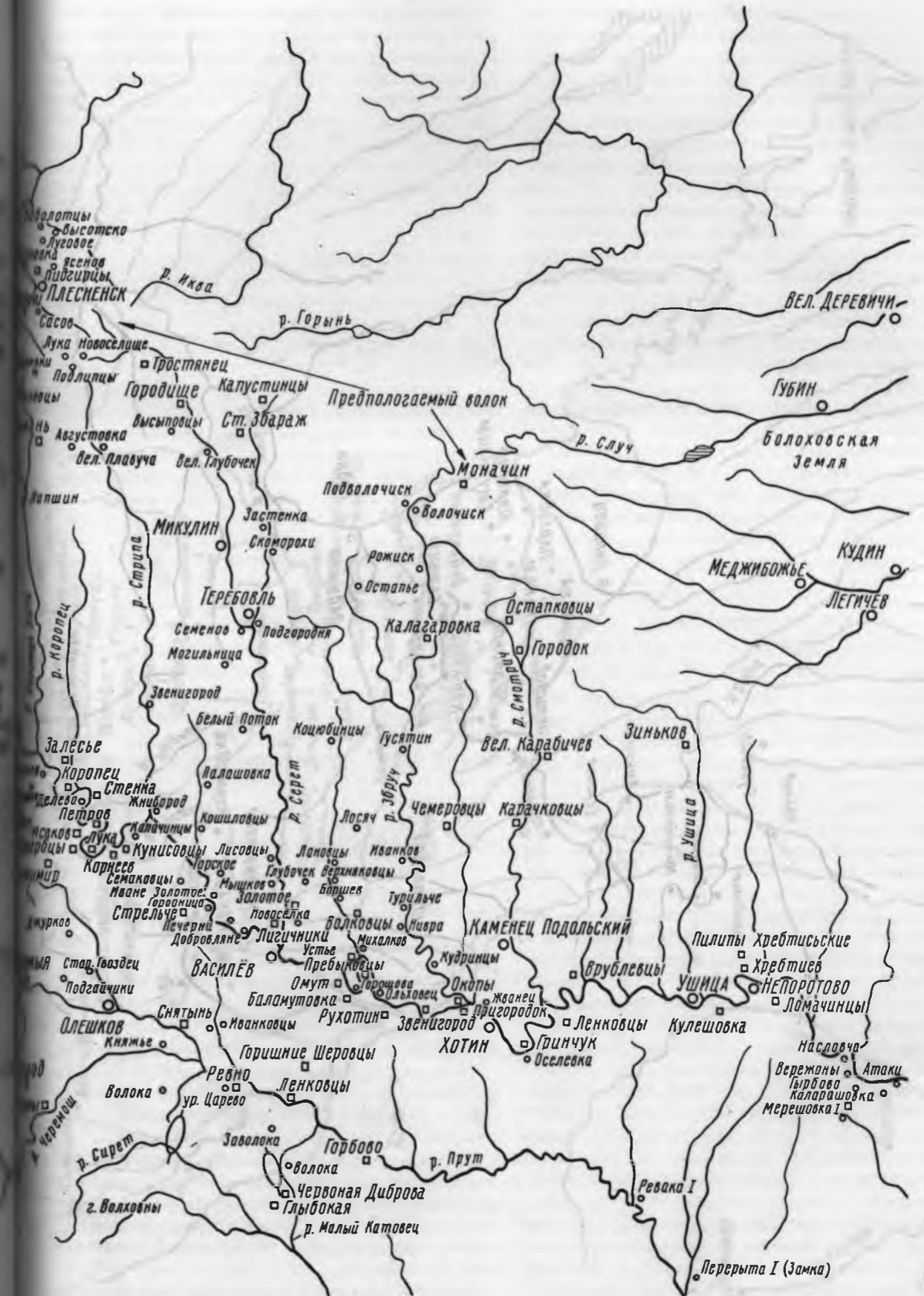
Выше по течению Тисы, при устье ее правого притока Рика, на высоком холме в XII в., а быть может и ранее, был возведен замок Хуст. В XIII в. под замковой горой возникло предградье, в XIV в. ставшее городом Хустом. Замок Хуста разорялся монголами и турками, но никогда не переставал выполнять своей главной задачи — охраны Соляного пути.

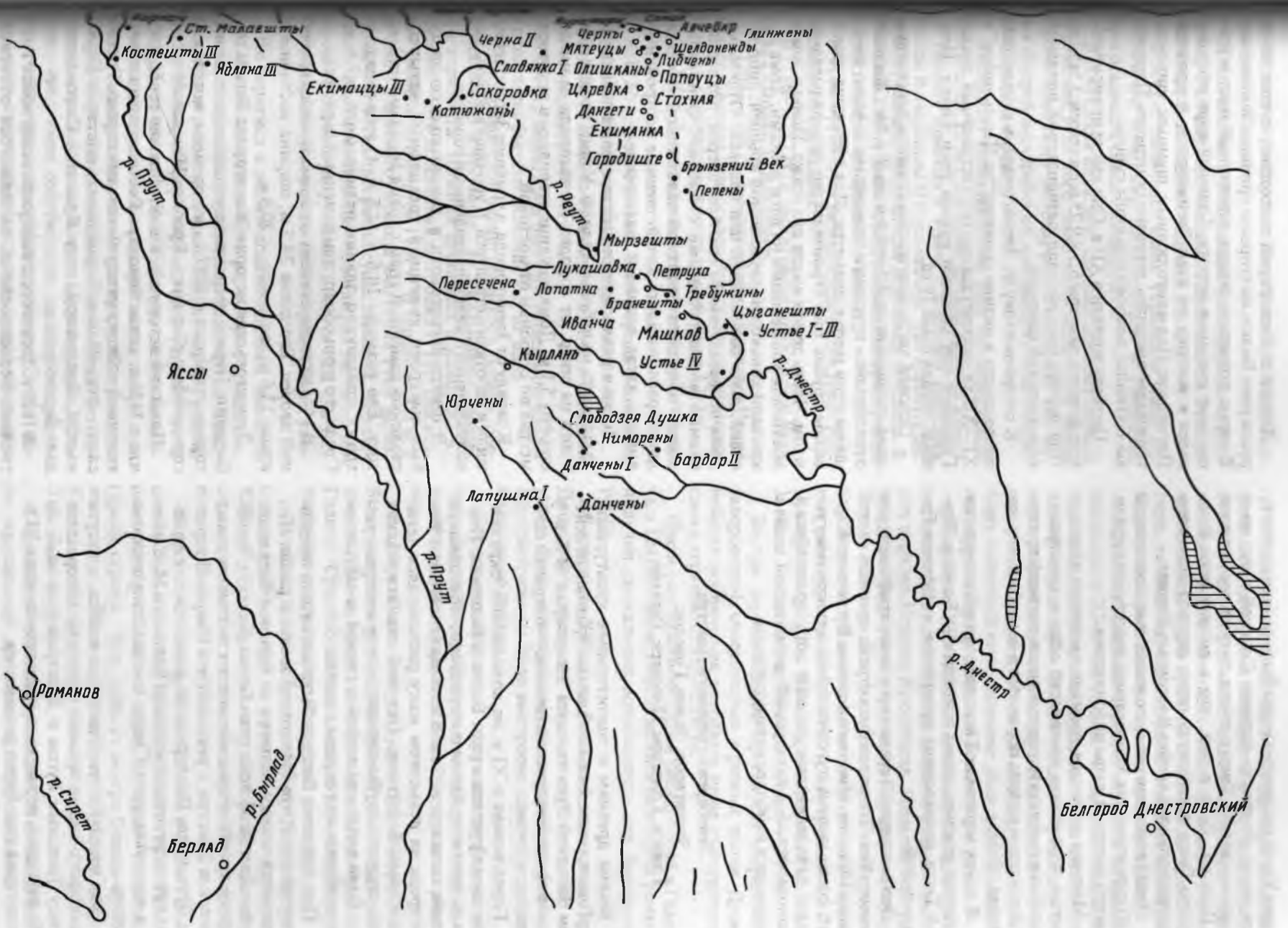
Выше Хуста в узкой, стиснутой горами, долине Тисы расположена провинция Мараморош.

Соляной путь, шедший долиной Тисы от села Солотвина до Хуста и далее на запад, в XII—XIII вв. венгерские короли застроили замками-стражами.

Каменные стены и башни вознеслись на скалах над Тисой в селе Вышкове, в Хусте, Королеве, Виноградове, Квасове.

Административным центром Мараморошской жупы был город-крепость Хуст. Начальник военного гарнизона Хуста был первым поджупаном. Зна-

чение Хуста как центра жупы было велико и оттого, что замок не просто охранял Соляной путь, но и защищал долину Тисы с севера, со стороны Галиции и Польши. Дело в том, что в долину реки Рика можно было проникнуть через перевал большого водораздельного хребта Восточных Карпат.

После опустошительного нашествия монголов, в 1241 г. разоривших Мараморш, венгерские короли быстро заселили жупы колонистами.

Могучая каменная громада хустского замка, с честью перенесшая множество осад и приступов, погибла в результате удара молнии, ставшей причиной пожара и взрыва порохового погреба в ночь на 3 июля 1766 г.

В самих верховьях Тисы, там, где река струится в тесных ущельях двумя потоками — Белой и Черной Тисы, расположена провинция, именуемая Гуцульщиной.

Это затерянный среди гор и лесов край пастухов и лесорубов. Это волшебная страна древнего союза белых хорватов. Именно в долинах Восточных Карпат, среди чудных лугов-полонин и покрытых густыми девственными лесами гор, древнейший экономический и культурный уклад жизни славян сохранился наиболее незамутненным.

Левобережье верхнего Днестра.

Звенигород. Львов. Городок.

Глинск. Гологори. Плеснеск. Рогатин

Весьма древним и значительным культурным, торговым, ремесленным и административным центром Западной Руси является Звенигород. В X в. у Звенигорода был предшественник — открытое селение.

Город возник в XI в. на возвышении, окруженном двумя рукавами реки Билки и болотами. Площадь звенигородского городища, обведенного валом, составляет 12 га. В юго-западной части Звенигорода на невысоком мысу располагался четырехугольный детинец. Основой звенигородских стен служили срубы-городни, клетки которых частью были засыпаны песком и глиной, а частью использовались под склады и жилье.

При описании Волыни было высказано предположение о том, что Звенигород возник и разбогател благодаря волоку, ведшему из верховья Западного Буга в Днестр. Истоки реки Билка (Белка) у Звенигорода практически смыкаются с истоками левых притоков Днестра, с реками Луг и Свирж. В верховье Луга, у села Подгородище, расположены деревни с красноречивыми именами Воловое и Мостище. А в верховьях реки Свирж мы находим деревню Копань.

Если догадка о существовании волока, а по сути громадного перевалочного пункта на водоразделе между Западным Бугом и Днестром (что само по себе очевидно), верна, то не удивительно, что в XI в. Звенигород стал бурно развиваться.

Уже в конце XI в. Звенигород обступили торговые и ремесленные посады.

Дорога в Звенигород подходила с юга, из устья реки Билки, со стороны урочища Замосточье. В город попадали, минуя деревянный мост и крепостные въездные ворота. Главный торг располагался к востоку от стен Звенигорода, в урочище Пятницкое. Над многолюдным, шумным, широким торжищем высилась деревянная церковь Параскевы-Пятницы, покровительницы купцов.

Церковь возвели в XII в. Она имела прямоугольную форму и размеры 6,5 × 9,25 м с алтарем 3,5 × 5,1 м. Пол церкви был выстлан разноцветной поливной керамической плиткой.

К северо-востоку от Звенигорода, в сыром, расположенном в низине урочище “за Хмельником” в XI—XII вв. раскинулся плотно застроенный посад. Границей ему служили рукава реки Билки. Площадь посада была 10 га.

Основой застройки посада служили деревянные дома площадью от 3,5 × 4,5 м до 7 × 7 м. Жилища отапливались круглыми глиняными печами, имевшими один метр в диаметре. Для утепления домов венцы срубов при строительстве прокладывались мхом. Часть домов имела два этажа. Полы в домах выстилали уложенными на лаги досками. Дома накрывали коньковой двухскатной крышей: либо тесовой, либо соломенной или дранкой. Отдельные дома по фасаду имели крытые галереи, поддерживаемые восьмигранными столбами. Основание домов обводило глиняной завалинкой. Позади домов располагались хозяйственные постройки — амбары, хлева, кладовые, мастерские.

Доски и плахи деревянных мостовых посада укладывались на дубовые колоды. Улицы посада шли с юга на север, от городен Звенигорода, и имели ширину 5,1 м. Дома на улице ставились в полтора метра по сторонам от мостовой.

К западу от Звенигорода, в урочище Загородище, жили и работали металлурги. В урочище вскрыты две полуземлянки с железоплавильными горнами.

В центре Звенигорода в домонгольскую эпоху был выстроен каменный трехнефный четырехстолпный каменный храм с тремя апсидами на востоке. Его размеры 10,6 × 12,5 м. С юго-запада к храму примыкало здание размерами 6,4 × 7,5 м. Среди его руин обнаружен каменный саркофаг.

В 14 м к северо-востоку от храма высился каменный дворец. Его длина 24,5 м, ширина восточного крыла 13,6 м, западного — 20,3 м.

Домонгольская история Звенигорода богата событиями. Первое летописное упоминание о Звенигороде относится к 1087 г., ко времени, когда под городом был убит князь Ярополк Изяславович.

Польский историк XIV в. Ян Длугош сообщает, что в 1124 г. князь Володарь Ростиславович перед кончиной поделил между сыновьями города. Ростиславу, отцу Ивана Берладника, достался Перемышль, Владимиру, отцу Ярослава Осмомысла, дали Звенигород.

В 1126 г. Звенигород выдержал осаду войск Ростислава Володарьевича, пытавшегося отобрать город у младшего брата. Согласно Яну Длугошу это событие произошло в 1127 г. Уж не за грехи ли отца

впоследствии так страдал Иван Ростиславович Берладник?

После кончины Ростислава Володарьевича Владимир Володарьевич овладел Перемышлем и соединил волость со звенигородским уделом.

В 1141 г. скончался князь Теребовля Иван Василькович. Владимир Володарьевич и Теребовль присоединил к своему княжеству.

В 1144 г., как полагают, столица княжества была перенесена в до того мало кому известный город Галич. Владимир Володарьевич поступил так же, как Андрей Боголюбский, отодвинув в тень боярство старых центров.

Владимир Володарьевич был честолюбивым правителем. Его стремление распространить власть на Волынь привело к войне с Великим киевским князем Всеволодом II Ольговичем. Два военных похода в Галицию не принесли Всеволоду II успеха. В 1144 г. и в 1146 г. Звенигород оказался неприступной крепостью для сил Великого князя.

В 1144—1145 гг. в Звенигороде сидел Иван Ростиславович Берладник.

В 1186—1187 гг. в Звенигороде княжил сын Ярослава Осмомысла Владимир.

В 1206—1208 гг. Звенигородом владел сын Игоря Святославовича Северского Роман, бесславно повешенный галичанами вместе с братьями в 1212 г.

В 1221 г. Звенигородом управлял боярин Судислав.

В 1227 г. под стенами Звенигорода Мстислав Храбрый наголову разбил венгерскую армию.

В 1235 г. Даниил Романович пытался овладеть Звенигородом, но без успеха.

В 1241 г. Звенигород был опустошен монголами и с той поры былого значения уже не имел.

Культурный слой звенигородского посада, расположенного в урочище “За Хмельником”, имеет три горизонта. Нижний относится к концу XI в., средний — это деревянная застройка 1110 г. Последний уровень датируется 1137 г. В середине XII в. с началом удельного периода в истории Руси звенигородский посад прекратил существование. Вероятно, походы Всеволода II не прошли для Звенигорода даром. А степеней разрушений и жертв 1241 г. в Звенигороде, как и во многих иных городах Руси, ужасает.

Но вернемся к жизни домонгольского Звенигорода. Несколько столетий к ряду город процветал, служив перекрестьем многих торговых путей. Товары арабского востока, шелк Китая, парча Греции, стекло Киева, шифер Овруча, соль Карпат, мечи франков, пушнина русского севера, тысячи бочонков меда, венгерские кони и горы иного товара отосреду реками стекались к Звенигороду. С переносом княжеской резиденции в Галич Звенигород, без сомнения, утратил часть доходов. Но к середине XII в. Звенигород имел собственную, весьма совершенную, экономическую инфраструктуру. Сотни металлургов, гончаров, резчиков по кости, ювелиров и иных ремесленников насыщали волость на десятки верст окрест добротными изделиями.

К северо-западу от Звенигорода, при излучине реки Полтва (приток Западного Буга), расположен город Львов. Город носит имя сына Даниила Романовича Льва. В летописях Львов начинает упоминаться с 1256 г., со времени создания на Замковой горе, высшей над городом, мощной крепости. Однако история Львова гораздо древнее 1256 г.

Жизнь на Замковой горе и ее террасах во Львове возникла в XI в. Во Львове жили ремесленники, торговцы и, возможно, представители княжеской администрации. Во Львове найдено бронзовое писало, точная аналогия которого обнаружена в соседнем Звенигороде. Но в XI—XII вв. Львов, в ту пору носивший иное название, был лишь рядовым поселением Звенигородской волости.

На рубеже XII—XIII вв. (а возможно, во второй половине XII в.) во Львове была возведена каменная церковь Иоанна Крестителя. Церковь выстроили в центре города, на площади Древнего Рынка. Здание невелико. Его формы выдержаны в строгих, аскетических традициях романского стиля. Наружные размеры церкви 7,6 × 9,7 м, внутренние 8,3 × 6 м, ширина хоров 3 м. Общая длина церкви с апсидой 11,56 м. Толщина стен 70 см, в апсиде — 57 см.

Внутри церкви Иоанна Крестителя открыто 38 захоронений, совершенных в разные эпохи. Древнейшие захоронения находятся ниже культурного слоя с керамикой XII—XIII вв.

После разгрома монголами Звенигорода и Галича в 1241 г. Львов, находившийся на вторых ролях, получил уникальные возможности для быстрого роста.

В середине XIII в. на Замковой горе князь Лев Данилович построил мощную крепость. По ее углам были возведены круглые каменные башни. Внутри крепости было выстроено каменное здание княжеского дворца.

Городские кварталы, окружавшие Замковую гору Львова, были обведены линией рвов и валов, в основе которых закладывались конструкции из бревен.

В 1266 г. Львов был разрушен ордой Борундая. Вскоре город оправился и начал стремительно расцветать. Львов взял на себя функции Звенигорода и Галича. Средоточие административной власти и торговли скоро сделало свое дело.

До наших дней на Замковой горе Львова сохранились руины одной из круглых башен крепости XIII в. Руины представляют собой развал камней, скрепленных известковым раствором. Диаметр основания башни около 10 м.

К востоку от Звенигорода, вблизи рубежа Галиции и Волыни, стоит древнерусский город Плеснеск. Автор “Слова о полку Игореве” посвятил городу строки: “Всю ночь съ вечера бусови врани възграяху у Плесньска на болони, беша дбрь Киянь, и несочася къ синему морю” [перевод Л.А. Дмитриева].

Городище Плеснеска громадно. Его походящий на скругленный треугольник овал занимает площадь в 160 га. Верхний город занимал возвышенный мыс плато. Защитой ему служили семь линий рвов

и валов. Нижняя часть города, располагавшаяся у подошвы плато, обведена одной линией вала и рва. Кроме того, Плеснеск по всему периметру обведен оборонительным валом. Некогда на валах стояли срубы-городища с башнями либо деревянные частокоты. В труднодоступных местах высота вала не превышает 1 м. На равнинных участках вал возносится на высоту 5 м и в основании имеет 20 м.

Один из оврагов, опоясывающих городище Плеснеска, местные жители называют Кисарка или Куцарка. Возможно, в названии оврага запечатлена “дебрь Киянь”, знакомая автору “Слова”.

В IX—X вв. Плеснеск был одним из крупнейших славянских центров в верховьях Западного Буга. Еще ранее, в VII—VIII вв., в Плеснеске на площади в 10—12 га было расположено славянское селище, застроенное полуземлянками. В VII—VIII вв. в Плеснеске работали металлурги и гончары, снабжавшие округу необходимой продукцией. В IX—X вв. площадь Плеснеска возросла до 160 га.

К северо-западу от Плеснеска, в расположенном в лесу урочище Порубы, высаты курганы. Их насыпи скрывают захоронения воинов. Быть может, это дружинники местного славянского князя и знать. В деревянных срубах у останков захоронений уложены мечи, топоры, кольчуги. Погребения женщин содержат золотые и серебряные украшения.

На рубеже X—XI вв. Плеснеск попал в сферу влияния Киева. Старая славянская знать частью уехала в столицу, а частью превратилась в служивое боярство, получив от Великих князей кормление. Славянские князья союзов, главы родов, жупаны и волхвы в XI в. сошли с исторической сцены, спрятавшись по глухим углам Руси. В Галиции один из жупанов в XI—XII вв. мог тихо жить в селе Жупаны, затерянном, словно иголка в стоге сена, среди лесистых гор Восточных Карпат, вблизи от Средневерецкого перевала.

В XII в. Плеснеск достиг расцвета. Детинец города застроили боярскими хоромами, полы в которых украшала керамическая глазурованная плитка. Росли богатые терема служивого и торгового люда в посаде Плеснеска. В городе исчезли полуземлянки. Им на смену пришли наземные деревянные дома.

Многочисленное население Плеснеска и окрестной волости нуждалось в продукции кузнецов, гончаров, косторезов, камнерезов, плотников, ювелиров, скорняков, бондарей. И город оказался полон кузниц и самых разнообразных мастерских.

До наших дней в окрестностях Плеснеска сохранилась легенда о том, что княжна Олена основала в городе монастырь. В 1706 г. в Плеснеске была построена монастырская церковь. Ее возвели на месте древней деревянной церкви. В церкви 1706 г. на каменной плите можно прочесть надпись: “Благодарна княжна Олена, дочка князя Всеволода, в 1180 р. цей монастыр виерше заснувала”. [Заклинский, 1906, с.15].

Данная надпись могла заимствоваться с плиты, хранившейся в деревянной церкви.

Древнейший монастырь находился в северо-западной возвышенной части городища Плеснески. Ныне это место отмечено кладбищем. Монастырь постройки XVII в. был возведен рядом с кладбищем и именуется “Подгорецкий, древле именуемый Плесницкий”.

Ближайшим, по времени жизни, к 1180 г. записан русским князем с именем Всеволод является Всеволод Мстиславович, владевший городом Белз. Расстояние от Белза до Плеснеска не превышает 90 км. По русским меркам это немного.

Олена Всеволодовна была супругой польского князя Казимира Справедливого и матерью Лешки Белого.

Под 1188 г. летопись сообщает о том, что Роман Мстиславович послал в Плеснеск войска, дабы выгнать из града галицких бояр и союзных им венгров.

А в 1233 г. в поход на Плеснеск выступили Даниил Романович и Александр Всеволодович Белзский [брат Олены]. В Плеснеске князья одолели бояр Арбузовичей, стремившихся к независимому управлению городом и волостью.

Нашествие монголов 1241 г. не минуло Плеснеска. Во второй половине XIII—XIV вв. в черте вала детинца и окольного города Плеснеска появились многочисленные грунтовые могилы. Наиболее богатые захоронения покрыты каменными плитами.

Плеснеск не оправился после 1241 г. и постепенно превратился в тихий, потаенный уголок Галиции.

Бассейн Днестра ниже Галича.

Галич. Тысменица. Городница. Микулин. Тереволь. Василев. Перебыковцы. Звенигород. Каменец-Подольский. Ушица. Непоротово

Ипатьевская летопись впервые упоминает Галич под 1141 г., а иные документальные данные представляют гораздо более древние сведения о городе.

Анонимный автор, нотариус венгерского короля Бела, в своей хронике повествует о гостеприимстве, оказанном князем Галича отряду венгерского воеводы Альмуша, продвигавшегося на берега Дуная.

Из русских источников известно, что шатры венгров со стен Киева наблюдали около 900 г.

Известно нам и то, что в 903 г. венгры вторглись в Закарпатье и разрушили крепости Ужгород и Боржаву.

Таким образом, всадники Альмуша могли стоять в Галиче между 900 и 903 годами.

Один из представителей венгерской знати скончался в Галиче. Его богатое погребение X в. расположено в лесном урочище “Диброва” вблизи города [у села Крылос].

К сожалению, столичные (киевские) летописи о галицком княжении рубежа IX—X вв. молчат.

Под 1096 г. о Галиче упоминает Киевско-Печерский Патерик. Под 1125 г. о Галиче говорит Ян Длугош.

Начиная с эпохи правления князя Владимира Володаревича (1140—1152 гг.), перенесшего столицу

из Звенигорода в Галич, о городе летописцы упоминают чуть ли не ежегодно.

Древний Галич располагался в селе Крылос, в 5 км к юго-западу от современного Галича, на мысу высокого правого берега реки Луквы (правый приток Днестра).

Трехуровневое городище Галича с запада защищено обрывом к реке Луква, а с востока — крутым склоном оврага, по дну которого течет Мозолевый поток.

Городище площадью более 50 га вознесено над рекой Луквой на 70 м. С южной напольной стороны мыс коренного берега от долины реки Луквы до оврага Мозолевого потока прорезан тремя линиями рвов и валов.

Детинец Галича располагался на стрелке мыса. Место это ныне называется Золотой ток. Детинец имеет подтреугольную форму и размеры 150 × 250 м. Детинец окружен собственным оборонительным валом, находящимся внутри пространства, окруженного валом, шедшим по периметру всего мыса. Валы детинца и всего мысового городища были насыпаны в XI в., так как они перекрыли культурный слой VIII—XI вв.

Уже в VIII в. северная часть галицкого городища была застроена деревянными зданиями срубной и столбовой конструкции, отапливавшимися расположенными в углу печами-каменками. Жилища имели квадратную форму (S = 9 — 22 м²). Галич VIII—XI вв., вероятно, имел оборонительный вал с напольной стороны.

Таким образом, предыстория летописного Галича имеет почтенный возраст. Галич VIII—XI вв. был одним из крупнейших центров союза белых хорватов Восточных Карпат. А собственное княжение, независимое от киевских Ярославовичей, Галич мог иметь вплоть до начала XII в. Хотя вероятнее, что киевские князья покончили с самостоятельностью белых хорватов гораздо раньше.

Галич в VIII—XI вв. был включен в систему континентальной торговли. Днестр до X в. едва не до устья был заселен славянами и служил оживленной речной магистралью, соединяющей Черное море с Центральной и Северной Европой. В Галиче найден клад куфических монет второй половины X в.

В середине XII в. с перенесением в Галич княжеского стола город расцвел и стал в общий ряд с крупнейшими культурными и экономическими центрами Руси.

При Ярославе Осмомысле [1152—1187 гг.] на средней площадке галицкого городища был возведен громадный каменный собор Успения Богородицы, уступавший величиной лишь киевской Софии. При раскопках фундамента собора был обнаружен каменный саркофаг с останками мужчины. Согласно летописи в Успенском соборе Галича был погребен Ярослав Осмомысл.

Средняя площадка городища с напольной стороны обведена двумя параллельными дугами валов, разделенных рвом. Высота валов достигает 10 м. Длина оборонительного пояса, прорезающего мыс с востока на запад, 624 м. Линия валов средней

площадки городища от края мыса отстоит на 500 м. В восточном крыле валов находился выезд — “Воротища”. Он отмечен разрывом линии валов. Ныне тут проходит улица села Крылос.

Во второй половине XII в. в детинце Галича выстроили княжеский дворец. Он был соединен крытой галереей с церковью Спаса. О настенной росписи галицкого дворца писал греческий историк XII в. Никита Хониат.

Дворец князя окружали дворы галицкого боярства. Детинец Галича полнился золотом и серебром. Армия ювелиров, кузнецов, гончаров и иных ремесленников Галиции стремилась получать заказы в столице княжества.

В детинце Галича археологами обнаружена кладовая литейщика. Ее размеры 2 × 2 м. Кладовая углублена в землю. Стены ее обшиты деревом, а перекрытием служит листовая бронза.

В кладовой найдено 160 тиглей, использовавшихся для плавки благородных металлов, матрицы для отливки украшений. Среди прочего в кладовой обнаружены три каменные и две бронзовые иконки, служившие для изготовления литейных форм.

Владеть кладовой мог придворный ювелир. Недаром кладовая была расположена в тщательно охранявшемся детинце.

На 25 км к юго-западу от Галича, в долине реки Луквы, во времена домонгольской Руси тянулась череда подгородних сел. Они стояли на высоком берегу реки в урочищах “Подгородца”, “Церквица”, “Четверки”, “Цапинка”, “Юрьевское”. На окраине современного села Викторово находилось производство изделий из стекла.

В урочище Юрьевское дымили горны кузнечных и бронзолитейных производств. А в урочище Церквице жили металлурги, перерабатывавшие болотную руду в железо.

Из Галича на подол по западному склону городища, раздвигая валы и рвы, шла дорога, называвшаяся “Погарище”. По восточному склону городища в долину Мозолевого потока по краю оврага под валом шла дорога, именуемая “Вывозы”.

Торговым посадом Галича могло служить урочище “Подгородуя”, расположенное у подошвы городища, на подоле.

Ближние и дальние окрестности Галича XII—XIII вв. были застроены церквями, монастырями, селами, боярскими усадьбами. Если от каменных церквей чаще всего остались фундаменты [хотя, к счастью, не от всех; сохранился каменный храм XII в. в селе Шевченкове при слиянии реки Ломницы с Днестром], то от боярских вотчин остались многочисленные топонимы, перекликающиеся с именами галицких бояр, названных в Ипатьевской летописи.

Укрепленная речная пристань Галича находилась при впадении Луквы в Днестр, там, где расположен современный город Галич.

Удар, в 1241 г. нанесенный монголами Галичу, был страшен и разрушителен. Однако город продолжал жить и оставаться центром галицкой епископии. Отсюда происходит название села Крылос, подразумевающего церковный клирос, некогда

пышно представленный на галицком городище собранием местного духовенства.

Около середины XIV в. Галич окончательно утратил значение и сошел с авансены русской истории, уступив место Львову, новому центру Западной Руси.

Ниже Галича, над правым берегом Днестра, на мысу стапятидесятиметровой высоты, ограниченной долинами речек Ямгоров и Сухой поток, высится городище с древнерусским археологическим слоем. На карте городище отмечено названием села Городница.

Центральная площадка городища с востока и юга защищена крутыми склонами. С севера и запада городище ограничивают вал и ров. С севера к детинцу городища примыкает вторая площадка, некогда служившая основой для окольного города. Она обведена дугой вала и рва. С напольной стороны городище защищено двумя линиями валов и рвов. Общая площадь, охваченная укреплениями, превышает 6 га.

Городище в Городнице было населено в XII—XIII вв. и погибло в 1241 г. Окрестности Городницы имеют глубокую дохристианскую историю, на что указывает ряд селищ и курганных некрополей.

Один из крупнейших центров Галиции город Теревовль некогда занимал высокий мыс при впадении реки Гнезна в реку Серет. Русло Серета подобно естественной меже прорезает левобережье верхнего Днестра с севера на юг, деля область на две равные части.

При впадении Гнезны в Серет, у села Зеленое, расположено городище подтреугольной формы площадью в 2 га. С востока и запада городище ограничено речными обрывами. С напольной северной стороны городище защищено рвом и валом.

На правом берегу Серета, в селе Семенове, против первого городища расположено городище подтреугольной формы 70x30 м. Тут же, на берегу Серета, находилась речная пристань XI—XIII вв., погибшая в середине XIII в. от пожара.

В урочище Гуртовка некогда располагалось древнерусское подгороднее село.

Вокруг городищ сохранилось тринадцать насыпей курганного некрополя. На обоих городищах и на всей территории села Зеленое представлен культурный слой XI—XIII вв.

В трех километрах к северу от села Зеленое, на территории современного города Теревовля, расположено еще одно городище, предположительно служившее ядром летописного Теревовля XI—XIII вв.

В XIV в. на высоком мысу, именуемом Замковая гора, при впадении в реку Гнезну правого притока Пичении на высоте 45—60 м над зеркалом реки по воле Казимира Великого построили каменную крепость размерами 107x38 м. В 150 м к северу от развалин замка мыс прорезан двойной линией валов и рвов. В 120 м далее к северу располагался внешний рубеж обороны, также представленный двойной линией валов и рвов. По восточному склону мысового городища, змеясь, в долину Гнезны спускается древняя дорога. У подножия городища некогда стояли посадские дворы ремесленников и торговцев.

Теребовль XI в. в основе оборонительной системы имел срубы-городни, внутренний ряд которых использовался под жилье. Интересно то, что внешняя линия валов Теревовля была насыпана еще в раннем железном веке, то есть около VIII—VII вв. до н.э.

В XI—XIII вв. ядро Теревовля с детинцем и окольным городом было расположено на Замковой горе. Два городища при устье Гнезны, у сел Зеленое и Семеново, служили речными воротами Теревовля на Серете. В известном смысле Теревовль походил на Владимир-Волынский, имевший крепость-порт Устилуг на Западном Буге, и на Галич с его укрепленной пристанью при впадении Луквы в Днестр.

Летописцы начинают упоминать Теревовль в 1097 г. В ту пору город принадлежал Васильку Ростиславовичу. Васильку наследовал сын Иван, умерший в 1141 г. бездетным. И Теревовль был включен Владимиром Володарьевичем в состав Галиции.

В 1226 г. Теревовль был взят венграми и, по-видимому, razoren.

В XI—XIII вв. в Теревовле процветали ремесла и торговля. Окрестные поля в достатке снабжали город продуктами питания. Город и волость имели все необходимое для независимого и безбедного развития.

Не совсем понятна система водоснабжения раннесредневекового Теревовля [Замковой горы]. На городище Галича воду из Мозолевого потока поднимали по искусственной системе водотоков, устроенной на склоне оврага. На Замковой горе Теревовля присутствуют колодцы, но они поздней постройки.

Практически на всех детинцах древнерусских городков были выкопаны колодцы. Во многих случаях места их расположения можно проследить на площадке городищ. И самая мощная крепость без неукрепленного водоснабжения и резервуаров с водой не могла выдержать и пяти дней осады. Достаточно упомянуть об осаде Владимиром I Корсуня. Как только водоток был обнаружен, греки сдались.

Севернее Теревовля над рекой Серет стоит город Микулин. Впервые о Микулине упомянул в "Починии" Владимир II Мономах.

Против устья реки Серет, на правом берегу Днестра, на рубеже XI—XII вв. князем Васильком Ростиславовичем был основан город Василев. Город одновременно служил речным портом, торгово-ремесленным центром и крепостью на Днестре, принадлежавшей Теревовльскому уделу.

Городище Василева занимает мыс правого берега Днестра на северной окраине современного села Василева. Городище, размеры которого 130 x 110 м, а высота над Днестром 10—15 м, защищено склонами оврагов и речным обрывом. С напольной стороны городище обведено рвом, по дну которого в древности к днестровской пристани спускалась дорога.

Детинец Василева защищала стена из срубов-городен. Часть срубов служила жильем и располагалась глинобитными печами. Украшала детинец Василева небольшая деревянная церковь, окруженная ва-

ронениями. Кроме того, в Василеве было не менее трех деревянных храмов.

На три километра к югу от городен Василева вдоль берега Днестра тянулись посады и подгородние села с многочисленными ремесленными мастерскими. Застройка посада велась характерными для Галиции деревянными домами столбовой конструкции. Отапливали дома глинобитными печами.

Торговая площадь Василева была расположена под городнями детинца, у речной пристани, в месте наибольшего сосредоточения перевозимых по Днестру грузов.

В XII в. в юго-восточной части василевского посада на двадцатиметровом возвышении выстроили четырехстолпный трехапсидный одноглавый белокаменный храм. Стены храма сложили из тесаного камня, скрепленного тонким слоем известкового раствора. Стены украсили каменной скульптурой. Пол храма был выложен майоликовой керамической плиткой.

В стенах храма обнаружено пять каменных саркофагов и шесть каменных ящиков-костниц. На одном из саркофагов вырезаны княжеские знаки Рюриковичей.

Примечательно то, что каменный храм вознесся над посадом, а не над детинцем Василева. Причиной этого мог быть княжеский посадник, сидевший в детинце Василева и имевший распорядительные функции. Посад Василева был зажиточен, и его население на собственные средства, в складчину, выстроило каменный храм.

Недалеко от города, в урочище Холм, на стрелке высокого мыса правого берега Днестра, в XII—XIII вв. возвысилась крепость, принадлежавшая неизвестному галицкому боярину [быть может, посаднику Василеву]. Площадь в 80 x 50 м окружена валом, в древности представлявшим собой стену из срубов-городен. С напольной стороны мыс прорезала линия частокола.

Василев XII—XIII вв. отовсюду окружало множество деревень и сел. Их население снабжало торговый, ремесленный и служивый люд города продукцией сельского хозяйства.

Впервые Василев упомянут летописцами под 1230 г. В этот год Даниил Романович перешел Днестр под Василевом.

Ниже Василева, под правым берегом Днестра, на мысу пятидесятиметровой высоты стоит крепость в Перебыкове. Время ее строительства относится к середине X в. Детинец защищала стена из срубов-городен, забитых грунтом. По поверхности стены шли ряды плетней с глиняной забутовкой, предназначенные для защиты оборонявшихся городни от стрел. Детинец крепости был застроен жилыми срубами. В центре крепости стоял большой рубленый дом длиной в 16 м.

С напольной стороны Перебыковская крепость была обведена двумя внешними линиями валов и рвов. Крепость в Перебыкове контролировала окрестную волость и путь по Днестру вплоть до XIV в.

Ниже Перебыкова на левом берегу Днестра расположено село Дзвенигород. В древности это был один из множества Звенигородов, раскиданных по Руси.

Под 1144 г. Ипатьевская летопись повествует о том, что из Звенигорода в Галич мятежные горожане пригласили Ивана Ростиславовича Берладника. Галичане воспользовались отъездом своего князя Владимира Володарьевича в Тисменицу, к югу от столицы, на ловы [охоту].

Конечно, можно отнести упомянутый под 1144 г. Звенигород к описанному выше Звенигороду подо Львовом, но возникает один вопрос. Под 1144 г. Ипатьевская летопись повествует о походе коалиции князей, собранной Великим киевским князем Всеволодом II Ольговичем, на берега Билки, под стены главного западно-русского Звенигорода. Ольгович разгневался на Владимира Володарьевича за посягательство на Владимир-Волынский. Рассказывая о походе на Звенигород, летописец не упоминает имени Ивана Ростиславовича Берладника. Впрочем, в котором из двух Звенигородов в 1144 г. сидел Иван, можно лишь гадать.

Если быть до конца объективным, следует сказать, что в Галиции есть еще один Звенигород. Это село Звенигород, стоящее в излучине правого берега реки Стрыпа на половине пути от Галича до Теревовля.

Ниже устья реки Збруч, над правым берегом Днестра, высится каменная громада замка древнего города Хотин. Замок возвели в XIII—XIV вв., но город Хотин существовал уже в X в.

Севернее Хотина, на левом берегу реки Смотрич, с XI в. стоит город Каменец-Подольский. В середине XIII в. город сгорел. В конце XIII в. Каменец-Подольский отстроился, причем в значительной степни каменными домами.

В XII—XIII вв. крайней на востоке крепостью Галиции была Ушица Старая, расположенная на мысу при впадении в Днестр левого притока реки Ушицы.

Выше Ушицы в Днестр слева впадает небольшая речка с интересным именем Руска. Она служила межой Галицкой Руси на востоке XII—XIII вв.

В 1144 г. Ушицу заняли войска союзного Всеволоду II Ольговичу черниговского князя Изяслава Давыдовича.

Ниже Ушицы на правом берегу Днестра, на высоком мысу левого берега речки Калютин, в X—XIII вв. стояла Ломачинская крепость. Примечательно название урочища, где некогда находилась крепость-урочище Галича. Это означает, что за Ломачинской крепостью начиналась Галиция.

Площадь 70 x 50 м обведена мощным земляным валом и рвом. На вершине вала в древности стояла стена из срубов-городен. Под защитой Ломачинской крепости X—XIII вв. в ее окрестностях развивалось несколько сел.

В 1241 г. Ломачинская крепость погибла в огне монгольского нашествия. С той поры городище было заброшено людьми. Существует предположение, что Ломачинская крепость — это летописный город Кучелмин.

Бассейн верхнего Прута.
Коломыя. Карапчевское городище. Ревно.
Ленковцы. Горишние Шеровцы.
Яссы. Берлад. Вичин

Верховья реки Прут в VIII—XIII вв. было достаточно густо застроено древнерусскими городами и селами. Регион входил в состав Галиции. Население края концентрировалось вдоль русла Прута и его притоков. Прут дублировал речной путь по Днестру, ведущий к Черному морю.

При впадении в Прут реки Пыстынка расположен город Коломыя. Летописцы начинают упоминать город в XIII в. В названии города Коломыя заложена древнейшая конфигурация города — коло, то есть круг.

Ниже города Коломыя, при впадении в Прут рек Рыбница и Чернява, расположен древнерусский летописный город Олешков. В центре детинца Олешкова в XII—XIII вв. высилась многогранная деревянная ротонда. Ныне открыто ее основание. Оно представляет собой гальку, политую глиняным раствором.

Внешняя длина ротонды 19,45 м, ширина 18,5 м. Пол ротонды был выстлан поливной керамической плиткой желтого, зеленого и кирпичного цветов. Плитка укладывалась концентрическими кругами большого диаметра. В восточной части ротонды находились три апсиды. Стены ротонды представляли собой многогранный деревянный сруб. Подкупольный свод здания поддерживали десять колон.

Олешковская ротонда XII—XIII вв. стоит в одном ряду со множеством схожих зданий центра и юга Европы раннего средневековья. Одной из ближайших к Олешкову ротонд, но уже каменной, является церковь в Горях под Ужгородом. Ротонд в Галиции и на Волыни в X—XIII вв. было немало. В основном ротонды были деревянными, и ныне отыскать их следы непросто.

Над рекой Черемош на высоком холме в урочище Городок в XIII в. была выстроена крепость. Ныне это место именуется Карапчевское городище. Две площадки городища по периметру были обведены стенами из срубов-городен. Крепость над Черемошем охраняла подступы к верхнему Пруту с юго-запада, со стороны Угорской Руси.

Ниже устья Черемоша, над правым берегом Прута, у современного села Ревно, в древности располагался славянский город. В структуру центра в Ревно входят два городища и не менее пяти селищ. Общий диаметр центра 2,5 км.

В VIII в. в Ревно был заселен мыс на площади в 850 × 450 м, высящийся на 15—20 м над рекой и именуемый Царина.

Мыс застроили полуземлянками, снабженными печами-каменками [типа Луки Райковецкой VIII в.]. В IX в. площадь в 450 × 450 м на мысу Царина обвели деревянной стеной.

На мысу, расположенном выше урочища Царина, в урочище Городище, в IX в. возник вал, окружавший поселение площадью в 600 × 400 м. По гребню вала шла стена, сооруженная из горизонтально уложенных бревен, закрепленных вертикально поставленными столбами. Снаружи стену

укрепили глиняным откосом. Под защитой укрепления располагалась застройка из больших наемных домов со стенами из плетня и глины. Это были общественные здания, служившие местом собраний окрестного населения белых хорватов.

В первой половине X в. в урочище Городище была возведена деревянная крепость площадью 300 × 160 м. С напольной стороны крепость защищали три линии укреплений. В основе их были срубы-городни, снаружи закрытые каменными откосами — крепидами.

А в соседнем урочище Царина в X в. насыпали вал и соорудили на нем новую стену. Одновременно в урочищах Царина, Микулинка, Гевода, Ревиня, Лищик росли подгородние села.

Городища в Ревно были покинуты населением в X в. Это можно связать с походами Владимира I на белых хорватов. Можно допустить, что центр в Ревно был столицей белых хорватов на верхнем Пруте в VIII—X вв. К этому выводу подталкивает название урочища на мысу — Царева, то есть место пребывания царя [цесаря] хорватов. Чем иначе можно объяснить позднее пренебрежение русскими князьями к некогда цветущему городу над Прутом.

На смену центру хорватов в Ревно пришло расположенное ниже по течению Прута Ленковецкое городище [территория современного города Черновцы]. В шестидесятых годах XII в., в эпоху Ярослава Осмомысла, в заболоченной местности на левом берегу Прута возникли деревянно-земляные укрепления Ленковецкого городища. Ядром крепости стала площадка 80 м в диаметре, окруженная валом, увенчанным сомкнутыми клетями срубов-городен. Снаружи вал был обведен рвом шириной в 14 м, глубиной в 3,5 м, наполненным водой. Ряд клетей, обращенных внутрь детинца, использовался под жилье и кладовые. На верхней плоскости срубов-городен был устроен крытый боевой ход, узкими разрезами бойницы обращенный на окрестный посад и села.

Не более чем в полутора метрах от срубной стены, внутри детинца, стояли деревянные жилые здания. Нижние этажи зданий использовали под склады и погреба, верхние служили жильем. В центре Ленковецкого детинца стоял большой дом с обширным подвалом. В этом доме мог жить посадник, представлявший галицких князей на верхнем Пруте. На расстоянии 200—300 м от стен детинца Ленковецкое городище было опоясано внешней линией обороны, представлявшей собой ров, полный воды, внутренний край которого был оштукатурен остроконечным частоколом. Третья линия обороны городища опиралась на русла речек Совица и Хабаливка, объединенных наполненными водой рвами. Общая площадь, защищенная укреплениями в Ленковцах, составляет 30 га.

В XII—XIII вв. в обширных посадах Ленковецкого функционировало множество железоплавильных горнов. Развивались и иные ремесла. В Ленковцах процветала торговля. Секрет благоденствия города был сокрыт не только в том, что он стоял над речной дорогой, шедшей по Пруту, и был тесно связан с городами верхнего Днестра и с соляными варницами Карпат. Ленковцы возникли на волоке, соединявшем Прут с рекой Сирет. На современной карте

видно, что к югу от Ленковец [Черновцы], на водоразделе между Прутом и Сиретом, стоит село Волоки. Из русла Прута суда вводили в устье правого притока Дерелуй и вели до села Волока.

От Волоки суда перетаскивали на деревянных катках, а грузы перевозили на подводах до верховий речки Малый Катовец. Далее суда спускали в Сирет.

Волок помимо Ленковец охраняли городища, расположенные в селах Червоная Диброва и Глыбокая, высящиеся над правым берегом Малого Катовца.

Южнее Ленковец, на холмах, над правым берегом Прута, было выстроено несколько небольших крепостей-сторожей. В селе Молодия, в урочище Окопы, высилась стена, составленная из срубов-городен, а в защищенных обрывами местах стояли остроенные кверху столбы частоколов.

Крепости XII—XIII вв., прикрывавшие Ленковцы с юга, были расположены в селе Спаска в урочище Паланка. А на горе Цецин в центре укрепления, диаметр которого составлял 50 м, в XIII—XIV вв. высилась круглая каменная башня диаметром 20 м. С напольной стороны крепость защищали три линии рвов и валов.

Волок, соединявший Прут и Сирет, мог функционировать уже в VIII—X вв. и служить процветанию хорватского центра Царева в селе Ревно. Выше Ревно справа в Прут впадает речка Брусница. На ее левом берегу стоит село Волока. Верховья Брусницы подходят вплотную к руслу верхнего Сирета. Село Волока на Бруснице указывает на еще один древний волок, соединявший Прут и Сирет.

Севернее Ленковецкого городища на горе, возмешейся на 480 м над селом Горишние Шеровцы, в X в. возвели крепость. Она заняла одну из высочайших вершин Хотинской возвышенности, покрытым лесом гребнем разделяющей бассейны Днестра и Прута. Крепость в Горишних Шеровцах стерегла подораздел с его сухопутными дорогами, объединявшими города Днестра и Прута.

Городище было обведено земляным валом, по гребню которого шла стена из срубов-городен. В срубах жили воины гарнизона. В черте укреплений были выстроены рубленые деревянные дома, снабженные подвалами, содержимое которых имело громадное значение при осадах и немирье. В первой половине XII в. Горишнешеровское городище было оставлено населением.

Получается, что в VIII—X вв. путь с Днестра к Пруту и далее к Сирету контролировал хорватский центр в Ревно. С X до середины XII вв. на смену ему пришла крепость в Горишних Шеровцах. В середине XII в. возвысился центр в Ленковцах. В 1241 г. монголы сожгли крепость в Ленковцах. А под 1408 г. летописный источник говорит о преемнике Ленковецкого центра городе Черновцы. Выгоды местоположения возродили город.

На речной и сухопутной дорогах от верховий Прута к Черному морю в X—XIII вв. располагался целый ряд славянских городов, основа которых была заложена в V—VII вв. в эпоху археологической культуры Прага — Корчак.

Помимо Ясс, стоящих в среднем течении Прута, следует упомянуть город Берлад, расположенный на реке Берлад [приток реки Сирет].

В XI—XIII вв. в Берладе и его округе существовало своего рода независимое государство, дававшее приют всем не ладившим свлостями не только на Руси, но и в иных государствах. Видели стены Берлада и галицкого изгоя Ивана Ростиславовича Берладника.

Прут и Сирет впадают в Дунай чуть выше громадного, полного рыбы, пернатой и копытной дичи гирла могучей реки. Тут галицкие купцы останавливались в городах Вичин и Переяславец. Пополнив запасы воды и пищи, торговые караваны выходили в Черное море и двигались к Византии.

Бассейн среднего и нижнего Днестра.
Белгород-Днестровский

В VI в. в бассейн среднего Днестра с севера продвинулось славянское население, создавшее археологические культуры Прага — Корчак и Прага — Пеньковка. В лесостепях Молдавии славяне построили лишние укрепления селения и занялись обработкой земли и скотоводством. Специализированные ремесленные поселения в VI—VII вв. у славян Молдавии не было, и население само удовлетворяло собственные потребности в разнообразных изделиях.

В VIII—IX вв. в лесостепях Молдавии увеличилось число славянских сел и возросли их размеры. Из отдельных селений стали складываться кусты или гнезда селищ, гирлянды которых, формируясь вдоль речных долин, тяготели к укрепленным центрам — городищам.

Славянская керамика в VIII—IX вв., как и ранее в VI—VII вв., преимущественно оставалась лепной, однако искусство ее создания совершенствовалось [керамика подобна образцам посуды Луки Райковецкой]. В VI—IX вв. славяне, занимавшие лесостепи Молдавии, входили в единый славянский мир как органичная составляющая без каких-либо черт яркого своеобразия.

В конце IX в. в степях юга Молдавии появились открытые селения южных славян, продвинувшихся с берегов Дуная на север. Археологическая культура юга Молдавии соответствующего периода называется балкано-дунайской. В VIII—X вв. центр культуры располагался в долине нижнего Дуная. Твердой южных славян в Молдавии было городище Калфа, расположенное на рубеже степи и лесостепи.

В начале XI в. южные славяне, сидевшие на берегах нижнего Днестра и Дуная, были смяты волной тюрков, нахлынувшей в очередной раз из недр евразийской степи. А на севере Молдавии в конце IX—начале X в. славяне удар тюрков выдержали. Более того, славянская провинция лесостепей Молдавии входила в громадный русский мир как крайний юго-западный форпост.

На рубеже IX—X вв. на среднем Днестре произошел рост числа славянских поселений. Вокруг городищ, занятых дворами нарождавшейся феодальной знати и их дружинников, стали расти посадки, застраивавшиеся мастерскими гончаров, металлургов, кузне-

цов, оружейников, ювелиров и других ремесленников. Сельскохозяйственное население округа снабжало протогорода продуктами питания и сырьем от льна и древесного угля до железных криц. В IX—X вв. среднее поднепровье развивалось синхронно с Русью.

В X в. в среду населения среднеднепровских городищ начало проникать христианство. А посады и села продолжали держаться древних языческих обрядов и обычаев.

Население среднего Днестра IX—X вв. можно отождествить с летописным союзом славян-тиверцев, выступавших в роли толмачей при общении Руси с греками. Греки еще в I тыс. до н.э. называли реку Днестр Тирас, а севшие по реке славяне получили имя тиверцев.

Преимущественно тиверцы в VI—X вв. жили в углубленных в землю срубах-полуземлянках, отапливавшихся печами-каменками.

В первой половине X в. тюркские кочевники стали овладевать степями Северного Причерноморья. На среднем Дону тюрки [печенег] потеснили вятичей. В излучине нижнего Днепра тюрки теснили союз славян-уличей. Одновременно на нижнем и среднем Днестре дрогнула оборона тиверцев.

В X—XI вв. печенег и пришедшие им на смену половцы разорили большинство славянских сел и городищ на среднем Днестре. Славяне удержались лишь на севере Молдавии под защитой лесных массивов и соседней Галиции.

В лесостепях Молдавии стали возникать поселения со смешанным составом жителей: славяне, тюрки, болгары. Селились на среднем Днестре, Пруте и Сирете и галицкие изгои, подобные князю Ивану Берладнику.

В XIII в. монголы опустошили лесостепи среднего Днестра.

**Болоховская земля. Бассейн Южного Буга.
Деревич. Губин. Кудин [Кобуд]. Божский.
Дьяков [Ладыжин] и другие города**

Впервые о Болоховской земле летописцы говорят под 1150 г.: “Оже Володимиръ перешель Болохово. и деть мимо Мунаревъ к Володареву” [ПСРЛ. — Т. М., 1962. — С. 398].

К Киеву из Галича шел Владимир Володаревич помогать Юрию Долгорукому против Изяслава II Мстиславича.

Вновь летопись говорит о Болохове под 1170 г. Под 1231 г. упоминаются “князи Болоховьские”. В 1241 г., после того как монголы, пройдя Западную Русь, ушли в Польшу и Венгрию, Даниил Романович разорил болоховские города за то, что болоховские князья поддерживали Ростислава Михайловича Черниговского. “Даниль... и пойма гради ихъ. Деревичъ. Гоубинъ и Кобоудъ. Коудинъ городъ Божьскыи. Дядьковъ... оттоуда же пленивъ землю Болоховскоую. [ПСРЛ. — Т. М., 1962. — С. 792].

Даниил Романович был зол на болоховских князей и оттого, что те выступили союзниками татаро-монголов. Батый обошел Болоховские земли стороной и дал болоховским князьям “орють пшеницу и проса”, то есть пахать [орать] злаки. Монголы видели в болоховских князьях поставщиков фуражного зерна, а те, в свою очередь, “от тотара болшоую надежоу имеахоу”.

Последнее летописное упоминание о Болоховской земле относится к 1257 г.

Летописные города Болоховской земли несложно отыскать на карте. В верхнем течении реки Случь [правый приток Припяти] стоят города Губин и Деревичи (Великие). Еще один древнерусский город Губин расположен над Южным Бугом у города Ладыжина. Город Божский можно отождествить с Меджибожьем в верховьях Южного Буга [хотя это отождествление не бесспорно]. Ниже Меджибожья расположено городище летописного Кудина (“Коудинъ городецъ”).

Где расположены болоховские города Кобуд и Дядьков, непонятно.

Из местоположения болоховских городов несложно сделать вывод о том, что Болоховская земля XII—XIII вв. располагалась в верховьях Случи и Южного Буга. Это были земли своего рода буфера, разделявшего стык Волыни, Галиции и Киевского княжества. После 1241 г. к списку добавилась орда.

Политика болоховских князей, главной целью которой была самостоятельность, зиждилась на противоречиях могучих соседей.

Глава 5. Северские (Черниговские) земли. Земли вятичей

5.1. Краткое географическое описание

Земли, сплотившиеся вокруг Чернигова в IX—XI вв., столь обширны, что их описание может составить отдельную книгу. Поэтому будем по возможности кратки. Чернигов сумел объединить земли нескольких славянских союзов Русской равнины. В низовьях Десны в VIII—XI вв. сидели северяне и поляне. В долине реки Сож жили радимичи. На верхней и средней Оке и на Дону в VIII—X вв. сидели вятичи.

Тяготела к Чернигову в X—XI вв. и далекая Тмутаракань — город на полуострове Тамань.

Фактически в X—XI вв. Чернигов выступал в роли столицы всех русских (славянских) земель, располагавшихся к востоку от Днепра. Исключение составляли Смоленск и Переяславль и тяготевшие к ним волости.

В начале XII в. от Чернигова отделились Муром и Старая Рязань с волостями на средней Оке. В том же XII в. начала дробиться и остальная территория Черниговского княжества.

При этом земли вятичей всегда стояли особняком, во многом признавая власть Чернигова и Киева лишь номинально.

5.2. История Черниговских земель

Сославшись на то, что история Черниговских земель является собой громадную часть общерусской истории, скажем о ней кратко.

До рубежа X—XI вв. в Чернигове, по-видимому, сидели князья союза северян, не зависимые от Киева. Владимир I Святославович посадил в Чернигов сына Мстислава. Но Мстислав уехал в Тмутаракань и, скончавшись в 1036 г., собственной княжеской династии в Чернигове не основал.

При Мстиславе Тмутараканском в Чернигове возвели каменный Спасский собор, ныне старейшее здание на Руси. Основателем черниговской династии Ярославовичей стал сын Ярослава Мудрого Святослав (+1076). При Святославе от Чернигова отделился Переяславль с волостью.

При Ярославе Святославовиче (1127+1129 гг.) из-под власти Чернигова ушли Муром и Старая Рязань.

Давид и Олег Святославовичи поделили земли союза северян. Давид сел в Чернигове, а Олег — в Новгороде-Северском.

В середине XII в. династия черниговских Давыдовичей пресеклась и княжество досталось Ольговичам — традиционным недругам потомков Владимира II Мономаха.

5.3. Города, села, торговые пути, волоки

**Чернигов и окрестная волость вплоть до устья
Десны**

На мысу, при впадении в Десну правого притока речки Стрижень, в IX—X вв. началось стремительное возвышение княжеской столицы союза северян — города Чернигова.

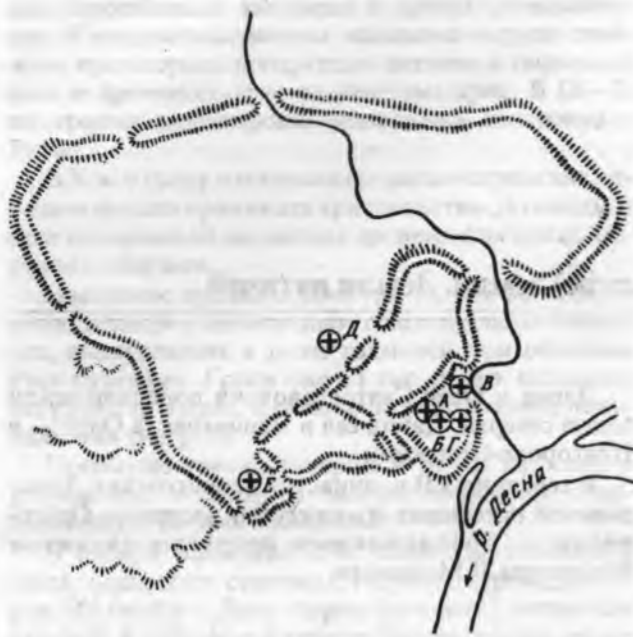
Согласно местному преданию, запечатленному польской хроникой, город был основан князем Черным. Прах князя был упокоен под громадной земляной насыпью, именуемой Черной могилой.

Возникнув в IX в., в следующем X в. Чернигов превратился в крупный торговый центр Восточной Европы. На его торг пошла монета X в. В договоре Олега с греками, заключенном в 907 г., Чернигов упомянут наряду с крупнейшими городами Руси.

В дохристианскую эпоху, то есть в IX—X вв., древнейшее ядро Чернигова, впоследствии ставшее его детинцем, окружил курганный некрополь, составленный из нескольких сотен насыпей. Пять курганов, выделяющихся размерами, принято считать княжескими.

На рубеже X—XI вв. Владимир I включил Чернигов в общерусскую орбиту коренных преобразований. Вокруг черниговского детинца в начале XI в. выросли валы и деревянные стены окольного города. Вскоре валом и деревянной стеной обвели значительный по площади торгово-ремесленный посад Чернигова. До 1036 г. в детинце Чернигова вознеслась каменная громада Спасо-Преображенского собора. В XII в. в Чернигове было построено немало каменных церквей. В детинце в начале XII в. выстроили собор Бориса и Глеба. Позже рядом возвели церковь Благовещения и Михайловский собор.

На торгу Чернигова в конце XII в. выстроили одноглавый каменный собор Параскевы Пятницы, покровительницы торговли. В юго-западном углу

Древний Чернигов по Б. А. Рыбакову: А — Спасский собор XI в.; Б — Борисоглебский собор начала XII в.; В — Благовещенская церковь XII в.; Д — Пятницкая церковь конца XII в.; Е — Успенская церковь XII в.

города в XII в. возвели Успенский храм Елецкого монастыря.

Торговля, ремесла, средоточие княжеской и боярской знати и духовенства, включая епископа, в XI—XIII вв. превратили Чернигов в громадный центр, блеском и богатством уступавший лишь Киеву и Новгороду. Политические, религиозные, экономические и культурные события, происходившие в Чернигове, оказались одной из значимых пружин, влиявших на ход дел в домонгольской Руси.

Летописцы, многократно упоминая Чернигов, говорят об округе города, называя по именам подгородные села и урочища. Под 1160 г. летописи упоминают Игорев брод. Это было место переправы через Десну, расположенное выше Чернигова.

В двух километрах к юго-западу от стен домонгольского Чернигова, на Болдиных горах, находился монастырь Пресвятой Богородицы. В XI в. обитель основал преподобный Антоний. Под 1074 г. о монастыре на Болдиных горах упоминали составители Ипатьевской и Лаврентьевской летописей.

Под 1148 г. Ипатьевская летопись говорит об Ольговом поле. К западу от Чернигова, за рекой Белоус, расположены селения Льгов и Льговка. Поле, на котором стоят села, видимо, и следует именовать Ольговым. Весьма вероятно, что княгиня Ольга почтила присутствием окрестности Чернигова.

Под 1148, 1152 и 1154 гг. Ипатьевская летопись упоминает Боловес. На реке Белоус, на восточной границе Ольгова поля, стоят два старинных села — Старый и Новый Белоус. В наше время трудно судить — река дала имя селам или села — реке.

Восточнее Чернигова, на дороге, ведущей в Глухов, стоит село Бобровица. В древности село называли Гуричево или Юрьево. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи под 1152 г. упоминают Гуричев. В наше время Бобровица [Гуричев] слилась с Черниговом, став городским предместьем.

Дважды, под 1152 г. и под 1158 г., упоминают реку Свинь. В 1152 г. Юрий Долгорукий «поиде к Березому. и яко ста оу Свини. с половци оу субботу. а заоутра в недлю не хотя ити к городу. но ста оу Гюричева» [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.456]. С рекой Свинь можно отождествить правый приток Десны речку Замглай.

На дороге между Гуричевом и Черниговом над 1152 г. летописи упоминают село Семьнь. Юрий Долгорукий стал у «Гуричева» и пустил от сели в Чернигову половцев. Кочевники взяли много полна «и Семьнь пожгоша. на ту же ночь» [там же].

В наше время кварталы Чернигова поглотили село Семьнь.

Под 1078 г. Ипатьевская летопись повествует о том, как Изяслав I Ярославович с сыном Ярополком, братом Всеволодом и племянником Владимиром II Мономахом подступил к Чернигову. В городе заперлись дети Святослава Ярославовича — Олег и Борис.

Киевляне «приступи къ вратом въсточнымъ. от Стръжня [река] и отя врата. и взяша градъ. оковнии. и пожгоша» [там же, с.192]. Вскоре Олег и Борис дали сражение Изяславу I и Всеволоду. Летописец говорит о киевлянах «и бывшимъ им на месте на Нежатины ниве» [там же]. Можно предположить, что Нежатины нива располагалась к востоку от Чернигова, за рекой Стржень.

В сражении на Нежатиной ниве погиб Изяслав I. Под 1159 г. в Ипатьевской летописи читаем «Моровиескъ. Любескъ. Оргощъ. Всеволожь. а въ нехъ седять псареве же и Половци» [там же, с.500].

В двух десятках километров к северу от Чернигова, над левым берегом реки Белоус, расположено село Рогощи. Западнее села находится округлое городище летописного Оргоща. Его диаметр составляет 200 м. К детинцу города, защищенного стеной из срубов-городен, в древности примыкал лишенный укреплений посад. В X—XIII вв. Оргощ был центром долины реки Белоус и управлялся княжескими посадниками, тиунами, вирниками и псарями.

Название города Оргощ можно понять как место, где кормится [гощится] орать [пахарь].

Изогнувшись голубой лентой под городнями черниговского детинца, кивнув куполам и крестам городских соборов и монастырей, тесовым и соловьиным крышам подгородных сел, Десна, бешено извиваясь, устремляется навстречу Днепру.

На середине пути, ведущем из Киева в Чернигов, в излучине Десны, словно в чреве матери, расположен летописный город Моровийск. Впервые Ипатьевская летопись упоминает город под 1139 г. В 1175 г. Моровийск был сожжен и впоследствии не оправился.

Книга Большого чертежа именует Моровийск Муромском. Подобное соответствие наводит на

мысль о том, что Илья Муромец мог происходить не из Мурома, стоящего на Оке, а из Моровийска. С другой стороны, зачем в таком случае Илье потребовалось проезжать по дороге в Киев, через глухие вятичские леса? Их между Моровийском и Киевом нет.

В 1098 г. Владимир II Мономах заложил город при устье реки Остер, в полутора десятках километров ниже Моровийска. Город поставили на громадном мысу, образованном руслами Остра и Десны. Подступить посуху к Городцу Остерскому можно было только с северо-востока. В XII в. Городец Остерский стал форпостом суздальских князей в Южной Руси.

Под 1147 г. Ипатьевская летопись повествует о походе Изяслава II и его брата Ростислава Смоленского на южные рубежи Черниговских земель. Воевали киевляне и смоляне в долине реки Остер и в верховьях Сулы.

Изяслав II дождался Ростислава, шедшего от Любеча, у Черной могилы. К северу от Переяславля известны два больших кургана, отраженные в местной топонимике Великая Мазинка и Могила Ворона.

Тем временем в помощь Давыдовичам и Ольговичам из Суздаля подошел сын Долгорукого Глеб. От Курска, что на реке Сейм, созники двинулись к «Выреви». Город Вырь упомянут в «Поучении» Владимира II. Город стоял на реке Вир [левый приток Сейма]. В современном городе Белополье, при слиянии рек Вир и Крыга, расположено Старое Вирское городище. А выше по течению реки Вир стоит село Виры.

Жители Выря в 1147 г. заявили Ольговичам, что их князь Изяслав II, и не пустили подступившую рать в город.

Вблизи от Выря [Белополья] расположен еще один древнерусский город — Зартый или Зарытый. Под 1160 г. в Ипатьевской летописи дважды упоминается «Зартый», «и шедше к Зарытому». При впадении реки Вир в Сейм находится городище, некогда стерегшее устье. Возможно, именно тут находился летописный Зартый.

В 1147 г. от Выря Ольговичи с союзниками подошли к городу Вяханю и, потерпев под его стенами неудачу, оказались у города Попаща.

Под Вяханем можно понимать село Городище [Лехановское], расположенное на левом берегу реки Терн, в шести километрах к югу от села Терны Сумской области.

Город Попащ стоял недалеко от Вяханя. Возможно, это городище, находящееся в 10 км к югу от Вяханя, при впадении в Сулу речки Попадья.

К Попащу в 1147 г. подошел Изяслав Давыдович, и город был взят. Когда Давыдовичи и Ольговичи узнали, что на верхнюю Сулу идут Изяслав II и Ростислав, началось отступление к Чернигову через город Глебль.

Предположительно летописный Глебль находился на месте большого городища при селе Красный Колядин над рекой Ромен.

Между Красным Колядином и городом Ромны расположено село Липовое. Д.Самоковасов писал о том, что согласно местным преданиям у Липового,

где сохранилось множество курганов, в древности жили веледни или волетни. Невольно вспоминаешь о славянском союзе велетов, в VIII—XII вв. борющихся с германцами на землях, лежащих между Одером и Лабой. Вполне возможно, что часть велетов в IX—XI вв. перешла на земли Руси.

Но вернемся к событиям 1147 г. Изяслав II с Ростиславом на совете решили двинуться к городу Всеволожу наперехват Давыдовичей и Ольговичей. Преградить путь черниговским князьям в чистом поле не удалось, зато Изяслав II взял Всеволожа на щит.

Город Всеволож стоял на месте современного села Сиволож, над речкой Борзна.

Когда в окрестных городах Уненеж, Белавеж и Бахмач узнали о взятии Всеволожа, население побежало к Чернигову. Изяслав II брошенные города велел жечь и осадил город Глебль. Но, видимо, город был сильно укреплен, и киевляне и смоляне отступили от его стен в свои волости.

Город Уненеж следует искать над рекой Остер, у современного Нежина. Белая Вежа располагалась при истоке реки Остер, на водоразделе между бассейнами Десны и Сулы. В данной местности сохранились два топонима — Беловежи Первые и Беловежи Вторые, стоящие в 4 км к югу от первых. Летописный Бахмач располагался на месте современного города Бахмач в верховьях реки Борзенка.

Выстроившиеся с запада на восток в единую, хотя и неровную, нить города Уненеж, Беловеж, Бахмач, Глебль, Попаш, Вяхань, Вырь находились не просто на рубеже Черниговского и Переяславского княжеств, они образовали линию раннего оповещения, необходимую Чернигову и Новгороду-Северскому для обороны от степи.

Бассейн реки Сейм.

Курск. Льгов. Рылъск. Путивль. Глухов

В бассейне Сейма [левый приток Десны] расположено целое созвездие древнерусских городов. Крайним на востоке стоит Курск.

Город вырос из славянского городища не позже IX в. Впервые летописцы упоминают Курск под 1095 г. В это время сидевший в Курске князь Изяслав Владимирович [+1096 г.] выстроил в городе дворец с каменным укреплением.

Одна из причин быстрого возвышения Курска в X—XI вв. сокрыта в том, что долина Сейма служила дорогой, связывавшей Чернигов и Киев с Доном в районе городищ вятичей при устье реки Воронеж и с Булгаром. В IX—XI вв. из Булгара в Киев через долину Сейма шли сотни купеческих караванов, везших шелк, скору, изделия ремесленников Багдада и звонкую серебряную монету.

Курск рано расцвел и впоследствии стал центром самостоятельного княжества. Находясь на степном рубеже Руси, Курск всегда был городом воином. Недаром автор «Слова» посвятил Курску такие строки [Всеволод Святославович, обращаясь к брату Игорю, говорит]:

“Седлай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни сведоми къмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлелеяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имѣ ведоми, яругы имѣ знаеми, лица у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, аки серыи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю — славе”.

Ниже Курска над Сеймом стоит древнерусский город Ольгов [Льгов]. Впервые Ольгов упомянут летописцами под 1152 г. Нельзя исключать возможности того, что княгиня Ольга посещала город, а быть может, и стояла у истоков его рождения.

Ниже Ольгова, при впадении в Десну правого притока реки Рыло, стоит город Рыльск. Хотя впервые Рыльск упомянут под 1152 г., история города гораздо древнее. Рыльск вырос в IX—X вв. из рядового городища северян посеймья. В окрестностях Рыльска разбросано 67 курганов. В XII—XIII вв. Рыльск был столицей небольшого удельного княжества.

Ниже Рыльска над правым берегом Сейма при устье реки Путивльки в урочище Городок в древности высился детинец города Путивля. Он занимал мыс четырехугольной формы на площади в 2,25 га. С трех сторон детинец защищали обрывы. С напольной стороны высится вал, некогда обводивший детинец по всему периметру, и расположен ров. В основе оборонительных сооружений детинца Путивля была срубленная из дубовых бревен конструкция. Укрепления детинца возвели в конце XI в. Украшением путивльского детинца был каменный собор, от которого ныне сохранился фундамент.

За стенами детинца Путивля дымил печами гончаров, горнами металлургов, кузнецов и ювелиров обширный посад, площадь которого в XII—XIII вв. составляла 200 га.

В 1146 г. Путивль ограбили противники Святослава Ольговича. В 1146—1171 гг. Путивль многократно подвергался осадам и грабёжам. В 1186 г. к Путивлю подходили половцы, но успеха не имели.

К северу от Путивля над притоком Сейма речкой Эсмань стоит город Глухов. Летописи упоминают Глухов под 1152 г. в связи с тем, что город был взят половцами, пришедшими на помощь Юрию Долгорукому.

В 24 км от Глухова, на реке Клевени, в 1230 г. был основан Петропавловский монастырь.

В 1237—1241 гг. монголы опустошили русские города на Сейме. Но жизнь в них не пресеклась, ибо славяне не покинули долины Сейма.

Между Глуховом и Путивлем, над правым берегом речки Клевень, стоит село Вятка. Не служит ли имя села напоминанием о летописном Вятко в V—VIII вв., приведшем вятичей на берега Десны и Оки “из Лях”?

Бассейн реки Сновь.

Седнев. Снов. Старый Ровск

Выше Чернигова справа в Десну впадает река Сновь. В ее нижнем течении над правым берегом среди обширного ополья стоит древний город Сед-

нев. Возможно, первоначально город именовался Сиднев. А сидеть в нем могли князья северян. На глубину дохристианской истории Седнева указывают три сотни курганов, еще недавно окружавших город.

Насыпи скрывают погребальные кострища и срубные склепы. Треть курганов выделялась размерами и походила на насыпь Черной могилы Чернигова. Это означает, что Седнев не был рядом с городом, но служил местом средоточения светской и духовной власти у северян дохристианской эпохи.

Выше Седнева над левым берегом реки Сновь стоит город Снов. Первое летописное упоминание о Снове относится к 1067—1068 гг. В эпоху Киевской Руси город Снов был центром сновской тысячи, населявшей долину реки.

Под 1149 г. Ипатьевская летопись упоминает “Сновскую тысячу”. Сновская тысяча, в свою очередь, делилась на сотни, каждая из которых имела собственное городище — убежище, стоявшее среди куста поселений. Городским центром в верхнем течении реки Сновь был упоминающийся под 1159 г. Старый Ровск. Город стоит на правом берегу реки Ирпа [приток Снови], в трех километрах к западу от Нового Ровска. Свидетельства летописцев о сновской и о других тысячах приоткрывают занавес над административной и военной организацией славянских союзов I тыс.н.э.

Сотни, сливаясь в тысячи, составляли союз. Каждая тысяча стремилась занять компактный регион проживания. Наиболее удачным решением было расселение в речной долине. Получается, что древнейшие славянские города, возникающие в V—IX вв., были центрами тысяч или сотен. Наиболее крупные из них оказывались столицами славянских союзов. Подобными центрами были Киев у полян, Волынь у волынян, Хотомель у дреговичей, Седнев у северян, Ужгород у белых хорватов Закарпатья, Ревно у хорватов Галиции и т.д.

В Черниговских землях столицей тысячи мог быть Рыльск на Сейме.

Города, возникшие в X—XII вв., во многом были продуктом жизнедеятельности вновь сложившегося феодального христианского государства. У этих городов была новая иерархия, и древние понятия тысяч, сотен и жуп, присутствующие на Русской равнине, постепенно отошли на второй план, уступив место понятиям столица княжества, удела, рядовой город с посадником, приграничная крепость, княжеский домен.

Земли Черниговского княжества на Днестре.

Любеч

Первое летописное упоминание о Любече относится к 882 г. От Чернигова к Любечу широким клином, раздвигая леса левобережного поднепровья, подходят окруженные полями древние сели и города северян — Оргощ, Малый Листвен, Мохитин и пр. Любеч венчает западную вершину клина.

Низовья Десны в VIII—X вв. были населены представителями союза полян, и северяне нужда-

лись в собственном порту на Днестре. Любеч быстро расцвел и превратился в один из крупнейших центров Руси. Город предвещал Киев с севера, и часть челнов и людей, шедших от верховий Днестра, прибывала под стенами Любеча. Не миновали Любеча и ладьи Олега, в 882 г. шедшего к Киеву.

Детинец Любеча располагался на холме овальной формы размерами 100 × 30 м. Площадь его невелика — 0,3 га. Во второй половине IX в. на холме возвели первые укрепления. Срубы-городни из дубовых бревен перекрыли углубленные в землю жилища VIII—IX вв.

На рубеже X—XI вв. поверх старых городен насыпали землю, а по гребню вала возвели новые дубовые срубы, увенчанные сторожевой башней.

В IX—XI вв. Любеч активно участвовал в широкой континентальной торговле. В городе обнаружен клад дирхемов 880—943 гг. Варяги, греки, арабы, персы, болгары, иудеи посещали Любеч, привозя на его торг шелковые ткани, изделия из металла, оружие, монетное серебро и прочее. О Любече писал Константин VIII Багрянородный.

В 1015 г. со стен Любеча наблюдали за сражением между силами Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного.

При Владимире II Мономах Любеч пережил новый строительный бум. Детинец перестроили, превратив его в княжеский замок. Это было изящно свитое искусными руками мастеров деревянное гнездо — совершенство древнерусской строительной архитектуры.

Детинец обвели стеной из срубов-городен. Изнутри к стене примыкали жилые клетки. Над стенами высились пять массивных деревянных башен. Еще одна высокая четырехугольная башня стояла позади въездных ворот, защищая княжеский дворец и внутренние постройки. В подвале этой башни были устроены кладовые для зерна и хранилище воды. Тут же обнаружен клад, состоявший из золотых и серебряных украшений.

Дворец занимал площадь 40 × (9—13) м. Его нижние этажи занимали кладовые, людские и иные подсобные помещения. На втором этаже дворца, на просторных сенях, происходили пиры и княжеские выезды. В 1097 г. на этих сенях совещались Ярославичи. Возможно, деревянный дворец имел и третий этаж.

Рядом с дворцом стояла небольшая, крытая свинцом деревянная церковь. Под стенами церкви начинался подземный ход, нырявший под клетки городен и исчезающий в толще холма. Он вел к Днестру, в изобилующую старицами сырую заболоченную пойму. В детинце Любеча был и второй подземный ход, также ведущий к Днестру.

Любечский детинец располагал всей городской инфраструктурой. Его небольшая территория была плотно застроена складами, кузней, медоварней, винными погребами, мастерской гончара, изготовлявшего обливную посуду.

Попасть в детинец можно было, минуя ров, через подвесной мост, поднявшись между двумя рядами

деревянных стен к двум башням, стерегшим въездные ворота.

К укреплениям любечского детинца примыкали стены окольного города, раскинувшегося на площади в 4 га к югу и западу от замка. За валами (высота 12 м) и стенами окольного города располагались неукрепленные посады.

В урочище Высокое поле, на Лисицкой горе, сохранились курганы- ровесники древнейшего Любеча.

В 1147 г. Любеч подвергся опустошению. Смоленский князь Ростислав Мстиславович, идя на помощь брату Изяславу II, “Любечъ пожегль и много воевалъ”.

В 1157 г. Любеч опустошили половцы.

Во второй половине XII в. Любеч залечил раны. В 1180 г. Великий князь Святослав Всеволодович пришел к “Любчю и призва к собе братью свою. Ярослава Игоря. Всеволода”.

В 1239 г. Любеч был разгромлен монголами и надолго запустел.

Любеч дал Руси основателя Киево-Печерской лавры преподобного Антония. До отъезда на Афон Антоний спасал душу в пещере, вырытой невдалеке от любечского детинца.

Древнерусский Любеч завершает триаду одноименных славянских городов Европы из Любека на реке Траве (приток Лабы), Люблина в бассейне Вислы, Любеча на Днестре.

Посожье.

Гомий. Чечерск. Росусь

Выше Любеча в Днестр впадает река Сож. В VIII—XI вв. ее берега занимал славянский союз радимичей, продвинувшийся в центр Восточной Европы из “лях”.

Во второй половине X в. посожье вошло в состав Киевской Руси, и древний строй жизни радимичей претерпел коренную ломку.

В XI—XII вв. над рекой Сож стали расти города. Столицей посожья стал город Гомий [Гомель], стоящий при впадении речки Гомий в Сож. Летописцы начинают упоминать Гомий с 1142 г. В XI—XIII вв. посожье тяготело к Чернигову. В городах края сидели посадники, присланные Ольговичами и Давидовичами.

В настоящее время следы древнейшего Гомия едва можно проследить. Сохранился “Киевский съезд”, ведущий от детинца к деревянному мосту через Сож.

Выше Гомия над Сожем стоит город Чичерск, впервые упомянутый под 1159 г. Возможно, это был один из центров тысяч, на которые делился союз радимичей.

Еще одним центром радимичам мог служить город Росусь. В Ипатьевской летописи под 1160 г. читаем:

“Ко Изяславу же придоша Половци мнози. и иде с ними к Воробенне. и к Росусе и туде повоевавъ иде

къ сновцю своему. ко Вщижю” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.508].

Росусь мог находиться над притоком реки Ипуть, в месте, где ныне стоит село Расуха.

Бассейн средней Десны. Новгород-Северский

Столицей средней Десны в X—XIII вв. был Новгород-Северский. В IX—X вв. на высоком правом берегу Десны, между устьями речек Рома и Малотечь, были разбросаны десятки открытых поселений северян. Ими оставлена лепная керамика роменской археологической культуры. В IX—X вв. северяне жили и на месте будущего детинца Новгорода-Северского, и за ручьем, в урочище Городок.

В конце X в., в эпоху бурных преобразований и широкого строительства при устье ручья на холме, подмываемом водами Десны и обращенном к реке отвесной кручей, на площади в три гектара возвели крепость-детинец. Защитой детинцу служила стена из бревен и земли, ныне превратившаяся в вал.

С юга и востока детинец охватил окольный город, ставший местом средоточения торговли и ремесел. Общая площадь города составила 30 га.

На рубеже XI—XII вв. укрепления детинца подверглись перестройке, а окольный город был окружен деревянным острогом. Северо-западный угол детинца был занят княжеским дворцом. На его месте сохранился погреб площадью 7,5х7,5 м. Погреб был заставлен амфорами. Рядом с дворцом высилась сложенная из плинфы церковь, служившая усыпальницей Олегу Святославовичу. Из детинца в окольный город попадали через Острожные ворота. Из окольного города выезжали через Курские и Черниговские ворота.

В 4 км ниже Новгорода-Северского, на мысу, высоко вознесшемся над долиной Десны, в XII в. был основан подгородный Спасо-Преображенский монастырь. В конце XII в. в обители возвели каменную Спасскую церковь. Здание украсили фресковой росписью внутренних стен и майоликовым полом.

Обитель пользовалась особым расположением северских князей и являлась духовным центром обширной провинции.

Новгород-Северский окружали княжеские и боярские села с усадьбами владельцев вотчин и монастыри, отличавшиеся богатством. Наиболее известны Игоревое сельцо [село Дегтяревка] и Мелтеково [село Стахорщина], расположенные среди лесов в 15 км к юго-западу от Новгорода-Северского.

История Новгорода-Северского богата событиями и драматична. Зимой 1078—1079 гг. у стен города Владимир II разгромил отряд половцев. На съезде в Любече решено было отдать Новгород-Северский Олегу Святославовичу. Сыновья этого князя, известные под именем Ольговичей, владели

городом и всем северским краем вплоть до 1239 г. и позже.

В 1185 г. из Новгорода-Северского в несчастный поход к Дону выступил Игорь Святославович.

Монголы подвергли Новгород-Северский столь страшному опустошению, что до рубежа XIII—XIV вв. на месте города, пепелище которого скрыл дерн, люди не селились.

В состав княжества, центром которого был Новгород-Северский, входили города Рыльск, Путивль на Сейме, Трубчевск на Десне. Перед нашествием монголов эти города были столицами удельных княжеств.

Во власти князей Новгорода-Северского в XII—XIII вв. находился лесной край вятичей вплоть до нижнего течения реки Москвы на северо-востоке. Западным рубежом княжеству служил водораздел, разграничивающий правые притоки Десны — реки Снов и Убедь. Южный рубеж Северского княжества шел через древнерусский город Донец, расположенный в верховье Северского Донца [район г. Харькова]. На востоке Северские земли граничили с Курским княжеством.

Между Новгородом-Северским и Черниговом на правом берегу Десны в раннем средневековье стояло несколько летописных городов. Под 1234 г. Ипатьевская летопись упоминает города “Хороборъ и Сосницю и Сновескъ”.

Город Сосница стоит в излучине реки Убеди, в нескольких километрах к северу от ее впадения в Десну. Возможно, Сосница в древности была центром тысячи северян, сидевших по берегам Убеди.

Между Сосницей и Черниговом при большой древней дороге, ведущей из Глухова в Чернигов, над рекой Мена при современном городе Мена находится городище.

Под 1153 г. Ипатьевская летопись повествует: “Стославъ Олговичъ. скупяся съ Изяславомъ Давидичемъ. оу Хоробря. и оутвердися якоже за одинъ мужъ быти и целовавшѣ межи собю крсть. и разъехаста се кождо въ свояси”.

Святослав Ольгович приехал в Хоробор из Новгорода-Северского, а Изяслав Давидович — из Чернигова.

Река Мена могла служить естественной межой [созвучие весьма велико], а Хоробор был пограничным городом.

Ниже устья реки Мена на правом берегу Десны среди широкого поля стоит село Блистова. Еще одно село Блистова расположено в тридцати километрах к юго-западу от Новгорода-Северского при дороге, ведущей в Чернигов.

Под 1151 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о том, что Юрий Долгорукий “посла. Чернигову. къ Двдвичю. къ Володимеру. и къ Стославу Олгович” просить помощи против Изяслава II Мстиславича, занявшего Киев.

Перед тем Долгорукий из Киева ушел “въсѣду оу насадъ бежа на ону сторону. и въеха в Городокъ. Под Городком следует понимать Городец Остерский. Значит, из устья реки Остер Долгорукий послал за помощью к Ольговичам и Давыдовичам.

“Стославъ же не дожда велика дни но поиде в понеделникъ стои недле. а въ вторник родися оу него снъ и нарекоша имя ему в стомъ крщеньи Гергии. а мирьский Игорь. великъ же днь дея въ Блестовете и оттуда поиде. Чернигову. и яко съкупися с братомъ” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.418].

Игорь Святославович, герой “Слова о полку Игореве”, родился во вторник, быть может, тогда, когда его отец проезжал село Блистова, стоящее в одном дневном переходе от Новгорода-Северского. Однако пасху — воскресный праздник — Святослав Ольгович отметил в летописном Блистова, отстоящем на один переход от Чернигова и в недельном переходе от Новгорода-Северского. Святослав Ольгович вел за собой не только конную дружину, но и обоз, а возможно, и пеших воинов. Такое войско едва ли проходило за день три десятка километров.

Под 1152 г. Ипатьевская летопись упоминает Березый, лежавший к востоку от Чернигова, при дороге на Глухов. Над рекой Замглай (Свина), при пересечении с глуховской дорогой, стоит село Березанка. Но более вероятно, что летописный Березый располагался на месте современного города Березина, стоящего над рекой Красиловкой.

Верхняя Десна. Трубчевск. Погар (Радогость). Стародуб. Воробейна. Ормино. Вщиж. Севск. Болдыж. Карачев. Брянск

В Ипатьевской летописи под 1185 г. говорится о том, что 23 апреля, во вторник, Игорь Святославович, выезжая из Новгорода-Северского в поход к Дону, “поимяи со собою брата. Всеволода ис Трубечка. и Стослава Олговича. сновця своего изъ Рыльска и Володимера сна своего. ис Поутивля...”.

Следовательно, Трубеч или Трубчевск в 1185 г. был столицей самостоятельного удела в Северной земле.

Летописный Трубеч располагался в юго-восточной части современного города, на высоком правом берегу Десны. Детинец площадью в 0,2 га занимает мыс, на 40 м вознесшийся над рекой. За рвом и оврагом расположен обведенный валом и рвом окольный город, имеющий площадь 3,6 га. Мыс, занятый детинцем Трубеча, был заселен еще в железном веке. В VIII—X вв. на мысу было поселение славян, создавших роменскую археологическую культуру.

Следует заметить, что Трубеч стоял на рубеже земель вятичей, северян и радимичей и среди населения города в раннем средневековье были представители трех славянских союзов.

Окольный город Трубеча стал заселяться в середине XI в. Трубеч как столица самостоятельного княжества нуждался в духовном центре, и в XII в. в окольном городе был выстроен каменный храм. От него сохранились фундамент и фрагменты пола, выложенного майоликовой плиткой.

Дворец князя Буй-Тура Всеволода Святославовича располагался в детинце Трубеча и был деревянным.

К западу от Трубеча (Трубчевска), над рекой Судость, стоит город Погар (Радогость).

В Ипатьевской летописи под 1155 г. можно прочесть: “Оусрете и Стославъ Олговичъ. свата своего Гюргя оу Синина мосту. оу Радоша ни снястася. тогда же оусрете и. Всеволодичъ оу Стародуба”.

К западу от Погара стоит город Стародуб. На дороге, соединяющей города, находится деревня Синин, указывающая место летописного Синина моста, где Святослав Ольгович встретил Юрия Долгорукого.

Над левым берегом реки Вабли, через которую был перекинут Синин мост, высится городище, служившее северским князьям сторожевой крепостью на пути к Смоленску.

В автобиографии Мономаха о событиях 1080 г. читаем: “А на ту зиму повоеваша половци Стародуб весь, и аз шед с черниговци и с половци, на Десне изымахом князи Асадука и Саука, и дружину их избиша. И на заутрее за Новым Городом разгнахом силны вои Белкатгина, а семечи и полон весь отяхом” [Хрестоматия по древнерусской литературе, 1990].

В XI в. Стародуб возвысился на мысу при впадении ручья Бабинца в реку Ваблю [приток реки Судости]. Под 1096 г. Ипатьевская летопись сообщает об осаде Стародуба. В городе закрылся бежавший из Чернигова Олег Святославович. Полки Святополка II и Владимира II взяли Стародуб в осаду “и бсь межи ими брань люта”. Спустя месяц Олег запросил мира.

В XII в. Стародуб служил убежищем для многих князей.

В XIII в. Стародуб был разорен монголами, и до второй половины XIV в. город летописцами не упоминался. Впоследствии Стародуб возродился, хотя всегда немало страдал от разорений и войн. Секрет процветания города, всякий раз восстававшего из пепла после самых страшных нашествий, таился в том, что крепость у старых дубов некогда была поставлена на стыке земель, занятых северянами, радимичами, кривичами и вятичами. Ярмарки Стародуба никогда не оскудевали товарами.

В верховьях Судости при речке Теремушке стоит село Воробейна. Рядом с селом находится городище. О Воробейне Ипатьевская летопись говорит дважды — под 1147 г. и 1160 г. В 1160 г. к Изяславу Давыдовичу подошли половцы “и иде с ними к Воробейне. и к Росусе и туде повоевавъ иде къ сновцю своему. ко Вщижю” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.508].

Летописная Росусь расположена в бассейне Ипуты, на юго-запад от Воробейны. А Вщиж стоит на Десне, к северо-востоку от Воробейны.

К западу от Воробейны расположен городок Ормино. Он упомянут Ипатьевской летописью под 1140 г.

Впервые Вщиж упомянут под 1142 г. Ныне Вщиж — это село, стоящее в 40 км западнее Брянска на

Десне. Над селом высится городище, некогда занятое летописным Вщижем. Оно занимает мыс высоко-го левого берега Десны, при устье ручья. Древнейшие укрепления на мысу возникли в IX—X вв., на месте открытого славянского поселения. В X в. укрепления Вщижа защищали лишь оконечность мыса.

В середине XII в. во Вщиже возвели новые укрепления. Детинец занял площадь в 1,2 га. На стрелке мыса была выстроена деревянная шестиугольная башня. В центре детинца поставили еще одну деревянную башню, служившую для наблюдения и способную стать последним оплотом оборонявшихся. В детинце стояли деревянный княжеский дворец и усадьбы местных бояр.

Окольный город Вщижа в XII в. расположился на площади в 2,6 га. На его территории был выстроен каменный храм.

Детинец Вщижа от окольного города отделен валом. Окольный город с напольной стороны защищен валом и рвом. За его укреплениями стояли дворы обширного посада.

В 1156 г. Вщиж занял князь Святослав Владимирович, сын Владимира Давыдовича. В 1161 г. Вщиж выдержал пятинедельную осаду широкой коалиции князей. После кончины Святослава Владимировича [+1166 г.] Вщиж достался детям Святослава Всеволодовича Черниговского. В 1238 г. Вщиж был сожжен монголами.

Восточнее Трубчевска, над левыми притоками Десны, реками Нерусса и Навля, в раннем средневековье стояла череда славянских городков. Секрет их процветания был в том, что с востока к верховьям Неруссы и Навли подходят притоки верхней Оки. Водораздел, отделяющий Десну от Оки, служил местом перемещения множества товаров из Южной Руси в земли вятичей и в весь бассейн Оки и Волги.

Под 1146 г. в Ипатьевской летописи читаем о походе князей "ис Путивля на Севьско. и на Болдыжь. прости бо бе ем поуть Корачеву".

На дороге, ведущей из Путивля к Корачеву, стоят город Севск и село Болдыж с древнерусским городищем, высящимся над левым берегом Неруссы. Между Болдыжем и Карачевом над рекой Навлей высится еще одно древнерусское городище, именуемое Слободкой Болдыж.

Детинец городища в Слободке, вознесшийся на высоком правом берегу Навли, имеет полгектара площади и около 80 м в диаметре. По периметру детинец обведен валом. В древности вал представлял собой стену из двух рядов вплотную составленных дубовых срубов-городен, внутренние клетки которых служили жильем для воинов гарнизона. Над стенами высились тесовые шатры башен.

Площадь детинца была застроена обнесенными частоколом усадьбами. В детинце стояло здание площадью в 80 кв.м. На случай долговременной осады в детинце был вырыт колодец.

За рвом Слободки в древности находился окольный город площадью в 1,5 га. С севера окольный город обведен валом. Въезд в город был оборудован на юго-востоке. Естественной защитой городищу служили отвесные склоны оврага. К востоку и запа-

ду от городища в Слободке на площади в 40 га находился торгово-ремесленный посад, возникший в середине XII в. В середине XIII в. городище и посад в Слободке Болдыж погибли в огне монгольского нашествия.

Город Карачев расположен на возвышенном плато на правом берегу реки Сняжить [приток Десны], на границе Северской земли с лесным краем вятичей.

В 1237—1241 гг. монголы обошли Карачев, князь и Брянск, стороной. И с 1246 г. Карачев стал центром самостоятельного удела.

Между Вщижем и Карачевом в том месте, где Десна, повернув с востока на юг, набирает силу, стоит город Дебрянск [Брянск]. Двухуровневое городище высится на 40 м над ручьем Верхний Судок, в полукилометре от русла Десны. Городище, именуемое Покровская гора, занимает останец правого коренного берега Десны. На мысу городища расположена площадка размерами 180x68 м. Вероятно, она занималась детинцем Дебрянска. Далее от стрелки мыса расположена большая площадка 280x170 м, в древности занятая окольным городом. За рвами крепости стояли посадские дворы.

О времени основания Дебрянска документальных данных нет. В 1159—1167 гг. Дебрянск был малозаметным городом и входил в состав удельного княжества с центром во Вщиже. После 1167 г. Дебрянск перешел из рук Давыдовичей в руки Ольговичей, и впоследствии данный порядок вещей не менялся.

Батый не тронул Дебрянска. С 1246 г. в Дебрянске сидел сын Михаила Всеволодовича Черниговского Роман. Из разоренного монголами Чернигова Роман привез в Дебрянск епископа.

В 1288 г. Роман Михайлович в 3,5 км от Брянска, на холме "Суходол", основал Свенский Успенский монастырь. Кроме того, в XIII в. в Брянске на горе, высящейся над руслом Десны, князь Олег Романович, в иночестве Василий, основал Петропавловский монастырь.

Последнее упоминание о епископской кафедре в Брянске относится к 1499 г. Брянск при князе Романе Михайловиче противостоял Литве.

Верховья Оки.

Кром. Спасс. Воротынцево. Новосиль.

Мценск. Болхов. Девягорск.Белев

Описывая Древнюю Русь, невольно сталкиваешься с двумя громадными пластами видимого и невидимого бытия населения. Нижний древнейший глубинный пласт имеет в основе дохристианский строй жизни славян. Это древние курганы, городища, селища, святилища, социальная и сословная организация на жупы, тысячи, сотни и союзы.

И конечно, в нижний дохристианский пласт славянского бытия входит могучий образный язык I тыс.н.э., легший в основу древнерусского летописания и художественной и духовной литературы. По силе древнеславянский язык можно сравнить лишь

с русским, да и то не во все времена его эволюции. Древнеславянский язык был языком титанов.

Сверху на глубинный славянский языческий пласт ложится пласт Руси христианской XI—XIII вв. Земли славянских союзов превратились в княжества, а древние святилища были перекрыты стройными зданиями христианских церквей, изумительно тонко сочетавших стили византийский и романский, а по большому счету опиравшийся на древнейшие традиции возведения культовых зданий дохристианской эпохи.

Земли вятичей, простершиеся среди дремучих лесов и широких, будто ладонь бога, полей, лежащих в бассейне верхней и средней Оки, удивительно сочетают в гармоничном единстве оба пласта Древней Руси без взаимного для них ущерба. Стражем верхней Оки был город Кром. Летописи упоминают Кром под 1147 г.

Город как бы предварял Среднерусскую возвышенность со стороны низкой равнины бассейна Днепра. С Крома, в самом имени которого сокрыто понятие крепости, начинается отличная от Южной Руси Северо-Восточная Русь, впоследствии ставшая ядром России. Холмы Среднерусской возвышенности являются собой естественный рубеж, разделяющий два мира восточного славянства — юго-западный малороссийский и северо-восточный великорусский.

Кром в XI—XIII вв. стоял на мысу в излучине реки Недна, в 200 м от ее впадения в реку Кром. С восточной напольной стороны городище защищено широким рвом. На левом берегу реки Кром, при устье Недны, в VIII—XIII вв. было расположено открытое поселение, в XI—XIII вв. ставшее пригородным посадом.

Самые верховья, или вернее истоки, Оки стерегло городище в селе Тагино. Оно расположено на правом берегу Оки, в урочище "Курган". В VIII—X вв. тут располагался один из крайних на юге сторожевых пунктов вятичей. В XI—XIII вв. городище превратилось в одну из крепостей на русской границе.

Городище имеет размеры 150 × 90 м. С напольной северо-восточной стороны оно защищено валом. Тут же на берегу Оки располагалось открытое селище.

Ниже Тагино городища, недалеко от устья реки Кром, в селе Лужки находится еще одно городище, заселенное в VIII—XIII вв. Оно занимает мыс правого берега Оки. С северной напольной стороны городище защищено валом и рвом.

Расстояние от Тагино до Лужков 35 км. С достаточно высокой степенью вероятности можно утверждать, что средний диаметр земель, занятых одной общиной вятичей, располагавшей городищем-убежищем, составлял около трех десятков километров.

Следует оговорить, что городища выстраивались вдоль рек и нередко стояли довольно скученно, в пяти—десяти километрах одно от другого. Однако области, тяготевшие к городищам, простирались на несколько десятков километров на земли, лежащие на водоразделах.

Община, или род, формировали структуру поселений таким образом, чтобы за один дневной переход можно было добраться до крепости или святилища.

Возможно, городища, подобные городищам в Лужках или в Тагине объединяли одну сотню вятичей, которая численно превосходила не только число 100, но и 1000. Десяток подобных городищ имел единый центр, в XI—XIII вв. превратившийся в город-столицу удельного княжества или наместничества, руководимого посадником князя. Подобный город объединял вокруг себя славянскую тысячу. Обычно тысяча селилась в бассейне реки средних размеров, подобной реке Сновь. На берегах крупных рек размещалась череда городов, стоявших во главе отдельных тысяч.

На левом притоке Оки, реке Цон, в VIII—XIII вв. было занято вятичами не менее трех городищ. В верховье Цона стоит село Кремль. К югу от него расположено село Маговка, предположительно бывшее в древности летописным городом Домагощем. Плотное заселение долины Цона объясняется тем, что верховья реки Навля [приток Десны] подходят едва ли не вплотную к верховьям Цона. Данный водораздел, не более 5 км шириной, служил мостом между бассейнами Десны и Оки.

Устье реки Цон тщательно охранялось. На левом берегу Оки, ниже устья Цона, на высоте 18 м расположено овальное городище диаметром в 40 м. Городище защищено валом и рвом.

В XI—XIII вв. городище в устье Цона было занято боярином, подчинявшимся черниговским и северским князьям. В его обязанности входили охрана оживленного пути и, возможно, сбор мыта с проезжавших.

Недалеко от городища, на левом берегу реки Цон, в лесу находятся двадцать три кургана, насыпанные в XI—XIII вв.

Над долиной реки Орлик, устье которой расположено ниже устья Цона, господствовали два городища: в селах Звягинка и Титово-Мотыка. Это означает, что в долине Орлика в VIII—XIII вв. жили не менее двух общин вятичей. Впрочем, одна вятичская сотня могла располагать несколькими городищами, охранявшими рубежи ее владений.

Под 1147 и 1152 гг. летописцы упоминают городок Спаш, лежащий на пути из Мценска в Кром и в Глухов.

Напротив современного села Спасское, на левом берегу реки Неполодь (левый приток Оки), при устье ручья, на 30 м вознеслось овальное городище. Его диаметр составляет 40 м. Защитой городищу служат вал и ров. Тут мог находиться летописный Спаш. В XI—XIII вв. на городище жил либо княжеский наместник, либо боярин, владевший землями в долине Неполоди. Впрочем, и наместник со временем превращался в боярина-вотчинника. Нельзя не заметить и такую закономерность. В бассейне реки Неполодь занятые в эпоху раннего средневековья городища, как правило, расположены при слиянии двух или более рек. Это были своего рода развилки дорог, воспетые в былинах, и их необходимо было охранять.

Справа в Оку впадает река Зуша. В ее среднем течении расположены два древних славянских городка — Воротынцево и Новосиль.

О Воротынцеве летописи не упоминают. Против села, на мысу правого берега Зуши, под защитой глубокого оврага и речной долины расположено двухуровневое городище. Детинец имеет треугольный контур и размеры 68х60 м. От внешнего города его отделяют вал и ров. Окольный город имеет размеры 165х93 м и на 40 м высится над долиной Зуши. С напольной северо-западной стороны городище защищают вал и ров.

Городище было населено в VIII—XIII вв. Еще ранее в IV—VII вв. на нем также существовало поселение, но это были не вятичи.

К северу от большого воротынского городища находится малое городище XI—XIII вв. Оно занимает овальную площадку диаметром в 32 м, на 40 м возвышающаяся над долиной Зуши. С напольной стороны городище защищено валом и рвом. Малое воротынское городище походит на укрепленную боярскую усадьбу или замок, возвысившийся над старым городом вятичей. В километре к северо-востоку от большого городища, на правом берегу Зуши, в IX—XIII вв. располагалось подгороднее село.

Ниже Воротынцева над правым берегом реки Зуши на мысу высотой в 15 м, стиснутом двумя оврагами, на площадке 300х80 м в XI—XIII вв. стоял город Новосиль. С северо-восточной напольной стороны городище защищено двумя линиями валов и рвом.

Новосиль упоминается летописцами под 1155 г. Под защитой крепостей Новосиль и Воротынцева находились десятки открытых всем степным ветрам славянских сел и деревенок, разбросанных по берегам Зуши.

Городища Воротынцева и Новосиль были населены людьми в раннем железном веке. В IV—VII вв. н.э. по берегам Зуши сидели создатели мощинской археологической культуры. В VIII—X вв. долину Зуши заселили вятичи. В XI—XII вв. городища вятичей дополнительно укрепились и вошли в мир городов Киевской Руси и стали последними славянскими твердыми Восточной Европы, вошедшими в орбиту древнерусской истории.

В низовье Зуши в XI—XIII вв. господствовал город Мценск. На мысу левого берега Зуши, при устье реки Мценки, на высоте 26 м расположено городище. Его площадь 470 × (40—60) м. С напольной южной стороны городище обведено валом.

Впервые летописцы упоминают Мценск под 1147 г., когда в городе сидел посадник князя Владимира Изяславовича.

В 200 м от городища Мценска, над левым берегом реки Мценки, расположен курганный некрополь. Городище Мценска было заселено в середине I тыс. н.э.

Между Мценском и Новосилем у деревни Жилино над правым берегом Зуши в XI—XIII вв. находился древнерусский центр, состоящий из городища и селища. Размеры жилинского городища невелики

— 40 × 22 м. Оно занимает мыс, высящийся на 25 м над долиной Зуши. С напольной северо-западной стороны городище защищено валом и рвом. Рядом с городищем в древности располагалось село.

Возможно, жилинское городище служило гнездом неизвестному нам боярскому роду домонгольской Руси.

Два городища, заселенные в XI—XIII вв., стерегли долину правого притока Зуши — реки Чернь.

Ниже устья Зуши, над левым берегом Оки, на высоте 19 м расположено городище размерами 80х56 м. Стоящая севернее деревня называется Городище.

Под 1147 г. Ипатьевская летопись упоминает Домагощ. Обратимся к ее свидетельству. “В то же время выбегоша посадничи Володимери. Изяславля из Вятичъ. изъ Бряньска. и изъ Мьченьска. и изъ Блече. и оттоуда иде Девягорьскоу. иде заемъ по Вятичи и Добрянскъ и до Воробинь Подесны Домагощ и Мценскъ”.

Выше было высказано предположение, что Домагощ 1147 г. находился у современного села Магощи, на водоразделе между верхней Окой и Десной, между Кромом и Карачевом. Близость летописного Домагоща и Мценска позволяет допустить, что городище, высящееся при устье Зуши, в древности могло именоваться Домагощ.

Из летописи можно понять, что Девягорск следует искать севернее Спаца [Спасска] “в то же время приде Гюргъвичъ Глебъ ко Стославоу Девягорьскоу. и оттоуда идоша Мьчньскоу. Стославичемъ и съ Гюргевичем и с Половци и тоу даювь имъ дарю многы. и поиде къ градуу. на Изяславич и въ Спаши оугониша и” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.342].

Ниже, под 1147 г., в Ипатьевской летописи читаем: “... в то же время приде Гюргъвичъ Глебъ ко Стославоу Девягорьскоу. и оттоуда идоша Мьчньскоу” [там же].

Городище, что при устье Зуши, отстоит от Мценска не более чем в одном дневном переходе — 25 км.

Ниже устья Зуши слева в Оку впадает река Нугрь. В долине Нугри, на обрыве левого берега, стоит город Болхов, упоминаемый летописцами с начала XIII в. В 1206 г. в Болхове стояла каменная церковь Рождества Богородицы.

Выше Болхова над Нугрей высятся пять городищ XI—XIII вв. Весьма вероятно, что именно Болхов в XII в. назывался летописцами Девягорском и был центром области вятичей, располагавшей девятью городами. Впрочем, Девягорск мог получить имя от девяти гор, на которых некогда был поставлен город.

Городища, раскиданные по долине Нугри, кроме Болхова [Девягорска], вероятно, были укрепленными боярскими усадьбами.

При истоке реки Нугрь стоит село Мощенок. Кто знает, не его ли имели в виду летописцы, упоминающие под 1147 г. До-могощ.

Ниже устья Нугри, на мысу левого берега Оки, стоит город Белев. Впервые Белев [Блеве] упомянут летописцами под 1147 г.

Еще одно поселение с названием Блеве [Обольв] находится на рубеже, делящем земли вятичей и кривичей, при истоке реки Болвы, в 71 км от Мосальска. Но об этом Блеве [Обольв] будет сказано при описании Смоленских земель.

В XI—XIII вв. Белев был центром достаточно обширного и плодородного ополья, раскинувшегося вдоль левого берега Оки, от устья реки Нугрь на юге до устья реки Упы на севере. Белев и в наше время славится удивительно продуктивными огородами.

Вятическое ополье. Бассейн реки Угры.
Козельск. Брыннь. Серенск. Мещовск. Серпейск.
Мосальск. Мощин. Гришово (Людимеск).
Спас. Воротынск. Перемышль

В самом сердце лесного края вятичей, посреди современной Калужской области, расположено плодородное ополье. Оно сравнительно невелико — 75 × 50 км. Но как красиво! Возможно, именно это и есть сердце России. Смотри на уходящие за горизонт холмы, обрамляющие долины рек, кажется, что находишься не просто на земле, но в громадном мире, границы которого лишь условность. Земля и высокие чистые небеса тут сливаются воедино. Погрязает широта пейзажей. Леса редки и невелики, и земля предстает нагой, но первозданно прекрасной. Она походит на молодую и красивую деву, которой, в сущности, и является, только люди это не всегда понимают.

В VIII—X вв. вятичи облюбовали ополье и широко его заселили. В XI—XIII вв. вятическое ополье было украшено множеством небольших, но полных своеобразия городов, каждый из которых имел яркую историю.

В юго-восточной окраине ополья расположен прославившийся мужеством город Козельск.

Летописный Козельск в XII—XIII вв. стоял на мысу левого берега реки Жиздры, при впадении реки Другусны. На высоте 27 м расположены две площадки — южная размерами 270 × 200 м, служившая детинцем, и северная размерами 800 × (200—250) м, бывшая окольным городом либо укрепленным поселением. [Размер включает площадь детинца.]

Летописцы начинают упоминать Козельск с 1146 г. Ипатьевская летопись повествует: “Дюргеви же быс вестъ оже Ростиславъ воюеть волость его и поустит Дюрги сна своего Иванка къ Стославоу. а самъ оузвратися ис Козельска” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.332].

Под 1154 г. в Ипатьевской летописи читаем: “Томъ же лете. поиде Дюрги с Ростовци и съ Суждалци и съ всеми детьми в Русь и быс моръ в конихъ въ всихъ воихъ его. яко не былъ николиже. и пришедшо ему оу Вятиче. и ста не дошедъ Козельска. и приехаша к нему Половци. Дюрги же сдумавъ посла сна своего. Глеба в Половци. а самъ възворотися в Суждаль” [там же, с.468].

Как минимум дважды Юрий Долгорукий ходил в Южную Русь через Козельск. Из этого следует, что

через Козельск шла большая дорога, ведущая из Суздаля в Чернигов и Киев.

После семи недель осады и последовавшей за тем гибели города от рук монголов [1238 г.] Козельская волость, совершенно обескровленная нашествием, вошла в состав княжества с центром в Карачеве.

Юго-западнее Козельска расположен древний центр вятичей VIII—X вв., быть может, бывший предтечей древнерусского христианского Козельска. У села Волконское над левым берегом реки Лукосны [приток реки Жиздры], на мысу на высоте 15—20 м расположено овальное городище размерами 100 × 55 м. С севера и юга на городище сохранились валы и ров. В VIII—X вв. южнее городища над рекой стояло село. Вокруг Волконского разбросаны курганы вятичей.

Центр в Волконском в XI в. был оставлен населением. Это можно объяснить сопротивлением вятичей власти киевских князей, не раз ходивших на верхнюю и среднюю Оку войной.

Сошлемся на текст автобиографии Владимира II Мономаха: “А въ вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходих...”

Эти походы были предприняты Мономахом в начале восьмидесятых годов XI в. Теоретически Кордной могло быть волконское городище либо иное вятическое городище, запустевшее в XI в.

Окрестности села Волконское были населены в IV—VII вв. н.э. создателями мощинской археологической культуры, предшественниками вятичей на верхней Оке. И это довольно типично для городищ верхнего и среднего поочья. Причем часто городища заселялись еще в раннем железном веке в VIII—VII вв. до н.э.

К югу от Волконского, на левых берегах притоков Жиздры, на реках Вытебеть и Рессета, среди полей, раздвинувших зеленый океан брянских лесов, в VIII—XIII вв. развивались две общины [а возможно, сотни или жупы] вятичей.

Напомним и о селе Полюдове, затерянном среди лесов в верховьях Жиздры.

Ополье, питающее истоки Жиздры ручьями, в X—XIII вв. охраняло городище, расположенное на мысу левого берега реки к западу от села Мужитино. Оно невелико — 77 × 55 м. По-видимому, тут находилась усадьба боярина, владевшего окрестными землями.

В 4,5 км западнее городища, над правым берегом Жиздры, расположен курганный некрополь вятичей, до недавнего времени насчитывавший два десятка насыпей. Слева в верхнюю Жиздру впадает река Брыннь. В ее долине господствует древний город Брыннь.

Над левым берегом реки Брыннь на высоте 15—20 м расположено городище диаметром около 150 м. С юга, востока и запада городище защищено валом и рвом.

Летописи начинают писать о Брыне с 1228 г. Данные археологии говорят о том, что Брыннь развивался в XIII—XV вв. Из этого можно сделать два вывода. Во-первых, город Брыннь возник сравнительно поздно и, во-вторых, был пощажён монголами.

ми, прошедшими в 1238 г. восточнее города, через Серенск и Козельск и далее на верхнюю Оку в степь.

Севернее Брыня при селе Кириллово, расположен еще один центр, состоящий из мысового городища размерами 95×78 м, на 42 м вознесенного над речной долиной Брыня, и подгороднего селища. Центр в Кириллово возник одновременно с городом Брынь в XIII в. и также, по-видимому, избежал разорения ордами Батыя.

Выше Козельска слева в Жиздру впадает река Серена. Ее долина прорезает вятичское ополье с запада на восток. Долина Серены глубока и настолько прекрасна, что достойна именоваться самым ярким бриллиантом в короне вятичского ополья, венчающего главу или центр Русской равнины. От созерцания пейзажей, открывающихся в долине Серены, перехватывает дух. Ее виды божественны, они завораживают, даря человеку неземную красоту.

Вятичи не могли не оценить красот долины Серены и плотно заселили ее, укрепившись в череде городищ.

В среднем течении реки Серены в древности господствовал город Серенск. Он стоял на высоте 20—25 м на мысу правого берега реки при устье безымянного ручья. Размеры городища 300×200 м. На краю мыса на северо-западе был расположен детинец площадью в 0,2 га, отделенный от окольного города валом и рвом. С напольной юго-восточной стороны городище защищено валом и рвом. С запада и востока площадку городища ограничивают овраги.

Городище Серенска было заселено в IV—VII вв. создателями мощинской археологической культуры. Вновь городище заселили в XII в. Тогда же за линией внешних укреплений расположился подгородный посад.

С Серенском связано предание о том, что вятичи, жившие в окрестностях города, отрубили головы первому проповеднику христианства, пришедшему на верхнюю Оку из Киева, святому Кукше и его ученику.

Впервые летописцы упоминают Серенск под 1147 г. В Ипатьевской летописи читаем: “Столсавъ же оттоуда [из Москвы] възвратися к Лобыньскоу. и оттоуду иде къ Нериньскоу. и перешедъ Окоу и ста”. В Воскресенской летописи вместо Неринска назван Серенск.

Летописи упоминают Серенск под 1207 г. и 1232 г.

Серенск был плотно застроен ремесленными мастерскими, стоявшими среди жилых дворов. Город был невелик, но искусство ювелиров выдвинуло Серенск в число наиболее знаменитых древнерусских городов. Быть может, красота окрестных земель вдохновляла ювелиров Серенска.

В Серенске с помощью горнов и каменных литейных форм из цветных металлов изготовляли огромное количество изящных височных колец, перстней, браслетов, пользовавшихся в домонгольской Руси большим спросом.

Кроме того, в Серенске трудились металлурги, кузнецы, гончары, снабжавшие всем необходимым окрестную волость.

Год 1238-й был страшен для Серенска. Монголы перебили население, а город сожгли дотла. Опустошение было столь ужасно, что в окрестных землях не нашлось людей, способных захоронить погибших в Серенске. Дерь и время скрыли леденящую душу картину гибели цветущего города, и она открылась лишь археологам спустя семь столетий.

В XIV в. люди вернулись к Серенску, но город быллого уровня уже не достиг.

В 18 км к западу от Серенска расположен город Мещовск. В XII—XIII вв. он занимал холм левого берега реки Турея [правый приток реки Большая Нигва, слева впадающей в реку Серена]. Городище выситя над рекой на 10—13 м и имеет размеры 100×75 м. По периметру городища прослеживается вал.

Документальные известия о Мещовске начинают появляться в XIII в.

Судя по всему Мещовск избежал участи Серенска и Козельска и сумел уцелеть в 1238 г.

В 20 км западнее Мещовска расположен древний город Серпейск. Его городище занимает мыс левого берега реки Серпейки (левый приток реки Ресса), на 24—30 м высящийся над долиной. Его площадь 100×68 м. С напольной северной стороны городище защищено валом и рвом.

Слой, насыщенный мощинской керамикой IV—VII вв., перекрыт гончарной древнерусской керамикой XII—XIII вв.

Серпейск XII—XIII вв. был окружен несколькими подгородными селами, занимающими левый берег реки Серпейки.

Летописцы начинают говорить о Серпейске в XIV в. Город был центром небольшой волости, расположенной в верхнем течении реки Ресса (приток Угры).

Юго-западнее Серпейска, в верховьях реки Неручь (приток реки Болвы, впадающей в Десну), стоят села Нижний и Верхний Волок. Весьма вероятно, что из верхней Рессы в Неручь мимо Волока перетаскивали грузы купцов, везших реками товары из бассейна Оки и Волги в бассейны Болвы, Десны и Днепра.

Волок, без сомнения, подпитывал Серпейск и расположенный к северу от него город Мосальск материальными ресурсами.

Город Мосальск возник в XIII в. на холме, высящемся над левым берегом реки Можайки [левый приток реки Ресса], при устье ручья Городянки. На высоте 20—25 м расположено городище размерами 100×(30—40) м.

Впервые летописцы упоминают Мосальск под 1231 г. Севернее Мосальска слева в Рессу впадает река Пополта. Вблизи устья на мысу правого берега Пополты между двумя оврагами на высоте 18 м расположено городище Мощины, размеры которого 77×47 м. С напольной юго-западной стороны городище защищено валом и рвом.

Мощинское городище люди заселили в раннем железном веке. Во второй половине I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э. городище заняли создатели дьяковской археологической культуры, а образцы материальной культуры IV—V вв., представленные на мощинском городище, дали имя археологической культуре [мощинской]. В X—XIII вв. Мощин стал городом с развитой металлургией и изящным ювелирным производством.

За укреплениями городища Мощины во все эпохи, начиная с раннего железного века вплоть до XI—XIII вв., развивалось открытое селище.

В четверти километра южнее села Мощины, над правым берегом реки Грачевки [правый приток реки Пополта], в IV—VII вв. и в XI—XIII вв. располагалось еще одно селище.

Славу Мощину X—XIII вв. принес богатый клад, составленный из изумительной красоты и изысканности украшений с эмалью. Сокровища могли спрятать в 1238 г. при приближении к Мощину монголов.

Юго-западнее Мощина, в 2 км к юго-востоку от села Хотибино, стоит городище Спас-Перекша. Оно занимает мыс правого берега реки Перекши [правый приток реки Пополта] при устье безымянного ручья. Городище выситя на 18—26 м над рекой и имеет размеры 60×50 м. С напольной западной стороны оно защищено валом и рвом.

Название городища Спас-Перекша происходит от близлежащей деревеньки, ныне исчезнувшей. Городище Спас-Перекша было заселено в IV—VII вв. В XII—XIII вв. на городище среди дворов ремесленников, посадников и купцов, видимо, стояла деревянная церковь Спаса, давшая имя городку и деревне.

В 12 км к северо-западу от Мощина, среди громадных заболоченных лесов, стоит село, мимо имени которого пройти невозможно. Село называется Жупаново. Откуда в вятичских лесах, по которым с трудом ходил сам Владимир II Мономах, жупы и жупаны, некогда давшие имя глухому селу?

Выше было написано о двух пластах славянского оства Восточной Европы раннего средневековья. Города, выросшие в вятичском ополье в XI—XIII вв., принадлежали христианской, княжеской эпохе древнерусской истории. Во многом эти города росли по воле князей Чернигова, Новгорода-Северского и Киева. Отпрыски княжеских родов, посадники, бояре, игумены и священники в XI—XIII вв., севшие в детинцы и окольные города Козельска, Брыня, Серенска, Мещовска, Серпейска, Мосальска, Мощина, Воротынска, приложили максимум усилий для того, чтобы если не сломать, то сильно изменить древний строй жизни вятичей.

Вятичи, образно выражаясь, в России являют собой группу славян, наиболее близкую западным славянам Центральной Европы. И в наше время ликует вятичского дома, затерянного среди лесов, дали от городов и больших дорог, неуловимо напоминает дома закарпатских русинов. Высокий шатер крыши, скошенный по бокам, походит на громадный стог сена. Дворы вятичи VIII—XIII вв.

устраивали закрытыми с четырех сторон. Они походили на небольшие крепости.

Весьма вероятно, что в VIII—X вв. вятичи следовали древней славянской традиции самоорганизации через выборы жупанов и деления земель на жупы.

Возможно, в селе Жупаново доживал один из последних жупанов вятичей, оттесненный потомками Ярослава Мудрова в лесные дебри.

А может быть, с жупанами вятичей покончили еще ранее в IX—XI вв. князья вроде Ходоты, вышедшие из среды вятичской знати или тех же жупанов. Тем самым вятичские князья, как и князья древлян и иных славянских союзов, расчистили путь Киеву к созданию единого государства с централизованным управлением.

Описывая земли русского севера, тяготевшие к Новгороду, мы еще столкнемся с топонимом и самим понятием жуп.

Но вернемся к описанию земель вятичей. Верховья реки Угры [левый приток Оки] подходят к верхнему Днепру. На волоке, отмеченном селом Волоста и рекой Волостой, верховья которой подходят к городу Вязьма и реке Вязьма, впадающей в Днепр, в VIII—XIII вв. едва ли хотя бы на день замирала бурная торговая жизнь. Недаром название города Вязьма указывает на старинную вязь бассейнов Днепра и Оки [через Угру], важнейшей задачей которой были торговля и перемещение грузов. Верховья Угры принадлежали Смоленскому княжеству. Владения черниговских князей от Смоленских земель на северо-западе отделяет естественный рубеж, представляющий собой широкий пояс девственного леса. Этот лес в VIII—X вв. разделил владения союзов кривичей и вятичей.

В центре пограничного леса, в 6 км к северо-востоку от современного села Климов-Завод, на мысу правого берега Угры при устье безымянного ручья, в XII—XIII вв. возникло укрепленное городище. Оно вознесено над Угрой на 25—30 м. Его размеры невелики — 60×35 м. С востока городище обведено валом высотой в 6 м и глубоким рвом. За рвом в XII—XIII вв. стоял подгородный посад.

Это городище называют Жары по имени соседней, ныне исчезнувшей деревеньки Жары, стоявшей в 2,5 км к югу от городища.

Городище Жары в XII—XIII вв., по-видимому, представляло собой боярское гнездо и одновременно служило пограничной крепостью Черниговского княжества на рубеже с Смоленскими землями.

Судя по тому, что жизнь на городище Жары в XIV—XVII вв. продолжилась, монголы в 1238 г. прошли в вятичское ополье, минуя русло верхней Угры.

Ниже устья Рессы, в районе города Юхнов, в XI—XIII вв. жили вятичи, оставившие курганные некрополи у деревни Мокрое на левом берегу Угры.

Еще один центр вятичей в XI—XIII вв. был расположен на правом берегу Угры, у деревни Палатки. Тут выситя пятнадцать вятичских курганов, скрывающих знаменитые семилопастные височные кольца — своего рода символ вятичей.

Ниже по течению Угры, к юго-западу от устья реки Теча, у села Чемоданово над правым берегом Угры, среди леса находятся восемнадцать курганов XI—XIII вв.

Судя по тому, что в XIV в. городище в Свинухове было заброшено, можно предположить, что в 1238 г. Батый прошел в вятичское ополье с севера от Игнашева креста на Селигере, через долины рек Шаня и Суходрев [левые притоки нижней Угры]. Далее монголы двинулись на юг, к Серенску и Козельску, оставив в стороне [на западе] Мосальск и Брынь. Следует учесть, что монголы продвигались по Руси широким фронтом. Отдельные отряды монгольских всадников удалялись от основного маршрута движения армии Батыя на сотни километров по сторонам. Таким образом, монголы могли подступить к Мошину, но не тронуть стоящий рядом Мосальск.

В двух километрах выше устья Угры, на мысу левого берега Оки, в XI—XIII вв. выселились укрепления Спас-Городка. Его городище имеет два уровня. Детинец площадью в 0,3 га занимал край мыса и отделялся от окольного города рвом и валом. Площадь окольного города 0,3 га. К северо-западу от городища в XI—XIII вв. располагался торгово-ремесленный посад.

Спас-Городок был местным металлургическим центром. На его территории открыты сыродутные горны XI—XIV вв.

В IX—XI вв. бассейн Оки включился в систему широкой континентальной торговли. В селах и на городищах вятичей начали появляться восточные монеты. В Спас-Городке найдена восточная монета XI в. В XI—XIII вв. Спас-Городок контролировал важный транспортный узел, лучи от которого, расходясь в четырех направлениях, в буквальном смысле вели во все концы Руси.

На севере вятичского ополья, над правым берегом реки Большой Березуй [правый приток реки Теча], расположено городище Гришово. Оно имеет овальную форму, размеры его 75 × 46 м. Городище на 10 м высится над руслом реки. По периметру городища сохранился вал, а с юго-восточной стороны и ров.

К юго-западу от городища Гришово, над левым берегом Большого Березуя, расположено открытое селище.

Начиная с XIV в. летописцы упоминают город Людимеск или Березуйск. Его помещают на месте городища Гришово.

Укрепления в Гришове возвели в XII в. одновременно с Козельском и иными городами христианской эпохи древнерусской государственности в вятичском ополье. В XII—XIII вв. в городище Гришово сидел либо посадник черниговских Давыдовичей и Ольговичей, либо боярин, владевший селами в долине Большого Березуя. Впрочем, посадник мог впоследствии превратиться в боярина, имевшего наследуемые вотчины.

Ниже устья Течи долина Угры достаточно густо заселена вятичами. Леса становятся реже, а поля шире, и соответственно увеличивается число деревень и защищающих их городищ.

Крупное вятичское село XI—XIII вв., окруженное курганами, стояло на восточной окраине деревни Болобоново, на мысу левого берега Угры при устье реки Изверь.

Ниже Болобонова, на холмах левого берега Угры при устье реки Сечна, в IX—X вв. стояло еще одно вятичское село. Современное название села Камельгино [Камельзино], быть может, имеет возраст в тысячу с лишним лет.

Само низовье Угры охраняло городище у деревни Свинухово. Оно занимает мыс правого берега Угры при впадении ручья. Его размеры 70 × 60 м, а высота над поймой Угры 25 м. С напольной северной стороны сохранились вал и ров. Городище в Свинухове было заселено в раннем железном веке и с тех пор людьми не покидалось. В XI—XIII вв. городище в Свинухове служило крепостью черниговским и северским князьям.

К северо-западу от Спас-Городка, при селении Росва, в IX—XIII вв. стояло несколько вятичских сел. Село Росва стоит над речкой Росвянкой [правый приток Угры]. Интересно название села и реки. Видимо, вятичи не спешили смешиваться с выходцами из Южной Руси.

Южнее Спас-Городка, на мысу правого берега реки Высса [левый приток Оки], в XII—XIII вв. и позже в XIV—XVII вв. стоял город Воротынский. Это городище имеет размеры 200 × (40—100) м и высится над рекой на 15—17 м. К западу от городища, по линии рва и вала, в X—XIII вв. [в XIV—XVII вв.] располагался открытый посад.

В Ипатьевской летописи под 1155 г. читаем:

“... приеха къ Стославу Олговичю. снвецъ его Стославъ Всеволодичъ. и целова к нему хрсть тогда же прида ему 3 городы. а Сновескъ себе отя. и Карачевъ и Воротинескъ. занеже бе его отступилъ и поиде Стославъ Олгович Сновську”.

Род князей Воротынских происходит от Симеона, третьего сына Михаила Всеволодовича Черниговского (+1246 г.). Среди князей Воротынского было немало героев, беззаветно служивших России. Род пресекался в 1679 г.

К югу от Воротынска над левым берегом Оки при устье Жиздры стоит город Перемышль.

Ока в районе Перемышля вьется ужом среди широкой долины. Левый берег Оки вздымается отвесной стеной, прорезанной оврагами. Правая сторона долины пологая и песчаная. Она заросла хвоей и со стороны кажется большим зеленым морем.

Под Перемышлем Ока меняет направление течения с запада на север и огибают громадный мыс, видный за десятки верст и походивший на неправдоподобно огромную скалу, заросшую дерном и гниющей осадками и ледником за тысячелетия.

В XI—XIII вв. на вершине этого мыса было расположено вятичское селение. Тут же сохранилось тринадцать вятичских курганов IX—X вв. Вороновский мыс манил людей божественной панорамой, открывающейся с его вершины, еще в неолите. И в дальнейшем люди практически никогда не покидали этого места.

Городище Перемышля расположено против Воронова, за Окой. Оно занимает мыс левого берега Оки. Вятичи поселились на городище Перемышля в IX—X вв. В XII—XIII вв. Перемышль стал одним из городских центров вятичского ополья. Первое летописное упоминание о Перемышле относится к 1332 г. Перемышль с трех сторон окружен гирляндой древнерусских городищ.

К северу от Перемышля расположены два древних вятичских центра. Один занимал в VIII—XIII вв. городище на мысу левого берега реки Пгара [левый приток Оки] у села Великие Подгоричи. Размеры городища 100 × 46 м.

Второй центр находился у села Желохово. Над рекой Зуевка [левый приток Оки] расположено городище размерами 53 × 30 м. В XII—XIII вв. тут могла располагаться боярская усадьба-крепость. У городища в Желохове расположены два селения VIII—X и X—XIII вв.

Еще одна боярская усадьба XI—XIII вв. могла находиться к западу от Перемышля, при селе Ждановка. Тут, на мысу левого берега ручья [приток Жиздры], находится городище размерами 70 × 66 м.

Долина Оки от устья Угры до устья Протвы. Калуга. Таруса

При устье реки Калужки, на мысу левого берега Оки, на высоте 35 м расположено городище XI—XIII вв. Оно было предтечей города Калуги, в XIV—XVII вв. ставшего одной из крепостей окского рубежа обороны Московской Руси.

Выше калужского городища, на восточной окраине села Ждамирово, на мысу левого берега реки Калужки, при впадении ручья Ременники, расположено городище. Его размеры 105 × 50 м. Оно вознесено на 18—22 м над долиной реки. По периметру городища окружено валом. С напольной северо-восточной стороны находится ров.

В XII—XIII вв. в описанном городище мог жить боярин Ждамир, владевший землями и селами в долине Калужки. А населена была эта долина в раннем средневековье достаточно плотно.

Около Ждамирова над рекой Калужкой [в 1 км к юго-западу от деревни Перцево] в IX—X вв. и в XIII—XVI вв. стояло вятичское село. Еще одно вятичское село IX—X вв. и XI—XIII вв. занимало мыс левого берега реки Городянки [правый приток реки Калужки], при устье небольшого ручья. Вятичское село стояло под склонами городища раннего железного века.

Еще одна боярская усадьба-крепость в XI—XIII вв. и позже в XIV—XVII вв. располагалась ниже Калуги, над правым берегом Оки, в полукилометре к северо-востоку от села Никольское. Размеры городища невелики — 40 × 25 м. Оно высится над поймой Оки на 28—30 м. С запада городище обведено валом и рвом.

Ниже никольского городища справа в Оку впадает река Ужердь. Боярин, занимавший никольское городище, мог владеть землями и селами в долине

Ужерди, со временем продвигая границы вотчины в глубь вятичских земель.

Небольшие размеры боярских усадеб-крепостей были достаточны для содержания необходимых припасов продовольствия и другого имущества и для проживания челяди и военного гарнизона.

Еще одна подобная боярская усадьба в XIII—XIV вв. гнездилась на городище при селе Ладыгино. Оно занимает мыс правого берега реки Передуть [правый приток Оки]. Размеры городища 125 × 35 м. С северо-востока — вал и ров.

Боярин, сидевший на ладыгинском городище, мог иметь вотчину в долине реки Передуть, входившую в состав Воротынского княжества [или Тарусского удела].

Под защитой ладыгинского городища в XIII—XIV вв. над рекой Передуть стояло вятичское село.

К востоку от Ладыгина, над долиной реки Дугна [правый приток Оки], у поселка Зудна находится еще одно городище небольших размеров — 40 × 35 м. Хотя находок древнерусской эпохи на нем не выявлено, оно вполне могло служить прибежищем боярину, имевшему вотчину в долине Дугны.

Вятичское село в долине Дугны в VIII—XIII вв. стояло у деревни Поздняково, выше городища у Зудно.

Еще один укрепленный центр над Окой в XII—XIV вв. располагался на городище у юго-западной окраины деревни Троицкое. Мысовое городище вознесено над Окой на 50 м. Его размеры 110 × 90 м. С напольной южной стороны городище обведено валом и рвом.

Соседнее мысовое городище под Троицким было занято населением в XIV—XVII вв. Его размеры значительные — 295 × 130 м. Данное городище связывают с городом Любутском, первое летописное упоминание о котором относится к 1372 г.

Троицкое городище XII—XIV вв. могло быть предтечей летописного Любутска и в домонгольской Руси также могло называться Любутском. Расстояние, разделяющее два троицких городища, не превышает 300 м.

Ниже Троицкого над Окой в древности вятичи жили на территории современного города Алексин. Ниже Алексина над Окой стоит город Таруса. В VIII—X вв. на мысу правого берега реки Тарусы, при ее впадении в Оку, вятичи построили укрепленный городок. Его остатки скрыла Таруса XIII—XVII вв. Валы размыли весенние половодья, и определить очертания древнейшей Тарусы ныне затруднительно.

Первое летописное упоминание о Тарусе относится к 1246 г. После гибели Михаила Всеволодовича Черниговского в орде [1246 г.] Таруса с окрестной волостью досталась четвертому сыну князя — Юрию. Его потомки владели Тарусой до 1392 г. Далее Таруса была присоединена к Московскому княжеству и стала одной из крепостей окского рубежа, или пояса Богородицы, как называли ленту Оки в народе, прикрывавшего Московскую Русь с юга.

В долине реки Тарусы, выписывающей немислимые зигзаги и петли среди глухих лесов, в VIII—XIII вв.

вятичи построили множество деревень. Одна из них и поныне называется Вятское.

В названии реки и города Тарусы присутствует корень русь, и это едва ли случайно. Возможно, Таруса служила форпостом Южной Руси на средней Оке уже в X—XI вв.

Бассейн реки Протвы

Ниже Тарусы слева в Оку впадает река Протва. О древности названия реки можно судить по тому, что *pratum* (лат.) — *prthivim* (санскрит) имеет значение — земля или претва — плоть. Не исключено, что река получила название на рубеже III—II тыс. до н.э. от индоевропейских создателей археологической культуры боевых топоров и шнуровой керамики, посещавших долину Протвы и всего поочья.

Долина Протвы широка и на удивление живописна. На Русской равнине немного мест, где поэзия земли так выразительна и оказывает столь сильное впечатление на человека. Долина Протвы органично сочетает в своих пейзажах голубые дали необозримых, уходящих за горизонт, лесов, широту полей и красоту громадных крутобоких оврагов, на вершинах склонов которых стоят церкви и старинные вятчские села.

Рубеж смоленских и черниговских владений в долине Протвы отмечен небольшим селом Беницы, упомянутым в грамоте Ростислава Смоленского под 1136 г. Ниже Бениц на холмах над Протвой вознесен город Боровск. Он возник во второй половине XIII в. на холме тридцатиметровой высоты на левом берегу Протвы в излучине реки.

Рассказывают, что в свое время боровские купцы, поступившись собственными экономическими интересами, подкупили инженера, проектировавшего железную дорогу. Стальные рельсы пролегли с севера на юг восточнее Боровска, и город оказался спасен от перерождения. Ныне Боровск — это русская поэма, запечатленная в камне и дереве, подобная Суздалью и Ростову Великому.

Под 1147 г. в Ипатьевской летописи читаем:

“... и шедь Стославъ и взя люди Голядь верхъ Поротве. и тако ополонишася дружина. Стославля. и приславъ Гюргии. реч приди ко мне брате въ Московъ” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.339].

Святослав Ольгович воевал на Протве выше Боровска и Бениц, так как ниже Бениц долина Протвы принадлежала северским и черниговским князьям. Ниже Боровска вятичи густо заселили берега Протвы.

У деревни Кривское в IX—XIII вв. в селище, отмеченном урочищем Лужок, могла жить община кривичей, пришедших на среднюю Протву из ее верховья.

Ниже Кривского справа в Протву впадает река Лужа. В среднем течении Лужи господствует Лужное городище XIII—XIV вв. Оно занимает мыс левого берега реки Лужи, в 2 км к северо-западу от деревни Лужное. Городище имеет две площадки. Нижняя [55 × 20 м] высится над рекой на 7—14 м.

Верхняя [85 × (25—35) м] площадка вознесена над Лужей на 18—22 м.

Вятичи освоили и распахали окрестности деревни Лужное в VIII—X вв. В частности, присутствие вятичей отмечено в урочище “Ключевая гора”, в 1,5 км северо-восточнее деревни Лужное. Центр вятичей в Лужном мог быть разрушен киевскими князьями [в X в.]. А Лужное городище XIII—XIV вв. было символом боярской власти.

Ниже Лужного, в 2 км к северо-западу от деревни Отяково, расположено Николо-Лужицкое городище XI—XIII вв. Оно невелико [50 × 45 м] и занимает мыс правого берега реки Сушка при слиянии с рекой Бобровна [левый приток реки Лужа].

Весьма вероятно, что Николо-Лужицкое городище в XI—XIII вв. представляло собой боярскую усадьбу, хозяин которой владел землями в среднем течении реки Лужи.

Еще одна боярская усадьба XIII—XIV вв. могла занимать Панское городище, стоящее на мысу правого берега реки Лужи, в полукилометре к северо-востоку от деревни Панское. Размеры Панского городища [65 × 45 м] невелики, и это характерно для боярских крепостей.

Таким образом, долина Лужи в X—XIV вв. могла делиться минимум на три боярские вотчины. А боярские гнезда могли мирно соседствовать со свободными общинами вятичей, сохранявших в своей части пахотных, луговых и лесных угодий в речной долине.

Ниже устья Лужи над долиной Протвы с эпохи раннего железного века господствовало Огубское городище. Оно занимает невысокий остров, окруженный старицей Протвы и руслом реки Огубь. Городище возвышается на 2 м над пойменными лугами левобережья Протвы. Размеры Огубского городища 127 × (40—47) м. В IX—X вв. его заселили вятичи.

В XI—XIII вв. Огубское городище было одним из крупнейших торгово-ремесленных и административных центров в долине Протвы.

Огубское городище отовсюду окружено древними селениями вятичей, вблизи которых расположены курганы. Ниже Огуби на правом берегу Протвы у деревни Луканино посреди чистого поля высится громада вятчского кургана. Его силуэт виден издали, с противоположного берега Протвы. Рядом с курганом расположены христианская церковь и отмеченное березовой рощей кладбище. Хотя строили церковь в Луканине в XVIII в., очертаниями она походит на ротонды IX—XII вв., строившиеся в центре Европы и на западе Руси, сочетающие романскую и византийскую архитектурные традиции.

Ниже Луканина и устьей речек Паж и Аложа справа в Протву впадает небольшая речка Ича. На истоки берут начало под сенью громадного древнего леса. Напротив места, где справа в Ичу впадает ручей с красноречивым названием Турна, высится Ичское городище.

Впервые мыс, выходящий подобно громадной остроносой стреле из леса на заливной луг в левобережье Ичи, против устья Турвы, люди заселили в

раннем железном веке, то есть в те времена, когда складывались первые камни в основание вечного города Рима. В IX в. на Ичское городище ступили вятичи. С напольной северо-восточной стороны подсыпали вал, соорудили на его гребне деревянную стену и углубили внешний ров. Середина вала прорезана въездными воротами, а вернее, пространным, некогда ими занятым. Площадь городища 117 × 75 м. Высота над долиной Ичи 10—18 м.

Вятчское городище на Иче и расположенное на соседнем мысу селище IX—X вв. в XI—XIII вв. перешло в небольшой центр Черниговского княжества. Сейчас трудно сказать, было ли Ичское городище боярской усадьбой или оставалось небольшой вятчской крепостью.

В XIII в. население покинуло Ичское городище, и причиной этого могли быть монголы. Один из монгольских отрядов мог польститься на древний городок с небольшим числом защитников и значительными запасами провизии и иного добра.

В конце XX в., несмотря на восемь столетий заустения, местные крестьяне прекрасно осведомлены об Ичском городище и окружающих его курганах. Еще в начале XX в. на Ичском городище регулярно устраивали ярмарки. С окрестных сел и деревень по лесным и полевым дорогам на городище съезжались десятки телег. И шумел торг.

Ныне над Ичским городищем стоит тишина. Семь десятков громадных сосен с отливающими золотом стволами укрывают городище вечнозелеными кронами. Сосны хранят покой, а может быть, и сокровенные знания о древней истории маленького городка земли вятичей.

Если смотреть на Ичское городище со склонов окрестных полей, можно увидеть громадный лес, время долинами сходящийся в единую точку. Эта точка — мыс Ичского городища.

Природа в окрестностях реки Ичи удивительно величественна. Изобилующий оврагами ландшафт показывает человеку красоту окружающего мира во всем его многообразии. Поля и украшенные островерхими елями панорамы лесов перемежаются глубокими долинами ручьев и вместе сливаются в чудную поэму, насладиться которой, однажды увидев, никогда невозможно.

Ниже устья Ичи, над правым берегом Протвы, высятся крутые склоны овального городища древнерусского города Оболенска. Впервые летописцы упоминают Оболенск под 1369 г. в связи с взятием города шедшими к Москве литовцами.

Родоначальником князей Оболенских был внук Михаила Всеволодовича Черниговского, получивший город и волость на Протве в удел. Князья Оболенские, так же как и князья Воротыньские, несколько столетий к ряду верой и правдой служили московским государям.

В низовье Протвы, на мысу правого берега, при устье речки Городянки, на высоте 17—19 м расположено городище [56 × 23 м], именуемое Спас-Городец. В XII—XIII вв. городище мог занимать боярин, служивший Ольговичам.

Под защитой Спас-Городка в XII—XIII вв. располагался посад. Его населяли ремесленники, снабжавшие боярина, его воинов и окрестную сельскохозяйственную волость всем необходимым от подков и кованых гвоздей до керамических горшков и домотканых рубах. Спас-Городец охранял вход в долину Протвы от устья со стороны большой дороги, которой являлась река Ока.

Долина Оки от устья реки Протвы до устья реки Москвы.

Лобынск. Тешилов. Лопасня. Колтеск.
Старая Кашира. Ростиславль. Сверилеск

Ниже устья Протвы долина Оки украшена ожерельем летописных древнерусских городов, в X—XIII вв. принадлежавших Черниговскому и Северскому княжествам.

Между устьями рек Протва и Нара над левобережьем широкой окской долины высится изъезтая траншеями громада городища летописного города Лобынска. Под 1146 г. в Ипатьевской летописи можно прочесть о том, как в начале марта от города Колтеска [район г. Кашира] Святослав Ольгович “поиде оу верхъ Оки и пришедь ста на оустъ Поротве. в городе Лобыньске. и тоу присла к нему Гюргии. дары многы. паволокою и скорою. и жене его и дружиноу его одари по великоу” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.339].

Никоновская летопись под 1146 г. Лобынск называет “Любинец Омосов”. Кто был тот Омос — посадник или боярин черниговских князей, или вятич, некогда владевший волостью при устье Протвы мы можем лишь догадываться.

С севера над валами Лобынска и надо всем левобережьем средней Оки нависает лесное море, скрывающее в своем зеленом чреве ростово-суздальское ополе — колыбель Северо-Восточной Руси.

Ниже Лобынска, над правым берегом Оки, в селах Подмоклово и Лукьяново против устья реки Нары расположены два городища, в XI—XIII вв. служившие черниговским князьям крепостями на средней Оке.

Ниже Лукьянова над правым берегом Оки высится городище летописного Тешилова. Под 1147 г. в Никоновской летописи сообщается: “... и тако совещаще снидошася на Москву князь великий Юрьи из Суждаля. а князь великий Святослав Ольгович с Резани из Тешилова”.

В Ипатьевской летописи под 1147 г. о встрече Долгорукого со Святославом сказано: “... и шедь Стославъ. и взя люди Голядь верхъ Поротве. и тако ополонишася дружина Стославля. и приславъ Гюргии. реч приди ко мне брате въ Московъ” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.339]. Следовательно, Святослав с полоном из верховий Протвы вернулся на Оку и в Москву поехал не из Лобынска, а из соседнего Тешилова.

Тешилов XII—XIV вв. с севера защищал крутой спуск к Оке. С востока и запада город защищен склонами оврагов. С южной напольной стороны высится вал. Посреди вала стояли ворота, прикры-

тые захабамы — двумя заходящими одна за другую линиями валов.

Под 1147 г. в Ипатьевской летописи о возвращении Святослава Ольговича из Москвы на Оку сказано:

“Стославъ же оттоуда възвратися к Лобыньскоу. и оттоуду иде къ Нериньскоу. и перешедъ Окоу и ста” [там же].

К западу от Тешилова, у села Липицы, в пойме Оки расположено озеро-старица, называемое Неринским. Быть может, Неринском назывался городок у села Лукьяново [или городище у села Подмоклово].

Ниже или восточнее Тешилова, над правым берегом Оки, против устья реки Лопасни в раннем средневековье стоял город Лопасня. Под Лопасней Оку переходили в брод. Полагают, что именно под Лопасней Оку перешли основные силы Дмитрия Донского, двигавшиеся на Куликовское поле. Служивший бродом песчаный перекал на Оке намыла река Лопасня. Издавна брод на левобережье Оки охраняло село Турово стоящее над Лопасней выше ее устья. Туром славяне называли крепости.

Под 1177 г. Ипатьевская летопись сообщает о том, что сын Великого князя Святослава Всеволодовича Олег, возвращаясь из Москвы, приехал “во свою волость. к Лопасну оттуду пославъ Олегъ. зая Сверилескъ. бяшетъ бо и то волость Черниговская”.

Ныне место города Лопасня отмечает погост, именуемый “Городище” или “Четыре церкви”.

В среднем течении реки Лопасни среди лесов высятся валы городища древнерусской крепости Хатунь. В XII—XIII вв. Хатунь тяготела к Старой Рязани.

Ниже Лопасни на голом высоком правобережье Оки стоят валы летописного города Колтеска. Под 1146 г. Ипатьевская летопись сообщает:

“... пришедшу же Стославоу в Колтескъ городокъ. и тоу присла емоу Гюргии. в помощь тысячу Беренидьецъ [бродников]. дружины Белозерское” [там же, с. 338].

Из Колтеска Святослав Ольгович собрался выступить с помощью белозерцев и бродников на Давыдовича к Дедославлю, но разболелся сын Долгорукого “Иванко Гюргевичъ”. 24 февраля 1146 г. Иванко в Колтеске скончался. Братья увезли его тело в Суздаль к отцу, а Святослав Ольгович из Колтеска “поиде оу верхъ Оки и пришедъ ста на оустье Поротве. в городе Лобыньске” [там же, с. 339].

Крепость и город Кашира при устье реки Каширки возникли не ранее рубежа XIII—XIV вв. А в эпоху Киевской Руси на месте Каширы могло существовать небольшое селение вятичей. О селении при устье реки Каширки упоминается под 1356 г. в духовной грамоте московского князя Ивана Красного [сына Ивана Калиты]. Иван Красный завещал Каширу сыну Дмитрию, впоследствии прозванному Донским. При Дмитрии Донском и началось возвышение города Каширы, впоследствии перенесенного на правый берег Оки.

Ниже Каширы над правым берегом Оки стоит город Ростиславль, а при устье реки Москвы —

город Коломна. Об этих городах будет сказано при описании земель Рязанского княжества.

К северу от Коломны над руслом реки Москвы в раннем средневековье стоял крайний на северо-востоке город Черниговского княжества — Сверилеск. Городу принадлежала волость, его вскормившая. Волость отмечена долиной реки Северки [правый приток реки Москвы].

Под 1176 г. Ипатьевская летопись рассказывает о том, что черниговский княжич Олег Святославич из Лопасни послал отряд “зая Сверилескъ. бяшетъ бо и то волость Черниговская”. Спор за Сверилеск шел с рязанскими князьями. Вскоре один из рязанских князей “Глебъ же оуведавъ то послы сновца своего Гюргевича на Ольга. Олегъ же соопкупя дружину свою и выиде к нему. и бяхуться на Свирилеске. и победи Олегъ” [там же, с. 602].

На месте летописного Сверилеска, на мысу при впадении реки Северки в реку Москву, ныне стоит село Северское.

Земли вятичей в правобережье средней Оки.

Дедилов. Одоев

Значительные по территории земли, в VIII—XIII вв. населенные вятичами и вошедшие в состав Черниговского княжества, лежат в правобережье средней Оки, на территории современной Тульской области. Центром данной вятичской области был летописный город Дедилов или Дедославль.

Согласно Ипатьевской летописи в 1146 г. Святослав Ольгович в Дедославле “сзъзавша Вятиче и реша имъ. се есть ворогъ нама и вамъ [Изяслав Давидович]. а ловите его на поль вама. и тако възвратистася. ис Дедославля” [там же].

В 1147 г. Святослав Ольгович “приде къ Дедославлю и тоу придоша к нему друзии Полоини” [там же].

Ныне на месте Дедославля стоит село Дедилово. Древний центр вятичей возник на водоразделе, между бассейном Оки и Дона, неспроста. В VIII—X вв. часть союза вятичей занимала земли на Дону, в районе устья реки Воронеж. И именно Дедославль, то есть город дедовой славы, служил связующим звеном между вятичами Дона и вятичами Оки.

К верховьям Дона из Оки попадали руслом речки Упы, Шиворона, Рассошка. Дедилов стерег эту речную дорогу.

Над рекой Упой [правый приток Оки] в раннем средневековье высылось не менее десятка вятичских городищ-крепостей.

О Туле впервые упоминает Никоновская летопись под 1147 г. Город возник при впадении в Упу правого притока речки Тулицы. В XIII в. Тула пала под власть рязанских князей.

Крупнейшим центром раннего средневековья в долине нижней Упы был город Одоев, впоследствии ставший вотчиной князей Одоевских. К западу от Одоева, над левым берегом Упы, стоит село Николо-Жупань. И снова мы сталкиваемся с топонимом

Жупа в земле вятичей. Весьма вероятно, что Жупаново Калужской области и Николо-Жупань Тульской отмечают места двух вятичских жуп VIII—XI вв.

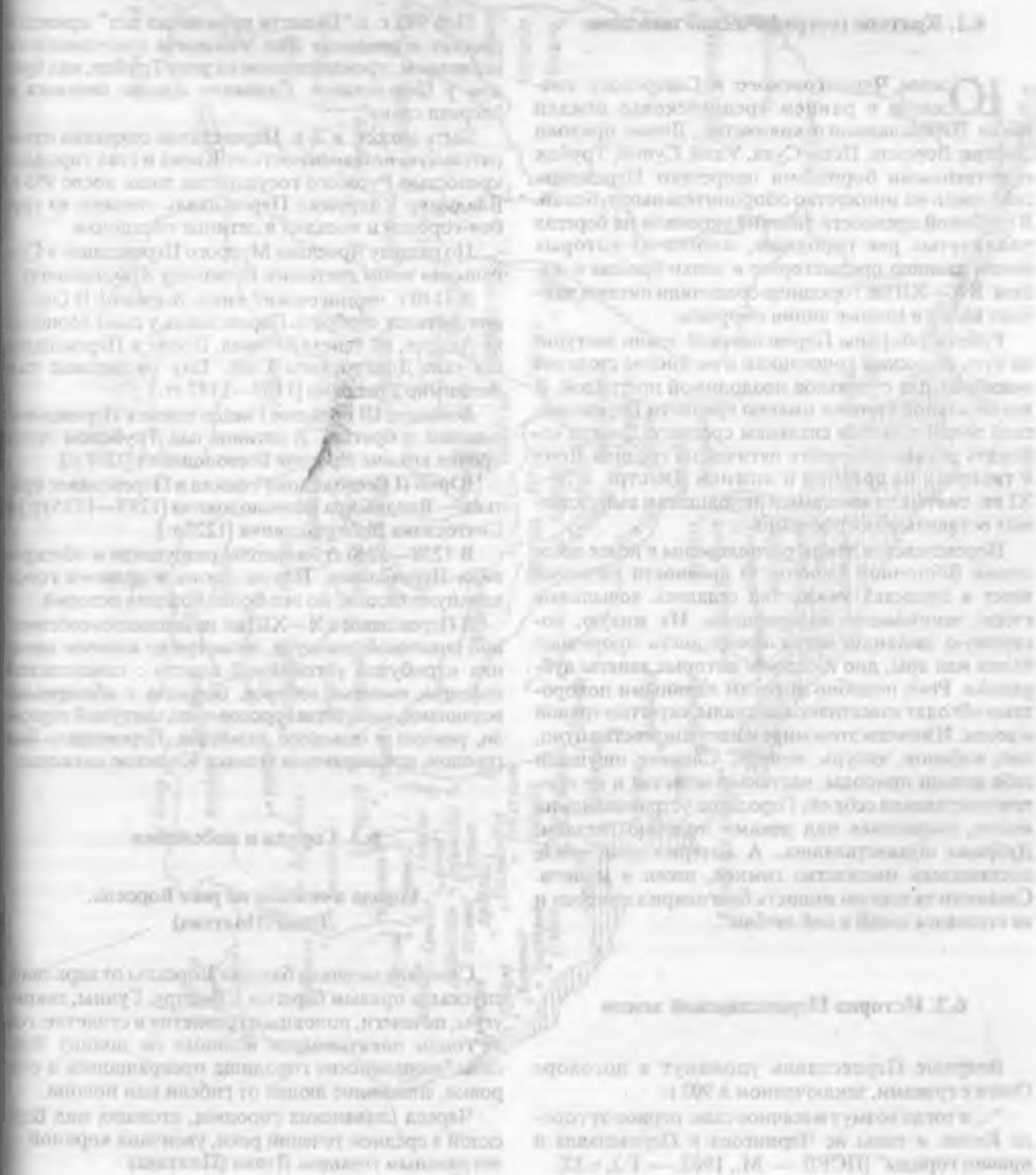
Вернемся к свидетельству восточного источника X в. “Худуд ал-Алам” в редакции Ибн Русте-Гардизи (XI в.).

“В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва.т”. О главе вятичей и об организации управления землями читаем:

“Глава их коронуется, они ему повинуются, и от слов его не отступают. Местопребывание его

находится в средине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют “главой глав” (“ра’ис ар-руаса”), зовется у них свие-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем”.

О количестве жуп у вятичей и об их размерах и рубежах можно лишь догадываться (хотя и эта задача частично разрешима). Но сомневаться в существовании жуп и жупанов у вятичей раннего средневековья едва ли возможно.

Глава 6. Переяславское княжество

6.1. Краткое географическое описание

Южнее Черниговского и Северского княжеств в раннем средневековье лежали земли Переяславского княжества. Левые притоки Днепра: Ворскла, Псел, Сула, Удай, Супой, Трубеж естественными бороздами прорезают Переяславские земли на множество оборонительных рубежей. В глубокой древности славяне укрепили на берегах упомянутых рек городища, многие из которых имели давнюю предысторию в эпохи бронзы и железа. В X—XII вв. городища соединили нитями змиевых валов в единые линии обороны.

Рубежи обороны Переяславской земли заступили путь тюркским кочевникам и на многие столетия оказались для степняков неодолимой преградой. В значительной степени именно крепости Переяславской земли помогли славянам среднего Днепра избежать печальной участи вятичей на среднем Дону и тиверцев на среднем и нижнем Днестре, в X—XI вв. смятых печенегами и половцами и вынужденных оставить обжитые земли.

Переяславские земли расположены в поясе лесостепей Восточной Европы. В древности на сотни верст в пределах княжества стлались ковыльные степи, занимавшие водоразделы. Их живую, послушную дыханию ветра поверхность прорезают балки или яры, дно и склоны которых заняты дубравами. Реки подобно дорогам плавными поворотами обходят известняковые скалы, скрытые травой и лесом. И во всем этом мире живет множество птиц, лис, кабанов, косуль, волков. Славяне ощущали себя детьми природы, частью ее естества и не противопоставляли себя ей. Городища устраивались на мысах, высящихся над реками подобно гнездам. Дубравы обожествлялись. А матери-сырой земле посвящалось множество гимнов, песен и молитв. Славянин за всякую милость благодарил природу и не стеснялся своей к ней любви.

6.2. История Переяславской земли

Впервые Переяславль упомянут в договоре Олега с греками, заключенном в 907 г.

“... и тогда возмут месячное свое. первое от города Киева. и паки ис Чернигова и Переяславля и прочии города” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 2, с. 22].

Под 993 г. в “Повести временных лет” приведен рассказ о поединке Яна Усмовича с печенежским великаном, произошедшем на реке Трубеж, над бродом у Переяславля. Славянин одолел печенега и “переехал славу”.

Быть может, в X в. Переяславль сохранял относительную независимость от Киева и стал городом крепостью Русского государства лишь после 993 г. Владимир I окружил Переяславль стенами из срубов-городен и посадил в детинце посадника.

По разделу Ярослава Мудрого Переяславль и Судальская земля достались Всеволоду Ярославовичу.

В 1140 г. черниговский князь Всеволод II Ольгович пытался отобрать Переяславль у сына Мономаха Андрея, но успеха не имел. Позже в Переяславле сел сын Долгорукого Глеб. Ему наследовал сын Владимир Глебович [1169—1187 гг.].

Всеволод III Большое Гнездо сажал в Переяславле сыновей и братьев. В детинце над Трубежом среди прочих княжил Ярослав Всеволодович [1201 г.].

Юрий II Всеволодович сажал в Переяславле братьев — Владимира Всеволодовича [1213—1215 гг.] и Святослава Всеволодовича [1228 г.].

В 1238—1240 гг. монголы разрушили и обескровили Переяславль. Новую жизнь в древний город вдохнули казаки, но это более поздняя история.

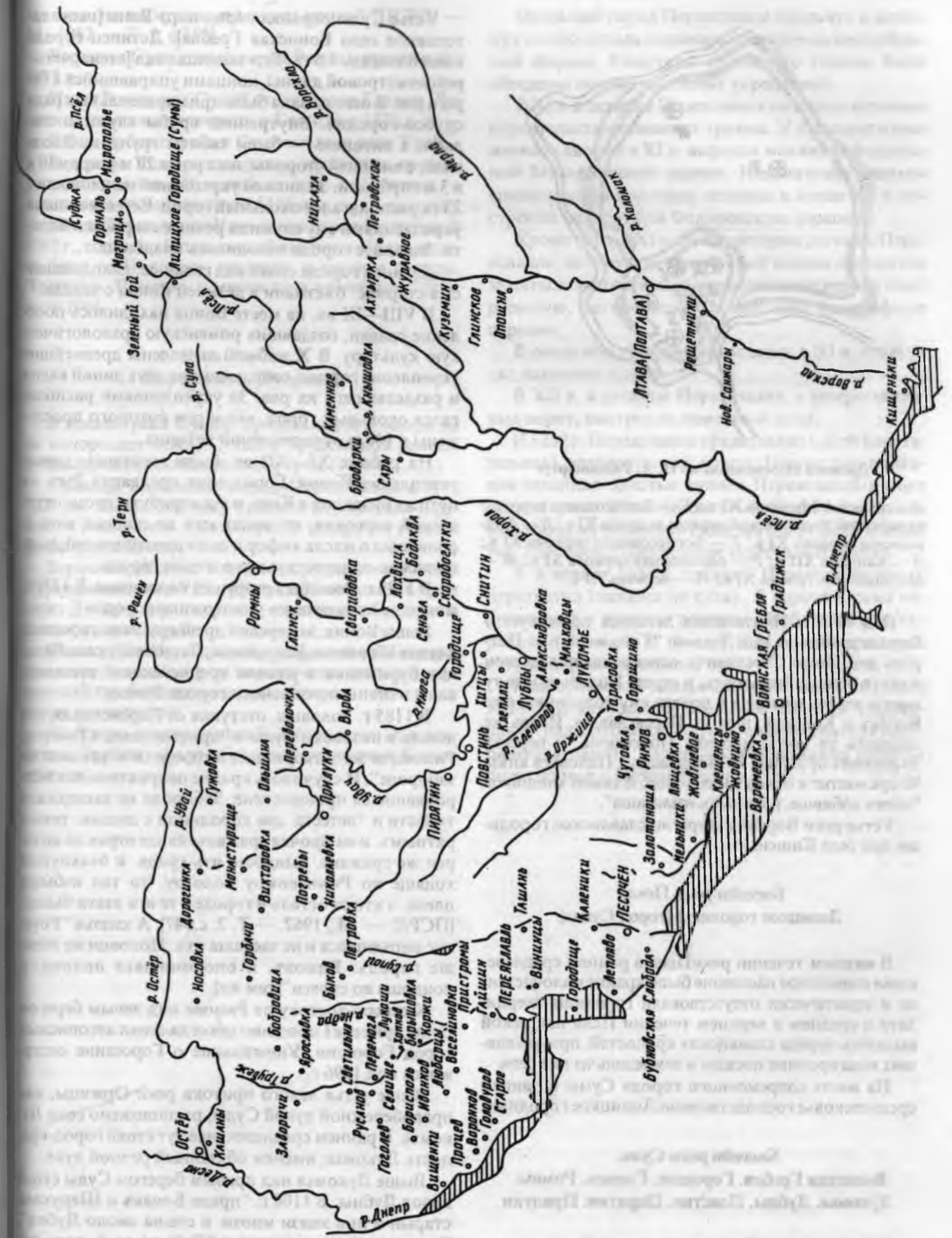
В Переяславле в X—XIII вв. не сложилось собственной княжеской династии, несмотря на наличие внешних атрибутов устойчивой власти: епископской кафедры, пышных соборов, боярства с обширными вотчинами, множества городов и сел, цветущей торговли, ремесел и сельского хозяйства. Переяславль был городом, предвещающим великое Киевское княжество.

6.3. Города и поселения

Города и селения по реке Ворскла. Лтава (Полтава)

Северяне заселяли бассейн Ворсклы от верхоний, спускаясь правым берегом к Днепру. Гунны, авары, угры, печенеги, половцы из столетия в столетие, год за годом накатывались волнами на долину Ворсклы, и славянские городища превращались в островки, спасавшие людей от гибели или полона.

Черета славянских городищ, стоящих над Ворсклой в среднем течении реки, увенчана короной летописным городом Лтава (Полтава).

Древний Переяславль по П. А. Раппопорту.

А — церковь Михаила XI в.; Б — Епископские ворота с надвратной Федоровской церковью конца XI в.; В — Андреевская церковь XI в.; Г — Богородицкая церковь XI в.; Д — Каплица XII в.; Е — однефная церковь XI в.; Ж — дворцовая постройка XI в.; И — церковь XI в.

Под 1174 г. Ипатьевская летопись повествует о боевых действиях под Лтавой: "Того же лет на Петровъ днь. Игорь Стославичъ. совокупивъ полки свои и сха. в поле за Ворьсколь. и стрете Половце иже ту ловять языка. изыма е и поведя ему колодникъ. оже Кобякъ и Кончакъ. шле къ Переяславлю. Игорь же слышавъ то поеха противу Половцемъ. и перееха Ворьсколь оу Лтавы къ Пеяславлю". Половцев князь Игорь настиг и отнял у них полон. А самих хищников "онехъ избивше. и а иныхъ изымаша".

Устье реки Ворскла стерегло славянское городище при селе Кишеньки.

Бассейн реки Псел. Липецкое городище (город Сумы)

В нижнем течении реки Псел в раннем средневековье славянское население было крайне малочисленно и практически отсутствовали городища-тверди. Зато в среднем и верхнем течении Псла над рекой высилась череда славянских крепостей, прикрывавших подгородние посады и земледельческие села.

На месте современного города Сумы в раннем средневековье господствовало Липицкое городище.

Бассейн реки Сула.

Воинская Гребля. Горошин. Глинск. Ромны.
Лукомье. Лубны. Повстин. Пирятин. Прилуки

Правый берег Сулы в древности был застроен десятками крепостей, цепь которых перемежалась летописными городами.

Устье Сулы охранял город-порт Воин [ныне затопленное село Воинская Гребля]. Детинец города имел площадь 4,6 га. Его защищал вал [стена] четырёхсотметровой длины, концами упирающийся в берега рек. В основе вала было три параллельных ряда срубов-городен. Внутренние срубы служили жильем, а внешние — были забиты грунтом. Вдоль вала, с внешней стороны, шел ров в 20 м шириной и в 3 м глубиной. За линией укреплений на площади в 23 га располагался окольный город. Естественными укреплениями ему служили речные старицы и болота. Западнее города находилось кладбище.

Детинец города стоял над гаванью, находившейся в старице. Въезжали в детинец Воина с запада.

В VIII—IX вв. на месте Воиня находилось поселение славян, создавших роменскую археологическую культуру. В X в. были возведены древнейшие укрепления города, состоявшие из двух линий валов и разделявшего их рва. За укреплениями располагался окольный город, вал и ров которого прослежены в 100 м от укреплений детинца.

На рубеже XI—XII вв. были возведены новые укрепления Воиня. Город-порт предвлял Русь на пути из Византии в Киев, и все атрибуты русско-греческой торговли, от монет юга до полных вина и оливкового масла амфор и свинцовых печатей, каждодневно присутствовали в жизни города.

В 1185 г. Воин был разрушен половцами. В 1239 г. монголы практически уничтожили город.

Выше Воиня, за чередой древнерусских городищ, в селах Жовнино, Клещинцы, Ляшовка, у села Великая Буримовка в раннем средневековье выселись валы и стены летописного города Римов.

В 1185 г. половцы, отступая от Переяславля, подошли к низовьям Сулы и "пристоупиша к Римову. Римовичи же затворишася в городе. и възлезше на забороле". И случилось крайне неприятное для оборонявшихся происшествие. Заборолы не выдержали тяжести и "летеста. две городниці с людми. тако в ратнымъ. и на прочая гражаны наиде страх да котри реи же гражане. выидоша изъ града. и бяхоутыа ходяще по Римьскому болотоу. то теи избыши плена. а кто ся осталъ в городе а те вси взяти быши" [ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 2, с. 647]. А князь "Русские опоздишася и не заехаха ихъ. Половци же вземше городъ. Римовъ. и ополонишася полоня. и поидоша во свояси" [там же].

К северо-востоку от Римова над левым берегом Сулы при селе Горошино некогда стоял летописный город Горошин. Упоминание о Горошине содержится под 1096 г.

Выше устья левого притока реки Оржицы, над правобережной лукой Сулы, расположено село Лукомье. В раннем средневековье тут стоял город-крепость Лукомье, именем обязанный речной луке.

Выше Лукомья над правым берегом Сулы стоит город Лубны. В 1106 г. "приде Бонякъ и Шярукманъ старьи и ини князи мнози. и стаха около Лубни". Русские князья подошли к "Лубьну. въ 6. часъ дне бродишася чересь Сулу. и кликоша на не. Полонци же вжасошася от страха. не възмогоша и стяга по-

ставити. но побегоша хватаючи конии" [ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 2, с. 258].

Верховья Сулы стерег город Ромны, известный с 1095 г.

Ниже Ромен над Сулой стоит город Глинск. Летописи начинают говорить о Глинске с 1320 г.

Выше Лубен справа в Сулу впадает река Удай.

В долине Удая расположено несколько древнерусских городов. Об одном из них — Пирятине — летописцы упоминают под 1155 г.

Выше Пирятин на Удае стоит город Прилуки. В 1092 г., согласно Ипатьевской летописи, "рать велика бяше от Половечь. отвьсюду. и взяша з города. Посечень. Прилукъ и многа села повоеваша" [там же, с. 206].

Река Трубуж. Переяславль [Русский]

В долине реки Супой, прорезающей с севера на юг водораздел между Сулой и Трубужем, в раннем средневековье господствовал город Песочен.

Столица княжества город Переяславль в X—XIII вв. занял излучину правого берега реки Трубуж, в нескольких километрах к северу от устья и брода через Днепр.

Вероятно, поляне возвели укрепления на месте Переяславля еще в VIII—IX вв., дабы охранять брод через Днепр с двух сторон — с севера от Трубежа и с юга от горы Заруб.

В конце X в. Переяславль превратился в могучую крепость Руси. Центром города стал детинец, служивший прибежищем князьям, боярам и христианскому духовенству.

На северо-западе в окольный город и на юго-востоке к Трубежу были обращены проездные башни детинца.

Окольный город Переяславля прильнул к детинцу с северо-запада широким полукругом неправильной формы. Кварталы окольного города были обведены линией надежных укреплений.

В XI в. в детинце Переяславля началось активное строительство каменных храмов. У каменного княжеского дворца в XI в. выросла махина кафедральной Михайловской церкви. Над юго-восточными епископскими воротами детинца в конце XI в. построили надвратную Федоровскую церковь.

Кроме того, в XI в. на территории детинца Переяславля, которую из края в край можно прошагать за пятьсот шагов, выстроили каменные церкви Андреевскую, Богородицкую и еще одну однефную церковь.

В окольном городе Переяславля в XI в. возвели два каменных храма.

В XII в. в детинце Переяславля, у северо-западных ворот, выстроили каменный храм.

К 1239 г. Переяславль представлял собой блистательный древнерусский город. Нашествие монголов затопило золотые купола Переяславля в море огня и крови. Некогда богатый, большой и красивый город на несколько столетий погрузился в небытие. Летописи о Переяславле перестали сообщать.

А 8 января 1654 г. древний Переяславль вновь перехватил славянскую славу. В городе казаки собрали раду и приняли решение об объединении Украины с Россией. В том же 1654 г. в Переяславль вступили русские войска.

Видно, недаром князья Северо-Восточной Руси в XII—XIII вв. уделяли огромное значение Переяславлю над Трубужем. Спустя четыре столетия историческая память Переяславля напомнила казакам поднепровья о былом величии Руси.

Глава 7. Рязанские и Муромские земли

7.1. Краткое географическое описание

В первой четверти XII в. от огромного Черниговского княжества отделилась историческая провинция, известная, как Рязанское и Муромское княжества.

Среднее течение Оки разрезает провинцию на две части. К северу от Оки на сотни километров простираются девственные леса Мещоры.

Весной реки Мещоры выходят из берегов и значительные пространства дубрав, березовых рощ, ольшаников охвачены половодьем. Паводки бывают столь сильны, что лисицам приходится искать убежища на стволах поваленных деревьев. В лесах Мещоры до сих пор обитают такие дикие звери, как пятнистый олень, рысь, волк, кабан, горноста́й, ласка, бобр, выхухоль. В старину в мещорских лесах водились медведи.

Мещора с ее многочисленными лесными озерами, болотами и речными поймами является птичьим раем. Черные и серые журавли, стерхи, выпи, пеганки, чирки и другие водоплавающие и болотные виды устраивают среди кустарников, зарослей рогоза и осоки гнезда, плавающие на поверхности воды. Черные и белые аисты вьют гнезда на вершинах деревьев.

По водной глади плавают утки, слышны крики удода, трещат сойки, раздается стук дятла. По ночам в гуще леса ухает филин.

К югу от средней Оки расстилаются лесостепи Среднерусской возвышенности. Это край ковыля, полевых цветов, дубрав, занимающих склоны балок и рек, неспешно вьющих причудливый узор по равнине, прорезая бескрайние дали глубокими долинами.

Юг Рязанского княжества захватывает верхнее течение Дона, легендарной русской реки, именуемой Дон-Батюшка.

Основу славянского населения Рязани и Мурома в VIII — XIII вв. составляли вятичи. Угро-финское население среднего поочья было поглощено и ассимилировано союзом вятичей в течение не более чем пяти столетий.

7.2. История Рязанских и Муромских земель раннего средневековья

В самостоятельное княжество Муромо-Рязанская земля выделилась в 1127 г. при князе Ярославе

Святославовиче Рязанском. Черниговская родня Ярослава в ту пору насмерть схватилась с сыновьями Мономаха, и было ей не до далеких городов на средней Оке.

После кончины Ярослава Святославовича (+ 1129 г.) на муромский стол сел сын князя Святослав Ярославович. Когда он умер, в Муром перешел Ростислав Ярославович. В Старой Рязани князь оставил княжить сына Глеба.

Одновременно к северу от Старой Рязани и Мурома за зеленой толщей Мещеры стремительно возвышалось Ростово-Суздальское княжество. Территориальный, а следовательно и экономический сырьевой и людской, потенциал Суздальского княжества был на порядок значительнее Рязанского. Кроме того, Залесские, Ростово-Суздальские земли были гораздо лучше защищены природой и расстояниями от тюркских хищников степи. И уже во второй половине XII в. рязанские и муромские князья поневоле стали склоняться перед князьями северными — суздальскими и владимирскими.

Рязанский князь Глеб Ростиславович всеми средствами боролся с северным соседом. Закончилось это тем, что в 1186 и 1208 гг. Всеволод III Большое Гнездо опустошил Рязанские земли, пленил местных князей, а по городам посадил наместников.

В 1217 г. произошло страшное злодеяние. Шестеро рязанских князей были зарезаны на снеме по воле Глеба Владимировича (+1219 г.)

В 1219 г. в Рязанских землях княжил Ингвар Игоревич. Наследовал этому князю брат — Юрий Игоревич. При нем Рязанское княжество подверглось страшному опустошению ордами Батыя.

7.3. Города, поселения, торговые пути, волоки

Средняя Ока.

Старая Рязань. Вышгород. Казарь. Ольгово.

Переяславль-Рязанский. Борисов-Глебов.

Перевецкий Торжок. Коломна

Впервые Старая Рязань упоминается летописцами под 1096 г., когда черниговский князь, уходя от гнева Святополка II Изяславовича и Владимира II Мономаха, от города Стародуба отступил к Смоленску и не прияша его Смоленяне. и иде и Рязаню.

7.3. Города, поселения, торговые пути, волоки

Старая Рязань по В. А. Городнову: А — Спасский собор XII в.; Б — Борисоглебский собор XII в.; B — Успенский собор XII в.

В эту пору главным городом края был Муром. В начале XI в. в Муроме княжил сын Владимира I Глеб. А Старая Рязань в X — XI вв. была лишь рядовым городом среднего поочья, в детинце которого сидели посадники, присланные Святославом Ярославовичем Черниговским.

Но родилась Старая Рязань не на пустом месте. В VIII — XI вв. вятичи, сидевшие по верхней и средней Оке, вели активную международную торговлю. Именно район Старой Рязани оказался крупнейшим центром средоточения восточного импорта на средней Оке и в первую очередь восточных монет.

На рубеже X — XI вв., в пору бурного строительства крепостей, на мысу правого высокого берега Оки при устье речки Серебрянки выросли укрепления Старой Рязани. Город занял площадь, не превышавшую 1,5 × 1 км. Но какой это был город!

Это была одна из многочисленных русских поэм, сложенных из дубовых бревен, тесовых кровель, каменных стен соборов и вознесшихся под высокие голубые небеса золотых куполов. С заборол Старой Рязани открывался чудный вид на широкие луга и далекий, теряющийся в мареве подвижного прозрачного воздуха лес Мещоры, живой стеной стоящий к северу от города. Внизу под срубами-городнями и крутыми склонами городища Старой Рязани в раннем средневековье белели паруса купеческих ладей и плескали воду Оки весла множества челнов. Тут шумел торг.

Возвышение Старой Рязани началось при родном брате Олега Святославовича — Ярославе Святославовиче, владевшем Муромом.

Ярослав Святославович превратил Старую Рязань в центр обширной волости и передал ее сыну Ростиславу.

Около середины XII в., по-видимому в правление Ростислава Ярославовича, в околном городе Старой Рязани вознеслась каменная громада Успенского собора.

В 1949 г. А. Л. Монгайт отыскал под слоем дерна и земли в южной части городища Старой Рязани основание Успенского собора.

Успенский собор Старой Рязани походил на Успенский храм Киево-Печерской лавры. Стены собора сложили из тонкой плинфы, уложенной на толстые слои светлого раствора.

Шесть высоких крестообразных в сечении столпов возносили одну гордую главу собора. На востоке здание завершали три полукруга апсид, прорезанных высокими узкими окнами.

В западной части Успенского собора располагался обширный нартекс. Это было характерное для ранних христианских храмов помещение для "оглашенных" — людей, готовившихся к принятию христианства.

Архитектурными чертами рязанское зодчество тяготело к черниговской и смоленской школам, но оно имело и собственное своеобразие.

Сын Ростислава Ярославовича Глеб продолжил каменное строительство в Рязанских землях. При Глебе в околном городе Рязани был выстроен каменный Борисоглебский собор.

Этот собор уступал размерами Успенскому храму, но также был шестистолпным и одноглавым. Нижняя часть стен собора была сложена из белого камня. С запада, юга и севера устремленная в небеса громада Борисоглебского собора была обстроена боковыми притворами.

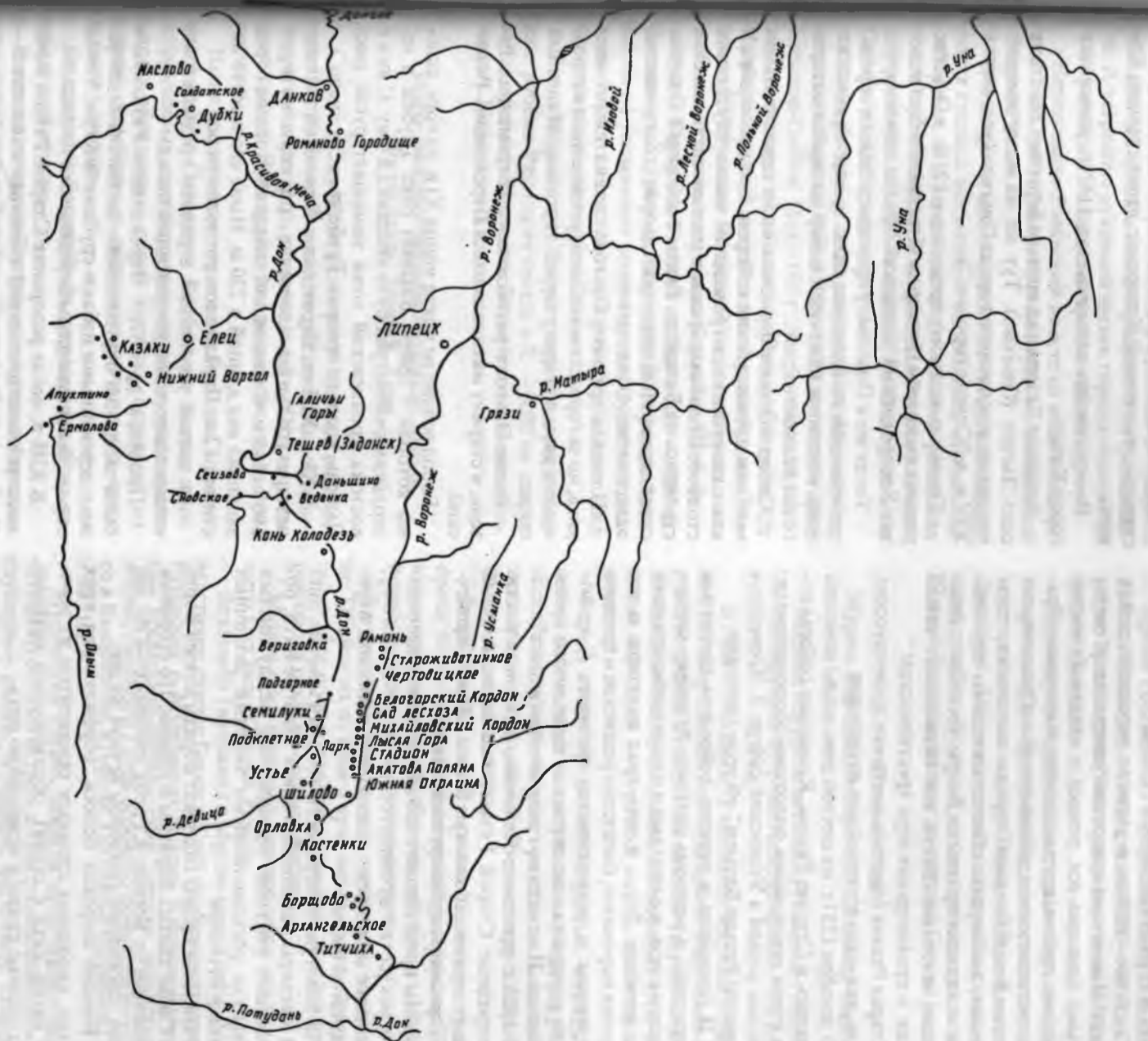
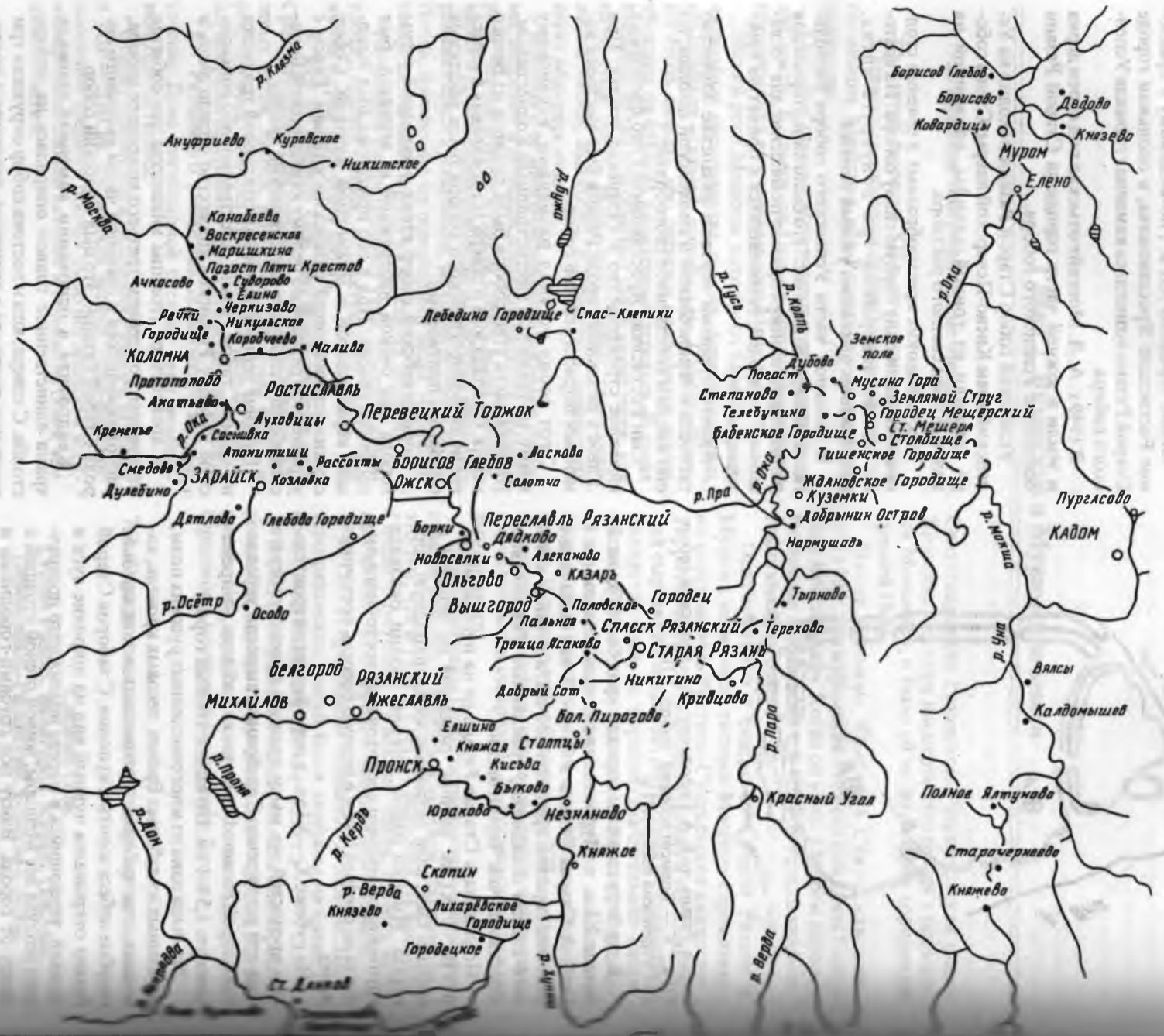
Борисоглебский собор стоял у западной стены города над окской набережной и, вероятно, был особенно красив. Пол в его притворах был вымощен керамической и мраморной плиткой. Собор служил усыпальницей рязанским князьям. Рядом с украшенной резьбой по белому камню стеной Борисоглебского собора стоял княжеский дворец.

Влияние черниговской архитектурной традиции на храмы Старой Рязани естественно, ибо епископскую кафедру Рязанское княжество обрело лишь в 1198 г.

В архитектуре столицы княжества это событие отразилось рождением третьего каменного собора, расположившегося в северной части околного города Старой Рязани. Это был Спасский собор.

Квадратная в основании каменная громада храма единственной главой опиралась на четыре столба. С севера, юга и востока собор окружали три каменных притвора с апсидами, являвшиеся пределами церкви. Три притвора Спасского собора словно на ладнях возносили главу здания, подчеркивая стройность силуэта.

Все три каменных собора Старой Рязани главными — западными — порталами были обращены на набережную Оки, служившую западным фасадом городу.

В предисловии “Повести о житии Александра Невского” в двух списках сохранилось начало созданного в 1237—1246 гг. произведения, именуемого “Слово о погибели Русской земли”. Трудно сказать о Руси лучше автора “Слова”:

“О светло светлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селы дивными, винограды обителными, домами церковными и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававерная вера христианская!”

Старая Рязань блистала в огранке древнерусских земель, как один из ярчайших изумрудов.

21 декабря 1237 г. на шестой день осады монголы ворвались в Старую Рязань. Каменные соборы города стали последними оплотами оборонявшихся. Монголы вошли в Успенский собор. В “Повести о разорении Рязани Батыем” об этом написано:

“И приидоша в церковь соборную пресвятыя Богородици, и великую княгиню Агрену мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша...” “... и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черьниговское поимаша А храмы Божиа разориша и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни един живых”.

В 1822 г. крестьяне Климовы, вспахивая землю на городище Старой Рязани, нашли знаменитый клад, содержащий золотые брамы XII в. — наплечные украшения древнерусских князей.

Брамы представляют собой сочетания высочайшего искусства древнерусских и, по-видимому, рязанских ювелиров, владеющих техникой перегородчатой эмали.

На золотую поверхность колтов (золотых дисков) ювелиры напаявали тонкие золотые нити, обрамлявшие рисунок, промежутки между нитями заполняли расплавленными эмалями различных цветов и оттенков.

Рязанские брамы содержат образы князей Бориса и Глеба, святых Варвары и Ирины. По сторонам от полуфигур Бориса и Глеба изображены по две лилии, служившие символом вечной жизни.

Внешне широкая полоса, обрамляющая края колтов, наполнена сложным орнаментом из золотой витой нити (скани), обрамляющей крупные драгоценные камни и жемчужную нить.

Старая Рязань XI—XIII вв. была крупнейшим торговым и ремесленным центром на средней Оке и стояла в одном ряду со столицами русских княжеств как равная среди равных. Выше Старой Рязани, над высоким правым берегом Оки, в раннем средневековье стояла череда древних сел — Троица-Ясаково, Половское, Пальное.

С юга, запада и севера подходы к Старой Рязани в X—XIII вв. стерегли городища в селах Никитино, Спасск-Рязанское, Городец.

На мысу, при устье реки Рака, высится городище раннего железного века, в Древней Руси названное Вышгород. Это была крепость, стоявшая по реке Оке выше столицы княжества Старой Рязани.

Против Вышгорода, за руслом Оки, над берегом старицы, именуемой Казарское, стоит городок Казарь.

Воскресенская летопись под 1147 г. упоминает город Казарь.

Западнее Казаря над правым берегом Оки стоит село Льгово (Ольгово). Тут же на мысу высится городище летописного города Ольгова (упомянут в XIV в. в “Списке городов”).

Согласно местному преданию в 1219 г. в Ольгове рязанским князем Ингваром Игоревичем был основан Богородицкий Успенский Ольгов монастырь.

Тогда же в Ольгове, у проездовой башни города, защищенной заходящими один за другой концами вала, воздвигли каменный собор, названия которого мы не знаем.

Собор в Ольгове не похож ни на один из известных нам древнерусских соборов. Его крестообразная однокупольная громада не имеет внутренних столбов. Подобные храмы в раннем средневековье строились на Балканах. Рядом с собором в Ольгове стоял деревянный княжеский дворец, содержащий одно каменное помещение.

Площадь древнего Ольгова сравнительно невелика, но за городскими валами, уставленными городнями и рвом в старину шумел торгово-ремесленный посад.

Выше Ольгова расположена современная Рязань, в старину именовавшаяся Переяславль-Рязанский.

Город возник не позже конца XI в. на горе, склоны которой с севера омывает река Трубез в нескольких километрах от ее впадения в Оку. С юга и востока кремлевский холм защищает русло реки Лыбедь, правого притока Трубежа.

В XI—XIII вв. Переяславль-Рязанский занимал четырехугольную площадку, размеры которой 690 × 540 м. С напольной западной стороны город защищал вал длиной в 220 м. Ныне его высота достигает 12 м. Перед валом расположен ров.

За линией укреплений в раннем средневековье находился торгово-ремесленный посад.

Площадь древнего Переяславля-Рязанского была застроена окруженными частоколами дворами с деревянными избами-срубами внутри. Улицы города были замощены деревянными настилами.

В XIII в. после разорения Старой Рязани началось возвышение новой столицы княжества — Переяславля Рязанского.

В деревянные церкви Переяславля-Рязанского отовсюду с истерзанной земли среднего поочья стали сносить уцелевшие христианские святыни. В городе появились иконы — Богоматерь Одигитрия, Богоматерь “Редединская”, Богоматерь Муромская.

Духовным центром Переяславля-Рязанского на рубеже XIII—XIV вв. являлась деревянная Борисоглебская церковь. Ныне на ее месте стоит каменная церковь Бориса и Глеба, выстроенная в XVII в.

В XIV в. в Переяславль-Рязанский из Старой Рязани была перенесена епископская кафедра. Указанное событие описано в “Сказании о переселении епископов в Переяславль-Рязанский”.

Основание Переяславля-Рязанского принято связывать с именем князя Ярослава Святославовича. А устройство духовной жизни города относят на счет рязанского епископа Арсения (1198 г.).

Переяславль-Рязанский вместе со всем княжеством был достойным преемником мужественной Старой Рязани.

Несмотря на многочисленные татарские набеги, новая столица постепенно застроилась каменными соборами, и в конечном итоге именно рязанская земля стала отправной точкой для России в ее продвижении на юг, Дон и восток, на Волгу, далее в Сибирь и в Центральную Азию.

К северо-западу от Переяславля-Рязанского над западным берегом Оки в XII—XIII вв. стоял город Борисов-Глебов. Под 1180 г. Лаврентьевская летопись повествует о событиях на Рязанской земле. От Коломны от устья реки Москвы Великий князь Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо двинулся вниз по Оке к “Резаню. взя городъ Борисовъ Глебовъ”.

Выше Борисова-Глебова на Оке в XII—XIV вв. выселились валы города Перевицкий Торжок. Летописцы не упоминают этого города. Судя по названию город славился торжком, стоявшим над берегом перевивающейся Оки.

Выше Перевицкого Торжка, при устье реки Москвы, рубежи Рязанских земель в X—XIII вв. стерег город-крепость Коломна. Летописи начинают упоминать Коломну в XII в.

Северо-западная окраина Рязанских земель.

Ростиславль. Зарайск. Тула

Справа в Оку выше устья реки Москвы впадает река Осетр. Центром волости, расположенной в низовьях реки Осетр, был основанный в XII в. князем Ростиславом Ярославовичем рязанским город Ростиславль.

Ныне на его месте стоит село Городня, именуемое в округе Погостом. Вообще на местах ныне заброшенных древнерусских городов чаще всего можно обнаружить седой Погост, состоящий из церкви, кладбища и, возможно, нескольких крестьянских дворов.

От древнего Ростиславля сохранились валы да небольшой курган.

Выше по течению Осетра, над правым берегом реки, стоит город Зарайск. Полагают, что он был основан в XIII в.

Согласно преданию рязанский князь Юрий Ингварович выстроил деревянную церковь над Осетром в том месте, где произошла встреча принесенной из Корсуни (Крым) чудотворной иконы. Вокруг церкви выросло село, названное Красным. В конце XIII в. селение превратилось в город Зарайск.

В 1531 г. на месте древней деревянной крепости Зарайска возвели каменные стены и башни.

В смуту начала XVII в. зарайский кремль оказался одной из немногих русских крепостей, не сдавшихся полякам и самозванцам. Воеводой Зарайска в ту пору был князь Пожарский.

Кроме Ростиславля и Зарайска северо-западные рубежи Рязанского княжества в XIII—XVI вв. стерегли Тула на реке Упа и упомянутая нами Хатунь на реке Лопасня.

К западу от Зарайска, над левым берегом правого притока Оки Большое Смедово, стоит деревня с хорошо нам знакомым по Западной Руси названием Дулебино. Широко разметала судьба славянский союз дулебов. Их села и целые волости пролегали от Южной Чехии на западе до средней Оки на востоке.

Нижняя Ока.

Муром. Городец Мещерский (Касимов). Кадом.

Впервые о Муроме летописец упоминает под 862 г. Но предыстория Муромы гораздо древнее. Ее корни уходят в VI—VIII вв.

В 1006 г. Владимир I заключил мирный и торговый договор с Волжской Булгарией, и значение Муромы возросло. Город стал важной твердыней Руси на нижней Оке, среди лесов, населенных угро-финскими народами — муромой, мерей, эрзей, весью и мордвой.

Город стоит среди необозримых муромских лесов, являющихся неисчерпаемым (при разумной эксплуатации) источником громадного многообразия сырья — от куных и бобровых шкур до строевого леса и еловой смолы.

Зверь, рыба, птица, древесина, ягоды, грибы, орехи, лесной мед и бесконечные пространства, полные жизненного многообразия, обступают Муром, подобно морю омываемому островам.

В муромских лесах можно затеряться, как в океане. Обойти их из края в край невозможно. Зеленый полог леса шумит, говоря с небесами, и тайна этого разговора открывается немногим.

Муром стал столицей лесного края, обступающего Оку ниже Старой Рязани.

Владимир I отправил в Муром сына Глеба. Впоследствии святые Борис и Глеб особо почитались в Рязанских и Муромских землях. Князьям-мученикам посвящали города, села, церкви, монастыри, иконы. (Бориса и Глеба особенно почитали не только в Вышгороде, в городе, где князья погребены, но и на Оке.)

Муромский кремль некогда представлял собой четырехугольный остров, с трех сторон обведенный глубокими рвами. С правой, восточной, стороны Муром защищало русло Оки, воды которой заполняли глубокие рвы. Стены и башни Муромы были сложены из дубовых бревен. В Муроме высилось несколько деревянных церквей. Площадь города была застроена рублеными избами. За стенами и рвами Муромы вдоль улиц расхилялись торговые и ремесленные посады, составляющие отдельные концы или слободы.

Под 1096 г. летопись упоминает Спасо-Преображенский Муромский подгородный монастырь.

Осажденный в Муроме черниговский князь Олег Святославович убил сына Владимира II Монаха Изяслава. Похоронили Изяслава Владимировича в Спасо-Преображенском монастыре.

Спасо-Преображенский монастырь в Муроме сохранился до наших дней, но древнейшая его постройка относится к XVI в.

В IX — XI вв. Муром активно участвовал в торговле со странами востока. На торгу Мурома постоянно присутствовали купцы из Булгара, Киева, Чернигова, Смоленска, Старой Рязани и других городов.

В 1088 г. и в 1189 г. Муром пережил нашествия волжских и камских булгар.

В 1237 — 1239 гг. Муром был практически разрушен монголами. Часть населения успела скрыться в лесах. Город надолго опустел, но впоследствии возродился.

В XII — XIV вв. в Муроме была собственная епископская кафедра. В начале XIV в. епископ Василий перенес епархию в Переяславль-Рязанский.

Начало самостоятельному Муромскому княжеству положил Ярослав Святославович. В 1130 — 1146 гг. в Муроме княжили сыновья Ярослава: Юрий, Святослав, Ростислав.

До 1175 г. в Муроме сидел правнук Ярослава Юрий Владимирович (сын Владимира Святославовича +1161 г.) В 1164 г. Юрий Владимирович муромский принял участие в походе на болгар, организованным Андреем Боголюбским.

Сыновья Юрия Владимировича Владимир (+1204 г.) и Давыд (1228 г.) выступали как союзники Всеволода III Большое Гнездо в его политике в отношении Старой Рязани и Булгара.

Образ Давыда Юрьевича связывают со святым князем Петром, муромским чудотворцем. Давыду наследовали сын Юрий и внук Ярослав, в последний раз упомянутый под 1248 г.

Выше Мурома над левым берегом Оки стоит город Касимов. В древности он именовался Городец Мещерский.

Город был основан в 1152 г. Юрием Долгоруким. Князь расположил Городец в удачном месте. Лес здесь вокруг Оки расступается, а небольшое плодородное ополье издревле густо застроено селами и городищами, их охранявшими. Городец Мещерский стал во главе небольшой волости и благодаря Оке и ведшейся на ней торговле вскоре начал процветать.

Согласно местному преданию в Городце Мещерском скончался Александр Невский. Возвращаясь из орды, в Городце князь почувствовал приближение смерти и принял схиму в Богоявленском монастыре (в начале XX в. монастырь еще существовал).

Ниже Городца Мещерского (Касимова) справа в Оку впадает река Мокша. На Мокше среди ополья стоит город Кадом. В раннем средневековье Кадом был центром волости Рязанско-Муромского княжества, окруженной лесами Мещеры, и правобережья Оки.

Бассейн реки Проня.

Пронск. Ижеславль.

Белгород-Рязанский. Михайлов

Выше Старой Рязани справа в Оку впадает река Проня. В раннем средневековье на берегах Прони стояло несколько городов, объединенных в единый удел с центром в городе Пронске.

Впервые летопись упоминает Пронск под 1131 г. (Никоновская летопись).

Во второй половине XII в. Пронск с окрестной волостью выделился в самостоятельное удельное княжество Рязанской земли.

Древний Пронск занимал узкий мыс левого берега реки Прони, именуемый Покровская гора. Городище состоит из двух площадок: 300 × (150 — 60) м и 300 × 200 м.

С запада Пронск защищало русло реки Прони. По остальным сторонам городище Пронска окружено оврагами, по дну которых бегут ручьи.

Пронск XII — XIII вв. был окружен обширными посадами. Город вел широкую торговлю с востоком, Булгаром.

В Пронске развивались металлургические и кузнечные производства. Над тесовыми крышами и зубчатыми линиями частоколов Пронска дымили трубы горнов и печей гончаров.

Бурные события Пронск пережил в 1186 г. Среди рязанских князей, сыновей Глеба Ростиславовича, разгорелась борьба за власть и волости. В Пронске укрепились младшие братья Святослав и Всеволод, сидевшие в Старой Рязани старшие братья Роман, Игорь, Владимир приняли разорять Пронскую волость. Пронск был взят в осаду. В спор рязанских князей вмешался Всеволод III Большое Гнездо. Всеволод Глебович из Пронска уехал к Коломне на встречу помощи, выступившей из Владимира на Клязьме. Но осада Пронска продолжилась. «И переяша воду оу них», Святослав Глебович отворил ворота Пронска и сдался на милость старшей братии.

Вторую осаду Пронск пережил в 1207 г. В тот год умер пронский князь Всеволод Глебович, и рязанская родня вновь покусилась на Пронск. И снова вмешался Всеволод III Большое Гнездо.

В 1237 г. Пронск был разорен ордами Батыя, но город не погиб и вскоре возродился.

Всеволод Глебович стал основоположником династии пронских князей. Ему наследовал Кир-Михаил (+1218 г.)

Выше Пронска на правом берегу Прони в раннем средневековье высились городни летописного Ижеславля (село Ижеславль). Среди рязанских и муромских князей имя Изяслав не встречается. И невольно вспоминаешь черниговского князя XII в. Изяслава Давыдовича, одно время занимавшего киевский великокняжеский стол. Быть может, он в середине XII в. заложил над рекой Проней город своего имени. Это вполне вероятно, так как Изяславль стоит среди земель вятичей на достаточно нечетком рубеже, разделявшем владения Чернигова и Старой Рязани.

Городище Изяславля имеет размеры 280 × 200 м. Его четырехугольный контур обведен тремя линиями

ми валов и рвов. В северо-западной части городища валом и рвом выделен небольшой по площади детинец — 30 × 20 м.

В Изяславль, как и в Пронск, можно было попасть через проездные ворота, отмеченные в обоих городах тремя разрывами линий валов.

В Изяславле в XII — XIII вв. сидели посадники пронских или рязанских князей.

Впервые Изяславль упомянут под 1237 г., когда город подвергся разорению монголами.

Выше Изяславля, на правобережье Прони, стоят два древнерусских города — Белгород Рязанский и Михайлов.

О Белгороде-Рязанском летописцы упоминают под 1155 г. А в 1208 г. Всеволод III Большое Гнездо, после того как сжег Старую Рязань, за нором горожан и нежелание принять на княжение его сына Ярослава Всеволодовича подошел к «Белгороду и повеле и ть зажещи. и възвратися в Володимерь великий князь Всеволодъ со всеми своими полкы. и с сномъ своимъ Ярославом. поимъ по собе все Рязанци и еспа ихъ Арсенья.»

После нашествия монголов 1237 — 1239 гг. Белгород-Рязанский не возродился. А соседний город Михайлов возвысился и впоследствии стал пограничной крепостью на южных рубежах Московского государства.

До 1237 г. над рекой Проней, в окрестностях Михайлова, стоял Богословский Рязанский монастырь. После нашествия Батыя обитель надолго опустела и только в 1553 г. была возобновлена уже на правом берегу Оки, в 25 км от Переяславля-Рязанского.

Верхний Дон. Река Хопер.

Старый Данков (Стрешневское городище). Елец.

Галичьи горы. Тешев (Задонск). Липецк.

Городища и села вятичей при устье реки Воронеж

Сюга к землям Рязанского княжества примыкает обширная лесостепная область, центром которой является русло верхнего Дона.

Несмотря на то, что на рубеже X — XI вв. вятичи были вытеснены тюркскими кочевниками из района устья реки Воронеж, славянское население на верхнем Дону в раннем средневековье всегда было достаточно многочисленно. На Дону издревле ковалась особая порода людей. Русские летописи, рассказывая о событиях XII в., неоднократно упоминают бродников, выступавших союзниками ростово-суздальских князей. Это были воины-профессионалы, жизнь которых проходила в беспрепятственных скитаниях по лесостепям Русской равнины. На верхнем Дону всегда существовало несколько городищ, в которых можно было не только перевести дух и обогреться, пополнив запасы провизии и вооружения, но и провести зиму, залечить раны и набраться сил для новых походов по бескрайним степным просторам.

В верховьях Дона подобным убежищем в раннем средневековье служил Старый Данков. На месте городка в современном селе Стрешневе сохранились земляные укрепления. Земля на городище

скрывает множество оружия, монет, иконок-кладней, россыпи кирпича, оставленные весьма древними эпохами.

Ниже Стрешневского городища справа в Дон впадает река Красивая Меча. На ее берегах в раннем средневековье существовала небольшая славянская волость, защищавшаяся двумя городищами в селах Маслово и Солдатское.

Ниже устья Красивой Мечи справа в Дон впадает река Сосна. В XII — XIII вв. в долине Сосны господствовал город Елец. Летописцы впервые упоминают город под 1146 г. В ту пору Елец принадлежал рязанским князьям и, видимо, управлялся присланными из Старой Рязани посадниками.

Елец, стоящий над высоким левым берегом Сосны, на протяжении всей своей истории был городом-крепостью. Половцы, а позже монголы многократно покушались на город.

В 1237 — 1239 гг. Елец был разрушен Батыем. Но вскоре город отстроился, и в 1395 г. Тамерлан «прииде близъ пределъ Рязанския земли и взя градъ Елец и князя елецкого изнима и многы люди помучи».

Выше Ельца, над левым берегом Сосны, в X — XIII вв. стояла череда вятичских сел.

Ниже устья Сосны покой долины Дона неусыпно стерегли рязанские сторожи, занимавшие Галичьи горы. Эти горы представляют собой ряд холмов, высящихся над левым берегом Дона, севернее современного города Задонска.

На месте Задонска в древности была расположена небольшая крепость, стерегшая рязанскую окраину и именуемая Тешев. В XIV в. Тешев принадлежал московским князьям. В Задонск Тешев переименован в 1779 г.

Ниже Задонска слева в Дон впадает река Воронеж. В ее среднем течении стоит город Липецк. В домонгольской Руси Липецк был значительным городом и поначалу входил в состав Курского княжества. Летописи начинают говорить о Липецке в XIII в. Перед нашествием Батыя Липецк был столицей собственного княжества, располагавшегося по берегам реки Воронеж. В 1284 г. Липецк был разорен татаро-монголами за непослушание баскаку Ахмету.

Правый высокий берег нижнего течения реки Воронеж в районе современного города Воронеж подобно нити ожерелья унизан городищами, в IX — X вв. служившими убежищами вятичам. Не меньше вятичских городищ IX — X вв. стоит над высоким правым берегом Дона, выше и ниже устья реки Воронеж. В XI в. тюркские кочевники разорили села и городища вятичей при устье Воронежа. Но Рязанское княжество в XI — XIII вв. сохранило за собою этот район как крайний на юге пост противостояния степи. И именно в низовьях реки Воронеж произошла встреча рязанских князей с монголами в 1237 г.

В XIV в. в верховьях Дона произошел великий перелом в евразийской истории. Одолев несметные орды Мамай, в 1380 г. Дмитрий Донской положил начало переходу славянского мира Восточной Европы от глубокой обороны к широкому наступлению, и первый рубеж этого эпического движения пролегал по долине Дона и его левому притоку — реки Хопер.

Но это более поздняя история, и рассказ о ней впереди.

Глава 8. Полоцкое княжество

8.1. Краткое географическое описание

Центром исторической провинции, именуемой Полоцкая земля, стали среднее течение западной Двины и города и села, выросшие на ее берегах в VIII — XI вв.

Основу населения Полоцких земель помимо балтов, оттесненных к западу либо ассимилированных, в раннем средневековье составили представители двух славянских союзов — кривичей на севере и дреговичей на юге.

Волоки, соединявшие Днепр с Западной Двиной, Ловатью и Неманом, в VIII — X вв. оживили торговлю и экономику края лесов, рек, озер и болот. Кривичи и дреговичи устилали волоки бревенчатыми настилами. Над приносившими доходы волоками и торжками местная знать принялась рубить стены городов. Вокруг детинцев во дворах посадов задымили трубы металлургических горнов, кузниц, печей гончаров, заработали ножи скорняков, топоры плотников и бондарей. Вокруг городов завертелась жизнь подобно лопалям водяной мельницы, только вращала колеса жизни не вода, а время, текущее, как нам кажется, в одном направлении.

Полоцкая земля предвещает Русь со стороны Прибалтики. Западная Двина и Неман — это две голубые дороги, ведущие к Балтике. Днепр касается Полоцкой земли на востоке, вовлекая кривичей и дреговичей в водоворот русской стихии. Реки Ловать и Великая с севера закидывают свои верховья на рубежи Полоцкой земли, приглашая в необозримые просторы русского севера.

Полоцкая земля буквально изобилует волоками. Прелесть исторической провинции придают леса, озера, реки и холмы. Их поэзия неповторима, а сочетание опяняет неестественно чистой красотой. К северо-западу от Минска простерся край холмов. Панорамы, открывающиеся взору в этих местах, кажутся неземными из-за необыкновенного покоя и живописности пейзажа.

8.2. История Полоцкого княжества раннего средневековья

История Полоцкой земли сравнительно скудно освещена киевскими, новгородскими, волынскими и иными летописцами. Полоцкий летописный свод

оказался утрачен, и мы уделим большее внимание раннесредневековой истории Полоцкой земли, нежели обычно, предваряя описание того или иного княжения.

В IX — X вв. Старый Полоцк стоял над правым берегом реки Полоты выше ее впадения в Западную Двину. В данную эпоху в долине Полоты жили славяне-полочане.

Старый Полоцк в IX в. был включен в континентальную торговлю. На торгу города звенела восточная монета [в городе найдены четыре клада восточных монет середины IX в.]. Волоки, соединявшие Западную Двину с Днестром и Ловатью, работали с полной загрузкой. Средоточие административной власти, развитие ремесел и торговля в IX в. подняли Старый Полоцк на один уровень с древнейшими и крупнейшими городскими центрами Руси.

С середины IX в. за Старый Полоцк развернулась эпическая борьба, занявшая полтора столетия. Ценой был не столько Старый Полоцк, в конечном итоге сожженный, сколько путь по Западной Двине, ведущий из сердца Восточной Европы на Балтику.

На Старый Полоцк претендовали две силы. Одна была представлена славянами и их центром в лице князей Киева. Второй силой выступили дружины варягов, приплывавшие в ладьях из Швеции, Готланда, из Дании и Норвегии.

В IX в. варяги сумели укрепиться на волоке в Гнездове [район города Смоленска] и на верхней Волге в Тимереве. Но варягам было необходимо контролировать речные пути, ведущие на Балтику, иначе они могли быть отсечены от скандинавских митрополий. И Рюрик с дружиной предпринял героические усилия по овладению речной дорогой по Волхову.

Под 859 г. “Повесть временных лет” сообщает: “Имали дань варяги”. Это означает, что варяжские дружины сумели укрепиться в Старой Ладоге и на Рюриковом городище под Новгородом. Торговля с востоком приносила немалые доходы, и скандинавы шли на жертвы и лишения, дабы запить на реках Восточной Европы.

В 862 г. словене новгородские изгнали варягов с севера Русской равнины.

Скандинавы мобилизовали ресурсы и вновь появились на Волхов в том же 862 г. Потеря волховского речного пути означала для скандинавов крах их внешнеэкономической деятельности на востоке, и за средствами никто не стоял.

В Старой Ладоге укрепился Рюрик. Далее варяги из устья Волхова продвинулись к озеру Ильмень ниже к волокам, ведшим в Днепр и Волгу. На Рюриковом городище варяги укрепились и с него разослали дружины на запад в Изборск, на восток на Белоозеро и на юг в Старый Полоцк. Это был город-ключ всей западнодвинской речной дороги. О борьбе за экономические интересы “Повесть” говорит: “И раздал мужам своим волости. овому Польшескъ. овому Ростовъ. другому Белоозеро” [роздал Рюрик].

На действия скандинавов отреагировал Киев.

Под 865 г. Никоновская летопись сообщает о том, что киевские князья Аскольд и Дир “воеваша полочанъ и много зла сътвориша”.

Новый натиск варягов последовал в 882 г. Олег дружиной выступил с севера Русской равнины к Гнездову, переволок ладьи в Днепр, спустился к Любечу и овладел городом. Далее Олег подошел к Киеву и убил Аскольда и Диру. И тут Старый Полоцк мог вновь попасть под влияние скандинавов. В IX в. через Волхов и Западную Двину в Швецию, Данию, на Готланд шли в буквальном смысле реки восточного монетного серебра. Столь удачная торговля требовала охраны хотя бы ключевых пунктов на речных путях — волоков и ряда важнейших крепостей.

Славяне варягам открыто противодействовали редко. Это не в славянском характере. Они растворялись варягов в своей среде. Скандинавы принимали русский язык, женились на славянских женщинах, и их внуки не всегда догадывались о своем северогерманском происхождении. Киевская Русь выступала своего рода громадным горном, переплавлявшим различные этнические элементы, начиная с северных германцев и кончая угро-финнами, тюрками и греками, в единый народ, впоследствии именованный русью. При этом славянское начало господствовало безраздельно и даже не выказывало тревоги по поводу какого бы ни было инородного засилья. Славянам никогда и в голову не приходило, что им могут навязать не славянский язык, обычаи и сам образ народа со всеми его внешними проявлениями и внутренним строем души. Даже христианство, привнесенное из Греции, славяне восприняли как нечто совершенно естественное и на основе христианского учения и мировоззрения возвели здание русского православия, полного яркого своеобразия.

В X в. Старый Полоцк и окружающие его земли кривичей вошли в орбиту Киевского государства как одна из провинций. В 907 г. полоцкие ладьи приняли участие в походе Олега на Византию. Реки дали дань помимо прочих русских городов и “Полтескъ”.

В 912 г. Олег сошел со сцены русской истории. Во главе Киевской Руси стал Игорь. И русские летописцы умалкают о Полоцке до 980 г.

В X в. Киевской Руси пришлось бороться с Хазарским каганатом. Киевские князья прикладывали титанические усилия по объединению отдельных славянских союзов в единое государство. Но дошли ли руки до полочан, сказать трудно. Великого князя Святослава Игоревича манили города нижне-

го Дуная куда больше, нежели затерявшийся среди лесов и озер Старый Полоцк.

Можно допустить, что в X в. Старый Полоцк попал под влияние варягов, хотя их присутствие, если оно вообще было, ограничивалось площадью детинца на горе, занятой Старым Полоцком.

В 980 г. в Старом Полоцке разыгралась трагедия, достойная пера Шекспира. Молодой и честолюбивый князь Владимир I Святославович приплыл в ладьях с отрядом варягов к Новгороду и велел сидевшему в городе посаднику идти в Киев к брату Ярополку с объявлением войны.

От Новгорода Владимир I подошел к Старому Полоцку. В городе сидел Рогволод, имевший двух сыновей и дочь красавицу Рогнеду. Владимир I попросил у Рогволода руки дочери. Отец обратился к Рогнеде с вопросом. Ответ ее был категоричен: “Не хочу розути робичича ... Ярополка хочу”. Это был намек на темное происхождение Владимира I по матери — ключнице Святослава.

Владимир I овладел Старым Полоцком, убил Рогволода и двух его сыновей, а Рогнеду взял в жены.

Старый Полоцк сгорел, и его городище было заброшено людьми. Новый Полоцк срубили при впадении реки Полоты в Западную Двину, недалеко от старого города.

“Повесть временных лет” говорит, что Рогволод пришел из-за моря и имел волость с центром в Старом Полоцке. И тут же добавляется: “А Тур имел Туров” [Рог-Волод — владел рогами].

Во всяком случае после 980 г. варяжских конунгов в Полоцке не было.

Рогнеда родила Владимиру I сына Изяслава. Этот князь стал основоположником династии полоцких князей.

Изяслав Владимирович всего на один год пережил мать и скончался молодым в 1001 г. В 1003 г. умер внук Рогнеды Всеслав. А вот Брячиславу Изяславовичу предстояло прожить долгую и богатую событиями жизнь.

Полоцк отстроили при Изяславе. И снова по Западной Двине прошла торговля, и контроль за ней осуществлялся не из Скандинавии, а из Киева.

Важнейшим торговым партнером, а во многом и конкурентом Полоцка был стремительно возвышавшийся Новгород. В Новгороде найдена печать Изяслава Владимировича.

Волхов и Западная Двина представляли собой два пути, ведущие на Балтику. И чем более бурная экономическая жизнь возникала в Новгороде, тем большую ревность это вызывало в Полоцке.

Брячислав Изяславович решил по-своему рассудить экономическое соперничество. В 1021 г. полоцкий князь занял Новгород, пленил горожан, завладел их именем и стал отступать к “Судмири реце”. Ярослав Мудрый мгновенным походом, выступив из Киева, настиг Брячислава. Новгородцы вернулись в свои дома, а Брячислав после короткого сражения бежал в Полоцк.

Ярослава недаром называли Мудрым. Великий киевский князь призвал Брячислава и объявил о том, что дает Полоцкому княжеству города Усвят и

Витебск. Усвят стерег волок, ведший из Западной Двины в верховье Ловати. А Витебск отворял путь из Западной Двины и к Усвяту (к Ловати), и к Днепру в районе города Орши. Это была большая экономическая уступка Киеву Полоцку. Платой был союз, обещанный Брючиславом Ярославу.

Рассказ о событиях 1021 г. не был бы полным, если бы мы не обратились к скандинавским сагам. В “Пряди об Эймунде” или “Саге об Эймунде”, вошедшей в повествование “Саги об Олаве Святом” по “Книге с Плоского острова”, ведется повествование о варягах, принявших участие в событиях русской истории 1015 — 1021 гг..

“Книга с Плоского острова” (Flateyjarbok) — это самая большая по объему древнеисландская рукопись [225 листов], написанная в 1387 — 1394 гг. священниками Ионом Тордарсоном и Магнусом Торхальссоном для знатного исландца Йона Хаконарсона. (Выдержки из текста “Пряди об Эймунде” даны в переводе Т.Н. Джаксон по изданию “Исландские королевские саги о Восточной Европе”. — М., 1994).

Северогерманская сага нас вновь, в который уже раз, возвращает к событиям 1015 г. Олав Святой, придя к власти в Норвегии, “в одно утро отнял власть у пяти конунгов, а всего — у девяти внутри страны”. Праправнук Харальда Прекрасноволосого Эймунд был вынужден покинуть Норвегию. Но принимая это решение, Эймунд обратился к своим людям с такой речью: “Я слышал о смерти Вальдмара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его, славнейшие мужи. Он наделил их не совсем поровну — одному теперь досталось больше, чем тем двум. И зовется Бурислав тот, который получил большую долю отцовского наследия и он старший из них. Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилава. Бурицлав держит Кэнугард (Киев), а это лучшее княжество во всем Гардарике. Ярицлейв держит Хольмгард (Новгород), а третий — Полтескью и всю область, что сюда принадлежит. Теперь у них разлад из-за владений...”

Было принято решение “держат путь в Аустрвег”. С конунгом Эймундом в поход выступил один их гонимых норвежских ярлов Рагнар.

Лады норвежцев приплыли в Новгород. Ярл Рагнар обратился к Ярославу с просьбой о встрече и получил разрешение. “Ярицлейв конунг был в свойстве с Олавом, конунгом свеев. Он был женат на дочери его Ингигерд”.

Скоро норвежцы сидели на пиру у Ярослава и отвечали на вопросы князя о событиях, происходивших в Скандинавии.

Встреча Ярослава с норвежцами закончилась договором. В ответ на предложение новежцев “стать защитниками ... и получать от вас золото и серебро и хорошую одежду” Ярослав ответил: “Нам очень нужна от вас помощь и совет, потому что вы, норманы — мудрые мужи и храбрые. Но я не знаю, сколько вы просите наших денег за вашу службу”. Эймунд сказал: “Прежде всего ты должен дать нам дом и всей нашей дружине и сделать так, чтобы у нас не было недостатка ни в каких ваших лучших припасах, какие нам нужны”. Против этого Ярослав не

возражал. Эймунд продолжил: “Тогда ты будешь иметь право на эту дружину, чтобы быть вождем ее и чтобы она была впереди в твоём войске и княжестве. С этим ты должен платить каждому нашему воину эйрир серебра, а каждому рулевому на корабле — еще, кроме того, половину эйрира”.

На возражение Ярослава: “Этого мы не можем” — Эймунд ответил: “Можете, господин, потому что мы будем брать это бобрами и соболями и другими вещами, которые легко добыть в вашей стране, будем мерить это мы, а не наши воины. И если будет какая-нибудь военная добыча, вы нам выплатите эти деньги, а если мы будем сидеть спокойно, то наша доля будет меньше”. Ярослав дал добро, и договор с норвежцами был заключен на двенадцать месяцев.

Согласно Ипатьевской летописи варяги пришли в Новгород к Ярославу в начале 1015 г., когда Владимир I был еще жив и держал у себя в Киеве любимого сына Бориса [Бурицлава].

5 июня 1015 г. Владимира I скончался. Скоро Святополк, сидевший под зорким оком отца в Вышгороде, отдал приказы об убийстве братьев Бориса и Глеба.

Тем временем в Новгороде норвежцы творили насилие, и кончилось это тем, что новгородцы избili часть из шести сотен наемников во дворе “Поии” (Паромона).

Ярослав пригласил на свой двор новгородцев, и варяги посекали тысячу горожан.

Ночью Ярослав получил известие от сестры Преславы о гибели братьев и замыслах Святополка.

Ярослав привел под стены Любеча тысячу варягов и четыре тысячи новгородцев. Святополк стоял на правом берегу Днепра с большим войском, составленным из руси и печенегов.

Пришел март, а с ним и новый 1016 год. После трех месяцев ожидания Эймунд обратился к Ярославу с речью: “... мы отвели вверх по реке все наши корабли с боевым снаряжением. Мы пойдем отсюда с нашей дружиной и зайдем им в тыл, а шатры пусть стоят пустыми, вы же с вашей дружиной как можно скорее готовьтесь к бою”.

Ипатьевская летопись повествует: “Ярослав исполнился, перевезся до рассвета на другую сторону и отринул лады от берега”. Святополк Владимирович сражение проиграл и бежал в Польшу.

В 1018 г. Святополк вместе с Болеславом I Храбрым выиграл сражение у Ярослава на берегах Западного Буга у древнего “Велиню” [Воляня].

В 1019 г. произошло новое кровопролитное сражение на реке Альт. Святополк бежал и без следа исчез в Центральной Европе.

Ярослав воссел на киевском столе. Князь платил жалование варягам, и однажды утром Эймунд заявил Ярославу: “... менеџ всего тебе хочется, чтобы мы ушли к Вортилаву конунгу, брату твоему, но мы все же поедим туда и сделаем для него все, что можем, а теперь будь здоров, господин”.

Конунг Вортилав — это никто иной, как польский князь Брючислав Изяславович. Эймунд с дружиной в Полоцке был принят. Согласно саге Брючислав при встрече с норманнами так объяснил

свое решение: “... потому что я не так находчив, как Ярицлейв конунг, брат мой, и все-таки между нами понадобилось посредничество. Мы будем часто беседовать с вами и платить вам все по условию”.

Поход на Новгород, состоявшийся в 1021 г., и последовавшее за ним любовное соглашение Брючислава с Ярославом едва ли обошлись без участия норманнов.

Брючиславу Изяславовичу Полоцкое княжество наследовал сын Всеслав (1044 — 1101 гг.). Летописец говорит, что Всеслава “роди мати от волхованья”. Ребенок родился с метиной на голове, и волхвы сказали, что носить он ее будет всю жизнь.

В 1060 г. Всеслав Брючиславович принял участие в общерусском походе на торков, которые были разгромлены и бежали, но в следующем 1061 г. их место заняли половцы.

В 1067 г. Всеслав Брючиславович последовал примеру отца и занял Новгород. Ранее, в 1065 г., полочане нападали на Псков, а в 1066 г. разоряли Новгород. Реакция, как и в первый раз, последовала незамедлительно.

Три сына Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод — совместно выступили в зимний поход на Полоцкое княжество.

Князья подошли к старому “Меньску”. Ныне его городище высится над верхним течением реки Птич, к юго-западу от современного Минска.

Старый Минск затворил ворота, но был взят приступом. “Мужей посекали, а жен и детей полонили”.

3 марта 1067 г. полки Ярославовичей подошли к берегу реки Немиги. Тут их ждали воины Всеволода Брючиславовича. Снег лежал глубокий, бежать никто по нему и не пытался, и начавшаяся битва была страшна своей жестокостью.

Автор “Слова о полку Игореве” о сражении сказал: “На Немизе снопы стелють головами, молотят чепи харалужными, на тоце животь кладуть, веють душу оть тела. Немизе кровави брезе не бологомъ бяхуть посеяни: посеяни костью рускихъ сыновъ”.

Всеслав из кровавого кошмара бежал.

В июне 1067 г. Всеслав стоял на правом берегу Днепра, у города Орши. За рекой был раскинут шатер Великого князя Изяслава I Ярославовича. Всеслав поверил крестному целованию, переплыл Днепр в ладье, вошел в шетер и ... оказался в Киеве, в порубе. С Всеславом в поруб были посажены два его сына.

Но уже 15 сентября 1068 г. киевляне, находившиеся под сильным впечатлением от грандиозного поражения Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославовичей от половцев на реке Лыто, высадили Всеслава из поруба и повели на великое княжение во дворец, стоящий у Десятинной церкви.

В 1069 г. Изяслав I Ярославович с полками Болеслава I Польского подступил к Белгороду. В наступившей ночи Всеслав тайком бежал от Белгорода в Полоцк, бросив поддерживающих его киевлян на милость Изяслава.

2 мая 1069 г. Изяслав I сел на киевский стол.

О победе Всеслава от Белгорода в “Слове” сказано: “Скочи оть нихъ лютымъ зверемъ въ пльночи изь Бела-Града, обесися сине мьгле, утръже вазни с три кусы: отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ от Немиги съ Дудутокъ”.

Но не пришлось Всеславу мирно княжить в Полоцке. Сын Изяслава I Мстислав овладел городом. Но в русских городах не любили чужих князей и помимо военных применяли в их отношении иные меры. Мстислав Изяславович в 1069 г. умер в Полоцке, и на его место Изяслав I посадил другого сына — Святополка II.

Тем временем Всеслав Брючиславович приехал в землю води, собрал там желавших поискать добычи и 23 октября 1069 г. выступил в пригород Новгорода. Северную столицу Руси охранял Глеб Святославович, сын черниговского князя. Всеслав был разбит и снова бежал.

В 1071 г. Всеслав Брючиславович изгнал из Полоцка Святополка II Изяславовича. И в том же 1071 г. в сражении у “Голотичьска” Всеслав потерпел поражение от войск Ярополка Изяславовича.

В 1071 г. северные провинции Киевской Руси охватило грандиозное народное восстание, во главе которого встали волхвы. Глеб Святославович и черниговский тиун Ян Вышатич едва погасили пламя выступления.

И невольно приходят на память строки “Слова” о полоцком князе-волхве: “Всеславъ-князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изь Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотске позвониша заутреннюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Києве звонъ слыша”.

В начале 1073 г. Всеслав Брючиславович решил, что мир с Киевом предпочтительнее войны и посватал своего сына Глеба (впоследствии князь Минска) за внучку Изяслава I, дочь Ярополка Изяславовича, при ее рождении. Вдова Глеба Всеславовича скончалась в 1158 г.

Всеслав сватовством добился мира с Киевом, но лишь до 1113 г., до дня смерти сына Изяслава I Великого князя Святополка II. С домом Мономаха у полоцких князей отношения были никуда не годными.

Впрочем, уже в 1073 г. Изяславу I пришлось бежать из Киева в Польшу, уступив столицу братьям Святославу и Всеволоду.

27 декабря 1076 г. Святослав Ярославович скончался. В Киеве сел Всеволод.

А в 1077 г. Изяслав I Ярославович с польской помощью вернул себе Киев.

Все эти события отвлекли Ярославовичей от Полоцка, и Всеслав Брючиславович дал волю своим желаниям. На этот раз театр военных действий захватил не только Новгородские, но и Смоленские земли.

Владимир II Всеволодович в “Рассказе Мономаха о своей жизни” о событиях 1076 — 1078 гг. повествует: “И Святослав умре [27 декабря 1076 г.] и яз паки Смолинську, а и Смолинська той же зиме та к Новугороду; на весну Глебови в помощь. А на лето [1077] со отцемъ [Всеволодом Ярославичем] под

Полтеск, а на другую зиму [1077 — 1078 гг.] с Святополком под Полтеск — ожыгше Полтеск; он [Святополк II] иде Новугороду, а я с половци на Одрьск, воюя, та Чернигову”.

Видимо, уже зимой 1078 г. “... и Всеслав Смоленск ожже, и азъ всед с черниговци о двою коню, и не застахом ... въ Смолинське. Тем же путем по Всеславе пожег землю и повоевав до Лукамля и до Логожьска, та на Дрюютьск воюя, та Чернигову”.

Под 1084 г. Мономах повествует о новом походе в Полоцкие земли: “И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читеевичи, к Меньску: изъехахом город, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины”.

В Киеве в 1078 — 1093 гг. сидел отец Мономаха Всеволод Ярославович, и союза с этим князем Всеслав Брючиславович не имел, а может, и не хотел иметь.

Под 1092 г. Ипатьевская летопись сообщает: “Се же знаменье поча быти от Дрюютьска. в си же времена быс знаменье оу небесе. яко кругъ быс посреде неба привеликъ ... и мнози борове изгоряху саме и болота”. Полоцкую землю наводнили нави — привидения, и жители спасались от них по теремам и хоромам.

Независимость Полоцка во второй половине XI в. зиждилась на том, что южнорусские Ярославовичи были постоянно заняты обороной земель от половцев.

14 апреля 1101 г. Всеслав Брючиславович скончался. Автор “Слова” утверждает, что вещий Баян говорил Всеславу: “Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути!”.

И вместе с тем единое в XI в. Полоцкое княжество разделилось на уделы, отошедшие многочисленным сыновьям Всеслава. Началась новая эпоха в истории Полоцкой земли. Кратко ее можно охарактеризовать как удельную.

Минск достался Глебу Всеславовичу. Друцк отошел Борису Всеславовичу. В Полоцк сел Давыд Всеславович, он, видимо, был старшим сыном. Известны имена младших сыновей Всеслава — Роман, Святослав, Ростислав, Рогволод [в крещении Борис].

Пока в Киеве княжил Святополк II Изяславович (дядя супруги Глеба Минского), Полоцкая земля жила без усобиц и смут, хотя и происходили отдельные события, выходившие за рамки нормальных. В 1103 г. Давыд Всеславович принял участие в походе южнорусских князей на половцев.

Под 1104 г. Ипатьевская летопись сообщает о вмешательстве южно-русских князей в дела полоцких Всеславовичей: “Посла Стополкъ Путятю на Менескъ. а Володимеръ посла сна своего Ярополка. а Олегъ самъ иде на Глеба. поемъше Давыда Всеславича”.

Эту запись можно понять так, что Глеб Минский пленил Давыда Всеславовича Полоцкого и тем навлек на себя неприятности. Но можно понять и так, что Святополк II вступился за близкого родственника Глеба Минского, и подошедший в чужую волость Давыд был наказан.

Это тем более вероятно, что родившегося в 1104 г. сына Святополка II нарекли именем Брючислав.

В 1105 г., по-видимому, Святополк II похлопотал перед митрополитом Амфилохием, и в Полоцке поставили собственного епископа Мину.

В 1106 г. объединенные силы полоцких Всеславовичей потерпели поражение от земгалов (Восточная Латвия).

А в 1108 г. согласно Ипатьевской летописи в Киеве “и трапезную кончаша Печерьскаго манастиря ... юже заложил повеленьемъ Глебовоме иже и у стяжа”.

Глеб Минский жертвовал средства тому же киевскому монастырю, что и его могучий покровитель Святополк II Изяславович и все потомки Изяславовича и Ярославовича.

После кончины Великого князя киевского Святополка II и прихода в Киев Владимира II Всеволодовича Мономаха судьба отворачивается от Глеба Всеславовича Минского. Вместе с тем начинается возвышение сидевшего в Полоцке Давыда Всеславовича.

В 1116 г. Глеб Минский развернул крупную военную кампанию и навлек на себя гнев едва ли не всего Ярославовичей.

Ипатьевская летопись под 1116 г. сообщает: “Приходи Володимеръ на Глеба: Глебъ бо бяше воевалъ дреговичи и Случескъ пожегъ, и не кляшеться о семъ”. Более того, Глеб Минский в 1116 г. (а быть может, и ранее) овладел городами на Днепре — Оршей, Копысом и самим Смоленском. Владимир II Мономах с сыновьями, черниговскими Давыдовичами и Ольговичами вошел в Смоленские земли “и взя Вячеславъ Ръшю и Копысу а Двдъ съ Ярополкомъ оузя Дрюютескъ на щить. а Володимеръ самъ поиде къ Смоленску; и затворися Глебъ и граде ...”. На этот раз все для Глеба обошлось благополучно: “Володимеръ же омиревъ Глеба и наказавъ его о всемъ. вдасть ему Менескъ. а самъ възратися Киеву”. А сын Мономаха “Ярополкъ же сруби городъ Жельди Дрючаномъ. их же бе полонилъ”.

Под 1117 г. в Ипатьевской летописи сказано: “Того же лета въведе Глеба из Меньска Володимеръ”.

А под 1119 г. в той же летописи сообщается: “Володимеръ взя Менескъ оу Глеба оу Всеславичи, самого приведе Киеву. Томъ же лет преставися Глебъ в Киеве Всеславичъ сентября въ 13”.

До кончины Владимира II Мономаха крупными событиями, связанными с Полоцкой землей, не происходило. Всеславовичи обживали свои уделы и, вспоминая о судьбе Глеба, в схватки друг с другом не вступали. Хотя, конечно, трения между Всеславовичами были, но их удавалось гасить.

А в княжение сына Мономаха Великого киевского князя Мстислава I Владимировича (1125 — 1132 гг.) противоречия между Всеславовичами вырвались наружу и спровоцировали грандиозный военный поход русских князей на Полоцкие земли.

Я рискую повториться, но все же приведу из летописи Ипатьевской летописи, повествующие о походе 1128 г.:

“Того же лета посла князь Мьстиславъ съ братьею своею многи кривичи четырьми путями: Вячслава (Владимировича) ис Турова. Андрея

(Владимировича) из Володимеря (Волинского), Всеволода (Мстиславовича) из Городка. Вячслава Ярославича (внук Святополка II) ис Ключьска. темъ певеле ити къ Изяславлю”. Город Изяславль стоит недалеко от Минска, к северо-западу.

В то же время Мстислав I Владимирович отправил вест в Черниговские и Северские земли к “Всеволоду Ольговичу повеле ити съ своею братьею на Стрежевъ къ Борису; Ивана Воитишича посла с торки и сна своего Ростислава посла съмоляны къ Дреютьску”.

Всем силам приказ был дан один: “Въ единъ днь всимъ пустити на воропъ мсца августа въ первыи на десять днь”.

Первым в центр Полоцких земель пришел выступивший из Курска сын Великого князя Изяслав II Мстиславович.

В походе были взяты города Логожск и Изяславль.

Новгородцы подошли “къ Неклочу” и, поняв, что опоздали, вернулись восвоясье.

А в Полоцке горожане поспешили изгнать Давыда Всеславовича и на стол посадить Рогволода.

Под 1129 г. в Ипатьевской летописи читаем: “Преставися кнзь Полотьскыи Борисъ”. Видимо, в крещении Рогволод получил христианское имя Борис.

Ситуация в Полоцкой земле вновь вышла из-под контроля Киева, и в 1130 г. произошло следующее событие: “Оу се же лето поточи Мьстиславъ Полотьскыи кнзе, съ женами и детми, въ Греки, еже преступиша хрестыное челование”.

А произошло это так. Мстислав I “посла по кривитъстеи кнзе. по Двда. по Ростислава и Стослава. и Рогъволодича два. и оусажа оу три лодьи. и поточи и Црюграду за неслоухание ихъ. а моужи свои посажа по городамъ ихъ”.

В 1130 — 1133 гг. в Полоцке сидели сыновья Мстислава I Изяслав и Святополк.

В 1132 г. Великий князь Мстислав I Изяславович выступил в поход на “Литву съ снми своими и съ ольговичи. и съ Всеволодомъ Городеньскимъ. и пожгоша я а сами ся расхорониша, а клянъ тогда много побиша Литва. не втягли бо бяху съ княземъ но последи идяху по немъ особе”.

По городам Полоцкой земли Мстислав I держал посадников.

Под 1133 г. Ипатьевская летопись сообщает: “Преставися блговерный кнзь Мьстиславъ Володимеръ снь. оставивъ кнжение брату своему Ярополку”.

17 апреля 1133 г. Ярополк Владимирович занял киевский стол. Начались перестановки на Руси. Вспомнил Ярополк и о Полоцке “и посла Ярополкъ по другаго Мьстиславича в Полтескъ. по Изяслава. приведа и съ клятвою”.

В Полоцке остался Святополк Мстиславович. И тут полочане собрали вече, изгнали Святополка прочь и посадили на княжеский стол Василька Святославовича, сына сосланного в Грецию Святослава Всеславовича.

Изяслав II Мстиславович получил от дяди Ярополка вместо обещанного Переяславля города Туров,

Пинск и Минск, в 1130 — 1133 гг. входивший в волость князя.

В 1138 г. из Новгорода были изгнаны Всеволод и Святополк Мстиславовичи. И Василько Святославович Полоцкий с сочувствием отнесся к внукам Мономаха.

В 1139 г. полочане поддержали Ярополка Владимировича в походе на черниговских Ольговичей. Следовательно, Василько Святославович ориентировался на союз с Мономашичами. Эта мудрая политика способствовала возвращению на Русь из греческой ссылки полоцких князей Василия и Иоанна Рогволодовичей. Ярополк на это разрешения не дал, но сам тех князей не увидел.

В 1140 г. правящий дом в Киеве меняется, и вместо умершего Ярополка великокняжеское достоинство получает Всеволод II Ольгович. “В то же время взидоста княжича два исъ Црягорода, заточени были Мьстиславомъ”.

Мгновенно переориентировались хлебнувшие лиха полоцкие князья. В 1140 г. Святослав Ольгович из восставшего Новгорода “бежа и с женою и съ дружиною своею на Полтескъ Смоленську”.

Союз Полоцка с Ольговичами скрепили браком. Дочь Василька Святославовича выдали за сына Всеволода II Ольговича.

А Рогволод Борисович, державший за собой Друцк с волостью, выдал дочь за сына Изяслава II Мстиславовича и тем уравнивал соотношение сил с полоцкой родней.

С 1140 г. в Полоцке находится епископ Козьма. Владыка был противником Изяслава II Мстиславовича и держал сторону Ольговичей и за это временами страдал.

Между тем Василько Святославович по неизвестным причинам уступил Полоцк Рогволоду Борисовичу.

И под 1151 г. Ипатьевская летопись сообщает: “Томъ же лете. яша Полочане Рогъволода Борисовича. князя своего и послаша Меньску и ту и держаша оу велице нужи. а Глебовича к себе оуведоша и прислашася Полотъчане къ Стославу Ольговичю с любовью яко имети отцмъ себе и ходити в послушаньи его. и на том целоваша хрсть”. Но несчастья Рогволода не кончились: “В то же верем преставися княгини Изяславля”. Это была супруга Рогволода, дочь Изяслава II Мстиславовича.

Полочане посадили на стол сына закланного врага Мономашичей, умершего в Киеве, Глеба Всеславовича Минского.

Тем временем Южная Русь все более втягивалась в войны, ведшиеся Мономашичами, Ольговичами, Давыдовичами и суздальским князем Юрием Долгоруким. В час ночи 3 января 1158 г. скончалась вдова Глеба Всеславовича (+1119), дочь Ярополка Изяславовича. Эта женщина пережила своего князя на сорок лет и прожила 84 года.

Положили княгиню “в Печерськомъ манастири съ кнземъ въ гробе оу стго Федосья оу головахъ”.

Отец княгини Ярополк Изяславович, умирая в 1088 г., “вда всю жизнь свою. Небльскую волость. и Дервьскую. и Лучьскую. и около Киева” Печерско-

му монастырю. А Глеб Всеславич “вда въ животе своемъ. съ княгиню 600 гривенъ серебра. а 50 гривенъ золота. а по княжи животе княгини вда 100 гривенъ серебра. а 50 гривенъ золота а по своем животе вда княгини 5 селъ и съ челядью. и все да и до повоа” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.492].

В 1159 г. на Полоцкой земле вновь закипают страсти, не ускользнувшие от внимания летописцев:

“Том же лет иде Рогволодъ Борисовичъ. от Стослава от Ольговича. искать себе волости. поемъ полкъ Стославль. зане не створиша ему млсти ему брата его. вземше под ним волость его жизнь его всю” [там же].

Рогволод Борисович приехал в Слуцк и снесся с жителями Друцка. Дручане изгнали Глеба Ростиславовича, разграбили двор князя и его дружину. Глеб Ростиславович уехал в Полоцк к отцу.

Рогволод Борисович приехал в Друцк, который вскоре осадили полки Ростислава, Всеволода и Владимира Глебовичей “съ всею братею”.

Дело кончилось миром. Рогволод Борисович остался в Друцке, а Ростислав Глебович с братией вернулся в Полоцк.

И в том же 1159 г. полочане задумали убить Ростислава Глебовича. Горожане тайно послали к Рогволоду Борисовичу, прося прощения за изгнание 1151 г.: “съгрешили есмь к Бу и к тебе. оже въстахомъ на тя без вины”. Рогволод целовал к полочанам крест и обещал не помнить зла.

Ростислава Глебовича о заговоре предупредили. Кончилось тем, что он из “Белцици” с дружиной уехал к брату Володарю Глебовичу в Минск, по дороге “воюя Полоцкую волость”.

В июле 1159 г. на полоцкий стол сел Рогволод Борисович. Во второй половине 1159 г. Рогволод получил помощь из Смоленска, Новгорода, Пскова. Ростислав Мстиславович прислал к Рогволоду двух сыновей — Романа и Рюрика.

Силы Рогволода Борисовича осадили Изяславль. В городе сидел Всеволод Глебович. Рогволод отдал Изяславль Брячиславу (Борисовичу) “того бо бяше отчина”. А Всеволоду Глебовичу дали “Сътрежевь”.

Далее Рогволод Борисович десять дней простоял под стенами Минска. Наконец, был заключен мир с Ростиславом Глебовичем, и полки Рогволода разошлись по своим городам и селам. А Володарь Глебович креста не целовал “оже ходяше подъ Литвою в лесехъ”.

Мир, порукой которому была сила, оказался непрочным. Под 1159 г. Воскресенская летопись сообщает: “Глебовичи Володшу и Брячислава яша во Изяславли и всадише Володшу в поруба Брячислава окована дръжахуть”.

В 1160 г. последовал поход Рогволода Борисовича к Минску на Ростислава Глебовича. Из Киева к Новгороду подошла помощь с “Жирославомъ съ Нажировичем Торкъ 600 а ты померше голодомъ. и придоша пеши не дождавше мира” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.505]. Шесть недель Рогволод Борисович простоял под стенами Минска. Наконец, с Рогволодом Борисовичем был заключен мир “и

выстоя Волдшу ис поруба. а Брячислава изъ железъ” [там же].

В 1161 г. вновь Рогволод ходил к Минску и, заключив мир с Ростиславом, возвратился в Полоцк.

В 1162 г. Рогволод Борисович пережил катастрофу. Князь с полочанами подступил к Городцу (быть может, Гродно). В городе сидел Володарь Глебович. Ночью Володарь с литовцами предпринял вылазку и побил множество полочан. Рогволод Борисович бежал в Слуцк и далее в Друцк. В Полоцк князь вернуться не решился.

Полочане посадили на стол “Василковича” (Всеслава Васильковича).

В 1165 г. согласно Ипатьевской летописи: “Для Ростиславичъ седе Витебски”. Это означает, что смоленские князья стали овладевать восточными волостями Полоцкого княжества.

В 1167 г. Володарь Глебович выступил к Полоцку. Вселав Василькович бежал в Витебск, ища помощи у Давида Ростиславовича. Володарь Глебович подступил было к Витебску, да ночью, испугавшись грома, бежал от берегов Западной Двины.

Вселав Василькович вновь вернулся в Полоцк.

В 1167 г. полочане поддержали Андрея Боголюбского в борьбе с Новгородом.

И в 1168 г. новгородцы и псковичи напали на Полоцкую волость.

В 1170 г. князь Рогволод Борисович велел выбить надписи на знаменитых Рогволодовых камнях. Речь об этих камнях впереди.

В 1178 г. новгородцы во главе с Мстиславом Ростиславовичем собрались напасть на Полоцк, да вмешался Роман Ростиславович Смоленский. В 1180 г. Роман Ростиславович скончался, и Полоцкая земля погрузилась во мглу очередной смуты.

В Ипатьевской летописи под 1180 г. сообщается: “Сдоумав же Ярославъ [Всеволодович] съ Игоремъ [Святославовичем] поидоста къ Дрьютъскоу. поемше с собою Половце”.

В помощь Ольговичам “придоша Полотъским князю въ стретение помогающе Стославою Васильковича Брячиславъ изъ Витебска. братъ его Всеславъ с Полочаны. с ними же бяхоуть и Либи. и Литва. Всеславъ Микоуличъ из Логажеска. Андрей Володъшичь. и сыновець его Изяславъ. и Василько Бряцьславичъ” [ПСРЛ. — М., 1962. — Т.2, с.620].

В Друцк с полком выехал Давид Ростиславович Смоленский “совокоуписвся с Глебомъ съ Рогволодичемъ”.

Неделю противники бились через реку Друть. И тут с новгородцами подошел Святослав [Всеволодович], старейший из Ольговичей. Принялись гатить реку, и ночью Давид Ростиславович бежал к Смоленску.

Ольговичи подступили к “Дрьютъскоу. и поже острогъ”.

Глеб Ростиславович пересидел в детинце и город с волостью за собой сохранил.

Под 1186 г. летописцы упоминают полоцкого князя Всеслава Васильковича. Известно, что в 1186 г. в Логожске сидел Василько Володарьевич. В 1186 г. епископ-миссионер Мейнард просил позволения

крестить ливов у полоцкого князя Владимира. Балты в XI — XII вв. были данниками полоцких князей. В последней четверти XII в. ситуация в Прибалтике стала стремительно меняться не в пользу Полоцка.

На смену умершему в 1196 г. Мейнарду пришел епископ Бертольд. Год спустя, в 1198 г., Бертольд погиб. А на сцену истории выступил епископ Альберт. В 1201 г. устье Западной Двины было замкнуто крепостью Рига.

В 1202 г. папа учредил орден меченосцев и выросла крепость Дюнамюнде.

В 1203 г. русский князь из городка Герцике, что на Западной Двине ниже Полоцка, совместно с литовцами напал на окрестности Риги.

В 1206 г. полоцкий князь еще выступал в роли посредника между послами ливов и послами ордена. В 1206 г. полочане совместно с ливами осаждали крепость Гольм, но успеха не имели. А в 1207 г., согласно хронике Генриха Латвийского, Ливония была крещена орденом.

В 1207 г. русский князь города Кукенойс Вячко, стерегший путь по нижнему течению Западной Двины, был вынужден разделить волость с германскими рыцарями. В 1208 г. Вячко сжег город и уехал на Русь.

О русских князьях, сидевших в городах в низовье Западной Двины — Кукенойс, Герцике, узнаем от историка XVIII в. В. Н. Татищева. Полагают, что в руках В. Н. Татищева находилась ныне утраченная Полоцкая летопись.

Согласно В. Н. Татищеву полоцкий князь Борис Давидович имел двух сыновей — Василька и Вячко. Сам Борис Давидович был сыном сидевшего в 1195 г. в Друцке смоленского князя Давида Ростиславовича. Борис Давидович второй раз женился на западной славянке, происходившей из Поморья или из страны венедов. Звали женщину Святохной. От второго брака родился сын Владимир.

Святохна убедила супруга отправить Василько и Вячко на запад, в города нижнего подвинья. Позже, желая сжить со света пасынков, Святохна пустила в ход подложное письмо, только ничего путного из этой интриги не вышло.

В 1209 г. рыцари ордена подступили под городни и заборола города Герцике. Князь Всеволод из города бежал, но вскоре получил Герцике назад в лен.

В 1210 г. епископ Альберт отправил в Полоцк рыцаря Арнольда с увереньями в мире. В 1212 г. был заключен второй договор ордена с Полоцком. А в 1214 г. Герцике перешел во власть ордена.

Овладев Латвией, орден двинул рыцарей в земли эстов. Полоцкий князь собрался выступить на помощь эстам, но в 1215 г. скончался.

Начиная с 1216 г. походы литвы на Русь становятся чуть ли не ежегодными. В 1258 г. Полоцк совместно с Литвой выступил против Смоленска. После кончины полоцкого князя Товтивила [+1262] Полоцкие земли попали в политическую зависимость от Литвы.

8.3. Города, поселения, торговые пути, волоки

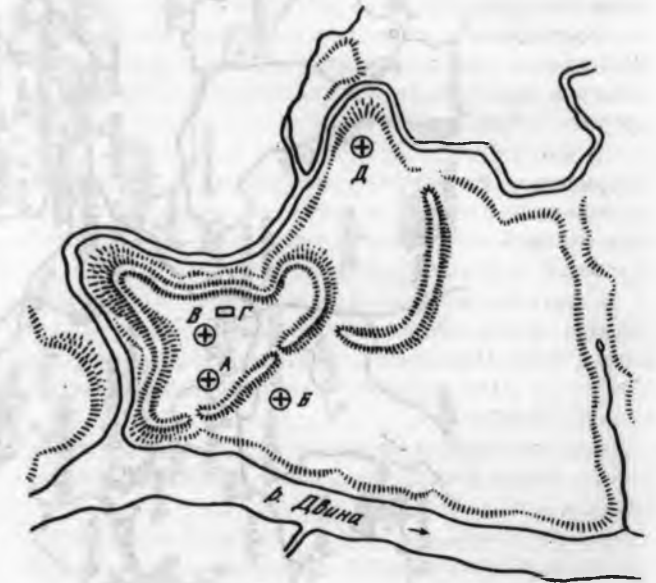
Западная Двина.

Полоцк. Бельчицы. Неколючь. Еменец. Езерище. Борисовы камни. Дисна. Браслав [Брячислав]. Дрисвяты. Герцике. Кукенойс

В VIII — X вв. Старый Полоцк занимал мыс правого берега реки Полоты при впадении ручья, севернее Полоцка XI — XVIII вв. Земля Старого Полоцка была заселена людьми во второй половине I тыс. до н. э. На это указывает керамика западно-двинской археологической культуры.

Значительное поселение славян в VIII — X вв. возникло при устье реки Полоты отнюдь не случайно. Мимо Старого Полоцка пролегал путь, ведущий в земли словен новгородских и кривичей псковских. При истоках реки Полоты расположены озера Неколючь и Еменец. Именно к этим озерам подходили дружины новгородцев, двигавшихся к Полоцку.

Выше устья реки Полоты, справа, в Западную Двину впадает река Оболь. Ее верховья через озеро Езерище и волок соединено с истоком реки Ловать, важнейшей транспортной артерией южных земель новгородщины. Таким образом, Старый Полоцк в VIII — X вв. не просто контролировал речной путь

Древний Полоцк по Л. Б. Алексееву: А — Софийский собор XI в.; Б — церковь на рву XII в.; В — церковь XII в. в детинце; Г — терем XII в.; Д — церковь на Нижнем Замке XII в.

по Западной Двине, но и замыкал сухопутные и водные пути, шедшие из земель русского севера.

В VIII — IX вв. Старый Полоцк представлял собой классический раннесредневековый славянский город. Его ядром был обведенный валом детинец. С северо-востока широким полукругом детинец окружал обширный посад. В 980 г. Старый Полоцк был

объят пламенем, подвергнут разрушению и впоследствии на прежнем месте не возродился.

В конце X в. при впадении реки Полоты в Западную Двину застучали топоры плотников и стали на гребне земляного вала подниматься стены нового Полоцка, столицы обширной земли западных кривичей.

Детинец Полоцка занял холм, с запада и севера обведенный руслом реки Полоты, с юга — Западной Двиной. С востока укрепления детинца защищались оврагом, по дну которого бежал Черный ручей.

К северо-востоку от детинца выросли рубленные стены окольного города, искусно вписанного в излучину реки Полоты. Восточнее детинца и окольного города Полоцка в XI—XIII вв. разросся Великий Посад. Защитой ему служила деревянная стена, венчающая вершину вала, соединяющего русла Западной Двины и Полоты. На территории Великого Посада и к востоку от его укреплений в раннем средневековье насыпалось множество курганов.

К западу от детинца, за руслом реки Полоты, в XIV—XVI вв., а быть может и ранее, дымил трубами кузнечных горнов лишенный укреплений посад Запалотье.

В 1044—1066 гг. при князе Всеславе Брючиславовиче над детинцем Полоцка вознеслась громада св. Софии. Одни источники говорят о пяти ее главах, иные сообщают о семи. В первой половине XVIII в. собор был перестроен и приобрел вид здания в стиле барокко и от ансамбля XI в. уцелели лишь отдельные части. Среди них фрагменты древнейшего фундамента, три апсиды, украшавшие храм с востока [ныне алтарь 1750 г. расположен в северной стене собора], фрагменты внутренних столбов и часть основания стен.

Судя по стенам восточных апсид София XI в. возводилась из плинфы, ряды которой, скрепленные розовой цемянкой, перемежались бутовым камнем. Стены собора в древности не штукатурили.

Полагают, что полоцкая София в плане имела квадрат, разделенный на пять нефов. Одна из особенностей собора заключена в граненой форме восточных апсид. Этот прием естествен при строительстве храмов из дерева.

Есть основания считать, что полоцкая София имела силуэт, центр которого был сильно вознесен вверх.

В первой половине XII в. в окольном городе на мысу над рекой Полотой, против детинца Старого Полоцка, было возведено здание. Стены здания были сложены из плинфы, скрепленной цемянкой. Вероятнее всего, это была церковь.

В юго-западной части Великого Посада, над левым берегом Черного ручья, стоял старый Богородицкий монастырь. Его главная церковь Богородицкая упоминается летописцами под 1159 г.

От западных ворот полоцкого детинца на восток над берегом Западной Двины шла главная улица Посада — Великая.

За линией вала Великого Посада, по полю, покрытому курганами, от Полоцка расходились две дороги — на Витебск и на Новгород, через озера Неклочь и Еменец.

Отношения Новгорода и Полоцка никогда не были простыми. Об этом свидетельствует и берестяная грамота, найденная в Новгороде и датированная третьей четвертью XII в. Вот ее текст:

“От Полоцька к ...Пояле девъку у Домаслава. Ни мне ти Домаславе възяле 12 гривне. А присли 12 гривне. Или не прислеши, а мне ти стати ... за и у владеке. А больше ти протеряеши...” [Грамота 155, здесь и далее берестяные грамоты взяты из издания Арциховский А.В. и Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте. 1951—1963 гг.]

С севера и юга подступы к Полоцку стерегли два монастыря — Борисоглебский в Бельчицах и Спасский в Сельце.

Под стенами обоих монастырей и по сей день высятся курганы.

Борисоглебский монастырь в Бельчицах стоит к юго-востоку от Полоцка, за руслом Западной Двины. Из повествования Ипатьевской летописи о событиях в Полоцке в 1159 г. узнаем, что Бельчицы служили полоцкому князю загородной резиденцией.

В XII в. над ручьем Бельчица выросли четыре каменных храма. Центральны храм имел три притвора. Его своды рухнули в древности, и нам остался лишь фундамент храма.

Очень давно разрушилась и вторая церковь Борисоглебского монастыря. Размеры ее были невелики, но форма весьма оригинальна. Она именуется “триконф” и характерна для Балкан.

В 1928 г. в Бельчицах стояли две церкви XII в. Одна маленькая была посвящена покровительнице торговли Параскеве-Пятнице. Размеры второй церкви были значительнее, и она именовалась Борисоглебской. В 1928 г. церкви Борисоглебского монастыря в Бельчицах были разрушены.

Спасский монастырь вырос в XII в. в излучине правого берега реки Полоты, выше Старого Полоцка.

История обители тесно переплетена с именем полоцкой княжны Евфросиньи. Согласно житию, сохранившемуся в списках XV—XVI вв., Евфросинья была внучкой Всеслава Брючиславовича (+1101 г.) и дочерью его сына, в крещении нареченного Георгия. Второе, славянское, имя отца Евфросиньи житие не указывает.

Девочка с ранних лет отличалась красотой, благонравием и способностями. В двенадцать лет родители собрались выдать Евфросинью замуж. Девушка отвергла всех женихов и ушла к тетке в монастырь. Евфросинья, несмотря на все уговоры, приняла пострижение, но в монастыре жить не пожелала и облюбовала каменный голубец, устроенный в толще стены полоцкой Софии. Княжна-монахиня “начи книги писати своими руками”. Однажды ночью Евфросинье явилось видение, и скоро княжна попросила полоцкого епископа выделить землю для постройки церкви. Владыка указал на принадлежавшее церковным властям Сельце над рекой Полота выше Полоцка. На кладбище в Сельце хоронили епископов и полоцкое духовенство. Для строительства каменного храма в Сельце пригласили полоцкого мастера — мужа Ивана.

Спасо-Преображенская или Спасо-Евфросиньевская церковь была выстроена между 1152 и 1161 гг. Церковь имеет три нефа и одну апсиду. Шесть столпов поддерживают квадратный постамент с дополнительным ярусом закомар, увенчанный барабаном, несущим купол и крест. Стены церкви сложены из плинфы, ряды которой перемежаются бутовым камнем.

В XII в. стены Спасо-Евфросиньевской церкви были расписаны фресками, значительная часть которых сохранена и расчищена от позднейших наслоений.

К востоку от Спасо-Евфросиньевской церкви в XI—XII вв. стоял трехнефный храм с галереей, стены которого были выложены из плинфы и позже покрыты фресками.

Пол храма, украшенный майоликовой плиткой, скрывает несколько погребений пожилых мужчин, по-видимому, бывших духовными лицами Полоцка.

Место, где находится Спасо-Евфросиньевская церковь, до недавнего времени именовалось Спас-Юровичи. Это позволяет предположить, что у Сельца над рекой Полотой в древности стоял еще один храм, выстроенный заботами отца Евфросиньи полоцкого князя Юрия (Георгия).

В 1161 г. по заказу Евфросиньи полоцкой мастеров Лазорем Богшей был изготовлен крест-мошечник полутораметровой высоты. Крест был сделан из дерева. По двум внешним сторонам крест покрыли золотые пластины. По боковым сторонам крест опоясала серебряная пластина. Крест украсили выполненные из эмали лики святых, обведенные жемчужной нитью и перемежающиеся драгоценными камнями. По бокам креста шла надпись с заклятием против воров. На задней стороне креста можно было прочесть: “Господи помози рабу своему Лазорю, нареченному Богши, съделавшему крест сий для церкви святого Спаса и Офросиньи”. На кресте указано, что на его изготовление Евфросинья внесла 140 гривен, сорок из которых получил мастер.

Крест Евфросиньи полоцкой пропал во время последней отечественной войны в Могилеве.

Полоцк раннего средневековья был крупнейшим центром русского ювелирного искусства. У Лазоря Богши были многочисленные и талантливые предшественники. Один из них во второй половине XI в. на территории города зарыл клад общим весом 9,43 кг серебра. Клад составили 142 целых и 14 обломков западноевропейских монет 936—1076 гг. Среди монет были обнаружены обломки арабских дирхемов и многочисленные слитки серебра.

Помимо ювелиров Полоцк, его посады, подгородные села и монастыри населяло множество ремесленников десятков разнообразных специальностей. Заказов хватало всем производителям, и город процветал.

Своего рода кровотоков, обеспечивающий распределение продукции столичных ремесленников по окрестным волостям, обеспечивала деятельность купцов. В XI в. в Киеве интересы полоцких купцов и производителей представляло подворье князя Брючислава Изяславовича. К югу от Киева распола-

галась вожделенная Византия, и полочане стремились на ее торжища.

В XII в. полоцкие купцы и ремесленники выступили силой, способной менять князей. В XIII в. Полоцк наряду со Смоленском активно включился в торговлю с островом Готланд, Ригой и со странами Северной Европы.

Одним из преимуществ Полоцких земель было то, что их не беспокоили набеги печенегов, торков, половцев. Обошел полоцкие земли и Батый. Разрушали города и села края лишь междоусобные войны.

Топонимика Полоцкой земли благодаря красноречивым названиям деревень, урочищ, водоемов представляет возможность воссоздания границ отдельных волостей и всей исторической провинции. Волость, окружавшая Полоцк на западе отмечена деревнями Межиголы, Межагольская, Рубенишки, Межа [западнее г. Дрисса]. Множество топонимов и гидронимов Межно, Межево карта сохранила к северо-западу от Полоцка, на водоразделе, отделяющем верховья рек Великой и Ловати от притоков Западной Двины.

В Псковские земли из Полоцка попадали, минуя деревни Межно и Межево и озеро Межно, расположенное в верховьях рек Нища и Дрисса [правые притоки Западной Двины].

Сторожем на пути в Новгород было озеро Неклочь, служащее истоком реки Полота и упомянутое летописцами под 1128 г.

Новгородский рубеж на этом пути стерегло село и одноименное озеро Еменец, упомянутое под 1185 г.

На берегу озера Еменец, у современного села Еменец, в урочище “Наутдинова гора” в XII—XIII вв. стояло крайнее на пути к Полоцку новгородское селение.

Украшением Полоцкой волости с 1128 г. стали горомадные валуны, разбросанные по долине Западной Двины от Полоцка до Краслова, известные как Борисовы камни. В 1127—1128 гг. на столе в Полоцке сидел князь Борис Всеславович. Хлеб не уродился, край оказался перед угрозой голода, и князь Борис велел выбить на камнях примерно одинакового размера такую надпись: “Г[осподи] помози рабу своему Борису”.

С XI в. на Руси 2 мая отмечают праздник Бориса и Глеба. Возможно, что именно в это время князь обратился за помощью к богу и небесному покровителю Борису.

Борисовы камни сохранились у деревень Прорыток, Наконники, Болотки, в городе Дисне, но это лишь часть былого. Князь Борис через камни обращается уже и к потомкам.

Ниже Полоцка, при впадении притока реки Дисны в Западную Двину, расположено городище Копец, издревле принадлежащее полоцким епископам.

С запада, от Литвы и земгалов, Полоцк прикрывал город Браслав, настоящее имя которого Брючислав. Впервые город упоминается летописцами под 1065 г. В IX—X вв. на возвышении, ограниченном озерами Дривято и Новято, стоял неукрепленный поселок латгалов. В годы правления полоцкого

князя Брячислава Изяславовича [1001 — 1044 гг.] поселок латгалов был сожжен и на его месте был выстроен русский город. Возможно, сам князь Брячислав руководил возведением укреплений города и тогда же дал городу свое имя.

В 1065 г., согласно хронике М. Стрыйковского, “Кернус и Гимбут... собрали силы свои литовские и жемайдские и пошли на Русь к Браславу и Полоцку и много вреда Русским сделали...”. Однако Браслав, как и Полоцк, выстояли.

Замковая гора Браслава в XI в. была застроена рублеными избами, обнесенными частоколом. В дворах теснились бревенчатые амбары, хранившие урожаи озимой ржи, яровой пшеницы, ячменя, овса. В хлевах стояли коровы, свиньи, козы, овцы. Земледелием в волости, тяготевшей к Браславу, занимались по паровой системе.

В окрестностях Браслава в XI — XIII вв. горожане активно промышляли лося, кабана и иного зверя, в том числе пушного. Браслав был не просто пограничной крепостью Полоцкой земли, но и ремесленным центром, обеспечивавшим край продукцией кузнецов, кожевников, ткачей, гончаров, косторезов. По-видимому, в Браславе постоянно присутствовал военный гарнизон, подчинявшийся наместнику, присланному полоцким князем.

Западнее Браслава полоцкий рубеж стерегла возникшая в XI в. крепость Дрисвяты.

От Браслава и Дрисвяты расходились две дороги. Одна вела к Полоцку и шла долиной Западной Двины. Другая вела на юг к городам Изяславль и Минск. Южнее Дрисвяты при дороге стоит село Друсевици. В километре от села расположен курганный некрополь, насчитывающий сто насыпей.

В нижнем течении Западной Двины в раннем средневековье стояли упоминавшиеся выше полоцкие города Герцике и Кукенойс. Городище Герцике стоит над правым берегом Западной Двины у современного поселка Ерсике, на половине пути от Даугавпилса к Екабпилсу. Данные о Герцике приводит Генрих Латвийский.

В X в. на городище Герцике были возведены укрепления. Ядром города стал детинец. К его укреплениям прильнул окольный город. Герцике окружил курганный некрополь. Население города было смешанным балто-славянским.

В первой четверти XIII в. в Герцике сидел сын полоцкого князя Всеволод. Он был женат на дочери литовского князя Даугеруте. В 1209 г. Герцике впервые попал в руки крестоносцев. Из города было вывезено едва ли не все движимое имущество. В 1214 г. орден вновь овладел Герцике. Всеволод сидел в Герцике уже как ленник рижского епископа по крайней мере до 1225 г.

Герцике погиб в огне пожара. Пламя поглотило плотную деревянную застройку города, улицы которого располагались перпендикулярно берегу Западной Двины.

Кукенойс, впервые упомянутый Генрихом Латвийским под 1205 г., стоял над правым берегом Западной Двины у современного села Кокнесе, на половине пути от Герцике к Риге. Город Кукенойс

был невелик. Его детинец имел площадь 0,2 га, а окольный город 0,4 га. За укреплениями подгородного посада, имевшего площадь 3,4 га, в древности высились полусферы безмолвных курганов.

Кукенойс возник в XI в., по-видимому, при князе Брячиславе Всеславовиче. Детинец города был занят русским князем или посадником и гарнизоном. В окольном городе и посаде жили балты и славяне, занимавшиеся ремеслами, торговлей, сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей.

В начале XIII в. княжил в Кукенойсе сын полоцкого князя Владимира Вячко. Поначалу Вячко уступил половину волости Риге. Но, в конце концов, князь сжег город и уехал на Русь.

Герцике и Кукенойс в X — XIII вв. стерегли западновинский речной путь из Риги в Балтику и имели важное значение как для Полоцка, так и для всего Киевского государства.

Города Витебск и Усвяты

Выше Полоцка, при впадении в Западную Двину правого притока реки Витьбы, в начале XI в. из поселка кривичей IX — X вв. вырос город Витебск. Витебск помимо окрестного ополья вскормила гирлянда волоков, окружающая город. С юга к Витебску волокли ладьи из Днепра, с севера — из Ловати.

Согласно чертежу 1664 г. Витебск состоял из детинца, площадь которого оценивают в 2,5 — 3 га, и окольного города площадью около 9 га. С востока Витебск защищал овраг, по дну которого бежал ручей Дунай. Севернее окольного города ручей Дунай и русло реки Витьбы соединял ров. Таким образом, Витебск занимал остров, не столько окруженный водой, сколько склонами долин, более подходящими на обрывы оврагов. С севера на юг, от одних въездных ворот до других, толщу деревянной застройки окольного города Витебска прорезали мощеная бревнами улица Великая. Окольный город и детинец Витебска располагали колодцами.

На левом берегу Западной Двины, напротив древнего Витебска, раскинулась слобода с примечательным названием — Русь. Тут же, на берегу Западной Двины, расположена слобода Ильинщина, согласно преданию некогда населенная судосторителями.

К левому берегу Западной Двины, против Витебска, подходит река Лучеса. Именно в ее верховьях в районе Орши из Днепра переволакивали ладьи, шедшие из классической летописной Южной Руси. В слободе Русь ладьи причаливали и, пополнив запасы провизии и необходимого снаряжения, двигались далее на север или запад, к Полоцку или Новгороду.

Слобода Русь против Витебска — это подобие Старой Руссы, предварающей с юга Новгород. Кривичи и словене новгородские выделяли пришельцам из Южной Руси и отводили им особые места для стоянки и жительства.

Витебск окружен плотным кольцом курганных некрополей. Пояс курганов вокруг города указывает на древность онога, и обмануться тут едва ли возможно.

В X — XI вв. Витебск служил одной из крепостей, контролировавших путь из варяг (из Балтики) в греки (в Черное море).

В 1021 г. Витебск был уступлен Киевом полоцкому князю Брячиславу Изяславовичу.

В 1165 г. Витебск перешел под управление Смоленска. Позже Витебск на некоторое время был возвращен в состав Полоцкого княжения. В 1195 г. Витебск вновь за Смоленском.

В Витебске, над берегом Западной Двины, на территории бывшего окольного города, сохранились стены полуразрушенной церкви, построенной в начале XII в. Стены церкви сложены из плинфы, двойные ряды которой чередуются с рядом тесанных белых камней. Скрепляет кладку раствор розовой цемьянки, составленной из извести и толченого кирпича. Церковь, своды которой ныне обрушены, была трехнефной, шестистолпной, одноглавой и располагала одной апсидой. Сохранилась южная часть западной стены, в толще которой скрыта лестница, ведущая на хоры.

Ниже Витебска над Западной Двиной стоят два древних села — Добрейка и Забережье. У Забережья посреди русла Западной Двины некогда стоял громадный валун с выбитым на нем шестиконечным крестом. Ниже Забережья находился “Девичий камень” со следом женской ноги.

Полоцкая земля богата камнями с надписями и фигурами, выбитыми на их поверхности. Можно говорить об особой культуре каменного летописания.

К северу от Витебска уходили сухопутные и речные пути, ведущие к верховьям реки Ловать и далее на север Руси.

Главным центром, стерегшим волок из Западной Двины в верховья Ловати, в раннем средневековье был город Усвят. При впадении реки Усвячи в озеро Усвятское расположены три городища, окруженные обширным посадом раннефеодального и более позднего времени. Усвят упомянут летописцами под 1021 г. в связи с передачей вкуче с Витебском под власть полоцкого князя.

К западу от Усвяты, от озера и села Езерище, в верховья Ловати волокли ладьи, поднятые от Полоцка по реке Оболю. Тут же на Ловати стоит деревня Межа, отмечающая край Новгородских земель.

В VIII — XIII вв. Усвят полнился шумной жизнью и походил на своего рода крупный транспортный узел, ежегодно пропускавший горы самых разнообразных товаров — от шелка до пушнины, от оливкового масла и виноградного вина до пеньки и меда, шедших в противоположных направлениях.

Сухопутную дорогу от Витебска до Усвяты стерегла крепость, в XI — XIV вв. занимавшая одну из двух площадок двухуровневого городища размерами 45 × 30 м, стоявшего над озером у деревни Новый Болецк. В Новом Болецке в древности, по-видимому, стояла каменная церковь, оставившая развал кирпичной кладки. По краю городища идет вал, некогда представлявший собой деревянно-земляную стену. Вокруг Нового Болецка разбросаны курганы. К югу от него, при дороге от Витебска к

Усвяту, стоит населенный пункт Городок. Быть может, некогда он был Болецком Старшим.

Южные рубежи Витебской волости отмечены многочисленными топонимами Волок, Межево, Рубеж. На востоке Витебские земли от Смоленщины отделяет широкий пояс малонаселенного леса.

На волоке в Ловать, у деревни Межа [западнее Усвяты], некогда стояла ныне исчезнувшая деревня Ольгово. Кто знает, не проезжала ли тут по дороге на Псков и Лугу в середине X в. княгиня Ольга. По здравому рассуждению можно сказать, что Ольга едва ли могла минут волок на Ловать у Усвяты, проезжая из Киева на север Руси и обратно.

Север Витебской волости — это край волоков межевых сел и городищ. Эта земля полна особого очарования. Поросшие камышом, содиненные протоками озера окружены девственным лесом и украшены подернутыми дымкой тумана холмами, многие из которых в древности служили людям верную сторожевую службу.

Волость города Изяславля

На водоразделе между бассейнами Немана и Днепра (реки Березины) в X в. возник город Изяславль. Его основание можно связать с именем сына Рогнеды и Владимира I полоцкого князя Изяслава [+1001 г.].

Мимо Изяславля в X — XIII вв. волокли ладьи из верховья реки Свислочь в верховья притоков Немана — реки Исloch, Березино, Уша.

Раннесредневековый Изяславль располагался в двух километрах юго-западнее современного города Заславля, на месте городища Замочек [могила Рогнеды]. На месте крепости позднего средневековья в X — XIII вв. находился детинец Изяславля. К югу и юго-западу от детинца на 2,5 км тянулись посадки. К югу от Изяславля насчитывают 271 курган X — начала XI вв.

Изяславль в X — XIII вв. был центром удельного княжества, на столе которого сидел один из представителей полоцкого княжеского дома Всеславовичей.

Волость города Минска

К юго-востоку от Изяславля стоит город Минск. Первое упоминание о городе приходится на 1067 г. Это был Старый Минск. Зимой 1066 — 1067 гг. южнорусские князья Изяслав I, Святослав и Всеволод Ярославовичи, мстя Всеволоду Брячиславовичу за поход на Новгород, взяли Старый Минск, мужей посекли, а жен и детей полонили.

Городище Старого Минска IX — XI вв. высятся над правым берегом пересохшей речки Менки [Щемьслицкий сельсовет Минского района]. Городище называется Строчицким. В X — XI вв. Старый Минск находился в окружении открытого посада. В полуклометре к северо-востоку от городища расположен курганный некрополь.

После 1067 г. Минск возродили на новом месте. Детинец города вписали в излучину печально из-

вестной по битве 3 марта 1067 г. реки Немиги, при ее впадении в реку Свислочь. С трех сторон детинец Минска окружали русла рек. С южной напольной стороны лежал окольный город. Его контур ныне повторяет овал городских улиц, огибающих Троицкую гору.

Первоначально детинец Минска был окружен валом, в основании имевшем 14 м [в поперечнике]. Вскоре вал досыпали. В основание вала была заложена конструкция из бревен. По гребню вала шла деревянная стена. В юго-восточной части детинца были устроены проездные ворота, охранявшиеся двумя проездными башнями. В северной части детинца находилось еще два въезда.

На рубеже XI — XII вв. в Минске стали строить небольшую каменную четырехстолпную трехапсидную церковь. По неизвестной причине постройку храма прекратили, и основание здания перекрыла деревянная мостовая. Минск XI — XIII вв. был застроен обнесенными частоколом дворами, содержащими одну или две избы и до пяти хозяйственных построек.

Волость, окружавшая Минск, была населена дреговичами. Возможно, известная из истории самостоятельность древнего Минска отчасти определялась своеобразием местного населения, отличного от кривичей, занимавших основную часть земель Полоцкого княжества.

От Минска лучами во всех направлениях расходятся сухопутные дороги. Главный речной путь волости шел руслом реки Свислочь, от верховья и волоков в бассейн Немана у города Изяславль до впадения в реку Березину.

На землях Минской волости в среднем с равным интервалом разбросаны небольшие по площади городища IX — XIII вв. По большей части это были боярские усадьбы, стерегшие не только рубежи волости, но и дороги, пролегшие по ее землям.

А стеречь дороги имело смысл. Они были в буквальном смысле золотыми и серебряными. Сбор мыта приносил в казну князя и бояр немалые средства.

У деревни Новый Двор, стоящей над левым берегом Свислочи, найден клад из 400 монет X в.

Волость города Логойска

На северо-востоке Изяславский и Минский уделы граничили с волостью, центром которой был город Логойск. На землях Логойской волости, или княжества, в древности действовали волоки, позволявшие попасть из Березины [приток Днепра] в верховья реки Вилия [приток Немана]. Волоки отмечены соответствующими топонимами, и распознать их несложно.

Город Логойск [Логожск] впервые упомянут под 1079 г. Владимиром II Мономахом. Логойск не позже середины XI в. занял городище над левым берегом реки Гайна. Городище защищено глубокими логами [оврагами] и имеет площадь около 1,5 га. В древности городище с напольной стороны было защищено валом и рвом.

Логойск вскормили волоки и густонаселенное окрестное ополье. В XII в. в Логойске княжили потомки Всеслава Полоцкого. Тогда же волость обстроилась боярскими усадьбами, а над древними селами вознеслись тесовые шатры деревянных церквей.

К северо-западу от Логойска, на острове озера Мядель, в XII в. вознеслись высокие валы пограничной крепости. К востоку от озера располагались волоки, ведущие из верховий Березины в верховья Вилии. Их покой со стороны земель латгалов и литвы стерегла островная крепость.

Весьма вероятно, что Мядель входил в Логойский удел.

Волость города Борисова

Верхнее течение реки Березины и ее притоки в раннем средневековье входили в волость, центром которой был город Борисов. Согласно В. Н. Татищеву Борисов был построен князем Борисом Всеволодовичем в 1102 г. Город занял остров у левого берега Березины. В ближайших окрестностях Борисова, в шести местах, насчитывают 204 кургана.

Впервые летописцы упоминают Борисов под 1128 г. Основная транспортная магистраль по Борисовской волости пролегла по руслу Березины. Параллельно реке шла грунтовая дорога, берущая начало на севере у Полоцка и ведущая к Киеву.

Волоки, действовавшие в верховьях Березины, оживляли торговлю в Борисове и не позволяли пустовать казне удельного князя. Боярские усадьбы стерегли устье Березины.

При впадении в Березину правого притока реки Свислочь в древности вырос город Свислочь. В XI — XIV вв. он занимал городище Замчище. Его размеры 70 × 70 м.

Северо-восточнее города Свислочь, над притоком Березины, над речкой Дулебой стоит древнее село Дулебя. В его окрестностях сохранились курганы. К северо-востоку от села Дулебя стоит городище с древнерусским археологическим слоем. Называется городище, как и близлежащее село, Дулебы. Получается, что Дулебы в VI — VIII вв. под натиском авар отступили не только на среднюю Оку, но и на Березину.

Волость города Лукомля

Впервые Лукомль упоминает Владимир II Мономах под 1078 г.

Лукомль в IX — XIII вв. занимал городище, непрерывно населенное людьми с рубежа эр.

Городище высятся над правым берегом реки Лукомки. Рядом с Лукомлем располагался подгородный посад [V — XII вв.]. Еще один посад занимал левый берег реки Лукомки. При дороге на деревню Черяя расположены курганы XI в.

Вокруг находящегося у города Лукомльского озера, на северной и западной его сторонах, в двух

некрополях насчитывают около девяноста курганов.

В пяти километрах южнее Лукомля, при деревне Стражевичи, в XIX в. на Марьиной горе выкопали два клада. Они были расположены близко один от другого и насчитывали 319 монет 915 — 1059 гг. Из них 46 монет — это арабские дирхемы 915/916 — 1013/1014 гг. Среди монет были золотой слиток весом 78,8 г и два золотых кольца.

К северу от Лукомля, при дороге на Полоцк, стоит древнее село Закурье. Некогда тут было крупное поселение кривичей. В окрестностях Закурья еще недавно насчитывали до сотни курганов.

На юго-востоке Лукомльская волость граничила с Друцкой. Межой волостям служил волок, соединявший притоки Западной Двины и Днепра у селений Толочин и Городище.

Волость города Друцка

В XI в. над правым берегом реки Друть выросли валы летописного города Друцка. Выше города действовали два волока. Один, начинаясь от Толочино, вел в реку Усяж-Бук и далее в Западную Двину. Через второй волок у села Переволочно попадали в Днепр, ниже Орши.

Издревле на волоках кипела жизнь. Плодородная долина верхней Друти рождала хорошие урожаи, и Друцк быстро вырос в один из крупнейших городов Полоцкого княжества.

Впервые Друцк упоминает Владимир II Мономах под 1078 г. Детинец Друцка, площадь которого 1 га, обнесен земляным валом высотой в 10 м. С севера к детинцу примыкает окольный город площадью в 1,3 га. Он также обведен валом и защищен рвом.

За рвом с севера, запада и востока Друцк окружал открытый посад. Вокруг Друцка раскиданы курганы, скрывающие погребальные урны с прахом X в.

В 1116 г. Ярополк Владимирович выселил жителей Друцка из города. Примерно в это время, согласно данным археологии, древнейший Друцк сгорел. К 1128 г. Друцк восстановили. В XII в. Друцк и его княжеская линия Всеволодовичей жестко противостояли Минску. В 1180 г. Друцк выдержал осаду Ольговичей и едва не всех полоцких князей. Друцк держался союза со Смоленском.

Друцк был крупным ремесленным центром. Кузнецы, ювелиры, косторезы, сапожники, гончары, ткачи обслуживали многолюдный, полный бояр, гридьбы и слуг двор князя. Город был плотно застроен небольшими, обведенными частоколом усадьбами, занятыми жилой избой и одной - двумя хозяйственными постройками. Дворы усадеб, как и уличные мостовые, выстилались бревнами и досками. Ремесленные дворы занимали площади не толь-

ко в посаде и окольном городе Друцка, но и в детинце.

Княжеская усадьба, по-видимому, занимала западную часть детинца. Тут обнаружены две разновременные постройки значительных размеров. Центр детинца не был застроен и служил городской площадью. Дворы придворных ремесленников жалась к южному валу детинца.

В Друцке не обнаружено следов каменного храма, зато во множестве встречается керамическая поливная плитка 9 × 9 см. Либо плитку хранили для строительства каменного храма, либо украшали ею пол в деревянных церквях.

В Друцке во множестве встречаются украшения и оружие — два противоположных полюса одной древнерусской стихии.

Волок от Друцка на Днепр стерегла крепость, занимавшая городище у деревень Дятлово и Кисели [Дымокуры]. До тридцатых годов двадцатого столетия у городища находился Рогволодов камень. Надпись, окаймляющая крест, выбитая на камне, гласила: "В лето 1171 г. мая в 7 день доспен крест сии. Г[оспод]и помози рабу своему Василию во крещении, именемъ Рогволоду, сыну Борисову".

Полоцкий князь Рогволод Борисович вспомнил о примере отца Бориса Всеволодовича, в 1128 г. приказавшего выбить надписи на Борисовых камнях.

Ныне Рогволодов камень бесследно исчез.

Завершая повествование о волостях Полоцкого княжества, кратко коснемся упомянутых источниками поселений Полоцкой земли, местоположение которых не определено однозначно.

Под 1128 г. летописцы упоминают Стрежев. Наиболее вероятно, что город занимал городище, высящееся над рекой Свечей у деревни Стрижева [Бешенковичский район Витебской обл.]. Строго говоря, есть еще как минимум два топонима Стрежев в Полоцких землях. Это село Стрежева на границе Витебской волости со Смоленскими землями. У Полоцка расположено озеро Стрижево. Тут на мысу, вдающемся в озеро, высятся курган. Первый вариант местоположения Стрежева кажется наиболее вероятным.

Под 1078 г. Владимир II Мономах упоминает Одреск. В полоцкой земле есть река Адров, но на ее берегах нет городищ.

Под 1070 г. летопись упоминает Голотичск. Указывают два схожих топонима — Головин между Большой Друтью и Днепром и Голоцк под Минском. Больше определенности в данном вопросе нет.

Под 1162 г. летопись упоминает Городец, находившийся у литовских лесов, недалеко от города Слуцка. Тут можно указывать на множество топонимов Городня, Городище и т. д. Но не был ли Городец 1162 г. городом Гродно на Немане? Хотя данное утверждение не бесспорно.

Глава 9. Смоленское княжество

9.1. Краткое географическое описание

Смоленские земли для русской истории имеют особое значение, ибо являются узлом, стянувшим не только верховья Днепра, Западной Двины, Ловати и Волги, но сплавившим воедино союзы славян Восточной Европы. Кривичи, радимичи, вятичи, словене новгородские составили лепестки цветка, именуемого Смоленские земли.

Смоленские земли изобилуют волоками. К началу VIII в. славянские союзы в основном заняли свои исторические провинции на востоке Европы, хотя заселяли их неплотно, но это было вопросом времени. В VIII в. волоки на Русской равнине заработали, с каждым десятилетием набирая мощь. Едва ли не наиболее оживленным на всей необозримой равнине оказался волок у села Гнездова, соединявший Днепр с Западной Двиной.

Центром северных земель раннесредневековой Смоленщины был город Торопец. В его окрестностях волокли ладьи и челны из реки Куньи (приток Ловати) в верховья Западной Двины.

Особый район Смоленских земель — это страна озер в верховьях Волги. Это край воды, лесов и холмов, полный древних волоков, сел и городищ.

На востоке Смоленских земель в бассейнах рек Москва, Нара, Протва в VIII — XIII вв. чересполосно жили вятичи и кривичи. Данный край был далекой лесной провинцией Смоленского княжества, по существу не имевшего четкого рубежа с Суздальским и Черниговским княжествами.

Юг Смоленского княжества был населен радимичами. От Днепра, южнее Смоленска, отходило несколько волоков, ведших в бассейны рек Сож, Десна и Угра.

Центром Смоленскому княжеству служила долина верхнего Днепра. По берегам реки стояло множество сел, храмов, монастырей, боярских усадеб. Над Днепром росла столица княжества. В Смоленск отовсюду стекались средства, и город хорошел, обстраиваясь каменными соборами и теремами.

9.2. История Смоленских земель

В VI — VII вв. н.э. на основной части территории Смоленского княжества развивалась археологическая культура, имеющая эталоном верхний слой городища Тушемля. Создатели данной культуры

были балтами, издревле смешивавшимися с подкочившими из центра Европы и из лесостепей востока Европы славянами.

В VII — VIII вв. новый славянский поток поглотил, а в ряде мест и смел огненным смерчем балто-славян верхнего поднепровья. На землях Смоленской, Полоцкой и частично Псковской исторических областей сел славянский союз кривичей. В Смоленских землях в VII — X вв. стали насыпать длинные курганы. Это было следование очень древней индоевропейской традиции, имевшей место в III — II тыс. до н.э. на землях Англии и Польши. Курганы были длинными оттого, что постоянно подсыпались (по линии восток — запад), принимая новые погребения.

В XI — XIII вв. на части земель Восточной Европы сложилась древнерусская курганная культура, ставшая последним звеном в теряющейся во мле минувших тысячелетий цепи индоевропейских культур, следовавших курганной традиции погребений.

Смоленские земли весьма богаты оставленными славянами курганными некрополями. На Смоленщине насчитывают до восьми сотен курганных групп.

К XIV в. христианство и весь уклад хозяйственной жизни свели курганную традицию на нет. Уже в XIII в. курганы, некогда имевшие исполинские размеры, значительно уменьшились в объеме. Погребальные урны и срубы, скрывавшие прах, уступили место деревянным колодам, позже замененным на досчатые гробы.

Крупнейший в Европе курганный некрополь расположен в местности, лежащей по берегам Днепра в десяти километрах к западу от Смоленска. Курганный некрополь именуют одним словом — Гнездово. В настоящее время в Гнездове сохранилось 3862 кургана [некогда курганов было около 5000].

В Гнездове найдено множество денежных, вещевых кладов и отдельных находок. Ранняя монета, найденная в Гнездове, датируется 786 — 809 гг. [дирхем]. Поздняя монета датируется 932 — 940 гг. Следовательно, жизнь на волоке [из Днепра в Западной Двину] в Гнездове начала теплиться на рубеже VIII — IX вв. Во второй половине IX в. на мысу, при впадении реки Свинки в Днепр, возникло поселение площадью в 4 га. Одновременно около поселка стали расти курганы. Вскоре площадь поселения увеличилась до 15 га.

Около середины X в. на мысу левого берега реки Свинки при впадении в Днепр были возведены деревянно-земляные укрепления городища, окружившие площадь в 1 га. Это выделился детинец, служивший средоточием государственной власти.

Во второй половине X в. западнее гнездовского городища, на холмах, были возведены самые большие и богатые курганы некрополя. К концу X в. число курганов в Гнездове увеличилось до трех тысяч.

В X в. Киев вытеснил варягов с волоков на Русской равнине. В Гнездове в X в. закапывали многочисленные клады. Возможно, следствием борьбы Киевской Руси с варягами в Гнездове стало появление [в X в.] западнее старого городища при устье реки Свинки нового городища на мысу при устье реки Ольшанки. Новый центр Гнездова уступал древнейшему размерами, богатством и числом окрестных курганов.

На рубеже X — XI вв. старое городище при устье Свинки запустело, хотя и не было заброшено людьми окончательно.

Варяги сравнительно крупными силами проникли на волок у Гнездова во второй половине IX в. одновременно с появлением Рюрика на Волхове. В последней четверти X в. скандинавы археологически перестают ощущаться на Русской равнине. Славяне попросту растворили северных германцев в своей среде. На одну из причин исчезновения варягов на Руси указывает курганный некрополь при селе Новоселки, расположенном северо-западнее Гнездова. У села сохранилось 36 курганов четырехугольной формы, насыпанных не позже второй половины IX в. Под этими курганами встречаются супружеские захоронения норманнов и славянских женщин.

В начале XI в. второе [меньшее] гнездовское городище при устье реки Ольши было заброшено. Началась эпоха широчайшего общерусского строительства. На верхнем Днепре, к востоку от Гнездова, начал возвышаться Смоленск.

Летописные своды впервые упоминают Смоленск под 863 г. [Устюжская летопись].

Под 882 г. летописцы говорят о том, что Олег по пути к Любечу и Киеву овладел Смоленском. Быть может, Аскольд и Дир в 864 г. потеснили варягов на волоке у Смоленска.

В 907 г. кривичи получили откуп в Византии. Под 948 — 952 гг. Константин Богрянородный упоминает Смоленск.

Княгиня Ольга, проехав по русскому северу в 947 г., не удостоила Смоленск особым вниманием. На волоке у Смоленска Киев давно установил твердую государственную власть.

Владимир I Святославович посадил в Смоленске сына Станислава [+1036 г.].

В 1054 г. Ярослав I Мудрый отдал Смоленск сыну Вячеславу [+1057 г.]. Затем в Смоленске княжил Игорь Ярославович [+1060 г.].

Изяслав I, Святослав и Всеволод Ярославовичи поделили Смоленское княжество на сферы влияния.

В 1073 г. Смоленским княжеством овладел Всеволод Ярославович. В 1076 г. в Смоленске сел Владимир II Всеволодович Мономах. В 1101 г. он построил в Смоленске собор Успения Богоматери.

7 мая 1107 г. в Смоленске умерла супруга Владимира II Гита Гарольдовна.

В 1111 г. Владимир II привез в собор в Смоленске чудотворный образ Богоматери Одигитрии.

После кончины Владимира II Мономаха [+1125 г.] Смоленск переходит в руки его внука Ростислава Мстиславовича.

В 1127 г. земли радимичей на верхнем Соже и Ипути вошли в состав Смоленского княжества.

В 1136 г. в Смоленске учреждена епископская кафедра.

При Ростиславе Мстиславовиче Смоленское княжество стало обретать самостоятельность и могущество.

Воины Ярославовичей, в XII в. едва ли не ежегодно сотрясавшие Южную Русь, счастливо миновали Смоленские земли.

12 апреля 1159 г. Ростислав Мстиславович занял киевский стол. Значение Смоленска на Руси возросло.

В 1159 — 1167 гг. в Смоленске княжил сын Ростислава Роман. В Торопце Ростислав посадил другого сына — Мстислава. Остальных сыновей Ростислав одарил уделами за границей Смоленского княжества. В Новгороде сидел Святослав, в Овруче — Рюрик, в Новом Торге — Давыд. Позже Давыд получил Витебск и Вышгород.

После кончины Романа в Смоленске вокняжился Давыд Ростиславович [1180+1197 гг.].

До 1214 г. в Смоленске сидел князь Мстислав Романович.

До 1219 г. на смоленском столе сидел Владимир Рюрикович.

В первой четверти XIII в. в Полоцкие и Смоленские земли все чаще стали вторгаться литовские отряды.

Одновременно возрастало влияние Смоленска на Новгород и Полоцк. 17 января 1222 г. смоляне овладели Полоцком.

В 1229 г. смоленский князь Мстислав Давыдович заключил договор с Ригой и Готландом, регулирующий торговые и политические отношения сторон.

Мстислав Давыдович княжил в Смоленске до своей кончины в 1230 г.

В 1232 г. внук Романа Ростиславовича Смоленского Святослав Мстиславович, опираясь на военную помощь полочан, взял Смоленск на щит. Святослав Мстиславович удерживал за собой Смоленск до 1238 г.

В 1238 г. монголы от Селигера до городов вятичей на верхней Оке прошли восточнее Смоленска и не разорили княжества.

Согласно житию Меркурия Смоленского в 1242 г., возвращаясь из Венгрии, отряд татаро-монголов подступил к Смоленску, но города взять не сумел. Ночью смоляне предприняли вылазку и разгромили монголов у Долгомостья.

В XIII в. в Смоленских землях шла борьба между потомками Романа и Давыда Ростиславовичей.

Торопец имел собственных князей — потомков Мстислава Ростиславовича.

После кончины смоленского князя Михаила Ростиславовича [+1279 г.] солнце над верхним поднепровьем стало клониться к закату.

Среди богатого наследия раннесредневекового Смоленского княжества особый интерес представляют “Грамоты смоленской епископии XII—XIII вв.” Эти документы хотя бы отчасти восполняют утрату смоленских летописей. Обнаружены эти грамоты в Швеции С.В.Соловьевым. Две ранние грамоты относятся к 1136 г.

Выше упоминалось о том, что в 1136 г. была учреждена смоленская епископия. Тогда же смоленский князь Ростислав Мстиславович составил Уставную грамоту. В ней князь сообщает об учреждении смоленской епископии. Новая кафедра нуждалась в источниках доходов, и Ростислав Мстиславович в грамоте подробно очерчивает круг кормления. В ней также говорится о передаче епископу “прощеников” и о том, что судить их может только епископ. В грамоте приведен перечень городов и волостей, платящих дань князю, и говорится о том, что десятая часть дани будет поступать епископу. От продаж, полюдьи и вир, также составлявших доход князя, епископ десятины не получал. Говорится в грамоте и о восточной провинции Смоленского княжества — о залесской дани [земли в верховьях реки Москвы]. Оговаривается, что в случае, если Юрий Долгорукий дань вернет Смоленску, десятая от нее пойдет епископу.

И, наконец, десятая часть всех натуральных доходов князя, как, например, рыбная ловля, поступает на кафедру. Кроме того, из княжеских владений два села, охотничьи и рыбные промысловые угодья и сенокосы были отданы епископии. Также епископии передали имущество со двора князя, земли под огороды в Смоленске с семьями, их обрабатывающими, и семью охотника, жившую в пригороде за Днепром.

Оговариваются в грамоте полномочия епископского суда и невмешательство светской власти в дела духовного суда.

В 1136 г. при дворе Ростислава Мстиславовича была написана дополнительная грамота, именуемая “Подтвердительно грамотой епископа Мануила”.

В 1150 г. Ростислав Мстиславович пишет новую грамоту “О холме”. В ней сказано о передаче смоленской епископии городского холма, на котором Владимир II Мономах в 1101 г. с благословения переяславского епископа Симеона [тогдашнего владыки Смоленских земель] построил Успенский собор.

В 1211 — 1218 гг. в Смоленске была написана грамота “О погородьи и почестьи”. Этот документ, переписанный в XVI в., определяет поступления доходов в епископию с городов — погородье и со службы церковной — почестье.

Помимо грамот, касавшихся смоленских епископов, сохранились тексты торговых договоров Смоленска с Ригой и Готландом.

Генрих Латвийский свидетельствует, что после несчастной битвы на реке Калка [31 мая 1223 г.] смоленский, полоцкий и ряд иных русских князей отправили послов в Ригу с предложением о мире, подобном тому, какой был заключен в 1210 — 1212 гг.

Текст договора 1223 — 1225 гг. не сохранился.

Зимой 1220 г. смоленский князь Мстислав Давыдович отправил в Ригу послов — попа Еремея и мужа Пантелея “твердить мир”. Русские князья чувствовали страшную угрозу с востока и стремились поддерживать добрые отношения с Центральной и Западной Европой.

В Риге был составлен текст и там же подписан сторонами. Из Риги русские послы плывали на Готланд и обменялись текстами договоров.

Приведем часть текста договора Смоленска с Ригой и Готландом по изданию Русско-Ливонских актов [с.451 — 453].

Проект Договора Смоленска с немцами половины XIII в.

“А рядъ мои съ Немьци таковъ: Аже боудутъ мои Смолняне въ Ризе, вольное тѣргование имъ въ Ризе. Аже боудутъ Смолняне на Гѣтскомъ березе, вольное тѣргование имъ на Гѣтскомъ березе. Аже боудутъ Немьци въ моемъ Смольске, вольное имъ тѣргование въ моемъ Смольнѣске. А места на корабли вольная, како Немечичю, тако и Смолняниноу. Аже оубьютъ моужа вольного, тѣ выдати розбойники, колико ти ихъ боудеть было; не боудеть розбойниковъ, то дати за голову 10 гривень серебра. Аже оубьютъ посла или попа, то двое тои дати за голову; аже не боудеть розбойниковъ, боудутъ розбойници, выдатие. Или кто выбьетъ око человеку, или ногу ототнетъ, или роукоу ототнетъ, или иноую хромоту в теле оучинить, 3 гривень серебра платити, а за зюубъ 3 гривны серебра. Или человекъ человека деревемъ оударити, до крови, или по лицу оударити, а дати емоу 3 гривны серебра. Или человекъ ранитъ мечемъ или ножемъ, а хромоты на теле его не боудеть, дати емоу 1 гривны серебра. Или Роуськомоу гѣстьи притѣчѣся пригодитъ въ Ризе или на Гѣтскомъ березе, ни какоже его въ дыбоу въсадити. Аже боудеть пороука по нь, на пороуце его дати; или не боудеть пороуки, а въ железа и въсадити. Или Руськыи гѣсть свои тѣваръ дастъ в дългъ в Ризе или на Гѣтскомъ бере(зе) Немчичю, а нь дългъ не боудеть инемъ. Роуськомоу же гѣстьи напередъ възъяти. Или Немьчьскыи гѣсть въ дългъ дастъ Смолнѣске свои тѣваръ Роусиноу, аче дългъ не боудеть инемъ, Немечьскомоу гѣстьи напередъ възъяти”.

В 1232 — 1240 гг. при князе Святославе Мстиславовиче была создана еще одна редакция договора с Ригой и Готландом.

9.3. Города, поселения, торговые пути, волоки

Смоленск

О Смоленске летописцы начинают говорить с 862 — 863 гг., однако в городе не найдено слоев с предметами IX — X вв. Под летописным Смоленском IX — X вв. следует понимать центр в Гнездове. Это было древнейшее гнездо смоленских кривичей, и в IX — X вв. оно притягивало скандинавов.

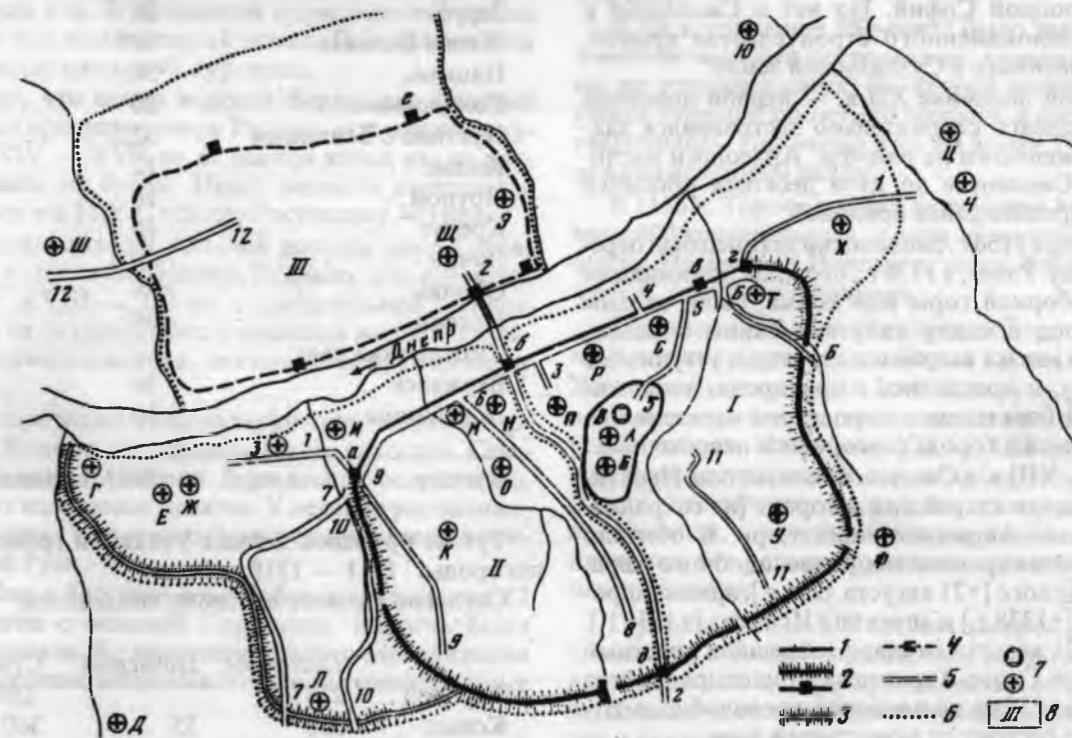
Современный Смоленск начал расцветать в XI в. Город занял холмы левого берега Днепра — Соборный, Вознесенский, Казанский, Георгиевский. На

правом берегу Днепра застраивали Покровскую гору.

Древнейшее укрепление Смоленска было устроено на Соборной горе. Через ров, по направлению к Троицкому монастырю, был переброшен мост. Укрепление было обведено валом.

В 1101 г. над Соборной горой вознеслась громада каменного храма, построенного Владимиром II Мономахом. Кроме того, в детинце на Соборной горе из плинфы были отстроены бесстолпная капелла и здание, по-видимому, служившее резиденцией князю или епископу.

При Ростиславе Мстиславовиче в 1135 г. Смоленск расширился. Укрепили валы и стены окольно-

Древний Смоленск по В.А.Сапожникову.

Концы древнего Смоленска: I — Крылошевский; II — Пятницкий; III — Городенский.

Каменные здания XII—XIII вв.: А — Успенский собор, 1101 г.; Б — бесстолпный храм, середина XII в.; В — терем, середина XII в.; Г — церковь в устье р. Чуриловка, конец XII — первая половина XIII вв.; Д — руины церкви на бывшей улице Богословская Козинка (совр. Пушкина); Е — ротонда, вторая половина XII в.; Ж — церковь Иоанна Богослова, между 1160 и 1180 гг.; З — руины церкви (Иоанна Полутелого); И — “Пятницкая” церковь, конец XII в.; К — церковь на Воскресенской горе, конец XII — начало XIII вв.; Л — руины церкви Пятницкого монастыря; М — церковь Малая Пятницкая; Н — церковь Бориса и Глеба; О — руины неизвестной церкви; П — руины церкви (Михаила Архангела); Р — церковь Симеона, конец XII в.; С — церковь Лазаревская; Т — церковь на углу улиц Покровской (совр. Тимирязева) и Зеленый ручей; У — Спасская церковь, XII в.; Ф — Авраамьев монастырь, начало XIII в.; Х — руины неизвестной церкви, первая половина XII в.; Ц — церковь на р. Малой Рачевке, конец XII — первая половина XIII вв.; Ч — церковь в Перекопном переулке, середина XII в.; Ш — церковь Петра и Павла, середина XII в.; Э — Ильинская церковь; Ю — церковь Екатерины.

Ворота “Старого города”: а — Пятницкие; б — Фроловские (Днепровские); в — Крылошевская башня; г — Крылошевские; д — Духовские; е — Заднепровские. Улицы древнего Смоленска 1—1 — Большая проезжая; 2—2 — Большая дорога; 3 — часть неизвестной улицы к востоку от современной улицы Соборная гора; 4 — часть неизвестной улицы в районе бывших Лазаревских ворот крепости Ф. Коня; 5—5 — неизвестная улица на Соборной горе; 6—6 — Щель; 7—7 — Отцовская гора; 8—8 — Резницкая; 9—9 — Воскресенская; 10—10 — Пятницкая (Рясна); 11—11 — Спасская; 12—12 — Петропавловская.

1 — Владычный двор на Соборной горе, с 1136 г.; 2 — “Старый город”, не позднее начала XII в.; 3 — Пятницкий острог, вторая половина XII в. (до 1197 г.); 4 — Заднепровский острог, к началу XV в.; 5 — улицы; 6 — границы городских концов; 7 — каменные здания XII—XIII вв.; 8 — концы средневекового Смоленска

го города. На реке Смядынь, на месте гибели князя Глеба Владимировича, построили храм Бориса и Глеба, служивший впоследствии усыпальницей смоленским князьям.

В середине XII в. над правым берегом Днепра, на территории загородной резиденции князя, возвели четырехстолпный трехапсидный одноглавый храм Петра и Павла. Храм был соединен галереей с двухэтажным дворцом князя. Храм Петра и Павла сохранился в хорошем состоянии и отреставрирован. По его силуэту мы можем судить об особенностях смоленского зодчества. Кирпичная кладка в Смоленске была однородной, с перевязкой шва. Здания богато украшали пластикой. В Смоленске мы не видим валунов, перемежающих ряды из плинфы, подобно стенам киевской и полоцкой Софий. Но нет в Смоленске и традиции белокаменного строительства храмов, распространенного в Суздальской земле.

Во второй половине XII в. — первой половине XIII в. Смоленск стремительно застраивался зданиями, сложенными из плинфы. Археологи насчитывают в Смоленске до пяти десятков россыпей плинфы, скреплявшейся цемянкой.

30 сентября 1150 г. смоленский детинец был передан епископу. Ранее, в 1136 г., огороды, занимавшие склоны Соборной горы или холма, были отданы епископу под посадку капусты. Таким образом, смоленские князья выехали из детинца, уступив его духовенству, и поселились в пригороде, подальше от страстей богатейшего городского населения. А иногда страсти в городе разгорались нешуточные.

В начале XIII в. в Смоленске епископом Игнатием был основан старейший в городе [из сохранившихся] Спасо-Аврамиев монастырь. В обители долгие столетия хранили мощи преподобного Авраамия Смоленского [+21 августа 1221 г.], архимандрита Ефрема [+1238 г.] и епископа Игнатия [+1210 г.]. Ежегодно 21 августа смоляне совершали крестный ход от ворот Спасо-Аврамиева монастыря до села Богородицкого, места подвигов преподобного Игнатия. Село отстоит от монастыря в 6 км.

Быстрое развитие Смоленска, его ослепительная красота и богатство выросли на сочетании удачного местоположения у волока, оживленной торговли, цветущих ремесел, развитого сельского хозяйства и разумной политики князей Мономашевичей.

Уставные грамоты 1136 г., 1211 — 1218 гг.

Повествуя о землях Смоленского княжества, нельзя не обратиться к Уставной грамоте Ростислава Мстиславовича 1136 г. В грамоте перечислены волости, города и села княжества и указаны размеры даней, поступающих в казну Ростислава.

Вержавляне Великие	1000
Врочницы	200
Торопец	400
Жижец	130
Каспля	100
Хотшин	200
Жабачев	200

Воторовичи	100
Шуйская	80
Дешняны	30
Ветская	40
Былев	20
Бортницы	40
Витрин	30
Жидчичи	10
Басея	15
Мирятичи	10
Добрятино	30
Доброчков	20
Бобровницы	10
Дедогостици	10
Заруб	30
Ження Великая	200
Пацынь	30
Солодовнич	20
Путтино с Беницами	32,5
Копыс	12
Прупой	10
Кречут	10
Лучин	—
Оболь	—
Искона	40
Суздальская дань	—
Вержавск	30
Лодейницы	10

В итоге 3087,5 гривны

Тут же приведем данные Уставной грамоты "О погородье" 1211 — 1218 г.

Согласно грамоте епископу полагалось:

	Погородье	Почестье	Сумма
Торопец	2187,5		2187,5
Копыс	325	35	360
Мстиславль	300	87,5	387,5
Жижец	250	62,5	312,5
Лучин	175		175
Елня	161		161
Ростиславль	150	100	250
Вержавск	137,5		137,5
Пацинь	97		97
Дорогобуж	75	112,5	187,5
Крупль	62,5		62,5
Изяславль	50		50

Единица измерения — гривна — соответствует 50 кун.

Платили епископу и лисицами: 1 лисица — 11 кун.

Волость Вержавляне Великие

Вержавляне Великие в 1136 г. выплачивали княжеской казне 1000 гривен. Это была огромная сумма. Доходы волости превосходили размеры вы-

плат в несколько раз. Возникает вопрос: из чего складывались доходы сравнительно небольшой по площади волости и где волость располагалась?

Лады и челны из Западной Двины к Днепру, на Гнездово в VIII — XIII вв. волочили руслом реки Каспли [приток Западной Двины]. Справа в Касплю впадает река Гобза. Устье Гобзы служит межей или центром крупнейшего волока Восточной Европы раннего средневековья.

При реке Гобза, между озерами Ржавец и Поганое, на мысовом холме на высоте 31 м находится окруженное валом городище. Его размеры 100 × 50 м. Ныне городище занято кладбищем, что характерно для издревле обитаемых мест [городов, сел, погостов]. Культурный слой на городище 1 м. В древности городище окружало селище или подгородный посад. В близлежащем лесу насчитывают 40 курганов.

На то, что центр волости Вержавлян Великих занимал городище у озера Ржавец, указывают документы XIV — XVII вв. В данной книге мы их рассматривать не будем. Центр волости именовался Вержавск и в 1136 г. платил Ростиславу 30 гривен.

Высокие доходы жителей долины реки Гобза, то есть волости Вержавлян Великих, объясняются тем, что в VIII — XII вв. в значительной степени именно их трудами обеспечивалась жизнедеятельность главного волока, лежащего на пути из варяг в греки.

В долине реки Гобзы на территории волости Вержавлян Великих находилось девять погостов. Северо-восточнее городища Вержавское сохранилась деревня с названием Девятая. У деревни расположены городище и курганный некрополь эпохи домонгольской Руси.

Вообще в бассейне реки Гобза насчитывается 12 топонимов с основой Городище. Волость была густо заселена. Ее население помимо эксплуатации волока активно возделывало сельскохозяйственные угодья.

Торопец. Жижец. Каспля. Хотшин. Жабачев

Вслед за волостью Вержавляне Великие в Грамоте 1136 г. упоминается волость [или город] Врочницы. С Врочниц взималось 200 гривен. Карта и иные источники не дают ясного представления о местоположении Врочниц и только то, что вслед за Врочницами в Грамоте следует город Торопец, позволяет предположить, что Врочницы помещались на водном пути в верховьях Западной Двины между волостью Вержавлян Великих и Торопцом.

Раннесредневековый Торопец занимал городище "Кривит". Оно занимает холм, при истоке реки Торопы из озера Соломенное. Городище имеет овальную форму. Его размер 90 × 75 м. Оно высится над водой на 25 м и защищено кольцевым валом.

Под холмом, северо-западнее городища, в раннем средневековье располагался посад.

Кривичи заселили окрестности озера Соломенное в IX в. Тогда же вокруг озера выросли курганы кривичей. Севернее и западнее поселений кривичей

на озере Соломенное в IX в. активно заработали волоки. По их бревенчатым настилам местное население перетаскивало торговые суда из верховий реки Торопы [приток Западной Двины] в верховья рек Добшо, Ока, Сережа [бассейн Ловати].

В XI в. началось возвышение летописного Торопца.

В имени реки и города отражена торопливость, с какой в IX — XIII вв. оборачивались расторопные купцы и рядовые работники на одном из важнейших волоков Русской равнины.

Из Киево-Печерского патерика нам известен инок знаменитой обители по имени Чернь. До пострижения был этот человек богатым купцом из Торопца.

В XI в. городище "Кривит" было застроено многочисленными постройками, ориентированными по сторонам света. Во второй четверти XII в. улицы Торопца замостили деревом, а число дворов увеличилось. Примерно в то же время Торопец окружили земляным валом.

В 1136 г. Торопец давал Ростиславу Мстиславовичу 400 гривен налога, и дела на волоках шли неплохо. На север, в Новгород, через Торопец везли хлеб. С севера шла пушнина.

С возведением вала планировка Торопца подчинилась линии его овала. Город густо застроили. Жилые избы размерами 3 × 3 м. окружали хозяйственные постройки, расположенные на мощных деревьях дворах. На рубеже XII — XIII вв. Торопец еще гуще застроился. В городе помимо торговли и подсобного сельского хозяйства процветали ремесла. Кузнецы, ювелиры, гончары, ткачи, скорняки, плотники без устали трудились над многочисленными заказами.

Торопец в XII — XIII вв. был центром удельного княжества, и бояре, гридьба, купечество нуждались в собственном центре производства всего набора продукции — от кольчуг и мечей до женских подвесок и княжеских барм.

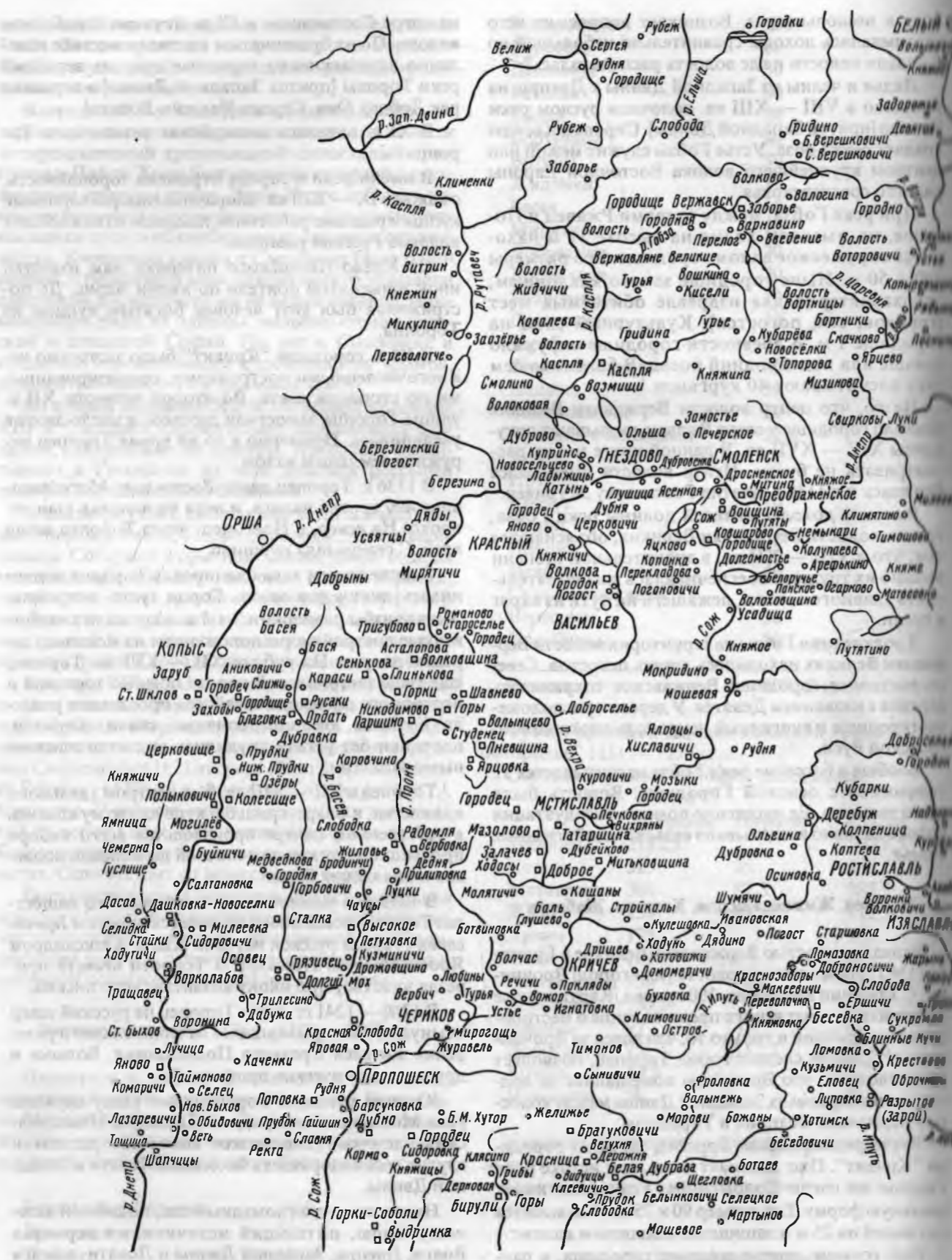
В 1239 г. в уцелевшем от монгольского нашествия Торопце повенчали дочь витебского князя Брючича с героем русской истории XIII в. Александром Ярославовичем Невским. В Торопец невеста привезла чудотворную икону византийского письма.

В 1240 — 1241 гг. через Торопец на русский север хлынул поток скрывававшихся от монгольского разорения жителей Среднего Поднепровья, Волыни и других южно-русских провинций.

Южным рубежом Торопецкому уделу служила река Межа [приток Западной Двины]. С Новгородскими землями Торопецкое княжество разделяли глухие леса водораздела бассейнов Ловати и Западной Двины.

Напомним, что громадный лес, подобный зеленому морю, питающий источниками верховья Волги, Днепра, Западной Двины и Ловати, зовется Оковским.

К юго-западу от Торопца находится большое Жижицкое озеро. В грамоте 1136 г. вслед за Торопцом следует Жижец, плативший в Смоленск 130

гривен. Кроме того, богатая озерами волость поставляла князю рыбу.

К Жижицкому озеру с запада подходит верховье реки Куньи, правого притока Ловати. Глядя на список городов и волостей грамоты 1136 г., складывается впечатление, что смоленские князья последовательно, видимо с начала XI в., вводили дани на пути из Днепра в Ловать. Упомянутые в грамоте топонимы выстраиваются в единый ряд на водном пути из варяг в греки.

В 1211 — 1218 гг. с Жижеца взымали уже 312,5 гривны. Летопись упоминает Жижец под 1245 г. Тогда под городом Александр Невский настиг и разбил литовцев. Город занимал городище “Попова гора”, находящееся на узком мысу, с северо-запада, словно перст, вдающееся в зеркало Жижицкого озера. Размер городища 70 × 50 м. В полукилометре от “Поповой горы” стоит деревня Залучье.

Летописный Жижец возник в XI в. на месте поселения дяковской археологической культуры.

За Жижецом в грамоте 1136 г. упоминается Каспля, платившая в Смоленск 100 гривен. Волость Каспля, как несложно понять, располагалась в долине реки Каспли, притока Западной Двины и главной водной дороги волока из Днепра в Западную Двину.

Центром волости могло служить мысовое городище у деревни Каспля. Оно занимает холм высотой в 16 м, стоящий над правым берегом верхнего течения реки Каспли.

Размеры городища Каспля невелики — 50 × 25 м. Но культурный слой значителен — 1,5 м.

Далее писало в княжеской канцелярии Ростислава Мстиславовича в 1134 — 1136 гг. вывело: “Хотшин — 200 гривен”.

Центром древнерусской весьма богатой волости было современное село Хотшино, стоящее над берегом озера Волго, при истечении русла реки Волги.

К волости Хотшин могли тяготеть древние села Баранья Голова, Волго, Селище. Деревня Завирье, стоящая на берегу озера Волго северо-западнее Хотшина, указывает на то, что поблизости [видимо, в Хотшине] взымали виру или проездное мыто. Доходы Хотшина складывались из налогов, платившихся шедшими по Волге к волокам на Ловать и Западную Двину купцами. Мимо Хотшина шел хлеб в Северную Русь, и поступления гривен в Смоленск были весьма регулярны и надежны.

Второй путь на волок в Северную Русь к знаменитому Игнашеву кресту, остановившему Батю в 1238 г., контролировала Смоленская волость Жабачев, также вносящая в казну Ростислава 200 гривен.

Центр крайней на севере смоленской волости Жабачев располагался при деревне Рудино, в том месте, где берега сжимают гладь озера Селигер, переходящего в Селижаровский плес. На местоположение Жабачева в деревне Рудино указывают писцовые книги XVII в. Некогда у деревни Рудино находилось городище. Время его не сохранило.

К Игнашеву кресту, на волок в новгородские земли мимо Жабачева ежегодно везли тонны золотого зерна. От поступления этого груза зависела жизнь новгородцев.

Волости, располагавшиеся по берегам озер Волго и Селигер, одновременно подпали под контроль смоленской княжеской администрации. Это случилось не позднее второй половины XI в.

Если верно предположение о том, что список городов и волостей, приведенный в Грамоте 1136 г., пополнялся по мере распространения власти смоленских князей на окрестные волости, то мы, следуя списку, можем проследить направления и последовательность роста земель княжества в XI — XII вв. Без сомнения, помыслы смоленских князей, бояр и гридьбы не в последнюю очередь ориентировались на экономические интересы. Волости, подпадавшие в зависимость от смоленского князя, обретали боярские усадьбы-крепости и начинали терять земли, переходившие под власть боярства. Нередко прежде боярина на земле волости появлялся храм или монастырь. Общине, или миру, приходилось уступать часть угодий духовенству. Впрочем, чаще бояре и духовенство шли на земли древнейших сотен и тысяч кривичей, вятичей и иных славянских союзов рука об руку.

Волость Воторовичи

Волость Воторовичи, платившая в Смоленск 100 гривен, располагалась в верховьях правого притока Днепра реки Вопь и в долине ее притока реки Вотря. Секрет благосостояния Воторовичей заключался в том, что из Днепра по рекам Вопь и Вотря поднимали на волок в реку Гобза [волость Вержавляне Великие] и далее в Касплю и Западную Двину купеческие лады и челны.

На север из волости Воторовичи к городу Белому шла старинная дорога. В волости Воторовичи, как и в волости Вержавлян Великих, есть деревня Девятая. Удивительно, но за частным видна закономерность, и в волости Жижица есть озеро Девято [быть может, названное по имени исчезнувшей деревни]. Вообще чаще всего именно девятая деревня отмечена топонимом по волостям Русской равнины. Если предположить, что прообразом древнерусских волостей были древнейшие сотни славянских союзов, то сотни могли предопределить деление волостей на десять округов или общин. Десятым центром волости мог быть крупнейший погост или городище, служившее местом средоточения светской и духовной властей. В XI — XII вв. власть в волостях кривичей из рук старейшин и глав родов перешла в руки бояр и священников, находившихся под патронажем князя и епископа. Место центров-погостов и городищ заняли боярские усадьбы, монастыри и церкви.

Управление волостью Воторовичи могло осуществляться либо из городища у деревни Посняки, либо из села Городно, либо из села Устья, где есть курганный некрополь.

Волости: Шуйская. Дешняне. Ветская. Былев

Вслед за волостью Воторовичи в грамоте 1136 г. следует волость Шуйская, вносившая в смоленскую казну 80 гривен.

Слово “шуица” в русском языке означает левую руку. Выше впадения реки Шуица в реку Снопот [приток Десны] впадает речка Десенка. Десницей на Руси именуют правую руку. Казалось, все верно — Шуица приток Снопота, а Десенка — приток левый.

Выходит, что славяне, давшие имена рекам Шуица и Десенка, поднимались долиной Снопота от низовья в верховья и восприняли левый приток как правый, а правый — как левый.

В среднем течении реки Шуицы стоит село Шуи. По-видимому, в древности в селе находился центр волости Шуйская.

Смоленские князья с водного пути из Днепра в Западную Двину, Ловать и Волхов рано обратили взоры на восточные области княжества, граничившие с землями вятичей и с Черниговским княжеством. Это подтверждает последовательность волостей, следующих в грамоте 1136 г. за Шуйской волостью.

Волость Дешняне платила в Смоленск 30 гривен. Располагалась волость в верховьях реки Десны. Центром волости мог служить город Ельня. О Ельне в грамоте 1211 — 1218 гг. сказано, что ею вносилась 161 гривна погородья.

В древности Ельня занимала округлое городище размерами 105 × 65 м, высящееся на 9 м над левым берегом Десны при впадении ручья. Ельня расцвела в XII в., после 1136 г., и служила административным, духовным и ремесленным центром волости Дешнян.

От верховий Десны грамота 1136 г. обращает наши взоры на верховья рек Москва и Протва. На водоразделе между бассейнами Днепра, Волги и Оки [реки Москва и Протва] смоленские князья утвердились в волости Ветская прежде всего. Центром волости служило современное село Ветцы. Взимали с волости 40 гривен.

Ветская волость для Смоленска послужила плацдармом, отворившим путь для распространения административного влияния княжества в долины рек Москва с притоками Искона, Руза и Протва. Это был глухой лесной порубежный край, не имевший четкой межи с владениями могучих соседей — князей Суздаля и Чернигова. И Смоленск спешил утвердить свою власть как можно далее на восток, в еще не занятые земли, чересполосно населенные общинами кривичей и вятичей.

Волость Былев вносила в Смоленск 20 гривен. Центром волости могло служить село Былев [Бильтево], стоящее над рекой Касна [приток рек Вазуза и Волга]. Былевская волость соединяла Смоленск с далекой Ветцей.

Центральные волости: Бортницы. Витрин. Жидчичи. Бася. Мирятичи

После утверждения власти на порубежье с вятичами Смоленск обратил взор на внутренние волости.

Бортницы вносили в казну Ростислава 40 гривен. Это была волость, населенная профессиональными пчеловодами, ставившими выбитые из срезов стволов деревьев бортни [полые колоды] по лесам и дугам, в долине реки Царевня [приток рек Вошь и Днепр].

Севернее волости Бортницы лежала богатая волость Воторовичи, располагавшая волоком из реки Вотря [бассейн Днепра] в реку Гобза [бассейн Западной Двины]. Из верховий реки Царевня волок также сообщался с верховьем Гобзы. Это означает, что волость Бортницы дублировала речную торговую дорогу соседней волости Воторовичи.

В долине реки Царевня находят арабские монеты и клады, указывающие на наличие некогда оживленной транзитной дороги, шедшей по земле волости.

Центром волости служило село Бортники, стоящее на правом берегу реки Царевня, в ее нижнем течении.

Волость Витрин вносила в казну князя, согласно грамоте 1136 г., 30 гривен. Местоположение волости определяется по озеру Витрин. По земле волости пролегал волок, шедший из Днепра, от Березинского погоста, в реку Рутавета [приток Каспли и Западной Двины]. На наличие волока указывает село Переволотче. Таким образом, Витрин дублировал Вержавлян Великих.

Между волостями Витрин и Вержавляне Великие в долине реки Чернобесна лежала небольшая и не богатая волость Жидчичи, вносившая в казну князя 10 гривен.

Согласно последовательности волостей, приведенных в грамоте 1136 г., с водораздела Днепра и Западной Двины Смоленск обратился к западным волостям своих земель.

Волость Бася вносила 15 гривен. Ее земли простирались по берегам реки Баси [бассейн реки Сож].

Волость Мирятичи вносила 10 гривен и занимала долину реки Мерея. Центром волости могло служить городище, что у деревни Романово, окруженной крупным курганным некрополем.

В волостях Бася и Мирятичи смоленские князья для утверждения собственной власти стремились посадить верных себе бояр. А бояре, в свою очередь, в XII в. стремились закрепиться в волостях, заняв древние городища усадьбами и обстроив их укреплениями, изрыв колодцами, погребями-ледниками, годами сохранявшими необходимые для автономной жизни припасы. Так, древние центры общин и сотен славян, утвердившиеся в VIII — X вв. на вернем Днепре, в XI — XII вв. теряли былые значение и власть.

Волости Добрятино, Доброчков и Бобровницы вносили в княжескую казну соответственно 30, 20 и 10 гривен. Однозначно выявить вышеназванные волости по топонимам и гидронимам представляется затруднительным. Однако предположения выкижем.

В верховье реки Лопасни есть небольшая речка Бобровка. Еще одна речка Бобровка есть в бассейне реки Протвы [в среднем течении].

Западнее Подольска, над рекой Пахрой, стоит древнее село вятичей Дубровицы. В среднем течении реки Нара есть деревня Дубровка.

Каждая волость в древности занимала определенную речную долину. Добрятино могло быть центром долины Пахры и могло располагаться в районе современного Подольска.

Бобровницы занимали либо долину реки Лопасни, либо часть бассейна реки Протвы [но это менее вероятно].

Доброчков мог располагаться в долине реки Нары, но подтвердить это предположение топонимами сложно.

Не ясен вопрос с местоположением волости Дедогостици, платившей в Смоленск в 1136 г. 10 гривен. Скажем лишь, что в Дедогостицах гости [купцы] останавливались у дедичей — свободных крестьян, наследовавших имущество и земли дедов.

Волости: Заруб. Ження Великая. Пацынь. Солодовнич. Путтино с Беницами

Волость Заруб в казну вносила 30 гривен. В верхнем течении реки Ипать при селе Разрытое [Зарой] находится городище, населенное в эпоху домонгольской Руси.

Волость Ження Великая вносила в 1136 г. 200 гривен. Благополучие волости обеспечивали волоки, ведущие из верховий Западной Двины в систему озер верхней Волги. В известной степени с именем волости Ження Великая переключается название реки Жукопа, впадающей в озеро Волго.

И вновь карта невольно заставляет вспомнить о славянских жупах центра и юга Европы. Мы еще вернемся к данному вопросу при рассмотрении земель Великого Новгорода.

Волость Пацынь, вносившая в Смоленск в 1136 г. 30 гривен, определяется по селу Пацынь, стоящему над рекой Гобья [приток верхней Десны].

Волость Солодовнич вносила в казну 20 гривен. На землях волости сходились верховья Днепра, верховья притоков Западной Двины [рек Обша и Межа] и Волги [река Вазуза]. Центр волости отмечен селом Погост Спас-Солодомля, стоящим над рекой Солодомлей. Рядом расположена традиционная для древнерусских волостей деревня Девяткина. Верховья вышеназванных рек связывали волоки.

Волость Путтино с Беницами располагалась в верхнем течении реки Протвы. Западнее Боровска до наших дней сохранилась деревня Беницы. В грамоте 1136 г. читаем: “На Путтине присно платят четыре гривны, Беницы две гривны, кочмити [корчмари] полпяти гривны, дедичи — и дань и вира — 15 грив[ен], гость 7 грив[ен]. А ис тог с[в]ятеи Б[огороди]ци и еп[и]ск[о]пу — три гривны без семи ногат”.

Город Копыс

Копыс впервые упомянут под 1059 г. В Копысе умер новгородский епископ Лука Жидята. До 1116 г. Копыс принадлежал полоцким князьям. В 1116 г.

Владимир II отнял Копыс у Полоцка и присоединил город с волостью к Смоленским землям.

Копыс вырос у брода через Днепр, при устье левого притока реки Сморковки. В XI в. крутобонный холм округлой формы был занят неукрепленным поселком кривичей. На рубеже XI — XII вв. Копыс оделся оборонительным поясом. Площадка, именуемая городищем Петровский Вал, имеющая размеры 80 × 60 м, была по периметру обведена валом пятиметровой высоты.

К северо-востоку от детинца Копыса в XII — XIII вв. вырос посад. Копыс процветал, ибо Днепр кормил город не только рыбой, но и гривнами, шедшими с большого торгового пути, пролежавшего по могучему руслу реки.

Согласно Уставной грамоте 1136 г. с Копыса взимались 4 гривны полюдья, 4 гривны с перевоза через Днепр и “торгового”. Также брали “на корчмити неведомо на что ся соидеть, из того десятина-святыя Богородицы”.

По грамоте начала XIII в. “А се погородие” Копыс платил “6 гривен урока и 2 лисицы, а почестья 35 кун”.

Города по реке Сож: Пропошеск. Кречут

Город Прупой [Пропошеск] занимал издревле населенное городище, стоящее на высоком правом берегу реки Сож при устье реки Прони. В X — XI вв. Прупой был окружен частоколом. В начале XII в. Прупой обвели рублеными клетями-городнями. За стенами города рос посад. С разных сторон Прупой окружают курганные некрополи.

Прупой вносил в казну Ростислава 10 гривен. Город стоял среди поселений радимичей посожья, и эти земли в первой четверти XII в. только начали закреплять за Смоленском. Ведущую роль в этом процессе играли твердость и мудрость политики Владимира II Мономаха.

Город Кречут в XI — XIII вв. занимал городище площадью в 0,5 га, находящееся на возвышении правого берега реки Сож. Городище по периметру обведено валом. К юго-востоку от городища, в урочище “Спасская Гора”, с XII в. рос посад. Вокруг Кречута разбросаны курганы.

Кречут был вторым центром посожья, где смоленские князья утвердили свою власть. Город вносил в казну Смоленска 10 гривен.

Окраинные волости Смоленских земель: Лучин. Оболь

Список городов и волостей Уставной грамоты 1136 г. с берегов реки Сож уносит нас на крайний север Смоленского княжества, на волоки, ведущие из верховий Западной Двины в Волгу и в реку Пола [приток Ловати].

Среди заболоченных бескрайних дебрей Оковского леса затерялось озеро Лучанское. С Западной Двиной озеро соединяет река Волкота. От Лучанского озера шли два пути через волок в реку Кудь,

на село Переволока. К востоку ладьи попадали в озеро Пено и далее в Волгу. К северо-западу ладьи и челны шли в реку Полу и далее в Ловать.

Восточнее озера Лучин среди лесов, над речкой Заслинка, стоит деревня с названием Москва.

Весьма вероятно, что один из волоков Лучанской волости шел из реки Волкота в реку Новинка, мимо деревень Заборье и Перелаз. Верховье Новинки подходит к селу Большая Переволока, стоящему на реке Кудь [бассейн Волги].

В 1136 г. с Лучина получали полюдь, мыто и доходы с корчмы. Лучин был достаточно богатой волостью и в первой четверти XIII в. посылал в Смоленск 175 гривен. Лучин поставлял смоленскому епископу осетров и лисиц. В 1173 г. в Лучине родился Ростислав Рюрикович. Малютка получил от отца Рюрика Ростиславовича Лучин в удел.

Из глубин Оковского леса Уставная грамота 1136 г. нас переносит на рубеж с Вятичами, в верховье реки Болвы [приток Десны], в волость Оболвь. На западе Оболвь граничила со старинными волостями Смоленского княжества — Шуйской, Пачин, Заруб. В самом верховье реки Болва сохранилось село Блеве [Оболвь]. Вероятно, именно это село некогда было центром волости Оболвь.

Волость Оболвь свела на своей земле верховья рек Болва и Демина. Тем самым в волости сходились гости [купцы] из бассейнов Десны и Угры. К северо-западу от села Болва, над речкой Шевцовка, стоит село Пятницкое. Некогда в селе высилась церковь Параскевы Пятницы, покровительницы торговли. Именно в Болве и в Пятницком могли располагаться основные торжки волости Оболвь.

Волость Искона. Суздальская дань

Волость Искона, согласно грамоте 1136 г., составляла в казну смоленского князя 40 гривен. Это были немалые средства для далекой окраины княжества.

В реку Москву ниже Можайска слева впадает река Искона. В среднем течении Исконы лес расступается перед широким плодородным ополем. При истоке реки Исконы в наши дни стоит старинная деревянная старообрядческая церковь. В тридцатых годах XX в. церковь не дали разобрать по бревнышкам местные жители, выстроив вокруг храма живую стену.

В имени реки Исконы заложена информация об исконной заселенности волости славянами. Деревянный храм у истока реки хранит исконную сокровенную душу волости, сочетающую среди широких полей и дремучих хвойных лесов языческие курганы и христианские храмы в единый ансамбль.

Восточным рубежом волости Искона могла служить долина реки Рузы либо лес, занимающий водораздел между реками Искона и Руза.

Древнейшим центром в долине Рузы мог быть городок Старая Руза. Его занято кладбищем городище высится над левым берегом реки Москвы ниже устья Рузы. После нашествия Батыя центром речной долины стал город Руза. Его мысовое городище,

подобное высокой крутобокой ладье, возвышается над левым берегом Рузы, при впадении ручья.

Городище у села Покров служило гнездом боярину в XII — XIII вв., имевшему вотчину при впадении в Рузу реки Озерны.

Еще одно раннесредневековое городище на Рузе расположено у ныне заброшенной деревни Нежитино.

Можайские акты XVI — XVIII вв. именуют долину средней Рузы станом Боян. Весьма вероятно, что существовавшие в начале XX в. погосты Вздвигенский и Георгиевский, стоящие над средней Рузой, возникли в эпоху домонгольской Руси. Ныне упомянутые погосты представляют собой заросшие елями холмы, хранящие множество древних каменных надгробных плит.

Упомянутая в Уставной грамоте 1136 г. суздальская дань собиралась в землях, за которые спорили Смоленск и Суздаль. Простирались эти земли к востоку от долины Рузы, возможно, до Звенигорода.

В среднем течении Руза вбирает в себя левый приток — реку Волошню. Верховья Волошни подходят едва ли не вплотную к верховьям реки Ламы, относящейся к бассейну верхней Волги. Над Ламой стоит основанный словенцами новгородскими городом Волок Ламский. Из Рузы по руслу Волошни суда гостей поднимали и волочили не более 5 км в реку Ламу. Доход с волока мог составлять часть суздальской дани.

Завершают список Уставной грамоты 1136 г. Вержавск с 30 гривнами дани и Лодейницы с 10 гривнами. Вержавск был городом, управлявшим богатейшей в княжестве волостью Вержавлян Великих.

Лодейницы можно отождествить с селом Лодыжицы, стоящем ниже Гнездова, на пути к одному из волоков, объединявших Днепр с Западной Двиной.

Город Мстиславль

От рассмотрения Уставной грамоты 1136 г. мы переходим к описанию Смоленских земель перейдем к городам, упоминаемым в грамоте начала XIII в. “О погородье и почестье”. Торопец и Копыс описывались выше, и мы остановим внимание на городе Мстиславле.

Впервые город упомянут летописцами под 1156 г. Согласно сборнику киевского Михайловского монастыря, написанному в XVI в., город Мстиславль построил смоленский князь Ростислав Мстиславович.

Детинец Мстиславля в начале XII в. занял трудно доступную высоту у реки Вихра [приток Сожи]. С двух сторон детинец защищен оврагами. С севера под горой детинца течет ручей Здоровец. Въезжали на детинец с юга. Площадь неправильного овала детинца 1,45 га. С юга и с запада к детинцу Мстиславля примыкал околный город, возникший в середине XII в.

Улицы Мстиславля мостили деревом. По их сторонам тянулись частоколы, скрывавшие крытые

тесом избы, хлева, амбары, мастерские и кладовые ремесленников.

В XII — XIII вв. в Мстиславле мог стоять каменный храм. На это указывает наличие плинфы на городище. В 1211 — 1218 гг. Мстиславль платил смоленскому епископу шесть гривен урока, гривну почестья и три лисицы.

Строительство Мстиславля открыло новую главу в истории Смоленских земель. Мстиславль был одним из первых городов, принадлежавших смоленскому князю как вотчина.

В 28 км западнее Мстиславля, над рекой Кошанка [бассейн Сожа], стоит село Тыща. Возможно, некогда село служило центром одной из тысяч радимичей или кривичей.

Город Ростиславль [Рославль]

Ростиславль вырос во второй половине XII в. Древнейшее поселение XI в. было уничтожено пожаром. Ростиславль окружают курганные некрополи, что указывает на давнюю заселенность места. Город во многом вскормила сухопутная дорога, соединявшая Смоленск с Черниговом.

Детинец Ростиславля занял мысовое городище “Бурцева Гора” размерами 160x120 м. Городище ограничивают русла речек Становская и Глазамойка [приток реки Остер]. С трех сторон детинец защищен валом высотой в 6 м. За рекой Становка располагался посад. В посаде находилась торговая площадь. На посаде сохранились остатки кирпичного домонгольского храма. Кроме того, в Ростиславле высилась как минимум еще одна каменная церковь домонгольской постройки.

Город Дорогобуж

В середине XII в. на волоке, объединявшем Днепр с Угрой, возвысился город Дорогобуж. Волок отмечен селом Волочек. Тут же расположен топоним Торжок. На его площади заключали сделки кривичи верхнего Днепра и пришедшие с Оки вятичи.

Впервые источники упоминают Дорогобуж под 1150 г. Город занял высокий округлый холм на левом берегу Днепра, при устье реки Ардаш [Ордашка].

Согласно грамоте 1211 — 1218 гг. Дорогобуж давал епископу “три гривны короткии, а почестья гривна и пять лисиць”.

Окрестности Дорогобужа полны курганов XI в. Детинец Дорогобужа занимал городище размерами 130x130 м, на 21 м вознесшееся над левым берегом Днепра. С юга по дамбе в детинец вела дорога.

Домонгольский Дорогобуж по сторонам был защищен двумя притоками Днепра, речками Ардашевкой и Дебрей.

В Дорогобуже высился домонгольский храм, сложенный из плинфы. На посаде города помимо прочих храмов [деревянных] издревле стояла цер-

ковь Параскевы Пятницы, указывающая на место торгового дороговужцев.

В названии города заложена предыстория его рождения. Дорогобуж вырос на дороге, шедшей по Бужу, то есть по долине, затопляемой весенним половодьем реки Днепр.

В XII — XIII вв. в южных землях Смоленского княжества возвысился город Изяславль, упоминаемый в грамоте 1211 — 1218 гг. Над рекой Сеславка [бассейны рек Ипать и Сож] среди широкого ополья стоит село Сеславль. Видимо, город Изяславль некогда располагался на месте села.

Города Орша, Красн

Западным форпостом Смоленска на Днепре в древности был город Орша, который вырос у волока, ведущего из Днепра в Западную Двину к Витебску и на реку Друть к Друцку.

Впервые Орша упомянута под 1067 г. Город в разное время принадлежал то Полоцку, то Смоленску.

Детинец Орши занимает мыс правого берега Днепра при впадении реки Оршицы. Это место было населено людьми еще в век бронзы. Оршу окружают многочисленные курганы.

За обладание Оршей князья часто боролись, но город всякий раз быстро восстанавливался благодаря выгодному местоположению.

Между Смоленском и Оршей, на левобережье Днепра, расположен древнерусский город Красный [Красивый]. Впервые Красн упомянут летописцами под 1165 г. В это время Ростислав Мстиславович, получив Киев, отдал Красн племяннику Роману.

Красн вырос при слиянии речек Свины и Мереи и был защищен их руслами. В окрестностях Красна, в долинах левых притоков Днепра — рек Мереи, Лупы, Свиной, Лосвинки, Дубравы, — в XI — XIII вв. располагалось немало боярских усадеб и княжеских дворов. На городищах, некогда служивших им основанием, находят немало дорогих украшений. О присутствии боярских гнезд в окрестностях Красна говорят названия сел: Боярщина, Бояренцево. В данной местности очень рано князья и бояре сумели отобрать часть земель у общин кривичей и начать постепенное закрепощение крестьян-общинников.

Города Ржев, Можайск, Вязьма

Форпостом Смоленского княжества на Волге служил город Ржев. Впервые город упомянут под 1216 г. В это время Ржев принадлежал торопецкому князю Мстиславу.

Ржев вырос на горе, на 23 м вознесшейся над левым берегом Волги, при устье реки Хвалынки. Размеры мысового городища 100 × 100 м. С напольной стороны городище защищено широким рвом.

По Волге под деревянными стенами Ржева на Селигер шли хлебные караваны. Гарнизон города зорко следил за безопасностью верхневолжского пути.

Можайск, детинец которого окружен глубокими оврагами с курганами на дне, возвысился в XIII в. Город стал столицей верхнего течения реки Москвы. Впервые летописцы упоминают Можайск под 1231 г. в связи с осадой города новгородской ратью. В 1283 г. Можайск был сожжен татаро-монголами. В 1303 г. князь Юрий Данилович присоединил Можайск к Москве.

На месте древнейшего Можайска сохранилось городище. Его склоны очень круты и обведены оврагами. Некогда к городищу подступало русло судоходной реки Можайки. В наше время Можайка обмелела настолько, что едва заметна.

Город Вязьма стоит над рекой Вязьма [левый приток Днепра]. Название города и реки указывает на то, что они издревле связывали с помощью волока Днепр с Угрой. От города Вязьма на Угру попадали двумя путями. К югу руслом реки Мошенки поднимались к верховью реки Волоста. Суда переправлялись по неширокой заболоченной низине и Волосту и ее руслом спускались в Угру. К востоку от Вязьмы суда волокли в русла рек Светелка и Молодка и по ним также спускались в Угру и далее в Оку и Волгу.

Впервые источники упоминают Вязьму под 1239 г. Снова о Вязьме начинают писать лишь под 1300 г.

Глава 10. Ростово-Суздальские [Залесские] земли

10.1. Краткое географическое описание

Земли северо-восточной Ростово-Суздальской Руси в буквальном смысле безграничны. На востоке и севере ее рубежи отодвигаются за кромки огромных лесов, до Северного Ледовитого океана и Уральского камня. Велики людские и материальные ресурсы Ростово-Суздальской земли. Они рассредоточены на значительном пространстве, и всякий раз, несмотря на жесточайшие удары и испытания, эти ресурсы помогали Ростово-Суздальским землям в кратчайшие сроки восстановить силы.

Историческое ядро провинции в VIII — XIII вв. формировалось на землях водораздела между Волгой и Окой. Житницей края стало плодородное суздальское ополье. Его овал подобен проекции солнечного луча, легшего по прихоти природы широкими, как в Южной Руси, полями на край необозримых северных лесов.

Дорогами в северо-восточных землях в древности служили реки. Вдоль их русел, на склонах приречных террас, росли города, монастыри, погосты, села и едва заметные деревеньки в пять или в один двор. Речные долины вбирали их в свое лоно и тем самым формировали отдельные волости.

Важнейший путь края, ведущий к Булгару и Каспию, шел по Волге. На северо-западе верховья Волги были соединены многочисленными волоками с бассейном Волхова, с озерами Онежским, Ладожским и Белым и, следовательно, сообщались с Балтикой. Освоены были издревле и пути, ведущие с Волги в Северную Двину, в богатейший пушнинный промысловый край. На север с Волги поднимались руслами рек Молога и Шексна.

Древнейшие городские центры края росли в потаенных природой местах, у озера Неро и на реке Каменке [приток реки Нерль]. Ростов Великий и Суздаль развивались будто исподволь, неспешно. По берегам Волги князья ставили города. А родовитое боярство предпочитало патриархальную тишину и благодать сельских усадеб и городских подворий. Но шум торжков, гудевших подобно ульям на Мологе, в Ярославле и в иных городах Поволжья, докатывался и до древнейших городов края и огороженных крепкими стенами боярских усадеб.

10.2. История Ростово-Суздальских земель

Предыстория индоевропейского заселения лесных просторов в бассейне верхней Волги очень глубока. Ее начало можно выводить не позднее рубежа III — II тыс. до н.э., с той поры, когда индоевропейские создатели археологической культуры шнуровой керамики и боевых топоров прошли лесами Европы от устья Камы до юга Скандинавии.

В VIII — IX вв. н.э. словене новгородские, кривичи, вятичи и представители иных славянских союзов в междуречье Оки и Волги и далее к северу вплоть до Белого озера столкнулись с угро-финскими народами мери, веси, муромы, корел и прочих. Встреча славян с угро-финнами прошла на удивление гладко. Причина этого сокрыта в давней индоевропейской истории севера Русской равнины. Угро-финны после ряда крупных индоевропейских вторжений на север Восточной Европы были, если можно так сказать, адаптированы к индоевропейской культуре, производящей экономике и даже к языкам [славянскому и балтскому].

Северо-восточные земли Русской равнины заселялись двумя потоками славян. В VIII — X вв. от озера Ильмень долиной реки Мста на верхнюю Волгу продвигались словене новгородские.

В IX — X вв. кривичи, одолев водораздел между Днепром и Волгой, также начали селиться на землях будущего Ростово-Суздальского княжества.

Одновременно [в VIII — X вв.] вятичи с верхней Оки поднялись в долину реки Москвы и расселились в ее бассейне.

В VII в. археологическая дьяковская культура пришла в упадок и прекратила существование.

Громадные пространства северо-востока Русской равнины славяне были не в силах освоить и заселить и за три столетия. Торговля, в VIII — X вв. вовлекшая Волгу в свою орбиту, требовала создания специальных протогородских центров. И торговля же способствовала их рождению и развитию. Но не торговля была решающим фактором в освоении славянами лесных районов северо-востока. Славяне шли долинами рек вглубь лесной страны потому, что имели для этого достаточно сил и ресурсов.

В VIII — IX вв. недалеко от современного города Ярославля, над рекой Которосль [приток Волги], у села Большое Тимерево, возникло и успешно развивалось торгово-ремесленное поселение. Поначалу

поселение заняло приречный мыс на площади в 1,6 га. С напольной стороны селение защитили частоколом.

Жители поселка возводили дома столбовой конструкции, отапливавшиеся выложенными из камня очагами.

В конце IX в. в Тимереве в землю зарыли клад из 2684 восточных монет, завернутых в ткань. В IX в. в Тимереве зарыли еще один клад, насчитывающий 1500 абасидских дирхемов.

В купеческих ладьях, ходивших по Волге, находились русы [выходцы из Южной Руси], славяне, скандинавы, болгары. В IX — X вв. северные германцы, бывшие воинами и купцами одновременно, на востоке Европы жили крепко спаянными общинами в Старой Ладогге, на Рюриковом городище под Новгородом, в Гнездове. На верхней Волге варяги обитали в Тимереве.

Весьма важно то, что, пока варяги торговали с востоком и вывозили монеты в Скандинавию, славяне заселяли берега рек Мологи, Шексны, поднимаясь к северу от Волги на Белое озеро. Воистину — не все то золото, что блестит.

В X в. в верхнем Поволжье по сравнению с IX в. увеличилось число курганов. Это указывает на рост славянского населения в крае. В конце X в. обряд трупосожжения был сменен на обряд трупоположения.

В X в. площадь поселения в Тимереве достигла 10 га. Застройка состояла из усадеб, в состав которых помимо жилых домов столбовой конструкции входили хлева, амбары, кладовые, мастерские. В IX — X вв. вокруг центра в Тимереве разросся крупный курганный некрополь.

В X в. крупные общины славян с верхней Волги долинами рек Молога и Шексна устремились на берега Белого озера. Торговля, ведшаяся с востоком и западом, требовала расширения районов промысла пушнины, и славяне шли на север. Кроме того, в X в. словене из приильменя шли на Белое озеро, минуя верхнюю Волгу.

Богатое черноземом суздальское ополье в IX в. начало заселяться славянами. В X — XI вв. приток славян в бассейн реки Клязьмы возрос. Земли суздальского ополья стали покрываться курганами. Вдоль рек начали развиваться многочисленные поселения.

С берегов верхней Волги славяне продвигались на берега озер Неро и Плещеево и в долину рек Клязьма и Нерль. С потоком словен новгородских в Ростово-Суздальские земли проникали варяги, но число их было невелико.

У словен новгородских и у кривичей, в IX — XI вв. шедших в Ростово-Суздальские земли, были собственные князья, не зависящие ни от Киева, ни от варягов, ни от кого бы то ни было еще.

При Олеге [879 — 912 гг.] в Ростове сидел князь. Имени его мы не знаем. Владимир I посадил в Ростове сына Ярослава. После того как в Новгороде скончался Вышеслав Владимирович, Ярослава отправили в Новгород, а в Ростове посадили Бориса.

При Ярославе Мудром в городах северо-востока сидели посадники Великого киевского князя. Сам Ярослав основал город своего имени Ярославль, пришедший на смену поселению в Тимереве.

После кончины Ярослава Мудрого [+1054 г.] Ростов принадлежал Новгороду. Это естественно, ибо заселялись Ростовские земли словенскими новгородскими.

В 1076 г. Ростово-Суздальские земли перешли под власть Всеволода Ярославовича. Владимир II Всеволодович Мономах по городам северо-восточных земель держал сыновей.

Съезд в Любече закрепил Ростово-Суздальские земли за Владимиром II.

Юрий Владимирович Долгорукий стал первым Великим князем Северо-Восточной Руси. Столицей края был Суздаль. А резиденция Долгорукого находилась в загородной Кидекше.

Долгорукий построил в лесном крае междуречья Оки и Волги немало городов. Среди них Дмитров, Юрьев-Польский, Кснятин.

Добившись Киева, Долгорукий оставил Ростово-Суздальские земли сыну Васильку. После кончины Юрия Долгорукого [+1157 г.] Андрей Юрьевич Боголюбский перенес столицу края из Суздаля во Владимир на Клязьме.

В Суздале княжил Мстислав Андреевич. В борьбе старых городов Ростова, Суздаля, Переяславля-Залесского, сильных богатым ортодоксальным боярством, с новым княжеским центром Владимир на Клязьме одержал победу.

В эпоху правления Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо [1176+1213 гг.] Северо-Восточная Русь обрела могущество. После того как Всеволод III роздал сыновьям уделы, Ростово-Суздальские земли на несколько столетий раздробились.

10.3. Города, поселения, торговые пути, волоки

Суздаль

Впервые Суздаль упомянут летописцами под 1024 г. Но город существовал уже в X в. Детинец Суздаля искусно вписан в излучину реки Каменки и с трех сторон защищен ее руслом. С востока и северо-востока к детинцу примкнул окольный город.

На рубеже XI — XII вв. в детинце Суздаля Владимир II Мономах выстроил из плинфы большой шестистолпный трехапсидный собор. Около 1148 г. Юрий Долгорукий на месте мономахова собора возвел новый белокаменный.

В 1222 — 1225 гг. владимирский князь Юрий Всеволодович на основании собора 1148 г. возвел новый собор с тремя притворами, аркатурно-колончатый фризом, резными порталами и каменной резьбой верхнего яруса. При этом нижний ярус до начала аркатурного фриза был сохранен с 1148 г.

Полагают, что собор 1222 — 1225 гг. был увенчан тремя главами. В 1445 г. стены суздальского собора

Древний Суздаль по Д.А.Варганову:

А — собор Рождества Богородицы XII в.

до арктурного фриза обрушились. В 1528 г. верхняя часть стен и пять глав собора были выложены кирпичом.

От постройки 1222 — 1225 гг. полностью сохранился южный притвор собора, примыкающий к стене 1148 г. Каменная резьба суздальского собора включает в себе черты романского искусства и одновременно характерна для белокаменной архитектуры Северо-Восточной Руси.

Замечательны западные “золотые” двери суздальского собора. Они находятся в проеме нартекса и представляют собой дерево, обитое медными листами.

В 20-х годах XIII в. “золотые” двери рождественского суздальского собора были расписаны в технике золотой наводки на меди. В 40-х годах XIII в. были расписаны южные “золотые” двери собора.

В XII в. Суздаль был столицей Залесской земли. В городе процветали ремесла и торговля. Окрестные богатые черноземом поля вскармливали Суздаль сполна, и город стремительно развивался.

В Новгороде, в слое, датируемом XI — XII вв., найдена свинцовая пластина с надписью, упоминающей суздальского мастера. Вот ее текст:

“От Носька къ Местяте. Заожеричь отрокъ лони [крыши] крили соужьдальць Ходоутиничь. Възьми дове гривъне на намъ”.

В 1207 г. в Суздале был основан Ризоположенский монастырь. В XIII в. в Суздале существовал еще как минимум один Васильевский монастырь.

В 1152 г. в селе Кидекша, при впадении реки Каменки в Нерль, в загородной резиденции Юрия Долгорукого возвели белокаменный храм Бориса и Глеба. Единственная глава храма оперлась на четыре столпа. На уровне второго яруса храм украсили аркатурным поясом. Под хорами в нише сохранилась роспись конца XII в. На ней изображена супруга Юрия Долгорукого, облаченная в одежды императрицы. Сохранилась роспись и на хорах.

Остатки покоев Долгорукого, некогда находившихся в Кидекше, не обнаружены.

До 1152 г. из белого камня храмы на Руси строили в Галиции. Зодчество Северо-Восточной Руси в известном смысле оказалось воспреемником белокаменного строительства Западной Руси.

В 1237 г. Суздаль и окружающая его волость были опустошены монголами.

Владимир на Клязьме

Древний Владимир по Н. Н. Воронину:

А — церковь Спаса XII в.; Б — церковь Георгия XII в.; В — Успенский собор XII в.; Г — Дмитровский собор XII в.; Д — Рождественский монастырь конца XII в.; Е — Успенский собор Княгинина монастыря начала XIII в.; Ж — церковь Воздвижения на торгу; З — Вознесенский монастырь; И — Золотые ворота; К — Серебряные ворота; Л — Ирнины ворота; М — медные ворота; Н — Торговые ворота; О — Ивановские ворота; П — Волжские ворота; Р — ворота детинца с надвратной церковью Иоякима и Анны конца XII в.

В древности Владимир на Клязьме занял громадный подтреугольный мыс при впадении в Клязьму левого притока реки Лыбедь. Город обвели валами и разделили на три части, центральная из которых служила детинцем.

Владимир II Мономах выстроил во Владимире на Клязьме каменную церковь Спаса. Юрий Долгорукий возвел в городе церковь Георгия. Оба храма не сохранились.

При Андрее Боголюбском начался стремительный расцвет некогда малозначительного города. Из Суздаля во Владимир была перенесена столица Северо-Восточной Руси. В 1158 — 1160 гг. над высокими земляными валами, увенчанными стенами-городня-

ми, вознеслась белокаменная громада владимирского Успенского собора. Из белого тесаного камня был сложен шестистолпный, трехнефный, трехапсидный, одноглавый рукотворный цветок, украсивший Северо-Восточную Русь на века.

В 1185 — 1189 гг. при Всеволоде III были разобраны притворы и башни Успенского собора. Вместо них здание окружили высокой галереей. А увенчали собор уже не одной, а пятью главами. Старая каменная резная скульптура собора оказалась на фасадах галереи. Собор расписывали в 1161 и 1189 гг. А в 1408 г. владимирский Успенский собор был расписан Андреем Рублевым и Даниилом Черным. Для иконостаса собора художники создали гениально написанный деисусный чин и иконы праздничного ряда.

В 1164 г. во Владимире на Клязьме из белого камня выстроили Золотые Ворота с надвратной церковью Положения риз Богородицы. Проездная арка сохранила каменную перемычку, некогда служившую опорой для обитых золоченой медью дубовых ворот.

В 1191 г. Всеволод III основал в юго-восточном углу владимирского кремля Рождественский монастырь.

В 1194 — 1197 гг. вблизи епископского общегородского Успенского собора по воле Всеволода III был выстроен княжеский Дмитриевский собор. Первоначально одноглавый, четырехстолпный белокаменный храм окружали низкие крытые галереи. По западным углам стояли башни с лестницами, ведущими на хоры. В XIX в. башни и галереи были разобраны.

Дмитриевский собор замечателен каменной скульптурой, украсившей весь верхний ярус здания, барабан, несущий главу, и архивольты порталов. Каменные узоры из фигур людей, животных и растений представляют собой своего рода летопись, излагающую не только отдельные события из истории Руси, но и взгляды русского человека XII в. на устройство материального и духовного мира.

В 1200 — 1201 гг. городской Княгинин монастырь Владимира был украшен белокаменным четырехстолпным, одноглавым Успенским храмом.

Ко времени нашествия Батыя Владимир на Клязьме располагал не менее чем десятью белокаменными церквями. В городе велось летописание, развивались ремесла и торговля.

В 10 км к северо-востоку от Владимира, при впадении реки Нерль в Клязьму, расположено Боголюбово. В 1158 — 1165 гг. Андрей Боголюбский возвел в этом пригороде столицы каменный архитектурный ансамбль. В его основу была поставлена белокаменная четырехстолпная, одноглавая церковь [обрушилась в XVIII в. и перестроена]. Хоры церкви были соединены двумя арочными переходами с двумя каменными башнями. Северная башня была соединена с каменным дворцом Андрея Боголюбского. Против западного фасада храма, среди площади, были выстроены белокаменный киворий и Богородичный столп.

Внутри северной башни сохранилась винтовая лестница, ведущая через арочный переход на хоры храма. На этой лестнице в 1174 г. убили Андрея Боголюбского.

Храм в Боголюбове, посвященный Рождеству Богородицы, замечателен тем, что именно его фасады впервые на северо-востоке Руси были украшены резной белокаменной скульптурой.

Боголюбово было окружено валом из глины, по гребню которого шла каменная стена. Площадь ансамбля превышает 3 га.

В полутора километрах к востоку от Боголюбова, в месте, где прежде Нерль впадала в Клязьму, в 1165 г. по воле Андрея Боголюбского "за одно лето" была выстроена белокаменная церковь Покрова на Нерли.

Храм стоит над речным обрывом среди широкого пойменного луга. Его стройный светлый силуэт виден издали. На всей Руси не сыскать и десятки древних зданий, по красоте и изяществу равных церкви Покрова на Нерли. Если Успенский собор Владимира на Клязьме стал символом величия Северо-Восточной Руси, то храм Покрова на Нерли можно сравнить с душой владимирской Залесской Руси.

Холм, на котором стоит храм, искусственный, и глубина фундамента равна половине высоты здания, на нем стоящего. Храм имеет четыре столпа и одну главу. Первоначально храм с трех сторон был обведен каменной галереей на аркадах. С галереи лестница вела на хоры храма [в XVIII в. галерею разобрали]. К реке от храма спускалась белокаменная лестница.

Аркатурный фриз делит фасады храма на два яруса и проходит по верху трех апсид. Храм Покрова на Нерли богато украшен каменной пластикой. Сложные пилястры с полуколоннами расчленяют плоскости стен на узкие пряслица. Со стен храма зритель устремляет взоры каменных глаз женские головы, львы, грифоны. Столпы храма увенчаны богатыми каменной резьбой капителями.

Кляземский городок [Стародуб].

Пирово городище [Ярополч-Залесский]. Гороховец

Ниже устья Нерли над правым берегом Клязьмы стоит Кляземский городок. В древности Городок именовался Стародубом и был центром волости, а позже и удельного княжества.

К востоку от Стародуба сохранились названия сел Княгинкино и Княжеская, указывающие на то, что город и окрестная волость располагали собственными князьями. Земли Стародубской волости изобилуют необозримыми девственными лесами. Единственной дорогой в волости служило русло Клязьмы.

Ниже Стародуба, к востоку от современного города Вязники, на мысу правого берега реки Клязьмы при селе Пировы Городище некогда стоял город Ярополч-Залесский. В списке русских городов конца XIV в. Ярополч упомянут.

Мыс по сторонам ограничен оврагами. Детинец площадью в 2,8 га обведен валом высотой в 5 м и

защищен рвом. Въезжали в город с напольной юго-восточной стороны. К детинцу примыкали два посада площадью в 5,2 га и 1 га.

Ярополч-Залесский возник в первой половине XII в. Однако посад над ручьем [площадь 1 га] был заселен людьми в X в. В XII — XIII вв. Ярополч управлял окрестной волостью. Детинец города был занят усадьбами бояр. Тут ставили оттиски свинцовых печатей на документы и водили по телячьей коже [харатье] смоченными в чернилах писалами. Терема, стоявшие в детинце, смотрели на долину Клязьмы стеклянными окнами.

В 1238 — 1239 гг. Ярополч-Залесский был опустошен монголами. В XIV в. город утратил значение и впоследствии уступил первенство соседним Вязникам.

Ниже Ярополча над правым берегом Клязьмы стоит летописный древнерусский город Гороховец. У города лес отступает от Клязьмы, образуя небольшое, застроенное селами ополье. Каждая волость стремилась к хотя бы относительной независимости и поощряла собственного сельскохозяйственного производителя. Пример Великого Новгорода, несколько раз едва не обезлюдевшего абсолютно из-за голода, устроенного с помощью хлебной блокады, был весьма показателен. Лишь собственный хлеб давал право иметь собственное мнение.

Впервые летописцы упоминают Гороховец под 1239 г. в связи с вторым вторжением монголов в Ростово-Суздальские земли.

Города Стародуб, Ярополч, Гороховец стерегли речную дорогу по Клязьме, шедшую от Суздаля и Владимира на Волгу, в Булгар. Крайней русской крепостью раннего средневековья на речном пути по Клязьме в Оку и в Волгу был Нижний Новгород. Этот город в 1221 г. основал на горе, при впадении Оки в Волгу, Великий князь Всеволод III. В 1228 г. Нижний Новгород был разорен мордвою и булгарами. А в 1238 — 1239 гг. город был счастливо сохранен судьбой от монголов.

Город при устье Оки имел для Северо-Восточной Руси значение, переоценить которое невозможно. Это были могучая крепость и крупнейшее торжище одновременно.

Юрьев-Польский с волостью. Семьинское городище

В 1152 г. среди широких полей суздальского ополья, на реке Колакше при впадении речки Гзы, Юрий Долгорукий основал город Юрьев-Польский.

В 1177 и 1216 гг. под Юрьевом-Польским, на Липицком поле, произошли два грандиозных сражения.

С 1212 г. Юрьев-Польский стал центром удела, принадлежавшего одному из сыновей Всеволода III Святославу. При Святославе Всеволодовиче в городе был основан княжеский Михайло-Архангельский монастырь и заново отстроен белокаменный Георгиевский собор. Первоначально собор в городе построил Юрий Долгорукий в 1152 г. при основа-

нии Юрьева-Польского. В 1230 г. старый собор разобрали. К 1234 г. на его месте возвели новый Георгиевский собор.

Юрьев-Польский в XII в. обвели овалом хорошо сохранившегося земляного вала, имеющего в основании 12 м и высоту 7 м. По гребню вала, длина которого по периметру достигает 1000 м, была установлена стена из срубов-городен.

Юрьев-Польский Георгиевский собор, строившийся артелью мастеров под главенством мастера Бакуна в 1230 — 1234 гг., стал последним из сохранившихся памятников белокаменной архитектуры Ростово-Суздальских земель домонгольской эпохи.

Четыре квадратных в сечении столпа храма несут одну главу. С трех сторон храм окружен притворами. Белокаменные стены храма от основания до верха увиты каменной резьбой. Фигуры святых и евангельские и библейские сюжеты перемежаются растительным орнаментом, включающим фигуры львов, драконов и грифонов. Со стороны внешние стены Георгиевского собора походят на лист пергамента с выведенными киноварью причудливыми рисунками и текстом, походящим на растительный покров.

Искусство каменного летописания, расцветшее при строительстве храмов Владимира, Боголюбова, Нерли, Кидекши, в Георгиевском храме Юрьева-Польского достигло вершины. Но это была лебединая песня домонгольского каменного зодчества Ростово-Суздальской земли. После нашествия орд Батыя на Русь на долгие годы прекратилось каменное строительство.

К югу от Юрьева-Польского, в долине среднего течения реки Колакши, в XII — XIII вв. господствовало Семьинское городище, расположенное в 200 м западнее деревни Городищи. Овал городища, размеры которого 230x180 м, обведен валом и вписан в излучину Колакши. С напольной стороны вал предвзряет ров.

В раннем средневековье городище было застроено усадьбами, представлявшими собой жилые избы, хозяйственные постройки и дворы, окруженные частоколами или плетнями. Если летописные города Северо-Восточной Руси, подобные Юрьеву-Польскому, можно сопоставить с центрами областей, то городища, подобные Семьинскому, следует отнести к центрам районов, совокупность которых составляла области или волости.

Города: Перемышль-Московский. Москва. Звенигород

В 1152 г. [согласно В.Н.Татищеву] Юрий Долгорукий среди густых, труднопроходимых, населенных вятичами лесов, на правом берегу реки Мочи [приток реки Пахры], у современного села Сатино-Русское, основал город Перемышль-Московский. Его городище имеет размеры 250x240 м. Оно окружено валом высотой в 7,5 м и рвом шириной в 30 м и глубиной в 6 м. К городскому детинцу примыкал посад. Въезжали в город с севера.

Под защитой укреплений Перемышля-Московского помимо ремесленников и купцов сидела присланная из Суздаля администрация, управлявшая окрестной лесной волостью.

Первое документальное упоминание о Перемышле-Московском относится к 1339 г. [духовная Иоанна Калиты]. В XVII в. город угас.

Долина реки Пахры в эпоху Киевской Руси была густо застроена селениями вятичей. Управляли волостью на Пахре с помощью нескольких городков и сидевших в них бояр. В наше время над Пахрой осталось несколько безмолвных городищ.

В среднем течении реки Москвы, при устье Неглинки, господствовал небольшой город Москва. Летописцы начинают упоминать о Москве с 1147 г., однако предыстория города гораздо древнее указанной даты.

В X — XI вв. вятичи заселили долину реки Москвы. Сели вятичи и при устье реки Неглинной. Выше ее устья в реку Москву впадает река Всадня, ниже устья Неглинки в Москву впадает река Яуза. Верховья Всадни и Яузы поднимаются к руслу реки Клязьмы, служившей столбовой дорогой, ведущей в суздальское ополье. По Всадне ладьи и челны всходили на волок в Клязьму. А река Яуза служила узами, вязавшими реки Москву и Клязьму.

Кроме того, Боровицкий холм, в древности покрытый отливавшим золотом стволов сосновым бором, уже в XI в. оказался на перекрестье сухопутных дорог, шедших из района Ярославля и Ростова в Чернигов и Киев и из Суздаля и Владимира на Клязьме в Смоленск и Полоцк.

На рубеже III — II тыс. до н.э. индоевропейские создатели культуры боевых топоров и шнуровой керамики посещали долину реки Москвы и оставили на ее землях видимые свидетельства своего бытия. В эпоху дьяковской археологической культуры [Дьяковское городище расположено у села Коломенское в черте современной Москвы] земли при устье реки Неглинки, включая Боровицкий холм, были населены людьми. Вятичи весьма густо заселили долину реки Москвы, и Боровицкий холм был окружен их селами и деревнями. Земли при устье Неглинки принадлежали боярину Кучке.

На рубеже XI — XII вв. юго-западный угол Боровицкого холма на площади в 1,5 га обвели укреплениями. Выгоды местоположения способствовали развитию города. По сухопутным и речным дорогам через Москву проезжали не только торговые люди, но и высшее духовенство, княжеская знать. В Москве найдена свиная печать киевского митрополита конца XI в.

Постепенно крошечный городок, по сути бывший боярской усадьбой-крепостью, превратился в ворота, ведущие из Южной Руси в Ростово-Суздальские земли. Юрий Долгорукий оценил значение Москвы и придал городу надлежащий его положению вес.

К началу XIII в. детинец Москвы расширил площадь до 4,5 га. К востоку от его деревянных стен вдоль русла реки Москвы рос пригородный посад.

После кончины Всеволода III Москва с окрестной волостью была отдана в удел князю Владимиру Всеволодовичу. В 1238 г. Батый сжег Москву, но город быстро восстановили, и его ожидала великая будущность.

Крайним центром вятичей на северо-западе, в долине реки Москвы, оказался город Звенигород, тезка галицких и киевских городов. Древнейшие курганы вятичей с трупосожжением в окрестностях Звенигорода появились в X в. Вятичи принесли на поросшие соснами высокие берега реки Москвы классические для данного союза славян украшения — семилопастные височные кольца или подвески, решетчатые кольца, витые шейные гривны [обручи], сердоликовые бусы. Украшения вятичи отделяли сканью и чеканкой.

Вятичи привнесли на берега реки Москвы развитые земледелие и скотоводство, уровень которых превосходил уровень сельского хозяйства создателей дьяковской археологической культуры. Рала и плуги вятичей вспарывали грудь речной поймы под посевы ржи, пшеницы, проса, овса, ячменя, льна, конопли, гороха, репы, капусты, лука. Урожаи убрали косами и серпами.

В цепи городищ, в X — XI вв. занятых славянами к западу от Москвы, Звенигород возвысился и XII в. Город занял крутобокую гору, с юга защищенную руслом реки Москвы, с запада — речкой Жерновкой, с востока и с севера — глубокими оврагами. По краю горы был насыпан земляной вал, особенно высокий с севера и с востока. С северо-востока по склону горы в город ведет дренажная дорога. Некогда ее прерывал подъемный мост, перекинутый через ров, предваряющий въездные ворота, оставившие разрыв в линии земляного вала. Высота северного вала достигает 8 м, ширина в основании 20 м. Очертания звенигородской цитадели походят на трапецию, со сторонами 300 м западная, 220 м восточная, 180 м южная, 80 м северная.

Северный вал Звенигорода был насыпан в середине XII в., в эпоху, когда Юрий Долгорукий вел широкое городское строительство во всех северо-восточных землях Руси, в междуречье Оки и Волги. В основу земляного вала Звенигорода была положена деревянная конструкция. По гребню вала вокруг детинца шла стена, составленная из срубов-городен. Над городнями и заборами высились шатры срубленных из дуба башен.

Вокруг Звенигорода, на поросших соснами окрестных холмах, в XII — XIII вв. были разбросаны небольшие ремесленные посады, служившие прибежищем связанным с огненной стихией кузнецам, металлургам, гончарам. Их пышущие искрами горны были крайне опасны для плотной деревянной застройки древнерусского города.

Впрочем, мастерские ремесленников размещались и в черте городского вала Звенигорода. У проездной башни в XIII в. находилась мастерская медника. В его горне обнаружены ожидавшие переплавки замки и браслеты.

В центре Звенигорода размещалась городская площадь, и на ней отсутствовали древние строения. К западу от позднейшего белокаменного Успенского собора «на Городке» [XIV в.] в XII — XIII вв. стояли здания. Среди них выделяется здание с заглубленным фундаментом площадью в 64 м² [в 15 м к западу от собора]. Данное здание помимо прочего замечательно тем, что в его основании обнаружены белокаменные архитектурные фрагменты неизвестного ранее разобранного здания. На поверхности одного из камней вырезан кокошник. Подобные фрагменты отсутствуют в интерьере Успенского собора XIV в. Это позволяет полагать, что в Звенигороде в XII — XIII вв. существовала каменная постройка, впоследствии разобранная.

Звенигород был крайним на западе, в долине реки Москвы, городом, отстаивавшим интересы суздальских князей. К западу от Звенигородских волости, за руслом реки Рузы, находилась Смоленская волость Искона. По-видимому, именно между устьем реки Исконы и Звенигородом располагалась спорная земля, именуемая в Уставной грамоте 1136 г. как Суздальская дань.

В 1238 — 1239 гг. монголы опустошили Звенигород. Но город не погиб и вскоре стал центром самостоятельного удела.

Западнее Звенигорода в XIII — XIV вв. стремительно развивались очаровательные русские города Руза, Можайск, Верей, Вышгород [на Протве]. Кстати будет заметить, а вернее, повторить, что едва ли не все занятые в раннем средневековье славянами городища, расположенные в бассейне реки Москвы, имеют древнюю историю, корнями уходящую в ранний железный век [VIII — VII вв. до н.э.], а подчас и к рубежу III — II тыс. до н.э.

Дмитров

На половине пути от Москвы до Волги [в районе г. Дубны] в 1154 г. Юрий Долгорукий основал город Дмитров. На месте будущего города у князя родился сын, в крещении нареченный Димитрием.

Город вырос на правом берегу старого русла реки Яхромы. Площадку размерами 350x200 м обвели укреплениями, в основе которых были дубовые срубы-городни. Стену окружили широким рвом. Дмитров быстро застроился жилыми дворами. За городским рвом разросся торгово-ремесленный посад.

Юрий Долгорукий с княгиней едва ли случайно оказался, будучи в дороге, на берегу Яхромы. Путь от Твери и Дубны к Суздали шел руслами рек Сестра, Яхромы и далее, одолев неширокий водораздел, следовал долиной речки Вязь и вбирающей ее реки Клязьмы. Город Дмитров был призван охранять древнюю дорогу, шедшую с верхней Волги к сердцу Залесской земли.

Во второй половине XII в. на восточной окраине Дмитрова был основан Борисоглебский монастырь.

Западнее Дмитрова стоял еще один город-страж Ростово-Суздальской земли — Клин. Летописи впервые упоминают Клин под 1234 г.

Переяславль-Залесский

Еще один возможный путь, ведущий от Суздаля к Волге, был призван стеречь основанный в 1152 г. Юрием Долгоруким город Переяславль-Залесский. С Волги к Плещееву озеру зимой можно было попасть по льду реки Нерль. Устье Нерли стерег город Кснятин. Кстати, устье реки Сестры стерег город Дубна. Выходит, что Долгорукий, строя города, подчинял их местоположение тонко продуманной системе обороны Ростово-Суздальских земель.

На левом берегу реки Трубеж, впадающей в Плещеево озеро, при устье ручья городище площадью 800x500 м окружили стеной, составленной из срубов, забитых землей. С юга и юго-запада сохранились рвы, защищавшие город. Ныне оборонительные сооружения города представляют собой вал, ширина которого в основании 30 м, а высота 10 м.

В 1152 — 1157 гг. в северо-западной части Переяславля-Залесского по воле Юрия из белого камня был возведен Спасо-Преображенский собор. Верхняя часть собора достраивалась при Андрее Юрьевиче Боголюбском.

Собор имеет четыре столпа, крестообразные в сечении, одну главу и три апсиды. В 1157 г. собор был расписан. От росписи сохранился фрагмент «Страшного суда» с изображением апостола Симеона. В облике собора отражена строгость романского стиля, но уже намечено каменное узорочье расцветшей впоследствии Владимиро-Суздальской фасадной резьбы.

Древнейшей обителью Переяславля-Залесского можно считать Никитский монастырь, именованный лаврой. В обители подвизался преподобный Никита Столпник, скончавшийся 24 мая 1186 г.

Переяславль-Залесский имел предшественника — Клещено городище, расположенное на берегу Плещеева озера, севернее устья реки Трубеж.

Следует отметить соответствие названий городов и рек Южной Руси и Руси Северо-Восточной. Переяславль-Русский [южный] стоит над рекой Трубеж [приток Днепра]. Переяславль-Рязанский высится над рекой Трубеж [приток Оки]. Переяславль-Залесский расположен у реки Трубеж [приток Плещеева озера]. Список подобных соответствий весьма велик.

Первым удельным князем Переяславля-Залесского был Всеволод III. Далее городом и волостью владел его сын Ярослав.

В 1237 — 1238 гг. Переяславль-Залесский был разорен монголами, но быстро восстановился. До 1252 г. Переяславль-Залесский принадлежал князю Александру Ярославовичу Невскому.

Ростов Великий

Ростов Великий имел предшественника — Сарское городище. В VI — VII вв. на Сарском городище возникло поселение с преобладанием финно-угорского этнического элемента. В VIII — IX вв. в окружающее озеро Неро земли, в том числе и на Сарское

городище, пришли славяне. И на городище расцвели ремесла.

В IX в. континентальная торговля включила население Сарского городища в гигантскую ось Балтика — Каспий, и на берегах озера Неро появились варяги. На Сарском городище найдены дваклада восточных дирхемов IX в. В X в. Сарское городище пришло в упадок, и одновременно началось возвышение Ростова Великого [фактически одновременно с Новгородом].

Озеро Неро с Волгой связывает река Которосль. Таким образом, Ростов стал внутренним портом верхневолжского края. Тимерево, а с XI в. Ярославль предвзяли Ростов со стороны Волги, служившей столбовой дорогой Восточной Европы.

При Олеге Вещем в Ростове, согласно летописи, сидел князь, сущий под Олегом. С 913 г. по 988 г. летописцы о Ростове не упоминают. Между тем город рос, его боярство набирало силу и вес, и именно в X в. ковалось его упрямое нежелание тянуть выю перед князьями.

Владимир I посадил в Ростове Ярослава. После кончины Вышеслава и отъезда Ярослава в Новгород в Ростове вокняжился Борис. При Владимире I в Ростове была учреждена епископская кафедра. Первым епископом стал Федор.

Ярослав держал в Ростове посадника. После кончины Ярослава Ростов некоторое время находился под управлением Новгорода. Впрочем, об этом писалось выше.

В XI в. в Ростове Великом преподобным Авраамием был основан Авраамиев монастырь. В городе долгие столетия сохраняли мощи подвижника, основавшего обитель.

В 1076 г. Ростов Великий вместе с значительной частью земель на верхней Волге отошел под управление Всеволода Ярославовича. Владимир II Всеволодович Мономах слал на северо-восток сыновей, сам же в Залесские земли ездил редко.

Тем временем имевшее практически неограниченные возможности ростовское боярство обрело такую силу, что ни Юрий Долгорукий, ни Андрей Боголюбский и не помышляли о создании в Ростове великокняжеского гнезда. Судьба выбрала для этого Владимира на Клязьме.

В XIII в. в Ростове Великом были основаны два монастыря — Спас Песковский Княгининский и Петровский. Ростовский Петровский монастырь на Поле расположен в 3 км от Ростова, на берегу озера Неро. Основатель обители ордынский царевич Петр скончался 20 июня 1290 г.

После кончины Всеволода III Ростов с волостью достался в удел старшему в Большом Гнезде сыну Константину. Ростовский князь Василько Константинович был убит монголами в 1238 г. Ростовом впоследствии владели сыновья Василька, и удел стал постоянно дробиться на мелкие княжества. Присоединил Ростов Великий к Московскому государству Дмитрий Донской.

Волжские города: Зубцов. Старица. Тверь. Вертязин. Карачарово. Дубна. Белгород. Кснятин. Калязин. Кашин

Русло Волги от устья реки Вазузы до устья Оки в древности имело для Ростово-Суздальских земель первостепенное значение. Оно служило артерией, снабжавшей самые глухие уголки Северо-Восточной Руси кровью, представлявшей собой культурные, торговые и административные связи.

Предваряет гирлянду волжских городов, громадным овалом охватывающих Ростово-Суздальскую землю с севера, город Зубцов. Если изгиб Волги от Зубцова до Нижнего Новгорода можно сравнить с короной, то города, стоящие на Волге, можно уподобить драгоценным камням, украшающим корону.

В XI в. Зубцов уже существовал. Город стерег устье реки Вазузы [правый приток верхней Волги] и был крайним на северо-западе форпостом, защищавшим Ростово-Суздальские земли.

При Ярославе Всеволодовиче Зубцов находился под управлением Переяславля-Залесского. В 1226 г. Зубцов был взят новгородцами. После кончины Ярослава Всеволодовича Зубцов достался сыну князя Ярославу и вошел в состав Тверского княжества.

В 1248 г. под Зубцовом Ярослав разгромил литовцев. Зубцов благодаря выгодам местоположения успешно развивался и вел цветущую торговлю. В XIV в. Зубцов платил такие же торговые пошлины как Тверь и Кашин.

Ниже Зубцова при устье реки Верхняя над Волгой стоит город Старица. Считают, что город основан в 1297 г. князем Михаилом Ярославовичем Тверским.

Путь к Новгороду, шедший с Волги рекой Тверцой к Новому Торгу, на Вышний Волочек и далее в реку Мсту и озеро Ильмень, охранял город Тверь. Первое упоминание о Твери содержится в Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславовича [1135 г. или 1139 г.]. В документе говорится о взимании пошлин с "тверских гостей".

При Андрее Боголюбском упомянули о тверском боярине, исцелившемся во время богослужения.

В 1181 г. Всеволод III, разорив Новый Торг, и устье реки Тверцы основал "твердь". Упоминают Тверь и в связи с событиями 1208 г. В 1238 г. монголы взяли Тверь и убили в городе одного из сыновей Ярослава Всеволодовича.

А в 1241 — 1243 гг. Тверь восстановила силы и вышла на ведущие роли в истории Северо-Восточной Руси. Лишь к 1485 г. спор между Тверью и Москвой за первенство разрешился в пользу Москвы.

Первым тверским князем был сын Ярослава Всеволодовича Ярослав [+1271 г.]. В XIII в. Тверь стремительно возвысилась и обрела собственные удельные княжества с центрами в городах Дорогобуж, Микулин [оба города стоят над рекой Шошой, притоком Волги], Старица, Кашин, Дмитров и пр.

Ярослав Ярославович основал древнейший в Твери монастырь Успенский Отроч. Обитель вознеслась над Волгой при устье реки Тверцы.

Ниже Твери над правым берегом Волги стоит село Городня. В эпоху домонгольской Руси на месте села стоял город Вертязин, центр одного из уделов Тверского княжества.

Судьба Вертязина трагична. В 1569 г. Иоанн IV Грозный разрушил город, а жителей перебил. Основали Вертязин, по-видимому, не позже XII в., в эпоху бурного строительства городов, ведшегося Юрием Долгоруким и его потомками.

Ниже Вертязина на правом берегу Волги, при устьях рек, стоят древнерусские домонгольские города Карачарово, Дубна, Белгород, Кснятин, Калязин. На месте города Калязин до 1237 г. стоял монастырь св. Николы на Жабне, то есть при устье реки Жабны. Расстояние между указанными волжскими городами в среднем около 30 км. Соответственно и волости, тяготевшие к городам на верхней Волге, в диаметре имели около трех десятков километров.

Волжская торговля и природные богатства края подняли рядовые славянские городки до уровня центров самостоятельных уделов. Однако из-за многолетнего спора Твери и Москвы за первенство волжские города от Вертязина до Калязина не раз серьезно страдали и в большие города не превратились.

Заметим, что каждый из вышеназванных волжских городов запирали реки, то есть дороги, ведущие с Волги к Ростову и Суздалию.

К северо-западу от Калязина, в излучине реки Кашинки, в XIII в. появился и быстро возвысился город Кашин. Впервые летописцы упоминают Кашин под 1237 г.

Город искусно вписан в узкий полуостров, с трех сторон обведенный руслом реки Кашинки. Доступ к городу был возможен лишь с восточной напольной стороны, да и то на крайне узком отрезке суши. Городни и башни Кашина стояли будто на острове, с напольной стороны защищенные рвом.

Окрестное плодородное ополье и близость волжской дороги обеспечили Кашину славу и благополучную будущность. Город стал центром одного из уделов Тверской земли.

Волжские города: Углич. Молога. Ярославль. Кострома. Галич-Мерьский. Чухлома. Плес. Юрьево. Городец на Волге

Ниже Калязина, в месте, где Волга выгибает большой угол, стоит один из древнейших городов Северо-Восточной Руси Углич, или Угличе Поле. Согласно местному преданию боярин княгини Ольги по имени Ян пленился красотой местности и поставил на правом берегу Волги дом. Произойти это событие могло не позже середины X в.

Углич упомянут источниками под 1148 г. Торговля на Волге никогда не замирала и, несмотря на превратности судьбы, Углич процветал, обстра-

ивался монастырями, церквями и обрастал ремесленными посадами и купеческими слободами, словно добрый хозяин жировыми складками.

В XIII — XIV вв. Углич был центром удельного княжества, которым последовательно владели 23 князя.

Новгородская берестяная грамота, датируемая 1281—1299 гг., повествует о зимнем походе новгородцев по верхней Волге:

"От Терентя к Михалю. Пришлите лошак с Яковьем. Поедут дружина Савина чадь. Я на Ярославли, добр здоров, и с Григоремь. Углицане замерзли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту п(о)лк дружина" [Грамота 69].

Еще одна берестяная грамота XIII в. повествует о походе новгородцев, быть может, на Липицкое поле:

"От Михаля к атцеви. Оже поиде князе, а поими коне оу Федора и седло возми, а ковриго несли семо дешево" [Грамота 404].

Ниже Углича на левом берегу Волги, против устья реки Юхоть, стоит древнерусский город Мышкин. Летописцы домонгольской Руси о Мышкине не упоминают.

Ниже Мышкина, при впадении в Волгу левого притока реки Мологи, на ее правом берегу, на мысу, некогда стоял богатый торговый древнерусский город Молога. В наше время Молога оказалась скрытой водами Рыбинского водохранилища, и об истории ушедшего на дно рукотворного озера города скажем подробнее.

Залогом процветания Мологи было то, что она стояла в начале речного пути, шедшего с Волги на Белое озеро и далее на север и запад, вплоть до Ледовитого океана и Балтики. Столь удачное местоположение предопределило Мологе славу крупнейшего торгового центра Северо-Восточной Руси, хорошо известного от Скандинавии до Индийского океана.

О времени основания Мологи данных нет, но можно полагать, что город возник одновременно с оживлением экономической жизни на верхней Волге, то есть до X в.

В 1207 г. Молога досталась ростовскому князю Константину Всеволодовичу. А в 1218 г. Константин передал Мологу сыну Всеволоду. До 1321 г. Молога с волостью входила в состав Ярославского княжества. После 1321 г. Молога обрела самостоятельность. Первым ее князем стал Михаил Давыдович. Ему наследовал сын Федор, сопровождавший Дмитрия Донского в походах 1375, 1380, 1386 гг. После кончины Федора Михайловича [+1408 г.] Мологское княжество раздробилось на три удела. В Мологе сел старший сын Федора Димитрий.

Известно, что в XIV в. крупный международный торг помещался в Холопьем городке на берегу реки Мологи в 50 км выше устья и города Мологи. На этом торге была слышна речь литовская, польская, немецкая, итальянская, греческая, армянская, персидская, арабская. Торг гудел подобно улью четыре летних месяца и был преимущественно меновой. Северные меха отдавали за изделия из металла и

ткани, свезенные на берег Мологи в буквальном смысле со всего света.

Великий князь московский Иоанн III Васильевич отдал Мологу в удел одному из сыновей, а торг из Холопьяго городка перевел на устье реки под стены города Мологи поближе к княжеским тиунам и вирникам. И стало значение молодежского торгового пункта. Но и в XVI в. торг в Мологе считался крупнейшим в России и особо славился торговлей с Азией.

В 1609 — 1617 гг. Молога сильно страдала от набегов поляков, литовцев и казаков.

Ниже Мологи над Волгой стоит древнерусский город Ярославль. Местное предание гласит, что князь Ярослав Мудрый, объезжая Ростово-Суздальские земли, отстал от дружины и остановил коня при впадении левого притока реки Которосль в Волгу. У обрыва оврага среди дремучего леса на князя напала медведица. Ярослав зарубил зверя топором.

Место приглянулось Ярославу, и он велел рубить город. А нарекли город по имени основателя Ярославем. Город строили между 1025 — 1036 гг. Его деревянные стены заняли мыс при слиянии рек, образующих треугольник со сторонами в 160 м, на 20 м высящийся над Волгой. С напольной стороны город защищал овраг. К северо-западу от детинца Ярославля располагался окольный город.

В Ярославле сохранились остатки двух каменных храмов начала XIII в. В XIII в. окольный город был обведен линией укреплений.

В Ярославле сохранены названия древнейшего мысового “Рубленого города” и расположенного тут же оврага “Медведица”.

Впервые летописцы упоминают Ярославль под 1071 г. До начала XIII в. источники о Ярославле говорят крайне скупо. В частности, известно, что в XII в. в Ярославле существовал Петропавловский монастырь.

В 1207 г. Всеволод III отдал Ярославль сыну Константину, который основал в Ярославле в 1214 — 1216 гг., Спасо-Преображенский монастырь и при нем училище, позже переведенное в Ростов Великий. В 1221 г. Ярослав горел. Пожар истребил 17 церквей и лучшие городские дома. В 1238 г. монголы разорили Ярославль. Но Волга, словно мать, всякий раз быстро поднимала город из пепла.

Предшественником Ярославля, как упоминалось выше, было поселение в Тимереве.

Ниже Ярославля, над левым берегом Волги, стоит город Кострома. Город существовал в XII в. Летописцы впервые упоминают Кострому под 1214 г. Первым костромским князем стал сын Ярослава Всеволодовича Василий [1248 — 1276 гг.].

Кострома предвзвывает обширную лесную провинцию, расположенную в бассейне реки Костромы и издревле входившую в орбиту Древнерусского государства.

Центром заволжского лесного края был город Галич-Мерьский. Впервые летописцы упоминают о городе, стоящем на берегу Галичского озера, под 1237 — 1238 гг.

“Татарове поплениша Володимерь и пойдоша на великого князя Георгия, окаянии ти кровопиинци, и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе доже и до Галича Мерьского...” [Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. 1].

Галич-Мерьский был основан в XII в., по-видимому, в пору, когда Юрий Долгорукий активно застраивал Ростово-Суздальские земли городами. Названия этих городов — Переяславль [Залесский], Перемышль [Московский], Звенигород, Стародуб, Микулин, Галич [Мерьский] — имеют реальные прототипы в Южной Руси и особенно в землях союзной Суздаля Галиции [Перемышль, Звенигород, Микулин, Галич].

Галич-Мерьский XII — XIII вв. оставил городище на горе Балчуг. Под стенами, составленными из срубов, наполненных землей и ныне превратившихся в линию вала, в древности шумело торжище. Оно занимало низкий берег озера под горой Балчуг на месте современного Галича.

Торжище в Галиче-Мерском было значительное. Можно сослаться на то обстоятельство, что в 1246 г. при раздаче вотчин Великим князем Ярославом Всеволодовичем Галич-Мерьский был отдан в удел пятому сыну Константину. А Москву отдали Михаилу, шестому сыну Великого князя. Это означает, что Галич-Мерьский был значительнее Москвы.

Из Галича-Мерского на Волгу возами и ладьями везли меха, кожи, соль. А о богатстве края лесом, зверем и рыбой говорить не приходится, ибо они безмерны.

В 50 км к северу от Галича-Мерского на берегу Чухломского озера стоит город Чухлома. Озеро Чухломское соединено протоком с рекой Кострома и через нее с Волгой. В X в. новгородцы в ладьях [ушкьях] руслами рек прошли к берегам Чухломского озера. Той порой процветала торговля пушниной, и новгородцы шли на ее промысел в самые отдаленные уголки севера Восточной Европы.

На берегах Чухломского озера стоял поселок угро-финского народа, именуемого чухломой. Одного из его жителей, сына богатых родителей по имени Иверик, новгородцы познакомили с христианским учением. Иверик крестился и принял имя Авраамия. Впоследствии христианский подвижник Авраамий основал в Ростове Великом Богоявленский монастырь, и после кончины был причислен к лику святых.

На месте древнейшего чудского городища Чухломы в XIV в. возник Авраамиев Городецкий монастырь. Обитель расположена на высоком северо-западном берегу Чухломского озера. Обитель основал пришедший из Троице-Сергиевой лавры инок Авраамий, тезка Авраамия-Иверика. Авраамий скончался на старом городище Чухломы в 1375 г.

Не позже середины XIV в. галичские князья перенесли город на юго-восточный берег озера, в то место, где Чухлома стоит ныне. Когда в 1335 г.

галичский князь, одолев раскинувшийся на пятьдесят верст лес, выехал на берег Чухломского озера, он встретил жившего на озере с семьей Гаврилы Давыдовича, пришедшего “из Твери града”.

Но вернемся на Волгу. Ниже Костромы, на правом берегу Волги, стоит удивительно красивый древний русский город Плес. В “Повести о разорении Рязани Батыем” среди разрушенных монголами городов упоминается “Плес”.

В 1410 г. город был восстановлен, ибо Великий князь Василий I Дмитриевич велел рубить “Град Плесо”.

Плес занял гору при устье реки Шохонки. На месте древнего города сохранился земляной вал, некогда увенчанный рубленой деревянной стеной и высящимися над ней крытыми тесом башнями.

Ниже Плеса, в том месте, где Волга с востока поворачивает на юг, стоит древнерусский город Юрьевец, основанный в 1225 г. с названием Юрьев-Повольский.

Против Юрьева с северо-востока в Волгу втекает река Унжа. На ее берегах среди раскинувшегося на сотни верст дремучего девственного леса в эпоху домонгольской Руси стояли два города — Макарьев и Унжа. В 1218 г. Унжей пытались овладеть волжские булгары, но успеха не имели.

Ниже Юрьева над левым берегом Волги стоит город Городец [Волжский]. Город основал в 1152 г. Юрий Долгорукий. Это была твердь, призванная противостоять на Волге булгарам.

Городец состоял из традиционных детинца и окольного города. Внешний вал окружил площадь в 40 га и растянулся по берегу Волги на 1,2 км. Долгорукий основал Городец после очередного вынужденного отъезда из Южной Руси. Этим объясняются южнорусские черты отдельных фрагментов материальной культуры, представленной в Городце XII — XIII вв.

Зимой 1237 — 1238 гг. монголы сожгли Городец, но город скоро возродился, несмотря на то, что год спустя монголы вновь сожгли Городец.

В Городце на Волге постоянно жил сын Александра Невского Андрей. Не покинул Андрей Александрович Городец и тогда, когда получил великое княжение во Владимире на Клязьме. Предпочитал жить в Городце на Волге и Великий князь нижегородский Борис Константинович.

В начале XIII в. над левым берегом Волги, у Городца, выстроили Федоровский Городецкий монастырь. В 1263 г., возвращаясь из орды, в Городецком монастыре скончался Александр Ярославович Невский.

Нижний Новгород замкнул корону волжских городов Ростово-Суздальских земель на юго-востоке крепкой твердью и стоял могучей русской стопой на Волге в противовес булгарам, а позже татаро-монголам.

В двадцатых годах XIII в. на мысу, при впадении Оки в Волгу, под стенами нижегородского детинца был основан Благовещенский монастырь.

Белое озеро

Белое озеро для домонгольской Руси было краем далеким, северным заповедным, издревле служившим неиссякаемым источником пушнины. Летописцы впервые упоминают Белое озеро под 862 г. Согласно преданию древнейший город стоял на северном берегу Белого озера.

В IX в. на Белое озеро приходили отряды словен новгородских. Весьма вероятно, что интерес к богатому пушнинной промысловому району Белого озера в IX в. проявляли варяги.

В X в. берега Белого озера и сообщаемых с ним озер и рек захлестнул поток словен новгородских. Их ладьи и челны шли на Белое озеро с Волги через Мологу и Шексню и с Онежского озера. В X в. столица края с северного берега озера переместилась на южный, на правый берег реки Шексны, в 3 км от ее истока из озера. В X — XIV вв. поселение, именуемое Белое озеро, на 1,7 км растянулось по берегу Шексны, раскинувшись на площади в 30 га. Город был лишен не только внешних укреплений, но и детинца.

Если в X в. на Белом озере жило смешанное население, представленное словенскими и весью, то к XII в. материальная культура города Белое озеро и соответственно его населения была именно классически древнерусской. В XIII в. в Белом озере выросли богатые усадьбы с двухэтажными теремами, наполненными большим числом импортных вещей. На Белом озере помимо торговли процветали ремесла. Металлурги, кузнецы, ювелиры, гончары, косторезы не сидели без заказов, снабжая неоглядную лесную провинцию орудиями производства и повседневного быта. С востоком белозерцы торговли в Волжской Булгарии, меняя меха на дирхемы.

Первым князем на Белом озере, согласно Повести временных лет был Синеус, в 862 г. приехавший с берегов Волхова от Рюрика. После кончины Синеуса Белым озером владеет Трувор. После смерти Трувора Белым озером правил Рюрик через посадников.

Если данные Повести верны, то варяги владели старым Белым озером, в IX в. располагавшимся при устье реки Кемь, на северном берегу.

Быть может, именно из-за варягов в X в. Белое озеро перенесли к истоку Шексны, на южный берег озера. Невольно вспоминаются подобные, совпадающие по времени переносы из Старого Полоцка в Полоцк, из Гнездова в Смоленск, из Тимерева в Ярославль, из Сарского городища в Ростов, и этот список можно продолжить.

После кончины Ярослава Мудрого Белым озером наряду с Ростовом и Суздалем управлял Всеволод Ярославович. Любечский съезд утвердил северо-восточные земли за Владимиром II Мономахом.

До 1238 г. Белое озеро было под управлением убитого монголами ростовского князя Василька Константиновича, а затем оно досталось в удел младшему сыну Василька Глебу. Глеб Василькович

основал Белавинский монастырь, занявший остров на озере Кубенском, и Белозерский Свято-Троицкий монастырь.

В середине XIV в. город Белое озеро перенесли к северо-западу, с берега Шексны на берег озера Белого.

В 1389 г. Дмитрий Донской завещал Белое озеро сыну Андрею Можайскому.

Бассейн Северной Двины: Вологда. Тотьма. Великий Устюг

С Белого озера на Северную Двину гости [купцы] ходили по реке Шексне до устья реки Словенки. Руслом Словенки ладьи и челны поднимались к озеру Словенскому [ныне Никольскому по имени погоста, стоящего на северном берегу озера]. Из озера Словенского суда посуху перевозили в озеро Порозобицкое или Волоцкое. Протяженность волока составляет 4 версты, идущие по широкой и ровной заболоченной низине. Из озера Порозобицкого вытекает река Порозобица, впадающая в Кубенское озеро, которое связано рекой с Северной Двиной.

Волок Словенский был освоен словенскими новгородскими в глубокой древности, по-видимому, в IX — X вв., и впоследствии окрестности волока составили волость Волочек-Словенский, входившую в состав Белозерского княжества.

В верховьях бассейна Северной Двины с древнейших времен господствовал город Вологда, стоящий над рекой Вологодой [приток реки Сухоны и Северной Двины]. О Вологде летописцы начинают говорить с 1147 г. Но осваивали земли по берегам Сухоны словене новгородские гораздо

ранее. Известно, что в 1032 г. новгородский “ватман” Улеба прошел на ладьях-ушкуях к Белому морю. В XI—XII вв. словене широко освоили берега рек Сухона, Северная Двина, Пинега, Мезень, Онега.

Ниже Вологды на реке Сухона стоит город Тотьма, известный с 1137 г. Устюжна, стоящая на реке Молога, известна из источников с 1252 г.

Ниже Тотьмы, при устье реки Юг, над Сухоной стоит город Великий Устюг. Предыстория его рождения требует специального рассказа.

При впадении реки Юг в Сухону, в речной излучине, в урочище “у Черного Прилука”, на возвышении, в IX—XI вв. стоял городок Гледень. В середине XII в. в трех километрах от Гледеня, на левом крутом берегу Сухоны, был основан город Великий Устюг, то есть большой город при устье Юга. С юга и севера город защищали глубокие рвы. Город обвели валом с деревянными стенами и башнями. Впервые летописцы упоминают Устюг Великий под 1207 г.

В 1212 г. устюжский инок Киприян под городом “при езерах за осторожною осыпью” основал Михаило-Архангельский монастырь.

В 1218 г. Великий Устюг подвергся набегу волжских булгар.

Город занял стратегически важное положение на пути к Белому морю. Оттого к Великому Устюгу уже в XII в. стали проявлять большой интерес суздальские князья. На берегах Сухоны интересы потомков Долгорукого схлестнулись с интересами новгородцев, активно заселявших русский север.

Перейдем же к рассмотрению земель, центром которых в древности был город, почтительно именуемый Господин Великий Новгород.

Глава 11. Новгородские земли

11.1. Краткое географическое описание

Под Новгородскими землями следует понимать Северную Русь, в VII—XIII вв. освоенную словенскими и впоследствии ставшую оплотом русского национального самосознания, культуры и принципов социальной организации общества. Природа русского севера, с одной стороны, скромна и аскетична, с другой — неизъяснимо прекрасна и особо дорога русскому сердцу. Хвойные леса, реки, озера, замшелые валуны, древние погосты с деревянными церквями, овечьими преданиями курганы и каменные кресты, монастыри и старинные города на русском севере образуют мир, дух которого чист и консервативен и оттого служит для Руси духовной крепостью, хранящей не только домонгольские южнорусские былины, но сам тип русского человека во всех проявлениях его естества. Интонация, мелодия русского языка на севере — уже былина, ибо она несет строй речи древнейших словен новгородских в незамутненном позднейшими искажениями виде.

Словене передвигались на севере Восточной Европы, придерживаясь русел рек, используя их в качестве водной дороги либо санного пути. Ранее всего словене освоили бассейны рек Ловать, Волхов и берега озера Ильмень. Одновременно кривичи, держась долины реки Великой, продвинулись к Чудскому озеру.

Опершись на твердь в низовье Волхова, именуемую Старая Ладога, словене вывели ладьи в озера Ладожское и Онежское. Одолев водораздел, словене вышли в бассейн реки Онеги и ее руслом спустились к Белому морю. Одновременно словене с верхней Волги по рекам Молога и Шексна двигались на освоение берегов Белого озера. А с Белого озера словенские ладьи через Волочек-Словенский устремились в бассейн Северной Двины и далее на реки Пинега, Мезень, Печера.

В XI в. словене новгородские начали основательно обживать берега Белого моря и Северного Ледовитого океана, от Кольского полуострова на западе до северной оконечности Уральского Горного хребта на востоке.

Неоглядные просторы севера Восточной Европы даровали Новгороду такие блеск, богатство и славу, какие можно сопоставить лишь с величием и великолепием Киева. Словене новгородские, с одной стороны, освоили громадный край, ресурсы которого невозможно оценить ни в каких единицах. С

другой стороны, Новгород имел собственный выход на Европейский рынок. Данные обстоятельства придали Новгороду не только экономическую и военную мощь, но и безмерную гордость. Господин Великий Новгород не раз бросал вызов русским князьям и не однажды одерживал блестящие победы, хотя подчас и платил жестокую цену за свое свободолобие.

Городов на русском севере немного, но существующие имеют славную историю. Словене новгородские по берегам рек, от Великих Лук до Холмогор и русла Печоры, ставили погосты и тем утверждали собственный порядок вещей. Северные погосты сплетались в сеть, крепость которой превосходила силу городов Южной Руси. Защитой погостам, в лучшем случае окруженным невысоким валом, частоколом и рвом, служили дремучие леса и непроходимые топи. История показала, что твердь, защищенная природой, превосходит искусственные крепости. Именно русский север в тяжелую годину монгольского нашествия уберег Русь от окончательной гибели и поругания.

11.2. История Новгородских земель раннего средневековья

К началу VIII в. славяне продвинулись на север Восточной Европы и основательно закрепились в долинах крупнейших рек края — на Волхове, реке Великой, вокруг озера Ильмень, на Ловати. Балтийский и финский этнические элементы оказывали определенное влияние на славян, но лишь придавая различные языковые и культурные оттенки отдельным союзам славян. Можно говорить о влиянии восточных балтов на союз кривичей на верхнем Днепре и Западной Двине. Можно отметить влияние угро-финнов на псковских кривичей. Однако собственного своеобразия славяне не теряли и без труда растворяли в своей среде угро-финский и балтийский этнические субстраты.

Правозвездием славянского господства на севере Русской равнины стали так называемые длинные курганы и сопки, насыпанные в VI—VII вв. Это был пролог окончательного освоения индоевропейцами севера Восточной Европы.

До начала VIII в. словене двигались на север, из бассейна верхнего Днепра, долиной реки Ловать и долинами ее притоков. С берегов озера Ильмень

словене шли на запад долиной реки Шелонь к Чудскому озеру. Одновременно кривичи из верховий Западной Двины перешли в долину реки Великой и спустились к Чудскому озеру. А от озера Ильмень ладьи словен уже шли руслом Волхова к берегам Ладожского озера.

Описанный процесс славянского заселения занял не менее трех столетий, и именно ему мы обязаны появлением длинных курганов и сопок на русском севере.

В VIII в. словене уже обжили земли в прильменье, и начался процесс движения словен долиной рек Мста и Тверца на верхнюю Волгу. Одновременно словене начали осваивать берега Белого озера, двигаясь в богатый пушниной край и с юга, с верхней Волги по Мологе и Шексне, и с севера, от Ладожского и Онежского озер, через Вытегру и реки Ковжа и Кема.

В середине VIII в. на левом берегу нижнего Волхова, при устье левых притоков Заклюка и Елена, на так называемом Земляном городище, появилось древнейшее поселение, предтеча Старой Ладоги. В VIII в. на Земляном городище, представлявшем собой лишенный укреплений торгово-ремесленный поселок, наряду со словенскими жили угро-финны, балты и северные германцы, называемые варягами или норманнами. Последние преследовали в устье Волхова свои экономические интересы.

В VIII — IX вв. в Старую Ладогу с Балтики стали ввозить изготовленные в городах средиземноморья стеклянные бусы, янтарь, франкские мечи. С Каспийского моря через волоки Русской равнины в Старую Ладогу и далее на север Европы в ладьях везли иранское серебро и чеканку, китайский шелк, греческую парчу, арабские монеты.

В VIII — IX вв. Старая Ладога была застроена так называемыми "большими домами" площадью от 42 до 120 м² с очагами в центре. Наряду с большими домами поселение застраивалось характерными для словен квадратными срубными с длиной стен от 3,8 м до 6 м и печью в углу. Одновременно с развитием торговли и ремесел в VIII — IX вв. в Старой Ладоге совершенствовались сельскохозяйственные орудия, впоследствии ставшие характерными для всего севера Руси.

В первой половине IX в. в урочище Плакун, у Старой Ладоги, норманны устроили погребение с сожжением в ладье, характерное для скандинавов.

В середине IX в. Ладожское торгово-ремесленное и земледельческое поселение было уничтожено пожаром. Это событие можно связать с данными летописцев, под 852 — 862 гг. рассказавшими о хитросплетениях отношений словен с норманнами или варягами.

На рубеже IX — X вв. на мысу при впадении в Волхов реки Ладожки была выстроена крепость. Планировка пригорода (посада) приобрела регулярный характер и была подчинена единому замыслу.

Эволюция Ладоги IX в. соотносится с данными о поступлении монетного серебра с востока, через Русскую равнину, в Скандинавию. Данные эти опи-

раются на датировку найденных на берегах рек Русской равнины кладов с восточным серебром.

В 840-х годах норманны вывозили серебро на Балтику в значительных размерах. В 850-х годах у норманнов начались трения со славянами, и поток серебра сократился. В 860 — 870 гг. вывоз серебра на Балтику вновь приобрел устойчивый характер.

В IX — X вв. одновременно с Ладогой действовали центры в Гнездове и Тимереве. Это была достаточно устойчивая система, обеспечивавшая жизнедеятельность грандиозной торговли, связывавшей воедино Каспий, Черное море и Балтику. Однако в X в. год от года все более возвышавшийся Киев не только сломил существующую систему торговли на Русской равнине, но реорганизовал ее в общегосударственную, подчинил собственным интересам и поставил под свой контроль.

Пока норманны [варяги] в IX — X вв. вывозили в ладьях восточные дирхемы через Волгу и Волхов на Балтику, словене в VIII — X вв. активно вспахивали пойменные луга рек и озер севера Восточной Европы ралами и плугами под посевы злаков, бобов и льна. Вспахав берега озера Ильмень, словене прошли на верхнюю Волгу и принялись пахать суздальское ополье.

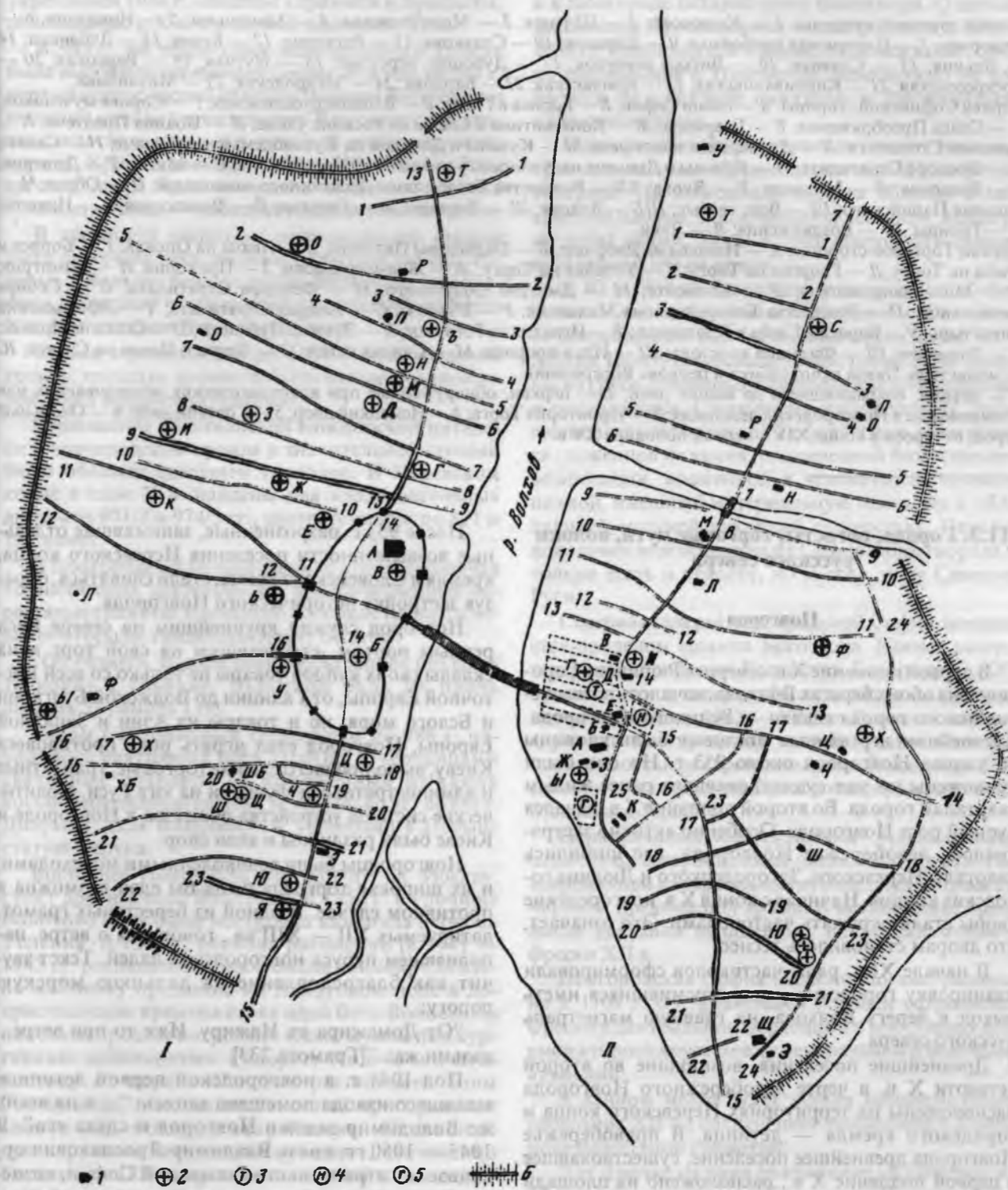
В XI — XIII вв. словене активно осваивали Ижорское плато, располагающее плодородными дерново-карбонатными почвами. На Ижорском плато словене смешивались с местными угро-финскими народами — ижорой и водью.

Развитое сельское хозяйство, ремесла, цветущая торговля и неиссякаемые ресурсы земель русского севера в VIII — IX вв. создали предпосылки для расцвета городов словен и кривичей. После того как в середине IX в. сгорело древнейшее в Старой Ладоге поселение, на Земляном городище, при истоке Волхова из озера Ильмень, началось возвышение великого города. Господин Великий Новгород имел предтечу подобно Смоленску, Ростову, Ярославлю, Переяславлю-Залесскому и многим иным древнерусским городам.

В трех километрах к югу от Новгорода, на правом берегу Волхова, на мысу, образуемом руслами Волхова и Малого Волховца, на площади более чем в 8 га. в первой половине IX в. возникло поселение, впоследствии названное Рюриково городище или просто Городище. В XI — XIII вв. Городище [Рюриково] служило местом пребывания призывавшихся в Новгород князей. В 1103 г. Мстислав Владимирович заложил на Городище каменный храм Благовещения. Это был большой шестистолпный храм с башней у северо-западного угла. От храма сохранилось лишь основание.

Если верить легенде о призвании Рюрика, то именно Рюриково Городище в середине IX в. послужило варяжскому конунгу местом пребывания.

В IX — X вв. Рюриково Городище было неукрепленным поселением, застроенным дворами торговцев и ремесленников.

Древний Новгород X — XIV вв. по Б.А.Колчину и В.Л.Янину:

I — Софийская сторона; II — Торговая сторона.
Улицы Софийской стороны: 1 — Досланя; 2 — Яковлева; 3 — Боркова; 4 — Холопя; 5 — Кузьмодемьянская; 6 — Розважа; 7 — Щеркова; 8 — Янева; 9 — Ростокино; 10 — Хревкова; 11 — Легоща; 12 — Чудинцева; 13 — Великая; 14 — Пискупля; 15 — Пробойная Людина конца; 16 — Прусская; 17 — Добрыня; 18 — Волосова; 19 — Ярышева; 20 — Черницына; 21 — Рядятина; 22 — Воздвиженская; 23 — Лукина

Улицы торговой стороны: 1 — Конюхова; 2 — Щитная; 3 — Молотковская; 4 — Маницына; 5 — Никитина; 6 — Федорова; 7 — Плотенская пробойная; 9 — Коржева; 10 — Славкова; 11 — Рогатина; 12 — Буяна; 13 — Лубяница; 14 — Ильина; 15 — Славная; 16 — Витков переулоч; 17 — Дубошин переулоч; 18 — Нутная; 19 — Варецкая; 20 — Воскресенская; 21 — Кирювановская; 22 — Кончакская; 23 — Бардова; 24 — Загородская; 25 — Михайлова.

Церкви Софийской стороны: А — собор Софии; Б — Бориса и Глеба; В — Входеоерусалимская; Г — Сорока мучеников; Д — Спаса Преображения; Е — Гавриила; Ж — Константина и Елены на Роскине улице; И — Иоанна Предтечи; К — Симеона Столпника; Л — Двенадцати апостолов; М — Кузьмы и Демьяна на Кузьмодемьянской улице; Н — Саввы; О — Феодора Стратилата; П — Кузьмы и Демьяна на Холопней улице; Р — Пантелеймона; С — Мины; Т — Дмитрия; У — Введения; Ф — Михаила; Х — Якова; ХБ — Рождества Богородицы Десятинного монастыря; Ц — Образ; Ч — Василия Парийского; Ш — Всех святых; ШБ — Власия; Щ — Варвары; Ъ — Георгия; Ы — Вознесения; Ь — Николы.

Церкви Торговой стороны: А — Николы на Дворище; Б — Параскевы Пятницы; В — Ивана на Опоках; Г — Бориса и Глеба на Торгу; Д — Георгия на Торгу; Е — Успения на Торгу; Ж — Жен-мироносиц; З — Прокопия; И — Дмитрия; К — Михаила-архангела; Л — Климента; М — Дмитрия Солунского; Н — Феодора Стратилата; О — Собора Богородицы; П — Рождества Богородицы на Михалице; Р — Никиты; С — Андрея Стратилата; Т — Ефимьевский монастырь; У — Бориса и Глеба в Плотниках; Ф — Игнатия на Рогатице; Х — Луки на Лубянице; Ц — Спаса на Ильине; Ч — Знамения; Ш — Филиппа апостола; Щ — Ильи пророка; Ы — Святых отцов; Э — Петра и Павла на Славне; Ю — монастырь Павла исповедника и церковь Воскресения.

1 — церкви, сохранившиеся до наших дней; 2 — церкви, обнаруженные при археологических исследованиях или упоминаемые в Новгородских летописях; 3 — территория Торга; 4 — Немецкий двор; 5 — Готский двор; 6 — Окольный город, построен в конце XIV — первой половине XV в.

11.3. Города, погосты, торговые пути, волоки русского севера

Новгород

В первой половине X в. севернее Рюрикова Городища, на обоих берегах Волхова, началось возвышение нового города славян — Великого Новгорода. Древнейшие деревянные мостовые были уложены на улицах Новгорода около 953 г. Но они были проложены по уже существовавшему ранее жилым кварталам города. Во второй половине X в. начался бурный рост Новгорода. Особенно активно застраивалось левобережье Новгорода, где ширились кварталы Неревского, Загородского и Людина городских концов. Начиная с конца X в. новгородские дворы стали окружать частоколами. Это означает, что дворам становилось теснее.

В начале XI в. ряды частоколов сформировали планировку городских улиц, стремившихся иметь выход к берегу Волхова, на главную магистраль русского севера.

Древнейшие поселения, возникшие во второй четверти X в. в черте левобережного Новгорода расположены на территориях Неревского конца и городского кремля — детинца. В правобережье Новгорода древнейшее поселение, существовавшее в первой половине X в., расположено на площади Словенского конца. Арабские источники упоминают город Слава [Словенск]. Его прообразом мог послужить Словенский конец Новгорода.

В Новгороде в слое, датируемом XII в., найдена берестяная грамота, упоминающая Словенский конец, называемый Славна:

“Кринило синоу. У Фодора оу урокев... А живе во Славне со Коуиже...” [Грамота 153. Здесь и далее текст грамот приводится по изданию: Арциховский А.В. и Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте. 1951—1963 гг.]

После 953 г. разрозненные, занимавшие отдельные возвышенности поселения Неревского конца, кремля и Словенского конца, стали сливаться, образуя застройку исторического Новгорода.

Новгород служил крупнейшим на севере Руси речным портом, стягивавшим на свой торг и на склады своих купцов товары не только со всей Восточной Европы, от Галиции до Волжской Булгарии и Белого моря, но и товары из Азии и Западной Европы. Новгород стал играть роль противовеса Киеву, выполнявшего схожие торговые, транзитные и административные функции на юге Руси. Политические системы устройства общества в Новгороде и Киеве были различны и вели спор.

Новгородцы были великолепными мореходами, и их широкая торговля была бы едва возможна в противном случае. В одной из берестяных грамот, датируемых XII — XIII вв., говорится о ветре, наполнявшем паруса новгородских ладей. Текст звучит как благословление на дальнюю морскую дорогу:

“От Домажира къ Нажиру. Иже то при ветре... възьми жа...” [Грамота 233].

Под 1044 г. в новгородской первой летописи младшего извода помещена запись: “... а на весну же Володимир заложи Новгород и дела его”. В 1045 — 1050 гг. князь Владимир Ярославович организовал строительство каменной Софии, вознесшейся в северной части новгородского кремля. Следует понять, что шло одновременное строительство укреплений кремля и св. Софии. Оборонительная стена новгородского кремля, создававшаяся в 1044 г., представляла собой дубовые срубы-городни, составленные в замкнутый овал. Внутри срубы засыпали землей. Высота укрепления достигала 7 — 8 м. Ширина оборонительной деревянно-земляной линии составляла 29 м.

Под линией укреплений 1044 г. открыт деревянный сруб, датируемый 962 г. Кроме того, под линией

укреплений 1044 г. найдены керамика и предметы, относящиеся к X в. и к первой половине XI в.

В 989 г. на территории новгородского кремля была выстроена деревянная София. И в том же 989 г. первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин положил начало строительству Владычного двора, впоследствии ставшего основой новгородского кремля. Кроме каменных покоев Иоакима на Владычном дворе была возведена каменная церковь Иоакима и Анны — небесных покровителей владыки.

В древности площадка новгородского кремля была рассечена несколькими оврагами, по дну которых к Волхову бежали ручьи. Между двумя оврагами, в северной части кремля, в последней четверти X в. расположили Владычный двор.

Весьма вероятно, что до 1044 г. новгородский кремль, площадь которого была меньше современной, имел внешнее укрепление.

Возвышение христианской епископской цитадели в новгородском кремле в значительной степени было связано с цветущей торговлей. В Неревском конце в слое X в. найдены два клада восточных дирхемов 971/2 и 974/5 гг., соответственно по 871 и 735 монет.

В Новгороде ни на один день не стихала кипучая хозяйственная деятельность. Многочисленные берестяные грамоты, буквально усеявшие площадь великого города, свидетельствуют об этом:

“От Рознега. Въдале есмь Гюрьгевицоу без девяти коунь 2 гривне. Възьмъше въда же прочь людъмъ” [Грамота 119].

Рядом с Рюриковым городищем до 988 г. находилось святилище бога Перуна. Очертаниями святилища походило на выложенный из камня восьмилепестковый цветок. За несколько лет до 988 г. Добрыня, дядя Владимира I, установил в Перыне статую Перуна.

Восточнее Новгорода, при дороге на Москву, стоит древнее село Волотово. В 1352 г. в урочище Волотово поле была построена каменная церковь Успения. В 1363 г. церковь расписали [в 1941 — 1943 гг. роспись была уничтожена войной]. Согласно местному преданию на Волотовом поле в дохристианские времена стоял идол бога Волоса. На поле новгородцы погребали своих мужей под курганами-волотовками. Говорят, что в 43 м к юго-востоку от церкви Успения расположен холм Гостомысла, некогда насыпанный пригоршнями словен над могилой старейшины. Отдельные древнерусские летописцы сообщают, что именно Гостомысл в IX в. промыслил гостей из-за моря.

В начале XI в. Ярослав Мудрый перенес княжескую резиденцию с Рюрикова городища к новгородскому торгу, в гущу буйной жизни столицы русского севера. Варяги, к услугам которых прибегал Ярослав, едва ли были желанны в Новгороде и тем более на холме, занятом Словенским концом. Согласно данным археологии скандинавы в IX — XI вв., преимущественно жили на Рюриковом городище, а в Новгороде жили словене.

Ярослав у новгородского торга выстроил княжеский дворец. Но сам Ярослав скоро уехал в Киев,

а в Новгороде оставил сына Владимира. О детище Владимира Ярославовича, о выстроенной в 1045 — 1050 гг. новгородской Софии, писалось выше, однако рассказывая о Новгороде, невозможно не коснуться ее главной святыни и древнейшего каменного здания.

Новгородская София увенчана пятью главами. С трех сторон храм обведен двухэтажной папертью-галереей. На юго-западе галерея вбирает в себя круглую башню, заключающую лестницу, ведущую на хоры храма. Хоры с трех сторон охватывают внутренний объем храма.

В XI — XII вв. иконостас новгородской Софии был невысок и именовался темплоном. Отличным от современного был и внешний облик храма XI — XIII вв. Нештукатуренные стены храма были сложены из грубо отесанных каменных квадратов плитняка и ракушечника. Стороннему наблюдателю, любившемуся новгородской Софией извне, храм казался сложной из камня, подчиненной божественной композиции, вложенной в человеческое сознание поэмой, имеющей материальную плоть, но и обладающей могучей духовной сущностью. Недаром для словен новгородских их София олицетворяла не только честь и красоту, но и саму душу Северной Руси.

Северная галерея новгородской Софии завершается приделом Иоанна Богослова. Южная галерея завершена приделом Рождества Богородицы. Оба придела, как и галерея, были выстроены одновременно с храмом в 1045 — 1050 гг. В южной галерее хоронили новгородских князей и епископов. Тут покоятся останки строителя храма Владимира Ярославовича и горячо любимого новгородцами князя Мстислава Удалого.

Первоначально южная галерея — усыпальница, в отличие от северной, была частично открыта. Под современной папертью, на глубине двух метров, обнаружен древний пол храма. В южной стене храма после удаления позднейших наслоений открыты фрески XII в.

Новгородская София была полностью расписана к 1109 г. От древнейшей росписи сохранились фрески в центральном барабане и в простенках проемов второго яруса между центральной и боковыми апсидами.

В данном месте будет кстати привести благословление XII в., сохраненное найденной в Новгороде берестяной грамотой:

“От Дрочке от папа пькланяние ко Демеяну и к Мине и к вьсемо вамо добре створя” [Грамота 87].

В 1187 г. [как принято считать] из древней столицы Швеции города Сигтуна в Новгород были привезены западные врата Софии. Врата изготовили в Магдебурге в середине XII в. На бронзовых пластинах врат можно видеть рельефы с библейскими и евангельскими сюжетами. Это шедевр западноевропейской раннесредневековой пластики. В левом нижнем углу врат изображены мастера, изготовившие их, и можно прочесть их имена — Риквин и Вайсмут. На вратах можно отыскать и фигуру рус-

ского мастера, установившего ворота в Софии. Надпись над фигурой гласит: "Мастер Аврам".

Еще одни древние бронзовые врата затворяют проем, соединяющий Мартирьевскую паперть с Рождественским приделом. Створы врат украшены пластинами, покрытыми растительным орнаментом. Согласно преданию эти врата городу подарил Ярослав Мудрый.

Громадный интерес представляют процарапанные по штукатурке стен новгородской Софии древние надписи — граффити. Из их прочтения можно узнать имена художников и зодчих, участвовавших в создании храма. Многочисленные граффити и берестяные грамоты, найденные при раскопках в Новгороде, представляют собой летопись, еще ожидающую систематизации, описания и прочтения.

Одной из величайших реликвий новгородской Софии является древнейшая икона храма — "Петр и Павел", написанная в середине XI в.

В 1049 г. в новгородском кремле сгорела деревянная София "о тринадцати верхах". Век безвозвратно ушедшего творения был короток — 989 — 1049 гг. Если вспомнить, что киевская София также имеет тринадцать глав и начато было ее строительство в 1037 г., невольно возникает вопрос: а не послужила ли деревянная новгородская София прообразом каменной киевской? Впрочем, это лишь догадка.

На месте сгоревшей церкви новгородец Сотко Сытинич в 1167 г. возвел каменный храм, посвященный Борису и Глебу. Храм простоял до XVII в., и ныне открыты остатки его фундамента. На основании башни XII в. покоятся части западной и северной стен церкви Андрея Стратилата, выстроенной после XVII в.

Ранее, в 1116 г., согласно новгородскому летописцу "Мстислав заложи Новгород болии перваго". Князь Мстислав I Владимирович расширил площадь новгородского кремля и обвел его овалом новой линией укреплений.

В XII в. шло активное каменное строительство в Новгороде. Каждая улица города стремилась обрести собственный если не каменный, то во всяком случае деревянный храм.

После 1135 г. князя, сидевшие уже не в Новгороде, а все в том же древнем Рюриковом городище, не выстроили в городе ни одного каменного здания. Правда, в 1165 г. князь Святослав Ростиславович поставил в Новгороде церковь св. Николая. В 1191 г. эта церковь была заменена новой того же имени. Но обе церкви были деревянными.

Дальнейшее княжеское строительство было продолжено вне пределов Новгорода. На Софийской левой бережной стороне Новгорода, справа от дороги, ведущей к Юрьеву монастырю, на холме, именуемом Синичья гора или Синилище, среди намогильных крестов в 1185 — 1192 гг. жители Лукиной улицы возвели небольшую каменную церковь во имя апостолов Петра и Павла.

Четыре столпа возносят единственную главу, но необычна техника кладки церковных стен. Они сложены из кирпича со "скрытым рядом". Каждый вто-

рой ряд плинфы углублен в стену и затерт цемянкой. Со стороны кажется, что узкие ряды плинфы перемежаются широкими полосами раствора.

В 1195 — 1196 гг. на Софийской стороне, по заказу новгородского владыки на берегу озера Мячино была выстроена каменная церковь Уверения Фомы. В 1464 г. на старом фундаменте вместо древнейшей рухнувшей церкви возвели новую с тем же названием.

На одной из улиц софийской стороны — Волосовой — в 1184 г. была поставлена деревянная церковь св. Власия. В 1407 г. на месте обветшавшей деревянной возвели каменную церковь. В X в. на Волосовой улице, на месте позднейшей христианской церкви, могло располагаться святилище Волоса — скотьего бога.

В XII в. на Ширкове улице Софийской стороны возвели каменный храм Федора Стратилата. В 1292 — 1294 гг. церковное здание подверглось капитальной перестройке.

Во второй половине XII в. под Новгородом началось бурное строительство подгородних монастырей — Благовещенского (1179 г.), Кирилловского (1196 г.), Нередицкого (1198 г.).

На Софийской стороне, за линией внешнего земляного вала, в XII в. вырос Духов монастырь. Из этой обители происходит икона св. Николая (XII в.), хранящаяся в Русском музее. К северу от Духов монастыря расположены упомянутые в XI в. угоды, служившие для княжеской охоты, — Зверинец. В заповедном урочище выросли две монастырские обители — Зверин и Николо-Бельский.

Правая сторона Новгорода традиционно именуется Торговой и включает Словенский и Плотницкий концы.

С Софийской стороны, от возведенной в 1195 г. каменной проездовой башни с Пречистенской надвратной церковью на вершине, через Волхов был переброшен Великий мост.

По Великому мосту из новгородского кремля можно было попасть на Торговую сторону. Великий мост впервые упомянут летописцами под 1133 г. и в дальнейшем многократно упоминается в связи либо с бурной историей Новгорода, либо с ремонтом. Изображение новгородского Великого моста сохранено на иконах "Битва новгородцев с суздальцами" и "Видение пономаря Тарасия".

Центром Торговой стороны Новгорода было торжище. В его южной части Ярослав Мудрый выстроил Ярославово дворище или княжеский двор. Украшением двора по сей день служит Никольский собор, заложенный князем Мстиславом I Владимировичем в 1113 г.

О Николо-Дворищенском соборе писалось выше. С запада к собору примыкал княжеский дворец, основание которого открыто археологами. Из дворца по деревянной галерее переходили на хоры собора. Но уже в домонгольское время в юго-западном углу Николо-Дворищенского собора была выстроена каменная лестница. Это событие можно связать с переходом князей из Новгорода, с Ярослава дворища, на древнее прибежище в Рюриково

городище. К северу от княжеского двора шумело разноязычное Торговище — сердце Новгорода. По берегу Волхова тянется Великий ряд. К нему сходились ряды лавок. В XVI в. новгородское Торговище насчитывало 1500 лавок.

Новгород был крупнейшим центром производства самой различной продукции на севере Руси. Берестяные грамоты свидетельствуют об этом по-стоянно:

"От Жировита к Стоянови. Како ты у мене и честное древо възъм и вевериць ми не присълеши, то девятое лето. А не присълеши ми полупята гривны, а хоцу ти вырути в тя, луцьшаго новъгорожянина. Посъли же добръм" [Грамота 247. В земле с 1025 — 1096 гг.].

"Возьми у Тимоши одиннадцать гривен, у Воичина шурина на коне расписной хомут, и вожжи, и оголовье, и попону" [Грамота 78. Вторая половина XII в.].

В трех десятках метров к северу от Николо-Дворищенского собора новгородскими купцами была возведена церковь Параскевы Пятницы на Торгу.

Церковь совершенно необычна для раннесредневекового Новгорода. Она имеет три притвора и круглые в сечении опоры. Особенность Пятницкой церкви объясняется прихотью ее строителей — новгородских купцов, торговавших с Багдадом, Византией и ганзейскими городами.

Впервые летописец сообщает о строительстве Пятницкой церкви под 1156 г. А в 1191 г. и в 1207 г. летописцы вновь упоминают о строительстве Пятницкой церкви. Вероятно, поначалу новгородской торговли покровительствовала деревянная церковь Параскевы Пятницы.

Наиболее близок новгородской церкви Параскевы Пятницы смоленский храм Михаила Архангела на Смядыни, построенный в конце XII в.

В первой половине XII в. на площади новгородского Торговища были выстроены еще две каменные церкви. В 1135 г. князь Всеволод Мстиславович рядом с местом, занятым Пятницкой церковью, заложил основание церкви Успения. В 1136 г. Всеволод Мстиславович покинул Новгород, в Южной Руси успеха не достиг, но новгородцами назад принят не был. В 1138 г. князь скончался. А Успенскую церковь достроили в 1144 г. До наших дней дошла лишь нижняя часть стен церкви. А в 1127 г. по случаю рождения сына, в крещении названного Иваном, князь Всеволод Мстиславович заложил основание церкви Иоанна Предтечи на Опоках.

В 1130 г. строительство церкви было завершено, и князь передал ее объединению новгородских купцов-вошаников.

В 1453 г. на основании храма 1127 — 1130 гг. была возведена новая церковь.

Между каменными церквями Иоанна Предтечи и Успения Богородицы в 1133 г. была выстроена из дерева церковь Георгия.

В 1356 г. на ее месте была возведена каменная церковь.

К востоку от Новгорода, на островке Волховца, огибающего торговую сторону города, в апреле —

июле 1196 г. была выстроена каменная церковь св. Кирилла. Заказчиками строительства выступали "братеники — Кирилл и Дмитр". Строил "мастер баше с Лубяной улицы Коров Яковлевич".

Церковь св. Кирилла была до основания разрушена последней мировой войной, и в наше время ее руины скрыты травой и кустарником.

Еще один загородный каменный храм в 1198 г. был построен князем Ярославом Владимировичем на Нередицком Холме, стоящем между Словенским концом Новгорода и древним Рюриковым Городищем. Церковь именуется Спасо-Преображенской на Нередице. В 1199 г. церковь была расписана. Церковь стояла посреди княжеского монастыря. Князь жил западнее, в Рюриковом Городище. Четыре квадратных в сечении столпа несут единственную главу. В толще западной стены скрыта лестница, ведущая на хоры. Внутрь церкви открыта лишь средняя часть хор. В северо-западном и юго-западном углах на палатах располагались небольшие приделы. При этом хоры и боковые пределы размещались не на сводах, а на деревянных накатах.

Стены церкви толсты. Их складывали из рядов камня, чередующегося с рядами плинфы, скрепленные раствором извести с толченым кирпичом.

Церковь Спаса на Нередице замечательна тем, что до 1941 г. на ее стенах практически полностью сохранялась роспись 1199 г. В куполе церкви было изображено вознесение, в барабане — пророки, в подпружных арках — медальоны с изображением сорока мучеников. Западная стена церкви была занята картиной Страшного суда. На нижней части церковных стен был написан орнамент, подражавший мраморным плитам, украшавшим нижние части стен византийских храмов. В росписи присутствовал портрет князя Ярослава Владимировича.

В 1941 — 1943 гг. война почти до основания разрушила церковь Спаса на Нередице. В 1956 — 1958 гг. по проекту архитектора Г.М.Штендера после консервации остатков церкви, проведенных под руководством Л.М.Шуляк, церковь Спаса на Нередице была восстановлена. Но фрески уцелели лишь в центральной апсиде, дьяконнике, на южной и западной стенах.

На Рюриковом Городище в 1103 г. князь Мстислав I Владимирович заложил основание каменной церкви Благовещения. Это была большая шестистолпная церковь с башней на северо-западном углу. Церковь была богато украшена росписью и цветной поливной плиткой.

В 1342 — 1343 гг. на месте церкви 1103 г. была возведена новая церковь Благовещения. Она безвозвратно утрачена в 1941 г.

При истоке Волхова из озера Ильмень расположена роща Перынь. Святилище Перуна в роще было разрушено в конце X в. А перед нашествием монголов в Перыни был выстроен одноглавый каменный храм. Его стены сложены не из плинфы, а из брускового кирпича и не на цемянке, а на известковом растворе с примесью песка. Фасады церкви не штукатурили, и было видно сочетание кладки из кирпи-

ча, плитняка и ракушечника. Верх церковной стены завершает трехлопастной арктурный пояс.

Украшением церкви в Перыни служила икона “Николы” [1294 г.], написанная Алексой Петровым. В войну церковь подверглась разрушению, но к 1960 г. была восстановлена.

Из Перыни за Волховом в ясную погоду можно увидеть церковь Николо-Липенского монастыря. Эта каменная одноглавая церковь во многом походит на церковь в Перыни. Ее возвели в 1292 г. И это была первая каменная церковь, выстроенная на русском севере после нашествия монголов. Недаром две церкви обмениваются взглядами через Волхов, словно две сестры, рожденные одними родителями в разное время.

Западнее Рюрикова Городища за Волховом высятся трехглавая громада Георгиевского собора Юрьева монастыря. Об этой обители и ее соборе писалось выше.

Упомянем, однако, что из Юрьева монастыря происходит древнейшая из известных икон “Георгия”, созданная в 1030 г.

В 30-х годах XII в. для Георгиевского собора была написана икона Устюжское Благовещение. А в 1120 — 1128 гг. для Юрьева монастыря было написано одно из древнейших на Руси Евангелие, украшенное чудными миниатюрами. Из Юрьева монастыря происходит едва ли не древнейшая жалаванная грамота.

Георгиевский собор монастыря был заложен в 1119 г. Один из летописцев оставил свидетельство об имени строителя — “а мастер трудился Петр”.

Недалеко от Юрьева монастыря в 1179 г. была выстроена одноглавая каменная церковь Благовещения. В 1189 г. церковь была расписана. В XVII в. верхняя часть церкви подверглась перестройке, но, несмотря на это и позднейшие записи, удается расчищать фрески XII в. в центральной апсиде, жертвеннике, дьяконнике.

Еще один каменный храм вблизи Юрьева монастыря был выстроен в 1179 г. у деревни Аркажи и посвящен Благовещению. Храм сохранился лишь до половины первоначальной стены. Верхняя часть стен и своды подверглись позднейшей перестройке. В 1189 г. церковь Благовещения в Аркажи была расписана. Фрагменты фресок сохранились в алтаре.

Севернее Новгорода, на правом берегу Волхова, в 1106 г. выходцем из Западной Европы был основан Антониев монастырь. Антонием звали основателя и первого игумена обители.

В 1117 — 1119 гг. на средства Антония был построен каменный храм, посвященный Рождеству Богородицы. Из объема храма на северо-западном углу выступала круглая лестничная башня, увенчанная главой. Еще одна глава храма помимо основной центральной главы вознеслась над юго-западным углом здания. Впоследствии тремя главами обычно венчали храмы, посвященные Богородице. В 1125 г. Богородице-Рождественский собор Антониева монастыря был расписан. Фрагменты фресок сохрани-

лись в алтаре. В дьяконнике сохранилась сцена “обретения главы Иоанна Предтечи”.

Весьма ценны граффити, сохранившиеся на внутренних стенах лестничной башни собора. Одно из них изображает мужчину, и сверху подписано: “Петр”.

В 1119 г. над возведением Георгиевского собора Юрьева монастыря трудился мастер Петр. А на стене новгородской Софии в начале XII в. среди граффити встречено имя Петр. Весьма вероятно, что к строительству соборов Антониева и Юрьева монастырей имел отношение один и тот же мастер Петр.

В 10 км севернее Новгорода, на высоком правом берегу Волхова, в 1192 г., за год до смерти, чернец Варлаам, в миру Алекса Михалевич, выстроил каменную церковь во имя Спасо-Преображения. Варлаам стал первым игуменом обители, впоследствии ставшей известной как Хутынский монастырь.

Древнейший каменный храм Хутынского монастыря не сохранился.

Приведенное описание новгородских памятников XI — XIII вв. лишь отчасти проливает свет на величие и красоту северной столицы Руси. Однако упомянутые памятники сохранились до настоящего времени и являются видимыми свидетельствами славного бытия некогда всесильного Господина Великого Новгорода.

Завершая краткий рассказ о Новгороде, приведу текст берестяной грамоты, датируемой серединой XII в., содержащей человеческое тепло минувшей эпохи:

“От Микити ко Улчааниц. Пойди за мьне. Я тьбе хоцю, а ты мене. А на то послух Игнат Моисиев...” [Грамота 377].

Старая Русса. Березовецкий Рядок. Коростынь. Холмский погост. Великие Луки

С юга Новгород предвещает древний город Старая Русса. Заметим, что топоним Русское в приильменье распространен широко. Только в нижнем течении реки Мста можно отыскать села Русская Ольховка и при устье — Русско. Говоря о Старой Руссе, упомянем село Новая Русса, стоящее в верховьях реки Пола [приток Ловати], ниже Игнашева креста. А в верховье реки Поросья, среди громадного Рдейского болота, расположено озеро Русское. Еще один топоним — Русская Болотница — можно отыскать на карте среди заболоченного леса к востоку от Старой Руссы.

Обилие топонима с основой Русь в приильменье можно объяснить некоторым противопоставлением словен и шедшей на север со среднего Днепра руси. Выделяли русь и к северу от Новгорода. Над правым берегом Волхова, к северу от города и Хутынского монастыря, стоит село Русса. В верхнем течении Луги, ниже волока с рек Мшага и Шелонь, находится село Русыня. А в землях ижоры находятся села Русское и Русско-Высоцкое. Тут русь выделялась не столько из среды словен, сколько среди угрофиннов.

Город Старая Русса возник при слиянии рек Полисть, Поросья и Перерытицы. Древнейший центр города располагался между старым руслом реки Поросья, в наше время называемым Малашка, и Верхним Соляным озером.

Древнейшее упоминание о Старой Руссе содержится в берестяной грамоте, найденной в Новгороде (№ 526) и датируемой 80-ми годами XI в. Летописцы впервые упоминают город под 1167 г. Источники свидетельствуют, что в Старой Руссе находились детинец и посад. Кроме того в городе были традиционное торжище, каменные церкви и монастыри.

В Старой Руссе археологами вскрыто несколько ярусов деревянных мостовых древних улиц Губки и Борисоглебской. Город был плотно застроен усадьбами бояр, торговцев и ремесленников. Не в последнюю очередь процветание Старой Руссы обеспечивала деятельность соляных варниц.

В Старой Руссе в XI — XIII вв. активно писались грамоты на бересте и стучали, скрепляя документы, свинцовые печати. В 1198 г. в Старой Руссе был возведен древнейший каменный собор. От этого собора сохранились фундамент и в некоторых местах нижние части стен. В XV в. собор был надстроен, а старые стены и своды разобраны и уложены заново.

С юга к Старой Руссе шли ладьи и челны купцов с трех волоков — от Витебска, Усвята и Полоцка с Западной Двины руслом реки Ловать, мимо новгородских городов Великие Луки и Холм. Шли к Старой Руссе и ладьи с волоков от смоленских городов Торопец и Жижец, также руслом Ловати. Подходили на южный берег озера Ильмень и караваны с волоков от озер Селигер и Волго. Гости с Волги, поднявшись водами Селигера до новгородской крепости Березовский Рядок, попадали в реку Пола, минуя знаменитый Игнашев крест.

В древности любой человек, проходивший волок, бросал на землю ветки и камни. Так мостились волоки. Считали волоки местом нечистым и опасным ибо на них нередко были встречи с разбойниками. Недаром на волоках чаще, чем в иных местах, находят клады, некогда спешно зарытые и впоследствии никем невостребованные. Много вдоль волоков могил, послуживших последним пристанищем и гостям и лихим людям.

Район Селигера — это завораживающая страна озер, рек и всхолмленной равнины, поросшей девственным лесом. Одно из древнейших поселений славян на Селигере расположено у деревни Николо-Рожок. В IX — X вв. кривичи обвели городище у деревни Николо-Рожок линией укреплений. Севернее городища лежали бескрайние владения словен новгородских.

Укрепление кривичей заняло холм, венчающий изогнутый в форме рога полуостров. Население городища у деревни Николо-Рожок помимо торговли занималось ремеслами. В мастерских изготавливали бронзовые украшения, производившиеся только на берегах Селигера. Население выращивало зерно и активно промышляло рыбу в озере.

Одним из основных форпостов словен новгородских на Селигере было городище у деревни Березовский Рядок. Люди заняли холм, при высоком уровне в озере окруженный водой, в XIII в. до н.э. К юго-востоку от городища выстилается луг. Весной луг затопляется, а в древности луг и вовсе служил озеру заливом.

В 400 м от Березовца, в долине, с двух сторон окруженной грядами холмов, берет начало цепь небольших озер. В 3 км от Березовца расположено озеро Глубочек. За озером берет начало река Щеберица, впадающая в реку Полу, а Пола впадает в Ловать. Весной при высокой воде волок у Березовского Рядка можно одолеть и ныне. Со стороны Новгорода волок оканчивается у деревни Игнашовка. Именно тут в XIII в. стоял памятный летописцам Игнашев крест, и именно отсюда на юг повернул Батый, не дойдя сотни верст до Новгорода.

Еще одно древнее городище, заселенное людьми в середине I тыс. до н.э. и впоследствии никогда подолгу не пустовавшее, находится на мысу при впадении Волги в озеро Стерж. Словене новгородские укрепили Стерженское городище, соединенное с берегом узким перешейком, и не покидали его до XV в. В 1133 г. новгородский посадник Иванко Павлович поставил на городище каменный Стерженский крест. Спустя год Иванко Павлович погиб в битве на Ждане-горе под Переяславлем-Залесским. На кресте сказано, что посадник “почах рыти реку”, видимо, улучшая проходимость волоков с Волги в Ловать.

Между озерами Стерж и Селигер, среди леса, расположено озеро Сабро. Некогда на берегах озера жила словенская община сябров. Название озера и его контур на карте очерчивают границу владений общинников-сябров раннего средневековья, эпохи активного расселения словян в лесной полосе Восточной Европы.

Крупнейшим новгородским центром к северо-западу от Селигера были село и городище Молвотицы.

Но вернемся к городам Новгородских земель. В 5 км к юго-востоку от места впадения в озеро Ильмень реки Шелонь стоит село Коростынь. Некогда на месте села, на возвышенном берегу Ильменя, стоял город Коростель. Посадник, сидевший в городе, заботился о безопасности на нижней Шелони, из русла которой по левым притокам, рекам Мшага и Киба, гости поднимали суда на волок в реку Лугу. Кроме того, по Шелони шел путь на Псков.

Говоря о Коростеле, заметим, что в Южной Руси есть город со схожими названиями. На реке Тетерев стоит известный с XIII в. город Коростышев. Близок по звучанию и известный с 945 г. древлянский город, стоящий на реке Уж-Искоростень [Коростень].

В 1471 г. под Коростелем, при устье Шелони, произошла битва новгородцев с московским войском. Поражение в битве лишило Великий Новгород самостоятельности.

Последние столетия тихое древнее село Коростынь славится плодовитыми вишневыми садами.

Большую дорогу, шедшую руслом реки Ловать, стерегли два новгородских центра. В среднем течении Ловати, при устье реки Куньи, господствовал известный с 1144 г. Холмский погост [Деревской пятины], впоследствии ставший городом Холм. Секрет возвышения Холмского погоста заключен в том, что верховья реки Куньи подходят к волокам, шедшим от Торопца и Жижицы. Холмский погост очень древен и вполне мог существовать в X — XI вв.

Верховья Ловати охранял город Великие Луки, впервые упомянутый летописцами под 1166 г. Зимой этого года в Великие Луки приехал Великий князь Ростислав Мстиславович.

Символом свободы жителей Великих Лук был вечевой колокол, висевший на Воскресенской башне городской крепости. Детинец города был окружен деревянной стеной с двенадцатью башнями. Вокруг укрепленного центра города, занимавшего берег Ловати и речной остров Дятловку, располагался торговно-ремесленный посад, окруженный тыном.

В 1168 г. Великие Луки во время раздора Новгорода с русскими князьями были разорены. Впоследствии Великие Луки часто страдали от литовцев, и город постоянно был готов к обороне.

Земли Бежецкой пятины. Город Бежецк

В XV в. сильно урезанные Московским государством Новгородские земли делились на области, именуемые пятинами: Бежецкую, Водскую, Деревскую, Обонежскую, Шелонскую. Хотя деление на пятины [областей было пять] считается достаточно поздним, мы не раз сошлемся на их рубежи, значительная часть которых складывалась издревле.

Город Бежецк стоит над правым берегом верхней Мологи, при впадении реки Остречины. Местное предание гласит, что основали Бежецк новгородцы, бежавшие после одной из частых в великом городе распрей. Убежище новгородцы нашли среди глухих заболоченных лесов на далекой юго-восточной границе. Источники начинают упоминать Бежецк в XII в. как одну из новгородских волостей. Бежецк летописцы называли Бежецкий Верх, Бежецкий ряд, Бежичи.

Упоминают Бежецкий Верх под 1239 г. в связи с нашествием Батыя.

В Уставной грамоте Святослава Ольговича, в 1137 г. данной епископу Нифонту [текст грамоты будет приведен ниже], читаем: "А се Бежичьский ряд: въ Бежичехъ 6 гривень и 8 кунъ, Городецъке полпяты гривны, въ Змени 5 гривень, Езьске 4 гривны и 8 кунъ, Рыбаньске гривна Волжская, Выизьске полгривны Волжская".

В XIII — XIV вв. за Бежецк вели спор Новгород, Тверь и Москва. В начале XV в. Бежецк перешел под управление Москвы.

Бежецкая пятина в документах начинает упоминаться с 1545 г. Интерес представляет то, что по Писцовой книге 1581 — 1582 гг. в Белозерской части Бежецкой пятины насчитывалось 50 погостов. В Тверской части пятины были расположены 42 по-

госта. Кроме того, в пятины входили 4 слободки и 4 волости.

Погост является древнейшей административно-территориальной единицей русского севера. К погостам, находящимся на землях Новгородщины, следует относиться внимательно ввиду весьма вероятной их седой древности.

Современная Тверская область, на территории которой находится Бежецк, — одна из богатейших на Русской равнине на древние славянские названия деревень, сел, рек, озер и урочищ. Словене новгородские и кривичи привнесли на Тверские земли едва ли не все богатство славянской топонимики, распространенной не только в Восточной Европе, но и в центре и на юге Европы. Земли суздальского ополья в этом отношении уже беднее.

Заглянем в смысл отдельных топонимов словен новгородских.

Славянские топонимы

Бежецк окружен деревнями с названием Раменья. Согласно толковому словарю В. Даля Раменьем на Руси именуют лес, граничащий с пашней. В Вологодских землях Раменьем называют деревни, стоящие под самой сенью леса. Вообще под словами рамо, рамена славяне понимали плечо, мощь и могучую руку.

На верхней Волге распространено название деревень Дор. Название Дор означает, что деревеньку поставили среди лесной рощи, на месте некогда дремучей чащобы.

На землях словен новгородских распространен топоним Гута, весьма частый в центре Европы и на Украине, то есть в Южной Руси. Гутый именовали хозяйственную постройку, поставленную среди леса для складирования заготовок [ягод, грибов, дров и прочего]. В бассейне реки Медведицы представлен топоним Гута.

Схож с Гутый и частый у словен топоним Гоща. Согласно В. Далю гощить значит готовить, запастись.

Название деревни Любегоща, стоящей над рекой Реня, означает излюбленное для заготовок место. А деревня Видигоща, стоящая на левом берегу реки Волги против древнего города Вертязина [село Городни ниже Твери на Волге], означает место сбора даров природы, видимое через реку из Вертязина.

Подчас русский язык дарит удивительные открытия. Мы помним о селах с названием Дулебино, разбросанных едва ли не всюду от Южной Чехии до средней Оки и реки Друть в Белоруссии. Так вот, согласно В. Далю, в Курских и Орловских землях под словом дулеб, дулебина, дулебый разумеют — бестолковый, невежа, простофиля, остопоп. А в Рязанских и Владимирских землях под словом дулеб понимают — слепой, косой, разноглазый.

У словен новгородских распространен топоним Буда. Это отдельно стоящее строение. Топоним Буда широко распространен в центре Европы и в Южной Руси. На реке Тверце стоит деревня Будово. В суздальском ополье Буда уже редкость.

Наличие топонимов Гута, Гоща и Буда у словен новгородских указывает на близость союза словен к миру славян центра Европы. И близость эта, пожалуй, более тесная, нежели близость кривичей верхнего Днепра к западным славянам, несколько раньше севших в Восточной Европе и вобравших балтский этнический субстрат. Впрочем, топонимы Гута, Гоща и Буда весьма распространены на верхнем Днепре, в землях, занятых кривичами и отчасти радимичами и вятичами, но плотность их распространения ниже, чем в землях словен новгородских.

Суздальское ополье, оказавшееся районом вторичного [позднейшего] в Восточной Европе заселения словен и кривичей, выглядит небогатым на общеславянские топонимы, распространенные в центре Европы и на юге Руси. Но справедливости ради скажем, что и суздальское ополье являет собой кладезь древнеславянской топонимики.

Рассматривая карту Северной Руси, подчас открываешь не просто глубинные пласты славянского языка, но невольно заглядываешь на пять, а то и более тысячелетий вглубь всей индоевропейской истории континента.

Согласно В. Далю, на севере Руси Сельга означает лес или лесное селение. Кроме того, топоним Сельга может иметь значения — пасека, рощище, огнище, чащоба, кулига. В латинском языке si-lva означает лес.

Под Кулигой словене понимали клин земли, но вошедший в тягловый надел, покос, пожню среди пашни. У села Кесова Гора, в Тверской области, стоит деревня Кулигино.

Еще одну параллель с западноевропейскими языками позволяет провести славянский топоним Мурья, означающий лачугу. Под мурованным домом понимали дом каменный, а муровать означало класть камень. По-немецки mauern — каменная стена.

Руга — это еще один интересный топоним из земель словен новгородских. Согласно В. Далю, под Ругой понимались церковная земля и угоды для причта. Кроме того, руга — это годовое содержание священника и причта, получаемое от прихода. Ружная церковь — без земли на руге [на содержания общины].

Невольно задумываешься: а не означает ли название острова на Балтике Рюген землю, ограниченную морем и служившую для вознесения молитв богам?

В землях славян Восточной Европы, включая словен новгородских, вятичей и иные союзы, распространен топоним Руна. Согласно В. Далю рупить в Калужской, Псковской и Тверской областях означает думает, видится, мнится. Продолжив рассуждение, предположим, что рупить означало не только думать, но и писать руны, то есть запечатлевать знаки, имеющие определенную смысловую нагрузку. На русском севере со словом Руна были знакомы издревле. На это указывают топонимы — деревня Руно на реке Руна [приток озера Стерж на верхней Волге], деревня Руново на реке Сережа.

На Руси распространен топоним Вырь, означающий водоворот, вихрь. В Тверских землях Вырь — это извертина, пожня, поемный луг или покос. Кроме того, согласно В. Далю, в Тверских и Псковских землях вырей означало колдун, знахарь, ворожея. В Южной Руси ирей, ирий, ирица означают сказочный и загадочный край, земной рай, теплую страну, волшебное царство. Невольно возникает параллель — славянский Ирей и индоевропейская Ария. Недаром славяне говорили [согласно В. Далю]: перелетная птица летит в вырей; даже змеи около воздвиженья [27 сентября] уходят в вырей. На реке Тресна [приток реки Медведица] стоит деревня Вырец.

Очень интересно славянское слово сябер. Под сяберными землями славяне понимали общинные земли. Следовательно, сябры — это общинники, составлявшие мир. В Курской области, согласно В. Далю, под сябром понимали хозяина, имевшего голос на сходе.

Вокруг Бежецка разбросаны деревни с названиями Ляды, Лядины. Топоним обозначает заросшую лесом пустошь. Впрочем, в древности под лядиной могли разуметь расчищенную от леса под пашню пустошь.

В Восточной Европе распространены топоним и гидроним с корнем Буг, широко представленный в центре Европы. На севере Руси Буг означает долину реки или ручья, на всю ширину поросшую ивняком, осокой и прочей влажнолюбивой растительностью. В районе Бежецка расположена деревня Збуж.

В землях восточных славян множество топонимов, порожденных христианством и светским государством раннего средневековья. Едва ли не все древнерусские города окружены селами с названиями Княжево, Княгинино, Князины и тому подобное. Происхождение подобных топонимов объяснять не нужно.

Много топонимов с дохристианскими славянскими именами в основе: Жирославка [село на реке Медведица], Радомино [там же], Доможирово, Милославское [оба села стоят у реки Кашинки, выше Кашина], Будимирово [на реке Нерль юго-восточнее Углича], Хотмирово, урочище Домажеро [к востоку от Твери среди лесов], Судимирка [на Волге ниже Твери], Ратмирово [у реки Поведь], Петрилово [верховья Западной Двины]. В Смоленских землях над рекой Обша, выше города Белый, стоит село Боярщина. Так вот в названиях вышеприведенных сел сохранились имена бояр, некогда этими селами владевших. Впрочем, нередко боярин брал имя по названию принадлежавшего ему селения.

Рассказывая о топонимике, нельзя не организовать материал в определенную систему. Для осмысления истории Древней Руси подобные данные, сведенные воедино, могут сослужить хорошую службу всякому интересующемуся лицу.

Разделим топонимы и гидронимы современной Тверской области на ряд разделов и дадим им толкование.

О древнейшей языческой эпохе в истории словен новгородских напоминают топонимы: деревня Во-

лосово [река Мста], реки Ворожба, Ведное [река Медведица], река Волхово, деревня Инобожь [район Калязина], деревня Ворожино [верхняя Волга], озеро Вережун, деревня Вережун.

В XI — XIII вв. в среду словен новгородских стало внедряться христианство и древние языческие топонимы начали вытесняться христианскими. На севере Руси много сел с названием Пятницкое. Некогда в этих селах стояли церкви Параскевы Пятницы, покровительницы торговли. Церкви Параскевы ставили на торговых площадях либо на оживленных дорогах и волоках, в местах перегрузок товаров и невольных остановок в пути.

В качестве привнесенных христианством топонимов можно привести следующие: деревни Пятницкое [у города Торопца], Пятница-Плот [у города Торжок], Петчино [район города Бежецк], Троица [на реке Тверце], Владычно [у реки Поведь], Владыкино [река Ловать].

Среди словен новгородских в древности жило немало представителей угро-финских народов. Карта Тверской земли сохранила свидетельства об этом:

деревня Карельское-Пестово, озеро Бродская Лахта [бассейн Мологи], город Весь Егонская, деревня Черемись, Карельский Городок, Сельцо Карельское [река Мста], деревня Чудины [у реки Поведь], деревня Чудиново [район села Кувшиново].

Земли словен новгородских в своей топонимике сохранили свидетельства древнейшей организации общества:

деревни Тысяцкое [район села Кувшиново], Сотское [нижняя Медведица], Сотница, Осотно, Сотино [река Тверца].

Приведенные данные указывают на деление словен на сотни и тысячи. Деревни Десятинны на озере Десятинское, Десятильники [район села Киверичи] свидетельствуют о делении словенских сотен на десятки. Во главе сотен и десятков стояли избранные сотские и десятские, возможно, некогда владевшие вышеупомянутыми деревнями. Впрочем, топоним Десятинское мог означать и число селений в местной общине. Недаром на славянских землях Восточной Европы столь часты топонимы с цифрой девять в основе — деревни Девятюшина [район озера Селигер], Девясилка [верхняя Волга]. Древние славянские общины сябров запечатлены на Тверской земле топонимами: деревня Сябрино [река Кунья], озеро Сабро и деревня Сабро [у озера Селигер].

Отдельные славянские общины на верхней Волге в раннем средневековье были представлены дулебами. Об этом говорит название села Дулепова [на Волге у Калязина].

О делении славян по сословному признаку говорят топонимы: деревни Смердынь [у города Красный Холм], Огнищино [река Себла], Дедово, Дедкино и Детково [бассейн Мологи], Детково [бассейн Поведи], Дядино [район села Кувшинова], Щурово.

Смерды, огнищане и дедичи составляли различные группы крестьян, каждая из которых была на-

делена определенными правами и обязанностями. Щуром или пращуром славяне называли предков.

На Руси рано выделилось почтенное сословие торговых людей, и карта запечатлела соответствующие топонимы: озеро Гостилицкое, деревня Гостилица [река Торопа].

Стремилась гости на торг, и топонимов с основой торг немало: Новый Торг [Горжок], деревня Торг [озеро Вселуг].

Карта запечатлела специализации ремесленников и крестьян: деревни Бортники, Бортница, Ораны [река Бежецка], Скорятьево [у Калязина], Ковали, Бочеров, Гостенево, Ветча на реке Ветча [район Вышнего Волочка], Вечкова [у Кашина], Плотники [у села Кесово Гора], Соболины, Житище [река Ловать].

В деревне Ораны жили орари — пахари. В деревнях с названием Ветча коптели мясо на ветчину.

В землях словен новгородских и на Тверской земле много топонимов с основой Русь: озеро Русское, деревня Русская Гора [у Вышнего Волочка], река Русса [приток Шоши], деревня Русские Новинки, деревня Русиново, Русское Васильково [бассейн Мологи], деревня Русино [у реки Медведицы], Старое Русское [у Лихославля].

Русь на верхней Волге, да и на всем севере Восточной Европы, выделялась в особую этническую группу.

Впрочем, выделяли и славян. Об этом свидетельствует карта: река Славянка [у реки Тверцы], деревня Славгуши [у села Коверичи], озеро Славинское. На верхней Волге отмечали выходцев из отдельных исторических провинций: три деревни Рязаново вокруг Твери.

В Древней Руси существовала развитая система разграничений отдельных волостей, княжений и иных территориальных единиц. О внутреннем устройстве отдельных общин можно судить по местоположению таких топонимов: деревни Середья на озере Середейское [у озера Валдай], Конец [озеро Селигер], Рядчино на озере Рядчинское [Валдай], Середка.

О границах можно судить по топонимам и гидронимам: деревни Рабежа на реке Рабежа [у озера Шгино], Промежки, Белье Межи, Атемежа на реке Атемежа [у Бежецка], Межострово [у реки Осуга], Межник, Белемежье [в верховьях рек Цна и Поведь].

Последний раздел обзора топонимов и гидронимов Тверских земель посвятим наименованиям, в основе имеющих географические или природные признаки.

Река Дрезна [приток Медведицы] означает реку, текущую среди болот. Деревня Наговье на озере Наговье [у реки Куньи] указывает на голую от леса местность. Река Дебрянка названием указывает на лесную дебрь, через которую протекает. Деревня Лава располагала легким деревянным пешеходным мостом, переброшенным через реку.

Сутоками славяне называли деревни, стоящие при слиянии двух и более токов — речек: деревни Сутока Рядок у реки Круппа, Сутоки у озера Волго-

Деревня Слуды [на Мологе] стоит на высоком речном берегу и этому обязана своим названием. Под словом слуд понимались и заливные луга, и наледь, и слюда одновременно.

Деревня Литвиновка [район города Красный Холм] некогда была украшена жердями, крепившими стога: литвинами или витвинами.

Деревня Стрежино [у Торопца] указывают на наиболее глубокие места потока с быстрым течением, то есть на место, где следует проводить суда.

Название реки Мста означает, что некогда славянам на ее берегах мстилось или мерещилось нечто таинственное и многообещающее.

При известной проницательности карту славянских земель в центре, на востоке и юге Европы можно читать подобно интереснейшей и очень древней книге, некогда сочиненной людьми в соавторстве с природой.

Но вернемся к Уставной грамоте 1137 г. и к рассмотрению Бежицкого ряда.

Кажется достаточно ясным местоположение двух селений, или погостов, Бежицкого ряда. “Езьске 4 гривны и 8 кунь” — это современное село Еськи. Оно стоит на левом берегу Мологи против устья реки Осень, ниже Бежецка.

“Рыбанские гривна Волжская”. Видимо, речь идет о селе Рыбинское Заручье, стоящем над правым берегом Мологи, ниже погоста Еськи.

“Выизьске полгривны Волжская”. Возможно, данное селение следует искать на месте известного из позднейших источников новгородского погоста Винаца, расположенного в 15 км южнее города Устюжна. Но данное предположение не бесспорно.

“Городецке полпята гривны” и “Змени 5 гривень” — эти погосты еще предстоит отыскать.

Новый Торг [Горжок]. Вышний Волочек. Волок Ламский

Город Новый Торг в XI — XV вв. был главным торжищем новгородцев на юго-востоке, то есть на верхней Волге. Город вырос не позже первой половины XI в. О городе мы впервые узнаем из позднего жития Ефрема Новоторжского, скончавшегося в 1058 г. Летописцы впервые упоминают Новый Торг под 1139 г.

Город занял мыс при впадении в реку Тверцу ручья Здоровец. На высоте 18 м над рекой вознесся детинец площадью в 1,35 га. С напольной стороны город обвели дугообразной линией вала и рва. За укреплениями детинца на площади в 7 га располагался окольный город.

В Новом Торге издревле развивались ремесла. Деревянные мостовые города расчерчивали кварталы, застроенные усадьбами гончаров, ювелиров, камнерезов, косторезов.

В Новом Торге встречались два потока грузов. От Вышнего Волочка руслом Тверцы спускались новгородские гости. В их ладьях находились пушнина и изделия собственных и западноевропейских ремесленников. Навстречу новгородцам с Волги

руслом Тверцы поднимались транспорты с сыпучим золотом — хлебом, а вернее, с зерном. От стабильной жизнедеятельности Нового Торга зависело не просто благоденствие Новгорода, но и сама жизнь великой северной столицы. Желая усмирить Новгород, суздальские князья не раз захватывали Новый Торг и доводили Новгород до жестокого голода и мора.

В первой половине XI в. в Новом Торге, над правым берегом Тверцы, был основан Борисоглебский монастырь. Основал обитель преподобный Ефрем, венгр по национальности, бывший конюшим у князя Бориса Владимировича. Ефрем скончался 28 января 1053 г.

В названиях окружающих Новый Торг сел — Домославль, Добрыни — слышны отголоски имен бояр, некогда имевших вотчины на Тверце. Севернее Нового Торга, среди леса, стоит село Сотино. Возможно, некогда в селе стоял двор сотского, управлявшего делами в Новом Торге.

Северо-западнее Нового Торга, при реке Осуга, стоят села Пятница-Плот и Смердово. Следовательно, в древности при переправе через Осугу, устроенной с помощью плота, был торг с церковью Параскевы Пятницы. А в соседнем селе жили смерды.

До середины XII в., до начала стремительного возвышения Суздаля, Новгороду на юго-востоке принадлежал город Волок Ламский с окрестной волостью. Выше писалось, что волочили в реку Ламу ладьи и челны из бассейна реки Москвы через реку Рузу и ее левый приток Волошно. Река Лама впадает в реку Шошу, а та в Волгу ниже Твери и Вертязина [Городни].

Источники начинают говорить о Волоке Ламском с 1135 г. В 1177 г. Новгород уступил Волок Ламский внуку Долгорукого Ярославу Мстиславовичу. А в 1178 г. Всеволод III сжег Волок, а Ярослава и горожан увел в плен.

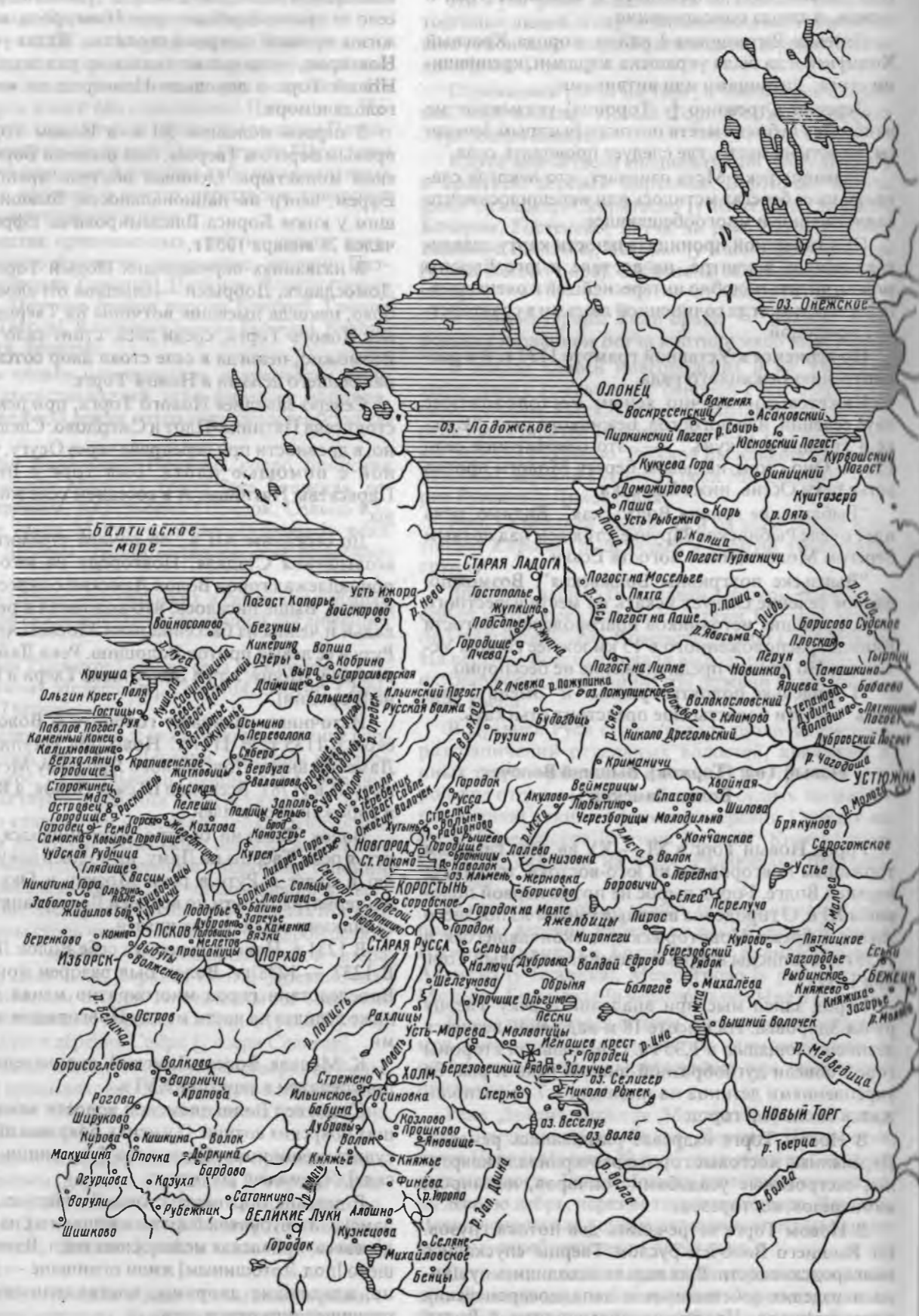
Волок Ламский быстро восстановился. Путь с устья реки Тверцы на Ламу, на волок в реку Волошно и далее в Рузу в реки Москву и Оку служил альтернативой пути по верхней Волге, занятому посадниками суздальских князей.

В 1231 г. Новгород вернул себе Волок Ламский. В 1237 — 1238 гг. Волок был razорен монголами. Впоследствии город многократно менял хозяев и даже делился на части между Новгородом и князьями.

К Москве Волок Ламский окончательно был присоединен в середине XVI в.

Среди сел Волоколамской волости немало бывших боярских вотчин. О именах бояр нам помогают судить топонимы: Судислово [у станции Шаховская], Ярополец, Путятино.

В деревне Бортники, стоящей севернее Волоколамска, изготовляли бортни и вешали их на стволах деревьев, привлекая медоносных пчел. В селе Агнищево [под Лотошиным] жили огнищане — крестьяне, владевшие дворами, поставленными среди расчищенного огнем леса.

В окрестностях Волока Ламского встречается топоним Раменье. Южнее Раменье отыскать крайне сложно. Раменье — это топоним, особенно широко распространенный в среде словен новгородских. Южнее верховий Ламы простирались владения вятичей и кривичей.

Северо-западнее Волока, над левым берегом Ламы, стоит село Владычино, некогда принадлежавшее местному епископу.

В древности Волок Ламский был окружен погостами. На реке Рузе до нашего времени сохранены топонимы: Погост Георгиевский, Погост Лужки, Погост Воздвиженский. Вокруг Волока подобные топонимы практически забыты.

Но вернемся с берегов Ламы на берега Тверцы и проследим древний речной путь, шедший от Нового Торга к Новгороду.

В X — XI вв. на севере Руси славяне часто называли города Новыми [Новгород, Новый Торг]. Это означает, что были и более старые города [Старая Ладога, Старая Русса].

От мостков Нового Торга русло Тверцы поднимается к Вышнему Волочку, соединявшему волоком Тверцу с рекой Мстой. Известно, что в 1546 г. древний волок еще функционировал и в Вышнем Волочке стояло 73 двора тяглых, 13 церковных и 9 пустых.

Волок был устроен следующим образом. В верховье Тверцы, на Николо-Столбенской пристани, грузы из ладей переносили на телеги и везли до реки Цна. Ладьи до Цны волочили по деревянным каткам. С возов грузы перекладывали в ладьи уже на Цне, и далее руслом реки гости выходили в длинное озеро Мстино. Из озера суда попадали в реку Мста.

В том месте, где Мста поворачивает с севера на северо-запад, от села Перелучья начинается волок на реку Мологу. У Перелучья ладьи вводили в устье реки Уверь и далее в ее приток речку Съежа. Из верховий Съежи гости по волоку перебирались в озеро Наволок и далее в озеро Кезадра, из которого вытекает река Кеза. При впадении Кезы в Мологу стоит село Пятницкое. Похоже на то, что при устье Кезы располагался торг, украшенный церковью Параскевы Пятницы. От Пятницкого, поднимаясь вверх по Мологе, гости попадали в Бежецк.

Древний путь, ведший из Мсты в Мологу, отмечен курганными некрополями, расположенными у сел Перелучь и Курово.

У города Боровичи воды Мсты мчатся по каменным перекатам коварных речных порогов. Ниже Борович, у села Волок, пороги заканчиваются. Некогда у порогов стоял Волокодержавский погост. Ладьи гостей, шедшие на Вышний Волочок и Мологу, приходилось от села Волок до Борович волочить через пороги наперекор стремительному течению. Грузы часто везли на подводах вдоль речного русла, дабы облегчить суда. Еще в петровские времена Боровичи славилась искусными лодчанами.

Ниже боровичских порогов крупный центр словен располагался на месте современного села Любытино. От Любытина череда курганных некрополей устремлена на восток, в бассейн все той же реки Мологи. Напомню, что именно в низовье Мологи со времен

Киевской Руси располагалась крупнейшая на русском севере ярмарка. На ее площади сходились купцы из Руси, Европы и с востока.

Ниже Любытина Мста, описывая дуги, спускается к озеру Ильмень.

Если в верховьях Мологи в древности господствовал город Бежецк, то в среднем течении реки центром был город Устюжна. Впервые Устюжна упомянута летописцами под 1251 г. под именем Железный Устюг. Город рос при впадении в Мологу речек Ворожа и Ижина и чаще всего именовался Устюжна Железнопольская. Горожане плавил и домницах кричное железо, добывавшееся из болотной руды. Устюжна на севере Руси имела добрую славу. Об этом говорит пословица: Устюжна железная, а люди в ней каменные.

Вятка [Хлынов до 1781 г.]

К исходу первой половины XII в. новгородцы не просто освоили речные пути на верхней и средней Волге и на реках Сухоне и Северной Двине, от Каспия на юге до Ледовитого океана на севере, но и создали громадную систему городов, погостов и волоков, обеспечивавших материальную базу жизнедеятельности всей экономики русского севера.

Опершись на Бежецкий ряд и Устюжну на Мологе, Новый Торг на Тверце и Волок на Ламе, на города Вологду, Тотьму и Устюг Великий на Сухоне, новгородцы к 1174 г. были готовы к продвижению далее на восток, в самое сердце необозримых заволжских лесов.

В 1174 г. ладьи новгородцев вышли в верхнюю Волгу и, достигнув устья Камы и миновав торжище столицы Волжской Булгарии, руслом Камы поднялись до устья реки Вятка. На Каме новгородцы срубили городок, и часть словен в городке осталась. Но движение новгородской флотилии продолжилось. Ладьи вошли в русло Вятки и двинулись в ее верховья.

В поход выступило немало новгородцев. Вероятно, несколько тысяч. За бортами ладей были посажены жены и дети мужей, шедших на освоение бесконечно богатого края. Это была не просто экспедиция, но движение народа, целью которого было заселение новых малоосвоенных земель. Так же предки словен новгородских в VII — VIII вв. двигались руслом Ловати и Волхова к Ладоге. Так же в свое время словене новгородские прошли по Мсте в верховья Мологи и основали Бежецк.

В XVI — XVII вв., всего за одно столетие, в ладьях, рубя при устьях рек городки, казаки прошли от Уральского камня до Тихого океана, и Россия обрела силу, какой ни одно государство не обладает. В природе славянина есть черты, раскрыть которые может только время. Обычный человеческий разум проявления славянской души, ее цели и ресурсы постичь не может. Нередко бедствия для России оборачиваются благом, и наоборот.

Новгородские бояре, сотские и тысяцкие сами едва ли шли на далекие и рискованные переселения. На Вятку шли люди простые, но сильные. Они це-

нили независимость, тяготились княжеской и боярской властью и правили в своей среде с помощью древнейшего законоустановления вечем.

В низовьях Вятки новгородцы овладели стоявшим на горе Болванским городком и переименовали его в Никулицын.

Люди, оставшиеся в городке на Каме, пробыли там недолго и поднялись вслед за основной экспедицией вверх по реке Вятке.

Выше Болванского городка над Вяткой стоял городок Черемисов Каршаров. Новгородцы овладели городком и назвали его Котельнич. Поднявшись выше руслом Вятки, ладьи новгородцев достигли устья реки Хлыновицы. На мысу при слиянии рек словене заложили город и нарекли его Хлынов [Вятка]. Земля в бассейне реки Вятки получила название Вятской.

Бассейн реки Луги

Северо-западнее озера Ильмень, среди страны, покрытой заболоченными лесами, протекает река Луга. К середине X в. словене новгородские вполне обжили берега Луги, иначе трудно представить, как в один год княгиня Ольга могла поставить погосты и по Луге, и по Мсте. В 947 г. Киев в лице княгини Ольги устанавливал на Мсте и Луге государственное узаконение. Озеро Ильмень связано с Лугой волоком. Карта позволяет восстановить контур древнего маршрута. В реку Шелонь в ее низовье слева впадает река Мшага. Верховье притока Мшаги речки Кибы близко подходит к руслу реки Луги. Волок отмечен селами, стоящими над Лугой: Ожогин Волочек, Большой Волок и Малый Волок.

Если на берегах озера Ильмень словене освоились не позже VIII в., то на Луге они обустроили городища и поставили деревни не позже IX в. Археология указывает на то, что керамика словен новгородских, в VIII — X вв. сидевших по берегам Ильменя и в долинах, впадающих и вытекающих из озера рек, по форме и орнаменту близка керамике славян, занимавших южное побережье Балтийского моря, от Любека и Мекленбургской бухты на западе до устья Вислы на востоке, включая земли полабских славян и Лужицу. Весьма вероятно, что русский север в VIII — IX вв. воспринял многочисленное славянское население именно из междуречья Лабы и Одера, из Лужицы и Поморья. Это тем более вероятно, что именно в VIII — IX вв. начался генеральный натиск германцев на земли прибалтийских славян.

Выскажем еще одно соображение. Выше писалось, что Тверская и Новгородская области особо богаты топонимом Раменье. Открыв карту украинского Закарпатья, среди заросших лесом гор над рекой Турица можно обнаружить село Турьи Реметь. В Словакии расположены села Реметске Гамре и Вишне-Ремети. Оба села стоят над речкой Окой среди поросших лесом гор, то есть на реметье — раменье или росчисти у леса.

Невольно возникает вопрос: а нет ли в соответствии имен словаков и словен [новгородских] родст-

ва, коренящегося в I — V вв.? Без сомнения, подобное родство было весьма велико еще в V — VII вв., в эпоху господства общеславянской археологической культуры Прага — Корчак. Словене севера Руси последними из славянских союзов продвинулись из центра Европы на север Восточной Европы, и от этого родство словен и словаков и славян южного побережья Балтики весьма ярко и очевидно.

Верховья Луги богаты древними славянскими топонимами — Теребник, Дорогобуж. Восточнее Погоста Сабле среди заболоченного леса затерялась деревенька Середогощ. Жители погоста с берегов Луги ходили в лес “гощиться”, то есть собирать дары природы. Середогощ служил центром богатого ягодами, грибами и дичью угодия.

Ниже Погоста Сабле, над левым берегом Луги, стоит древний Погост Косицкое. Словене основали Погост в IX в. и превратили его в один из центров на верхней Луге. Косицкое окружено древними славянскими деревнями — Радобеж, Любино Поле.

Ниже Косицкого над Лугой стоят села, обслуживавшие волок, шедший с реки Шелонь и озера Ильмень: Малый Волочек, Ожогин Волочек, Большой Волок.

Ниже Большого Волока слева в Лугу впадает река Врево. В трех километрах ниже устья реки Врево стоит город Луга. От устья Врево на запад, в Псковские земли, берет начало древний речной путь. Он идет руслом реки Врево до озер Череменицкое и Врево и далее на Городец, Крени, Городище и на речку Городонька и реку Плюсса.

Через озера Череменицкое и Врево в древности помимо водной шла сухопутная дорога, ведущая с Луги к Чудскому озеру. На берегу Череменицкого озера стоят старинные села Большой Наволок, Госткино, Югостицы и Петровский погост.

У села Наволоки стоит каменный крест, венчающий курган, называемый Погост Камень. Местное предание утверждает, что у креста на кургане Александр Ярославович Невский сражался с ливонскими рыцарями.

На острове, посреди Череменицкого озера, сохранились развалины основанного в XV в. Василием III монастыря. Весьма вероятно, что в раннее средневековье на острове, посреди озера, располагалось укрепление, стерегшее путь от Новгорода и Луги к Пскову и Чудскому озеру.

В среднем течении Луги издревле господствовало Городище, расположенное под современным городом Лугой. В IX в. словене застроили площадку Городища под Лугой прямоугольными полуземлянками с печами-каменками в углу. В IX в. путь по реке Луга, ведший на Балтику, уже был освоен и активно эксплуатировался. На Городище под Лугой найдены дирхемы IX — начала X вв.

В X в. Городище под Лугой было окружено укреплениями. В основу оборонительной линии была положена конструкция из бревен, переложенных решеткой. Продольные ряды бревен перекладывали поперечными лагами. Подобные оборонительные конструкции были распространены среди славян

центра Европы, особенно междуречья Лабы и Одера, и Польши.

В начале X в. в Городище под Лугой начал работать металлургический комплекс. Городище под Лугой отождествляют с Гремяцким погостом, упоминаемым новгородскими писцовыми книгами. После 947 г., ознаменованного поездкой княгини Ольги по русскому северу, Городище под Лугой стало одним из центров русского государства на Луге.

Война, ведшаяся в 1240 — 1242 гг. с Ливонским орденом, огненным смерчем прошла по Городищу под Лугой.

В одной из новгородских берестяных грамот, датируемой XIV в., упомянута Луга:

“Приказо от Григорие ко Домоне и ко Репеху. Наряжа истебку и клету. А Недана пошли во Лугу ко Илину дни” [Грамота 134].

Ниже Городища справа в Лугу впадает протока, берущая начало с озер Меревское и Поддубское. В IX — X вв. на берегах этих озер поселились словене. Их курганы расположены у современных сел Меревы и Поддубье.

Ниже протоки, вытекающей из озера Меревское справа в Лугу, впадает река Оредеж. В словаре В. Даля слово “орелка” объясняется как сухая полоса холмов среди болот, гривка или слияние двух речек. Река Оредеж протекает среди заболоченных лесов. В VIII — IX вв. берега реки представились словеням как сухая гряда, высящаяся среди топей. Центрами на Оредеже в древности были села Каменка с окрестными деревнями Гобжицы, Путятинно, Калищи, Погост Ям-Тесово, окруженный старинными селениями Милодежь, Волосково, Заменье. На верхнем Оредеже издревле стояли селения Кремено и Дальний.

Названные селения на Оредеже окружены курганами, обложенными камнями-жальниками.

В IX — XIII вв. русло Оредежа словеням новгородским служило дорогой, ведшей на Ижорское плато, и представляло собой волость с селениями, отстоящими друг от друга не более чем в одном дневном переходе.

Ниже устья Оредежа слева в Лугу впадает речка Губенка. Ее верховья подходят к озеру Красногорскому. На западном берегу озера стоят древние словенские селения Туровка и Сабо. На месте Туровки, судя по названию селения, некогда стояло укрепление — тур. Из озера Красногорского вытекает река Саба, впадающая в реку Лугу. Возможно, в топониме Сабо слышен отголосок названия славянской общины сябров.

В среднем течении Саба слева вбирает приток речку Черную. Эта речка соединена протокой с озером Сяберо. На берегу озера стоит село Сяберо. И снова возникает предположение о том, что некогда на берегах озера сидела община словен-сябров.

К югу от озера Сяберо расположены озера Мужа, Завердужье, Званы и Пелюга. Тут же находятся старинные села Вердуга, Завердужье, Волошево.

Через систему озер Сяберо — Вердуга в древности шел волок, соединявший реку Саба [и реку Луга] с рекой Вердуга и далее с рекой Плюсса и через волок с рекой Желча и Чудским озером. Озеро Сяберо отделено от озера Мужа невысокой, поросшей хвойным лесом грядой. Место волока отмечено желобом, прорезающим гряду водораздела с севера на юг подобно высохшему каналу.

Над волоком, при северной оконечности озера Вердуга, стояла часовня Параскевы Пятницы с целебным камнем. У часовни молились гости, следовавшие с товаром через волок. У сел Вердуга и Завердужье сохранились курганные некрополи.

На окраине села Сяберо в старину стоял монастырь Спаса Нерукотворного. Известно, что в 1461 г. обитель была разрушена литовцами.

Восточнее озера Вердуга от озера Сяберо до села Волошево тянулась вымощенная где деревом, а где и камнем дорога. По этой дороге мимо часовни Параскевы Пятницы возили выгруженные с ладей товары. А облегченные суда волокли через желоб в гряде водораздела.

Центром словен в нижнем течении Сабы было село Осьмино. Оно окружено ополем и курганами словен. Западнее озера Осьмино [быть может, восьмого крупного погоста в бассейне Луги] расположено окруженное лесом большое озеро Самро. На юго-восточном берегу озера стоит село Самро. К востоку от села Самро расположено село Славянка, а далее к востоку — село Ставотино. В Ставотине земля сохранила следы материальной культуры словен новгородских. По дороге от Ставотина к селам Славянка и Самро стоит село Рель. В старину село могло называться Орель благодаря небольшой возвышенности, вознесшей селение над бескрайним, полным болот, озер и рек лесом.

Название озера и села Самро вновь напоминает об общинах сябров.

На северо-западном берегу озера Самро стоит село Велетово. Невольно вспоминается мужественный союз славян-велетов, в VIII — XII вв. занимавший земли на северо-востоке междуречья Лабы и Одера.

Можно с высокой степенью достоверности утверждать, что север Восточной Европы в VIII — X вв. предоставил убежище не просто союзу словен [новгородских], но стал прибежищем выходцев из среды славян центра Европы, принадлежавших к самым разнообразным союзам — от велетов до дулебов.

Западнее и южнее озера Самро стоят деревни с названиями Межник и Намежки, отмечающие границу Новгородских и Псковских земель.

Юго-западнее озера Самро, на речке Долгая, стоит деревня Захупанье. Название деревни говорит о том, что она располагалась за жупой. Быть может, на части земель, занятых в VIII — X вв. словенями, существовало административно-территориальное деление на жупы.

Река Луга впадает в Балтийское море. Таким образом, речной путь по Луге служил параллельным путем на Балтику с озера Ильмень и дублиро-

вал водную дорогу от Новгорода по Волхову в Ладожское озеро и в реку Неву.

Словене уже в IX в. оценили достоинства реки Луги и не просто заселили ее бассейн, но и укрепились рядом городищ с административно-территориальной системой. Возможно, это были жупы, в X в. смененные погостами.

Бассейн реки Волхов. Старая Ладога

В VIII в. речной путь по Волхову словенями был вполне освоен. Более того, в VIII — IX вв. волховская водная дорога была обстроена системой городищ, сел, переправ. Старая Ладога и Городище [Рюриково] стерегли путь неусыпно.

Волхов — река многоводная и могучая. На отдельных участках русло перекрыто порогами. Эти места представляли наибольшую опасность для гостей. На порогах могли подстергать разбойники. Как правило, у порогов строили небольшую крепость, отмеченную топонимом Городок или Городище. Однако обилие кладов восточных монет на берегах Волхова говорит о том, что не все гости добирались до дома благополучно.

Ниже Новгорода, за чередой подгородних монастырей и сел над правым берегом Волхова, стоят деревни Русса и ниже Городок. Это древние веки волховского пути.

На середине волховского пути, на правом берегу реки, среди болот, стоит село Грузино. В древности до Грузина от Новгорода левым берегом Волхова доходила сухопутная дорога. Ее фрагменты и в наше время можно увидеть на карте и на местности.

От Грузина на север сухопутная дорога шла правым берегом Волхова, местами немного углубляясь в громадные леса правобережья. В Грузине товары гостей перевозили через Волхов в ладьях и снова грузили товары на подводья.

Ниже Грузина справа в Волхов впадает река Пчевжа. В нижнем течении Пчевжа вьется среди обширных болот — Ширинского и Оксуйского. В среднем течении Пчевжа вбирает правый приток реку Пожупинку. При истоке реки Пожупинки расположено болото Пожупинское, в центре которого находится озеро Пожупинское.

Выше устья Пожупинки над рекой Пчевжа стоит древнее славянское село Будогощ, что означает Буду [отдельно стоящее строение], поставленную среди Гощи — места сбора даров природы. В среднем течении Пчевжи, вокруг Будогоща и окрестных деревень, разбросаны жальники — обложенные камнем невысокие курганы.

Весьма вероятно, что в VIII — IX вв. в бассейне Пчевжи располагалась одна из жуп словен. Центром жупы могло служить село Будогощ. Названия реки, озера и болота — Пожупинка, Пожупинское указывают на принадлежность угодий местной жупе.

Ниже устья Пчевжи слева в Волхов впадает река Тигода. В ее верховье стоит Ильинский погост. Выше погоста, при селах Русская Волга и Сустье-

Конец, расположены жальники. В долине реки Тигода в VIII — XIII вв. сидела одна из общин словен.

Ниже устья Тигоды на правом берегу Волхова при излучине стоит село Пчева. В названиях реки Пчевжа и села Пчева слышно слово почивать. Быть может, при устье реки и в селе Пчева гости, шедшие вверх и вниз по Волхову, почивали, предпочитая двигаться руслом порожистой реки засветло.

Ниже села Пчева на правом берегу Волхова стоит село Городище. Против Городища, за руслом Волхова, расположена деревня Подсопье. Топонимы указывают на то, что в раннем средневековье в данном месте над Волховом стояла крепость словен, окруженная курганами-сопками.

Старую Ладогу с юга предвывает древнее село Гостинополье. К сельской пристани подходили суда гостей. Под Гостинопольем [до строительства Волховской ГЭС] находились наиболее коварные для судов волховские пороги. Гости отдыхали в поле, именуемом Гостиное. Тут же находились торг и склады.

В полукилометре от Гостинополья до 1941 г. стоял каменный одноглавый храм Никольского монастыря. Иконостас, датируемый 1475 г., перед гибелью храма успели вывезти, а самого храма война не пощадила. Есть основания полагать, что монастырь св. Николая у Гостиного поля был основан в XII в.

Ниже Гостинополья справа в Волхов впадает маленькая река Жупка. В ее среднем течении, в месте где лесная дорога пересекает реку, стоит деревня Жупкино. Совпадения названий водоемов и селения, над ним стоящего, обычно указывают на весьма древний возраст поселения.

И снова карта возвращает к мысли о том, что славянские жупы центра Европы некогда имели аналоги на востоке Европы, по крайней мере на землях, занятых союзами вятичей и словен новгородских.

В Южной Руси, в земле древлян юго-восточнее города Олевск, стоит село Жупаново. Есть село Жупаново в Карпатах [Львовская обл.]. В украинском Закарпатье жупы существовали вплоть до венгерских завоеваний [903 г.], и впоследствии не были уничтожены венграми. Напротив, венгры именно славянские жупы положили в основу административной организации своего государства.

Киевская Русь в X в. смела древние славянские территориальные и административные установления организации общества и узаконила основы русской государственности. Во времена, когда княгиня Ольга в санях пронеслась по Мсте и Луге, словенские жупы уступили место погостам. Отголоски деления славянских земель на жупы сохранены топонимикой Русской равнины, но исследование данного вопроса требует большой тщательности и осторожности в выводах.

Ниже устья реки Жупки, на правобережье Волхова, среди заболоченного леса затерялись деревеньки Вячково и Раменье. Топоним Вячко невольно напоминает Вятку [реку] и указывает на то, что имя Вячко было широко распространено среди словен

новгородских. Раменье на нижнем Волхове замечательно тем, что это один из крайних на севере топонимов подобного типа. Севернее устья Волхова словене ставили погосты среди селений угро-финнов, не вытесняя последних, но соседствуя с ними.

Выше устья Волхова, над левым берегом реки, стоит город Старая Ладога. Выше писалось о том, что древнейшее поселение на мысу при впадении речки Ладожки в Волхов возникло около середины VIII в. и заняло площадь в 5 га.

В VIII — IX вв. Старая Ладога застраивалась большими по площади домами, представлявшими собой деревянные срубы. Дворы мостились деревом и были заняты хозяйственными постройками.

В VIII — IX вв. Старая Ладога благодаря выгодам местоположения превратилась в крупнейший центр торговли и ремесел на севере Восточной Европы. Навстречу друг другу на торг Старой Ладоги с юга, через волоки с Днепра и Волги, шла парча, арабское монетное серебро. С запада с Балтики в Старую Ладогу в ладьях везли янтарь, стеклянные бусы из средиземноморья, изделия из металла и кости, созданные на севере Европы.

Во второй половине IX в. на мысу, при слиянии Ладожки с Волховом, была возведена древнейшая каменная крепость Старой Ладоги. Над западной стеной крепости в IX в. вознеслась четырехугольная Воротная башня [ныне на ее месте стоит башня постройки 1500 г.]. Под 862 г. о Ладоге [Старой] впервые упомянули летописцы.

Стены крепости, окружившей площадь в 1 га, сложили из местных известняковых плит: частью насухо, частью на глиняном растворе. С южной напольной стороны подступы к старолadoжской цитадели охранял ров, видимо, наполнявшийся водой из Волхова и Ладожки. Старую Ладогу в IX — XI вв. окружил большой курганный некрополь.

Под 1114 г. [по иным данным в 1116 г.] летописцы сообщают о возведении новой каменной крепости в Старой Ладоге: “Павел посадник ладожский заложил Ладогу город камен на приспе” [то есть на искусственно насыпанном месте].

Археологами исследованы остатки крепости 1114 г. Было полностью открыто южное прясло крепости и части восточного прясла. Стена 1114 г. была сложена из местного известнякового плитняка и скреплена прочным раствором. Стена 1114 г. обрамляла края мыса и местами облицовывала склон холма.

Стена южного прясла 1114 г. имеет толщину около 3 м и сохранилась на высоту 1,7 м. Южное прясло было сооружено на гребне, оставшемся от оборонительного сооружения IX в.

В каменной стене северного прясла 1114 г., к северу от Тайничной башни, археологами раскрыт “торговый проем”, служивший для подъема в крепость грузов с речных судов. Ширина и высота проема около 3 м. Над гладью Волхова порог проема возвышается на 7 м.

История Старой Ладоги неспокойна подобно течению Волхову. В 1132 г. и в 1136 г. ладожане совместно с новгородцами и псковичами на вече

решали судьбы русских князей. О Старой Ладоге — Адельгюборге много говорится в северогерманских сагах. В первой половине XI в. в Старой Ладоге некоторое время сидел родственник супруги Ярослава Мудрого Ингигерды. Старая Ладога для северных германцев была городом-ключом, отпирившим ворота в Восточную Европу. Если ключ был в руках варягов, путь в центр Руси и далее в Черное море и на Каспий был открыт. Недаром Рюрик так стремился в Старую Ладогу. Впрочем, на восток Европы варяги могли проникать и через Западную Двину.

В мае 1164 г. к каменным стенам Старой Ладоги подошли 55 шведских боевых судов [шнеков]. Ладожане сожгли деревянный посад и сели в крепости. Шведы высадили десант, но крепостью овладеть не сумели. Вскоре подошедшие новгородцы уничтожили шведскую флотилию на Ладожском озере.

Во второй половине XII в. Старая Ладога достигла расцвета. Площадь города возросла до 16 га. Тесно застроенные избами и оштетиненными частоклами улицы окольного города, вытянувшись вдоль Волхова, веером сходились к каменной цитадели.

В XII в. в Старой Ладоге было выстроено не менее шести каменных храмов. Выше упоминались соборы Старой Ладоги XII в. — Успенский и Георгиевский. Скажем о них подробнее. Во второй половине XII в. над стенами старолadoжской крепости вознеслась глава каменного четырехстолпного Георгиевского собора. При строительстве стен собора использовали плинфу, размеры которой близки размерам плинфы из соборов Новгорода, возводившихся в 70-х годах XII в.

Георгиевский собор невелик — 9,85 × 11 м. Высота от пола около 15 м. Облик собора лишен геометрической точности соотношения отдельных элементов. Отчасти это объясняется тем, что собор складывали из грубо отесанных известняковых плит и выравнивали рядами плинфы. Барабан Георгиевского собора украшен арочным пояском и увенчан шлемовидной главой с традиционным крестом на вершине. Восточная стена собора украшена тремя алтарными апсидами, поднятыми на одну высоту со стенами храма.

В западной стене храма скрыта каменная лестница, ведущая на хоры. В южной и северной частях хоров расположены закрытые помещения. Между ними постелен деревянный помост. Храм скупо освещается дневным светом, проникающим через круглые отверстия деревянных рам-оконниц, вставленных в высокие и узкие стенные проемы. На стенах Георгиевского собора фрагментарно сохранилась древнейшая роспись.

В 1153 г. западнее старолadoжской цитадели, в окольном городе, по воле новгородского архиепископа Нифонта была построена церковь Климента. В окольном городе Старой Ладоги, согласно писцовой книге 1500 г., были Климентовский и Никольский концы. Очертания церкви Климента сохранены гравюрой Олеария, посещавшего Старую Ладогу в середине XVII в.

В 40-х годах XII в. архиепископ Нифонт велел построить каменный собор Спасо-Мирожского монастыря в Пскове. Принято сравнивать два собора. Оба собора были снабжены закрытыми помещениями в юго-западной и северо-западной частях зданий. Эта архитектурная особенность подчеркивала крест, положенный в основу интерьера соборов. Не исключено, что соборы в Пскове и Старой Ладоге строили одни строители.

В XII в. в Старой Ладоге существовал Успенский монастырь. Главной и древнейшей церковью обители является Успенский храм, выстроенный в середине XII в. Размерами он превосходит Георгиевскую церковь, но формой и приемами строительства походит на нее. Западный фасад Успенского храма украшен декоративными крестами. Храм расписали в XII в. От росписи сохранились отдельные фрагменты. В древности были расписаны отдельные участки фасада Успенского храма.

Из письменных источников известно, что в Старой Ладоге кроме Георгиевской, Успенской и Климентовской каменных церквей в домонгольскую эпоху стояли и иные каменные церкви. Фундамент одной из домонгольских каменных церквей города раскопан на берегу Волхова, недалеко от Успенского монастыря. Основание еще одной древней каменной церкви открыто на берегу речки Ладожки. Обе церкви имели четыре столпа и три алтарные апсиды. Особенностью обеих церквей были притворы. У первой церкви притвор располагался с западного фасада, у второй — у северного. В остальном обе церкви походят на сохранившиеся домонгольские храмы Старой Ладоги.

В 1240 г. около Климентовского конца Старой Ладоги, над левым берегом Волхова, был основан Никольский монастырь. Полагают, что обитель основал Александр Ярославович Невский. В XIII в. в монастыре построили каменный храм. Его стены сложили из местного известняка и плинфы. Храм имел четыре столпа, три алтарные апсиды и одну главу. В середине XV в. монастырский храм разобрали и на его фундаменте построили новую каменную церковь.

Во второй половине XIII в. на Малышевой горе, к северу от Старой Ладоги, в месте, где Волхов поворачивает русло на восток, по воле новгородского архиепископа Климента был заложен Иоанно-Предтеченский монастырь. До 1695 г. монастырь не имел каменных зданий и был деревянным.

Старая Ладога окружена курганами. Против каменной крепости, на берегу Волхова в урочище Плакун, высятся курганы, насыпанные в VIII — X вв.

Севернее Старой Ладоги, в урочище Сопки, один из курганов называют Олеговой могилой. Высота кургана достигает 5 м. Вокруг исполина расположены курганы меньших размеров.

Южнее Старой Ладоги, в урочище Победище, находится еще один курганный некрополь.

В IX — XIII вв. Старая Ладога была крупнейшим славянским городом на севере Восточной Европы. Далее к северу словене новгородские ставили погосты. А Старая Ладога с ее каменной крепостью и

храмами служила надежным тылом словенам, шедшим к Ледовитому океану и Уральскому камню.

Словене на Ладоге и в юго-восточном приладожье в VIII — XIII вв. Уставная грамота 1137 г.

В 1137 г. сидевший в Новгороде князь Святослав Ольгович, в крещении Николай, составил Уставную грамоту, касающуюся новгородского епископа Нифонта и десятины в пользу св. Софии. Приведем текст грамоты, ибо он крайне интересен.

“Уставъ бывший прежде насъ въ Руси отъ прадедъ и отъ деде нашихъ имати Пискупомъ [Епископом] десятину отъ даний и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ Князь дворъ всего. А зде въ Новгороде, что есть десятина, обретоуж уряжено прежде мене бывшими Князи, толико отъ виръ и продажъ десятины зрель, олико даний въ руце Княжи и въклетъ его. Нужа же бяше Пискупу, нужа же Князю въ томъ въ десятой части Божии. Того деля уставиль есмь Св. Софьи, ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаетъ Домажиричъ изъ Онега; аче не будетъ полна ста у Домажирича, а осмьдесятъ выдать, а дополнокъ взметъ 20 гривенъ у князя изъ клети. Урядилъ есмь азъ Св. Софьи и написалъ Никола Князь Новгородский Святославъ: въ Онеге, на Волдутове погосте, 2 сорочка, на Ивани погосте съ даромъ 3 сорочки, на Ракуле 3, на Спиркове 2, у Вихтуя сорочекъ, въ Пинезе 3, въ Кегреле 3, усть Емце 2, устье Вагъ 2, у Пуйте сорочекъ, у Чудина пол сорочька, у Лигуя с даромъ 2, у Вавдиша съ даромъ 2, у Вели 2, у Векшензе 2, на Борку сорочекъ, въ Отмине сорочекъ, въ Тойме сорочекъ, у Поме полсорочька, у Тошьме сорочекъ, у Пененича сорочекъ, у Порогопустьць полсорочька, у Валдита 2 сорочка, на Волоце въ Моши два, у Емы скоря [у финов — шкура], а на мори отъ чрена и отъ салгы по пузу [чрен — железная сковорода для выпаривания соли, пуза — мера соли], у Тудора сорочекъ... А се Обонезьский рядъ: во Олонцы 3 гривны, на Свири гривна, в Юсколе 3 гривны, въ Тервиничихъ 3 гривны, у Въюнице гривна, устье Паши гривна, у Пахитка на Паши полгривны, на Кукуеве горе гривна, у Пермина гривна, у Кокорка полгривны, на Масиеге низъ Сяси полгривны, в поезде отъ всей земли Владыче 10 гривенъ, а Попу 2 гривны; у Липсуевичъ полгривны, у Тойвота гривна, въ Липне полгривны. А се Бежичьский рядъ: въ Бежичехъ 6 гривенъ и 8 кунъ, въ Городецьке полпяты гривны; въ Змени 5 гривенъ, Езьске 4 гривны и 8 кунъ. Рыбаньске гривна Волжская, Выизьске полгривны Волжская”. [Печатается по изданию: Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI — XV вв. — М., 1976.]

Рассмотрим Обонезский ряд 1137 г. В названиях селений Обонезского ряда отсутствуют обычные для словен новгородских Раменья, Буды, Гуты и Гоши. Это не удивительно, ибо в юго-восточном приладожье в XII в. словене составляли около четверти населения края.

В названиях селений Обонежского ряда слышны либо названия рек, гор или озер, либо личные имена первых поселенцев. Со временем названия многих селений сменились на имена святых либо на названия церковных праздников, которым посвящались строившиеся церкви.

Христианство на русском севере укоренилось не одно столетие. В XI в. в юго-восточном приладожье словене перестали хоронить с богатым инвентарем под курганами. Состоятельные люди: бояре, гости, сотники — приняли христианство, и в их среде стали хоронить по-христиански — в гробах или в деревянных колодах. При этом в глухих селениях словене продолжали насыпать курганы вплоть до начала XIV в. А в XIV в. русский север украсился тысячами каменных надгробных и обетных крестов. Но появлялись каменные кресты на Руси задолго до XIV в.

Восстановим, насколько это возможно, Обонежский ряд 1137 г.

“Во Олонци” — это современный город Олонек, стоящий на реке Олонка. На берегу Олонки есть курганные погребения X — начала XI вв. В Олонце рано проникло христианство, и курганные насыпи хотя и продолжили насыпать, но скрывать они стали погребения в колодах и в гробах, сбитых гвоздями.

В X в. в эпоху активного освоения словенями земель, лежащих к северу и востоку от Старой Ладоги между Онежским и Ладожским озерами, жил народ вепсов, по-иному называвшийся весь. На севере Карелии жили саамы и лопь. О лопи напоминает Лопский погост. К северу и западу от озера Ладога жили корелы, с 40-х годов XII в. выступавшие как союзники Новгорода.

Окрестности Олонца издревле были богаты природными часовнями и крестами, стоящими при въезде и выезде из селений. С Олонца и реки Свири начинается настоящая Северная Русь, до наших дней сохранившая не только древнейшие традиции зодчества, но и былины, большинство из которых было сложено в домонгольской Южной Киевской Руси. В XIX в. исследователи, потрясенные собственными открытиями, успели записать былины на берегу Белого моря, реке Пинеге, нижней Мезени и нижней Печоре. Особо богатыми былинами оказались погосты и деревни, лежащие к востоку от Онежского озера. Но вернемся к Обонежскому ряду.

В собрании Государственного исторического музея хранится вывезенная из района Олонца деревянная резная икона — тязло XIII в. Это лишь частичка сказочно богатого культурного наследия русского севера раннего средневековья.

Севернее и восточнее Олонца на карте легко отыскать деревни Сельга, Речная Сельга, Печная Сельга. Все три деревни стоят среди громадного леса, а лес по-латыни, как писалось выше, *si - lva*. Олонек в 1137 г. вносил церкви 3 гривны и был одним из крупнейших центров на севере Новгородских земель.

“На Свири” в 1137 г. это был погост на реке Свирь, соединяющей Онежское и Ладожское озера.

В XVI в. упомянуты два новгородских погоста — Рождественский в Пиркиничах на Свири и Воскресенский в Важнях на Свири. На берегах Свири разбросаны курганы, датируемые X — XI вв. В среднем течении Свири, при устье реки Важинка, стоит село Важины. В нем некогда высилась церковь Воскресенья Господня, а погост именовался Воскресенский в Важнях на Свири. Погост Рождественский в Пиркиничах на Свири помещают в районе современного города Лодейное поле [поле, к которому приставали ладьи].

С поселений в 1137 г., стоявших по берегам всей Свири, епископ получал гривну, что не так много для столь обширного региона.

“В Юсколе” местоположение данного поселения можно определить по озеру Юковское. С рекой Свирь озеро соединяет река Святуха. На берегу озера Юковского расположены деревни Посад, Габаново, Родионов, Соболевщина и Конец.

С берегов Юковского озера епископ Нифонт получал 3 гривны. Топоним Соболевщина указывает на главный источник поступлений. По берегам озера Юковского разбросано много жальников — каменных могил.

Тервиничи также вносили в казну владыки Нифонта 3 гривны. Погост Тервиничи [Тервеничи] по сей день стоит среди небольшого поля над озером, к югу от русла реки Оять в ее среднем течении. Восточнее Тервиничей находится селение с красноречивым названием — Ветхое село.

В окрестностях Тервиничей расположены два кургана. Три гривны, вносимые Тервиничами, указывают на то, что среднее течение реки Оять в X — XII вв. было богато пушным зверем.

“У Вьюнице” отыскать несложно. Это село Винницы, стоящее и поныне над рекой Оять в ее верхнем течении. В окрестностях Винницы насчитывают до двух сотен курганов. В среднем и нижнем течении реки Оять разбросано множество курганов веси.

“Устье Паши” расположено на территории современного села Паша, отстоящего от нынешнего устья реки Паша на десять километров. Невольно рождается предположение: а не было ли устье реки отодвинуто от погоста Устье Паши на десять километров ниже, за время прошедшее с 1137 г.?

Река Паша замечательна тем, что в IX — X вв. на ее берегах в среднем и особенно нижнем течении жили выходцы из Скандинавии. Это были классические варяги древнерусского летописания. На берегах Паши разбросано немало курганов со следами материальной культуры северных германцев.

В долине Паши жила весь. Ее курганы встречаются на берегах реки от верховья до устья. Едва ли варяги облюбовали долину Паши для жительства случайно. Верховья Паши подходят к верховьям левых притоков Мологи, к рекам Суда, Колпь, Чагодоша, Тихвинка и пр. На водоразделе между Пашей и притоками Мологи могли существовать волоки, ведущие на верхнюю Волгу. Выходит, что Паша в IX — XI вв. могла служить варягам одним из путей проникновения на Волгу. При этом на Паше варяги едва ли встречали серьезное сопротив-

ление словен, в IX — X вв. осваивавших земли, лежащие к северу от Старой Ладоги.

“У Пахитка на Паши” можно отождествить с современным селом Пяхта, стоящем при устье реки Пяхта, левого притока средней Паши. Селение окружено озерами и болотами и в 1137 г. вносило в казну владыки полгривны.

Выше устья Пяхты на реке Паше в раннем средневековье располагался значительный центр со смешанным словянским и угро-финским населением. Вокруг крупнейшего в данной местности села Горка над руслом Паши разбросаны деревни с классическими словенскими названиями — Кулига, Кривой Наволок и пр. Древние курганные захоронения находятся у Нового Села, севернее Горок.

“Кукуева гора” — это селение помещают на Люговском озере, в 15 км от Лодейного поля.

Можно предположить, что селения, приведенные в списке Обонежского Ряда Уставной грамоты 1137 г., расставлены по мере их включения в сферу влияния Новгорода. Если данное предположение справедливо, то мы имеем возможность наблюдать за динамикой роста территории новгородских владений.

“У Кокорка”. Местоположение этого топонима однозначно определить сложно, но можно высказать ряд предположений. На реке Ошта, в 25 км южнее истока реки Свирь из Онежского озера, и в наше время стоит Курвошский погост. Есть явное созвучие между топонимами Кокорка и Курвош.

В среднем течении реки Оять расположены деревни Кяргино и Кадрино. Между этими деревнями над Оятью стоит деревня Ефремково. В ее окрестностях раскиданы словенские курганы. Возможно, Погост у Кокорка стоял в среднем течении Ояти.

Севернее среднего течения реки Свирь на берегу Вачозера стоит деревня Кокино. Возможно, в ней некогда жил Кокорка.

“На Масиеге низь Сяси” следует искать в нижнем течении реки Сясь. Берега Сяси и ее притоков густо уставлены каменными крестами словен новгородских XII — XVI вв. На Сяси в раннем средневековье жила весь. Оставили в бассейне Сяси погребения и скандинавы в IX — X вв.

Выше окруженного жальниками села Мелегжская Горка справа в Сясь впадает река Воложба. В ее низовье стоят деревни Воложба, Городище и Плесо. Тут же раскиданы жальники. Верховья Воложбы подходят к верховьям реки Чагодоша у села Волокославский. Чагодоша — приток Мологи. В названиях Воложба и Волокославский содержится подсказка о некогда существовавшем волоке, соединявшем реку Сясь с реками Мологой и далее с Волгой.

Во многом наличие волока в Мологу объясняет интерес варягов к Сяси. Торговля, активно ведшаяся варягами в Восточной Европе в начале XI в., прекратилась ввиду падения Хазарского каганата и ломки экономических связей с Каспием и со всей Передней и Средней Азией.

На берегах Сяси и во всем юго-восточном приладожье находят множество западноевропейских

монет раннего средневековья. Поток пушнины, шедший из Обонежского ряда в XI — XIII вв., устремился не столько на юг по Волге, сколько на запад по Неве в Балтику и далее едва ли не во всю Европу.

Бассейн Сяси богат красноречивыми топонимами — несколько Городищ, Погостище, урочище Раменье, Дрегли, Дымница, Овино, Наволок.

“На Масиеге низь Сяси” можно отождествить с селом Мелекса. Село стоит в нижнем течении Сяси, но данное предположение не бесспорно.

“У Липсуевич”. Если это селение стояло на Сяси, то его следует искать между Мелексой и Липной Горкой. В указанном районе над Сясю стоят деревни Погостище, Городище. Выше, у села Устье, слева в Сясь впадает река Луненка. В районе Устья расположены курганы веси. Быть может, “У Липсуевич” следует искать при устье реки Луненка.

“На Липне” определить проще — это село Липная Горка, стоящее при излучине Сяси, выше устья реки Тихвинки.

“У Тоивота”. Местоположение данного селения кажется неопределенным. Если оно располагалось в бассейне Сяси, то “У Тоивота” можно искать на месте города Тихвин. Этот город окружен жальниками, а его окрестности некогда были достаточно густо населены весью. Но подобное отождествление лишь предположение.

Завершая рассказ об Обонежском ряду 1137 г. рассмотрим цитату Уставной грамоты: “Того дея уставилъ есмь Св. Софьи, ать емлетъ Пискупъ за десятину отъ вирь и продажъ 100 гривень новых кунъ, иже выдаетъ Домажиричъ изъ Онега...”

В пяти километрах выше впадения реки Оять в реку Свирь, над левым берегом Ояти, стоит село Доможирово. Новгородский боярин жил в месте, из которого мог одинаково быстро добраться до любого погоста Обонежского ряда. Мудр, силен и распророк был боярин Домажиричь.

В XII в. на острове Палье, находящемся в юго-восточной части Онежского озера [в 140 км к юго-востоку от современного города Петрозаводска, в 40 км от города Повенец], преподобный Корнелий Псковский, ранее подвизавшийся на Валааме, основал Палеостровский Рождественский Богородицкий монастырь.

Северо-восток Новгородских земель

Рассматривая Новгородские земли на северо-востоке, мы вновь прибегнем к данным Уставной грамоты 1137 г. и будем следовать списку погостов:

“въ Онеге. на Волдудове погосте. два сорочка”. На восточном берегу Онежского озера расположено устье реки Водлы. От устья берет начало путь на волок, ведущий в бассейн реки Онеги. Река Водла двумя рукавами вытекает из Водлозера. А Водлозеро — большой водоем, его берега изрезаны заливами, а водное пространство полно островов. Один из островов украшен старинной церковью и называется Ильинский погост. О присутствии судов новгородских гостей на Водлозере свидетельствуют топонимы — мыс Гостьнаволок, остров и село

Канзанаволок, село Куганаволок, деревня Гумарнаволок, урочище Путилово.

Волдутов погост — это центр селений, в 1137 г. стоявших на берегах и островах Водлозера. Погост был богат, ибо окружавшие его леса полнились пушным промысловым зверем.

Река Водла изобилует порогами, и двигаться по ней словенам новгородским было непросто. Волок из верховья Водлы начинается с устья ее левого притока [выше современного села Водла] реки Мышья Черева. Русло Мышьей Черевы узко и извилисто подобно ходам мышей под стогом сена. В верховье Черевы над рекой стоит деревня Заволочье, от которой до небольшой речки, впадающей в озеро Волоцкое, четыре километра пути, пролегающего по заболоченной местности. Из озера Волоцкое вытекает река Волошова, рядом водоемов соединенная с рекой Онегой.

Река Волошова коротка и от истока до устья имеет около двух десятков километров. Волошова впадает в реку Поча, а та вливается в большое, изрезанное заливами и полное островов Кенозеро. На южном берегу Кенозера стоит Ряпусовский погост. Из Кенозера на восток вытекает река Кена. Длина этой реки около сорока километров, но путь по реке Кене сложен, ибо в нескольких местах ему препятствуют пороги. Кена впадает в реку Онегу, а Онега впадает в Белое море.

В новгородской берестяной грамоте, найденной в слое XIII в., упоминается Тудор или Погост Тудора:

“...ретьнихо. У Илее, у Тудора 4 четверти. У Милошка четверте. У Ратше 2 четверети. У Страхона цветете. У Мала цветете. У Ярыша 2 четверети. У Надея цветьрте. У Хоцу у сына его четверте. У Содлилке цецетверте. У Селяте четверте. У Вонга четверте. У Васеке четверте. У Несула четверте. У Терпия 2 четверте. У Тешиле четверте. У Обидена 2 четверти. У Дешевка церте. У Наслава четверте. У Станяте четверте. У Иелее 7 четверти” [Грамота 348].

“на Тудорове погосте 2 сорочка”. Тудоров [Тудозерский] погост искать несложно, ибо он отмечен на картах юго-восточнее Онежского озера. Погост стоит на Тудозере, соединенном с Онежским озером.

Юго-восточнее Тудорова погоста расположен волок, некогда соединявший Онежское озеро с Белым озером. Но об этом волоке и о прилегающих к нему землях будет сказано особо.

В берестяной грамоте 348 речь, видимо, идет о мере зерна или о четверти урожая, поступавших новгородскому боярину. Разъезжались посланцы бояр по необозримым просторам севера Руси не ранее Петрова дня, ожидая сбора урожая. В берестяных грамотах на это прямо указано:

“...у Милослава поставило 4 кадце пшенице, тоже полти 2, и лоньски, и нынецнеи. А рожь Петрову повелело есемо измолотиво Криво дати” [Грамота 196. XII — XIII вв.].

Рожь на севере Руси меряли коробами:

“... де же ржи с Офлемовими людми. А наима даи коробию ржи...” [Грамота 191. XIII — XIV вв.].

Везли в Новгород и рыбу:

“Поклон от подвойского [исполнителя] ко Филипу. Нь пожали, г[ос]подине, про сигы, еще сивоно нету, по цта тебе буде гъже. А язю тебе кланяюся” [Грамота 147. XIII в.].

“Приказъ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сивовъ о 3 рубля, а роко на росто[на рождество]” [Грамота 144. XIII — XIV вв.].

Везли в Новгород и прочую снедь:

“Поклон от Панфил к Марье и ко попу. Купите маслеца деревяного, да пришлите симъ” [Грамота 173].

“Купил есмь соль немецкую” [Грамота 282. Конец XIV в.].

Однако продолжим рассмотрение земель севера Руси.

“на Ивани погосте съ даромъ 3 сорочки”. Иван погост помещают в нижнем течении Северной Двины, в районе современных Холмогор.

“на Ракуле 3”. Погост Ракула также расположен в нижнем течении Северной Двины. На карте Гийома Делиля [1706 г.] “Волости двинской земли XVI в.” выше впадения реки Пинега в Северную Двину отмечено селение Rasola. Еще одна Rasola на той же карте отмечена ниже впадения реки Вычегды в Северную Двину.

Вокруг нижнего селения Rasola над Северной Двиной стоит ряд селений с интересными названиями — Зеленый Городок, Волость, Погост. Быть может, одно из этих селений соответствует Погосту на Ракуле 1137 г.

В этом же районе, среди леса, в левобережье Западной Двины, над речкой Сия, в окружении озер, стоит деревня Кулига. В древности в районе Кулиги стоял православный монастырь. Согласно В. Далю Кулига — это земельный участок, не вошедший в тягловый надел, то есть не принадлежащий общине. Эту-то вот Кулигу и заняли иноки.

“на Спиркове 2”. Данный погост, следуя логике списка погостов в грамоте 1137 г., следует искать в верхнем и среднем течении реки Пинеги. На средней Пинеге есть три схожих с названием погоста топонима — Сура [село при устье реки Суры], Веркола и Еркино. Едва ли погост “на Спиркове” следует искать на реке Свирь, ибо ее долина входила в Онежский ряд.

“у Вихтуя сорочекъ”. На реке Пинеге, выше города Пинега, стоит деревня Вихтово. В районе Вихтова некогда и располагался погост, основанный Вихтуем задолго до 1137 г.

“Въ Пинезе 3”. Данный погост следует поместить на месте современного города Пинега. До 1784 г. город Пинега назывался Пинежский Волок. Старый Пинежский Волок отстоит от современного города Пинега в полутора километрах. В раннем средневековье словене новгородские с берега реки Пинеги пять километров волокли суда в реку Кулой. Волок именовался Пинежский Волок.

К востоку и северу от Волока из Пинеги в Кулой расположено Заволочье — сказочно богатый

малонаселенный край, издревле манивший словен. По реке Кулой ладьи словен спускались в Мезенский залив Белого моря и входили в устье реки Мезень. Поднявшись вверх по реке, словене с Мезени перетаскивали суда в бассейн реки Печеры, восточные притоки которой вытекают со склонов Уральских гор.

О Заволочье повествует новгородская берестяная грамота начала XIV в.:

“Приехав и[з] Заволоцея, носиле серебро Климець с племенъм на заветре по Петрове дни. Носиле Фодорку Слепеткову с з братею. А серебром хо[ди]л Григорей Фларев, Давыд Попов, Матвей Кенище, Лука Онишков, Софрон М[а]шкин” [Грамота 417].

Приводя тексты берестяных грамот, нельзя не отметить едва ли не абсолютную грамотность граждан не только Великого Новгорода, но и всего севера Руси.

Древнейший стан словен на Мезени расположен в низовье реки на месте села Лампожня, в двадцати километрах выше по реке современного города Мезень. В Лампожне словене вели мен с самоядью [нечнами]. К Лампожне словене свозили меха из бассейна реки Печеры.

В “Повести временных лет” под 1096 г. приведен рассказ новгородца Гюрата Роговича о Югорской земле. В 1096 г. словене ходили походом на реку Печеру, в пределы народа югры. В нижнем течении Печеры сидел чудской народ пещера. Югра кочевала, выпасая олени стада в тундре у Луки моря, на арктическом побережье Карского моря.

Гюрата Рогович повествует о том, что словене новгородские на севере Уральских гор обнаружили проходы на восток и выяснили, что за Уралом можно с большой выгодой выменивать железо на меха. При этом подчеркивалось, что путь на Печеру весьма опасен.

Начиная с 1114 г. новгородские летописцы регулярно сообщают о походах словен на югру за пещерской данью. С реки Мезень на Печору попадали руслом правого притока Мезени реки Пезы. С Пезы словене переволакивали суда в реку Цильма и ее руслом спускались к Печоре.

“въ Кегреле 3”. Этот погост располагался на месте современного села Кеврола, лежащего между устьями левых притоков Пинеги — Покшеньги и Юлы. В XIV — XVIII вв. Кеврольский погост был центром христианства в крае, а в начале XVII в. стал столицей Кеврольского воеводства.

“усть Емце 2”. В устье левого притока Северной Двины реки Емца и расположен Погост на устье Емци [современный городок Емецк]. Против устья реки Емца, на правом берегу Северной Двины, на расстоянии 12 км, стоят два села с названиями Погост. Причем нижний, по течению Северной Двины, Погост стоит как раз против устья реки Емца.

В долине реки Емца в древности располагалось несколько погостов. На это указывают топонимы Погост и Средьпогост. Исток Емца отстоит всего в 4 км от русла реки Онеги, в ее среднем течении. Над Онегой, вблизи от истока Емцы, стоит село Пус-

тынька. Едва ли монастырек возник в данном месте над Онегой случайно.

У Пустыньки брал начало волок, ведущий с Онеги на реку Емца и далее в Северную Двину. Возможно, именно Пустынька контролировала жизнедеятельность волока и обеспечивала поступления дохода в Новгород.

Ниже Пустыньки на Онеге расположен самый большой на реке порог. Исстари порог назывался Каркус-Порог, а впоследствии стал именоваться Большая Голова.

“устье Вагъ 2”. Выше устья над левым берегом реки Ваги стоит погост Усть-Вага. Бассейн Ваги к 1137 г. был достаточно густо населен словенскими, и погостов на Ваге и на ее притоке возникло великое множество. Особенно богата карта погостами в верховьях реки Кокшеньги [приток р. Устья, впадающей в Вагу]. В верховьях Кокшеньги господствует Тарногский Городок. Секрет плотной заселенности района издревле отчасти таится в близости истока реки Кокшеньги от русла реки Сухоны. Весьма вероятно, что у деревни Подволочная некогда существовал волок, ведущий из Сухоны в Кокшеньгу и далее в Вагу. Вокруг Тарногского Городка много характерных для словен топонимов — Раменье, Дор, Слуда. У деревни Подволочная стоит деревня Тиуновская, некогда служившая местопребыванием княжескому наместнику.

В XIV — XV вв., с включением новгородского севера в состав Московского государства, прошла вторая волна заселения верховья реки Кокшеньги. В бассейн Северной Двины с верхней Волги шел поток переселенцев. Впереди шли иноки, последователи великого русского подвижника Сергия Радонежского.

Несмотря на то, что многие погосты, стоящие в верховьях Кокшеньги, возможно, моложе 1137 г., я не могу не привести их названия. Погосты расположены вокруг Тарногского Городка в радиусе 30 км. Вот их названия: Спасский Погост, Верховский Погост, Верхнекокшенский Погост, Илезский Погост, Шебенгский Погост — и этот список далеко неполон.

“у Пуйте сорочекъ”. В реку Вага, в ее среднем течении, слева впадает река Пуя. В долине Пуи расположено несколько кустов деревень. Объединение этих кустов или общин находилось в ведении Погоста на Пуе. Центр, то есть Погост “у Пуйте”, вероятнее всего, тяготел к устью реки. Верховья Пуи подходят к верховью реки Моша, впадающей в Онегу. Некогда между Пуей и Мошей существовал волок. Но об этом чуть ниже.

“у Чудина полсорочька”. Однозначно указать местоположения селения представляется затруднительным. Если допустить, что Чудин жил на берегах Ваги, то, быть может, грамота имеет в виду Шенкурск.

“у Лигуя с даромъ 2”. В нижнем течении Ваги слева в реку впадает речка Ледь. Возможно, на ее берегах некогда стоял Погост “у Лигуя”.

“у Вавдиша съ даромъ 2”. На водоразделе между верховьями рек Вель [приток Вага] и Волошка [при-

ток Онеги] стоит село Валдиево. Очень похоже, что некогда у Валдиева словене новгородские перевозили ладьи из бассейна реки Онеги, через русло Волошки, в реку Вель и далее в Вагу и Северную Двину.

“у Вели 2”. Этот погост можно поместить на месте современного городка Вельск, при устье реки Вели.

“у Векшензе 2”. На карте Гийома Делиля, речь о которой шла выше, на реке Сухоне, на половине пути от Вологды до Тотьмы, отмечено селение Vexinga. Это и есть Погост “у Векшензе”.

“на Борку сорочек”. Определить местоположение данного селения представляется затруднительным.

“в Отмине сорочек”. Также непонятно местоположение.

“в Тойме сорочек”. В среднем течении Северной Двины, при устье реки Верхняя Тойма, стоит село Верхняя Тойма. Видимо, на месте села и следует искать Погост “въ Тойме”. С Верхней Тоймы, поднявшись руслом реки к истокам, словене шли на верховья реки Пинеги. Водоразделы между верховьями Пинеги и притоками Северной Двины в данном районе не превышают 5 км.

Можно высказать предположение, что, следуя логике списка топонимов в грамоте 1137 г., погосты “въ Отмине” и “въ Тойме” следует искать между устьем Ваги и Верхней Тоймой, среди сел, стоящих по оба берега Северной Двины.

Выше Верхней Тоймы в Северную Двину справа впадает река Ерга. Ее долина издавна плотно заселена словенями. Руслом Ерги промышленники и гости шли на водораздел и далее в Пинегу. Господствует в долине Ерги Погост Усть-Ерга.

“у Поме полсорочька, у Тошьме сорочек, у Пененича сорочек, у Порогопустьць полсорочка, у Валдита 2 сорочка”. Над определением местоположения данных погостов еще предстоит серьезная работа. Быть может, их следует искать в бассейне реки Онеги. Топонимов Погост в бассейне Онеги немало.

“на Волоце въ Моши два”. Река Моша справа впадает в реку Онегу в ее среднем течении. Верховья Моши издревле густо заселены. Словене волокли суда с Моши в реку Пуя, перебираясь из бассейна Онеги в Вагу и далее в Северную Двину. В 1137 г. волок был оживлен, и погост на Моши был богат и многолюден. Волок на Моше начинался от деревни Волковская и заканчивался в верховьях Пуи.

“у Еми скоро”. Емь — это народ, населявший часть территории современной Финляндии.

“а на мори оть чрена и оть салгы по пузу”. Возможно, речь идет о Белом море и о погосте при устье Онеги.

“у Тудора сорочек”. Данное селение предстоит отыскать.

Крайним на севере форпостом у словен новгородских была Кола — монастырь и селение, расположенные при устье реки Колы [южнее современного города Мурманск]. Впервые источники упоминают Колу под 1264 г. Но лопари, аборигены Кольского

полуострова, выступали как союзники словен уже в IX в. При Ярославе Мудром пределы Северной Руси на северо-западе простирались до Люгенфиорда.

Название монастыря Кола созвучно названию полуострова — Кольский. Словене, огибая в IX — XIII вв. нависающий над Белым морем с севера полуостров [Терский берег], поняли, что форма его побережья в юго-восточной части имеет подобие колеса, то есть колы или круга.

Юго-восточное Прионежье

Уставная грамота 1137 г. сообщает о Погосте Тудоров [Тудозерский Погост], расположенном в юго-восточном Прионежье. Между тем Онежское озеро в раннем средневековье было соединено речным путем и волоком с Белым озером, и земли юго-восточного Прионежья следует рассмотреть особо.

Волок, объединявший озеро Онега с Белым озером, был освоен словенями в IX — X вв. С конца X в. началось широкое заселение края. Земли, лежащие между озерами Онежским и Белым, изобилуют Погостами, сохранными картой и поныне. Немного мест на русском севере, столь же богатых на топонимы с основой Погост.

В IX — X вв. на земли между Онежским и Белым озерами стали завозить железные орудия, производившиеся в мастерских металлургов Белого озера. В XI в. край стал снабжаться продукцией металлургов и кузнецов, трудившихся на берегах озер Лача и Воже. В XI — XIII вв. на землях юго-восточного Прионежья словене занимались пашенным земледелием и разведением домашнего скота. Но главным занятием словен и белозерской веси был пушной промысел.

Поселения края, как правило, были невелики и состояли из нескольких дворов. Ряд деревень объединялся в куст, формировавшийся вокруг единого центра. Селения IX — XIII вв. обычно располагали собственным курганным некрополем.

С озера Онега на Белое озеро ладьи вели руслом реки Вытигры на волок, ведущий на озеро Ковжское. А с озера Ковжского руслом реки Ковжа суда спускали в Белое озеро. Река Ковжа имеет единое устье с рекой Кема, также впадающей в Белое озеро с севера. В верховья Кемы также могли перевозить суда, шедшие с Онежского озера на Белое, либо из верховий реки Вытегра, либо из верховий реки Андома.

При устье Кемы при слиянии с рекой Ковжа, на землях небольшого возвышенного ополя, в X — XI вв. развивался торгово-промышленный, ремесленный и военный центр, состоявший из целого ряда поселений. В 10 км выше слияния рек Кема и Ковжа над Кемой высятся курганы кемского некрополя. Самые поздние погребения некрополя относятся к 70-м годам XI в.]

Яркой иллюстрацией широты торговли, ведшейся белозерскими купцами, служит список монет, найденных в курганах кемского некрополя. [Список монет приведен в книге Н. А. Макарова “Население Русского Севера в XI — XIII вв.”]

В низовьях реки Кема в X — XI вв. помимо словен жили выходцы из Скандинавии и, конечно же, весь. При этом в XI в. в юго-восточном Прионежье словене решительно возобладали над иными этносами и словенская материальная культура стала определяющей.

С Белого озера на реку Онегу и далее на берега Белого моря ходили через волок на озеро Воже.

С озера Воже промысловые ладьи и челны словен руслом реки Свидь спускались на озеро Лача.

Древнерусский памятник письменности XII — начала XIII вв. “Моление Даниила Заточника” упоминает затерянное среди безбрежных лесов русского севера озеро Лача. “Кому Переславль, а мне гореславль; кому Боголюбиво, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем” [Хрестоматия. Литература Древней Руси. 1990].

При истоке из озера Лача реки Онеги стоит город Каргополь. Город окружен плодороднейшим едва ли не на всем русском севере ополем.

Уже в XI в. берега озера Лача были не просто заняты селениями словен, на Лаче началось развитие металлургических и кузнечных производств, снабжавших железными орудиями окрестные погосты и селения.

Псков. Изборск и окружающие их земли

В VI — VII вв. славяне стали проникать в бассейн реки Великой и на берега Псковского и Чудского озер. Славянское заселение Псковских земель заняло около пяти столетий и осуществлялось как минимум с трех направлений. С верхнего Днепра и среднего течения Западной Двины, из районов Гнездова, Полоцка в верховья реки Великой продвигались представители союза кривичей. В бассейне реки Великой кривичи обособились от основного союза верхнеднепровских кривичей. Одной из причин этого можно считать влияние на псковских кривичей чудского населения, сидевшего на берегах Псковского и Чудского озер. На верхнеднепровских и западновинских кривичей определенное влияние оказали восточные балты.

Помимо кривичей в бассейн Великой проникали словене, шедшие на запад от озера Ильмень. Кроме того, в район Пскова во второй половине I тыс. н.э. продвигались отдельные группы западных славян, шедшие из центра Европы обособленно от союзов кривичей и словен.

В VI — VII вв. на Псковских землях насыпали длинные курганы. В VIII в. славяне шире заселили Псковские земли, и началось возвышение административных и духовных центров отдельных территорий. В VIII в. был заселен Изборск, занявший Труворово городище. Выше писалось о Старом Изборске, но скажем о городе еще раз.

Изборск впервые упомянут летописцами под 862 г., но заселяться начал на рубеже VII — VIII вв. Городище Старого Изборска имеет площадь 1 га. Оно занимает мыс, возносящийся над озером Горо-

дищенским подобно громадной птице, севшей на край широкой долины реки Смолка. С севера Старый Изборск защищен крутым склоном оврага. С юга городище также огибает овраг, но он невелик. С напольной западной и с южной сторон Старый Изборск обведен рвом и валом, высота которого достигает 6 м.

В VIII — IX вв. городище Старого Изборска по периметру было застроено наземными срубными избами площадью 3,5x4,5 м. Жилища отапливались глинобитными печами. В быту использовали лепную керамику.

В середине X в. были убраны древнейшие укрепления Старого Изборска. На месте нынешнего вала возвели линию укрепления. В XII в. вал досыпали. Край мыса в X в. обвели двумя рядами дубового частокола и снабдили проезными воротами.

На рубеже XI — XII вв. Старый Изборск по периметру был обведен каменной стеной с башней. В X — XIII вв. Город был плотно застроен и распланирован улицами на ряд кварталов, составленных из нескольких усадеб. Центрами городских усадеб были рубленые избы размерами 4x3,5 м — 6x4,5 м. Помещения отапливали печами-каменками. В X — XIII вв. на смену лепной керамике пришла круговая, изготовленная на гончарном круге.

Старый Изборск в VIII — XIII вв. развивался по классическим законам эволюции большинства древнерусских городов. Наряду с детинцем и примыкавшим к нему окольным городом под горой Старого Изборска на берегу реки Смолки и Городищенского озера шумел торгово-ремесленный посад. В Старом Изборске находят восточные и западноевропейские монеты, что указывает на причастность города к широкой торговле.

В X — XIII вв. в Старом Изборске стояли два больших, сложенных из бревен здания, основанием которым служили каменные фундаменты. В этих зданиях могла сосредоточиваться светская и духовная власть города и окрестной волости.

К слову сказать, на русском севере, на берегах реки Пинега, до начала XX в. сохранялся обычай общинного пивоварения. Исстари представители славянской братчины, как она называлась на Пинеге до недавнего времени, вносили “сысь” — долю солода и ячменя для приготовления пива.

С приходом христианства дни собрания братчины стали совпадать с церковными праздниками. Но это не мешало братчикам пускать по кругу братыни с пивом. Варили пиво накануне праздников, и оттого называли его канунное. Братчина усаживалась за длинный стол, во главе которого сидел пировой староста, и начиналось веселье, сопровождаемое музыкой и плясками.

Кто знает, не устраивались ли подобные братчины в больших домах, стоявших в Старом Изборске. Отголоски древнеславянской братчины помимо русского севера сохранились у южных славян на Балканах и в первую очередь у сербов.

На дороге, соединявшей Старый Изборск с Псковом, у деревни Камно в VIII — X вв. развивалось укрепленное славянское поселение, известное

как Городище Камно. Люди жили на городище Камно едва ли не все I тыс. н.э. В первой половине IX в. в жилых зданиях Городища Камно очаги заменили печами. Застройка городища стала более плотной. Слой VIII — X вв. в Камно соответствует культуре длинных курганов псковских кривичей. Данный слой отделен от классического древнерусского слоя XII — XIII вв.

В XIII в. люди покинули Городище Камно и перешли в расположенный неподалеку Погост Камно. Городище Камно, так же как и Старый Изборск, было не просто крепостью, защищавшей местное славянское население, но являлось центром металлургического, кузнечного, гончарного, косторезного и иных производств, снабжавших окрестности всем необходимым в быту, в труде и на войне.

Тысячу лет назад берега реки Каменки, русло которой проходит под Городищем Камно, были скрыты дремучим лесом. В реке Каменка местные жители промышляли бобров. Кроме того, в Каменке ловили сомов, расстояние от хвоста до головы которых достигало полутора метров. Ловили и щук длиной более двух с половиной метров.

В 1238 г. псковичи “избиша Литву на Камне”. Старый Изборск и Городище Камно в VIII — XIII вв. прикрывали подступы к Пскову с запада.

Псков вознесся на стрелке мыса, именуемой кром, при впадении в реку Великую правого притока реки Псковы. Поселение на псковском кроме возникло в первые века I тыс. н.э. Летописцы впервые упоминают Псков под 903 г. в связи с женитьбой князя Игоря на Ольге.

Летописцы не знали, когда и кто основал Псков, и написали вот что: “...а о Плескове граде от летописания не обретается вспомнано, от кого создан бысть и которыми людьми”.

Зато летописцам хорошо было известно, что город издревле жил на полной своей воле: “От начала убо русской земли сей убо град Псков никоим же князем владем бы, но на своей воли живяху в нем суще людие”.

С 1034 г. Псков стал “пригородом” Новгорода, но следовал этой, во многом номинальной, зависимости лишь до тех пор, пока имел выгоду. А Новгород, население которого было занято освоением громадных пространств русского севера, предоставлял Пскову те права, в которых последний сам нуждался.

Связи Новгорода и Пскова всегда были очень тесными. В частности, об этом свидетельствует одна из новгородских берестяных грамот, датированная 1096 — 1116 гг.:

“Грамота от Жизномира к Микуле. Купил еси робу Плескове. А ныне мя в том яла кьянгыня. А ныне ся дружина по мя поручила. А ныне ка посьли к тому мужеву грамоту е ли у него роба. А се ти хочу, коне купив и кьянж муж всадив, та на съводы. А ты, атче если не възял кун тех, а не емли ничьтоже у него” [Грамота 109].

Думаю, что Жизномир с Микулой дело о псковитянке с княжной уладили, а “своды” закончились

к общему удовольствию. Поручкой тому была дружина.

Река Пскова не только прикрывала город с севера и востока, но и снабжала горожан питьевой водой, жизненно необходимой при осадах и всяком немирье. В старину на берегах Псковы стояло множество водяных мельниц.

Псковский кром занимает площадь в 3 га. На территории крома стоит городской Троицкий собор. У его основания некогда шумело многоголосие вече. С южной напольной стороны за Першей [приступной стеной] был выкопан глубокий и широкий ров — “Гребля”, наполнявшийся водой из Великой и Псковы. Таким образом, псковский кром оказался на острове, с трех сторон окруженном водой.

С юга к псковскому крому примыкает Довмонтов Город, занимающий площадь в 1,5 га. Довмонтов Город располагает собственными, весьма впечатляющими укреплениями.

В X — XI вв. весь Псков со всем населением занимал лишь оконечность мыса. Южнее позднейшего Довмонтова Города псковичи насыпали курганы городского некрополя. Древнейшее укрепление крома было возведено на рубеже IX — X вв.

Псковский торг гудел подобно улью, раскинувшись от берега реки Великой до берега реки Псковы, теснясь рядами лавок к внешним укреплениям Довмонтова Города. В XI в. дворы псковичей стали застраивать площадь Среднего Города.

В 1309 г. Псков расширил площадь, поглотив курганы, высившиеся к югу от Довмонтова Города и торгового. В 1375 г. Псков отнес укрепления окольного или Среднего Города далее от крома на водораздел рек Великой и Псковы. Площадь Среднего Города достигла 35 га. В 1465 г. Псков окружили новой крепостной каменной стеной, и площадь Среднего Города достигла 150 га и более.

Через реку Великую был перекинут деревянный мост, бравший начало с городского торгового южнее Довмонтова Города. Еще один деревянный мост вел с торгового через реку Пскову в Запсковье. В X — XIII вв. Псков был невелик. Укрепления Довмонтова Города были возведены князем Довмонтом-Тимофеем лишь в конце XIII в.

Псков подобно Новгороду и Старой Ладогге делился на концы и, несмотря на частое присутствие различных князей, решал вопросы на вече, а в качестве исполнительной власти помимо князя имел выборных сотских и иных чиновников. А вот своего епископа Псков не имел, и его церкви подчинялись новгородскому владыке.

От Новгорода Псков окончательно отмежевался в 1348 г. А собственную независимость Псков утратил в 1510 г.

Двор сидевших в Пскове князей находился у городского торгового. Вече и суд вершили под стенами городского собора на кроме. На сенях собора стояли князь, посадник, сотский и иной облеченный властью народ.

В Пскове, главным образом на территории Довмонтова Города, найдено более 500 свинцовых печатей. Найдены в городе и берестяные грамоты.

В XI — XIII вв. Псков имел плотную и достаточно устойчивую планировку. Улицы, ширина которых колебалась от 1,8 м до 3,5 м, были замощены деревом и разграничивали кварталы, занятые многочисленными ремесленниками и иным народом.

В XII в. в Пскове и вокруг него стали вырастать каменные здания. В городе из камня возвели храмы св. Троицы и Дмитрия Солунского.

Заметим, что Псковские земли особо богаты древними каменными крестами.

В 1156 г. новгородский владыка Нифонт на левом берегу реки Великой, выше псковского крома, основал Спасо-Мирожский монастырь. Обитель заняла “Железную горку”, и в 1156 г. ее украсил каменный храм Преображения — одно из наиболее поэтичных зданий русского севера домонгольской поры. Несмотря на то, что Мирожский монастырь впоследствии не раз разорялся [в 1272 г., в 1323 г., в XV — XVI вв.], храм Преображения счастливо сохранен провидением.

В 1243 г. на левом берегу реки Великой, против устья Псковы, в Завеличье княгиней Евфросинией был основан Иоанно-Предтеченский монастырь. Обитель украсили каменным храмом Иоанна Предтечи, выстроеным в XIII в.

На правом берегу реки Великой, в 5 км ниже псковского крома, в последние десятилетия XIII в. преподобным Иоасафом был основан Снятогорский монастырь. Обитель заняла вершину круглой горы, огибаемой руслом реки Великой. Известно, что в 1299 г. игумен Иоасаф был убит немцами.

В 1299 г. немцы напали и на Мирожский монастырь и убили в нем игумена Василия.

Снетью называют маленькую рыбу, подымающуюся из Псковского озера вверх по Великой в реку Пскову на нерест. В старину снети под Псковом было великое множество, и нередко ловили ее решетом.

В 1310 г. в Снятогорском монастыре был выстроен каменный одноглавый трехапсидный Рождественский храм, сохранившийся до наших дней.

Сражение с немцами в 1299 г. произошло выше Снятогорского монастыря на высоком мысу правого берега реки Великой. Впоследствии на месте сражения поставили каменную церковь Петра и Павла Сироткина монастыря.

Ниже Снятогорского монастыря река Великая широким, полным заболоченных или возвышенных и заросших лесом островов, устьем выходит в Псковское озеро. Далее на север господствует вода, и близостью к ней Псков походит на Новгород и Старую Ладого.

Выше Пскова, в 4 км от современной границы города, справа в реку Великую впадает река Череха. В сосновом бору при устье Черехи в старину стоял известный с XIII в. монастырь Пантелеймона Дальнего. Обитель выросла у переправы через Череху, ведшей на старую новгородскую дорогу к

реке Шелони. Через Череху был переброшен деревянный мост, и у стен монастыря Пантелеймона Дальнего псковичи встречали особо почитаемых гостей, шедших от Новгорода.

Выше устья Черехи, в 13 км от псковского крома, на левом берегу реки Великой в древности стояло село Выбуты. На псковщине считают, что Выбуты — это место рождения княгини Ольги. Согласно местной легенде в Выбутах Ольга, будучи девочкой, перевозила в лодке князя Игоря, своего жениха, через реку Великую.

Рассказывают и то, что Малуша, ключница княгини Ольги, родила от Святослава Игоревича [сына Ольги] сына Владимира в селе Будники [Буденики], расположенном при впадении в Череху реки Кебь. Треугольник, вершины которого расположены в псковском кроме, в Выбутах и в Будниках, имеет равные стороны в 10 км.

На реке Великой, в Выбутах, издревле существовала переправа. Псковичи во время немирья и внешней военной угрозы ставили в Выбутах заставу, стерегшую брод. До наших дней в Выбутах, над левым берегом Великой, стоит каменная одноглавая церковь Ильи. Считают, что строили церковь в XV в.

В Третьяковской галерее представлена икона Ильи из церкви в Выбутах. Временем создания иконы называют XIII в. Вероятно, у ныне существующей церкви Ильи в Выбутах была более древняя предшественница, возможно, не обязательно деревянная, а каменная.

Псков с Новгородом соединяло немало водных дорог, изобиловавших волоками и каменными перекатами-порогами. Самая короткая дорога от Пскова к Новгороду шла руслом реки Череха до волока в реку Уза [примечательный гидроним, по звучанию и значению схожий с Яузой и Вазузой]. Река Уза впадает в реку Шелонь. Руслом Шелони спускались к озеру Ильмень и попадали в Новгород.

С Полоцком Псков сообщался через волоки в верховьях реки Великой. На Балтику гости из Пскова уходили водами Псковского и Чудского озер и далее руслом реки Нарва.

Устье Ижоры. Сражения со шведами на Неве в 1240 г. Сражение на Чудском озере 1242 г.

15 июля 1240 г., в пору, когда Южная Русь горела и истекала кровью, терзаемая монгольской ордой, на Неве, при устье реки Ижоры новгородская дружина во главе с Александром Ярославовичем разгромила шведское войско, ведомое ярлом Биргером.

В Швеции в те времена правил король Эрик Эрикссон, прозванный Леспе. Шведы, ведшие с Новгородом давний спор за гегемонию над Финляндией и Карелией, подошли к устью Ижоры на судах и расположились лагерем на берегу при слиянии рек.

После встречи со шведскими посланцами Александр Ярославович с малой дружиной поспешил выступить к Неве. Князь понял, что ярлу Биргеру нужен едва ли не весь русский север, со Старой Ладогой и Новгородом вкуче.

В Финском заливе и на берегах Невы за шведами вел наблюдение принявший православие ижорянин Пелгуй. Согласно преданию Пелгуй видел на водах залива ладью со св. Борисом и Глебом, обещавшими помощь Александру.

Александр Ярославович понимал, что его союзница в сражении — это внезапность нападения. Так и сделали. Русская рать напала на шведов и на пришедших с ним норвежцев и финнов подобно шквалу штормового ветра. Войны ярла Биргера едва были готовы к столь внезапному нападению. А главное едва ли ярл Биргер летом 1240 г., в то время, когда пылал Киев, мог ожидать от гибнувшей под ударами монголов Руси сколько-нибудь серьезного отпора. Швеция спешила получить часть русских земель, но просчиталась и заплатила жестоким поражением. Вести о гибели Руси в Европу несли купцы, и во многом вести эти были правдой. Но Русь оказалась слишком велика даже для азиатского войска Батыя.

При устье Ижоры русские сражались, как тигры. Гаврило Олексич на коне въехал по сходням на шведское судно и на нем разил неприятеля. Новгородец Миша сражался пешим и, стоя во главе нескольких воинов, потопил три шведских судна.

Александр Ярославович сразился с ярлом Биргером и возложил копьем на лицо шведа печать.

Врубившись в гущу шведов с одним топором, подобно медведю бился новгородец Сбыслав Якунович. Ловчий князя Яков Полочанин с немногими воинами сражался с целым полком шведов. Мужественно в пешем строю бился Ратмир, но пал, потеряв много крови. Дружинник Сава пробился сквозь ряды неприятеля к златоверхому шатру ярла и подрубил столб, державший свод.

В наступившей ночи шведы погрузили на два судна тела погибших, иных предали земле и, не дожидаясь рассвета, оттолкнулись от берега в устье Ижоры.

Новгородский летописец о шведах сообщает: "...убиенъ бысть Воевода ихъ именемъ Спиридонъ; а инии творяху, яко и Пискупъ убьенъ бысть ту же..."

Потери новгородцев были таковы: "Новгородцевъ же ту паде Костянтинъ Луготиниць. Гюрята Пинещеничь. Наместъ Дрочило. Незделовъ сынъ кожевника. а всехъ 20 мужъ съ Ладожанъ".

После славной победы на умытой кровью и слезами Руси назвали Александра Ярославовича Невским.

В год битвы на Неве при устье Ижоры [1240 г.] ливонские рыцари заняли Псков. Этому событию предшествовало сражение, о котором сообщает летописец: "Выидоша Пльсковичи вси, и бишася съ ними, и победиша я. Немцы Туже убиша Гаврила Гориславича Воеводу, а Пльсковичъ гоняче много побиша, а инехъ руками изымаша, и пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ весь, и погореша церкви, и много сель попустиша около Пльскова, и стояша подъ городомъ неделю, но города не взяша, но дети поимаша у добрыхъ мужъ въ тали [в заложники]".

Среди русских у крестоносцев нашлись союзники. Одним из них оказался князь Ярослав Владими-

рович, сын Владимира Рюриковича Псковского, в 1233 г. сосланного в Суздальскую землю, но впоследствии получившего свободу и оказавшегося в Эстонии. Еще одного союзника Твердилу крестоносцы поставили "владети Пльсковомъ съ Немци, воюя села Новгородския".

Псков был сдан крестоносцам. О месте предшествовавшего сдаче сражения и о потерях русских псковский летописец сообщает: "Избиша у Изборска Немци 600 мужей Плесковичъ".

Взятие Пскова лишь ознаменовало начало германского наступления на русский север. Зимой 1240 г. "придоша Немци на Водь съ Чудью, и повоеваша, и дань на нихъ вложиша, а городъ учиниша въ Копорьи погосте, и не то бысть зло, но и Тесовъ взяша, и за 30 версть до Новагорода гоняшася гость биюче, а семо Лугу и до Сабля".

Погост Сабле на Луге от Новгорода отделяет один дневной переход [около 40 км]. Появление крестоносцев на верхней Луге для Новгорода означало смертельную угрозу.

Тем временем Александр Ярославович с семьей покинул Новгород и уехал в Переяславль-Залесский в волость отца. Причиной отъезда князя стала распря с новгородцами. Это было событие, обычное для города на Волхове.

Угроза, нависшая над Новгородом, была столь серьезна, что скоро в Переяславль-Залесский за Александром было отправлено посольство во главе с архиепископом. Долго уговаривать князя новгородцам не пришлось, и спустя немного времени стяг Ярославовича стоял над берегом Волхова, собирая вокруг силы Северной Руси.

Новгородцы вернули Копорье. Пути и волоки, ведшие из Новгорода в Псков, по приказу Александра были заняты заставами. Вскоре освободили Псков. В городе русские "изыма Немци и Чудь, и сковавъ поточи въ Новгородъ".

Александр Ярославович рядом решительных шагов изгнал крестоносцев, чудь и изменников из Северной Руси, но не была решена главная задача. Она заключалась в том, чтобы дать генеральный отпор ливонскому ордену и развеять мечты германцев об овладении русскими землями.

Александр Ярославович вступил в чудские земли, лежащие западнее Псковского и Чудского озер, и "пусти полкъ весь въ зажития". Пока русские воины запасались в чудских землях фуражом, два новгородских боярина "Домашъ Твердиславичъ и Кербеть быша въ розгоне, и усретоша я Немци и Чудь у моста и бишася ту, и убиша ту Домаша, брата Посаднича, мужа честна, и инехъ съ нимъ избиша, а инехъ руками изымаша, а инии къ князю прибегоша въ полкъ".

Александр Ярославович отступил из чудской земли на лед озера. 5 апреля 1242 г. Александр "Поставиша полкъ на Чудскомъ озере на Узмени у Воронья камени". В помощь Александру отец Великий князь Ярослав Всеволодович послал сына Андрея.

Александр знал, что немцы, выстроившись клином, или по-иному свиньей, ударят броней рыцар-

ской конницы по русскому центральному полку и, разрубив его надвое, посекут и рассеят по частям. Князь укрыл основные силы на флангах и стал ожидать подходящую по льду Чудского озера неприятельскую силу, "и наехаша на полкъ Немци и Чудь, и прошибошася свиньейю". Русь дала противнику увязнуть в жестокой рубке с центральным полком и ударила по неприятелю с флангов.

Скоро в сражении наступил перелом. Русская сила стала одолевать: "Немци ту падоша, а Чудь даша плеща, и биша на 7 вестъ по леду до Суболичьскаго берега, и паде Чуди безъ числа, а Немець 400, а 50 руками яша".

В Псков Александр Ярославович вступал с пленными "и ведяхуть босы подле коний, иже именууют себе Божии Ритори".

Немцы прислали к Александру Ярославовичу за миром. Так выстояла Северная Русь. В XIV в. на ее землях началось активное строительство каменных крепостей. Ни монголы, ни германцы не овладели и частью необозримых просторов русского севера.

На севере Руси продолжились жизнь и развитие русского языка, культуры и всего строя духовного и материального бытия русского народа, складывавшегося в эпоху Киевской Руси и гораздо ранее.

На этом наше повествование о землях и об истории славян раннего средневековья будет завершено. Но данная книга лишь пролог, и со временем история славян будет разворачиваться все более завораживающей панорамой, ибо ныне нам начинают раскрываться ее наиболее глубокие страницы.

Список карт

Карта 1. Славянские земли центральной Европы V—XIII вв.	97
Карта 2. Киевские земли V—XIII вв.	322—323
Карта 3. Турово—Пинские земли V—XIII вв.	330
Карта 4. Волынь. Червонная Русь и тяготеющие к ним провинции V—XIII вв.	342—343
Карта 5. Галиция. Угорская Русь. Болоховская земля. Низовья Днестра и Прута V—XIII вв.	358—361
Карта 6. Черниговские и Северские земли и земли вятичей V—XIII вв.	380—383
Карта 7. Переяславские земли V—XIII вв.	395
Карта 8. Рязанские и Муромские земли V—XIII вв.	400—401
Карта 9. Полоцкие земли V—XIII вв.	414—415
Карта 10. Смоленские земли V—XIII вв.	428—430
Карта 11. Северо—Восточная Русь V—XIII вв.	442—445
Карта 12. Русский север V—XIII вв.	466—467

Список литературы

Источники

1. Авеста / Перевод и ком. И.М.Стеблин-Каменского М. 1993.
2. Адам Бременский. История епископов гамбургской церкви / В. Ляскоронский. Этнография по А.Б. - УИ 1883
3. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко М.Л. 1958
4. Ал-Ахтал / Т.М.Калинина Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. 1995.
5. Ал-Фазари / Т.М.Калинина там же.
6. Аммиан Марцелин. История // С. 2. Ч. 2
7. Анналы королевства франков / В.К.Ронин Свод др. пис. изв. о славянах Т. 2 1995.
8. Арнольд Любекский. Славянская Хроника.
9. Бертинские анналы составленные еп. Пруденцием (MGSS. t1. "Annales Bertiniani" Rec. G. Waitz. Hannoverae. 1883)
10. Богухвал еп. Познанский. Великопольская хроника.
11. Бревенарий св. Лулла / В.К.Ронин Свод др. пис. изв. о славянах Т. 2. 1995
12. Брунон Кверфуртский. Письмо Генриху
13. Винцент Кадлубек. Польская хроника.
14. Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских. М. 1961 / Пер. Л.М. Поповой
15. Гельмгольд. Славянская хроника. (Helmodi presbyteri bozoviensis. Cronica Slavorum. Rec B. Schmiedler. Hannoverae. 1909)
16. Генрих. Хроника Ливонии. (Heinrich von Lettland. Livlandische chronik. Darmstadt. 1959)
17. Герборд. Житие Оттона. еп. Бамбергского.
18. Георгий Псида / С.А.Иванов Свод др. пис. изв. о славянах. Т. 2. 1995
19. Геродот. История в девяти книгах. / Пер. Г.А.Стратановского. Л. 1972
20. Григорий Турский. История франков.
21. В.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., СПб. 1882
22. Джованни Пьяно даль Карпини. История монголов.
23. Длугош Ян. Польская история. (Iohannis Dlugosii ... t1. pX1)
24. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М. Наука 1976.
25. Житие Феодосия Печерского. ПЛДР 1
26. Жизнь Карла Великого. Эйнгарт / Левандовский А.П. М. 1995
27. Хроника жизни и деятельности Карла Великого. Там же.
28. Жития Мефодия. Сказания о начале славянской письменности. / Пер. Б.Н. Флори. М. 1985
29. Житие св. Мариана Скотта. Неизвестный автор.
30. Житие св. Ромуальда. Составлено Петром Дамианом.
31. Иларион. Слово о Законе и Благодати. Киев 1984
32. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. / Пер. Е.Ч. Скржинской М. 1960
33. Киево-Печерский патерик. ПЛДР. 2.
34. Козьма Пражский. Чешская хроника. М. 1962
35. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. 1989
36. Латиноязычные источники по истории древней Руси / Сост. М.Б.Свердлова. М.Л. 1990
37. Ламберт Герсфельдский. Анналы. (Lamperti monachum Hersfeldensis opera. Hannoverae. 1894)
38. Материалы по истории крестьян в России. Сб. документов Л. 1958
39. Моление Даниила Заточника. ПЛДР 2
40. Новгородские писцовые книги. СПб 1859-1910
41. Плиний Гай Секунд. Естественная История. // С. 2. Ч 1
42. Павел Диакон. История лангобардов / В.К. Ронин Свод др. пис. изв. о славянах Т " М. 1995
43. Пасхальная хроника / Там же.
44. Патриарх Никифор / Там же
45. Писцовые книги / Под ред. Калачева Т. 1
46. Повесть временных лет. М. Л. 1958. Т. 1
47. Полибий Мела. Землеописание // С. 2. Ч. 1
48. Повесть о разорении Рязани Батыем. Воинские повести Древней Руси. Л. 1985
49. Поучение Владимира Мономаха. ПЛДР 1.
50. Повесть о житии Александра Невского. Воинские повести Древней Руси.
51. Псевдо Макарий. Стратегикон. — ВДИ. 1940
52. Проколий из Кесарии. Тайная история / Пер. С.П.Кондратьева ВДИ 1938
53. Птолемей. География. // С. 1. Ч 2
54. Полное собрание русских летописей. М., Л. 1962 / Отв. ред. А.Н. Насонов
55. Ригведа / Издание подготовила Т.Я.Елизаренкова. М. Наука 1989
56. Русская правда. Текст. Серия Памятники русского права. Под ред. С.В.Юшкова 1952
57. Саксон Грамматик. Деяния данов.
58. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991 Т. 1
59. Слово о полку Игореве. Литература древней Руси. Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев М. 1990
60. Сказание о Борисе и Глебе. ПЛДР 1
61. Слово о погребении Русской земли. ПЛДР 3
62. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подготовил А.Я. Гуревич и иные. М. 1980
63. Снорри Стурлусон. Старшая Эдда. М.Л. 1963
64. Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. Л. 1970
65. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка СПб. 1903
66. Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского М. 1964
67. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местонахождении Германии // Соч. в 2 томах. М. 1970. Т. 1
68. Теодорих. История о древности королей Норвегии.
69. Титмар еп. Мерзебургский / П.В. Голубовский УИ 1978.
70. Топографическая карта России. 1920
71. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. 1987
72. Феодор Синкел / С.А. Иванов. Свод др. пис. изв. о слав. Т. 2. М. 1995

73. Феофан Исповедник / Г.Г. Литаврин Там же.
74. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева М. 1957
75. Хроника продолжателя Региона Приюмского.
76. Хроника Фредегара. / В.К. Ронин Свод др. пис. изв. о славянах. Т. 2. М. 1995
77. Худуд ал-Алем. Рукопись Туминского с введением В. Бартольда. Л. 1930
78. Чудеса св. Дмитрия Солунского / О.В. Иванов. Свод др. пис. изв. о славянах. Т. 2. М. 1995
79. Шимон Кези или магистр Ашош. Деяния венгров.
80. Шумилов В.Н. Обзор докум. матер. периода феодализма XI—XII вв. М. 1954
81. Юлий Цезарь. Записки о гальской войне. М.Л. 1962

Исследования и публикации

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля IX—XII вв. М. Наука. 1966
2. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Наука. 1980
3. Адамович М. Путешествие Плато-Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII в. — ИЖ. 1940 11
4. Археология СССР. Под общей ред. акад. Б.А. Рыбакова В 20 томах. Наука. 1989
5. Археология Украинской ССР в 3-х томах. Гл. ред. Артеменко И.И. Киев. Наукова думка. 1985
6. Археология зарубежной Азии. М. 1986
7. Археология Прикарпатья. Вольни и Закарпатья. / Отв. ред. А.П. Чернышев. Киев. 1990
8. Арциховский А.В. Курганы вятичей.
9. Арциховский А.В. Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок. М. Наука 1978
10. Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. / А.М. Астахови. В.В. Митрофанова. М.О. Скрипиль. М 1960
11. Венелин Ю.О. О нашествиях славянских славян на Русь до рюриковских времен. М. 1848
12. Гаркави А.Я. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870
13. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. М. 1855
14. Греков Б.Д. Избранные труды. М. 1957
15. Джексон Т.Н. Восточный путь скандинавских королевских саг. История СССР 1976 : стр. 164—170
16. Древняя Русь : Город, замок, село / Г.В. Борисевич. В.П. Даркевич. А.Н. Кирпичников и др. М. Наука 1985
17. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. 1962 Т.1, М. 1967 Т.2
18. История Византии. М. 1967. Т. 1
19. История Венгрии. М. 1971. Т. 1
20. Иконников А.В. Тысяча лет русской архитектуры. М. Искусство 1990
21. Карамзин Н.М. История государства российского. М. Книга 1988
22. Каргер М.К. Древний Киев. М., Л. 1958
23. Карта расположения погостов. История культуры Древней Руси. М., Л. 1953 Т 2
24. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. 1971
25. Корзухина Г. Русские кладбища IX—XIII вв. М. 1954
26. Кочуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв.
27. Куза А.В. Малые города Древней Руси. М. Наука. 1989
28. Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев. 1987
29. Лысенко П.Ф. Дреговичи. Минск. 1991
30. Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск. 1974
31. Лапушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л. Наука 1968
32. Майков Л.Н. Былины М 1919
33. Макаров Н.А. Население русского Севера в XI—XIII вв. М 1990
34. Массон В.М. Энеолит южных областей Средней Азии. 1962
35. Мельников Е.А. Скандинавские рунические надписи.
36. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. М Наука 1974
37. Монгайт А.Л. Рязанская земля 1968
38. Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж 1981
39. Насонов А.Н. Русская земля. М. 1951
40. Неолит и бронза на территории СССР. Отв. ред. Кругликова Н.Т. М. Наука. 1984
41. Нидерле Л. Славянские древности. М 1956
42. Никольская Т.Н. Земля вятичей. М. 1981
43. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII—XIII вв.
44. Перхавко В.Б. Связи древней Руси со славянскими странами. М. 1990
45. Плетнев С.А. Половцы. М. Наука. 1990
46. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М. Наука. 1993
47. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М. Наука. 1987
48. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М. Наука. 1978
49. Русанова И.П. Славянские древности. Культура пражского типа. М. Наука. 1976
50. Сариниди В.И. Памятники позднего энеолита востока Туркмении. 1965
51. Самоквасов Д.Я. Могильные древности северян черниговщины. 1916
52. Свешников И.К. Кл. шаровидных амфор. В 1-27. 1983
53. Седов В.В. Славяне древности. М. 1994
54. Спегальский Ю.П. Жилище сев. зап. Руси. Л. Наука. 1972
55. Татищев В.Н. История российская в 7 томах. М. Л. 1962 — 1968
56. Тимошук Б.А., Русанова И.П. Славянские городища на среднем Днестре и в бассейне Прута. 4 1983
57. Тихомиров М.Н. Список русских городов ближних и дальних Исторические записки. М. 1952. 40
58. Толочко П.П. Древний Киев Наукова думка. 1976
59. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен / Под ред. Рыбакова Б.А. Л Наука 1982
60. Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Вост. Европе. Л. 1932
61. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистическое исследование. М. Наука 1991
62. Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян. Кишинев. 1974
63. Хеннинг Р. Неизвестные земли. Т. 3. М. 1962
64. Чайковский А.П. Родина народов арийской расы, где она была и отчего покинута. М. 1914
65. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М. 1969
66. Шафарик П.И. Славянские древности. М. 1837
67. Шахматов А.А. Повесть временных лет. 1916
68. Штыхов Г.В. Города Белоруссии по летописям и раскопкам. М. 1975
69. Щавельва Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М. Наука. 1990
70. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы. М. 1976
71. Юшкова А.А. Московская земля IX—XIV. М. Наука 1991
72. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М. 1965
73. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. М 1965
74. Янин В.Л. Актовые печати др. Руси. М. Наука 1970
75. Гудзь-Марков А.В. Индоевропейская история Евразии. Происхождение славянского мира. М. 1995

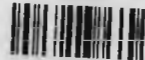
Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
<i>Книга первая. Славянский мир Европы</i>	8
Глава 1. Славяне I тыс. до н.э.—первой пол. I тыс. н.э.	9
1.1. Древнейшая история славян	18
1.2. Европейская археология	21
1.3. Славяне II в. до н.э.—V в. н.э.	26
Глава 2. Славяне V—VII вв. н.э.	26
2.1. Эпоха славянского единства	28
2.2. Расселение славян в Европе	29
2.3. Движение славян на Балканы и в Элладу	38
Глава 3. Рождение южного славянства	38
3.1. Союзы славян	40
3.2. Завоевания славян на Балканах и в Элладе	44
3.3. Славяне центра Европы VII в.	45
Глава 4. История востока I тыс. н.э.	45
4.1. Иран	46
4.2. Арабы	50
4.3. Хазарский каганат VII—X вв.	50
4.4. Византия	52
Глава 5. Западная Европа раннего средневековья	52
5.1. Мир северных германцев	57
5.2. Норвегия	68
5.3. Дания	68
5.4. Швеция	69
5.5. Англия. Нормандия	73
5.6. Держава франков	73
5.7. Карл Великий	78
5.8. Германия IX—XIII вв.	79
5.9. Франция IX—XIII вв.	81
Глава 6. Венгрия	81
6.1. Венгрия раннего средневековья	82
6.2. Становление венгерского государства	85
Глава 7. Моравия и Чехия	85
7.1. Великая Моравия	86
7.2. Чехия	96
Глава 8. Польша	96
8.1. Древнейшая Польша	98
8.2. Польша раннего средневековья	106
Глава 9. Чехия XI в.	106
9.1. История Чехии 1004—1061 гг.	108
9.2. История Чехии 1061—1109 гг.	113
Глава 10. Полабские славяне	113
10.1. Описание земель полабских славян	115
10.2. История полабских славян	119
Глава 11. Южные славяне раннего средневековья	119
11.1. Болгария	122
11.2. Сербия	122
11.3. Хорватия	124
11.4. Каринтия. Штирия	125
<i>Книга вторая. История Древней Руси</i>	126
Глава 1. Славяне Восточной Европы V—VIII вв.	126
1.1. Союз восточных славян	128
1.2. Славяне среди девственной природы Русской равнины I тыс. н.э.	129
1.3. Прочное оседание славян на востоке Европы	133
Глава 2. Русь и ее окружение	133
2.1. Внешнее окружение Руси в раннем средневековье	134
2.2. Русь глазами восточных авторов	140
Глава 3. Русь IX в.	140
3.1. Древнерусское летописание	140
3.2. Повесть временных лет	143
3.3. Вещий Олег (882—912 гг.)	144
3.4. Торговля Руси с центрами Европы	144
3.5. Экономический подъем Руси в IX в.	145

Глава 4. Русь X в.	147
4.1. Князь Игорь (912—945 гг.)	147
4.2. Княгиня Ольга (945—957 гг.). Торговля с Византией	149
4.3. Святослав Игоревич (+972 г.)	154
4.4. Княжение Ярополка Святославовича (972—980 гг.) и Олега Святославовича	158
Глава 5. Русь в пору смены эпох	160
5.1. Владимир I Святославович (980—1015 гг.)	160
5.2. Святополк Окаянный (1015—1019 гг.)	167
Глава 6. Ярослав Мудрый (1019—1054 гг.)	170
6.1. Расцвет Киевской Руси	170
6.2. Киев Ярослава	180
Глава 7. Правление трех Ярославовичей	185
7.1. Изяслав I Ярославович (1057—1078 гг.)	185
7.2. Правда Ярославовичей	187
7.3. Святослав Ярославович (1073—1076 гг.)	188
7.4. Всеволод Ярославович (1079—1093 гг.)	190
Глава 8. Святополк II Изяславович (1093—1113 гг.)	192
8.1. Война с половцами 1093 г.	192
8.2. События 1094—1096 гг.	192
8.3. Любечский съезд 1097 г.	194
8.4. Съезд в Уветичах 1099 г.	196
8.5. Съезд в Золотчи в 1101 г.	196
8.6. Съезд в Долобске в 1103 г.	197
8.7. Кончина Святополка II Изяславовича	198
Глава 9. Владимир II Всеволодович Мономах (1113—1125 гг.)	199
9.1. События 1113—1118 гг.	199
9.2. События 1120—1125 гг.	200
Глава 10. Последние годы единства Руси	202
10.1. Мстислав I Владимирович (1125—1132 гг.)	202
10.2. Ярополк Владимирович (1132—1139 гг.)	203
Глава 11. Правление Ольговичей	207
11.1. Всеволод II Ольгович (1139—1146 гг.)	207
11.2. Игорь Ольгович (+1147 г.)	211
Глава 12. Киев пошатнулся	212
12.1. Изяслав II Мстиславович (1146—1154 гг.)	212
12.2. Скитания Святослава Ольговича	213
12.3. События 1148 г.	217
12.4. Юрий Долгорукий выступает к Киеву	218
12.5. Юрий Долгорукий занимает Киев	219
12.6. Изяслав II возвращается в Киев	220
12.7. Юрий Долгорукий снова в Киеве	221
12.8. Изяслав II возвращается в Киев зимой 1150 г.	222
12.9. Русь 1151—1152 гг.	224
12.10. Посольства Петра Бориславовича в Галич	226
12.11. Союз Галича и Суздаля	226
12.12. Русь 1153—1154 гг.	227
Глава 13. Юрий Владимирович Долгорукий (1154—1157 гг.)	229
13.1. Русь 1155—1157 гг.	229
13.2. Странная кончина Юрия Долгорукого в Киеве	230
Глава 14. Русь 1158—1168 гг.	232
14.1. Изяслав Давыдович в Киеве (1158—1159 гг.)	232
14.2. Русь 1159 г.	232
14.3. Ростислав Мстиславович (1160—1168 гг.)	234
14.4. Изяслав Давыдович возвращается в Киев и гибнет	236
14.5. Русь 1162—1167 гг.	237
14.6. Последний поход Ростислава Мстиславовича	239
Глава 15. Русь 1169—1176 гг.	240
15.1. Мстислав II Изяславович (1169—1171 гг.)	240
15.2. Глеб Юрьевич (1171—1173 гг.)	242
15.3. События в доме Ярослава Осмомысла	244
15.4. Роман Ростиславович (1174—1177 гг.)	244
15.5. Рюрик Ростиславович (1174 г.)	245
15.6. Ярослав Изяславович (1174—1175 гг.)	246
Глава 16. Святослав Всеволодович (1177—1194 гг.)	249
16.1. Год 1177-й. Битва на Липецком поле	249
16.2. Мстислав Ростиславович в Новгороде	250
16.3. Русь в 1179—1182 гг.	251
16.4. Поход на Волжскую Булгарию	253
16.5. Русь 1182—1185 гг.	253
16.6. Поход к Дону князя Игоря Святославовича	255
16.7. Русь 1186—1187 гг.	257
16.8. Галиция	259
16.9. Русь 1189—1193 гг.	260
Глава 17. Русь 1194—1215 гг.	264
17.1. Рюрик Ростиславович (1194—1215 гг.)	264
17.2. Честолюбие Ольговичей	266
17.3. Новгородская вольница	267

17.4. Русь 1196—1200 гг.	268
17.5. Величие Романа Мстиславовича	269
17.6. Разорение Киева	270
17.7. Ольговичи в Галиции. Возвышение Всеволода Святославовича Черного	271
17.8. Могущество Всеволода Юрьевича	271
17.9. Западная Русь 1208—1212 гг.	273
17.10. Германцы в Прибалтике	276
17.11. Мстислав Мстиславович	276
Глава 18. Эпоха княжения Мстислава Романовича (1215—1223 гг.)	280
18.1. Поход Мстислава Мстиславовича в Залесскую землю	280
18.2. Липицкое поле в 1217 г.	281
18.3. Трагедия рязанских князей	
18.4. Западная Русь 1214—1223 гг.	
18.5. Северная и Северо-Восточная Русь 1217—1220 гг.	287
18.6. Северная Русь 1218—1224 гг.	287
18.7. Битва на Калке 1223 г.	289
Глава 19. Эпоха княжения Владимира Рюриковича (1223—1237 гг.)	292
19.1. Западная Русь 1223—1227 гг.	292
19.2. Северная и Северо-Восточная Русь в 1224—1237 гг.	299
19.3. Бедствия Новгорода 1228 г.	301
19.4. Русь 1228—1230 гг.	302
19.5. Голод 1231 г.	304
19.6. Русь 1231—1237 гг.	305
Глава 20. Нашествие Батыя (1237—1241 гг.)	307
20.1. Монголы вторгаются в Рязанские земли (1237 г.)	307
20.2. Вторжение монголов в земли Северо-Восточной Руси в 1238 г.	309
20.3. Монголы у Игнашова креста	312
20.4. Монголы в вятичском ополье. Осада Козельска	312
20.5. Взятие монголами Переяславля и Чернигова в 1239 г.	313
20.6. Взятие монголами Киева в 1240 г.	314
20.7. Монголы в Западной Руси	315
Книга третья. Земли Древней Руси	316
Глава 1. Киевская земля	317
1.1. Краткое географическое описание	317
1.2. История Киевской земли	317
1.3. Города, селения, торговые пути Киевской земли	318
Глава 2. Турово—Пинские земли	326
2.1. Краткое географическое описание	326
2.2. История Турово—Пинских земель	326
2.3. Города и селения Турово—Пинских земель	328
Глава 3. Вольнь. Окружающие земли	337
3.1. Краткое географическое описание	337
3.2. История Вольни и сопредельных с ней русских областей	337
3.3. Города, селения, торговые пути, волоки	338
Глава 4. Галиция. Угорская Русь. Низовья Днестра и Прута. Болеховская земля	351
4.1. Краткое географическое описание	351
4.2. История Галиции раннего средневековья	351
4.3. Города, селения, торговые пути, волоки	352
Глава 5. Северские (Черниговские) земли. Земли вятичей	371
5.1. Краткое географическое описание	371
5.2. История Черниговских земель	371
5.3. Города, села, торговые пути, волоки	371
Глава 6. Переяславское княжество	394
6.1. Краткое географическое описание	394
6.2. История Переяславской земли	394
6.3. Города и поселения	394
Глава 7. Рязанские и Муромские земли	398
7.1. Краткое географическое описание	398
7.2. История Рязанских и Муромских земель раннего средневековья	398
7.3. Города, поселения, торговые пути, волоки	398
Глава 8. Полоцкое княжество	406
8.1. Краткое географическое описание	406
8.2. История Полоцкого княжества раннего средневековья	406
8.3. Города, поселения, торговые пути, волоки	413
Глава 9. Смоленское княжество	422
9.1. Краткое географическое описание	422
9.2. История Смоленских земель	422
9.3. Города, поселения, торговые пути, волоки	425
Глава 10. Ростово—Суздальские (Залесские) земли	437
10.1. Краткое географическое описание	437
10.2. История Ростово—Суздальских земель	437
10.3. Города, поселения, торговые пути, волоки	438
Глава 11. Новгородские земли	453
11.1. Краткое географическое описание	453
11.2. История новгородских земель раннего средневековья	453
11.3. Города, погосты, торговые пути, волоки русского севера	456
Список литературы	457

НБ ПНУС

631360